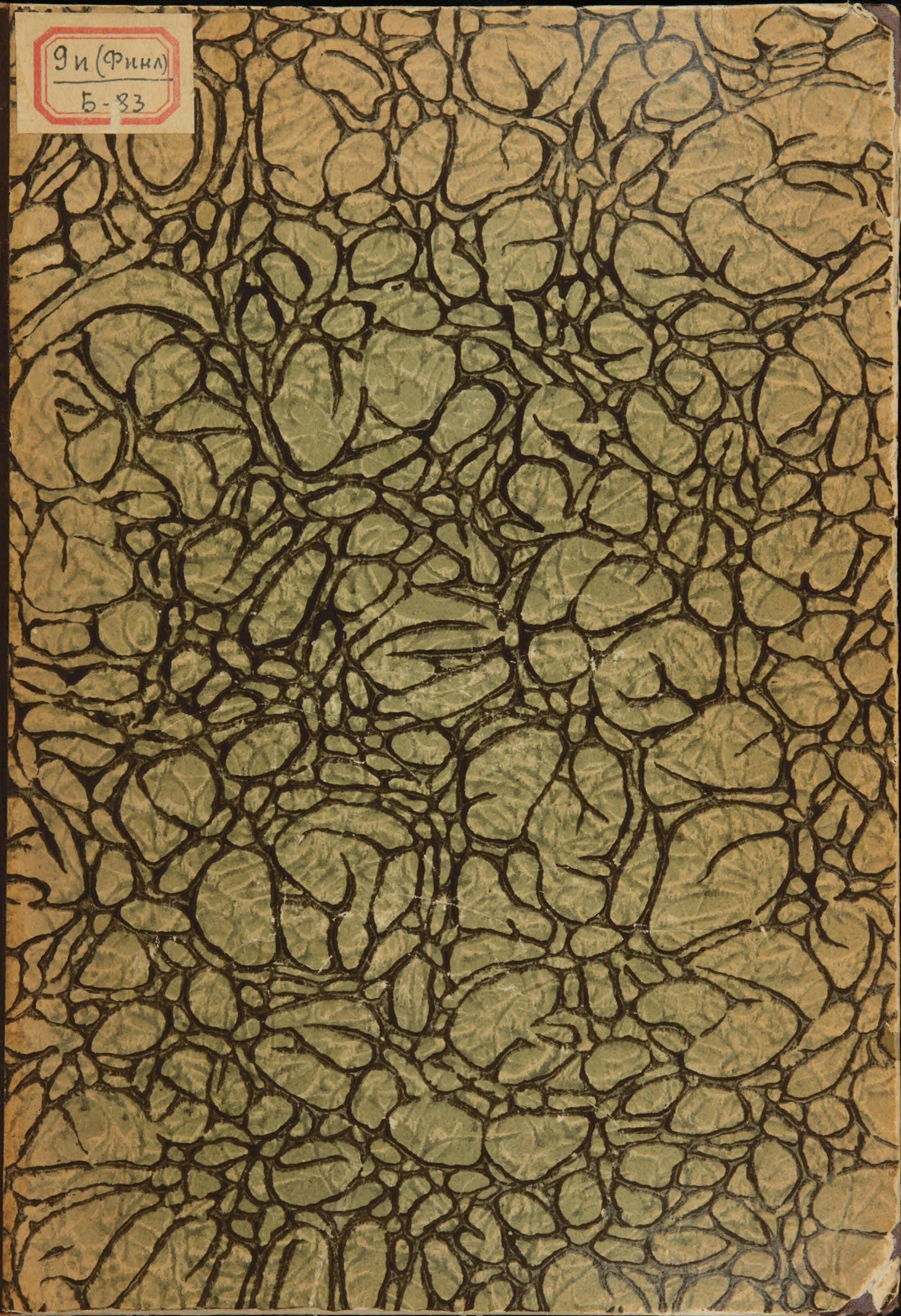
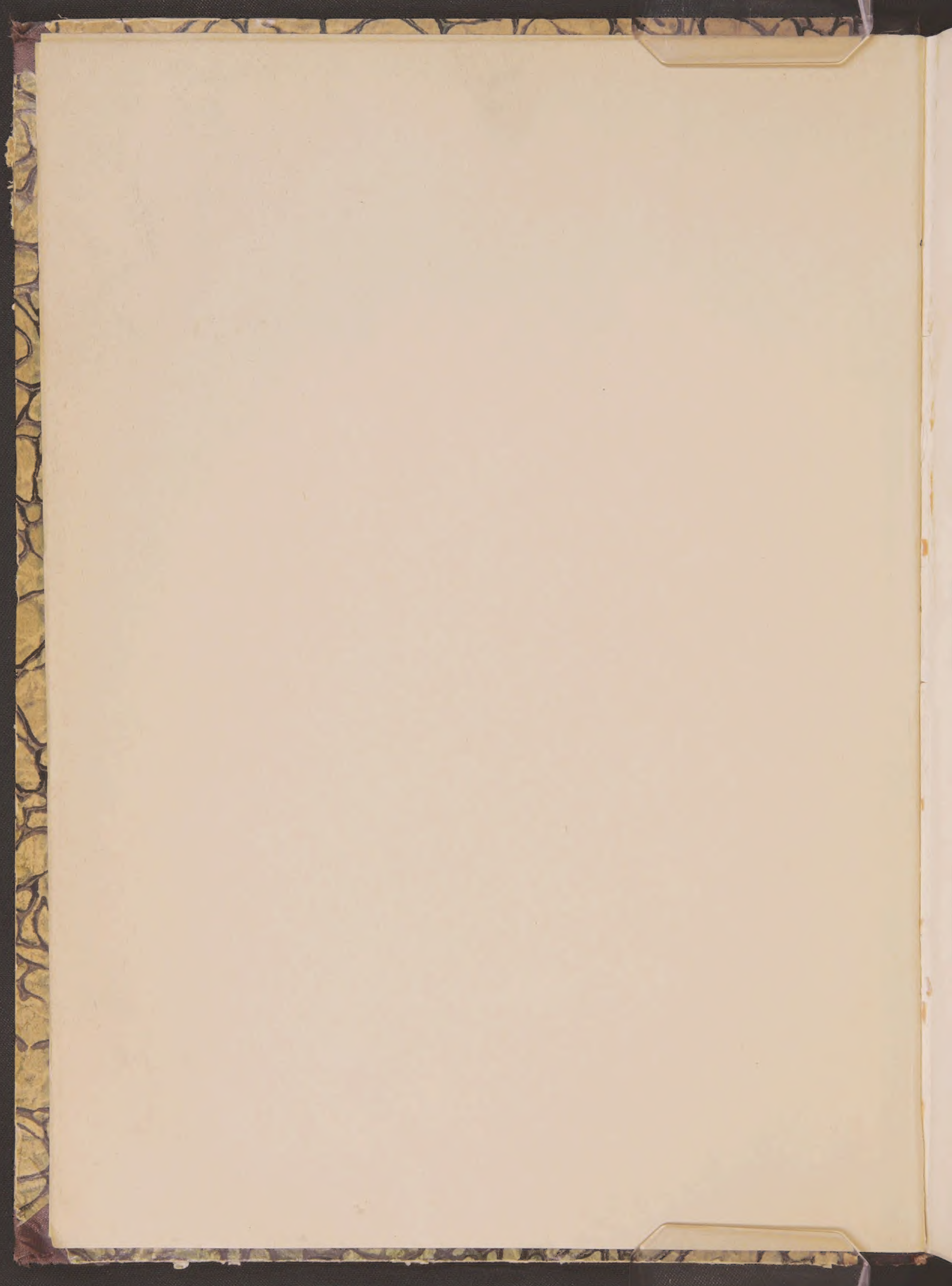
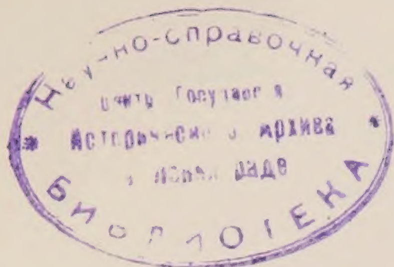

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

М. БОРОДКИНЪ.

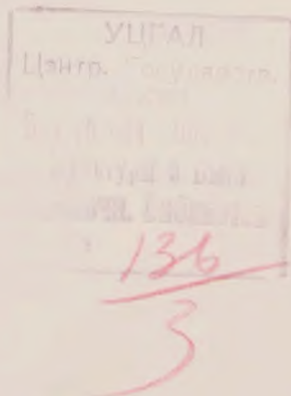

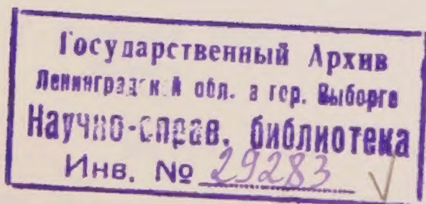

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Съ портретами, иллюстраціями и картой.

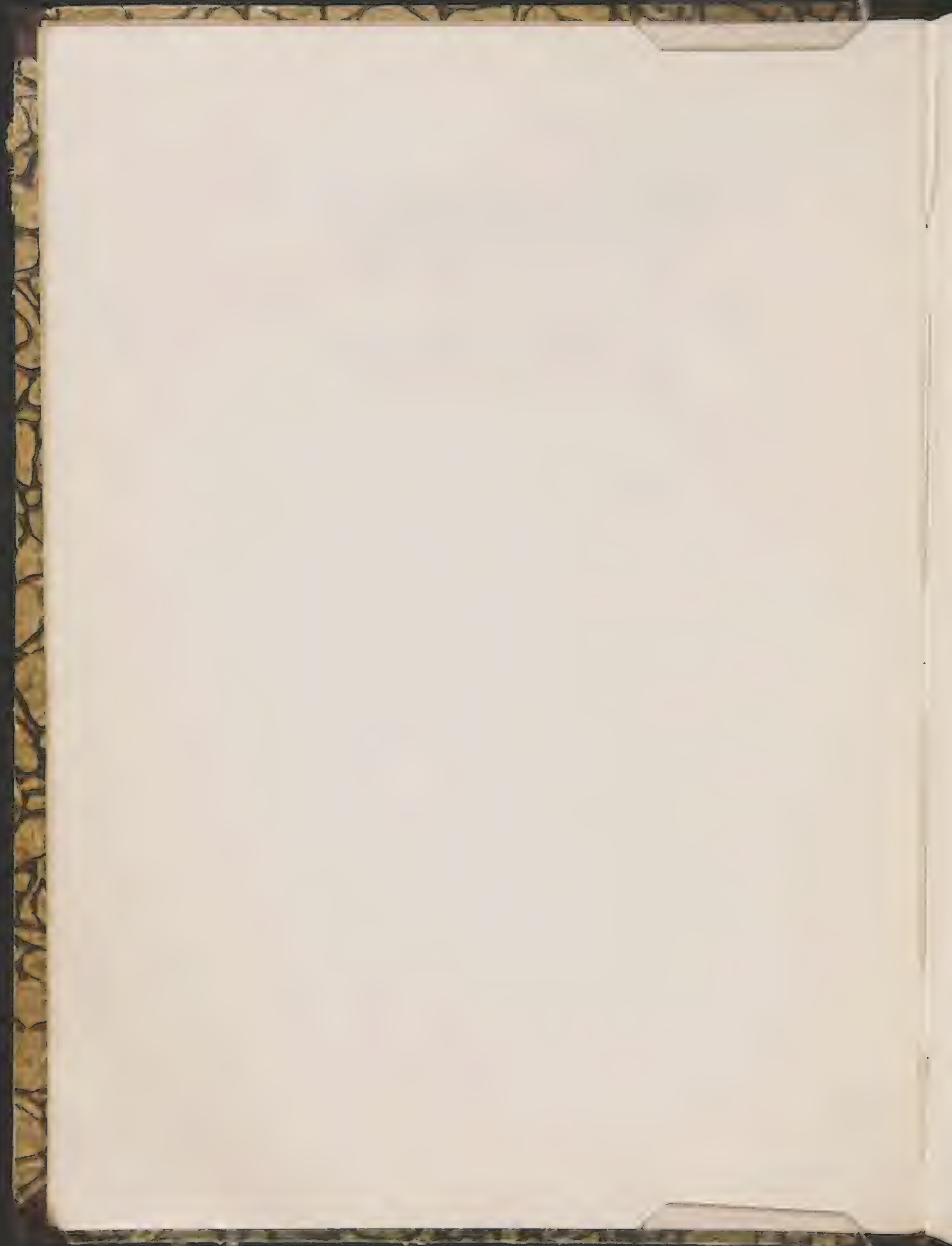

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1909.

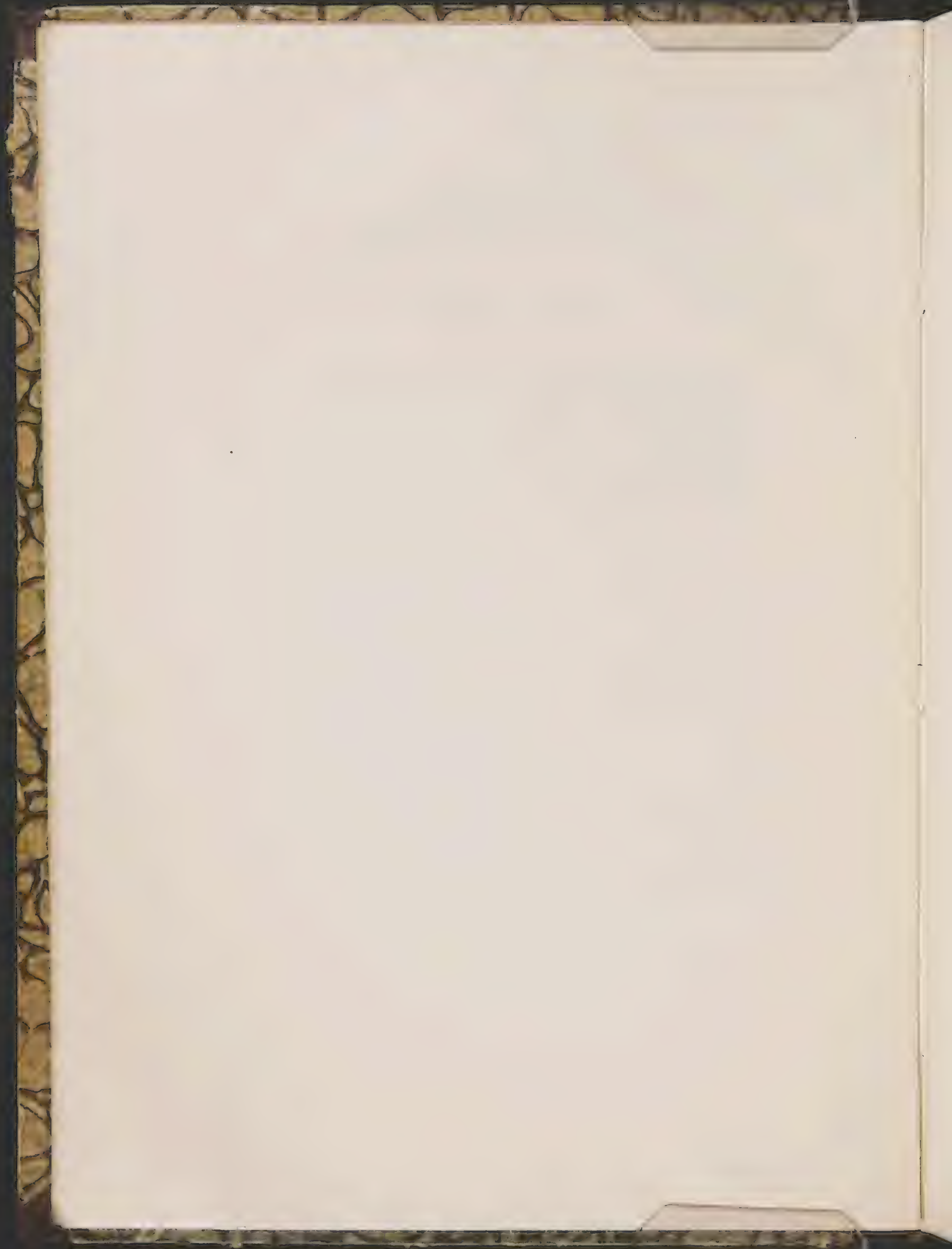
СОДЕРЖАНІЕ.

УСТАНОВЛЕНІЕ НОВАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

„Исторіографія,—сказалъ Амперъ,—всегда зарождается, когда къ тому представляется поводъ". Поводовъ, требующихъ историческаго освѣщенія времени Императора Александра I, въ Финляндіи нѣсколько.

Протекаетъ столѣтіе съ того времени, когда русскія войска, завоевывая Финляндію, геройски проливали кровь на поляхъ Револакса, Лаппо, Куортане, Оравайса, терпѣливо мерзли въ снѣгахъ и лѣсахъ Кареліи, Тавастланда и Эстерботніи, и проводили ночи подъ открытымъ небомъ на льдахъ Ботническаго залива. Прошло сто лѣтъ со времени объявленія европейскимъ державамъ о присоединеніи Финляндіи. Наступаетъ столѣтіе подписанія Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, закрѣпившаго за Россіей ея сѣверную окраину. Подобныя обстоятельства, несомнѣнно, усиливали наше желаніе возстановить это вѣковое прошлое, дабы оно прошло передъ читателемъ въ простыхъ и „правдивыхъ сказаніяхъ".

Итакъ, прежде всего, мы въ долгу у нашихъ храбрыхъ предковъ, подарившихъ намъ Финляндію: до сихъ поръ рѣшительно ничѣмъ Россія не почтила ихъ славной памяти, ихъ мученичества за родину. Герои честно послужили щитомъ отечеству, грозой—врагамъ; они обезпечили Россію съ сѣвера, придвинули ее къ Балтикѣ и, несмотря на это, надъ ихъ братскими могилами, разбросанными на обширномъ пространствѣ завоеванной ими земли, нѣтъ „даже скромнаго креста изъ Сердобольскаго гранита", которымъ отмѣчено мѣсто Гангеудской битвы. Нигдѣ историческая память о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ не проявляется такъ слабо, какъ у насъ. Это не только дурной, но и очень опасный признакъ для націи. Государства живутъ и процвѣтаютъ лишь тогда, когда ихъ граждане убѣждены, что отрадно и почетно умереть за отечество, когда они знаютъ, что потомки воздадутъ должное ихъ заслугамъ. Заслуги-же героевъ и госу-

дарственныхъ дѣятелей 1808—1809 гг. весьма значительны. Они завершили борьбу, которая велась съ 1240 года и стоила Россіи XVIII и начала XIX вѣка до 130 тыс. убитыми и ранеными. Они ввели сѣверо-западную часть Россіи въ ея естественную границу. „Безъ Финляндіи Россія была неполною, какъ будто недостроенною", писалъ Ѳ. Булгаринъ. Финляндія—это рука, прибавленная къ туловищу, выразился посолъ Наполеона I Коленкуръ.

„Мы завоевали Финляндію",—сказали намъ герои-предки устами графа Николая Михайловича Каменскаго,—„сохраните, ее". Сохраните, ибо на зарѣ XIX ст., въ порывѣ великодушія, „посѣяны были также и вѣтры" и допущена историческая несправедливость—отторженіе славнаго завоеванія Петра Великаго—Выборгской губерніи.

Если настоящее является воплощеніемъ минувшаго, то безъ уроковъ прошлаго нельзя разобраться въ современныхъ задачахъ. И политикамъ, и законодателямъ,—говорилъ М. Н. Карамзинъ,—приходится смотрѣть на листы исторіи, какъ мореплавателю на карту. Исторіи же Финляндіи мы, русскіе, вовсе не имѣли и въ финляндской нашей политикѣ шли ощупью, порывисто бросаясь изъ стороны въ сторону.

Въ настоящемъ трудѣ, стараясь дать возможно обильный матеріалъ о первомъ періодѣ нашего обладанія Финляндіей,—дабы читатели сами могли разобраться въ запутанныхъ русско-финскихъ отношеніяхъ,—мы тѣмъ не менѣе очень мало коснулись военныхъ событій, приведшихъ къ завоеванію Финляндіи. Боевыя дѣйствія затронуты нами лишь настолько, чтобы сохранить связность общаго разсказа и имѣть раму для главной картины нашего описанія. Мы предпочли сосредоточить наше вниманіе на менѣе разслѣдованной политической и бытовой сторонѣ похода 1808—1809 годовъ, т. е. на дипломатическихъ переговорахъ, настроеніи общества, поведеніи войска и т. п. Въ финляндской войнѣ подобныя обстоятельства имѣли такое-же значеніе, какъ успѣхъ русскаго оружія. Исключеніе допущено нами лишь по отношенію къ Свеаборгу и къ возстанію крестьянъ, въ виду той огромной роли, которая выпала на долю этихъ событій. Не овладѣвъ Свеаборгомъ, нельзя было бы считать себя покорителями края. Кромѣ того капитуляція „Сѣвернаго Гибралтара" явилась болѣе послѣдствіемъ вліянія политическихъ и бытовыхъ условій, чѣмъ боевого огня и мужества нашихъ войскъ.

Что касается крестьянскаго возстанія, то оно едва упоминается въ русскихъ описаніяхъ кампаніи 1808—1809 годовъ. Между тѣмъ оно придало особый характеръ войнѣ, сдѣлало ее впослѣдствіи широко популярной среди финновъ и заставляетъ ихъ писателей часто съ вниманіемъ и любовью оглядываться на нее. Объ успѣхѣ возставшихъ аландцевъ изслѣдователь этого эпизода войны, Бомансонъ, заявилъ: „Необходимо обезсмертить всѣ детали такого зрѣлища, какъ возстаніе храбрыхъ финскихъ крестьянъ противъ русскихъ войскъ въ 1808—1809 годахъ. Надо, чтобы это зрѣлище перешло въ потомство, дабы будущія поколѣнія вразумлялись и побуждались достойно послѣдовать примѣру своихъ предковъ". Историкъ Даніельсонъ, описывая крестьянское возстаніе, прибавляетъ: „Еслибъ подобное народное движеніе произошло гдѣ нибудь въ средней Европѣ, оно заняло бы блестящее мѣсто даже въ военной исторіи великихъ народовъ, потому что оно было такъ величественно и отважно". Третій финляндскій писатель, Вихманъ, поучая современниковъ, говоритъ: „Партизанъ Рутъ и другіе доказали, какъ можно и должно вести войну, и какъ малыми средствами достигать грандіозныхъ успѣховъ въ Финляндіи, наполненной возвышенностями, мысами, рѣками и озерами". Многіе авторы воспользовались событіями финской Вандеи для своихъ разсказовъ и повѣстей. Романтизированный разсказъ о „Паво Ниссиненѣ" (Paavo Nissinen), много въ свое время читавшаяся, „Ночь убійства въ Каухіоки" (Mordnatten i Kauhajoki), „Опасный ларецъ" (Det farliga skrinet), новелы фонъ-Эссена и др. наполнены эпизодами войны 1808—1809 годовъ. Мы не говоримъ уже о Рунебергѣ, возведшемъ въ „Разсказахъ фенрика Столя" участниковъ этой войны въ эпическихъ народныхъ героевъ.

Нахожденіе въ фокусѣ финляндскихъ событій Императора Александра и перваго его докладчика—Сперанскаго, побудили насъ очертить ихъ политическое міровоззрѣніе и прежде всего ихъ отношенія къ вопросу о конституціи.

Александръ I. .. Какъ много это имя вызываетъ противоположныхъ чувствъ и воззрѣній. Какая пучина для исторіи и психологіи. „Каждый вершокъ" его—трагедія. Александръ I стоялъ въ центрѣ многихъ великихъ событій, и они придали его царствованію „характеръ увлекательнаго интереса и изумительнаго величія". Когда Александръ родился, Екатерина въ письмѣ къ Гримму выразила сожалѣніе, что на свѣтѣ не оста-

лось болѣе добрыхъ фей, которыя могли бы одарить ребенка. Я отблагодарила бы ихъ и подсказала бы имъ: „дайте ему естественности, немного естественности, а всему остальному научитъ опытъ". Да, естественности, простой, обычной естественности у него не доставало.

Въ царствованіе Павла Петровича Александръ „тревожно и грустно стоялъ у подножія трона", выжидая хода событій. Онъ бродилъ, какъ Гамлетъ, „не умѣя ни на что рѣшиться". За его спиной зрѣло ужасное дѣло графовъ Панина и Палена, которые сумѣли посвятить въ свои планы наслѣдника престола и получить его согласіе. Первоначально задумано было установленіе регентства. Примѣры его имѣлись налицо: въ Англіи — во время болѣзни короля Георга III, въ Даніи— при Христіанѣ VII. Но заговоръ кончился кровавой расправой. „Единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту Имперію". „Alexandre, — спросила его Императрица-мать, êtes vous coupable?" Онъ поднялъ руку и поклялся въ своей невиновности.

Александръ оказался на могущественнѣйшемъ престолѣ Екатерины, но по стопамъ ея онъ отказался идти, крайне рѣзко критикуя свою бабку, которая желала обвѣять его всей полнотой земнаго счастья. Вскорѣ началась титаническая борьба народовъ.... Послѣ пораженій, тянувшихся отъ Аустерлица до Фридланда, Тильзитъ явился Каноссой. Но Александръ тогда-же рѣшилъ: „Наполеонъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ", и въ исполненіи этой программы проявилъ изумительную послѣдовательность. Вскорѣ колесо судьбы повернулось. „Племена сразились; Русь обняла кичливаго врага". Александръ стоялъ въ вѣнцѣ побѣдителя, освѣщенный заревомъ Москвы. Опаленные лавры Наполеона поблекли и властелинъ Европы угасъ на дальнемъ островѣ, сожалѣя, что ядро изъ Кремля не поразило его....

Въ первый періодъ борьбы съ Наполеономъ рѣшена была участь Финляндіи въ Тильзитѣ. Вскорѣ послѣ этого свиданія, Наполеонъ писалъ Александру: „Вы получите отъ меня всякую помощь...; Вашему Величеству необходимо отдалить шведовъ отъ своей столицы... 1-го мая ваша армія можетъ быть въ Стокгольмѣ". Отвѣчая на это письмо, Александръ сообщалъ: ... „Завоеваніе Финляндіи не было трудно. Мои арміи занимаютъ уже самые важные пункты и двигаются на Або; въ то же время бомбардируютъ Свеаборгъ"... Но такъ какъ задушевнымъ жела-

ніемъ. Наполеона было возможно долѣе затянуть нашу войну со Швеціей, то его армія не двинулась съ мѣста, а Коленкору дававшему совѣты Александру, какъ лучше сохранить завоеванную Финляндію и какъ вести наступленіе противъ Стокгольма, объявленъ былъ строгій выговоръ: „Не переставайте быть французомъ", написалъ ему Наполеонъ.

Внутреннее устройство Финляндіи находилось въ зависимости отъ одного Александра, почему оно носитъ на себѣ слѣды его конституціонныхъ порывовъ, его колебаній, его загадочныхъ политическихъ ходовъ.

Съ именемъ Александра неразрывны представленія объ его стремленіяхъ къ политической свободѣ, какъ съ именемъ Екатерины II—проектъ знаменитаго Наказа, для разсмотрѣнія котораго созвано было представительное собраніе всѣхъ свободныхъ званій и состояній. Тутъ параллель между великой бабкой Екатериной и ея вѣнчаннымъ внукомъ Александромъ напрашивается сама собой и мы воспользуемся этимъ сопоставленіемъ, такъ какъ оно поможетъ выясненію основного положенія нашего труда. Оба они,—и Екатерина, и Александръ,— были полны либерализма и сентиментализма, но Екатерина пылала еще патріотизмомъ и гордостью, что она „русская" императрица, а не „курляндская герцогиня" и потому не допускала, чтобы инородцы диктовали ей законоположенія, а требовала, чтобы они получали ихъ отъ Россіи. Послѣднихъ качествъ въ прославленномъ ея внукѣ къ сожалѣнію не замѣчается. Онъ точно забывалъ, что у Россіи имѣются свои историческія державныя права.

На конституцію существовала своего рода мода. Екатерина лично преподала ее Александру, но сама насаждать ее не пожелала. Она предпочла остаться другомъ философовъ, предоставивъ Александру быть поклонникомъ конституціоналистовъ. Въ области либерализма руководителемъ Екатерины явился Вольтеръ, Александра—Лагарпъ; первая снимала копію съ Монтескье и Беккарія. Александръ повелѣлъ „негласному комитету" изучить всѣ хартіи представительныхъ правленій, чтобы изъ нихъ составить конституцію для Россіи. И Екатерина, и Александръ вначалѣ какъ будто относились серьезно первая къ Наказу, а второй—къ конституціи. Александръ плакалъ, читая записку В. Н. Каразина, въ которой говорилось: „Онъ дастъ намъ непреложные законы" и скажетъ: „вотъ предѣлъ самодержавія". Онъ „первый употребитъ самовластіе

для обузданія самовластія". Екатерина долго и усердно работала надъ Наказомъ. Слушатели Наказа, собранные въ Москвѣ, выражали восторгъ, забывъ о зіяющей пропасти между словомъ и дѣломъ.

Но искусственность скоро прорывается наружу: вмѣсто разсужденій о новомъ Уложеніи законовъ, въ Москвѣ ведутся рѣчи о гигіенѣ и средствахъ противъ отмораживанія, объ ужасахъ войны и блаженствѣ мира. Вмѣсто истиннаго представительнаго правленія при Александрѣ выставляется внѣшняя форма, обрывки конституціи, а фасадомъ Россіи неизмѣнно остается самодержавіе. Скоро разочарованіе охватываетъ творца Наказа и мечтателя о народной свободѣ; они перестаютъ интересоваться волновавшими ихъ вопросами. Оба видятъ безплодность своихъ порывовъ и тяготятся своими затѣями. Желѣзная рука дѣйствительности сокрушила ихъ слабыя мечты и у обоихъ остаются одни слова безъ системы, одно туманное, неопредѣленное „общее благо". Письма Лагарпа болѣе не прочитываются, Сперанскій сосланъ, Каразинъ посаженъ въ крѣпость... Н. И. Тургеневъ горячится въ надеждѣ прекращенія крѣпостной зависимости людей. „И вы думаете,—сказалъ ему В. П. Кочубей,—что изъ этого что-нибудь будетъ. Вы лучше вотъ чему подивитесь, что Государь и не зналъ, что у насъ людей продаютъ по одиночкѣ". Нѣчто подобное можно сказать и о конституціонныхъ планахъ Александра I.

У императрицы прошла „легисломанія", у императора—„конституціоманія" по той простой причинѣ, что для осуществленія великихъ плановъ Наказа и конституціи нужны твердые выкованные характеры. Этихъ характеровъ не было и большія предположенія разсыпались прахомъ. Екатерина—женщина и ей естественна слабость. Въ характерѣ Александра также было что-то женственное. Его слабая натура не способна была нести тяжелаго креста реформатора. Онъ изящно мечталъ, увлекательно бесѣдовалъ, но для упорнаго труда не хватало закала въ характерѣ, не имѣлось практической подготовки и всѣ его красивые планы остались воздушными замками. Александръ не стоялъ въ ряду тѣхъ людей-избранниковъ, которыми обыкновенно начинается новая эра въ исторіи. Общаго плана не было выработано, а одними благими пожеланіями большія конституціонныя реформы не могли быть осуществлены. Наказъ Екатерины оказался „простой шуткой", „комедіей", какъ писалъ англійскій посолъ, конститу-

ція Александра—безпочвенной мечтой, добрымъ пожеланіемъ юноши.

„Императоръ Александръ I,—писалъ академикъ А. В. Никитенко,—былъ человѣкъ съ честными намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, но ума неглубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастье. Но возникаютъ на ихъ пути трудности—а это неизбѣжно—и они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Роль ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а имъ отказано въ органѣ, посредствомъ котораго тѣ совершаются,—въ характерѣ".

„Онъ человѣкъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей".

Обоихъ выручили обстоятельства: Екатерину—Турецкая война, Александра—борьба съ Наполеономъ. Благородныя заблужденія отошли въ прошлое и волны злободневныхъ требованій понесли Властелиновъ къ инымъ берегамъ, къ инымъ печалямъ и радостямъ „Возобновятся-ли засѣданія комиссіи по Наказу? спросили предсѣдателя Бибикова, и когда онъ отвѣтилъ утвердительно, то „въ императорской ложѣ съ шумомъ опрокинулось кресло, раздался шелестъ шелковаго платья и быстрые и гнѣвные шаги удалявшейся императрицы; это былъ отвѣтъ Екатерины", читаемъ у В. Валишевскаго. „Я убѣждаюсь, что Сперанскій съ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не вправѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ", сказалъ императоръ Александръ I де-Санглену 17 марта 1812 г. Очевидно, что возврата къ конституціоннымъ планамъ послѣ подобныхъ заявленій быть не могло, хотя онъ и говорилъ, что умретъ республиканцемъ. Послѣ борьбы съ Наполеономъ Государь усталъ; ему было тяжело отъ славы, его охватилъ мистицизмъ. Внутреннія дѣла Имперіи вѣдалъ Аракчеевъ. Конституція давно перестала быть молитвенникомъ самодержца-либерала.... и онъ остался представителемъ началъ, противоположныхъ конституціи.

Отстоять конституціи Сперанскій не могъ, такъ какъ онъ не былъ ни ея глашатаемъ, ни ея бойцомъ. Его роль оказалась исключительно служебной. Его умъ былъ великъ, но чувства мелки и потому не въ его власти было электризовать мысль Александра. „Онъ могъ придать порядокъ своему тво-

ренію, писалъ Н. И. Тургеневъ, но онъ не былъ въ силахъ вдохнуть въ него душу, просто потому, что у него самаго не было души".

Гибкимъ своимъ перомъ Сперанскій одновременно составлялъ проекты конституцій „по двумъ системамъ", изъ коихъ одна ограничивала самодержавіе по существу, а другая—лишь по внѣшней формѣ, ставя фактически все представительное правленіе въ полную зависимость „отъ власти самодержавной" Въ проектахъ Сперанскаго много оговорокъ, которыя дѣлали его систему крайне неопредѣленной". Единое-же понятіе, стоявшее у него незыблемо, гласило: „верховное начало въ Россіи есть государь самодержавный.... располагающій неограниченно всѣми силами государства". Сперанскій вѣрилъ во всемогущество формы и въ вопросѣ о конституціи его вполнѣ удовлетворяла одна внѣшность представительства. Вообще значеніе Сперанскаго въ исторіи русской и финляндской конституціи сильно преувеличено: онъ не мученикъ идеи... Отъ его обширнаго введенія къ конституціи вѣетъ неглубокимъ либерализмомъ и бумажными программами. „Всѣ эти обсужденія Государственнаго Совѣта,—сказалъ онъ однажды Н. И. Тургеневу,—пустая формальность. Люди, засѣдающіе тамъ, ничего ни понимаютъ. Мы съ вами все сдѣлаемъ такъ, какъ найдемъ лучше". Вотъ Сперанскій.

Въ политическихъ актахъ, дарованныхъ Финляндіи и редактированныхъ Сперанскимъ, та-же „гибкость и неопредѣленность". Въ вопросахъ о народномъ представительствѣ та-же тенденція поставить все „подъ вліяніе и зависимость отъ власти самодержавной". Въ его руководительствѣ земскими чинами въ Борго—явное уклоненіе отъ главнаго вопроса—проекта конституціи. Въ Борго финляндцамъ многаго не додали по конституціи, хотя они и утверждаютъ, что все получили. „Давъ конституцію финляндцамъ только въ принципѣ, Императоръ Александръ I и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ".

На печальнѣйшей страницѣ нашей книги разсказана исторія отторженія Выборгской губерніи. Лѣтописи другихъ народовъ подобнаго факта не знаютъ. „Что за великое зло,—сказалъ Александръ I,—отдѣлить отъ Россіи нѣсколько провинцій. Развѣ она не будетъ еще достаточно велика?" Такъ разсуждать невозможно. Какими бы доводами Александръ I, Армфельтъ и Сперанскій ни обставляли это грустное дѣло,

оно неизбѣжно вызываетъ острую боль національнаго чувства. Нельзя быть расточительнымъ на кровь предковъ. Нельзя производить раздробленія государства. По той логикѣ, по которой уничтожили различіе между старой и новой Финляндіей, слѣдуетъ или раздать всѣ окраины Имперіи населяющимъ ихъ инородцамъ, и утѣшаться тѣмъ, что окраины эти будутъ составлять нераздѣльное цѣлое съ Россіей или уступить безъ боя русскія земли болѣе культурнымъ націямъ,—которыя ихъ лучше воздѣлаютъ и устроятъ.—Возможно ли согласиться на подобное политическое самоубійство?

Печальный фактъ отторженія Выборгской губерніи, какъ и многое другое въ исторіи Финляндіи и Россіи времени Александра I, приходится отнести отчасти на счетъ того „гуманнаго конституціонализма", который только и въ состояніи былъ внушить своему Державному ученику Лагарпъ, отчасти на господствовавшій духъ времени. У Лагарпа во всемъ, что онъ зналъ и чему наставлялъ, не доставало Россіи. Между тѣмъ наставникомъ наслѣдника Русскаго престола могъ и долженъ былъ состоять человѣкъ, до страсти любящій русскую исторію и сознававшій свою кровную связь съ великой Имперіей. Наставнику необходимо было умѣть чувствовать и русскую печаль, и святость русскаго знамени. Но Лагарпъ былъ чужой Россіи, для него „безмолвны Кремль и Прага", біеніе его сердца не учащалось отъ русской пѣсни...

Духъ времени или главное направленіе образованнаго класса достаточно извѣстны. Русскихъ въ теченіе столѣтія „стригли въ нѣмца", они усваивали одну только „накожную цивилизацію", почему стали жить преимущественно перепѣвами съ голоса Запада. Все это привило равнодушіе къ народной чести, притупило національное самоуваженіе, понизило національный героизмъ. „Россія,—писалъ въ своей автобіографіи гр. А. Р. Воронцовъ,—единственная страна, гдѣ не считаютъ нужнымъ учиться родному языку и всему касающемуся своего отечества... Такимъ образомъ воспитаніе приводитъ... можетъ быть даже къ презрѣнію къ своему отечеству". Въ царствованіе Александра I появился прародитель нынѣшнихъ „политическихъ іезуитовъ", людей безъ любви къ отечеству. Націю они называютъ предразсудкомъ, подрывая такимъ образомъ собственными руками главный устой государства, ибо нѣтъ сомнѣнія, что тѣ народы, которые пренебрегаютъ своими національными задачами, гибнутъ. Въ Россіи времени Александра I

усматривали удобный матеріалъ, изъ котораго „каждый могъ кроить себѣ свободно—на всякій образецъ и что ему угодно—парламентъ съ лордами или республикъ рядъ, аркадскихъ пастуховъ иль пахотныхъ солдатъ" (Ап. Майковъ).

Вотъ, примѣрно, тѣ главныя причины, почему Александръ I не стремился придать русскаго національнаго характера своему царствованію. Вотъ почему съ такой легкостью исконно русская Карелія, съ двумя православными монастырями, замежевывается въ предѣлы инородческой земли. Вотъ почему другъ Александра, кн. Ад. Чарторыйскій, насаждалъ на русскій счетъ польское образованіе, при посредствѣ Виленскаго польскаго университета и широкой сѣти польскихъ среднихъ и низшихъ школъ. Холмская область отдана была въ жертву ополяченія. По тѣмъ-же основаніямъ нашъ дипломатическій корпусъ наполняется иностранцами, въ Дерптѣ учреждается нѣмецкій университетъ, а на торжествѣ въ Борго „могучій, правдивый и свободный русскій языкъ великаго народа" не получилъ мѣста, когда Повелитель Россіи впервые выступилъ благодѣтелемъ новыхъ своихъ подданныхъ. Въ Финляндіи языкомъ администраціи, суда и преподаванія оставленъ былъ шведскій языкъ, языкъ ничтожнаго по численности меньшинства пришельцевъ. Создано было великое государство, а его правительство и образованные граждане ничего другого, кромѣ матеріальной силы, за нимъ не признавали! Финляндцы, поляки и другіе окраинцы ставились Александромъ I въ привилегированное положеніе. Ясно, что у нихъ не могло родиться ни малѣйшаго желанія быть въ какомъ бы то ни было отношеніи русскими; дѣлаясь русскими, они лишь теряли выгоды своего исключительнаго положенія, свои преимущества и привилегіи.

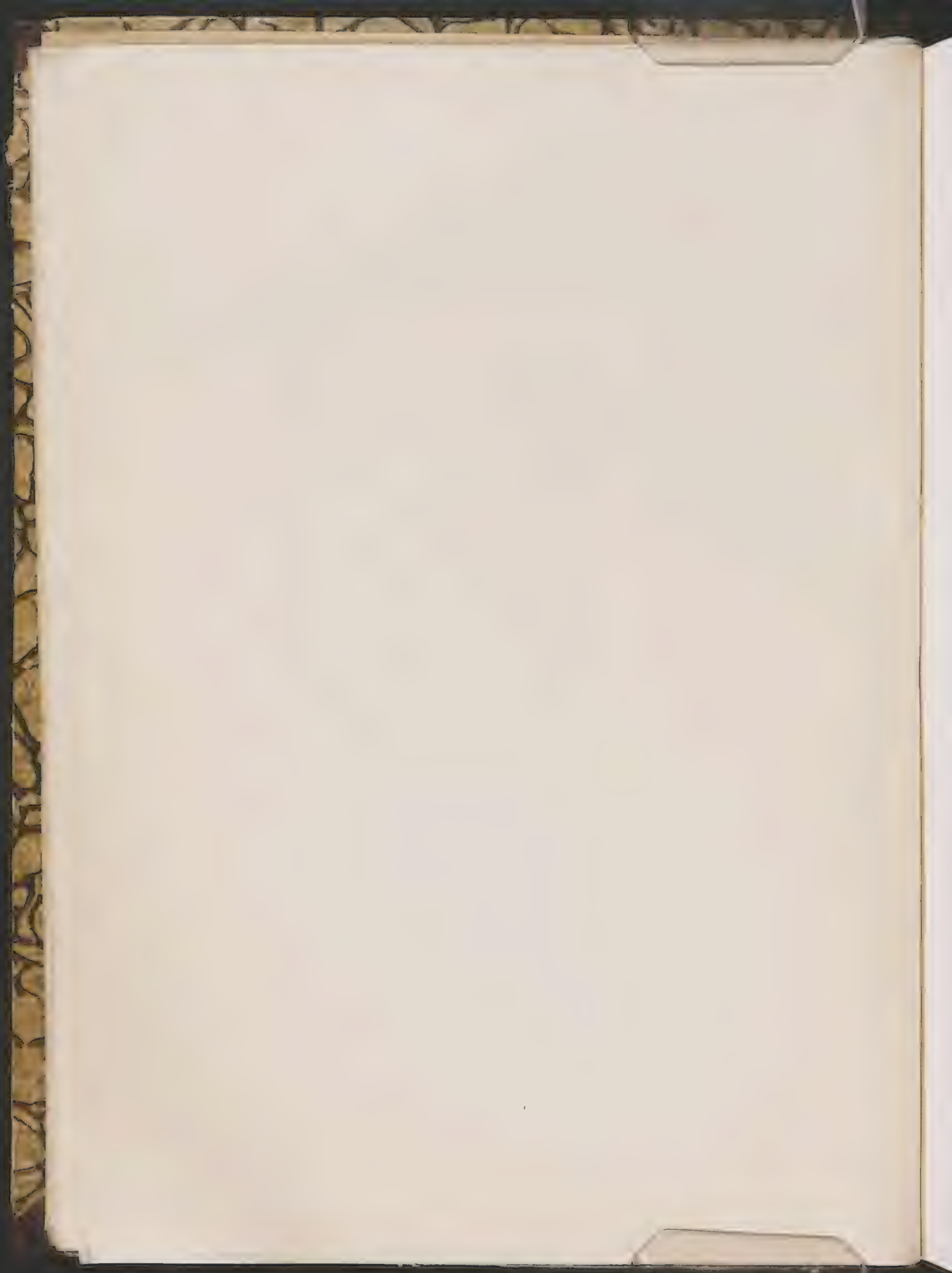
Въ небольшой своей части издаваемая книга представляетъ сводку и систематизацію нѣкоторыхъ прежнихъ нашихъ работъ—о Свеаборгѣ, Армфельтѣ, Ар. Закревскомъ и др.,—которыя впредь не предполагаемъ повторять отдѣльными изданіями.

Трудъ возстановленія прошлаго доставилъ уже намъ большое истинное наслажденіе. Послѣ упорной и кропотливой работы „яснѣй былъ взоръ, возвышеннѣй молитва и слаще прелесть бытія". А впереди, въ виду совершеннаго отсутствія у насъ подробной исторіи Финляндіи, остается еще надежда, что книга наша принесетъ свою долю пользы, и

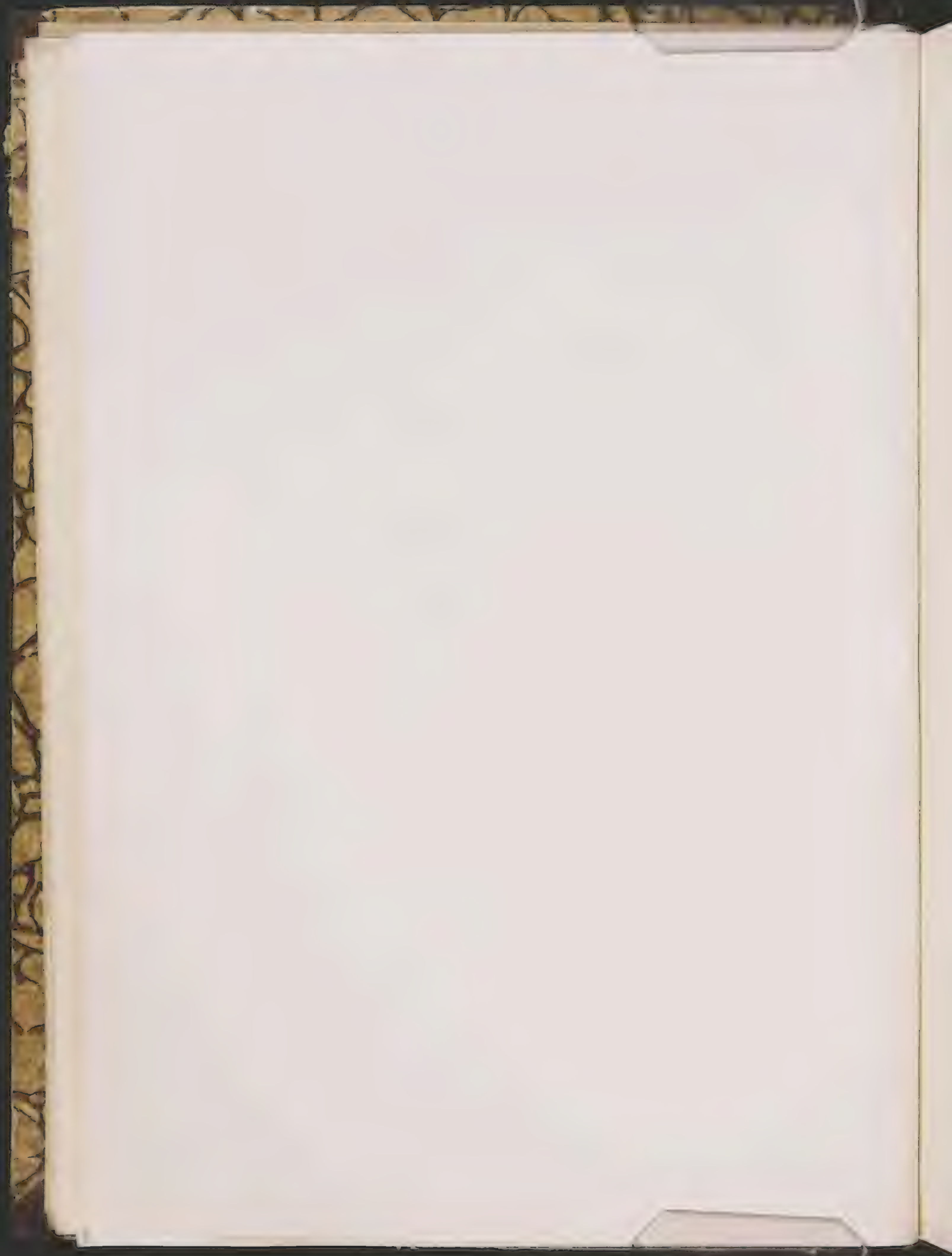
можетъ быть побудитъ другихъ къ дальнѣйшему углубленію русла тѣхъ самостоятельныхъ историческихъ изслѣдованій, которыя поведутъ къ широкому и полному выясненію сложнаго, интереснаго и важнаго для нашего отечества финляндскаго вопроса.

„Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало Императора; все это продолжало занимать его теперь (въ 1801 г.); но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго мужа. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства и онъ хвастался имъ, но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ“.

Кн. Ад. Чарторыйскій.

БОРЬБА ЗА ФИНЛЯНДІЮ.

I. Заря новаго царствованія.

Великій Князь Александръ Павловичъ родился 12 декабря 1777 г. Онъ былъ старшимъ сыномъ цесаревича Павла Петровича и второй его супруги Маріи Феодоровны (принцессы Вюртембергской).

Геніальная бабушка—Великая Екатерина—сейчасъ-же взяла «порфиророднаго отрока» подъ свое особое попеченіе. Она заботилась о развитіи его природныхъ качествъ, его сложной, глубокой и до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданной души. Ея державная рука желала направить волю, умъ и симпатіи своего внука. Она сочиняла для него сказки, составила азбуку, написала учебникъ исторіи. Мальчикъ рано развился, проявивъ большую любознательность и богатыя способности. Къ сожалѣнію бабушка отодвинула и заслонила мать и отца, чѣмъ создана была почва, на которой вскорѣ показались первые ростки раздвоенія души ребенка, раздвоенія, давшаго впослѣдствіи обильные и горькіе плоды.

Воспитаніе и сила внѣшнихъ обстоятельствъ имѣли рѣшающее вліяніе на Александра: они создали и опредѣлили весь его характеръ.

Съ рукъ англичанки «господинъ Александръ», какъ называла Екатерина II своего внука, скоро перешелъ къ графу Ник. Ив. Салтыкову. Салтыковъ, по отзыву современника, охранялъ его лишь отъ сквозного вѣтра и засоренія желудка, такъ какъ истиннымъ воспитателемъ явился швейцарецъ Цезарь Лагарпъ, который, какъ человѣкъ независимаго характера, получилъ рѣшающее значеніе. Лагарпу, по собственнымъ словамъ Императора Александра, онъ обязанъ былъ тѣми правилами, которыя руководили его умомъ и волей. «Лагарпа я люблю и почитаю».

Послѣдователь Вольтера и Руссо, идеалистъ и теоретикъ, поклонникъ республики и политической свободы, пропитанный

мечтательными и ложными воззрѣніями, царившими тогда на Западѣ, Лагарпъ овладѣлъ сердцемъ юноши, увлекательно толкуя ему о благѣ человѣчества, о договорномъ происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и свободѣ, о вредѣ деспотизма и рабства. Все это внушалось будущему самодержцу въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, когда отвлеченныя идеи легко обращаются въ образы, а принципы—въ чувства. Лагарпъ наставлялъ Александра какъ слѣдуетъ чувствовать и быть обворожительнымъ, но не училъ его думать и дѣйствовать (проф. Ключевскій). «Лагарпъ старался преподать своему питомцу правила чести, добродѣтели, милосердія и терпимости, но не могъ передать ему любви къ отечеству, уваженія къ его нравамъ, обычаямъ, законамъ и основнымъ правиламъ, къ народу необразованному, но богатому всѣми стихіями добра и зла» [1]).

Швейцарецъ и его державный ученикъ витали въ области возвышенныхъ отвлеченностей. Мечтательность была тогда въ правахъ вѣка; вездѣ господствовала извѣстная философская сантиментальность [2]). Отвлеченный либерализмъ породилъ впослѣдствіи у Александра Павловича рядъ проектовъ и взглядовъ, отрѣшенныхъ отъ реальной и разумной жизни. Надъ Александромъ произведенъ былъ воспитательный экспериментъ въ духѣ гуманныхъ и безпочвенныхъ теорій.

Лагарпъ совершенно не зналъ ни Россіи, ни русскаго народа, и потому въ воспитаніи Великаго Князя отсутствовали и національныя основы, и религіозныя побужденія. Упущено было такимъ образомъ изъ вида, что «важнѣйшая наука для царей знать свойства своего народа и выгоды земли своей». Мало того, воспитаніе Александра, полуфранцузское и полурусское, не было ни вполнѣ царскимъ, ни вполнѣ философическимъ. Въ воспріимчивой головѣ молодого человѣка образовалось странное смѣшеніе философскихъ и филантропическихъ повѣрій XVIII вѣка съ принципами прирожденнаго самовластія [3]).

«Читая исторію, — говорилъ Лагарпъ своему ученику, — вы увидите, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, — онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами».

Идеи Лагарпа, давно уже опровергнутые горькимъ опытомъ, оказались губительными для Александра и Россіи. Главнѣйшій

вредъ Лагарповской отвлеченности сказался при сопоставленіи русской дѣйствительности съ тѣми воздушными замками, которые рисовалъ швейцарецъ. Не удивительно, что Александръ сталъ почти игнорировать эту дѣйствительность, какъ фактъ низшаго порядка, какъ неразумное стихійное явленіе.

Будущаго русскаго Императора не научили, какъ слѣдуетъ, даже его родному языку. «Александръ говорилъ по-французски какъ дофинъ, но не умѣлъ безошибочно писать по-русски» [4]). До конца своей жизни онъ не могъ вести по-русски обстоятельнаго разговора о какомъ-либо сложномъ дѣлѣ. «Да и по характеру своему,—пишетъ другъ его дѣтства князь Адамъ Чарторыйскій,—онъ не былъ похожъ на русскаго какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ».

Ясно, что Екатерина II, при выдающемся и практическомъ своемъ умѣ, совершила большую ошибку. Она, поддавъ вліянію модныхъ блестящихъ французскихъ фразеровъ, всецѣло поручила будущаго Русскаго Царя не только иностранцу, но республиканцу, который «карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ» [5]). Да и сама она, точно желая укоренить въ Александрѣ любовь къ демократіи и республикѣ, прочла ему французскую конституцію 1791 г., объясняя всѣ ея статьи, равно какъ и причины французской революціи; «но, посовѣтовавъ запечатлѣть ихъ въ своей памяти, пожелала, чтобы онъ никому не сообщалъ объ этомъ».

Юнаго Александра при первыхъ же его жизненныхъ шагахъ подстерегало другое крупное зло. Подроставшій Вѣнценосецъ, при переходѣ къ сознательной жизни, очутился въ весьма затруднительномъ положеніи среди двухъ враждовавшихъ дворовъ. Онъ рано выучился являться, съ равнымъ приличіемъ и ловкостью, въ двухъ маскахъ. Бывало такъ, что утромъ онъ парадировалъ въ Гатчинѣ, въ неуклюжемъ мундирѣ, исполняя строгія требованія мелочнаго милитаризма отца, а вечеромъ вращался въ изысканномъ и остроумномъ обществѣ Екатерины. И гатчинская суровая кордегардія съ парадоманіей Павла Петровича, и французскій лоскъ петербургскаго двора, съ его фаворитами и восточной роскошью, неизбѣжно оставляли свои слѣды въ душѣ впечатлительнаго юноши. Борьба съ указанными теченіями, разумѣется, была не по силамъ слабому отроку, соединявшему кромѣ того въ своей природѣ множество противоположностей и всецѣло поглощенному желаніемъ нравиться всѣмъ окружающимъ. Обстоятельства рано

учили его хитрить, лавировать, приспособляться, «таить и чувства и мечты свои», презирать людей и недовѣрять имъ.

Всѣ эти условія создали крайне сложную натуру. Получился «сфинксъ, неразгаданный до гроба», о которомъ до нашихъ дней не прекращаются споры и догадки. Въ немъ было что-то гамлетовское.

Черезъ всю его жизнь и все его царствованіе проходятъ глубокія борозды таинственнаго, мистическаго, рѣзкой двойственности, необъяснимыхъ крайностей. Императоръ Александръ Павловичъ былъ загадкою для современниковъ и едва-ли тотъ, о которомъ говорили, что онъ «употреблялъ кнутъ на ватѣ», будетъ скоро разгаданъ потомствомъ [6]).

Долгая нелюбовь Екатерины къ Павлу Петровичу привела Императрицу къ мысли передать престолъ своему любимцу Александру. За полтора мѣсяца до кончины Екатерина открываетъ внуку свой планъ, и тотъ даетъ письменное согласіе исполнить ея волю. Въ городѣ уже носились толки о предстоящемъ манифестѣ, но въ шестнадцать лѣтъ Александръ оказался вполнѣ опытнымъ въ области интригъ. Онъ, измѣнивъ и бабкѣ, и данному слову, не замедлилъ сообщить замыслы отцу, къ которому замѣтно сталъ склоняться своими симпатіями [7]).

Ошибка слѣдовала за ошибкой. Избравъ Александра наслѣдникомъ своего славнаго царствованія, Екатерина тѣмъ не менѣе не подготовляла его къ тяжелой и отвѣтственной задачѣ управленія государственными дѣлами.

Къ довершенію своихъ заблужденій, Екатерина слишкомъ рано женила любимаго внука. Въ 1793 г. она подыскала ему жену въ лицѣ принцессы Луизы Баденской, принявшей въ православіи имя Елизаветы Алексѣевны. Она обладала большими достоинствами, но при скромности и юности не сумѣла овладѣть сердцемъ своего шестнадцатилѣтняго супруга. «Меня женили—говорилъ впослѣдствіи Александръ — почти отрокомъ, когда я не понималъ всей важности совершавшагося акта. И хотя жена моя прелестное существо, но сердца моего она не привлекла... Мы съ нею были принесены въ жертву». Ихъ единственный ребенокъ рано умеръ, и супруги окончательно разошлись. Ошибка была непоправима. Прямымъ ея послѣдствіемъ явился ранній перерывъ научныхъ занятій и освобожденіе Александра отъ всякаго контроля.

Александръ Павловичъ такъ много говорилъ о своихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ и такъ часто дѣлалъ отступленія отъ нихъ, что трудно опредѣлить истинные его взгляды и разгадать, что таилось на днѣ его сложной души.

Въ бесѣдѣ съ другомъ дѣтства княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, открывая свою душу, Александръ осудилъ образъ дѣйствій Екатерины. Онъ сказалъ тогда-же князю Адаму, что вмѣстѣ съ нимъ оплакиваетъ паденіе Польши, что Костюшко въ его глазахъ великій человѣкъ, что, живо интересуясь французской революціей и осуждая ея крайности, онъ желаетъ молодой республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Александръ съ благоговѣніемъ вспоминалъ при этомъ о своемъ учителѣ Лагарпѣ. Изумленный Чарторыйскій отмѣтилъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «Странно звучали эти рѣчи въ устахъ любимаго внука самодержавной Екатерины, котораго она, обходя сына, хотѣла возвести на престолъ, чтобы имѣть въ немъ достойнаго преемника!»

Другой разъ, также предаваясь откровеніямъ, Александръ Павловичъ писалъ князю В. П. Кочубею, что придворная жизнь не для него создана, что мечтаетъ объ отреченіи и желалъ-бы съ женой переселиться на берега Рейна. Чарторыйскій называетъ все это «политическими бреднями».

Наступило короткое царствованіе Павла I. Въ день смерти Екатерины, Павелъ призвалъ къ себѣ сына и, указавъ ему на Аракчеева, сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Они остались друзьями на всю жизнь.

Въ царствованіе Павла наслѣдникъ престола, по его собственному признанію, продолжалъ «терять все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера».

Характеризуя царствованіе отца и продолжая развивать свои планы въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г., Великій Князь писалъ: «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь ни при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены... Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто оставленія родины, я сдѣлаю несравненно лучше, поработавъ надъ дарованіемъ странѣ свободы... Мнѣ кажется, что это было-бы

лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была-бы произведена законною властью, которая перестала-бы существовать, какъ только конституція была-бы закончена и нація избрала-бы своихъ представителей... Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться образовать, само собою разумѣется, народное представительство, которое, надлежащимъ образомъ руководимое, составило-бы конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась-бы».

Въ этомъ письмѣ весь Александръ, какимъ онъ вышелъ изъ класса Лагарпа.

Между тѣмъ будничная дѣйствительность съ каждымъ днемъ становилась мрачнѣе. Общее недовольство росло. Все зависѣло отъ случая, отъ минутнаго расположенія духа порывистаго Монарха. «Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено»,—писалъ Цесаревичъ Лагарпу. Дѣйствительно, вчерашній его врагъ Франція, сегодня дѣлается его союзницей. Порывъ негодованія къ Англіи вызвалъ походъ на Индію 22.000 казаковъ. Но печальнѣе всего было то, что Павелъ пренебрегалъ національными началами въ иностранной политикѣ Россіи, и эту ошибку сталъ повторять Александръ I.

Взаимныя отношенія Александра и Павла быстро портились. Александръ испытывалъ передъ отцомъ какую-то робость, смѣшанную со страхомъ, блѣднѣлъ и дрожалъ какъ только Павелъ взглядывалъ на него сердито. Отъ отцовскаго гнѣва Александра спасалъ Аракчеевъ. «Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ»,—молилъ юный Наслѣдникъ,—«научи, какъ быть!» И Аракчеевъ училъ.

Аббатъ Жоржель пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Александръ жилъ въ это время очень уединенно; ему служили только преданныя лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ въ присутствіи отца.

Однажды Павелъ прямо напомнилъ ему объ участи Цесаревича Алексѣя. Дѣло было такъ: увидавъ разъ на столѣ у Наслѣдника трагедію Вольтера «Брутъ», онъ позвалъ сына къ себѣ и, развернувъ передъ нимъ указъ Петра Великаго о Царевичѣ Алексѣѣ, спросилъ его, знаетъ-ли онъ исторію этого несчастнаго.

Недовѣріе и подозрительность Павла Петровича къ своимъ старшимъ сыновьямъ дошли наконецъ до того, что 11 марта 1801 г. ихъ водили въ церковь присягать въ вѣрности, а затѣмъ оба они были посажены подъ домашній арестъ [8]).

Страхъ, которымъ Александръ сталъ проникаться передъ своимъ отцомъ, опасеніе за собственную безопасность, пристрастіе

Павла къ вызванному имъ въ Россію принцу Евгенію Виртембергскому и предполагаемое намѣреніе Павла объявить его своимъ наслѣдникомъ,—все это вмѣстѣ взятое не только подготовило почву для согласія Александра на предложенія графа Панина о мѣрахъ къ измѣненію установившагося порядка, но и произвело извѣстный переворотъ въ намѣреніяхъ самого Великаго Князя. Графамъ Палену и Панину удалось убѣдить Александра принять участіе въ заговорѣ противъ отца. Цѣлью заговора было не убійство Павла, а побужденіе къ отреченію отъ престола.

Не перечисляя несомнѣнныхъ ошибокъ Павла I по борьбѣ его съ книгой, по чрезмѣрной регламентаціи жизни обывателя и т. п., а также не вдаваясь вообще въ оцѣнку царствованія Павла Петровича, необходимо, однако, имѣть въ виду, что многочисленные и вліятельные участники заговора не жалѣли темныхъ красокъ, дабы оправдать свое злодѣяніе и представить его патріотическимъ подвигомъ.—Во всякомъ случаѣ многія обвиненія, сведенныя на голову «свирѣпаго и сумазброднаго тирана», а также самое сумашествіе его, остаются пока еще недостаточно обоснованными. Съ несомнѣнностью можно считать установленнымъ его несдержанность, раздражительность, припадки гнѣва, нетерпѣливую требовательность, вспыльчивость, чрезмѣрную поспѣшность въ принятіи рѣшеній, подозрительность. Не слѣдуетъ также забывать, что его царствованіе началось освобожденіемъ Новикова изъ крѣпости, возвращеніемъ Радищева изъ Сибири, снятіемъ надзора съ П. В. Лопухина и т. п. Павелъ Петровичъ, какъ указываютъ безпристрастные свидѣтели, обладалъ немалыми прекрасными качествами, стремился къ облегченію участи народа, преслѣдовалъ лихоимство, высоко цѣнилъ правду, боролся съ дефицитами царствованія сѣверной Семирамиды, хотѣлъ, чтобы сенатъ, превратившійся въ «берлогу кляузничества», вновь сталъ храмомъ правосудія, преслѣдовалъ произволъ командировъ, приказалъ переплавить въ монету пуды придворнаго серебра и сжегъ милліоны ассигнацій... Онъ многихъ сослалъ, но никого не казнилъ. Нельзя упускать изъ вида, наконецъ, что графъ Паленъ, облеченный полнымъ довѣріемъ Павла Петровича, злобно пользовался всякой его вспышкой и безжалостно приводилъ въ исполненіе порывистыя его приказанія, способствовавшія раздраженію общества противъ Монарха, тогда какъ Государь, остывъ отъ гнѣва и познавъ свою ошибку, всегда былъ готовъ исправить ее. «Адская махинація графа Палена тѣмъ легче приводилась въ дѣйствіе, что Павелъ заперся въ Михайловскомъ замкѣ».

«Ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. преобразила судьбы Россіи. Мрачныя ея тайны возвели на престолъ молодого Монарха»,—какъ писалъ баронъ М. А. Корфъ. Такъ какъ Великому Князю Александру было извѣстно, что въ эту ночь отцу его будетъ предложено отреченіе отъ престола, то, взволнованный разнообразными чувствами, онъ не раздѣваясь бросился на постель. По разсказамъ однихъ современниковъ, Александръ безпрестанно рвался идти на помощь къ отцу, но офицеры, съ генераломъ Уваровымъ во главѣ, загораживали ему путь. Въ началѣ перваго часа раздался стукъ въ его дверь. На порогѣ появился всклокоченный графъ Николай Зубовъ, съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ и глухимъ голосомъ проговорилъ: «Все совершено».—«Что такое? Что совершено?»—спросилъ съ испугомъ Александръ, плохо вообще слышавшій, а на этотъ разъ и не понявшій словъ Зубова. Александръ далъ свое согласіе на переворотъ, при условіи, что его отцу не будетъ угрожать опасность. Александръ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца его жизни. «Хотя заговорщики и обѣщали не убивать, но,—пишетъ въ своихъ запискахъ А. Н. Вельяминовъ-Зерновъ,—онъ долженъ былъ предвидѣть, что лишить самодержавнаго государя престола, оставя ему жизнь, дѣло немыслимое». Другой современникъ—Фонвизинъ—прибавляетъ «по неопытности, Великій Князь почиталъ возможнымъ сохранить отцу жизнь, отнявъ у него корону».

Императрица-мать заявила, что не признаетъ новаго Императора, пока не увидитъ трупъ своего царственнаго супруга. Императрицѣ и Наслѣднику престола пришлось одновременно впервые увидѣть обезображенное тѣло Павла I. Александръ Павловичъ былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. Въ это время Императрица-мать обернулась къ сыну и сказала: «Теперь васъ поздравляю—вы Императоръ». Александръ, какъ снопъ, свалился безъ чувствъ [9]).

Когда графъ Паленъ явился къ новому Императору Александру, то также засталъ его одѣтымъ. При донесеніи ему о происшедшемъ, Александръ сказалъ Палену: — «Monsieur, quelle page dans l'histoire». (Какая это печальная страница въ исторіи).

— Sire! les autres la feront oublier.—отвѣтилъ Паленъ. (Государь! послѣдующія страницы заставятъ о ней забыть). По свѣдѣніямъ-же графа Ланжерона, когда Императоръ Александръ предавался въ своихъ покояхъ отчаянію, явился графъ Паленъ и, взявъ его за руку, сказалъ: «Будетъ ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардіи».

На другой день Александръ посѣтилъ очень имъ любимаго графа Стедингка, шведскаго посланника при нашемъ дворѣ, и бросился къ нему на шею съ восклицаніемъ: «Je suis l'homme le plus malheureus de la terre». (Я самый несчастный изъ людей).

— Vous devez l'être, sire! — отвѣтилъ Стедингкъ. (Да, Государь, Вы дѣйствительно должны себя чувствовать такъ).

Положеніе Александра оказалось самымъ тяжелымъ и затруднительнымъ. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ онъ чувствовалъ себя какъ-бы во власти участниковъ заговора. Мартовское событіе не могло, конечно, не отразиться на Александрѣ. Когда князь Адамъ Чарторыйскій вернулся въ Петербургъ (1801 г.), онъ засталъ Александра удрученнаго горемъ и раскаяніемъ. Самъ Александръ много разъ говорилъ съ княземъ Чарторыйскимъ объ этой мрачной драмѣ. Онъ разсказывалъ князю Адаму, какъ онъ надѣялся послѣ отреченія отца смягчить ему оскорбленіе и горе: онъ хотѣлъ предоставить въ распоряженіе Павла его любимый Михайловскій дворецъ, окружить его всевозможнымъ богатствомъ, покоемъ и комфортомъ, отдать ему прекрасный паркъ для прогулокъ и верховой ѣзды, выстроить для него театръ, манежъ... Всю свою жизнь Александръ считалъ себя отвѣтственнымъ за смерть отца и не находилъ себѣ никакого оправданія. «Воспоминанія о страшной ночи преслѣдовали его всю жизнь и отравляли его тайною грустью... Властолюбіе не могло заглушить въ его сердцѣ жгучихъ упрековъ совѣсти»... (Фонвизинъ).—«Александръ носилъ, чувствовалъ, питалъ въ самомъ себѣ всю свою жизнь сумрачный отблескъ насилія, совершеннаго надъ его отцомъ, которое падало на него»... (Ад. Черторыйскій).

Съ единодушнымъ восторгомъ привѣтствовалась заря новаго царствованія! Улицы наполнились народомъ. Встрѣчные обнимались, какъ въ Свѣтло-Христово Воскресеніе! Ликовала сѣверная столица, а съ нею и вся Россія. Всюду запестрѣли, запрещенные при Павлѣ, національные костюмы и тройки. Энтузіазмъ вылился въ многочисленныхъ одахъ, которыми встрѣтили 23-лѣтняго Монарха. «Вѣщай, греми, звучи, гласи»,—восклицали поэты, ибо на тронъ взошелъ «Отрада царствъ, покой сердецъ»... «На лицахъ Россовъ радость блещетъ»... «Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ! ...

Европа также усматривала начало новой эры въ переходѣ власти къ просвѣщенному Государю.

Разсказываютъ, что «заговорщики разсыпались изъ Михайловскаго дворца во всѣ концы Петербурга. Они съ бѣшенною радостью вбѣгали въ дома спящихъ, будили ихъ, кричали ура,

поздравляли съ новымъ Императоромъ». Но первое опьяненіе скоро прошло. Народъ пришелъ въ себя... «Лучше покойнаго ему не быть», сказалъ солдатъ про Александра, узнавъ что Павелъ Петровичъ «крѣпко умеръ».

Юный Монархъ обладалъ счастливыми природными способностями, имѣлъ блестящій даръ бесѣды, былъ находчивъ въ отвѣтахъ и рѣчахъ, при изумительной памяти. Онъ былъ полонъ благихъ пожеланій и мечтательныхъ плановъ. Выраженія «общественная польза», «благо отечества» и т. п. не сходили у него съ устъ. Одаренный необыкновеннымъ обаяніемъ и искуствомъ ослѣплять и приковывать сердца, Государь умѣлъ, внѣшнимъ величіемъ чувствъ, облагораживать самые свои недостатки [10]). У него преобладала вкрадчивая откровенность, которая быстро покоряла ему людей.

Забывъ прежнія идиллическія мечты о частной жизни на Рейнѣ, онъ переродился въ другого человѣка, сохранивъ отъ прежняго времени свою скрытность. Выраженіе и самыя черты лица молодого Великаго Князя, спустя нѣсколько лишь дней по восшествіи его на престолъ, такъ вдругъ перемѣнились,—удостовѣряетъ его старый и близкій гардеробмейстеръ Гесслеръ, — что прежніе портреты совсѣмъ перестали на него походить [11]).

По свидѣтельству князя Адама Чарторыйскаго, со дня вступленія на престолъ Александра, въ образѣ его мыслей произошла значительная перемѣна. О былыхъ мечтахъ и крайнихъ либеральныхъ стремленіяхъ уже не было рѣчи. Всѣ видѣли, что нѣтъ ни продолженія Павловскаго «режима», ни возврата къ временамъ и системѣ Екатерины. Никто не зналъ, чего именно хочетъ и къ чему идетъ Александръ, и самъ онъ не болѣе другихъ могъ дать себѣ въ томъ отчетъ. Одно несомнѣнно, что свѣтло и благодатно началось утро новаго царствованія. Оно ознаменовалось рядомъ полезныхъ и гуманныхъ постановленій, и каждое изъ нихъ должно было возбуждать надежды народа [12]). Прежде всего освобождены были заточенные и возвращены сосланные. Затѣмъ въ медовый годъ царствованія возстановлены были: Дворянская Грамота и Городовое Положеніе; уничтожены стѣсненія и ограниченія по заграничнымъ поѣздкамъ и по ввозу книгъ и нотъ; упразднена тайная экспедиція; изданы разныя постановленія по облегченію внутренней и внѣшней торговли; священнослужители освобождены отъ тѣлеснаго наказанія; возстановлены права сената; подсудимымъ даны средства представлять всѣ нужныя доказательства къ ихъ оправданію и въ манифестѣ выражено было желаніе, чтобы всѣ преступленія были «объемлемы, судимы и наказуемы

общей силой закона»; прекращены сборы съ отъѣзжающихъ изъ С.-Петербурга; учреждена комиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ; строго запрещена пытка со всѣми ея ужасами; типографіи получили вновь право печатанія, и проч.

Вездѣ и во всемъ наблюдалось уваженіе къ правамъ человѣчества, преклоненіе передъ законами, которые Монархъ ставилъ выше своей власти.

Въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра, писалъ Вигель (ч. II, изд. 1892 г., стр. 180), «любовь управляла Россіей, и свобода, вмѣстѣ съ порядкомъ, водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

Но рядомъ съ этимъ существовала область, въ которой духъ Павла продолжалъ жить. Тѣ-же по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциргаузы, шлагбаумы и пр.

Въ сентябрѣ 1801 г. состоялась коронація. Новый взрывъ восторга. Общая радость была написана на всѣхъ лицахъ. По выраженію Вигеля: «народъ прижималъ его къ своему сердцу такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать прижимаетъ въ объятіяхъ младенца своего». Никому Александръ не пожаловалъ при этомъ торжествѣ крестьянъ, давъ обѣтъ не увеличивать числа крѣпостныхъ. Выше всего онъ стремился поставить уваженіе къ закону и потому на медали, выбитой въ память торжества, значилось: «законъ—залогъ блаженства всѣхъ и каждаго». Былъ составленъ проектъ «всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой», которая начиналась заявленіемъ, что въ основѣ управленія должны лежать законы, такъ какъ «не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіимъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ». Въ той-же грамотѣ слѣдовалъ затѣмъ рядъ обѣщаній усовершенствовать законы, покровительствовать торговлѣ, устроить пути сообщенія; упоминалось о дарованіи свободы вѣры, мысли, слова и пр. Но этой грамотѣ не суждено было увидѣть свѣтъ, хотя она долго обсуждалась въ негласномъ комитетѣ: тутъ сказались первыя колебанія Александра и на этотъ разъ его неумѣнье поставить дѣло выше личности. Извѣстно, что проектъ грамоты принадлежалъ графу А. Р. Воронцову, къ которому Александръ питалъ непреодолимое отвращеніе.

Наиболѣе характернымъ учрежденіемъ начала царствованія Александра I является, конечно, «негласный комитетъ» или, какъ самъ Императоръ въ шутку прозвалъ его Comité du salut public (Комитетъ общественнаго спасенія).

Объ учрежденіи его извѣстно слѣдующее: Строгановъ, а нѣсколько позже и Кочубей, усмотрѣли въ воззрѣніяхъ Государя много туманнаго и неопредѣленнаго, а въ его проектахъ отсутствіе порядка и всякаго плана. Государь точно «стучался во всѣ двери» и не былъ увѣренъ въ томъ, чего хотѣлъ. Въ виду этого, Строгановъ предложилъ образовать тайный, негласный совѣтъ. Въ его составъ вошли: англоманъ и крѣпостникъ—Новосильцовъ; французоманъ и поклонникъ Мирабо—Строгановъ, и полякъ, иностранецъ для Россіи,—Чарторыйскій. Названныя лица составили «первое звено комитета». Впослѣдствіи къ нимъ примкнулъ В. П. Кочубей. Членомъ комитета считался также Лагарпъ. Сіятельнымъ якобинцемъ Павломъ Александровичемъ Строгановымъ составлены протоколы «негласнаго комитета», какъ это видно изъ изслѣдованія Великаго Князя Николая Михаиловича [13]).

Графъ П. А. Строгановъ родился въ 1774 г. въ Парижѣ. Его воспитателемъ былъ сынъ Ромма, знаменитаго въ исторіи революціи. Роммъ—пустая фразеологія во вкусѣ Ж. Ж. Руссо. Строгановъ, попавъ въ Парижъ въ самый разгаръ революціи 1789 г., увлекся общимъ теченіемъ, перемѣнилъ свое имя (на имя Otcher) и записался въ клубъ Ami de la loi. Въ клубѣ якобинцевъ выступалъ съ рѣчами. Онъ настолько переродился въ француза, что не хотѣлъ возвращаться въ Россію и нести военную службу «для капризовъ честолюбивой женщины» (Екатерины). Якобинца привезли однако въ Россію и поселили въ деревнѣ. Роммъ-же, воспитывавшій Строганова, впослѣдствіи, въ качествѣ члена Конвента, подалъ свой голосъ за казнь Людовика XVI.

Въ бумагахъ комитета сохранились черновые наброски 29-тилѣтняго Строганова—планъ Общаго Уложенія. Любопытно въ этомъ планѣ то, что въ немъ обозначены права верховной власти, но нѣтъ ея обязанностей; указаны гражданскія права населенія, но не обозначены права политическія. (Довнаръ-Запольскій). Изъ членовъ комитета графъ Павелъ Александровичъ былъ самымъ либеральнымъ и рѣшительнымъ. Онъ высказался за улучшеніе быта крестьянъ, а о тогдашнемъ дворянствѣ заявилъ, что «это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу—наиболѣе тупое».

Другой членъ Comité du salut public Н. Н. Новосильцовъ почти не зналъ Россіи, никогда ничѣмъ не управлялъ и въ характерѣ своемъ имѣлъ много легкомысленной вѣтренности. Стараясь отклонить молодого Императора отъ Лагарповскаго ультра-либерализма, Новосильцовъ, сторонникъ рѣшительнаго абсолютизма, стремился къ тому, чтобы основать управленіе на общей централизаціи и всѣ національности Россіи спаять въ одну [14]).

Всѣ стремленія и всѣ самыя горячія надежды третьяго члена комитета—князя Адама Чарторыйскаго—были обращены къ будущности польской его родины. По своему происхожденію,—писалъ Дюрокъ, пріѣхавшій съ секретной миссіей отъ Наполеона,—Чарторыйскій могъ бы стать польскимъ королемъ, не будь императрицы Екатерины. «Онъ этого не забылъ и поклялся въ вѣчной ненависти къ русскимъ, которыхъ онъ гнушается, къ Императору, котораго онъ обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ онъ презираетъ; но, будучи скрытенъ, одинъ лишь онъ знаетъ, чѣмъ онъ сталъ и что онъ сдѣлаетъ» [15]). Князь Адамъ продолжалъ считать себя полякомъ, ничѣмъ не обязаннымъ Россіи, и, если онъ сталъ одѣвать русскій мундиръ, то исключительно для лучшаго достиженія своихъ польскихъ цѣлей. «Что касается меня», признается князь, «то я не имѣлъ никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ. Я очутился, совершенно необыкновеннымъ и случайнымъ образомъ, въ положеніи экзотическаго растенія, на чужой почвѣ, съ чувствами, которыя не могли вполнѣ гармонировать съ чувствами моихъ случайныхъ товарищей».

Четвертый членъ комитета, графъ Кочубей, условно принадлежалъ къ составу тріумвирата и былъ нѣсколькими годами старше своихъ сочленовъ. Чарторыйскій изображаетъ его человѣкомъ съ европейскимъ лоскомъ, съ умомъ прямымъ, но не глубокимъ, съ практическимъ знаніемъ дѣлъ, хотя и безъ основательной, научной подготовки.

Что касается Лагарпа, то, по сообщенію князя Чарторыйскаго, онъ никогда не присутствовалъ на засѣданіяхъ комитета, но велъ продолжительныя бесѣды съ Императоромъ и представлялъ ему безконечно длинныя записки по всѣмъ отраслямъ управленія, записки, которыя Государь самъ передавалъ своимъ негласнымъ сотрудникамъ. «Онъ показался намъ,—читаемъ въ запискахъ князя Адама—гораздо ниже своей репутаціи и того представленія, которое составилъ себѣ о немъ Императоръ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, глубоко вѣровавшимъ въ идеи XVIII сто-

лѣтія и убѣжденнымъ въ томъ, что съ его доктринами, какъ какимъ-то философскимъ камнемъ или универсальнымъ лѣкарствомъ, все можно объяснить, и что нѣсколькими священными, завѣтными изрѣченіями можно устранить какія угодно препятствія»... Насколько Александръ былъ искрененъ въ преклоненіи предъ своимъ наставникомъ, о томъ свидѣтельствуетъ характерный фактъ: объемистыя письма съ политическими откровеніями, которыя Лагарпъ, по вызову самого Александра, направлялъ въ секретный комитетъ общественнаго блага, даже не распечатывались...

Итакъ, первые сотрудники Александра не стояли на высотѣ своего призванія, прежде всего въ силу малаго знанія Россіи, затѣмъ и по малой опытности въ дѣлахъ управленія. Генія, даже особенно яркаго таланта, между ними не было. Управленіе было для нихъ школою; но въ этой школѣ шла рѣчь не объ отвлеченной наукѣ, а о жизни, о бытіи, о счастіи огромной Имперіи. Молодые наперсники Александра, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали порицать всѣ прежніе постановленія, законы и обряды, называя ихъ устарѣлыми, невѣжественными [16]). Порицать, конечно, было легко. Собственныя же ихъ записки и планы реформъ, поданные Государю, указываютъ на крайнюю незрѣлость мысли въ важнѣйшихъ вопросахъ русской дѣйствительности.

Уже въ первомъ засѣданіи комитета выяснилось, что нужна была «реформа безобразнаго зданія управленія Имперіи» (reforme de l'edifice informe du gouvernement de l'Empire). Александръ желалъ, чтобы члены комитета изучили сперва всѣ существующія въ Европѣ конституціи и затѣмъ, на основаніи ихъ, написали бы конституцію для Россіи. Комитетъ поэтому постановилъ: 1) познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ Имперіи, 2) предпринять реформу управленія и 3) увѣнчать эти различныя учрежденія обезпеченіемъ, которое можетъ представить конституція, основанная на истинномъ духѣ народа.

Работы негласнаго комитета остались почти безрезультатными. Молодые сотрудники Александра I учились за границей, Россіи почти не знали, а пользоваться совѣтами болѣе опытныхъ государственныхъ людей не желали. Однихъ благихъ намѣреній и добрыхъ пожеланій идеалистическаго либерализма было, конечно, недостаточно для преобразованія Россіи [17]).

Въ сущности, учрежденіе министерствъ является единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ дѣятельности неофиціальнаго комитета.

При дворѣ и въ обществѣ членовъ негласнаго комитета называли: «партіей молодыхъ людей», а Державинъ окрестилъ ихъ «якобинской шайкой»: въ этихъ названіяхъ сказалась, конечно, и оцѣнка членовъ. Такимъ образомъ вокругъ Императора оказались только фантазеры и мечтатели и не было ни одного человѣка, способнаго раскрыть простыя, непосредственныя пути общественной и народной жизни, не было ни одного горячаго патріота.

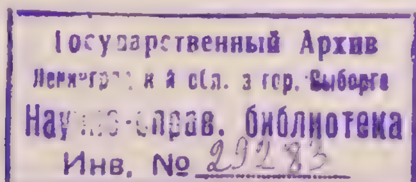
Въ теоріи члены негласнаго комитета желали многое и начали даже настаивать предъ Государемъ на необходимости осуществить на дѣлѣ высказанныя ими мнѣнія. Но Александръ не поддавался этимъ внушеніямъ, по свойству своего характера.

Онъ колебался, а эти постоянныя колебанія свидѣтельствовали о неясной и неустановившейся мысли. И дѣйствительно, даже Павелъ Александровичъ Строгановъ находилъ тогда желанія Императора туманными.

Молодымъ и пылкимъ энтузіастамъ нужна была «твердая рука при опредѣленной волѣ, которая спокойно и умѣло руководила бы при сложной работѣ». Но Александръ I менѣе всего годился для подобной роли. Въ его характерѣ была «наружная обворожительная любезность, за которой никто не могъ уловить настоящихъ чувствъ его, и какая-то кокетливая скрытость чуть ли не передъ самимъ собою». Государь на словахъ поддерживалъ предложенія членовъ комитета, особенно Строганова, и вѣрилъ принципу преобразованій, но практическое осуществленіе пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность и въ результатѣ получалось нѣчто «трусливое, плохое», какъ выразился Строгановъ въ письмѣ 1804 г. къ Новосильцову. Да и сами члены комитета графъ Кочубей, Новосильцовъ и князь Чарторыйскій скоро охладѣли къ реформамъ, которымъ въ душѣ кажется мало сочувствовали [18]).

Если въ первое время молодые сотрудники Императора нѣсколько увлекались конституціей, то Александръ I едва-ли, по мнѣнію Великаго Князя Николая Михаиловича, думалъ «обезпечить государственныя учрежденія конституціей, основанной на истинномъ духѣ русскаго народа». «Говорятъ и повторяютъ»,—пишетъ Великій Князь,—«что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много трудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Императора Александра I. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка». Александръ многимъ былъ недоволенъ. Это несомнѣнно. Но «равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично; что всѣ онѣ были безъ труда внушены ему, но его согласіе до-

бывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ».

Эту черту опредѣленнѣе другихъ подмѣтилъ графъ Строгановъ. Великій Князь Николай Михаиловичъ съ своей стороны указываетъ, какъ выводъ изъ изученія эпохи Императора Александра, что въ дѣйствіяхъ этого Государя «постоянно замѣчаешь сперва смѣлый шагъ впередъ и тотчасъ же нѣсколько шаговъ назадъ, именно тогда, когда казалось уже все приходило къ желанному рѣшенію. Онъ замѣчательно умѣлъ вдохновить своихъ избранниковъ, смѣло намѣтить, хотя всегда въ общихъ чертахъ, извѣстную программу и цѣль, и какъ только машина приходила въ полную силу своего напряженія, давался непредвидѣнно задній ходъ. Вотъ отчего такъ поражаетъ незаконченность всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя Государь хотѣлъ положить въ основу своего царствованія и которыя получили образъ какого-то пестраго, неопредѣленнаго конгломерата».

Такова картина реформаторскихъ начинаній Александра Павловича въ первую пору его царствованія.

Вспомнимъ, что Александра совершенно не пріучили къ труду, что онъ, по признанію Адама Чарторыйскаго, будучи Великимъ Княземъ, не дочиталъ ни одной серьезной и поучительной книги до конца. По словамъ профессора Ключевскаго, Александръ воображалъ, что свобода и благоденствіе въ народѣ должны водвориться сразу, сами собой, безъ препятствій. Когда-же онъ встрѣчалъ затрудненія при осуществленіи своихъ либеральныхъ идей, руки у него опускались, онъ рано почувствовалъ утомленіе и разочарованіе, и все поэтому оставалось на степени безплодныхъ, сантиментальныхъ влеченій. Никто не воспиталъ въ немъ чувства долга, не развивалъ твердой самостоятельной воли (проф. Надлеръ); это былъ «рыцарь на часъ», которому были суждены «благіе порывы, но свершить ничего не дано». Богатое воображеніе, разностороняя образованность... но воля была слаба и все останавливалось. Онъ все время точно оглядывался и искалъ, на кого-бы опереться. Вскорѣ изъ петербургской канцеляріи выдвинулся рѣдкій человѣкъ съ большими дарованіями, увлекательнымъ краснорѣчіемъ и золотымъ перомъ—это былъ Сперанскій, но и онъ оказался модныи безпочвеннымъ мечтателемъ, неискреннимъ конституціоналистомъ...

При вступленіи Императора Александра I на Всероссійскій престолъ, отношенія къ намъ Англіи были враждебны, а Швеція своимъ бездѣйствіемъ затрудняла положеніе Россіи. Разнообразныя и неожиданно окружившія Императора Александра обстоятельства побудили его не только повести мирные переговоры съ Англіей, кончившiеся конвенціей 7 іюня 1801 г., но и склонить Швецію къ прекращенію борьбы съ Великобританіею.

Поздравить Императора Александра I со вступленіемъ на престолъ, отъ имени короля Швеціи, присланъ былъ баронъ Г. М. Армфельтъ. Императоръ выразилъ желаніе посѣтить Густава IV Адольфа въ его столицѣ, но послѣдній отклонилъ это свиданіе до времени, «когда внутреннія наши дѣла предоставятъ намъ обоимъ досугъ необходимый для того, чтобы мы могли заниматься этими пріятными предположеніями» [19]).

Таковъ былъ отвѣтъ короля безсильной Швеціи,—пишетъ К. Злобинъ,—на радушное предложеніе Императора Александра, который не хотѣлъ требовать отъ своего сосѣда отчета въ его пагубной небрежности, открывшей непріятелю пути въ Копенгагенъ и С.-Петербургъ. Шведское правительство пошло далѣе. Не выполнивъ условія, заключеннаго съ Императоромъ Павломъ I, оно, тѣмъ не менѣе, стало искать вознагражденія за свои убытки отъ войны съ Англіей. Все это накапливало недоразумѣнія, но Россіи въ это время было не до Швеціи.

Прошло нѣкоторое время. Король намѣревался посѣтить Финляндію. Императоръ Александръ, пользуясь этимъ, желалъ дать Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ случай свидѣться съ своей сестрой, супругою Густава.

8-го іюля 1802 г. графъ С. Кочубей сообщилъ гражданскому губернатору Выборга, Максиму Максимовичу Ореусу, что Ея Императорское Величество Елизавета Алексѣевна совершитъ поѣздку въ Абборфорсъ, для свиданія со своей сестрой, шведской королевой. Всякія встрѣчи воспрещались, дабы «не отвлекать отъ обыкновенныхъ упражненій жителей мѣстъ», по коимъ проѣдетъ Императрица.

Земскому комиссару данъ былъ маршрутъ и приказано было во ввѣренномъ ему уѣздѣ выставить по сто тридцати исправныхъ лошадей на станціяхъ до шведской границы.

Императрица выѣхала изъ Петербурга 14-го іюля 1802 г. Ее сопровождали: сестра ея—принцесса баденская, статсъ-дама княгиня Дашкова, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тогдашній гофъ-маршалъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ и другіе придворные.

15-го іюля, въ 9 час. вечера, Елизавета Алексѣевна пріѣхала въ Выборгъ и изволила остановиться въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Военнымъ губернаторомъ Выборга въ 1802 г., а вмѣстѣ и с.-петербургскимъ, былъ князь Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, который состоялъ также и инспекторомъ финляндской инспекціи. Ни пушечной пальбы, ни военныхъ почестей не было оказано, согласно Высочайшаго желанія. Магистратъ особой публикаціей извѣстилъ, чтобы не «ѣздили» для встрѣчи. Изъ протокола выборгскаго магистрата видно однако, что у петербургскаго форштадта были возведены тріумфальныя ворота, около которыхъ граждане города встрѣтили Высокую Путешественницу «радостнѣйшими восклицаніями». На ступеняхъ лѣстницы, ведшей во второй этажъ генералъ-губернаторскаго дома, стояли молодыя дѣвицы выборгскихъ чиновниковъ и гражданъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками: онѣ посыпали ступени цвѣтами. Городъ и форштадтъ были довольно иллюминованы. «Къ крайнему моему и всѣхъ добрыхъ гражданъ удивленію, — писалъ губернаторъ, — въ домахъ двухъ купцовъ совсѣмъ никакой не было иллюминаціи», почему предложено было оштрафовать «уклонившихся отъ такой повинности и участія въ общемъ торжествѣ всевожделѣннаго прибытія Ея Величества».

Къ вечеру 16-го іюля Императрица была уже въ Фридрихсгамѣ, а 17-го іюля прибыла въ Абборфорсъ. Со шведской стороны тогда же прибыла королева Фридерика Доротея Вильгельмина въ сопровожденіи главнокомандующаго Клингспора, шведскаго посла при петербургскомъ дворѣ графа Стедингка и нѣкоторыхъ другихъ особъ. Встрѣча коронованныхъ сестеръ была очень радостная.

Пріятное ихъ свиданіе продолжалось 18-го и 19-го іюля. Удалось устроить помѣщеніе и размѣстить всѣхъ на мызѣ надворной совѣтницы Клайгильсъ.

Погода была дождливая и мало удобная для гулянья. Высочайшія особы совершили однако двѣ прогулки въ открытыхъ экипажахъ. Вечеромъ Августѣйшія сестры, безъ всякой свиты, прошли пѣшкомъ на поле Абборфорской мызы. Государынѣ Императрицѣ показанъ былъ кусокъ хлѣба, смѣшаннаго съ корою, который употреблялся тогда населеніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндіи, постигнутыхъ большимъ неурожаемъ. Населенію окрестностей Абборфорса была оказана Императрицей всяческая ласка.

20-го іюля сестры разстались. Прощаніе было очень трогательное. Онѣ нѣсколько разъ прощались, садились въ эки-

пажи и вновь возвращались въ комнаты для краткаго свиданія. 23-го числа Императрица возвратилась въ Петербургъ.

Король Густавъ не упустилъ случая причинить русскому правительству новую непріятность. По срединѣ Кюмени находился небольшой островъ Гермасъ, соединенный мостомъ со шведскимъ берегомъ. Одна половина моста была выкрашена зеленой краской, считавшеюся русскимъ цвѣтомъ, другая—синею, шведскою. Прибывъ въ Абборфорсъ, взбалмошный король Густавъ приказалъ выкрасить въ синюю краску и русскую половину моста, подъ тѣмъ предлогомъ, что границею русскихъ владѣній долженъ служить не рукавъ Кюмени между островомъ и берегомъ Финляндіи, а противоположный берегъ рѣки [20]).

Князь Куракинъ, управлявшій тогда нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, былъ поставленъ въ необходимость послать къ барону Стедингку ноту, въ которой встрѣчаются слѣдующія слова: «Императоръ не могъ не удивиться, что въ то самое время, когда онъ оказалъ готовность приступить къ соглашенію о границахъ, шведскіе офицеры позволили себѣ ввести на мосту между большимъ Абборфорсомъ и островомъ Гермасъ совершенно новый порядокъ. Вы можете быть увѣрены, г. посолъ, что Его Императорское Величество никогда не допуститъ никакого нововведенія, пока не послѣдуетъ обоюднаго согласія» [21]).

Вслѣдъ за этимъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (8 сентября 1802 г.) вступилъ графъ А. Р. Воронцовъ, а его помощникомъ сдѣлался князь Адамъ Чарторыйскій. «Канцлеръ А. Р. Воронцовъ,—какъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь А. Чарторыйскій,—заговорилъ со Швеціей тономъ сухимъ и повелительнымъ. Я былъ очень радъ тому, что не мнѣ поручили составленіе депешъ по этому дѣлу, писанныхъ по-русски. Мое уклоненіе доставило мнѣ впослѣдствіи выраженіе довѣрія короля шведскаго и его правительства. Король шведскій, — продолжаетъ Чарторыйскій, — выказалъ съ своей стороны много упрямства, не желалъ уступать требованіямъ, предъявленнымъ въ столь властномъ тонѣ. Графъ Стедингкъ неоднократно выражалъ мнѣ свое удивленіе по этому случаю. Онъ только пожималъ плечами, говоря о возмутительномъ образѣ дѣйствій, съ которымъ велось это столь маловажное по существу дѣло». Такъ относился къ русскимъ интересамъ одинъ изъ представителей дипломатической Россіи князь А. Чарторыйскій.

Дѣло дошло до того, что (1802—1803 г.г.) посланники покинули русскій—Стокгольмъ, а шведскій—Петербургъ, и Клер-

керъ, остававшійся за Клингспора начальникомъ финскихъ войскъ, стянулъ ихъ къ границѣ. Это вооруженіе возбудило неудовольствіе въ Финляндіи. Густавъ-же былъ тѣмъ упорнѣе, что считалъ своего свояка якобинцемъ.

Выходка молодого монарха возбудила въ Швеціи много безпокойства и опасеній, а также дала поводъ предполагать въ будущемъ возможность столь же неразумныхъ и опрометчивыхъ начинаній, черезъ которыя могли возникнуть большія бѣдствія какъ для него самого, такъ и для государства [22]).

22-го мая 1803 г. Императоръ Александръ I прибылъ въ Выборгъ, въ сопровожденіи инженеръ-генерала ванъ-Сухтелена, гофъ-маршала графа Толстого, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, графа Чарторыйскаго, генералъ-адъютанта графа Ливена, генерала князя Волконскаго, лейбъ-медика Вилліе, графа Павла Строганова и Новосильцова. Въ Выборгѣ Монархъ остановился въ квартирѣ тогдашняго военнаго генералъ-губернатора, генерала барона Мейендорфа. Гражданскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Ореусъ, а комендантомъ—подполковникъ Зайцевъ. 23-го мая Его Величеству представлены были нѣкоторые военные и гражданскіе чины, равно и духовенство, затѣмъ послѣдовалъ разводъ, посѣщеніе госпиталя и нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ заведеній. Въ тотъ же день Государь слушалъ литургію въ Спасопреображенскомъ соборѣ, такъ какъ было воскресенье. Послѣ обѣда Императоръ отправился въ Фридрихсгамъ, гдѣ квартировалъ у коменданта генералъ-маіора Гавро. Отсюда Царь слѣдовалъ 24-го мая въ Кюмень, гдѣ состоялась разбивка новой крѣпости, и 25-го числа—въ Рочесальмъ. 26-го мая Императоръ прослѣдовалъ вдоль тогдашней государственной границы. Высочайшее обозрѣніе границы съ укрѣпленіями для обороны ея продолжалось 27-го мая, когда вечеромъ Государь прибылъ въ деревню Туохикотти Валькеаласкаго прихода, неподалеку отъ коей имѣлся редутъ. Въ названной деревнѣ онъ ночевалъ. Въ слѣдующій день Государь совершилъ поѣздку большею частью верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ и въ Мендусарью остановился у пробста Бернера. «Въ этой странѣ,—читаемъ у А. Чарторыйскаго,—почва состоитъ изъ гранита, мѣстами едва прикрытаго легкимъ слоемъ земли. По временамъ встрѣчаются своеобразные ландшафты и великолѣпные водопады. Край этотъ вообще мало населенъ. Хотя деревни эти и дома пасторовъ были окружены полями, тѣмъ не менѣе страна казалась печальной и безплодной. Я говорю здѣсь только о той ея части, которая принадлежала Россіи, такъ

какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндія плодородна и богата хлѣбомъ».

«Государь осмотрѣлъ спорную землю, т. е. островъ и мостъ, надѣлавшіе столько шуму; островокъ былъ такъ малъ и ничтоженъ, что, казалось, не изъ-за чего было и затѣвать такую исторію. Потомъ мы поѣхали осматривать крѣпость и портъ-пунктъ, потерявшій теперь свое важное значеніе, но который тогда, въ случаѣ войны, былъ-бы центромъ нашихъ операцій, такъ какъ въ немъ стояла флотилія канонерскихъ лодокъ».

«Генералъ Сухтеленъ, главный военный инженеръ, завѣдывалъ всѣми работами у этого пункта. Многое было уже сдѣлано, но ничто не закончено» [23]). Императоръ Александръ повелѣлъ немедленно привести Кюменегородскую крѣпость въ оборонительное состояніе, воздвигнуть укрѣпленія вдоль рѣки Кюмени, вооружить гребной флотъ, и сухопутнымъ войскамъ двинуться на шведскую границу [24]). Вѣроятно, судьба Финляндіи была-бы рѣшена тогда же, если бы Англія не употребила всѣхъ своихъ средствъ для примиренія враждующихъ [25]). Швеція уступила, принявъ наши условія.

На обратномъ пути изъ Финляндіи, первая остановка Государя происходила въ ретраншементѣ Давыдовъ (Давидстадъ).

Мая 30-го городъ Вильманстрандъ имѣлъ счастье видѣть Государя въ своихъ стѣнахъ. Въ тотъ же день Государь посѣтилъ Иматру, и, обозрѣвъ водопадъ изъ выстроенной для этого, на лѣвомъ берегу, бесѣдки, выразилъ удовольствіе отъ величественнаго зрѣлища. Затѣмъ Государь проslѣдовалъ далѣе по тракту въ гор. Нейшлотъ, посѣтилъ Сердоболь и Кексгольмъ, гдѣ былъ на парадѣ. «При семъ парадѣ Безсмертный Повелитель полуземного шара соизволилъ брать отъ флейтщика инструментъ его и играть на ономъ новый маршъ, который потомъ всегда игранъ былъ въ означенномъ полку». Во время пребыванія въ Кексгольмѣ Государь Александръ I освободилъ изъ-подъ ареста содержавшихся въ тамошней крѣпости сына и двухъ дочерей Пугачева, пастора Бурмейстера и «государственнаго преступника, названнаго безымяннымъ», съ тѣмъ, чтобы люди эти не отлучались изъ Кексгольма. 3-го іюля Его Величество отправился изъ Кексгольма въ Петербургъ [26]).

Итакъ, поѣздка Государя имѣла серьезную политическую цѣль. Адамъ Чарторыйскій, иронизируя надъ дипломатической побѣдой графа А. Р. Воронцова, сожалѣетъ о томъ, что поведеніе Россіи за это время оставило дурной осадокъ въ сердцѣ сосѣда. Изъ современнаго письма Татищева къ графу Воронцову мы

узнаемъ, однако, что дѣйствія графа А. Р. Воронцова вызывались не однимъ пустымъ желаніемъ унизить Швецію, но скрывали въ себѣ болѣе глубокій смыслъ. Д. П. Татищевъ писалъ: «Вотъ было-бы хорошо, если бы этотъ тщедушный мостикъ могъ довести нашу границу до Ботническаго залива! дай Богъ, чтобы разстроенный разсудокъ короля шведскаго побудилъ его не избѣгать борьбы! Судя по одушевленію нашихъ воиновъ, достаточно было бы одной кампаніи». Ясно, что канцлеръ и русскіе его сотрудники имѣли въ виду овладѣніе Финляндіею, столь необходимое для огражденія безопасности столицы имперіи. Замыслу этому суждено было осуществиться шесть лѣтъ спустя, когда во главѣ нашего посольскаго приказа сталъ снова природный русскій, послѣдній изъ ветерановъ славнаго екатерининскаго царствованія, графъ Н. П. Румянцевъ [27]).

Къ концу 1803 г. возникъ новый поводъ къ неудовольствіямъ. Король Густавъ далъ своему новорожденному сыну Карлу Густаву титулъ Великаго Князя Финляндскаго. Этимъ титуломъ шведскіе короли, со времени смерти Карла XII, т. е. съ 1718 г., болѣе не пользовались [28]). Въ отвѣтъ на это, если вѣрить Армфельту, послѣдовало повелѣніе Александра именовать Выборгскую губернію «Финляндскою».

Въ концѣ слѣдующаго (1804 г.) Швеція вновь сблизилась съ Англіей и объявила себя «воюющей державой». Затѣмъ, когда образовалась третья коалиція, Густавъ Адольфъ присоединился къ ней, и 14 января н. ст. 1805 г. въ Петербургѣ былъ заключенъ трактатъ съ Россіей, цѣлью котораго, между прочимъ, было помѣшать Франціи «закрыть Зундъ для англійскихъ судовъ».

Дипломатическія сношенія съ упрямымъ и недовѣрчивымъ Густавомъ представляли большія затрудненія. Безъ достаточной надобности, онъ угрожалъ крайними мѣрами, въ то же время оскорблялъ всѣ дворы неумѣстными выходками.

Д. Алопеусу, смѣнившему въ Стокгольмѣ посла Будберга, пришлось удвоить вниманіе. Кромѣ того, отъ новаго нашего представителя ожидали подробныхъ извѣстій о положеніи финляндскихъ крѣпостей. Всѣмъ было ясно, что при такомъ сосѣдѣ столицѣ Имперіи могла грозить тяжесть войны, такъ какъ ее отдѣляла отъ владѣній Густава одна только Выборгская губернія.

Распоряженія короля были такого свойства, что не располагали къ нему населенія Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ финны понимали, что громы новаго столкновенія опять, прежде всего, разразятся надъ ихъ головами. «Многочисленность шведскаго гар-

низона была отяготительна для жителей Стокгольма. Чтобы облегчить повинности, которыя они должны были нести, и чтобы усилить войска, уже расположенныя въ Финляндіи, король послалъ туда финскую гвардію и двѣ роты артиллеріи, сверхъ того онъ обнаружилъ намѣреніе увеличить число земскаго ополченія въ Финляндіи. Въ Вазѣ собралась коммиссія для устройства этого дѣла. Слухи о предметѣ ея совѣщаній распространились между народомъ, началось волненіе и крестьяне грозили убить членовъ коммиссіи». При Густавѣ III жители Саволакса и Кареліи выразили желаніе содержать на свой счетъ отрядъ егерей и драгунъ, за что король торжественно обѣщалъ не распространять на этотъ край системы земскаго ополченія. Вопреки этому обѣщанію, коммиссія въ Вазѣ хотѣла примѣнить новое требованіе объ ополченіи также и къ названнымъ землямъ, въ виду того, что Густавъ IV стремился поднять численность финскихъ войскъ до 24.000. Великое Княжество, скудное средствами къ жизни, имѣло въ то время около 700.000 жителей, почему было рѣшительно не въ состояніи содержать столь большого войска [29]).

Вслѣдствіе осложненій съ Франціей, въ началѣ декабря 1806 г., войска, расположенныя въ шведской Финляндіи, получили приказаніе быть готовыми выступить въ походъ по первому требованію. Швеція имѣла въ виду, выждавъ побѣдъ Франціи надъ Россіей, напасть на насъ со стороны Финляндіи. Съ этою цѣлью шведы наводили справки о количествѣ русскихъ войскъ, выведенныхъ изъ Выборгской губерніи, и о средствахъ нашей пограничной обороны. О чувствахъ короля къ нашему двору свидѣтельствовали его отношенія къ Д. Алопеусу, который до того времени пользовался расположеніемъ Густава IV, теперь-же лишенъ былъ личнаго его вниманія.

Борьба съ Наполеономъ поглощала всѣ силы Россіи и предусмотрительный Александръ старался не увеличивать числа ея враговъ. Д. Алопеусу было поручено поэтому обратить всю заботливость на то, чтобы удержать короля Густава отъ разрыва съ нами. Король же, видимо, искалъ предлога къ ссорѣ. События временъ Екатерины показали, что внезапное нападеніе Швеціи могло грозить серьезной опасностью Петербургу. Приходилось остерегаться быть застигнутыми врасплохъ. На этотъ разъ насъ обезпечивали совершенное разстройство шведскихъ финансовъ и несомнѣнная неспособность короля.

Чтобъ не дать предлога Швеціи къ разрыву, мы дѣлали ей разныя уступки. Шведскимъ подданнымъ, при ихъ переѣздахъ въ

Россійскихъ владѣніяхъ, были предоставлены преимущества, которыхъ не имѣли другіе иностранцы. Еще одно условіе благопріятно сложилось въ нашу пользу. Для продовольствія своихъ войскъ мы нуждались въ запасахъ хлѣба въ губерніяхъ близкихъ къ прусскимъ границамъ. Съ этою цѣлью состоялся указъ 13 ноября 1806 г., ограничивавшій его вывозъ. Въ то же время Швеція страдала отъ неурожая и королевство было поставлено въ зависимость отъ иностранцевъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ ей невозможно было получить хлѣба изъ Германіи; оставалась Россія, и разрывъ тогда съ нею неизбѣжно повелъ-бы къ голоду въ Швеціи, гдѣ земледѣліе далеко не было такъ развито, какъ теперь. Это обстоятельство также сдерживало воинственные порывы короля [30]).

Время золотыхъ надеждъ для Россіи скоро миновало; ожидавшійся новый Трояновъ вѣкъ оказался несбыточной мечтой. Императору Россіи—представителю мягкой славянской расы и ученику моднаго философа-доктринера Лагарпа—недолго пришлось носиться съ туманными идеями и неопредѣленными планами. Сантиментальные разговоры о крестовыхъ походахъ «для содѣйствія спокойствію Европы», о желаніи утереть невинныя слезы, и т. п.—пришлось оставить. Французская революція разлилась опустошительнымъ потокомъ по всей Европѣ и на политическомъ горизонтѣ ярко заблистала звѣзда «исчадія» этой революціи,—маленькаго корсиканца—Великаго Наполеона. Онъ жилъ войной и солдаты служили ему цифрами для рѣшенія очередныхъ задачъ. Наполеонъ, какъ представитель романской расы, руководился опредѣленными реальными интересами. «Поэтомъ въ политикѣ» онъ становился лишь тогда, когда вопросъ касался утвержденія его потомства на тронѣ Франціи. Іена, Ауерштедтъ, Пултускъ (1806 г.) и Прейсишъ-Эйлау (1807 г.)—не замедлили отрезвить безпочвеннаго мечтателя. Особенно потрясающее дѣйствіе произвелъ на Александра I Аустерлицъ (1805 г.). Государь фактически отстранилъ отъ командованія арміей стараго Кутузова и былъ разбитъ. Ночь послѣ Аустерлица Александръ I провелъ въ подавленномъ состояніи, блуждая вокругъ поля битвы, разыскивая свои разсѣянныя войска [31]). «Аустерлицкая баталія (слова Л. Н. Энгельгардта) сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохой всего правленія». Но и Наполеонъ,

испытавъ стойкость русскихъ войскъ при Прейсишъ-Эйлау, хотя и продолжаетъ мечтать о покореніи міра, однако пишетъ Талейрану: «Я считаю союзъ съ Россіей весьма выгодной вещью». Чтобы побудить Россію къ подобному союзу, онъ наноситъ ей новый ударъ подъ Фридландомъ (въ іюнѣ 1807 г.). Наполеонъ дошелъ до границъ Россіи и нѣсколько недѣль (въ началѣ 1807 г.) оставался въ Варшавѣ. «Наполеонъ трубилъ о своей побѣдѣ на всю Европу». Послѣдняя оборонительная линія была прорвана. Его орлы носились надъ берегами Нѣмана и Вислы...

Наполеонъ сдѣлалъ попытку протянуть руку Александру. Послѣдній пошелъ къ нему навстрѣчу. Наполеонъ пригласилъ уполномоченнаго Россіи Лобанова на обѣдъ и, указывая на картѣ теченіе Вислы, сказалъ: «Вотъ граница между двумя имперіями. По одну сторону долженъ царствовать вашъ Государь, по другую—я!» [32]).

Въ Александрѣ Павловичѣ пробудился дипломатъ. Смущеніе военной неудачи прошло и воображеніе развернуло передъ нимъ рядъ заманчивыхъ картинъ будущихъ раздѣловъ царствъ и возможныхъ вознагражденій. Честь «добраго нѣмца», прекрасные глаза несчастной прусской королевы Луизы, клятвенныя обѣщанія въ Потсдамѣ и пр. до времени отошли на задній планъ. Онъ весь былъ охваченъ мыслью все устроить вдвоемъ съ Наполеономъ, безъ министровъ, безъ свидѣтелей. До сихъ поръ онъ думалъ объ уничтоженіи «чудовища», теперь—о соглашеніи съ нимъ.

Въ инструкціи Лобанову, написанной собственноручно Александромъ I, значится: «Вы скажете ему, что это единеніе между Франціей и Россіей всегда составляло предметъ моихъ желаній. Совсѣмъ новая система должна замѣнить ту, которая существовала до сихъ поръ» [33]). «Можно было бы подумать, что письмо это продиктовано Наполеономъ. Онъ выразился бы именно такъ»,—прибавляетъ французскій историкъ.

И вотъ два властелина міра въ Тильзитѣ. Они встрѣтились на плоту по серединѣ рѣки. «Декорація свиданія разставлена была Наполеономъ съ тѣмъ сценическимъ искусствомъ, которое было ему присуще». «Я ненавижу англичанъ не менѣе васъ», было первымъ словомъ императора Александра, «и готовъ васъ поддерживать во всемъ, что вы предпримете противъ нихъ».—«Если такъ», отвѣтилъ Наполеонъ, «то все можетъ быть улажено, и миръ упроченъ». Послѣ гнѣвной рѣчи противъ англичанъ, пруссаковъ и австрійцевъ, Наполеонъ прибавилъ: «Разъ Франція и Россія въ согласіи, онѣ могутъ управлять міромъ» [34]).

Государи были неразлучны. Они гуляли подъ-руку, любовались парадами, скакали верхомъ по полямъ, а вечера проводили въ бесѣдѣ. Они очаровывали одинъ другого. Пятнадцать «прекрасныхъ тильзитскихъ» дней два «арбитра Европы» провели вмѣстѣ и не было конца любезностямъ. «Они наперерывъ другъ передъ другомъ отдавались иллюзіямъ». Но изъ нихъ двухъ больше обманывалъ себя не царь. «Къ счастью», писалъ Александръ своей матери, «Бонапартъ, при всемъ своемъ геніальномъ умѣ, имѣетъ слабость,—это тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ ради спасенія Имперіи» [35]).

Англичанинъ Скринъ назвалъ Тильзитъ «измѣнническимъ миромъ.—Французскій писатель Вандаль опредѣлилъ Тильзитъ какъ «искренній опытъ мимолетнаго союза, подкладкою для котораго служила попытка взаимнаго обольщенія» [36]).

Въ Тильзитѣ, писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи Шампаньи своему дипломатическому агенту въ Петербургѣ Коленкуру (25 февраля—9 марта 1808 г.) были подписаны два договора: мирный трактатъ и союзный. Въ первомъ изъ нихъ, Франція обязуется очистить провинціи, возвращенныя прусскому королю; Россія должна очистить Валахію и Молдавію. Въ союзномъ договорѣ сказано, что если Англія отвергнетъ посредничество, предлагаемое Россіей, то Россія объявитъ ей войну. Самымъ тяжелымъ условіемъ Тильзитскаго договора было, конечно, предстоявшее и неизбѣжное присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ, придуманной Наполеономъ противъ Англіи, послѣ занятія имъ Берлина въ 1806 г.

Общее недовольство встрѣтило Александра Павловича при возвращеніи въ Россію. Въ Москвѣ, Петербургѣ и въ наиболѣе просвѣщенныхъ частяхъ русскихъ провинцій, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія при Аустерлицѣ и Фридландѣ не оскорбили народной чести; «это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не тягло»; Тильзитскій-же миръ Россія признала постыднымъ [37]). Тильзитъ въ значительной мѣрѣ поколебалъ народную привязанность къ Александру. И не удивительно. Вѣдь до Тильзита передъ алтаремъ произносилось торжественное проклятіе Наполеону. «Неудовольствіе противъ Императора болѣе и болѣе возрастаетъ, доносилъ графъ Стедингкъ королю Густаву IV, и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать» [38]).

Послы Наполеона, Коленкуръ и Лористонъ, усердно содѣйствовали распространенію ненависти къ французамъ своею

гордостью, дерзостью, и тѣмъ, что называется по французски «arrogance» [39]). Бонапартъ точно умышленно прислалъ въ Петербургъ двухъ участниковъ убійства герцога Ангіенскаго, Савари и Коленкура. Первый, принятый ледяною холодностью въ высшемъ обществѣ Петербурга, оставался недолго, за то послѣдній игралъ роль проконсула. Тяжелое, грустное время! [40]). Вся Россія, говорилъ Вигель, отъ знатнаго царедворца до малограматнаго писца, отъ генерала до солдата, вся, повинуясь, роптала съ негодованіемъ. Де-Мэстръ подтверждаетъ это заявленіе. «Императоръ знаетъ, что онъ неугоденъ всѣмъ безъ исключенія, и приближенные совѣтники его твердятъ ему, что его обвиняютъ въ недостаткѣ характера» [41])...

Все это было извѣстно Императору Александру, но не поколебало его въ принятомъ рѣшеніи поддерживать союзъ съ Франціей. Историки Александра I—генералъ Н. К. Шильдеръ и Великій Князь Николай Михаиловичъ—восхваляютъ Императора за то, что онъ рѣшился «принести въ жертву долгу и Россіи свои личныя чувства и дорогія сердцу привязанности; примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезпечилъ отечество отъ непріятельскаго вторженія и пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для Имперіи существенныя выгоды». Тильзитскій миръ огорчилъ Россію, но не ослабилъ ея: напротивъ того, далъ ей средства и поводъ продолжать войну съ Турціей и пріобрѣсти Финляндію [42]). «Нельзя приписывать поведеніе Александра въ Тильзитѣ его неопытности и молодости,—это была бы ошибка. Напротивъ того, нашъ Государь выказалъ невѣроятный тактъ, удивительное умѣнье себя держать, чарующую способность понравиться Наполеону и вполнѣ вѣрную оцѣнку тогдашнихъ обстоятельствъ» [43]). Послѣ несчастной борьбы, которую намъ пришлось выдержать противъ Франціи, она оказалась самой сильной изъ трехъ державъ, существовавшихъ на континентѣ. Интересы Россіи требовали сближенія съ этимъ опаснымъ врагомъ.

II. «Географическій врагъ». Первый періодъ войны 1808—1809 г.г.

Въ Тильзитскомъ договорѣ нѣтъ отдѣльной статьи, касающейся непосредственно Швеціи или Финляндіи. Но въ тайномъ союзѣ, заключенномъ на случай наступательной и оборонительной войны, идетъ рѣчь объ Англіи. Было условлено,—если она продолжитъ свое сопротивленіе,—побудить стокгольмскій, копенгагенскій и лиссабонскій дворы закрыть свои гавани для англійскихъ судовъ. «Я изъ Испаніи справлюсь съ Португаліей, а Вы—сказалъ во время интимной бесѣды Наполеонъ,—берите себѣ Финляндію, въ вознагражденіе за войну, которую намъ можетъ быть придется вести со Швеціей. Правда, Шведскій король Вашъ родственникъ и союзникъ, но поэтому именно, онъ долженъ слѣдовать Вашей политикѣ—или же въ противномъ случаѣ—пострадаетъ. Въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ Вамъ ни былъ, постоянно онъ Вашъ географическій врагъ. Петербургъ слишкомъ близокъ къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать громъ шведскихъ пушекъ» [44]).

Этимъ разговоромъ была рѣшена участь Финляндіи.

Здѣсь мы стоимъ передъ вопросомъ, при разрѣшеніи котораго приходится прибѣгнуть къ догадкамъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ первый предложилъ Императору Александру Финляндію и дѣйствительно ли хитрый корсиканецъ искренно желалъ усилить могущество Россіи и вознаградить ее?—Сомнительно. Такой прославленный математикъ, какъ Наполеонъ, никогда и ничего не уступалъ безъ разсчета. Въ данномъ случаѣ имъ руководили два соображенія. Нужно было наказать Густава IV Адольфа, за нежеланіе примкнуть къ континентальной системѣ и въ то же время предоставить Россіи такое вознагражденіе, которое являлось-бы «терновымъ шипомъ». Наполеонъ разсчитывалъ,

что изъ Финляндіи создастся разсадникъ смутъ на границѣ Россійской Имперіи и Александръ I пріобрѣтетъ въ Швеціи непримиримаго врага.

Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы Александръ I вовсе не думалъ о Финляндіи и не понималъ значенія ея присоединенія къ Россіи. Вопросъ о Финляндіи уже въ 1802 г. занялъ въ русской политикѣ выдающееся положеніе и война тогда со Швеціей была отклонена лишь случайно. Кромѣ того, извѣстно, что Императоръ въ интимной бесѣдѣ съ генераломъ П. К. Сухтеленомъ обсуждалъ вопросъ о наиболѣе выгодной для Россіи сѣверной границѣ. Сухтеленъ подошелъ къ картѣ и карандашемъ провелъ черту отъ Торнео до океана. «Полно, полно, сказалъ Государь: эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой, король Шведскій?—«Посердится и забудетъ», отвѣтилъ графъ Сухтеленъ; а по другой версіи онъ, якобы сказалъ: «Sire, il faut avoir un peu de philosophie» [45]).

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Императоръ Александръ I, при раздѣлѣ земель въ Тильзитѣ, принялъ Финляндію въ видѣ возмездія за испанскую корону, предназначенную дому Бонапарта. Моментъ былъ благопріятный. Противъ пріобрѣтенія Финляндіи въ другое время могли поднять свои голоса западныя державы, озабоченныя сохраненіемъ европейскаго равновѣсія; теперь-же, когда на вѣсы политики брошенъ былъ мечъ Наполеона, никто не могъ воспрепятствовать завоеванію земель, прилегавшихъ къ Русской границѣ. Императоръ Александръ I понималъ, что необходимо было воспользоваться подходящимъ случаемъ.

Въ Петербургѣ не могли не думать о Финляндіи до (и послѣ) Тильзита. Случайности войны со Швеціей были таковы, что ея армія не разъ, почти безъ большого риска, могла пройти тѣ сорокъ верстъ, которыя отдѣляли столицу Россіи отъ владѣній королей Карловъ и Густавовъ. Шведскія войска безъ особаго труда могли обстрѣливать дворецъ русскихъ Императоровъ.—Графъ Ланжеронъ удивляется, почему шведскіе короли этого не сдѣлали. Густавъ III, вмѣсто того, чтобы смѣло наступать на столицу, пустился въ переговоры съ Екатериной, требуя возвращенія петровской Финляндіи и разоруженія Россіи. 23 и 24 мая 1790 г. Петербургъ слышалъ пальбу шведскихъ пушекъ и на-скоро формировалъ отрядъ изъ караульныхъ солдатъ. «Мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года», созналась Екатерина, которая въ то же время жаловалась, говоря: «правду сказать, Петръ I близко (къ границѣ)

Валаамскій монастырь.

Свиданіе въ Тильзитѣ 13—25 іюня 1807 г.

Изъ книги „[illegible]".

сдѣлалъ столицу». Изъ всего этого ясно, что прежде всего географическое положеніе Петербурга вело естественнымъ и неизбѣжнымъ образомъ къ покоренію Финляндіи.

Дѣлу немало посодѣйствовалъ король Швеціи. Пока Россія состояла въ союзѣ противъ Наполеона, Швеціи и Финляндіи нечего было опасаться за свою участь, но въ Тильзитѣ, когда Наполеонъ выставилъ послѣднюю, какъ вознагражденіе Россіи, обстоятельства измѣнились. При новыхъ условіяхъ, Густаву IV Адольфу надлежало держаться разумной уступчивости, но онъ, вмѣсто этого, давалъ новые и новые поводы къ недоразумѣніямъ. Померанская война поставила Швецію въ крайне тяжелое финансовое положеніе. Родилась даже мысль о необходимости продажи шведскаго военнаго флота. Въ это время король вспомнилъ, что по трактату 1791 г. Россія обязалась выплачивать Швеціи, въ теченіе восьми лѣтъ, по 200.000 кредит. рикcд., и что Россія, яко-бы, не доплатила 375 т.—Случилось такъ, что субсидія, получавшаяся Россіей отъ Англіи, провозилась зимой черезъ Швецію, и Густавъ IV Адольфъ, въ началѣ 1807 г., самовольно удержалъ изъ нея, въ уплату долга, 375 т. Одновременно съ этимъ Густавъ Адольфъ отправилъ письмо Императору Александру о сдѣланномъ имъ распоряженіи, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Способъ, которымъ этотъ вопросъ съ Вашимъ Величествомъ мною рѣшается, долженъ въ достаточной мѣрѣ доказать Вамъ, какое довѣріе я питаю къ справедливости Вашего Величества и до какой степени я считаю святыми трактаты, заключенные государями». Этотъ образъ дѣйствій Короля естественно вызвалъ сильное неудовольствіе Императора Александра. «Однако, проигранное русскими сраженіе подъ Прейсишъ-Эйлау требовало дальнѣйшаго сохраненія добрыхъ отношеній со Швеціею, и потому Императоръ приказалъ все это дѣло замять» [46]).

Второй опрометчивый шагъ стокгольмской дипломатіи заключался въ томъ, что Густавъ IV Адольфъ, послѣ Тильзитскихъ событій, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ континентальной системѣ, заключилъ союзъ съ Англіей. Стедингкъ проникъ въ тайну Тильзитскаго договора и указалъ своему королю на возможность существованія въ ней секретной статьи, заключавшей въ себѣ обѣщаніе Александра I заставить Швецію закрыть свои порты для Англіи. Но упрямый Густавъ IV Адольфъ не внялъ предостереженію своего умнаго дипломата.

Робертъ Генрихъ Ребиндеръ, впослѣдствіи графъ и министръ статсъ-секретарь Финляндіи, даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ

Souvenirs de ma vie» слѣдующую интересную картину. Лѣто 1807 г. онъ провелъ у близкихъ родственниковъ въ Стокгольмѣ. Прежде чѣмъ онъ вернулся въ Финляндію, дружескій кружокъ этого общества собрался для прощальной бесѣды и пирушки. Всѣ были по прежнему веселы, остроумны, лишь старый и свѣдущій въ политикѣ Нильсъ фонъ-Розенштейнъ сидѣлъ задумчивый и неразговорчивый. «Если не ошибаюсь, сказалъ онъ наконецъ, большой кризисъ надвигается на Финляндію. Поговариваютъ о секретныхъ статьяхъ въ недавно заключенномъ мирѣ при Тильзитѣ. Но у нашего короля свои принципы и онъ не отступитъ, а потому, то, что предвидѣли пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, исполняется, и ваше отечество перейдетъ во власть русскихъ». Слова оказались пророческими.

Представителемъ Швеціи при Россійскомъ дворѣ состоялъ генералъ баронъ Куртъ фонъ-Стедингкъ. «Дипломатъ этотъ отличался обширнымъ умомъ и возвышенными чувствами». Въ обращеніи онъ былъ очень простъ, судилъ здраво, проявлялъ постоянно и честность, и тактъ, словомъ, во всѣхъ случаяхъ велъ себя безупречно. Обладая замѣчательною прозорливостью, вѣрностью взгляда, онъ правильно понималъ и людей и событія. Мѣсто посла онъ занималъ (съ 1790 г.) въ продолженіи трехъ царствованій и среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ пользовался въ Петербургѣ всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. «Изъ всѣхъ людей, когда либо встрѣченныхъ мною,—вспоминаетъ князь Адамъ Чарторыйскій,—онъ показался мнѣ самымъ лучшимъ, самымъ достойнымъ довѣрія, однимъ изъ тѣхъ, кого нельзя не любить и не желать имѣть постоянно своимъ другомъ. Я думаю, что онъ былъ другомъ мнѣ настолько, насколько позволяла это разность нашихъ положеній, которая должна была позднѣе окончательно удалить насъ одного отъ другого».

Стедингкъ пользовался большимъ расположеніемъ Императора Александра и уваженіемъ дипломатическаго корпуса. По возвращеніи изъ Тильзита во время аудіенціи, которую Стедингкъ имѣлъ 9 августа у Императора, этотъ послѣдній выразилъ сожалѣніе, что былъ вынужденъ заключить миръ, вслѣдствіе того, что всѣ союзники—исключая шведскаго Короля—покинули его; при этомъ Императоръ воспользовался случаемъ, чтобы напомнить Стедингку о той большой опасности, которая угрожала шведскому Королю, если онъ будетъ продолжать упорствовать въ своемъ нежеланіи признать Бонапарта и если онъ не постарается обезопасить себя отъ его нерасположенія [47]).

Едва разъѣхались государи, дѣлившіе тогда свое вліяніе надъ Европой, какъ Наполеонъ (14—26 авг. 1807 г.) шлетъ Александру запросъ: «Я горю нетерпѣніемъ узнать, что намѣрены предпринять Ваше Величество для оказанія помощи Даніи и принужденія шведскаго Короля дѣйствовать заодно съ ней, такъ какъ его побуждаетъ къ тому его истинная выгода, независимость Балтійскаго моря» [48]). Повелитель Россіи, конечно, не успѣлъ еще приступить къ исполненію своихъ обязательствъ, но бывшій адъютантъ Наполеона, а теперь его представитель при петербургскомъ дворѣ, Савари удостовѣряетъ, что Александръ I твердо и честно держится того, что произошло и что обѣщалъ. Онъ воодушевленъ тѣми же чувствами, которыя выказаны въ Тильзитѣ; вездѣ выражается желаніе поддержать то, что тамъ совершилось [49]).

Министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи—Шампаньи,—также не теряя времени, началъ твердить своему агенту въ Россіи о томъ, что вопросъ идетъ о защитѣ независимости Балтійскаго моря; старинными договорами эта обязанность возложена была на Швецію. Какъ бы слѣпъ ни былъ ея Король, онъ не можетъ не сознавать этого долга и этихъ интересовъ. Слѣдовательно, надо предложить ему дѣйствовать заодно съ Россіей и Даніей, запереть свои гавани для англичанъ и объявить имъ войну... Но если сумасбродный характеръ короля побудитъ его не соглашаться вступиться за общее дѣло, за свободу морей и независимость Балтійскаго моря, то Императоръ Франціи думаетъ, что его надо принудить къ этому; въ то время, когда русскій Императоръ вышлетъ изъ С.-Петербурга англійское посольство, надо выслать также и шведское, и война должна быть объявлена той и другой державѣ. Это объявленіе должно сопровождаться предупредительными мѣрами. Шведская Финляндія должна быть захвачена Россіей [50]). Нужно, чтобы Россія строго говорила со Швеціей, и она послушается. Иначе говоря, Франція старалась раздуть огонекъ Тильзита въ большое пламя. Цѣль ея, видимо, достигалась и Александръ I все болѣе и очевиднѣе склонялся слѣдовать совѣтамъ Наполеона. Для окончательнаго достиженія этой цѣли Шампаньи совѣтовалъ Савари: «поддерживайте дружбу, которой удостаиваетъ васъ Государь; овладѣвайте все болѣе и болѣе его довѣріемъ. Говорите ему почаще—какую цѣну Императоръ придаетъ его союзу и его привязанности».

Отвѣчая на нетерпѣніе Наполеона, Государь писалъ (10—22 сент. 1807): «Мнѣ нужно только время, необходимое для

*

моихъ войскъ, чтобъ возвратиться съ береговъ Нѣмана въ Финляндію, которая ихъ совершенно лишена. Ваше Величество можете расчитывать, что ко времени, условленному между нами, я буду вполнѣ готовъ». «Что касается Швеціи—говорилъ Императоръ генералу Савари,—я еще не готовъ, и я прошу времени на реорганизацію моихъ полковъ, сильно пострадавшихъ за послѣднюю войну; они должны быть перемѣщены изъ южной части государства въ сѣверную. Теперь они весьма удалены отъ Финляндіи. Кромѣ того, моя армія недостаточна для подобнаго театра. Я не желаю рисковать потерпѣть пораженіе отъ столь маленькой страны. Скажите поэтому вашему Императору, что я сдѣлаю нападеніе на Швецію, какъ только будутъ закончены соотвѣтствующія приготовленія, но я долженъ все-же выждать декабря или января мѣсяцевъ».

Наблюдавшіе за Россіей члены французскаго дипломатическаго корпуса доносили своему правительству, что русскіе дѣйствительно высылали мало-по-малу войска въ Финляндію и готовы, кажется, дѣйствовать по первому сигналу [51]), что Россія поступитъ со Швеціею такъ, какъ того желалъ Императоръ: начавъ путемъ переговоровъ, будутъ продолжать угрозами [52]).

Войска сосредоточивались въ старой Финляндіи, въ окрестностяхъ Вильманстранда, Нейшлота и Фридрихсгама. Черезъ Петербургъ полки проходили ночью [53]).

«Все, что съ мѣсяцъ дѣлается въ Финляндіи, доносилъ Савари, является исполненіемъ желаній Императора... Нерѣшительность стокгольмскаго кабинета будетъ стоить королевству одной изъ провинцій» [54]).

Эти свѣдѣнія совпадали съ тѣми, которыя сообщалъ въ Стокгольмъ посолъ Стедингкъ. Послѣдній писалъ (17 октября), что четыре русскихъ дивизіи сосредоточиваются къ финляндской границѣ. Онъ давно слышалъ объ этомъ, но только теперь, благодаря своимъ связямъ въ дипломатическомъ корпусѣ, узналъ достовѣрно, что «это дѣйствительно такъ и есть».

То, что дѣлалось Россіей подъ давленіемъ Франціи, отнюдь не таило въ себѣ коварныхъ замысловъ противъ Швеціи. Наша сосѣдка открыто и честно предупреждалась о требованіяхъ, выставленныхъ Наполеономъ. Ей опредѣленно предлагался удобный выходъ изъ неблагопріятнаго положенія. Императоръ Александръ I исполнялъ свои тильзитскія обязательства по отношенію къ Швеціи, но, видимо, неохотно, не спѣша, а главное—съ непрекращавшейся надеждой, что оружія ему не придется обна-

жить. Нотою отъ 1-го августа ст. ст. 1807 г. Стедингка увѣдомили, что Императоръ Александръ «по уваженію очевидной перемѣны, послѣдовавшей въ общихъ дѣлахъ Европы», надѣется что «Его Шведское Величество съ своей стороны рѣшится положить конецъ кровопролитію». Графъ Румянцевъ поручилъ затѣмъ нашему министру въ Стокгольмѣ Давиду М. Алопеусу употребить всѣ усилія, чтобы убѣдить Короля отказаться отъ союза съ Англіей, такъ какъ Россія особенно нуждается въ содѣйствіи Швеціи для закрытія Балтійскаго моря. Въ то же время Императоръ Александръ лично раскрылъ королю Густаву новыя политическія отношенія на сѣверѣ Европы (открыто осудивъ самоуправство Англіи въ Копенгагенѣ) и просилъ принять такія мѣры, которыя могли бы послужить къ обоюдной пользѣ державъ [55]). Во второй оффиціальной нотѣ отъ 24-го сентября ст. ст. того же 1807 г. говорилось, что Государь Императоръ готовъ исполнить свои обѣщанія, и онъ хочетъ остаться вѣрнымъ обязательствамъ, принятымъ въ отношеніи къ дворамъ шведскому и датскому договоромъ 1780 и трактатомъ 1800 годовъ.

Отвѣтъ Короля былъ не ясенъ; нотой, врученной его посломъ графу Румянцеву, казалось, что шведское правительство приглашало Россію къ союзу съ Англіей. Въ то же время донесенія Алопеуса опредѣленно показывали, что Швеція твердо рѣшила держаться союза съ нашими непріятелями. На аудіенціи, данной (15-го окт. н. ст. 1807 г.) Алопеусу, Король не только не порицалъ насильственныхъ дѣйствій Англіи, но находилъ ея поступокъ совмѣстнымъ съ обстоятельствами [56]). Въ заключеніе Король не изъявилъ согласія содѣйствовать къ закрытію Балтійскаго моря.

Чѣмъ ближе надвигался срокъ исполненія тильзитскаго договора, тѣмъ настойчивѣе становились напоминанія изъ Франціи. На Императора Россіи дѣйствовали разными способами. Между прочимъ достали весьма конфиденціальный пасквиль Вильсона, и экземпляръ этой брошюры представили Государю, чѣмъ снова зажгли ненависть его къ англичанамъ [57]).

13 ноября 1807 на аудіенціи у Государя Стедингкъ говорилъ о невозможности Швеціи порвать добрыя отношенія съ Англіей. Императоръ отвѣчалъ общими фразами, указывалъ на необходимость уступокъ желаніямъ Наполеона, какъ на единственное средство сохранить миръ. Когда Стедингкъ пожелалъ узнать о причинахъ сосредоточенія войскъ на финляндской границѣ, Императоръ отвѣтилъ, что онъ «хочетъ имѣть войска подъ рукою, въ

случаѣ надобности», и что «онъ не имѣетъ стремленія къ завоеваніямъ».

Почти подобная же сцена происходила въ Швеціи. Король пригласилъ къ себѣ русскаго министра Алопеуса и сообщилъ ему, что обстоятельства заставляютъ шведское правительство послать главнокомандующаго въ Финляндію на свой постъ и собрать тамъ полки. Король желалъ открыто объ этомъ заявить, «дабы въ Россіи знали, что вооруженія въ Финляндіи имѣютъ лишь оборонительную цѣль». Алопеусъ отвѣтилъ, что слухъ о вооруженіи очень преувеличенъ, и что оно безъ сомнѣнія имѣло въ виду помѣшать высадкѣ англичанъ.

«Изъ всѣхъ державъ континента,—писалъ Наполеонъ Александру I 25 ноября (7 дек.) 1807 г.,—только Швеція находится въ мирѣ съ Англіей. Ваше Величество, вѣроятно, примете на этотъ счетъ свои мѣры»! Въ это же время (26 ноября—8 декабря) Александръ сообщилъ Наполеону: «Съ каждымъ днемъ узы, связывающія меня съ Вашимъ Величествомъ, мнѣ дѣлаются дороже, и я испытываю истинное удовольствіе быстро двигать къ концу планъ Тильзита. Мнѣ остается только покончить дѣло со Швеціей, что будетъ въ скоромъ времени исполнено».—Министръ же Румянцевъ говорилъ новому представителю Франціи Коленкуру: «Императоръ ожидаетъ отвѣта изъ Швеціи: дурная погода его задерживаетъ. Но мы готовы: 50,000 человѣкъ находятся въ Финляндіи, и дѣло будетъ скоро рѣшено. Все заставляетъ думать, что Швеція образумится: таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе ея посланника. Мы во всѣхъ отношеніяхъ выполнимъ наши обязательства. Императоръ доказалъ это, такъ какъ онъ объявилъ войну англичанамъ. Онъ рабъ своего слова; Императоръ Наполеонъ можетъ разсчитывать на насъ; но ради нашей чести и вашей выгоды, которая связана съ нашей, дайте намъ возможность представить народу преимущества новаго порядка вещей» [58]).

Возраставшая интимность Императоровъ не ускользнула отъ вниманія Стедингка. Тучи сгущались надъ головой Короля. И въ это время онъ новымъ своимъ поступкомъ окончательно испортилъ отношеніе къ Россіи. Въ ноябрѣ 1807 г. онъ вернулъ Александру Павловичу знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Стедингкъ былъ въ отчаяніи, исполняя это порученіе. «Теперь должно ожидать наихудшаго»,—пишетъ онъ,—«если не желаютъ сюрприза. Я не знаю, дадутъ-ли мнѣ трижды 24 часа остаться въ Петербургѣ». Въ день полученія русскаго ордена, Стедингкъ послалъ его графу Румянцеву.—29 ноября въ Швецію выѣхалъ

русскій курьеръ со знаками ордена Серафимовъ и собственноручнымъ письмомъ Императора къ Королю. Вотъ его содержаніе: «Мой Братъ, Своякъ и Кузенъ. Предвидя, что Ваше Величество намѣрены вернуть мнѣ орденъ св. Андрея, я, дабы облегчить Вамъ это, дѣлаю первый шагъ и возвращаю Вамъ орденъ Серафимовъ, который я отъ Васъ получилъ».

Послѣ разрыва съ Англіей, Россіи естественно было опредѣленно знать, намѣренъ-ли и готовъ-ли Густавъ воспрепятствовать Великобританіи возобновить противъ Даніи, или другой прибалтійской державы, покушеніе, которое нельзя было оставить безнаказаннымъ. На эту ноту (16—28 ноября 1807 г.) довольно угрожающаго свойства не получено было удовлетворительнаго отвѣта. 30 декабря ст. ст. 1807 г. послѣдовало еще болѣе рѣшительное требованіе нашего правительства. Государь Императоръ «не сожалѣетъ,—читаемъ въ этой нотѣ,—что имъ были до сего времени истощены всѣ средства, въ его власти находившіяся, для того, чтобы вновь обратить шведскаго Короля къ единственной политической системѣ, годной для сего королевства, но что наконецъ онъ обязанъ, во вниманіе къ своимъ подданнымъ, къ безопасности своего государства, которая составляетъ священнѣйшій его долгъ, не оставлять нерѣшеннымъ вопроса о совокупномъ дѣйствіи Швеціи съ Россіей и Даніей противъ Великобританіи. Его Императорское Величество желаетъ имѣть по этому предмету опредѣленный и окончательный отвѣтъ, и при томъ безотлагательно... Императоръ не можетъ оставлять въ неопредѣленномъ положеніи отношенія Швеціи къ Россіи, поэтому ему невозможно допустить ея нейтральности; но онъ возобновляетъ теперь и при томъ въ послѣдній разъ передъ Королемъ, его свойкомъ, и со всею горячностью истинной дружбы, настоянія, уже сдѣланныя прежде, дѣйствовать совокупно съ Даніей и съ нимъ противъ Великобританіи. Если отвѣтъ его Величества Короля шведскаго будетъ несогласенъ съ желаніями Императора, если этотъ отвѣтъ не будетъ данъ во время, то Его Императорскому Величеству останется только прибѣгнуть безотлагательно ко всѣмъ средствамъ, которыя ему даны Провидѣніемъ для того только, чтобы онъ употреблялъ ихъ въ защиту своей Имперіи, и объ этомъ онъ предваряетъ Короля» [39]).

Нѣкоторое отраженіе рѣшимости русскаго правительства покончить съ затяжнымъ вопросомъ, можно наблюсти въ слѣдующемъ письмѣ Коленкура: «Войска въ Финляндіи и Императоръ отправится самъ къ своей арміи, если Швеція не присоединится

къ общему дѣлу материка. Шведы не готовы. Россія имѣетъ прекрасное войско, которое будетъ много страдать, такъ какъ страна до того безплодна, что придется возить туда все изъ Петербурга» [60]).

Подъ ногами короля Густава разверзалась пропасть, но онъ не предпринялъ ничего существеннаго для предотвращенія опасности. Для собственной пользы и пользы своего государства, Король поступилъ бы благоразумнѣе,—писалъ Эренстрёмъ въ своихъ запискахъ, — уступивъ настоятельной необходимости. Но политическія требованія не дѣйствовали на его непреклонное упорство [61]). Спокойные и разсудительные шведы понимали всю опасность вторженія русскихъ зимой въ предѣлы Финляндіи, а потому трое изъ нихъ—Эренстрёмъ, гр. Угласъ и генералъ Армфельтъ,—прибѣгли къ слѣдующей хитрости, чтобы побудить Короля къ какому либо шагу для отвращенія опасности хотя-бы до весны. Эренстрёмъ составилъ le revu d'un bon citoyen (мечта добраго гражданина), которое было графомъ Угласомъ передано Королю съ сокрытіемъ истиннаго имени автора. Эрнестрёмъ началъ письмо свое съ изложенія опасности, грозившей Финляндіи, предоставленной защитѣ собственными силами въ случаѣ, если-бы страна эта въ зимнее время подверглась нападенію сильнаго врага; онъ выразилъ убѣжденіе, что потеря Финляндіи, если ее нельзя будетъ предотвратить, явится незамѣнимою потерею для Швеціи, которая черезъ это утратитъ около трети своей территоріи и своего народонаселенія и лишится вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, а также сильнаго и важнаго оплота противъ Россіи. «Citoyen» осмѣлился прибавить, что эта потеря, если она произойдетъ, можетъ также подвергнуть большимъ опасностямъ самого Короля, его корону и его семейство; citoyen настаивалъ на томъ, что такъ какъ опасность была самая большая въ теченіе наступающей зимы, то крайнею необходимостью являлось изысканіе средства для замедленія нападенія до весны, когда оно, по всей вѣроятности, станетъ уже невозможнымъ. И такъ какъ Король не согласенъ отказаться отъ союза съ Англіей и искать мира съ Франціей, то отклонить опасность представляется одно только средство, къ которому Король, изъ любви къ своему народу и заботясь о благѣ своего государства, безъ сомнѣнія, рѣшится прибѣгнуть. По крайнему разумѣнію автора письма, средство это состоитъ въ томъ, чтобы Король собственноручно написалъ письмо своему свояку, Императору Александру I, въ которомъ-бы выразилъ свое сожалѣніе о возникшихъ неудовольствіяхъ, свое же-

ланіе предотвратить бѣдствія войны, уладивъ ихъ безъ пролитія крови, и для достиженія этого, предложилъ-бы личное свиданіе обоихъ Монарховъ въ какомъ-нибудь пограничномъ мѣстѣ Финляндіи, присовокупивъ, что онъ такъ увѣренъ въ согласіи Императора на его предложеніе, что не ожидая возвращенія посланнаго имъ курьера, и чтобы доказать искреннее свое желаніе сохранить миръ между обоими государствами, онъ безотлагательно выѣдетъ въ Финляндію. Но такъ какъ въ это время года переправа на Аландъ очень затруднительна, то Его Королевское Величество намѣренъ отправиться черезъ Торнео къ тому мѣсту, которое будетъ избрано Императоромъ для свиданія [62]). Планъ понравился Королю, и онъ, повидимому, началъ склоняться къ исполненію предложеннаго; но, вспомнивъ объ отсылкѣ имъ ордена св. Андрея Первозваннаго, сказалъ: «Странное это будетъ свиданіе: Императоръ въ своей лентѣ, а я въ своей». И планъ рушился.

Коленкуръ не терялъ времени и, на подобіе Мефистофеля, продолжалъ крайне назойливо «понуждать» Румянцева, изощряясь на разные лады въ доказательствахъ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій противъ Швеціи.

Однажды Государь намѣренъ былъ ѣхать въ Финляндію; Коленкуръ сказалъ: «И я поѣду съ Его Величествомъ, потому что въ моихъ инструкціяхъ приказано мнѣ именно не отлучаться отъ Государя». Вслѣдствіе сего отзыва поѣздка въ Финляндію была отмѣнена.

1-го (13) января 1808 г. Коленкуръ сообщалъ: «Вслѣдъ за общими соображеніями я далъ почувствовать Императору необходимость дѣйствовать скорѣе. Императоръ говорилъ мнѣ о препятствіяхъ, представляемыхъ временемъ года; о срокѣ, необходимомъ для прибытія дивизіи; о боязни, чтобы флотилія Свеаборга не ускользнула, если портъ еще не замерзъ. Мнѣ не трудно было дать ему почувствовать, что всѣ эти затрудненія легко могли быть устранены . . . Я прибавилъ еще, что занятіе Финляндіи вещь самая легкая». Вотъ краткое изложеніе того, что Императоръ соблаговолилъ мнѣ отвѣтить: «Нота будетъ въ самомъ скоромъ времени передана шведскому послу, войска начнутъ дѣйствовать въ первыхъ числахъ января (русскаго стиля), такъ что все будетъ окончено, самое позднее, въ февралѣ. Изъ Стокгольма не станутъ ждать отвѣта. Дѣйствія будутъ подвинуты быстро» [63]).

Засимъ начинаются колебанія, столь обычныя въ дѣлахъ Александра I. Правда, что этотъ разъ причинъ было много. Съ

одной стороны, завоеваніе Финляндіи являлось, конечно, заманчивымъ и необходимымъ, такъ какъ ея присоединеніемъ къ Россіи было-бы закончено завѣтное дѣло Петра Великаго и осуществлена идея, давно подсказанная Россіи ходомъ ея исторіи: государство нуждалось въ морѣ и обладаніи ея берегами. Швеція несомнѣнно являлась «географическимъ врагомъ Россіи» и съ нею надлежало свести вѣковые счеты. Съ другой стороны Императоръ Александръ I не терялъ надежды одними угрозами побудить Густава IV Адольфа къ измѣненію его политической системы. «Мнѣ помнится», — говорилъ Императоръ, — «Наполеонъ однажды сказалъ, что ему не хотѣлось-бы обращаться слишкомъ сурово со Швеціею, такъ какъ она долгое время была одною изъ самыхъ вѣрныхъ союзницъ Франціи. Я думаю поэтому, что я поступлю согласно намѣреніямъ Императора, если только заставлю Швецію заключить миръ, и вы увидите, что она это сдѣлаетъ, не дождавшись и перваго пушечнаго выстрѣла». Кромѣ того Государю приходилось считаться съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое далеко не было враждебно настроено къ Швеціи. Борьба съ Англіей представлялась серьезной, а вознагражденіе Россіи, присоединеніемъ Финляндіи, — недостаточнымъ. «Финляндія», какъ говорилъ Государь французскому представителю, — «куда вы заставляете меня итти, — пустыня, обладаніе которою не можетъ соблазнять. Кромѣ того, эта пустыня должна быть взята у стараго союзника, родственника, и притомъ вѣроломнымъ образомъ, оскорбляющимъ національное чувство и могущимъ подать врагамъ союза предлогъ къ вмѣшательству . . . Вы упорно требуете, чтобы я объявилъ Швеціи войну. Я готовъ сдѣлать это; моя армія на границѣ; но что-же вы намъ дадите за наши жертвы? — Валахія и Молдавія—вотъ вознагражденіе, ожидаемое народомъ, и этого вы хотите лишить насъ».

Валахія и Молдавія — вотъ куда направлены были помыслы Повелителя Россіи. Условія времени требовали прежде всего ихъ присоединенія. Но на это Наполеонъ соглашался условно и уклончиво. Съ цѣлью прикрытія истинныхъ своихъ цѣлей, Наполеонъ прибѣгалъ къ измышленіямъ: «Скажите Императору, что я не далекъ отъ мысли объ экспедиціи въ Индію, отъ мысли о раздѣлѣ оттоманской имперіи. Къ 1-му мая мои войска могутъ быть въ Азіи, и къ тому-же времени войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ [64]). Но Императоръ Александръ I былъ очень опытенъ въ вопросахъ обаянія, чтобы позволить обмануть себя этими фантасмагоріями. Въ его глазахъ все выдавало двойную игру Наполеона

съ турками, которыхъ онъ тайно поддерживалъ, и со шведами, которымъ онъ угрожалъ только на словахъ. Относительно Швеціи съ его стороны было много шуму и мало дѣла. «Вы прекрасно понимаете, — сознается Наполеонъ, — что въ дѣйствительности мнѣ не такъ-то легко отправить моихъ солдатъ противъ Швеціи, и что мои заботы не тамъ» [65]). Его заботы были въ Испаніи и Италіи; онъ хотѣлъ въ тоже время, чтобы Россія не перешагнула за Дунай. Если онъ возвѣщалъ, что его армія соединится съ русской подъ стѣнами Стокгольма, то это говорилось лишь для того, чтобы отвлечь Александра I отъ юга Европы.

Вся его выдумка была насквозь понята проницательнымъ и неуловимымъ русскимъ Государемъ.

Вся миссія маркиза Армана Коленкура въ Петербургѣ сводилась именно къ тому, чтобы разными проектами отвлечь вниманіе Россіи отъ юга, отъ Дуная. Заплатить за Тильзитъ Молдавіей, Валахіей и раздѣломъ Турціи—значило въ глазахъ Наполеона купить союзъ Россіи слишкомъ дорогой цѣной. Для отвлеченія русскихъ силъ отъ Балканскаго полуострова, Наполеонъ и совѣтовалъ Александру I приступить къ завоеванію Финляндіи.

Видя колебанія Александра I, а также и для того, чтобы связать русскій дворъ, опытный Коленкуръ настоялъ на отсылкѣ копіи съ объявленія войны въ Парижъ прежде чѣмъ это объявленіе будетъ предъявлено Швеціи [66]). Бесѣды Коленкура съ Императоромъ о Финляндіи были часты и продолжительны. Чтобы усыпить подозрительность Государя, Коленкуръ не разъ давалъ ему совѣты относительно военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. Александръ обѣщалъ наконецъ «ускорить походъ въ Финляндію», но выразилъ при этомъ желаніе видѣть диверсію французовъ въ Сконіи (янв. 1808 г.).

Имѣя передъ глазами все то упорство, съ которымъ дѣйствовала Франція, побуждая Россію къ войнѣ со Швеціей, графъ Румянцевъ не безъ основанія могъ сказать: «Вы насъ очень подгоняете...» (февр. 1808 г.).

Приготовленія русскихъ приходили къ концу. Наибольшее затрудненіе представляла заготовка продовольствія на армію. Стедингкъ—другъ мира, какъ характеризовалъ его Савари,—огорчался поведеніемъ своего двора, но въ то-же время настолько внимательно слѣдилъ за мобилизаціонными работами, что въ концѣ января 1807 г. имѣлъ возможность сообщить своему правительству: «объявленіе войны уже подписано». Правда, что Коленкуръ открыто говорилъ о наступленіи конца какъ правленію Густава IV Адольфа,

такъ и Швеціи [67]); но изъ этого нельзя было сдѣлать тѣхъ выводовъ, которые опредѣленно сообщались Швеціи. Стедингкъ до такой степени оказался въ курсѣ наисекретнѣйшихъ русскихъ дѣлъ, что въ состояніи былъ заблаговременно ознакомить Короля съ планомъ военныхъ дѣйствій Россіи при проектированномъ нападеніи на Финляндію. «Опасность очень велика. Нельзя терять ни минуты. Планомъ дѣйствій Россіи является нападеніе на Финляндію въ трехъ пунктахъ». Стедингку сдѣлалось извѣстнымъ также, что русскія войска, несмотря на всѣ понужденія французской дипломатіи, не въ состояніи были начать похода ранѣе конца февраля 1808 г. или марта. Какими путями эти важныя сообщенія дошли до бдительнаго посланника, вытекаетъ изъ слѣдующаго. Императоръ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ генераломъ Спренгтпортеномъ, который отчасти по старости, отчасти по чванливости и гордости отъ оказанныхъ ему милостей, не въ состояніи былъ соблюсти должной молчаливости. «Отъ его окружающихъ, — пишетъ Стедингкъ, — я узналъ объ окончательномъ рѣшеніи завоевать Свартгольмъ, Свеаборгъ и Гангеуддъ до открытія навигаціи. Надѣются такимъ образомъ завладѣть нашимъ незначительнымъ флотомъ и всей Финляндіей, прежде чѣмъ Ваше Величество успѣете прислать подкрѣпленіе... Если въ Свеаборгѣ будетъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то весьма вѣроятно, что имъ можетъ посчастливиться, но можно ожидать, что финны, которые преданы Вашему Величеству, приложатъ всѣ свои старанія, и этотъ важный пунктъ, такимъ образомъ, будетъ спасенъ» [68]).

Когда уже не оставалось никакого сомнѣнія въ намѣреніяхъ русскихъ, Стедингкъ 29 января сообщилъ о нихъ не только Королю, но и главнокомандующему въ Финляндіи, генералу Клеркеру. «Черезъ двѣ-три недѣли, — писалъ онъ, — можно ожидать нападенія. Непріятель имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 60.000 человѣкъ. Русскіе надѣются, что Финляндію легко завоевать менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, но я полагаюсь на вѣрность финновъ и ихъ отвращеніе къ чужому игу» [69]).

Русскіе министры и генералы заявляли Стедингку, «что Императоръ противодѣйствовалъ войнѣ со Швеціей, и что нація была противъ нея». Русскіе простерли свою сердобольную откровенность такъ далеко, что убѣждали Стедингка въ необходимости принять энергичныя мѣры для обороны Финляндіи, дабы страна не была захвачена врасплохъ [70]).

Но такъ какъ война все еще не была объявлена, то Франція продолжала понуждать и ободрять. Наполеонъ писалъ Коленкуру:

«Скажите ясно Императору, что я желаю всего того, чего онъ желаетъ. Я приказалъ Бернардоту отправить въ Сконію 14.000 французовъ и голландцевъ. Я не буду мѣшать Императору Александру завладѣть Швеціей, даже Стокгольмомъ»... Въ другомъ письмѣ Императора французовъ читаемъ: «Вы, Ваше Величество, желаете отдалить шведовъ отъ своей столицы; раздвиньте Ваши границы съ этой стороны такъ далеко, какъ пожелаете, я готовъ помочь въ этомъ всѣми моими средствами» [71]).

Послѣдняя аудіенція Алопеуса у шведскаго Короля состоялась 27 января ст.ст. 1808 г. Король утверждалъ, что не имѣетъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи, но въ тотъ-же день его министръ подписалъ условія съ Англіей о новыхъ субсидіяхъ.

На аудіенціи, данной Стедингку въ началѣ февраля, Императоръ Александръ I, въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что онъ ранѣе писалъ Густаву Адольфу, сказалъ, что страдаетъ при мысли о ссорѣ со шведскимъ Королемъ, но принужденъ къ этому силою обстоятельствъ, такъ какъ Король отказался отъ союза съ Россіей. «Опасность идетъ не съ моей стороны! Богъ мой свидѣтель, что я не стремлюсь захватить ни одной деревни, т. е. у васъ. Со стороны Норвегіи и Сконіи вы должны обезпечить себя—вотъ откуда грозитъ дѣйствительная опасность. Спасеніе, говоритъ Императоръ, зависитъ только отъ Короля. Пусть онъ войдетъ со мною въ союзъ, пусть онъ на мгновеніе покорится закону необходимости. Въ данную минуту ни я, ни какой другой Монархъ не можетъ противостоять французскому оружію. Необходимо покориться обстоятельствамъ». Стедингкъ вынесъ то убѣжденіе, что нѣтъ больше надежды, что Императоръ и его министры были объяты страхомъ передъ французами. Кажется въ это время имя Наполеона дѣйствительно вызывало въ Александрѣ I чувство обожанія съ примѣсью доли боязни.

Швеціи объявлена была война. Стедингку декларація была вручена послѣ 5 февраля. «Всѣ командующіе генералы отправились къ границѣ,—писалъ Стедингкъ,—и скотина Спренгтпортенъ составилъ имъ компанію»... [72]).

Изложенная переписка свидѣтельствуетъ, что стокгольмскій дворъ былъ многократно предупрежденъ и указанія нашей дипломатіи были не двусмысленныя. Королю Густаву дали время одуматься и приготовиться. Необходимо отмѣтить, что переходъ границы въ день врученія деклараціи шведскому послу, состоялся по настоянію Франціи. «Я счелъ моимъ долгомъ,—писалъ Коленкуръ своему начальнику,—возобновить мою просьбу о томъ,

чтобы войска начали дѣйствовать въ то самое время, когда нота будетъ передана посланнику, а не послѣ отвѣта Короля, такъ какъ слишкомъ много времени было уже потеряно. Императоръ отвѣчалъ утвердительно. Я отправился сейчасъ-же къ Румянцеву, чтобы познакомиться съ нотой и съ его депешей къ русскому министру въ Стокгольмѣ. Замѣтивъ, что, повидимому, судя по нотѣ, хотѣли отложить дѣйствія до королевскаго отвѣта, котораго намѣривались ждать только въ теченіе трехъ дней, я сказалъ министру, что Его Величеству угодно было трижды обѣщать мнѣ въ различное время, что дѣйствовать начнутъ какъ только вручатъ ноту шведскому посланнику, если только онъ не дастъ сейчасъ-же удовлетворительнаго отвѣта [73]). Вспоминали при этомъ двукратное поведеніе Англіи подъ стѣнами датской столицы, когда нападенія произведены были не только безъ объявленія войны, но и безъ предварительной размолвки. Швеція была ея союзницей, и потому къ ней считали вполнѣ примѣнимымъ тотъ-же способъ дѣйствія.

Въ февралѣ сѣверные вѣтры, снѣжные туманы и плавающіе льды прекратили всякое сообщеніе между Або и Грислехамномъ. Послѣднія депеши Стедингка дошли по назначенію лишь черезъ двадцать слишкомъ дней. Свѣдѣнія о переходѣ русскихъ войскъ черезъ границу достигли Стокгольма только 2-го марта. Офиціальныя депеши и ультиматумъ русскаго правительства были перехвачены, по приказанію Короля, у курьера 7-го марта. Изъ этихъ депешъ въ Швеціи узнали о положеніи дѣла. Разгнѣванный Густавъ Адольфъ сейчасъ-же отдалъ приказаніе арестовать русскаго министра Д. Алопеуса и конфисковать его архивъ. Чинамъ русской миссіи воспрещенъ былъ выходъ изъ дома. Ко всѣмъ дверямъ приставили караулы, а въ комнатахъ размѣстились многочисленные полицейскіе чины [74]). Въ неожиданномъ нападеніи, безъ объявленія войны, шведское правительство усмотрѣло «отпечатокъ вѣроломства» и потому признало себя въ правѣ насильственно прекратить дипломатическія обязанности Алопеуса. «Я надѣялся, что заарестованіе Алопеуса произведетъ большое впечатлѣніе въ городѣ,—писалъ изъ Петербурга Коленкуръ,—но оно незначительно .

Стедингку, въ виду его популярности въ Финляндіи, предложено было вернуться въ Стокгольмъ черезъ Мемель. Только 6 іюля онъ высадился со своего судна на берегъ Швеціи. Тотъ-же шведскій фрегатъ послѣ того доставилъ Алопеуса въ Россію.

Если вѣрить біографу шведскаго фельдмаршала Толля, планъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи былъ составленъ по взаимному соглашенію обоихъ Императоровъ. Наполеонъ опредѣлилъ для этой войны четыре дивизіи. Главнокомандующимъ своей арміи онъ назначилъ маршала Бернадота, принца Понте-Корво; онъ долженъ былъ перейти черезъ оба Бельта и черезъ Зундъ и занять Сконію (Skåne), гдѣ съ нимъ соединялась датская армія изъ Норвегіи. Съ своей стороны русская армія, по занятіи острова Готланда, овладѣвала Кальмарскою областью, и пройдя Швецію, соединялась въ Сконіи съ датско-французскою арміею. Затѣмъ предполагали созвать шведскіе генеральные штаты въ Готенборгѣ и объявить имъ, что такъ какъ Король Густавъ не признаетъ Императора Наполеона, то и Наполеонъ въ свою очередь не признаетъ Короля Густава; послѣ чего имѣли въ виду раздѣлить шведскія владѣнія между Россіею и Даніею. Опредѣленный намекъ на тотъ-же планъ находимъ также въ запискахъ Эренстрёма: «Носился слухъ, что государство это будетъ раздѣлено между Россіей и Даніей» [75]).

О выработкѣ второго плана военныхъ дѣйствій извѣстно слѣдующее: въ декабрѣ 1808 г. Стедингкъ сообщилъ Королю, что инженеръ-генералъ в.-Сухтеленъ, который недавно вернулся изъ Молдавіи и Валахіи, вмѣстѣ съ генералами Пфуль (Pful) и Опперманомъ, заняты составленіемъ плана похода противъ Финляндіи. Къ обсужденію плана войны привлеченъ былъ также и Г. М. Спренгтпортенъ. Со временъ Аньяльскаго союза онъ жилъ въ Петербургѣ, послѣ того какъ велъ въ теченіе долгаго времени темное существованіе по германскимъ курортамъ, постоянно нуждаясь въ деньгахъ и путаясь въ адюльтерныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Спренгтпортена, генералъ-лейтенантъ Голенищевъ-Кутузовъ (не-Смоленскій), говоритъ въ своемъ дневникѣ: «морской министръ Чичаговъ замѣтивъ, что балтійскій флотъ Швеціи сильнѣе Россійскаго, сталъ подумывать, какъ-бы со стороны суши завладѣть той частью этого флота, который стоялъ въ Финляндіи. Вотъ причина почему Чичаговъ три раза имѣлъ продолжительныя свиданія со Спренгтпортеномъ и исходатайствовалъ ему аудіенцію у Государя». «Вчера,—пишетъ генералъ-лейтенантъ Кутузовъ (31 декабря 1807 г. стараго стиля),—Спренгтпортенъ былъ призванъ къ Императору, обсуждалась судьба Швеціи, Императоръ ему изложилъ политическое положеніе и сказалъ, между прочимъ, что Наполеонъ—человѣкъ, на дружбу котораго можно разсчитывать. Завтра онъ будетъ другого мнѣнія».

Предметомъ обсужденія являлся меморандумъ, который былъ составленъ Спренгтпортеномъ и носилъ заглавіе: «Размышленія родившагося въ Финляндіи русскаго воина». Меморандумъ имѣлъ два приложенія. Во второмъ приложеніи Спренгтпортенъ излагаетъ свои мысли о способѣ веденія войны. Здѣсь говорится на сколько частей слѣдуетъ подраздѣлить вторгающуюся въ Финляндію армію, гдѣ перейти границу, какія дороги въ краѣ надо избрать для слѣдованія войскъ и т. д. Меморандумъ былъ помѣченъ 1 января 1808 г. ст. ст.

Походъ, въ частности зимній походъ, неизбѣженъ,—пишетъ Спренгтпортенъ,—ибо нельзя думать, что можно меньшимъ образумить Швецію, т. е. заставить ее присоединиться къ континентальной системѣ. Наоборотъ, слѣдуетъ опасаться, что Швеція, какъ только время года позволитъ, произведетъ сама нападеніе. «Мы должны, не медля ни минуты, прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ обороны, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи. Я полагаю, что мы должны завоевать шведскую Финляндію и присоединить ее къ Россіи, создать изъ этихъ двухъ областей (буферъ) стѣну, которая одновременно отдалитъ войну отъ нашихъ границъ и обезпечитъ намъ возможность проникнуть когда угодно въ сердце территоріи непріятеля». Для завоеванія Финляндіи слѣдовало, по его мнѣнію, будь это лѣтомъ, или зимой, оперировать тремя колоннами. Двѣ колонны на югѣ должны были двинуться противъ Тавастгуса и Або, а третья въ Саволаксѣ наступать на Вазу; всѣ три колонны, по соединеніи ихъ, двинуться затѣмъ на сѣверъ противъ Торнео. Первой колоннѣ вмѣнялось въ обязанность взять крѣпость Свеаборгъ, главное мѣсто складовъ Финляндіи и военную гавань.

Надъ вопросомъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ русскихъ въ Финляндіи до Спренгтпортена задумывались также и наши авторитеты. Въ свое время высказался по дѣлу знаменитый А. В. Суворовъ, а ближе къ 1808 году—генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ.—Операціонный планъ Бибикова сводился въ одновременному вторженію въ край пятью отдѣльными колоннами, въ размѣрѣ 20 тысячъ регулярныхъ войскъ, и 6 или 8 тыс. для «приведенія въ зависимость» Саволакса. Бибиковъ намѣчалъ также движеніе отъ Вильманстранда и Нейшлота къ киркѣ Пумала. Кромѣ того онъ имѣлъ въ виду особый «обсерваціонный» корпусъ, для удержанія страны «въ послушаніи». Наконецъ, въ первоначальномъ своемъ «начертаніи» онъ рекомендовалъ «возможною ласкою» привлекать жителей Саволакса, которые, «будучи

Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ.

Графъ Маврикій Клингсперъ.

отягчены поборами», находятся «въ великомъ неудовольствіи и огорченіи». Въ виду того, что записки А. И. Бибикова были передъ самой войной 1808 г. представлены его сыномъ Государю, имѣется основаніе предположить, что онѣ не остались безъ нѣкотораго вліянія на разработку плана кампаніи.

Но Спренгтпортенъ имѣлъ въ виду не только завоеваніе Финляндіи; его старые планы о самостоятельности Финляндіи вновь воскресли послѣ двадцатилѣтняго покоя. «Разъ Финляндія будетъ вырвана изъ когтей Швеціи и подчинена нашей власти, польза Россіи, я полагаю, требуетъ того, чтобы эта страна осталась нераздѣльнымъ самостоятельнымъ государствомъ подъ высшимъ управленіемъ одного изъ Членовъ Императорскаго рода; каково желаніе народа, это покажетъ всеобщій риксдагъ (сеймъ), который долженъ состояться на основаніяхъ, указанныхъ старой конституціей страны, и подъ нашей защитой въ то время, когда наши войска достигнутъ Або». По этому вопросу Спренгтпортенъ ссылается кромѣ того на составленный имъ меморандумъ 1786 года «о достиженіи политическаго равновѣсія на сѣверѣ самостоятельностью Финляндіи». Послѣдній меморандумъ, говоритъ онъ, былъ одобренъ еще Екатериной, но исполненіе этого плана было отложено; теперь-же наступило время его исполнить. Финляндцы будутъ независимо отъ Швеціи и всѣхъ предубѣжденій тоже на сторонѣ этого дѣла, и если-бы даже интересъ теперь и былъ меньше, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, то все-же цѣль можетъ быть достигнута при помощи арміи въ 20.000 человѣкъ, подъ командой способнаго генерала, и раздачи денегъ и хлѣба нуждающимся.

Объ участіи Чичагова въ выработкѣ плана войны извѣстно изъ писемъ Коленкура: «Я видѣлъ также,—писалъ 6 января 1808 года Коленкуръ своему правительству,—адмирала Чичагова, морского министра, съ которымъ Императоръ совѣтуется въ этомъ дѣлѣ. Я его также сильно торопилъ. Думаю, что онъ хорошо настроенъ». Отзывы о немъ французскихъ пословъ таковы: Это молодой человѣкъ, знающій свое дѣло. Онъ русскій патріотъ, извѣстенъ своею честностью, открытымъ и прямымъ обращеніемъ и пользуется въ настоящую минуту большимъ довѣріемъ Императора [76]).

30 Августа 1807 года главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ назначенъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, потомокъ бременскихъ крестоносцевъ. Онъ родился въ Лифляндіи (3-го

4

сентября 1750 г.), получилъ военное воспитанiе въ кадетскомъ корпусѣ и участвовалъ во многихъ походахъ, начиная съ первой турецкой войны, польской кампанiи и русско-шведской войны 1788—1790 г.г., гдѣ, дѣйствуя подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, отличился въ сраженiи при Роченсальмѣ (30 августа). Во время польской кампанiи, за отличiе при штурмѣ Праги, Суворовъ назначилъ его комендантомъ усмиренной Варшавы и правителемъ всей завоеванной Польши. При Павлѣ I онъ состоялъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.—Императоръ Александръ Павловичъ назначилъ Буксгевдена военнымъ губернаторомъ г. Риги. 20 ноября 1805 года онъ съ отличiемъ командовалъ лѣвымъ крыломъ русскихъ при Аустерлицѣ, а затѣмъ, послѣ мира въ Тильзитѣ, временно, принялъ начальствованiе надъ русской армiей отъ графа Бенингсена.

Таково прошлое графа Буксгевдена до его назначенiя главнокомандующимъ въ Финляндiю.

Онъ былъ женатъ на Наталiи Александровнѣ Алексѣевой—побочной дочери Императрицы Екатерины II и князя Григорiя Григорьевича Орлова и этому обстоятельству графъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ приписываетъ счастье, сопровождавшее военную карьеру Буксгевдена. Но это не вполнѣ справедливо. Храбрость и распорядительность графа Буксгевдена, какъ корпуснаго начальника, не подлежали сомнѣнiю, и «выборъ его въ главнокомандующiе не могъ стяжать никакой критики», какъ выразился Ѳ. Булгаринъ. И дѣйствительно, графъ Буксгевденъ обладалъ многими свѣдѣнiями и опытомъ «въ боевомъ ремеслѣ», извѣстенъ былъ военными и гражданскими отличiями, но его достоинства помрачились строптивостью и неуживчивостью его характера [77]).

Въ началѣ царствованiя Императора Александра I пришлось озаботиться значительнымъ увеличенiемъ военныхъ силъ Россiи. Пѣхота и кавалерiя обладали хорошими боевыми качествами; но едва-ли не лучше другихъ частей была поставлена артиллерiя, благодаря заботамъ Аракчеева. Вооруженiе армiи было плохое и разнокалиберное.

Въ военномъ режимѣ времени Александра I осталось многое отъ предшествовавшаго царствованiя. Измѣненiя въ строевомъ уставѣ продолжали напоминать требованiя Павла I. Напримѣръ, въ 1803 г. повелѣно было «для единообразнаго маршу во всей армiи, чтобъ дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ той же мѣры по 120, и отнюдь отъ оной мѣры и кадансу ни въ какомъ случаѣ не отходить...», во исполненiе

чего и надлежало предписать всѣмъ шефамъ инспекцій «при обученіи солдатъ маршу въ точности сіе наблюдать». Даже Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, самъ въ значительной степени содѣйствовавшій направленію строевого образованія при Александрѣ I, жаловался въ дружеской перепискѣ на чрезмѣрное увлеченіе въ войскахъ выправкою и равненіемъ. Въ письмѣ отъ 11 февраля 1817 года изъ Варшавы Великій Князь Константинъ Павловичъ писалъ генералъ-адъютанту Сипягину:... «Нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дать... Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься» [78]).

Требованіямъ военной дисциплины приписывались благіе результаты. «Строгость», говорилъ Александръ, «причиною, что наша армія есть самая храбрая и прекрасная». Отъ отца Государь наслѣдовалъ страсть къ смотрамъ и разводамъ. «Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались парады», пишетъ одинъ современникъ, «такъ что въ Парижѣ солдату было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ». «Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ-бы подъ арестомъ въ казармахъ», прибавляетъ къ этимъ словамъ историкъ Александра I, Н. Шильдеръ. Смотръ въ Вертю, какъ выражался самъ Императоръ Александръ въ бесѣдѣ съ госпожею Криденеръ, былъ прекраснѣйшимъ днемъ его жизни [79]).

О войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ въ Финляндію, имѣется мало указаній современниковъ. Плѣнный шведскій офицеръ свеаборгскаго гарнизона Верпіельмъ писалъ: «Одна часть войска, около 4.700 человѣкъ съ 48 пушками, готовые отправиться въ Финляндію, ждала пріѣзда Государя». Это войско было очень разнообразно: пѣхота—по виду и осанкѣ самая плохая, какую Верніельму когда-либо приходилоть видѣть, но артиллерія была совершенно иного качества.

Другой плѣнный офицеръ Брейтгольцъ также встрѣтилъ часть нашихъ войскъ. «Прошла батарея артиллеріи и нѣсколько эскадроновъ Императорскихъ гвардейскихъ гусаръ по пути въ Финляндію; послѣдніе богато одѣты въ пурпуровыхъ шубахъ (?) и плащахъ, въ тонкомъ нижнемъ одѣяніи; лошади очень красивыя и крупныя». Въ числѣ видѣнныхъ имъ частей находился также польскій уланскій полкъ. Многіе изъ ихъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ говорили по-французски и латыни. Они разсказывали, что недавно вернулись изъ французскаго плѣна, что фран-

*

цузскій Императоръ отправилъ домой русскихъ плѣнныхъ въ новомъ платьѣ, и что теперь всѣ идутъ въ Финляндію [80]).

Въ составъ арміи графа Буксгевдена вошли три дивизіи (5, 17 и 21), численностью въ 24 тысячи человѣкъ. Ближайшими помощниками главнокомандующаго состояли: генералъ Сухтеленъ, генералъ Коновницынъ, генералъ-квартирмейстеръ Бергъ и начальникъ артиллеріи Бельгардъ.

Генералы въ Петербургѣ почему-то смотрѣли на новый походъ, какъ на «побочную» войну, какъ на предпріятіе «отъ нечего дѣлать» или для прогулки, чтобы «мимоходомъ схватить лишнюю награду» [81]).

Наши передовыя войска шли на лыжахъ. Пушки и зарядные ящики везли на полозьяхъ [82]).

Наибольшее затрудненіе представило продовольствіе войскъ, коимъ завѣдывалъ военный совѣтникъ Гове, подъ наблюденіемъ генералъ-провіантмейстера Д. Б. Мертваго. Послѣдній, бесѣдуя съ военнымъ министромъ Аракчеевымъ о средствахъ снабженія арміи хлѣбомъ, сказалъ, что имѣется возможность все исполнить своевременно, но «она состоитъ единственно во власти Государя» Какая-же это? спросилъ Аракчеевъ. Приказать всему С.-Петербургскому гарнизону печь хлѣбы и пересушивать его въ сухари. Аракчеевъ, «постуча въ колокольчикъ», призвалъ адъютанта и приказалъ составить соотвѣтствующій приказъ. «Огромный и важный проектъ былъ осуществленъ: онъ помогъ двигаться скорѣе, совершая побѣдоносныя дѣла». Таково было тогда значеніе Аракчеева [83]).

Когда наши войска перешли границу, то для ихъ продовольствованія пришлось устроить подвижные магазины и нанимать большое число подводъ изъ Новгородской и Тверской губ. Въ Куопіо учрежденъ былъ продовольственный магазинъ. Припасы для него отправлялись изъ г. Ладоги по Ладожскому озеру до с. Якимвари, а оттуда гужемъ до ближайшаго Сайменскаго берега у с. Путино. Планъ этотъ осуществленъ по мысли Д. Б. Мертваго, желавшаго возможно больше пользоваться воднымъ путемъ. Впослѣдствіи, когда русскія войска дошли до Тавастгуса, они нашли тамъ немалые запасы оставленнаго финнами продовольствія. Но кромѣ того, мѣстные обыватели стали охотно поставлять продукты, когда Буксгевденъ увеличилъ на нихъ плату.

Въ запискахъ генералъ-провіантмейстера Д. Б. Мертваго описанъ еще слѣдующій эпизодъ: «На мой вопросъ,—пишетъ Д. Б. Мертваго,—что угодно, графъ Буксгевденъ проговорилъ: «Доставьте моей арміи продовольствіе». Я отвѣтствовалъ: «это трудно,

потому что вы, какъ Александръ Македонскій, не идете, а летите». Онъ засмѣялся съ видомъ удовольствія. Но я продолжалъ: «Дай Богъ, чтобы мое предвидѣніе не исполнилось; но я боюсь, чтобы не плакать болѣе того, какъ теперь радуетесь». Онъ серьезно спросилъ: «А почему?» Тутъ я вопросилъ: «До какихъ мѣстъ назначаете вы обязанностью моею доставлять вамъ провіантъ и фуражъ, ибо въ землѣ новозавоевываемой всѣ средства доставленія зависѣть должны отъ командующихъ войскомъ?» Онъ назначилъ мнѣ мѣста внѣ прежнихъ границъ нашихъ до 70 верстъ. Я отвѣтствовалъ: хорошо и тутъ-же, взявъ бумагу и перо, исчислилъ, что во все продолженіе марта надобно въ непрерывномъ быть ходу 1660-ти подводамъ. Слѣдовательно ему, за 200 слишкомъ верстъ удалившемуся, надобно подводъ числомъ втрое; а такого количества едва-ли и найти можно во всей Шведской Финляндіи. Расчетъ сей сильно поколебалъ графа. «Какъ же быть?» спросилъ меня Буксгевденъ. Я отвѣтствовалъ: «Мнѣ кажется необходимымъ отпустить всю кавалерію, для коей овесъ и сѣно везется и втрое болѣе употребляется подводъ нежели подъ свозъ провіанта». «Какъ же можетъ быть регулярная армія безъ кавалеріи?» спросилъ Буксгевденъ. «На что-же она? я отвѣтствовалъ, когда нѣтъ кавалеріи у непріятеля и такая земля, что лѣтомъ отъ множества озеръ, лѣсовъ и кремнистыхъ, утесистыхъ скалъ, а зимой по глубокимъ снѣгамъ дѣйствовать ей не можно.» Онъ остался непоколебимымъ, но сумнительнымъ; а Аракчеевъ, присутствовавшій при бесѣдѣ, понялъ истину моихъ словъ».

Затѣмъ Д. Б. Мертваго пришлось ѣхать въ однихъ саняхъ съ Аракчеевымъ и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ. Аракчеевъ началъ говорить тономъ жалкимъ, сими словами: «Ахъ батюшки! пропадшее дѣло! мы вѣрно также посрамимся, какъ предмѣстники наши.» «Отъ чего-же?» я спросилъ.—«Отъ невозможности продовольствовать армію», онъ отвѣтствовалъ. На сіе я спросилъ его: «можетъ-ли онъ быть увѣренъ, что Государь согласится на все его представленія;—тогда возьму я на свой отвѣтъ, что все пойдетъ хорошо». Онъ съ радостью подхватилъ сіе слово, увѣряя за Государя, что все готовъ онъ сдѣлать. «Итакъ, я продолжалъ, нѣтъ другого средства, какъ дѣйствовать по примѣру Наполеона, то есть обратить всѣхъ обывателей къ составленію подвижнаго магазина. Но дабы сдѣлать разность между государемъ законнымъ и силою оружія, вознесшимся до сей степени, то надлежитъ платить щедро, дать льготы, и чрезъ

. . заглуша гласъ ропота народнаго, не оставитъ для историковъ ужасныхъ слѣдовъ къ описанію». Сей прожектъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принялъ, и увѣрялъ меня, что все, что я сдѣлаю для начала сей операціи, Государь аппробуетъ».

Д. Б. Мертваго приступилъ къ осуществленію своего плана и для этого прежде всего обратился къ вице-губернатору Выборгской губерніи, склоняя его къ тому, чтобы онъ рѣшился сдѣлать нарядъ соразмѣрно надобности такъ, чтобы въ теченіе цѣлаго мѣсяца всякой день по 1660 подводъ отправлялось; «предложилъ я ему, что, если удовлетворится надобность, жалобы отъ народа не будетъ и произведеніе сего дѣла въ дѣйство приметъ онъ на себя, то доставлю я ему званіе губернатора. Онъ предложилъ платежъ деньгами, сѣномъ и хлѣбомъ и сверхъ того продавать обывателямъ хлѣба для пропитанія семействъ ихъ.—Все было совершено по условію» [84]).

Планъ дѣйствій шведской арміи вырабатывался въ Стокгольмѣ. 11-го января 1808 г. Король учредилъ «тайный военно-подготовительный комитетъ». Предсѣдателемъ его назначилъ Клингспора: остальные семь членовъ были избраны изъ высшихъ чиновъ военной администраціи. Среди нихъ не было ни одного финна. Въ своемъ заключеніи комитетъ заявилъ, что можно ожидать объявленія войны со стороны Даніи и Россіи, и что особенно русское нападеніе на Финляндію зимой можетъ быть весьма опасно. Въ это время года нельзя было воспользоваться въ цѣляхъ обороны гористой мѣстностью, а изъ Швеціи трудно было доставить серьезную помощь. Очевидно было, что войскамъ придется довольствоваться собственными средствами. Въ виду этого комитетъ призналъ наиболѣе благоразумнымъ спасти отъ арміи то, что можно будетъ спасти, пославъ въ крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ столько войска, сколько онѣ въ состояніи вмѣстить, а остальныя части отвести въ Эстерботнію [85]).

Такимъ образомъ комитетъ сразу оставлялъ большую часть Финляндіи безъ боя въ распоряженіе русскихъ. Такое рѣшеніе не предвѣщало ничего хорошаго для Швеціи. Къ оборонѣ приступили робко, почти трусливо, подавленные мыслію о безнадежности сопротивленія [86]).

Выводы тайнаго комитета полностью отразились въ инструкціи, данной Королемъ главнокомандующему Клингспору. Кромѣ того

Густавъ IV писалъ: «Мы надѣемся однако же, что вы постараетесь, сколько можно, остановить успѣхи непріятеля и будете отступать только въ крайней необходимости».

Финляндія давно принадлежала Швеціи, но была плохо оборудована для обороны противъ наступленія со стороны Россіи. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія военныхъ авторитетовъ, но постоянный недостатокъ въ средствахъ не позволялъ осуществить все необходимое. Давно также указывали на опасность для Финляндіи зимняго похода русскихъ. Чтобы нѣсколько обезопасить страну, шведское правительство послѣ 1803 г. увеличило численность финскихъ войскъ. Всѣ планы шведскаго генеральнаго штаба имѣли въ виду оборону Финляндіи, но лишь въ лѣтнее время. Одинъ только капитанъ Бьерншерна разработалъ планъ наступленія черезъ Корелію на Петербургъ, но и его разсчеты примѣнены были къ лѣту. Въ концѣ 1807 г. Г. М. Армфельтъ разумно предложилъ отнести оборонительную линію Финляндіи возможно далеко отъ русской границы, но его проектъ, кажется, офиціальнаго движенія не получилъ.

Въ то время, когда на очереди стоялъ вопросъ о главнокомандующемъ шведскими войсками, расположенными въ Финляндіи, начали ходить слухи, что начальство надъ ними будетъ поручено генералу барону Густаву Маурицу Армфельту. Онъ недавно вернулся изъ Помераніи, гдѣ военной славы своей не преумножилъ, но никто не отрицалъ его мужества и энергіи, которыя, казалось, прежде всего необходимы были для защиты Финляндіи. Финляндію онъ зналъ: въ ней онъ родился, а въ царствованіе Густава III съ успѣхомъ сражался и велъ дипломатическіе переговоры, при заключеніи Верельскаго мира. Поэтому было естественно, что осенью 1807 г. начали подумывать о назначеніи его главнокомандующимъ.

24-го ноября 1807 г. Армфельтъ пишетъ изъ Стокгольма другу своей юности, генералъ-маіору Іогану Фредриху Аминову въ Финляндію: «Тучи на политическомъ горизонтѣ становятся все темнѣе и темнѣе, онѣ проходятъ надъ нашими головами, и, если онѣ оборвутся, то мы пропадемъ или, вѣрнѣе сказать, погибнетъ наша самостоятельность. Россія, кажется, требуетъ, чтобы наши порты были закрыты для Англіи, и всякій отказъ на это предложеніе приметъ за объявленіе войны. Тогда, быть можетъ, вскорѣ настанетъ минута, когда Финляндію начнетъ опустошать необузданная толпа,—а можетъ также случиться, что твоему несчастному другу поручено будетъ невозможное сопротивленіе. По-

мнишь-ли, что я просилъ краткое обозрѣніе состоянія Финляндіи; теперь ты можешь видѣть, какъ оно было-бы необходимо для чести финской арміи. Ради Бога, составьте вмѣстѣ съ Кронстедтомъ на скорую руку записку (opus), которая содержала бы въ себѣ правдивое изложеніе настоящаго военнаго положенія Финляндіи, на случай войны. Я ее представлю Его Величеству, и ни тотъ, ни другой изъ васъ не будетъ выданъ. Но время дорого. Безъ дальнихъ разговоровъ, ты видишь, какъ необходимо вручить это мнѣ или Стедингку, а быть можетъ намъ обоимъ, чтобъ предупредить зло, ибо въ Сконіи (Skåne) говорятъ, что въ Финляндіи все въ порядкѣ, и его превосходительство (вѣроятно Клингспоръ) шесть сутокъ тому назадъ увѣрялъ въ этомъ Короля, такъ что тотъ, кто тамъ (въ Финляндіи) командуетъ, одинъ будетъ виновенъ въ могущемъ случиться несчастіи. Я ничего не говорю тебѣ о положеніи вообще. Но оно хуже, чѣмъ было во время Уніи (Unionstiden) [87]).

Г. М. Армфельтъ 22 декабря 1807 г. вновь писалъ Аминову: «Опасаюсь, какъ бы смертная плутовка не отправила меня въ Финляндію, но въ виду того, чтобъ не поспѣшили еще разъ посадить меня на какой нибудь эшафотъ, я собралъ большое количество матеріала, чтобъ показать истинное положеніе Финляндіи въ военномъ отношеніи, и какая судьба ожидала бы тѣхъ, кому поручена была бы печальная ея защита.—И, если меня все таки пошлютъ на встрѣчу смерти и позора, то я оставляю въ рукахъ моихъ друзей мои всеподданнѣйшія представленія, дабы моему пеплу отдана была справедливость, и мошенникамъ, которые планировали мое паденіе, не надолго дана была бы радость вписать мое имя въ лѣтописи .

29-го января 1808 г., продолжая бесѣду на прежнюю тему, онъ добавляетъ: «О назначеніи меня начальствовать въ Финляндіи, слава Богу, больше ничего не слышно, и это умно, потому что, при нынѣшнемъ состояніи тамъ дѣлъ, этой страны не будетъ черезъ 14 дней, какое бы имя начальникъ ни носилъ, если только русскіе съ легкими войсками воспользуются своими преимуществами» [88]).

3-го числа февраля 1808 г., вечеромъ, я былъ у Короля, который задержалъ меня у себя въ теченіи $3\frac{1}{2}$ час.,—продолжаетъ Армфельтъ;—онъ былъ вѣжливъ и ласковъ. Затѣмъ Его Величество подробно высказывалъ свое опасеніе по оборонѣ Финляндіи и предложилъ мнѣ начальствованіе тамъ, я-же представилъ ему, насколько это явилось бы моимъ несчастіемъ, такъ какъ я не-

знакомъ съ положеніемъ страны въ военномъ отношеніи. Я указалъ ему въ какую западню могу попасть, когда тѣ, которые должны были озаботиться защитой Финляндіи, отнеслись къ этому небрежно или же ничего не сдѣлали».

Армфельтъ сообщилъ разговоръ съ Королемъ своему другу Эренстрему. «Я тотчасъ же сказалъ ему,—пишетъ Эренстремъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что подобное назначеніе было бы величайшимъ для него несчастьемъ, и что ему всячески должно стараться отклонить его, потому что, по всей вѣроятности, чрезъ ошибочныя распоряженія правительства произойдутъ большія несчастія для государства, а за нихъ его враги не преминутъ сдѣлать его лично отвѣтственнымъ передъ націей.—Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Армфельтъ крупный землевладѣлецъ въ Финляндіи, что онъ во время гоненій на него, пользовался покровительствомъ Россіи, что онъ кавалеръ высшихъ русскихъ орденовъ, враги его, въ случаѣ потеряннаго сраженія или отступленія, постараются набросить на него тѣнь измѣны и сдѣлать его предметомъ гнусныхъ подозрѣній у шведскаго народа, который особенно во время войны такъ легко поддается подобнаго рода навѣтамъ» [89]).

Нѣсколько дней спустя Армфельтъ вновь былъ позванъ къ Королю, и тотъ сообщилъ ему, что уже обѣщалъ этотъ постъ генералу Клингспору. «Онъ явился ко мнѣ,—сказалъ Король,—и со слезами на глазахъ говорилъ, что послѣ того, что онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ генералъ-аншефъ, въ мирное время командовалъ войсками въ Финляндіи, для него будетъ позоромъ, если, при предположеніи возможности войны, его уволятъ отъ этого командованія и назначатъ другого на его мѣсто. Онъ былъ такъ жалокъ и его слезы такъ растрогали меня, что я былъ вынужденъ согласиться на его просьбу, хотя я знаю впередъ, какъ все теперь пойдетъ». Благодаря этимъ слезамъ и жалкому виду, командованіе арміей въ Финляндіи перешло барону Клингспору, не пользовавшемуся ни уваженіемъ, ни довѣріемъ арміи [90]).

Въ виду опасенія Короля, что Клингспоръ слишкомъ рано начнетъ отступленіе, Г. Армфельтъ посовѣтовалъ приставить къ главнокомандующему королевскаго адъютанта, съ секретнымъ предписаніемъ Его Величества и съ обязательствомъ отвѣтственности за все, что касается отступленій и капитуляцій. Въ качествѣ такого адъютанта рѣшено было послать Густава Левенгельма, дабы имѣть глазъ за высшимъ начальствомъ. «Я убѣжденъ, продолжалъ Армфельтъ, что Россіи никогда не удастся удержать за

собой Финляндіи, до этого не допустятъ ни Англія, ни Франція, потому что тогда это огромное царство также сдѣлается и морской державой» [91]).

Въ послѣднюю минуту Король старался уговорить Клингспора добровольно отказаться отъ званія главнокомандующаго, но въ какой формѣ? Къ опредѣленному приказанію ѣхать къ арміи приложено было рѣшеніе, въ силу котораго Клингспоръ имѣлъ право оставить свой постъ, если онъ найдетъ, что не въ состояніи исполнять службу при наступившихъ обстоятельствахъ. Клингспоръ рѣшилъ ѣхать.

Вильгельмъ Маурицъ Клингспоръ, доживъ до 63-хъ-лѣтняго возраста, выдвинулся на свой отвѣтственный постъ исключительно своими познаніями въ военномъ хозяйствѣ [92]). Началъ онъ свою военную карьеру во французской арміи, во время маркизы Помпадуръ, а въ сраженіи при Росбахѣ, находясь въ австрійскихъ рядахъ, получилъ первый урокъ «искусства отступать». Во время войны Густава III съ Россіей (1788—1790) Клингспоръ хорошо исполнилъ свои интендантскія обязанности и имѣлъ случай изучить тотъ театръ войны, на которомъ теперь выступилъ въ роли фельдмаршала. Въ Швеціи его военныя дарованія подвергались большому сомнѣнію. «Нужно обладать большимъ умомъ,—острили про него,—чтобы отыскать человѣка съ такимъ малымъ умомъ, какъ Клингспоръ». Нѣкоторые военные критики впослѣдствіи заявляли, что изъ всѣхъ офицеровъ арміи, Клингспоръ менѣе всѣхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію. Придворная опытность помогла ему добыть себѣ инструкцію, дававшую возможность «побѣга въ сѣверныя пустыни». Получивъ назначеніе командовать арміей, онъ въ присутствіи многихъ говорилъ, «что не беретъ на себя защиту Финляндіи противъ превосходящихъ силъ Россіи», а когда узналъ о переходѣ русскихъ черезъ границу, то сказалъ президенту канцеляріи Эренгейму: «вмѣстѣ съ тѣмъ пропала и Финляндія». Въ виду такого воззрѣнія, Эренгеймъ старался отсовѣтовать Клингспору брать на себя обязанности главнокомандующаго, а Короля просилъ отступить отъ правилъ старшинства и назначить болѣе молодого и болѣе соотвѣтствующаго генерала. Но упрямаго Густава нельзя было склонить къ подобной благоразумной мѣрѣ.

Для своихъ лѣтъ Клингспоръ выглядывалъ бодрымъ, несмотря на свою тучность и на отсутствіе глаза, потеряннаго на службѣ не Марсу, а Венерѣ. Въ возкѣ, наполненномъ подушками, онъ поѣхалъ къ арміи. Стокгольмская карикатура изображала его мчавшимся во всю прыть въ этой кибиткѣ, на козлахъ ко-

торой помѣщался адъютантъ. Другъ мой,—спрашивалъ фельдмаршалъ,—слышите-ли вы выстрѣлы? «Нѣтъ, Ваше Сіятельство,—неизмѣнно отвѣчалъ адъютантъ,—ихъ мы никогда не слышали». И дѣйствительно старый начальникъ генералъ-кригскомиссаріата при первыхъ-же выстрѣлахъ устраивался далеко за тыломъ арміи, а въ обыкновенное время развлекался бостономъ въ партіи, составленной изъ дежурнаго адъютанта, Аминова и Клеркера.—Такое поведеніе возмущало, конечно, современниковъ. Другой рисунокъ изображалъ Клингспора верхомъ на ракѣ, который, повинуясь дѣйствію шпоръ, двигался въ своемъ привычномъ обратномъ направленіи.

Итакъ, въ роли начальника арміи мы находимъ человѣка, выше всего дорожившаго своимъ покоемъ, посвящавшаго свою заботу прежде всего столу и умѣвшаго всегда распорядиться такъ, чтобы громъ пушекъ слышенъ былъ только издали.

По офиціальнымъ спискамъ финскихъ сухопутныхъ войскъ, въ началѣ 1808 г., считалось 19.765 человѣкъ. Изъ нихъ 13.752 человѣка были выставлены помѣщиками, т. е. составляли поселенныя войска, а остальные вербованныя [93]).

Большая часть земель Швеціи обязана была посылать на военную службу пѣшаго или коннаго солдата. Эта поселенная система служила основой для формированія войскъ королевства.

Въ мирное время поселенные полки, которые составляли большинство тогдашняго войска, собирались лишь на короткіе сроки. Въ промежуткахъ между сборами (möteпа) полковые офицеры и капитаны жили въ своихъ бостеляхъ, младшіе-же офицеры—частью въ бостеляхъ, частью въ собственныхъ домахъ, или же у родителей и родственниковъ, но обыкновенно въ деревнѣ [94]). Въ исключительныхъ случаяхъ и высшее и низшее начальство содержалось процентами (или житомъ) съ ассигнованныхъ на это средствъ [95]). Такимъ образомъ шведскій офицеръ въ мирное время былъ болѣе земледѣльцемъ, чѣмъ военнымъ. Дёбельнъ обработалъ, напримѣръ, и привелъ въ порядокъ свой запущенный предмѣстникомъ бостель, устроивъ прекрасный скотный дворъ, пріобрѣтя первую молотилку и помогая своимъ сосѣдямъ во всемъ, что касалось сельскаго хозяйства. Въ то же время онъ противодѣйствовалъ винокуренію и такъ влюбленъ былъ въ свой уютный домъ, что очень неохотно разставался съ нимъ [96]).

Вербованныя войска вообще находились въ совершенно особомъ положеніи, потому что ихъ нельзя было командировать за предѣлы Финляндіи. Такимъ образомъ они еще болѣе поселенныхъ полковъ образовывали собственное туземное войско.

Для вербованныхъ войскъ военная жизнь ограничивалась «сборами» на два «учебныхъ мѣсяца» [97]).

Ежегодно полки собирались каждый на своемъ «полѣ» («hed») или своихъ «пескахъ» («mo»), а въ Финляндіи—на «malm», и тамъ день за днемъ, часъ за часомъ продѣлывалось все то же, что въ предыдущемъ году [98]). Вслѣдствіе этого шведская армія ни по организаціи, ни по качеству не соотвѣтствовала тѣмъ требованіямъ, которыя надлежало ей предъявить, въ виду обширныхъ воинственныхъ плановъ Короля.

Пѣхота была вооружена, такъ называемыми, гладкоствольными кремневыми мушкетами, со штыками; егеря имѣли штуцера; большая часть оружія находилась въ очень плохомъ состояніи [99]). Случайное совпаденіе обстоятельствъ привело къ тому, что не далѣе какъ въ 1806 г. Швеція продала Россіи и Пруссіи годныя къ починкѣ ружья и тесаки въ весьма значительномъ количествѣ [100]).

Мундиры регулярныхъ войскъ были изготовлены изъ сѣрой шерстяной матеріи, но цвѣтъ нагрудника, обшлаговъ и фалдъ измѣнялся для отдѣльныхъ полковъ. Цвѣта были: желтый, синій или зеленый.

Саволакскіе стрѣлки были одѣты въ сѣрые брюки и куртки толстаго сукна и имѣли круглыя шляпы. Аммуниція была изготовлена изъ простой черной сапожной кожи. Добровольцы карелы обвязывали шляпы тесьмою и наклеивали на нихъ кокарды изъ березовой коры, а къ охотничьимъ своимъ ружьямъ придѣлывали деревянные крашеные штыки, что давало имъ сходство съ саволакскими егерями, которые, впрочемъ, были одѣты въ то время не лучше поселянъ [101]). У резервныхъ солдатъ не было мундировъ, и они выступили въ походъ въ сермяжныхъ курткахъ (vadmals-jackor), или въ овечьихъ шубахъ и высокихъ сапогахъ, или «пьексахъ» (котахъ), смотря по средствамъ и по положенію.

Въ артиллеріи находились пушки разныхъ калибровъ. Вооруженіе кавалеріи составляли дурные пистолеты.

Развѣдочная система въ финскихъ войскахъ была крайне запущена. Въ собственной странѣ, гдѣ въ каждой деревнѣ и въ каждой отдѣльной крестьянской «торпѣ» можно было найти развѣдчика или шпіона, представленіе о движеніи и особенно о

численности непріятеля было совершенно ложно. Кавалерія, повидимому, совсѣмъ не употреблялась для рекогносцировокъ, а пѣхотныхъ солдатъ не высылали, въ качествѣ развѣдчиковъ, въ лѣса и на непроторенныя дороги въ тылъ непріятелю [102]).

«Ты правъ, когда говоришь, что у насъ тысячи безпорядковъ, писалъ графъ Лёвенгельмъ къ Адлеркрёйцу; пожалѣй меня, братъ, потому что я страдаю, какъ змѣя въ муравейникѣ, при видѣ небрежнаго отправленія службы. Многое исправлено, но о настоящемъ порядкѣ нечего и думать». Въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ: «Слѣди за комиссарами магазиновъ, это самые большіе мошенники, какихъ я встрѣчалъ. Самое большое удовольствіе, какое въ настоящее время ты можешь доставить мнѣ, это то, чтобъ сдать ихъ на гауптвахту или отставить, если они будутъ медлить или красть. Особенно большую пользу ты окажешь арміи, если заставишь зорко слѣдить за транспортами, которые отправляются въ Улеоборгъ, потому что они охотно идутъ безъ охраны, чтобъ по дорогѣ можно было грабить и ссылаться на крестьянъ Я не умру спокойно, пока не узнаю, что хоть одинъ изъ комиссаровъ высѣченъ на пушкѣ до окончанія кампаніи» [103]).

Какъ объ особой счастливой случайности разсказывали, что русскіе, послѣ быстраго отступленія изъ Вазы, не успѣли захватить съ собой лазарета, который со всѣми принадлежностями попалъ въ руки финновъ. Эти принадлежности и приборы оказались несравненно богаче и въ качественномъ отношеніи лучше имѣвшагося въ финскихъ войскахъ и показывали, что русскіе не жалѣли расходовъ на приведеніе санитарнаго дѣла въ такой порядокъ, который соотвѣтствоваль-бы требованіямъ времени. Эта цѣнная военная добыча подѣлена была между нѣсколькими финскими лазаретами [104]).

Обозъ шведовъ состоялъ изъ одноконныхъ телѣгъ или саней. Въ обозныхъ лошадяхъ недостатка не было, такъ какъ крестьяне проявляли въ началѣ кампаніи большую готовность помогать передвиженію.

Шхерную флотилію создалъ финнъ Августинъ Эренсвердъ, и вполнѣ финской была та ея часть, которая стояла въ Свеаборгѣ, Або, Кристинѣ и Варкаусѣ. Экипажъ флота, состоявшій изъ двухъ тысячъ съ небольшимъ человѣкъ, былъ собранъ частью вербовкой, частью повинностью для содержанія войска (rotering), которая въ этой формѣ примѣнялась по побережью Финляндіи и на Аландѣ [105]).

Состояніе крѣпостей было неудовлетворительно. Приморскія крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ возведены были главнымъ обра-

юмъ для поддержанія сообщенія со Швеціей во время лѣтнихъ кампаній. Въ зимніе-же походы онѣ не могли помѣшать вторженію непріятеля. На этотъ недостатокъ часто указывали, и въ 1793 г. приступили къ постройкѣ внутренней крѣпости при Вилликкала въ Элимѣ, возведеніе которой, однако, было пріостановлено, вслѣдствіе недостатка денегъ и ссоры между отдѣльными военными властями. Начатыя постройки укрѣпленій при Гангеуддѣ, въ 1797 г. были пріостановлены, а при Варкаусѣ, который служилъ станціею флота, работы остались неоконченными.

Всѣ расположенныя въ Финляндіи войска и крѣпости находились подъ начальствомъ «главнокомандующаго» (generl en chef). Въ его распоряженіи имѣлся особый финскій комиссаріатъ. Всѣ остальныя шведскія войска находились въ непосредственномъ вѣдѣніи военной коллегіи, и между ней и полками не существовало никакихъ посредствующихъ властей [106]).

Въ ночь на 1 февраля нов. стиля 1808 г. генерала Клеркера, находившагося въ Свеаборгѣ, внезапно разбудили. Ему подали письмо отъ Стедингка, извѣщавшаго о скорой и неизбѣжной войнѣ съ Россіею. Клеркеръ переѣхалъ въ Гельсингфорсъ и курьеры его помчались въ разныя стороны съ приказаніями и увѣдомленіями. Клеркеру пришлось дѣйствовать на свой рискъ, такъ какъ «не имѣлъ ни одной буквы отъ своего двора, ни денегъ, ни магазиновъ».

Войска Буксгевдена, перейдя границу, главными своими силами, т. е. южнымъ отрядомъ, двинулись къ Ловизѣ и далѣе послѣдовали къ Гельсингфорсу. Финскіе аванпосты, боясь быть окруженными, отступили. Сила Буксгевдена при Кюммени доходила до 16.000 человѣкъ [107]).

Клеркеръ надѣялся оказать сильное сопротивленіе, если въ его распоряженіи останется 14 дней для сбора около Кюммени. Но вскорѣ обстоятельства побудили его сосредоточить свои силы у Тавастгуса.

Клеркеръ пишетъ въ своихъ замѣткахъ: «Въ мои планы входило остаться въ Тавастгусѣ, но изъ этого ничего не вышло: рѣшено было отступить». Въ другомъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ: «я оставилъ начальствованіе и думалъ, что армія безопасно могла оставаться въ Тавастгусѣ, пока запасъ, состоявшій изъ 1.000 бочекъ ржи, не истощился». Этотъ планъ дѣйствія Клеркера удо-

стовѣренъ и начальникомъ его штаба Левенгельмомъ, также возставшимъ противъ отступленія. Клеркеръ былъ старъ, но здѣсь онъ проявилъ по крайней мѣрѣ должный военный пылъ.

Карлъ Натаэль авъ-Клеркеръ принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ, а позже, въ качествѣ адъютанта творца Свеаборга, Августина Эренсверда, производилъ съемку шхеръ и въ морскомъ сраженіи при Свенсксундѣ состоялъ при Густавѣ III. Это былъ простой, отважный, прямодушный и добросовѣстный воинъ. Стедингкъ признавалъ Клеркера наилучшимъ человѣкомъ подъ небесами, но... старымъ. «У него нѣтъ силъ, а въ войнѣ активность составляетъ все, и она принадлежитъ одной молодости и здоровью» [108]).

Финляндскіе историки его хвалятъ за энергію, проявленную въ первыя недѣли войны, но въ сущности онъ не показалъ ни находчивости, ни предпріимчивости. Онъ совершенно не обладалъ свѣдѣніями о силѣ непріятеля и имѣлъ такое-же преувеличенное представленіе о ней, какое и другіе финляндцы того времени [109]). Клеркеръ этого періода характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ. Пасторы окрестностей Тавастгуса явились къ нему, какъ военачальнику. Когда они спросили адъютанта, гдѣ генералъ, тотъ отвѣчалъ: «Въ своемъ ночномъ колпакѣ, какъ всегда». Пасторы искали утѣшенія, котораго ожидала ихъ беззащитная паства. Клеркеръ потеръ свой морщинистый лобъ и самымъ плачевнымъ голосомъ произнесъ: «Утѣшеніе! утѣшеніе! но вѣдь мнѣ самому нужно утѣшеніе». «Ваше Превосходительство ничего болѣе не имѣете сказать намъ?»—спросили пасторы, и всѣ въ ту-же минуту откланялись [110]).

Клингспоръ, прибывъ къ арміи подъ Тавастгусомъ и обсудивъ положеніе дѣла, приказалъ отступить. Потомство сильно осудило его за это и восхищалось рѣшимостью Клеркера, желавшаго дать бой, наступавшимъ русскимъ. Но въ послѣднее время среди спеціалистовъ преобладаетъ совершенно иное воззрѣніе: планъ Клеркера, говорятъ они, выжидать нападенія непріятеля, совершенно былъ неправиленъ, потому что позицію можно было обойти, и сраженіе съ значительно сильнѣйшимъ непріятелемъ, при такихъ обстоятельствахъ, могло оказаться очень опаснымъ [111]). Спеціалисты нашихъ дней, не одобрившіе плана обороны Клеркера, не хвалятъ также и рѣшенія Клингспора, отступать безъ боя.

Шведскій генеральный штабъ находитъ, что послѣднему слѣдовало, по прибытіи въ Тавастгусъ, собрать всѣ силы и сдѣлать рѣшительное нападеніе на надвигавшіяся по всѣмъ дорогамъ русскія колонны, прежде чѣмъ онѣ могли соединиться. Въ рапортѣ Королю Клингспоръ писалъ: «Заставить непріятеля отступить, атакуя его съ фронта, невозможно въ мѣстности, покрытой глубокимъ снѣгомъ, въ которомъ тонутъ солдаты, и гдѣ никогда нельзя выставить болѣе одной пушки и одного взвода».

Русскіе, послѣ ухода финновъ, обрѣли въ Тавастгусѣ и его окрестностяхъ большіе запасы, которые Клингспоръ, при поспѣшномъ отступленіи, не успѣлъ увезти.

Въ своей кибиткѣ Клингспоръ помчался къ сѣверу, тогда какъ армія, съ большими трудностями, по глубокимъ сугробамъ и въ лютую стужу, тащилась въ томъ-же направленіи. Обыкновенно выступали въ полночь, слѣдующій привалъ дѣлали на разстояніи трехъ-четырехъ миль отъ прежней стоянки; длинный и постоянно увеличивавшійся обозъ вмѣстѣ съ артиллеріей заставляли части останавливаться, и нерѣдко наступалъ уже вечеръ, прежде чѣмъ достигали привала. До разсвѣта вновь подымались и отправлялись далѣе. Гор. Ваза и дорога къ Нюкарлебю остались въ сторонѣ. Послѣдняго марта новаго стиля, главная квартира находилась въ Якобстадѣ. Отступленіе безпрерывно продолжалось на разстояніи 80-ти миль [112]).

Командующіе, повидимому, держались того мнѣнія, что отступленіе «было подсказано высшей мудростью». Даже Армфельтъ писалъ Аминову: «Вы отступили къ сѣверу послѣ того, какъ I. A. Кронстедтъ принужденъ былъ оставить Саволаксъ, это естественно и понятно и не подлежитъ никакой критикѣ. Можетъ быть Кронстедтъ въ состояніи былъ дѣйствовать болѣе спокойно, но это относится къ особой главѣ». Самъ Аминовъ пишетъ Адлеркрейцу: «Если удастся произвести наше отступленіе къ назначенному мѣсту (Улеоборгу) также непорочно, какъ до сихъ поръ, то оно заслуживаетъ занять выдающееся мѣсто въ исторіи. Также планъ обороны и отступленія генерала Клеркера достойны того-же самаго» [113]).

Способъ отступленія Клингспора не имѣетъ оправданія. Вмѣсто того, чтобы идти по восточному ближайшему пути черезъ Ювяскюлэ, онъ двинулся по значительно дальней отъ побережья дорогѣ, потому что тамъ легче было доставать провіантъ. Онъ не добылъ достовѣрныхъ извѣстій о силѣ непріятеля и, преувеличивая ее, совершилъ трудное отступленіе, похожее на бѣгство

[illegible]

1. Карельскіе егеря.
2. Артиллерія
3. Саволакскій и Эстерботнскій полки.
4. Нюландскіе драгуны и пѣхота.

Русскія колонны приняты были за авангарды. Во время отступленія Клингспоръ получалъ подкрѣпленіе, и численность его арміи значительно увеличилась, въ то же время преслѣдовавшая русская армія, напротивъ, непрестанно уменьшалась.

Наконецъ, отступавшая шведская армія сдѣлалась сильнѣе преслѣдовавшихъ...

Графъ Буксгевденъ далъ приказаніе генералъ-маіору Тучкову двинуться изъ Саволакса черезъ Ювяскюлэ къ Вазѣ, но Клингспоръ успѣлъ уйти, прежде чѣмъ это приказаніе было исполнено, почему могъ безпрепятственно продолжать отступленіе.

Младшій братъ генерала Аминова, маіоръ Берндтъ Генрихъ Аминовъ, жилъ, послѣ выхода въ отставку, въ деревнѣ и, вѣроятно въ концѣ марта 1808 г., отправился въ Бьернеборгъ, съ цѣлью узнать что-нибудь объ отступающей арміи, въ которой его сынъ служилъ молодымъ офицеромъ. Прибывъ въ Бьернеборгъ, онъ, къ своему удивленію, встрѣтилъ одиннадцать человѣкъ изъ офицеровъ арміи Клингспора на общественномъ праздникѣ; о нихъ горожане разсказывали, что они, при выступленіи войска, остались подъ предлогомъ болѣзни, но вскорѣ всѣ, за исключеніемъ одного, дѣйствительно больного, совершенно здоровые, разгуливали по городу. Съ грустью Аминовъ вернулся домой, порицая такую армію [114]). Нѣкоторые офицеры, записалъ въ своемъ дневникѣ аудиторъ Аспъ, остались въ Ню-Карлебю подъ предлогомъ болѣзни и предались непріятелю, когда остальное войско отправилось въ Абборсъ.

Указанныя печальныя явленія повторялись во время отступленія арміи къ сѣверу. Объ этомъ Клингспоръ пишетъ въ своемъ рапортѣ къ Королю отъ 29-го апрѣля н. ст. «Не могу скрыть отъ Вашего Величества мое безпокойство о томъ, что нѣкоторые офицеры, подъ предлогомъ болѣзни, однако безъ моего согласія или вѣдома, оставались на станціяхъ и въ городахъ, которые я во время отступленія долженъ былъ покинуть» [115]). Число офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ, отставшихъ отъ отступающей арміи, по вѣдомости Клингспора достигало 64 человѣкъ.

Нѣкоторые офицеры состояли въ родствѣ съ бывшими аньяльцами, другіе—сами принимали участіе въ этомъ заговорѣ 1788 г., а трое—принадлежали къ числу осужденныхъ за него къ смертной

казни.—Ѳ. Булгаринъ утверждаетъ, что среди офицеровъ арміи Клингспора состоялся даже заговоръ, имѣвшій цѣлью возвращеніе ихъ къ своимъ семействамъ [116]). Въ выводахъ изъ указанныхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе, надо быть весьма осторожнымъ.

Какъ вездѣ и во всѣ времена мужество чередуются съ дурными качествами, такъ было и въ средѣ шведовъ. Конечно, имѣлось много дѣльныхъ офицеровъ, особенно среди ротныхъ командировъ; но многіе изъ нихъ были «то слишкомъ стары, то слишкомъ неспособны, а иногда то и другое вмѣстѣ».

Офицерское званіе пріобрѣталось чрезвычайно просто. Для этого требовалась сперва служба въ разрядѣ нижнихъ чиновъ, а затѣмъ сдача экзамена по уставамъ. На практикѣ это сводилось къ пустой формальности и къ личному усмотрѣнію командира части, которому разрѣшалось принимать въ офицеры всѣхъ по своему выбору и дѣлать объ ихъ производствѣ представленіе Королю. Многіе изъ вновь назначенныхъ офицеровъ ранѣе по нѣсколько лѣтъ служили волонтерами и унтеръ-офицерами, достигая 25—30 лѣтъ отъ роду, а нерѣдко даже 40-лѣтняго возраста [117]).

Въ Карлсбергѣ существовала военная академія, а въ Хаапаніеми (около Куопіо)—топографическая школа; но прохожденіе въ нихъ курса составляло уже исключеніе въ офицерской средѣ.

Въ шведской арміи офицерскія мѣста сдѣлались торговымъ товаромъ, за который покупатель нерѣдко выплачивалъ значительныя суммы. Эта порочная, такъ-называемая, аккордная система получила офиціальную санкцію въ періодъ вольности (frihetstiden), когда казна стала опредѣлять суммы, слѣдовавшія за каждый переходъ офицерской должности въ другія руки. Этой системой имѣлось въ виду обезпечить офицера при выходѣ его въ отставку и облегчить ему возможность передачи должности другому, болѣе молодому лицу, въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ становился неработоспособнымъ. Но власти сильно ошиблись, разсчитывая этимъ способомъ обезпечить себя выдающимся офицерскимъ составомъ. Богатый человѣкъ, даже при незначительныхъ способностяхъ, могъ купить себѣ высокое положеніе; бѣдный-же, какъ-бы ни былъ даровитъ и талантливъ, не имѣлъ успѣха, и ему нерѣдко весь свой вѣкъ приходилось занимать незначительныя мѣста. Густавъ III сознавалъ это зло и воспретилъ аккорды, но его запрещеніе не имѣло существеннаго значенія, потому что Король недостаточно энергично слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его приказаніе приводилось въ исполненіе. Вскорѣ торговля должностями возобновилась, наполовину разрѣшенная верховной властью. Цѣны даже повысились.

Встревоженное этимъ регентство Густава IV Адольфа вернулось къ старой системѣ періода вольностей и утвердило постановленіемъ отъ 30 іюня 1793 г. сумму взноса за каждую должность и въ то-же время повелѣло, чтобы взносы ежегодно уменьшались. Это постановленіе сохраняло свою силу въ 1808 г., но и оно мало соотвѣтствовало цѣли. Съ разныхъ сторонъ получались свѣдѣнія, что распоряженія правительства относительно аккордныхъ взносовъ примѣнялись только въ томъ случаѣ, когда служебное мѣсто освобождалось за чьей-либо смертью. Но если офицеръ при жизни передавалъ свое мѣсто другому, то преемникъ, съ дозволенія правительства, обыкновенно вносилъ за эту должность вдвое или втрое больше установленной суммы. Что офицерское мѣсто, при такихъ обстоятельствахъ, могло оказаться очень дорогимъ, видно изъ того, что за полковника кавалеріи,—мѣсто, которое цѣнилось выше другихъ,—уже по постановленію 1793 г. надлежало вносить 8.000 риксдалеровъ, т. е. болѣе 45.000 финскихъ марокъ. Но важнѣе всего то, что офицеръ, храбро павшій въ бою, оставлялъ семью въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ тотъ, который трусливо оберегалъ свою жизнь и продавалъ заблаговременно свою должность другому [118]).

Нерѣдко случалось, что поручики были старше капитановъ. Полковыми командирами назначали по большей части лицъ знатнаго происхожденія и часто вышедшихъ изъ гвардіи.

За время правленія Густава III и Густава IV Адольфа, много офицеровъ подало въ отставку, чѣмъ вообще объясняется молодой составъ начальниковъ 1808 г.

Прославленная поселенная система, послѣ войнъ Карла XII, вела къ разоруженію страны и ослабленію воинскаго духа. Офицерскіе бостели и солдатскіе торпы могли быть очень полезными для прокормленія своеобразнаго земледѣльческаго класса, но они не оставляли времени для военныхъ упражненій и боевыхъ интересовъ. Неудивительно поэтому, что описанная маіоромъ Амнновымъ «бьернеборгская болѣзнь» въ военное время заражала начальство и что внезапно призванные земледѣльцы не могли тягаться съ мало-мальски обученными солдатами.

Главную тяжесть войны, какъ всегда, вынесъ на своихъ плечахъ крестьянинъ-солдатъ. «Благодаря содѣйствію населенія—писалъ Адлеркрейцъ,—армію выставили, но она далеко не была приведена въ боевой порядокъ». Въ мужествѣ недостатка не было, но кампанія, начавшаяся безпрерывными отступленіями, конечно, не могла содѣйствовать поддержанію воинскаго духа.

*

Всѣ въ бригадѣ,—писалъ полковой священникъ Гольмъ,—отъ начальства до солдата, роптали и громко высказывали свое неудовольствіе, что вынуждены были оставить родину, женъ и дѣтей во власти непріятеля, прежде чѣмъ необходимость потребовала этого; они просили, чтобы имъ дозволили драться и защищать свое отечество». Другой современникъ, Меллинъ, чрезвычайно хвалитъ духъ въ финскихъ войскахъ. Никакія приманки, никакія трудности не могли поколебать твердости солдата; почти ежедневно получались доказательства свойства нрава и убѣжденій финской націи. Рѣдко въ какой либо арміи, — говорятъ современники и шведо-финскіе историки, — «отношенія между начальниками и подчиненными бывали лучше, чѣмъ у насъ; каждый по своему разумѣнію старается исполнить долгъ. Быть можетъ солдату иногда и хотѣлось бы выразить неудовольствіе, но мы строго наказывали малѣйшую воркотню, и солдаты крѣпко держались въ рукахъ офицеровъ. Превосходительный Клингспоръ имѣетъ королевскую власть и полномочіе, и его слушаютъ, какъ короля. Нашъ исполняющій должность генералъ-адъютанта ведетъ себя необыкновенно хорошо» [119]).

«На всѣ возможные лады,—пишетъ Клингспоръ,—практиковались прокламаціи и воззванія къ измѣнѣ. Русскіе на разные лады пытались воздѣйствовать и на солдатъ, и на крестьянъ,—пишетъ онъ дальше,—сманивали ихъ, то угрозами быть изрубленными, то коварными сочиненіями и воззваніями, которыя вывѣшивали на палкахъ передъ нашими аванпостами». Трудно, конечно, опредѣлить какой успѣхъ имѣли эти воззванія, но генералъ Клеркеръ насчиталъ, что число бѣглецовъ-солдатъ за время зимней кампаніи доходило до 400—500 человѣкъ.

Поведеніе солдатъ не разъ обращало на себя вниманіе начальства, вызывая похвалы и удивленіе. Такъ Адлеркрейцъ писалъ Аминову: «что офицеръ, мечтающій о славѣ и добромъ нравѣ, умѣетъ разсуждать и заглушать чувства, которыя природа вложила въ наши сердца, это не такъ удивительно, но что солдатъ,—эта чувственная машина,—не смущается и съ достоинствомъ слѣдуетъ за своимъ знаменемъ,—это дѣйствительно восхищаетъ. Вы, братецъ, не можете себѣ представить, съ какимъ видомъ и веселостью они исполняютъ свои обязанности, а когда они замѣтили непріятеля, то забыли всѣ трудности и заботы,—хотя у насъ тогда стояли 30 град. морозы.—Никогда больше въ Швеціи не будетъ такихъ солдатъ и жителей. Я не могу достаточно нахвалиться существующимъ духомъ въ полку моего брата,

просто отрада командовать ими и жить съ ними; я думаю, что и они мною довольны».

Въ томъ же смыслѣ рапортовалъ Королю генералъ Клеркеръ: «Я долженъ всеподданнѣйше донести, что и начальство, и солдаты арміи Вашего Величества состязаются другъ съ другомъ въ рвеніи исполнить свои обязанности и съ терпѣніемъ переносятъ всѣ неудобства, какія слѣдуютъ за лютой зимой и тяжелымъ утомленіемъ». Таково было послѣднее сужденіе стараго полководца, при передачѣ имъ начальствованія Клингспору [120]).

«Несмотря на все поражающее, безумное незнаніе и негодность руководящихъ лицъ, пишетъ шведскій генералъ Норденсванъ, въ самой націи, въ это время, было нѣчто, что называется чувствомъ долга и отвѣтственности и умѣніемъ жертвовать собою за короля и родину». Съ уваженіемъ о войскѣ тогдашняго противника отзывается и Михайловскій-Данилевскій. Тяжело имъ было оставлять въ нашей власти свои города и села, но присутствіе духа не покидало ихъ и они показали себя достойными своихъ предковъ, временъ Густава II Адольфа и Карла XII.

Во всякой войнѣ рядомъ съ громомъ орудій и силой штыковъ дѣйствуютъ самыя разнообразныя обстоятельства, то мѣшающія, то способствующія успѣхамъ боевыхъ силъ. Латинскій афоризмъ гласитъ: non solis armis—не однимъ оружіемъ.

Финляндская война особенно богата обстоятельствами невоинственнаго характера. Вліятельными факторами здѣсь явились: шведскіе отщепенцы и аньяльскіе измѣнники, духъ русскихъ прокламацій, настроеніе финляндскаго общества, немедленное приведеніе къ присягѣ жителей, захваченныхъ областей, низкій уровень шведскаго правительства, дружественные совѣты и понуканія Франціи и пр. Рядъ этихъ причинъ въ ходѣ военныхъ операцій 1808—1809 г. до сихъ поръ почти не освѣщался, почему дѣлаемъ попытку ихъ описанія и оцѣнки.

Основывать свѣдѣнія о войнѣ на однихъ реляціяхъ, хотя-бы самыхъ безпристрастныхъ и обстоятельныхъ, едва-ли достаточно. Внѣ поля битвы происходитъ многое, что неизбѣжно вліяетъ на успѣхъ или неуспѣхъ оружія.

«Когда я пріѣхалъ въ Россію, — говоритъ Ребиндеръ, — я узналъ, что графъ Румянцевъ, тогда министръ иностранныхъ дѣлъ, совѣтовался съ генераломъ Спренгтпортеномъ относительно

различныхъ мѣропріятій, связанныхъ съ вторженіемъ русскихъ въ Финляндію. Спренгтпортенъ, воображая, что его собственное мнѣніе раздѣляютъ и всѣ его соотечественники, и что его родина осталась такой-же, какой была тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ покинулъ ее, увѣрялъ, что потребуется лишь полкъ казаковъ и нѣсколько сундуковъ прокламацій, чтобы весь финскій народъ, въ томъ числѣ и войско, слѣпо бросился въ объятія своихъ благородныхъ освободителей».

Герану Магнусу Спренгтпортену въ мирные годы 1790—1808, удалось внушить правящимъ сферамъ въ Петербургѣ неправильное представленіе о томъ, что часть финляндцевъ желаетъ отторженія отъ Швеціи или по крайней мѣрѣ смотрѣли на это безропотно, какъ на неизбѣжную судьбу. Въ Петербургѣ мало замѣчали безграничный эгоизмъ Спренгтпортена. Чувство раздражительности и мстительности затемняли нерѣдко его большія способности. Изъ личнаго недовольства Королемъ и подъ вліяніемъ необузданнаго тщеславія, онъ горѣлъ ненавистью ко всему шведскому. Въ Петербургѣ подобныя обстоятельства не были тогда учтены. Несомнѣнно, что Спренгтпортенъ нашелъ послѣдователей и даже апостоловъ своихъ стремленій: создать изъ Финляндіи нѣчто независимое отъ Швеціи, подъ гарантіей Россіи. Во всякое время и всюду имѣются недовольные общимъ положеніемъ. Одни желали лучшаго, другіе страдали отъ неурожаевъ, третьи тяготились «вассальнымъ» отношеніемъ къ Швеціи. Чувство тщеславія нѣкоторыхъ уязвлялось тѣмъ высокомѣріемъ, которое иногда сквозило въ отношеніяхъ къ нимъ шведовъ, дававшихъ чувствовать превосходство своего образованія, знатности и богатства. Географическая изолированность отъ Стокгольма съ теченіемъ времени также стала пробуждать желаніе большей независимости. Родилась идея нѣкотораго сближенія съ Россіей. Пробуждался, наконецъ, инстинктъ національности. Подобными обстоятельствами искусно воспользовался Спренгтпортенъ для своихъ политическихъ цѣлей [121]). Но въ то-же время русское правительство недостаточно взвѣсило ихъ съ точки зрѣнія интересовъ имперіи и условій даннаго времени. Здѣсь и тамъ въ Финляндіи подъ пепломъ тлѣло недовольство режимомъ послѣднихъ Густавовъ, но общая масса вѣрна была своимъ королямъ, крѣпко держалась присяги и не мечтала о самостоятельномъ положеніи Финляндіи.

Кромѣ Спренгтпортена въ Петербургѣ находились Кликъ, Ладо, Іегернгорнъ и др. Всѣ они принадлежали къ оппозиціи шведскому правительству, со всѣми ими совѣтовались. Наиболѣе

щедрымъ въ раздачѣ милостей финляндцамъ оказался Спренгтпортеръ. Чтобы расположить населеніе Финляндіи въ пользу Императора Александра, онъ совѣтовалъ обѣщать сохраненіе правъ, созывъ сейма въ Або и т. п. Полной противоположностью ему явился Кликъ. Онъ строилъ надежды русскаго правительства на нерасположеніи дворянъ къ Швеціи, на аньяльскихъ вожделѣніяхъ нѣкоторыхъ офицеровъ, на сохраненіе за гражданскими чинами ихъ прежнихъ окладовъ, должностей и т. п. «Конечно,—писалъ онъ,—не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія-бы то ни было соглашенія. Побѣдивъ страну силой, ей предоставятъ потомъ какъ милость тѣ преимущества, которыя найдутъ выгодными для себя дать ей. Всякое соглашеніе, каково-бы оно ни было, предполагаетъ нѣкоторое равенство соглашающихся и можетъ породить опасныя разногласія и недоразумѣнія. Побѣдитель, напротивъ, жалуетъ милостями, и ихъ за таковыя принимаютъ жалуемые, не имѣя права ни о чемъ договариваться» [122]). Іегернгорнъ по своимъ стремленіямъ болѣе примыкалъ къ Спренгтпортену. Ладо пришлось ограничиться второстепенными ролями.

Когда началась кампанія 1808 г., Спренгтпортену приказано было для помощи и содѣйствія состоять при главнокомандующемъ Буксгевденѣ.

Извѣстно, что графъ Буксгевденъ былъ непомѣрно гордъ, самовластенъ, не терпѣлъ никакого возраженія и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ отступленіи отъ его воли. Пріемъ его ужасалъ многихъ. Всѣ боялись его и избѣгали, по возможности, встрѣчи съ нимъ [123]). И къ этому человѣку, въ качествѣ «эксперта» по финляндскимъ дѣламъ, приставили столь-же гордаго и неуживчиваго Спренгтпортена.—Исходъ можно было предвидѣть. Несогласія начались съ первыхъ-же дней, и Буксгевденъ пишетъ на него одну жалобу за другой изъ своихъ главныхъ квартиръ подъ Ловизой, Тавастгусомъ и Гельсингфорсомъ [124]). «Я не оставилъ подносить на усмотрѣніе Государя Императора разныхъ отношеній ко мнѣ Вашего Сіятельства (гр. Румянцева) касательно барона Спренгтпортена. Изъ оныхъ, равно какъ и изъ его ко мнѣ писемъ, видѣвъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, что при самомъ началѣ не было согласія между нами, не могъ я ласкать себя надеждою, чтобы въ продолженіе времени оное возстановилось. По усердію моему къ службѣ и по особенному уваженію къ вамъ, м. г. мой, не осталось мнѣ другого желать, какъ того, чтобы сами обстоятельства отдалили способы къ новымъ между нами неудоволь-

ствіямъ. Самъ баронъ Спренгтпортенъ къ тому способствовалъ, изъявивъ желаніе на нѣкоторое время въ Петербургъ возвратиться, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе».

Спренгтпортена отозвали. Но онъ устроился въ Петербургѣ, подъ бокомъ у властей, гдѣ на свободѣ сталъ наполнять свои безчисленныя записки ядомъ клеветы и оскорбленнаго самолюбія. Къ тому-же у него нашелся союзникъ въ лицѣ генерала Кнорринга и опора въ лицѣ всесильнаго графа Аракчеева.

Буксгевденъ остался безъ эксперта по финляндскимъ дѣламъ и безъ спеціалиста по части «вліянія на умы». Своимъ государственнымъ умомъ онъ недурно разбирался въ новыхъ условіяхъ и правильно понималъ главное положеніе. «Что касается политическихъ отношеній къ жителямъ завоеванныхъ мѣстностей,—писалъ онъ 10 февраля 1808 г.,—то я того мнѣнія, что если Государю Императору угодно сохранить имъ ихъ прежнія права и преимущества, то наша обязанность сохранить и оберечь ихъ настолько, насколько эти привилегіи не противорѣчатъ государственному устройству нашего отечества (à la constitution de notre patrie) и на сколько позволяютъ обстоятельства, а жители будутъ стараться заслужить эту особую монаршую милость своими добрыми настроеніями и поведеніемъ».

«Въ отношеніи-же къ устройству гражданской части, я только что получилъ извѣщеніе о волѣ Его Величества, чтобы выборгскій гражданскій губернаторъ, г. Эминъ, былъ мнѣ подчиненъ, для организаціи гражданскаго управленія въ Шведской Финляндіи послѣ ея завоеванія». Выборъ Эмина едва-ли можно признать удачнымъ, потому что онъ, не располагая ни знаніемъ, ни опытностью, проявилъ большую склонность къ вину и смѣшнымъ своимъ видомъ не внушалъ къ себѣ уваженія [125]).

Свое воздѣйствіе на умы финновъ Буксгевденъ началъ съ широкаго распространенія прокламацій.

Въ первой прокламаціи, съ которой главнокомандующій обратился къ финскому населенію, сообщалось, что «Императоръ Всероссійскій съ крайнимъ прискорбіемъ повелѣлъ своимъ войскамъ вступить въ предѣлы ваши, добрые сосѣди и жители Финляндіи! Король Швеціи не только не примкнулъ къ союзу двухъ сильныхъ державъ, но, напротивъ, вошелъ въ соглашеніе съ ихъ врагомъ. Государь Россіи обѣщалъ свое покровительство землѣ финновъ и потому предлагаетъ имъ быть спокойными и оставаться въ своихъ жилищахъ. Мало того, чтобы все протекало въ обычномъ порядкѣ, согласно съ прежними законами, правами и

обычаями, Его Величество оставляетъ всѣхъ служащихъ на ихъ мѣстахъ». Затѣмъ дѣлалось предупрежденіе, что не только за всѣ поставки будутъ уплачивать, но, по милости русскаго Монарха, заведены будутъ запасные магазины, изъ которыхъ нуждающіеся жители станутъ снабжаться мукой. Въ заключеніе говорилось, что могутъ случиться разныя обстоятельства и дѣла, рѣшеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ добраго согласія и взаимнаго довѣрія въ сужденіяхъ, почему предлагалось изъ каждой провинціи выслать депутатовъ,—«по установленному при обыкновенныхъ вашихъ сеймахъ порядку,»—которымъ явиться въ г. Або. «Посему Великое Княжество Финляндское будетъ съ сего времени считаться такъ, какъ и прочія области, завоеванныя Имперіею Нашею, «и пользоваться» своими привилегіями, свободнымъ отправленіемъ вѣры, правомъ и другими преимуществами, каковыя они издревле имѣли и коими нынѣ пользуются».

Документы нашего Государственнаго архива показываютъ, что мысль объ этой прокламаціи возникла ранѣе объявленія войны. Первый проектъ прокламаціи, авторомъ котораго считаютъ Г. М. Спренгтпортена, составленъ 10 января. Впослѣдствіи онъ передѣлывался. Въ январѣ-же прокламація была секретно отправлена выборгскому военному губернатору Обрѣзкову, для перевода на финскій языкъ и для напечатанія. Но послѣднее приказаніе не могло быть исполнено, въ виду того, что финскій типографщикъ переселился въ Петербургъ [126]).

Первая прокламація не удовлетворила ни русскихъ, ни финляндцевъ. «Воззваніе Буксгевдена къ финнамъ,—отмѣтилъ генералъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля 1808 г.,—образецъ противорѣчій. Въ этомъ воззваніи съ одной стороны говорится, что мы вводимъ свои войска въ Финляндію только для того, чтобы заставить Короля принять мѣры противъ Англіи, а съ другой,—что мы принимаемъ финновъ въ наше подданство. А что, если Король согласится на предлагаемыя ему мѣропріятія? Что мы тогда будемъ дѣлать? Это послѣ того, какъ мы предложили финнамъ подчиниться; что-же? или оставимъ мы ихъ на справедливое мщеніе шведовъ? Нужно было сказать прямо, что мы ихъ беремъ, чтобы уже больше никогда не отдать».

Бывшій союзникъ Спренгтпортена Кликъ былъ въ высшей степени недоволенъ упомянутой прокламаціей [127]). Онъ прочелъ ее съ удивленіемъ. Не было въ ней того стиля, того метода, которые необходимы въ письменномъ сношеніи, имѣющемъ цѣлью объявить волю и рѣшеніе Монарха. Въ прокламаціи не было ни-

чего, что показывало-бы силу человѣка, который былъ представителемъ властелина половины свѣта; онъ говорилъ въ ней самымъ забавнымъ образомъ, какъ другъ маленькаго финскаго народа, котораго онъ могъ въ прахъ уничтожить, когда ему то вздумается. Повелѣніе о томъ, чтобы земскіе чины были законнымъ образомъ созваны въ Або, такъ-же представлялось Клику весьма страннымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, такого порядка не существовало, ибо земскіе чины Финляндіи никогда особо не созывались [128]).

Адлеркрейцъ, высмѣивая прокламацію, говоритъ въ письмѣ къ своей женѣ: «Я отсылаю генералу манифестъ, изданный русскими финскому народу, въ которомъ они, между прочимъ, созываютъ финскихъ земскихъ чиновъ на риксдагъ въ Або и подобныя глупости—охрану и всякую безопасность жизни и имущества—обѣщаютъ тѣмъ, которые спокойно пребудутъ дома у себя» [129]).

«Сегодня, 11 мая, мнѣ удалось прочитать русскую прокламацію, которая занятію Финляндіи даетъ такое-же поясненіе, какое въ Пруссіи Фридрихъ II далъ, когда онъ напалъ на Силезію, т. е. что это сдѣлано для защиты страны. Говорили также, продолжаетъ Аспъ, что русскіе подражаютъ Фридриху II еще въ томъ, что до заключенія мира принуждаютъ жителей дать присягу на вѣрноподданство. Такъ поступилъ Фридрихъ въ Бреславлѣ въ 1741 году». Идея прокламаціи дѣйствительно не нова. Уроженецъ Выборгской губерніи Адамъ Фреденшерна совѣтывалъ еще въ царствованіе Елизаветы Петровны разбрасывать по Финляндіи прокламаціи и созвать сеймъ для опредѣленія будущаго устройства края.

За первой прокламаціей вскорѣ появилась вторая. Ребиндеръ, критикуя ихъ, находитъ, что русскіе прежде всего щедро раздавали обѣщанія о сохраненіи религіи, законовъ и привилегій. Затѣмъ, какъ ни успокоительны были эти плакаты относительно будущаго счастія Финляндіи,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—дѣйствіе ихъ превращалось въ ничто по двумъ причинамъ: во первыхъ, они изложены были на дурномъ шведскомъ языкѣ, дававшимъ поводъ къ насмѣшкамъ, а во вторыхъ, они слишкомъ грубо побуждали населеніе забыть свой долгъ, а войско — къ измѣнѣ. Проповѣдывать возстаніе (?) и смуту въ странѣ, которою желали завладѣть навсегда, было, конечно,—замѣчаетъ онъ,—глупостью, безполезною въ настоящую минуту и опасною въ будущемъ. Ребиндеру оставалось непонятнымъ, какимъ образомъ же-

лали достичь добровольнаго подчиненія финской націи Россіи, и онъ сомнѣвался достаточно-ли народъ и солдаты понимали слово независимость, чтобъ открыто возстать и освободиться отъ своей присяги государству, которое въ теченіе столѣтій управляло Финляндіей?

Вторая прокламація появилась въ Ловизѣ. Въ ней обращались преимущественно къ финскому войску. Буксгевденъ объяснялъ, что Государь запретилъ «сдѣлать первый выстрѣлъ». Къ неудовольствію русскихъ, спокойствіе было нарушено финскими войсками. Горячо сочувствуя бѣднымъ солдатамъ, которые «по волѣ судьбы составляютъ воиновъ края и теперь должны за несправедливое дѣло оставлять очагъ и жертвовать жизнью», Буксгевденъ объявлялъ, что и на нихъ распространяется милость Царя. Поэтому они могутъ отправиться, куда пожелаютъ, но должны лишь добровольно оставить оружіе и лошадь, за которыя могутъ получить вознагражденіе. Оружіе вообще отбиралось у жителей; его приказано было сносить въ приходы и сдавать нашимъ войскамъ; ослушникамъ угрожали большимъ денежнымъ штрафомъ.

Прокламація слѣдовала за прокламаціей. Въ нихъ обильно разсыпались обѣщанія и щедрой рукой давались льготы. Прокламаціей 19—31 марта Буксгевденъ удостовѣрялъ, что, послѣ приведенія къ присягѣ, финская армія будетъ неизмѣнно сохранена, и что въ Финляндіи не будетъ введенъ русскій рекрутскій наборъ. Въ другой мартовской (27 марта — 8 апрѣля) прокламаціи офицерамъ, сложившимъ оружіе, обѣщалась выдача прогонныхъ денегъ до избраннаго ими мѣста жительства. Кромѣ того, офицерамъ по ихъ желанію открывался доступъ въ русскую армію, съ сохраненіемъ чиновъ и окладовъ. У тѣхъ-же финновъ, которые въ назначенное время не покинутъ шведскихъ знаменъ, будутъ отняты ихъ бостели и все ихъ частное имущество, а также воспрещено будетъ вернуться когда-либо въ Финляндію. Что-же касается офицеровъ шведскихъ уроженцевъ, то имъ разрѣшался свободный пропускъ на родину, а унтеръ-офицеры и солдаты-шведы препровождались въ Выборгъ, впредь до заключенія мира.

Въ апрѣлѣ, повторивъ обѣщаніе о сохраненіи войска, главнокомандующій заявлялъ, что никто не потерпитъ убытка отъ купленныхъ должностей, что будетъ учрежденъ заемный банкъ для помѣщиковъ, и чтобы крестьяне не опасались крѣпостного права, такъ какъ оно не будетъ введено въ Финляндіи.

Дѣйствіе отъ русскихъ прокламацій и принудительныхъ мѣръ было различное [130]). Подъ рукою велѣно было разглашать, что

русскія войска вступили въ Финляндію единственно для занятія береговъ, при желаніи воспрепятствовать высадкѣ англичанъ. Но ни прокламаціи наши, ни слухи, говоритъ современникъ, не склонили шведовъ и финновъ на нашу сторону [131]). Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что нѣкоторыя изъ прокламацій не произвели ни малѣйшаго дѣйствія въ нашу пользу, а лишь дали поводъ шведскому Королю объявить, что русское правительство употребляетъ развращающія средства, чтобы сманивать его подданныхъ къ отказу отъ ихъ присяги и долга. Но когда затѣмъ большая часть жителей края должны были выбирать одно изъ двухъ: или сдѣлаться русскими подданными и, какъ таковые, сохранить свою службу и имущество, или-же, оставшись вѣрными прежнему повелителю, лишиться службы и видѣть свое имущество конфискованнымъ,—то передъ подобнымъ испытаніемъ многіе не устояли. Колебаніе было тѣмъ легче вызвать, что «образованная часть населенія проникласъ убѣжденіемъ, что Россія въ концѣ концовъ побѣдитъ, и потому выгоднѣе стоять на сторонѣ сильнѣйшаго. Нѣкоторые, вмѣстѣ съ ландсгевдингомъ въ Або, желали, чтобъ неизбѣжное совершилось возможно скорѣе» [132]).

Особенно затруднительно было положеніе офицеровъ и унтеръ-офицеровъ: имъ приходилось или терять свои бостели, или принять предлагаемыя русскими условія. 29 апрѣля—11 мая приказано было всѣмъ губернаторамъ «объявить, что бостели, занимаемые офицерами и унтеръ-офицерами, которые подъ начальствомъ генерала Клингспора служатъ противъ русской арміи, будутъ отданы въ аренду на три года».—Въ то-же время сообщалось, что если хозяева ихъ не возвратятся въ теченіе четырехъ недѣль, то собранныя отъ аренды средства будутъ употреблены «для наградъ достойнымъ офицерамъ, которые были, согласно прокламаціи отъ 19 — 31 марта, приглашены въ будущую императорскую армію Финляндіи».

Ландсгевдингъ Олафъ Вибеліусъ опротестовалъ объявленіе объ отобраніи офицерскихъ бостелей. Въ особомъ меморіалѣ отъ 2 апр. н. ст. 1808 г. онъ доложилъ графу Буксгевдену, что «согласно нашимъ законамъ, которые побѣдитель обѣщалъ сохранить, никто не можетъ лишиться своихъ правъ вслѣдствіе дѣйствій другого лица, жена не можетъ лишиться своихъ правъ вслѣдствіе дѣйствій мужа, кредиторъ — вслѣдствіе дѣйствій должника. Если-же теперь чины финской арміи, исполняющіе долгъ службы и вѣрности, лишились своего имущества, за неизвѣстное имъ до того преступленіе, то не согласно съ закономъ, чтобы ихъ жены и

кредиторы лишились своихъ правъ. Предписанныя мнѣ мѣры по конфискаціи и сдачѣ въ аренду распространяютъ по всему краю ужасъ и отчаяніе». Его протестъ не привелъ сперва къ желаемому результату; но впослѣдствіи Царь, снисходя къ представленію Спренгтпортена, манифестомъ отъ 17 іюня, дозволилъ отложить отдачу бостелей въ аренду еще на шесть недѣль, считая со дня объявленія объ этомъ въ Финляндіи.

Одновременно съ мѣропріятіями противъ бостелей, наше правительство старалось уговорить молодыхъ офицеровъ или способныхъ молодыхъ людей, преимущественно изъ дворянъ, поступить въ русскую службу. «Приглашеніе финскимъ дворянамъ и офицерамъ вступить въ службу Его Величества,—говоритъ Буксгевденъ въ донесеніи военному министру,—съ моей стороны производится возможно усердно; нѣкоторыхъ я уже послалъ къ вамъ, а другихъ въ скоромъ времени отправлю, какъ только объ этомъ заявятъ свое желаніе, но многіе скрываются въ своихъ имѣніяхъ и занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ».

Во всякомъ дѣлѣ имѣется двѣ стороны. То же повторилось съ разсылкой прокламацій, вызвавшихъ столько возраженій и критики. Полезная сторона прокламацій сводилась къ тому, что онѣ разъясняли населенію его будущее положеніе, знакомили финновъ съ русскимъ правительствомъ, которое ранѣе было отрекомендовано шведами, какъ варварское. Прокламаціи сразу вводили порядокъ въ странѣ и дѣлали переходъ къ русскому владычеству менѣе чувствительнымъ для новыхъ подданныхъ. Никакому общеевропейскому народному праву воззванія не противорѣчили и ничего безнравственнаго въ себѣ они не заключали. Шведы платили тою-же монетою. Они также прибѣгали къ прокламаціямъ и при посредствѣ ихъ достигли многаго: они подняли крестьянъ и вообще отвращали населеніе отъ русскаго владычества, распространяя о немъ разныя небылицы. У Булгарина читаемъ напр.: «А вотъ я вамъ покажу печатное объявленіе, что русскіе хотятъ уничтожить нашу вѣру»... Старикъ подалъ мнѣ печатную прокламацію на финскомъ языкѣ».

Клингспоръ издалъ прокламацію, въ которой уговаривалъ крестьянъ причинять непріятелю всевозможныя препятствія и вредъ, «какіе только храбрые экстерботнійцы знали съ испоконъ вѣка» [133]).

«Прокламаціями Короля населеніе новой Финляндіи призывалось къ всеобщему возмущенію и къ отмщенію русскихъ, въ надеждѣ вытѣснить изъ края,—писалъ Буксгевденъ графу Ник. Петр.

Румянцеву (23 мая 1808 г. № 458). Таковыя обѣщанія тѣмъ становятся дѣйствительнѣе, что финны привыкли слышать гласъ государей своихъ, и вѣрить имъ, а прокламаціи сіи отъ лица Короля относятся прямо къ народу. Чтобъ уничтожить дѣйствіе оныхъ и обратить довѣренность сего народа, нужно непремѣнно обнадежить его сильнѣйшими увѣреніями, въ особливомъ манифестѣ отъ Государя Императора, представя съ одной стороны Монаршія милости, а съ другой поражая умы всѣми страхами войны и справедливой мести». Представляя проектъ подобнаго манифеста, главнокомандующій просилъ объ его утвержденіи Государемъ Императоромъ, «дабы таковой могъ впредь остаться вѣчнымъ актомъ, для новопріобрѣтенной Финляндіи».—«Безпокойство умовъ здѣшнихъ жителей и желаніе ихъ видѣть отъ имени новаго Государя своего подтвержденіе о сохраненіи всѣхъ ихъ правъ, заставляетъ меня убѣдительнѣйше просить поспѣшить присылкою сего манифеста; отъ скораго распространенія онаго зависѣть будетъ спокойствіе жителей и безопасность съ ихъ стороны нашего здѣсь пребыванія».

Успѣхъ сопровождалъ первые шаги русскихъ въ Финляндіи: передъ одной колонной поспѣшно отступали войска Клингспора, другой, двигавшейся ближе къ берегу Финскаго залива, сдались двѣ крѣпости вскорѣ послѣ начала кампаніи — Свартгольмъ и Свеаборгъ. Въ гарнизонѣ Свартгольма 21 февраля н. ст. 1808 г. находилось: 21 офицеръ, 32 унтеръ-офицера, 12 музыкантовъ, 635 рядовыхъ и 14 человѣкъ, принадлежавшихъ къ гражданскому вѣдомству. Комендантомъ состоялъ Грипенбергъ. О назначеніи его въ Свартгольмъ Клеркеръ сказалъ: «Грипенбергъ хорошій юристъ, но не извѣстенъ какъ военный, почему отъ него многаго ожидать нельзя».

Русскіе готовились къ осадѣ; Буксгевденъ верхомъ, подъ охраною эскадрона гусаръ и роты егерей, направился къ Свартгольму для рекогносцировки. Отъ осмотра онъ получилъ такое впечатлѣніе, что ни штурмомъ, ни осадой нельзя добиться какого-либо значительнаго успѣха. Тогда онъ рѣшилъ испробовать иныя средства. На слѣдующій день былъ посланъ парламентеръ, съ предложеніемъ сдаться. Нашего генерала сопровождалъ надворный совѣтникъ Хагельстрёмъ, который на шведскомъ языкѣ сказалъ, что вся страна находится уже во власти русскихъ и что плохое

состоянiе Свартгольма вполнѣ имъ извѣстно. Шведы не располагали ни одной годной пушкой, почему лучше всего было сдаться. Раздраженный Шульцъ яко-бы воскликнулъ тогда: «Какая такая баба была твоей матерью? Ты слишкомъ хорошо говоришь по-шведски, чтобы быть русскимъ»! — Отъ сдачи шведскiй офицеръ категорически отказался [134]).

Началась перестрѣлка. Она продолжалась недолго. Крѣпость сдалась. Герои не могли жаловаться на кровавый бой, потому что изъ всего шведскаго гарнизона во время осады былъ раненъ только одинъ человѣкъ! К. М. Грипенбергъ передалъ ключи и флагъ крѣпости русскимъ, которые, вступивъ въ Свартгольмъ, нашли ее въ «отличномъ оборонительномъ состоянiи». Въ ней имѣлось до 200 орудiй и разные припасы. Гарнизонъ отправили въ Ловизу, откуда солдаты свободно могли разойтись по домамъ.

Шведскiе и финскiе историки предполагаютъ, что быстрая капитуляцiя Свартгольма явилась результатомъ дѣятельности Спренгтпортена. Изъ переписки графа Буксгевдена можно вывести догадку, что при покоренiи Свартгольма (6 марта) были употреблены такiя-же средства, какими воздѣйствовали на Свеаборгъ, но вѣрныхъ доказательствъ на это въ дѣлахъ не находится (Михайловскiй - Данилевскiй). Какъ говорятъ, Спренгтпортенъ имѣлъ съ собой значительную сумму денегъ, и сначала отправился въ Ловизу, гдѣ весьма усердно велъ рекогносцировку Свартгольма и указывалъ затѣмъ тѣ мѣста, откуда можно было успѣшно ее обстрѣливать. Въ качествѣ переговорщика онъ, видимо, выказалъ большое рвенiе. Онъ сулилъ коменданту, по собственнымъ словамъ послѣдняго, «золотыя горы», но своихъ обѣщанiй однако не выполнилъ.

Впослѣдствiи К. М. Грипенбергъ писалъ подполковнику О. К. фонъ-Фiандту (1809 г.) о Спренгтпортенѣ: «На этого господина нельзя очень надѣяться и частенько онъ холоденъ къ бывшимъ своимъ друзьямъ. Меня онъ преотмѣнно провелъ. Я былъ ему необходимъ, и онъ меня «par suprise» запуталъ въ лабиринтъ, изъ котораго я больше не могъ выпутаться; онъ окунулъ меня въ несчастье, за которое одному ему обязанъ. Таковъ этотъ благородный человѣкъ».

Комендантъ К. М. Грипенбергъ послѣ капитуляцiи крѣпости поступилъ на русскую службу и его помощникъ, капитанъ ф.-Шульцъ, послѣдовалъ за нимъ, но уже послѣ того, какъ генералъ Адлеркрейцъ грубо отказалъ ему въ Стокгольмѣ въ своемъ участiи.

Какъ отозвалось паденіе этой маленькой крѣпосцы на финляндцахъ, свидѣтельствуютъ записки маіора Берндта Генриха Аминова: «Теперь я достовѣрно узналъ печальную вѣсть о капитуляціи Свартгольма, солдаты взяты въ плѣнъ, и все, что находилось въ крѣпости, сдѣлалось добычей непріятеля. Великій Боже, неужели нѣтъ больше ни вѣры, ни чести, ни любви къ отечеству въ шведскомъ войскѣ! Сдать крѣпость въ то время, когда не убили еще ни одного солдата, ни одна дымовая труба не была разрушена непріятелемъ, не было въ стѣнахъ такой большой щели, чтобъ муха могла чрезъ нее влетѣть, а пороху и пуль имѣлось въ избыткѣ и провизіи оставалось еще на нѣсколько недѣль! По моимъ воззрѣніямъ такая сдача крѣпости составляетъ величайшую государственную измѣну. Совѣтъ, который рѣшилъ сдачу крѣпости, по праву несетъ на себѣ проклятіе и презрѣніе всей націи. Но, славу Богу, вѣнецъ крѣпостей въ предѣлахъ Швеціи,—т. е. Свеаборгъ,—еще держится и обороняетъ его человѣкъ со славой, которому вся нація вполнѣ довѣряетъ. Пока этотъ драгоцѣнный алмазъ еще находится въ шведскихъ рукахъ, русскіе никогда не будутъ въ состояніи покорить эту страну, и день нашего освобожденія еще настанетъ».

Маіоръ Аминовъ, несомнѣнно, говорилъ мужественно и чувствовалъ глубоко. Но какъ вообще отнеслись въ финляндскомъ обществѣ и въ шведскихъ правящихъ сферахъ къ русскому нашествію? Поддержали-ли они своей энергіей и своимъ сочувствіемъ бойцовъ, которые мерзли и проливали кровь на поляхъ сраженій? Въ дни испытаній настроенія общества имѣютъ большое значеніе; въ чувствахъ, господствующихъ среди него, и сила и слабость націи. Что-же показывалъ этотъ общественный барометръ въ началѣ кампаніи и какія можно было сдѣлать по немъ предсказанія объ исходѣ борьбы?

Наиболѣе вѣрно оцѣнены наличныя условія Р. Ребиндеромъ въ его запискахъ «Souvenirs de ma vie». Общее настроеніе въ Финляндіи при началѣ войны онъ представилъ въ слѣдующемъ видѣ.

По чувству расположенія къ русскимъ, какъ къ непріятелю, онъ дѣлитъ всѣхъ на три группы: крестьяне, горожане и солдаты — словомъ, низшій слой общества и представители большинства населенія, — крѣпко держались за соединеніе съ Швеціей.

Карлъ Н. афъ-Клеркеръ.

Георгъ Карлъ фонъ-Дёбельнъ.

Мысли о присоединеніи къ Россіи среди нихъ не было; идея національной самостоятельности, которая въ теченіе предыдущихъ десятилѣтій стала проявляться въ высшихъ общественныхъ слояхъ, оставалась имъ совершенно чуждой. Поэтому они были готовы къ борьбѣ до послѣдняго за свой очагъ.

Иное положеніе заняла умѣренная партія, образовавшаяся изъ дворянства, части духовенства и большинства чиновниковъ. Они поддались вліянію матеріальныхъ интересовъ и наивно вѣрили въ возможность вѣчнаго мира. Среди нихъ отсутствовала сила воли, необходимая для руководства общественнымъ мнѣніемъ и для созданія соединительнаго звена между различными слоями населенія. Никто изъ нихъ не способенъ былъ составить плана общаго дѣйствія и никто не имѣлъ мужества взять на себя отвѣтственности за предѣлами своихъ обязанностей. Они опасались разгнѣвать сильнаго врага. Подъ вліяніемъ событій 1788 года и страха они дошли до измѣны.

Третья, ничтожная по своей численности, группа, видѣла въ наступающихъ событіяхъ признаки новаго золотого вѣка. Руководимая частью честолюбіемъ, частью личными разсчетами. но прежде всего остатками стараго «espit de parti», она, при всей своей малочисленности, была энергична и дѣятельна. Ея угодливость съ одной стороны и уступчивость съ другой обманывали какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ. Старыя симпатіи къ Россіи снова ожили среди аньяльскихъ сторонниковъ Спренгтпортена. Нѣкоторые изъ нихъ просто спекулировали на возможность увеличенія своихъ доходовъ, не разбирая для этого средствъ. Ребиндеръ называетъ поименно лишь трехъ членовъ этой группы, хотя изъ его разсказа видно, что число ихъ не ограничивалось такой цифрой. Это были печальной извѣстности Суставъ Вильгельмъ Ладо (Ladau), состоявшій тогда въ свитѣ Буксгевдена, Фридрихъ Адольфъ Іегергорнъ, и, наконецъ, самъ Геранъ Магнусъ Спренгтпортенъ.

Если подойти ближе къ картинѣ, изображенной Р. Ребиндеромъ, то мы увидимъ слѣдующія детали:

Вершину шведскаго общества представлялъ тогда Король Густавъ IV Адольфъ,—личность угрюмая и недовѣрчивая. Онъ взошелъ на шведскій престолъ тринадцати лѣтъ, послѣ бѣдственнаго событія, прекратившаго дни отца его Густава III. Густавъ IV получилъ самое плохое воспитаніе. Съ супругой своей, — женщиной рѣдкихъ качествъ,—онъ обходился такъ дурно, что иногда оскорблялъ ее въ присутствіи постороннихъ лицъ. Онъ носился съ

мыслью, что его хотятъ унизить, оскорбить; дозволялъ себѣ рѣзкія выходки и часто и безъ достаточной надобности прибѣгалъ къ военнымъ угрозамъ, несмотря на плохое состояніе финансовъ и относительную ничтожность его арміи, въ сравненіи съ военными силами сосѣднихъ державъ. Императоръ Александръ I, какъ его родственникъ, терпѣливо сносилъ вызывающій тонъ его писемъ.

Вражда Короля Густава къ Наполеону увеличилась вслѣдствіе того, что первый видѣлъ въ немъ апокалипсическаго звѣря; Густавъ объявилъ, что не намѣренъ вступать съ нимъ въ переговоры, ибо въ священномъ писаніи сказано, что та рука отсохнетъ, которая подпишетъ договоръ съ дикимъ звѣремъ. И если Наполеонъ такъ долго щадилъ его, то только въ надеждѣ создать изъ него врага Россіи. На Густава онъ смотрѣлъ какъ на душевнобольнаго, а потому писалъ маршалу Брюнну: «Vous parlerez de ce Souverain comme d'un fou».

Густавъ ничего не читалъ, кромѣ Библіи и воинскаго устава. Подражая Карлу XII въ костюмѣ, онъ воображалъ себя выдающимся полководцемъ, хотя его никто не видалъ впереди своего войска на поляхъ сраженій.

Настроеніе Короля, давно уже вызывало безпокойство въ его подданныхъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился недоступнѣе. Его дворъ состоялъ изъ однихъ секретарей и адъютантовъ. Приближенныхъ въ своихъ комнатахъ Густавъ не терпѣлъ. Они являлись къ королевскому столу по звонку и по окончаніи обѣда немедленно уходили [135]). Къ своей столицѣ онъ питалъ непріязненное чувство и потому жилъ отшельникомъ въ печальномъ Грипсгольмскомъ замкѣ. Совѣты честныхъ и разумныхъ министровъ, въ родѣ Эренгейма, отвергались. Нелюбовь къ Королю при такихъ условіяхъ, естественно, увеличивалась, и, наконецъ, все стало разражаться ропотомъ, такъ какъ въ немъ видѣли главнаго виновника бѣдъ, обрушившихся на Швецію.

Ко времени открытія военныхъ дѣйствій, онъ изверился въ возможности сохраненія за шведской короной Финляндіи и потому занялся планомъ овладѣнія Норвегіей, планомъ, подсказаннымъ ранѣе Франціей (Бернадотомъ). «Пусть пропадаетъ Финляндія, я вознагражу себя въ Норвегіи», говорилъ онъ [136]).

Въ замѣткахъ графа Тролле-Вахтмейстера читаемъ отъ 10 октября 1807 г.: «Король озлобленъ вслѣдствіе потери имъ военной репутаціи, которую онъ рѣшился вернуть, хотя бы цѣной гибели страны; онъ говорилъ, что передъ Богомъ обѣщалъ не за-

ключать мира, прибавивъ: «Я не трусливый Александръ». При указаніи на малонаселенность и бѣдность страны, Король злобно отвѣтилъ: «Здѣсь достаточно и населенія, и богатства, но недостаетъ доброй воли». Отъ 6-го декабря 1807 г. въ тѣхъ-же мемуарахъ значится: «Король хочетъ начать войну и прибавляетъ, что онъ посылаетъ Финляндію ко всѣмъ чертямъ и не пожалѣетъ, если потеряетъ ее. И вообще онъ говоритъ, что слишкомъ хорошъ, чтобъ управлять такой сволочью (pack), какова эта нація» [137]).

Ротмистръ Нюландскихъ драгунъ Карлъ Магнусъ Меллерсвердъ, во введеніи къ своему дневнику,—который сталъ вести съ наступленіемъ войны,—замѣчаетъ, что война начата благодаря «упрямству нашего Короля, который образцомъ для себя взялъ Карла XII и строго слѣдовалъ примѣру своего оригинала, въ покроѣ одежды и перчатокъ съ крагами, но далеко отставалъ отъ него въ умственномъ отношеніи и храбрости».

Узнавъ, что генералъ Буксгевденъ едва не попался въ плѣнъ, Король возъимѣлъ намѣреніе судить его, какъ виновнаго въ государственной измѣнѣ, за то, что онъ старался отторгнуть жителей Финляндіи отъ Швеціи.

Таковъ былъ представителъ высшей власти въ Швеціи въ тѣ дни, когда она особенно нуждалась въ умномъ и сильномъ монархѣ.

Образованные классы, дворянство, духовенство и большая часть чиновниковъ, готовы были безъ сопротивленія подчиниться судьбѣ, которая казалась имъ неизбѣжной. Уже со времени мира въ Ништадтѣ и Або мыслящіе люди въ Финляндіи предвидѣли, что соединеніе съ Швеціей рано или поздно должно прерваться, а потому многіе уже въ началѣ войны считали оборону безнадежной. Подобное настроеніе отразилось между прочимъ въ письмахъ Портана къ Калоніусу (1790 г.). Какъ ни горько было Портану, но онъ долженъ былъ признаться, что предвидѣлъ неизбѣжность этого отторженія. Письма и мемуары современниковъ показываютъ, что финляндцы предрекали неудачный для нихъ исходъ кампаніи. Это, конечно, самое дурное предзнаменованіе. Кто теряетъ мужество и надежду, тотъ теряетъ все.

Г. Армфельтъ 5-го февраля 1808 г. сообщалъ Аминову: «Дорогой другъ! Предстоитъ война съ Россіей, и результатомъ ея будетъ потеря Финляндіи или ея опустошеніе. Его Величество кажется непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ предоставить Провидѣнію заботу, которая, по его мнѣнію, ему не принадлежитъ. Такъ какъ армія теперь отправляется на сѣверъ, то вся южная

часть остается открытой для непріятеля. Во всякомъ случаѣ тѣ, которые имѣютъ какое нибудь имущество, должны отыскать лѣса и острова, чтобъ передъ началомъ войны перевезти туда не только свои драгоцѣнности, но и лучшій скотъ, запасы и необходимую пищу» [138]).

Генералъ-маіоръ Георгъ Іегергорнъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ густавіанскаго періода, имѣлъ случай ближе изслѣдовать оборонительное состояніе финской арміи и крѣпостей. Уже въ предыдущіе годы онъ пришелъ къ убѣжденію, что Россія въ скоромъ времени завоюетъ Финляндію; а потому, — какъ онъ самъ говоритъ,—уже съ молокомъ матери всосалъ сильное нерасположеніе къ русскимъ, и заблаговременно, желая приготовить себѣ убѣжище въ Швеціи, купилъ въ 1802 г. имѣніе близъ Стокгольма. Въ 1803 г. онъ подалъ Королю записку, въ которой излагалъ, что Россія безпрерывно стремится къ завоеванію Финляндіи, почему приведеніе въ порядокъ оборонительныхъ частей является задачей жизни, если-бы даже опасность войны въ настоящую минуту и не висѣла надъ головой.

«Въ этой странѣ,—говоритъ Аминовъ,—очень опасались непріятельскаго нападенія. Я знаю, что если такое несчастье случится зимою, то жалѣю того, кому поручили оборону страны, которая перестанетъ существовать въ то самое время, когда сдѣлано будетъ на нея нападеніе; — бѣдность и нищета, — никакихъ магазиновъ, невозможность ихъ умножить ни для людей, ни для скота, даже, если-бъ намъ достались сокровища Перу, — негодное оружіе, быть можетъ недостатокъ въ полевой артиллеріи и аммуниціи; слабыя крѣпости,—и если даже въ нихъ окажется достатокъ въ людяхъ и припасахъ, то все таки нѣтъ возможности оборонять открытый съ нѣсколькихъ сторонъ Свеаборгъ»... [139]).

2-го марта, въ тотъ самый день, когда Клингспоръ далъ приказаніе отступать, Аминовъ писалъ своей женѣ: «Поговорю съ тобою безъ обиняковъ. — Никакой опасности пока нѣтъ, потому читай эти строки хладнокровно, съ благоразуміемъ и достоинствомъ въ душѣ, которыя даровало тебѣ небо, какъ женщинѣ. Надежды— друга несчастныхъ,—мы никогда не должны терять, однако, долгъ заставляетъ меня не поддерживать въ тебѣ надежды на спасеніе Финляндіи въ настоящее время, потому что безъ помощи Божіей вся страна будетъ занята непріятелемъ». «Схоронимъ съ честью наше отечество»—цитируемъ мемуаръ того-же генерала Аминова. «Какъ можетъ устоять Швеція, окруженная тремя непріятелями, изъ которыхъ двое суть могущественнѣйшіе народы на землѣ .

Карлъ Густавъ Эрнротъ (род. въ 1744 г.), отличившійся въ войнахъ Густава III, и теперь уже находившійся въ отставкѣ, замѣтилъ, что оборонительный планъ Клеркера «ни къ чему не поведетъ, потому что Финляндія рано или поздно всетаки будетъ принадлежать Россіи, и это чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Поручикъ Карлъ Адольфъ Бракель, также одинъ изъ героевъ похода 1788—1790 г.г., пишетъ своему брату 11 февраля 1808 г. «Намъ предстоитъ война съ русскими.—Если дѣйствительно такъ, какъ говорятъ, то война будетъ непродолжительна. Горсть людей безъ хлѣба и одежды едва-ли можетъ, при всемъ желаніи, сопротивляться хорошо вооруженной арміи».

«Безъ того, чтобы имѣть каждую ночь стражу въ 3.000 человѣкъ, на стѣнахъ Свеаборга нельзя быть увѣреннымъ, что онъ не будетъ взятъ, писалъ Рейтершельдъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ финской арміи. Если Бракель и Рейтершельдъ имѣли такія мрачныя предчувствія, то навѣрное можно предположить, что общее мнѣніе считало борьбу безполезной [140]).

Во время войны уланъ Ѳаддей Булгаринъ имѣлъ случай откровенно побесѣдовать съ однимъ образованнымъ помѣщикомъ: «Признаюсь откровенно,—сказалъ помѣщикъ,—что принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не одобряютъ упорства и вообще поведенія нашего Короля и этой войны. Какъ можно бороться Швеціи съ Россіей и воевать въ то-же время съ Даніей? Съ одной Даніей мы бы справились, но Россія непремѣнно подавитъ насъ своею силою, и если Императоръ Александръ рѣшился твердо отнять Финляндію у нашего Короля, то непремѣнно отниметъ; въ этомъ я убѣжденъ. Но признаюсь также, что мнѣ бы не хотѣлось быть свидѣтелемъ присоединенія моего отечества къ Россіи, хотя бы это было для насъ и выгоднѣе. Языкъ, вѣра, старые законы, обычаи»... Тутъ я прервалъ его, — пишетъ Ѳ. Булгаринъ: «Но развѣ Императоръ Александръ не обѣщалъ Финляндіи сохраненіе всего этого? А что онъ сказалъ — то это вѣрно». «Впрочемъ, — продолжалъ помѣщикъ,—«да будетъ воля Божія! Въ доказательство, что я не предвижу счастливаго для насъ конца этой войны, вотъ сынъ мой, которому я не позволилъ вступить въ военную службу» [141]).

«Сдерживай себя, безпечный юноша!—писалъ другой помѣщикъ своему сыну, рвавшемуся на военную службу. Война окончится прежде, чѣмъ ты успѣешь выказать свои военные таланты. То, что должно совершиться, быть можетъ сбудется раньше, чѣмъ твой мундиръ будетъ готовъ» [142]).

Вотъ каковъ былъ духъ въ Финляндіи въ періодъ войны. Образованные и богатые люди, хотя и досадовали на вторженіе русскихъ, хотя не любили ихъ, но еще болѣе негодовали на свое правительство и явно роптали на Короля. Распоряженія шведскаго правительства подвергались рѣзкимъ пересудамъ и злымъ насмѣшкамъ. Ожесточеніе противъ него доходило иногда до желанія успѣха русскому и датскому оружію.—Предсказывали и бились даже объ закладъ о днѣ вступленія русскихъ въ Стокгольмъ.—Изъ помѣщиковъ весьма немногіе вмѣшивались въ войну. Конечно, встрѣчались лица и иного закала. Были и фанатики политическіе и религіозные, которые всѣми силами противились завоеванію Финляндіи, и, послѣ покоренія ея, ушли навсегда въ Швецію. Но такихъ было не много.

Тѣ многочисленныя указанія, которыя даны были графу Буксгевдену, заставляютъ заключить, что уже въ Петербургѣ обдуманы были подробности плана покоренія края не только силою оружія, но иными мирными средствами. Рѣшено было разными способами воздѣйствовать на умы, создавая благопріятное для Россіи общественное мнѣніе.

При главнокомандующемъ и къ услугамъ арміи находилось нѣсколько лицъ, знавшихъ мѣстные языки. Эти люди или состояли прежде на шведской службѣ, или проживали въ Финляндіи. Изъ нихъ извѣстны уже: Эминъ, К. Х. Кликъ, Ладо, Хагельстремъ и одинъ очень расторопный полковникъ польскаго происхожденія Турскій. Имъ давались разнообразныя порученія и, собирая нужныя свѣдѣнія, они колесили по краю. Конечно, при посредствѣ ихъ имѣлось прежде всего въ виду повліять на общественное мнѣніе. Но въ рядѣ мирныхъ средствъ, едва-ли не первое мѣсто отводилось воздѣйствію мѣстнаго духовенства на населеніе. Еще до отъѣзда главнокомандующаго изъ столицы ему дано было нѣсколько орденовъ для раздачи, по его усмотрѣнію, тѣмъ пасторамъ, кои «усугубятъ свои старанія на соблюденіе тишины и спокойствія» въ своихъ приходахъ. На содѣйствіе духовенства, видимо возлагались особенно большія надежды въ томъ предположеніи, котораго держался также Государь, что духовенство въ Финляндіи имѣетъ большое вліяніе на жителей [143].

Уже 18 февраля 1808 г. изъ Сиббо Ѳ. Буксгевденъ сообщилъ графу Румянцеву, что призналъ нужнымъ употребить свое вліяніе «для побужденія епископа Боргоской епархіи циркулярными отношеніями своими предписать: всему подвѣдомственному духовенству прочесть прихожанамъ прокламаціи и склонять ихъ

къ сохраненію спокойствія и ни подъ какимъ видомъ не принимать участія въ сопротивленіи нашимъ войскамъ». Одни пасторы въ краѣ помогли графу Буксгевдену, другіе, напротивъ, противодѣйствовали. Абоскій и Боргоскій епископы всенародно высказались въ іюнѣ 1808 г. въ томъ смыслѣ, что участіе крестьянъ въ борьбѣ противъ новой власти явится преступленіемъ, и что имъ поэтому необходимо вести себя такъ, какъ подобаетъ честнымъ проповѣдникамъ Евангелія мира. Совсѣмъ иначе понималъ свои обязанности оберъ-пасторъ Финстремъ, который всталъ во главѣ своихъ прихожанъ и напалъ на русскихъ. Особеннымъ противодѣйствіемъ выдѣлился пасторъ города Вазы Яковъ Чюденіусъ, который лучше соглашался подвергнуть себя оскорбленіямъ, чѣмъ дать требуемую присягу. Русскія власти разсчитывали при посредствѣ духовенства повліять даже на войска, сосредоточенныя въ Тавастгусѣ и его окрестностяхъ, съ цѣлью отвращенія излишняго кровопролитія и побужденія ихъ къ добровольному отступленію [144]).

Въ корреспонденціи отъ 13 февраля 1808 г., помѣщенной въ Гамбургской газетѣ и присланной изъ Борго, говорилось: «Послѣ того, какъ непріятель поспѣшно отступилъ къ Гельсингфорсу, русскіе заняли этотъ городъ, и, при вступленіи въ него главной квартиры, намъ представилось такое-же зрѣлище, какъ при вступленіи въ Ловизу, но только въ увеличенномъ размѣрѣ, такъ какъ въ этомъ большомъ городѣ представитель духовенства финляндскій епископъ, съ орденомъ сѣверной звѣзды на груди, а также высшіе чиновники края, вышли на встрѣчу нашему генералу» [145]).

Въ средѣ духовенства русская власть имѣла, слѣдовательно, весьма полезнаго союзника.

16-го апрѣля 1808 г. (за № 101) Буксгевденъ увѣдомилъ, что епископъ Тенгстремъ далъ обѣщаніе никакихъ сношеній болѣе съ Швеціей не поддерживать, «а относительно пожалованія ему сана архіепископа,—продолжалъ главнокомандующій,—нахожу оное неудобнымъ, ибо въ Боргоской епархіи есть старшій епископъ Сигнеусъ, отличенный и очень любимый и уважаемый народомъ; онъ имѣетъ вліяніе и твердый характеръ и показалъ къ намъ расположеніе, а при вступленіи нашемъ возвѣстилъ жителямъ, чтобъ оставались спокойными. Это пожалованіе имѣло бы дурное вліяніе въ народѣ и оскорбило-бы Сигнеуса».

Р. Ребиндеръ разсказываетъ о секретномъ посольствѣ къ епископу въ Або въ началѣ войны. Полковникъ Турскій прибылъ ночью въ Або и посѣтилъ Тенгстрема, съ которымъ разговари-

валъ нѣсколько часовъ подъ рядъ. Тенгстремъ былъ весьма смущенъ этимъ ночнымъ посѣщеніемъ, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ не смѣлъ отклонить его.

За вліяніе епископа Як. Тенгстрема на духовенство, ему пожалована была въ апрѣлѣ 1808 г. Анненская лента и оказаны другіе знаки царскаго благоволѣнія. Многіе современники строго осуждали Тенгстрема. Въ письмѣ къ другу въ Швеціи, Тенгстремъ, послѣ заключенія мира, сообщилъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ способствовать тишинѣ и проповѣдывать покорность волѣ судьбы и такимъ образомъ содѣйствовать спасенію своей паствы. Исходъ войны, по его мнѣнію, уже съ самаго начала былъ рѣшенъ, и возбуждать общество къ вооруженному сопротивленію неизбѣжной судьбѣ, значило-бы взять на себя вину кровопролитія.

Послѣ духовенства наиболѣе вліятельными мѣстными властями оказались губернаторы, или какъ ихъ называли тогда ландсгевдинги. Клингспоръ, выступая изъ Тавастгуса приказалъ Тавастгускому и Нюландскому губернатору, вмѣстѣ съ канцеляріей, не покидать своего поста, дабы въ возможной степени облегчить положеніе населенія, при нашествіи русскихъ. Подобныя-же приказанія, повидимому, получили и другіе губернаторы. Еще Г. М. Армфельтъ высказалъ ту надежду, что чиновники своимъ разумнымъ поведеніемъ въ состояніи будутъ въ значительной мѣрѣ повліять на обращеніе русскихъ съ населеніемъ. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ чиновники отличались вообще честнымъ поведеніемъ и не мало способствовали поддержанію законнаго порядка и охраненію безопасности жизни и имущества обывателей.

Наибольшую извѣстность изъ губернаторовъ пріобрѣлъ начальникъ Куопіоской губерніи Олафъ Вибеліусъ, заступившійся передъ Буксгевденомъ за участь офицеровъ. Одно это заявленіе сдѣлало Вибеліуса «народнымъ героемъ», несмотря на то, что вскорѣ, послѣ его представленія русскому главнокомандующему, Вибеліусъ покинулъ свой постъ въ Куопіо и переѣхалъ въ Швецію. Въ свое оправданіе онъ доносилъ Королю, что «въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, проведенныхъ подъ властью русскихъ, я принужденъ былъ, какъ беззащитный гражданскій чиновникъ, подчиняться требованіямъ главнокомандующаго, и пріобрѣлъ достаточно опытности, чтобъ сознать невозможность сдѣлать что-либо полезное для населенія губерніи».

Губернаторы тѣхъ частей края, которые были во власти нашихъ войскъ,—т. е. начальники Гейнола, Тавастгуской, Або-

ской и Бьернеборгской губерніи, — безпрекословно подчинялись русскимъ требованіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о доставкѣ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ или о подавленіи крестьянскаго противодѣйствія. Нѣтъ примѣра, чтобъ названные губернаторы отказались повиноваться приказаніямъ Буксгевдена. Губернаторъ-же въ Або, фонъ-Троиль, по приказанію Буксгевдена заготовилъ склады провіанта, которымъ русскія войска воспользовались въ дни своего отступленія. «Появленіе нашихъ войскъ,— писалъ Денисъ Давыдовъ,—весьма встревожило ландсгевдинга и главныхъ чиновниковъ Або, которые прибѣгли къ русскому офицеру съ просьбой принять городъ подъ свое покровительство и увѣдомить начальника отряда, что городъ покорился нашему оружію, съ минуты прибытія въ него перваго русскаго офицера».

Шведскій генеральный штабъ, обсуждая подобные факты, приходитъ къ заключенію, что мѣстныя власти нравственно испортились въ печальный періодъ вольностей, когда они стали смотрѣть на свои должности не съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, а исключительно личныхъ выгодъ.

Можетъ быть одна сторона дѣла здѣсь указана правильно. Но въ то же время нельзя упускать изъ вида, что съ того дня, какъ русскіе стали господами положенія въ краѣ, они сдѣлались весьма категоричными въ своихъ требованіяхъ, и Абоскому губернатору, напр., предписали въ скорѣйшее время привести населеніе къ присягѣ, прибавивъ: «Отъ исполненія сего зависитъ сохраненіе теперешней должности и безопасность жизни и имущества Троиля» [146]).

Что-же касается спеціально Троиля, то надо добавить, что онъ, подобно другимъ покорнымъ губернаторамъ, по прежней своей службѣ былъ военнымъ и принадлежалъ даже къ революціоннымъ аньяльцамъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Въ этомъ обстоятельствѣ, вѣроятно, кроется ключь къ его поведенію.

Когда война была проиграна, въ Швеціи стали искать виновниковъ пораженія. Вину сваливали то на единовластіе Короля, то на дворянство, то винили податливое духовенство. Но правдивый историкъ нашихъ дней Іерне предлагаетъ всему шведскому обществу признать себя повиннымъ въ неудачѣ, которая подготовлялась самимъ обществомъ давно, распущенностью сословій, отсутствіемъ самообладанія, серьезности и сознанія своего долга передъ отечествомъ. За три поколѣнія передъ этимъ, Швеція пережила періодъ вольностей или, точнѣе говоря, періодъ самоволія высшихъ и правящихъ классовъ, поставившихъ дѣла государства на наклонную плоскость, по которой они продолжали скатываться,

не встрѣчая сдержекъ ни въ политическомъ воспитаніи, ни въ моральныхъ требованіяхъ. Одна политическая форма правленія, или то или иное устройство риксдага, не въ состояніи были бы искоренить зла, а потому безцѣльно прибѣгать къ традиціонному противоположенію единовластія и конституціоннаго порядка. Не столько отъ нихъ зависѣла сила или слабость государства, сколько отъ общихъ погрѣшностей въ разныхъ отрасляхъ управленія. Правящіе классы были разъединены мелочными и своекорыстными стремленіями, которыя парализовали защиту государства въ минуту опасности.

Несправедливо пытались также обвинить исключительно членовъ финляндскаго общества и усмотрѣть въ его средѣ ростъ антигосударственныхъ воззрѣній, бо́льшее число участниковъ капитуляцій и причастныхъ къ измѣнѣ. Профессоръ Іерне совѣтуетъ не дѣлать подобнаго различія, такъ какъ всѣ дѣятели 1808—1809 г.г. одинаково являлись, въ политическомъ смыслѣ, равноправными членами общаго шведскаго народа, и не имѣется никакихъ данныхъ утверждать, что чувство долга стояло выше въ самой Швеціи, чѣмъ въ Финляндіи. Финляндія находилась ближе къ Россіи, т. е ближе соприкасалась съ искушеніями и нападеніями со стороны непріятеля, но не болѣе.

Нельзя также исключительно винить и сваливать неудачи на Короля, на его единовластіе, на дворянъ или духовенство, служившее въ Финляндіи. Позоръ и пораженіе, обрушившіеся на шведское оружіе 1808—1809 г.г., явились результатомъ общаго упадка націи. Въ отдѣльныхъ же проявленіяхъ отваги и усилій отстоять общее дѣло сказались лишь судороги народной жизни. Въ шведскомъ правительствѣ, и въ высшемъ образованномъ сословіи не было той народной гордости и того патріотизма, а въ простомъ народѣ того фанатизма, которыми одушевился въ томъ-же году народъ испанскій въ его борьбѣ съ Наполеономъ, не было энергіи, свойственной южнымъ народамъ. Энтузіазмъ въ Финляндіи вспыхнулъ, но не надолго, и, по мѣрѣ русскихъ побѣдъ, сталъ стихать, и погасъ. Въ Испаніи, напротивъ, побѣды французовъ усиливали ненависть къ нимъ, и возбуждали народъ къ возстанію и сопротивленію.

«Русскія войска вступили въ шведскую Финляндію. Жители принимаютъ ихъ хорошо»,—писалъ Коленкуръ къ Шампаньи 13—25 февраля 1808 г.. Это едва-ли справедливо, хотя однородныя свѣдѣнія приходилось встрѣчать въ нѣкоторыхъ дневникахъ. Но. надо полагать. что они основаны на первоначальныхъ

слухахъ, или на отдѣльныхъ, но смѣло и широко обобщенныхъ фактахъ. Въ Ловизѣ одинъ дворянинъ, которому Спренгтпортенъ безусловно довѣрялъ, замѣтилъ, что финны, безъ сомнѣнія, недовольны шведскимъ правительствомъ, «но такъ какъ они привыкли повиноваться, то будутъ продолжать бой до тѣхъ поръ, пока могутъ собрать хоть немного войска» [147]). Это заявленіе болѣе согласуется съ истиной и находитъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ показаній современниковъ.

Изъ письма Буксгевдена, отправленнаго графу Румянцеву изъ главной квартиры въ Борго 15 февраля 1808 г. (за № 194), видно, что шведское правительство отдало всѣмъ жителямъ, могущимъ носить оружіе, приказаніе принять участіе въ защитѣ края, ссылаясь на грабежи и безпорядки, якобы производимые русскими войсками. Шведы пугали финновъ новыми тяжелыми налогами и рекрутскими наборами, какъ неизмѣнными послѣдствіями русскаго господства. Графъ Буксгевденъ немедленно испросилъ разрѣшеніе опубликовать отъ Высочайшаго Имени объ отмѣнѣ всякаго рекрутскаго набора въ новопріобрѣтенной Финляндіи и объ освобожденіи ея населенія отъ участія въ уплатѣ государственныхъ долговъ, сдѣланныхъ Швеціей. Резолюція, положенная Государемъ на этомъ докладѣ уже 20-го февраля, гласила: «Быть по сему». Прокламацію опубликовали. Но такъ какъ къ русскимъ воззваніямъ вообще населеніе не питало полнаго довѣрія, то крестьяне подымались на защиту родины. «Въ Финляндіи,—писалъ генералъ Густавъ Маурицъ Армфельтъ 8 марта н. ст. 1808 г.,—крестьяне желали вооружиться, но безпримѣрный Krigs-Kollegium оказалъ отеческое попеченіе и лишилъ насъ всякаго оружія и аммуниціи» [148]).

Сынъ Клеркера, посланный на рекогносцировку къ русской границѣ, писалъ 10 февраля н. ст. своему отцу изъ Ловизы: Энтузіазмъ, который высказываютъ всюду въ одинъ голосъ крестьяне, нельзя описать;—они желаютъ лишь достать оружіе, порохъ и дозволеніе,—гдѣ того потребуютъ обстоятельства,—всѣмъ выходить изъ домовъ для защиты родины;—финскіе крестьяне говорятъ: «мы не оставимъ своего Короля, который теперь не можетъ оказать намъ помощи, но мы надѣемся продержаться до лѣта, когда онъ самъ подоспѣетъ сюда со своими войсками». Въ устахъ народа эти заявленія, какъ показало время, не были пустыми словами.

Войска графа Буксгевдена заняли послѣдовательно гор. Ловизу, Борго, крѣпость Свартгольмъ, Тавастгускую и Нюландскую губерніи и направлялись уже къ главному городу шведской провинціи Або. По прошествіи мѣсяца со дня объявленія войны, южная и средняя Финляндія были въ русскихъ рукахъ.

«Государь, мой братъ!» — писалъ Александръ I Наполеону 1—13 марта 1808 г.... «Завоеваніе Финляндіи не было замедлено; мои войска занимаютъ уже важнѣйшіе пункты и идутъ на Або, между тѣмъ какъ бомбардируется Свеаборгъ. Я разсчитываю, что вскорѣ все будетъ покончено въ этой странѣ» [149]). Войска наши въ это время продолжали успѣшно наступать и 10—22 марта заняли безъ боя г. Або. Быстрота русскихъ успѣховъ имѣла важныя послѣдствія въ политическомъ отношеніи. Графъ Буксгевденъ былъ доволенъ занятіемъ Або и Абоской области. «по вліянію ея на Финляндію важнѣйшую»; а Спренгпортенъ радовался упроченію страны въ распоряженіи Россіи и надѣялся на полученіе скорой возможности «собрать народныхъ депутатовъ».

Черезъ два дня Буксгевденъ торжественно въѣхалъ въ главный городъ Финляндіи.

«Едва-ли какой либо другой городъ, писалъ Алопеусъ, былъ такъ кротко занятъ, какъ Або, потому что народъ собрался на площади и у заставы, чтобъ смотрѣть на вступленіе войскъ, какъ будто входилъ обыкновенный гарнизонъ. Нѣсколько пушекъ имѣло съ собой это войско. Постой производился въ наилучшемъ порядкѣ». Ребиндеръ также разсказываетъ, что оккупація Або произошла мирно и тихо.

Жители Або, если вѣрить воспоминаніямъ Алопеуса, какъ-то особенно странно отнеслись въ первое время къ военнымъ событіямъ. «Раздраженная чернь въ Або утверждала, что русскихъ нѣтъ въ странѣ и что это были однѣ выдумки господъ и дворцоваго коменданта. Когда посланные ею развѣдчики вернулись обратно въ городъ и заявили, что русскіе дѣйствительно заняли страну, чернь говорила, что они подкуплены». Когда русскіе прибыли въ городъ, то простой народъ не считалъ ихъ русскими, а говорилъ, что это переодѣтые шведы, которые пришли сюда, чтобы выпытать мнѣнія господъ [150]).

Въ день своего въѣзда въ Або, гр. Буксгевденъ всеподданнѣйше донесъ: «Черезъ занятіе города Або Великое Княжество Финляндское по всѣмъ отношеніямъ можно считать покореннымъ. Никогда присоединеніе не приносило столько выгоды, какъ присоединенная Финляндія. Безопасность столицы давно уже требо-

вала, чтобы предѣлы наши ограничивались Ботникою и чтобы воды Финскаго залива принадлежали русскимъ. Сіе было попеченіемъ Петра I и Екатерины II. Чувствованіе самихъ финновъ уже давно пріуготовило умы ихъ и содѣлало ожиданіе, котораго послѣдствіе нынѣ совершилось.

«Но не одна опасность столицы обязываетъ насъ взять шведскую Финляндію. Порты по берегамъ заливовъ даютъ возможность содержать многочисленный флотъ и господствовать надъ Балтикою и другими морями. Обиліе лѣса, удобство сплава и нынѣ частными обработываются людьми. Торговля лѣсомъ, дровами и другими продуктами. Хотя край не богатъ хлѣбомъ, но нѣтъ недостатка и бываютъ отпуски. Въ жизни здѣшнихъ поселянъ видна чрезвычайная чистота, порядокъ, добрые кроткіе нравы и просвѣщеніе, поставляющее ихъ на ряду съ лучшими провинціями Германіи. Сіе болѣе замѣтно, чѣмъ далѣе на Западъ. При всемъ недостаткѣ хлѣба они не считаютъ себя народомъ бѣднымъ, замѣняя хорошимъ хозяйствомъ то, чего природа и климатъ ихъ лишаютъ. Обиліе руды для заводовъ. Изъ этого видно сколь важна шведская Финляндія для пользъ Россіи. Но, чтобы сдѣлать сіе присоединеніе прочнымъ и успокоить жителей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ рѣшенія ихъ участи, и тѣмъ пресѣчь всѣ разномыслія, осмѣливаюсь испрашивать у Вашего Императорскаго Величества объ изданіи на сей конецъ Высочайшаго указа, дабы я могъ, собравъ въ Або всѣ земскіе чины, открыть сеймъ и начать приводить къ присягѣ» [151]).

Въ тотъ-же день гр. Буксгевденъ писалъ еще: «Занятіе г. Або важно для обезпеченія присоединенія края къ Россіи, почему прошу доставить повелѣніе о приводѣ всѣхъ жителей къ присягѣ. Спокойное ихъ пребываніе въ жилищахъ и ласковый пріемъ нашимъ войскамъ подаютъ великую надежду о готовности ихъ къ учиненію присяги. При вступленіи въ городъ я былъ встрѣченъ привѣтствіями какъ отъ губернатора и епископа, такъ и отъ всѣхъ чиновъ здѣшняго мѣста. Въ рѣчахъ они проявляли покорность державѣ и надежду на милосердіе. Поселяне вообще спокойны, кромѣ Аланда, который, будучи ближе къ Швеціи и питаясь ихъ внушеніями, не столь наклонны къ покорности, какъ финляндцы».

Въ административной области гр. Буксгевденъ дѣйствовалъ послѣдовательно и энергично. Едва онъ водворился въ Або, какъ сталъ засыпать Петербургъ просьбами по разнымъ дѣламъ. Третья бумага (за № 113), исходившая 12 марта изъ главной квартиры

въ Або, обращена была къ гр. Ник. Петр. Румянцеву.—Главнокомандующій въ ней пояснялъ, что въ теченіе 27—30 сутокъ онъ, овладѣвъ Финляндіей и Кareліей, дошелъ до «восточной Ботніи». «Но при всѣхъ съ моей стороны ревностныхъ стараніяхъ къ устроенію въ занятыхъ провинціяхъ гражданской части не вижу успѣха въ первомъ основаніи оной, то есть, въ приводѣ жителей къ присягѣ, доколѣ не воспослѣдуетъ Высочайшій Манифестъ, коимъ Его Императорское Величество Своимъ словомъ увѣряя здѣшнихъ жителей въ вѣчномъ присоединеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россійской Имперіи, Высочайше соизволяетъ дать мнѣ повелѣніе о принятіи отъ жителей присяги на вѣрноподданство; безъ чего я не въ состояніи преодолѣть предубѣжденія жителей, что Его Императорское Величество не возвратитъ королю Швеціи сію землю; чему уже въ прежнихъ годахъ бывали примѣры». Отсюда, естественно, возникалъ страхъ наказанія у тѣхъ, которые оказались расположенными къ русскимъ; а чиновники, безъ присяги на вѣрность Россіи, не могли привести въ исполненіе требованій русской власти.

Графъ Румянцевъ, поздравляя главнокомандующаго со вступленіемъ въ Або, выслалъ ему печатные экземпляры деклараціи о присоединеніи шведской Финляндіи къ Россійской Имперіи. Такъ какъ имѣлось въ виду, что декларація должна произвести извѣстное впечатлѣніе на жителей края, то Буксгевдену предоставлено было перевести ее на шведскій и финскій языки.

Вслѣдъ за симъ,—сообщалось Буксгевдену,—будетъ обнародованъ Высочайшій манифестъ».

Въ деклараціи отъ 16 марта говорилось: «Всѣмъ Державамъ Европейскимъ и подданнымъ Его Императорскаго Величества уже извѣстно, съ какою терпѣливою настоятельностью и убѣжденіемъ Императоръ Всероссійскій силою трактатовъ требовалъ содѣйствій Короля шведскаго противъ Англіи».

Прошелъ мѣсяцъ послѣ рѣшительнаго о томъ предложенія, и Его Императорское Величество съ огорченіемъ узналъ, что среди попеченій Его о сохраненіи дружества между двумя народами, Швеція искала союза съ Англіей и предпочла Россіи Державу, Намъ непріятную». Далѣе указывалось: что Императоръ Россіи готовъ обратить предпріятія свои въ мѣру единой осторожности, если Король шведскій немедленно и безъ отлагательства рѣшится исполнить обязательства свои, и, содѣйствуя Россіи и Даніи, затворить англійскимъ кораблямъ Балтійское море. Густавъ IV Адольфъ, напротивъ, обезпечилъ себя англійскимъ денежнымъ по-

собіемъ и союзомъ съ Лондонскимъ дворомъ, а потому, «нынѣ Его Императорское Величество призналъ себя въ обязанности перемѣнить свойства принятыхъ имъ мѣръ».

«На сихъ дняхъ получено достовѣрное извѣстіе, что 20 февраля—3 марта Министръ Его Императорскаго Величества въ Стокгольмѣ, по повелѣнію Короля арестованъ, и, что вся Миссія Россійская содержится подъ воинскою стражею.—Симъ поступкомъ нанесено вопіющее оскорбленіе преимуществамъ и достоинству Престола. Не Россія только, но всѣ Державы Европы симъ оскорбляются. Все дипломатическое сословіе, въ Стокгольмѣ пребывающее, ощутіло въ полной мѣрѣ сію обиду и въ тоже время предъявило свое негодованіе на столь безпримѣрное насиліе, однимъ турецкимъ обычаямъ приличное».

Наконецъ, декларацией объявлялось: «Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ Державамъ Европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведской,—и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія,—признается областью, Россійскимъ оружіемъ покоренною, и навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи».

Императоръ послѣдовалъ примѣру Наполеона, объявивъ посредствомъ деклараціи, что Финляндія присоединена къ Россіи, прежде чѣмъ она была уступлена формальнымъ декретомъ. Декларація 16 марта была передана иностраннымъ державамъ обычнымъ дипломатическимъ путемъ и обнародована въ Петербургѣ, а населенію Имперіи о присоединеніи новой провинціи было сообщено манифестомъ.

Въ этомъ манифестѣ отъ 20 марта 1808 г. значилось: «Войска наши съ мужествомъ, имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности, имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь черезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми, повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю шведскую Финляндію».

«Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и, вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство».

О всемъ происшедшемъ Императоръ Александръ, кромѣ того, увѣдомилъ собственноручнымъ письмомъ Наполеона отъ 24 марта—5 апрѣля:

«Государь, братъ мой! Отправляю эти строки Вашему Величеству для извѣщенія о томъ, что вся шведская Финляндія за-

воевана. Держится еще лишь крѣпость Свеаборгъ, но комендантъ ея уже вступилъ въ переговоры, и я надѣюсь, что она вскорѣ будетъ капитулировать. Шведскій Король счелъ нужнымъ подражать туркамъ и запереть моего посла въ Стокгольмѣ. Я не пожелалъ отплачивать ему тѣмъ-же, но объявилъ шведскую Финляндію русскою провинціей. Какъ Ваше Величество то весьма хорошо разсудили, это требовалось для охраны моей столицы. Я сожалѣю, что непрочность льда мѣшаетъ переправѣ моей арміи черезъ Аландское море, она была-бы тогда въ трехъ переходахъ отъ Стокгольма» [152]).

Наполеонъ дважды выразилъ свое одобреніе и согласіе на дѣйствіе Императора Александра I.

Изъ Байоны, 20 апрѣля н. ст. 1808 г. онъ писалъ: «Государь, братъ мой! Я получилъ письмо Вашего Величества отъ 24 марта съ объявленіями, которыя Ваше Величество сочли нужнымъ сдѣлать объ оккупаціи Финляндіи и о запрещеніи англійскихъ товаровъ. Я отнесся къ обѣимъ бумагамъ съ удовольствіемъ, какъ ко всему, что дѣлаетъ Ваше Величество».

Въ другомъ письмѣ Наполеона читаемъ: «Je me rejouis fort de savoir qu'elle a conquis la Finlande et qu'elle a ajouté cette province à ses vastes états», т. е. «Я чрезвычайно обрадовался, узнавъ, что Вы покорили Финляндію и присоединили эту провинцію къ вашимъ обширнымъ владѣніямъ» [153]).

Такимъ образомъ и Александръ, и Наполеонъ смотрѣли на Финляндію, какъ на страну, «оружіемъ Нашимъ покоренную и присоединенную навсегда къ Россійской Имперіи, въ качествѣ русской провинціи». Европейскимъ государствамъ декларація 16 марта 1808 г. сообщила о безусловномъ переходѣ Финляндіи во власть и распоряженіе Россіи, и ни въ эпоху Александра I, ни впослѣдствіи это сообщеніе не было отмѣнено или измѣнено.

Комендантъ Свеаборга
Карлъ Олафъ Кронштедтъ.
Изъ книги Норденсвана.

Графъ
Павелъ Карловичъ Сухтеленъ.

III. Свеаборгъ.

1 февраля н. ст. 1808 г. въ Свеаборгѣ получено было тревожное письмо шведскаго представителя при петербургскомъ дворѣ Стедингка о томъ, что русскія войска готовы перейти границу. Комендантъ Свеаборга, адмиралъ Кронстедтъ, съ такой энергіей принялся приводить въ оборонительное положеніе крѣпость, что возбудилъ общее восхищеніе своихъ подчиненныхъ. Уже два дня спустя въ дѣлѣ вооруженія замѣтны были «удивительные» успѣхи, и, когда русскіе черезъ мѣсяцъ показались подъ стѣнами крѣпости, 734 орудія на новыхъ или подновленныхъ лафетахъ и платформахъ были готовы привѣтствовать ихъ съ гранитныхъ стѣнъ [154]).

Особенное вниманіе было обращено на заготовленіе провіанта. Выселеніемъ женщинъ и дѣтей изъ Свеаборга Кронстедтъ желалъ уменьшить количество лишнихъ ртовъ, но онъ, не обладая столь твердымъ характеромъ, чтобъ послѣдовательно провести эту мѣру до конца, вскорѣ уступилъ ихъ воплямъ и пріостановилъ высылку. Этой уступкой выдача порцій на время осады увеличилась на 1,800 человѣкъ [155]).

Запасъ въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ долженъ былъ состоять изъ 900,000 ежедневныхъ порцій, въ наличности-же имѣлось не болѣе 540,000. Но и это затрудненіе Кронстедту удалось преодолѣть, и предполагалось, что крѣпость была снабжена провіантомъ вплоть до открытія навигаціи [156]).

Въ погребахъ крѣпости находилось до 6 тыс. пудовъ пороха и значительное количество снарядовъ. Число людей, способныхъ сражаться, доходило до 6,750 чел. Начальствующихъ лицъ было столько, что на 32 солдата приходилось по одному офицеру.

Такимъ образомъ оказывается, что къ началу военныхъ дѣйствій Свеаборгъ находился въ весьма благопріятныхъ

условіяхъ. «Послѣ того, какъ я успѣлъ привести въ надлежащій порядокъ мои оборонительныя средства,—писалъ Кронстедтъ,—я постараюсь какъ можно долѣе не допустить русскихъ взять крѣпости».

Русскіе приближались. Подойдя къ Гельсингфорсу, они предложили начальнику его незначительнаго гарнизона, полковнику Гутовскому, очистить городъ безъ боя. Въ отвѣтѣ Гутовскаго заключалось своеобразное заявленіе: «Впрочемъ опытный генералъ, конечно, знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы занять городъ, жители котораго не вооружены, и гдѣ нынѣ находятся жены главнѣйшихъ начальниковъ, кои, безъ сомнѣнія, будутъ ограждены отъ всякихъ оскорбленій». Отрядъ графа Орлова-Денисова съ такой стремительностью атаковалъ городъ, что «стоявшія у воротъ и на валу орудія были взяты заряженными». Комендантъ города, шестидесятилѣтній полковникъ Гутовскій, опрометью бросился въ сани и вскачь помчался въ Свеаборгъ. Отрядъ его былъ брошенъ на произволъ судьбы и, отступая въ безпорядкѣ, онъ кое-какъ отстрѣливался отъ казаковъ, которые были вскорѣ остановлены орудійнымъ огнемъ со стѣнъ крѣпости. 18 февраля—1 марта Гельсингфорсъ достался русскимъ. Въ то время населеніе его не превышало 4,000 человѣкъ, но захватъ его имѣлъ существенное значеніе для нашего войска.

3 марта н. ст. русскіе начали постройку батареи для осадныхъ орудій; ея сооруженіе стоило «невѣроятныхъ трудовъ», въ виду того, что подъ рукой не оказалось ни земли, ни дерна; все приходилось притаскивать издалека и выкапывать изъ подъ снѣга. Артиллерія подвозилась изъ Петербурга. Первая батарея выросла на голыхъ скалахъ Скатудденскаго мыса. Въ основу ея клались бревна.

До середины марта н. ст., т. е. въ теченіе того времени, когда Буксгевденъ подвигался къ Тавастгусу, число русскихъ войскъ подъ Свеаборгомъ не превышало 2,000 человѣкъ. Ясно, что такая ничтожная сила не въ состояніи была даже прервать сношенія крѣпости съ остальной страной, и мы имѣли полное основаніе опасаться нападенія. Но со стороны крѣпости не дѣлали даже попытки потревожить наши войска.

Нѣкоторые молодые офицеры хотѣли произвести вылазку, но Кронстедтъ находилъ ее безуміемъ; по его мнѣнію, слѣдовало беречь гарнизонъ для будущаго. Въ то-же время онъ не жалѣлъ пороху и изъ крупныхъ орудій часто стрѣлялъ по казачьимъ патрулямъ, показывавшимся на льду.

Положеніе русскихъ въ Гельсингфорсѣ было неопредѣленнымъ и ненадежнымъ: городъ могъ быть легко сожженъ выстрѣлами изъ крѣпости и наши войска лишились-бы удобной стоянки подъ стѣнами Свеаборга, а вслѣдствіе этого самое взятіе крѣпости могло сдѣлаться весьма проблематическимъ. Но Кронстедтъ не проявилъ должной активной дѣятельности, чѣмъ превосходно воспользовались русскіе.

Въ серединѣ марта н. ст. въ Гельсингфорсъ прибылъ Буксгевденъ въ сопровожденіи генерала П. Сухтелена. Они тщательно изучили планы и профили крѣпости, добытые въ мирное время, и произвели возможный его осмотръ. Еще до начала кампаніи, главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, доносилъ Государю (5 февраля), что, по его мнѣнію, Свеаборгъ иначе какъ приступомъ взять будетъ невозможно, «если предложенія приняты не будутъ». Блокада слишкомъ продолжительна; бомбардированіе по дальности разстоянія не будетъ успѣшно, а строить батареи на льду представляетъ огромныя трудности и не безопасно. Теперь въ донесеніи Государю гр. Буксгевденъ также высказалъ очень мало надежды на взятіе Свеаборга силою оружія. О штурмѣ не было и рѣчи, почему приходилось ограничиться тѣмъ, чтобъ, окруживъ его, подвергнуть блокадѣ [157]).

Государь повелѣлъ «довольствоваться употребленіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для стѣсненія гарнизона». Эта задача приводилась въ исполненіе съ замѣчательнымъ искусствомъ. Уже 6 марта началась перестрѣлка съ крѣпостью. Изъ крѣпости отвѣтили сильнымъ огнемъ; видно было, что шведы не щадили ни пороха, ни снарядовъ, чѣмъ сразу обнаружили свое неумѣнье распоряжаться оборонительными средствами. Огромныя ядра посыпались на Гельсингфорсъ, разрушая его зданія. Городу грозило полное истребленіе. Желая спасти Гельсингфорсъ и его жителей, русскіе послали къ Кронстедту парламентера, съ предложеніемъ не стрѣлять по городу, обѣщая съ своей стороны строить батареи по сторонамъ его. Кронстедтъ отвѣтилъ отказомъ, находя, что разореніе Гельсингфорса необходимо для обороны крѣпости. Въ инструкціи, данной ему, забыли о Гельсингфорсѣ, вслѣдствіе чего, по этому вопросу онъ никакихъ указаній не имѣлъ. Вскорѣ, однако, Кронстедтъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе; склонившись на представленія совѣта, собраннаго въ крѣпости, онъ согласился болѣе не обстрѣливать города и считать его нейтральнымъ. «Такимъ образомъ русскіе могли расположить въ городѣ свои парки, госпитали и магазины въ совер-

*

шенной безопасности и, кромѣ того, устроить тамъ свою главную квартиру».

Для начала вниманіе съ нашей стороны было обращено на то, чтобы «держать непріятеля въ безпрерывномъ безпокойствѣ», особенно ночью; съ этой цѣлью крѣпость была окружена пѣшими и конными постами, постоянно высылались партіи стрѣлковъ и барабанщиковъ, а иногда одно или два полевыхъ орудія, которыя всегда отважно выходили на ледъ и нерѣдко пробирались даже къ стѣнамъ Свеаборга.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи надлежащей артиллеріи, Буксгевденъ велъ перестрѣлку съ крѣпостью изъ полевыхъ орудій. Только къ 20 марта—1 апрѣля русская осадная сила подъ Свеаборгомъ достигла 6,500 чел. и 59 орудій, доставленныхъ на саняхъ изъ Петербурга [158]). Начальство надъ этими войсками принялъ графъ Н. М. Каменскій.

19 марта ст. ст. 1808 г. завѣдывавшій батареями полковникъ Степанъ Твороговъ сообщилъ графу Аракчееву: «Третій день какъ производится сильная осада на Свеаборгъ; но крѣпость ужаснѣйшій производитъ огонь и къ счастію нашему чрезвычайно неудачно. Съ нашей-же стороны, кажется, по скольку замѣтить можно, дѣлается ему вредъ, хотя всѣ строенія деревянныя закрыты, но часто показываются пожары... До сей поры устроены три батареи... [159]).

Въ то время, когда русскіе осаждали Свеаборгъ, эта крѣпость была обнесена высокими и чрезвычайно толстыми гранитными стѣнами, но ко времени войны 1808 г. она не была во всѣхъ своихъ частяхъ достроена, что особенно мучило мнительнаго ея коменданта, изнурявшаго свой гарнизонъ какъ поспѣшными постройками по возведенію укрѣпленій, такъ и по вооруженію ихъ. Основатель ея Эренсвердъ отлично понималъ, что она остается доступной со стороны суши и особенно зимой, почему, по его плану, предложено было около Свеаборга, на выдающихся въ море возвышенныхъ мѣстахъ материка, возвести рядъ дополнительныхъ укрѣпленій; но планъ его, по разнымъ причинамъ, остался неосуществленнымъ. Къ недостаткамъ крѣпости слѣдуетъ отнести еще: малую глубину рвовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и незначительную высоту брустверовъ—въ другихъ,—особенно тѣхъ изъ нихъ, которые обращены къ сушѣ,—отсутствіе надежныхъ прикрытій для бомбъ и пр.

Кронстедтъ вовсе не говоритъ о недостаткахъ, которые, однако, при одномъ взглядѣ на карту бросались въ глаза: Скансландъ

или Бокгольменъ не были укрѣплены. А между тѣмъ на этотъ недостатокъ было указано уже въ XVIII столѣтіи даже въ иностранной литературѣ. Двое французовъ, которые въ 1791 году путешествовали по Финляндіи и имѣли случай посѣтить Свеаборгъ, пришли къ тому выводу, что если непріятелю только удастся занять этотъ островъ, то онъ оттуда, подъ защитой утесовъ, легко могъ бы бомбардировать не только самую крѣпость, но и стоящій въ гавани флотъ. Эти иностранцы потомъ въ Петербургѣ узнали, что русскіе въ предыдущемъ году имѣли въ виду, въ случаѣ побѣды при Свенскзундѣ, съ Бокгольма сдѣлать нападеніе на Свеаборгъ. Они говорили, что владѣютъ подробными картами крѣпости и увѣряли, что въ ней самой они могутъ разсчитывать на надежное содѣйствіе [160]).

Въ 1808 г. шведы точно забыли обо всемъ этомъ. Но не забылъ Кронстедтъ, котораго слабая сторона крѣпости сильно тяготила и безпокоила, и не забыли русскіе, которые на указанное обстоятельство возложили свои немалыя надежды. На эту слабую сторону крѣпости было обращено вниманіе уже въ 1788 г., когда адмиралъ Грейгъ составилъ свой обширный операціонный планъ. «Что касается взятія Свеаборга зимой, — писалъ онъ, — то я нахожу очень легкимъ при посредствѣ неожиданнаго нападенія овладѣть не только укрѣпленіями, но и флотомъ, лежащимъ въ его гавани». Грейгъ вскорѣ послѣ того умеръ и планъ его не былъ приведенъ въ исполненіе. Мнѣніе Грейга раздѣлялось другими. Въ 1791 г. директоръ фортификаціи, шведъ Маннерсканцъ, говорилъ, что Свеаборгъ, пожалуй, подготовленъ для наступательной войны, но не для веденія войны оборонительной. Прибавимъ затѣмъ свидѣтельство полковника Іегергорна, сказавшаго во время осады на одномъ изъ засѣданій совѣта, что крѣпость далеко не въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ предполагали. Въ запискахъ Эренстрема также имѣются указанія на слабую боевую готовность крѣпости, да и всего шведскаго войска вообще за время Густава IV Адольфа.

Г. М. Спренгтпортенъ внушалъ, правда, въ Петербургѣ свое предположеніе, что крѣпость Свеаборгъ, отъ которой зависитъ оборона Финляндіи, находится въ прекрасномъ состояніи и снабжена всѣмъ, что требуется для продолжительнаго сопротивленія. Но въ то-же время онъ говорилъ, что всѣ фортификаціи отличнаго свойства, а самая крѣпость, которая лѣтомъ почти неприступна, зимою, напротивъ, значительно слабѣе, и при болѣе суровой погодѣ гарнизону невозможно будетъ справиться съ труд-

нымъ пиленіемъ льда въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какое потребуется для обороны. «Поэтому есть полная надежда, что внезапнымъ нападеніемъ возможно взять крѣпость, если даже попытка подкупить или напугать начальника не удастся» [161]). Спренгтпортенъ особенно настаивалъ на внезапномъ нападеніи, въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, финскія войска навѣрное замкнутся въ крѣпостяхъ и оборона станетъ болѣе отчаянная, «потому что финны честный народъ и самые храбрые въ шведской арміи». Свое мнѣніе Спренгтпортенъ, видно, успѣлъ доложить Государю, такъ какъ послѣдній въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ въ мартѣ 1808 г. заявилъ: «Всѣ собранныя объ этой крѣпости свѣдѣнія доказываютъ, что нападеніе врасплохъ предало-бы ее въ руки русскихъ, назадъ тому два мѣсяца» [162]).

Слабая сторона крѣпости, конечно, была извѣстна шведамъ. Въ концѣ 1807 г. ген.-маіоръ І. Ф. Аминовъ писалъ шведскому фельдмаршалу Толлю, что въ Финляндіи вообще опасаются вторженія русскихъ, и особеннымъ несчастіемъ для края явится ихъ зимній походъ. Перечисляя недочеты въ дѣлѣ обороны, онъ указываетъ и на «обезсиленное состояніе крѣпости» и на «открытый со всѣхъ сторонъ Свеаборгъ»—этотъ драгоцѣнный рессурсъ главнѣйшей обороны страны со стороны моря. Его невозможно защищать, когда непріятель въ состояніи будетъ «на льду употреблять большого калибра орудія». Въ томъ-же смыслѣ высказался маіоръ Абоскаго полка Х. Рейтершельдъ, въ письмѣ изъ Стокгольма къ своему начальнику, полковнику Пальмфельту, отъ 5 февраля 1808 г.: «Если въ Свеаборгѣ окажется мало народу, то зимой онъ будетъ взятъ ночью штурмомъ. Въ Свеаборгѣ долженъ быть сильный гарнизонъ, чтобъ онъ могъ обороняться зимой». Извѣстный шведскій генералъ Дебельнъ также держался того мнѣнія, что Свеаборгъ можно было взять приступомъ, имѣя для этого въ своемъ распоряженіи 15 тыс. человѣкъ.

Надъ главнымъ входомъ крѣпости имѣется доска съ надписью: «Свеаборгъ, который касается одной стороной моря, а другой—берега, даетъ разумному господство какъ надъ моремъ, такъ и надъ сушей». Эта надпись оправдывалась только на-половину, въ виду недостроенности и недостатковъ крѣпости.

За гранитными стѣнами крѣпости находилось всего 9,500 человѣкъ; изъ нихъ 6,750 чел. принадлежали къ составу войска. Но что это было за войско и каковъ былъ его духъ? Большая часть его состояла изъ мало обученныхъ рекрутъ. Составъ офицеровъ былъ совершенно неудовлетворительный и недостаточно

знакомый съ войною: одни изъ нихъ долго прожили, при существовавшей тогда поселенной системѣ, какъ помѣщики на казенныхъ земляхъ и, естественно, негодовали на нарушеніе ихъ сельскаго спокойствія; другіе, за старостью, оказались непригодными для занимаемыхъ ими должностей; третьи — чего никакъ нельзя упускать изъ вида,—были сторонниками идеи финляндской самостоятельности, являясь послѣдователями «аньяльскихъ заговорщиковъ», и потому носили въ себѣ сѣмена того направленія, которое требовало отторженія отъ Швеціи.

Стокгольмскіе историки не скрываютъ также и того факта, что финны и шведы не особенно уживались въ тѣсномъ сосѣдствѣ среди крѣпостныхъ верковъ. Безпристрастный капитанъ Ботъ, одинъ изъ участниковъ обороны, заявляетъ, что духъ резервовъ заключалъ въ себѣ элементы «возстанія и недовольства». Нашъ главнокомандующій Буксгевденъ не безъ основанія поэтому строилъ свои разсчеты на побѣгахъ изъ крѣпости и недовольствѣ, замѣченномъ среди гарнизона. Поднять духъ шведскаго войска во время осады было почти невозможно, такъ какъ значительный контингентъ нижнихъ чиновъ состоялъ изъ сельскихъ работниковъ, недавно передъ тѣмъ взятыхъ отъ сохи, а также изъ «бродягъ и бывшихъ преступниковъ». Солдаты были замкнуты въ крѣпости и въ то-же время разобщены по отдѣльнымъ ея островамъ; при такихъ условіяхъ трудно дисциплинировать нижняго чина, который дѣлается особенно воспріимчивымъ ко всякаго рода слухамъ и перетолкамъ.

На гарнизонъ пытался подѣйствовать своимъ словомъ полковой пасторъ Гревилліусъ, но что значила его проповѣдь при указанныхъ условіяхъ! Говорилъ онъ хорошо. «Благословеніе Всемогущаго сопровождаетъ исполненный долгъ, и я обращаюсь къ вамъ, защитникамъ Финляндіи, на которыхъ выпала славная участь пожертвовать «жизнью и кровью» за короля и отечество. Пусть голосъ религіи въ эту минуту соединится съ голосомъ славы въ вашихъ сердцахъ. Современники и потомство обращаютъ свои взоры на васъ. Король ждетъ всего отъ вашего мужества! Отъ вашей твердости отечество ждетъ своего спасенія. Вы не измѣните, вы не пожелаете измѣнить симъ великимъ требованіямъ. Идите же на страхъ врагамъ и спасеніе родины! Самая прекрасная, самая почетная смерть, есть смерть за отечество. Аминь» [163]).

«По прошествіи нѣкотораго времени со дня осады,—пишетъ очевидецъ Ботъ, — гарнизонъ крѣпости представлялъ изъ себя гидру о 6,000 головахъ, причемъ каждая имѣла свой интересъ

и каждую нужно было особыми мѣрами привлекать, уговаривать или принуждать. Воинскій духъ исчезъ». Капитанъ Квистъ, напримѣръ, дерзко заявилъ въ лицо коменданту, что поведеніе адмирала представляется для него загадочнымъ. Побѣги изъ крѣпости умножились.

Комендантомъ крѣпости состоялъ вице-адмиралъ Карлъ Олафъ Кронстедтъ (родился въ 1756 г.), лично храбрый и честный офицеръ, а также опытный морякъ, покрытый славой двухъ морскихъ побѣдъ—при Выборгѣ и особенно при Свенсксундѣ —но человѣкъ совершенно неподготовленный для той роли, которая выпала на его долю, т. е. для роли начальника гарнизона большой осажденной крѣпости. Онъ впалъ въ немилость короля и въ 1801 г. былъ назначенъ въ Свеаборгъ.

Въ книжкѣ «Библіотека историческихъ мемуаровъ, шведскихъ и иностранныхъ; первый годъ, 1855» помѣщены «Записки одного стараго густавіанца». На заглавномъ листѣ нѣтъ имени автора, но изъ текста можно заключить, что записки принадлежатъ барону Карлу Дитриху Гамильтону, оберъ-камергеру и ландсгевдингу провинціи Эребро (род. 1766 и умеръ 1848 г.). Въ этихъ запискахъ (на стр. 105 и 106) находятся слѣдующія замѣчательныя данныя о томъ, какъ Кронстедтъ сдѣлался комендантомъ Свеаборга. Мы передадимъ ихъ здѣсь полностью. «Въ тотъ-же вечеръ (1801 г.), какъ мы прибыли въ замокъ Грипсгольмъ, мнѣ (Гамильтону) пришлось играть въ карты съ тремя другими лицами, изъ которыхъ одинъ былъ баронъ Седерстремъ, штатгальтеръ замка. Тогда вошелъ нѣкто и просилъ указать ему помѣщеніе, назначенное для адмирала барона Райялина. Но такъ какъ имени адмирала не было въ томъ спискѣ, который обыкновенно доставлялся штатгальтеру, то это обстоятельство насъ очень удивило, тѣмъ болѣе, что адмирала этого давно не было видно при дворѣ. Въ это самое время я замѣтилъ большое движеніе въ пріемныхъ комнатахъ и, устремивъ туда свои глаза, увидѣлъ капитана Гаммефельта, который несъ въ футлярѣ генералъ-адъютантскій жезлъ начальника флота. Я собирался высказать уже свое удивленіе, какъ Король приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Когда мы пришли въ самую внутреннюю изъ комнатъ, онъ спросилъ меня, на что я смотрѣлъ тамъ съ такимъ вниманіемъ, и прибавилъ затѣмъ: я знаю, что вы умѣете хранить довѣренную вамъ тайну; но знаю также, что вы быстро можете угадать ее, если ее отъ васъ скрываютъ; поэтому я и сообщаю вамъ, что сегодня особымъ приказомъ я снялъ съ Кронстедта командованіе и призвалъ къ долж-

ности адмирала Райялина. Я выразилъ свое крайнее удивленіе по поводу этого: я полагалъ, что знаю хорошо обоихъ этихъ лицъ, и что Кронстедтъ въ отношеніи способностей стоялъ гораздо выше Райялина, и Король много терялъ съ уходомъ такого знающаго и безкорыстнаго сановника. Король отвѣтилъ на это: Кронстедтъ обманулъ и меня, и Императора Павла. Онъ былъ, безъ моего вѣдома, слугою Павла какъ и моимъ, когда Нельсонъ бомбардировалъ Копенгагенъ, но обманулъ насъ обоихъ, позволивъ англичанамъ купить себя; благодаря именно его интригамъ, шведскій флотъ не вышелъ въ море. Чтобы еще болѣе убѣдиться, что это такъ, я разрѣшаю вамъ прочесть у секретаря кабинета, барона Лагербіельке, англійскія депеши. Впрочемъ, прибавилъ Король, я далъ ему прекрасную «ретираду». Онъ будетъ теперь главнымъ начальникомъ Свеаборга. Узнавъ это, я не могъ подавить своего величайшаго изумленія и заклиналъ Короля никогда болѣе не довѣрять такому человѣку и, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ войны съ Россіей, сейчасъ-же отозвать его (съ этого мѣста). Я присовокупилъ еще, что человѣкъ, подобный Кронстедту, никогда не забудетъ того позора, который онъ навлекъ на себя, и будетъ искать случая отомстить... Благородный Король убѣдился впослѣдствіи въ справедливости моего предсказанія»... [164]).

Мы не знаемъ, насколько правдивъ авторъ приведеннаго разсказа, такъ какъ имъ допущены нѣкоторыя фактическія неточности. Одно несомнѣнно, что въ Свеаборгъ Карлъ Олофъ Кронстедтъ явился не по своему желанію.

Итакъ, адмиралъ Кронстедтъ, помимо своей воли, занялъ должность коменданта крѣпости. Слава его была такъ прочна, что вся Швеція и гарнизонъ Свеаборга въ началѣ осады вполнѣ надѣялись на него. «Мы радовались теперь той интригѣ, которая послужила къ удаленію Кронстедта изъ совѣта Короля и къ посылкѣ его въ Финляндію, гдѣ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, станетъ орудіемъ спасенія Швеціи»,—значится въ запискахъ Г. А. Эренстрема. «Кронстедтъ говоритъ,—читаемъ въ письмѣ статсъ-секретаря Лагербринга къ маршалу Толю отъ 26 февраля н. ст. 1808 г.,—что онъ продержится до открытія навигаціи, а этотъ человѣкъ лишняго не скажетъ» [165]).

Оцѣнка Кронстедта была совершенно неправильной. «Его точка зрѣнія оказалась ограниченной, характеръ въ высшей степени впечатлительнымъ и нравственное мужество ничтожнымъ. Ему трудно было брать что-либо на свою отвѣтственность и осу-

ществить собственную волю». Слѣдовательно, онъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, за котораго его считали.

Попавъ въ Свеаборгъ, онъ продолжалъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія своей морской специальности. Во ввѣренной ему крѣпости онъ видѣлъ замерзшій корабль, взятый на абордажъ непріятелемъ. Къ тому же на Свеаборгъ, задолго до войны, у него установился тотъ взглядъ, что онъ неизбѣжно погибнетъ, если русскіе осадятъ его зимой. Такимъ образомъ въ душѣ онъ не вѣрилъ въ возможность исполненія порученной ему задачи. Въ то же время онъ получилъ свѣдѣнія, которыя при его характерѣ и воззрѣніи на свою должность, являлись для него особенно неблагопріятными.

Незадолго до вторженія русскихъ въ Финляндію, онъ писалъ своему знакомому въ Швецію, что русскіе генералы получили отъ Императора строгое повелѣніе взять Свеаборгъ coute que coute. Такъ сообщили Кронстедту его лазутчики. На несчастіе Кронстедта у него было, при этомъ, преувеличенное представленіе о числѣ осаждавшихъ. Капитанъ Durietz, считавшійся авторитетомъ горнизона—и которому, надо полагать, довѣрялъ Кронстедтъ,—опредѣлялъ число осаждавшихъ въ 20,000 чел.

Ко всему этому 14 февраля н. ст. Кронстедтъ получилъ отъ Короля недостаточно опредѣленную инструкцію. Въ концѣ ея говорилось:... «въ случаѣ, если бы непріятель во время наступавшей зимы перешелъ границу, и находящіяся въ полѣ войска принуждены будутъ отступить, то «жизнью и кровью» до послѣдней крайности обязаны защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю, сжечь флотъ и уничтожить запасы».

Адмиралъ Кронстедтъ понималъ свое ложное положеніе и ясно видѣлъ свои недочеты. Высокимъ тономъ, строгостью, короткими и непонятными отвѣтами онъ временно прикрылъ ихъ, но вскорѣ дѣйствительность обнаружилась. Ошибки при указанныхъ условіяхъ были неизбѣжны и онъ допустилъ ихъ цѣлую фалангу.

Во время русской канонады шведы запальчиво отвѣчали грохотомъ своихъ пушекъ и успѣли разстрѣлять значительный запасъ крѣпостного пороха. Затѣмъ, какъ сказано было, въ крѣпости оставлено было 1,800 ч. безполезныхъ людей. Присутствіе ихъ никоимъ образомъ не могло оказать хорошаго вліянія на гарнизонъ. Въ началѣ войны, благодаря наличности женщинъ, офицеры развлекались даже танцами. Впослѣдствіи женщины и дѣти попытались уйти изъ Свеаборга, но наше начальство очень

предупредительно возвратило всѣхъ назадъ, догадливо усмотрѣвъ въ ихъ лишнихъ желудкахъ и ртахъ хорошихъ для себя союзниковъ; при этомъ русскіе ссылались на строгіе свои законы, воспрещавшіе имъ всякую преждевременную «неумѣстную снисходительность».

Слѣдующей ошибкой шведовъ было свиданіе Кронстедта съ Сухтеленомъ и переговоры его о перемиріи. Генералъ Сухтеленъ, которому поручено было дѣло осады, вступалъ въ непрерывные переговоры съ комендантомъ или черезъ парламентеровъ, или лично.—Опытный глазъ Сухтелена сразу разсмотрѣлъ слабыя стороны Кронстедта; онъ подмѣтилъ, что начальство крѣпости не соотвѣтствовало своему назначенію, что Кронстедтъ внутренно не одобрялъ политики своего правительства, что онъ съ излишней заботливостью относился къ шхерной флотиліи, укрывавшейся въ крѣпости, и страдалъ болѣзненной мнительностью и нерѣшительностью. Чрезвычайно ловко воспользовавшись всѣми, находившимися въ его распоряженіи, средствами, Сухтеленъ смѣло и опредѣленно заговорилъ о конвенціи, когда ему предложено было временное перемиріе. Кронстедтъ,—«извѣстный своими рѣдкими качествами всей Европѣ», какъ писалъ гр. Буксгевденъ,—«собиралъ три военныхъ совѣта: въ оныхъ участвовали семнадцать знаменитѣйшихъ чиновниковъ крѣпости». Въ переговорахъ съ Сухтеленомъ, Кронстедтъ колебался, пробовалъ выговорить частичныя уступки и, наконецъ, согласился. Офицеры Ваденшерна и Фокъ говорятъ, что предложеніе о перемиріи на два мѣсяца исходило отъ Кронстедта, который надѣялся, что за это время подоспѣетъ нужная помощь.

Исторія съ конвенціей проливаетъ значительный свѣтъ на происходившее за крѣпостными стѣнами. Въ запискахъ Лиліенспарре приводятся слѣдующія слова адмирала Кронстедта: «Господа! я не трусъ и не наемникъ, но я не имѣю другого средства въ запасѣ для крѣпости и Его Величества, какъ согласиться на предложеніе». Полковникъ Іегергорнъ одобрилъ идею конвенціи, полковникъ Верніельмъ возражалъ, а Гутовскій предложилъ отсрочку, съ цѣлью добиться лучшихъ условій. На это Іегергорнъ отвѣтилъ: Хорошо, пусть насъ похоронятъ подъ развалинами крѣпости, но вы, полковникъ, будете отвѣтственны за послѣдствія.

Установлена затѣмъ поражающая робость, которую во время переговоровъ проявилъ Кронстедтъ. Какъ при встрѣчѣ съ русскими парламентерами, такъ и при обсужденіи вопроса въ совѣтѣ крѣ-

пости, онъ боялся высказаться прямо и до конца. Военному совѣту онъ не смѣетъ представить требованій русскихъ во всей ихъ строгости, а говоритъ о смягчающихъ условіяхъ. Русскимъ же онъ не представляетъ условія совѣта объ обмѣнѣ островов.

Конвенція, заключенная на островѣ Лоннанъ (Договорномъ), сводилась къ тому, что крѣпость должна быть сдана, если до 22 апрѣля не прибудетъ подкрѣпленія съ моря; что русскимъ передаются острова Лонгернъ (нынѣ Ключевой), Лилла-Эстеръ-Свартэ (Стрѣлковый) и Вестеръ-Свартэ (Госпитальный), которые, въ случаѣ своевременнаго прибытія подкрѣпленій, возвращаются. При капитуляціи все военное имущество должно быть сдано въ цѣлости: всѣ офицеры гарнизона—шведы, отпускаются домой на честное слово; нижніе чины шведы—отправляются въ Россію; что же касается всѣхъ финляндцевъ, то они распускаются по домамъ или, по желанію, поступаютъ на русскую службу. Флотилія возвращается Швеціи по заключеніи мира, если Англія возвратитъ Даніи отнятый у нея флотъ.

Первое впечатлѣніе отъ конвенціи внѣ стѣнъ крѣпости не было потрясающимъ или обиднымъ, такъ какъ думали, что это была хитрость Кронстедта, «дабы обмануть русскихъ»... «Вначалѣ я полагалъ»,—писалъ Эренстремъ въ своемъ дневникѣ,—что заключенная съ Сухтеленомъ конвенція была не что иное, какъ военная хитрость со стороны адмирала Кронстедта, съ цѣлью сберечь военные снаряды и выиграть время для того, чтобы весною при благопріятныхъ обстоятельствахъ, нарушивъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ условіе, съ помощью сосредоточенныхъ въ извѣстномъ пунктѣ военныхъ силъ, оттѣснить непріятеля съ тѣхъ внѣшнихъ укрѣпленій, которыми онъ владѣлъ вслѣдствіе конвенціи...»

Но на гарнизонъ Свеаборга конвенція повліяла иначе: она возбудила, особенно среди младшихъ офицеровъ, живѣйшее безпокойство и горечь. У нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, у капитана Durietz'а) родилась мысль передать начальствованіе въ другія руки. Но окружавшіе Кронстедта старшіе офицеры были настолько плохи, что ни одинъ изъ нихъ не оказался пригоднымъ для этой роли и никто изъ нихъ самъ не пожелалъ стать во главѣ гарнизона, «къ рулю событій». По словамъ поручика Шаумана, въ крѣпости царствовало такое неудовольствіе по поводу условій конвенціи, что въ тѣхъ случаяхъ, когда желали оскорбить кого нибудь, то говорили: «Тебѣ слѣдовало бы сидѣть въ совѣтѣ», т. е. въ совѣтѣ, рѣшившемъ условія сдачи крѣпости 3-го мая н. ст.

Обѣ воевавшія стороны возлагали на конвенцію главныя свои надежды. Шведы разсчитывали, благодаря ей, спасти крѣпость, такъ какъ были увѣрены, что, пославъ двухъ курьеровъ въ Стокгольмъ, правительство успѣетъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выслать потребную помощь. Комендантъ думалъ, что въ это время Финскій заливъ, очистившись ото льда, дастъ возможность шведскому флоту подплыть къ стѣнамъ крѣпости. Но курьерамъ, помчавшимся изъ крѣпости въ Стокгольмъ, ставились по пути разныя препятствія, почему одинъ изъ нихъ прибылъ къ королю лишь въ день сдачи Свеаборга, а другой—еще позже.

Русскіе съ своей стороны разсчитывали, что за время перемирія успѣютъ достроить нужныя батареи, усилить свою артиллерію и деморализировать крѣпостной гарнизонъ, обѣщаніями роспуска по домамъ солдатъ и раздачей имъ денежныхъ пособій. Послѣ конвенціи гр. Буксгевденъ донесъ Государю, что имѣлъ главною цѣлью «успѣть такъ-сказать поставить крѣпости противъ крѣпостей» и, по прибытіи непріятелю любого секурса, «принуждать главную крѣпость къ сдачѣ, не очищая взятыя въ залогъ укрѣпленія». Онъ хотѣлъ «безъ большого пролитія крови добрыхъ воиновъ» получить не только крѣпость, но и весь «флотъ въ цѣлости» [166]).

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о заключенной конвенціи, Императоръ Александръ немедленно послалъ графу Буксгевдену собственноручную записку слѣдующаго содержанія:

1) «Отнюдь не переставать въ построеніи батарей, особливо, на островахъ Катгольмѣ и Скантланденѣ (т. е. Кальфгольмъ и Скансландъ—нынѣ о.о. Михайловскій и Александровскій) и еще увеличить всю дѣятельность при ономъ. 2) По занятіи укрѣпленій: Лонгернъ, Вестеръ-Сварто и Остеръ-Лилла-Сварто—донести: могутъ ли войска наши остаться въ сихъ укрѣпленіяхъ, если изъ большихъ крѣпостей откроютъ въ нихъ со всею силою непріятельскій огонь, ибо легко можно думать и опасаться, что комендантъ, отдавая намъ сіи укрѣпленія, имѣетъ свое въ виду. 3) Женщинъ и дѣтей изъ крѣпости не выпускать. 4) Комуникацію и сообщеніе съ крѣпостью не только не ослабить, но еще строже наблюдать, дабы ничего не было туда доставляемо. 5) Всѣмъ солдатамъ изъ крѣпости позволять въ городъ приходить, всегда ласкать и дарить ихъ деньгами и виномъ, поселяя въ нихъ доброе о насъ мнѣніе, и стараться имъ объяснить, что всѣ ихъ плѣнные отпущены по домамъ, чѣмъ самымъ и они могутъ воспользоваться. 6) Если нѣкоторое значущее число солдатъ сихъ пожелаетъ остаться, не воз-

вращаясь въ крѣпость, то не упускать сего изъ вида. 7) Офицерамъ изъ крѣпости стараться подъ разными предлогами какъ можно рѣже позволять приходить въ городъ, а которымъ будетъ позволено, то тѣхъ стараться употреблять въ нашу пользу и не давать имъ способовъ видѣть наши распоряженія. 8) Занятыя нашимъ войскомъ укрѣпленія неотмѣнно укомплектовывать порохомъ.

Но и помимо сей инструкціи наши начальники распоряжались прекрасно.

Послѣ заключенія конвенціи, главная опасность могла грозить русскимъ со стороны шведскаго флота, поэтому противъ него сейчасъ же приняты были нужныя мѣры. Между прочимъ, наше начальство распорядилось перенести маякъ съ острова Грохара болѣе къ западу, дабы такимъ образомъ вовлечь корабли на ложный и каменистый фарватеръ; но прежде всего, мѣста для новыхъ батарей были выбраны съ такимъ разсчетомъ, чтобы отрѣзать всякій входъ и выходъ изъ Гельсингфорской гавани. Эта часть плана, по признанію шведскихъ историковъ, была выполнена блистательно. «Случаю угодно было устроить такъ, что заграницей недавно отыскалась надежная карта этого періода Свеаборгской осады. Если по этой картѣ сравнить положеніе русскихъ до и послѣ конвенціи, то критика конвенціи, выходитъ убійственная. До 6-го апрѣля нов. ст. вся артиллерійская сила русскихъ выражалась въ одной батареѣ на восточномъ мысѣ Гельсингфорса Tullskatudden и въ двухъ упраздненныхъ батареяхъ на Helsingenäset. Послѣ этого дня, мы видимъ, что русскіе восемью батареями закрыли главный входъ около Густавсверда, а также одной вновь построенной батареей на Болшомъ Рентанѣ, одной на Helsingenäset, Лонгёрнѣ и Вестерсвартэ готовы были встрѣтить попытку проникнуть (въ гавань) черезъ Лонгернскій проливъ. Легко заключить насколько крѣпость теперь была болѣе подвержена риску быть обстрѣленной. Но наибольшая опасность грозила шхерному флоту, который находился въ заливѣ между Варгэ и Стура-Эстеръ-Свартэ: батареей со Скансланда русскіе могли совершенно уничтожить его во всякое время».

Распоряжавшійся осадой генералъ П. К. Сухтеленъ дѣйствовалъ чрезвычайно умно и настойчиво, рѣшивъ во чтобы ни стало завладѣть укрѣпленіемъ. Работы велись подъ его наблюденіемъ энергично, а главное—онъ оказался необыкновенно изобрѣтательнымъ по части распространенія среди осажденныхъ слуховъ, деморализировавшихъ шведскій гарнизонъ, и въ придумываніи

разныхъ средствъ маскировать свои силы и планы. На батареяхъ работа кипѣла. Днемъ открывался огонь, вредившій деревяннымъ постройкамъ, складамъ и нѣсколько флотиліи, а ночью высылались барабанщики и стрѣлки для производства ложной тревоги. Для того, чтобы безпокоить непріятеля, была организована особая подвижная батарея полковника Аргуна, который явился настоящимъ «будильникомъ гарнизона». Подобными мѣрами русскіе держали осажденныхъ постоянно подъ ружьемъ и въ страхѣ, утомляя непривычныхъ солдатъ, и безъ того уже обремененныхъ трудами крѣпостныхъ работъ, и дѣлая ихъ жизнь несносной. Желая посѣять смуту въ крѣпости, «русскіе генералы, подъ видомъ военной вѣжливости», посылали въ Свеаборгъ газеты съ извѣстіями объ успѣхахъ нашего оружія въ Финляндіи и неудачахъ шведовъ. Шведскіе историки подозрѣваютъ даже, что газеты эти были собственнаго изготовленія осаждавшихъ. Чтобы ввести шведовъ въ заблужденіе относительно численности нашихъ силъ и нашихъ плановъ, приказано было постоянно передвигать войска по улицамъ города, заготовлять лѣстницы, фашины, туры и т. п.; ночью, потихоньку, части войскъ выводились за городъ и на другой день онѣ вновь вступали въ Гельсингфорсъ съ барабаннымъ боемъ. Въ крѣпости подобные маневры, въ воображеніи непріятеля, по полученнымъ отъ своихъ соплеменниковъ-очевидцевъ извѣстіямъ, разростались въ несомнѣнныя свѣдѣнія о томъ, что русскіе сосредоточиваютъ несмѣтные полки, приготовили цѣлые лѣса осадныхъ лѣстницъ и, слѣдовательно, готовятся къ кровопролитному приступу. Гр. Буксгевденъ надѣялся на недостатокъ гарнизона «въ пивѣ и водкѣ», на сырость казематовъ, а «наипаче на неудовольствіе финляндскихъ войскъ, которое чрезъ различныя внушенія отъ преданныхъ намъ неминуемо долженствуетъ возрасти». 6-го марта онъ сообщалъ Аракчееву, что еще до прибытія русскихъ войскъ прокламаціи наши уже находились въ рукахъ гарнизона и что «всѣ тѣ вліянія, которыя можно тамъ сдѣлать деньгами, обнадеживаніями—производятся и производимы будутъ тѣмъ съ большимъ попеченіемъ, что на сіе самое относится и воля всемилостивѣйшаго моего Государя».

По отношенію къ Кронстедту осаждавшіе проявили изысканную предупредительность и предложили пропустить въ городъ его семью; но онъ не пожелалъ воспользоваться этой услугой. Все это, конечно, пріемы военной хитрости и военнаго разсчета, кои, однако, не воспрещены ни законами, ни обычаями и широко практикуются всѣми полководцами міра. Шведы въ этомъ отно-

шеніи не оставались въ долгу и по мѣрѣ своихъ силъ старались ввести въ заблужденіе осаждавшихъ. Чтобы ободрить гарнизонъ, былъ распущенъ ложный слухъ, что русскіе дважды атаковали крѣпость Свартгольмъ и дважды съ урономъ были отбиты. Въ другой разъ, предложено было поджечь что-нибудь въ крѣпости и поднять усиленную тревогу, дабы непріятель, предполагая, что гарнизонъ занятъ, произвелъ опрометчивое нападеніе. Разсказываютъ, что четыре финскихъ крестьянина проникли въ крѣпость, покрывъ простынями и лошадей и сани, чтобы не быть замѣченными на снѣжномъ фонѣ.

Кронстедтъ вѣрилъ удручающимъ его слухамъ, которые тогда распространялись. Но въ этомъ повинны также многіе шведы. Въ своихъ запискахъ Тролле-Вахтмейстеръ говорилъ: если Кронстедтъ вѣрилъ разсказамъ Сухтелена и его ложнымъ извѣстіямъ, то удивляться сему не приходится, въ виду того, что въ этихъ разсказахъ заключалось только то, что друзья Кронстедта, вмѣстѣ со стокгольмскимъ обществомъ, распространяли, какъ вполнѣ допустимое. Вѣдь сами стокгольмцы говорили, что Наполеонъ не желаетъ имъ зла, что русскіе вторглись въ Финляндію ради него, что цѣль русскихъ заключалась въ установленіи мира, которому мѣшалъ одинъ только Король и т. п. Кронстедтъ, ненавидѣвшій Короля, вѣрилъ подобнымъ свѣдѣніямъ, слушалъ кромѣ того лукаваго Іегергорна и видѣлъ слезы его жены, боявшейся осады [167]).

Планъ взятія Свеаборга, видимо, обдумывался въ Петербургѣ до начала кампаніи и, вѣроятно, тамъ уже рѣшено было прибѣгнуть къ разнаго рода воздѣйствіямъ на гарнизонъ. Такое, хотя и нѣсколько шаткое, предположеніе создается при чтеніи дневника Р. Ребиндера («Souvenirs de ma vie»), въ которомъ отмѣчено его удивленіе по поводу разговоровъ нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ, готовившихся совершить поѣздку, съ цѣлью присутствовать при капитуляціи Свеаборга, того Свеаборга, который съ самаго дѣтства Ребиндера былъ запечатлѣнъ въ его воображеніи, какъ образцовое твореніе соединенныхъ силъ искусства и природы.

Русскую главную квартиру сопровождалъ въ походѣ особый дипломатическій отдѣлъ, въ составѣ котораго, въ дни осады сѣвернаго Гибралтара, оказались нѣкто Шредеръ, «баронъ» и кавалеръ мальтійскаго ордена Хагельстремъ, Ладо, родившійся въ Финляндіи и дизертировавшій изъ своего полка, и др.

Къ тому же времени въ Гельсингфорсъ прибылъ къ нимъ и маіоръ К. Х. Кликъ—одинъ изъ бывшихъ участниковъ аньяльскаго заговора, давно проживавшій въ Петербургѣ, гдѣ успѣлъ

Сдача Свеаборга.

Общій видъ Свеаборга.

пріобрѣсти извѣстное довѣріе. Кликъ явился съ письмомъ отъ Спренгтпортена къ Іегергорну (брату анъяльца Іегергорна). Вѣрной доставкѣ сего письма Спренгтпортенъ придавалъ особое значеніе. Черезъ парламентера письмо было доставлено по назначенію 25 марта н. ст. Имѣлось также въ виду «показать его и другимъ», но только тѣмъ, которые вполнѣ поймутъ его содержаніе. Предполагаютъ, что это посланіе не осталось безъ воздѣйствія [168]).

По прибытіи въ Гельсингфорсъ, К. Х. Кликъ вступилъ въ сношеніе съ г-жами Анна Густава Бруновъ и Рейтершельдъ. Первой было уже 50 лѣтъ. Она находилась въ близкомъ родствѣ съ Андерсомъ Іоганомъ Іегергорномъ и Г. М. Спренгтпортеномъ. Вторая—молодая, смѣлая и предпріимчивая—была замужемъ за капитаномъ Карломъ Вильгельмомъ Рейтершельдомъ и хорошо знала дѣла крѣпости, гдѣ отецъ ея служилъ плацъ-маіоромъ, а она провела большую часть своей жизни.

Установлено, что 7—19 марта н. ст. г. Рейтершельдъ, предшествуемая русскимъ горнистомъ, подходила къ Свеаборгу.

8—20 марта Буксгевденъ доносилъ Государю «о томъ неудовольствіи среди войска въ Свеаборгѣ, которое, по намекамъ различныхъ преданныхъ намъ лицъ, непремѣнно должно вспыхнуть». 24-го марта онъ писалъ военному министру Аракчееву: «Наконецъ, чтобы имѣть успѣхъ, употребилъ я для того посредство людей, которыхъ расположеніе удалось мнѣ пріобрѣсть въ гарнизонѣ. Вы видите, какими средствами была мнѣ возможность найти нужные намъ способы. Они намъ довольно дороги и еще будутъ дороже, но всѣ сіи издержки не возмогутъ никогда идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какое можно сдѣлать съ покореніемъ Свеаборга. Я употреблялъ доселѣ экстраординарную сумму. Она теперь кончилась, а какъ вы видите, что впослѣдствіи надобно мнѣ будетъ сдѣлать гораздо важнѣйшія издержки, то прошу прислать мнѣ для таковыхъ секретныхъ расходовъ отъ 25.000 до 30.000 рублей». Графъ Аракчеевъ отвѣтилъ: «Государь Императоръ надѣется, что если стараніемъ и опытностью вашею сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно, кажется, исполниться».

И Бруновъ, и Рейтершельдъ впослѣдствіи были вознаграждены. Первая, послѣ паденія Свеаборга, получала солидную пенсію, несмотря на то, что ея мужъ никогда не служилъ на русской службѣ. О вознагражденіи Рейтершельдъ извѣстно изъ письма гр. Буксгевдена къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ

гр. А. Н. Салтыкову отъ 9 января 1809 г. «Во время осады крѣпости Свеаборга тамошняго шведскаго гарнизона Адлеркрейцева полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностью, столько-же и значущимъ вліяніемъ на мужа ея, бывшаго тогда комендантомъ крѣпости Лилла-Эстеръ-Свартэ, а равно и на многихъ того-же гарнизона офицеровъ, созванныхъ вице-адмираломъ Кронстедтомъ въ совѣтъ по случаю предлагаемой конвенціи, приносила въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣйствовала къ склоненію того совѣта къ сдачѣ крѣпости... Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда-же много награждено съ обѣщаніемъ... обезпечить ее и впредь въ содержаніи». Рейтершельдъ не желалъ остаться въ Финляндіи, «чувствуя, что тѣмъ только пріусугубитъ навлекшее уже на себя въ совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ»... «жена капитана была оставлена своими знакомыми, узнавшихъ о прежнихъ ея сношеніяхъ»... «Посему въ уваженіе оказанныхъ ею въ пользу государства важныхъ услугъ... прошу испросить позволеніе капитану Рейтершельду изъ Калуги, а женѣ его изъ Гельсингфорса, пріѣхать въ Петербургъ... и о выдачѣ на проѣздъ суммы... дабы не оглашая выданы были ей лично сіи деньги»...

Итакъ, при осадѣ Свеаборга прибѣгали къ помощи и женщинъ, и денегъ. Эти обстоятельства не укрылись отъ современниковъ и подобно крылатой «дурной славѣ» быстро облетѣли міръ.

Въ воспоминаніяхъ К. К. Жерве, относящихся къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за войной 1808 г., читаемъ, что «Новая Финляндія до Торнео... была покорена и утверждена за Россіею—частію храбростію войскъ и распоряженіями графа Каменскаго, частью, какъ носились слухи, и золотыми пулями. Такъ говорили, будто-бы военный губернаторъ Свеаборгской крѣпости, гр. Кронстедтъ, струсилъ или польстился и сдалъ Свеаборгъ тогда, когда онъ могъ еще долго держаться...». Князь П. Г. Гагаринъ, сопровождавшій Государя въ Финляндію въ 1809 г., написалъ: «новый сей Гибралтаръ не болѣе намъ стоилъ, какъ только нѣсколькихъ недѣль осады, нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, сотни человѣкъ и переговоровъ». «Свеаборгъ неодолимая твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ графомъ Сухтеленомъ», отмѣтилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Ф. Вигель. Князь Волконскій, коснувшись Свеаборга въ своихъ «Запискахъ», заявляетъ: «Кошелекъ лучше подѣйствовалъ, нежели бомбы и ядра, и крѣпость сдалась». Но едва-ли не Спренгтпортенъ первый далъ поводъ говорить о подкупѣ коменданта. Въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 21 января

1808 г. онъ писалъ о крѣпости: «On peut donc espérer de la prendre par un coup de main bien conduit, si les moyens de tenter le commendant ou de l'intimider ne pourront réussir» [169]).

Конечно, пытливые взоры прежде всего устремились на Кронстедта: не онъ ли купленъ былъ русскимъ золотомъ? Въ теченіи почти цѣлаго столѣтія Швеція, Финляндія и Россія жили въ той увѣренности, что Кронстедтъ продалъ крѣпость.

Правда, что уже въ 1809 г. въ Стокгольмѣ появилась брошюра одного изъ свеаборгцевъ, свидѣтеля хода всей осады—капитана Бота (Both), «о причинахъ паденія крѣпости»; въ этомъ сочиненіи авторъ сразу сталъ опровергать всякія розсказни «о бочкахъ съ червонцами»; однако, голосу его не вняли. Въ 1832 г. гр. П. К. Сухтеленъ напечаталъ очень солидное и спокойное изслѣдованіе о войнѣ 1808—1809 г.г., въ которомъ также старался разсѣять всякіе толки о подкупѣ адмирала Кронстедта; но ему не повѣрили, или—точнѣе говоря—на его заявленіе обращено было очень мало вниманія. Въ сороковыхъ-же годахъ за честь Кронстедта заступился профессоръ и ректоръ Гельсингфорскаго университета Габріэль Рейнъ; но и его заявленіе было заглушено общераспространеннымъ тогда негодованіемъ на шведскаго адмирала. Не допускалъ, наконецъ, измѣны и генералъ Дёбельнъ, очень рѣзко и строго осудившій Кронстедта, какъ коменданта. Всего этого было мало, и дурная молва упорно держалась повсюду.

Свеаборгъ былъ средоточіемъ войны и потому въ Петербургѣ къ нему проявили въ свое время замѣтный интересъ. Его Величество,—писалъ посолъ Коленкуръ въ мартѣ 1808 г.: «снова заговорилъ о дѣйствіяхъ его арміи въ Финляндіи и сказалъ, что, можетъ быть, представится необходимость идти приступомъ на Свеаборгъ. Я возразилъ ему, что безразлично, взять ли эту крѣпость немного позже или немного раньше, но крайне необходимо идти на Стокгольмъ; только это заставитъ всѣ крѣпости сдаться».

«Въ другой разъ Императоръ сказалъ мнѣ, что заложены четыре батареи, которыя начали стрѣлять по Свеаборгу. Въ ней было мало войска и снарядовъ и почти никакого продовольствія. Шведскій генералъ Кронстедтъ, морякъ, который тамъ командуетъ, самъ говорилъ это при вторженіи. Повидимому, онъ рѣшился держаться, но это не будетъ продолжительно, потому что гарнизонъ состоитъ изъ финновъ и плохого войска. Возобновившійся морозъ позволяетъ надѣяться, что эта крѣпость сдастся прежде, нежели

ей успѣютъ подать помощь съ моря. Вначалѣ думали взять ее приступомъ. Я никогда не поддерживалъ этого, зная отъ Спренгтпортена, что приступъ не могъ быть успѣшнымъ, а неудача въ такой близости отъ Петербурга не могла не вызвать крайняго недовольства и доставила-бы новую пищу недоброжелательству. За исключеніемъ этой крѣпости, вся Финляндія завоевана».

Въ слѣдующемъ разговорѣ Императоръ выразилъ надежду на близкую, повидимому, сдачу Свеаборга. «Онъ сказалъ мнѣ, что комендантъ, кажется, расположенъ вступить въ переговоры; Его Величество поручилъ Аракчееву повывѣдать это и сдѣлать ему всѣ предложенія, которыя могли-бы побудить его сдать крѣпость, не пятная своей чести» [170]).

По прошествіи нѣкотораго времени Коленкуръ вновь удостоился бесѣды съ Монархомъ. «Подъ конецъ разговора Его Величество объявилъ мнѣ,—пишетъ посолъ,—что комендантъ Свеаборга подписалъ капитуляцію, которою онъ передавалъ русской арміи три форта, изъ всѣхъ, составляющихъ эту крѣпость, и обязался 3-го мая передать также другіе, равно какъ и флотилію, если къ этому сроку ему не будетъ прислано съ моря подкрѣпленія въ пять судовъ. Я замѣтилъ, что эта капитуляція обнаруживаетъ въ немъ человѣка неопытнаго, и что если-бы его еще обстрѣливали нѣсколько дней, то завладѣли-бы скоро всѣми фортами. Императоръ былъ, повидимому, согласенъ съ этимъ, но замѣтилъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ пришлось-бы сжечь всю флотилію, тогда какъ теперь онъ получитъ ее въ цѣлости. Всѣ увѣрены, что море не очистится къ назначенному сроку» [171]).

Недѣлю спустя появилась конвенція въ оригиналѣ. — «Ну, довольны-ли вы», сказалъ Царь. «Какъ вамъ нравится этотъ Кронстедтъ, который отдаетъ мнѣ войска своего государя и заранѣе признаетъ уступку Финляндіи?»

27 апрѣля Александръ сдѣлалъ слѣдующее загадочное заявленіе: «Всѣ финскіе офицеры за насъ. Золотой дождь возымѣлъ свое вліяніе во время перемирія; гарнизонъ сильно обработанъ, и, между нами будь сказано, адмиралъ Кронстедтъ имѣетъ искъ къ казнѣ, который я обязался ему уплатить. Это между нами, понимаете, потому что это секретная статья, которую я вамъ сообщаю, только потому, что вы для меня иноземецъ и я вамъ довѣряю».

Когда бесѣды Государя съ Коленкуромъ сдѣлались извѣстными, то съ новой силой возникъ старый вопросъ о томъ, насколько «золотой дождь» оросилъ коменданта.

Въ конвенціи, заключенной генераломъ Сухтеленомъ съ адмираломъ Кронстедтомъ, находилась «отдѣльная статья», въ которой сказано было: «Поелику адмиралъ Кронстедтъ предложилъ, чтобы въ случаѣ сдачи крѣпости въ назначенный срокъ, по силѣ конвенціи, заплачены были со стороны Россійскаго Императора шведскому правительству издержки, сверхъ опредѣленной отъ онаго суммы на содержаніе крѣпости, каковой долгъ по достовѣрнымъ счетамъ составляетъ не болѣе ста тысячъ рейхсъ-талеровъ шведскою монетою, то главнокомандующій Россійскою арміею графъ Буксгевденъ обязывается испросить на то соизволеніе своего Монарха и употребить всевозможное содѣйствіе къ полученію онаго...» [172]). Послѣ сдачи крѣпости, когда среди недовольныхъ и любопытныхъ ходили всевозможные толки о причинахъ, погубившихъ Свеаборгъ, стали особенно подозрительно относиться къ этой «отдѣльной статьѣ» конвенціи. И такъ какъ общественное мнѣніе болѣе воспріимчиво ко всему дурному, то вскорѣ во всѣ стороны разошлись слухи и догадки, что эти 100 тысячъ рейхсъ-талеровъ являются суммой, предназначенной лично коменданту. Но съ другой стороны документы, которые уже сдѣлались доступными для изслѣдователя настоящаго вопроса, настолько ярко освѣтили дѣло, что по отношенію къ личности Кронстедта не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ полнѣйшемъ безкорыстіи. Въ 1832 г. графъ П. К. Сухтеленъ въ своей книгѣ о военныхъ дѣйствіяхъ 1808—1809 гг. заявилъ, что «конвенція сія, въ самомъ дѣлѣ, довольно замѣчательная, а особливо сія послѣдняя статья подала поводъ къ разнымъ толкамъ. Имѣя точныя свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ сихъ переговоровъ, мы считаемъ обязанностью опровергнуть всякое несправедливое нареканіе въ семъ отношеніи. Мы смѣло утверждаемъ, что самая мысль о постыдномъ подкупѣ чужда была договаривавшимся сторонамъ. Оба генерала, посѣдѣвшіе на полѣ чести, могли вести переговоры съ различными успѣхами; но они равно неспособны были—одинъ къ предложенію, а другой къ принятію средствъ, противныхъ чести». Гр. Сухтеленъ могъ сдѣлать подобное заявленіе открыто и громко, въ виду того, что подробности дѣла ему извѣстны были изъ первыхъ рукъ.

Финляндскій министръ статсъ-секретарь гр. Р. Г. Ребиндеръ оставилъ послѣ себя записки «Souvenirs de ma vie» (до сихъ поръ не напечатанныя), въ которыхъ онъ коснулся также вопроса о капитуляціи Свеаборга. Оказывается, что адмиралъ Кронстедтъ зимою 1808—1809 гг. пріѣзжалъ въ Петербургъ за полученіемъ

той суммы, которая оговорена была въ конвенціи, и по сему дѣлу неоднократно обращался къ Ребиндеру, какъ къ финляндскому должностному лицу, прося, напримѣръ, представить себя Спренгтпортену, который занималъ тогда постъ финляндскаго генералъ-губернатора, и Сперанскому, который фактически вѣдалъ всѣ дѣла вновь покореннаго края. У означенныхъ сановниковъ Кронстедтъ просилъ содѣйствія своему дѣлу. По словамъ Ребиндера, Спренгтпортенъ обѣщалъ помочь адмиралу, но Сперанскій уклонился, ссылаясь на то, что это дѣло входитъ въ кругъ вѣдомства финансоваго департамента. Обращался Кронстедтъ и къ Аракчееву, и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Салтыкову, но безрезультатно. Наконецъ адмиралъ удостоился аудіенціи у Государя Императора, который милостиво соизволилъ повелѣть Голубцову уплатить сполна всю условленную сумму. Это послѣднее обстоятельство удостовѣряется документомъ отъ 9 декабря 1809 г., на которомъ имѣется собственноручная подпись Императора Александра I. Государь повелѣлъ выдать Кронстедту пенсію, въ размѣрѣ 4.500 рейхсъ-талеровъ, и 50.000 рейхсъ-талеровъ, кои онъ лично потерялъ отъ участія своими акціями въ обществѣ спасанія судовъ и грузовъ. Что-же касалось убытковъ, понесенныхъ адмираломъ по содержанію крѣпости Свеаборга, то ему предписано было, предварительно полученія денегъ, представить соотвѣтствующіе счета Спренгтпортену, для изслѣдованія и провѣрки.

Одновременно Кронстедтъ хлопоталъ и за тѣхъ, которые составляли военный совѣтъ въ крѣпости. Всеподданнѣйшее письмо его объ этомъ изъ Гельсингфорса къ Государю Императору помѣчено 23 августа 1809 г. «Кронстедтъ вчера у меня обѣдалъ,— записалъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ дневникѣ 19 декабря 1808 г. Онъ все печаленъ, какъ будто у него есть что-то на совѣсти. Конечно, если-бы онъ не сдалъ Свеаборга, Финляндію нельзя было-бы удержать за собою. Все для насъ устроилось, какъ нельзя лучше. Только-бы мы сумѣли всѣмъ этимъ воспользоваться».

Взятки обставляются таинственностью, а Кронстедтъ дѣйствовалъ при свѣтѣ дня. Съ однимъ уже этимъ обстоятельствомъ необходимо считаться. Но не всѣ еще тучи разсѣяны. Не безъ основанія рождаются вопросы о томъ, какъ и почему комендантъ изъ своихъ средствъ продовольствовалъ гарнизонъ, и что это за своеобразное общество спасанія судовъ и грузовъ? Всѣ эти вопросы теперь изслѣдованы и по каждому изъ нихъ данъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Ребиндеръ отмѣтилъ въ своихъ мему-

арахъ, что въ его время въ Гельсингфорсѣ жили еще люди, которые знали, что купцы Гейденшраухъ и Седергольмъ изъ патріотизма, безъ всякихъ гарантій и залоговъ, взялись во время осады Свеаборга, быть банкирами крѣпости. Очевидно, что признательность къ нимъ Кронстедта побудила его сдѣлать все, что было въ его власти, дабы почтеннымъ купцамъ были возмѣщены ихъ выдачи. Къ этому Ребиндеръ прибавляетъ, что впослѣдствіи ему Спренгтпортенъ показалъ пачку счетовъ, по которымъ Кронстедтъ уплатилъ долги крѣпости. Что касается общества спасанія судовъ и грузовъ, то установлено, что такое дѣйствительно существовало въ Швеціи. Оно было учрежденіемъ оффиціальнымъ и Король лично назначалъ его акціонеровъ. Въ дневникѣ, веденномъ извѣстнымъ шведскимъ дѣятелемъ I. А. Эренстремомъ, опредѣленно отмѣчено, что Король Густавъ IV Адольфъ, назначая Кронстедта Свеаборгскимъ комендантомъ, въ то же время далъ ему акціи названнаго общества, которыя должны были давать ему весьма существенный годовой доходъ, такъ какъ общество являлось монопольнымъ. Слѣдовательно въ Свеаборгской конвенціи ничего не было замаскированнаго и уплаченные 50.000 талеровъ соотвѣтствовали дѣйствительному убытку, понесенному Кронстедтомъ.

Итакъ, дѣло не въ деньгахъ. Не онѣ побудили Кронстедта спустить шведскій флагъ. Многочисленные его современники объясняютъ неудачу другими причинами.

Когда Эренстремъ, узнавъ, что крѣпость сдалась русскимъ, настолько заболѣлъ, что слегъ въ постель и тѣмъ не менѣе не рѣшился обвинить коменданта въ продажности, какъ это сдѣлало стокгольмское общество, основываясь исключительно на распространенной молвѣ. Въ письмѣ къ своему другу Аминову, Эренстремъ, напротивъ, писалъ, что давно уже признавалъ капитуляцію Свеаборга возможной, вслѣдствіе того, что крѣпость не была приспособлена къ защитѣ отъ нападенія зимою съ суши; кромѣ того она, для вѣрной обороны, въ виду своей растянутости, требовала по крайней мѣрѣ 10.000 человѣкъ и, наконецъ, высоты Ульрикасборга и Бокгольма господствовали надъ ней. «Всѣ теперь считаютъ Кронстедта измѣнникомъ, подкупленнымъ непріятелемъ и даже опредѣляютъ величину той суммы, за которую онъ яко-бы продалъ себя. Мнѣ-же представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы мужъ чести могъ забыться до такой степени... Для меня по крайней мѣрѣ ясно, что главнымъ мотивомъ его поведенія явилась мысль, которую онъ себѣ усвоилъ, что нѣтъ возможности противостоять волѣ всесильнаго Бонапарта, а также вытекавшая

изъ нея увѣренность, что разъ Финляндія въ Тильзитѣ была подарена Россіи, то приведенію въ исполненіе этого декрета не въ силахъ помѣшать никакая человѣческая власть, а потому упорное сопротивленіе Свеаборга дѣлалось безполезнымъ и даже, если-бы оно долго продолжалось, въ состояніи было навлечь неисчислимыя несчастія... на Финляндію». Г-жа Лампе, жившая во время осады въ домѣ Кронстедта, хвалитъ его прямоту и честность и утверждаетъ, что такой человѣкъ не былъ способенъ измѣнить своему долгу и присягѣ изъ-за какихъ нибудь корыстныхъ цѣлей. На союзъ и помощь Англіи Кронстедтъ также не полагался.

Къ этому интересно прибавить заявленія Р. Ребиндера. Онъ неоднократно бесѣдовалъ съ офицерами, находившимися въ Свеаборгѣ, и даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые входили въ составъ военнаго совѣта Кронстедта. Объясненія ихъ были довольно согласны между собою. «Они признавали себя виновными въ томъ, что оказались очень слабы и выразили излишнее довѣріе своему начальнику... Всѣ они признали Кронстедта прекраснымъ въ обыденной жизни; но его несостоятельность сейчасъ-же сказалась, какъ только измѣнился обычный ходъ дѣлъ. Весьма опытный въ управленіи морскимъ департаментомъ, крѣпостной администраціей и движеніемъ флота, онъ не имѣлъ, однако, достаточно широкаго взгляда и дарованія. И что было важно въ его положеніи, такъ это то, что онъ не обладалъ знаніемъ основныхъ началъ инженернаго дѣла и искусства обороны крѣпости... Всему этому офицеры приводили Ребиндеру соотвѣтствующіе примѣры. При этомъ не забывалось, что порохъ расходовался въ непомѣрномъ количествѣ противъ непріятеля, находившагося на далекомъ разстояніи, и люди изнурялись безъ всякой пользы. Онъ не дѣлалъ различія между сильными и слабыми пунктами крѣпости, а потому нѣкоторыя мѣста, кои могли быть атакованы, оставались безъ надежной защиты, тогда какъ другіе незначительные пункты переполнялись и людьми, и орудіями».

«Раздавался одинъ общій кликъ, старавшійся заклеймить Кронстедта именемъ измѣнника: военный судъ подтвердилъ это мнѣніе. Но я,—пишетъ также современникъ событій, Де-Сюременъ,—съ своей стороны, полагаю, что онъ былъ только слабъ. Устрашенный превосходствомъ Русскаго государства надъ Швеціей, со всѣхъ сторонъ подвергавшейся нападенію, убитый духомъ послѣ нашего отступленія и удаленія на сѣверъ Финляндіи, онъ воображалъ, что Финляндія навсегда уже потеряна и считалъ уже рѣ-

шеннымъ, совершившимся то, что было только возможностью. Развѣ не бываетъ случаевъ, что разсудокъ помрачается и у такихъ людей, которые въ другое время проявляли большую силу воли? Развѣ мы не видѣли старыхъ генераловъ Фридриха Великаго, которые отворяли ворота крѣпостей какимъ нибудь горсточкамъ французскихъ солдатъ». Далѣе Де-Сюременъ перечисляетъ тѣ ошибки, которыя допущены были комендантомъ при оборонѣ крѣпости и которыя свидѣтельствовали объ его растерянности. Главнѣйшею ошибкою, по мнѣнію автора, было то, что Кронстедтъ принималъ въ крѣпость всѣхъ бѣглецовъ съ ихъ семьями и не догадался сжечь деревянный Гельсингфорсъ, служившій удобною зимнею квартирою для осаждавшихъ.

Участникъ защиты Свеаборга Верніельмъ, уѣзжая въ плѣнъ въ Россію, искренно пожелалъ благополучія Кронстедту, «хотя, повидимому, адмиралъ и виновникъ всѣхъ нашихъ горестей, но это лишь несчастная ошибка съ его стороны, которая повергла какъ его, такъ и насъ въ это бѣдствіе».

Съ этими заявленіями совпадаютъ и другіе голоса современниковъ. Непосредственно за окончаніемъ осады, участникъ сего событія, офицеръ шведской службы І. Г. Ботъ, въ изданномъ имъ въ 1809 г. въ Стокгольмѣ брошюрѣ «О причинахъ сдачи Свеаборга и положенія его во время осады» писалъ: «Нѣтъ, я заботливо постараюсь доказать, что неумѣнье, по крайней мѣрѣ наполовину, принимало въ этомъ участіе. . .»

Сынъ Бойе разсказывалъ, что онъ однажды подслушалъ слѣдующій разговоръ между своимъ отцомъ, маіоромъ Андерсомъ Бойе, и маіоромъ П. Х. Оливестамомъ: Бойе спрашиваетъ Оливестама: «Ну, братъ, скажи, какъ это случилось, что Свеаборгъ сдался на капитуляцію»?—Маіоръ отвѣтилъ: «Клятвенное обѣщаніе запрещаетъ мнѣ открыть что либо объ этомъ. Одно, что могу сказать, это то, что насъ безсовѣстно надули».

Затѣмъ справедливость побуждаетъ прибавить, что около Кронстедта не оказалось ни одного способнаго офицера, съ дарованіемъ или познаніями; артиллеріей руководилъ неопытный субалтернъ, а остальные были совершенною заурядностью.

Адмиралу представилось, что полковникъ Іегергорнъ по своему чину, возрасту и положенію наиболѣе въ состояніи быть его совѣтникомъ и помощникомъ. Іегергорнъ родился въ Финляндіи и, подобно большинству офицеровъ того времени, являлся сторонникомъ Спренгтпортена и убѣжденнымъ послѣдователемъ его плана о самостоятельности Финляндіи. Никакими дарованіями Іегергорнъ

не обладалъ, кромѣ большой склонности къ интригамъ; военное дѣло ограничивалось для него исполненіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Такимъ образомъ, Кронстедтъ въ выборѣ своемъ оказался очень несчастливъ.

Іегергорнъ началъ съ внушенія адмиралу, что крѣпость не въ состояніи продержаться до мая, если не подоспѣетъ помощь изъ Швеціи. По этому вопросу ему удалось склонить на свою сторону начальника артиллеріи— маіора Іерне (Hjärne), любимымъ занятіемъ котораго являлась прогулка по комнатѣ въ халатѣ и туфляхъ. Іерне докладывалъ коменданту, что пороха не хватитъ до открытія навигаціи. Іегергорнъ кромѣ того доказывалъ, что по льду непріятелю легко съ орудіями подойти къ крѣпости и взять ее, такъ какъ стѣны ея, обращенныя къ сушѣ, или плохо построены, или не окончены. По этому вопросъ, по его мнѣнію, сводился къ тому, какъ продержаться до прибытія подкрѣпленія.

Отъ членовъ свеаборгскаго военнаго совѣта Р. Ребиндеръ слышалъ, что на совѣщаніяхъ обыкновенно рѣчь держалъ одинъ Іегергорнъ, постоянно повторяя свои излюбленные доводы. Тѣхъ, кто намѣревался оппонировать, полковникъ круто и повелительно обрывалъ. Кронстедтъ въ большинствѣ случаевъ молчалъ. «Финляндія находится во власти непріятеля», говорилъ Іегергорнъ; «Швеція, внѣ всякаго сомнѣнія, безсильна воспрепятствовать ея покоренію; это сознается самимъ правительствомъ, не имѣющимъ ни союзниковъ, ни денегъ, ни людей въ достаточномъ количествѣ. Война въ дѣйствительности окончена и Царь Александръ, состоящій въ союзѣ съ Наполеономъ, не отдастъ такого хорошаго пріобрѣтенія. При такомъ положеніи дѣла, продленіе сопротивленія Свеаборга не окажетъ никакой услуги Швеціи, но явится только напраснымъ кровопролитіемъ, и Финляндія погружена будетъ въ глубокую скорбь... Пусть опредѣленіе судьбы исполнится! Сдѣлавшись русскими, мы будемъ только счастливѣе, мы получимъ большую стойкость, подати будутъ понижены и т. д.» Подобными разсужденіями—увѣряетъ Ребиндеръ—Іегергорнъ пробовалъ воздѣйствовать не только на коменданта, но и на тѣхъ офицеровъ, которые могли имѣть какое либо значеніе въ совѣтѣ. И Іегергорнъ достигъ своей цѣли. Комендантъ былъ «убѣжденъ», что, открывъ ворота крѣпости, онъ окажетъ услугу Финляндіи, Россіи и человѣчеству, не причинивъ въ то же время особеннаго вреда Швеціи [173]).

Факты, приведенные Ребиндеромъ, группируются, слѣдовательно, въ цѣлый обвинительный актъ противъ Іегергорна. По-

мимо указаннаго, Ребиндеръ не безъ основанія подчеркиваетъ ученіе о независимости Финляндіи, которое насаждено было въ краѣ Спренгтпортеномъ и его аньяльскими единомышленниками-заговорщиками за тридцать лѣтъ до свеаборгской катастрофы. Комендантъ крѣпости оказался случайнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдователей этого ученія. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Ребиндеръ,—Спренгтпортенъ оказалъ Россіи болѣе важную услугу, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. То, что посѣялъ этотъ честолюбивый ветеранъ, взросло теперь и капитуляція Свеаборга является, если не первымъ, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе крупнымъ его плодомъ».

Такъ поясняется Ребиндеромъ свеаборгское дѣло въ его дневникѣ.

Остается еще одно обстоятельство. Оно указано въ разсказѣ г-жи Лампе (урожденной баронессы Врангель), но до сихъ поръ не разслѣдовано шведо-финскими историками. Лампе во время осады Свеаборга гостила въ семьѣ Кронстедта. «Однажды,—говоритъ она,—сидѣли мы за обѣдомъ, когда Кронстедту было передано письмо изъ Швеціи. Прочитавъ письмо, онъ поблѣднѣлъ; затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда три дня. Черезъ три дня вышелъ, наконецъ, грустный, убитый, и объявилъ, что долженъ сдать Свеаборгъ. Письмо онъ уничтожилъ, говоря, что одинъ принимаетъ всю вину на себя. Впослѣдствіи, онъ какъ будто проговорился, что получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ тогда уже было рѣшено низложить Короля Густава IV» [174]).

Лампе со своимъ заявленіемъ не стоитъ одиноко. Въ дневникѣ Алопеуса читаемъ: «Опять здѣсь (въ Финляндіи) полагаютъ, что Кронстедтъ сдалъ Свеаборгъ съ согласія Короля, ибо сказываютъ, что черезъ Ригу проѣхалъ шведскій курьеръ съ письмами къ Кронстедту отъ Короля». Подобная же версія ходила о крѣпости Свартгольмѣ. Грипенбергъ, говорятъ, сказалъ солдатамъ: «Я вамъ скажу печальную новость, что Король непремѣнно приказалъ мнѣ сдать крѣпость» [175]).

Все это были лишь слухи, въ коихъ небылицы обыкновенно мѣшаются съ истиной. Конечно, не Король желалъ паденія Свеаборга и не отъ него исходили приказанія сдать крѣпость, но у него было много враговъ, изъ которыхъ нѣкоторые носились съ мыслью о его низложеніи, а другіе—о безполезности сопротивленія русскимъ войскамъ.

Шведъ, генералъ ванъ-Карделль, назвалъ сдачу Свеаборга психологической загадкой. «Мы льстимъ себя тѣмъ, что рѣшили

ее», отвѣтилъ на это генералъ ванъ-Сухтеленъ, которому приписывается также заявленіе, что «одной лишь военной силой невозможно было взять Свеаборга».

Но при всемъ томъ сила, сокрушившая мощь шведской твердыни, не въ золотомъ порохѣ. Его употребляли въ крѣпости въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно склонны предполагать. Это должны были признать даже стокгольмскіе изслѣдователи [176]).

Безъ всякаго сомнѣнія, заявляетъ Норденсванъ, ни Кронстедтъ, ни Іегергорнъ во время осады никакихъ денегъ не получали. Не получили ихъ и другіе члены военнаго совѣта крѣпости и они влачили остатки своихъ дней въ весьма стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Въ крѣпости, повидимому, больше всего вліяло чувство покинутыхъ на произволъ судьбы, безнадежность за участь Швеціи и Финляндіи, безнадежность, которую поддерживали какъ русскіе, такъ и письма изъ Швеціи [177]).

Упадокъ духа сгубилъ гарнизонъ крѣпости. Слабаго закала оказался ея комендантъ, еще слабѣе проникнуты были сознаніемъ долга его подчиненные.

Взятіе Свеаборга, справедливо замѣчаетъ «Русскій Инвалидъ» (1908 г., № 93), являетъ собою оригинальный примѣръ успѣшнаго воздѣйствія на духовную сторону противника. Если военное искусство рекомендуетъ «подставлять врагу сильную сторону и уклонять слабую», то столь же раціонально, познавъ слабыя стороны противника, пользоваться ими съ выгодою для себя. Достиженіе всякой побѣды «съ легкимъ трудомъ и малою кровью» (слова Петра Великаго) только прибавляетъ лишніе лавры къ вѣнку побѣдителя. Въ данномъ же случаѣ, успѣхъ грамадной важности достигнутъ былъ почти безъ всякой крови. Не будь «психологическихъ мѣръ», Свеаборгъ, вѣроятно, продержался бы до лѣта и въ періодъ шведскихъ успѣховъ сыгралъ бы для насъ весьма неблагопріятную роль.

21 апрѣля Буксгевденъ послалъ коменданту требованіе о сдачѣ и получилъ согласіе. 21 апрѣля 1808 г. наши войска начали занимать Густавъ-Свердъ (нынѣ о. Артиллерійскій). «Черезъ два или три дня будутъ также въ рукахъ нашихъ и другія (укрѣпленія)» писалъ Буксгевденъ. Что и случилось. Передача крѣпости совершилась такъ: Русскій осадный корпусъ сталъ въ ружье, артиллеристы—у орудій съ зажженными пальниками, готовые, по первому знаку, начать канонаду. Подъ звуки военной музыки шведы выступили изъ крѣпости и, по отдачѣ другъ-другу

чести, военно-плѣнные сложили оружіе. Вмѣстѣ съ войсками сдавались морскія команды и прочее населеніе крѣпости. Наконецъ, послѣднимъ оставилъ крѣпость комендантъ, вручившій ключи и крѣпостной флагъ.

Легко себѣ представить чувства покидавшихъ гордую твердыню Швеціи. По словамъ очевидца Durietz'а «отчаяніе и печаль замѣтны были въ выраженіяхъ толпы. Всѣ плакали—начальство, солдаты и жены. Проклятія и брань сыпались по адресу адмирала и совѣта. Наканунѣ вечеромъ съ гауптвахты присланы были 6 капраловъ для охраны адмирала».

Въ своемъ дневникѣ фонъ-Брейтхольцъ писалъ: «3-го мая н. ст. 1808 г. я попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, вмѣстѣ съ моимъ полкомъ и со всѣмъ гарнизономъ Свеаборга. Противъ Гельсингфорса на льду мы сложили оружіе, которое сейчасъ же было взято русскими. Этотъ для каждаго истиннаго воина унизительный актъ болѣзненно отзывался даже на грубомъ солдатѣ. Со слезами на глазахъ онъ протягивалъ свою дрожащую руку на прощаніе начальству. Здѣсь порывалась военная связь, никто не отдавалъ приказанія, никто больше не повиновался».

Паденіе Свеаборга глубоко поразило финляндцевъ и многими изъ нихъ овладѣло изумленіе и отчаяніе. «Боже великій, хватаюсь за перо съ самымъ прискорбнымъ чувствомъ,—записалъ въ своихъ замѣткахъ маіоръ Аминовъ.—О дорогое мое отечество, плачь о своей судьбѣ, твоя единственная надежда пропала. Моя прозорливость не видитъ болѣе спасенія для тебя, послѣ того, какъ Свеаборгъ посредствомъ такой неслыханной въ исторіи измѣны отданъ во власть непріятеля, вмѣстѣ со всей защитой Финляндіи какъ съ суши, такъ и съ моря. Такой безбожной измѣны не было съ самаго сотворенія міра».

«Итакъ, послѣдней надежды Швеціи не стало,—писалъ Бладъ (Bladh), когда вѣсть о паденіи Свеаборга достигла Эстерботніи; нѣтъ надежды, свидѣтельствовавшей о ея прежней силѣ. Всѣ мы прослезились—это было ужасно!». При извѣстіи о паденіи Свеаборга Король плакалъ, сообщалъ генералъ Аминовъ.

26-го апрѣля состоялся общій парадъ новому гарнизону крѣпости и молебствіе у могилы памятника Эренсверда, а затѣмъ сто-однимъ пушечнымъ выстрѣломъ было возвѣщено urbi et orbi о поднятіи русскаго флага на Густавсвердѣ.

При взятіи Свеаборга нами получены трофеи: 7.503 военноплѣнныхъ, 2.033 орудія, 340.000 снарядовъ, около 9.000 ружей, 110 военныхъ судовъ и т. д.

Потеря гарнизона доходила лишь до 6 убитыхъ и 32 раненыхъ [178]).

Капитуляція Свеаборга рѣшила всю кампанію и участь Финляндіи, а потому событіе 26 апрѣля 1808 г. имѣетъ первостепенное значеніе. «Свеаборгъ—есть главная цѣль» твердилъ Спренгтпортенъ, радовавшійся также способу взятія этой крѣпости, и въ письмѣ къ Императору Александру отъ 25 апрѣля этотъ загадочный герой объяснялъ сдачу Свеаборга «патріотизмомъ» финляндцевъ.

Со взятіемъ Свеаборга получена была важная стратегическая позиція того времени, позиція, отъ которой зависѣло господство въ краѣ. «Свеаборгъ», говоритъ шведскій офицеръ современникъ 1808 г. Де-Сюременъ, былъ единственною твердынею, которою располагала Швеція въ Финляндіи и возведеніе которой стоило несмѣтныхъ суммъ. Не овладѣвъ этою крѣпостью, непріятель никогда не могъ бы считать себя «господиномъ Финляндіи». Поэтому то потеря Свеаборга была «неизмѣрима», а въ силу условій капитуляціи и непоправима.

Нашъ главнокомандующій понималъ значеніе Свеаборга, а потому, начиная уже со времени заключенія конвенціи, подготовлялъ Государя къ должной оцѣнкѣ событія, называя крѣпость «первѣйшею въ Европѣ», «ключемъ къ берегамъ Финляндіи». Увѣдомляя о взятіи Свеаборга—«о семъ столь полезномъ для Россіи пріобрѣтеніи, съ которымъ открываются намъ обширнѣйшіе способы»,—Буксгевденъ желалъ, дабы оно было достойно привѣтствовано въ Петербургѣ, ибо «такого пріобрѣтенія Россія давно не дѣлала». При Екатеринѣ принято было возвѣщать народъ о прибытіи посланныхъ съ важными и радостными извѣстіями. Буксгевденъ желалъ, чтобъ и теперь, когда приносились «въ дань гордыя стѣны», генералъ-лейтенантъ Коновницынъ былъ такъ-же встрѣченъ, и чтобы возвѣстить «черезъ почталіоновъ», которые должны были бы ожидать его у шлагбаума и затѣмъ проводить черезъ городъ, играя на своихъ инструментахъ.

Получивъ извѣстіе о взятіи Свеаборга, Императоръ прислалъ къ Коленкуру въ 1 ч. ночи своего генералъ-адъютанта съ собственноручной запиской.

А 28 апрѣля—10 мая 1808 г. Императоръ Александръ I написалъ Наполеону: «Государь, мой братъ! Свеаборгъ сдался 21 апрѣля—3 мая, и я спѣшу сообщить это Вашему Величеству, какъ вѣсть, не безинтересную въ данную минуту. Ваша дружба ко мнѣ укажетъ въ ней и другой интересъ, въ которомъ я не

сомнѣваюсь и который мнѣ очень дорогъ. Мѣстность эта находится среди скалъ и вооружена 1900 орудіями. Я завладѣлъ также военной флотиліей въ 100 кораблей; наконецъ, это событіе завершаетъ завоеваніе Финляндіи» [179]).

Петербургъ имѣлъ основаніе радоваться. Россія закрѣпила свое положеніе на Балтійскомъ морѣ. Но сѣверная столица ограничилась офиціальнымъ торжествомъ. Газеты почему то не спѣшили оповѣстить публику о событіи такой важности, вслѣдствіе чего въ обществѣ порождались нежелательные слухи. «Завтра, т. е. 27 апрѣля,—писалъ въ дневникѣ Голенищевъ-Кутузовъ,—будетъ большое церковное и военное торжество въ честь завоеванія Финляндіи. Будетъ литургія въ церкви Исаакія и парадъ. Что мнѣ особенно понравилось, это то, что царская фамилія будетъ находиться въ особой галлереѣ, которая сооружена у памятника Петра Великаго, и военныя почести будутъ раздѣлены съ великимъ человѣкомъ. Идея эта такова: сдѣлать Петра причастнымъ торжеству въ честь того, чему онъ положилъ начало».

«Сегодня былъ большой парадъ и молебенъ за взятіе крѣпости Швабурга (т. е. Свеаборга); сею операціею оканчивается шведская война,—читаемъ въ письмѣ А. Я. Булгакова. Шведскія знамена были выставлены».

При молебствіи, по взятіи Свеаборга, въ Исаакіевскомъ соборѣ было въ немъ очень мало публики, и проходившіе по улицамъ, слыша пушечные выстрѣлы въ крѣпости, спрашивали, по какому случаю палятъ. Узнавъ, что это дѣлается въ честь взятія важнѣйшей крѣпости въ Финляндіи, всякъ изъ нихъ, махнувъ съ досады рукой, въ раздумьи шелъ далѣе. Русскій народъ чуялъ, что не тамъ развяжется трагедія, которая готовилась въ Европѣ [180]).

Король Швеціи, узнавъ о сдачи Свеаборга, повелѣлъ немедленно предать полевому суду коменданта и весь его военный совѣтъ. Судъ въ Торнео 11 февраля н. ст. 1809 г. заочно вынесъ Кронстедту и его несчастнымъ боевымъ товарищамъ смертный приговоръ, въ которомъ говорилось, что бывшій вице-адмиралъ Карлъ Олафъ Кронстедтъ и одиннадцать другихъ членовъ военнаго совѣта приговорены къ лишенію правой руки, обезглавенію и колесованію. Обстоятельства сложились такъ, что приговоръ этотъ не былъ утвержденъ верховною властью, но тѣмъ не менѣе имя Кронстедта переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ имя измѣнника, подкупленнаго русскимъ золотомъ [181]).

Въ XI главѣ Фридрихсгамскаго мирнаго договора говорится, что прошлое будетъ предано вѣчному забвенію. Заподозрѣнные шведскіе или русскіе граждане освобождаются отъ всякаго законнаго преслѣдованія. «Впослѣдствіи за подобныя причины не будетъ производиться судъ надъ ними, и если такой уже начатъ, то слѣдуетъ прекратить его и упразднить».

Лично Кронстедтъ до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва убѣдили отказаться отъ столь рискованнаго шага. Онъ остался и 12 лѣтъ спустя окончилъ свои дни въ Финляндіи, «всѣми забытый и презираемый соотечественниками».

КАРТА ВОЙНЫ 1808-1809 г.

Къ „Исторiи Финляндiи" М. Бородкина.

Картогр. зав. Д. М. Руднева С. П. Б.

Пути слѣдованія войскъ

IV. Второй періодъ войны 1808—1809 г.г. Успѣхи и бѣдствія финновъ.

Быстрое отступленіе финскихъ войскъ возбудило у графа Буксгевдена представленіе о возможности закончить зимній походъ изгнаніемъ ихъ изъ Финляндіи. Поэтому онъ отдалъ приказаніе начальникамъ соединенной западной арміи, Раевскому и Тучкову, продолжать преслѣдованіе Клингспора и завладѣть Улеоборгомъ. Объединенныя силы обоихъ полководцевъ едва достигали 5.000—6.000 человѣкъ. Шведская армія, считая въ ея составѣ и Саволакскую бригаду, возросла уже до 12.000 чел., поэтому она имѣла возможность остановить и даже отбросить русскихъ, но Клингспоръ продолжалъ, по разъ принятому имъ плану, отступленіе.

Наконецъ шведы начали догадываться, въ какомъ состояніи находилась сила русскихъ. 16-го апрѣля н. ст. русскій авангардъ, подъ начальствомъ отважнаго Кульнева, столкнулся съ финскимъ арьергардомъ близъ Пюхеіоки; произошли стычки при Ипперпле (Ypperilä), Виремъ и Пюхеіоки, въ которыхъ финны мужественно сопротивлялись. Начальникъ штаба Левенгельмъ (Lövenhjelm) былъ раненъ и захваченъ въ плѣнъ. Его замѣстилъ К. I. Адлеркрёйцъ, который съ этого времени сдѣлался вдохновителемъ Клингспора и, слѣдовательно, истиннымъ руководителемъ арміи. Адлеркрёйцъ пріостановилъ дальнѣйшее движеніе русскихъ. Это произошло 6—18 апрѣля при Сикаіоки, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе 300 лѣтъ назадъ занимали воеводы Іоанна III. Наши силы достигали 2.000 чел., на позиціяхъ противниковъ было сосредоточено болѣе 6.000. Воинъ суворовскаго духа Кульневъ смѣло ввелъ въ бой сразу всѣ свои силы. Адлеркрейцъ подмѣтилъ слабость русскаго центра и удачно воспользовался этимъ.—Русскимъ пришлось отойти назадъ; но и шведы не продолжали преслѣ-

дованія, а предпочли на слѣдующій день оттянуться немного назадъ. Финны потеряли 200 человѣкъ убитыми и ранеными; наша потеря не превышала 150 чел. убитыми и ранеными, но потеря плѣнными достигла 260 чел. Послѣ этого дѣла Кульневъ былъ неутѣшенъ и не скрывалъ своего горя, что первую неудачу русскихъ въ Финляндіи суждено было испытать ему. Но несмотря на это, ему довелось заслужить себѣ славное имя въ той-же Финляндіи и среди народа, съ воинами котораго онъ состязался въ храбрости, выносливости и любви къ родинѣ.

Въ данномъ случаѣ значеніе боя измѣрялось не числомъ убитыхъ и раненыхъ, а его послѣдствіями, которыя явились крайне неблагопріятными для русскихъ. Шведы узнали слабыя стороны преслѣдовавшихъ, они воспрянули духомъ и укрѣпились въ надеждѣ на возможность борьбы съ тѣми, которыхъ ранѣе считали непобѣдимыми. Все это привело къ тому, что день при Сикаіоки сдѣлался поворотнымъ пунктомъ первой половины кампаніи.

До этого времени настроеніе въ финскомъ лагерѣ было весьма подавленное. Трудно себѣ представить болѣе критическое положеніе,—сообщалъ оберъ-адъютантъ, подполковникъ de Suremain, герцогу Карлу. Необходимо большое счастье, чтобы побѣдить... [182]).

Послѣ удачи финновъ при Сикаіоки дѣло измѣнилось. Подъемъ духа среди финновъ привелъ къ новой и еще болѣе чувствительной неудачѣ для русскихъ. Генералъ-маіоръ Булатовъ находился 15—27 апрѣля со своимъ отрядомъ въ изолированномъ положеніи у Револакса. Между сосѣдними эшалонами Булатова и Тучкова не установлено было взаимной связи. Кромѣ того Булатовъ, имѣя втрое слабѣйшія противъ непріятеля силы, крайне безпечно расположился въ занятомъ раіонѣ. Шведы перешли въ наступленіе и внезапное ихъ нападеніе привело къ полному пораженію отряда Булатова. Онъ отвергъ предложеніе сдаться и, исполняя долгъ, бился до послѣдней возможности, но раненый былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ ему, какъ честному воину, возвратили оружіе. Моральныя послѣдствія Револакскаго боя значительно превзошли послѣдствія неудачи при Сикаіоки. Строй русской арміи былъ прорванъ. Настроеніе жителей поднялось и тѣмъ данъ былъ сигналъ къ народной войнѣ, причинившей русскимъ войскамъ большія бѣдствія. Вмѣсто планировавшагося захвата Улеоборга, русскимъ пришлось отойти на 150 верстъ къ югу. Клингспоръ перешелъ въ наступленіе.

Настроеніе поднялось, но колебанія еще были замѣтны. Отъ прежняго пессимизма не позволяли отдѣлаться многіе обстоятель-

ства, кои отражены въ сообщеніяхъ de Suremain: «Въ настоящее время насъ около 10.000 человѣкъ, но въ октябрѣ насъ и семи тысячъ не будетъ. Другое несчастіе—это недостатокъ въ офицерахъ; онъ такъ великъ, что однимъ баталіономъ Абоскаго полка командовалъ подпрапорщикъ. Такимъ образомъ, Ваше Королевское Величество, Финляндія пропадетъ для насъ безъ всякой надежды отвоевать ее; страшно подумать, что при немного большей предусмотрительности съ нашей стороны, русскіе никогда не могли бы сдѣлать этого завоеванія, потому что ничего не могло быть легче, какъ выставить здѣсь милицію въ 40.000 человѣкъ. Народъ силенъ, храбръ и преданъ шведской власти; страна предоставляетъ болѣе средствъ относительно жизненныхъ припасовъ, чѣмъ Швеція, но объ этомъ вспомнили только въ минуту опасности, и тогда уже было поздно». Такъ писалъ де-Сюременъ недѣлю спустя послѣ побѣды при Револаксѣ.

Безнадежность, господствовавшая среди отступающихъ, привела Клингспора къ желанію сложить съ себя званіе главнокомандующаго. Онъ ссылался, конечно, на нездоровье. Какъ на своего замѣстителя онъ указывалъ Королю на генерала Аминова. Но послѣ Револакса онъ измѣнилъ свое намѣреніе, признавъ здоровье возстановленнымъ [183]).

У Пулккила стоялъ русскій отрядъ въ 500 человѣкъ, подъ командою полковника Обухова, который, подобно Булатову, оставленъ былъ въ изолированномъ положеніи, послѣ отступленія главной русской силы. Этимъ воспользовался Сандельсъ. 20 апрѣля—2-го мая онъ послалъ отрядъ въ 400 человѣкъ въ обходъ Обухова, тогда какъ онъ самъ напалъ на него съ сѣвера и востока. Тщетно старался Обуховъ пробиться. Отрядъ русскихъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, самъ-же Обуховъ, раненый, долженъ былъ сдаться. Спасая честь русскаго имени, наши воины успѣли содрать знамена и скрыть ихъ, а одно орудіе потопить.

Дорога черезъ Инденсальми въ Куопіо лежала теперь открытой для Сандельса, и онъ не замедлилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ. Разсѣевая небольшіе русскіе отряды и забирая русскіе запасы, его авангардъ уже 6 мая н. ст. дошелъ до Иденсальми. Здѣсь добровольцы-крестьяне присоединились къ нему.

Въ то время, когда Сандельсъ смѣло вторгнулся въ Саволаксъ, на Аландѣ произошли событія, которыя причинили русскимъ не малое огорченіе и убытки. Ленсманъ Эрикъ Аренъ и пасторскій помощникъ Генрихъ Іоганъ Гуммерусъ встали во главѣ народа, который 6-го и 7-го мая н. ст. во всѣхъ приходахъ Аландскаго

*

материка взялся за оружіе и захватилъ въ плѣнъ отрядъ полковника Н. В. Вуича у Кумлинге. Благодаря отвагѣ крестьянъ аландскіе шхеры въ теченіе нѣсколькихъ дней были очищены отъ русскихъ мелкихъ отрядовъ.

Въ началѣ мая русскимъ пришлось очистить Готтландъ.

1—14 іюля проиграно было русскими сраженіе при Лаппо, гдѣ — пишетъ современный финляндскій изслѣдователь войны 1808 — 1809 г.г.,—къ сожалѣнію, какъ и вездѣ, гдѣ финны побѣждали, ихъ силы превосходили силы русскихъ. Противъ 6.000 финновъ Раевскій не имѣлъ болѣе 4.000 человѣкъ; кромѣ того мѣстность при Лаппо предоставляла всѣ выгоды для нападающихъ финновъ.

5—17-го августа русскимъ нанесенъ былъ новый ударъ. Произошло сраженіе при Алаво, гдѣ Адлеркрейцъ и Кронстедтъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ горячей схватки, заставили нашихъ отступить. Сраженіе при Алаво финляндскіе историки признаютъ самымъ замѣчательнымъ днемъ войны 1808 г. «Это былъ день славы, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ, потому что одинаково упорно сражались на обѣихъ сторонахъ».

Въ теченіе іюля Раевскій отступалъ сперва къ Сальми, а затѣмъ къ Тавастгусу.

Лишь послѣ Револакса стала замѣтна нѣкоторая «радость побѣды» среди финскихъ войскъ, судя по крайней мѣрѣ по запискамъ того времени. Перваго мая справляли побѣды при Сикаіоки и Револаксѣ богослуженіемъ на открытомъ полѣ во время мятели. По окончаніи проповѣди пропѣли псаломъ и сдѣлано 2 ружейныхъ выстрѣла. Послѣ обѣда Клингспоръ произвелъ парадъ въ Сикаіоки. Онъ только поздоровался съ войсками и тотчасъ-же уѣхалъ. 22-го мая такой - же Te-Deum отслуженъ былъ по поводу занятія Сандельсомъ г. Куопіо, а 28 мая произведенъ былъ торжественный обрядъ пожалованія въ «кавалеры» около Брагестада на открытомъ полѣ. Для войска и публики устроили карусели, которыя посѣщались высшими сословіями, дамами и мужчинами. Клингспоръ и его офицеры устраивали балы въ Брагестадѣ [184]).

Когда Клингспоръ со своимъ авангардомъ вступилъ въ Гамла-Карлебю, то населеніе съ восторгомъ встрѣтило своего «освободителя», и отслужено было торжественное молебствіе, по поводу возстановленія законнаго правительства страны, при чемъ снова принесена была присяга въ киркѣ, взамѣнъ вынужденной завоевателемъ вѣрноподданнической присяги. Аспъ говоритъ, что по-

селяне въ Гамла-Карлебю и Кронобю кирхшпиляхъ выражали особенно оживленно свой восторгъ по поводу возвращенія шведовъ, даже звукъ ихъ барабановъ казался имъ милѣе русскихъ.

По поводу побѣды при Сикаіоки и Револаксѣ, Бракель описываетъ восторгъ стокгольмцевъ, во время прибытія туда Дункера: «Весь городъ политизируетъ теперь, начиная съ высшаго общества и до уличнаго оборванца-мальчишки. Финская армія пользуется общимъ и единодушнымъ справедливымъ уваженіемъ всѣхъ людей. Какихъ трудностей, какихъ опасностей не перенесла она!» [185]).

Изъ слѣдующихъ строкъ дневника Аспа мы узнаемъ кое-что о житьѣ-бытьѣ финскаго войска этого періода кампаніи: «Здѣсь мы тихо пребываемъ въ тощемъ (magra) Паціоки. Войска обучаются каждое утро. Однако солдаты не выказываютъ неудовольствія, такъ-же какъ и офицеры. Войско, которое держатъ въ заблужденіи, и которое имѣетъ все необходимое, все еще выноситъ терпѣливо скуку тишины. Солдаты забавляются кеглями и шарами, которые они добыли себѣ для развлеченія въ свободное время. Они, однако, жалуются на недостатокъ въ табакѣ и деньгахъ и шутя говорятъ, что убѣгутъ къ русскимъ, чтобъ тамъ раздобыться табакомъ. Изъ Свеаборга прибываютъ черезъ лѣса то одинъ, то другой молодецъ. Хоть-бы скорѣе насъ увели отсюда! Скука, плодъ однообразія, лишаетъ умъ его силы. Никакого опредѣленнаго занятія; ежедневно все послѣобѣденное время пропадаетъ даромъ; ни единой книги. Можно считать себя умершимъ и погребеннымъ. И все-таки и это испытаніе когда нибудь можетъ стать полезнымъ».

Начался періодъ финской славы, финскихъ побѣдъ и золотыхъ надеждъ. Этимъ періодомъ до сихъ поръ полны воспоминанія всего населенія Финляндіи, героями его гордятся, патріотизмомъ его воспитываютъ подростающее поколѣніе. На этомъ періодѣ зиждется самосознаніе финновъ; имъ они живутъ. Кто-же водилъ ихъ къ побѣдамъ? Кто, кромѣ Клингспора и Клеркера, стоялъ въ центрѣ военныхъ событій? Въ рядахъ руководителей этого времени выдѣлились слѣдующія имена. Ветеранъ временъ Густава III «четвертый постоянный партнеръ» за бостоннымъ столомъ Клингспора и въ тоже время представитель совѣсти и сознанія арміи,

красивый высокій финляндецъ, баронъ, позже графъ, Іоганнъ Фредерикъ Аминовъ, владѣлецъ имѣнія Рилаксъ, другъ дѣтства и соучастникъ заговоровъ сѣвернаго Алкивіада—Густава Морица Армфельта. Аминовъ производитъ впечатлѣніе брюзги и очень самодовольнаго критика, съ плохо скрытыми завистью и враждебностью по отношенію къ Адлеркрейцу и съ очень сильнымъ чувствомъ пессимизма и безнадежности въ отношеніи «борьбы противъ подавляющей силы Россіи».

Однако новѣйшіе стратеги и военные критики во многихъ отношеніяхъ признаютъ правильность его воззрѣній на быстрый наступательный образъ военныхъ дѣйствій Адлеркрейца.

Антагонистъ Аминова во время войны и послѣ нея—финляндецъ Карлъ Іоганнъ Адлеркрейцъ получилъ баронство за побѣду при Алаво и графскій титулъ—за завоеваніе Норвегіи. Когда началась война, Адлеркрейцу исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ полонъ силъ и пользовался большой популярностью среди солдатъ и среди высшихъ военачальниковъ, имѣлъ много завистниковъ и критиковъ, которые письменно и устно жаловались на огромное вліяніе, которое онъ оказывалъ на фельдмаршала. Его открытый, привѣтливый, мужественный характеръ, его энергичный способъ веденія войны непреодолимо привлекали солдатъ. Послѣ плѣненія графа Левеніельма, назначенный генералъ-адъютантомъ Адлеркрейцъ явился почти фактическимъ главнокомандующимъ; особенно привлекательнымъ вырисовывается его образъ въ минуты опасности и неудачъ. Въ то время Швеція почиталась финскими офицерами за ихъ отечество, почему Адлеркрейцъ грустилъ объ отторженіи отъ нея Финляндіи. По смерти (1815) этому «финляндскому герою и творцу королей» оказаны были великія почести: его прахъ перенесенъ въ «шведскій Пантеонъ»—въ Риддаргольмскую церковь въ Стокгольмѣ. «И не зайдетъ заря дня рокового, когда его забудутъ Швеціи сыны».

По отзыву шведскаго историка войны 1808—1809 г.г., генерала Норденсвана, во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ Адлеркрейцу суждено было явиться въ роли полководца, но къ этому онъ былъ неспособенъ. Какъ начальникъ бригады онъ могъ отличиться, но для того, чтобы руководить цѣлыми массами, ему не доставало спокойнаго сознанія военачальника. Онъ отдавался первому порыву и бросалъ свои войска не туда, куда слѣдовало, или соблазнялся боевой схваткой въ ущербъ позиціи, какъ это было при Сальми и еще больше при Оравайсѣ, гдѣ, вслѣдствіе его роковой поспѣшности, даже «побѣда стала пораженіемъ».

Другіе наиболѣе выдающіеся герои войны, подобно Клингспору и Клеркеру, родились и выросли не на финской землѣ, а по ту сторону Ботническаго залива. Георгій Карлъ фонъ Дёбельнъ былъ среди нихъ едва ли не самымъ способнымъ и свѣдущимъ. Остальными качествами, украсившими его, были: храбрость, справедливость, рыцарское сердце.

За нимъ слѣдуетъ рослый, статный, образованный и отважный генералъ баронъ Эрнстъ Эбергардъ Готгардъ фонъ Вегезакъ, пріобрѣвшій извѣстность, между прочимъ, тѣмъ, что въ одномъ сраженіи собственноручно застрѣлилъ солдата, обратившагося въ бѣгство, а другого зарубилъ саблей. Когда нижніе чины далекарлійскаго полка обѣщали убить его, онъ отпустилъ часовыхъ, стоявшихъ у его палатки, и спалъ при открытыхъ дверяхъ; этотъ смѣлый образъ дѣйствій совершенно обезоружилъ его озлобленныхъ солдатъ. Вегезакъ обладалъ также способностью «захватить» крестьянъ и солдатъ своей откровенной и рѣшительной манерой и рѣзкимъ языкомъ. Когда однажды нужно было штурмовать крайне опасную русскую позицію, Вегезакъ только сказалъ: «Ну, ребята, теперь держитесь другъ къ другу тѣснѣй, какъ свиньи». Шутка подѣйствовала и редутъ былъ взятъ. Онъ особенно популяренъ въ Эстерботніи, гдѣ простой народъ видѣлъ и узнавалъ въ его мужественномъ и сильномъ словѣ черты и свойства своего собственнаго характера. Существуетъ много анекдотовъ о Вегезакѣ, а маршъ сего генерала до сихъ поръ является традиціоннымъ на шведскихъ крестьянскихъ свадьбахъ въ Эстерботніи.

Слѣдующимъ любимцемъ офицеровъ и солдатъ являлся «блестящій» и храбрый Іоганнъ Августъ Сандельсъ,—недурной стратегъ, политикъ и bon vivant. Въ послѣдствіи онъ дослужился до фельдмаршала.

Къ остальнымъ въ общей массѣ примѣнимы сужденія, высказанныя старымъ бьернеборгцемъ Бракелемъ о своихъ полковыхъ товарищахъ: «Баталіонные командиры были храбрые и честные люди, за которыми я, однако, ничего замѣчательнаго въ военномъ отношеніи признать не могу. Наши солдаты были надежные воины, какъ и вообще всѣ поселенные солдаты, если они находятся подъ командою хорошаго начальника. Выносливостью и доброй волей отличались всѣ; геніевъ не было вовсе. Духъ полка былъ его собственной заслугой. Боялись больше всего суда товарищей и потому стремились заслужить ихъ одобреніе. Это могло привести къ самомнѣнію, но не къ униженію» [186]).

Послѣ декларацiи 16 марта и Высочайшаго манифеста 20 марта главнокомандующему Буксгевдену, черезъ графа Румянцева, было передано повелѣнiе: о приведенiи къ присягѣ жителей; а также посланы присяжные листы вмѣстѣ съ инструкцiей, какимъ образомъ Его Величеству угодно, чтобы присяга сiя была произведена въ дѣйство». И манифестъ 20 марта, и присяга признавалась необходимыми, для устраненiя въ населенiи предположенiй о возможности возвращенiя Финляндiи шведской коронѣ, какъ это дѣлалось прежде съ нѣкоторыми частями края, при Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ. Умѣстно прибавить, что и противоположное воззрѣнiе стало укореняться въ иныхъ мѣстностяхъ. Такъ напримѣръ: день восшествiя на престолъ 17 марта праздновался уже въ Тавастгусѣ, при чемъ пробстъ Сигнеусъ сказалъ проповѣдь на текстъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога», а у губернатора Эмина состоялся обѣдъ, на которомъ провозглашено было здравiе Императора. Въ Або день рожденiя Императора Александра Павловича 12 декабря ст. ст. праздновали общей иллюминацiей... Въ Борго тоже установился режимъ, показывавшiй, что граждане примирились съ новымъ ихъ положенiемъ.

Дѣло о присягѣ имѣетъ свою исторiю, которая весьма замѣтно отразилась на ходѣ завоеванiя края.

Мысль о приводѣ населенiя къ присягѣ принадлежитъ, кажется, графу Буксгевдену. «Его Величество»,—писалъ ему графъ Румянцевъ уже 12 февраля 1808 г.,—«раздѣляетъ мнѣнiе ваше, что для обезпеченiя дальнѣйшихъ дѣйствiй присяга со стороны жителей въ занимаемыхъ провинцiяхъ не только полезна, но и необходима и полагаетъ, что всего лучше употребить при семъ случаѣ обыкновенную присягу на вѣрноподданство, а для того и представляетъ вашему сiятельству истребовать изъ нашей Финляндiи, печатные экземпляры, по которымъ тамъ дѣлается присяга, и оные употребить и въ тѣхъ провинцiяхъ, въ которыя войска наши вступать станутъ» [187]). Для исполненiя воли Государя, въ г. Ловизу къ гражданскому губернатору послано было соотвѣтствующее приказанiе. Для наблюденiя-же за присягой командировались чиновники, но имъ воспрещалось касаться «правъ, преимуществъ и законовъ земли, оставляя дѣйствiе оныхъ въ полной силѣ».

Когда въ обладанiи русскихъ оказался главный городъ Финляндiи, то главнокомандующiй вновь затронулъ вопросъ о присягѣ. Сообщивъ въ Петербургъ, «что несмотря на всѣ усилiя шведскаго

Карлъ Іоганъ Адлеркрейцъ.

Іоганъ Августъ Сандельсъ.

правительства поколебать жителей ко вреду нашему, они выказываютъ къ намъ довѣріе, и кроткое съ ними обхожденіе имѣло большое вліяніе», — Буксгевденъ просилъ о разрѣшеніи привести къ присягѣ. Мѣсяцъ спустя онъ писалъ: «Убѣждаюсь обстоятельствами о безотлагательномъ учиненіи присяги, ибо жители болѣе и болѣе безпокоятся и желаютъ, что бы былъ положенъ конецъ настоящему ихъ положенію» [188]).

Повтореніе явилось напраснымъ. Въ Петербургѣ уже рѣшили дѣло, и министръ иностранныхъ дѣлъ заготовилъ обстоятельный отвѣтъ съ изложеніемъ цѣлаго церемоніала, которымъ должна быть обставлена присяга. Исполненія дѣла возлагалось на самаго графа, которому надлежало: «прибывъ въ сей городъ, повѣстить тамошнему парламенту созвать полное членовъ своихъ собраніе». Далѣе предписывалось составить протоколъ и принять «присягу отъ сего парламента» и подвѣдомственныхъ ему мѣстъ. «При семъ случаѣ повсемѣстно долженъ быть соблюденъ тотъ-же самый обрядъ, какой обыкновенно тамъ употреблялся при перемѣнѣ царствованій» [189]).

«Государь Императоръ совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство, въ особенномъ имѣя попеченіе обращать довѣренность и любовь жителей страны той къ ихъ новому Монарху, изволите принять нужныя мѣры, дабы въ семъ случаѣ по колику возможно предпочтительно употреблены были способы кротости и отдалено всякое насиліе; а дабы происшествіе сіе не имѣло бы ни малѣйшаго вида принужденія, но оказывало бы добровольное на то соглашеніе жителей, то Его Величество желалъ бы весьма, чтобъ на тотъ разъ отдалить даже и войска наши, и ежели бы показалось вамъ не прилично совсѣмъ ихъ вывести изъ города, то по крайней мѣрѣ, чтобъ тамъ они не находились, гдѣ присяга будетъ совершаться. Впрочемъ сіе Его Величество предоставляетъ рѣшенію вашему».

«Сверхъ того Государю Императору угодно, чтобъ по совершеніи присяги ваше сіятельство внушили нѣкоторымъ молодымъ людямъ изъ знаменитѣйшихъ фамилій пріѣхать въ Петербургъ», такъ какъ имѣлось въ виду наградить «сихъ новыхъ подданныхъ, по мѣрѣ усердія ихъ къ своему Монарху и по ихъ достоинствамъ» [190]).

Царское приказаніе графъ Буксгевденъ исполнилъ слѣдующимъ образомъ: Або-Бьернеборгскому губернатору К. фонъ-Тропилю 8—20 мая было объявлено, что «сохраненіе за нимъ должности и его тѣлесная и имущественная безопасность обусловли-

ваются принесеніемъ присяги имъ лично и принятіемъ необходимыхъ мѣръ для приведенія къ присягѣ населенія губерніи». Въ приказѣ гофгерихтамъ значилось между прочимъ: «Если-бы, паче чаянія, кто-либо изъ гейматныхъ землевладѣльцевъ или арендаторовъ по какой-либо причинѣ не пожелалъ защиты своей жизни и своего имущества, то онъ, слѣдовательно, не принесетъ присяги» [191]).

Наконецъ, 9 и 10 мая 1808 г. городъ Або присягнулъ съ большой торжественностью русскому Императору. Въ гофгерихтѣ прислуга была выстроена на лѣстницѣ, гдѣ графа Буксгевдена встрѣтилъ президентъ. Передъ присягой графъ Буксгевденъ, съ особо приготовленнаго мѣста, произнесъ рѣчь, которую началъ заявленіемъ, что «Его Величество Императоръ Всероссійскій, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, возвѣстивши манифестомъ 20 марта Высочайшую волю Свою на всегдашнее присоединеніе къ пространнымъ владѣніямъ Своимъ сей земли, которую побѣдоносныя войска Его заняли цѣною многихъ сраженій, удостоилъ меня уполномочіемъ принять отъ жителей ея присягу вѣрности въ залогъ счастливой перемѣны ихъ жребія»... Въ отвѣтномъ словѣ епископъ Я. К. Тенгстремъ выразилъ живѣйшую признательность за покровительство Государя ихъ религіи и университету.

9—21 мая присягнулъ учительскій персоналъ абоской академіи.

Въ г. Борго присяга также была обставлена извѣстной торжественностью. 10—22 мая 1808 г. жители города, ландсгевдингъ I. X. Лоде, рыцарство и дворянство Кюмменегордской губерніи и депутаты отъ крестьянъ были приглашены въ соборную кирку (domkyrkan), гдѣ они должны были, въ присутствіи генерала Алексѣева, дать вѣрноподданническую присягу Императору Александру I. Во время этой церемоніи войска въ полномъ вооруженіи выставлены были на улицѣ. На слѣдующій день магистрату надлежало представить списокъ тѣмъ жителямъ города, которые не присутствовали при присягѣ. Съ дряхлыхъ и лежавшихъ въ постеляхъ больныхъ пасторы принимали присягу у нихъ на дому. 1—13 іюня Алексѣевъ донесъ, что обрядъ присяги въ Борго съ точностію законченъ [192]).

Съ какими чувствами городскіе жители присягали Монарху, который по праву завоеванія сдѣлался владѣтелемъ края, неизвѣстно. Повидимому, присягу признавали неизбѣжной, и все дѣлалось по приказанію. Наканунѣ приведенія къ присягѣ домпробстъ М. I. Алопеусъ представилъ на французскомъ языкѣ записку, въ

которой излагаетъ свое воззрѣніе на дѣло. Онъ писалъ, что считаетъ себя неосвобожденнымъ отъ долга вѣрности Королю Швеціи, пока Финляндія не уступлена по мирному трактату. Но теперь, когда весь край съ его крѣпостями подпали власти Царя и покоренъ военною силою, и такъ какъ Государь желаетъ навсегда присоединить этотъ край къ русскому государству, то Алопеусъ считалъ своимъ долгомъ, подобно остальнымъ жителямъ, дать требуемую присягу и признать русскій тронъ съ вѣрноподданическимъ послушаніемъ. Сознаніе, что стояли передъ неизбѣжнымъ поворотомъ въ судьбѣ страны было причиной того, что жители столь безпрекословно подчинялись властному слову въ самый разгаръ войны. Всѣмъ было ясно, что разрывъ государственной связи со шведскимъ королевствомъ былъ неустранимъ, и что для Финляндіи наступало новое, хотя пока еще неопредѣленное время.

Вскорѣ послѣ присяги представлены были къ наградамъ за оказанное усердіе епископы Тенгстремъ и Сигнеусъ, президентъ гофгерихта Тандефельтъ, губернаторы: Троиль, Мункъ, Лоде, Ванбергъ и др.

Вообще въ южной части Финляндіи,—исключая, впрочемъ, шхеръ,—присяга прошла безъ сопротивленія. Наиболѣе покорно присягали чиновники. Что касается крестьянъ, то первоначально ставилось условіемъ, чтобы присягали только тѣ изъ нихъ, которые исполняли какія-нибудь общественныя обязанности, являясь, такъ-сказать, должностными лицами (kronobetjeningen), въ родѣ мостовыхъ смотрителей, уѣздныхъ засѣдателей и тому подобныхъ. Но потомъ приказано было Абоскому и Вазаскому гофгерихтамъ объявить, дабы они въ возможно скоромъ времени созвали въ обычныя присутственныя мѣста всѣхъ хозяевъ гейматовъ, заводовъ и т. п., для приведенія ихъ къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству, и составили объ этомъ установленные протоколы [193]).

Съ теченіемъ времени приказы Буксгевдена становились болѣе грозными и въ нихъ стали попадаться указанія на то, что если кто-либо изъ чиновниковъ или духовенства, а также хозяевъ гейматовъ, по прошествіи семи дней не присягнетъ, то лишены будутъ своихъ мѣстъ и гейматовъ, которые перейдутъ къ «присягнувшимъ подданнымъ Царя».

«Удивительно,—писалъ Спренгтпортенъ гр. Румянцеву,—что стараются запутать такую простую вещь, какъ эта, тѣмъ, что желаютъ принудить (faire prêter) къ присягѣ, къ которой побуж-

даетъ наша собственная безопасность, и требованіе которой является законнымъ правомъ сильнаго; сами жители желаютъ принести присягу, но для приведенія ея въ исполненіе недостаетъ только формы и повелѣнія».

Чиновные люди всѣхъ классовъ, отъ 16 до 70 лѣтняго возраста, обязаны были запастись свидѣтельствомъ о томъ, что дали присягу, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть причисленными къ «преступнымъ лицамъ», лишившимъ себя «всякой безопасности по отношенію къ жизни и имуществу»; кромѣ того, имъ угрожало обращеніе, какъ съ «безпокойными людьми».

Начальникъ Вазаской губерніи Ванбергъ рапортовалъ Буксгевдену, что жители въ его губерніи неохотно подчиняются Высочайшему повелѣнію и объявили, что шведскія войска скоро освободятъ ихъ. Гражданскій губернаторъ въ г. Вазѣ желалъ, чтобы присяга прошла успѣшно, но, къ сожалѣнію, прибѣгнулъ для этого именно къ такимъ мѣрамъ, которыя были воспрещены Императоромъ. Губернаторъ устраивалъ различные военные сборы, чтобы импонировать и нагнать страхъ: выдвинуты были пушки, съ горящими фитилями, на городской площади маршировали войска по всѣмъ направленіямъ, кавалерія устроила скачку на улицахъ города и т. п.; говорятъ, что нѣкоторыя лица дѣйствительно были смущены подобными демонстраціями, а потому приступили къ присягѣ [194]).

Послѣ битвы при Лемо, графъ Буксгевденъ 21 іюня 1808 г. объявилъ, что каждый, кто желаетъ обезопасить свою жизнь и имущество и кто не далъ еще присяги на вѣрноподданство, немедленно долженъ былъ это сдѣлать и представить о томъ свидѣтельство.

Ассесоръ, впослѣдствіи графъ, Р. Г. Ребиндеръ находился въ то время въ своемъ имѣніи, но случайно прибылъ 19 іюня н. ст. вечеромъ въ Або. Поэтому онъ имѣлъ возможность въ своихъ запискахъ, относительно сраженія при Лемо и находящихся въ связи съ нимъ событій, сообщить черты, освѣщающія положеніе и особенно настроеніе низшихъ классовъ населенія. Присяга на вѣрноподданство, которую незадолго до того вынудили дать русскому Государю, въ высшей степени увеличила ненависть къ русскимъ, какъ горожанъ, такъ и сельскаго населенія. Когда изъ Лемо послышались выстрѣлы, низшіе слои городского общества собрались толпами на близнаходящейся горѣ, чтобъ слѣдить за ходомъ сраженія. Увѣрены были, что побѣда будетъ на сторонѣ шведовъ, и Ребиндеръ,—который вмѣстѣ

съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей вмѣшался въ толпу,—слышалъ, какъ радовались той мести, которая обрушится на «господъ», такъ какъ они, по ихъ мнѣнію, помогали русскимъ. Особенно ненавидѣли и проклинали губернатора фонъ-Троиля; поговаривали о томъ, чтобы взять его въ плѣнъ и разорить его домъ. Во всякое время можно было ожидать возстанія въ городѣ [195]).

Въ своемъ дневникѣ «Souvenirs de ma vie» Ребиндеръ возвращается къ вопросу о присягѣ, осуждая ея требованія русской властью. «Распоряженіе о присягѣ,—писалъ Р. Ребиндеръ,—мнѣ всегда казалось настолько-же поспѣшнымъ, какъ безполезнымъ и немудрымъ. Это распоряженіе, кажется, исходило отъ Ладо», состоявшаго правителемъ канцеляріи графа Буксгевдена.

«Какое трогательное и нѣжное распоряженіе,—восклицаетъ Ребиндеръ далѣе на страницахъ своихъ мемуаровъ,—объявить крестьянина, не желающаго присягнуть, стоящимъ внѣ закона, иначе говоря, безнаказанно можно будетъ покушаться на его жизнь и ограбить его! Поэтому, когда наши крестьяне давали присягу, то они втихомолку разсуждали такъ: чѣмъ рисковать жизнью и имуществомъ, мы сегодня присягаемъ на вѣрность Россіи, а завтра присягнемъ Швеціи, послѣ-же завтра турку, если обстоятельства того потребуютъ. Учить такимъ образомъ своихъ новыхъ подданныхъ играть присягой,—замѣчаетъ онъ въ заключеніе,—значитъ подвергать себя опасности не быть увѣренной въ ней» [196]). Подобно С. Е. Bladh'у въ его «Воспоминаніяхъ», Ребиндеръ объясняетъ причину извѣстной крестьянской войны въ Вазаской губерніи главнымъ образомъ повелѣніемъ дать присягу на вѣрноподданство, и замѣчаетъ, что вообще жители были менѣе покорны и мирны послѣ присяги, чѣмъ до нея.

Упомянутый выше современникъ, — сынъ купца Блада — писалъ въ своей книгѣ: «Въ Финляндіи русское правительство сдѣлало ту безнравственную и неполитическую ошибку, что—во время самаго разгара войны, и прежде чѣмъ еще рѣшена была участь края,—заставило населеніе присягать на вѣрноподданство русскому Царю, несмотря на то, что по вѣковому опыту оно должно было знать о привязанности его къ Швеціи и ея коронѣ. Пусть не думаютъ, что присяга дана была добровольно финскимъ народомъ, хотя безпрепятственно она была взята у населенія южной Финляндіи! Тамъ крестьяне находятся въ зависимости отъ какой-то феодальной системы и ихъ отдаленное положеніе отъ театра войны дѣлало то, что они болѣе и болѣе

вѣрили въ выдумку о невозможности сопротивленія русской власти, но и среди помѣщиковъ, какъ изъ дворянъ, такъ и не дворянъ, по всей вѣроятности, лишь нѣкоторые готовы были присягнуть русской власти; а присяга, данная большинствомъ пасторовъ и гражданскихъ чиновниковъ, зависѣла отъ занимаемаго имъ положенія. Когда присягу потребовали отъ жителей Эстерботніи, то они, какъ крестьяне, такъ и господа, упорно сопротивлялись ей».

Итакъ, во многихъ случаяхъ приводъ къ присягѣ не далъ ожидаемыхъ результатовъ. Но объяснять возстаніе въ Эстерботніи исключительно требованіемъ присяги было бы неправильно. Несомнѣнно, что въ Эстерботніи менѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ края склонны были присягнуть на вѣрность Императору Александру. Главная-же причина кроется въ томъ, что требованіе присяги на вѣрность русскому Монарху почти совпало здѣсь съ первыми шведскими успѣхами. Швеція къ тому времени успѣла произвести двѣ попытки высадки новыхъ войскъ на берега Финляндіи, а финскія войска при Револаксѣ одержали замѣтную побѣду надъ русскими. Воскресла надежда на ихъ изгнаніе. И такъ какъ въ финскомъ народѣ крѣпка была преданность шведской коронѣ, то первая-же удача оживила населеніе. Шведы, успѣвъ нѣсколько оправиться, стали призывать населеніе къ оружію. Шведская прокламація называла присягу «неслыханнымъ нарушеніемъ» со стороны гражданъ, такъ какъ миръ не былъ еще заключенъ. Начальникъ финскихъ войскъ Клингспоръ совѣтывалъ крестьянамъ не ходить въ церковь въ тотъ день, когда назначена была присяга, и пояснилъ, что вынужденная присяга не имѣетъ обязательной силы. Призывъ прозвучалъ не напрасно и многіе изъ тѣхъ, которые отказались отъ присяги, по отдаленнымъ лѣснымъ дорожкамъ бѣжали на сѣверъ, чтобъ тамъ снова сразиться съ русскими.

«Тѣ изъ подданныхъ Вашего Величества,—пишетъ Клингспоръ 30 іюня н. ст. 1808 г.,—которые присягнули на вѣрноподданство русскому Царю, какъ въ приходахъ Педерсэре, Кронобю, такъ и Ню-Карлебю, теперь, послѣ указанныхъ событій, съ великой радостью снова дали присягу на вѣрноподданство Вашему Королевскому Величеству».

Вопросъ о присягѣ подвергся разнообразной оцѣнкѣ: одни осуждали эту мѣру, другіе иронизировали и припоминали, что во время войны 1741 г. жители Або три раза присягали, а потому полагали, что она не несетъ никакихъ иныхъ обязательствъ, исключая требованія тихо и мирно вести себя во время войны.

И такое обязательство они считали возможнымъ, безъ оскорбленія вѣрноподданнической присягѣ Швеціи и безъ отказа отъ надежды быть вновь присоединеннымъ къ шведской коронѣ. Форма присяги, писалъ Аспъ, почти слово въ слово та-же, какая съ оружіемъ въ рукахъ прочитана была полякамъ, при дѣленіи ихъ царства.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что присяга принесла свою долю пользы въ дѣлѣ покоренія Финляндіи. Объ этомъ имѣется наглядное свидѣтельство, высказанное въ разгарѣ самой войны аудиторомъ Бьернеборгскаго полка Аспомъ въ его дневникѣ.

«Русскіе употребляли также психологическія, весьма дѣйствительныя средства, чтобы удержать за собой Финляндію. Приведеніе къ присягѣ, притворная увѣренность о вѣчномъ владѣніи, о которой говорилось во всѣхъ ихъ объявленіяхъ, геометрическій расчетъ о невозможности для Швеціи вернуть страну отъ могущественной Россіи, распоряженія объ арендѣ усадьбъ-бостелей, и имъ подобныя мѣропріятія, которыя показывали, что русскіе здѣсь хозяева, имѣло послѣдствіемъ то, что недальновидный народъ, наконецъ, повѣрилъ, что такъ должно быть, опустилъ руки и сживался съ мыслью, что онъ сдѣлался русскимъ, сталъ считать себя связаннымъ вынужденной присягой и началъ, если и не соблюдать русскіе интересы, то по крайней мѣрѣ равнодушнымъ къ шведскимъ. Если ко всему этому присоединить офиціально объявленное обѣщаніе вознаградить потери народа, причиненныя русской арміей, обходительность русскихъ въ средней части страны, осторожность ихъ военныхъ операцій у тѣхъ, которые были недовольны шведскимъ правительствомъ и своимъ прежнимъ положеніемъ, и у тѣхъ, которые соблазнились русскими прокламаціями, то окажется, что присоединеніе Финляндіи къ Россіи произошло скорѣе благодаря хитрости, чѣмъ силѣ».

15 февраля 1809 г. генералъ-отъ-кавалеріи Обрѣзковъ I донесъ изъ Выборга военному министру Аракчееву, что «шефъ Выборгскаго гарнизона ген.-м. Дежерве (Де-Жерве)» находился въ новоприсоединенной Кареліи, «для приведенія того края въ устройство» и теперь, возвратясь, донесъ, что «въ пребываніи его тамъ всѣхъ кирхшпилей жители приведены на подданство Россіи къ присягѣ» [197]).

«Имѣю удовольствіе повторить вамъ, — писалъ 11 марта Спренгпортенъ графу Румянцеву,—что настроеніе всюду клонится къ тому, чтобы принадлежать намъ. Помѣщики-дворяне еще коле-

блются между чувствомъ долга и личными интересами; опасеніе быть возвращенными Швеціи мѣшаетъ имъ высказываться въ слухъ, но я ихъ въ этомъ отношеніи успокаиваю и думаю, что не ошибаюсь». Спренгпортенъ въ значительной степени фантазировалъ и истиннаго настроенія населенія не зналъ. Обстоятельства скоро показали, насколько это настроеніе всюду клонилось не въ нашу, а въ шведскую сторону.

Въ началѣ войны жители края не имѣли повода жаловаться на отношенія къ нимъ русскихъ. Случаи насилія, грабежа и безпорядка наказывались, какъ только дѣлались извѣстными нашему начальству. Крестьяне не смѣли сопротивляться, считая русскихъ непобѣдимыми. Но послѣ неудачи Кульнева при Сикаіоки, истребленія отряда Булатова, плѣна Обухова и отступленія Тучкова, Финляндія воспрянула.

До этихъ событій шведскимъ властямъ не удавалось поднять народа. Въ указѣ Густава IV отъ 14 марта 1808 г. говорилось, что восточная граница захвачена враждебнымъ Россійскимъ государствомъ и потому «всѣ холостые и здоровые молодые люди отъ 18 до 25-лѣтняго возраста, къ какому бы сословію они ни принадлежали, должны быть готовы взяться за оружіе для спасенія отечества». Затѣмъ посланные изъ Стокгольма, отъ имени Короля, стали призывать крестьянъ къ оружію и къ нанесенію русскимъ всякаго вреда. Подъ страхомъ немилости крестьянамъ внушали хватать и убивать всѣхъ попадающихся имъ русскихъ военныхъ и курьеровъ, задерживать обозы съ припасами, а также арестовывать всѣхъ финляндцевъ, присягнувшихъ на вѣрноподданство русскому Царю. Король раздѣлялъ съ крестьянами южной Эстерботніи убѣжденіе, что всѣ финны, принесшіе присягу Царю, суть государственные измѣнники.

Клингспоръ послѣ нѣкоторыхъ колебаній также сталъ взывать къ помощи поселянъ и распространялъ прокламаціи. Призывы къ возстанію облетали страну, но оружіемъ и аммуниціей правительство не было въ состояніи снабжать крестьянъ. Колебанія Клингспора понятны поэтому изъ словъ генерала Аминова: «Поощрять народное возстаніе въ то время, когда мы не были въ состояніи поддержать его, значило предавать жителей всѣмъ бѣдствіямъ мщенія русскихъ».

Мало-по-малу шведскія прокламаціи возымѣли свое дѣйствіе. Недалеко отъ Улеоборга русскіе узнали, что настроеніе крестьянъ относительно ихъ значительно измѣнилось. Раньше крестьяне исполняли просьбы чиновниковъ и безпрекословно перевозили наши

Сраженіе при Кагулѣ.

фуры. Но Клингспоръ запретилъ населенію исполнять русскія требованія, и картина измѣнилась. Со всѣхъ концовъ увѣдомляли, что крестьяне не даютъ лошадей и даже сопротивляются съ оружіемъ въ рукахъ. Это противодѣйствіе населенія получило новую силу, когда Клингспоръ издалъ 1-го мая воззванія къ жителямъ Эстерботніи, съ просьбой помогать арміи и причинять непріятелю вредъ и убытки [198]). Письма маркиза Паулуччи свидѣтельствуютъ, что крестьяне Эстерботніи готовы были ретиво содѣйствовать арміи въ дѣлѣ изгнанія русскихъ.

Кромѣ шведскихъ воззваній и успѣховъ финскаго оружія на сѣверѣ, ближайшими поводами къ возстанію крестьянъ были: высадка нѣсколькихъ шведскихъ отрядовъ на берега Финляндіи и, наконецъ, неразумное распоряженіе русскихъ властей, желавшихъ рисоваться въ разгарѣ войны своими гуманными чувствами, почему отпустили на волю гарнизоны взятыхъ крѣпостей Свартгольма и Свеаборга. Уволенные по лѣсамъ и тропамъ пробрались на сѣверъ и выжидали благопріятнаго момента.

Объ этихъ ближайшихъ источникахъ, питавшихъ крестьянское возстаніе, очевидецъ писалъ: «Послѣ двухсуточнаго пребыванія моего въ Або, длинныя финскія сани мчали уже меня по пустыннымъ и снѣжнымъ озерамъ и холмамъ, между скалами и дремучими лѣсами Финляндіи. Я скакалъ въ Вазу. Въ это время народонаселеніе было равнодушно и еще спокойно. Жители не питали къ намъ еще ни малѣйшей злобы. Курьеры и всякаго рода обозы проѣзжали столь же безопасно, какъ въ серединѣ Россіи. Вскорѣ, отпущенные восвояси главнымъ начальствомъ нашимъ гарнизоны Свеаборга и Свартгольма и неудачи войскъ нашихъ все измѣнили» [199]).

Подъ прикрытіемъ небольшой эскадры, состоявшей изъ мелкихъ судовъ, у мыса Лемо, 19-го іюня н. ст. высадился отрядъ въ 2,000 чел., большею частью необученныхъ людей. По поводу этого отряда графъ Буксгевденъ писалъ: «Господинъ Алопеусъ— бывшій посланникъ Россіи въ Стокгольмѣ—сообщаетъ, что назначенные для нападенія на Або солдаты состояли изъ рекрутовъ, которые никогда не бывали на войнѣ; но повидимому ему неизвѣстно, что всѣ эти добровольцы суть отличные стрѣлки и воинственные жители береговъ и острововъ, которые всю свою жизнь занимались охотой и другими дѣлами, требующими отваги и искусства; онъ не знаетъ, что въ Финляндіи линейное войско приноситъ менѣе пользы, чѣмъ искусные тиральеры, которые сумѣютъ воспользоваться каждымъ камнемъ и кустомъ, обстоя-

тельство, доказательствомъ которому служитъ огромное число раненыхъ на нашей сторонѣ [200]).

Трудно, конечно, прослѣдить, какъ мелкіе ручейки возстанія изъ разныхъ крестьянскихъ захолустій и одинокихъ торпъ образовали одинъ весьма сильный потокъ «Вандейской войны». Устанавливается только, что первыя наиболѣе замѣтныя скопленія вооруженныхъ обывателей были обнаружены около тѣхъ десантныхъ отрядовъ, которымъ удалось высадиться, какъ въ Эстерботніи, такъ и на югѣ. Затѣмъ успѣхи Сандельса около Куопіо подняли кареловъ. Шведское населеніе Вазаской губерніи, благодаря языку, происхожденію и прямымъ дѣловымъ сношеніямъ, находилось въ особенно тѣсномъ общеніи со Швеціей, и кромѣ того это населеніе получило первую помощь, въ видѣ 12-ти-тысячнаго отряда флигель-адъютанта полковника Бергенстроле, который 25-го іюня н. ст. высадился къ сѣверу отъ города Вазы. Этимъ объясняется, что именно здѣсь съ особой силой вспыхнуло пламя возстанія. Къ отряду Вегезака, высадившемуся около Або, также присоединились крестьяне ближайшихъ островныхъ приходовъ. Возстаніе проявлялось въ разныхъ мѣстахъ и вскорѣ огненной полосой охватило все побережье Эстерботніи.

Крестьяне вооружались чѣмъ могли: охотничьими ружьями, дубинами, копьями, топорами, косами и даже простыми заостренными кольями. Къ палкамъ они привязывали свои ножи пуукко.

Кельвіоскіе крестьяне (изъ окрестностей Гамлакарлебю), числомъ въ 180 человѣкъ, подъ предводительствомъ воинственнаго сына крестьянина Іаакко Суонпэре, вырядились въ портупеи изъ еловой коры и въ свои круглыя войлочныя шляпы воткнули перья или выкрашенныя палочки, почему издали ихъ можно было принять за регулярныхъ Саволакскихъ егерей. Мѣстами они воздвигли укрѣпленія, похожія на батареи, съ вымазанными сажей бревнами, которыя издали казались пушками. Подобное укрѣпленіе соорудили крестьяне изъ Кельвіо, причемъ лафетомъ служилъ станокъ отъ старой вѣтряной мельницы. Въ лагерѣ около моста Тобю (Toby bro) также устроили батарею, въ амбразуры которой вставлены были три срубленныхъ бревна, съ концами покрытыми черной краской. Въ одномъ мѣстѣ, за неимѣніемъ лафета, небольшая пушка была привязана къ нижней части обыкновенной крестьянской одноколки. Крестьяне, сторожившіе у Финбю (Finby bro), устроили на колокольнѣ наблюдательную вышку [201]).

Руководили крестьянскими шайками случайные люди, то отставные унтеръ-офицеры и солдаты, то школьные учителя, то

пасторы, но чаще лица, выдвинувшіяся изъ той же крестьянской среды своей энергіей, предпріимчивостью и храбростью.—Иногда во главѣ возставшихъ становились офицеры (напр. Риддеріерта, Мальмъ, Якобсонъ и др). Не владѣльцы гейматовъ командовали крестьянской арміей, а «самые худшіе отбросы и распутники деревни»,—какъ называетъ ихъ Бладъ,—торпари, бобыли и чернорабочіе, особенно изъ приморскихъ деревень, гдѣ они ничѣмъ не рисковали.

Благочестіе, бывшее отличительной чертой эстерботнійца, сказалось въ томъ, что въ одномъ лагерѣ (у Нерпеса) крестьяне каждое утро и вечеръ собирались на молитву, иногда даже въ присутствіи пастора. Захваченную добычу, при строгой эстерботнической честности, представляли своему начальству, шведскимъ офицерамъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. Якобсонъ) не обладали такими качествами, чтобы имъ можно было довѣрить общее достояніе.

Похвальныя качества эстерботнійцевъ не помогли, однако, водворенію среди нихъ должной дисциплины. Крестьяне не желали повиноваться требованіямъ временнаго и случайнаго начальства и по своему усмотрѣнію ходили по окрестностямъ, ловя русскихъ и ихъ друзей, т. е. финляндцевъ, присягнувшихъ на вѣрноподданство Императору Александру I. «Чѣмъ я хуже другихъ» говорилъ каждый изъ нихъ, отказываясь повиноваться собрату по дѣлу. Недисциплинированность возмутившихся бандъ была причиной ихъ скорой гибели, при встрѣчѣ съ регулярными войсками. Дружный натискъ обыкновенно вызывалъ безпорядокъ въ крестьянской средѣ и обращалъ ихъ въ бѣгство. Однажды старый унтеръ-офицеръ (Pihl), принявшій на себя начальствованіе, поклялся показать всякимъ «рыцарямъ заячьяго сердца» и всякимъ зайчатамъ, какъ дрались прежде, при королѣ Густавѣ III, и когда его сотоварищи побѣжали, онъ повернулъ на нихъ пушку и, помахивая горящимъ фителемъ, крикнулъ громовымъ голосомъ: «стойте, ребята, или стану стрѣлять». Многіе вернулись и помогли храбрецу спасти пушку [202]).

Въ одиночку и въ засадѣ крестьяне представляли серьезную опасность, благодаря тому, что они часто являлись отличными стрѣлками и выносливыми работниками.

Не мало доставалось отъ нихъ пасторамъ, земской полиціи и другимъ привилегированнымъ лицамъ, давшимъ присягу вѣрности русскимъ властямъ. Этихъ пасторовъ и лицъ они ловили, преслѣдовали, или представляли на судъ своихъ начальниковъ.

Блюстители закона и порядка нерѣдко поэтому спасались бѣгствомъ, вслѣдствіе чего общественныя связи обрывались, и водворялся хаосъ. Для дерзкихъ и злобныхъ крестьянъ являлось большимъ соблазномъ играть роль барина. Особенно это лежало въ характерѣ эстерботнійца. Карлъ Бладъ со своимъ товарищемъ студентомъ отправились къ пасторскому дому, чтобъ спасти часть движимаго имущества отъ раззоренія. Тамъ они увидѣли, какъ крестьяне входили и выходили изъ комнатъ съ шляпой на головѣ, валялись на мебели и забавлялись игрой на рояли. «Теперь мы всѣ равные» сказалъ одинъ изъ нихъ студенту.

Вслѣдствіе недисциплинированности крестьянской толпы, шведскимъ офицерамъ приходилось иногда такъ трудно, что они «теряли голову» и пытались незамѣтно отдѣлаться отъ нея разными способами. Но уйти было не легко. «Такъ какъ вы, капитанъ», сказалъ крестьянинъ офицеру Риддеріерта, «сманили насъ и поставили въ опасность, то и ваши солдаты должны остаться здѣсь. Ни одинъ не смѣетъ уйти. Если кто это сдѣлаетъ, то онъ будетъ застрѣлянъ на мѣстѣ. Вы насъ обманули и сманили для опаснаго и рискованнаго предпріятія, которое навѣрное погубитъ насъ. Потому вы должны раздѣлить нашу участь».

Клингспоръ, обрадованный дѣйствіями эстерботнійцевъ, послалъ генерала Аминова на югъ, для приведенія въ порядокъ военной затѣи крестьянъ. 11-го іюля Аминовъ собралъ населеніе изъ мѣстности Нерпеса и его окрестностей; крестьяне обѣщали выставить ополченіе подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ, но его нельзя было выводить за предѣлы собственнаго округа.

Наиболѣе замѣтными очагами возстанія явились слѣдующія мѣстности. Въ окрестностяхъ Таммерфорса партизаны дѣйствовали подъ командой унтеръ-офицеровъ Бьернеборгскаго полка Рута (Roth) и Спува (Spof). Они имѣли подъ своимъ начальствомъ отъ 40 до 50 солдатъ, къ которымъ присоединились нижніе чины Свеаборгскаго гарнизона и большое количество вооруженныхъ крестьянъ. Послѣдніе не всегда добровольно примыкали къ возстанію. Иногда ихъ подстрекали разными угрозами. Имъ говорили, напримѣръ, «если не возьмутся за оружіе, то будутъ повѣшены у своихъ же воротъ». Разсказываютъ, что и Рутъ, а въ особенности его жестокій капралъ Кортманъ, прибѣгали къ подобнымъ угрозамъ. На островахъ озера Руовеси «адмиралъ» Рутъ отобралъ всѣ лодки и паромы и на нихъ предпринималъ свои разбойничьи наѣзды. На сушѣ его банды сжигали мосты, захватывали транспорты, убивая конвойныхъ. Дерзость Рута простерлась такъ далеко, что онъ рѣшился

напасть на Таммерфорсъ, пытаясь отнять его у русскихъ. Только послѣ десяти-часовой горячей схватки, въ которой приняла участіе также и наша артиллерія, коменданту удалось отбить аттаки полчищъ Рута и Спува. Вообще-же они своими набѣгами причинили много вреда русской арміи. Они учреждали засады, а на островахъ озеръ устраивали мѣста для склада оружія и безопасныя убѣжища, какъ писалъ Михайловскій-Данилевскій. Сопротивленія партизаны не встрѣчали, сочувствіе же населенія сопровождало ихъ повсюду. Истребить ихъ было почти невозможно, въ виду тѣхъ убѣжищъ, которыя они находили въ недоступныхъ мѣстахъ.

Партизаны въ нѣсколько дней отрѣзали Раевскому всѣ сообщенія и подвозы. Не получая провіанта, солдаты ходили по окрестностямъ добывать себѣ пропитаніе, скребли землю, доискиваясь картофеля, кореньевъ, грибовъ. Графъ Каменскій, отправляясь изъ Гельсингфорса къ своему отряду, едва не былъ схваченъ партизанами. Первыя недѣли послѣ сраженія при Лаппо были полны заботъ для русскаго главнокомандующаго. Его удрученное настроеніе отразилось въ рапортѣ, представленномъ 19—31 іюля Монарху изъ Або.

Генералъ Сандельсъ оставилъ вооруженныя толпы крестьянъ въ лѣсахъ, вокругъ Куопіо, подъ начальствомъ шведскихъ офицеровъ, приказавъ имъ истреблять нашихъ фуражировъ и наши выдвинувшіеся впередъ посты. Эти партизаны, пишетъ Ѳ. Булгаринъ, отлично исполняли свое дѣло. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставлялъ насъ высылать фуражировъ на далекое разстояніе. Каждая фуражировка стоила намъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

На каждомъ шагу намъ представлялись новыя препятствія, а шведамъ новыя средства къ защитѣ. Превосходство нашей числительной силы было намъ даже въ тягость въ странѣ, гдѣ нельзя было дѣйствовать иначе, какъ малыми отрядами или узкимъ фронтомъ. Дороги шли между лѣсами, болотами и оврагами и были пересѣкаемы множествомъ ручьевъ. «Сандельсъ, въ своемъ отступленіи, жегъ мосты, перекапывалъ дороги, заваливалъ ихъ засѣками и, какъ стаями хищныхъ птицъ, окружилъ нашъ корпусъ вооруженными крестьянами и партіями Саволакскихъ стрѣлковъ, знавшими всѣ тропинки».

Для нападенія на русскія войска, до прибытія регулярныхъ финскихъ войскъ, въ Іоккасѣ также призваны были къ оружію всѣ способные носить его люди. Ихъ набралось до 200 чел. Какъ

и всюду они вооружались въ зависимости отъ средствъ и обстоятельствъ; кому данъ былъ большой ножъ, кому коса или вила, а тѣ, кому досталось кремневое ружье, считались хорошо вооруженными и ставились въ передніе ряды. На предводителя толпы натянули старый ленсманскій мундиръ съ свѣтлыми пуговицами, чтобъ ему возможно было выступить съ бо̀льшимъ авторитетомъ [203]).

Въ Кареліи среди возставшихъ выдѣлился Тіайненъ, собравшій вокругъ себя весьма внушительную силу. Многіе карелы жили охотой и рыбной ловлей; они закалили себя въ безпрестанныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, требующихъ дерзкой отваги и умѣнья обращаться съ оружіемъ. Карелы считали себя нравственно обязаными вооружиться. По своимъ привилегіямъ они освобождались отъ платежа податей на содержаніе войска, но за то обязаны были, въ случаѣ вторженія непріятеля, вооружаться на защиту своего края. Главная агитація шла въ піелисскомъ, пломанцкомъ и либелицкомъ приходахъ, гдѣ дѣйствовалъ энергическій либелицкій пасторъ Винтеръ.

Крестьяне собрались на общую сельскую сходку въ Піелисѣ. Они «горько сожалѣли, что на любимаго короля войною напалъ русскій Царь, и потому обѣщали защищать границы села на собственномъ иждивеніи и въ своей одеждѣ, точно такъ, какъ это было сдѣлано въ послѣднюю войну» [204]).

Тіайненъ назначенъ былъ пограничнымъ капитаномъ и получилъ отъ Сандельса офицерскую внсячую саблю. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было выдано около сотни ружей.

Кромѣ оружія и аммуниціи, привезеннаго капитаномъ Тіайненомъ изъ Куопіо на двухъ саняхъ, жители Піелиса съ прошлой (1788 г.) войны имѣли около 130 оружій, которыя вмѣстѣ съ штыками оставались въ двухъ ящикахъ на хорахъ въ церкви. Съ того-же времени осталась у нихъ аммуниція въ ямѣ подъ церковью. Финны и здѣсь украсили свои шляпы и куртки кокардой и бантомъ изъ бересты.

Легендарный партизанъ Тіайненъ незамѣченный пробрался съ нѣсколькими своими молодцами къ Іоэнсу и, въ ночь съ 25-го на 26-е октября, внезапно окруживъ квартиру губернатора Кареліи Отто фонъ-Фюрстенберга, выкралъ его вмѣстѣ съ помощникомъ и переводчикомъ и увезъ. Вскорѣ однако генералу Гернгросу удалось возвратить плѣнниковъ и очистить отъ партизанскихъ бандъ всю Верхнюю Карелію. Въ то же время онъ заставилъ пасторовъ приводить населеніе къ присягѣ на вѣрность русскому престолу.

Тіайненъ покинулъ Карелію и перебрался въ Эстерботнію, гдѣ занялъ Каянскій округъ. Гернгросъ настолько неустанно его преслѣдовалъ, предпринимая безчисленныя поиски по всѣмъ направленіямъ, что въ теченіе шести дней сдѣлалъ болѣе 400 верстъ. Ловкій Тіайненъ ускользалъ, словно покрытый шапкой-невидимкой.

Слава Тіайнена, Дункера, Мальма и др. отважныхъ партизановъ сдѣлалась достояніемъ народныхъ финскихъ пѣсенъ и легендъ.

На Аландѣ ленсманъ Аренъ и помощникъ пастора Гуммерусъ подняли въ апрѣлѣ населеніе противъ отряда полк. Вунча, заставивъ его положить оружіе и поднять бѣлый флагъ. «Всѣ русскіе, находившіеся на островѣ, были взяты». Здѣсь, по словамъ Вунча, «непріятельскія толпы состояли изъ вооруженнаго, взбунтованнаго народа, который, по обнаруженному ихъ нраву и поступкамъ, должно сравнить съ морскими разбойниками. Подъ начальствомъ морскихъ офицеровъ и по природному навыку къ огнестрѣльному оружію и мореходству, дѣйствовали онѣ съ искусствомъ и храбростью, какъ ожидать можно отъ образованныхъ войскъ, а въ непродолжительномъ послѣ того времени оные же самые люди, подъ названіемъ Аландской милиціи, соединясь съ регулярными войсками, дѣлали на наши берега разныя покушенія и, въ бытность короля шведскаго на Аландѣ, составляли его караулъ и находились всегда въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ» [205]).

Итакъ, въ періодъ успѣховъ шведскаго оружія Финляндія отъ Эстерботніи до Кареліи была покрыта партизанскими шайками. При каждомъ финскомъ отрядѣ войскъ находились толпы вооруженныхъ крестьянъ, получавшихъ съ половины іюля продовольствіе отъ казны. Михайловскій-Данилевскій предполагаетъ, что численность крестьянъ у Клингспора доходила до 6 тыс., у Дебельна—до $1\frac{1}{2}$ тыс., а у Сандельса—до 2 тыс. карельскихъ стрѣлковъ, слѣдовательно, возставшіе крестьяне представляли силу въ $9\frac{1}{2}$ тыс. человѣкъ. Начались ужаснѣйшія послѣдствія всякаго возстанія и вмѣшательства крестьянъ въ военныя операціи.

По признанію самихъ финляндскихъ современныхъ писателей, въ Эстерботніи существуетъ много мѣстныхъ преданій о плѣненіи и часто неразумныхъ и безчеловѣчныхъ избіеніяхъ русскихъ курьеровъ и солдатъ.—Эстерботнійская крестьянская война представляетъ смѣсь любви къ родинѣ, низкаго корыстолюбія, необдуманной спеси и безумной національной ненависти. Не было иногда пощады ни мирному коробейнику, ни предпріимчивому маркитанту. Естественно, что все это въ свою очередь вызывало страшную

месть со стороны оскорбленныхъ [206]). Уводъ въ плѣнъ фонъ-Фюрстенберга также не могъ остаться безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, учиняли безчинства раздраженные крестьяне, съ другой—дѣйствовали солдаты, руководимые чувствомъ мести. Только вмѣшательство «господъ» и начальниковъ въ состояніи было иногда предупреждать кровавыя послѣдствія. «Русскіе безпощадно были разстрѣливаемы крестьянами, которые, благодаря своей національной ненависти, не научились понимать, что и русскіе воины были люди, которые боролись и умирали за царя и отечество, исполняя свой долгъ, и что они часто на чужбинѣ, среди враждебнаго имъ народа, просто на просто вынуждались обстоятельствами «брать» отъ крестьянъ пищу и все необходимое, согласно суровымъ обычаямъ войны. Въ Вирдойсѣ русскіе сами сожгли свои запасы, при приближеніи толпы, и бѣжали къ главной арміи [207]).

Едва-ли не первыми пострадали гвардейскіе казаки.—Эстерботнійцы неожиданно напали на нихъ. Однихъ увели въ плѣнъ, причемъ крестьяне, переодѣтые въ ихъ красные казачьи мундиры, слѣдовали верхомъ съ саблями черезъ плечо. Другіе семьдесятъ человѣкъ лейбъ-казаковъ изъ отряда графа Орлова-Денисова, захваченные поселянами врасплохъ на морскомъ берегу, были мучительски умерщвлены. «Я самъ видѣлъ,—пишетъ Ѳ. Булгаринъ,—яму, въ которой подъ грудою угольевъ, найдены кости нашихъ несчастныхъ казаковъ. Говорятъ, что поселяне бросали въ огонь раненныхъ, вмѣстѣ съ мертвыми. Нѣкоторые пикеты, явно аттакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силою бунтовщиковъ и изрублены топорами въ мелкіе куски. Находили обезглавленные трупы нашихъ солдатъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла умерщвленныхъ измѣннически нашихъ солдатъ висѣли на деревьяхъ, у большой дороги. Народная война была въ полномъ разгарѣ. Усмирить бунтовщиковъ было невозможно» [208]).

Главная драма возстанія разыгралась на улицахъ и площадяхъ города Вазы. «Число русскихъ и шведовъ было почти равное, но шведы имѣли то преимущество, что защищались въ закрытыхъ мѣстахъ и имѣли на своей сторонѣ жителей, которые стрѣляли въ русскихъ изъ оконъ и бросали все, чѣмъ можно было повредить человѣку». Русскіе солдаты естественно ожесточились противъ жителей, сражавшихся вмѣстѣ съ шведскими солдатами. Наши воины врывались въ квартиры для изгнанія стрѣлявшихъ и разграбили дома и лавки. «Когда жители края принимаютъ

участіе въ войнѣ, то всегда должны ожидать жестокой мести. Таковы послѣдствія каждой народной войны». Финляндецъ современникъ войны, Bladh, огорченный призывомъ правительства къ возстанію (правительства не имѣвшаго средствъ дать крестьянамъ начальства и оружія), называетъ это безумной выходкой. Шведскія и англійскія газеты,—пишетъ участникъ войны Ѳ. Булгаринъ,—возопили противу варварства русскихъ, утверждая, что генералъ Демидовъ приказалъ грабить, убивать и насиловать и что русскіе умерщвляли женщинъ и дѣтей. Вазу сравнивали съ Прагою. Все это было несправедливо. Демидовъ вовсе не приказывалъ грабить», но такъ какъ солдаты дрались толпами, то наблюсти за ними невозможно было. «Женщинъ и дѣтей вовсе не убивали, а убивали взрослыхъ мужчинъ, противившихся и вооруженныхъ. Все это подтверждено однимъ изъ правдолюбивѣйшихъ людей, какіе когда-либо были въ Россіи, княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, посланнымъ тогда для произведенія слѣдствія». Рапортъ шведскаго офицера Ульфгельма отъ 27 іюня 1808 г. также устанавливаетъ правдивость свидѣтельства Ѳ. Булгарина и разслѣдованія князя Голицына.—«Горожане Вазы тѣмъ или инымъ способомъ приняли участіе въ возникшей ожесточенной уличной схваткѣ, при чемъ одни стали на сторону русскихъ, другіе—на сторону шведовъ. Вотъ причины одного изъ печальнѣйшихъ эпизодовъ войны». Императоръ Александръ I, желая облегчить участь пострадавшихъ, послалъ горожанамъ Вазы нѣкоторое возмѣщеніе ихъ матеріальныхъ убытковъ.

Въ другой части Финляндіи ужасной смертью погибъ нѣкто Экъ (Eck). Отрядъ партизановъ Рута въ окрестносяхъ Таммерфорса ограбилъ русскій транспортъ. Планъ этого захвата составленъ былъ маіоромъ Экомъ. Естественно, что русскіе желали въ свою очередь поймать Эка и расправиться съ нимъ. Но Экъ былъ уже далеко отъ мѣста происшествія, а семья его успѣла скрыться въ лѣсу. Въ офицерскомъ-же бостелѣ Эка остался глухонѣмой и душевно-больной его братъ. Русскіе, не зная о его природномъ недостаткѣ, приняли, очевидно, его молчаніе за упрямство и подвергли его безчисленнымъ палочнымъ ударамъ, а затѣмъ яко-бы тонкимъ раскаленнымъ желѣзомъ ожгли ему спину и ноги. По дорогѣ въ Таммерфорсъ Экъ умеръ. Этотъ примѣръ русской жестокости описанъ едва-ли не всѣми финляндскими изслѣдователями войны 1808—1809 г.г., но безъ поясненій обстоятельствъ, приведшихъ русскій отрядъ въ усадьбу Эка [209]).

Кромѣ того эти историки умалчиваютъ о слѣдующемъ эпизодѣ, засвидѣтельствованномъ современникомъ.

«Мы были въ тревогѣ и ждали чѣмъ-то кончится все, послѣ возстанія жителей Кюрю-капелль (Kuru-kapell). Очень скоро мы увидѣли послѣдствія. Нѣсколько дней послѣ ухода финскаго войска, прискакалъ сосѣдъ верхомъ на лошади, безъ фуражки, въ очень возбужденномъ состояніи. Крестьянинъ былъ немдеманомъ (засѣдатель уѣзднаго или лагманскаго суда) и хозяиномъ геймата. Онъ сказалъ: «Небольшое число оставшихся русскихъ, которые отправляли лодки съ провіантомъ, послѣ схватки у моста Каутуа (Kautua bro), направлялись къ моему дому. Не предчувствуя несчастнаго послѣдствія, я сказалъ русскому солдату, говорившему по-фински: убирайтесь скорѣе отсюда, ибо маіоръ Экъ находится теперь въ своемъ бостеллѣ Кюрю у своей жены и своихъ дѣтей, съ большимъ отрядомъ финновъ, которые переодѣты и ждутъ удобнаго случая вновь напасть на васъ. Этой несчастной выдумкой, продолжалъ крестьянинъ, я имѣлъ въ виду попугать русскія войска, дабы они удалились. Ради Бога простите меня и уѣзжайте изъ дому, припрятавъ все, что только возможно. Сейчасъ явятся 300 человѣкъ со своимъ начальникомъ, чтобъ арестовать маіора Эка съ женой и дѣтьми и увезти ихъ къ коменданту въ Таммерфорсѣ». Сказавъ это крестьянинъ поклонился и ускакалъ. Изъ этого эпизода ясно, почему русскіе такъ строго обошлись съ несчастнымъ Экомъ [210]).

Очевидно, что среди возставшихъ крестьянъ русскимъ приходилось серьезно подумать о самозащитѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ въ Эстерботніи, получивъ подкрѣпленіе, сталъ энергично дѣйствовать противъ партизановъ и объявилъ, что «каждый изъ нихъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, и каждый крестьянинъ, уличенный въ бунтѣ,—разстрѣлянъ. Вскорѣ послѣ этого объявленія послѣдовало исполненіе угрозы. Захваченные въ плѣнъ солдаты бывшаго Свеаборгскаго гарнизона были повѣшены на деревьяхъ, по большимъ дорогамъ и при киркахъ, съ надписью: «за измѣну»; изъ крестьянъ-же разстрѣливали только самыхъ ожесточенныхъ и начальниковъ шаекъ. Прочимъ брили голову и отсылали въ Свеаборгъ, въ крѣпостную работу.

Князь Долгорукій, озабоченный усмиреніемъ «сбунтовавшихся крестьянъ», увѣщевалъ ихъ успокоиться, обѣщая въ противномъ случаѣ жечь и истреблять ихъ селенія.

Графъ Буксгевденъ, разъѣзжая по берегу, между Гельсингфорсомъ и Або, или живя въ одномъ изъ этихъ городовъ, не

видѣлъ настоящей нужды войска и не имѣлъ надлежащаго понятія о положеніи дѣла. Донесенія нашихъ отрядныхъ начальниковъ о возстаніи жителей и о вредѣ, наносимомъ ими, графъ почиталъ преувеличенными, приписывая ихъ успѣхи нашей неосторожности, не обращая никакого вниманія на мѣстность, благопріятную для партизанскихъ дѣйствій, хотя въ донесеніяхъ Государю сравнивалъ Финляндскую войну съ Вандейскою [211]).

Буксгевденъ противодѣйствовалъ прокламаціями. Усмотрѣвъ необходимость уничтожить вліяніе воззваній шведскаго короля, гр. Буксгевденъ представилъ въ Петербургъ проектъ соотвѣтственнаго манифеста [212]).

«Конечно, писалъ Буксгевденъ, Швеція слишкомъ слаба, чтобъ собственными силами оперировать противъ Россіи, и потому то намѣрена повсюду поднять финновъ, пользуясь ихъ постоянной вѣрностью шведскому правительству, вѣрностью, основанною нѣкоторымъ образомъ на похвальномъ національномъ свойствѣ». Такимъ образомъ Швеція могла бы, если не сама совершенно возстановить свои силы, то всетаки разорить эту страну настолько, что Россія въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣла бы отъ нея никакой пользы, или же она можетъ, увеличивая несчастіями отчаяніе народа, довести его до еще большаго раздраженія. Это и составляетъ дѣйствительное намѣреніе короля. Это имѣютъ въ виду шведы всѣми своими прокламаціями [213]).

Послѣдствія крестьянскихъ возстаній были, конечно, ужасныя. 2-го августа проѣзжалъ я, читаемъ въ дневникѣ аудитора Аспа [214]), мимо кирки Курикка къ киркѣ Каухаіоки. Дорога непріятная. Я ѣхалъ одинъ. Ни одного человѣка не видѣлъ, ни одного гейматa! Сплошныя развалины и сгорѣвшія деревни. Я проѣхалъ семь деревень, гдѣ ни одной щепки не осталось. Наконецъ попадается деревня, но безъ жителей. Они въ лѣсу; имѣютъ домъ, но лишены его. Я встрѣтилъ старика, который дерзнулъ выползти вслѣдъ за арміей, чтобъ посмотрѣть, остался-ли и отъ его геймата одинъ только пепелъ. Я поѣхалъ дальше. Все сожжено, ограблено, опустошено. Поля скошены, луга потравлены, имущество расхищено, деревни сожжены, жители изгнаны, избиты, повѣшены, убиты. У церкви стояла висѣлица, на которой были повѣшены два человѣка. Все остальное въ такомъ же видѣ: мосты сожжены и т. д.». Подобная-же картина представлена нашимъ главнокомандующимъ. Въ одномъ изъ писемъ графа Буксгевдена (отъ сент. 1808 г.) читаемъ: «Въ проѣздъ мой во многихъ мѣстахъ по Вазаской губерніи представляетъ ужасное зрѣлище войны; нѣкоторые

бунтовавшіе крестьяне повѣшены, другіе разстрѣляны, а прочіе по большей части скрываются въ лѣсахъ, оставя дома пустыми. Индѣ встрѣчаются выжженныя селенія и затоптанныя поля, особенно же тамъ, гдѣ проходили шведскія и наши войска. Все сіе происходило по большей части отъ возмущенія жителей, къ чему поощряло ихъ шведское правительство, и для укрощенія котораго принимались иногда строгія мѣры, но не менѣе въ числѣ виновныхъ пострадали и семьи невинныя и о вознагражденіи ихъ сочту обязанностью представить Его Императорскому Величеству въ увѣренности, что Государь Императоръ не оставитъ потерпѣвшихъ безъ пособія и воздаянія».

Съ иной точки зрѣнія оцѣнивалъ дѣло Клингспоръ; въ письмѣ къ королю онъ докладывалъ: «Не могу выразить вашему королевскому величеству, до какой степени финскій народъ заслуживаетъ остаться подъ справедливымъ и милостивымъ правленіемъ вашего величества» [215]).

— —

Умудренный жизненнымъ опытомъ генералъ Аминовъ не предался розовымъ мечтамъ о золотой будущности послѣ тѣхъ побѣдъ, которыя одержаны были финскими войсками. Ему хорошо была извѣстна политическая слабость Швеціи, ненадежныя качества короля и неспособность главнокомандующаго. Ему стало ясно, что Адлеркрейцъ, не смотря на свою храбрость и другія выдающіяся качества, не обладалъ высокимъ талантомъ полководца. Не достаточно довѣрялъ Аминовъ и своей собственной способности рулевого. Наконецъ, онъ постоянно помнилъ «чрезмѣрныя силы» противника. Предчувствіе, что всякая борьба противъ этихъ силъ окажется безполезной и что Россія современемъ всетаки завладѣетъ Финляндіей,—это общераспространенное воззрѣніе, которое въ Свеаборгѣ произвело самую тяжелую разрушительную работу,—глубоко коренилось въ умѣ Аминова.

Тѣмъ временемъ фонъ-Буксгевденъ успѣлъ получить значительное подкрѣпленіе; его армія доходила до 44,600 человѣкъ, тогда какъ въ рядахъ финскихъ войскъ, считая и саволакскую бригаду, не находилось и 15,000 человѣкъ. Но главное подкрѣпленіе русская армія получила въ лицѣ гр. Н. М. Каменскаго. Ему было только 32 года, но онъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе Суворова при взятіи Чертова моста.—Каменскій смѣнилъ Раевскаго. Повелѣно было побѣдить, не смотря на малое войско.

Отъ его дѣйствій зависѣло общее положеніе нашихъ дѣлъ въ Финляндіи.

Начался рядъ благопріятныхъ для русскаго оружія сраженій. Генералу Властову удалось расправиться съ отрядомъ полковника Фіанта сперва при Линдулаксѣ, а впослѣдствіи при Перхо; самъ-же гр. Каменскій заставилъ шведовъ отступить 20 августа—1 сентября отъ Карстула (Руона), а затѣмъ 2—14 сентября отъ Оравайса.

Клингспоръ велѣлъ Адлеркрейцу собрать главную силу въ 5,500 человѣкъ на защищенной природой мѣстности у Руона въ Куортане. Послѣ аванпостной стычки 31 августа н. ст. у кирки Куортане, на Адлеркрейца напалъ гр. Н. М. Каменскій, 1 сентября н. ст., съ 9 тысячами. Прошелъ первый день боя и Кульневу пришлось покинуть мостъ при Руонѣ. На другой день произошло опять ожесточенное сраженіе, но шведы не были выбиты изъ занятой ими позиціи. Ночь разъединила непріятелей. Графъ Каменскій погрузился въ глубокую думу, готовый отдать приказаніе объ отступленіи. Въ эту минуту вошелъ Кульневъ съ восклицаніемъ: «Графъ! шведы отступаютъ!» Оказывается, что неутомимый воинъ не предался сну послѣ труднаго дѣла, а, пользуясь темнотою ночи, сталъ объѣзжать передовыя цѣпи и высмотрѣлъ, что въ шведскомъ лагерѣ мало движенія. Опытный глазъ Кульнева опредѣлилъ отступленіе. И онъ не ошибся. Обрадованный Каменскій бросился на шею Кульневу. Дѣло при Куортане явилось поворотнымъ пунктомъ всей войны, и съ этого дня успѣхъ всецѣло склонился на сторону русскихъ.

При Оравайсѣ, по дорогѣ между Вазой и Ню-Карлебю, Адлеркрейтцъ вновь остановился на крѣпкой позиціи. Его войска достигали 4,000—5,000 человѣкъ, изъ которыхъ большинство были шведы, подъ начальствомъ фонъ-Вегезака. Рано утромъ Кульневъ напалъ на шведскій аванпостъ и завязался упорный, жаркій бой, который велся затѣмъ попеременно, то перестрѣлками, то штыковыми схватками. Солдаты падали отъ изнеможенія. Патроны истощились. Вся линія русскихъ находилась уже въ полномъ отступленіи. Шведы и финны оглашали воздухъ радостными криками. Казалось, что все погибло для русскихъ. Но въ это время подоспѣли запоздавшія наши части. Графъ Каменскій привѣтствовалъ ихъ словами: «Покажите шведамъ, каковы русскіе!» Бой возобновился съ новою силой. Сразились опять, то колоннами, то въ шансахъ, то въ рукопашную. Непріятель дрогнулъ и побѣжалъ. Въ наступившемъ мракѣ продолжалась стрѣльба. Всѣ отъ генерала

до послѣдняго рядового были въ огнѣ. Дѣло продолжалось безпрерывно съ 7 часовъ утра до 12 ч. ночи. Оравайсъ самое кровопролитное сраженіе всей кампаніи. Шведы потеряли лучшихъ своихъ офицеровъ и болѣе 2000 ихъ солдатъ легло на мѣстѣ. «То былъ кровавый день нашей скорби»,—говоритъ финляндскій поэтъ Рунебергъ,—«когда самая побѣда обратилась въ пораженіе, сломившее нашу надежду».

Хуже обстояли наши дѣла въ отрядѣ ген. Алексѣева, внутри Финляндіи. Неудачныя дѣйствія ген. Алексѣева побудили назначить начальникомъ Сердобольскаго отряда ген.-адъютанта князя М. П. Долгорукова. Черезъ Карелію князь двинулся къ озеру Калавеси. Надлежало прослѣдовать дефиле у Иденсальми. Сандельсъ загородилъ путь. Произошло сраженіе, оказавшееся для кн. М. П. Долгорукова роковымъ. 15-го октября въ бою подъ Иденсальми кн. Михаилъ Петровичъ, замѣтивъ колебаніе своихъ войскъ, кинулся впередъ, чтобы возстановить порядокъ, но былъ на смерть пораженъ ядромъ. О кончинѣ князя существуетъ нѣсколько разсказовъ. Говорили, что князь М. П. Долгорукій не уживался съ Н. А. Тучковымъ, часто ссорился съ нимъ, требуя, чтобы онъ уступилъ ему командованіе войсками. Тучковъ не считалъ себя въ правѣ безъ вѣдома и разрѣшенія главнокомандующаго уступить начальство другому лицу и притомъ младшему въ чинѣ. Однажды во время подобной ссоры Долгорукій наговорилъ Тучкову дерзостей и вызвалъ его на дуэль. Тучковъ возразилъ, что на войнѣ, въ виду непріятеля и атаки противъ него, генераламъ стрѣляться на дуэли немыслимо, и предложилъ рѣшить споръ тѣмъ, чтобы обоимъ рядомъ пойти въ передовую цѣпь и предоставить рѣшеніе спора пулѣ или непріятельскому ядру. Долгорукій согласился, и шведское ядро сразу-же убило его наповалъ.

Существовало еще преданіе, что Великая Княжна Екатерина Павловна питала любовь къ молодому и умному князю и онъ ей отвѣчалъ тѣмъ-же. Государь Александръ Павловичъ не противился ихъ любви и браку, но вдовствующая Императрица долго не соглашалась. Наконецъ усиленныя просьбы любимаго сына и дочери склонили ее на согласіе. Государь собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ объ этомъ Долгорукова. Но фельдъегерь прибылъ въ Иденсальми 17 октября 1808 г., т. е. черезъ два дня послѣ кончины князя. Того-же 17 октября, когда вѣсть о его смерти не успѣла еще дойти до Петербурга, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и пожалованъ орденомъ Александра Невскаго. Личность князя Михаила Петровича, умершаго 28-ми лѣтъ отъ роду, была оцѣ-

нена современниками. «Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка» [216]).

Сандельсъ торжествовалъ недолго. Участь главныхъ силъ побудила его отступить и поспѣшить къ остальной шведской арміи.

Пораженія при Карстула и главнымъ образомъ при Оравайсѣ сломили силы шведской арміи и уничтожили плоды всѣхъ прежнихъ усилій. Молва о русскихъ побѣдахъ быстро разнеслась по краю, поражая духъ націи.

Разстроенное здоровье побудило гр. Каменскаго уѣхать изъ арміи и сдать начальствованіе корпусомъ Тучкову. «Мы завоевали Финляндію—сохраните ее!» сказалъ онъ, прощаясь съ войсками. Объ отъѣздѣ гр. Каменскаго сожалѣли всѣ, кто только ближе зналъ его.

Безнадежность среди финновъ возрастала все болѣе и болѣе. Старшій адъютантъ de Suremain опять открыто высказывалъ свое мрачное воззрѣніе о положеніи дѣла. «Да, лучше предупредить ваше королевское высочество о томъ, что Финляндія потеряна, а быть можетъ и армія. Я здѣсь высказываю не собственную только мысль; опасность такъ ясна и велика, что не только начальство, но и подчиненные раздѣляютъ тоже самое воззрѣніе». «Я повторяю вашему высочеству,—продолжаетъ de Suremain,—что, если въ октябрѣ мѣсяцѣ не будетъ принято благоразумное рѣшеніе относительно насъ, то уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого, не можетъ больше быть и рѣчи о какой-либо финской арміи. Фельдмаршалъ удрученъ и боленъ» [217]).

Послѣ Оравайса изъ-подъ пера ген.-м. Аминова вылились строки грустнаго признанія: «Мы были утомлены тѣлесно и нравственно. Въ виду русскихъ, превосходныхъ числомъ, намъ оставалось отступать къ снѣжнымъ полямъ Торнео, или бросать людей по дорогамъ и въ негодныхъ госпиталяхъ. Надежда возвратиться въ отечество съ мечемъ въ рукахъ совершенно исчезла. Можно ли послѣ этого удивляться, что болѣзни, недовольство и равнодушіе мало по малу вкрались въ нашу храбрую армію и вскорѣ оказалось въ ней величайшее зло—побѣги».

Королю давались разумные совѣты Тибеллемъ и другими, но Густавъ Адольфъ имъ не внималъ и отдѣлывался иногда ничего не значившими приказаніями. «Еще разъ говорю вамъ,—писалъ онъ Клингспору,—что если жители Финляндіи желаютъ подготовить себѣ и своимъ потомкамъ спокойную будущность, то слѣдуетъ прогнать этихъ варваровъ-москвичей за тѣ границы, которыя имъ никогда не слѣдовало переступать».

Клингспоръ проситъ короля пріѣхать къ войскамъ, чтобъ самому на мѣстѣ можно было обсудить, что слѣдуетъ предпринять. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ когда-либо высказываетъ свое мнѣніе о томъ, что «чѣмъ раньше, тѣмъ лучше было-бы перевезти армію въ Вестерботнію» [218]). Клингспоръ нѣсколько разъ просилъ подкрѣпленія у короля, но объ нихъ повелитель Швеціи и слушать не хотѣлъ. По поводу-же предложенія переправить армію черезъ Ботническій заливъ въ Швецію король написалъ фельдмаршалу обширное письмо отъ 2 сентября н. ст. 1808 года.

«По послѣднимъ сраженіямъ я узналъ то мужество и непоколебимую энергію, которыми отличается финская армія и нераздѣльны съ этой храброй и достойной уваженія націей. А вашимъ письмомъ я освѣдомленъ о той радостной надеждѣ и смѣтливой осмотрительности, которыми вы до сихъ поръ отличались. Вы теперь считаете Финляндію какъ-бы потерянной и только и думаете о томъ, чтобы спасти армію моремъ и бросить моихъ вѣрныхъ финскихъ подданныхъ въ жертву жесточайшему изъ враговъ, и такое вознагражденіе предлагаютъ королю предоставить вѣрнымъ ему во всѣхъ отношеніяхъ преданнымъ подданнымъ и честнымъ гражданамъ; тогда варвары и невѣрные враги сказали-бы: и измѣна имѣетъ свою цѣнность; тогда слабый и трусливый чиновникъ сказалъ-бы: было умно и разсудительно не слѣдовать законамъ чести и долга. Нѣтъ, Боже избави меня и каждаго, который на этомъ свѣтѣ можетъ это сдѣлать, чтобы дать волю бѣшенству пороковъ. Я желаю и неуклонно требую, чтобъ Финляндію обороняли; мною уже дано предписаніе, какимъ способомъ это слѣдуетъ сдѣлать, и оно должно, подъ страхомъ отвѣтственности, быть приведено въ исполненіе; въ этомъ отношеніи вы не должны пренебрегать никакими средствами, никакихъ отговорокъ не приводить, такъ какъ я съ своей стороны дѣлаю и буду дѣлать все, чтобъ спасти эту страну и этотъ вѣрный народъ.

«Единственные корабли, которые посылаю вамъ, привезутъ съ собою войска, оружіе и пищу, но они должны тотчасъ-же вернуться обратно, чтобъ никто,—не говорю какой-либо финнъ,—не могъ забыться и забыть свой край до того, чтобъ покинуть его въ минуту опасности, когда все подсказываетъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Если ваше собственное здоровье требуетъ покоя и тишины, то вы, графъ, сами властны разстаться съ арміей, которая стремилась исполнять свой долгъ самымъ по-

Генералъ-Лейтенантъ
Николай Николаевичъ Раевскій.

Генералъ-Лейтенантъ
Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1-й.

четнымъ образомъ, чтобъ облегчить ваши трудныя заботы тщательнымъ исполненіемъ вашихъ приказаній, и чтобъ раздѣлить съ вами величайшія лавры, какія когда-либо пожинали воины. Еще разъ скажу, что, если жители Финляндіи подготовятъ себѣ и потомству болѣе спокойную будущность, то эти варвары московиты будутъ отброшены за тѣ границы, черезъ которыя они никогда не должны были переходить. Не можетъ быть ни одного честнаго финна, который жизнью и кровью не пожелалъ-бы способствовать этому; но не должно терять времени, надо его употребить для достиженія этой единственной и важной цѣли; армію слѣдуетъ усилить тѣми тысячами финновъ, которые спѣшатъ собраться подъ знамена» [219]).

Послѣ этого письма Клингспоръ, ранѣе возведенный въ фельдмаршалы, палъ въ полное отчаяніе и приказалъ всѣмъ своимъ полкамъ скорымъ маршемъ возвращаться на сѣверъ. Съ горечью приняли войска такую награду за свое вѣрное мужество. Какъ начальство, такъ и подчиненные съ каждымъ днемъ все больше и больше падали духомъ.

Нравственный духъ побѣжденныхъ войскъ былъ сломленъ неудачами. Маіоръ Бьерншерна полагалъ, что «если какія-либо непредвидѣнныя событія не случатся, то Финляндія безвозвратно потеряна. Стало быть вопросъ только въ томъ, терять-ли ее безъ арміи или съ арміей».

Спасеніе арміи видѣли «на морѣ», но судовъ для переправы не было.

Меллерсвердъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ 2 сентября: «Армія начинаетъ недоѣдать, у людей нѣтъ одежды, провіанта часто недостаетъ!» 6 сентября: «Все начальство эскадрона заболѣло, и ежедневно число больныхъ увеличивается среди драгунъ, лошади безсильны, провіантъ плохъ и одежда въ лахмотьяхъ. Оплачиваютъ товаръ такъ называемыми cassa sedlar. Блестящее положеніе! И всетаки настроеніе хорошее, а иногда даже и веселое». 7-го: «Непріятели во всѣхъ концахъ. По всей вѣроятности мы скоро будемъ окружены со всѣхъ сторонъ. Подкрѣпленія получаются во всѣ почтовые дни—въ письмахъ изъ Швеціи! Осень приближается большими шагами. Недавно были полны надеждъ, а теперь наоборотъ» [220]).

Картину дорисовываютъ два письма Адлеркрейца фонъ-Вегезаку. «Хуже всего то, что войска уменьшаются, почему скоро почти ничего отъ нихъ не останется; послѣ дѣлъ при Куортане и Сальми армія уменьшилась на 1,000 человѣкъ, изъ нихъ

600 человѣкъ убитыми и ранеными, и почти 50 человѣкъ плѣнными, остальные больны отъ страшнаго переутомленія». «Крайне утомительные походы въ эту тяжелую погоду совершенно уничтожаютъ людей, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ полуодѣты, а для нашихъ лошадей не имѣется корма». Прибавимъ еще со словъ Меллерсверда: «Народъ очень смущенъ, онъ убѣгаетъ въ лѣса, всюду встрѣчаешь плачущихъ женщинъ, которыя спрашиваютъ, «когда придутъ русскіе?» Мосты сжигаютъ, ломаютъ челноки и лодки, дороги почти непроходимы. Дождь, вѣтеръ, холодъ, нѣтъ фуража для лошадей, непріятель по пятамъ. Такъ маршируемъ мы теперь» [221]).

«Насильственныя закупки при воинскомъ конвоѣ, — писалъ Клеркеръ, — болѣе не помогали потому, что крестьянинъ бѣжалъ изъ своей хижины при первомъ появленіи этихъ экзекуцій нужды, и слезы на глазахъ тѣхъ, которые не успѣли скрыться, свидѣтельствуютъ объ общей бѣдности въ этой мѣстности».

Молодой шведскій прапорщикъ, въ концѣ войны впервые попавшій съ своимъ батальономъ въ сосѣдство съ финнами на полѣ сраженія, интересовался новыми боевыми собратьями. Первыя финскія войска, которыя ему пришлось увидѣть, были саволакскіе егеря. Онъ былъ очень удивленъ ихъ видомъ. Неужели это тѣ саволаксы, геройскіе подвиги которыхъ въ этой войнѣ такъ восхищали его? Эти некрасивыя лица, эти маленькія, коренастыя существа въ оборванныхъ и запачканныхъ сажей курткахъ и въ зеленыхъ вязаныхъ головныхъ уборахъ, дѣйствительно-ли они тѣ знаменитые саволакскіе егеря? Но какъ полевыя войска,—продолжаетъ шведскій офицеръ,—финны оказались несравненными: храбрые, честные, довольные малымъ, всегда готовые къ бою и прекрасно обученные для полевой службы [222]).

Во время перемирія къ Клеркеру перешло командованіе войсками отъ Клингспора, который былъ наконецъ отозванъ. Прощаясь съ войсками, Клингспоръ писалъ въ приказѣ: «Начальствующіе и подчиненные финской арміи его королевскаго величества! Ваше мужество, ваше благонравіе доставили вамъ достойное мѣсто въ лѣтописяхъ, и тѣ восемнадцать лѣтъ, которыя я имѣлъ въ своихъ рукахъ военное управленіе края, дали мнѣ много случаевъ оцѣнить васъ по достоинству; но всеподданнѣйшая вѣрность, любовь къ родинѣ, самопожертвованіе и храбрость, которыя вы оказали въ настоящемъ походѣ, должны служить блестящимъ примѣромъ для всѣхъ армій; современники и потомки, восхищаясь вами, окажутъ вамъ это заслуженное уваженіе».

Наибольшія похвалы финскому войску разсыпаны, однако, въ двухъ письмахъ дяди короля, герцога Карла, Клингспору. Герцогъ начинаетъ съ восхваленія «смѣлаго и разумнаго поведенія главнокомандующаго». «Военная исторія не представляетъ примѣра того ума, той храбрости и достоинства, которыя-бы такъ славно доказывали честь шведскаго оружія. Финская армія пріобрѣла себѣ безсмертную славу». «Ея исторія составляетъ эпоху въ военной исторіи и ваше искусное отступленіе—наука для всѣхъ послѣдующихъ военныхъ» [223]).

Разсказываютъ, что Императоръ Александръ I и Наполеонъ I при встрѣчѣ въ Эрфуртѣ осенью 1808 г. совѣтывались о раздѣлѣ Швеціи между Россіей и Даніей. Александръ I несомнѣнно надѣялся, что его войска во время похода 1809 г. не только проникнутъ въ глубину Швеціи, но завладѣютъ и Стокгольмомъ. Когда графъ Буксгевденъ нашелъ эти планы слишкомъ обширными и неосуществимыми, онъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ главнокомандующимъ генералъ Богданъ Кноррингъ, который по приказанію Государя выставилъ три арміи: одна изъ нихъ должна была выступить противъ Стокгольма, другая изъ Вазы—идти къ Умео, и третья—изъ Улеоборга къ Торнео.

Спренгтпортену и многочисленнымъ недоброжелателямъ главнокомандующаго, сидя въ Петербургѣ легко было критиковать человѣка, поставленнаго въ сложныя условія трудной войны. «Мнѣ извѣстно, — говорилъ гр. Буксгевденъ 4 мая 1808 г., что въ Петербургѣ есть люди, старающіеся дать малую цѣну нашимъ пріобрѣтеніямъ». Но еще хуже было то, что изъ Петербурга желали руководить главнокомандующимъ. «Вѣками доказано было,—писалъ Буксгевденъ Государю,—что въ арміяхъ, гдѣ военачальники не имѣли права начертывать операціи сами, безъ вліянія кабинета, рѣдко война имѣла желательный успѣхъ. Главнокомандующій, лишенный кормила управленія, лишается съ онымъ довѣрія Государя, что составляетъ душу всѣхъ дѣйствій». Но, къ несчастію, всѣ войны времени Императора Александра I велись съ вмѣшательствомъ двора въ военныя операціи, причемъ отвѣтственность оставлялась однако на главнокомандующихъ. Въ немилость одинаково попали поэтому Кутузовъ, Беннигсенъ, Буксгевденъ, ф.-Кноррингъ и др.

*

Нѣкоторые отзывы о Буксгевденѣ говорили не въ его пользу. «Въ исходѣ марта 1808 г.,—пишетъ въ своихъ запискахъ генералъ-провіантмейстеръ Д. Б. Мертваго (Москва, 1867 г.),—получилъ я повелѣніе ѣхать въ армію и согласиться съ главнокомандующимъ графомъ Буксгевденомъ о способахъ продовольствія войскъ, сообразно плану предпринимаемыхъ движеній. Пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ гр. Буксгевденъ тогда находился, объяснялъ ему сперва словесно всѣ способы, какіе имѣю и имѣть могу, спрашивая, куда, чего, сколько и въ какія времена поставить надобно. Не получа никакого рѣшительнаго отвѣта, написалъ я ему рапортъ съ прошеніемъ онаго. Рапортъ принявъ, прочли его мы вмѣстѣ. Онъ наговорилъ мнѣ много ласкательнаго, но никакого толку не сказалъ. Послѣ сего поѣхали мы осматривать принятыя на капитуляцію три укрѣпленія около Свеаборга». Въ другой разъ генералъ-квартирмейстеръ Мертваго пріѣхалъ къ Буксгевдену вмѣстѣ съ Аракчеевымъ. «Графъ Аракчеевъ надѣлъ мундиръ и шарфъ, чтобы оказать все учтивство, главнокомандующему арміею принадлежащее. Но тотъ принялъ по домашнему, въ байковой шинели, на квартирѣ, умѣренно выгодной: не только караулу, но и часовыхъ у него не было. И на другой день учтивства показано не больше. Сіе кажется было основаніемъ ссоры, много зла Буксгевдену сдѣлавшей. На другой день по утру рано, пришедъ на квартиру Аракчеева, нашелъ я его лежащаго на постелѣ въ сильной задумчивости. Начался разговоръ нашъ невозможностію, чтобы дѣло шло хорошо тѣмъ паче, что и дежурный генералъ недосужѣе главнокомандующаго. Онъ скоро всталъ, написалъ двѣ записки, и тотчасъ одѣвшись, сказалъ мнѣ: «Пойдемъ, сдѣлаемъ визитъ дежурному», у коего я ночевалъ и видѣлъ, что всѣ дѣла производятся въ его квартирѣ. Мы не нашли дежурнаго; онъ былъ у главнокомандующаго. Аракчеевъ спросилъ у письменнаго стола стоящаго офицера, кто пишетъ военный журналъ? Онъ отвѣтствовалъ: «я». Кто пишетъ реляціи къ Государю, диспозиціи для корпусныхъ начальниковъ, повелѣнія къ нимъ, словомъ, все, что составляетъ письменныя дѣла у главнокомандующаго арміею? Сей офицеръ на каждый изъ сихъ вопросовъ отвѣтствовалъ весьма скромнымъ тономъ: «я». Этому-же офицеру передалъ Буксгевденъ рапортъ Мертваго.

Когда начались наши неудачи, усилилась критика дѣйствій Буксгевдена. Говорили, что нашъ главнокомандующій не сумѣлъ воспользоваться страхомъ непріятеля, что Буксгевденъ безъ надлежащей надобности стремился къ овладѣнію берегомъ, тогда

какъ со стороны его въ зимнее время не угрожали серьезной опасностью. Онъ непомѣрно разбросалъ свои силы: его 26 тысячная армія раскинулась отрядами на разстояніи въ 570 верстъ отъ Або до Куопіо, имѣя передъ собой корпусъ гр. Клингспора, а потомъ еще вооруженныхъ крестьянъ. Собранныя въ Тавастгусъ русскія войска должны были преслѣдовать финновъ, а генералъ Тучковъ, пройдя по направленію къ Улеоборгу, отрѣзать путь отступленія и такимъ образомъ,—разсуждалъ маркизъ Паулуччи,—окруженная финская армія безъ позора сложила-бы оружіе. Но этотъ планъ не былъ выполненъ. Другая причина поворота военнаго счастія—отсутствіе среди русскихъ командующихъ согласія и единенія, происходившее отчасти вслѣдствіе ихъ разъединенности большими пространствами.

Полковникъ Турскій и генер. Кноррингъ обрушились на роспускъ по домамъ гарнизоновъ взятыхъ крѣпостей. Первый доносилъ Аракчееву: «Главнокомандующій очень дурно сдѣлалъ, что послѣ взятія Свеаборгской крѣпости выпустилъ на волю шеститысячный гарнизонъ вмѣстѣ съ офицерами, ибо каждый изъ насъ могъ очень хорошо предвидѣть, что всѣ сіи люди сдѣлаются опаснѣйшими для насъ непріятелями и, что будучи разсѣяны во внутренностяхъ края, они возставятъ мужиковъ и будутъ ихъ водителями, что и случилось»... Генер. Кноррингъ писалъ: «отпущенные на волю офицеры и солдаты, разсѣвались по лѣсамъ и, ободряемы губернаторами, священниками и комиссарами, взяли себѣ предметъ захватывать и грабить россійскіе транспорты и магазейны, сдѣлавъ вскорѣ возмущеніе всеобщимъ, а Куопійскую губ.—зрѣлищемъ кровопролитія».

Противъ Буксгевдена стояли: войска Клингспора, возмущенное населеніе, недостатокъ продовольствія и петербургская интрига, въ которой бывшій генералъ-квартирмейстеръ Кноррингъ считалъ себя достойнымъ званія главнокомандующаго, а Спренгтпортенъ подливалъ масла въ огонь. Въ то же время Государь особенно сталъ увлекаться мыслію перенести свои знамена на берегъ Швеціи. Буксгевденъ, напротивъ, рисовалъ гору препятствій, воздвигаемыхъ малочисленностью его силы и трудностью экспедиціи. Недовѣріе и охлажденіе между главной квартирой и Петербургомъ росли и ширились.

Наконецъ въ августѣ у Государя состоялось совѣщаніе, съ цѣлью разобраться въ положеніи военныхъ дѣлъ на Финляндской территоріи. Присутствовали гр. Аракчеевъ, генералъ фонъ-Кноррингъ, генералъ-маіоръ Паулуччи и Барклай де-Толли, вернувшійся

изъ Финляндіи по болѣзни, и въ свое время у Куопіо не предпринявшій ожидаемаго отъ него обхода непріятеля. Къ этому времени подкрѣпленіе было выслано и Буксгевденъ располагалъ силой въ 40.000 человѣкъ; на этомъ основаніи Барклай де-Толли заявилъ, что войскъ въ Финляндіи достаточно для обороны и нападенія, и излишекъ ихъ для насъ лишь вреденъ. Тѣмъ не менѣе совѣщаніе, по мысли Паулуччи, склонилось къ оборонительному плану дѣйствія. Для передачи новыхъ распоряженій Буксгевдену посланъ былъ этотъ-же иностранный маркизъ.

Огромными казались Буксгевдену опасности и трудности, которыя предстояло одолѣть, но онъ не былъ склоненъ въ бездѣятельности выжидать нападенія непріятеля и старался сохранить за собой иниціативу. Эта рѣшимость, черезъ два дня послѣ отправки Государю рапорта о затруднительномъ положеніи, доставила ему значительный успѣхъ: русскіе разбили шведскій отрядъ, высадившійся на берегъ у Кимито, хотя самъ Буксгевденъ, спѣшившій къ мѣсту дѣйствія, едва не попался въ плѣнъ.

13 сентября 1808 г. Буксгевденъ писалъ изъ Гамле-Карлебю (за № 117) Румянцеву: «Вашему Сіятельству конечно уже извѣстно, что я, вооружаясь противу цѣлаго общества, увѣрившаго Государя Императора, что должно войска остановить въ оборонительной позиціи, предлагалъ дѣйствовать наступательно». Но въ главной квартирѣ находился уже Паулуччи съ новой никѣмъ не подписанной инструкціей. Старому главнокомандующему приходилось объясняться и оправдываться передъ вчерашнимъ полковникомъ, недавно поступившимъ на русскую службу, съ такой-же легкостью, съ какой передъ тѣмъ онъ оставилъ службу Австріи. Хотя этотъ маркизъ и пользовался въ Петербургѣ большимъ довѣріемъ, но до сихъ поръ не имѣлъ случая проявлять своихъ военныхъ дарованій. Буксгевдену оставалось одно: просить объ увольненіи. Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ не въ первый разъ жаловался и просилъ снять съ него обязанности главнокомандующаго. Уже 5 и 29 мая 1808 г. онъ писалъ объ этомъ гр. Румянцеву. Теперь онъ вновь съ горечью сообщилъ ему: «Вамъ, графъ, уже отчасти извѣстны тѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось вынести... Двигатели ихъ, признавая нужнымъ укрываться подъ эгидой верховной власти, лишили меня возможности открыто доказать ихъ неправду... Нашли способы дать мнѣ невозможныя инструкціи... а для большаго еще униженія, автору этихъ инструкцій предоставили быть и подателемъ мнѣ самаго повелѣнія... Я слишкомъ хорошо вижу откуда всѣ эти оскорбле-

нія... Пусть генералы въ родѣ Спренгтпортеновъ и Кноррингов меня заступятъ... Я твердо рѣшилъ принести отечеству послѣднюю жертву—уступивъ мое мѣсто генералу, болѣе покорному наставленіямъ, которыя извѣстный иностранецъ даетъ главнокомандующему русской арміи» [224]).

Въ рапортѣ Государю 18 августа графъ Буксгевденъ, указавъ, что въ полученной имъ инструкціи все для него чуждо, просилъ Его Величество защитить «отъ ѣдкой зависти и интригъ, не столь вредныхъ лично для меня, сколь пагубныхъ для самыхъ военныхъ дѣйствій». Буксгевденъ смѣло отстаивалъ свои планы и ручался, что «армія Клингспора будетъ разбита къ славѣ оружія Вашего Величества безъ совѣтовъ и помощи иноземцевъ, коихъ толпы дѣлаютъ болѣе вреда, нежели пользы нашему отечеству».

Прося объ увольненіи, Буксгевденъ не прекращалъ своихъ дѣйствій и новый успѣхъ при Куортанэ и Сальми поднялъ духъ русскихъ войскъ. Но Буксгевдену пришлось много вытерпѣть отъ Аракчеева. Послѣдній придрался къ неточности въ донесеніи о порохѣ и написалъ ему грубое отношеніе. На это Буксгевденъ отвѣчалъ мужественнымъ письмомъ, въ которомъ высказалъ Аракчееву много откровеній. «Дѣятельность Ваша (по попеченію обо мнѣ) удивительная. Неужели источникъ, изъ коего Вы почерпаете предметы къ моему вреду и понынѣ еще не истощился? Скажите, откуда Вы почерпнули сію, всеразрушающую систему?» Буксгевденъ не пожелалъ допустить «уничиженія» званія главнокомандующаго, «почтеннаго отъ всѣхъ и всѣми вѣками». «Вы, давая мнѣ разными случаями почувствовать Ваше недоброжелательство... знаете-ли, милостивый государь мой, что есть главнокомандующій? Главнокомандующій есть воинъ, испытанный въ любви къ отечеству, искусившійся въ полѣ брани и служеніемъ своимъ доказавшій преданность престолу. Ему Государь вручаетъ безопасность, спокойствіе и славу своего государства, ему подчиняетъ онъ тысячи воиновъ» [225]).

Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Буксгевдену.

Среди начавшихся удачъ, Буксгевденъ согласился на перемиріе, состоявшееся въ Лохтео 17—29 сентября. Увѣдомленіе о немъ сопровождалось письмомъ подписавшаго конвенцію Сухтелена о томъ, что всѣ шведы крайне боятся короля, что они плакали и просили охранить ихъ честь, что несмотря на желаніе перемирія, скорѣе готовы рисковать быть разбитыми, чѣмъ навѣрное потерять головы. Въ Петербургѣ постановили перемиріе немед-

ленно прекратить и продолжать наступленіе. Императоръ назвалъ лохтеоское перемиріе «ошибкою непростительною». Походъ продолжался, но на несчастіе Буксгевдена, онъ далъ свое согласіе на «конвенцію» въ Олькіоки 7—19 октября, которая вела къ очищенію Улеоборской губерніи. Въ Петербургѣ новый взрывъ неудовольствія. «Я не могу признать,—писалъ Александръ Павловичъ своему главнокомандующему,—чтобы конвенція съ остатками шведскихъ войскъ заключенная, удовлетворяла въ полной мѣрѣ моимъ желаніямъ и цѣли ввѣреннаго вамъ начальства». Графъ Буксгевденъ изъ Брагестада отвѣтилъ 8 ноября 1808 г. подробнымъ изложеніемъ выгодъ конвенціи и возобновилъ свою просьбу объ увольненіи. Перемиріе не было утверждено. Русскія знамена развивались близъ Торнео и всѣ сословія Улеоборга торжественно принесли обѣтъ въ вѣрности подданства Монарху. Такимъ образомъ Великое Княжество Финляндское безъ изъятія содѣлалось удѣломъ русскаго царства. Жители Улеоборга единодушно желали отправить депутатовъ къ Высочайшему Двору. Имъ разрѣшили. Депутаты отправились въ С.-Петербургъ кратчайшею дорогою чрезъ Карелію [226]).

7-го декабря послѣдовало назначеніе на мѣсто Буксгевдена ген. Б. ф.-Кнорринга, но уже вся Финляндія находилась въ нашихъ рукахъ и у шведовъ не имѣлось никакихъ надеждъ на ея возвращеніе. Заслуга покоренія этого края должна быть неразрывно связана съ именемъ графа Буксгевдена.

Вынужденный выйти въ отставку, онъ удалился на житье въ свою мызу, гдѣ и скончался въ 1811 г. Супруга его Наталія была красавица, блондинка и славилась какъ превосходная жена.

По словамъ современниковъ, Буксгевденъ былъ толстъ и неповоротливъ, довольно крутъ въ обращеніи съ подчиненными, нрава упрямаго и непреклоннаго. Въ арміи-же не забывали, что онъ былъ любимецъ Суворова. По отзыву финляндца-современника войны 1808—1809 гг. графъ Буксгевденъ «былъ самымъ подходящимъ лицомъ, которому русское правительство въ такой критическій періодъ могло довѣрить управленіе Финляндіей. Онъ былъ справедливъ и добръ по отношенію къ покоренному народу, не забывая при этомъ своего долга передъ царемъ. Онъ оказывалъ несомнѣнные примѣры справедливости, когда ему подавались жалобы на солдатъ. Графъ Буксгевденъ «былъ любимъ каждымъ финномъ, которому приходилось имѣть съ нимъ дѣло» [227]). Буксгевденъ, какъ извѣстно, едва не попалъ въ плѣнъ: «но къ счастію для Финляндіи этого не случилось», заявилъ въ своемъ дневникѣ Алопеусъ.

V. Депутація. Спренгтпортенъ—генералъ-губернаторъ.

О созывѣ сейма болѣе и ранѣе другихъ хлопоталъ Спренгтпортенъ. Еще при Екатеринѣ II онъ развивалъ мысль о возможности дѣйствовать на финляндцевъ черезъ сеймъ. Какъ только открылись военныя дѣйствія 1808—1809 гг., онъ вновь началъ внушать свою идею, пытаясь найти пути для ея осуществленія. Онъ добился того, что въ первой прокламаціи графа Буксгевдена было обѣщано созваніе сейма въ Або.—Надо полагать, что строки о сеймѣ внесены были въ прокламацію недостаточно обдуманно, потому что вскорѣ наши власти проявили явное незнаніе истиннаго значенія этого обѣщанія и стали искать выхода изъ того положенія, въ которое попали, вслѣдствіе довѣрія къ выходцу и авантюристу.

6-го марта 1808 г. гр. Румянцевъ отправилъ къ главнокомандующему гр. Буксгевдену слѣдующее письмо, одобренное Государемъ надписью «Быть по сему». «Между разными замѣчаніями относительно настоящихъ операцій, представлено было Государю Императору мнѣніе, чтобы по овладѣніи Абовомъ собрать тамъ сеймъ изъ чиновъ вновь пріобрѣтенной Финляндіи. По особому уваженію моему къ вашему сіятельству, я желалъ-бы знать заключеніе о томъ ваше, по всегдашней-же съ вами откровенности не хочу скрыть и моего мнѣнія. Мнѣ кажется, что чины такимъ образомъ изъ разныхъ губерній собранные, всякій представляя свои требованія и желанія, не только не будутъ способствовать къ возстановленію порядка и устройства, но умножатъ къ тому затрудненія. Вотъ мысли мои, но прошу васъ, не останавливаясь оными, сообщить мнѣ въ полной откровенности и ваши по тому разсужденія для представленія оныхъ на Высочайшее усмотрѣніе Государя Императора» [228]).

Изъ Гельсингфорса гр. Буксгевденъ 17 марта 1809 г. (№ 32) отвѣчалъ: «Весьма пріятно было встрѣтиться мыслями вашимъ

сіятельствомъ изъясненными въ отношеніи вашемъ отъ 6 сего марта, касательно собранія въ г. Або сейма изъ чиновъ вновь пріобрѣтенной Финляндіи. Мнѣ казалось съ самаго начала, что таковой сеймъ, гдѣ каждый чинъ онаго водимъ частными своими видами, дѣйствительно не могъ-бы сдѣлать другаго, какъ только умножать затрудненія. Болѣе почти ста лѣтъ какъ подобные сеймы здѣсь собравшіеся имѣли власть и могли дѣлать по своему усмотрѣнію прочныя и твердыя постановленія, но послѣ того и особенно за 25 лѣтъ отселѣ сеймы сіи были всегда одною только проформою. Имъ напередъ давались уже пункты, по коимъ они должны были трактовать и которые относились единственно къ учрежденію новыхъ податей, или къ собранію войска, или собственно сказать къ хозяйственнымъ и внутреннимъ края ихъ распоряженіямъ. И когда встрѣчалось при таковыхъ случаяхъ противорѣчіе, тогда весь сеймъ, котораго собранія всегда стоило большихъ издержекъ, немедленно былъ распускаемъ Королевскимъ повелѣніемъ. Короткое время, что я пробылъ въ г. Або, при всѣхъ моихъ тамъ дѣйствіяхъ, ознакомило меня однако-жъ съ нѣкоторыми особами, уважаемыми жителями по многимъ къ нимъ отношеніямъ, а между прочимъ съ тамошнимъ губернаторомъ Троилемъ и епископомъ Тенгстрёмомъ. Я нашелъ въ нихъ много и откровенности и расположенія, говорилъ съ ними по сему предмету и видѣлъ ихъ совершенно согласными въ томъ мнѣніи, что собраніе сейма, особенно когда подтверждается уже, что теченіе дѣлъ и всѣ другія постановленія остаются во всемъ на прежнемъ основаніи, было-бы не только не нужно, но и безполезно. Въ одномъ только случаѣ кажется мнѣ надобно непремѣнно сдѣлать подобное собраніе, въ чемъ и всѣ они одного со мною мнѣнія, и это когда приказно будетъ учинить здѣшнимъ жителямъ на вѣрноподданство присягу. Г. Або, какъ главный, долженъ быть тогда мѣстомъ для сего собранія. Всѣ губернаторы здѣшнихъ губерній прибудутъ туда съ депутатами отъ всѣхъ сословій, какъ-то: дворянства, духовенства, купечества и пр. Сверхъ того я полагаю необходимо нужнымъ, чтобы и отъ самыхъ крестьянъ были также депутаты, отъ каждаго кирхшпиля по одному, дабы дѣлая присягу, видѣли они ее всеобщею и тѣмъ удобнѣе могли утвердить расположеніе и своихъ обществъ. Когда въ Або будетъ учинена первыми членами здѣшняго края и депутатами присяга, губернаторы отправятся обратно къ своимъ губерніямъ, каждый съ однимъ изъ нашихъ чиновниковъ, которые нарочито будутъ отъ меня назначены, и тамъ вмѣстѣ съ сими послѣдними приведутъ въ присутствіи

своемъ къ таковой-же и всѣхъ прочихъ, составляющихъ губернію. При семъ случаѣ, дабы сдѣлать торжественнѣе день присяги и тѣмъ больше произвесть дѣйствіе въ жителяхъ, надобно чиновникамъ нашимъ, кои на сей конецъ будутъ посланы, сдѣлать въ тотъ день приличный для здѣшнихъ чиновниковъ пріемъ и слѣдовательно нужно подать имъ для того необходимое со стороны денегъ пособіе. Я, сообщая о семъ мнѣніе мое, желалъ бы весьма, чтобы ваше сіятельство, въ расположеніи вашемъ ко мнѣ, удостоили сказать мнѣ и свои мысли, чѣмъ я чувствительно буду обязанъ. Касательно сейма, чѣмъ я началъ сію мою бумагу, не писалъ прежде къ вашему сіятельству потому, что останавливался всегда на прокламаціи Высочайше утвержденной при вступленіи нашихъ войскъ сюда обнародованной, и которою возвѣщена уже была на собраніи таковаго сейма Высочайшая Государя Императора воля, за коею и не смѣлъ я находить себя въ положеніи представлять о перемѣнахъ, имѣя всегда верховнѣйшею обязанностью свято чтить намѣренія Всемилостивѣйшаго нашего Монарха».

Въ то самое время, когда велась эта переписка, Спренгтпортенъ, по мысли котораго дано было подобное обѣщаніе, старался своими записками поддержать мнѣніе о безусловной необходимости сейма. «Для достоинства Его Величества,—писалъ онъ 17 марта графу Румянцеву,—необходимо не отмѣнять мѣры, которая была объявлена, какъ самый существенный знакъ его довѣрія къ финскому народу. Ища союзника въ Аракчеевѣ, который побывалъ уже въ Финляндіи, Спренгтпортенъ сообщалъ ему: я настаиваю на созывѣ депутатовъ въ Або, гдѣ, дѣйствуя именемъ Его Величества публично, можно было бы приличными мѣрами благотворительности овладѣть умами и затѣмъ извлечь необходимыя намъ пособія. Я берусь за это дѣло и обѣщаю, что оно не остановится на полпути» [229]).

Спренгтпортену сеймъ казался необходимъ для торжественнаго принесенія присяги новому Государю, согласно конституціи страны, для выслушанія просьбъ жителей, для справедливаго распредѣленія податей, и, наконецъ, для прочнаго установленія гражданскаго управленія и опредѣленія военной силы края. Спренгтпортенъ до такой степени увѣренъ былъ въ осуществленіи своего плана, что уже 23 марта представлялъ графу Румянцеву списокъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію земскихъ чиновъ. Этотъ перечень оканчивался указаніемъ, что все должно быть установлено согласно законамъ страны, на сколько они не противорѣ-

чатъ пользамъ Имперіи» [230]). Въ перечнѣ сеймовыхъ дѣлъ, рядомъ съ вопросами о «повинностяхъ и издержкахъ государства», о присягѣ и проч., поставлены раздача пособій, таможенныя дѣла и т. п. Все казалось Спренгтпортену полезнымъ и законнымъ передать въ руки земскихъ чиновъ.

Старанія Спренгтпортена на этотъ разъ никакого успѣха не имѣли. Ему въ этотъ періодъ не сочувствовали ни русскіе дѣятели—Румянцевъ, Аракчеевъ, Буксгевденъ, ни нѣкоторые финляндцы, какъ-то: Як. Тенгстремъ и К. Троиль. А главное имѣется основаніе предположить, что въ петербургскихъ сферахъ возобладало въ то время мнѣніе другого финляндца—Клика. Онъ осуждалъ обѣщаніе, выраженное въ прокламаціи, о созывѣ сейма, находя его безполезнымъ, такъ какъ сеймъ въ состояніи былъ вскружить головы финскимъ депутатамъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, трудно было выполнить подобное обѣщаніе, за неимѣніемъ въ Финляндіи подходящаго для сейма закона. Кликъ шелъ далѣе и отвергалъ необходимость сейма даже для привода населенія къ присягѣ.

Но Спренгтпортенъ не унывалъ и настойчиво пролагалъ пути къ намѣченной цѣли. 30 марта 1808 г. онъ вновь подалъ записку, въ которой, подведя итоги военно-политическому положенію края, восклицалъ: «Финляндія принадлежитъ намъ!» Отнынѣ, по его воззрѣнію, надо вести войну не въ Финляндіи, а въ самой Швеціи, чтобы поразить врага въ его сердце. Но впереди военныхъ мѣръ онъ ставилъ средства къ завоеванію благосклонности (la bienveillance) жителей. Для этого онъ вновь рекомендовалъ созывъ сейма въ Або. «Я всею силою настаиваю на приведенныхъ уже соображеніяхъ въ пользу созванія сейма въ Або: оно соотвѣтствуетъ конституціи страны, было обѣщано прокламаціей, и я расположилъ къ нему умы во время моихъ поѣздокъ». Необходимость опредѣленія образа мыслей жителей, настроенія населенія проповѣдывалась Спренгтпортеномъ съ января 1808 г.

Обмѣнъ мнѣній между графомъ Румянцевымъ и главнокомандующимъ привелъ къ тому, что министръ иностранныхъ дѣлъ, съ Высочайшаго одобренія, написалъ генералу Буксгевдену 9 іюня 1808 г.: «Государь Императоръ, обращая особливое свое вниманіе къ устроенію благоденствія новыхъ своихъ подданныхъ, и потому желая сколь возможно ближе узнать ихъ положеніе, ихъ нужды и собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго ихъ бремени, каковымъ до нынѣ они были угнетаемы, соизволяетъ, чтобы на сей конецъ изъ пріобрѣтенной страны присланы были къ Высочайшему двору депутаты отъ всѣхъ сословій.

«Въ опредѣленіи числа оныхъ лучше кажется основаться на прежнихъ примѣрахъ, т. е. какіе посылались оттуда депутаты въ Стокгольмъ и, ежели я не ошибаюсь, то кажется выбиралось оныхъ: отъ дворянства каждой губерніи по два, отъ духовенства съ каждой епархіи по одному, отъ купечества и мѣщанства вмѣстѣ отъ каждой губерніи по одному, отъ крестьянъ также отъ каждой губерніи по одному.

«Его Императорское Величество возлагаетъ на васъ, М. Г. мой, объявить о таковой Высочайшей милости въ новопріобрѣтенной странѣ; и когда общею довѣренностью каждаго сословія, согласно съ прежними ихъ обрядами и обычаями, избраны будутъ депутаты, то оныхъ сюда отправить. Его Величество увѣренъ впрочемъ совершенно, что ваше сіятельство особливое вниманіе обратитъ на то, чтобы при семъ случаѣ выборъ палъ на людей благонамѣренныхъ и преданныхъ Россіи.

«Сообщаю вамъ, М. Г. мой, о сей Высочайшей волѣ и имѣю честь быть» и проч.

Такому временному исходу дѣла, кажется, посодѣйствовалъ также Спренгтпортенъ, часто мѣнявшій свои домогательства. Въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ меморіаловъ и всякаго рода писемъ, которыми Спренгтпортенъ досаждалъ правительству, онъ, обращаясь (31 мая 1808 г.) къ графу Румянцеву просилъ: «Нужно, позвольте мнѣ это повторить, какъ можно скорѣе приступить къ вызову депутаціи, избранной изъ четырехъ сословій государства въ составѣ наиболѣе почтенныхъ лицъ. Собраніе ихъ здѣсь было-бы наиболѣе вѣрнымъ средствомъ въ настоящемъ положеніи дѣла. Здѣсь можно было бы наилучше все устроить, сообразно намѣреніямъ Его Императорскаго Величества». Это заявленіе Спренгтпортена представляется вполнѣ естественнымъ, въ виду, того, что у него бывали моменты, когда онъ терялъ надежду на созывъ сейма [231]).

Подобная мѣра, какъ созывъ депутаціи отъ завоеваннаго края, являлась весьма обыкновенной. «Уже со временъ Петра Великаго,—говоритъ Ребиндеръ,—обычай требовалъ, чтобы при покореніи Россіей новой провинціи, народъ, нація или орда, которымъ предстояло соединиться съ великой русской семьей, посылали депутацію для выраженія у трона вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ. Такимъ образомъ въ теченіи столѣтія черезъ царскія палаты въ Петербургѣ продифелировали депутаты лифляндскіе, эстонскіе, польскіе, грузинскіе, татарскіе и многіе другіе. Теперь очередь дошла до Финляндіи» [232]).

Получивъ черезъ графа Румянцева Государево повелѣніе, главнокомандующій разослалъ соотвѣтствующіе циркуляры губернаторамъ, которымъ надлежало созвать 10 или 12 дворянъ съ тѣмъ, чтобы они изъ своей среды избрали депутата своей губерніи; выборъ представителей отъ духовенства зависѣлъ отъ епископовъ и консисторій.—Магистраты должны были назначить уполномоченнаго отъ каждаго города; этимъ делегатамъ предписывалось собраться въ главномъ пунктѣ своей губерніи для выбора представителя отъ горожанъ. Крестьянское сословіе выслало бывшихъ своихъ членовъ шведскаго риксдага. Имъ было велѣно прибыть къ губернаторамъ и тамъ избрать своего депутата.

Простая и естественная мѣра русскаго правительства, руководившагося, несомнѣнно, доброжелательными чувствами по отношенію къ финскому населенію, неожиданно вызвала разныя осложненія и обнаружила сѣть тонкихъ и упорныхъ интригъ, основанныхъ на сложныхъ побужденіяхъ. Въ Петербургѣ хотѣли посовѣтоваться съ опытными людьми, пользовавшимися довѣріемъ народа. Правительство наше, зная, что вновь покоренная страна представляетъ много особенностей, имѣло въ виду выслушать по первѣйшимъ нуждамъ края голосъ надежныхъ мѣстныхъ экспертовъ, чтобы сообразоваться съ нимъ въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ.

Въ главѣ оппозиціи пошелъ главный городъ края Або.—Въ августѣ 1808 г. туда съѣхались двѣнадцать членовъ дворянскаго сословія, шесть представителей отъ городовъ: Або, Бьернеборга, Раумо, Нюштадта и Таммерфорса, и одинъ крестьянинъ (Густавъ Кавéнъ), бывшій ранѣе членомъ риксдага. Трое изъ дворянъ—Эренмальмъ, маіоръ Карлъ Ребиндеръ и фонъ-Виллебрандъ—явились съ заготовленными письменными заявленіями, носившими характеръ протеста. Они доказывали, что избраніе депутатовъ ведется неправильно, такъ какъ имъ нарушаются привилегіи рыцарства и дворянства, которымъ предоставлено посылать въ представительное собраніе главъ своихъ семействъ. Нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ въ Або дворянъ этому условію не удовлетворяли, почему они отказались выбрать изъ своей среды депутата. Въ томъ-же духѣ высказались горожане. Они указывали, что разнымъ городамъ дарованы различныя привилегіи, почему находили, что каждый городъ въ правѣ имѣть своего депутата. Одинъ же депутатъ не могъ представлять интересовъ нѣсколькихъ городовъ губерніи. Предназначенный въ депутаты отъ крестьянства (Кавéнъ), кромѣ того, же-

лалъ быть избраннымъ непринужденнымъ образомъ, согласно «стариннымъ правиламъ».

Какими истинными побужденіями руководились всѣ съѣхавшіеся въ Або не видно изъ ихъ объясненій; но не подлежитъ сомнѣнію, что забота о сохраненіи привилегій и опасеніе за то, что на депутатовъ взглянутъ въ Петербургѣ, какъ на законное народное представительство—являлись лишь измышленными причинами, ибо нельзя-же допустить, чтобы они не уразумѣли циркуляра графа Буксгевдена и не понимали разницы между простой депутаціей и членами, предназначенными для сейма. Несомнѣнно, что вся исторія съ протестами противъ способа избранія депутатовъ, которому старались придать характеръ нарушенія существующаго въ краѣ порядка «представительства», шито бѣлыми нитками и дышетъ неискренностью. Для избранія членовъ простой депутаціи никакихъ правилъ не существовало и никакой законъ о привилегіяхъ не нарушался. Финляндскіе историки, Кастре́нъ и М. Шюбергсонъ, признаютъ, что ссылки на привилегіи и указанія на порядокъ избранія депутатовъ являлись измышленными предлогами, «хотя и несовсѣмъ неискренними». Слѣдовательно, депутаты хитрили. Своимъ политическимъ маневромъ они озадачили графа Буксгевдена и побудили его прибѣгнуть (въ срединѣ августа) къ новому и строгому циркуляру.

«Неожиданны были для меня,—писалъ онъ къ абоскому губернатору,—затрудненія, возникшія среди представителей дворянства и горожанъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ вовсе не о созваніи сейма. Нужно отправить депутацію, чтобы передъ Его Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйше заявить о тѣхъ мѣропріятіяхъ, кои при настоящихъ обстоятельствахъ могли бы послужить на пользу страны».—Поэтому губернатору предписывалось принять мѣры, чтобы въ теченіи восьми дней депутаты были избраны. «Я тѣмъ менѣе сомнѣваюсь,—пояснялъ Буксгевденъ,—въ исполненіи моего предписанія, что жители Абоской губерніи не захотятъ, надѣюсь, въ разрѣзъ съ населеніемъ другихъ губерній, выказать какъ-бы упорство въ неисполненіи всемилостивѣйшихъ желаній и намѣреній Его Императорскаго Величества и тѣмъ лишиться благосклонности, съ которою Государь Императоръ постоянно относится къ своимъ финляндскимъ подданнымъ».

Тѣмъ временемъ выборы въ остальныхъ губерніяхъ и среди одной части духовнаго сословія прошли безпрепятственно. Въ Нюландской, Тавастгуской и Кюмменегородской губерніяхъ подчинились приказанію Буксгевдена, хотя и съ оговорками, чтобы ста-

рые законы и общественный строй края сохранились неприкосновенно. Кромѣ того, ими высказана была надежда, что со временемъ представители сословій будутъ созваны съ соблюденіемъ тѣхъ формъ, которыя были обычны при риксдагахъ.

Боргоская консисторія при выборахъ никакихъ затрудненій не представила. Она поручила только своему депутату, пробсту Ивару Валленіусу, настаивать на сохраненіи старыхъ законовъ края, и на томъ, чтобы всѣ вопросы, относящіеся до основного уложенія страны, были отложены до обѣщаннаго государемъ сейма. Абоская-же консисторія дѣйствовала въ согласіи съ дворянствомъ и горожанами своей губерніи и потому сперва старалась уклониться отъ выборовъ и произвести ихъ впослѣдствіи, смотря по могущимъ встрѣтиться обстоятельствамъ; но видя, что опасно противодѣйствовать повторенному требованію графа Буксгевдена, она назначила депутатовъ. Въ инструкціи, данной консисторіей избранному пастору и другому депутату отъ ученаго сословія, профессору Фридриху Ле-Белль, стремленіе поддержать старый порядокъ въ странѣ и церкви выступало ярче, чѣмъ въ другихъ современныхъ актахъ.

Въ г. Або, проникнутомъ шведскими тенденціями, одинъ только профессоръ Лагусъ призналъ святость данной имъ русскому правительству присяги и законность снаряженія депутаціи.

Послѣ вторичнаго приказанія графа Буксгевдена, дворяне въ Або приступили къ выборамъ, сознавая, что противъ этой властной рѣчи не могло быть возраженій, и что дальнѣйшее сопротивленіе ни къ чему не послужитъ. Но тѣмъ не менѣе они не оставили своего представителя, маіора Карла Эрика Маннергейма, безъ инструкціи, изъ которой видно, что они, хотя и уступаютъ давленію русскаго главнокомандующаго, однако держатся той точки зрѣнія, которую высказали раньше, и потому обязали его заявить, что лишь законно избранные представители имѣютъ право предлагать проекты на благо страны [233]).

Избиратели губерніи Гейнола озабочены были полученіемъ льготъ по торговлѣ, винокуренію и т. п.; кромѣ того, они льстили себя надеждою, что Государь впредъ станетъ почерпать свѣдѣнія о положеніи края въ порядкѣ, установленномъ для этого ихъ законами, и, наконецъ, что отправленіе верховной власти (jura majestatica) будетъ принадлежать «только лично его Величеству, а не русскимъ правительственнымъ органамъ».

Итакъ, въ основѣ всѣхъ инструкцій,—какъ писалъ К. Ординъ,—лежали пароль и лозунгъ, данные Спренгтпортеномъ какъ:

Генералъ-Лейтенантъ
Егоръ Ивановичъ Властовъ.

Генералъ-Лейтенантъ
Илья Ивановичъ Алексѣевъ.

только обстоятельства позволятъ, требовать созванія сейма, и стоять за охрану всего прежняго.

Депутатовъ надлежало избирать на основаніи прежнихъ обрядовъ и обычаевъ. Избрано ихъ было отъ сословій гораздо меньше, чѣмъ прежде, когда ихъ посылали на риксдагъ; «но избраннаго числа,—писалъ графъ Буксгевденъ (22 августа за № 305),—весьма будетъ достаточно, дабы подать свѣдѣнія о положеніи жителей, объ ихъ нуждахъ и проч.».

Финляндцы, поучавшіе русское правительство своими заявленіями, протестами и инструкціями, отлично понимали, что никакого нарушенія законовъ страны въ данномъ случаѣ графъ Буксгевденъ не произвелъ, и ничьи привилегіи его предписаніемъ не ограничивались. Объ этомъ проговаривались весьма опредѣленно и сами протестовавшіе. Въ заявленіи барона Карла Ребиндера говорилось: «Хотя я не могу и не хочу ничего возразить противъ самаго факта избранія и отправки депутатовъ, но въ виду важныхъ, принадлежащихъ моему сословію правъ, я считаю своимъ личнымъ долгомъ, насколько въ силахъ, стараться отстранить прецедентъ, который можетъ привести къ самымъ непредвидѣннымъ случайностямъ въ будущемъ. Если я отнесся иначе къ предлагаемому нынѣ способу избранія сословныхъ представителей, то долженъ былъ бы считать себя преступно содѣйствовавшимъ упадку, особенно въ самомъ началѣ новаго правленія, значенія и положенія финляндскаго рыцарства и дворянства, какъ государственнаго сословія».

Истинный-же корень дѣла скрывался довольно глубоко въ рядѣ заднихъ мыслей, которыя лишь впослѣдствіи раскрыты были съ надлежащею откровенностью въ мемуарахъ современниковъ. Такъ, Маннергеймъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что при обсужденіи въ Або вопроса о депутаціи и рѣчи почти не было о представительствѣ чрезъ старшихъ въ родѣ. Напротивъ, главнѣйшія разсужденія сводились къ тому, что всѣ финляндскіе дворяне, въ качествѣ государственнаго сословія, имѣютъ одинаковое право участвовать въ выборѣ депутатовъ, и что выборы эти должны быть отложены до заключенія мира, такъ какъ большинство дворянъ находится на войнѣ. Дѣло было, слѣдовательно,—писалъ К. Ординъ,—въ чисто партійныхъ дворянскихъ интересахъ. Особенно опредѣленно высказалъ недоговоренное въ офиціальныхъ заявленіяхъ Іоганнъ Рейнгольдъ Ребиндеръ (отецъ Р. Г. Ребиндера—министра статсъ-секретаря). «Если мы послѣдуемъ вызову, къ намъ обращенному, то мы растворимъ двери интригѣ и пре-

дадимъ себя самихъ и силу нашихъ отцовъ въ руки правительства, которое, конечно, сумѣетъ воспользоваться этимъ въ ущербъ нашей свободѣ. Приготовимся-же къ борьбѣ за принципы, и не забудемъ, что, уступая хотя бы пядь почвы, на которой боремся, мы находимся въ опасности потерять все. Русское правительство, по всѣмъ видимостямъ хорошо знакомое съ узурпаціонной тактикой, не преминетъ рано или поздно воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что создано нами, и потомъ не разъ возобновить нынѣшній маневръ. Оно будетъ собирать въ своей столицѣ какую-нибудь дюжину такъ-называемыхъ депутатовъ и придавать имъ личину законности на томъ основаніи, что они принадлежатъ ко всѣмъ четыремъ государственнымъ сословіямъ. На первый разъ ограничатся тѣмъ, что спросятъ совѣта этихъ манекеновъ народнаго представительства; но затѣмъ уже найдутся способы заставить ихъ издавать законы и вотировать бюджеты подъ диктовку правительства произвола.

«Между тѣмъ, какъ бы ни были справедливы наши опасенія, мы не можемъ говорить о нихъ не погрѣшая противъ приличія и не натыкаясь на другіе подводные камни. Поэтому сдѣлаемъ заявленіе, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо ли, хорошо ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ немного наше заявленіе, или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat— противорѣчить принципамъ» [231]).

Отъ участія въ депутаціи уклонились изворотливый политикъ епископъ Як. Тенгстрёмъ и тонкій юристъ Калоніусъ. Другіе-же, наслушавшись нелѣпыхъ розсказней объ ужасахъ Сибири, побоялись отправиться въ Петербургъ и подъ разными предлогами отказались отъ даннаго имъ порученія.

Во главѣ депутаціи поставленъ былъ К. Э. Маннергеймъ, родившійся въ 1759 г. и служившій въ Швеціи, а затѣмъ за участіе въ аньяльскомъ заговорѣ, присужденный въ 1790 г. къ смертной казни, но помилованный Густавомъ III. Маннергеймъ являлся такимъ образомъ близкимъ единомышленникомъ Спренгтпортена, т. е. сторонникомъ возможной самостоятельности Финляндіи. Въ Петербургъ онъ отправился съ весьма опредѣленною задачею, которую изложилъ своимъ избирателямъ въ Або. Умышленно не желая разграничивать депутатовъ отъ членовъ риксдага, и явно подтасовывая условія, онъ говорилъ, что депутаты, какъ избранные не на основаніи дѣйствующихъ постановленій,

не могутъ считать себя представителями народа, а должны ограничиться лишь засвидѣтельствованіемъ почтенія и, только въ томъ случаѣ, если Государь прикажетъ, то дать совѣты о томъ, что можно сдѣлать для облегченія тягостей края. Искусственность доводовъ Маннергейма была столь очевидна, что не всѣ въ Або согласились принять его мнѣніе. Вторымъ лицомъ въ депутаціи являлся генералъ-маіоръ баронъ Виллебрандъ, начальникъ водяныхъ путей Финляндіи. Онъ принесъ присягу на русское вѣрноподданство и заготовилъ для нашей арміи до 10.000 бочекъ ржи, почему заслужилъ особую рекомендацію Буксгевдена «какъ уважаемый человѣкъ», хотя въ сущности былъ лишь ловкимъ дѣльцомъ. Остальные члены депутаціи Ле-Белль, Валленіусъ, фонъ-Ротчиркъ, купецъ Чедеръ и др. никакими особенными заслугами или качествами не выдѣлялись, хотя имъ нельзя отказать въ извѣстной политической опытности, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ранѣе засѣдали въ риксдагѣ; матеріальная-же обезпеченность содѣйствовала проявленію ихъ личной самостоятельности. Вскорѣ изъ среди депутатовъ выдвинулся Р. Ребиндеръ, назначенный въ помощь Сперанскому по изготовленію финляндскихъ дѣлъ для Высочайшихъ докладовъ.

Пріѣздъ депутатовъ въ Петербургъ не обошелся безъ путаницы и осложненій. Сперва распространилось невѣрное свѣдѣніе о времени возвращенія Государя изъ Эрфурта, почему съ полпути депутатамъ разрѣшили вернуться по домамъ дней на 30 или 40. Другіе не торопились съ отъѣздомъ, не зная, на чьи средства имъ придется проживать въ Петербургѣ. Но вскорѣ главнокомандующій позаботился о томъ, чтобы они не несли въ столицѣ «тягостныхъ для себя издержекъ» и всѣмъ сообщили, что въ Петербургѣ найдутъ «готовый домъ и угощеніе» [235]). Съ половины октября депутаты начали съѣзжаться къ берегамъ Невы. Въ Петербургѣ депутація содержалась такъ же, какъ ранѣе ея содержались польскіе делегаты 1793, депутація Курляндская, Семигальская и др. Въ указѣ Государственному казначею пріѣхавшіе назывались делегатами, прибывшими отъ сословій новопріобрѣтеннаго финляндскаго края для принесенія Его Величеству «благодарности и для объясненія своихъ нуждъ». Въ ожиданіи возвращенія Государя и пріема, члены депутаціи сдѣлали 234 визита и развлекались на казенный счетъ, сопровождаемые чиновникомъ церемоніальнаго департамента.

31-го октября 1808 г. Маннергеймъ собралъ депутатовъ на первое дѣловое засѣданіе. На этихъ засѣданіяхъ они выработали

*

проектъ особаго меморіала, который впослѣдствіи черезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, графа Салтыкова, представили Государю.

Аудіенція состоялась 17—30 ноября 1808 года. Въ Зимній дворецъ депутація была доставлена въ придворныхъ экипажахъ, запряженныхъ цугомъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ Салтыковымъ и Спренгтпортеномъ всѣхъ пригласили въ кабинетъ Государя.

«При семъ случаѣ—читаемъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 22 ноября 1808 г.—первый изъ депутатовъ маіоръ баронъ Маннергеймъ говорилъ Его Величеству приличную рѣчь, въ коей между прочимъ, передавая судьбу своихъ соотчичей великодушію побѣдителя, съ твердымъ упованіемъ на благость Александра I, съ радостью, говорилъ, видятъ они уже многіе опыты милосердныхъ попеченій отъ новаго и великаго своего Монарха о благосостояніи финляндскихъ жителей; заключилъ рѣчь изъявленіемъ благодарности за сохраненіе войсками Его Императорскаго Величества добраго порядка въ прохожденіи оныхъ чрезъ финляндскія области, сколько-то было совмѣстно съ военными обстоятельствами.

«Государь Императоръ изволилъ Самъ отвѣчать депутатамъ, что проявленное ими вѣрноподданническое усердіе Его Величество пріемлетъ съ особеннымъ благоволеніемъ и не перестанетъ помышлять о благѣ финляндскихъ жителей, обѣщая свято соблюдать всѣ дарованныя имъ права и преимущества сходно съ прежними ихъ постановленіями». По мемуарамъ Маннергейма, Государь будто-бы сказалъ, что считаетъ за честь управлять народомъ свободнымъ и одареннымъ законами.

19-го ноября графъ Салтыковъ представилъ Государю меморіалъ, выработанный въ засѣданіяхъ депутатовъ. Главнѣйшія положенія меморіала изложены такъ: «Государь! Ваше Императорское Величество удостоили финскимъ депутатамъ, вызваннымъ сюда по Вашему повелѣнію, дать самыя священныя обѣщанія въ сохраненіи ихъ вѣры, законовъ и всѣхъ привилегій. По истинѣ, Государь, это такое благодѣяніе, которое наполняетъ насъ самыми достойными чувствами; воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ нашихъ благодарныхъ сердецъ...

Сообразно постановленіямъ 1617 и 1723 годовъ, всегда считавшимся основными законами, Государь въ случаѣ возникновенія вопросовъ, касавшихся общихъ интересовъ страны, особо распубликованными указами повелѣвалъ созывать общее собраніе земскихъ

чиновъ. Чины эти, отъ четырехъ сословій, имѣютъ право обсуждать и рѣшать, въ Высочайшемъ присутствіи, предложенные предметы...

«Одушевленные любовью къ отечеству, полные благоговѣнія къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества, мы не колебались-бы ни минуты изложить средства, кои по нашему сужденію были-бы болѣе примѣнимыми, и нужды для будущаго счастья Финляндіи, если-бы способъ нашего назначенія былъ соотвѣтственъ духу вышеупомянутыхъ основныхъ законовъ, и мы могли-бы видѣть въ себѣ представителей всего народа.

«Государь! депутаты, увѣренные въ милосердіи Вашего Императорскаго Величества и осмѣлившіеся со всею покорностью указать препятствія, кои казалось имъ встрѣтились при исполненіи ихъ миссіи, полагаютъ, что не бывъ представителями всего народа, они не могутъ войти въ сужденія принадлежащія земскимъ чинамъ, созваннымъ въ обыкновенномъ порядкѣ, предписанномъ конституціею. Но, если-бы Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть потребовать отъ насъ нѣкоторыхъ разъясненій по дѣламъ экономическимъ нашего отечества, мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы повиноваться Вашей великодушной волѣ, предоставляя полному усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, если-бы это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей, повелѣть созвать общее собраніе земскихъ чиновъ въ странѣ, чтобы выслушать голоса народа по дѣламъ, касающимся блага и пользы всѣхъ» [236]).

Отвѣтъ на тотъ меморіалъ изложенъ въ письмѣ вновь назначеннаго генералъ-губернатора, отъ 29 ноября—11 декабря.—«Его Императорское Величество, — сказано въ письмѣ,—признаетъ, что депутація «не можетъ придти на встрѣчу Его отеческимъ попеченіямъ въ столь полной мѣрѣ, какъ Онъ имѣлъ въ виду при вызовѣ ея», вслѣдствіе чего Онъ, «рѣшилъ въ возможно скорѣйшемъ времени, созвать общій сеймъ въ залогъ Его заботливости о сохраненіи вашихъ законовъ». «Но такъ какъ Его Величество желаетъ воспользоваться вашимъ пребываніемъ въ столицѣ, для полученія вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи страны подъ военнымъ бременемъ, которое Онъ намѣренъ по возможности облегчить, то Его Величество призналъ за благо повелѣть, чтобы депутація поспѣшила представить свои соображенія о тѣхъ предметахъ, относительно которыхъ она желаетъ, чтобы Государь по своему милосердію оказалъ помощь и облегченіе Своимъ новымъ подданнымъ».

Очевидно, со словъ Спренгтпортена, Голенищевъ-Кутузовъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Депутаты будутъ имѣть честь обѣдать съ Государемъ, исключенія не сдѣлаютъ и для крестьянъ. Это хорошо. Политика требуетъ, чтобы народы привязывались къ правителю. Нужно показать, что у насъ съ ними обращались не хуже чѣмъ прежде». И дѣйствительно одно приглашеніе слѣдовало за другимъ. Депутатовъ привѣтливо принимали обѣ Императрицы и члены Царствующаго Дома; они участвовали на придворныхъ обѣдахъ, балахъ, маскарадахъ и на спектаклѣ въ Эрмитажѣ. Примѣру Двора послѣдовала многочисленная петербургская знать; приглашенія на обѣды, балы и собранія тянулись длинной вереницей. Героями всюду явились крестьяне. Маннергеймъ говоритъ, что вездѣ видна была азіатская роскошь; чиновники щеголяли въ богато расшитыхъ мундирахъ. «Столько звѣздъ и лентъ едва-ли можно встрѣтить въ Европѣ, сколько я ихъ видѣлъ здѣсь».

Отношеніе правительства къ вопросу о созывѣ сейма стало около этого времени выясняться, но уже въ новомъ направленіи. Въ тотъ-же день, какъ гр. Салтыковъ представилъ Государю меморіалъ депутаціи, онъ повергъ на Высочайшее благоусмотрѣніе «Положеніе о Главномъ Правленіи въ Финляндіи», выработанное ранѣе депутатскаго меморіала. Въ этомъ «Положеніи» говорилось о предстоящемъ созваніи «генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній» [237]).

19-го ноября былъ утвержденъ перечень вопросовъ, по которымъ правительство желало выслушать мнѣніе депутатовъ. — Вопросы составлены были Спренгтпортеномъ и касались общаго положенія страны, ея населенія, средствъ для военныхъ потребностей, податей, доходовъ городовъ, привилегій сословій, фабрикъ, торговли и пр. Государь прибавилъ вопросъ о томъ, «какія по мнѣнію депутатовъ улучшенія нужны теперь въ Финляндіи?» Этотъ вопросъ обобщалъ и обнималъ остальные.—К. Ординъ (т. II, 221) обратилъ вниманіе на то, что одновременно, 19-го ноября, графъ Салтыковъ поднесъ Государю меморіалъ депутаціи и перечень вопросовъ правительства. Въ меморіалѣ депутаты пытались отклонить отъ себя всякія сужденія о реформахъ края, признавая себя для того неправильно избранными. Несмотря на это, въ тотъ день и часъ, когда меморіалъ депутаціи лежалъ на письменномъ столѣ Государя, Его Величество категорически потребовалъ, чтобы депутація высказалась о желательныхъ для края улучшеніяхъ.

Депутаты повиновались; отвѣчая на вопросы, они просили Государя, дабы законы подъ Его покровительствомъ сохранили свою силу, чтобы личная безопасность была уважаема, чтобы въ краѣ образовано было временное управленіе изъ наиболѣе способныхъ людей націи, чтобы опредѣленъ былъ курсъ на ассигнаціонный рубль. Далѣе депутація высказалась о казенныхъ доходахъ, о повинности давать подводы для транспортовъ, о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ войсками, о предоставленіи женамъ и дѣтямъ финскихъ военныхъ чиновъ пользоваться казенными усадьбами (бостелями), о расквартированіи русскихъ войскъ, о снабженіи Финляндіи солью и т. п.

Комитету, составленному изъ Аракчеева, Салтыкова и Спренгтпортена, надлежало разсмотрѣть заявленія депутаціи и приготовить проектъ правительственнаго отвѣта. Въ виду полнаго незнакомства Аракчеева съ финляндскими дѣлами и слабости, чтобы не сказать совершеннаго ничтожества Салтыкова, въ маленькомъ комитетѣ очевидно орудовалъ одинъ Спренгтпортенъ. Упорный и рѣшительный финляндецъ провелъ конечно свои мнѣнія и свою редакцію отвѣта. Высочайшая апробація ея послѣдовала 4 января 1809 года на текстѣ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Господа депутаты! Его Императорское Величество благосклонно принявъ ваши заявленія, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что по многимъ пунктамъ ваши желанія были предупреждены, въ особенности главное изъ нихъ,—учрежденіе высшаго трибунала, составленнаго изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Большую часть статей, заключающихся въ вашемъ прошеніи соотвѣтственнѣе будетъ обсудить въ общемъ собраніи, когда генералъ-губернаторъ, будучи уже на мѣстѣ, соберетъ необходимыя свѣдѣнія объ общественныхъ нуждахъ, также какъ и о всеобщихъ желаніяхъ населенія. Его Императорское Величество изволилъ уже торжественно обѣщать, что жители Финляндіи сохранятъ ихъ прежнія права и привилегіи, и что дѣла будутъ производиться по законамъ донынѣ дѣйствующимъ въ Финляндіи. Что касается до бостелей, то главнокомандующему войсками, въ Финляндіи расположенными, генералу-отъ-инфантеріи Кноррингу, дано Высочайшее повелѣніе остановить ихъ продажу. Они останутся поэтому въ настоящемъ положеніи до заключенія мира. Тогда Его Императорское Величество, дабы согласить милосердіе Свое съ справедливостью, удостоитъ опредѣлить правила и назначить послѣдній срокъ, послѣ котораго всѣ офицеры, не оставившіе Швеціи, будутъ безвозвратно лишены бостелей» [238]).

Кромѣ коллективнаго прошенія, члены депутаціи, воспользовавшись подходящимъ случаемъ, подали цѣлый рядъ жалобъ и просьбъ, имѣя въ виду получить новыя милости и привилегіи. Депутаты жаловались Государю на медленную доставку имъ писемъ. Представители Абоской и Бьернеборгской епархіи просили, чтобы церковныя дѣла, согласно прежнимъ преимуществамъ духовенства, изъ консисторій восходили прямо на Высочайшее усмотрѣніе. Депутаты Гельсингфорса и Тавастгуса просили о пособіяхъ пострадавшимъ отъ пожара, освобожденія отъ дачи дровъ и свѣчей при военномъ постоѣ, о ссудѣ денегъ Гельсингфорсу изъ петербургскаго заемнаго банка на застройку города. Профессоръ Гартманнъ просилъ объ освобожденіи университетскихъ зданій отъ военнаго постоя, о безплатномъ доставленіи книгъ, объ освобожденіи профессорскихъ домовъ отъ повинности платежа квартирныхъ денегъ и т. п. — На все это послѣдовало милостивое разрѣшеніе [239]).

Послѣ этого депутаты, щедро одаренные, вернулись домой.

Генералъ Спренгтпортенъ былъ высокаго роста и до ужаса некрасивъ. Непреклоннаго характера, проницательный въ своихъ взглядахъ, скорый на рѣшенія, храбрый до отчаянія, энергичный, трудолюбивый, презиравшій всякіе денежные интересы, республиканецъ въ своихъ рѣчахъ, деспотъ въ душѣ, этотъ необыкновенный человѣкъ былъ созданъ, чтобъ играть роль въ гражданскихъ смутахъ. У него не доставало лишь достоинствъ, чтобъ сдѣлаться Вашингтономъ; въ Римѣ, въ дни республики, онъ былъ-бы Суллой. Если его имя не заняло мѣста среди великихъ историческихъ именъ, и онъ не составилъ себѣ европейской извѣстности, то это зависѣло отъ того, что обстоятельства и поприще, предоставленныя ему судьбой, были недостаточны для его талантовъ. Гордый, а иногда и дерзкій къ стоявшимъ выше его и ко всѣмъ тѣмъ, которые осмѣливались сравнивать себя съ нимъ, онъ былъ справедливъ, услужливъ и даже щедръ къ своимъ подчиненнымъ, при условіи, чтобъ они слѣпо подчинялись его желаніямъ.

Говорятъ, что главной причиной неудовольствія Спренгтпортена шведскимъ правительствомъ послужило то обстоятельство, что онъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ стать генералъ enchef въ Финляндіи. Такъ какъ этотъ постъ ему не довѣрили, то онъ сдѣлался ревностнымъ фрондеромъ. Ставъ въ опозицію, онъ

[illegible]

[illegible]

искусно воспользовался тѣми сѣменами недовольства, которыя въ то время зрѣли въ населеніи и получали свое питаніе отъ разныхъ очередныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не нравилось народу. Руководя оппозиціей, ему пришла мысль о самостоятельности Финляндіи, подъ протекторатомъ Россіи [240]).

Приводя разныя причины желательности отторженія Финляндіи отъ Швеціи, онъ, относительно вида будущаго положенія страны, далъ слѣдующее объясненіе: «Мое намѣреніе было»,—говоритъ онъ,—«поступить такъ, чтобъ европейскія державы признали и гарантировали нашу независимость; въ ихъ интересахъ было, чтобы Финляндія не обратилась совершенно въ русскую провинцію, а съ другой стороны онѣ не имѣли никакого права противостать этому дѣлу, въ виду того, что наше подчиненіе было добровольное.

Русская-ли провинція Финляндія, или она независимое государство, вотъ вопросъ,—справедливо замѣчаетъ составитель описанія войны 1808—1809 г.г., (при шведскомъ штабѣ), — по которому никакъ не могли установиться мысли Спренгтпортена.

Извѣстно, что въ разное время онъ представлялъ себѣ форму правленія самостоятельной Финляндіи—различно. Сначала онъ находилъ монархическое правленіе самымъ подходящимъ и говорятъ, что даже предлагалъ великокняжеское достоинство герцогу Карлу; затѣмъ, когда борьба за свободу американскихъ колоній противъ Англіи окончилась благополучно и Спренгтпортенъ въ Голландіи имѣлъ случай ознакомиться съ ея уложеніемъ, онъ измѣнилъ свои воззрѣнія и рѣшился изъ Финляндіи образовать республику. Для этой республики онъ выработалъ даже пространное уложеніе. Голландская форма правленія сдѣлалась при этомъ образцомъ той, которую надлежало ввести въ Финляндіи; но помимо сего въ финляндскіе основные законы введены были опредѣленія изъ конституцій времени вольности и американскаго союза. Новое государство Спренгтпортенъ имѣлъ въ виду называть «Республика соединенныхъ провинцій Финляндіи» (la République des Provinces unies de la Finlande).

Въ 1806 г., когда онъ принималъ участіе въ работѣ, имѣвшей въ виду защиту русской Финляндіи,—въ которой были очень недовольны русскимъ управленіемъ, — онъ желалъ расположить тамъ исключительно русскія войска, дабы сдерживать своихъ соотечественниковъ. Въ представленной имъ въ томъ-же году запискѣ Императору Александру «Мои мечты во время моего отдыха», говорится: «Независимость Финляндіи будетъ подвигаться

наравнѣ съ союзомъ съ Наполеономъ. У Швеціи теперь нѣтъ никакого Густава III, который могъ-бы противиться этому».

Въ одно время наилучшее устройство Финляндіи Спренгтпортену представлялось въ такомъ видѣ: «Разъ Финляндія будетъ вырвана изъ когтей Швеціи и будетъ находиться подъ нашимъ владычествомъ, для Россіи выгоднѣе будетъ, чтобъ этотъ край остался нераздѣльнымъ и независимымъ государствомъ, подъ управленіемъ высшаго правителя изъ царской семьи; каковы при этомъ желанія народа, выяснилось-бы на общемъ сеймѣ, созванномъ въ порядкѣ опредѣленномъ старинной конституціей края.—Сеймъ надо собрать подъ русской защитой въ то время, когда русскія войска будутъ подходить къ Або» [241]).

Въ другой разъ Спренгтпортенъ рекомендуетъ русской власти сохраненіе основныхъ законовъ края, однако, «насколько они не будутъ противорѣчить законамъ Имперіи». (Par autant qu'elles (les lois fondamentales du pays) ne se trouvent en opposition avec celles de l'empire»).

«Нашъ честолюбивый землякъ,—говорилъ Ребиндеръ о Спренгтпортенѣ,—ослѣпленный своей страстью господствовать, создавалъ себѣ воздушные замки и не имѣлъ въ виду иного, какъ стать когда-нибудь проконсуломъ на службѣ той покровительственной власти, которую онъ такъ безкорыстно хотѣлъ предложить намъ».

Что касается плана самостоятельности Финляндіи, то Ребиндеръ приводитъ характерный разговоръ, который онъ имѣлъ со Спренгтпортеномъ въ Петербургѣ въ 1808 г.—«Но къ какой-же вы прибѣгли инниціативѣ, чтобы уготовить намъ это счастливое независимое положеніе?» спросилъ Ребиндеръ. «Увѣряю честью», сказалъ Спренгтпортенъ, «исполненіе было *моей тайной;* но вамъ извѣстно, что наши соотечественники туго соображаютъ, они больше разсуждаютъ, чѣмъ дѣлаютъ.—Они позволили времени ускользнуть изъ рукъ; прекрасный планъ не осуществился, вслѣдствіе глупости и слабости нѣкоторыхъ военачальниковъ». Ключа къ разгадкѣ этихъ словъ не имѣется.

То направленіе, которое олицетворялось Спренгтпортеномъ, составилось частію изъ оскорбленнаго самолюбія нѣкоторыхъ финляндцевъ, отодвинутыхъ на второй планъ стокгольмскимъ правительствомъ, частію изъ воспріятія освободительныхъ идей конца XVIII столѣтія. Однако, «число конспирантовъ,—пишетъ Кликъ въ своемъ мемуарѣ,—было такъ невелико, что никогда нельзя было назвать ихъ стремленія голосомъ народа». И К. Г. Армфельтъ говоритъ, что онъ во время своего долголѣтняго пребыванія въ

Финляндіи «имѣлъ случай узнать, слышать и замѣтить, что благоразумнѣйшая, знающая и болѣе мыслящая часть общества сознаетъ глупость идеи самостоятельности, которой протежировало бы или содѣйствовало русское правительство».

Адвокатомъ Спренгтпортена выступилъ финскій историкъ Ирье-Коскиненъ [242]). По его мнѣнію, финны обязаны Спренгтпортену такой-же благодарностью, какъ къ своимъ героямъ при Сикаіоки и Лаппо. Коскиненъ ставитъ своего героя наравнѣ съ тѣми политиками, которые подготовили Боргоскій сеймъ, и которые руководили имъ, прибавляя, что большинство ихъ въ той или иной мѣрѣ участвовали въ аньяльскомъ союзѣ.

Императоръ Александръ I, не знавшій истиннаго отношенія общественнаго мнѣнія къ Спренгтпортену, но желая оказать свое расположеніе къ финнамъ, назначилъ его 19-го ноября—1 декабря 1808 г. генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Просто удивительно, писалъ Алопеусъ, что Спренгтпортенъ теперь будетъ гражданскимъ губернаторомъ въ Финляндіи, онъ, который прежде кажется Абоскимъ гофгерихтомъ былъ приговоренъ къ смерти, какъ государсувенный преступникъ, и имя котораго выставлялось на всѣхъ позорныхъ столбахъ. Гр. Армфельтъ находилъ безсовѣстнымъ, что Спренгтпортенъ желаетъ считать себя честнымъ человѣкомъ, а ген. Аминовъ сталъ сомнѣваться въ серьезности обѣщаній, данныхъ Финляндіи, видя, что въ то же время Спренгтпортенъ назначенъ ея генералъ-губернаторомъ. Спренгтпортену поручено было завѣдываніе гражданскимъ управленіемъ края; начальствованіе-же надъ войсками находилось въ рукахъ генерала Богдана ф.-Кнорринга. Въ теченіе четверти вѣка Спренгтпортенъ мечталъ о господствѣ въ Финляндіи, въ качествѣ ея высшаго правительства, и послѣ начала войны 1808 г. не разъ надѣялся достигнуть этой цѣли. Его желаніе, наконецъ, исполнилось. Однако, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться принять новую должность, онъ призналъ своимъ долгомъ представить Государю свои воззрѣнія на дѣла Финляндіи. «Sire! Финляндія ближайшимъ образомъ покорена успѣхами вашего оружія. Остается завоевать сердца ея жителей, которыя теперь больше, чѣмъ когда-либо отдалены отъ васъ; это завоеваніе возможно лишь посредствомъ справедливаго и правосуднаго правленія, согласно ихъ старому уставу. Необходимо возможно скорѣе учредить временное правленіе для рѣшенія дѣлъ въ послѣдней инстанціи и непосредственно отдавать отчетъ Государю обо всемъ, что подлежитъ его рѣшенію. Этотъ трибуналъ, предсѣдателемъ котораго долженъ быть генералъ-губерна-

торъ, состоялъ-бы изъ членовъ, взятыхъ изъ націи и извѣстныхъ своими способностями, патріотизмомъ и преданностью соединенію съ Россіей... Еще одно существенное дѣло требуетъ временнаго устроенія, это—монета»... [243]).

Послѣ своего назначенія Спренгтпортенъ болѣе трехъ мѣсяцевъ оставался еще въ Петербургѣ, занимаясь дѣлами финской депутаціи и подготовленіемъ къ своей будущей дѣятельности. Въ это время онъ, между прочимъ, провелъ отмѣну извѣстнаго приказа Буксгевдена о конфискаціи имѣній бостелей (bostället) тѣхъ финскихъ офицеровъ, которые продолжали служить въ Швеціи.

Надо полагать, что въ это время онъ не мало носился также со своей особой, если генералъ Голенищевъ-Кутузовъ призналъ необходимымъ напомнить ему, что «надо думать не о Спренгтпортенѣ, а о генералъ-губернаторѣ и представителѣ великаго Монарха», что онъ «долженъ быть въ состояніи показать своимъ образомъ жизни, что Новая Финляндія гораздо могущественнѣе прежней».

Въ день назначенія Спренгтпортена (19-го ноября 1808 г.) генералъ-губернаторомъ, Государь одобрилъ «Положеніе объ учрежденіи главнаго управленія въ Новой Финляндіи», которое по его повелѣнію было выработано при участіи Г. М. Спренгтпортена, военнаго министра Аракчеева и генерала Кнорринга. Этимъ «Положеніемъ» повелѣвалось учредить Комитетъ Главнаго Управленія, который-бы имѣлъ верховное вліяніе въ краѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-губернатора. Предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ генералъ-губернаторъ, о коемъ было постановлено, что онъ, «какъ избранная Государемъ особа, управляя всею землею по закону и довѣренности, ему данной, одинъ отвѣтствуетъ за хорошее устройство, порядокъ и правосудіе; для чего подчиняются ему всѣ вообще гражданскіе чины, коихъ самъ онъ опредѣляетъ и увольняетъ, кромѣ губернаторовъ». Мѣстопребываніе Комитета, который долженъ былъ состоять изъ 6 дворянъ и 6 недворянъ, назначено было впредь до усмотрѣнія въ Тавастгусѣ, а мѣстопребываніе генералъ-губернатора въ мирное время подлежало опредѣленію въ будущемъ. Установлено было также требованіе, что-бы всѣ дѣла производились «на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи шведскомъ языкѣ, доколѣ войдетъ въ употребленіе Россійскій». По проекту всѣ дѣла генералъ-губернаторъ долженъ былъ представлять чрезъ министровъ, получая отъ нихъ Высочайшія повелѣнія. Противъ этого правила имѣется помѣтка Императора: «кромѣ сего пункта; всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ». Комитетъ въ

отношеніи власти и вліянія совершенно блѣднѣлъ передъ генералъ-губернаторомъ, который являлся полнымъ начальникомъ края.

«О вступленіи въ должность генералъ-губернатора бывшей шведской Финляндіи, со всѣми къ ней относящимися губерніями» Спренгтпортенъ объявилъ циркуляромъ 11 декабря 1808 года, въ которомъ указывалъ, между прочимъ, о предстоящемъ созывѣ «общаго конституціоннаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ классовъ» въ январѣ 1809 г. въ городѣ Ловизѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что на новую должность начальника края возложено имѣть «высшее законное попеченіе о благѣ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества».

Въ началѣ февраля 1809 г. онъ уѣхалъ въ Тавастгусъ, гдѣ принялъ управленіе страной. Но положеніе сдѣлалось совсѣмъ не такимъ пріятнымъ, какъ онъ ожидалъ. Раньше онъ умѣлъ сосредоточивать около себя силы и воодушевлять окружающихъ для своихъ плановъ. Но теперь, на склонѣ лѣтъ, онъ былъ горячъ и повелителенъ, почему скорѣе отталкивалъ старыхъ людей, чѣмъ привлекалъ новыхъ. Вскорѣ онъ оказался не только совершенно изолированнымъ, но сталъ наталкиваться на оппозицію со стороны своихъ земляковъ. Уже весною 1808 г. К. Х. Кликъ своими заключеніями рѣзко противодѣйствовалъ Спренгтпортену и особенно настойчиво возражалъ противъ его предложенія созвать представителей финскаго народа въ Або. Вслѣдствіе выступленія Клика, Спренгтпортену въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не удавалось быть выслушаннымъ по финляндскимъ дѣламъ. «Спренгтпортенъ чувствуетъ себя выпровоженнымъ, — какъ значится въ дневникѣ Голенищева-Кутузова 17 апр. 1808 г.,—онъ въ плохомъ настроеніи духа. Онъ думалъ сыграть роль въ покореніи, подчиненіи или инкорпораціи Финляндіи; но такъ какъ все это произошло гораздо скорѣе, чѣмъ можно было думать, то въ немъ теперь не нуждались, и обходились безъ Спренгтпортена съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что онъ всегда стоялъ за права и привилегіи націи». Между Спренгтпортеномъ и его бывшимъ другомъ Андерсомъ Іоганомъ Іегергорномъ не существовало болѣе прежней интимности. Проектъ новаго устава для Финляндіи, составленный Іегергорномъ, не встрѣтилъ уже сочувствія въ Спренгтпортенѣ. Третій крупный финляндскій дѣятель того времени, Маннергеймъ, смотрѣлъ на Спренгтпортена какъ на государственнаго измѣнника.

VI. Переходъ въ Швецію. Поведеніе русскихъ войскъ.

О переходѣ войскъ въ Швецію говорили очень рано. Уже 19 марта 1808 г. Государь запросилъ графа Буксгевдена, возможно-ли совершить этотъ переходъ съ корпусомъ войскъ въ 10—12 тыс. чел.

Въ мартѣ-же 1808 г. Коленкуръ сообщалъ въ Парижъ: «При моемъ разговорѣ съ Императоромъ рѣчь шла преимущественно о переходѣ русскихъ войскъ въ Швецію».—«Государь указывалъ на большія трудности исполненія сего плана. Я просилъ его, если же положительно нельзя воспользоваться льдомъ, отдать необходимыя приказанія, чтобы собрать съ этой же минуты всѣ барки и суда, которыя только можно отыскать, для перевоза войскъ въ первую благопріятную минуту. Я далъ ему понять всю пользу даже простыхъ демонстрацій для того, чтобы шведскія войска раздѣлились изъ опасенія диверсіи. Я убѣждалъ его, наконецъ, послать довѣреннаго офицера въ Вазу, чтобы подготовить все къ переправѣ, какимъ бы способомъ она ни состоялась» [244]). Вечеромъ того же дня Коленкуръ писалъ: «Какъ сказалъ мнѣ вчера самъ Императоръ, переправа русскихъ войскъ въ Швецію, признанная невыполнимою черезъ Аландъ, будетъ совершена черезъ Вазу. Если нельзя будетъ воспользоваться для перехода льдомъ, то войска будутъ перевезены на судахъ». Но въ то-же время французы не выполняли своихъ условій и не наступали на Швецію съ другой стороны. Императоръ Александръ I находилъ, что долженъ быть осторожнымъ, пока не узнаетъ, что французы перешли. «Если бы я получилъ отъ нихъ оплеуху—это его собственное выраженіе,—то это только раздуло бы ихъ тщеславіе и нисколько не подвинуло бы впередъ ни вашихъ, ни нашихъ дѣлъ».

Коленкуръ рѣшительно увѣрялъ Его Величество, что французскія войска будутъ дѣйствовать согласно условію, и уговари-

валъ Императора не только двинуть одинъ корпусъ на Торнео, чтобы этимъ путемъ вторгнуться въ Швецію, но послать еще войска на Аландъ, въ Вазу и всюду, куда только можно будетъ проникнуть, съ цѣлью держать шведовъ въ тревогѣ и заставить ихъ раздѣлить свои силы. Коленкуръ старался дать ему понять, что свобода Балтійскаго моря, спокойствіе Финляндіи и всего побережья могутъ быть обезпечены только экспедиціей въ Швецію.

Въ теченіе апрѣля планъ переправы обсуждался съ Государемъ неоднократно, при чемъ Коленкуръ настаивалъ на томъ, что намѣченный походъ необходимъ въ интересахъ самой Россіи. Но этими разсужденіями затрудненія не устранялись. Попутно Императоръ вновь ставилъ условіемъ сохраненіе Финляндіи за Россіей. Еще болѣе нерасположеннымъ перенести войну въ Швецію оказался графъ Румянцевъ, находя такой планъ опаснымъ для русскаго войска. Французы въ Сконіи не показывались и вся тяжесть предпріятія ложилась на плечи Россіи. Коленкуръ стоялъ на своемъ, убѣждая и обнадеживая. По его мнѣнію, Россія была уже снабжена выгодами, которыхъ только могли себѣ желать государи въ самыя благопріятныя времена; Финляндія говорила въ пользу дружбы Франціи громче, нежели всякія сомнѣнія и съ тѣхъ поръ какъ Россія имѣла союзниковъ, ни одинъ еще не доставлялъ ей подобнаго результата.

«Завоеваніе Швеціи, изгнаніе англичанъ изъ королевства и, для достиженія того, быстрое занятіе Стокгольма,—вотъ средства, могущія обезпечить за сѣверными державами свободное плаваніе по Балтійскому морю, а за Россіей въ частности цѣлость ея береговъ и процвѣтаніе ея торговли, — писалъ Коленкуръ 14—26 апрѣля 1808 г. своему правительству. Всякое дѣйствіе, ведущее къ этой цѣли, весьма важно для этой державы. Если Стокгольмъ будетъ занятъ, то кронштадтскій флотъ будетъ господствовать на Балтійскомъ морѣ, какъ русская армія въ Швеціи.

«Завоеваніе Финляндіи, весьма важное для частныхъ интересовъ Россіи, ничего не значитъ для общаго дѣла, если она на томъ и остановится. Что-же касается Россіи, то всѣ ея берега будутъ необезпечены, если у англичанъ будутъ пристанища въ Швеціи. Господствуя въ Балтійскомъ морѣ, подкрѣпляемые шведскою флотиліею, они могутъ переносить свои войска въ тотъ или другой пунктъ, угрожать Финляндіи, даже Литвѣ. И нельзя доказать, что Россіи не придется, мѣсяца черезъ четыре, имѣть

Графъ

Николай Михайловичъ Каменскій.

Князь

Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

до 50.000 людей въ Финляндіи для ея обороны, изъ-за того, что теперь не посылаютъ 30.000 для завоеванія Швеціи».

Для достиженія своей цѣли энергичный французъ продолжалъ: Какія силы можетъ Швеція выставить противъ русской арміи, которая переправится въ 20 дней черезъ заливъ у Вазы, а можетъ быть даже у Бьернеборга или Або? Въ числѣ мѣръ для достиженія этой великой цѣли Коленкуръ указалъ: «отправка нѣсколькихъ тысячъ людей въ Финляндію, для подкрѣпленія арміи и занятія гарнизонами крѣпостей; быстрая организація Финляндіи, для того, чтобы землевладѣльцы и страна были связаны съ Россіей и ея дѣломъ до вскрытія моря, такъ чтобы гражданское устройство ручалось за ихъ вѣрность; приглашеніе въ Петербургъ 5 или 6 первѣйшихъ фамилій». Далѣе Коленкуръ далъ еще цѣлый рядъ совѣтовъ: онъ рекомендовалъ сосредоточить въ Свеаборгѣ перевязочныя средства, организовать возможно скорѣе экспедицію на Готландъ, «составить отрядъ изъ финской милиціи, подъ командою мѣстныхъ уроженцевъ изъ семействъ, главы которыхъ будутъ въ Петербургѣ».

«Быть въ Стокгольмѣ, значитъ господствовать надъ Швеціей, слѣдовательно, и надъ ея портами: это отвѣтъ на все».

«Дѣло въ господствѣ надъ Балтійскимъ моремъ, въ недопущеніи англичанъ и шведовъ къ своему порогу, наконецъ, въ предоставленіи Петербургу и русскимъ владѣніямъ на этомъ морѣ вѣковой безопасности. Всѣ эти выгоды въ Стокгольмѣ. Небольшой корпусъ въ Торнео, гарнизоны въ главнѣйшихъ портахъ Ботническаго залива, въ Свартгольмѣ, Свеаборгѣ; 3.000 регулярнаго войска и 7.000 туземныхъ милиціонеровъ,—вотъ что составило бы обсерваціонный корпусъ и было бы достаточнымъ для вѣрной обороны Финляндіи противъ всякихъ покушеній. Нѣсколько лишнихъ усилій могутъ покорить ея географическаго врага. Не слѣдуетъ себя обманывать: малѣйшее промедленіе заставитъ потерять всѣ выгоды, представляемыя настоящимъ положеніемъ Швеціи: объятая ужасомъ, недовольная своимъ государемъ и предоставленная всей тревогѣ передъ войною, угрожающей ея столицѣ и ея существованію, она не можетъ быть страшна» [245]).

«Наступаетъ зима,—пишетъ онъ Наполеону,—она перекинетъ мостъ черезъ Ботническій заливъ, по которому русскіе перейдутъ въ Стокгольмъ».

Слухи объ этихъ дипломатическихъ переговорахъ проникли въ общество. Въ письмахъ одного современника читаемъ: «Наполеонъ внушилъ здѣсь, что надобно истребить шведскаго Короля.

Вслѣдствіе сего совѣта, данъ Багратіону корпусъ въ 30.000, съ которымъ велѣно ему по льду идти въ Стокгольмъ и оный занять. Всѣ почитаютъ экспедицію его безразсудной, а корпусъ этотъ пропащимъ. Занять столицу легко будетъ, но какъ тамъ удержаться противъ силъ всего королевства? Ледъ пройдетъ и всякое прервется сообщеніе. Удивительно, что Багратіонъ взялся за такую нелѣпость!» «Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ сказалъ мнѣ на ушко сегодня, что князь Багратіонъ (славный) пишетъ ему о бѣдственномъ своемъ положеніи: солдаты ропщутъ, большая часть безъ сапогъ, а надобно переходить Балтику по льду. Жалованіе выдается мѣдью, рубль приходится только въ 28 коп. Что-то произведетъ присутствіемъ своимъ Аракчеевъ, туда ѣдущій или уже уѣхавшій?» [246]).

8 апрѣля графу Буксгевдену было объявлено Высочайшее повелѣніе произвести наступающимъ лѣтомъ переправу войскъ черезъ Ботническій заливъ, для чего отбирать суда въ финляндскихъ прибрежныхъ городахъ. Въ мотивахъ къ этимъ планамъ исходили изъ предположенія, что на финляндской сторонѣ Ботническаго залива русскіе лишены достаточныхъ средствъ понудить шведовъ принять условія мира.

Къ переходу на шведскій берегъ дѣйствительно готовились. По мнѣнію Буксгевдена, для совершенія перехода требовалось, кромѣ наличныхъ силъ, еще 50.000 войска, 200 канонерскихъ лодокъ и линейный флотъ. Государь запросилъ Барклая де-Толли. «Я старался доказать сомнительность и даже опасность подобнаго предпріятія въ странѣ скудной и лишенной жизненныхъ средствъ; наши морскія силы слабы»—значится въ его журналѣ. Онъ просилъ Государя позволенія развить свои мысли въ особой запискѣ, которую представилъ въ декабрѣ 1808 г. Затѣмъ до января слѣдующаго года не было рѣчи о переходѣ. Но, какъ значится въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля, Императоръ Александръ «хотѣлъ показать міру, что вступать въ столицы, подобно Наполеону, для него дѣло также возможное».—Аракчеевъ,—говорится далѣе у Вигеля,—сидѣлъ въ кабинетѣ, водилъ пальцемъ по картѣ, «не признавая никакихъ трудностей».

Графа Буксгевдена отозвали. На его мѣсто прислали фонъ-Кнорринга, не обладавшаго качествами, необходимыми для главнаго и самостоятельнаго начальника, такъ какъ боялся отвѣтственности. Этому «генералу изъ нѣмцевъ» приписывали глубокія знанія въ военныхъ наукахъ. На дѣлѣ оказалось, что онъ не былъ силенъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ.

Въ началѣ февраля Кноррингъ получилъ «планъ для зимней операціи» къ безотлагательному исполненію. Онъ сталъ говорить, что исполненіе плана чрезвычайно затруднительно, даже невозможно. Графъ Шуваловъ также находилъ, что «люди пропадутъ съ голода».—По другой версіи, напротивъ, со стороны вновь назначенныхъ генераловъ, — какъ писалъ Аракчеевъ, находясь еще въ Петербургѣ, въ началѣ февраля—«возраженій не послѣдовало».

Миновала уже половина февраля, а главнокомандующій все бездѣйствовалъ. Тогда, по совѣту Коленкура, въ Финляндію отправили военнаго министра Аракчеева. 20 февраля—4 марта 1809 г. онъ прибылъ въ Або и сдѣлалъ рядъ нужныхъ и энергичныхъ распоряженій. Между прочимъ онъ сообщилъ Барклаю де-Толли, что 16 марта Государь прибудетъ въ г. Борго, «то я увѣренъ, что вы постараетесь доставить къ Нему на сеймъ шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ-бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ черезъ Кваркенъ Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю де-Толли» [247]).

Донесенія Аракчеева вызвали письмо къ нему Государя отъ 7-го марта 1809 г., въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я тебя не могу довольно благодарить за все твое усердіе и привязанность къ себѣ. Но и моя къ тебѣ не лицемѣрна, и ежедневно болѣе чувствую всю твою цѣну. Поведеніе Кнорринга безстыдное, и одно твое желаніе, чтобы я не сердился, удерживаетъ меня вымыть ему голову, какъ онаго онъ заслуживаетъ . . . Я не могу довольно нахвалиться твоею рѣшимостію, и оною ты мнѣ оказалъ настоящую услугу. Богъ да поможетъ намъ и впредь! При семъ прилагаю указъ на твое имя, удовлетворяющій желанію твоему.—Твой вѣрный другъ».

Упомянутый въ письмѣ Императора указъ заключался въ слѣдующихъ немногихъ внушительныхъ строкахъ: «Нахожу нужнымъ симъ моимъ указомъ ввѣрить вамъ власть неограниченную во всей Финляндіи и право представлять сей указъ вездѣ, гдѣ польза службы онаго востребуетъ. С.-Петербургъ, 7 марта 1809 г. Александръ» [248]).

Подъ воздѣйствіемъ Аракчеева планъ перехода въ Швецію стали приводить, наконецъ, въ исполненіе. Графу Шувалову, занявшему мѣсто Тучкова, надлежало перейти въ Швецію черезъ Торнео. Двигаясь на сѣверъ наши и шведскія войска претерпѣвали всевозможныя лишенія: стужа и болѣзни косили ряды храбрыхъ воиновъ, уцѣлѣвшихъ въ сраженіяхъ. Шведскіе солдаты и офи-

*

церы были одѣты почти въ лохмотья. Около Торнео авангардъ ген. Гриппенберга сдѣлалъ укрѣпленія изъ льда. Нѣкоторыя части нашихъ войскъ имѣли лыжи, но сильный морозъ мѣшалъ ихъ употребленію. Графъ Шуваловъ преслѣдовалъ непріятеля. 35 верстъ за Торнео онъ настигъ шведскій аррьергардъ, но перестрѣлка была слаба, въ виду того, что 27-градусный морозъ отнималъ возможность владѣть оружіемъ. У Каликса Гриппенбергъ получилъ извѣстіе о низложеніи Короля. Въ прокламаціи герцога Карла говорилось о намѣреніи заключить миръ. Наступавшій графъ Шуваловъ предложилъ Гриппенбергу сдаться. Послѣдній отказался и просилъ перемирія. Шуваловъ настаивалъ на сдачѣ. Гриппенбергъ созвалъ военный совѣтъ. Офицеры «съ самодовольствомъ разсуждали, что исполнили свой долгъ и что пора, наконецъ, подумать о самихъ себѣ». «Если между вами хоть одинъ пожелаетъ, чтобы я дрался,— заявилъ Гриппенбергъ,—то я,—чертъ меня побери,—буду драться. Дрался-же я прежде». Водворилось глубокое молчаніе и конвенція была рѣшена. Совершеннѣйшая безнадежность положенія шведовъ среди снѣжныхъ пустынь и умножившіяся несчастія побудили ихъ, въ числѣ 7 тыс., согласиться на конвенцію въ Каликсѣ и, въ силу ея, положить оружіе, сдать 12 знаменъ и 22 орудія, возвратить по домамъ финскія войска, коими, по переходѣ за предѣлы родины, овладѣло отчаяніе. Каликская капитуляція 13—25 марта была главнѣйшимъ событіемъ въ области военныхъ дѣйствій 1809 г.—Она, несомнѣнно, оказала большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ кампаніи [249]).

Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, которому пришлось занять мѣсто начальника сѣвернаго отряда, былъ воспитанъ на французскій манеръ, какъ баричъ того времени. Онъ извѣстенъ какъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый; онъ былъ любимцемъ Императора и до утонченности внимателенъ. Обстоятельства благопріятствовали графу Шувалову: съ одной стороны ленсманъ весьма своевременно таинственно объявилъ ему извѣстіе о низложеніи Густава IV Адольфа, а съ другой шведы, узнавъ о переходѣ Барклая де-Толли через Кваркенъ, вынуждены были вступить въ переговоры.

Багратіону надлежало по льду перейти изъ Або на Аландъ, и этотъ переходъ былъ удачно выполненъ. «Успѣхъ русскихъ зависѣлъ отъ Суворовской тактики, быстроты въ движеніяхъ, а корпусомъ начальствовалъ ученикъ великаго полководца, князь Багратіонъ». Ѳ. Булгаринъ говоритъ, что «погода благопріятствовала русскимъ, шедшимъ через Аландъ. Холодъ былъ зна-

чительный, но безъ вѣтра, и дни были ясные. Снѣгъ едва покрывалъ ледяную поверхность, и не затруднялъ шествія. Отраженіе лучей было чрезвычайно сильное на снѣжной поверхности, и русскія колонны, сосредоточивая свѣтъ на оружіи, двигались какъ огненныя массы, среди мертвой природы. За колоннами тянулись огромные обозы съ съѣстными припасами на цѣлый мѣсяцъ, и даже съ дровами для биваковъ, среди моря. Въ воздухѣ вились стаи хищныхъ птицъ, ожидая добычи, какъ подъячіе въ спорѣ людей. Ночные биваки на льду представляли удивительную картину. Воины окапывались снѣгомъ, чтобъ защититься отъ холоднаго вѣтра. Костры пылали ровными линіями. Впереди корпуса увивался Кульневъ, съ летучимъ своимъ отрядомъ, открывая непріятеля, ища опасностей и славы». «Восемь сутокъ сряду Кульневъ съ своимъ отрядомъ носился день и ночь по необозримымъ ледянымъ пространствамъ, сражаясь каждый день и каждый часъ подвергаясь опасности быть отрѣзаннымъ или попасть въ засаду». «Аландскіе острова были завоеваны въ шесть сутокъ! Побѣдителямъ досталось 3.000 плѣнныхъ, 30 пушекъ, 5 военныхъ судовъ, богатые магазины съ съѣстными припасами, военные госпитали и проч. Потеря русскихъ была незначительна» [250]). Часть русскихъ войскъ въ концѣ февраля 1809 г. перешла затѣмъ въ Швецію. Это—одна изъ труднѣйшихъ задачъ выпала на долю славнаго Кульнева. «Съ нами Богъ! писалъ Кульневъ въ своемъ приказѣ. Я предъ вами, а князь Багратіонъ за нами! На маршѣ быть бодрымъ и веселымъ. Уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ. По прибытіи на бивакъ, чарка водки, кашица съ масломъ, ложе изъ ельника и спокойная ночь»! Вотъ чѣмъ утѣшалъ своихъ молодцевъ-солдатъ въ авангардѣ Кульневъ. И воины шли, а когда нужно было, то «гусары аттаковали шведовъ съ фронта, казаки бросались съ фланговъ и неслись въ тылъ непріятеля». Усилія увѣнчались успѣхомъ и Кульневъ съ войсками въ Грислегамнѣ воспѣлъ: «Тебѣ Бога хвалимъ»!

Послѣ этого похода по льду въ Швецію, имя Кульнева облетѣло Европу.

Барклаю де-Толли предписано было двинуться изъ Вазы прямо на Умео. Этотъ путь перехода русскихъ въ Швецію по льду, черезъ Кваркенъ, также представлялъ грандіозную картину. Зима 1809 г. была необыкновенно суровая, и Ботническій заливъ покрылся толстымъ ледянымъ слоемъ. Въ возможность перехода русскихъ черезъ заливъ шведы не вѣрили. Отважный Адлеркрейцъ, услыхавъ о замышляемомъ предпріятіи, назвалъ его нелѣ-

нымъ. Кронстедтъ,—начальникъ шведскаго отряда въ Умео,—оставался спокойнымъ. Барклай де-Толли, имѣя 3.000 человѣкъ, шелъ трое сутокъ мѣстами по глубокому снѣгу, мѣстами по грудамъ льда, покрывавшаго въ видѣ огромныхъ скалъ проливъ Кваркенъ; безъ проводниковъ, по указанію компаса, онъ взбирался на массы льда, возвышавшагося то утесами, то волнистыми грядами, переходилъ, какъ широкія рѣки, разсѣлины, проводилъ ночи на бивакахъ, надъ пучиною, готовою взволноваться отъ перваго порыва южнаго вѣтра и поглотить весь отрядъ. Солдаты едва двигались отъ изнуренія. Лошади скользили. Для переправы орудій, поставленныхъ на полозья, отряжено было 200 рабочихъ. Ночь проводили безъ огней. «Переходъ былъ наизатруднительнѣйшій, доносилъ Барклай-де-Толли. Солдаты шли по глубокому снѣгу, часто выше колѣнъ... Понесенныя въ семъ походѣ трудности единственно русскому преодолѣть только можно». Слова Барклай-де-Толли: «не нужно вѣховать Кваркена, я развѣховалъ его трупами»,—свидѣтельствуютъ также о трудности похода. Кронстедтъ явился къ Барклаю де-Толли и заявилъ, вся Швеція желаетъ мира. Густавъ Адольфъ лишенъ престола. Заключили конвенцію объ очищеніи шведами Умео.

На югѣ, неожиданно для всѣхъ, Кноррингъ остановилъ Кульнева и даже приказалъ ему вернуться на Аландъ. Когда вѣсть объ этомъ достигла Умео, то начальникъ шведскаго отряда Кронстедтъ не хотѣлъ вѣрить извѣстію. «Можетъ-ли быть,—воскликнулъ онъ,—чтобы Кноррингъ поступилъ такъ неблагоразумно!»—«Je sais déjà ce que vous m'apportez,—заявилъ Барклай де-Толли, mais je vous assure que ce général a perdu la tête» [251]). «Кноррингъ, будучи искуснымъ полководцемъ»,—писалъ о немъ графъ П. Сухтеленъ, — «не имѣлъ той нѣсколько безразсудной пылкости, безъ которой на войнѣ нельзя пріобрѣсти полнаго успѣха».

«Не знаютъ кому слава экспедиціи, ибо были тутъ Аракчеевъ, главнокомандующій Кноррингъ и князь Багратіонъ».

Изъ воспоминаній Б. Мертваго мы узнаемъ, что главные лавры пожалъ Аракчеевъ: «Успѣшное исполненіе прожекта Аракчеевскаго о переходѣ войска чрезъ Ботническій заливъ на шведскіе берега, сдѣлали Аракчеева сильнѣе прежняго, и онъ со славою чрезъ мѣсяцъ возвратился».

Въ дѣлѣ покоренія Финляндіи Аракчееву несомнѣнно пришлось сыграть не малую роль. Въ качествѣ военнаго министра онъ неизбѣжно вліялъ на общее направленіе операцій и доставку всего необходимаго арміи, какъ уполномоченный Монарха, онъ

явился на театрѣ военныхъ дѣйствій, облеченный неограниченной властью, и во время поѣздки Государя въ Эрфуртъ, когда управленіе дѣлами Имперіи было поручено комитету министровъ, съ правомъ объявлять въ экстренныхъ случаяхъ Высочайшія повелѣнія, Аракчеевъ явился «душою комитета».—Историческій обликъ Аракчеева опредѣленно вырисовывается въ тѣхъ многочисленныхъ отзывахъ, которыми полны воспоминанія о немъ современниковъ. По словамъ самого Императора Александра Павловича, «Аракчеевъ былъ человѣкъ замѣчательный, только не по уму и способностямъ, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязанности къ формѣ и внѣшности». Императрица Елизавета Алексѣевна въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Аракчеевъ былъ самымъ главнымъ совѣтникомъ при Императорѣ; онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно; чрезъ его руки проходили почти всѣ дѣла; этого человѣка всѣ боялись». Знаменитый Юрьевскій архимандритъ Фотій, характеризуя Аракчеева, сказалъ: «Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого больше не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ; ему одному всѣ дѣла государственныя, тайны сердца Царева были болѣе открыты и извѣстны; онъ есть правое око Царя, столпъ отечества, и таковые люди вѣками родятся». Аракчеевъ сдѣлался единственнымъ министромъ Александра: даже доклады святѣйшаго синода шли черезъ него. Закревскій писалъ 15 декабря 1819 г. Киселеву: «У насъ теперь существуютъ двѣ чумы, одна ваша, которая при мѣрахъ осторожности исчезнетъ, а другая—Аракчеевъ, не прежде изгладится съ земли нашей, какъ по смерти, которой ожидать намъ долго; признаться надо, что вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи» [252]).

Графа Буксгевдена всесильный временщикъ не любилъ за его постоянныя жалобы на трудности войны, за частыя требованія свѣжаго войска, денегъ, аммуниціи и продовольствія.

«Я сказалъ однажды графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву,—читаемъ въ воспоминаніяхъ Ѳ. Булгарина,—что Россія много обязана ему въ дѣлѣ покоренія Финляндіи. Въ этихъ словахъ не было ни лести, ни комплимента съ моей стороны, а была сущая правда, повторенная и знаменитымъ нашимъ военнымъ историкомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, по смерти графа Аракчеева. Графу Алексѣю Андреевичу пріятны были мои слова. «Такъ есть еще люди, которые отдаютъ мнѣ справедливость», сказалъ

графъ: «спасибо, братецъ, спасибо! Я не воевода и не брался предводить войсками, но Господь Богъ далъ мнѣ столько разума, чтобъ различить правое отъ неправаго. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бы мы отложили изгнаніе шведовъ изъ Финляндіи до слѣдующаго года! Буксгевденъ почиталъ меня своимъ личнымъ врагомъ—и крѣпко ошибался. За что мнѣ было враждовать съ нимъ? Тотъ мой врагъ, кто не исполняетъ своего дѣла, какъ слѣдуетъ. Я воевалъ съ Буксгевденомъ его собственнымъ орудіемъ—его резонами, противу предложеннаго имъ перемирія, и если бы слушалъ всѣхъ, да не столкнулъ Барклая (собственныя слова графа) на ледъ, прямо въ Швецію, то мы еще годика два пробились-бы въ Финляндіи . . . Жаловались на недостатокъ продовольствія, но вѣдь я посылалъ изъ Петербурга сколько было нужно; зачѣмъ не умѣли сберечь и доставить куда слѣдуетъ». . . [253]).

Конвенція въ Каликсѣ раздражила шведовъ и они рѣшили продолжать борьбу, назначивъ начальникомъ своихъ войскъ графа Вреде. Вслѣдствіе крайне плохихъ распоряженій русскаго главнокомандующаго фонъ-Кнорринга, благопріятное время для вторженія въ Швецію было упущено и десятитысячному корпусу графа Шувалова пришлось вынести весьма трудную борьбу въ Вестерботніи. На шведскомъ берегу произошли схватки при Шелехте, Гернефорсѣ, Сефвара и Ратанѣ. При Шелехте отрядъ ген. Алексѣева, спѣшившій на выручку нашихъ силъ, прошелъ въ теченіе ночи сорокъ верстъ по льду, и частью по колѣно въ водѣ. Графъ Шуваловъ, по болѣзни, уѣхалъ, сдавъ начальствованіе ген. Алексѣеву. Продовольствія нашему корпусу доставлялись на купеческихъ судахъ, а по сухому пути—на подводахъ ямщиками, собранными въ Тверской и Новгородской губ.; но вскорѣ шведы заняли Кваркенъ и прервали доставку черезъ проливъ. Ген. Алексѣевъ думалъ, что ему придется уйти изъ Швеціи, но Государь повелѣлъ, подъ угрозой суда, не оставлять Умео.

Графъ Каменскій вновь прибылъ къ войскамъ и дѣйствовалъ по обыкновенію чрезвычайно энергично, несмотря на то, что очутился со своей арміей среди двухъ огней. При Сефварѣ въ августѣ 1809 г. шведы послѣ кровопролитнаго боя были отброшены и отрядъ, высадившійся въ Ратанской гавани, долженъ былъ сѣсть на суда и отплыть. «Не могу довольно нахвалиться усердіемъ, храбростью и неутомимостью всѣхъ чиновъ. Изъ одного боя войска поспѣшали къ другому и послѣ форсированныхъ маршей вступали опять въ бой».

Однако, благоразуміе побудило отважнаго генерала оттянуть свои войска обратно на сѣверъ, къ Питео. Праздный и клевещущій Петербургъ пытался ославить графа Каменскаго, но на защиту заслуженнаго графа выступилъ Барклай де-Толли, заявивъ, что по его мнѣнію «сіе отступленіе превосходнѣе побѣды, не имѣющей полезныхъ послѣдствій».

Война была окончена.

Начальникъ шведскаго отряда, стоявшаго противъ графа Каменскаго, Дёбельнъ, распустилъ шведовъ по домамъ, а финновъ, которыхъ оставалось подъ шведскими знаменами только 2 слабыхъ баталіона, отправилъ на родину. Передъ выступленіемъ онъ собралъ войска въ воскресеніе около кирки и напутствовалъ финновъ трогательною рѣчью, стараясь своимъ сильнымъ голосомъ превозмочь бушевавшую погоду.—«Вѣсть о мирѣ,—говорилъ онъ,—полагаетъ конецъ всѣмъ бѣдствіямъ опустошительной войны, вѣсть безъ сомнѣнія радостная, тѣмъ болѣе, что истощенныя средства Швеціи не позволяютъ ей продолжать войну, начатую вслѣдствіе политической ошибки и совершенно изнурившую въ теченіе двухъ лѣтъ силы нашего отечества. Но Швеція теряетъ Финляндію. Она лишается гордаго народа финскаго—вѣрнѣйшей опоры своей; ея армія лишается своего цвѣта; отечество удручено горемъ и сожалѣніемъ о невознаградимой утратѣ. Премудрость Всемогущаго рѣшила судьбу нашу! Примемъ чашу сію терпѣливо и безропотно. Воины, товарищи, братья! Въ истекшую войну вы противились усердно и мужественно многочисленному непріятелю, побѣдили его при Сикаіоки, Револаксѣ, Пулькилло, Лаппо, Кухаіоки, Алаво, Лапфіердѣ, Иденсальми и, вынужденные превосходствомъ числа оставить Финляндію, сражались упорно за землю шведскую. Вы составляете драгоцѣнные остатки храбраго финскаго воинства. Вамъ долженъ я съ сердечнымъ умиленіемъ изъявить искреннюю признательность Короля, государственныхъ чиновъ, шведскаго народа, шведской арміи. Ваши подвиги велики, и имъ соразмѣрна благодарность, мною вамъ изъявляемая отъ имени всѣхъ. Финны! Возвратясь въ свои дома, передайте благодарность Швеціи вашему народу. Вы идете въ путь съ истерзанною одеждою, изувѣченными и прострѣленными членами, но носите на себѣ явныя украшенія доблестныхъ воиновъ. Врагами шведской земли вы никогда не можете сдѣлаться, въ томъ я убѣжденъ; но пребудьте всегда ея друзьями. Если могущество русскаго правительства воспрепятствуетъ исполненію вашихъ желаній и воли, изливайте на прежнюю отчизну безмолвныя благословенія! Напоминайте о ней

дѣтямъ вашимъ. Изъ рода въ родъ будемъ мы благословлять и почитать васъ. Время все измѣняетъ, съ нимъ все забывается, но союзъ воинскій, связанный боями, опасностями, кровью и смертью,—никогда не разрушается. Такъ, вы и всѣ мы увѣрены во взаимной любви. Братство воиновъ длится на всю жизнь» [254]).

«У многихъ плѣнныхъ, т. е. у русскихъ, — разсказываетъ финляндецъ Аспъ, — находили золотыя вещицы, серебряныя ложки, шелковые платки и проч.»; все это было награблено. Изъ перинъ солдаты выбрасывали перо, а чахлы удерживали. Въ селѣ Хирваскари русскіе грабили въ самый разгаръ сраженія. Когда они, между прочимъ, замѣтили яму, въ которую сельчане спрятали своихъ дѣтей, женъ и имущество, и когда дѣти съ испуга начали плакать, русскіе передразнивали дѣтскій плачъ и ограбили народъ до-гола. Въ ранцахъ непріятеля находили женское и дѣтское бѣлье. Подобные поступки, конечно, должны были раздражать мирнаго и спокойнаго финскаго крестьянина и подавать ему поводъ къ убійствамъ русскихъ курьеровъ и солдатъ, сопровождавшихъ транспортные обозы. Подобныя печальныя явленія неизбѣжны въ періоды враждебныхъ столкновеній, когда страсти разнуздываются и надзоръ начальства ослабѣваетъ за солдатами. Весь вопросъ въ томъ, составляли-ли эти факты въ дѣйствительности характерную особенность русскаго войска, или мелькали въ военномъ калейдоскопѣ, какъ исключенія и неизбѣжныя тѣневыя стороны трудныхъ боевыхъ походовъ?

Прошло сто лѣтъ со времени войны 1808—1809 г.г. Накопились указанія современниковъ и явились историческія изслѣдованія, почему въ наши дни можно спокойно обозрѣть все поведеніе враждовавшихъ, все кровавое поле ихъ дѣйствія.

Многочисленны были тѣ опустошительныя войны, которыя велись между Россіей и Швеціей. Сопровождавшія ихъ страданія и лишенія обрушились почти исключительно на Финляндію, укоренивъ въ мѣстномъ населеніи чувство вражды къ Россіи и русскимъ. Русскіе съ оружіемъ въ рукахъ не разъ проходили Финляндію отъ края до края, оставляя за собой не мало опустошенныхъ селеній и человѣческихъ труповъ. Такова война! Слово «rysse» (русскій) наводило страхъ и являлось синонимомъ дикости и грубости.

Въ прежнія времена и въ періодъ «великой разрухи»,—т. е. петровскихъ войнъ,—люди отъ ужаса бѣжали въ Швецію, спаса-

лись въ лѣсахъ и пустыняхъ.—Но, начиная съ войны Елизаветы Петровны (1741—1743 г.), здравый смыслъ сталъ, правда, подсказывать финляндцамъ, что русскимъ нѣтъ основанія разорять то, что они готовились объявить своимъ.—Но предубѣжденіе противъ русскихъ существовало, и вѣками накопившіяся недобрыя чувства къ нимъ не могли сразу сгладиться и исчезнуть. Мы и на этотъ разъ входили въ Финляндію, предшествуемые прежнимъ финскимъ предубѣжденіемъ о русскомъ варварствѣ и отсталости. Къ этому присоединялась безнадежность финляндцевъ спасти родину отъ надвигавшейся опасности. — Удрученное ихъ настроеніе и страхъ удваивались при мысли, что они подпадутъ власти столь грубаго народа.

Генералъ - маіоръ Аминовъ, напримѣръ, въ письмѣ къ своей женѣ отъ 16 марта н. ст. 1808 г. изливаетъ свое горе въ такихъ выраженіяхъ: «Бѣглецъ изъ отечества! Жена и дѣти! Все, что мнѣ теперь дорого въ жизни. — И это бѣгство изъ южной Финляндіи, изъ той мѣстности, которая кормила меня, бѣглецъ изъ стоянки полка, этого честнаго полка, отъ друзей, ихъ горюющихъ женъ... О, Боже! я, рожденный свободнымъ шведомъ, съ шведскими убѣжденіями объ истинномъ достоинствѣ и правахъ человѣка; какую жизнь сулитъ мнѣ остатокъ моихъ дней, жизнь раба; заглушать либеральныя воззрѣнія и убѣжденія, которыя я унаслѣдовалъ, воззрѣнія, укрѣпленныя кровью, развитыя и облагороженныя сначала безпорочнымъ отцомъ, а затѣмъ упроченныя около безсмертнаго Короля Густава III! Забуду о себѣ. — Но мои дѣти! О, Боже! Неужели я долженъ буду воспитывать ихъ рабами, душить и давить ихъ природныя честныя, истинныя чувства и достоинство ихъ рода! О, Боже! лучше закрой и ихъ, и мои глаза!—Вотъ опасенія, моя Эва, которыя томятъ мою душу! Они рождены свободными. — Мысль, что они будутъ воспитаны, дабы сдѣлаться рабами, меня сокрушаетъ. Подъ деспотическимъ скипетромъ — честность и либеральныя воззрѣнія составляютъ преступленіе» [255]).—Такому отчаянію предавался образованный человѣкъ, который, по своему прошлому при дворѣ Короля и по своимъ странствованіямъ, могъ бы имѣть о Россіи болѣе основательныя свѣдѣнія. Черезъ два дня онъ опять пишетъ женѣ, но уже находитъ для нея слово утѣшенія. Это слово онъ почерпнулъ изъ русскихъ прокламацій и царскихъ манифестовъ. «Манифесты непріятеля обѣщаютъ безопасность жизни и имущества;—все, что онъ беретъ, оплачивается до сихъ поръ сполна. Даже казаки не будутъ и не осмѣлятся производить насилій». — Подумавъ нѣ-

сколько и трезво отнесясь къ окружающему, онъ имѣлъ возможность написать женѣ: «Страну, которую непріятель собирается удержать за собой или завоевать, какъ провинцію, — не опустошають и не разоряютъ, потому что это было-бы все равно, что уничтожить самого себя».

Слѣдовательно, какъ только финляндцы хладнокровно стали осматриваться, то сразу-же должны были замѣтить, что не имѣлось никакихъ серьезныхъ причинъ для ихъ унынія и безпросвѣтнаго пессимизма.

Настали иныя времена, и на сценѣ исторіи были другіе дѣятели. Русскіе шли теперь въ Финляндію, проникнутые строгимъ режимомъ Аракчеева; въ войскахъ господствовала дисциплина—наслѣдіе суроваго Павла. На престолѣ Россіи находился Александръ I, личное обаяніе котораго легко привлекало къ нему сердца. Во главѣ русской арміи поставлены были гуманные и образованные Буксгевденъ, Сухтеленъ, Барклай-де-Толли и др. Кампанію 1808 г. рѣшено было вести не однимъ оружіемъ: имѣлось въ виду покорить также сердца финновъ, пріобрѣтя ихъ довѣріе и расположеніе.

Въ концѣ января 1808 г., т. е. до фактическаго начала кампаніи, Государь Императоръ секретнымъ рескриптомъ генералу-отъ-инфантеріи Буксгевдену выразилъ свою волю: «Хотя отъ точнаго соблюденія правилъ, преподанныхъ вамъ, надѣюсь я, что со стороны войскъ, вамъ ввѣренныхъ, сохранено будетъ спокойствіе заграничныхъ жителей, тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ снискивать собственную ихъ довѣренность и доброе къ войскамъ нашимъ расположеніе». Какъ первое средство для этого предлагалось прибѣгнуть къ содѣйствію духовенства.

Въ другомъ, также секретномъ, рескриптѣ говорилось: «Опыты прошедшихъ военныхъ дѣйствій увѣрили меня въ томъ справедливомъ мнѣніи, что строгая дисциплина есть душа военной службы, что малѣйшее послабленіе начальника есть первое начало разстройства въ цѣломъ. Сіи-то причины были поводомъ худого послушанія и возрожденія «мародіеровъ», которые наносили столь важный вредъ всей арміи... Я поручаю вамъ всю власть, какую только признаете вы за нужное употребить, въ бытность ввѣряемыхъ вамъ войскъ за границею, (для) наблюденія добраго въ войскахъ порядка, дисциплины и субординаціи, и надѣюсь отъ васъ, что ожиданіе мое не будетъ тщетно, что никакой слухъ, противный оному, до меня не дойдетъ и что ненавистное названіе «мародіеровъ» не будетъ существовать въ корпусѣ вашемъ. При таковомъ

ожиданіи хотя излишне упоминать, чтобы по выходѣ за границу сохранены были жители отъ насилій, грабительства и т. п., но ежели гдѣ нарушится спокойствіе ихъ нашими войсками, вы тотчасъ должны будете сіе исправить, обиженныхъ удовлетворить и виновнымъ строгое и достойное сдѣлать наказаніе».

Въ преслѣдованіи самоволія войскъ въ Александровское время проявлено было рѣдкое рвеніе. Когда въ 1813 г. наши войска двинулись за границу, то въ приказѣ Государя говорилось. «Вы видѣли въ землѣ нашей грабителей, расхищавшихъ дома невинныхъ поселянъ... Кто-же захочетъ уподобиться имъ? Если, паче чаяніе, таковой сыщется, да не будетъ онъ русскій! Да исторгнется изъ среды васъ!.. Воины! сего требуютъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и Царь вашъ!» Въ другой разъ Государь писалъ «Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ».

Финляндскіе и шведскіе историки установили, что въ первый періодъ кампаніи дисциплина въ русскихъ войскахъ была прекрасная. Болѣе чѣмъ всякія прокламаціи и иныя мѣры, — писали они,—содѣйствовала успокоенію умовъ та дисциплина, которая въ началѣ господствовала въ русскихъ войскахъ. Эта заслуга приписывалась Буксгевдену. Онъ разрѣшилъ населенію подавать жалобы и если онѣ оказывались обоснованными, то вели къ наказанію виновнаго. Вслѣдствіе этого вначалѣ всѣ счета исправно оплачивались. Справедливость требуетъ сказать,—читаемъ въ статьѣ финляндца,—что русское начальство во многихъ случаяхъ строго наказывало за такіе поступки, которые въ то время допускались въ широкихъ размѣрахъ Наполеономъ и его «побѣдоносной арміей» [256]).

«Тихо и мирно прибыли русскіе въ Борго, и такимъ-же образомъ они вели себя тамъ, — какъ значится у Алопеуса, въ его Dagboks-anteckningar 1808—1809 г. Сейчасъ (30 апрѣля) пріѣхалъ сюда знакомый изъ Іоккасъ и разсказалъ, что русскіе тамъ были добры, и что финны лишь опасались ухода русскихъ».

Хотя начавшійся въ городѣ Борго постой русскаго войска и былъ особенно тяжелъ для жителей, однако, справедливость требуетъ признать,—пишетъ Т. Hartman,—что начальство всячески старалось поддерживать порядокъ и дисциплину среди солдатъ. Сообща съ комендантомъ магистратъ принялъ такую мѣру: нѣкоторые горожане назначены были смотрителями и обязаны были каждый вечеръ и каждое утро въ разныхъ частяхъ города узнавать, не производились-ли какія-либо насилія или пре-

ступленія и тотчасъ объ этомъ докладывать предсѣдателю суда. Каждый разъ, когда полкъ, который останавливался для отдыха, располагался на квартирахъ въ городѣ, или выступалъ въ походъ, магистратъ обязанъ былъ выдать свидѣтельство о его поведеніи и эти свидѣтельства показываютъ, что очень рѣдко имѣлись причины для какихъ-либо замѣчаній. Съ другой стороны, городскія власти всячески старались исполнять желанія побѣдителей и, избѣгая поводовъ къ конфликтамъ, постоянно уговаривали жителей быть къ услугамъ войскъ. Особенно предупреждалъ магистратъ жителей осмотрительно обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, строго запрещая имъ «по старинному» обычаю стрѣлять въ праздникъ Пасхи.

Теплотой и искренностью дышатъ записки, относящіяся къ 1808 г. Ихъ отыскали въ старой мебели. Финляндскіе историки приписываютъ ихъ маіору Б. Г. Аминову. «Когда я узналъ, пишетъ онъ, что русскіе приблизились къ Таммерфорсу, я отправился къ ихъ главнокомандующему, съ просьбой охранить мое имѣніе отъ всякаго насилія. На пути мы были задержаны казаками. Затѣмъ насъ отправили къ начальнику отряда Янковичу, который принялъ насъ весьма ласково, и просилъ слѣдовать за арміей до города. Въ эти дни я получилъ болѣе хорошее представленіе о русской арміи. Я видѣлъ, какъ въ городъ вступали слишкомъ 3.000 человѣкъ, мерзлые и истощенные голодомъ. Они ѣли что попадало: сырые соленые кишки безъ всякой приправы уничтожались.

«Когда я это увидѣлъ, меня поразило, какъ армія, до того изголодавшаяся, могла содержаться въ такой строгой военной законности, что не учиняла насилій и не производила безпорядковъ, такъ какъ ни одинъ врагъ не бываетъ болѣе жестокъ, чѣмъ голодъ. Когда я вернулся домой, то мои дѣти встрѣтили меня и весело разсказывали, что войска, которыя прибыли сюда ночью, вели себя съ честью, съ совершеннымъ уваженіемъ и добротой; они ни до чего не дотронулись и, послѣ того, какъ ихъ накормили, вѣжливо отблагодарили и удалились».

Плѣнный Клерфельтъ въ письмѣ къ ген. Аминову говоритъ: «Храбрый генералъ Кульневъ почти спасъ мнѣ жизнь и мы не можемъ вполнѣ нахвалиться предупредительностью русскаго генерала и его офицеровъ [257]). Все это отзывы не единичные и не исключительные.

Въ 1849 г. въ Стокгольмѣ была напечатана небольшая книжка C. E. Bladh'a «Воспоминанія о войнѣ 1808—1809 г.г.» («Minnen från Fincka kriget åren 1808—1809»), въ ней также находится

не мало сочувственныхъ отзывовъ о добрыхъ сторонахъ русскихъ войскъ.

«Они (казаки) — читаемъ въ этой книгѣ, — имѣли страшный видъ со своими длинными бородами, и ихъ языкъ казался тѣмъ, кто ранѣе не слышалъ его, дикимъ и варварскимъ; кромѣ того, они были плохо одѣты, въ оборванныхъ кафтанахъ и разноцвѣтныхъ шапкахъ. Но вообще они были кротки и можно дать вступавшимъ въ край русскимъ при началѣ войны ту аттестацію, что они вели себя скромно и добродушно». «Правда иногда исчезали то барашекъ, то свинья, унесенные непріятелемъ, но за нихъ начальство тотчасъ-же платило, какъ только было представлено доказательство, что, однако, рѣдко возможно было сдѣлать». «Офицеры вообще были очень вѣжливы». Это подтверждается и дневникомъ Алопеуса: «Когда здѣсь здороваются съ высшими русскими военными чинами (чего они очень желаютъ), то они всегда отвѣчаютъ, даже простому народу». Генералъ Раевскій былъ вполнѣ образованный человѣкъ, или какъ англичане выражаются: A gentleman to the extent of the word. Въ разговорѣ онъ однажды спросилъ: «А сколько душъ имѣете вы въ этомъ имѣніи?» и не мало былъ удивленъ, получивъ въ отвѣтъ отъ хозяина: «ни одной, кромѣ моей собственной». Русскимъ трудно было понять, что возможно было вести хозяйство безъ крѣпостныхъ». «Во время стоянки нашихъ войскъ въ Вазѣ, офицеры устроили балъ и отличались необычайной вѣжливостью; прислуга не допускалась, а прислуживали сами офицеры, и соблюденъ былъ полный порядокъ». «Нѣсколько разъ я имѣлъ случай наблюдать сердечную доброту генерала Шепелева, — продолжаетъ все тотъ-же современникъ Bladh. Его домъ осаждали множество крестьянъ, которые жаловались на потери то барана, то теленка или поросенка, унесенныхъ солдатами. Невозможно было ни доказать подобныхъ фактовъ, ни открыть преступника; но генералъ всегда готовъ былъ вознаградить ихъ убытки 2—3 риксдалерами изъ своего кошелька, причемъ я часто служилъ ему переводчикомъ, и мнѣ приходилось передавать выраженія его сочувствія. При звукахъ русской музыки одна старушка заплакала. Музыка напомнила ей о собственныхъ финскихъ войскахъ. Узнавъ о причинѣ слезъ, генералъ далъ ей нѣсколько риксдалеровъ, ласково похлопалъ старушку по плечу и въ восторгѣ воскликнулъ: «ахъ, какая любовь къ родинѣ!» «Кромѣ этихъ и другихъ трогательныхъ и дѣлающихъ честь доказательствъ общечеловѣческой любви генерала, я лично имѣлъ удовольствіе испытать на себѣ его необычайную гуманность. Онъ

не только угощалъ меня своими вкусными обѣдами, къ которымъ ежедневно были приглашаемы 20—30 человѣкъ изъ его офицеровъ, но часто ласково разговаривалъ со мною, задушевно разспрашивалъ меня о моемъ отцѣ и его дѣлахъ, и открыто выражалъ свое опасеніе, что мнѣ невозможно будетъ скоро вернуться домой, послѣ того, какъ все болѣе и болѣе приближались къ намъ шведы». «Какъ начальство, такъ и подчиненные этого красиваго полка (рѣчь идетъ о лейбъ-казакахъ) отличались мирнымъ и гуманнымъ отношеніемъ».

Опасаясь, что англичане, войдя въ Балтійское море, могутъ воспользоваться хорошимъ портомъ на Готландѣ, рѣшено было отправить изъ Либавы и Виндавы 2.000 человѣкъ для занятія острова. Въ апрѣлѣ островъ былъ занятъ. Имѣются разсказы двухъ современниковъ и оба они — секретарь магистрата Висбю, Антонъ Моландеръ, и таможенный начальникъ острова, Тигерстедтъ — единогласно удостовѣряютъ, что поведеніе нашихъ войскъ было прекрасное. «Надобно сознаться»,— пишетъ Тигерстедтъ,—«что со стороны русскихъ не было ни малѣйшаго насилія, не произошло ни малѣйшаго шума... Сверхъ всякаго чаянія обхожденіе адмирала Бодиско и его адъютантовъ съ нами было весьма вѣжливо и благосклонно». То же повторено у А. Моландера. Русскіе войска выступили изъ города къ радости жителей, но при единодушномъ свидѣтельствѣ о томъ, что адмиралъ Бодиско своими рѣдкими знаніями и вообще замѣчательными свойствами своими заслужилъ всеобщее высокое уваженіе; что русскіе офицеры были люди очень образованные, высокой нравственности и вѣжливаго обращенія. Они поддерживали въ войскахъ дисциплину, заслуживающую высшей похвалы, ибо за время ихъ пребыванія въ городѣ ни одинъ человѣкъ не потерпѣлъ ни смерти, ни увѣчья, не былъ ни оскорбленъ, ни обворованъ. Замѣчательно также то обстоятельство, что страна была занята русскими и очищена безъ всякаго кровопролитія.

Можно привести также случаи, когда въ русскихъ исполнителяхъ голосъ сердца заглушалъ требованія службы. У Булгарина описанъ такой, напримѣръ, эпизодъ: Графъ Н. М. Каменскій призываетъ къ себѣ Булгарина,— тогда молодого уланскаго офицера,— и говоритъ ему: «Вы знаете послѣднее происшествіе. Взбунтованными мужиками, которые разбили нашъ транспортъ съ продовольствіемъ и перерѣзали прикрытіе, начальствовалъ пасторъ». Далѣе слѣдовало указаніе, гдѣ находился пасторъ, и приказаніе захватить и привести его. Офицеръ съ отрядомъ ночью отправился къ

Подводы немецкой армии.

[illegible] армии Наполеона.

дому пастора. Окружавшія обстоятельства показывали, что пасторъ спрятался въ шкафъ своей спальни. Но тутъ молодому воину преградила путь жена пастора съ ребенкомъ на рукахъ. «Мы читали ваши прокламаціи! Погубя пастора, вы убьете весь его родъ. Хотите крови... убейте меня. Клянусь вамъ Богомъ, что мужъ мой не думалъ вмѣшиваться въ возстаніе народа! Его принудили, взяли насильно, а теперь лендсманъ, соперникъ и врагъ его, сватавшійся ко мнѣ, ищетъ его гибели». Все дышало правдой и искренностью въ ея словахъ. Чувствовалось, что при неудачѣ она покончитъ съ собой и съ ребенкомъ. Офицеръ поколебался и отвѣтилъ: Дайте честное слово, что вашъ мужъ не приметъ никакого участія въ войнѣ и немедленно удалится въ Швецію. Слово было дано. Офицеръ собирался уйти. Женщина, какъ изступленная, бросилась къ нему, схватила за руку и воскликнула: «Постойте! Скажите вашу фамилію.»—«Зачѣмъ?» «Чтобы въ каждой молитвѣ благословлять васъ!»

— «Ваше благородіе! А вѣдь разбойникъ, кажись, дома» сказалъ ожидавшій на дворѣ унтеръ-офицеръ.

— «Нѣтъ, братецъ, ушелъ сегодня къ шведамъ.» Вернулись въ лагерь. Не засталъ дома пастора, ваше сіятельство, рапортовалъ офицеръ. «Быть не можетъ!» А впрочемъ,—продолжалъ офицеръ,—жена его подъ присягой меня увѣрила, что пасторъ не желалъ дѣйствовать противъ насъ и вовлеченъ насильно «взбунтованными мужиками». «А вы и уши развѣсили! Вѣрно пасторша хороша собою? Ну вотъ и посылайте васъ молокососовъ!.. На гауптвахту.... подъ арестъ!» На другой день выступили въ походъ, а дня черезъ три завязалось сраженіе и офицеру возвратили саблю. Но семья и родственники пастора имени офицера не забыли. Прошло болѣе двадцатипяти лѣтъ и сынъ пастора, случайно отыскавъ его, обнялъ какъ родного [258]).

Финляндскій писатель разсказываетъ другой подобный-же фактъ. Идутъ русскіе, съ цѣлью добыть продовольствіе. Помѣщица на ихъ глазахъ запираетъ амбаръ и кладетъ ключъ въ карманъ. Начинается разговоръ съ офицеромъ. Помѣщица зоветъ девять своихъ сыновей и, указывая на нихъ, говоритъ офицеру: «содержимое амбара мнѣ нужно для пропитанія ихъ.» Русскій офицеръ грозно взглянулъ на мать, но, увидя дѣтвору, улыбнулся прекрасной улыбкой, поклонился, повернулся и ушелъ. Здѣсь не было произведено насилія, но сосѣдній дворъ, откуда происходилъ предводитель народнаго возстанія, былъ разграбленъ до тла [259]).

Кн. Багратіонъ, отправляя полк. Вуича на Аландъ «для усмиренія жителей», «строго подтвердилъ всѣмъ чинамъ, чтобы жителямъ никакихъ обидъ и притѣсненій не дѣлали». Для осмотра нашего положенія на Аландѣ посланъ былъ ген. Шепелевъ. «Имѣвъ собственное тѣхъ мѣстъ обозрѣніе», Шепелевъ доносилъ: «не оставилъ я внушить какъ чиновникамъ, такъ и народу о попеченіи, какое нашъ Монархъ къ нимъ имѣетъ, тѣмъ доказательно, что мы ни контрибуціи и никакихъ требованіевъ, какъ за деньги, не имѣемъ, имѣвъ на то все право по дѣйствіямъ военнымъ; а между тѣмъ отъ жителей отобраны были ружья и рыбачьи лодки, а когда я велѣлъ имъ оныя ружья возвратить, равно и маленькія лодки собирать въ проливахъ тѣхъ деревень, кому они принадлежатъ, тутъ уже признательность ихъ къ намъ такъ была велика, что многіе изъ нихъ отъ удовольствія плакали и обѣщались сіи оружія противу насъ не употреблять»... Подобная снисходительность вела къ явному нашему вреду. Ружья были возвращены въ силу предписанія, исходившаго отъ Буксгевдена. Комиссія, разсматривавшая впослѣдствіи дѣло о полк. Вуичѣ, установила, что отъ этого возвращенія ружей «духъ взбунтовавшихся аландцевъ усилился» [260]).

Отступленія отъ дисциплины и нравственныхъ требованій, конечно, наблюдались. Но обнаруженіе ихъ вело къ наказанію виновныхъ. Было перемиріе. Часть нашего войска расположилась въ Гамле-Карлебю. Единственный ресторанъ города переполненъ въ такой мѣрѣ, что столы накрывались даже на чердакѣ, въ сараѣ и чуланахъ. Пуншъ подавался ведрами. У хозяина благообразная дочь, въ которую всѣ влюблены. Вскорѣ нашелся новый Парисъ, рѣшившій похитить прекрасную Елену, по праву завоеванія. Ночью, улучшивъ подходящій моментъ и обернувъ ее шинелью, онъ понесъ ее подъ мышкой, какъ цыпленка. Однако усатаго коршуна задержали и главнокомандующій приказалъ его разстрѣлять. И если жизнь была ему возвращена, то только вслѣдствіе заступничества самой дѣвицы, ея отца и всѣми уважаемаго Кульнева.

Алопеусъ разсказываетъ, что нашъ комендантъ въ Борго приказалъ наказать батогами какъ караульнаго, такъ и капрала за то, что часовой позволилъ себѣ взять у одного, пропущеннаго черезъ заставу, 5 копѣекъ!

Барклай де-Толли донесъ, что «въ кратковременное пребываніе русскихъ войскъ на шведскомъ берегу въ Умео соблюдали они совершеннѣйшій во всемъ порядокъ: ни одинъ обыватель не имѣлъ причины принести ни малѣйшей жалобы; поведеніе и дисциплина

россійскаго солдата произвела здѣсь всеобщее удивленіе. Мнѣ восхитительно было слышать всѣ неисчислимыя похвалы сему побѣдоносному войску, со вступленіемъ коего жители въ отчаяніи полагали быть на вѣкъ несчастными. Умеоскій губернаторъ, съ депутаціею отъ дворянства, купечества и поселянъ, изъявили мнѣ благодарность, со слезами на глазахъ, за великодушное съ ними обращеніе войска»... Всѣ магазины, съ аммуниціею, провіантомъ и артиллеріею, остались нетронутыми и были возвращены шведамъ, ибо русскія войска явились на берегъ Швеціи съ единственною цѣлью ускорить миръ. «Увезти съ собою взятую добычу,—доносилъ Барклай де-Толли,—походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность не было бы знакомъ миролюбія съ нашей стороны».

Студентъ Бладъ, возвращаясь изъ Стокгольма черезъ Торнео, утверждаетъ, что въ апрѣлѣ 1809 г. къ югу отъ Улеоборга вездѣ было тихо и мирно; народу повидимому нуженъ былъ отдыхъ послѣ войны, и по всему пути онъ не замѣтилъ даже и слѣда опустошеній, исключая нѣсколькихъ мостовъ и развалинъ у Калаіоки.

Наиболѣе вольностей позволяли себѣ казаки. Извѣстенъ случай, когда они, поймавъ человѣкъ десять Саволакскихъ егерей, загнали ихъ въ яму и искололи пиками. Но какъ только дикія выходки казаковъ бывали замѣчены регулярными войсками, онѣ наказывались и обуздывались.

Но не щадили, въ свою очередь, и нашихъ солдатъ возставшіе крестьяне: захваченные въ расплохъ, они звѣрски умерщвлялись. Наши развѣдчики, далеко и неосторожно забиравшіеся въ финскіе поселки, усматривались потомъ повѣшенными на деревьяхъ [261]).

Установлено, что озлобленіе въ рядахъ русскихъ войскъ росло по мѣрѣ распространенія по краю партизанской войны. Ужасы въ городѣ Вазѣ вызваны исключительно участіемъ, которое приняли въ сраженіи горожане, стрѣлявшіе въ наши войска изъ своихъ домовъ. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что хуже русскіе воины стали вести себя съ того времени, когда успѣхъ сталъ склоняться на сторону финновъ.

«Отдавая достойную справедливость нашимъ тогдашнимъ врагамъ,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—мы должны также представить себѣ тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать русскимъ войскамъ, когда они слѣдовали по пятамъ финновъ, получавшихъ отъ населенія подводы, хлѣбъ, водку, мясо, теплую одежду и обувь. Наши-же солдаты лишены были всѣхъ этихъ

*

вспомогательныхъ средствъ, бредя впередъ по снѣжнымъ сугробамъ въ холодныя вьюги».

Финскія войска находились въ своей землѣ и тѣмъ не менѣе случалось, что чужой собственности не щадили. «Крестьяне начинаютъ жаловаться на насъ (финновъ),—читаемъ въ запискахъ Аспа.—Воруютъ у нихъ сѣно. Драгунскіе офицеры получаютъ отъ казны раціоны на каждую лошадь своей части, но вмѣсто того, чтобы выдавать ихъ, драгунамъ отпускается на чай, дабы они сами кормили своихъ лошадей. Такъ обогощаются на счетъ страны! Кто можетъ поручиться, что и обозныя лошади не кормятся такимъ-же способомъ. А правительство! Скоро ему предстоитъ привести въ порядокъ болѣе важныя дѣла, чѣмъ тѣ, которыя мы съ чувствомъ стыда и досады читали въ общихъ приказахъ отъ имени короля: какъ должны быть одѣты офицеры артиллеріи во время парада и танцевъ. Такими-ли попеченіями намѣрены предупредить разореніе отечества? Такая пустота доказываетъ слишкомъ большую наглость, слишкомъ большое легкомысліе или слишкомъ большую безтолковщину, и всѣмъ этимъ теперь очень недовольны».

Крестьяне-волонтеры, несмотря на приказанія капитана Мальма, оставили свои посты, чтобы пограбить въ городѣ [262]).

Едва-ли другое войско, исключая французскаго въ 1812 году, терпѣло болѣе нужды, чѣмъ корпусъ, напримѣръ, графа Каменскаго. Что можно было купить—покупали,—говоритъ Ѳ. Булгаринъ,—а остальное брали реквизиціями, подъ росписки. Крестьяне и помѣщики угоняли свои стада въ непроходимые лѣса; зерновой хлѣбъ прятали въ ямахъ. Дома зажиточныхъ крестьянъ по берегу Эстерботніи были «полуразорены», но не грабежами, а реквизиціями.

Поручикъ Бракель пишетъ своему брату въ Стокгольмъ: «Послѣднія извѣстія даютъ мнѣ основаніе вѣрить, что прежнія (свѣдѣнія) не были обоснованы и что русскіе вели себя хорошо, и что они не брали ни лошадей, ни жита, а лишь назначали низкую цѣну на послѣднее. Только одно можетъ дать поводъ нашему непріятелю оскорблять населеніе, если счастье повернется въ нашу сторону, на что мы съ нашей небольшой арміей едва-ли смѣемъ надѣяться, несмотря на все наше стараніе. Сейчасъ сюда прибылъ крестьянинъ изъ Сикаіоки, онъ говорилъ, что русскіе во время отступленія вездѣ сильно обижали населеніе, отняли у нихъ все, что у нихъ было, били и увѣчили ихъ. Мои опасенія оправдались и вѣрно то, что русскій—шельма» [263]).

Очевидно, что успѣхи шведовъ поставили русскихъ солдатъ въ болѣе затруднительное положеніе и они сдѣлались менѣе разборчивы въ средствахъ. Наибольшее число преступленій нашихъ войскъ и жалобъ на нихъ, приходится на время ихъ неудачъ. Указываютъ, что они не всегда разсчитывались за перевозку транспортовъ, покупали фуражъ и провіантъ за полъ-цѣны, а иногда уплачивали жетонами. Дѣло доходило до взламыванія дверей, до побоевъ крестьянамъ, до увода лошадей. [264]).

Все это было. Но эти факты не болѣе, какъ печальныя исключенія въ общемъ хорошемъ поведеніи русскаго войска. «Семья не безъ урода», тѣмъ болѣе многотысячная семья арміи. Это лучше всего поняли сами финляндцы. Ректоръ Абоскаго университета извѣстный ученый Калоніусъ въ рѣчи, произнесенной въ 1808 году, при сложеніи своей должности сказалъ: «Надобно откровенно сознаться, что настоящая война ведена съ такой умѣренностью, какая не только прилична нашему просвѣщенному вѣку, но заслуживаетъ, чтобы ее ставили въ примѣръ другимъ, даже просвѣщеннымъ націямъ, и дай Богъ, чтобы онѣ ему послѣдовали».

Баронъ Маннергеймъ, произнося рѣчь отъ имени финляндской депутаціи, 17 ноября 1808 г., въ Петербургѣ, закончилъ ее выраженіемъ благодарности за сохраненіе русскими войсками, при движеніи ихъ черезъ Финляндію, добраго порядка, насколько то совмѣстно было съ военными обстоятельствами.

Въ періоды короткихъ перемирій и русскіе, и финляндцы устраивали балы, на которыхъ наши офицеры весело и бойко танцовали съ мѣстными красавицами. Графъ Каменскій далъ нѣсколько баловъ, на которые приглашались почетные жители города Гамле-Карлебю, помѣщики и даже пасторы съ ихъ семействами. Никто не отказывался отъ этой чести. Хозяинъ неизмѣнно былъ привѣтливъ со всѣми.

Въ Рауталамии находился одинъ изъ богатѣйшихъ пасторатовъ въ восточной Финляндіи. Къ пастору ѣздили въ гости сосѣдніе помѣщики и земскіе чиновники. «Наши офицеры также пріятно проводили у него время; въ шведкахъ и финляндкахъ,—пишетъ Ѳ. Булгаринъ,—соединены германское простодушіе и сердечная вѣжливость съ какимъ-то особеннымъ піитическимъ чувствомъ, которое чаруетъ душу. Даже въ ихъ веселости есть оттѣнокъ меланхоліи, привлекающей сердце. Откровенность ихъ, слѣдствіе простоты нравовъ, увлекательна. Гдѣ вы, добрые люди, которые оказывали ласки и гостепріимство молодому непріятельскому офи-

церу!—восклицаетъ Ѳ. Булгаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Что сталось съ вами, красавицы, съ которыми мы рвали цвѣты и мамуру у подножія вѣковыхъ сосенъ, или вертѣлись въ вальсѣ на балахъ Гамле-Карлебю и Улеоборгѣ, смягчая вашъ патріотическій гнѣвъ нашею покорностью и угодливостью?»

Въ разгарѣ войны въ г. Борго охотно веселились, это видно изъ того, что директорша Зейерлингъ, съ 20 марта по 20 апрѣля 1808 года, со своей труппой дала тринадцать театральныхъ представленій.

Рядъ приведенныхъ эпизодовъ показываетъ, что въ русскихъ не было озлобленія къ чужой національности и, отличая боевое дѣло отъ мирныхъ занятій, они умѣли цѣнить въ непріятелѣ человѣка и вспоминать о его достоинствахъ.

Во время рѣдкихъ перемирій наши офицеры знакомились и братались съ финляндцами и шведами. Между нашимъ авангардомъ и непріятельскимъ аріергардомъ враждебныя отношенія превращались иногда въ самыя мирныя: тогда противники другъ съ другомъ забавлялись игрою въ кости, которая въ то время была въ большомъ ходу, и вмѣсто стола служилъ имъ рядъ барабановъ, накрытыхъ доскою [265]).

Русскіе безпристрастно воздавали должное упорнымъ и храбрымъ своимъ противникамъ. Извѣстный Денисъ Васильевичъ Давыдовъ писалъ, напримѣръ: «Огневое дѣло обращается въ штыковую рѣзню; финны и шведы—достойные состязатели русскихъ въ этомъ родѣ битвы; схватка была молодецкая». «Сегодняшняя газета (13 ноября 1808 г.) сообщаетъ,—записалъ генералъ Голенищевъ-Кутузовъ въ дневникѣ,—что не только отдѣльные шведы сражаются, какъ истинные герои, но что даже генералы, а также тотъ, кто управляетъ планомъ всей операціи—неутомимо предпріимчивы. Вѣдь они нападаютъ на насъ безпрестанно и, несмотря на время года, не прекращаютъ высадокъ».

У генерала Голенищева-Кутузова отмѣчено еще: «Нѣсколько дней тому назадъ получилъ извѣстіе отъ Каменскаго. Онъ мнѣ пишетъ изъ Гамле-Карлебю во время перемирія. Онъ говоритъ, что обѣдалъ съ Клингспоромъ. И тотъ и другой, повидимому, желаютъ мира. Небольсинъ (Nebolsin), адъютантъ Каменскаго, мнѣ писалъ, что Клингспоръ такъ старъ, что едва ходитъ. Теперь они, Каменскій и Клингспоръ, снова враги, стараясь взаимно наносить удары».

Передъ оставленіемъ, согласно конвенціи, города Умео, начальникъ шведскаго отряда Кронстедъ угостилъ русскихъ завтра-

комъ. Вражда была забыта; непріятели въ веселой бесѣдѣ вспоминали трудности похода, отдавая другъ другу дань справедливости. Въ 25 верстахъ отъ Торнео ген. Алексѣевъ расположился въ домѣ пастора, гдѣ задавалъ пиры, на которые пріѣзжали «и съ шведской стороны».

Барклай-де-Толли занялъ Куопіо. Уходя изъ города, полковникъ Сандельсъ оставилъ при тюрьмѣ караулъ съ запиской, что онъ передастъ охраненіе преступниковъ русскимъ и увѣренъ, что начальникъ русскаго отряда отошлетъ къ нему его солдатъ. Барклай-де-Толли, разумѣется, отослалъ къ Сандельсу шведскій караулъ и поставилъ свой [266]).

Извѣстно, что Кульневъ, квартируя въ Якобстадѣ, посѣщалъ домъ родителей поэта Рунеберга; отецъ поэта былъ капитаномъ купеческаго корабля. Страстно любя дѣтей, Кульневъ не разъ носилъ на рукахъ того, кто со временемъ воспѣлъ его славу на языкѣ тогдашняго непріятеля.

«Изъ людей отвагой славныхъ» на Руси, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ генералу Якову Петровичу Кульневу. Съ 1808 г., послѣ его подвиговъ въ Финляндіи, онъ сдѣлался вполнѣ народнымъ героемъ. Кульневъ рожденъ былъ воиномъ и патріотомъ. Для чести и славы Россіи онъ по-истинѣ «не щадилъ живота своего». Ученикъ Суворова и обожатель его, Кульневъ соединялъ военную отвагу съ высокими нравственными качествами: честностью, правдивостью, попеченіемъ о солдатѣ, съ милосердіемъ къ непріятелю, суровою простотой жизни и обхожденія. Безъ этихъ свойствъ нѣтъ народнаго героя, безъ нихъ не возвышаются надъ толпою, безъ нихъ закрыта дорога въ сердце солдата и простолюдина. Наружность его вполнѣ соотвѣтствовала понятію о богатырѣ: лихой наѣздникъ, высокій ростъ, темно-русые густые волосы и длинные бакенбарды, смуглое лицо и могучій басъ, покрывавшій шумъ боя.

«Люблю нашу матушку Россію за то, что у насъ всегда гдѣ нибудь да дерутся!» воскликнулъ онъ, узнавъ о началѣ войны со Швеціей. Финляндія, куда онъ былъ тогда же посланъ, сдѣлалась колыбелью его боевой славы. Кульневъ три раза прошелъ Финляндію: два раза предводительствуя авангардомъ, настигая и разя непріятеля, и разъ—арьергардомъ, отступая передъ его натискомъ.

Въ «грамоткѣ» любезному брату изъ Або, 5 мая 1808 г., онъ писалъ: «съ самаго Выборга молчалъ», а причина была тому, что «по выходѣ нашемъ за границу по сей день находился я въ авангардѣ и сидѣлъ у непріятеля на шеѣ»... Тутъ же приложена

копія его приказа, въ которомъ значится: «атака съ натискомъ, ура довершитъ побѣду; кто кричитъ пардонъ, того брать въ полонъ»... 1-го октября Кульневъ сообщалъ: «во всѣхъ бывшихъ сраженіяхъ я участвовалъ... Сія война мнѣ посчастливилась, наградили за все прошедшее... Правду тебѣ сказать, что и трудовъ моихъ много было... благодаря Бога, здоровъ и веселъ... Непріятель пораженъ, перемиріе испросилъ, за коимъ послѣдуетъ въ скорости и миръ, а упорство его довершитъ его пагубу въ самомъ Стокгольмѣ».

Русскіе горячо полюбили героя, а плѣнные обрѣли въ немъ «заступника и утѣшителя». Вотъ что писалъ знаменитый партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, связанный задушевной дружбой съ Кульневымъ, начиная съ 1810 г. «Французскій генералъ Сенъ-Женье, взятый въ плѣнъ Кульневымъ въ 1812 г. залился слезами, услыша о смерти героя. Левенгельмъ, Клерфельдъ и всѣ офицеры и солдаты финскіе и шведскіе, взятые въ плѣнъ во время войны въ Финляндіи, съ восторгомъ отзывались о его рыцарскихъ свойствахъ и не переставали питать къ нему чувства живѣйшей признательности. Жители области, въ которой воевалъ Кульневъ, не подвергались ни оскорбленіямъ, ни разоренію отъ солдатъ его; ихъ образъ жизни во время войны оставался почти такимъ, какимъ и въ мирное время. Молва о его великодушіи разносилась повсюду». Строгость относительно нижнихъ чиновъ за упадокъ духа въ сраженіи и грабительство мирныхъ жителей доводила его до такого иступленія, что одни совѣты истинныхъ друзей его, и то послѣ перваго взрыва и наединѣ съ нимъ, могли нѣсколько воздержать его отъ безчеловѣчной жестокости относительно виновныхъ. Въ тоже время съ врагомъ былъ гуманенъ». При атакѣ, напримѣръ, селенія Иппери произошелъ слѣдующій случай. Наша конница наскочила на непріятельскихъ драгунъ. Изъ группы всадниковъ вдругъ послышались слова: «Koulneff, Koulneff, sauvez nous la vie». О спасеніи, какъ оказалось, просили королевскій адъютантъ Левенгельмъ и капитанъ Клерфельдъ. «Кульневъ остановилъ направленныя въ нихъ пики, соскочилъ съ лошади и кинулся обнимать плѣнныхъ». Левенгельмъ былъ уже раненъ не опасно и потому омочилъ кровью усы и бороду Кульнева. «Въ сраженіи при Сикаіоки Кульневъ, замѣтивъ, что шведскій офицеръ Бьерншерна велъ себя съ особенною неустрашимостью, запретилъ своимъ егерямъ стрѣлять въ него; въ отплату за такое великодушіе, генералъ Адлеркрейцъ приказалъ своимъ солдатамъ щадить Кульнева».

Князь
Михаилъ Петровичъ
Долгорукій.

Графъ
Павелъ Андреевичъ Шуваловъ.
Изъ книги „Импер. Гл. Кварт.“

Неудивительно поэтому, что молва и любовь къ герою росли. «Когда по завоеваніи сѣверной Финляндіи,—продолжаетъ Давыдовъ,—Кульневъ пріѣхалъ въ Або и вошелъ на балъ князя Багратіона, всѣ, сидѣвшіе въ залѣ горожане, узнавъ, что то былъ Кульневъ, встали со своихъ мѣстъ, танцовавшіе прервали свои танцы, и все общество подошло къ нему съ изъявленіемъ благодарности за сохраненіе спокойствія и собственности жителей той части Финляндіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ, и за оказанныя имъ благодѣянія ихъ родственникамъ, взятымъ въ плѣнъ. Всему этому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ»—добавляетъ Давыдовъ. Заботливость Кульнева о населеніи края была особенно отмѣчена еще милостивой оцѣнкой самого Государя. «Благодарю тебя, Кульневъ!—сказалъ Императоръ Александръ въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ,—благодарю не только за службу, но и за поведеніе твое съ жителями: Я знаю все, что ты для нихъ дѣлалъ». У взволнованнаго героя выступили слезы.

«Герой, служащій отечеству, никогда не умираетъ и оживаетъ въ потомствѣ»,—говоритъ Кульневъ въ письмѣ къ брату. Слова сбылись. Память Кульнева сохранилась также въ Финляндіи и будетъ долго жить, благодаря стихотворенію Рунеберга. Среди картинъ убогой хаты порой можно было встрѣтить портретъ героя Кульнева. «Честь его и намъ мила, какъ честь родного намъ героя»,—повторяетъ Финляндія устами своего талантливаго сына—Рунеберга.

Говоря о поведеніи русскихъ, нельзя не упомянуть и о тѣхъ многочисленныхъ благодѣяніяхъ, которыя оказаны были краю, вслѣдъ за появленіемъ нашей арміи въ предѣлахъ Финляндіи.

Едва наши силы дошли до Гельсингфорса, какъ Буксгевденъ 21 февраля 1808 г. распорядился повысить прогонныя деньги съ тѣмъ, чтобы, согласно прокламаціямъ, не отнять у населенія прежнихъ выгодъ и преимуществъ.

Тогда-же, въ виду неурожая предшествовавшаго года, сняты были таможенныя заставы, чтобы жители могли безпрепятственно ѣздить въ Выборгскую губернію, для закупки хлѣба. Всѣ подобныя мѣропріятія немедленно удостоивались Высочайшаго одобренія.

Въ цѣляхъ успокоенія населенія, наши власти установили курсъ между ходячей русской и шведской монетой, пріостановили подати, шедшія на уплату шведскаго государственнаго

долга, приказали исправно выдавать прежде установленное жалованіе и пенсіи [267]), а для облегченія положенія нуждающихся финновъ изъ Петербурга высылали муку для продажи по дешевымъ цѣнамъ.

Въ іюнѣ 1808 г. послѣдовало распоряженіе сложить недоимки и всякія взысканія за прошлые годы [268]). Общія и частныя нужды населенія всегда принимались во вниманіе [269]), а привлекательная личность Государя часто выступала при раздачѣ драгоцѣнныхъ подарковъ на память отдѣльнымъ финнамъ. Крестьянамъ окрестностей Нерпеса, за понесенные ими убытки во время войны, Государь повелѣлъ выдать 80.000 р., и если только меньшая доля попала въ руки крестьянъ, то виноватымъ въ этомъ оказался мѣстный губернаторъ, который впослѣдствіи не могъ представить удовлетворительнаго отчета о раздачѣ царскихъ денегъ.

Графъ Буксгевденъ такъ далеко простеръ свою предупредительность, что приказалъ береговымъ нашимъ начальникамъ не препятствовать крестьянамъ переправляться съ товарами въ Швецію. Эта торговля имѣла тогда большое значеніе какъ для Стокгольма, нуждавшагося въ финскихъ продуктахъ, особенно въ маслѣ и дровахъ, такъ и для Финляндіи, не имѣвшей соли, сахара, кофе, рома и т. п. [270]). Въ Швеціи, напротивъ, правительство арестовывало купеческія суда, почему графъ Буксгевденъ вынужденъ былъ конфисковать имѣнія тѣхъ шведскихъ подданныхъ, которые, покинувъ Финляндію, продолжали вредить русскимъ интересамъ. Но и тутъ въ имѣніяхъ оставлены были управляющіе, назначенные самими помѣщиками, а доходы сдавались на храненіе «въ цѣлости» въ казенныя учрежденія до заключенія мира, когда постановлено было окончательно разобраться въ созданномъ шведами осложненіи [271]).

Если заграничное судоходство и находилось въ упадкѣ, — пишетъ историкъ города Борго,—однако купцы съ экономической точки зрѣнія не имѣли причинъ жаловаться, потому что сбытъ въ ихъ мелочныхъ лавкахъ повысился, благодаря увеличенію народонаселенія и не было попытки со стороны войска понизить цѣны.

Особенно крупной явилась слѣдующая милость Монарха: «Что касается до представленія вашего сіятельства объ освобожденіи на нѣкоторое число лѣтъ вновь пріобрѣтенной Финляндіи отъ рекрутскаго набора,—писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ графу Буксгевдену 6 марта 1808 г.,—то Его Величество уполномочиваетъ васъ въ томъ краѣ объявить, что въономъ совсѣмъ не будетъ введено рекрутскаго набора, какой существуетъ въ Рос-

сіи, но по учиненіи сими новыми подданными присяги въ вѣрности, существованіе тамъ войска останется на томъ-же самомъ основаніи и безъ всякой перемѣны какъ то было донынѣ, при шведскомъ правительствѣ» [272]).

Финляндія, находясь въ шведскомъ управленіи, ежегодно отправляла до 35.000 четвертей ржи для продовольствія Стокгольма. Баронъ де-Гееръ просилъ, въ видѣ милости для финляндцевъ, по окончаніи уборки хлѣба, купить это количество въ русскую казну, чтобы не допустить барышниковъ къ перепродажѣ жителямъ хлѣба по высокой цѣнѣ. Государь повелѣлъ купить хлѣбъ и, устроивъ казенные магазины, продавать его по покупной цѣнѣ. И если эта благая мѣра не могла быть выполнена, то лишь въ силу естественныхъ непреодолимыхъ затрудненій. Покупка хлѣба казною повела къ возвышенію его цѣны. Разница стоимости была столь велика, что выгоднѣе было покупать его въ Петербургѣ за $8^1/_2$ р., чѣмъ въ Финляндіи за 30 р. четверть [273]). Тѣмъ не менѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужда была настоятельной (какъ напримѣръ въ Гамле-Карлебю), устраивались запасные магазины для раздачи хлѣба жителямъ [274]).

Чтобы показать населенію, до какой степени наши власти желали нелицемѣрной справедливости, графъ Буксгевденъ учредилъ въ г. Або, при главной квартирѣ, смѣшанный комитетъ для раслѣдованія жалобъ по причиненнымъ обидамъ. Комитетъ велъ свои дѣла гласно, съ соблюденіемъ «отечественныхъ правъ, законовъ, языковъ и отличій, каждому состоянію присвоенныхъ» [275]).

Много хлопотъ причинило нашей главной квартирѣ желаніе поддержать мѣстное управленіе на прежнихъ его началахъ. Нѣкоторые губернаторы самовольно удалились, при появленіи русскихъ, другіе сперва послѣдовали за шведскими войсками, но вскорѣ вернулись; лансгевдинга Вазаской губерніи, Винберга, шведское правительство отрѣшило отъ должности за его расположеніе къ русскимъ; иные чиновники остались на своихъ мѣстахъ, но потеряли всякое значеніе [276]). Приходилось поэтому приводить въ извѣстность наличный составъ и степень его приверженности тому или другому правительству, и, наконецъ, возникла мысль приставить къ шведскимъ губернаторамъ нашихъ чиновниковъ отчасти для наблюденія «за вѣрностью казенныхъ сборовъ», отчасти съ цѣлью дать имъ возможность пріобрѣсти «познанія здѣшнихъ правъ и приготовить себя къ занятію должностей, если-бы потребовалось» [277]). Съ тою-же цѣлью, а также «для возстановленія преж-

няго устройства», было сдѣлано графомъ Буксгеденомъ представленіе «о назначеніи чиновъ изъ нашихъ остзейскихъ губерній» [278]). Стремленіе графа Буксгевдена сохранить все въ прежнемъ порядкѣ характеризуется финляндскими историками «умнымъ».

VII. Сперанскій. Сеймъ въ Борго.

По распаденіи «негласнаго комитета», около Александра выдвинулся новый сотрудникъ, который долженъ былъ явиться орудіемъ обновленія политическаго бытія Россіи.

Сперанскій очень рано очутился въ центрѣ труда по осуществленію намѣченныхъ реформъ, такъ какъ онѣ поручались т. с. Трощинскому, при которомъ онъ состоялъ «у исправленія дѣлъ». Составленіе проектовъ манифестовъ, указовъ и проч. довѣрялось Сперанскому. Но болѣе близкое знакомство Александра I со Сперанскимъ (род. 1772 г.) относится къ 1806 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей, во время частыхъ своихъ болѣзней, началъ посылать его съ бумагами, въ качествѣ докладчика къ Государю. «Превосходный докладчикъ,—замѣчаетъ баронъ М. А. Корфъ, — ловкій и смѣтливый исполнитель принимаемыхъ повелѣній, умѣвшій на лету ловить и угадывать каждое слово. Сперанскій съ первыхъ поръ очаровалъ Государя, который тогда-же сталъ давать ему разныя порученія». Цѣлыми вечерами, какъ прежде въ негласномъ комитетѣ реформъ, такъ теперь со Сперанскимъ, просиживалъ Государь надъ разработкой очередныхъ вопросовъ.

Съ Эрфуртскаго конгресса (1808 г.) начинается время высшаго значенія и величія Сперанскаго—его «лѣто», какъ выражается графъ Корфъ. Сперанскій дѣлается первымъ лицомъ въ государствѣ, правой рукой Государя. Новые идеалы были главнымъ звеномъ, связывавшимъ Сперанскаго съ Государемъ. И вотъ въ руки своего новаго друга Александръ отдаетъ все управленіе государствомъ. Въ эту пору, какъ выражается тотъ-же графъ Корфъ, Сперанскій «представлялъ какъ-бы зажигательную точку, въ которую стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія». Не напрасно Розенкампфъ, ненавидѣвшій Сперанскаго всѣми

силами своей души, называлъ его съ проніей fatutto; не напрасно сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ, Жозефъ де-Местръ, писалъ своему королю: «le grand et tout puissant Speransky, secrétaire général de l'empire, et, dans le fait, premier ministre, peut-être même ministre unique».

Въ теченіе двухъ лѣтъ (1810 и 1811 гг.) онъ рано утромъ, передъ каждымъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, являлся къ Государю съ дѣлами и журналами. Благоволеніе и довѣріе къ нему Императора не имѣли, какъ казалось, предѣловъ; не было той области высшаго управленія, гдѣ-бы не проявилась въ это время творческая дѣятельность Сперанскаго. Въ числѣ данныхъ ему порученій находились также дѣла вновь присоединенной Финляндіи. Сперанскому довѣрено было составить проектъ преобразованія всего въ Имперіи, отъ «кабинета Государя до волостного правленія», проектъ, которымъ Александръ I хотѣлъ реформировать «все безобразное зданіе управленія Имперіи», или, какъ выразился Сперанскій въ одной своей запискѣ: «постановить управленіе Имперіи на непремѣняемомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, а съ сею цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

Весь вопросъ сводится къ тому, какъ понималъ Сперанскій эту конституцію и что практически было сдѣлано имъ для ея осуществленія въ Россіи.

Отвѣты на эти вопросы могутъ опредѣлить, съ какими политическими стремленіями онъ приступилъ къ работамъ надъ финляндскими дѣлами; дѣйствительно-ли всѣ его помыслы были направлены къ ограниченію власти русскаго монарха въ предѣлахъ Финляндіи.

Политическіе взгляды Сперанскаго сказались въ тѣхъ проектахъ и запискахъ, кои были имъ разновременно составлены для Государя. Въ этихъ работахъ отразились всѣ ходячія политическія теоріи вѣка—великіе принципы революціи 1789 г., ученіе о необходимости аристократіи, подобной англійской, ученіе Монтескье о раздѣленіи государственныхъ властей и сложная избирательная теорія Сіэйеса.

Въ 1803 г., когда Сперанскій работалъ надъ планомъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, онъ указалъ на необходимость отвѣтственности исполнительной власти передъ законодательной. Установленіе такой отвѣтственности, писалъ Сперанскій, «есть первый шагъ рѣшительнаго приближенія, какой

можетъ сдѣлать въ государствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, установляя ее, Государь самодержавный отступается отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону» [279]).

Въ октябрѣ 1809 г. Сперанскій представилъ обширный организаціонный планъ, «открывшій ему врата безсмертія». Этому проекту преобразованій предшествовало «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ». Сперанскій начинаетъ свой планъ пространными разсужденіями, въ которыхъ дѣлитъ государственные законы на преходящіе и на коренные или неподвижные. О послѣднихъ онъ высказывался неоднократно, и главныя его положенія по сему вопросу сводятся къ слѣдующему. Существенныя неудобства для государственнаго управленія Сперанскій находилъ въ томъ, что при множествѣ законовъ нѣтъ закона настоящаго и что можно «перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобностямъ». Потому всѣ законы и мѣры правительства имѣютъ «видъ произвола и личнаго довѣрія». При такихъ условіяхъ учрежденія и законы не обладаютъ достаточнымъ достоинствомъ и уваженіемъ со стороны общества: «черезъ какія-нибудь 20 лѣтъ любой законъ подвергается измѣненію». «Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія».

Польза и безопасность людей, по мнѣнію Сперанскаго, требуютъ, чтобы государство выработало коренные законы; они должны опредѣлить «образъ, коимъ силы государственныя сопрягаются и дѣйствуютъ въ ихъ соединеніи». Сперанскій говоритъ, что «во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны быть коренные законы, опредѣляющіе всѣ существенныя части государственнаго устройства (права державной власти, законы, возникающіе изъ нихъ, и права подданныхъ). Предметомъ коренныхъ законовъ является дѣйствіе государственныхъ силъ въ трехъ родахъ установленій: законодательныхъ, судныхъ и исполнительныхъ. Всѣ эти учрежденія, соединенныя въ державной власти, какъ въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ, должны получить особенное устройство, благодаря волѣ русскаго самодержавнаго Государя».

Свое представленіе о коренномъ законѣ Сперанскій пояснялъ и въ другихъ случаяхъ, заявляя, что они «должны быть твореніемъ народа», что эти «коренные государственные законы полагаютъ предѣлы самодержавной волѣ».. «По различію коренныхъ государственныхъ законовъ, — пишетъ онъ, — власть самодержавная бываетъ болѣе или менѣе ограничена». У Сперанскаго-же

находимъ еще такое заявленіе: «Когда народъ, постановивъ общею волею коренные законы, заставляетъ правительство торжественною присягою утверждать ихъ непоколебимость, то...» и т. д. Настаивая на незыблемости коренныхъ законовъ, Сперанскій съ особеннымъ вниманіемъ перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которые касаются правъ политическихъ, но надо прибавить, что онъ такую-же устойчивость придастъ и законамъ гражданскимъ и судебнымъ.

Продолжая свои разсужденія въ планѣ государственнаго образованія (1809 г.), Сперанскій усматриваетъ, что въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ со степенью гражданской образованности. Обзоръ Россіи приводитъ его къ выводу, что для нея наступила эпоха политическихъ преобразованій, «что начинанія, при Аннѣ и Екатеринѣ II сдѣланныя, очевидно, были преждевременны и потому никакого не имѣли успѣха»; «что въ общемъ движеніи человѣческаго разума государство наше стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальной системы, т. е. въ эпохѣ самодержавія и, безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ». Это Сперанскій выводилъ изъ того, что существовавшая система правленія не соотвѣтствовала болѣе состоянію общественнаго духа. Требуемое преобразованіе, находилъ онъ, должно состоять въ томъ, чтобы «правленіе доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ».

Для этого представляются два пути: облечить самодержавное правленіе внѣшними формами закона, оставивъ, однако, въ существѣ его ту-же силу и то-же пространство самодержавія (какъ было тогда въ Наполеоновской Франціи), или-же не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его «внутреннею и существенною силою установленій (par des institutions, investies d'une force interieure et réelle) и учредить державную власть на законѣ (loi fondamentale) не словами, но на самомъ дѣлѣ. Сперанскій въ теоріи и на словахъ остановился на второй системѣ.

«Законодательное сословіе, по его мнѣнію, должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали-бы собою мнѣніе народное». Говоря далѣе о дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ, Сперанскій находитъ, что этой власти должно принадлежать право предложенія и утвержденія закона, «чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо» Имперіи. Никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи. «Уваженіе закона», — т. е. его разсмотрѣ-

Графъ
Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.
Изъ книги „Импер. Глав. Квартира“.

Графъ
Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

М. Сперанскій.

ніе и право принять или не одобрить законопроектъ—принадлежитъ законодательному учрежденію, при чемъ министры могутъ лично объяснять и поддерживать предложенія правительства. Утвержденіе закона принадлежитъ власти державной. Однако, законодательному сословію подлежитъ составленіе законовъ, т. е. постановленій, коими вводится перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ между собою или въ отношеніяхъ частныхъ людей, и равно всѣхъ постановленій о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ и о вознагражденіи частныхъ лицъ за имущества, для общей пользы необходимыя. Все прочее остается на отвѣтственности и въ распоряженіи правительства.

Слѣдующее положеніе Сперанскаго особой важности гласило, что права политическія состоятъ въ участіи въ силахъ государственныхъ, законодательной, судной и исполнительной. Участіе это заключалось въ правѣ избранія и въ правѣ представленія. Изъ сказаннаго ясно, что въ основѣ проектированной Сперанскимъ реформы лежала мысль о необходимости допустить участіе народныхъ представителей въ дѣлахъ законодательныхъ, судѣ и управленіи. Но народъ рабочій, состоявшій изъ всѣхъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ, работниковъ, слугъ, правъ политическихъ по проекту Сперанскаго не получалъ.

Таковъ рядъ конституціонныхъ положеній, высказанныхъ разновременно Сперанскимъ. Эти положенія находятся какъ въ представленныхъ имъ проектахъ, такъ и черновыхъ набросках, которые въ послѣднее время возстановлены усердными изслѣдователями исторіи конституціи въ Россіи, желавшими проникнуть въ самое существо взглядовъ знаменитаго сотрудника Александра I. Изъ указанныхъ выраженій, иногда нѣсколько туманныхъ, иногда двойственныхъ, казалось бы все-таки одинъ выводъ: Сперанскій стремился къ установленію конституціонной представительной формы правленія въ Россіи, онъ желалъ ограниченной монархіи, желалъ, чтобы основные законы государства были дѣломъ націи, и чтобы эти законы полагали границы абсолютной власти. Но не будемъ спѣшить съ выводами. Намъ извѣстна пока только одна наиболѣе либеральная и показная сторона Сперанскаго. Надо, чтобы онъ высказался до конца. Надо узнать, насколько глубоко онъ вѣрилъ въ свой идеалъ и насколько искренно стремился къ его осуществленію.—Это второй вопросъ, не менѣе важный, чѣмъ первый; онъ также требуетъ разъясненія.

Имѣется серьезное основаніе предположить, что у него, какъ у человѣка, хотя и несомнѣнно умнаго, но тѣмъ не менѣе человѣка случая, дѣло не обошлось безъ желанія угодить Государю и его вліятельнымъ юнымъ совѣтникамъ. Сперанскій отлично зналъ, что его проектъ (1809 г.) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его представилъ, былъ совершенно неосуществимъ тогда въ Россіи. Дюмону (популяризатору Бентама) онъ сказалъ, что не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи. Зачѣмъ-же было въ такомъ случаѣ создавать проектъ? Очевидно проектъ писался по предложенію Государя и въ угоду ему. Для него Сперанскій легко и скоро измѣнилъ прежнимъ кореннымъ своимъ политическимъ вѣрованіямъ. Вѣдь Сперанскій отлично зналъ, что новый «планъ» стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ высказывалъ ранѣе, отчасти исправляя коронаціонную грамоту (1801 г.), а главнымъ образомъ—съ запиской «Изслѣдованія о порядкѣ государственнаго управленія». Въ этой запискѣ, относящейся къ 1803 или 1804 г., очень обстоятельно показано, что какія-бы ни вводить усовершенствованія въ системѣ государственнаго управленія, имъ должны предшествовать многія важныя преобразованія. «Въ настоящемъ порядкѣ,—писалъ онъ,—мы не находимъ самыхъ первыхъ элементовъ, необходимо нужныхъ къ составленію монархическаго управленія». Надо полагать, что здѣсь подъ монархическимъ управленіемъ Сперанскій подразумѣвалъ конституціонный режимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ возможно основать монархическое управленіе въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ это рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства и воинскою системою? Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственнаго закона и уложенія? Какимъ образомъ можно поставить государственный законъ и уложенія безъ отдѣленія власти законодательной отъ власти политической?.. Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія? Какимъ образомъ ввести или дозволить свободу тисненія безъ просвѣщенія?.. Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣчающій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону?.. Самъ-же Сперанскій говоритъ, что «всѣ эти вопросы разрѣшить нужно прежде, нежели можно съ нѣкоторою основательностью предположить возможность превращенія настоящаго порядка въ монархическій. Я смѣю быть увѣреннымъ, что они не разрѣшимы и что время разрѣшитъ ихъ можетъ».

Россія была безграмотна, безъ періодической печати и пр., и если тѣмъ не менѣе Сперанскій говорилъ о введеніи конституціи въ видѣ его уложенія, то, очевидно, онъ говорилъ неискренно, а поддѣлывался подъ модный тонъ. Какая-же послѣ того цѣна ему, какъ ученому государственному дѣятелю? Сперанскій полагалъ въ 1803 г., что образъ управленія въ Россіи «долженъ быть весь расположенъ на настоящей самодержавной конституціи государства», долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, «власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія», и, наконецъ, «долженъ быть сколь можно приближенъ къ образцу монархическаго управленія выше изображеннаго». Этотъ образъ управленія долженъ также «содержать въ себѣ разныя установленія, которыя-бы, постепенно раскрываясь, приготовляли-бы истинное монархическое управленіе и приспособляли-бы къ нему духъ народный»...

Переходною мѣрою къ новому порядку указывается сенатъ.

Разсмотрѣвъ устройство законодательнаго сената, Сперанскій писалъ: «Сей образъ управленія со временемъ можетъ удобно превратиться въ совершенную монархическую систему, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи: онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть когда развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ-же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное». Здѣсь особенно характерно заявленіе о видимомъ порядкѣ и о томъ, что въ тѣ-же рамы вмѣстится другое устройство.

Чтобы точнѣе понять это положеніе о «видимомъ» конституціонномъ порядкѣ, необходимо обратиться къ эпизоду, записанному другомъ Сперанскаго Цейеромъ со словъ самого Сперанскаго. Государь разсуждалъ однажды, послѣ возвращенія изъ Эрфурта, въ 1808 г. со Сперанскимъ «о духѣ и зрѣлости политическихъ реформъ въ Россіи». Государь, высказавшись о трехъ великихъ политическихъ системахъ—республиканской, феодальной и деспотической,—сдѣлалъ очень оригинальный обзоръ русской исторіи, выискивая въ ней слѣды стремленій народа къ политической свободѣ. «Со времени Алексѣя Михайловича чувствуется необходимость ограничить абсолютную власть». Отсюда, по мнѣнію Александра I, явилось обязательнымъ «совѣщаться съ боярами и по-

лучить согласіе патріарха»... Коснувшись послѣдовательно царствованій Петра Великаго, Анны Іоанновны, Елизаветы, Екатерины II, Павла I и начала своего собственнаго правленія, Александръ Павловичъ спрашиваетъ себя, какъ улучшить положеніе дѣла, и приходитъ къ тому заключенію, что «общій предметъ преобразованія состоитъ въ обоснованіи абсолютнаго правленія на почвѣ основныхъ законовъ». Нельзя имѣть правленіе, опирающееся на основные законы, покуда абсолютная власть будетъ въ то-же время творцомъ и исполнителемъ закона. Отсюда необходимо установить учрежденія для содѣйствія въ составленіи и исполненіи закона. Эти учрежденія должны быть согласованы съ тройнымъ порядкомъ политическихъ властей. Одно учрежденіе содѣйствовало-бы составленію закона, другое—его исполненію, третье—осуществляло-бы правосудіе. Первое и важнѣйшее различіе происходитъ отъ степени силы и отъ существа внѣшнихъ формъ, какими онѣ будутъ надѣлены». Засимъ слѣдуетъ другое также чрезвычайно характерное воззрѣніе Александра I. «Два рода преобразованія представляются съ перваго раза. Первое состоитъ въ облеченіи абсолютной власти кажущимися конституціонными формами, ничего не отымая отъ широкаго свойства его могущества. Второй способъ состоитъ не въ прикрытіи абсолютной власти кажущимися конституціонными формами, а въ ея дѣйствительномъ ограниченіи народными учрежденіями, надѣленными внутренней и реальной силой и постановленіи абсолютной власти на почвѣ основного закона... Если выбрать первый способъ, учрежденія будутъ казаться дѣйствовавшими по волѣ народа, между тѣмъ въ дѣйствительности этого не будетъ. Главныя черты самаго устройства суть слѣдующія: 1) установить сословіе, кажущееся носителемъ независимой законодательной власти, но въ дѣйствительности находящееся подъ вліяніемъ и въ полной зависимости отъ абсолютной власти». Второй родъ преобразованія долженъ былъ заключать въ себѣ такое законодательное учрежденіе, которое-бы дѣйствительно выражало народныя желанія. Первый родъ преобразованія можетъ быть оправданъ у народа мятежнаго, непостояннаго, склоннаго къ новшествамъ. Второй—свойственъ народу, имѣющему больше здраваго смысла, чѣмъ любопытства, и духъ простой и прямой. Короче—народу сѣверному, каковъ и русскій народъ.

Естественно возникаетъ вопросъ, какое преобразованіе, изъ числа указанныхъ, было болѣе по душѣ Государю и Сперанскому; которому изъ двухъ родовъ реформы они были склонны скорѣе слѣдовать? Проекты Сперанскаго свидѣтельствуютъ, что рѣчь могла

идти только о «кажущихся конституціонныхъ формахъ», но не о дѣйствительномъ ограниченіи власти. Государственный совѣтъ, по плану Сперанскаго, есть «сословіе», но не полный носитель независимой законодательной власти.

Сравнивая это «Разсужденіе» съ проектомъ «Уложенія» Сперанскаго, мы находимъ здѣсь и тамъ однѣ и тѣ-же мысли и даже выраженія. Несомнѣнно, что урокъ, преподанный Александромъ, прочно былъ усвоенъ Сперанскимъ. Тутъ имѣется, правда, завѣреніе, что русскій народъ способенъ къ воспріятію истинной, а не кажущейся конституціи, но въ Варшавѣ Государь громко заявилъ, что русскій народъ не созрѣлъ еще для воспріятія изъ царскихъ рукъ конституціонныхъ правъ.

Остается поэтому допустить, что Н. Тургеневъ былъ очень близокъ къ истинѣ, находя, что трудъ Сперанскаго ушелъ на созданіе «формы», а не сущности. Проектомъ «Уложенія» ограничивать самодержавіе едва-ли входило въ виды Сперанскаго, такъ какъ въ его проектѣ, предназначенномъ единственно для прочтенія самого Государя, нигдѣ не упоминается о «законодательномъ сословіи», какъ указалъ Н. Шильдеръ. Въ періодъ составленія проекта «Уложенія» Сперанскій находилъ государственный строй Россіи безобразнымъ и хаотическимъ, почему рекомендовалъ «рубить съ плеча» и «перестраивать заново». Однако въ письмахъ періода ссылки (напр. янв. 1813 г.) онъ говорилъ, что новое положеніе должно соотвѣтствовать духу времени и «степени просвѣщенія». Какъ человѣкъ умный, онъ зналъ степень сего просвѣщенія и долженъ былъ понять, что при безграмотныхъ рабахъ конституція не соотвѣтствуетъ «духу времени». Но высказалъ-ли онъ это въ свое время Александру? Едва-ли. Въ пермскомъ письмѣ къ Государю Сперанскій, касаясь государственнаго совѣта, говорилъ: «Одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому... Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государя. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ-ли словомъ его?...». Не вѣрнѣе-ли заключить послѣ высказаннаго, что Сперанскій закрѣплялъ власть, дѣлая ее самодержавной изъ абсолютной. А еще вѣрнѣе, что онъ желалъ согласовать самодержавіе съ конституціей, т. е. создавалъ нѣчто совершенно невыполнимое.

При оцѣнкѣ конституціонныхъ воззрѣній Сперанскаго нельзя довольствоваться одними его теоретическими разсужденіями, его планами, необходимо нѣсколько оглянуться на практическіе ихъ результаты. Здѣсь мы сразу встрѣчаемся съ тѣмъ, что «всю адми-

нистрацію — распорядительную власть, т. е. всю практику государственной жизни» онъ изъялъ изъ вѣдѣнія коллегій и передалъ въ единоличныя руки министровъ. Доклады министровъ привели къ могуществу и самовластію одного лица и породили на первыхъ-же порахъ временщика Аракчеева. Власть министра была безконтрольной и безотвѣтственной. Все это повело къ развитію бюрократическаго чиновничества. Церковь и та, поднавъ власти особаго министра, лишилась своей самостоятельности. Въ созданномъ государственномъ совѣтѣ, долженствовавшемъ представить «сословіе», не было и слѣда какого-нибудь представительства...

Въ результатѣ, первый періодъ реформъ, вмѣсто «конституціи, основанной на народномъ духѣ», завершился появленіемъ въ Россіи учрежденія, напоминавшаго обширностью своихъ полномочій елисаветинскій сенатъ, но гораздо болѣе бюрократическаго — комитета министровъ.

Князь А. С. Меншиковъ показалъ сенатору К. И. Фишеру копію письма Сперанскаго къ Императору, характерное для опредѣленія либерализма этого «новичка въ совершеннѣйшемъ видѣ или начальника іезуитовъ» съ хитрыми глазами, какъ описываетъ его Фишеръ. «Въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ, что какъ ни желательно освобожденіе (крестьянъ), надобно подумать о замѣнѣ помѣщичьей власти другою полицейскою властью, и что въ настоящее время земская полиція не на томъ уровнѣ, чтобы можно было поручить ей руководство двадцатью милліонами людей» [280]).

Сперанскій былъ человѣкъ господствующихъ вѣтровъ. Современникъ замѣчаетъ: «Благоразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ англичанина сдѣлался французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ царю» [281]). По характеристикѣ М. А. Волутьянскаго у Сперанскаго «вездѣ на первомъ планѣ разсчетъ и строгая обдуманность».

Баронъ М. А. Корфъ 13 лѣтъ наблюдалъ Сперанскаго и отлично изучилъ его. Онъ хвалитъ его обширный геніальный умъ, его энциклопедичность, «золотое перо», его краснорѣчіе, его доброту, его живое воображеніе. «Отдавая полную высокую справедливость его уму, я никакъ не могу сказать того-же объ его сердцѣ» — о томъ, что называется сердцемъ въ государственномъ и политическомъ отношеніи, т. е. о характерѣ, прямодушіи, правотѣ, непоколебимости въ избранныхъ однажды правилахъ. Спе-

ранскій не имѣлъ ни политической, ни даже частной правоты. Участникъ и даже можетъ быть одинъ изъ возбудителей — по тогдашнему направленію умовъ—филантропическихъ мечтаній Александра, Сперанскій былъ въ то время либераломъ, потому что видѣлъ въ этомъ личную свою пользу, а когда минулъ вѣкъ либерализма, то перешелъ, въ тѣхъ-же побужденіяхъ, къ совершенно противоположной системѣ. Онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра. И поэтому я убѣжденъ, что Сперанскій никогда не могъ быть человѣкомъ опаснымъ, сколько ни старались въ томъ увѣрять его ненавистники и люди недальновидные. Чтобы быть опаснымъ, надобно имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы. Съ другой стороны обѣщанія ему ничего не стоили, точно также, какъ комплименты или ласки; но весьма простъ былъ тотъ, кто имъ довѣрялъ или кто строилъ на этомъ шаткомъ основаніи. Обворожительное обхожденіе привлекало ему съ перваго разу всѣ сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было «всѣмъ вообще, какъ чаша круговая», что подъ оболочкой этихъ гладкихъ словъ не заключалось ничего существеннаго, что это былъ одинъ обманъ ловкаго и привѣтливаго ума, безъ всякаго участія сердца, то естественно, что слѣдовало—охлажденіе. Я не думаю, чтобы Сперанскій имѣлъ хоть одного истиннаго друга и чтобы былъ на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, котораго-бы онъ искренно любилъ. Политику и холодъ дѣловой жизни онъ переносилъ и въ свой кабинетъ, гдѣ продолжалъ постоянно играть роль умнаго хитреца, даже въ тѣхъ бесѣдахъ, гдѣ—повидимому, и для незнавшихъ его близко — не могло не принимать какого-нибудь участія сердце. Сколькихъ людей обманулъ онъ льстивыми своими обѣщаніями и ласковымъ пріемомъ, благодѣтельствуя истинно только тѣмъ, которые нужны были для его видовъ или когда самыя эти благодѣянія входили въ его виды».

Весьма замѣчателенъ слѣдующій отзывъ Императора Николая I о Сперанскомъ: «Сперанскаго не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить... Мнѣ столько было наговорено объ его либеральныхъ идеяхъ... но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями и огромною опытностью» [282]).

Таковъ Сперанскій. Тѣ либеральныя положенія, которыми онъ украсилъ свой проектъ конституціи для Россіи, не исходили изъ глубины его завѣтнаго политическаго вѣрованія и не явля-

лись для него обязательными къ практическому осуществленію. Отъ него желали получить подобныя положенія и онъ ихъ обосновывалъ, но примѣнительно къ идеямъ и стремленіямъ лица, предложившаго ему составленіе проекта «Уложенія». «Во всѣхъ представленіяхъ моихъ,—писалъ Сперанскій въ январѣ 1813 г. изъ Перми Императору Александру I,—я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ». Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія «въ существѣ своемъ не содержитъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе». «Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы». Эти законы отнюдь не должны были ограничивать власти Императора Александра I, т. е. въ существѣ своемъ не являлись законами конституціонными. И вотъ почему Сперанскій могъ написать своему Державному сотруднику: «Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ»? Слѣдовательно, Сперанскій своими проектами Верховной власти не ограничивалъ. Если въ его проектахъ находились конституціонныя формы, то только формы, т. е. внѣшній видъ ограниченія, декорація представительнаго образа правленія, но не «внутреннее» и не фактическое ограниченіе. Эта форма конституціи, вся внѣшняя обстановка представительнаго правленія, весь декорумъ ограниченія власти нравились Императору Александру I, но дѣйствительнаго стѣсненія или умаленія своихъ державныхъ правъ онъ не допускалъ ни въ Россіи, ни въ Финляндіи, ни въ Польшѣ. Въ число задушевныхъ желаній Александра Павловича никогда не входило искреннее ограниченіе исконнаго его самодержавія. «Планъ», представленный Сперанскимъ, былъ прочтенъ, исправленъ Александромъ I и оставленъ безъ послѣдствій. Далѣе разговоровъ о конституціи, о народной свободѣ, равенствѣ и т. п. стремленія Александра I не простирались. Сперанскій прекрасно усвоилъ себѣ конституціонную психологію Государя и потому далѣе формы, наружной обстановки ни въ проектахъ, ни на практикѣ не пошелъ. Это обстоятельство и дало ему возможность спросить въ личномъ письмѣ къ Александру: «гдѣ и какимъ образомъ» предлагавшіяся имъ учрежденія «имѣли въ виду стѣснить власть государеву»?

Въ Финляндіи почва для конституціонныхъ порядковъ была, несомнѣнно, болѣе подготовлена, чѣмъ въ Россіи; но Александръ

Павловичъ оставался тѣмъ-же въ Финляндіи, чѣмъ былъ въ Россіи. Конституціонныхъ стремленій проявлено было въ Финляндіи много, но Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. онъ не подписалъ, новому проекту конституціи 1819 г., выработанному Ребиндеромъ и его помощниками, не было дано дальнѣйшаго хода, сеймовымъ рѣшеніямъ онъ себя не подчинилъ, втораго финляндскаго сейма не созвалъ. Но любя форму и обряды конституціи, онъ съ удовольствіемъ выполнилъ ихъ въ Борго.

Въ «Положеніи о Главномъ Правленіи въ новой Финляндіи» отъ 19 ноября 1808 г. и въ отвѣтѣ правительства, данномъ депутаціи, говорилось о созваніи «генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній». Но русскія власти весьма смутно понимали это свое обѣщаніе, почему финляндцамъ приходилось напоминать и разъяснять. Графа Салтыкова просвѣщалъ Маннергеймъ. Въ запискѣ отъ 28 декабря 1808 г. онъ говорилъ: «...Я не могу отвѣчать утвердительно... Сеймъ все-таки будетъ для страны сборнымъ пунктомъ и можетъ быть средствомъ примирить интересы и умы, не довольно еще привыкшіе къ новому порядку вещей. Присутствіе нашего Августѣйшаго Государя, его доброта, доступность, довѣріе тѣмъ самымъ проявленное и обѣщанія, на дѣла исполненныя, пріобрѣтутъ ему болѣе сердецъ, нежели милостивыя воззванія и торжество его оружія, и благодѣтельный Александръ будетъ столько-же любимъ финнами, сколько и другими его подданными... Я согласенъ, однако,—продолжалъ Маннергеймъ,—что для окончательнаго устройства Финляндіи не настало еще время. Что-же касается дѣлъ въ настоящую минуту неотложныхъ, каковы налоги, военное положеніе, устройство суда, то ихъ можно было-бы временно привести въ порядокъ, пока не будетъ заключенъ миръ. Но, говорю еще разъ, надо очень осторожно приниматься за нововведенія; лучше сохранить въ цѣлости старые обряды, даже съ ихъ недостатками, отложивъ перемѣны до другого времени [283]).

I. А. Іегергорнъ, въ запискѣ (отъ 26-го февраля 1809 г. Réflexions sur la nécessité, pour le bonheur de la nation finnoise, de maintenir son intégrité nationale), которая была представлена Государю, предлагалъ полный пересмотръ основныхъ законовъ Финляндіи; но пока составитель записки находилъ полезнымъ передать на обсужденіе земскихъ чиновъ лишь главные принципы, послѣ чего надлежало распустить сеймъ. Осенью-же сеймъ могъ быть

вновь созванъ для обсужденія составленныхъ тѣмъ временемъ подробныхъ проектовъ [284]).

Но впереди всѣхъ коментаторовъ шелъ, конечно, Спренгтпортенъ. Онъ продолжалъ настаивать на томъ, что сеймъ необходимъ «для раскрытія мыслей и нуждъ народа, способовъ къ улучшенію и установленію гармоніи въ умахъ финляндцевъ, удрученныхъ, такъ сказать, тѣмъ положеніемъ неувѣренности, въ которомъ они теперь находятся».

Но такъ какъ въ «Положеніи о Главномъ Управленіи» обѣщаніе о созывѣ сейма было дано, то надлежало его исполнить. За этимъ наблюдалъ болѣе другихъ тотъ-же Спренгтпортенъ. Онъ усмотрѣлъ, что въ городѣ Ловизѣ казенные дома представляли значительныя неудобства для сейма, Або отстоялъ слишкомъ далеко отъ Петербурга,—да, кромѣ того, настроеніе мѣстнаго образованнаго общества едва-ли благопріятствовало тамъ новому порядку,—а Выборгъ находился «въ Россіи»,—потому эти города, какъ мѣсто собранія земскихъ чиновъ, были нежелательны. Остановились на Борго. Спренгтпортенъ просилъ Сперанскаго ускорить дѣло. Наконецъ 20 января 1809 г. Государь подписалъ слѣдующее объявленіе: «По соединеніи волею Провидѣнія и успѣхами Нашего оружія Великаго Княжества Финляндскаго навсегда съ Нашей Имперіей, благосостояніе его жителей дѣлается однимъ изъ первыхъ предметовъ Нашихъ попеченій. Въ убѣжденіи, что для достиженія этой жизненной цѣли, всѣ сословія Финляндіи поспѣшатъ оказать Намъ содѣйствіе своими усиліями, Мы рѣшили, сообразно съ установленіями страны, собрать ихъ на сеймъ; вслѣдствіе чего Мы повелѣли и повелѣваемъ настоящею грамотою, дабы общій сеймъ былъ созванъ на 10-ое марта сего года въ г. Борго. На сей конецъ уполномоченные всѣхъ сословій отправятся туда въ порядкѣ, предписанномъ правилами сейма для сужденій по тѣмъ предметамъ, кои Мы признаемъ за благо довѣрить ихъ обсужденію».

Пока въ Финляндіи происходили выборы земскихъ чиновъ, въ Петербургѣ начались приготовленія къ сейму и выработка предложеній. Въ ландмаршалы Спренгтпортенъ отрекомендовалъ Роберта Вильгельма Де-Геера, который принадлежалъ къ числу лицъ, стремившихся къ самостоятельности Финляндіи, за что въ свое время былъ удаленъ съ должности губернатора въ Гейнола. Де-Гееръ, прибывъ въ Петербургъ, сейчасъ-же испросилъ авансъ въ сто тысячъ рублей ассигнаціями, добылъ изъ придворнаго вѣдомства сервизъ, серебро, столовое бѣлье и проч. на 50 персонъ,

сочинилъ себѣ маршальскій жезлъ и вообще дѣйствовалъ энергично. Императорскій тронъ съ балдахиномъ доставили въ Борго изъ Москвы.

Церемоніалъ открытія сейма и проекты присяги депутатовъ составили Р. Ребиндеръ и Де-Геєръ. По шведскимъ порядкамъ ландмаршалъ, предсѣдатель духовнаго сословія и канцлеръ юстиціи,—приносили присягу королю, причемъ король вручалъ ландмаршалу жезлъ. Для соблюденія нѣчто подобнаго «maréchal de la noblesse» Де-Геєръ, епископъ Як. Тенгстремъ и временный канцлеръ юстиціи выгребованы были въ Петербургъ [285]).

Когда всѣ подготовительныя дѣйствія были выполнены, Императоръ Александръ I, въ сопровожденіи графа Румянцева, Сперанскаго, Аракчеева, оберъ-гофмаршала графа Толстого, генералъ-адъютантовъ Уварова и князя Гагарина, тайнаго совѣтника Голицына, флигель-адъютанта Альбедиля и лейбъ-медика Вилліе, 13 марта 1808 г. отбылъ изъ Петербурга. О томъ, что Государь поѣдетъ въ Финляндію видимо было извѣстно ранѣе, такъ какъ А. Я. Булгаковъ уже 2 марта 1809 г. сообщалъ своему отцу: «Отсутствіе Государя продолжится три недѣли; пребываніе будетъ Его Величество имѣть въ Борго, гдѣ держаны будутъ штаты и дана Финляндіи конституція» [286]). «Пронзительная съ яркимъ солнцемъ стояла стужа и время приближалось къ полудню»,—писалъ князь П. В. Гагаринъ,—когда Императоръ Александръ I 15-го марта при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ торжественно въѣхалъ въ г. Борго. У заставы онъ сѣлъ на коня. На тріумфальной аркѣ красовалась надпись: «Александру I. Его оружіе овладѣло краемъ, а кротость покорила сердца». Генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ, «гражданство» и толпа народа встрѣтили Монарха у городскихъ воротъ, надъ которыми можно было прочесть: «Александру I—защитнику просвѣщенія, законовъ Финляндіи». Русскія войска тянулись шпалерами по всему пути слѣдованія Государя въ городъ. У крыльца дома, предназначеннаго для Монарха, стояли «депутаты Финляндской діэты» съ Де-Геєромъ во главѣ. Число ихъ было не велико. Число записавшихся членовъ дворянства не превышало семидесяти, изъ нихъ многіе уѣхали ранѣе окончанія сейма. Представителей духовенства было всего 8 человѣкъ. Горожане прислали 19 депутатовъ, а крестьяне—30. Дворецъ на этотъ разъ состоялъ изъ дома бургомистра и сосѣдняго дома; между двумя дворовыми мѣстами построенъ былъ проходной залъ безъ печей. За царскимъ обѣдомъ 15 марта объединено было,—по словамъ князя Гагарина,—«въ одномъ столѣ

всѣ званія міра сего, отъ могущественнаго монарха до мирнаго пастыря».

Открытіе сейма состоялось 16 марта. «Небо было тихо и ясно; весеннее солнце улыбалось природѣ. Въ 10 часовъ Государь со свитой отправился въ соборъ. Онъ шелъ подъ балдахиномъ, предшествуемый двумя герольдами, дворянами сейма и чиновниками», за сими «императорскій генералъ-губернаторъ шелъ одинъ»; далѣе слѣдовали два русскихъ герольда и потомъ Императоръ, окруженный прибывшими съ нимъ сановниками. Едва тронулась процессія, какъ зазвонили колокола, загремѣли орудія, заиграла музыка. Церковь, поставленная на возвышенномъ мѣстѣ, была готической архитектуры. Въ церквѣ «одесную алтаря Господня поставленъ былъ тронъ Помазанника Его. На красномъ бархатномъ уборѣ за трономъ былъ вышитъ золотомъ и серебромъ государственный гербъ Имперіи. Когда въ храмѣ всѣ заняли свои мѣста, началась «многословная» шведская проповѣдь пастора Алопеуса. Проповѣдникъ объяснялъ значеніе вѣрности и послушанія, истиннаго согласія и спокойствія, любви къ родинѣ и законной свободы на общую и частную пользу нашу и потомковъ на вѣчныя времена». Проповѣдь Алопеуса и его особое обращеніе къ Императору были переведены на французскій языкъ и ранѣе представлены Государю [287]). За проповѣдью послѣдовало пѣніе псалма «Тебѣ Бога хвалимъ», сопровождавшееся на улицахъ пушечной пальбой. Этимъ закончилось богослуженіе.

Герольды Россіи стояли впереди, а русскіе сановники заняли мѣста по обѣ стороны на ступеняхъ трона. Съ правой стороны стоялъ графъ Румянцевъ, съ лѣвой—военный министръ Аракчеевъ: съ правой стороны на второй ступени—Спренгтпортенъ. Финляндскіе герольды стояли у входа въ храмъ. Князь Гагаринъ отмѣчаетъ: «присутствующіе мнѣ казались мало тронутыми особеннымъ чувствомъ радости или печали».

Изъ собора вся процессія, подъ пушечную пальбу перешла въ домъ гимназіи, гдѣ приготовленъ былъ «залъ засѣданій». Съ правой стороны въ залѣ находился столъ для статсъ-секретаря по финляндскимъ дѣламъ Сперанскаго и его помощника бар. Роб. Г. Ребиндера, который долженъ былъ вести протоколъ. Занявъ мѣсто на тронѣ, «надъ которымъ былъ гербъ Финляндскій», Императоръ произнесъ на французскомъ языкѣ «благосклоннѣйшую» рѣчь:

Произволеніемъ Промысла призванный управлять добрымъ и честнымъ народомъ, Я желалъ видѣть его представителей, собранными вокругъ Меня. Я желалъ васъ видѣть, чтобы дать вамъ

новое доказательство Моихъ намѣреній для блага вашей родины. Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши коренные законы; ваше собраніе здѣсь удостовѣряетъ исполненіе Моего обѣщанія. Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи; оно имѣетъ цѣлью укрѣпить узы, привязывающія васъ къ новому порядку вещей, пополнить права, предоставленныя Мнѣ военнымъ счастьемъ, правами болѣе дорогими для Моего сердца, болѣе сообразными съ Моими принципами, тѣми, что даютъ чувства любви и привязанности. Я дамъ вамъ знать о Моихъ распоряженіяхъ по дѣламъ вашего собранія: вы легко узнаете направленіе, Мнѣ ихъ внушившее.—Любовь къ отечеству, любовь къ порядку и неизмѣнная гармонія вашихъ видовъ да будутъ душею вашихъ сужденій, и благословеніе Неба низойдетъ на васъ, чтобы направить, просвѣтить ваши занятія».

Рѣчь Государя была сейчасъ-же прочтена на шведскомъ языкѣ генераломъ-губернаторомъ. Въ своей отвѣтной рѣчи ландмаршалъ Де-Гееръ высказалъ, что дворянство въ Александрѣ I, который теперь занялъ тронъ въ этомъ Великомъ Княжествѣ, почитаетъ своего владыку, какъ Монарха и Великаго Князя, и окажетъ подчиненіе законамъ, уваженіе къ конституціи, готовность жертвовать за свободу, права и проявитъ доброжелательство по отношенію ко всѣмъ своимъ согражданамъ безъ различія.

Епископъ Тенгстремъ сказалъ: «Государь! Благородное сердце, вмѣстѣ съ просвѣщенными и либеральными чувствами Вашего Императорскаго Величества, уже въ достаточной мѣрѣ обезпечили намъ ненарушимость всемилостивѣйшихъ Вашихъ обѣщаній. Съ перваго-же вступленія въ нашу страну Вашихъ побѣдоносныхъ войскъ, Ваше Величество удостоили дать намъ увѣренія въ неизмѣнномъ сохраненіи нашей вѣры, нашей формы администраціи (administration) и всѣхъ другихъ правъ и преимуществъ, коими пользовались мы до сихъ поръ подъ кровомъ законовъ, основавшихъ и въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживавшихъ безопасность и счастье каждаго финляндца. Но Ваше Императорское Величество тѣмъ не менѣе имѣли великодушіе предложить сословіямъ Финляндіи, здѣсь по всемилостивѣйшему Вашего Величества повелѣнію собраннымъ, новыя выраженія святости увѣреній, которыя имъ уже были даны Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять новые знаки вѣрности покорнаго и благодарнаго народа. Эти знаки представлены сегодня Вашему Императорскому Величеству не только по глубокому уваженію, обязательному предъ могуществомъ и величествомъ престола, но еще

болѣе въ силу самой живой и самой искренней привязанности, одушевляющей въ настоящую минуту всѣхъ добрыхъ гражданъ, счастливыхъ воздать Кесарево Кесареви и Божіе Богови. Лѣтописи человѣчества увѣковѣчатъ память о милосердіи и великодушіи, коими Ваше Императорское Величество удостоили сегодня привязать къ себѣ Вашихъ новыхъ подданныхъ; они-же никогда не перестанутъ стремиться все болѣе и болѣе дѣлаться достойными благодѣяній и отеческой любви Вашего Императорскаго Величества; милость и покровительство Ваше всегда будутъ ихъ славою и ихъ счастьемъ».

Крестьянинъ Клоккарсъ говорилъ: «Могущественнѣйшій и всемилостивѣйшій Императоръ и Великій Князь! Въ ту минуту, когда съ дозволенія Вашего Императорскаго Величества крестьянское сословіе также пользуется неоцѣненною милостію приблизиться къ августѣйшей и священной особѣ Вашего Императорскаго Величества, мнѣ не достаетъ словъ для выраженія преданнѣйшаго почитанія и самой душевной признательности, коими сословіе чувствуетъ себя проникнутымъ. Отъ искреннѣйшихъ сердецъ желаетъ оно при этомъ случаѣ принести черезъ мое посредство Вашему Императорскому Величеству самые добровольные дары. Они всегда будутъ послѣдствіемъ чувствъ, столь многократно вызывавшихся и возобновлявшихся щедротами Вашего Императорскаго Величества, даже среди ужасовъ, сопровождавшихъ первые удары орудія. Съ такими мыслями сословіе крестьянъ представляетъ себѣ прежде всего величіе настоящаго событія, когда Ваше Императорское Величество, будучи побѣдителемъ, пожелало однако всемилостивѣйше дозволить покоренному народу собраться предъ августѣйшей особой Вашего Императорскаго Величества въ порядкѣ, установленномъ древними правами, дабы быть выслушану и обсудить свои собственныя дѣла. Все это торжественно выражаетъ милостивые виды Вашего Императорскаго Величества въ отношеніи нашего и страны нашей будущаго благополучія; было-бы по этому преступленіемъ даже противъ насъ самихъ, если-бы мы не шли навстрѣчу Вашему Императорскому Величеству съ тѣмъ довѣріемъ, котораго Ваше Императорское Величество имѣетъ полнѣйшее право ожидать. При искренности и единеніи, кои всегда были въ подобныхъ случаяхъ отличительными качествами крестьянскаго сословія, беру смѣлость также удостовѣрить въ нихъ Ваше Императорское Величество, присоединяя всепокорнѣйшую просьбу о томъ, чтобы мнѣ, такъ же какъ и всему сословію, сохранены были милости Вашего Императорскаго Величества» [288]).

Затѣмъ временный канцлеръ юстиціи Тандефельдъ прочелъ тѣ предложенія, которыя подлежали обсужденію сейма. Эти предложенія были препровождены Сперанскимъ при отношеніи на французскомъ языкѣ: «Его Императорское Величество, созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, желалъ явить тѣмъ самымъ торжественное доказательство его великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, учрежденія (la constitution) страны, права и привилегіи всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности.

«Въ этомъ первомъ и торжественномъ собраніи Его Императорское Величество, признавая желанія и чувства новыхъ своихъ подданныхъ, желаетъ принять ихъ присягу вѣрности и тѣмъ сплотить узы, которыми Провидѣніе связало Его и подчиненный Его скипетру народъ.

«Между предметами Его отеческихъ попеченій о благѣ этой страны разныя отрасли ея хозяйства и общаго управленія особенно привлекли къ себѣ вниманіе Его Императорскаго Величества. Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти навстрѣчу Его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Его Императорское Величество рѣшилъ внести нижеслѣдующіе предметы на обсужденіе (délibération) сословій, приглашая ихъ представить Ему ихъ мнѣнія (à lui prénsenter leurs avis) о способахъ привести ихъ въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтсвующемъ благосостоянію жителей». Подписано: по повелѣнію Его Императорскаго Величества, статсъ-секретарь Сперанскій.

Затѣмъ слѣдовали самыя предложенія.

«О военномъ устройствѣ. Его Императорское Величество, вѣрный принципамъ, принятымъ Имъ въ отношеніи управленія (sur l'administration) Финляндіею, и увѣренный кромѣ того, что хорошо устроенное народное ополченіе есть наилучшая охрана государства и что изъ всѣхъ способовъ защиты оно наименѣе обременительно для жителей, въ особенности-же наименѣе вредно для пользъ населенія и для земледѣлія,—Его Императорское Величество намѣревается сохранить это учрежденіе въ главныхъ его основаніяхъ. Но такъ какъ возможно, что крупныя неудобства вкрались и въ способъ распредѣленія этой повинности, и въ другія части, составляющія всю общность ея организаціи, то Государь Императоръ охотно позволяетъ сословіямъ представить Ему ихъ мнѣнія (avis) объ этихъ неудобствахъ и указать вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйствительные способы къ ихъ устраненію, не

посягая на самый принципъ, на которомъ это учрежденіе зиждется. Его Величество приметъ въ соображеніе эти мнѣнія (prendra en considération ces avis); до того-же милиція останется, какъ и нынѣ, распущенною. Доходы, назначенные на ея содержаніе, будутъ вноситься въ казну (dans le trésor de la couronne) на основаніи справедливой и свободной раскладки, которую сословія опредѣлятъ.

«Его Величеству угодно вмѣстѣ съ тѣмъ положительно удостовѣрить сословія, что кромѣ учрежденія милиціи и образованія регулярныхъ войскъ на Его собственныя средства, наймомъ-ли охотниковъ или-же путемъ подавленія бродяжничества сообразно существующимъ законамъ, никакой другой способъ рекрутской или-же военной конскрипціи не будетъ имѣть мѣста въ Финляндіи .

«О взиманіи податей. Двѣ крупныя повинности, изъ коихъ одна казалось обременительной для жителей, а другая (акцизъ внутреннихъ таможенъ) стѣсняла очень чувствительнымъ образомъ движеніе народной промышленности,—обѣ, хотя и составляютъ значительную отрасль казенныхъ доходовъ,—были немедленно упразднены, какъ только установилась нынѣшняя администрація. Такъ пожелалъ Его Императорское Величество возвѣстить жителямъ о своемъ вступленіи въ обладаніе этимъ краемъ; такъ заявилъ Онъ съ самого вступленія и благотворное свое могущество и свои безкорыстные принципы! Предлагаемыя теперь Его Величествомъ на обсужденіе сословій предположенія составлены въ томъ-же духѣ отеческихъ попеченій о благѣ Финляндіи.

«Его Величество освѣдомился о существованіи въ настоящемъ способѣ распредѣленія и взиманія податей многоразличныхъ неудобствъ; масса доходовъ, слишкомъ дробныхъ, слишкомъ разнородныхъ по ихъ происхожденію, представляетъ для плательщиковъ, въ особенности-же для земледѣльцевъ, много трудностей при расчетахъ. Посему Его Величество приглашаетъ сословія сообразить способъ взиманія болѣе легкій и, уменьшивъ число предметовъ обложенія слишкомъ мелочныхъ и требующихъ сложныхъ вычисленій, свести все къ отраслямъ дохода болѣе однообразнымъ, болѣе примѣненнымъ къ мѣстнымъ условіямъ и потому самому менѣе зависящимъ отъ произвола, безъ уменьшенія однако общей суммы ихъ поступленія.

«Эта сумма должна быть сообразована съ нуждами государства. Далекій отъ всякой мысли о личномъ своемъ интересѣ, Его Императорское Величество смотритъ на доходы Финляндіи лишь какъ на источникъ, назначенный для процвѣтанія жителей. Но, чтобы способствовать этому благосостоянію, чтобы имѣть администрацію

Сеймъ въ Борго 1909 г.

1. Соборъ въ Борго. 2. Гимназія.

3. Общій видъ города Борго.

безупречную и бодрствующую, нужны достоточныя средства. Въ отношеніи финансовъ народъ настолько можетъ быть свободенъ въ своемъ внутреннемъ управленіи, насколько онъ самъ удовлетворяетъ своимъ внутреннимъ потребностямъ.

«О монетной системѣ. Вопросъ о монетной системѣ Финляндіи, тѣсно связанный съ ея настоящимъ политическимъ положеніемъ, представляетъ при разрѣшеніи своемъ большія трудности. Нужно согласить частные интересы съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Его Императорское Величество предлагаетъ сословіямъ обратить особое вниманіе при обсужденіи на этотъ существенный предметъ, приглашая ихъ представить Ему о лучшихъ способахъ устранить эти трудности. Его Императорское Величество, не предрѣшая мѣръ, кои Онъ изволитъ признать соотвѣтственнымъ принять въ дѣлѣ столь щекотливомъ, расположенъ придти на помощь своимъ вѣрнымъ подданнымъ Финляндіи, насколько размѣръ ихъ нуждъ и свойство средствъ могутъ это дозволить».

Четвертое предложеніе касалось собственно назначенія членовъ въ Правительствующій Совѣтъ уже учрежденный по постановленію 19-го ноября 1808 г. Но теперь это постановленіе пересматривалось въ особой комиссіи. Предложеніе было написано по-французски какъ и другія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Административныя учрежденія, распредѣленныя въ разныхъ губерніяхъ Финляндіи, имѣли надобность въ центральномъ учрежденіи, гдѣ дѣла могли-бы сосредоточиваться, для окончательнаго регулированія.

«Его Императорское Величество уже утвердилъ общій планъ такого установленія подъ именемъ Правительственнаго Совѣта. Уставъ этого Совѣта требуетъ особой разработки; какъ только она будетъ окончена, Его Величество имѣетъ намѣреніе предложить ее сословіямъ для полученія ихъ мнѣній (avis).

«Въ ожиданіи сего Государю Императору угодно дать новое доказательство довѣрія Его Величества къ сословіямъ, приглашая ихъ представить Ему двѣнадцать кандидатовъ, изъ коихъ половина отъ дворянства, половина отъ другихъ сословій страны, для четырехъ отдѣленій, изъ коихъ означенный Совѣтъ будетъ составленъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Ихъ служба будетъ продолжаться три года. Изъ сихъ кандидатовъ Его Величество изберетъ число чиновниковъ, которое Онъ признаетъ нужнымъ для образованія этого Совѣта, предоставляя себѣ въ будущемъ окончательно опредѣлить порядокъ ихъ назначенія» [289]).

По церемоніалу третій день въ Борго назначался для принятія присяги отъ членовъ сейма [290]). 17—29 марта Государь, предшествуемый двумя русскими герольдами и сопровождаемый русскими сановниками, послѣдовалъ пѣшкомъ въ соборъ между рядами войскъ, отдававшими честь «ружьемъ и музыкой». Занявъ свое мѣсто, Императоръ повелѣлъ генералъ-губернатору Спренгтпортену прочесть, въ переводѣ на шведскій языкъ, грамоту, подлинникъ которой Государь подписалъ еще 15 — 27 марта. Она гласила:

Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили».

По прочтеніи грамоты она была передана ландмаршалу сейма. Представители сословій благодарили Монарха, причемъ тальманъ крестьянъ сказалъ, что сословіе всеподданнѣйше повергаетъ свою благодарность за «данное сегодня Вашимъ Величествомъ, согласно основнымъ законамъ страны, торжественное и подписанное Вашимъ Величествомъ удостовѣреніе (грамоту) всемилостивѣйше сохранить конституцію Финляндіи» [291]).

Потомъ временный канцлеръ юстиціи Тандефельдъ призывалъ,—какъ пишетъ князь П. Гагаринъ, — каждый классъ «къ учиненію Герцогу Финляндіи предъ лицомъ алтаря и трона присяги», по слѣдующей формѣ:

«Мы, рыцарство и дворянство, собранные на этотъ общій сеймъ, какъ за себя, такъ и отъ лица отсутствующихъ сочленовъ нашего сословія, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вообще и каждый въ отдѣльности, передъ Богомъ и Его Святымъ Евангеліемъ, что мы признаемъ нашимъ Государемъ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы будемъ неизмѣнно сохранять коренные законы и учрежденія этой страны въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, равно будемъ опорою верховной власти, и такъ повиноваться ея повелѣніямъ и ихъ исполнять, чтобы имѣть возможность дать отвѣтъ предъ Богомъ и людьми. Государю принадлежатъ повелѣнія, а намъ исполненіе въ сохраненіи всего того, что справедливо

какъ въ отношеніи къ особѣ Государя, такъ и въ отношеніи насъ самихъ; мы также обѣщаемъ и удостовѣряемъ Его Величество быть всегда вѣрными Его службѣ, особенно защищать страну, соблюдать по законамъ и нашимъ привилегіямъ нашу военную службу, лишь только она будетъ возстановлена какъ при смотрахъ, такъ и на защиту страны. Мы будемъ убѣждать всѣхъ подданныхъ страны къ вѣрности и уплатѣ должныхъ коронѣ повинностей. Мы сохранимъ все это вѣрно по нашему лучшему разумѣнію и возможности, въ удостовѣреніе чего мы это обѣщаемъ, поднявъ руки, и молимъ Бога да будетъ намъ въ помощь какъ душевно, такъ и тѣлесно».

Послѣ того выступили герольды и громко превозгласили: «Да здравствуетъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій и Великій Князь Финляндскій!» Наконецъ Государь на французскомъ языкѣ произнесъ «съ благосклонностью» рѣчь: «Съ чувствомъ принимаю Я присягу вѣрности, принесенную Мнѣ жителями Финляндіи чрезъ посредство ихъ представителей. Узы, Меня съ ними соединяющія, укрѣпленныя неподготовленнымъ выраженіемъ ихъ привязанности и освященныя этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ, становятся тѣмъ болѣе дороги Моему сердцу, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ Моимъ началамъ. Обѣщая имъ сохранить ихъ религію, ихъ коренные законы, Я желалъ показать имъ, какую цѣну даю чувствамъ любви и привязанности». Рѣчь Монарха сейчасъ-же была переведена на шведскій языкъ генералъ-губернаторомъ. Торжество кончилось молитвой, прочтенной съ церковной каѳедры, и пѣніемъ «Тебѣ Бога хвалимъ!» [292]).

Къ Боргоскимъ актамъ относится еще Высочайшее объявленіе отъ 23 марта—4 апрѣля 1809 г. слѣдующаго содержанія: «Мы Александръ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, Мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи, въ святилищѣ Всевышняго подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще доселѣ пользовались.

«Обнародуя симъ этотъ актъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Финляндіи, что, слѣдуя старинному и чтимому обычаю этого края, Мы взираемъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побу-

жденію принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи присягу.

«Будучи глубоко увѣрены, что этотъ добрый и честный народъ навсегда сохранитъ къ Намъ и наслѣдникамъ Нашимъ тѣ-же чувства вѣрности и неизмѣнной привязанности, кои всегда его отличали, Мы приложимъ стараніе съ помощью Божіею постоянно давать ему новыя доказательства Нашихъ усердныхъ отеческихъ попеченій о его счастіи и преуспѣваніи».

Шведскій и финскій переводы этого акта разосланы были Тенгстремомъ (предложившимъ Государю такое распоряженіе) во всѣ приходы и объявлялись въ церквахъ, при пѣніи Te Deum.

На сеймовомъ балѣ 16 марта Императоръ Александръ I танцовалъ преимущественно съ дамами и рѣдко съ дѣвицами. Онъ удостоивалъ всегда разговора тѣхъ, съ которыми танцовалъ. Противъ дома гимназіи, гдѣ происходилъ балъ, находился залъ, украшенный ельникомъ и освѣщенный множествомъ свѣчей. Въ глубинѣ, у бюста Императора, собрались дамы, привѣтствуя Монарха пѣніемъ особой кантаты. Праздникъ «былъ хорошъ», свидѣтельствуетъ князь Гагаринъ. «Издержки достались Императору, а честь депутатамъ».

Земскіе чины, приступая къ работѣ, образовали нѣсколько сеймовыхъ комиссій. Предложенія о войскѣ и казенныхъ сборахъ и податяхъ переданы были въ хозяйственную или экономическую комиссію; финансовая комиссія занялась вопросомъ о денежной системѣ. Для обсужденія проекта о правительственномъ совѣтѣ составилась особая комиссія, но не по избранію сейма, а по назначенію Государя. Работа сейма налаживалась медленно. По прошествіи перваго мѣсяца Де-Гееръ не могъ донести еще ни о какихъ ея результатахъ.

Напыщенный своимъ высокимъ положеніемъ генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ возымѣлъ намѣреніе руководить сеймомъ и диктовать ему свои воззрѣнія. 2 — 14 апрѣля онъ обратился къ сейму съ меморіаломъ: «Земскимъ чинамъ Финляндіи отъ генералъ-губернатора Спренгтпортена». Въ этой запискѣ онъ кратко излагаетъ свои мысли о томъ, какъ земскіе чины должны высказаться по предложеннымъ имъ четыремъ пропозиціямъ. Свое право обратиться къ сейму съ подобнымъ меморіаломъ Спренгтпортенъ выводилъ изъ того факта, что онъ являлся членомъ дворянскаго сословія сейма и кромѣ того состоялъ во главѣ націи. Главная

его цѣль состояла въ томъ, чтобъ предостеречь сеймъ отъ слишкомъ пространныхъ обсужденій и уговорить его поскорѣе дать свое заключеніе, дабы вопросы послѣ этого могли быть детально рѣшены правительствомъ. Въ вопросѣ о поселенномъ войскѣ сеймъ долженъ былъ, по мнѣнію Спренгтпортена, ограничиться лишь дачею заключенія о томъ, сколько руты и рустгалтеры (rote och rusthållarena) обязаны платить казнѣ въ теченіе того времени, когда войска будутъ распущены. Что касается пропозиціи относительно казенныхъ повинностей, слѣдовало довольствоваться тѣмъ разъясненіемъ, которое имѣлось подъ рукой (т. е. свѣдѣніями, сообщенными лишь двумя губернаторами), и дать свое заключеніе. Приведеніе въ порядокъ монетной системы, Спренгтпортенъ находилъ возможнымъ лишь послѣ заключенія мира со Швеціей, почему совѣтовалъ сейму высказать свое мнѣніе лишь о принципахъ, оставивъ прочее на усмотрѣніе верховной власти. Еще болѣе диктаторски выражался Спренгтпортенъ, коснувшись четвертой пропозиціи, т. е. регламента будущему правительствующему совѣту. «Слѣдуетъ,—писалъ онъ,—безъ отлагательства произвести выборъ членовъ совѣта» и представить списокъ на утвержденіе Монарха.

Что подобный приказъ долженъ былъ оскорбить собранныхъ представителей, можно было предвидѣть. Особенно неумѣстнымъ казалось напоминаніе Спренгтпортена о выборѣ членовъ въ «правительствующій совѣтъ», когда особый комитетъ, независимо отъ сейма, долженъ былъ выработать проектъ сего учрежденія и едва открылъ свою дѣятельность. Де-Гееръ, на имя котораго посланъ былъ меморіалъ, спросилъ Спренгтпортена, имѣетъ-ли онъ указъ Его Величества на то, чтобъ руководить дѣлами сейма; и такъ какъ генералъ-губернаторъ никакимъ уполномочіемъ на этотъ счетъ не обладалъ, то меморіалъ его остался безъ вліянія на членовъ сейма. Но этимъ дѣло не кончилось. Де-Гееръ пожаловался Сперанскому, усмотрѣвъ въ дѣйствіи Спренгтпортена покушеніе на свободу земскихъ чиновъ [293]).

Сперанскій охотно выступилъ заступникомъ сейма и написалъ генералъ-губернатору: «Его Величество уже ранѣе удостоилъ васъ сообщеніемъ, что его намѣреніе было дать полную свободу земскимъ чинамъ въ ихъ обсужденіяхъ. Это постановленіе, конечно, не исключаетъ тѣ совѣты, которые вы имѣли-бы случай подать имъ, если-бы они попросили таковыхъ у васъ; но я не думаю, что ихъ слѣдуетъ тревожить впечатлѣніемъ опеки или контроля, а также полагаю, что не соотвѣтствовало воззрѣніямъ Государя показывать видъ, что ими руководятъ. Свойственное

вамъ чутье навѣрное не упустить изъ вида эти истины, и Его Величество вполнѣ увѣренъ, что они будутъ въ точности вами восприняты и вы послѣдуете имъ съ тѣмъ твердымъ разумомъ, который васъ характеризуетъ».

Спренгтпортенъ отвѣтилъ: «Я согласенъ, что земскимъ чинамъ слѣдуетъ предоставить полную свободу въ ихъ обсужденіяхъ, что возраждающаяся свобода тѣмъ недовѣрчивѣе, что ей неизвѣстны ея права, а потому не слѣдуетъ тревожить ее слишкомъ явной опекой, которая вноситъ характеръ зависимости. Никто больше меня не проникнутъ этими истинами; я первый настаивалъ на созывѣ этого сейма и доказалъ необходимость его для образованія объединяющаго звена между Монархомъ и его новыми подданными; я одинъ боролся на мѣстѣ выборовъ противъ затрудненій, которыя безпрерывно скоплялись предразсудками, чтобы задержать это начинаніе, а также я одинъ осмѣлился взять на себя гарантію его успѣха, поддерживаемый въ своихъ основахъ лишь моимъ повелителемъ, не пренебрегшимъ слѣдовать по пути, который, согласно его справедливому духу, его благородной твердости, его знанію и свободомыслящимъ идеямъ, казалось соотвѣтствовалъ его собственнымъ интересамъ. Это дѣло, стало быть, немного и мое дѣло, и потому мнѣ не желательно уничтожить его проведеніемъ правилъ, не соотвѣтствующихъ тому довѣрію, которое я желаю внушить населенію Финляндіи. Вамъ слѣдовало обратить вниманіе, милостивый государь, насколько тонъ въ дѣйствительности съ того времени измѣнился въ пользу нашихъ интересовъ, и насколько Его Величество привлекъ къ себѣ всѣ сердца, счастливыя тѣмъ, что видѣли его, и гордыя тѣмъ, что принадлежатъ ему; если и найдутся интриганы, говорящіе противоположное, то ихъ слѣдуетъ причислить къ тѣмъ, которые никогда не довольны, какое-бы хорошее дѣло ни совершалось. Но если съ одной стороны было-бы неумно вмѣшиваться въ дѣла собранія, — идущаго колеблющимся шагомъ навстрѣчу свободѣ, которую оно старается изучить и въ которой оно можетъ ошибиться, если во время не будетъ руководимо, — то съ другой стороны, было-бы не менѣе опасно слишкомъ много уступать изъ правъ правительства, потому что ему надлежитъ, безъ оскорбительнаго вліянія на обсужденія, узнать дѣла собранія и порядокъ, въ какомъ они ведутся. Такъ дѣла поставлены въ Стокгольмѣ и такъ они должны быть поставлены въ Борго. Такая опека, если такъ можно назвать ее, тѣмъ болѣе необходима, что никакое дѣло, какого-бы свойства оно ни было, строго говоря.

если оно вызывается особой пропозиціей, не должно разсматриваться безъ увѣдомленія о томъ правителя, причемъ онъ обязанъ дать отчетъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя уже сдѣланы или которыя будутъ предприняты». Въ концѣ письма Спренгтпортена говорится: «Впрочемъ, если я высказалъ слишкомъ многое, если мои мысли не совпадаютъ съ мыслями моего августѣйшаго властителя, то, да проститъ онъ мнѣ, говоритъ умирающій» [294]).

Вообще въ дѣлахъ Боргоскаго сейма Сперанскій принялъ большое участіе. Всѣ главные акты, придавшіе значеніе этому сейму, составлены Сперанскимъ. Черняки написаны въ его канцеляріи и имъ собственноручно исправлены. Онъ выработалъ и утвердилъ церемоніалъ открытія сейма. Онъ сочинилъ французскую рѣчь Государя, грамоту отъ 15—27 марта 1809 г. объ утвержденіи религіи и основныхъ законовъ Финляндіи, а также высочайшее объявленіе отъ 23 марта—4 апрѣля 1809 г. Вмѣстѣ съ Ребиндеромъ онъ, наконецъ, составилъ тѣ четыре высочайшія пропозиціи, которыя были положены въ основу работъ сейма.

Сперанскій, оберегая сеймъ, предупреждалъ, что онъ имѣетъ право обсуждать только то, что входитъ въ эти пропозиціи. Желанія политико-экономическаго свойства могли быть выражены, но только въ формѣ петицій. Особенно нежелательнымъ Сперанскій находилъ возбужденіе вопроса о конституціи, проектъ которой выработалъ Андерсъ Іоганъ Іегергорнъ.

Это обстоятельство столь характерно для опредѣленія финляндской политики Государя и Сперанскаго, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Существовавшіе основные шведскіе законы Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. полностію никоимъ образомъ не могли быть примѣнимы къ новому положенію Финляндіи, такъ какъ они требовали, чтобы Монархъ отвергалъ «ненавистное единодержавіе», исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, въ вопросахъ престолонаслѣдія руководствовался шведскимъ закономъ 1743 г., онъ лишался права пребывать внѣ предѣловъ Финляндіи, безъ согласія своихъ совѣтниковъ, не долженъ былъ назначать въ Финляндію генералъ-губернатора и т. д. Ясно, слѣдовательно, что разъ для Финляндіи имѣлось въ виду утвержденіе «конституціи», то ее необходимо было или разработать, или точно опредѣлить, какія части шведскихъ основныхъ законовъ 1772 и 1789 г. г. оставлялись въ силѣ для вновь присоединенной области. Ни того, ни другого, однако, не было сдѣлано. Руководители политики новой окраины предпочитали ограничиться общими выраженіями. А. І. Іегергорнъ

выработалъ проектъ конституціи; но Сперанскій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы земскіе чины проекта не разсматривали и вопроса о конституціи вообще не подымали. Въ письмѣ къ Де-Гееру онъ отклоняетъ все, что касалось затѣи Іегергорна.

Но въ то-же время Сперанскій не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Государь присягнулъ старой конституціи, подобно тому, какъ это дѣлали шведскіе короли, или собственноручно подписалъ Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Это опредѣленно выяснилось во время перваго пребыванія Александра I въ Борго. Наканунѣ дня присяги на вѣрноподданство, Сперанскій, отведя въ сторону барона Маннергейма и лагмана фонъ-Моріана, наиболѣе дѣятельныхъ представителей дворянскаго сословія, «представилъ имъ весьма важный вопросъ, относительно той формы конституціи, которой Его Величество на слѣдующій день долженъ былъ присягнуть». «Мы считали,—говоритъ Маннергеймъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. составляли главные основные законы, которые Его Величество обѣщалъ сохранить намъ». Можно догадываться, что Маннергеймъ и Моріанъ, давая справки, указали затѣмъ на порядокъ утвержденія конституціи и королевскую присягу, существовавшіе въ Швеціи. Но тутъ, когда отъ словъ нужно было перейти къ дѣлу, когда коснулись самаго существа конституціоннаго вопроса, сейчасъ-же встрѣтили отпоръ со стороны Сперанскаго, который не могъ, конечно, признать примѣнимости законовъ 1772 и 1789 г. г. къ Финляндіи и, съ другой стороны, зная истинное отношеніе Государя къ унаслѣдованной имъ самодержавной власти, не могъ дерзнуть предложить Монарху присягнуть конституціи и подписать Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г.—Возраженія Сперанскаго «имѣли, конечно, основаніе»,—пишетъ Маннергеймъ,—«не рѣшившійся предложить съ своей стороны какихъ либо измѣненій».

«Вечеромъ,—говорится далѣе въ воспоминаніяхъ Маннергейма,—распространился чрезъ генералъ-губернатора Спренгтпортена слухъ, что Государь, недовольный упомянутымъ нашимъ мнѣніемъ, угрожалъ закрытіемъ сейма и роспускомъ земскихъ чиновъ, и что Форма Правленія 1772 г. не можетъ быть принята». Недовольный тѣмъ, что выданъ былъ частный разговоръ, Маннергеймъ поспѣшилъ къ Сперанскому, чтобъ узнать о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Къ своей радости Маннергеймъ услышалъ, что вопроса о роспускѣ сейма не было. Чтобъ окончательно утѣшить своего совѣтника, Сперанскій показалъ Маннергейму

«удостовѣреніе (грамоту), которое Императоръ намѣренъ былъ дать въ день присяги». Эта грамота «въ общихъ выраженіяхъ, безъ какихъ-либо подробностей, содержала въ себѣ санкцію коренныхъ законовъ и учрежденія страны, а также утвержденіе привилегій, свободы и правъ всѣхъ сословій. Обрадованный этимъ,— замѣчаетъ Маннергеймъ,—я спокойно вернулся домой».

Итакъ, коренные законы и привилегіи оказались утвержденными въ общихъ выраженіяхъ. А между тѣмъ, если бы Государь и Сперанскій имѣли въ виду шведскіе коренные законы 1772 и 1789 г. г., то особенно легко и просто было поименовать два эти акта въ грамотѣ 15—27 марта 1809 г. Но ихъ не поименовали. Сперанскій зналъ, что Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. во всемъ ихъ объемѣ совершенно непримѣнимы къ Финляндіи, какъ къ части Россійской Имперіи, и тѣмъ не менѣе онъ не позаботился выяснить и указать, какія положенія сихъ государственныхъ законовъ Швеціи Императоръ Александръ I находилъ полезнымъ и возможнымъ сохранить, и какія отпадали, въ силу факта подчиненія Финляндіи самодержавной Россіи. Этотъ вопросъ огромной важности остался открытымъ до нашихъ дней и никогда авторитетною русскою властью не былъ разрѣшенъ.

Въ періодъ засѣданія земскихъ чиновъ въ Борго, Сперанскій велъ оживленную переписку съ руководящими членами сейма. Онъ часто напоминалъ имъ, что слѣдуетъ избѣгать неподходящихъ мнѣній и внушалъ, что при обсужденіи дѣлъ надо соблюдать спокойствіе и достоинство. Сеймъ могъ обсуждать только то, что входило въ высочайшія пропозиціи; отъ сейма требовали не «декретовъ, а лишь его мнѣніе» [295]). Депутаты старались исполнять указанія Сперанскаго, видя, что онъ желалъ оберечь сеймъ.

Прежде всего Сперанскій вошелъ въ сношеніе съ ландмаршаломъ, барономъ Р. В. Де-Гееромъ. Послѣдній сообщалъ Сперанскому подробности о ходѣ дѣла на сеймѣ. Тонъ писемъ Де-Геера почтителенъ и покоренъ, тогда какъ отвѣты Сперанскаго тверды, одобряющи или выговаривающи. Шла рѣчь объ отсрочкѣ засѣданій сейма. Сперанскій на это не соглашался и писалъ Де-Гееру, что «вы, баронъ, съ своей энергіей,—которая воодушевляетъ васъ и которую вы такъ хорошо умѣете передавать другимъ,—во время закончите дѣятельность сейма», заложивъ краеугольные камни прочнаго зданія подъ благословеніемъ небесъ и благодаря заботамъ добраго Монарха.

Такія-же дружественныя отношенія установились между Сперанскимъ и барономъ Карломъ Маннергеймомъ.

Одновременно Сперанскій велъ переписку съ тальманомъ духовенства, Яковомъ Тенгстремомъ, вліяніе котораго на сеймъ и страну онъ высоко цѣнилъ. Какое довѣріе Сперанскій питалъ къ Тенгстрему видно между прочимъ изъ того, что онъ назначилъ его предсѣдателемъ той особой комиссіи, которая должна была выработать проектъ высшаго правительственнаго учрежденія (совѣта). Дѣло о совѣтѣ велось по указаніямъ Государя. Въ письмѣ къ Тенгстрему изложены были Сперанскимъ тѣ руководящія начала, которыя должны были лечь въ основу будущаго учрежденія. Этихъ главныхъ положеній было два: 1) трибуналъ дѣлится на секціи, 2) онъ будетъ находиться подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Комиссіи предстояло выработать границы правъ или круга дѣятельности совѣта, число его членовъ, процедуру его работы и т. п. По желанію Сперанскаго Боргоскій сеймъ получилъ право предложить тѣхъ лицъ, которыя должны были войти въ составъ правительствующаго совѣта при его сформированіи.

Въ составленіи инструкціи генералъ-губернатору и прокурору Сперанскій также принималъ участіе, хотя онѣ изданы были послѣ его удаленія.

Въ помощь Якову Тенгстрему былъ приглашенъ профессоръ Матіасъ Калоніусъ. Сперанскій написалъ ему: «Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важно, слишкомъ связано съ счастьемъ и успѣхомъ этого края, чтобъ оно могло быть чуждымъ для чувствъ, которыя оживляютъ васъ». Старый и опытный правовѣдъ стоялъ въ сторонѣ, выжидая результатовъ событій. Отъ участія въ депутаціи, ѣздившей въ Петербургъ, Калоніусъ отказался. Не участвовалъ онъ и въ Боргоскомъ сеймѣ. Какъ юристъ онъ не могъ не замѣтить, что «правовая основа этого сейма была болѣе чѣмъ шатка; древніе областные сеймы были запрещены Формами Правленія 1721 и 1772 г.г.; Боргоскій сеймъ не могъ дѣйствовать на правахъ шведскаго риксдага, а самъ-же Калоніусъ отрицалъ за Императоромъ Александромъ I право опредѣлять публично-правовое положеніе Финляндіи, впредь до заключенія мира съ сувереномъ Финляндіи». [296]). Миръ не былъ еще заключенъ: финляндцевъ не освободили отъ присяги шведскому королю, а при такихъ условіяхъ Калоніусъ назвалъ службу русскому Монарху измѣной. Однако, получивъ письмо Сперанскаго, онъ отправился въ Борго, гдѣ ему передали проектъ устройства правительственнаго совѣта для спеціальной разработки.—Извѣстно, что

его предложеніе, исправленное Сперанскимъ, легло затѣмъ въ основу будущаго закона.

Спренгтпортенъ, узнавъ о назначеніи Тенгстрема предсѣдателемъ особой комиссіи, счелъ себя обойденнымъ и оскорбленнымъ, исходя изъ того, что инструкція 19 ноября 1808 года обязывала его представить свои соображенія о совѣтѣ. Взволновавшія его чувства онъ бурно излилъ въ письмахъ къ Сперанскому, указывая что Тенгстремъ, по самому сану своему, не могъ имѣть особыхъ познаній по гражданскому управленію. «Что меня касается,—писалъ Спренгтпортенъ,—то я привыкъ говорить языкомъ солдата, желающаго лишь исполнить свой долгъ; не скрою отъ васъ, что не ожидалъ, послѣ всего сдѣланнаго мною, что встрѣчу такой унизительный поступокъ по отношенію ко мнѣ, отнявшій у меня возможность принимать участіе въ дѣлѣ, которое такъ близко соприкасается съ честью моей должности».

Сперанскій не привыкъ, конечно, получать письма такого тона, но отвѣтилъ сдержанно: «Безъ сомнѣнія вы, генералъ, изволите помнить, что я, по повелѣнію Государя, имѣлъ честь въ вашемъ домѣ, въ городѣ Борго, прочесть тѣ статьи, которыя были предназначены для разсмотрѣнія сейма. Одна изъ этихъ статей заключала въ себѣ мысль объ учрежденіи высшаго трибунала. Такимъ образомъ съ вашего вѣдома и мотивированнаго согласія положена основа этой комиссіи... Это случайное и вызванное потребностями времени учрежденіе, которое въ извѣстной мѣрѣ было основано по вашему совѣту и подъ вашей защитой, вообще не посягаетъ на довѣренную вамъ власть или на расположеніе, которое вамъ всегда оказывалъ Его Величество». [297]).

Сколько ни старались сдержать сеймъ въ предѣлахъ, данныхъ ему пропозицій, онъ не ограничился четырьмя офиціальными вопросами и выступилъ съ многочисленными жалобами, ходатайствами и петиціями. Прежде всего сословія желали обезпечить свои привилегіи. Петиція дворянства, представленная де-Геeромъ на шведскомъ языкѣ, указывала, что Его Величество «въ прокламаціяхъ и личныхъ завѣреніяхъ въ Борго, передъ земскими чинами, ненарушимо сохранилъ права всѣхъ сословій». Между тѣмъ во время войны права дворянства нарушались, и оно понесло существенныя потери, такъ какъ дома его подвергались постою, а изъ имѣній требовались подводы и даже Спренгтпортенъ настаивалъ на томъ, чтобы дворянскія имѣнія, наравнѣ съ крестьянскими, участвовали въ перевозкѣ транспортовъ. Депутаты выражали надежду, что Его Величество соизволитъ обратить

на это свое милостивое вниманіе. Затѣмъ дворяне, въ видахъ личной безопасности, хотѣли, чтобы военные судились въ финляндскихъ судахъ. Они добивались продолженія выдачи пенсіи изъ шведскихъ кассъ; они просили дозволить удалившимся въ Швецію не только возвратиться домой, но занять прежнія должности и т. п. Ихъ петиція заключала въ себѣ 38 пунктовъ самыхъ разнообразныхъ просьбъ. Духовенство наполнило 20 пунктовъ своей петиціи спеціальными просьбами сословія. [298]). Особнякомъ поставлено было ходатайство по церковнымъ вопросамъ. Въ Петербургѣ депутація просила, чтобы эти вопросы восходили непосредственно къ Государю. Теперь, на сеймѣ, духовенство, измѣнивъ свои воззрѣнія, рѣшило просить Монарха передать дѣла церкви на рѣшеніе проектированнаго совѣта. Вообще-же петиціи касались разныхъ затрудненій, вызванныхъ войной, и сводились къ просьбамъ о помощи и облегченіи. Сеймъ старался также обезпечить участь бывшихъ финскихъ воиновъ. По этому поводу ландсгевдингъ фонъ-Троиль восклицалъ на сеймѣ: «Должны-ли мы закрывать свои сердца передъ сими храбрыми сынами, этими героями, которые прославили наше имя, доведя его до безсмертія, и теперь возвращаются безъ всякихъ условій, чтобы остаться до послѣдняго вѣрными своему долгу, какъ мирные граждане?» Манифестомъ отъ 27 марта 1810 г. и постановленіями отъ 2 апрѣля и 8 іюня н. ст. бывшимъ военнымъ чинамъ даны были разныя преимущества. Столько-же заботы проявилъ сеймъ объ участи офицеровъ и солдатъ, попавшихъ въ плѣнъ. Земскіе чины просили о немедленномъ освобожденіи ихъ, и о томъ, чтобъ они могли безпрепятственно вернуться домой. Въ петиціи, исходившей изъ крестьянскаго сословія, говорилось «о правѣ пользоваться шведскимъ языкомъ и впредь, какъ это было прежде, во всѣхъ официальныхъ бумагахъ, прошеніяхъ и судебныхъ дѣлахъ». Эта просьба, къ которой присоединилось и духовенство, вызывалось опасеніемъ, что русскій языкъ будетъ введенъ, какъ официальный языкъ, во всѣ учрежденія края.

Интересный эпизодъ разсказываетъ К. Ф. Ординъ [299]), передавая свѣдѣнія о попыткахъ главныхъ дѣятелей сейма добиться учрежденія «тайнаго комитета», установленнаго въ Швеціи закономъ 1772 г. Во главѣ этой затѣи шелъ Де-Гееръ. Письмомъ отъ 15—27 апрѣля онъ просилъ содѣйствія Сперанскаго къ утвержденію ходатайства, подписаннаго тальманами сословій. Подготовить почву въ Петербургѣ оказалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что на сеймѣ по вопросу о «тайномъ комитетѣ» произошло разногласіе. Де-Гееръ

пояснялъ, что сеймъ, желая учрежденія тайнаго комитета или депутаціи, имѣлъ въ виду интересы крестьянства; но въ то-же время Де-Геeръ предлагалъ объявить Высочайшее повелѣніе о сохраненіи этимъ комитетомъ, подъ особой присягой, тайны по разсматриваемымъ дѣламъ. Дѣла крестьянства въ тайнѣ не нуждались. Очевидно «умыселъ другой тутъ былъ». Въ петиціи говорилось, что война кончается и предстоитъ заключеніе мира. «Но, Государь!.., мы не смѣемъ надѣяться, чтобы Ваше Императорское Величество могли въ столь короткій срокъ, вполнѣ освѣдомиться о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Вотъ почему сословія Финляндіи осмѣливаются съ величайшею покорностью умолять о дозволеніи образовать въ продолженіи этого сейма особый комитетъ. Онъ могъ бы приготовить предметы, о которыхъ надлежало-бы заботиться, ведя переговоры о мирѣ».—Горожане возражали и остались при особомъ мнѣніи. Они находили, что достаточно ранѣе учрежденныхъ разныхъ комитетовъ и не встрѣчается надобности въ установленіи особаго секретнаго комитета, который только въ состояніи навлечь подозрѣніе, черезчуръ близко касаясь правъ короны.—Горожане опасались, что вся власть перейдетъ въ подобный комитетъ, и тайныя дѣйствія его не станутъ доходить до общаго свѣдѣнія. Они, очевидно, помнили печальную исторію Швеціи послѣ 1721 года, когда тайный комитетъ захватилъ въ свои руки всѣ главныя дѣла государства, распоряжаясь безконтрольно по своему усмотрѣнію.—Просьба сейма и особыя хлопоты Де-Геера не были уважены. Вскорѣ Сперанскому вообще пришлось разъяснить сейму (6 іюня 1809 года письмомъ Де-Гееру), что ничто постороннее четыремъ предложеніямъ, переданнымъ земскимъ чинамъ, «не будетъ допущено къ обсужденію, таковы всегда были намѣренія Его Императорскаго Величества».

Занятія земскихъ чиновъ были окончены, Императоръ Александръ I выразилъ желаніе лично закрыть сеймъ, для чего онъ прибылъ въ Борго 6 іюля 1809 года, гдѣ былъ встрѣченъ съ прежней торжественностью. Императора сопровождалъ Сперанскій, перу котораго принадлежитъ проектъ французской заключительной рѣчи и многія исправленія, внесенныя въ инструкцію правительственнаго совѣта, подъ шумъ и разговоры лицъ, толпившихся въ пріемной Государя.

7-го іюля, послѣ богослуженія въ соборѣ, процессія отправилась въ гимназію. Здѣсь представители сословій короткими прощальными рѣчами благодарили Монарха. Тенгстремъ отъ имени

духовенства произнесъ: «Государь! Въ продолженіе всего собранія, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ лѣтописей Финляндіи, сословія края постоянно удостовѣрялись въ отеческой благосклонности, съ которою Ваше Императорское Величество пріемлете Свой новый народъ. Ваше Императорское Величество, не ограничиваясь тѣмъ, что торжественно и по собственному Вашему побужденію подтвердили, въ присутствіи представителей народа, законы страны и права и преимущества каждаго сословія. Вы удостоили еще предоставить свободному обсужденію земскихъ чиновъ предметы величайшей важности, касательно управленія краемъ, лучшей организаціи защиты, податей и его денежныхъ дѣлъ. Насколько такія благодѣянія со стороны могущественнаго побѣдителя побѣжденному народу представляются поразительно рѣдкими въ исторіи, настолько должна отличаться признательность финскаго народа Монарху, великому по власти и величію, и еще болѣе по добротѣ и великодушію, Монарху, который за всѣ труды и попеченія свои на высокомъ поприщѣ не ищетъ другого вознагражденія, кромѣ искренней и постоянной любви милліоновъ его счастливыхъ подданныхъ. Вполнѣ убѣжденные въ этихъ благородныхъ и великодушныхъ чувствахъ Вашего Императорскаго Величества, сословія Финляндіи принесли къ трону ихъ желанія и предложенія по самымъ существеннымъ предметамъ ихъ благополучія и охраны, съ прямотой и откровенностью, приличествующими свободному народу, и съ тѣмъ довѣріемъ, которое добрый отецъ внушаетъ добрымъ дѣтямъ. Указы и повелѣнія, кои засимъ Ваше Императорское Величество милостиво удостоите издать, будутъ новыми поводами радости и признательности для финскаго народа, который въ своемъ Государѣ навсегда будетъ видѣть своего высшаго благодѣтеля. Миръ, слава и счастіе да почіютъ на престолѣ и на всемъ августѣйшемъ домѣ Вашего Императорскаго Величества! И да продлитъ Небо драгоцѣнные дни нашего многолюбимаго Государя на преуспѣяніе временъ настоящихъ и будущихъ! Духовенство всенижайше препоручаетъ себя навсегда милости Вашего Императорскаго Величества».

Послѣ рѣчей тальмановъ, президентъ Тандефельтъ доложилъ отвѣты земскихъ чиновъ на Высочайшія пропозиціи.

Закрытіе сейма состоялось рѣчью Государя, сказавшаго по французски:

«Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, Я хотѣлъ узнать желанія и мысли народа на счетъ истинныхъ его интересовъ. Я призвалъ ваше вниманіе на предметы наиболѣе важные

для вашего преуспѣянія. Вполнѣ полагаясь на лойяльность вашего характера, опираясь впрочемъ на чистоту моихъ намѣреній, Я оставилъ вашимъ сужденіямъ полную свободу. Никакое вліяніе, никакая власть, кромѣ вашей, не осмѣлилась переступить порогъ этой двери. Я охранялъ независимость вашихъ мнѣній. Отсутствуя, Я былъ среди васъ Моими непрестанными желаніями успѣха вашимъ трудамъ. Мнѣнія, которыя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ, Мною обдумываемомъ въ видахъ вашего преуспѣянія. Занятія ваши съ этой минуты прекращаются. Но расходясь, вамъ предстоитъ исполнить существенные обязанности. Несите въ глубину вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту-же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности. Этотъ храбрый и лойяльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Занимая нынѣ мѣсто въ средѣ народовъ подъ властью своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановитъ. А Я, Я соберу лучшіе плоды Моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ преуспѣяніемъ воздающимъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ свою судьбу».

На закрытіе сейма было обращено менѣе вниманія, чѣмъ на его открытіе. Стояла середина лѣта, и всѣ стремились домой на лоно природы. При отъѣздѣ изъ Борго, Императоръ Александръ, снявъ дорожную шапку, милостиво кланялся провожавшимъ его лицамъ. Онъ особо раскланялся съ домпробстомъ Алопеусомъ, пославъ ему рукой поцѣлуй.

Когда земскіе чины по обычаю прежнихъ временъ обмѣнивались прощальными привѣтствіями, графъ Крейтцъ выразилъ дворянству, что потомство, когда оно будетъ производить историческую оцѣнку, убѣдится, что «Финляндскій сеймъ 1809 года имѣлъ въ виду единственную цѣль—благо родины, и что земскіе чины единодушно стремились достигнуть этой цѣли». Депутатъ П. І. Бладъ (P. I. Bladh) сказалъ сословію горожанъ: «Ни одного безпристрастнаго человѣка не удивитъ, что, при обсужденіи такихъ

необычныхъ и щекотливыхъ дѣлъ, не доставало у насъ знанія, понятія и опытности. Потомство скорѣе удивится тому, чего мы достигли безъ рутины, безъ помощи коллегій и при недостаточныхъ свѣдѣніяхъ отъ чиновниковъ, а также при неправильныхъ и разсѣянныхъ свѣдѣніяхъ изъ провинцій, и въ высшей степени критическую эпоху».

Каждый депутатъ унесъ съ собою убѣжденіе, что исполнена была большая историческая задача. Тѣмъ болѣе странно, то отношеніе, которое проявила къ событію современная газета. Единственный печатный органъ страны сообщалъ тогда свѣдѣнія объ индѣйцахъ въ Америкѣ, о методистахъ въ Англіи, и объ «островѣ Сиренъ», но ни однимъ словомъ не обмолвился о происшедшемъ въ Борго [300]). Забавно также читать въ рапортѣ магистрата г. Борго, отъ 22—29 марта, ландсгевдингу: «Симъ магистратъ имѣетъ честь сообщить, что ничего особеннаго здѣсь за послѣднюю недѣлю не произошло».

Созывъ сейма настроенія въ краѣ не приподнялъ; особыхъ надеждъ на него, видимо, не возлагали, почему нѣкоторые депутаты отправились въ Борго, какъ на обязательную барщину. Баронъ Маннергеймъ первоначально намѣревался вовсе уклониться отъ посѣщенія сейма, депутатъ де-ла-Шапелль, исполняя настойчивую просьбу своего стараго родственника, поѣхалъ только тогда, когда покончилъ свои хозяйственныя хлопоты по имѣнію. Третьи отправились не безъ колебаній... «Всѣмъ, кто имѣетъ мѣсто и голосъ на сеймѣ, приказано явиться. Я не могу не явиться, какъ это для меня ни тяжело», — писалъ маіоръ Б. Г. Аминовъ. Способныхъ депутатовъ было крайне мало. Немногіе изъ нихъ ранѣе «поощрялись къ размышленіямъ о томъ, что такое «государство», каковы его нужды и требованія». Нѣкоторыя церемоніи сейма вызвали ироническія замѣчанія современниковъ. «Провозглашеніе сейма, писалъ Алопеусъ, походило на дѣтскую забаву... Планъ былъ хорошъ, но выполнялся плохо, такъ что торжество не соотвѣтствовало ожиданіямъ». Но по мѣрѣ хода засѣданій, многіе примирились съ сеймомъ. «Подъ вліяніемъ человѣколюбиваго и чарующаго Александра I изчезаетъ мрачный пессимизмъ, надежда возвращается и будущность представляется, наконецъ, въ розовомъ цвѣтѣ». «Сеймъ открытъ»,—писалъ одинъ изъ его участниковъ,—«и мы уже нѣсколько дней засѣдали при исполненіи всѣхъ формальностей, согласно установленнымъ основнымъ законамъ Швеціи. Никакихъ перемѣнъ въ нашихъ правахъ не произошло. Предположенія переданы Царемъ на обсужденіе сейма. Ни

[illegible] В. Экманъ

Сеймъ въ Борго 1809 г.

Присяга въ соборѣ 17–29 марта.

одно изъ нихъ не мѣшаетъ нашей свободѣ и не нарушаетъ нашихъ законовъ и правъ».

Значеніе сейма съ различныхъ точекъ зрѣнія оцѣнено было уже современниками. Въ письмѣ къ генералъ-губернатору Финляндіи, генералу Барклаю-де-Толли, отъ 27 іюня—9 іюля 1809 года Сперанскій, говоря о сеймѣ, прибавляетъ: «Послѣ того, какъ Его Величество успѣхами своего оружія присоединилъ Финляндію къ Россіи, Онъ нашелъ необходимымъ добавить къ тѣмъ правамъ, которыя даетъ война, тѣ, которыя въ состояніи ему предоставить одни только любовь и преданность его новыхъ подданныхъ. Ничто такъ не могло доказать его благородныя намѣренія, какъ созывъ сейма на основаніи законовъ страны». Въ томъ-же письмѣ Сперанскій сообщаетъ, что отъ сейма ожидали не рѣшеній или декретовъ, а простыхъ заключеній и мнѣній [301]).

Полнаго удовлетворенія сеймомъ не замѣчается среди его депутатовъ. «Будущіе сеймы,—писалъ Як. Тенгстремъ,—должны вестись иначе, чѣмъ послѣдній. По догадкѣ мѣстнаго историка, въ этомъ кроется намекъ на то, что епископъ не былъ доволенъ колеблющимся представленіемъ о компетентности сейма, которое тогда замѣчалось.

«Полнаго сеймоваго рѣшенія, требуемаго конституціонными формами, не было подписано,—читаемъ у барона Маннергейма, одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ дѣятелей въ Борго. Сеймъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ... Существенною стороною сейма было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегіи, а также учрежденіе собственнаго управленія, совершенно обособленнаго отъ русскаго, благодаря учрежденію правительственнаго совѣта; но оставалась надежда, что на будущихъ сеймахъ, при болѣе мирныхъ условіяхъ, удастся организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи, надежда, которая въ царствованіи Александра I была близка къ осуществленію, но по неизвѣстнымъ причинамъ не осуществилась» [302]). Недовольство Маннергейма вызвано не только тѣмъ, что никакого рѣшенія риксдага не было составлено и подписано, какъ надлежало бы по конституціонной формѣ; «но вмѣстѣ съ тѣмъ ни непосредственно послѣ сейма, ни впослѣдствіи не было получено никакого отвѣта на заключенія земскихъ чиновъ по предложеніямъ Государя». Далѣе Маннергеймъ продолжаетъ: «Этотъ сеймъ, единственный созванный во время русскаго правленія, въ своемъ родѣ своеобразенъ и мало соотвѣтствуетъ тому, что ожидали. Быть можетъ исходъ согласовался съ тогдашнимъ порядкомъ вещей,

быть можетъ, русскіе совѣтники Государя, совершенно не уразумѣли неизвѣстныхъ имъ конституціонныхъ формъ, и желали, чтобы все это было иначе. Я не имѣю основанія сомнѣваться въ доброй волѣ и вниманіи благороднаго Государя, но будучи Монархомъ деспотической страны, онъ, можетъ быть, побоялся слишкомъ затронуть русское общественное мнѣніе».

Больше всего осуждался сеймъ за согласіе на разоруженіе страны, которую впредь должны были защищать русскія войска. «У нихъ (у земскихъ чиновъ),—писалъ доцентъ Абоскаго университета Арвидсонъ,—выдергивали зубы изо рта и на шелковыхъ подушкахъ подносили къ трону монарха, и (члены сейма) охотнѣе соглашались, какъ беззубые старики, питаться въ инвалидномъ домѣ великой имперіи, чѣмъ молодыми силами снискивать свое пропитаніе. Это безуміе и есть тотъ червь, который подтачиваетъ корень финской національности и внутреннюю ея силу. Нѣжное томленіе того времени или фальшивая боязнь нѣкоторыхъ угрожающихъ обстоятельствъ сдѣлали то, что не сознавали, какимъ ничтожнымъ долженъ стать обезоруженный народъ» [303]).

Такимъ образомъ какъ въ самомъ сеймѣ, такъ и внѣ его существовала партія, не одобрявшая его дѣйствій. Первый историкъ сейма, Кастренъ, признаетъ, что надлежащихъ предложеній сейму не было передано, а потому не составлялось и должныхъ ихъ рѣшеній. Нѣкоторые вопросы были затѣмъ утверждены Верховною властью совершенно несогласно съ мнѣніями, выраженными земскими чинами.

Иные критики видѣли не безъ основанія въ боргоскихъ событіяхъ только «политическій парадъ». Но существуетъ еще одна сторона въ исторіи боргоскаго сейма, которая рѣзко дѣлитъ изслѣдователей того времени на два лагеря. Представителемъ одного изъ нихъ приходится признать шведскаго профессора Іерне, который [304]) написалъ: «Удивительно то, что нашлись люди въ Финляндіи, которые полагали возможнымъ основать правомѣрный политическій порядокъ на явной измѣнѣ (trohets-brott), совершенной съ полнымъ презрѣніемъ къ требованіямъ международнаго права». Это замѣчаніе направлено противъ тѣхъ, которые основываютъ всѣ права Финляндіи исключительно на событіяхъ въ Борго, игнорируя Фридрихсгамскій трактатъ. Авторитетомъ Калоніуса также положенъ на этотъ сеймъ отпечатокъ измѣны. Въ своемъ прокурорскомъ отзывѣ за 1812 г., коснувшись прокламацій, манифестовъ и всякихъ рѣшеній русскаго правительства, состоявшихся до офиціальнаго заключенія мира, онъ заявилъ, что «всѣ они должны быть объ-

явлены недѣйствительными, ибо фактически завоеванія рѣшаются оружіемъ, а не одними манифестами» [305]).

У историка Ирье-Коскинена (въ его книгѣ о Г. М. Спренгтпортенѣ, изданной на финскомъ языкѣ въ Г-форсѣ, 1874 г.) находится слѣдующее заявленіе о сеймѣ въ Борго. «Съ шведской точки зрѣнія эти событія были ничѣмъ инымъ, какъ явнымъ возстаніемъ; но точка зрѣнія измѣнилась: финская точка зрѣнія— можно сказать точка зрѣнія Спренгтпортена—получила историческое подтвержденіе. Спренгтпортенъ, осужденный прежде, какъ измѣнникъ, стоялъ теперь высшимъ посредникомъ между отечествомъ и его Монархомъ». Надо признать, что въ формальномъ отношеніи имѣется сходство между аньяльцами и тѣми, которые вели дѣло на сеймѣ въ Борго, потому что и они не были освобождены отъ гражданства въ шведскомъ государствѣ; но фактически разница огромная: «въ мартѣ 1809 года, когда остатки финской арміи находились въ Вестерботніи, когда революція въ Стокгольмѣ 13 марта н. ст. низвела съ престола законную главу, здѣсь, въ Финляндіи, не оставалось надежды продолжить отношеній на прежнихъ началахъ и фактически наступило одно изъ тѣхъ революціонныхъ положеній, когда болѣе не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобъ поступать правомѣрно, а остается только дѣйствовать умно».

Послѣдній выводъ усвоенъ въ наше время всѣми финляндскими писателями. Созывъ сейма вызвалъ разнообразныя чувства въ населеніи края,—читаемъ у М. Шюбергсона (II, 348). «Нашъ народъ не былъ еще освобожденъ отъ своей присяги Швеціи; управленіе его еще принадлежало тому монарху, которому финны присягали на вѣрность, и при такихъ условіяхъ выбирать представителей, которымъ надлежало обсуждать, вмѣстѣ съ побѣдителемъ, будущее положеніе Финляндіи, формально было-бы измѣной присягѣ. Но въ этомъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, нужда создавала законъ (var nöden en tvingande lag). Когда разрывъ съ Швеціей фактически уже произошелъ, было бы безуміемъ не идти на встрѣчу намѣреніямъ Императора Александра. Поэтому безпрепятственно, хотя и не особенно ретиво, приступили къ сеймовымъ выборамъ. Вскорѣ послѣ этого произошла шведская тронная революція (tronrevolutionen): 13—1 марта 1809 г. Густавъ IV Адольфъ былъ свергнутъ, а его дядя, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, взошелъ на престолъ Швеціи. Это событіе содѣйствовало, если даже правовыя отношенія этимъ не измѣнились, уменьшенію сомнѣній относительно перехода къ новому положенію».

*

Основа этого воззрѣнія, господствующаго теперь въ Финляндіи, подсказана изъ Швеціи профессоромъ Вассеромъ, который, разсматривая сеймъ въ Борго, написалъ, что «тогда Финляндія рѣшила сама себя эмансипировать отъ соединенія съ Швеціей, идти на встрѣчу завоевателю и признать его своимъ Великимъ Княземъ, заключивъ сепаратный миръ съ русскимъ Императоромъ». На это профессоръ Петербургскаго университета Н. М. Коркуновъ отвѣтилъ: «Финляндія не отпала отъ Швеціи, не провозглашала своей независимости, не организовалась, какъ особое государство, не возстала противъ своего правительства. Вести какихъ-либо переговоровъ съ Россіей она, поэтому, не могла. Сеймъ въ Борго никакого особаго значенія имѣть не могъ, ибо что-нибудь одно,— продолжаетъ проф. Н. М. Коркуновъ,—или Александръ I, русскій Императоръ, имѣлъ право учреждать Финляндскій сеймъ, но тогда онъ уже сталъ ранѣе государемъ Финляндіи и ему уже незачѣмъ было договариваться съ сеймомъ объ ея присоединеніи; или онъ не былъ еще государемъ Финляндіи, но тогда онъ не имѣлъ права учреждать сейма и всѣ постановленія сейма не имѣютъ никакого юридическаго значенія».

17—29 марта 1809 г. въ 4 часа послѣ обѣда Императоръ уѣхалъ въ открытыхъ саняхъ изъ Борго въ Гельсингфорсъ, куда пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера, къ большому удивленію жителей, не ожидавшихъ столь скораго переѣзда и не успѣвшихъ снять лѣса съ возведенныхъ тріумфальныхъ воротъ, когда Государь проѣхалъ черезъ нихъ. Маленькій Гельсингфорсъ казался еще болѣе ничтожнымъ вслѣдствіе того, что въ октябрѣ 1808 года былъ опустошенъ пожаромъ.

18—30 марта, въ прекраснѣйшій зимній день, Государь со свитой отправился въ Свеаборгъ, построенный «Шведскимъ львомъ для Русскаго орла», какъ выразился Гагаринъ. Свеаборгъ впервые увидѣлъ въ своихъ укрѣпленіяхъ русскаго Государя. Прибытіе Императора Александра I было встрѣчено залпомъ изъ девятисотъ орудій самаго большого калибра. «Превосходнѣйшее поздравленіе», прибавляетъ князь П. Гагаринъ: — «гласъ твой разносили вѣтры по Ботническимъ отголоскамъ». Тотъ же авторъ прибавляетъ, что генералъ Сухтеленъ, обративъ вниманіе Императора на тотъ порядокъ, въ которомъ разставлены были тогда пушки разныхъ калибровъ, сказалъ: «Государь, это похоже на пушечную библіотеку».

О памятникѣ на могилѣ Эренсверда князь Гагаринъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ, прибавляя: «труды твои вѣчно станутъ возбуждать удивленіе». Памятникъ, на которомъ значится: «здѣсь покоится Эренсвердъ, окруженный трудами своими и флотомъ»— «показываетъ величественную простоту и оживляетъ окружающіе утесы». Превосходный памятникъ — твореніе генія скульптора Сергеля.

Въ тотъ же день состоялся обѣдъ въ Гельсингфорсѣ. «Обѣдъ былъ великъ и продолжителенъ», иронизируетъ князь Гагаринъ, подшучивая надъ старшинами, не щадившими ни блюдъ, ни поклоновъ. «Балъ въ Гельсингфорсѣ былъ во сто разъ лучше обѣда». Въ дневникѣ современника, молодого Карла Эліаса Алопеуса, сына домпробста, говорится, что Императоръ не явился на балъ и ходили слухи, будто бы онъ получилъ депеши, заставившія его крѣпко задуматься. Когда это извѣстіе дошло до министровъ въ бальномъ залѣ, они, вмѣстѣ со всей свитой, покинули балъ. Строились догадки, что дѣло касалось плановъ переворота въ Стокгольмѣ.

Ближе къ Або страна становилась живописнѣе и князь Гагаринъ сталъ мириться съ Финляндіей. 20 марта—1 апрѣля Государь въѣхалъ въ Або верхомъ съ обычною церемоніею. Тріумфальныя ворота были выстроены по образцу приготовленныхъ въ Римѣ для Тита, съ надписью, сочиненною профессоромъ Францéномъ:

«Александру,
Котораго войска покорили край,
Котораго благость покорила народъ».

Слѣдовалъ смотръ войскамъ и объѣздъ города. «Мы едва вѣрили глазамъ своимъ», говоритъ профессоръ Лагусъ, «когда этотъ Гиперборейскій Атлантъ, презирая ненастье, верхомъ въѣхалъ въ городъ почти безъ свиты; всѣмъ, вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, кланялся Онъ съ необычайной, радостною привѣтливостью». Послѣ осмотра отправился въ гофгерихтъ. Президентъ Тандефельтъ привѣтствовалъ Монарха рѣчью на французскомъ языкѣ. Во время послѣдовавшаго затѣмъ засѣданія, президенту предоставлено было вкратцѣ изложить о судопроизводствѣ въ краѣ и о всемъ, что относилось къ нему. Посѣщеніе Монарха ознаменовалось помилованіемъ одного преступника. Члены гофгерихта просили Его Величество подарить «въ память этого торжественнаго и трогательнаго засѣданія», свой портретъ, на что послѣдовало соизволеніе съ условіемъ, чтобъ портретъ основателя гофгерихта, короля Густава II Адольфа, оставался въ томъ же помѣщеніи на приличномъ мѣстѣ.

Послѣ гофгерихта Государь посѣтилъ новое зданіе университета, которое, не смотря на то, что строилось съ 1802 г., оставалось неоконченнымъ.

Балъ происходилъ въ большомъ, но очень низкомъ залѣ, гдѣ полъ былъ, по обычаю того времени, выкрашенъ водяной краской, почему присутствовавшіе на танцахъ скоро покрылись слоемъ пыли. Государь много танцовалъ и очаровалъ всѣхъ своимъ ласковымъ обхожденіемъ [306]), одного только своего главнокомандующаго фонъ-Кнорринга онъ не удостоилъ ни единымъ словомъ.

Проѣзжая изъ Або черезъ Тавастгусъ, Государь 3-го апрѣля подъ вечеръ съ небольшой свитой посѣтилъ семейство губернатора маіора Меллерсверда въ Мянтсяля. Здѣсь державный повелитель Россіи провелъ сутки въ самой незатѣйливой обстановкѣ. Онъ ужиналъ за столомъ вмѣстѣ съ семействомъ Меллерсверда. На другой день гулялъ въ большомъ паркѣ усадьбы. Зная по боргоскому рауту, что дочери Меллерсверда хорошія танцорки, и въ особенности младшая, Ульрика, Государь предложилъ устроить танцы. Но въ домѣ не было никакой музыки. Прибѣгли къ конюху Меллерсверда, который самоучкой игралъ на самодѣльной скрипкѣ. Государь принялъ участіе въ нехитрыхъ деревенскихъ танцахъ, которыми также увлекся, какъ и прочая молодежь.—Однимъ изъ сосѣдей Меллерсверда оказался полковникъ Адольфъ Норденшельдъ. Онъ не прибылъ на балъ, оставаясь въ душѣ шведомъ и сожалѣя, что семья Меллерсверда въ столь короткое время примѣнилась къ новымъ условіямъ жизни, несмотря на то, что отецъ этой семьи сражался противъ русскихъ въ 1788—1790 г.г., и въ послѣднюю войну 1808—1809 г.г. [307]). Послѣ танцевъ начались игры, которыми остроумно руководилъ Императоръ, чѣмъ доставлялъ всѣмъ высокое удовольствіе. При прощаніи съ семействомъ Меллерсверда, онъ поцѣловалъ Ульрику въ щеку, а черезъ три года пожаловалъ ей званіе фрейлины Ея Величества Государыни Императрицы.

Рѣзкое различіе характеровъ воздвигало стѣну холодныхъ отношеній между Спренгтпортеномъ и Сперанскимъ. Безтактность новаго генералъ-губернатора привела къ тому, что въ теченіи двухъ недѣль Спренгтпортенъ получилъ выговоръ отъ Государя, указанія отъ государственнаго секретаря и отпоръ со стороны Де-Геера, стоявшаго ниже его и по чину, и положенію.

Новое крупное недоразумѣніе съ прежнимъ единомышленникомъ главнокомандующимъ Б. Кноррингомъ вынудило Спренгтпор-

тена просить объ увольненіи отъ должности. Сущность сего недоразумѣнія заключается въ слѣдующемъ [308]): Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Тавастгуса, Государь заявилъ Спренгтпортену, что было бы приличнѣе перенести управленіе въ Або. Спренгтпортенъ крайне неумѣло поспѣшилъ осуществленіемъ предположенія Государя. Онъ обратился къ губернатору Кнуту фонъ-Тропилю, и поручилъ ему приготовить въ Або подходящее помѣщеніе, причемъ весьма прозрачно указалъ на домъ, въ которомъ въ то время жилъ главнокомандующій фонъ-Кноррингъ. Тропиль, извѣщая фонъ-Кнорринга о желаніи Государя, въ свою очередь написалъ, что для Спренгтпортена нуженъ домъ, занимаемый имъ, т. е. главнокомандующимъ. Необузданный Спренгтпортенъ не привыкъ принимать во вниманіе чужихъ личныхъ дѣлъ и его ничуть не безпокоило то, что несправедливо будетъ лишить фонъ-Кнорринга его квартиры.

Кноррингъ незадолго передъ тѣмъ подавалъ просьбу объ отставкѣ, но она была ему возвращена. Оскорбленному фонъ-Кноррингу представилось теперь, что предложеніе, переданное Тропилемъ, исходило отъ Государя и потому онъ написалъ Его Величеству 31 марта — 12 апрѣля: «Я согласился остаться на службѣ, но оффиціальное письмо губернатора въ Або, которое при семъ прилагаю, заставляетъ меня снова представить Вашему Величеству мою просьбу, которая нераспечатанная была возвращена мнѣ, и всеподданнѣйше прошу Васъ, наконецъ, дать мнѣ отставку, которую я въ эту минуту усердно прошу разрѣшить. Льщу себя надеждой, что Ваше Величество, уже лишивши главнокомандующаго арміей его квартиры, также удостоите дать ему свободу уѣхать отсюда».

Въ описанномъ видѣ дѣло дошло до Императора. Онъ былъ удивленъ поступкомъ Спренгтпортена, который осмѣлился въ данномъ случаѣ дѣйствовать его именемъ. Дѣло не могло обойтись и безъ строжайшаго выговора Кноррингу, такъ какъ письмо его было изложено не достаточно почтительно. И Спренгтпортену, и Кноррингу посланы были Высочайшія предписанія отъ 7 — 19 апрѣля. Кноррингъ получилъ согласіе на отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ Государь написалъ ему: «Можно ли вообразить... что генералъ вашего чина и вашей опытности забудетъ до того власть свою и сопряженное съ его званіемъ уваженіе, что можетъ признать обязательнымъ для себя требованіе, столь мало соображенное съ порядкомъ службы Моей, и которое было бы противно правиламъ Моимъ даже и тогда, когда вы и совсѣмъ

оставили бы службу». Спренгтпортену, который вскорѣ изъ Тавастгуса переѣхалъ въ Або, чтобы находиться ближе къ арміи и помогать въ ея операціяхъ, Государь писалъ: «Вы превысили довѣренную вамъ власть и по личному вашему произволу обратили подготовительныя совѣщанія въ положительныя распоряженія, присвоили приказанія, которыя никогда не были вамъ даны и которыя я вамъ положительно велѣлъ выждать. Неохотно вижу себя вынужденнымъ призвать васъ къ порядку, причемъ я не только приказываю отложить всѣ распоряженія, касающіяся окончательнаго учрежденія гражданскаго управленія въ Або, но и воздержаться отъ всякаго значительнаго распоряженія, переходящаго границы той власти, которая установлена въ данныхъ вамъ инструкціяхъ».

Для натуры Спренгтпортена данный ему урокъ явился тяжелымъ ударомъ и онъ подалъ въ отставку.

Въ прошеніи, посланномъ черезъ Аракчеева, 4—16 мая 1809 года, изъ Борго, Спренгтпортенъ говорилъ: «Безъ сомнѣнія желалъ бы я остаться при дѣлахъ до окончанія сейма, чтобъ видѣть нашъ трудъ закрѣпленнымъ, трудъ, который мы вмѣстѣ начали для гражданскаго управленія этого края, долженствующее составить главную цѣль обсужденій сейма, но малое довѣріе, оказываемое мнѣ въ этомъ отношеніи, не подаетъ мнѣ надежды быть особенно полезнымъ, почему для меня нѣтъ иного исхода, какъ возможно скорѣе подготовить себѣ отдыхъ, который столь необходимъ въ виду моихъ лѣтъ и моего спокойствія». Спренгтпортенъ просилъ для себя пожизненную пенсію и помѣстье въ Россіи, гдѣ могла бы поселиться его жена, послѣ его смерти.

О своей собственной дѣятельности въ послѣдніе годы, этотъ гордый человѣкъ говорилъ: «Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, когда я съ величайшею послѣдовательностью и усердіемъ работалъ на пользу присоединенія къ Россіи Финляндіи, я, конечно, не имѣлъ, какъ многіе другіе, счастье видѣть хотя бы малѣйшую признательность, но не смотря на то, я уношу съ собою самое лестное для меня убѣжденіе, что мои основные принципы, какъ относительно завоеванія этой провинціи, такъ и относительно ея управленія, были благосклонно приняты и съ успѣхомъ осуществлены, все это составляетъ отраду моихъ послѣднихъ дней» [309]). Шестидесятивосьмилѣтній старецъ вспоминалъ поприще, полное превратностей, когда онъ то стоялъ на высотѣ власти, окруженный блескомъ царской милости, то отстранялся, какъ ненужное орудіе. Много предпріятій было имъ начато, но едва ли хоть одно

доведено до конца. Прежнее отечество оттолкнуло его, какъ блуднаго сына, хотя онъ упорно продолжалъ увѣрять, что являлся его благодѣтелемъ.

5 — 17 іюня 1809 года послѣдовалъ указъ объ отставкѣ въ очень милостивыхъ выраженіяхъ и съ большими денежными пособіями. Въ тотъ-же день Барклай де-Толли былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ Финляндіи. Изъ словъ Государя видно, что онъ былъ доволенъ отставкой Спренгтпортена. «Я желалъ вамъ, финнамъ, добра, когда назначилъ Спренгтпортена генералъ-губернаторомъ вашей страны, сказалъ Монархъ Р. Ребиндеру; я ошибся, это вамъ извѣстно, но чего вы не знаете, такъ это то, что восемь дней спустя послѣ его назначенія, я имѣлъ уже основаніе раскаяваться въ томъ, что свершилось. Скандалъ (esclandre) между нимъ и однимъ изъ моихъ министровъ освѣтилъ мнѣ его характеръ. Я надѣялся, что старость побудила его забыть свои прежніе споры въ Финляндіи и научила сдерживать взрывы своихъ чувствъ. Къ несчастію этого не случилось» [310]).

9—21 іюня 1809 г. Спренгтпортенъ особымъ письмомъ благодарилъ Государя за оказанныя ему милости и тутъ же предложилъ новый проектъ устройства высшаго правительства Финляндіи. Правительственный совѣтъ могъ, — по мнѣнію Спренгтпортена, — находиться въ Финляндіи только до той поры, пока онъ состоялъ подъ вліяніемъ природнаго генералъ-губернатора. Теперь-же, когда генералъ-губернаторомъ назначенъ Барклай де-Толли, обстоятельства мѣняются, правительствующій совѣтъ слѣдуетъ перенести въ Петербургъ, чтобъ тамъ, подъ надзоромъ Государя и подъ руководствомъ, избраннаго изъ финской націи президента, вѣдалъ—бы гражданскими дѣлами края. Государь поступилъ правильно, продолжалъ Спренгтпортенъ—объединивъ въ однѣхъ рукахъ военную и гражданскую власть, благодаря этому могутъ устраняться неправильности, происходящія отъ злоупотребленія одной власти и безсилія другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Спренгтпортенъ находилъ, что власть генералъ-губернатора въ Финляндіи должна быть приноровлена къ власти военнаго губернатора въ Россіи [311]).

Находясь не у дѣлъ, Спренгтпортенъ не лишался вниманія Монарха. «Спренгтпортенъ доволенъ, какъ царь»,—читаемъ въ дневникѣ Голенищева-Кутузова (1810, окт.). Онъ обѣдалъ у Государя, который обошелся съ нимъ очень хорошо, не зная, что этотъ совѣтникъ и экспертъ по финляндскимъ дѣламъ, въ то самое время, когда занималъ русское правительство планами объ устройствѣ

Финляндіи, составилъ къ шведскому королю прошеніе, въ которомъ, говоря о своемъ «неугасимомъ рвеніи и горячей любви къ возлюбленной родинѣ», просилъ позволенія вернуться въ отечество [312]).

Назначенный послѣ Спренгтпортена финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и послѣ фонъ-Кнорринга главнокомандующимъ, князь Барклай де-Толли являлся однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей своего времени. Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толли, по происхожденію, принадлежалъ къ древне-шотландской фамиліи. Отецъ его былъ скромнымъ офицеромъ русской арміи. Нашъ будущій полководецъ родился въ 1761 г. Впервые отличился при осадѣ Очакова на 27 году отъ роду. Въ 1794 г. онъ участвовалъ въ польской войнѣ. Но особенно выдвинули его дарованія войны съ Наполеономъ.

Въ войнѣ съ Финляндіей онъ смѣло по льду перевелъ цѣлую армію черезъ Ботническій заливъ съ обозами и артиллеріей. Въ 1810 г. получилъ назначеніе на постъ военнаго министра, а въ 1812 году онъ сталъ во главѣ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона. Когда Наполеонъ былъ разбитъ и отброшенъ за наши границы, а Кутузовъ умеръ, Барклай де-Толли сталъ главнокомандующимъ соединенной россійско-прусской арміи. Сраженія при Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ принесли ему новые лавры. Наконецъ битвой подъ стѣнами столицы французовъ—Парижемъ, онъ рѣшилъ участь Наполеона, за что 18 марта 1814 г. возведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

По описанію современниковъ, Барклай де-Толли былъ высокаго роста, держался прямо и величественно; израненный въ разныхъ сраженіяхъ, онъ имѣлъ блѣдное лицо. Онъ обладалъ выдающеюся силою воли и глубиной мысли. Въ сраженіяхъ онъ поражалъ всѣхъ своимъ спокойствіемъ. По словамъ Левенштерна, онъ на столько сосредоточенно слѣдилъ за ходомъ боя, что не замѣчалъ пуль. Въ обращеніи былъ простъ, вѣжливъ, со всѣми ровно ласковъ. Вообще же держался нѣсколько особнякомъ, рѣдко съ кѣмъ сближался и отъ природы являлся несообщительнымъ. Онъ любилъ солдата; его справедливость и строгость по службѣ были общеизвѣстны; при нарушеніяхъ дисциплины былъ неумолимъ. Жилъ скромно, любилъ книгу [313]). Когда Барклая де-Толли назначили главнокомандующимъ, графъ Шуваловъ писалъ ему: «не

взирая на вашу скромность, могу васъ увѣрить, что вамъ воздано по заслугамъ, что переходъ вашъ черезъ Кваркенъ вызываетъ удивленіе». Когда затѣмъ Барклая де-Толли призвали на постъ генералъ-губернатора, то въ рескриптѣ было сказано: «зная усердіе ваше къ добру и либеральныя правила, я убѣжденъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преуспѣяніе ея жителей». Въ новую свою должность онъ вступилъ въ маѣ 1809 г. и оставался въ ней до января 1810 г. «Правосудіемъ, строгою дисциплиною въ войскахъ и попечительностью о благѣ жителей, онъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе всѣхъ финновъ».

VIII. Фридрихсгамскій миръ.

19 — 31 января 1809 г. Густавъ IV Адольфъ заговорилъ о мирѣ, но въ такомъ тонѣ, что предложеніе его не могло быть принято. Онъ писалъ Императору Александру: «Поступивъ столь несправедливо съ прежнимъ Вашимъ союзникомъ, королемъ шведскимъ, не перестававшимъ съ безупречною вѣрностью исполнять свои обязательства въ такое время, когда достойная презрѣнія политика нашихъ дней громко требовала иного образа дѣйствій, Ваше Императорское Величество, конечно, признаете, что пора опредѣленно объясниться о побужденіяхъ, которыя могутъ въ дальнѣйшемъ направлять политику Вашего Величества. Нужно, слѣдовательно, знать: на какихъ справедливыхъ условіяхъ Финляндія можетъ быть возвращена Швеціи. Это неправедное завоеваніе, вмѣсто того, чтобы упрочить могущество Россіи, сдѣлается главною причиною ея гибели, если Ваше Величество будете упорствовать въ сохраненіи того, что пріобрѣтено Вами такими путями, которые должны бы вычеркнуты быть со страницъ исторіи.— Густавъ Адольфъ».

Письмо Густава возвращено ему при слѣдующихъ немногихъ строкахъ: «Всероссійскій Императоръ не можетъ въ соотвѣтственной формѣ отвѣчать на полученное письмо и возвращаетъ его, какъ незаключающее въ себѣ признаковъ примиренія и взаимнаго уваженія. Никакая война не вѣчна; всѣ онѣ кончаются миромъ. Императоръ желаетъ мира, и только мира, между всѣми. Онъ желаетъ видѣть Швецію счастливою и спокойною. Онъ готовъ предоставить ей миръ со всѣми державами, съ которыми она находится въ войнѣ». Александръ Павловичъ прибавилъ еще собственноручно: «Финляндія вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ; только оружіемъ можетъ она быть отдѣлена отъ нея» [314]).

Обѣ стороны нуждались въ мирѣ по политическимъ и экономическимъ условіямъ; съ обѣихъ сторонъ дѣлались попытки сближенія, но онѣ не скоро привели къ опредѣленнымъ результатамъ. Съ русской стороны бывшій посланникъ въ Стокгольмѣ Д. Алопеусъ получилъ указаніе изыскивать пути къ заключенію почетнаго мира. Ему надлежало начать съ того, чтобы, по переѣздѣ въ Або, внушать шведамъ о желаніи Императора скорѣе положить конецъ тягостной войнѣ. Данная ему на случай переговоровъ инструкція ставила для Швеціи главными условіями: полную уступку Финляндіи, вплоть до Торнео, закрытіе шведскихъ гаваней для англійскихъ судовъ и прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій противъ Франціи и Даніи. Относительно торговли Алопеусу повелѣвалось «твердо настаивать на закрытіи всѣхъ шведскихъ портовъ для англійскихъ кораблей, какъ военныхъ, такъ и торговыхъ, и на полномъ согласіи Швеціи съ мѣрами сѣверныхъ державъ, въ отношеніи закрытія Балтійскаго моря». Въ то же время, «если шведское правительство встрѣтитъ къ этому очень большія затрудненія», разрѣшалось «сдѣлать уступки для шведскихъ портовъ по Каттегату»,—а эти порты, и въ числѣ ихъ важнѣйшій—Гетеборгъ, представляли существенный интересъ для шведской торговли съ Англіей. Такимъ образомъ намѣренія Россіи еще при Густавѣ IV были въ этомъ отношеніи самыя великодушныя.

Государственный переворотъ 1-го—13 марта въ Стокгольмѣ прекратилъ царствованіе Густава IV Адольфа, передавъ регентство королевства старому и болѣзненному герцогу Карлу Зюдерманландскому. Поведеніе Густава давно уже внушало серьезное опасеніе. Рядъ явно ненормальныхъ его поступковъ привелъ, наконецъ, къ тому, что подполковникъ Адлерспарре склонилъ къ возстанію субалтернъ-офицеровъ. Обращались также къ генералу Адлеркрейцу съ просьбою спасти отечество, но онъ не далъ никакого положительнаго обѣщанія. Съ 3-мя или 4-мя тысячами войска Адлерспарре двинулся къ Стокгольму. Баронъ Стедингкъ, первый извѣстившій короля о грозившей опасности, подвергся оскорбленіямъ и упрекамъ. Густавъ, приставя съ угрозою кулаки къ его лицу, сказалъ, что онъ хочетъ этими выдумками испугать его и придать вѣсу своимъ трусливымъ совѣтамъ. Къ королю приходилъ также Клингспоръ, предлагая принять самыя энергичныя мѣры. Все напрасно. Между тѣмъ генералъ Адлеркрейцъ съ пятью адъютантами, войдя во дворецъ, объявилъ королю отъ имени всѣхъ главныхъ государственныхъ и военныхъ сановниковъ, что онъ арестованъ. Король настолько растерялся, что его безъ труда отвезли въ

замокъ Дротнингсгольмъ. Герцогъ Зюдерманландскій принялъ въ свои руки управленіе. Такъ, безъ пролитія крови, завершенъ былъ государственный переворотъ [315]). Имѣется намекъ на то, что Алопеусъ съ «кучею денегъ» отправленъ былъ въ Швецію «для совершенія тамъ возмущенія и ссоры между королемъ и націею». Свѣдѣніе это зиждется, однако, на необоснованномъ слухѣ и опровергается тѣмъ, что Алопеусъ только 24 февраля прибылъ въ Або и значительно позже попалъ въ Стокгольмъ.

Въ это же время русскія войска тремя колоннами готовились къ переходу въ Швецію черезъ Ботническій заливъ. Въ Швеціи узнали объ экспедиціи генерала Багратіона, имѣвшей цѣлью захватъ Аланда и возможное приближеніе къ Стокгольму. Императоръ Александръ стремился заключить миръ въ Стокгольмѣ, что явилось бы торжествомъ его политики, веденной на сѣверѣ вопреки русскому общественному мнѣнію. Все казалось было хорошо приготовлено для послѣдняго смѣлаго шага. Отрядъ графа Шувалова шелъ къ Торнео, Барклай де-Толли переходилъ Кваркенъ, Кульневъ стремился къ берегу Швеціи, но революція 1—13 марта помѣшала выполненію плана. «Наступи она днемъ позже и русскіе были бы въ Стокгольмѣ» [316]).

Сейчасъ-же послѣ государственнаго переворота фельдмаршалъ Клингспоръ увѣдомилъ Дебельна на Аландѣ о происшедшемъ и предложилъ вести дѣло къ перемирію на неопредѣленное время, до начатія переговоровъ о мирѣ. Генералъ Дебельнъ отправилъ въ качествѣ парламентера подполковника Лагербринга съ письмомъ Клингспора къ нашему главнокомандующему Кноррингу. Сперва Кноррингъ отказывался отъ всякихъ переговоровъ, но Лагербрингъ настаивалъ на безполезности кровопролитія послѣ государственнаго переворота въ Швеціи. На другой день, т. е. 4—16 марта русскіе начальники собрались на совѣтъ въ деревнѣ Клеменсбю (Clemensby). Лагербрингъ не безъ умысла дотянулъ эти переговоры до поздняго вечера. Одна изъ предложенныхъ Дебельномъ конвенцій была принята. Оставалось только подписать ее. Но въ это время прибылъ военный министръ Аракчеевъ и разорвалъ ее. Онъ объяснилъ, что великая русская экспедиція не предназначена для завоеванія Аланда, а для того, чтобъ продиктовать миръ въ столицѣ Швеціи [317]). Кромѣ того, Аракчеевъ потребовалъ, чтобы шведскія войска сдались военно-плѣнными. Лагербрингъ вызвался доставить въ Стокгольмъ предварительныя условія мира, предъявленныя русскими. Благодаря такому маневру шведовъ, русское наступленіе было пріостановлено.

Послѣ этого въ Стокгольмѣ рѣшили прямо обратиться къ Императору Александру I. Съ письмомъ отъ регента Лагербрингъ отправился въ путь. Онъ же везъ съ собой письмо къ Коленкуру, съ просьбой посодѣйствовать перемирію.

Хотя первоначально Аракчеевъ приказалъ Багратіону настойчиво преслѣдовать шведовъ, однако, онъ, Аракчеевъ, рѣшился двинуть впередъ только Кульнева. Отрядъ Кульнева успѣлъ прибыть 7—19 марта въ Грислегамнъ; «теперь проложена была дорога къ Стокгольму». Видя это, Дебельнъ немедленно отправилъ парламентера въ русскій лагерь съ заявленіемъ, что ожидаемый военнымъ министромъ уполномоченный для переговоровъ о мирѣ на слѣдующій же день прибудетъ на Аландъ, но при условіи, чтобы «ни одинъ русскій отрядъ не ставилъ ноги на шведскую землю». Эта «стратегема» Дебельна привела къ тому, что Кноррингъ отозвалъ Кульнева и приказалъ Барклаю де-Толли, успѣвшему безъ кровопролитія занять г. Умео, вернуться по льдамъ Кваркена. Кноррингъ отозвалъ Кульнева, опасаясь лишиться благопріятнаго случая для заключенія мира. Уступка была сдѣлана, какъ писалъ 7 марта Аракчеевъ, чтобы не раздражить шведовъ. Но каково же было удивленіе русскихъ генераловъ, когда на слѣдующій день 8—20 марта подполковникъ Лагербрингъ прибылъ не въ качествѣ уполномоченнаго для переговоровъ о мирѣ, а лишь какъ курьеръ съ письмомъ къ Государю. Русскимъ оставалось вновь перейти проливъ къ Грислегамну и послать второго курьера въ г. Умео. Но буря могла въ каждый данный часъ взломать ледъ, почему Лагербрингъ сталъ доказывать, что переходъ черезъ проливъ настолько же опасенъ, какъ и безцѣленъ, особенно въ виду того, что миръ во всякомъ случаѣ будетъ заключенъ. Кноррингъ и Сухтеленъ оказались болѣе сговорчивыми; военный же министръ, наоборотъ, долго не сдавался. «Если только будетъ взятъ Стокгольмъ, то и боя больше не потребуется». «Повелѣнія Государя завладѣть Стокгольмомъ были столь опредѣленны, что генералы не осмѣлятся сдѣлать отступленія отъ него, такъ какъ представленныя предварительныя условія къ тому же еще не приняты шведской стороной». Такъ планировали первоначально русскіе, но, одураченные шведами, не сумѣли привести въ исполненіе своего рѣшенія.

Въ Стокгольмъ отправили новаго посланца, а Лагербрингъ поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ въ это время находился Государь. Находчивость и смѣтливость Дебельна и Лагербринга спасли такимъ образомъ Стокгольмъ отъ нападенія русскихъ. Послѣ аудіенціи

К. Б. Л. Стедингъ.

Curt Stedingk

Д. М. А[illegible]ъ.

у Государя, Лагербрингъ посѣтилъ графа Румянцева, который выразилъ свою надежду на пріобрѣтеніе имъ довѣрія Лагербринга, особенно «послѣ полнаго довѣрія, оказаннаго ему (Лагербрингу) также русскими генералами на Аландѣ, которые, не смотря на приказанія Государя, пріостановили походъ на Стокгольмъ; при всемъ томъ, говорилъ Румянцевъ, вы были милостиво приняты Государемъ».

Прибывшему въ Стокгольмъ Алопеусу оказаны были знаки вниманія какъ при дворѣ, такъ и въ обществѣ. Миссія его—изслѣдовать положеніе королевства и настроеніе партій—ясна была для всѣхъ. Изъ бесѣды съ герцогомъ Карломъ онъ узналъ, что препятствій къ заключенію мира не будетъ оказано, но шведское правительство, для оправданія себя передъ риксдагомъ, обязано сдѣлать попытки удержать за собою Финляндію. Министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Лагербьельке, позондировалъ почву, съ цѣлью опредѣлить, не имѣется ли возможности сохранить Финляндію, при условіи избранія на тронъ Швеціи одного изъ русскихъ великихъ князей. Алопеусъ оставилъ этотъ вопросъ безъ отвѣта.

Ища выхода изъ затруднительнаго положенія, стокгольмская дипломатія обратила свои взоры на Францію. «Императору довольно дѣла и безъ васъ», сказалъ Дюрокъ шведскому уполномоченному, тщетно добивавшемуся пріема у Наполеона. Наконецъ давно желанная аудіенція состоялась. «Чего вы отъ меня хотите?»—сказалъ Императоръ шведскому представителю. «Ваша революція слишкомъ опоздала: я уже промѣнялъ Швецію на Испанію». Тѣмъ не менѣе, въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Наполеонъ похвалилъ Швецію и далъ понять, что было бы полезно, если бы со временемъ шведы могли быть привлечены къ участію въ будущей борьбѣ съ Россіей. Поэтому онъ былъ бы готовъ сдѣлать для нихъ что можно; «но—заключилъ онъ—время теперь критическое; я нуждаюсь въ дружбѣ Александра; я просилъ его помочь мнѣ выгнать враговъ изъ Польши и не могу и не хочу дать ему даже малѣйшаго повода къ неудовольствію. Обладаніе Финляндіей составляетъ для него жизненный вопросъ». По просьбѣ принца Карла, довѣренный Швеціи остался во Франціи, чтобы при случаѣ напоминать великому полководцу о дѣлахъ своей родины. Пользуясь подходящими моментами, онъ «старался возбудить въ Наполеонѣ зависть къ Россіи, описывая возможно яркими красками то, что послѣдняя пріобрѣтала вмѣстѣ съ Финляндіей. Милліонное населеніе доставитъ русской арміи лучшихъ офицеровъ и солдатъ;

отличные порты и множество прекрасныхъ матросовъ положатъ основаніе ея морской силѣ; но, въ особенности, она пріобрѣтаетъ полную обезпеченность своего фланга, который въ предшествовавшія войны всегда былъ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ ея границъ, ведя прямо къ центру, какъ военному, такъ и политическому, къ самой столицѣ. Если Швеція утратитъ вполнѣ Финляндію,—продолжалъ шведъ,—ей нельзя будетъ впредь дѣйствовать противъ Россіи, съ какимъ-нибудь успѣхомъ. Военныя операціи чрезъ Торнео физически невозможны: между этимъ городомъ и Улеоборгомъ семь рѣкъ, изъ которыхъ каждая, по меньшей мѣрѣ, въ три раза шире Рейна. Всякая лѣтняя экспедиція чрезъ нихъ представляется химерическою, а зимою жестокая стужа этихъ странъ, полное отсутствіе средствъ въ этой пустынѣ, громадность разстояній, — все воздвигаетъ нападенію непреодолимыя препятствія» [318]).

Итакъ, Франція отказалась протянуть руку помощи старой и вѣрной своей союзницѣ, несмотря на то, что цѣль Наполеона была достигнута. Густавъ II низложенъ, а въ переходѣ Стокгольма въ русскія руки Наполеонъ, какъ онъ писалъ Коленкуру, не усматривалъ никакой выгоды.

Еще болѣе черствой оказалась Англія. Въ началѣ переговоровъ Швеція пробовала получить формальное обѣщаніе отъ Великобританскаго правительства заставить Россію возстановить Финляндію или же получить за нее соотвѣтствующее вознагражденіе. Англія отвѣтила полнымъ отказомъ. Швеція оказалась изолированной, покинутой. Ея правительство старалось сохранить за ней нейтральное положеніе. Но въ то время ни одно государство не могло быть нейтральнымъ: континентальная система или Англія. Другого выбора не было. Гнетъ политики Наполеона чувствовался всѣми. Дѣйствія Императора Александра по отношенію къ Швеціи также являлись слѣдствіемъ требованій Франціи, съ которой Россія состояла въ союзѣ, но не добровольно.

Условіемъ для начатія переговоровъ Россія выставила три положенія: 1) миръ съ союзниками Россіи, 2) уступка Финляндіи и 3) континентальная система. «Если,—писалъ Румянцевъ,—Швеція безусловно признаетъ эти условія, то отъ барона Стедингка будетъ зависѣть отправиться въ путь и потребовать паспортъ отъ генерала Барклая де-Толли». Швеція приняла условія и выслала своихъ уполномоченныхъ. Представителями ея были: бывшій посланникъ въ Петербургѣ К. ф.-Стедингкъ и полковникъ Шёльдебрандъ, назначенный въ качествѣ помощника, а въ сущности надсмотр-

щика за Стедингкомъ, которому господствовавшая въ Швеціи партія Адлерспарре не вполнѣ довѣряла. Въ лицѣ Шёльдебранда Швеція имѣла образованнаго и стойкаго патріота, который горячо ратовалъ за интересы своей родины.

По инструкціи Стедингкъ долженъ былъ, въ видѣ введенія, высказать, относительно Финляндіи, что война Императора съ самаго начала менѣе была направлена противъ Швеціи и ея народа, чѣмъ противъ ея короля. Съ русской стороны было заявлено, что на Финляндію налагался лишь секвестръ, съ цѣлью заставить короля принять континентальную систему. Если арестъ русскаго министра Алопеуса и давалъ достаточный поводъ измѣнить воззрѣніе на войну, то этотъ поводъ уничтожился одновременно съ государственнымъ переворотомъ [319]).

Такъ какъ безошибочно можно было предвидѣть, что создается необходимость уступить, по крайней мѣрѣ, большую часть Финляндіи, то возникалъ лишь вопросъ о сохраненіи хоть части ея. Король изъявлялъ готовность, удержавъ Аландскіе острова, не возводить на нихъ укрѣпленій и уступить Финляндію до рѣки Кеми, такъ какъ Финляндія всегда простиралась только до этой рѣки, а бóльшая уступка вредно отозвалась бы на шведской торговлѣ.

Стедингкъ себя не обманывалъ и, уѣзжая изъ Швеціи, предсказывалъ исходъ своей миссіи. Не обольщалъ себя ложными надеждами и Шёльдебрандъ. «Мы прибыли въ Або,—пишетъ Шёльдебрандъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Нашъ флагъ и мундиры возбудили общее расположеніе, но финны не смѣли оглашать воздухъ радостными кликами: они махали шляпами и простирали къ намъ руки. Однако, эти выраженія удовольствія скоро обратились въ горе и многіе роняли слезы. Имъ, вѣроятно, приходило на умъ, что они принадлежатъ къ варварской, неотесанной націи. О, Карлъ XII! О, Густавъ IV Адольфъ! Первый храбрый и сумашедшій, второй—сумашедшій и безъ мужества, оба они способствовали тому. Но если бъ первый былъ уменъ, то Россія не была бъ достаточно сильна, чтобы воспользоваться сумасбродствомъ послѣдняго. Теперь это сдѣлано. Наше единственное утѣшеніе заключалось въ томъ, что этотъ колоссъ, состоящій изъ смѣшанныхъ элементовъ, колоссъ, въ организмѣ котораго уже началось какое-то разложеніе, когда нибудь да разрушится» [320]). Вскорѣ послѣ начатія переговоровъ въ Фридрихсгамѣ, Шёльдебрандъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что было-бы полезно, при посредствѣ клубовъ, подготовить общественное мнѣніе Швеціи къ печальному исходу дѣла.

Прибывъ въ Або 7-го августа н. ст., Стедингкъ написалъ Румянцеву, прося его назначить мѣсто свиданія. Съ своей стороны онъ указывалъ на Петербургъ, какъ на самый подходящій пунктъ. Тамъ,—убѣждалъ онъ,—возможно въ скорѣйшее время рѣшить дѣло. Сокровенная надежда Стедингка состояла въ томъ, конечно, что онъ своимъ личнымъ вліяніемъ при дворѣ и обширными знакомствами въ обществѣ достигнетъ смягченія условій мира. Но эта надежда не сбылась. Чрезъ генералъ-губернатора Барклая де-Толли Стедингку предложено было отправиться въ Фридрихсгамъ. Искусный дипломатъ скоро осмотрѣлся въ Або и собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія для характеристики новаго положенія края.

Фридрихсгамъ, гдѣ должны были засѣдать уполномоченные, по словамъ академика Василія Севергина, посѣтившаго городъ въ 1805 г., «какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ своихъ строеніяхъ представляетъ весьма пріятный видъ. Хотя дома въ немъ деревянные, но весьма чисты и красивы. На площади среди города находится прекрасно выстроенный каменный домъ для ратуши. Жителей считается здѣсь до 1,000 человѣкъ. Промышленность ихъ состоитъ наипаче въ торгахъ. Домовъ около ста».

«Въ Фридрихсгамѣ насъ приняли очень хорошо»,—читаемъ въ запискахъ Шёльдебранда. Румянцевъ старался встрѣтить представителей Швеціи на дорогѣ, подыскалъ имъ подходящее помѣщеніе и именемъ Государя пригласилъ ихъ къ царскому столу на все время ихъ пребыванія въ маленькомъ городкѣ, гдѣ, конечно, иностранцамъ было трудно устроиться. Румянцевъ, проведя большую часть своей жизни въ посольствахъ, обладалъ исключительно пріятными манерами. Изысканная, даже чрезмѣрная вѣжливость соединялась у него съ искусствомъ придавать ей характеръ откровенности и ласки. Румянцевъ былъ очень обходителенъ и осыпалъ шведовъ неисчерпаемымъ запасомъ анекдотовъ, которые онъ очень остроумно разсказывалъ. Во всей предупредительности Румянцева Стедингкъ, тѣмъ не менѣе, усматривалъ болѣе притворства, чѣмъ доброжелательства.

Переговоры начались у Румянцева. «Никогда уполномоченные не находились въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ мы», признавался Шёльдебрандъ. Всѣ обстоятельства сложились для нихъ неблагопріятно: Швеція нуждалась въ мирѣ, и русскіе это знали; вся Финляндія и Аландскіе острова находились въ нашихъ рукахъ; Финляндія была необходима Россіи для обезпеченія Петербурга; никакой поддержки со стороны другой державы Швеція

не имѣла. Ко всему этому, прибывшій изъ Петербурга и хорошо обо всемъ освѣдомленный шведскій консулъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Онъ узналъ и самъ предвидѣлъ, что Государь не сдѣлаетъ ни малѣйшихъ уступокъ. Онъ сообщилъ, что на Государя оказываетъ большое вліяніе Коленкуръ. «Если бъ мы могли разсчитывать на поддержку со стороны французскаго императора, то быть можетъ получили бы Финляндію обратно, или по крайней мѣрѣ хоть часть ея, но теперь все идетъ въ другомъ направленіи. Консулъ самъ слышалъ, какъ Коленкуръ или Duc de Vicence говорилъ въ одномъ обществѣ: «взять Финляндію и отдать Аландъ было бы все равно, что взять сундукъ и отдать ключъ» [321]).

Наибольшія затрудненія при переговорахъ представилъ вопросъ объ Аландѣ—«караульнѣ» Стокгольма, его «сигнальномъ пунктѣ». Представителямъ Швеціи казалось, что король, готовый уступить всю страну, которая являлась необходимой для безопасности русской столицы, имѣлъ право ожидать, что требованія Россіи не распространятся на то, безъ чего Швеція не въ состояніи будетъ установить спокойствія, составляющаго цѣль мировыхъ переговоровъ. Владѣніе Аландомъ давало господство надъ Ботническимъ заливомъ, почему безопасность Стокгольма и Швеціи ставились ихъ представителями въ зависимость отъ нахожденія Аландскихъ острововъ въ тѣхъ или другихъ рукахъ. «Если русскіе будутъ обладать Аландомъ, то онѣ могутъ напасть на насъ (шведовъ), прежде чѣмъ мы успѣемъ собрать вооруженную силу, или же мы принуждены будемъ постоянно держать нашу армію на военномъ положеніи» [322]). «Аландъ—это ключъ отъ Стокгольма и всей Швеціи,—говорили они. Русскіе, сдѣлавшись хозяевами Аланда, безъ сомнѣнія, возведутъ на немъ укрѣпленія и будутъ въ состояніи предписывать намъ законы даже въ мирное время. Лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ,—писалъ пылкій Шёльдебрандъ,—чѣмъ заключить миръ, по которому мы станемъ рабами тиранновъ Сѣвера».

Съ своей стороны Румянцевъ не безъ основанія старался доказать, что Аландъ—часть Финляндіи. И дѣйствительно, онъ въ административномъ отношеніи съ 1634 г. принадлежалъ къ Або-Бьернеборгской губерніи, а въ церковномъ отношеніи къ Абоской епархіи. Финляндія безъ Аланда—по мнѣнію Румянцева—была бы подвергнута постояннымъ угрозамъ. Когда-же Стедингкъ сказалъ, что шведы достаточно доказали свое миролюбіе, отдавая Финляндію, Румянцевъ отвѣтилъ, что русскіе требуютъ Аландъ именно для того, чтобъ сдѣлать миръ прочнымъ. Если Финляндія

и Аландъ не будутъ принадлежать одному и тому же правительству, то станутъ постоянно повторяться попытки къ ихъ возвращенію.

Императоръ Наполеонъ, гарантируя Россіи обладаніе Финляндіей,—возразилъ Стедингкъ,—не подразумѣвалъ, конечно, Аландскихъ острововъ. На это Румянцевъ отозвался повтореніемъ выраженія Коленкура: отдать Финляндію и удержать Аландскіе острова, значило бы отдать сундукъ, удержавъ отъ него ключи. А впрочемъ, добавлялъ Румянцевъ, тутъ вопросъ идетъ не о границахъ Финляндіи, а о границахъ между Швеціей и Россіей. Императоръ смотритъ на уступку Аланда, какъ на условіе, безъ принятія котораго его уполномоченные не могутъ даже вступать ни въ какіе переговоры.

Значеніе Аланда поднялъ во время войны самъ Густавъ IV, расположивъ тамъ свою главную квартиру. Русскіе отлично понимали,—признается Шёльдебрандъ въ депешѣ 8 сентября н. ст. 1809 г.,—что болѣе значительная сила, отправленная съ того же мѣста, снова захватила бы Финляндію... поэтому русскіе только въ случаѣ полнаго изнеможенія откажутся отъ острова Аланда. Настойчивость Румянцева вполнѣ оправдывалась въ глазахъ Шёльдебранда, который въ депешѣ заявилъ: Густавъ III собралъ въ Финляндіи немногочисленное войско и всетаки заставилъ Екатерину II трепетать за свою столицу. Понятно поэтому, что русскіе, снова завладѣвъ Финляндіей, никогда не отдадутъ этой страны Швеціи, не будучи къ тому принуждены силою оружія. «Послѣднее слово такимъ образомъ уже произнесено—или рѣка Каликсъ должна стать границей и островъ Аландъ уступленъ—или будетъ война ...

По интимному признанію Шёльдебранда, изложенному въ донесеніи королю, Румянцевъ въ переговорахъ, повидимому, дѣйствовалъ по совѣсти и съ сознаніемъ своей правоты. Румянцевъ никогда не говорилъ, что его требованія справедливы. «Онъ позволялъ намъ доказывать противоположное и ничего на это не отвѣчалъ. Онъ былъ уменъ и видѣлъ, что ничего существеннаго нельзя было возразить. Но онъ ни на волосъ не отступалъ отъ сказаннаго, и это ему легко было дѣлать, зная наше положеніе» [323]).

Тотъ же Шёльдебрандъ, на котораго возложено было наблюденіе за дѣйствіями Стедингка, въ первомъ же своемъ официальномъ донесеніи королю 5—17 августа 1809 г. открыто заявилъ: «Я ближе всѣхъ имѣю возможность видѣть таланты, которые Стедингкъ примѣняетъ къ дѣлу, и всю непорочность его намѣ-

реній. Если дѣла—что весьма вѣроятно—пойдутъ плохо... то я почту себя обязаннымъ заявить своимъ недовѣрчивымъ соотечественникамъ, что то, чего онъ не сдѣлалъ, сдѣлать нельзя было» [324]).

Видя, что вопросъ объ Аландѣ поставлено столь серьезно, шведскіе уполномоченные пожелали послать курьера въ Стокгольмъ за дополнительной инструкціей.

Болѣе горячій изъ нихъ Шёльдебрандъ «желалъ превратиться въ факелъ», чтобы во всѣхъ сердцахъ шведовъ возжечь любовь къ ихъ родинѣ. Онъ просилъ у короля мѣста въ баталіонѣ, чтобы исполнить свой долгъ, какъ простой солдатъ, и скорѣе соглашался умереть, чѣмъ видѣть Швецію лишенной своей самостоятельности.

Депеши же Стедингка изъ Фридрихсгама заключали въ себѣ планъ цѣлаго похода для возвращенія Финляндіи. Онъ умоляетъ дать рѣшительный отвѣтъ. По его мнѣнію, обстоятельства складывались благопріятно для рѣшенія вопроса оружіемъ. «Наступилъ рѣшительный моментъ для Швеціи,—писалъ онъ. Если Ваше Величество склонитесь къ войнѣ, то необходимо воспользоваться прекраснымъ временемъ года, чтобъ можно было вести ее всѣми возможными средствами. Положимъ, что отрядъ, посланный Вашимъ Величествомъ въ сѣверную часть края, будетъ имѣть тотъ успѣхъ, котораго онъ заслуживаетъ, то существенно важно, чтобы одновременно и немедленно напасть на Аландъ. Англичане должны бы оказать содѣйствіе, но они, по выраженію Румянцева, нѣжные друзья и неискусные враги. Что имъ мѣшаетъ отрѣзать всякое сообщеніе между Финляндіей и Аландомъ? Русскія канонерки тутъ и тамъ разбросаны между островами и не въ состояніи оказать сопротивленіе. Русскія войска на Аландѣ не достигаютъ 6.000 человѣкъ. У нихъ нѣтъ съѣстныхъ припасовъ, и ихъ можно было бы уже до зимы уничтожить. Въ слѣдующее лѣто, если произведена будетъ высадка 25.000 человѣкъ въ Финляндію и если возможно будетъ раздать оружіе жителямъ, Финляндія опять станетъ нашей. Недовольство русскими тамъ безгранично; во время моей поѣздки по краю я былъ свидѣтелемъ глубокой скорби и преданности Швеціи, которыя вызывали у меня слезы. Ничего они такъ не боятся, какъ мира, исключая немногихъ индивидовъ, которые усматриваютъ свою выгоду въ новомъ положеніи вещей» [325]).

Депеша Стедингка побудила шведское правительство серьезно обсудить вопросъ въ секретномъ комитетѣ риксдага. Изъ собранныхъ тогда мнѣній составилась яркая картина положенія Швеціи.

Прежде всего, уже въ маѣ 1809 г. Г. В. авъ-Тибель подалъ всеподданнѣйшій меморіалъ, въ которомъ писалъ: Финляндія можетъ быть возвращена только двумя способами, либо при содѣйствіи Франціи, либо собственной военной силой. При разсмотрѣніи перваго способа слѣдуетъ принять во вниманіе значеніе Финляндіи для Россіи, чтобы опредѣлить, имѣется ли надежда на добровольную уступку Швеціи этого завоеванія. Въ Финляндіи Россія пріобрѣтаетъ барьеръ для своей столицы и естественную морскую границу для своего государства. Финляндія дастъ Россіи милліонъ людей, морской берегъ, гавани и моряковъ для развитія торговли и военнаго флота. Храбрая и способная къ бою армія и новыя крѣпости увеличатъ безопасность столицы, и Финскій заливъ превратится въ Русское озеро. Эти преимущества такъ велики, что Франція не въ состояніи предложить Россіи никакого вознагражденія, которое-бы она добровольно приняла.

Россія торжественно сообщила всѣмъ дворамъ, что она, въ виду своего завоеванія и соглашенія съ Франціей, на вѣчныя времена присоединила Финляндію къ своей Монархіи. Императоръ торжественно передъ памятникомъ Петра I отпраздновалъ это присоединеніе, которымъ завершили планы Великаго Преобразователя. Отъ жителей Финляндіи принята присяга на вѣрноподданство, депутація отблагодарила Императора, и русское правительство организовано въ этомъ новомъ генералъ-губернаторствѣ.

Послѣ всѣхъ сихъ торжественныхъ актовъ представляется невозможнымъ, чтобы русскій Императоръ добровольно уступилъ это завоеваніе, и подобное требованіе со стороны Франціи, теперь или впослѣдствіи, неизбѣжно приведетъ къ нарушенію мира. «Я смѣло утверждаю, что нѣтъ никакого, ни военнаго, ни политическаго, повода предполагать, чтобъ Франція своимъ посредничествомъ или войной, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ состояніи была возвратить Финляндію Швеціи.

Отнять теперь Финляндію собственными силами тоже невозможно,—продолжаетъ Тибель. Русскіе владѣютъ Свеаборгомъ и Свартгольмомъ, финской шхерной флотиліей, которая усилена старыми и многими вновь построенными судами; роспускъ финской арміи на одну треть уменьшилъ нашу военную силу; край занимаютъ войска, которыя два мѣсяца тому назадъ считались достаточными для завоеванія Стокгольма, и такимъ образомъ, если даже часть войскъ и будетъ уведена оттуда, то все-таки достаточно, чтобъ защитить Финляндію.

Такимъ образомъ уступка Финляндіи является печальной, но неизбѣжной необходимостью [326]).

О секретномъ комитетѣ Хамистремъ сообщаетъ интересныя подробности. Особеннаго вниманія заслуживаютъ дружно высказанныя заявленія объ опасномъ настроеніи страны. Во время засѣданія секретнаго комитета риксдага члены его не находили словъ для выраженія досады по поводу постыдныхъ условій мира, но въ то же время всѣ они ссылались на «общій голосъ», требовавшій мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Эта ссылка «на общій голосъ»,—по догадкѣ изслѣдователя Фридрихсгамскаго мира Эр. Хамистрема,—есть не что иное, какъ печальное свидѣтельство объ упадкѣ нравственной силы націи.

По мнѣнію членовъ секретнаго комитета, «вѣскія причины даютъ поводъ предполагать, что шведскій народъ, павшій духомъ и истощенный вслѣдствіи разныхъ злоупотребленій, допущенныхъ при пользованіи его силами, лишенъ какъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для войны, такъ и силы воли, которая пренебрегаетъ всѣми препятствіями». Они винили въ этомъ правительство, воспрещавшее народу даже мыслить вслухъ о дѣлахъ своего отечества. «Мое сердце обливается кровью,—говорилъ одинъ изъ членовъ комитета,—при мысли, что шведскій національный духъ находится въ упадкѣ».—«Доказываютъ,—заявляетъ другой—,что бывшій національный духъ Швеціи, если и не совсѣмъ еще потерянъ, то, по крайней мѣрѣ, ослабъ и не желаетъ дѣлать никакихъ пожертвованій».

«Образъ мыслей и нравы очень измѣнились. Нельзя больше разсчитывать на прежнее самоотверженіе».—«Я, къ сожалѣнію,—говорилъ третій членъ комитета,—долженъ признаться, что та сила и энергія, которыми прежде отличался шведскій національный характеръ, теперь, кажется, исчезли».—«Я не нахожу въ сословіяхъ желанія для пожертвованій, которыя необходимы для продолженія войны. Наши многія несчастія привели къ паденію духа. Проситъ ли государство денежную помощь отъ горожанина, получается отвѣтъ, что онъ не можетъ дать большихъ авансовъ, безъ того, чтобъ не разориться. Требуютъ ли помощи въ видѣ новыхъ налоговъ или чрезвычайныхъ податей, громко кричатъ со всѣхъ сторонъ, что этого невозможно сдѣлать .

Тальманъ крестьянскаго сословія привелъ, въ числѣ другихъ доводовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о необходимости заключенія мира, то, что «если этотъ миръ не будетъ въ скоромъ времени заключенъ и простой народъ не будетъ облегченъ отъ своего

тяжкаго бремени, онъ будетъ повергнутъ въ отчаяніе, ведущее къ самымъ роковымъ послѣдствіямъ». Эти недосказанныя опасенія возможности внутреннихъ волненій, а можетъ быть и контръ-революціи, очевидно отразились на рѣшеніи секретнаго комитета: въ случаѣ крайности во всемъ согласиться на «тяжелыя и весьма пагубныя» требованія Россіи.

Швеція не могла, такимъ образомъ, послѣдовать совѣту своего воинственнаго дипломата Стедингка.

Замѣчательно, что столь же воинственнымъ оказался его достойный соперникъ гр. Румянцевъ. Румянцевъ былъ того мнѣнія, что русскія войска должны идти впередъ. Онъ повторялъ это при всякомъ случаѣ какъ Государю, такъ и Аракчееву, Барклаю де-Толли и даже Каменскому. Въ этомъ онъ видѣлъ залогъ успѣха переговоровъ. Генераломъ Штейнгелемъ была уже подготовлена новая экспедиція съ Аланда на шведскій берегъ—прямая угроза Стокгольму.

Слѣдующимъ вопросомъ, вызвавшимъ большое разногласіе, явилась пограничная линія. Казалось, что Императоръ Александръ первоначально назначилъ границей Ботническій заливъ и рѣку Торнео. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ инструкціи Алопеусу, при отправкѣ его въ Стокгольмъ. Но затѣмъ стали говорить о рѣкѣ Каликсѣ. Вѣроятно на эту новую границу указалъ Д. Алопеусъ, стремившійся включить въ предѣлы края ближайшихъ финновъ, такъ какъ трудно допустить, что Каликсъ явился послѣдствіемъ описки, какъ поясняетъ Шёльдебрандъ.

Въ спорѣ о границѣ приводя доводы въ пользу своихъ воззрѣній, Румянцевъ сказалъ между прочимъ: никогда вопросъ о границахъ не принималъ процессуальной, такъ сказать, формы; напротивъ, во всѣхъ сношеніяхъ со шведскимъ министерствомъ, рѣчь шла просто о самомъ дальнемъ пунктѣ новыхъ границъ, которыя обстоятельства позволяли Россіи пріобрѣсти. Онъ привелъ при этомъ, въ качествѣ исторической справки, что если-бы когда либо русскій Императоръ вознамѣрился потребовать себѣ Финляндію исковымъ порядкомъ, то пріобрѣлъ полное на то право именно въ настоящее время. Вѣтвь Гольштинскаго дома устранена отъ шведскаго престолонаслѣдія; между тѣмъ шведскій престолъ при Елизаветѣ былъ обезпеченъ за нею цѣною возвращенія ему Финляндіи, покоренной тогда русскимъ оружіемъ. Съ потерею нынѣ Гольштинскимъ домомъ правъ, тогда выговоренныхъ, возстановляется обратно право Россіи на Финляндію.

Шёльдебрандъ просилъ Румянцева прекратить переговоры объ области Каликсъ, которую онъ называлъ «краемъ 26-ти рублей»,

такъ какъ изъ словъ самаго Румянцева слѣдовало, что годовой доходъ съ этой области лапландцевъ не превышаетъ указанной цифры. Въ частномъ разговорѣ съ Румянцевымъ о Каликсѣ, Шёльдебрандъ, потерявъ терпѣніе, сказалъ: «Послѣ войны, которой предшествовали событія, о коихъ я не желаю упоминать, вы сами должны понять, что честь Императора побуждаетъ не требовать клочка шведской земли. Достаточно и того что вы отняли Финляндію».

Румянцевъ не былъ особенно смущенъ тонко разсчитанной выходкой шведа. Шёльдебрандъ-же рѣшился во что-бы то ни стало отыскать выходъ изъ положенія и отстоять область Каликса. «Желаю вамъ удачи, другъ мой», сказалъ ему Стедингкъ, «но я не увѣренъ и не надѣюсь, потому что скорѣе Вельсевулъ отдастъ обратно душу, чѣмъ русскіе уступятъ что либо изъ того, что они могутъ ограбить». Проведя ночь за разными комбинаціями, Шёльдебрандъ замѣтилъ, что Румянцевъ старается мѣшать непосредственному сообщенію шведскихъ представителей съ Петербургомъ. Причиной тому, по соображенію Шёльдебранда, служило опасеніе Румянцева, что Стедингкъ своимъ большимъ вліяніемъ на Государя могъ исходатайствовать нѣкоторыя уступки. Рѣшено было воспользоваться этимъ опасеніемъ Румянцева, и Шёльдебрандъ составилъ ноту слѣдующаго содержанія: король Швеціи, сообщая свою волю уполномоченнымъ, сказалъ, что не смотря на несправедливость сдѣланныхъ требованій, соглашается на нихъ, дабы прекратить кровопролитіе, и что Его Величество считаетъ потерю Финляндіи несчастнымъ послѣдствіемъ неблагоразумнаго употребленія шведскихъ военныхъ силъ прежнимъ правительствомъ; но что касается сѣверной границы, то Его Величеству лично извѣстны благородныя мысли Императора Александра, и находитъ поэтому невозможнымъ признать, чтобъ Государь сталъ требовать малѣйшей уступки какой либо части Швеціи, зная, что это вызвало-бы враждебность противъ него самаго, къ чему онъ, однако, никогда не давалъ повода; а потому король повелѣлъ намъ заключить миръ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и желаетъ, чтобъ переговоры о сѣверной границѣ происходили въ Петербургѣ, подъ надзоромъ самаго Государя. Стедингкъ и Шёльдебрандъ просили представить эту ноту Государю и ждали отвѣта, послѣ котораго, если-бы онъ оказался отрицательнымъ, стали-бы добиваться выдачи имъ паспорта, для обратной поѣздки въ Швецію. Нота была изложена письменно для того, чтобъ заставить Румянцева отослать ее въ Петербургъ. Прочтя ноту, Румянцевъ, немного подумавъ сказалъ: «Да, чтобъ

доказать, какъ горячо я желаю прекращенія ужасовъ войны и кровопролитія, я отошлю курьера къ Государю съ нотой и буду ждать отвѣта». Самъ-же «законодатель мира на сѣверѣ»—Румянцевъ не уѣхалъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, былъ полученъ отвѣтъ Государя. Румянцевъ, вынувъ собственноручное письмо Монарха и карту Hermelin'a, сказалъ, что Государь желаетъ своему другу, королю Швеціи, при заключеніи мира présenter un bouquet—область между рѣками Каликсомъ и Торнео. Онъ показалъ карту, на которой Государь краснымъ карандашомъ провелъ прямую линію отъ Ботническаго залива вдоль Торнео къ границѣ Норвежской Лапландіи [327]).

Естественно, что Шёльдебрандъ приписалъ успѣхъ себѣ, не зная корреспонденціи, которую велъ гр. Румянцевъ съ Государемъ. Оказывается, что Румянцевъ послѣ второго-же совѣщанія обратился къ Государю и сталъ склонять его на уступку Швеціи въ вопросѣ о сѣверной границѣ. Вмѣсто рѣки Торнео Румянцевъ просилъ разрѣшить считать границею рѣку Кеми, протекающую восточнѣе Торнео. Рѣчь шла всего о нѣсколькихъ лапландскихъ хижинахъ и о какихъ-то желѣзныхъ рудникахъ между Торнео и Каликсомъ. «Какое убогое богатство, и стоитъ-ли настойчиво гоняться за нимъ, рискуя замедлить заключеніе мира» [328]).

Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ Императоръ графу Румянцеву 15-го августа, что можно уступить шведамъ въ дѣлѣ о границѣ на Каликсѣ. Я желалъ-бы въ такомъ случаѣ, чтобы вмѣсто Кеми вы добились границы на Торнео. Многія причины меня къ тому побуждаютъ. Кеми не перерѣзываетъ шведскую территорію до Норвегіи, что имѣетъ мѣсто при Торнео. Притомъ я получилъ очень любезное письмо отъ жителей города Торнео, выражающихъ горячее желаніе войти въ составъ Финляндіи. Это еще причина, обязывающая меня не возвращать ихъ Швеціи» [329]).

Много ума, находчивости и стойкости проявлено было съ обѣихъ сторонъ въ дни переговоровъ въ Фридрихсгамѣ. Стедингкъ нерѣдко при этомъ притворно хворалъ, для того, чтобъ переговоры столь-же часто велись у него, какъ у Румянцева. Шведскіе уполномоченные только тогда окончательно уступили, когда сознали, что не оставалось никакой надежды на помощь Франціи. Послѣ конвенціи въ Штральзундѣ 1807 г. Швеція не могла болѣе вредить Наполеону, и онъ, вводя въ заблужденіе и враговъ, и друзей, говорилъ: «Я ничего не выиграю отъ того, что русскіе займутъ Стокгольмъ».

По уговору-же въ Эрфуртѣ, Наполеонъ предоставилъ Швецію усмотрѣнію Александра. Ссылаясь на это, Румянцевъ внушалъ договорившимся уполномоченнымъ, дабы они спѣшили съ трактатомъ, такъ какъ Александръ до сихъ поръ признавалъ политическое существованіе Швеціи соотвѣтствующимъ выгодамъ Россіи. Англія, какъ мы знаемъ, не только отказалась гарантировать возвращеніе Финляндіи, но слабо поддерживала военными дѣйствіями свою союзницу Швецію, очевидно, готовясь къ новой политической комбинаціи, къ англо-русскому союзу. Министръ Каннингъ далъ поэтому понять шведской дипломатіи, что условія мира заранѣе рѣшены между Александромъ и Наполеономъ. Что дѣло обстояло именно такъ, подтвердилъ своимъ признаніемъ Шампаньи шведскому посольству въ Парижѣ. Наконецъ, Алопеусъ передалъ Стедингку копію съ письма Шампаньи къ Энгестрему, въ которомъ сообщалось горячее желаніе французскаго императора, дабы миръ между Швеціей и Россіей былъ заключенъ. Королю Швеціи предоставлялось искать утѣшенія въ томъ, что несчастіе зависѣло не отъ него, а отъ ошибокъ предшествующаго правительства. Въ разслѣдованіи вопроса о заключеніи мирныхъ договоровъ между Россіей, Даніей и Франціей за 1809 и 1810 г.г. Энгестремъ удостовѣряетъ, что именно это письмо Шампаньи имѣло рѣшающее вліяніе на переговоры въ Фридрихсгамѣ [330].

Установленіе второстепенныхъ условій мира прошло болѣе или менѣе гладко. Шведскіе уполномоченные желали ввести въ трактатъ опредѣленіе, касающееся правъ и привиллегій финновъ. «Я не хотѣлъ допустить,—докладывалъ Румянцевъ Государю,—чтобы подобная статья могла быть поставлена на обсужденіе, такъ какъ все въ ней излагаемое составляетъ предметъ внутренней администраціи и не должно входить въ дипломатическое обязательство». Въ депешѣ Шёльдебранда отъ 16 сент. н. ст. 1809 г. ходъ этого вопроса излагается такъ: «Румянцевъ нѣсколько разъ заявлялъ, что Его Императорское Величество, завладѣвъ Финляндіей, какъ страной неотчуждаемой отъ его территоріи, ни въ какомъ случаѣ не согласится, чтобы король Швеціи предоставилъ себѣ право на что нибудь въ пользу жителей страны, и что мы должны отъ этого отказаться безъ сожалѣнія, принявъ во вниманіе тѣ преимущества, которыя Его Величество уже предоставилъ новымъ своимъ гражданамъ. Стедингкъ говорилъ нѣсколько разъ, что здравый смыслъ требуетъ при уступкѣ страны, принадлежавшей Швеціи нѣсколько столѣтій, показать ея жителямъ, что имъ оказываютъ вниманіе, за ихъ услуги и незапятнанную вѣрность.

Но все это было напрасно. Наконецъ, мы рѣшили предложить статью, которая, повидимому, заключала только похвалу Его Императорскому Величеству. Статья была принята и мы такимъ образомъ достигли цѣли» (16 сент. н. ст. 1809 г.). Въ трактатѣ говорится: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія Своего жителямъ пріобрѣтенныхъ Имъ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ Своего великодушнаго соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущеетва, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія».

Слѣдующее предложеніе Стедингка касалось государственныхъ долговъ Швеціи. Ея чины, а слѣдовательно въ извѣстной долѣ и финляндцы, гарантировали ихъ. На вопросъ Румянцева: какими финляндскими доходами обезпеченъ этотъ долгъ и какимъ образомъ онъ погашается? Стедингкъ отвѣтилъ: особымъ налогомъ. Тогда Румянцевъ заявилъ, что никогда не бывало, чтобы пріобрѣтенная государствомъ провинція продолжала платить прежнему правительству установленные имъ налоги. Такимъ образомъ Стедингку не удалось перевести на Россію крупной части шведскаго государственнаго долга.

Вопросъ объ амнистіи финляндцамъ также встрѣтилъ возраженіе со стороны Румянцева. Шведскіе уполномоченные хотѣли исключить изъ числа амнистируемыхъ военныхъ, очевидно, имѣя въ виду привлечь къ суду тѣхъ изъ нихъ, которые оказались виновными въ сдачѣ Свеаборга и въ другихъ неудачахъ кампаніи. «Такимъ образомъ,—писалъ Румянцевъ Государю,—по заключеніи мира, всѣ генералы и офицеры, изъ коихъ нѣкоторые украшены уже Вашими орденами или же носятъ Вашъ мундиръ, были-бы въ Стокгольмѣ поражены приговорами»...

Въ заключеніе Стедингкъ хлопоталъ о предоставленіи офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, сражавшимся противъ Россіи, а также ихъ вдовамъ, права пользоваться въ теченіи двадцати лѣтъ бостелями, коими они были надѣлены въ Финляндіи. «На статью о томъ, чтобы бостели остались за тѣми, кто пребудетъ въ Швеціи, я рѣшительно не могу согласиться, писалъ Государь. Эти бостели должны быть въ пользованіи тѣхъ, кто будетъ служить мнѣ на тѣхъ-же мѣстахъ, такъ какъ я разсчитываю возстановить военную службу въ Финляндіи приблизительно въ томъ видѣ, какъ она была».

Когда переговоры были закончены, Румянцевъ не поколебался сказать Государю, что «договоръ, по которому пріобрѣтается Финляндія, представляетъ для Вашей Имперіи важность громадную». «Невозможно было—отвѣчалъ собственноручнымъ письмомъ Александръ Павловичъ—вести переговоры съ бо́льшимъ талантомъ и мудростью. Россія обязана вамъ признательностью».

Главное положеніе мирнаго трактата, заключеннаго 5—17 сентября 1809 г. въ Фридрихсгамѣ, гласитъ, что король шведскій отказывается навсегда отъ своихъ правъ на губерніи Кюмменегородскую, Нюландскую, Тавастгускую, Абоскую и Бьернеборгскую съ Аландскими островами, Саволакскую, Карельскую, Вазаскую, Улеоборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, каковыя губерніи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями, островами «будутъ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». О таковомъ исходѣ вѣковой борьбы со Швеціей, Россія была оповѣщена особымъ манифестомъ отъ 1-го октября 1809 г., въ которомъ говорилось: «Въ теченіи седьми столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ, предоставленныхъ природою хранить доброе и мирное сосѣдство. Отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до дней нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго предка Нашего, Святаго и Великаго Князя Александра Невскаго до настоящаго мира рѣдко проходило десять сряду лѣтъ, и никогда почти не протекало полвѣка, чтобы война между ими не возникла. Колькратно миръ, кровію народовъ запечатлѣнный, вскорѣ послѣ того былъ по стеченію обстоятельствъ снова расторгаемъ. Колькратно Финляндія, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдала, истребляема огнемъ и мечемъ... Провидѣнію угодно наконецъ было сію долголѣтнюю и всегда возрождающуюся распрю сосѣдственныхъ народовъ рѣшить окончательно во дни Наши...... Настоящій разрывъ возникъ отъ причинъ, кои въ существѣ своемъ были одинаковы со всѣми предыдущими. Преклонность Швеціи къ Державѣ, намъ непріязненной, и близкій примѣръ пылающаго Копенгагена, были явнымъ предзнаменованіемъ враждебныхъ мѣръ, на Насъ совѣщаемыхъ. Оружіемъ надлежало положить преграду симъ совѣщаніямъ. Но воспріявъ оружіе, Мы тогда-же готовы были остановить его дѣйствіе. Первое движеніе Наше было, обратить занятіе Финляндіи Россійскими войсками въ простую мѣру осторожности. Но совѣты Наши и самыя сильныя убѣжденія остались безуспѣшны.....Въ основаніяхъ его Мы постановили оградить Имперію Нашу естественными

и твердыми предѣлами, отдалить и пресѣчь разъ навсегда причину и предлогъ браней и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить единообразіе политической системѣ, положенію обоихъ народовъ свойственной и святости Нашихъ союзовъ приличной.... Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей.... При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ народа Финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнію престола Нашего покоющихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями пріобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже промыселъ Вышняго, судьбу ихъ тако устрояющій. ...Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Главнокомандующій въ Москвѣ, фельдмаршалъ гр. И. В. Гудовичъ, былъ увѣдомленъ о присоединеніи Финляндіи особымъ рескриптомъ отъ 7 сент. 1809 г. [331]).

Сдѣлано большое военное празднество въ Петербургѣ. Множество вышло награжденій чиновникамъ, въ войнѣ бывшимъ» [332]). На торжественномъ молебнѣ по случаю заключенія Фридрихсгамскаго мира, графъ де-Местръ «не могъ свести глазъ съ бѣдной царствующей императрицы».

Швеція лишилась Финляндіи; Финляндія очутилась въ новыхъ условіяхъ; Россія расширила и укрѣпила свои границы. Но посмотрите, какъ различно представители трехъ названныхъ странъ отнеслись къ совершившемуся факту. Ихъ взгляды глубоко зна-

Графъ
[illegible]
[illegible]

А. [illegible]
[illegible]

менательны: они рисуютъ національныя особенности народностей, пришедшихъ въ непосредственное соприкосновеніе.

Въ Швеціи остались приверженцы Франціи и они не теряли надежды на возвращеніе Финляндіи. Они понимали, что собственныхъ силъ для этого недостаточно и потому стали возлагать свои надежды на старую свою союзницу. Шведамъ, конечно, не легко было мириться съ потерей Финляндіи и они терпѣливо ожидали благопріятныхъ для нихъ политическихъ комбинацій. Какія чувства сохранялись въ груди по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, показываетъ отрывокъ изъ письма Стедингка къ Рейтергольму... «Я смотрѣлъ на это чудное Ладожское озеро съ такимъ чувствомъ сожалѣнія, съ какимъ смотрятъ на свою прежнюю любовницу, похищенную счастливымъ и ловкимъ соперникомъ. Не будемъ, однако, отчаяваться, мой другъ; въ одинъ прекрасный день оно будетъ снова нашимъ, но для этого необходимо много лѣтъ хорошаго управленія и экономіи, продолжительный миръ, который не измѣнилъ-бы наши права и не притупилъ-бы нашу храбрость, а для этой страны (Россіи): смуты, мятежи среди подтачивающихъ ее уже пороковъ, войны, побѣды, азіатская роскошь, сатрапы, рабы и полнѣйшій хаосъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе всего этого. Но, другъ мой,—Финляндія, Финляндія,—вотъ наша точка опоры; наша плотина, которая должна удержать этотъ потокъ. Надо, чтобы она была твердой и устойчивой; безъ этой страны мы ничто, мы не будемъ имѣть никакого значенія, мы превратимся въ подначальную державу, которая будетъ не въ силахъ поддерживать свою независимость» [333]).

Въ Финляндіи современники ея присоединенія къ Россіи «единодушно прославили великодушіе» Императора Александра I, съ которымъ онъ утвердилъ «конституцію», свободу и преимущества покоренныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали, что отъ работы будущихъ поколѣній зависитъ начатое дѣло. Въ этомъ отношеніи интересны мнѣнія епископа Якова Тенгстрема. Онъ оставилъ послѣ себя черновой незаконченный очеркъ, написанный непосредственно послѣ заключенія мира въ Фридрихсгамѣ и посвященный вопросу «Что долженъ сдѣлать народъ Финляндіи, чтобъ и впредь сохранить свое національное существованіе и свою конституцію»? Тенгстремъ вопрошаетъ, можно-ли мечтать о возсоединеніи съ Швеціей и отвѣчаетъ: «Никакой пользы. Намъ особенно Швеція не нужна: только желѣзныя ея руды». Далѣе онъ спрашиваетъ: «Что значитъ сохранить себя націей? И какія средства и причины главнымъ образомъ способствуютъ тому?» Прежде всего, говоритъ

онъ, слѣдуетъ укрѣпить и утвердить національный духъ (установиться, какъ нація подъ русскимъ императорскимъ покровительствомъ), поддерживать лютеранскую религію, совершенствовать торговлю и промышленность для того, чтобъ народъ могъ зависѣть отъ самаго себя и пріобрѣсти уваженіе своихъ владыкъ; надо созвать сеймъ, но, — добавляетъ онъ, — «будущій сеймъ должно вести иначе, чѣмъ послѣдній» (т. е. Боргоскій) [334]).

Въ письмѣ къ Ребиндеру 1816 г. Яковъ Тенгстремъ выразилъ опасеніе, что судьба Финляндіи будетъ столь-же печальна, какъ участь Выборгской губерніи, если потомки не будутъ имѣть мужества и разума поддержать и защищать то, что теперь пріобрѣтено. А для избѣжанія такой опасности, по его мнѣнію, слѣдовало-бы поддерживать высокую степень образованія и нравственной культуры. «Та масса просвѣщенія и либеральныхъ воззрѣній, которыми теперь, къ счастію, обладаетъ нація, и тѣ хорошіе принципы, въ которыхъ она должна подняться и совершенствоваться, суть тотъ единственный и дѣйствительный костеръ, который въ состояніи поднять слабость противъ силы, и этотъ костеръ, если его правильно будутъ усиливать и поддерживать, всегда станетъ, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, внушать къ себѣ уваженіе» [335]).

Умный совѣтъ епископа подымать образованіе и нравственность не прошелъ безслѣдно, и культура Финляндіи явилась той истинной «конституціей», какъ выразился Л. ф.-Гартманъ, которой край въ правѣ гордиться.

Послѣдствія войны 1808—1809 г.г. для Финляндіи оказались очень существенными: она живетъ ею, отъ нея ведетъ свое начало ея исторія, ея благополучіе на поляхъ, политыхъ кровью ея сыновъ, показались первые всходы ея современной культуры. Финляндцы, благодаря талантливому своему поэту І. Л. Рунебергу, создали изъ войны 1808 — 1809 г. особый культъ. Финляндія нуждалась въ герояхъ и Рунебергъ въ событіяхъ 1808—1809 г.г. усмотрѣлъ матеріалъ, пригодный для созданія этихъ героевъ или новыхъ миѳическихъ образовъ. Пѣсни Рунеберга, извѣстныя подъ названіемъ «Разсказовъ прапорщика Столя», послужили фокусомъ, собравшимъ во-едино всѣ разбросанные лучи любви финновъ къ своей родинѣ. Война 1808—1809 г.г. была имъ идеализирована. Его «Разсказы Столя»—рядъ патріотическихъ стихотвореній, въ которыхъ описаны подвиги шведо-финскихъ героевъ. Это—картинная галерея любви къ отечеству. Этими пѣснями Рунебергъ научилъ своихъ соотечественниковъ уважать непоколебимую вѣрность

своихъ предковъ и ихъ самоотверженную храбрость. Онъ спасъ отъ забвенія событія этой войны. Перейдя въ его стихахъ непосредственно изъ прошлаго въ народную память и обвѣянная народной любовью, она живетъ при свѣтѣ блестящаго дня, избѣжавъ архивныхъ тайниковъ. А главное — онъ своимъ вдохновеннымъ словомъ много способствовалъ пробужденію національныхъ стремленій финновъ. Благодаря Рунебергу война 1808—1809 г.г. попала въ школу края, гдѣ заняла первенствующее мѣсто въ ея программахъ, въ ея библіотекахъ, въ ея отдыхѣ, въ ея торжествахъ. На «Разсказахъ прапорщика Столя» воспитана вся Финляндія и воспитывается все ея подрастающее поколѣніе. «Разсказы Столя» стали центромъ искусства Финляндіи. Война 1808—1809 г.г. стала главнымъ источникомъ финской національности, финскаго патріотизма. Она вдохнула въ финскій народъ сознаніе своего бытія, своего значенія. Главные корни отношеній финляндцевъ къ Россіи и русскимъ уходятъ въ почву, воздѣланную стихотвореніями Рунеберга. Весь такъ называемый «финляндскій вопросъ» необъяснимъ безъ «Разсказовъ Столя». Изъ прошлаго 1808—1809 г.г. Финляндія извлекаетъ уроки для настоящаго и будущаго. Главнымъ средствомъ возбужденія любви финновъ къ своей родинѣ являются примѣры борьбы ихъ предковъ съ русскими при Пюхаіоки, Револаксѣ, Сикаіоки и т. д. Финляндскимъ героямъ, разившимъ подъ предводительствомъ Адлеркрейца, Дебельна, Сандельса и др. русскіе отряды, Финляндія воздвигла памятники на поляхъ Алаво, Ютаса, Лаппо, Оравайса и при Виртѣ.

Крайне своеобразно отнеслись русскіе какъ къ самой войнѣ, такъ и ея послѣдствіямъ. «Хотя это завоеваніе было очень полезно,—писалъ Гречъ,—но такъ какъ оно было сдѣлано противъ союзника и родственника, то не одобрялось общимъ мнѣніемъ въ Россіи». «Я надѣюсь, писалъ Шёльдебрандъ изъ Петербурга королю, что въ Швеціи миръ, хотя и плохой, будетъ встрѣченъ всеобщимъ удовольствіемъ. Но здѣсь (въ Петербургѣ) полная противоположность. Радуются, правда, что окончились бѣдствія, сопровождающія войну; но недовольны, что у насъ отняли слишкомъ много территоріи, и кажется всѣ убѣждены, что миръ будетъ непродолжителенъ. Обвиняютъ въ этомъ графа Румянцева, говоря, что онъ, ради тщеславія, пожелалъ увеличить территорію Россіи во время своего служенія министромъ».

«Враждебное настроеніе, съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ тому странному явленію, что

наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ географическихъ враговъ Имперіи, была громко осуждаема русскими, и успѣхи нашихъ войскъ почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда во исполненіе воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ Наполеона; въ новомъ пріобрѣтеніи усматривали одно только беззаконное насиліе».

«Съ самаго Тильзитскаго мира Россія смотрѣла на свои пріобрѣтенія, какъ на подачки Наполеона».

«О Боже мой, о бѣдная Швеція, о бѣдные шведы!» Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ послѣ Фридрихсгамскаго мира, свидѣтельствуетъ Ф. Ф. Вигель. Англичане не захотятъ тому повѣрить».

Декабристъ Кн. С. Гр. Волконскій, «почитая войну со Швеціей несправедливой», отказался принять должность адъютанта при Буксгевденѣ. По Финляндіи въ періодъ войны ходили странные слухи о томъ, что великому князю Константину Павловичу угрожалъ арестъ, если-бы онъ не выставилъ своихъ драгунъ противъ Швеціи, и что онъ, очень недовольный войной, въ публичныхъ мѣстахъ пилъ за здоровье шведскаго короля [336]). Современникъ царствованія Александра I Н. И. Тургеневъ разсказываетъ: «Своимъ благороднымъ образомъ дѣйствій относительно Финляндіи, Императоръ Александръ какъ будто желалъ заставить забыть несправедливый способъ ея пріобрѣтенія и вознаградить новыхъ подданныхъ за перемѣну правленія, которой они подвергались. Онъ далъ Финляндіи новое устройство и конституцію и оставилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: законодательномъ, административномъ и судебномъ, независимой отъ остальной Имперіи. Тамъ установлено было національное представительство. Его благія намѣренія въ пользу этой части Имперіи увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ: во все его царствованіе Финляндія процвѣтала подъ сѣнью учрежденій, которыми обязана была великодушію этого Государя».

Видно какой-то рокъ тяготѣетъ надъ судьбой войны 1808—1809 г.г. Когда она происходила, то терялись въ рядѣ другихъ близкихъ къ ней войнъ; а затѣмъ, въ теченіи столѣтія, она, подобно слабому ручейку, не могла пробиться сквозь пески россійской безпечности.

«Война въ Финляндіи, писалъ Денисъ Давыдовъ, во время самаго своего разгара, не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, уто-

мленному громадными событіями въ Моравіи и восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ которой число сражавшихся едва-ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому-же первая половина ея не была ничѣмъ другимъ ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границъ Лапландіи».

«Финляндская война, будучи поглащена событіями, еще огромнѣе предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности», печалится Денисъ В. Давыдовъ. «Вызвать эту войну къ безсмертію» хотѣлъ было Ѳаддей Булгаринъ, и произвелъ нѣсколько опытовъ ея описанія, но, удостовѣрившись на дѣлѣ,—пишетъ онъ,—что въ нашей «Святой Руси любовь къ отечественному не проявляется еще довольно сильно привязанностію къ историческимъ предметамъ», пріостановился.

Русскіе не поняли громаднаго значенія войны 1808—1809 г. для своего отечества и не сумѣли по достоинству оцѣнить подвиговъ своихъ соотечественниковъ, принявшихъ участіе въ одномъ изъ труднѣйшихъ походовъ.

Правда, «никакихъ особенно величественныхъ операцій въ этой войнѣ не было. Ни одного великаго, блистательнаго, навсегда достопамятнаго происшествія не было». Энергія, по всѣмъ видимостямъ, отсутствовала у предводителей обѣихъ воюющихъ сторонъ. Кровопролитностью эта борьба далеко не отличалась. Много было допущено безцѣльныхъ и утомительныхъ переходовъ. Происходившая борьба временами напоминала игру въ жмурки, такъ какъ противники схватывались на удачу. Подвигамъ здѣсь было мало мѣста [337]). Въ началѣ марта 1808 г. Коленкуръ сообщилъ въ Парижъ: «Дѣйствія продолжаются въ Финляндіи безъ особенной энергіи и безъ особеннаго сопротивленія». На «географическаго врага» наши наступали безъ яркаго проявленія искусства и настойчивости, хотя изъ Франціи подсказывали, что «Императоръ съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть (даже) на захватъ Стокгольма русскими». Крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ сдались, но не подъ отважными приступами и градомъ грозныхъ выстрѣловъ. Ихъ погубило нравственное разложеніе гарнизона, упадокъ въ немъ дисциплины и воинскаго духа. Въ мартѣ 1808 г. французскій посолъ писалъ: «Занимаютъ Або; въ непродолжительномъ времени возьмутъ Вазу. Финляндію можно считать завоеванной. По словамъ Императора, походъ этотъ не стоилъ и 30 человѣкъ» [338]). Прибавимъ къ этому рѣзкое замѣчаніе нашего генералъ-провіантмейстера Д. Б. Мертваго: «Побывая въ арміи, дѣй-

ствительно можно было видѣть всю неимовѣрную глупость главнокомандующаго. Всѣ успѣхи происходили отъ безсилія непріятелей, и что находились въ командѣ его нѣсколько молодыхъ генераловъ достойныхъ».

Пусть все это было такъ, но указаннымъ нельзя ограничиться при оцѣнкѣ войны 1808—1809 г.г. Она потребовала затраты большаго количества труда, и ея участники перенесли много невзгодъ и лишеній. Война началась зимнимъ походомъ, во время котораго морозы достигали 20 и 30 градусовъ, и сѣверный вѣтеръ жегъ, какъ пламя и покрывалъ щеки струпьями. Отъ вѣтра огораживались на стоянкахъ снѣжными валами и срубленными елками. Лѣто причинило новыя страданія. Войска изнурялись голодомъ; бывали періоды, когда приходилось питаться почти исключительно грибами. Нерѣдко войска претерпѣвали величайшую нужду, познавъ тщету золота, на которое нельзя было купить куска хлѣба. Затѣмъ поднялись партизаны. Случалось, что по неизмѣримымъ лѣсамъ разлились пожары, каждый шагъ приходилось брать съ бою. «Кровь храбрыхъ», — писалъ Денисъ Давыдовъ,—«запеклась на скалахъ», разсѣянныхъ по краю, въ которомъ проводили часть жизни наши войны, «гоняясь за славою».

Въ лагерь финскаго отряда проникла вѣсть о побѣдѣ при Пулкилла. Въ майскій солнечный день финны собрались на зеленомъ холмѣ среди поля для молитвы. Вдали зеленѣлъ лѣсъ, пѣли птицы, все возвышало настроеніе, — говорилъ очевидецъ Аспъ,— только деревянный некрашенный крестъ надъ могилою русскаго маіора нарушалъ гармонію, наводя на грустныя мысли. — Некрашенные кресты давно, конечно, сгнили, поля сотни разъ перепаханы и слѣды о тѣхъ, которые цѣной тяжелаго труда, цѣною жизни подарили Россіи Финляндію, стерты съ лица земли. Кости храбрыхъ разсѣяны по краю. Мужественно они мерзли, голодали и умирали въ снѣгахъ и лѣсахъ Финляндіи, но ихъ слава, ихъ заслуги не почтены еще ни единымъ признательнымъ памятникомъ. Слава вамъ, честные и безъименные герои!

Другой участникъ этого похода, Ѳаддей Булгаринъ, отмѣтилъ, что «Финляндская война была въ одно и то же время ученою, народною, наступательною, оборонительною и во всѣхъ случаяхъ чрезвычайно упорною съ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ столько-же зависѣлъ отъ тонкихъ соображеній военныхъ дѣйствій, отъ маневровъ, въ странѣ, почти непроходимой для наступающаго войска, по причинѣ тѣснинъ, болотъ, горъ, рѣкъ, озеръ и мрачныхъ лѣсовъ, встрѣ-

чающихся на каждомъ шагу, какъ и отъ быстраго натиска и рѣшительности».

Въ виду того, что дѣйствовали не «тысячами громовъ», а почти отдѣльно, война представила для каждаго прапорщика, для каждаго хорошаго стрѣлка поприще для отличія, представила случаи выказать свое дарованіе, храбрость или ловкость. Финляндская война образовала не только множество отличныхъ офицеровъ, но и доставила войнѣ 1812 года искусныхъ и опытныхъ генераловъ [339]).

Помимо сего надо признать, что кампанія 1808—1809 г.г. задумана была хорошо и большая часть небоевыхъ мѣропріятій примѣнялись и своевременно, и умно, почему и результатъ ихъ оказался весьма значительнымъ. Шведскій подполковникъ Sundin имѣлъ въ рукахъ русскія карты Эстерботніи замѣчательной точности, на которыхъ были отмѣчены каждый торпъ, каждая изба бобыля, каждая тропа въ лѣсу.

Какъ-бы ни велась война 1808—1809 г.г., какія-бы техническія особенности она не представляла, исходъ ея для Россіи былъ весьма благопріятный. «Не числомъ войска должно опредѣлять важность сраженій и побѣдъ, но трудностями и послѣдствіями войны».

Въ оцѣнкѣ современниковъ эти результаты представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде всего Франція, столь усердно толкавшая насъ на сѣверъ, поспѣшила опредѣлить значеніе нашего новаго пріобрѣтенія. Ея представитель Коленкуръ писалъ министру Шампаньи 21-го марта—2-го апрѣля 1808 г., т. е. тогда, когда не вся еще Финляндія находилась во власти русскихъ: «Вотъ и осуществилось одно изъ мечтаній Екатерины. Кромѣ безопасности, даруемой столицѣ этимъ пріобрѣтеніемъ, оно представляетъ большія выгоды для флота, по причинѣ матросовъ и лѣса. Къ тому-же Россія пріобрѣтаетъ 1.000.000 жителей и лучшую границу, охраняемую мѣстной милиціей (?), что позволитъ располагать лишней дивизіей въ случаѣ нужды. Черезъ четыре дня, 25 марта—5 апрѣля 1808 г. Коленкуръ сообщилъ: «Императоръ сдѣлалъ мнѣ честь пригласить меня вчера къ своему обѣду. Было довольно многочисленное собраніе. Всѣ ликовали. Говорили о новомъ пріобрѣтеніи и, повидимому, сознаютъ вполнѣ его цѣну. Одинъ только министръ (Румянцевъ) продолжаетъ скромничать и толкуетъ о Финляндіи, какъ будто только о пріобрѣтеніи какой-то пустыни на берегахъ Каспійскаго моря». Я сильно выставлялъ на видъ всѣ выгоды такого

пріобрѣтенія. Я далъ понять все его значеніе. «Эта область прикасается къ столицѣ Имперіи»—сказалъ я, — «она обезпечиваетъ владычество на Балтійскомъ морѣ. Эта рука, прибавленная къ туловищу. Это не то, что пріобрѣтеніе чего-либо въ 200 миляхъ отъ границы» — прибавилъ я.

Въ дневникѣ генералъ-лейтенанта Голенищева-Кутузова читаемъ: Вторникъ, 27 іюля 1809 г. «Ну, произойдетъ нѣчто хорошее. Миръ будетъ заключенъ на этой сторонѣ. Финляндія остается за нами. Цѣну этого пріобрѣтенія еще не постигаютъ». Понедѣльникъ 6-го сентября. «Большая новость. Миръ заключенъ. Миръ славный, почетный и очень полезный. Если-бы мертвые чувствовали, что происходитъ здѣсь, то Петръ и Екатерина возрадовались-бы видя, что самое дорогое ихъ стремленіе осуществлено—Швеція сведена къ нулю. Завоеваніе Финляндіи—несомнѣнно самое драгоцѣнное пріобрѣтеніе со времени покоренія Крыма, такъ какъ Финляндія занимаетъ смежное положеніе по отношенію къ намъ, не говоря уже о томъ, что она имѣетъ цѣнность и внутри себя».

«Присоединеніе Финляндіи къ Россіи Императоромъ Александромъ I, почитаю я, — писалъ Ѳ. Булгаринъ,—самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ со временъ Петра Великаго, въ отношеніи географическомъ и нравственномъ». «Безъ Финляндіи Россія была неполною, какъ будто недостроенною».

«Присоединеніе Финляндіи къ Россіи», говорилъ проф. Топеліусъ», было предрѣшено въ тѣ дни, когда варягъ Рюрикъ основывалъ государство при Ильменѣ, когда Иванъ III Васильевичъ собралъ освободившуюся русскую силу и когда Петръ I достигъ Балтійскаго моря. Предчувствіемъ этого событія финскій народъ былъ проникнутъ со временъ великой сѣверной войны: Ecce, Fennia, tridentem!». Тотъ-же взглядъ былъ высказанъ ранѣе Сухтеломъ [340]).

Полтавскій бой, сокрушивъ могущество Швеціи, рѣшилъ и участь Финляндіи.

Генералъ шведской службы Норденсванъ, въ виду столѣтія войны 1808—1809 г.г., издалъ особую книгу, въ которой пытается подвести итоги прошлому. Свою критику онъ кончаетъ вопросомъ: «Чему можетъ эта война научить шведовъ? Прежде всего,—отвѣчаетъ онъ,—шведы могутъ научиться тому, что Россія совсѣмъ не такъ опасна, какой она многимъ казалась въ 1808 г., и что многіе еще думаютъ о ней въ настоящіе дни. Теперь, какъ и тогда, имѣются обстоятельства, которыя мѣшаютъ Россіи по-

слать всю или значительную часть своей военной силы противъ насъ. Съ этими обстоятельствами, которыя мы тогда упустили изъ вида изучить, слѣдуетъ теперь ближе познакомиться». «Тотъже способъ, по которому дипломатическія дѣла Швеціи велись въ Петербургѣ до начала войны 1808 г., представляетъ цѣнную науку на вѣчныя времена. Безъ чрезмѣрной способности и внимательности Стедингка — война уже съ самаго начала была-бы невозвратно проиграна для Швеціи» [341]).

УСТАНОВЛЕНІЕ

НОВАГО УПРАВЛЕНІЯ.

IX. Правительственный Совѣтъ.—Комиссія финляндскихъ дѣлъ.

Во время засѣданій сейма въ Борго, какъ мы видѣли, учрежденъ былъ комитетъ,—состоявшій изъ епископа Тенгстрема, въ качествѣ предсѣдателя, и барона Маннергейма, ассесора Гюльденстольпе, профессора Густава Гадолина и барона Роберта Генриха Ребиндера, въ качествѣ членовъ,—для выработки проекта регламента высшаго правительственнаго учрежденія Финляндіи. Къ участію въ работахъ комитета письмомъ Сперанскаго былъ привлеченъ также юристъ Матіасъ Калоніусъ. Составленный комитетомъ при его содѣйствіи проектъ «Плана общаго управленія Финляндіи», просмотрѣнъ былъ Сперанскимъ, а 2—14 іюля переданъ на разсмотрѣніе сейма, при этомъ въ Высочайшей пропозиціи говорилось: «Различныя вѣдомства и управленія, кои распредѣлены по различнымъ областямъ Финляндіи, требуютъ общаго сосредоточенія. Его Императорскому Величеству уже угодно было утвердить общій планъ для сего установленія, подъ именемъ Правительственнаго Совѣта; но его устройство требуетъ подробнаго проекта. Коль скоро таковой будетъ изготовленъ, Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ его предложить земскимъ чинамъ, дабы выслушать ихъ о томъ заключеніе. Покуда же Его Императорское Величество желаетъ дать новое доказательство Всемилостивѣйшаго своего довѣрія къ земскимъ чинамъ, поручая имъ для четырехъ отдѣленій, изъ коихъ Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора будетъ состоять, предложить 12 членовъ; срокъ ихъ службы трехлѣтній» [342]).

Изъ указаній сейма отмѣтимъ лишь, что земскіе чины озаботились ввести въ проектъ совѣта положеніе о томъ, чтобы членами его назначались граждане Финляндіи, евангелическаго исповѣданія. Бо́льшій интересъ представляютъ замѣчанія генералъ-

губернатора Барклая де-Толли, на заключеніе котораго былъ переданъ проектъ до его утвержденія. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на судебные порядки края и писалъ 28 іюня 1809 г.: «Судебное устройство Финляндіи въ настоящее время покоится на весьма справедливыхъ и разумныхъ началахъ, жители были всегда счастливы, и Его Императорскому Величеству угодно было подтвердить законы своимъ Высочайшимъ удостовѣреніемъ. Я полагаю, что было бы весьма полезно, если бы высшее судилище находилось въ столицѣ, а не въ самомъ краѣ. Предсѣдателемъ его былъ бы одинъ изъ статсъ-секретарей Его Величества, или одинъ изъ министровъ. Высшій судъ не долженъ быть учрежденъ въ самомъ краѣ, ибо это не было бы въ согласіи съ старинной конституціей края... Генералъ-губернаторъ не можетъ быть судьею, поэтому ему не слѣдуетъ имѣть вліянія на примѣненіе законовъ въ судѣ».

Коснувшись полиціи, генералъ Барклай де-Толли писалъ: «На окраинѣ подобно этой полиція должна быть въ исключительномъ подчиненіи генералъ-губернатора, а ландсгевдинги, каждый въ качествѣ начальника полиціи въ своей губерніи, должны ему доносить еженедѣльно о всѣхъ происшествіяхъ».

Разныя соображенія привели Барклая де-Толли къ совершенной ненужности Совѣта. «Генералъ-губернаторъ не нуждается въ особомъ Совѣтѣ. Такой Совѣтъ лишь содѣйствовалъ бы замедленію дѣлъ, а не ихъ движенію, и большое количество людей болѣе разсуждаетъ, нежели дѣйствуетъ».

«Что же касается финансоваго управленія, то Казенная Палата (Cameralhof) должна быть подчинена непосредственно генералъ-губернатору, ибо сей послѣдній есть въ то же время и хозяинъ и покровитель края. Съ другой стороны этотъ вопросъ входитъ въ кругъ вѣдомства министерства финансовъ Имперіи. Казенная Палата (Cameralhof) края могла бы состоять изъ предсѣдателя, который долженъ безусловно знать русскій языкъ». Генералъ-губернаторъ для сего управленія «не имѣетъ надобности въ особомъ Совѣтѣ, который никогда ни въ чемъ не поможетъ дѣлу, но могъ бы замедлить дѣла и привести ихъ въ безпорядокъ».

«Генералъ-губернаторъ долженъ имѣть при себѣ лишь канцелярію, хорошо организованную, и кромѣ того, генералъ-губернаторъ сей окраины долженъ имѣть при себѣ секретаря, для корреспонденціи на иностранныхъ языкахъ и одного переводчика для шведскаго языка».

«Авторитетъ и власть генералъ-губернатора должны быть, по моему убѣжденію, въ интересахъ края—безграничны. Генералъ-

губернаторъ не долженъ быть судьею, но долженъ имѣть власть отрѣшать отъ должности гражданскихъ чиновниковъ даже самихъ ландсгевдинговъ и призывать ихъ къ отвѣту, коль скоро будетъ доказано фактами, что они (ландсгевдинги) совершили упущеніе на службѣ преднамѣренно. Прокуроръ генералъ-губернатора есть то лицо, чрезъ которое генералъ-губернаторъ будетъ производить предварительное слѣдствіе».

«Что касается надзора за таможнями, то я полагалъ бы,— продолжаетъ Барклай де-Толли,—что онъ долженъ бы быть основанъ на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Имперіи. Но не смотря на то, что этимъ путемъ онъ станетъ отраслью управленія министерства Коммерціи, генералъ-губернаторъ тѣмъ не менѣе долженъ имѣть безусловное вліяніе въ этой области».

«Я убѣжденъ, что лучше было бы совсѣмъ не имѣть генералъ-губернатора, нежели имѣть генералъ-губернатора, не облеченнаго полновластіемъ и авторитетомъ для того, чтобы предупредить, устранить и прекратить всѣ злоупотребленія, естественныя послѣдствія Совѣта».

Нѣкоторыя замѣчанія генералъ-губернатора и земскихъ чиновъ были приняты во вниманіе и внесены въ переработанный планъ организаціи высшаго управленія. Затѣмъ Барклай де-Толли имѣлъ еще разъ случай высказать свои замѣчанія по дѣлу, но теперь уже онъ успѣлъ подпасть вліянію М. Калоніуса и потому писалъ нѣсколько въ иномъ духѣ. Такъ напримѣръ: «Въ случаѣ если медики, проэкзаменованные въ Россіи, пожелаютъ практиковать въ Финляндіи, то они должны быть обязаны предварительно подвергнуться испытанію въ Абоскомъ университетѣ, прежде чѣмъ они будутъ допущены къ практикѣ».

1 августа 1809 г. на имя Финляндскаго генералъ-губернатора послѣдовалъ рескриптъ объ утвержденіи Совѣта. Въ рескриптѣ между прочимъ говорилось: «Мѣстопребываніе сего Совѣта, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, назначается въ Абовѣ. Я удостовѣренъ, что, зная всю необходимость и пользу сего установленія въ благоразумной дѣятельности вашей, не умедлите вы привести оное въ дѣйствіе, открывъ засѣданія его по надлежащемъ всего изготовленіи съ приличными важности мѣста сего обрядами».

20 сентября 1809 г. состоялось открытіе Совѣта, о чемъ генералъ-губернаторъ доносилъ въ своемъ рапортѣ: «Благополучны народы, присоединяющіеся подъ милосерднѣйшимъ и мудрымъ правленіемъ Вашего Императорскаго Величества! 20-й день сен-

тября 1809 г. будетъ на вѣки знаменитою и счастливою эпохою для всѣхъ жителей Великаго Княжества Финляндскаго. Въ сей день открыто въ городѣ Або правленіе для назиданія древнихъ правъ и законовъ вновь покореннаго сего народа побѣдоноснымъ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества и Великому Россійскому престолу. Радость жителей была всеобщая, чувство самоправленія и будущаго благоденствія обнаруживалось восторгомъ и прославленіемъ вселюбезнѣйшаго и священнаго имени Вашего Императорскаго Величества. Я почелъ долгомъ радостному сему общему торжеству придать всю важность и великолѣпіе».

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

21-го числа происходило первое засѣданіе Совѣта. Передъ приводомъ къ присягѣ секретарей, генералъ-губернаторъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ: «Его Императорское Величество, нашъ Всемилостивѣйшій Государь, занимаясь безпрестанно благомъ своихъ народовъ, распространяетъ не менѣе свои отческія заботы на новыхъ подданныхъ Великаго Княжества Финляндскаго. Предоставляя имъ управленіе, согласное съ ихъ древними конституціями (en leur accordant une administration conferme à leurs anciennes constitutions), Его Императорское Величество соблаговолилъ одобрить и утвердить установленіе Правительственнаго Совѣта».

Послѣ принесенія присяги, вновь говорилъ начальникъ края: Я польщенъ тѣмъ, что я поставленъ во главѣ коллегіи, избранной единогласно столь уважаемой націей... Въ особенности ваша преданность даетъ мнѣ пріятнѣйшую увѣренность въ томъ, что вы, господа, постараетесь меня поддержать въ моихъ трудахъ, которые, согласно съ волей Его Императорскаго Величества, не иную цѣль имѣть будутъ, какъ благоденствіе сего края (que la prospérité de cette province)».

Изъ отвѣтной рѣчи президента барона Тандефельта отмѣтимъ слѣдующее заявленіе: «Въ высшемъ мѣстѣ сосредоточія важнѣйшихъ дѣлъ финляндской націи, мы принимаемъ эти должности съ глубочайшимъ уваженіемъ, совершеннѣйшимъ почтеніемъ и живѣйшей благодарностью, почитая себя счастливыми встрѣтить въ вашемъ превосходительствѣ начальника высшихъ заслугъ, который, озаренный любезными качествами и умомъ просвѣщеннымъ, соединяетъ съ этими драгоцѣнными дарованіями благородное стремленіе употребить всѣ средства къ содѣйствію истиннаго благополучія Финляндіи и ея жителей».

Препровождая свой отчетъ объ открытіи Совѣта Сперанскому 30 сентября 1809 г., Барклай де-Толли сообщалъ: «Достойно

[illegible]

1. [illegible]

2. Открытіе памятника при [illegible].

того вниманія, которое заслуживаетъ учрежденіе этого трибунала во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя не умолчать про общее тревожное состояніе, проявляющееся и въ приложенной при семъ въ копіи рѣчи господина президента Тандефельта, безпокойствіе относительно сохраненія законовъ, предмета наиболѣе горячихъ желаній народа. Но сіе торжество, пригласившее всѣхъ жителей города и его окрестностей быть свидѣтелями, доставило ясныя доказательства, что настроеніе умовъ стало болѣе спокойнымъ.

«Я льщу себя надеждой, что Правительственный Совѣтъ довершитъ дѣло укрѣпленія искренняго довѣрія, питаемаго къ либеральнымъ и благодѣтельнымъ намѣреніямъ Государя Императора, который навсегда останется предметомъ обожанія своихъ народовъ. И вѣроятно никто не будетъ изумленъ, что народъ, смотрящій на свои законы какъ на краеугольный камень, на коемъ въ теченіе вѣковъ основывалось благоденствіе частное, въ трепетѣ пребывалъ въ виду перемѣнъ, кои могли привлечь за собой неизвѣстныя отношенія къ новому правительству, и что онъ, будучи отдаленъ отъ стараго отечества и присоединяясь къ новому, ревниво смотритъ на свои древніе законы, стараясь ихъ сохранить, въ качествѣ залога своего счастья»...

Не прошло и одного года практической дѣятельности Совѣта, какъ власть его была расширена. Уже 14 апрѣля 1810 г. Штейнгель представилъ свое мнѣніе о томъ, чтобы нѣкоторыя дѣла, восходящія къ Его Величеству, впредь не представлять, дабы не утруждать Государя Императора и не терять времени. Совѣту надлежало входить только о помилованіяхъ, объ отмѣнѣ законовъ, объ утвержденіи въ высшихъ должностяхъ и объ отпускѣ суммъ. На это послѣдовало Высочайшее утвержденіе, въ рескриптѣ на имя Финляндскаго генералъ-губернатора отъ 3 мая 1810 г.

Впослѣдствіи Правительственный Совѣтъ былъ переименованъ въ «Императорскій Финляндскій Сенатъ». Мотивы переименованія указаны въ словахъ Высочайшаго Манифеста отъ 9 февраля 1816 г.: «По благополучномъ окончаніи, вкупѣ съ союзными Намъ державами, помощью Всевышняго дѣлъ, до безопасности Имперіи Нашей и спокойствія всей Европы относящихся, и достигши ожидаемаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, и въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему удобнѣйшимъ согласно съ наиме-

нованіемъ Высшаго Правительства въ Государствѣ Нашемъ, и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Высшему Правительству названіе: Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны, однако же, настоящаго его состава, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами въ Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ.

«При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ избирать впредь въ члены сего Финляндскаго Сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ только коренныхъ Финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ,— повелѣваемъ: всѣмъ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, равно какъ прочимъ, до кого сіе касается, исполнять всѣ тѣ предписанія, какія именемъ Нашимъ, и со стороны Нашей, изданы будутъ отъ Императорскаго Финляндскаго Сената, что доселѣ былъ Правительствующій Совѣтъ, и съ симъ постановленіемъ Нашимъ въ точности сообразоваться».

Что касается предсѣдательствованія въ Совѣтѣ генералъ-губернатора, писалъ проф. Э. Берендтсъ, то и оно получило развитіе, далеко не соотвѣтствующее предположеніямъ Сперанскаго, Спренгтпортена и Барклая де-Толли, которые стремились создать должность намѣстника, а не полупассивнаго президента края. Обстоятельства отодвинули на заднiй планъ генералъ-губернатора и превратили его въ сущности въ органъ, стоящій возлѣ Совѣта. Главнымъ условіемъ этого явилось незнаніе генералъ-губернаторомъ языка, на которомъ обсуждались дѣла въ Совѣтѣ. Рѣдко, въ началѣ 1809 и 1810 г.г., въ засѣданіяхъ Совѣта употреблялись языки французскій и нѣмецкій, что давало генералъ-губернаторамъ возможность лично предсѣдательствовать въ этомъ учрежденіи. Особенно этимъ условіемъ воспользовался Барклай де-Толли, принимавшій живое участіе въ работахъ Совѣта. «Вообще же генералъ-губернаторы стояли какъ бы внѣ Совѣта, ведя переговоры съ отдѣльными сенаторами, или поддерживая сношенія съ коллегіей при посредствѣ своей канцеляріи, что въ свою очередь приводило къ преобладающему вліянію директора канцеляріи. Такъ, при тихомъ добродушномъ Штейнгелѣ крупную роль игралъ директоръ его канцеляріи, лифляндецъ фонъ-Виттъ (Вейсенбергъ) [343])».

Часть интеллигентнаго общества края не то по политическимъ, не то по личнымъ причинамъ непріязненно относилась къ «плебейскому» составу Правительствующаго Совѣта. Въ немъ оказалось много сѣмянъ раздора, а дѣятельность его вообще пара-

лизовалась посредственностью или неспособностью его членовъ. Передовыхъ людей, которые могли бы твердой рукой вывести финскій новый корабль въ открытое море, не нашлось и вслѣдствіе этого произошла серьезная остановка въ начатой преобразовательной работѣ [344]).

Важную должность прокурора Совѣта занялъ Матіасъ Калоніусъ, извѣстный своими познаніями и твердостью характера. Въ 1816 г. въ глубокой старости онъ подалъ въ отставку, а въ 1817 г. онъ умеръ; на его могилѣ, на кладбищѣ въ Нуммисъ, около Або, поставленъ памятникъ, на средства, собранныя по національной подпискѣ.

Вслѣдъ за Совѣтомъ былъ основанъ рядъ центральныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ примѣрно коллегіямъ въ Стокгольмѣ. Въ 1811 г. учреждены были Collegium medicum, Почтовая дирекція и Главное управленіе общественныхъ построекъ. Въ 1812 г. приведены были въ порядокъ таможенныя дѣла и Главная таможенная дирекція начала свою дѣятельность. Въ томъ же году основаны Главное управленіе лоцманскаго и маячнаго вѣдомствъ и Главное управленіе межевого вѣдомства. Въ 1816 году было объявлено, что всѣ живущіе въ Финляндіи, внесенныя въ списки шведскаго рыцарскаго дома фамиліи, должны быть записаны въ финляндскомъ рыцарскомъ домѣ, который съ 1818 г. получилъ свое собственное управленіе.

Одновременно съ положеніемъ о Правительственномъ Совѣтѣ шла разработка инструкцій для генералъ-губернатора и прокурора совѣта. 8 августа 1809 г. Сперанскій сообщилъ Барклаю де-Толли о желаніи Государя получить проекты сихъ инструкцій. «Инструкція генералъ-губернатора должна содержать двѣ части, одну публичную и вторую совершенно конфиденціальную, содержащую въ себѣ мѣропріятія высшей полиціи. Только первая должна быть сообщена Совѣту [345]). Проектъ инструкціи, выработанный въ теченіе 1810 г., былъ Высочайше одобренъ 7 февраля 1811 г. Эта инструкція опредѣленно стремилась къ тому, чтобы генералъ-губернатора превратить изъ номинальнаго предсѣдателя Совѣта «во вліятельнаго его руководителя». Но инструкція 1811 г. не вступила въ силу. Противъ нея вооружился преимущественно Калоніусъ, видя въ ней посягательство на начало коллегіальности. Протесты изъ вліятельныхъ сферъ привели къ пересмотру инструкціи.

По этому поводу между генералъ-губернаторомъ Штейнгелемъ и Сперанскимъ возникла переписка, въ которой цѣликомъ отразился представитель русской власти на финляндской окраинѣ.

Вотъ главное положеніе письма Штейнгеля. «Изданіе Высочайше утвержденныхъ инструкцій генералъ-губернатору и прокурору, противъ моего чаянія, имѣло непріятныя слѣдствія, что финляндскій совѣтъ не только мнитъ, что Всемилостивѣйше пожалованныя оному преимущества сими инструкціями ограничены, но и что по отзыву его предосуждена оными Высочайше конфирмованная Его Императорскимъ Величествомъ конституція сего края, предполагая равномѣрно, что инструкціи сіи также въ разныхъ частяхъ не согласны съ здѣшними законами, и если содержащіяся въ обоихъ сихъ постановленіяхъ ограниченія и отмѣны не сдѣланы необходимыми по политическимъ отношеніямъ, то желательно было-бы, чтобъ несходныя съ здѣшними учрежденіями статьи, по примѣру тому, какъ часто случалось во время прежняго правительства, были Высочайшимъ указомъ пояснены и оставлены. Сіе кажется непремѣнно нужнымъ не только чтобъ загладить сдѣланное уже первое непріятное дѣйствіе, но и чтобъ предупредить производимое вѣроятное обнародованіемъ сихъ инструкцій всеобщее впечатлѣніе». Подобный тонъ письма поставленнаго русскою властью генералъ-губернатора неизбѣжно удивляетъ. Къ оправданію своему онъ присоединяетъ, что «малое и поверхностное его знаніе правовѣдѣнія сдѣлало ему невозможнымъ примѣтить всѣ тѣ скрытыя въ инструкціяхъ противорѣчія, кои не могли избѣчь вниманія совѣта, якобы составленнаго изъ преимущественно способныхъ мужей».

Отвѣтъ Сперанскаго былъ категориченъ и поучителенъ......«Я разсматривалъ примѣчанія, мнѣ доставленныя, со всѣмъ безпристрастіемъ; я не нашелъ въ нихъ ничего основательнаго, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, кои легко могутъ быть истолкованы.—Два ложныя начала служатъ основаніемъ всѣмъ симъ примѣчаніямъ. Первое: Примѣчатели смѣшиваютъ установленіе совѣта съ судебными мѣстами, по конституціи сего края существующими. Совѣтъ устроенъ не по праву конституціи, но по единому усмотрѣнію правительства. Финляндія никогда не имѣла особеннаго совѣта. Утвержденіе правъ никакой не имѣло точной связи съ симъ установленіемъ. Права могли существовать и безъ совѣта и были даже утверждены прежде его учрежденія. Мѣсто имѣетъ особенно учрежденіе или регламентъ. Регламентъ сей не есть постановленіе ни сеймовое, ни конституціонное и, подобно всѣмъ другимъ регламентамъ, онъ, по существу своему, подлежитъ дополненіямъ, измѣненіямъ, ограниченіямъ. Инструкціи суть не что другое, какъ дополненія или примѣчанія сего регламента. Слѣдовательно, нельзя

къ инструкціямъ симъ прилагать правилъ и судебныхъ обрядовъ, установленныхъ для гофгерихтовъ и другихъ мѣстъ, имъ подчиненныхъ. Между тѣмъ всѣ примѣчанія основаны именно на семъ приложеніи и, слѣдовательно, они стоятъ на ложномъ основаніи. Второе: Примѣчатели предполагаютъ, что для составленія сихъ инструкцій надлежало прежде сообщить ихъ совѣту и потребовать его мнѣнія. На сіе нѣтъ никакого указанія въ законахъ. Сіе могло быть и не быть—по усмотрѣнію правительства».

«При исполненіи,—продолжаетъ свое отвѣтное письмо Штейнгелю государственный секретарь М. М. Сперанскій,—сихъ мѣръ на мѣстѣ нужно: 1) не показывать къ дѣлу сему особаго уваженія, ибо вниманіе сіе можетъ только усилить пустые толки; 2) на всѣ вопросы предварительно, и безъ всякихъ подробныхъ изъясненій, отвѣчать, что дѣло сіе въ свое время будетъ обдумано и исправлено; 3) не показывать излишней податливости къ возраженіямъ и представить прокурору Калоніусу самому защищать инструкцію его такъ, чтобъ дѣло сіе имѣло видъ ученаго спора между юристами, а не дѣла правительства; 4) господину Маннергейму, который, по сварливому своему нраву, пріемлетъ въ семъ дѣлѣ участіе, показать наиболѣе довѣрія и ласки, ибо тутъ болѣе дѣйствія его самолюбія, нежели истинная польза. Мнѣ очень жаль,—говоритъ Сперанскій въ заключеніе письма,—что вы на минуту могли быть симъ обезпокоены. Что принадлежитъ до меня, то, провождая всю жизнь мою въ хлопотахъ и состязаніяхъ сего рода, я принялъ извѣстія сіи съ совершеннымъ равнодушіемъ» [346]).

Для пересмотра инструкціи назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ Штейнгеля. Комиссія усмотрѣла, что инструкція 1811 г. въ многихъ отношеніяхъ противорѣчитъ какъ нѣкоторымъ постановленіямъ Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., такъ и уложенію 1734 г.— 2 февраля 1812 г. (за № 156). Армфельтъ писалъ барону Ѳаддею Ѳедоровичу Штейнгелю: «Его Императорскому Величеству въ 31 день прошлаго генваря мѣсяца благоугодно было утвердить инструкціи какъ финляндскому генералъ-губернатору, такъ и прокурору при правительственномъ совѣтѣ, сходствующія во всѣхъ статьяхъ съ препровожденными къ Его Императорскому Величеству отъ правительственнаго совѣта проектами.... Препровождая при семъ инструкціи, прошу васъ, по напечатаніи оныхъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ, издать въ общенародное извѣстіе».

Богато одаренный отъ природы, Армфельтъ получилъ достаточное для своего времени образованіе. Изящный красавецъ, съ манерами царедворца, онъ свободно вращался какъ въ кабинетахъ государей и дипломатовъ, такъ и въ будуарахъ знаменитыхъ красавицъ; гостепріимный и остроумный, онъ легко сходился съ людьми, снискивалъ ихъ дружбу и расположеніе, хотя съ другой стороны, своимъ злымъ языкомъ, острымъ перомъ и безпощадной критикой, также легко наживалъ себѣ враговъ. Благодаря тому, что онъ имѣлъ случай принять участіе въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ въ Помераніи, Норвегіи и Финляндіи, имя его поспѣшили окружить также и ореоломъ воинской славы. Онъ обладалъ большимъ запасомъ энергіи, значительной способностью къ работѣ, реформаторскимъ жаромъ, а изобрѣтательная голова его была полна новыхъ идей, плановъ и предположеній; рядомъ съ этимъ онъ поражаетъ изумительнымъ легкомысліемъ, нравственной распущенностью и эротическими увлеченіями. Женщины въ его жизни и карьерѣ всегда играли выдающуюся роль. Самъ онъ въ одно и то-же время былъ нѣжнымъ и невѣрнымъ супругомъ и любовникомъ. По своимъ способностямъ, онъ могъ быть полезнымъ совѣтникомъ королей, а большими недостатками въ состояніи былъ расшатывать и низвергать троны своихъ коронованныхъ покровителей и создавать революціи. Онъ все время тревожно метался по Европѣ, являясь то въ Стокгольмѣ и Неаполѣ, то въ Саволаксѣ (Финляндіи) и Вѣнѣ, Парижѣ, Калугѣ, Петербургѣ; метеоромъ онъ мелькалъ при блестящихъ дворахъ Людовика XVI, Густава III, Екатерины II, Александра I, попутно покоряя сердца первыхъ красавицъ высшихъ салоновъ. Онъ обожалъ и обманывалъ Густава III, мстилъ Наполеону, презирая русскихъ, льстилъ Александру I. Этотъ «сѣверный Алкивіадъ» мѣнялъ отечество и подданство, интриговалъ, хитрилъ, измѣнялъ. Онъ явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей шведской революціи 1772 г., работая за усиленіе королевской власти, а впослѣдствіи столь-же ретиво и убѣжденно трудился надъ ограниченіемъ императорской власти въ предѣлахъ Финляндіи. Вообще-же, у этого сомнительнаго рыцаря не существовало ничего непоколебимо-святого и чтимаго. Отъ ступеней трона этотъ титулованный вельможа спустился до эшафота: онъ былъ присужденъ къ смерти, имя его выставлено къ позорному столбу, самъ онъ лишенъ покровительства законовъ. Пламя жизни авантюриста сильно мигало и колебалось подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ вѣяній времени, и то, что оно сегодня освѣщало, завтра оставляло въ тѣни или даже погружало во тьму.

Густавъ-Морицъ Армфельтъ родился 31 марта 1757 г.

Не имѣя наклонности къ научному образованію, Армфельтъ побылъ нѣкоторое время, въ дѣтскіе годы, подъ руководствомъ одного абоскаго студента, а затѣмъ сдѣлался кадетомъ въ морской школѣ и уже 16-лѣтнимъ юношей сталъ офицеромъ. Служба въ гвардіи, которою командовалъ самъ Густавъ III, приводила его въ нѣкоторое соприкосновеніе съ дворомъ, и король обратилъ вниманіе на красиваго офицера, но неразвитость его устраняла всякую мысль о сближеніи.

Дуэль Армфельта съ однимъ изъ его товарищей по какому-то пустячному поводу навлекла на него гнѣвъ Густава III, и онъ попытался искать иностранной службы. Благодаря близости отца его съ Георгомъ Спренгтпортеномъ, явилась возможность предпринять заграничное путешествіе, въ качествѣ компаньона этого бурнаго полковника. По возвращеніи, черезъ 12 лѣтъ, въ 1780 г., въ Стокгольмъ къ веселому двору, Армфельтъ не замедлилъ обратить вниманіе на блестящую звѣзду этого горизонта—прекрасную и бойкую фрейлину Магдалину Руденшельдъ. Начался романъ, получившій скандальную широкую извѣстность.

Въ 1783 г. состоялось извѣстное свиданіе императрицы Екатерины съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, а затѣмъ и продолжительное путешествіе по Италіи, гдѣ король, среди двухлѣтнихъ увлеченій, совсѣмъ забылъ о своемъ государствѣ. При немъ находился Армфельтъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Фридрихсгама, среди разныхъ увеселеній, Армфельтъ предложилъ, по желанію короля, свою руку и сердце фрейлинѣ Гедвигѣ Делагарди.

Въ 1788 г. загорѣлась война Швеціи противъ Россіи. Заключенный затѣмъ миръ въ Вереле, на пограничной рѣкѣ Кюмени, нельзя было назвать для насъ блестящимъ. Екатерина была однако довольна миромъ, который развязывалъ ей руки для дѣйствій въ Турціи, почему на Армфельта посыпались щедроты. Тридцатитрехлѣтній «maître des plaisirs» былъ украшенъ андреевской лентой и, кромѣ 3 тысячъ червонцевъ въ брилліантовой табакеркѣ, подаренной ему оффиціально, получилъ еще секретный вексель на 10,000.

1 марта 1792 г. король Густавъ III былъ убитъ Анкарсвердомъ при выходѣ изъ маскарада, и вскорѣ наступили для Армфельта черные годы. Онъ сталъ въ оппозицію къ новому правительству, которое, при малолѣтствѣ короля Густава IV Адольфа и при ничтожествѣ регента, дяди его, Карла Зюдерманландскаго, оказалось всецѣло въ рукахъ Рейтергольма.

Армфельту пришлось опять странствовать за границей, гдѣ, впрочемъ, среди негодованій на новые шведскіе порядки, онъ болѣе чѣмъ пріятно проводилъ время и путешествовалъ въ дамскомъ обществѣ, въ которомъ пользовался особымъ вниманіемъ княгини Екатерины Меншиковой, рожденной Голицыной.

Позднѣе Армфельтъ получилъ назначеніе министра въ Италіи. Но здѣсь, благодаря почти открытымъ его интригамъ, ему угрожалъ арестъ; бумаги его были захвачены, и лишь при помощи вездѣ бывшихъ у него покровительницъ удалось ему бѣжать въ Россію.

Но бѣгство не помѣшало ему заочно, а подругѣ и соучастницѣ его, Магдалинѣ Руденшельдъ лично, быть отданными подъ судъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Обвиненные въ государственной измѣнѣ, они дорого заплатили за свои интриги. Высшій судъ опредѣлилъ имъ: лишеніе чести, имущества и смертную казнь, но, за его бѣгствомъ, все ограничилось тѣмъ, что имя Армфельта было пригвождено къ столбу на мѣстѣ казни.

Угроза эшафотомъ по суду за государственную измѣну противъ Швеціи привела Армфельта къ бѣгству въ Россію.

Въ Калугѣ, почти въ самомъ сердцѣ Россіи, верстахъ въ 160 отъ Москвы, пришлось Армфельту прожить около трехъ лѣтъ.

Затѣмъ мы вновь находимъ Армфельта въ Швеціи, гдѣ, непосредственно передъ войной, онъ изложилъ свои «Мысли о защитѣ Финляндіи».

Уже въ 1793 г. Императрица Екатерина II писала Армфельту: «Я надѣюсь, что ничто не можетъ заставить васъ оставить свое поприще, или лучше сказать, что вы вскорѣ займете мѣсто болѣе соотвѣтствующее вашимъ талантамъ и тѣмъ услугамъ, которыя вы оказали своей родинѣ. Но если вашей судьбѣ угодно будетъ бросить васъ въ мое государство или къ моему двору, то будьте увѣрены, что вы тамъ встрѣтите пріемъ, который еще болѣе удостовѣритъ вамъ то благопріятное мнѣніе, которое я питаю о васъ» [347]).

28 января 1808 г. гр. Буксгевденъ, желая имѣть при себѣ сановника изъ природныхъ финляндцевъ, писалъ Румянцеву, послѣ неудачной экспертизы Спренгтпортена, прося графа о томъ, чтобы склонить генер. Армфельта перейти на нашу службу [348]). Разсчетъ былъ основанъ на томъ, что генералъ Армфельтъ по своему происхожденію былъ финляндецъ. Больше чѣмъ кто-либо въ Швеціи онъ понималъ, что вся тягость войны, на кото-

Памятники финляндскихъ побѣдъ надъ русскими войсками.

1. Алаво. 2. Ютасъ.
3. Вирта. 4. Оравайсъ.

рую Густавъ IV вызвалъ Россію, должна была обрушиться на его родину. Въ С.-Петербургѣ къ тому-же были высокаго мнѣнія о его способностяхъ и нравственныхъ качествахъ и желали имѣть его на своей сторонѣ. Посланнику Д. Алопеусу въ депешѣ, посланной Румянцевымъ 5 февр. н. ст. 1808 г., было поручено предложить Армфельту все, что могло-бы польстить его самолюбію, и въ этомъ отношеніи тѣмъ больше мы могли надѣяться на успѣхъ, что въ послѣднее время Армфельтъ находился въ опалѣ. Эта депеша не дошла по назначенію.

Въ концѣ 1807 г. Армфельтъ рѣзко отзывался о русской политикѣ и предостерегалъ противъ ея плановъ, а теперь онъ прямо съ презрѣніемъ высказался по поводу «низостей», которыя сочинялись Спренгтпортеномъ и включались въ прокламаціи законнаго русскаго правительства. Когда Свеаборгъ палъ и южная Финляндія, а вмѣстѣ съ нею и Оминне (имѣніе Армфельта) были въ русскихъ рукахъ, ему предстояло выбирать или конфискацію имѣнія, или присягу русскаго подданства. «Будь что будетъ, но подлостями не покупаю я своего хлѣба», — писалъ онъ, рисуясь передъ своимъ другомъ Адлерспарре. «Можешь-ли ты предполагать, другъ мой,—восклицалъ онъ въ письмѣ къ Аминову,—чтобы моя огненная душа могла смириться изъ-за какихъ-нибудь личныхъ интересовъ? И что мнѣ дѣлать въ Финляндіи? Развѣ воспользоваться ею какъ ночлегомъ на пути въ Сибирь?» И, тѣмъ не менѣе, это были только слова. Армфельтъ былъ сотканъ изъ самолюбія, фразъ и противорѣчій.

Императоръ Александръ избралъ Спренгтпортена, этого предателя отечества, первымъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи; въ этомъ фактѣ Армфельтъ усматриваетъ особенно роковое значеніе для будущности страны. Получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ восклицаетъ: «Никогда Императоръ не выказалъ болѣе глубокаго презрѣнія къ финляндцамъ, и ничѣмъ онъ не могъ болѣе затруднить возвращеніе въ Финляндію честныхъ людей».

Когда заключенъ былъ фридрихсгамскій миръ, Армфельтъ уже совершенно разладилъ въ Швеціи, почему сталъ окончательно думать объ оставленіи ея. Кромѣ того, ему нужно было такъ или иначе воспользоваться доходами съ майората Оминне.

Посланнаго въ Стокгольмъ, въ качествѣ русскаго представителя, Сухтелена,—которому пришлось отдавать «une vilaine visite»,—Армфельтъ упрашивалъ уже о посредничествѣ, пока онъ будетъ имѣть возможность «броситься къ ногамъ» Александра. Это было писано Сухтелену ровно черезъ день послѣ того, какъ Армфельтъ

открывалъ своему пріятелю все свое «непреоборимое отвращеніе» къ Россіи и ея образу правленія.

Въ Оминнѣ онъ своими глазами увидѣлъ, что русское «иго» совсѣмъ не давило Финляндію такъ тяжело, какъ онъ сперва воображалъ. Равнымъ образомъ онъ убѣдился, что русское правительство желало пріобрѣсти признательность Финляндіи и укрѣпить связь новопокоренной страны съ имперіей иною силою, чѣмъ оружіемъ. «Способъ,—писалъ Армфельтъ по осени 1810 г.,—которымъ русскіе желаютъ держать Финляндію въ рукахъ, въ сущности соотвѣтствуетъ этому плану, хотя, желая добра, они дѣлаютъ глупости. Правда, они ничего не даютъ, но и не берутъ изъ страны ни полушки». Однако отказаться отъ возведенія на Россію небылицъ онъ не могъ и нѣкоторое время спустя опять писалъ: «Не думаю, чтобъ Финляндія вновь перешла къ Швеціи, хотя Финляндіи предстоитъ страшное время подъ игомъ Россіи, которое уже теперь, при самомъ началѣ, невыносимо и которое ежедневно по свойству послѣдующихъ обстоятельствъ все увеличится».

Лѣтомъ 1810 г. Армфельтъ посѣтилъ Петербургъ и остался недоволенъ результатами поѣздки. Конечно, онъ мнилъ, что его должны тамъ встрѣтить особенными знаками вниманія со стороны новаго великаго князя Финляндіи, если его, Армфельта, желаютъ видѣть на своей службѣ. Александръ Павловичъ, однако, принялъ его лишь послѣ двухъ недѣль житья въ столицѣ, причемъ, по собственному его признанію, сказалъ ему «лишь нѣсколько вѣжливыхъ и банальныхъ фразъ». И Сперанскимъ Армфельтъ остался недоволенъ, такъ какъ у него не оказалось довольно времени для занятій съ финляндцами; впрочемъ, онъ усмотрѣлъ въ немъ un homme d'esprit.

Свиданіе его съ Румянцевымъ,—съ этимъ «grand faiseur»,—Армфельтъ такъ описывалъ своей женѣ: «По приглашенію Румянцева, я былъ у него. Отъ лица императора онъ наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ, сказалъ, что Его Величество часто и охотно желалъ-бы меня видѣть, если-бы les circonstances actuelles, такъ какъ я не былъ его подданнымъ, не давали злымъ языкамъ возможности болтать вздоръ насчетъ нѣкоторой необычной фамильярности, существовавшей между нами; что я былъ такой видной особой; что времена столь щекотливы и т. д., и т. д., все смѣшнѣе и смѣшнѣе. На это я отвѣчалъ, что не имѣю никакихъ претензій, такъ какъ представился уже Его Императорскому Величеству, въ чемъ и заключалась первая цѣль моего пріѣзда, и что я теперь желалъ-бы только знать, буду-ли я лишенъ,

или нѣтъ, того пенсіона, который имѣлъ отъ Екатерины II и который былъ подтвержденъ Павломъ I и Александромъ. На это опять послѣдовало много комплиментовъ, qu'il s'informerait и проч. Такимъ образомъ, ты видишь, моя Геддочка, что я глядѣлъ вѣрно, и если въ скорости не сдѣлаюсь русскимъ, то моя поѣздка сюда не приведетъ ни къ чему .

Для Армфельта стало ясно, что денежныя его дѣла не устроятся, пока онъ окончательно не переберется въ Финляндію.

Вскорѣ сеймъ въ Эребру окончательно устранилъ домъ Вазы отъ престола Швеціи и наслѣдникомъ провозглашенъ бонапартовскій генералъ Бернадотъ. Для Армфельта, ненавистника Наполеона, это былъ громовой ударъ. «Разъ, что не принцъ Густавъ будетъ наслѣдникомъ,—писалъ онъ,– мнѣ ужъ рѣшительно все равно, будетъ-ли имъ Понте-Корво, или мамелюкъ Рустанъ». Переселеніе изъ Швеціи назначено было на весну 1811 г.

4-го апрѣля 1811 г. Армфельтъ вступилъ на финляндскій берегъ, съ почетомъ и предупредительностью привѣтствовалъ его въ Або генералъ-губернаторъ Финляндіи, Фабіанъ Штейнгель. Здѣсь, равно какъ и въ Оминне, куда Армфельтъ поспѣшилъ изъ Або, къ нему явились на поклонъ его соотечественники разныхъ лагерей. Онъ самъ шутливо повѣствовалъ, что въ Оминне его привѣтствовали «духовенство, депутаты отъ народа и военное начальство». Такая встрѣча, оказанная на родинѣ изгнаннику Швеціи, свидѣтельствуетъ, что отъ него ожидали многаго для выгодъ Финляндіи.

Ожидали финляндцы, дѣйствительно, не напрасно. Съ исторіей новаго устройства края, начавшейся послѣ фридрихсгамскаго мира, память о немъ соединена неизгладимо. Съ могущественнымъ всероссійскимъ самодержцемъ онъ имѣлъ счастье вступить съ самаго начала въ личное соприкосновеніе, каковое обстоятельство замѣтно отразилось на ходѣ финляндскихъ дѣлъ. Послѣдніе три года жизни Армфельта были посвящены,—какъ онъ писалъ при самолюбивомъ своемъ характерѣ,—уготовленію блага Финляндіи и низверженію «корсиканца .

Армфельтъ прибылъ, предшествуемый молвой, что онъ будетъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Его жизнь, полная превратностей, давала нѣкоторымъ поводъ предполагать въ немъ опытность въ государственныхъ дѣлахъ, какую имѣли немногіе современники. Во всякомъ случаѣ, у него былъ навыкъ непринужденно вращаться въ самыхъ большихъ высотахъ общества, среди монарховъ и ихъ приближенныхъ. 17-го мая мы находимъ

Армфельта въ Петербургѣ, а 19-го онъ былъ приглашенъ къ императорскому столу. Первый разговоръ съ императоромъ состоялся послѣ обѣда.

Армфельтъ писалъ о немъ женѣ 20 мая 1811 г. «Моя аудіенція продолжалась $1^1/_3$ часа, и нельзя болѣе чѣмъ я радоваться бесѣдѣ съ монархомъ, быть довольнѣе этимъ самодержцемъ милліоновъ. Его образъ мыслей о благѣ Финляндіи таковъ, что эта страна должна быть счастлива, если забіяки (grälmakare) не помѣшаютъ ея благополучію.

Я по его волѣ долженъ буду проводить зиму въ Петербургѣ, въ качествѣ перваго человѣка этой страны, который такимъ образомъ можетъ имѣть болѣе легкій доступъ къ особѣ императора.

Во время послѣдовавшаго тогда достопамятнаго разговора, Александръ I между прочимъ сказалъ: «Тамъ, гдѣ найдется возможность сдѣлать перемѣну въ моемъ государствѣ, вы узнаете мои воззрѣнія на этотъ счетъ. Я непремѣнно хочу присоединить старую Финляндію къ новой, и дать ей ту-же самую конституцію и тѣ-же формы свободы, какъ и у васъ».

«Ты хорошо поймешь, значится въ письмѣ Армфельта къ его женѣ, что засимъ нетрудно поддерживать свои права и оставаться на своемъ мѣстѣ, если, конечно, вести себя умно. Но мы, финны, слишкомъ заражены шведскимъ безразсудствомъ, чтобы опять, хотя и съ меньшей силой, не работать надъ нашимъ паденіемъ».

Съ этого дня будущее поприще Армфельта было опредѣлено, и между нимъ и Александромъ, казалось, завязалась дружба, которая не прерывалась до самой смерти.

Финскія дѣла, которыя въ это время словесно обсуждались между Императоромъ и его новымъ совѣтникомъ, касались преимущественно двухъ главныхъ вопросовъ: соединенія Выборгской губерніи съ прочей Финляндіей и преобразованія нѣкоторыхъ частей ея управленія, въ особенности канцеляріи по финскимъ дѣламъ въ Петербургѣ.

Устроившись какъ нельзя лучше въ Россіи, авантюристъ Армфельтъ широко расправилъ крылья и, считая себя единственно умнымъ и достойнымъ совѣтникомъ Государя, сталъ вмѣшиваться во все, куда только поспѣвалъ. Онъ хлопоталъ о самостоятельности Польши преимущественно въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть оправданіе для исключительнаго положенія Финляндіи; въ союзѣ съ недостойными представителями нашей полиціи, онъ подкапывался подъ положеніе Сперанскаго за то, между прочимъ, что тотъ мало радѣлъ о благѣ Финляндіи и дерзалъ смотрѣть на дѣла

этого края, «какъ на мелкія, побочныя и второстепенныя дѣла» («som en liten bisak»); Армфельту Россія многимъ обязана за насажденія того финляндскаго сепаратизма, который въ наши дни даетъ уже обильные плоды; Армфельтъ, наконецъ, настолько игнорировалъ русское правительство, что началъ отъ своего имени переговоры со Швеціей, помимо нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Тонкій льстецъ Армфельтъ подмѣтилъ юношескія увлеченія и слабости Императора Александра и сталъ эксплоатировать ихъ, предвидя, какъ онъ самъ писалъ, что «либеральныя реформы, предпринятыя Александромъ въ Россіи — предвѣстники гибели колосса» [349]).

Гр. Фабіанъ или Ѳаддей Ѳеодоровичъ Штейнгель,—если не считать Спренгтпорена и Барклая-де-Толли, которые состояли въ должности финляндскаго генералъ-губернатора лишь по нѣсколько мѣсяцевъ каждый,—является первымъ начальникомъ края, по его присоединеніи къ Россіи.

Штейнгель былъ человѣкъ со слабымъ характеромъ и безъ особыхъ административныхъ способностей. Онъ родился въ Эстляндской губерніи 3-го — 14 октября 1762 г. Во время шведской войны 1788—1790 г. ему впервые пришлось ознакомиться съ Финляндіей; затѣмъ, въ теченіе 1791 и 1792 гг., когда знаменитому Суворову поручено было укрѣпить пограничную линію между старой и новой (шведской) Финляндіей, Штейнгель состоялъ при немъ и, вѣроятно, не разъ побывалъ въ Фридрихсгамѣ, Вильманстрандѣ, Давидстадѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ производились фортификаціонныя работы. Подъ руководствомъ Штейнгеля была составлена карта русской части Финляндіи въ 1797 г. Затѣмъ мы видимъ Штейнгеля участникомъ многихъ сраженій; а въ 1807 г. его храбрость была отмѣчена орденомъ Св. Георгія 3-й степени. Во время войны 1808—1809 г. Штейнгель вновь былъ посланъ въ Финляндію, гдѣ, уже въ чинѣ генералъ - лейтенанта, состоялъ начальникомъ части войскъ и флота, оперировавшихъ на Аландскихъ островахъ. 7 февраля 1810 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и предсѣдателемъ правительственнаго совѣта края. Въ 1812 г. онъ былъ пожалованъ «финскимъ графскимъ» званіемъ.

Армфельтъ, характеризуя разныхъ администраторовъ своего времени, писалъ: «Генералъ-губернаторъ Штейнгель пріобрѣлъ

общую любовь и озабоченъ единственно добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей». «Генералъ-губернаторомъ я необыкновенно доволенъ, — сообщалъ Армфельтъ Аминову въ маѣ 1810 г.,— онъ открылъ мнѣ свое сердце, но было-бы долго входить въ подробности. Онъ ненавидитъ и боится Эмина; онъ не вполнѣ довѣряетъ доброжелательству Сперанскаго по отношенію къ Финляндіи, приписывая все добротѣ Государя».

Когда вскорѣ по пріѣздѣ Армфельта въ Петербургъ, заговорили о его кандидатурѣ на постъ начальника края, онъ, заявляя, что это назначеніе явилось-бы для него «величайшимъ несчастіемъ», прибавляетъ: «Кромѣ того, генералъ-губернаторъ, котораго мы имѣемъ, для Финляндіи безцѣненъ, и никогда не можетъ быть достойно замѣненъ». Отъ принятія должности генералъ-губернатора Г. М. Армфельта очень предусмотрительно предостерегалъ его другъ и тонкій дипломатъ Эренстремъ, опасаясь, что, находясь вдали отъ Петербурга, не будетъ знать, что дѣлается во дворцѣ и въ министерствахъ. Въ свою очередь Армфельтъ, присмотрѣвшись, какими средствами въ русской столицѣ добывается успѣхъ, предлагалъ Аминову, при встрѣчѣ «съ финской вѣжливостью» и «русскими крючками», не обращать на все это вниманія и идти по своему пути прямо впередъ—voila tout le secret. Въ концѣ-же 1810 г. въ письмѣ Армфельта выражено не совсѣмъ понятное его желаніе. «Никакой службы и никакого начальства въ Финляндіи я не принимаю,— еслибъ даже это было полезно какъ для меня, такъ и для края,—но если въ Россіи произойдетъ какое-нибудь распоряженіе и ихъ политика потребуетъ большаго сконцентрированія ихъ власти, когда Финляндія, само собою разумѣется, сдѣлалась-бы на время самостоятельной, тогда я согласился бы сдѣлаться Président du Congrès» [350]).

«Доброжелательный и преданный Финляндіи Штейнгель, — по заявленію молодого историка Кастрена, — какъ чужестранецъ, не могъ вникнуть во всѣ новыя дѣла, съ которыми пришлось встрѣтиться, а также не въ состояніи былъ понять тѣ стремленія, которыя сила самосохраненія диктовала финскому народу. По крайней мѣрѣ въ началѣ его службы не обходилось безъ затрудненій, хотя гр. Штейнгель отнюдь не дѣлалъ себя органомъ какой либо исключительно русской политики въ Финляндіи».

Затрудненія происходили прежде всего отъ непонятной робости и зависимости дѣйствій Штейнгеля.

Штейнгель своимъ «незнаніемъ правовѣдѣнія» и малымъ пониманіемъ русскихъ интересовъ дважды посодѣйствовалъ увеличе-

нію власти финляндскаго совѣта: въ первый разъ, когда вырабатывалась инструкція генералъ-губернатору, и второй—когда предложилъ войти съ ходатайствомъ о предоставленіи правительственному совѣту права окончательнаго рѣшенія всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, «не касающихся до лишенія жизни подсудимыхъ», и замѣщенія разныхъ вакансій, исключая мѣстъ гг. членовъ совѣта и ландсгевдинговъ (т. е. губернаторовъ)» [351]).

Почти всѣ извѣстные намъ факты изъ службы Штейнгеля въ Финляндіи распадаются на двѣ категоріи: или они показываютъ, насколько его опекали финляндцы, или-же свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ, при всей своей снисходительности, не въ состояніи былъ поладить съ ними, въ виду ихъ неумѣренныхъ домогательствъ, и подавалъ просьбы объ отставкѣ.

Во время войны 1808—1809 г. переписка по дѣламъ Финляндіи направлялась въ министерство иностранныхъ дѣлъ, изъ котораго докладывалась товарищемъ министра, графомъ Салтыковымъ. Такой порядокъ существовалъ не долго, примѣрно, съ февраля до конца 1808 г.

31-го мая—12 іюня 1808 г. Спренгтпортенъ, въ письмѣ къ графу Румянцеву, указалъ русскому правительству на тотъ дурной тонъ, который начался среди жителей завоеванной Финляндіи и дальнѣйшее распространеніе котораго въ народѣ, извѣстномъ своимъ своенравіемъ, являлось нежелательнымъ. Сдѣлавъ оговорку о незнаніи имъ, откуда правительствомъ получались свѣдѣнія, требуемыя по дѣламъ Финляндіи, онъ счелъ своимъ долгомъ сказать, что допущены нѣкоторыя слишкомъ легкомысленныя распоряженія, которыми недоброжелательство легко можетъ воспользоваться. Къ числу неудачныхъ мѣропріятій онъ отнесъ взысканіе казенныхъ недоимокъ за 1807 г., строгое распоряженіе относительно бостелей и т. п. Средствомъ исправленія накопившихся недочетовъ Спренгтпортенъ по прежнему считалъ выслушаніе голоса земскихъ чиновъ, хотя въ данное время онъ очень ограничивалъ ихъ содѣйствіе правительству. «Созывъ сейма,—говоритъ онъ,—вѣрьте мнѣ, единственная мѣра, которая можетъ успокоить умы и вернуть довѣріе; я ручаюсь за покорность, вѣрность и преданность финскаго народа, ибо онъ любитъ своего монарха, привязанъ къ его личности, и соединеніе его съ Россіей въ основѣ составляетъ тайное желаніе каждаго просвѣщеннаго индивида. Слѣдуетъ

только уничтожить предразсудки, которые еще господствуютъ въ низшихъ слояхъ народа, и предразсудки исчезнутъ, когда онъ увидитъ, что заботятся о его благосостояніи съ серьезнымъ намѣреніемъ улучшить его».—«Для этой цѣли»,—говорится далѣе,—«было-бы, вѣроятно, очень полезно учредить здѣсь, въ Петербургѣ, комитетъ изъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей, которые занялись-бы этимъ подъ присмотромъ Его Величества и его министровъ. Въ комитетѣ все, что относится къ Финляндіи, могло-бы обсуждаться открыто и лойяльно, безъ темныхъ и случайныхъ поясненій, которыя представляются тѣмъ болѣе опасными и вводящими въ заблужденіе, что секретно обыкновенно проводятся не лучшія намѣренія; честные люди выступаютъ открыто и не боятся ни чьихъ разслѣдованій».

Но какимъ образомъ слѣдовало организовать этотъ комитетъ, кого надлежало, по его мнѣнію, назначить его членами и т. п.— эти вопросы оставлены Спренгтпортеномъ открытыми [352]), и потому, вѣроятно, предложеніе его прошло незамѣченнымъ. За Спренгтпортеномъ остается только пріоритетъ идеи комиссіи финляндскихъ дѣлъ.

Изъ письма Сперанскаго къ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, отъ 28-го декабря 1808 г., мы узнаемъ, что Государь Императоръ, вручивъ статсъ-секретарю Сперанскому всѣ бумаги, относящіяся до внутренняго управленія Финляндіи, Высочайше повелѣлъ ему имѣть по дѣламъ сего управленія сношенія съ министерствами и докладывать Его Величеству. Такой порядокъ докладовъ продолжался до ноября 1811 г. Помощникомъ Сперанскаго состоялъ Р. Ребиндеръ. Мысль о необходимости измѣненія его возникла исподволь и была подсказана Сперанскому тѣми условіями, въ которыхъ онъ тогда находился.

Во время работъ боргоскаго сейма, когда разсматривался проектъ правительственнаго совѣта, возникъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ финляндскія дѣла должны восходить на рѣшеніе Государя. Членъ сеймовой комиссіи Ребиндеръ настаивалъ на томъ, чтобы въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ для тѣхъ финляндскихъ дѣлъ, которыя представляются Монарху. Предложеніе дѣлалось Ребиндеромъ отъ имени Сперанскаго. Предсѣдатель сеймовой комиссіи Тенгстрёмъ и членъ ея Маннергеймъ были такъ озадачены, что не смѣли (nous n'avons pas osé) даже разсуждать о подобномъ комитетѣ, не имѣя на то Высочайшаго разрѣшенія. Тенгстремъ находилъ, что подобный вопросъ можетъ

Генералъ-Маіоръ
Яковъ Петровичъ Кульневъ.

Князь
Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

быть разрѣшенъ администраціей безъ совѣтовъ со стороны финляндцевъ. «Отъ усмотрѣнія Вашего Величества—писалъ онъ—будетъ безъ сомнѣнія зависѣть приказать двоимъ-троимъ изъ просвѣщенныхъ и честныхъ гражданъ пріѣхать въ Петербургъ, дабы подавать мнѣнія о благѣ и выгодахъ ихъ отечества; для нихъ не потребуется никакой другой инструкціи, кромѣ патріотизма и привязанности къ Монарху, столь достойному непоколебимой любви и преданности всѣхъ его подданныхъ». Маннергеймъ разсуждалъ иначе. «Въ настоящее время,—сообщалъ онъ Сперанскому 12-го—24 апрѣля,—комитетъ, о которомъ идетъ рѣчь, не принесетъ никакой видимой пользы. Пока мы имѣемъ счастіе видѣть ваше превосходительство во главѣ финляндскихъ дѣлъ, намъ ничего не остается болѣе желать. Общее уваженіе, столь извѣстный характеръ вашего превосходительства, гарантируютъ намъ въ вашей особѣ поддержку нашихъ правъ, нашего счастія. Нынѣшній помощникъ в. пр-ва (Ребиндеръ), исполненный чести и честности, заслуживаетъ также всего нашего довѣрія. Зачѣмъ-же новый совѣтъ, который, по моему мнѣнію, поведетъ лишь къ проволочкѣ дѣлъ и времени, и который можетъ быть дастъ лишь новые виды честолюбію и интригѣ иныхъ изъ нашихъ соотечественниковъ (вѣроятно здѣсь подразумѣвался Спренгтпортенъ или даже Іегергорнъ и Ладо). Часто важныя дѣла идутъ лучше въ рукахъ одного лица, нежели нѣсколькихъ» [353]).

18 октября 1809 г. состоялось учрежденіе комиссіи финляндскихъ дѣлъ. «Желая, чтобы дѣла по управленію новоприсоединенной Финляндіи, на разрѣшеніе Мое поступающія, были разсматривемы и уважаемы на тѣхъ самыхъ основаніяхъ и законахъ, кои странѣ сей свойственны и Нами ей удостовѣрены... признали Мы за благо составить сію комиссію на слѣдующихъ правилахъ». Въ составъ комиссіи вошли д. т. с. баронъ Гейкингъ, т. с. Тейльсъ, д. с. с. Эминъ, с. с. Фрикціусъ, баронъ Ребиндеръ и подполковникъ бывшей шведской службы Іегергорнъ. «Журналы ея (комиссіи) разсужденій» повелѣно было представлять чрезъ статсъ-секретаря, т. с. Сперанскаго [354]). Объ учрежденіи «комиссіи для финляндскихъ дѣлъ» было сообщено правительственному совѣту 20-го іюня 1810 г. Мѣсто, занятое Ребиндеромъ, первоначально предложено было Маннергейму, но онъ отказался.

Затѣмъ происходитъ событіе, которое, надо полагать, не осталось безъ вліянія на новыя мысли о комиссіи, зародившіяся уже въ головахъ главныхъ дѣятелей и связанныя съ желаніемъ финляндцевъ скорѣе и возможно прочно обосноваться въ Петербургѣ.

въ русскую столицу прибыла депутація отъ финскихъ офицеровъ, съ ген.-маіоромъ Аминовымъ во главѣ. Когда финляндцы обсуждали планъ посылки этой депутаціи въ Петербургъ, Армфельтъ, въ письмѣ къ Аминову, совѣтовалъ не упустить случая указать Государю, какимъ образомъ онъ въ состояніи осчастливить Финляндію. «Если-бы Финляндія, поучалъ Армфельтъ, по всѣмъ хозяйственнымъ (ekonomisk) дѣламъ получила независимое законодательство, войско, стоящее къ услугамъ царя въ извѣстныхъ случаяхъ, налоги, которые-бы они опредѣляли сами, какъ (принято) въ государствѣ, если-бы Россія, для своей безопасности, укрѣпилась въ гаваняхъ и другихъ мѣстахъ, а наши дѣти, nota bene, получили-бы право состоять на русской службѣ, то все это увеличило-бы нашу самостоятельность, наше значеніе и нашу силу» [355])...

Проектамъ депутаціи Аминова докладчикъ финляндскихъ дѣлъ Сперанскій не сочувствовалъ и потому не торопился дать имъ дальнѣйшаго движенія. Кромѣ того, Россія переживала тогда періодъ реформъ, и на рукахъ Сперанскаго находилось множество дѣлъ первостепенной важности. Естественно, что финскія дѣла были отодвинуты на задній планъ. «Читая дневникъ Аминова,— говоритъ историкъ Даніельсонъ,—невольно замѣчаешь, какъ слабо было въ то время представительство финскихъ дѣлъ у трона, и какъ мало имѣлось гарантіи того, что русскіе министры не вмѣшаются въ управленіе Финляндіи. Вслѣдствіе того, что докладчикомъ финскихъ дѣлъ все-таки былъ русскій, временами забывалось даже съ финляндской стороны, что внутреннія дѣла нашего края, во всемъ ихъ объемѣ, являлись областью, которая, согласно утвержденнымъ нашимъ законамъ, всецѣло находилась внѣ сферы дѣятельности русскихъ министровъ». Въ этомъ отношеніи прегрѣшилъ также и Аминовъ, обратившійся къ государственному канцлеру графу Н. Румянцеву съ просьбой за содѣйствіемъ по его вопросу. Такимъ образомъ миссія Аминова лишній разъ раскрыла глаза финляндцамъ на необходимость и пользу имѣть въ Петербургѣ особаго своего докладчика и особое свое финляндское учрежденіе.

28 іюня 1810 г. Армфельтъ получилъ чрезъ графа Румянцева разрѣшеніе представить Государю свои замѣчанія о Финляндіи (Trés-humble apperçu sur la Finlande). Послѣ разсужденій о цѣломъ рядѣ разнообразныхъ предметовъ, составитель записки переходитъ къ вопросу объ особомъ «бюро» для Финляндіи. «Съ тѣхъ поръ, какъ Ваше Императорское Величество удо-

стоили лично заняться особенно тѣмъ, чтобы возвратить покой и благоденствіе народу, уничтоженному всѣми бѣдствіями, которыя лишили его даже надежды на возможность политическаго существованія, въ качествѣ націи, величайшимъ счастіемъ этого народа было видѣть господина Сперанскаго исполнителемъ воли новаго Монарха. Такъ какъ дарованія и либеральные принципы этого статсъ-секретаря имперіи извѣстны и соотвѣтствуютъ великимъ и гуманнымъ планамъ Императора Александра I для общаго блага, то остается желать только одного: зная, насколько обремененъ этотъ министръ, нужно пожелать, чтобы при немъ учреждено было особое бюро для дѣлъ Финляндіи (un Bureau particulier pour les affaires de la Finlande); нужно, чтобы начальникъ этого кабинета былъ человѣкомъ вполнѣ честнымъ, способнымъ и трудолюбивымъ, и чтобы подчиненные его избирались изъ среды финской молодежи, изъ самыхъ выдающихся поведеніемъ и способностями подданныхъ. Въ такомъ случаѣ, всѣ дѣла не только приняли-бы болѣе скорое теченіе, но незамѣтно и постепенно можно было-бы образовать людей, способныхъ занимать административныя мѣста, приспособляя ихъ къ нравамъ и обычаямъ остальной имперіи»...

Составитель «записки», указавъ на то, что его убѣжденія и желанія безпристрастны и патріотичны, заканчиваетъ ее выраженіемъ пожеланія присоединить свои «молитвы и благословенія къ таковымъ-же моихъ соотечественниковъ, чтобы воздвигнуть Александру I нерушимый памятникъ благодарности и славы, какъ первому гражданину свободнаго, но подчиненнаго народа, тогда какъ вполнѣ было въ его власти стать тираномъ и ужасомъ подданныхъ».

11 февраля 1811 г. Сперанскій представилъ Государю отчетъ о финляндскихъ дѣлахъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, что «комиссія финляндскихъ дѣлъ едва успѣваетъ пересматривать дѣла уголовныя и заниматься собираніемъ свѣдѣній къ образованію Старой Финляндіи. Чтобы установить правленіе сіе на твердыхъ началахъ, къ сему необходимо нужно: 1) Избрать чиновника высшаго разряда и подъ именемъ-ли статсъ-секретаря или канцлера юстиціи ввѣрить ему управленіе сихъ дѣлъ. Онъ-же долженъ быть и канцлеромъ университета. 2) При немъ должна быть комиссія, составленная изъ двухъ членовъ финляндскихъ и изъ двухъ здѣшнихъ, съ потребнымъ числомъ канцелярскихъ чиновъ. 3) Обязанностью сего статсъ-секретаря должно быть держать переписку съ генералъ-губернаторомъ и совѣтомъ, надзирать за общимъ

теченіемъ дѣлъ, представлять ихъ на Высочайшее рѣшеніе, а паче всего знать людей, содержать между ними и правительствомъ нужную связь, являть имъ доброхотство и привѣтливость и привлекать ихъ привязанность не только безпристрастіемъ и правотою въ дѣлахъ, но и нѣкоторою удобностью въ нравѣ, въ образѣ жизни и гостепріимствомъ».

Это заявленіе Сперанскаго содержало въ себѣ первый набросокъ инструкціи будущей комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, который надлежало обсудить весной 1811 г., при посѣщеніи Армфельтомъ Петербурга. Второй и пожалуй нѣсколько болѣе подробный докладъ объ организаціи комиссіи изложенъ былъ Армфельтомъ и помѣченъ 30 мая 1811 года. Членами комиссіи онъ предлагалъ назначать исключительно финляндцевъ, въ числѣ четырехъ, а въ случаѣ присоединенія къ Финляндіи Выборгской губерніи, число ихъ надлежало увеличить двумя. Члены должны назначаться Императоромъ на неопредѣленное время. Всѣ дѣла, поступающія отъ генералъ-губернатора, имѣлось въ виду безъ промедленія пересылать председателю комиссіи. По образцу шведскаго «комитета предварительнаго изготовленія дѣлъ» для ихъ доклада Королю, задача финской комиссіи должна была состоять въ разсмотрѣніи и подготовленіи тѣхъ дѣлъ, которыя, согласно установленіямъ края, подлежали непосредственному разрѣшенію Монарха; при докладѣ статсъ-секретарь являлся совѣтникомъ Императора. Армфельтъ находилъ, что впослѣдствіи, когда хорошо будетъ организованъ правительственный совѣтъ (сенатъ), комиссія по финляндскимъ дѣламъ окажется излишней, такъ какъ она можетъ сдѣлаться опасной въ рукахъ деспота .

Въ комиссію Армфельтъ тянулъ своего друга Аминова, и когда тотъ первоначально отговаривался, то Армфельтъ напомнилъ ему слова Сперанскаго, что если финляндцы будутъ отказываться поступать въ комиссію, то они лишаются права жаловаться, если туда призовутъ иностранцевъ. Армфельтъ обдуманно окружилъ себя испытанными друзьями прежнихъ временъ, которые раздѣляли его воззрѣнія.

Въ то время, когда обсуждался вопросъ о постоянной комиссіи и избирались будущіе ея члены, въ Петербургѣ находился Д. Алопеусъ. Онъ, какъ извѣстно, состоялъ на русской службѣ, ему давались большія и отвѣтственныя порученія, въ предположеніи его нелицемѣрной преданности Россіи, но несомнѣнно, что онъ и тайно и явно работалъ по обоснованію обособленнаго положенія своей родины — Финляндіи, «оказывая большія услуги своимъ соотече-

ственникамъ». Доказательствомъ тому, пишетъ Даніельсонъ, служатъ записки Аминова, изъ которыхъ видно, что онъ, какъ предсѣдатель офицерской депутаціи, часто совѣтовался съ Алопеусомъ, между прочимъ и тогда, когда все казалось потеряннымъ, вслѣдствіе требованія военнаго министра, чтобъ офицеры, желающіе сохранить за собой прежнее жалованье, поступали на русскую военную службу. И другія обстоятельства показываютъ, что Алопеусъ не сторонился финляндскихъ дѣлъ. Въ письмѣ къ Армфельту отъ 12—24 мая 1811 года I. А. Іегергорнъ, поясняя, какъ слѣдуетъ устроить управленіе Финляндіи и особенно задуманную новую финскую комиссію въ Петербургѣ, говоритъ: «мы еще должны просить, чтобы Его Величество назначилъ членомъ ея господина Алопеуса, дабы въ нее вошло достойное и выдающееся лицо изъ старой Финляндіи, въ предположеніи, что Его Величество желаетъ учредить таковую комиссію и соединить обѣ эти страны» [356]).

Кромѣ Армфельта и Аминова, въ члены комиссіи предложены были Ребиндеръ, Хиспигеръ и Валленъ.

Выработка окончательнаго проекта инструкціи, съ принятіемъ во вниманіе представленныхъ Армфельтомъ замѣчаній, поручена была Сперанскому.

Письмомъ отъ 8—20 сентября 1811 г. Сперанскій извѣстилъ Армфельта, что Императоръ соизволилъ на утвержденіе его доклада и выражалъ желаніе видѣть его въ Петербургѣ, пока изготовляются назначенія прочихъ членовъ. «Выборъ лицъ, сдѣланный финскимъ совѣтомъ для учрежденія подготовительной комиссіи, былъ пріятенъ Его Величеству, и чувство справедливости, которое Государь всегда оказывалъ за заслугу тѣхъ лицъ, которыя назначены для этой комиссіи, увеличивается еще болѣе проявленной ими живою преданностью. Его Величество поручилъ мнѣ выразить свое монаршее благоволѣніе, особенно генералу Аминову. Послѣ того, какъ все, что касается персонала этой комиссіи, приведено въ порядокъ, остается только издать для него регламентъ на тѣхъ основаніяхъ, какія были вами предложены, и привести его въ исполненіе».

Армфельтъ поспѣшилъ доложить Императору, что «учрежденіе новой комиссіи и всѣ новыя доказательства отеческой доброты, которыя Ваше Императорское Величество только-что явили Финляндіи, произвели въ такой мѣрѣ сильное впечатлѣніе даже въ Швеціи, что многія лица изъ всѣхъ классовъ помышляютъ о переѣздѣ и водвореніи въ Финляндіи».

Докладъ объ инструкціи для финской комиссіи былъ послѣднимъ дѣломъ Сперанскаго, въ качествѣ финляндскаго статсъ-се-

кретаря. Передавъ финляндскія дѣла Армфельту и Ребиндеру, онъ старался больше не влiять на нихъ.

Докладъ Армфельта былъ принятъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, и 6 ноября 1811 г. изготовлена была Высочайшая инструкція комиссіи, которою повелѣвалось, чтобы «дѣла, касающіяся финляндскаго управленія и поступающія на утвержденіе Государя, разсматривались и разрѣшались соотвѣтственно съ законами и учрежденіями страны, утвержденными Императоромъ». Согласно инструкціи 1811 г. комиссія не получила никакой рѣшающей власти.

Затѣмъ, комиссію финляндскихъ дѣлъ признано было нужнымъ составить изъ чиновниковъ великаго княжества Финляндскаго. Приказано было «употреблять впредь до времени шведскій языкъ, но переводить тотчасъ же на русскій языкъ». Высочайшія повелѣнія составлялись по-русски и переводились на шведскій языкъ. Всѣ Высочайшія повелѣнія сенату и генералъ-губенатору надлежало объявлять не иначе, какъ черезъ комиссію. Армфельтъ поспѣшилъ написать Шернвалю 26 ноября 1811 г.: «я доженъ также предупредить, что никакое финское дѣло не должно быть представляемо Императору помимо комиссіи; если-бы случилось иначе, то Его Императорское Величество тотчасъ же съ фельдъегеремъ высылаетъ бумаги ко мнѣ. Сперанскій, съ которымъ я вполнѣ въ добромъ согласіи, знаетъ это и никогда не говоритъ съ Императоромъ ни о чемъ, касающемся Финляндіи, не выслушавъ сперва моего мнѣнія». Основываясь на семъ, генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель не разъ отвѣчалъ, что не можетъ объявить сенату Высочайшаго повелѣнія, такъ какъ оно послѣдовало не чрезъ комиссію.

Вскорѣ къ Армфельту привезли «четыре воза» дѣлъ, которыя были «потоплены» у Сперанскаго. Стали приводить въ порядокъ заброшенную переписку. Нѣкоторые акты пропали; дѣла, значившіяся въ спискахъ правительственнаго совѣта, не могли быть отысканы.

Первое засѣданіе комиссіи состоялось 29 ноября 1811 года, а протоколъ утвержденъ 22 декабря. Въ томъ же декабрѣ штатъ комиссіи былъ увеличенъ назначеніемъ д. с. с. Розенкампфа.

Первоначальный мотивъ, котораго держался Армфельтъ, добиваясь комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, выраженъ имъ въ письмѣ къ Аминову: «Пока мы не будемъ имѣть нашей собственной канцеляріи и пока наши дѣла идутъ въ очередь съ дѣлами прочихъ русскихъ провинцій, до тѣхъ поръ учрежденія Финляндіи, отличныя отъ прочихъ русскихъ учрежденій, будутъ парализованы».

Учрежденіе финской комиссіи было, такимъ образомъ, важнымъ шагомъ къ признанію отдѣльнаго положенія Финляндіи въ составѣ русской монархіи. Идея Армфельта восторжествовала, и отдѣленіе началось. Сперанскій и Армфельтъ одинаково носились съ мыслью объ учрежденіи особой финляндской канцеляріи; разница заключалась лишь въ томъ, что Сперанскій «считалъ необходимымъ, чтобы русскій государственный секретарь, каковую должность онъ самъ занималъ, по прежнему руководилъ докладываніемъ финляндскихъ дѣлъ монарху», и чтобы проектируемая канцелярія наполовину состояла изъ русскихъ и финновъ; Армфельтъ же держался того мнѣнія, чтобы подчиненные «начальника кабинета» избирались изъ среды финской молодежи. Въ этомъ важномъ пунктѣ,—писалъ финляндскій историкъ [357]),—какъ и въ другихъ пунктахъ, Армфельту удалось провести болѣе патріотическій взглядъ (mera fosterländsk uppfattning), и этому обстоятельству мѣстные писатели придаютъ и не безъ основанія чрезвычайно важное значеніе. «Учрежденіе комиссіи по финляндскимъ дѣламъ,—пишетъ, напр., Эдв. Бергъ,—было безъ сомнѣнія тогда и полезно и необходимо, въ особенности для того, чтобы снести съ дороги основанный въ октябрѣ 1809 г. финляндскій комитетъ, большинство членовъ котораго были русскіе».

Планы о комиссіи финляндскихъ дѣлъ поведены были Армфельтомъ столь искусно, что на наемъ ей дома въ Петербургѣ изъ нашего государственнаго казначейства производилась ежегодно выдача въ размѣрѣ 6.000 р.—Только въ 1819 г. наемъ дома комиссіи повелѣно было оплачивать изъ финляндскихъ суммъ [358]).

Съ самаго начала предсѣдатель комиссіи поставилъ свои дѣла на широкую ногу. «Мое назначеніе,—писалъ онъ,—не въ томъ состоитъ, чтобы сидѣть здѣсь и заниматься пустяками: я долженъ дать администраціи вѣрный ходъ и предоставить средства на устройство всего». Текущихъ дѣлъ онъ не считалъ своею главною задачею, дабы имѣть возможность сосредоточить надлежащее вниманіе на организаціонныхъ и конституціонныхъ вопросахъ. Изъ Армфельта создался верховный рѣшитель дѣлъ края.

«Искренняя привязанность Императора къ Финляндіи, писалъ онъ, не подлежитъ сомнѣнію. Я имѣю много доказательствъ тому, что ни политики, ни притворства здѣсь нѣтъ и слѣда; и если не исполняется все то хорошее, что могло бы быть сдѣлано, то это слѣдуетъ приписать нашему мизернѣйшему общественному настроенію (esprit public), нашему плохому составу правительственнаго совѣта и тѣмъ тайнымъ, но сильнымъ козням, которыя

здѣсь дѣйствуютъ противъ насъ. Я, конечно, не отступаю передъ этими многоголовыми чудовищами (monstres à plusieurs têtes), пока не увижу, что ничего не могу подѣлать. Тогда близость Омиине (имѣнія Армфельта) явится маленькимъ хорошимъ отступленіемъ. Множество главнѣйшихъ принциповъ, также какъ и способы работъ уже установлены съ Императоромъ, et c'est toujours beaucoup. Хорошее начало положено врачебной организаціи, и будь тѣ, что составляютъ теперь collegium medicum, хорошіе ребята, то эта часть представитъ много улучшеній. Дѣло съ банкомъ тоже начато, и я надѣюсь получить отъ Императора заемъ въ полтора милліона кред. рублей, съ тѣмъ, чтобы обмѣнять шведскую монету. Судебная часть разрабатывается, такъ же какъ и постановленія о постоѣ [359]). Проектъ послѣдняго такъ плохъ, что его писалъ, вѣроятно, генералъ-губернаторскій лакей. Является преступленіемъ допустить, что членъ совѣта, не стоящій на запяткахъ, былъ способенъ имѣть такое малое понятіе о томъ, что онъ предлагаетъ».

Эта выписка свидѣтельствуетъ о той спѣшности и реформаторскомъ жарѣ, съ которыми Армфельтъ проводилъ въ жизнь задуманныя преобразованія; вмѣстѣ съ тѣмъ она показываетъ его неудовольствіе на первѣйшихъ чиновниковъ Финляндіи. Формализмъ и медленность правительственнаго совѣта были невыносимы для его страстнаго и горячаго нрава. Самъ непривычный къ административнымъ формамъ, онъ часто съ нетерпѣніемъ видѣлъ, что онѣ были препятствіемъ на пути спѣшнаго введенія установленій и реформъ, въ полезности которыхъ онъ былъ убѣжденъ.

Въ концѣ октября 1811 г. Армфельтъ передалъ Императору пространное «Aperçu de la situation actuelle de la Finlande sous des rapports civils et économiques», трактовавшее частію дѣла экономическія, частью организаціонные вопросы. Хлѣбные магазины слѣдовало бы учредить въ губерніяхъ подъ надзоромъ губернаторовъ, читаемъ въ этомъ «Aperçu». Насчетъ торговли въ Финляндіи выражаются большія надежды: ея торговый флотъ и ея способные моряки должны занять мѣсто Англіи во фрахтахъ для Россіи. Гельсингфорсъ долженъ бы сдѣлаться значительнымъ портомъ для транзитной торговли и пр.

Поразительнымъ является то множество узаконеній и мѣръ, которыя затѣмъ воспослѣдовали въ теченіе перваго года дѣятельности Армфельта, въ качествѣ предсѣдателя финской комиссіи.

Своимъ горячимъ участіемъ въ работѣ и огромнымъ личнымъ вліяніемъ у Императора, Армфельтъ, несомнѣнно, наложилъ свою индивидуальную печать на многія мѣры, которыя тогда предпри-

нимались. Въ февралѣ 1812 г. состоялся сенатскій указъ по Имперіи, съ предложеніемъ сноситься съ Финляндіей не иначе, какъ чрезъ предсѣдателя финляндской комиссіи, генерала барона Армфельта (П. С. Зак., № 24994). Черезъ недѣлю появился именной указъ Министру Юстиціи о передачѣ изъ Сената Имперіи и Юстицъ-Коллегіи неоконченныхъ финляндскихъ дѣлъ во вновь учрежденную комиссію (П. С. Зак., № 25000). Разными мѣрами, которыми, по мнѣнію финляндскихъ писателей, Армфельтъ закладывалъ краеугольные камни «государственнаго строя Финляндіи», переносился въ то же время центръ тяжести внутренняго управленія края изъ Або въ Петербургъ и отодвигался на задній планъ генералъ-губернаторъ и правительственный совѣтъ [360]).

Армфельтъ вмѣшивался во все, стягивалъ въ комиссію всевозможныя дѣла, вершалъ все, сообразно своимъ желаніямъ и вкусамъ. Протоколъ финляндской комиссіи (№ 3, марта 23, 1812 г.) показываетъ, что она сочла себя въ правѣ приступить даже къ разбирательству такого прошенія, которое заключало въ себѣ жалобу, принесенную на рѣшеніе правительственнаго совѣта, данное Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Имепемъ. Разсмотрѣвъ дѣло, комиссія «мнѣніемъ положила: возвратить оное прошеніе просителю съ надписью чрезъ статсъ-секретаря». Другую жалобу на правительственный совѣтъ поручено было разсмотрѣть комиссіи, учрежденной для разбора дѣлъ Выборгской губерніи.

Помимо комиссіи финляндскихъ дѣлъ, которая становилась центромъ управленія Финляндіи, въ русской столицѣ очень рано образовалась маленькая, но вліятельная финляндская колонія.

Средоточіемъ ея являлся домъ молодого Ребиндера, а главными дѣятелями — Спренгтпортенъ, Іегергорнъ (Jägerhorn), Ладо и др. Не малое содѣйствіе колоніи оказалъ также и Алопеусъ, уроженецъ Выборгской губерніи, бывшій нашъ посланникъ при стокгольмскомъ дворѣ. Наконецъ, горячее участіе во всѣхъ финляндскихъ дѣлахъ всегда принимало шведское посольство при русскомъ дворѣ, съ барономъ К. фонъ-Стедингкомъ во главѣ. Оно снабжало финляндцевъ добрыми совѣтами и практическими указаніями и продолжало смотрѣть на нихъ, какъ на бывшихъ сотоварищей по оружію и относиться къ нимъ такъ, какъ будто у нихъ имѣлось еще «общее отечество». Весной 1813 г. въ Петербургѣ образовался еще «секретный комитетъ» (comité secret) изъ жившихъ тамъ финляндцевъ, поставившихъ себѣ задачей доводить до свѣдѣнія Императора о необходимыхъ реформахъ финляндскаго управленія, въ смыслѣ приближенія его къ «la mère patrie». Его

членами были все тѣ-же Ладо, Спренгтпортенъ, Іегергорнъ и еще одинъ, имя котораго Армфельтъ изъ отвращенія отказался назвать. «Comité secret» никакой дѣятельности не проявлялъ, и Армфельтъ очевидно преувеличивалъ его значеніе, восклицая: «все это очень печально, такъ какъ дастъ нашему доброму Монарху не особенно лестное мнѣніе о духѣ нашей націи .

Комиссія по финляндскимъ дѣламъ уже окрѣпла, а Армфельтъ настолько освоился съ положеніемъ министра Россіи, что соперничать съ нимъ, какъ колоніи, такъ и comité secret было трудно, хотя недовольство своевольной комиссіей сильно возростало. Аминовъ подчасъ рѣзко осмѣивалъ несообразности и ошибки комиссіи [361]; правительственный совѣтъ негодовалъ на измѣненія его рѣшеній, и члены совѣта нерѣдко ссорились съ членами комиссіи [362]; добродушный и преданный Финляндіи генералъ-губернаторъ Штейнгель сердился и пререкался съ комиссіей. Его обходили даже въ такихъ вопросахъ, какъ назначеніе членовъ правительственнаго совѣта. «Генералъ-губернаторъ былъ здѣсь, въ Петербургѣ, 14 дней, писалъ Р. Ребиндеръ 12 мая 1812 г. Онъ прибылъ сюда разгнѣванный комиссіей и считалъ себя лично униженнымъ каждой исходящей отправкой (expedition) отсюда. Онъ откровенно высказалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ учреждена комиссія, въ Финляндіи не было спокойной минуты, и что всевозможныя несчастія были послѣдствіемъ этого адскаго (infernala) учрежденія. Le compliment n'était pas trop flatteux, но мы себя утѣшали тѣмъ, что онъ исходилъ отъ стараго добраго Штейнгеля». «Если генералъ-губернаторъ говорилъ въ такомъ тонѣ, то можно судить о духѣ, господствовавшемъ въ краѣ. Онъ распространилъ это неудовольствіе и оно ежедневно доходитъ до слуха Государя, и это въ ту минуту, когда онъ подавленъ заботами и дѣлами, и когда онъ идетъ на борьбу за дѣло человѣчества» [363]. Далѣе у того же Ребиндера читаемъ: «Генералъ-губернаторъ уѣхалъ отсюда повидимому довольный нашими объясненіями. Я его увѣрилъ, что мы, конечно, можемъ быть разныхъ мнѣній съ нимъ, но что намъ необходимо слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, какъ и онъ своимъ. Что я совершенно добросовѣстно повторялъ мнѣнія всѣхъ Государю, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать всѣ письменныя такъ-называемыя resumé, которыя сохраняются въ нашемъ архивѣ... Во всѣхъ дѣлахъ мы старались выслушивать правительственный совѣтъ и генералъ-губернатора и во многихъ случаяхъ ихъ заключенія бывали одобрены. И не смотря на то, говорятъ, что мы желаемъ унизить того и другого» [364].

Штейнгель, обиженный, что слѣдствіе по дѣлу о провозѣ изъ Ловизы въ С.-Петербургъ 90-ти возовъ сахара поручено было особо присланному чиновнику, просилъ объ увольненіи отъ должности. Просьба съ его объясненіями была Сперанскимъ доложена Государю. Монархъ не только не уволилъ, но особымъ рескриптомъ 26 октября 1811 г. выразилъ ему свое Высочайшее довѣріе.

Мѣсяцъ спустя послѣ открытія комиссіи, Штейнгель хотѣлъ оставить свое мѣсто, оскорбленный тѣмъ, что въ члены правительственнаго совѣта было назначено лицо, котораго онъ вовсе не представлялъ. Армфельтъ и Ребиндеръ дѣлали все, чтобы уладить недоразумѣніе. Армфельтъ передалъ, что у русскаго правительства,—которое, кажется, не было благосклонно къ генералъ-губернатору,—онъ «давалъ цѣлыя сраженія за его счетъ»; онъ хотѣлъ продолжать у Государя поддерживать Штейнгеля, — не смотря на его неудовольствіе и мнительность, — «какъ человѣка, который ему угождаетъ». Армфельтъ писалъ братьямъ Шерњвалямъ зимой 1811 — 1812 г.: «На генералъ-губернатора злы оба, — и Сперанскій, и военный министръ,—если я не ошибаюсь, оба его тайные враги. Они говорятъ о его слабости и о томъ, что, при всей его честности, онъ находится въ рукахъ жены и секретаря. Еслибы такъ оно и было, то намъ, финнамъ, нечего еще на это жаловаться, и я, въ одной изъ своихъ промеморій о Финляндіи, писалъ Императору: «Расположеніе и справедливость его къ финнамъ похожи на тѣ чувства, которыя мы предполагаемъ въ сердцѣ нашего добраго Монарха относительно насъ и потому самое искреннее наше желаніе подольше сохранить этого представителя нашего Государя». «Я увѣренъ, что это произвело эффектъ», прибавляетъ самодовольно Армфельтъ.

Ребиндеръ прилежно корреспондировалъ изъ Петербурга со своими друзьями въ Финляндіи. Въ обширномъ письмѣ (въ январѣ 1812 г.) онъ сообщилъ Маннергейму о той-же злобѣ дня, что «доброжелательный и преданный Финляндіи» графъ Штейнгель грозитъ отставкой, вслѣдствіи того, что Гартманъ назначенъ членомъ сената. «Если бы генералъ-губернаторъ не былъ извѣстенъ своими благородными воззрѣніями и честнымъ характеромъ, то можно было бы подумать,—пишетъ Ребиндеръ,—что онъ принадлежитъ къ той лигѣ, которая добивается свалить генерала Армфельта и насъ par compagnie. Я лично слишкомъ уважаю его, чтобы допустить подобное подозрѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ сказать, что поведеніе его является страннымъ. Я могу клятвенно увѣрить, что генералъ Армфельтъ во всѣхъ случаяхъ

бралъ сторону Штейнгеля, когда его враги, которыхъ много, желали повредить ему. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ при докладахъ Армфельтъ добивался внушить (inspirera) Государю довѣріе къ своему генералъ-губернатору. Однимъ словомъ, — безъ того, чтобы быть креатурой Армфельта и признавая, что онъ, подобно другимъ людямъ, имѣетъ слабость, — могу сказать, — иначе я былъ бы лжецомъ, — что онъ являлся покровителемъ (protecteur) генералъ-губернатора...

...«Если бы Армфельтъ былъ врагомъ генералъ-губернатора, то представлялся прекраснѣйшій случай удалить его. Но это не такъ. Армфельтъ, такъ же, какъ и мы всѣ другіе, искренно желаетъ, чтобы страна могла дольше сохранить управителя, который заслужилъ любовь и признательность»... Послѣ этого въ письмѣ дается совѣтъ—порученіе Маннергейму побывать у Штейнгеля и увѣрить его: 1) что Армфельтъ всегда былъ и останется его другомъ; 2) что назначеніе Гартмана состоялось съ добрымъ намѣреніемъ и что Государь самъ остановился на его выборѣ; 3) что въ настоящемъ недоразумѣніи Армфельтъ всегда будетъ оправданъ и страна можетъ лишиться любимаго генералъ-губернатора, и что Штейнгель самъ удалитъ себя съ поста, на которомъ онъ въ состояніи принести много пользы. Короче, все сводится къ тому, чтобы убѣдить Штейнгеля взять обратно свое прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ благополучіе страны сопряжено съ его удержаніемъ. Противъ худшихъ враговъ намъ приходится сражаться, чѣмъ онъ, и всетаки надѣемся отстоять себя, доколѣ Богу это угодно».

Маннергейму, видимо, удалось исполнить данное ему порученіе, такъ какъ Ребиндеръ, въ слѣдующемъ письмѣ благодарилъ его и еще разъ увѣрялъ, что никто не намѣренъ содѣйствовать удаленію Штейнгеля изъ Финляндіи.

На этотъ разъ, Ребиндеръ признается, что были допущены такого рода отступленія, которыя могли вызвать «въ старикѣ» (Штейнгелѣ) справедливое неудовольствіе. Съ своей стороны Ребиндеръ спѣшитъ, напр., омыть руки по дѣламъ назначенія Ладо, учрежденія банка, медицинскаго управленія и др. «Мнѣ грустно, но долженъ признать, что и послѣ того нѣкоторыя дѣла проведены были помимо комиссіи и статсъ-секретаря. Объ этомъ свидѣтельствуютъ протоколы комиссіи». Въ видѣ примѣра, Ребиндеръ называетъ дѣла по предоставленію Ладо части имѣнія Расенборга, и по поясненію, данному манифесту 19 марта 1811 г., объединившему Финляндію. Такимъ образомъ, въ этомъ письмѣ

статсъ-секретаря Финляндіи имѣется свидѣтельство очевидца о томъ, что Армфельтъ велъ дѣла совершенно самовластно, не считаясь, даже съ той комиссiей, которая была учреждена по его собственному проекту.

Видимо вся забота предсѣдателя финляндской комиссіи уходила на то, чтобы безраздѣльно направлять дѣла въ новой части Имперіи. Армфельтъ писалъ 15 февраля 1812 г.: «Онъ, Штейнгель, воображаетъ себя опекуномъ Императора, назначеннымъ для того, чтобы ни одно мѣсто не было предоставлено, ни одна милость не оказана безъ его указанія. Все, что честь и долгъ требуютъ, я сдѣлалъ, дабы поддержать старика, у котораго нѣтъ здѣсь никакой опоры. Но если онъ самъ абсолютно желаетъ свалиться, то долго я не могу ему помогать».

Гнѣздомъ недовольныхъ являлось Або. Армфельтъ, зная о нареканіяхъ на него, оправдывался въ своихъ дѣйствіяхъ, ссылаясь на то, что дѣла рѣшалъ не онъ, а самъ Государь. Въ одномъ изъ писемъ Армфельта къ Аминову читаемъ: «Въ Финляндіи всѣ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ думаютъ, что тотъ, кто состоитъ докладчикомъ у Государя, въ состояніи дѣлать, что ему угодно. Славу Богу, что не такъ обстоитъ дѣло; у меня имѣются доказательства,—чернымъ по бѣлому,—что онъ рѣшаетъ по своему... Недавно онъ выслушалъ все съ ангельской добротой, но сдѣлалъ все-таки, какъ ему желательно было, и такъ какъ онъ Государь безъ опеки, то является правымъ, и я долженъ быть освобожденъ отъ нареканій и брани» [365]). Въ то же время Армфельтъ не оставался въ долгу у своихъ цѣнителей и, въ свою очередь, подвергалъ ихъ безпощадной критикѣ. О финляндскихъ дѣятеляхъ онъ былъ вообще невысокаго мнѣнія. Особенно опечаливали его раздоры между финляндскими патріотами. По этому поводу онъ писалъ: «Маленькія общества существуютъ единствомъ, когда ихъ не затопляютъ революціями; когда же они сами себя раздираютъ, то требуется лишь одно дуновеніе, чтобы лишить ихъ всякаго подобія государства. Но какъ достичь того, чтобы бѣшенныя собаки кусались съ разборомъ»?—Говорятъ, что комитетъ капризенъ и неснисходителенъ. Можетъ быть это отчасти и правда, но за то онъ не мѣшаетъ, какъ совѣтъ». Въ другой разъ, характеризуя членовъ совѣта Государю, онъ заявилъ, что они «не привыкли обращаться съ крупными дѣлами» и что они «лишены высшихъ интеллектуальныхъ способностей». Впрочемъ, «обитателямъ моей родины самъ Господь Богъ не въ состояніи угодить; они соединяютъ въ себѣ зависть, глупость, страсть къ осужденію всякаго поступка, равно-

душіе къ общему благу и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ того, что называется «esprit public». «Або,—писалъ онъ Аминову 5 августа 1812 г.,—это яма, наполненная деревянными головами, варварами и мошенниками; слѣдовало бы время отъ времени, подобно тому, какъ дѣлалъ Алкивіадъ, отрубивъ задъ отъ собаки, пускать ее на дворъ правительственнаго совѣта, дабы дать этимъ господамъ предметъ для размышленія, достойный ихъ ума». Въ Або особенно гнѣвались на временщика, вслѣдствіе рѣшенія перенести «столицу» изъ этого города въ Гельсингфорсъ. Упрямство абовцевъ раздражало не только Армфельта, но и его друзей Ф. Шернваля и Эренстрема.

Во время нападокъ на Армфельта, Эренстремъ отстаивалъ его. «Найдите мнѣ другого,—сказалъ Эренстремъ одному изъ недовольныхъ,—другого, который находился бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чтобы принести пользу нашему отечеству; гдѣ вы найдете столько способностей, соединенныхъ въ одномъ человѣкѣ»? Конечно, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Армфельтъ радѣлъ о пользѣ своихъ соотечественниковъ и воспользовался для этого всѣмъ, что давало ему положеніе въ Петербургѣ и довѣріе Царя. «Когда вы увидите, что вамъ противорѣчатъ, то скажите мнѣ,—произнесъ Государь въ одной бесѣдѣ Армфельту:—у меня хорошія шпоры». Армфельтъ такъ и поступалъ. «Я придерживаюсь совѣта Императора,—признавался онъ,—и дѣла идутъ». 10 февраля 1812 г. Армфельтъ сообщилъ Шернвалю: «Меня пугаетъ мысль, что война, которая грозитъ намъ, помѣшаетъ мнѣ исполнить обширный проектъ о самостоятельности Финляндіи, ибо когда Императоръ отправится въ армію, тогда придется намъ проститься съ правильнымъ ходомъ дѣлъ». Такъ и случилось. Обширный проектъ о самостоятельности Финляндіи остался невыполненнымъ; но во всякомъ случаѣ приходится признать, что никогда столько не было сдѣлано въ пользу обособленія края, какъ при Армфельтѣ. «Хитрый шведъ,—сказалъ Bernhardi о немъ,—сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами». Въ этомъ нельзя отказать Армфельту, какихъ бы мнѣній ни держаться о его дарованіяхъ.

Въ февралѣ 1814 г. Армфельтъ писалъ: «Что касается до моего доброжелательства и неустаннаго труда, то надѣюсь, никто не отниметъ у меня этихъ заслугъ... Все становится препятствіемъ для постояннаго и прочнаго счастія Финляндіи... Какимъ способомъ побѣдить ненависть и зависть русскихъ и излечить моихъ соотечественниковъ отъ ихъ неловкости и ихъ сонливости»?

Мнѣнія о дарованіяхъ Армфельта были самыя разнообразныя. Прусскій посолъ, баронъ фонъ-Штейнъ, напримѣръ, находилъ воззрѣнія Армфельта дѣльными, «но не глубокими», такъ какъ онъ лишенъ былъ «твердой почвы и дѣйствовалъ скорѣе въ силу побочнаго вліянія, нежели по личному убѣжденію». Графъ Далонвиль (d'Allonville), напротивъ, былъ того мнѣнія, что Армфельтъ велъ дѣла самостоятельно, помимо даже министровъ. «Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ такими душевными качествами, — утверждалъ тотъ же Далонвиль,— съ такимъ быстрымъ усвоеніемъ и пониманіемъ дѣла и съ такой легкостью къ работѣ. Онъ казался всевѣдущимъ, а единственный недостатокъ его заключался въ томъ, что онъ хотѣлъ заразъ обнять слишкомъ многое» [366]).

Пылкій Г. М. Армфельтъ, одержимый маніей преобразованій, уже въ 1811 г. пожелалъ преобразовать Совѣтъ. Противъ этой реформы поднялся Аминовъ, находя, что Государь, даровавъ Финляндіи свой особый Совѣтъ, тѣмъ самымъ оказалъ этой «провинціи» величайшее благодѣяніе. Усматривая, что совѣтъ «palladium» народа, Аминовъ рекомендовалъ отнестись особенно осмотрительно къ задуманной реформѣ, дабы ею не повредить дѣлу и не уничтожить «ту политическую и экономическую пользу», которую приносило это учрежденіе. Аминовъ говорилъ также, что «лучше оставить небольшое зло, нежели ввести незрѣлое преобразованіе». Когда миръ будетъ обезпеченъ,—предполагалъ Аминовъ,—слѣдовало бы созвать земскихъ чиновъ и предложить конституцію. Безъ сейма управленія страны не слѣдовало бы измѣнять; послѣдствіемъ этого можетъ явиться то, что законы и права не будутъ уважаемы (какъ извѣстно, Аминовъ не разъ значительно измѣнялъ эти свои воззрѣнія). Однако Армфельтъ не оставилъ мысли о пересозданіи сего высшаго административнаго учрежденія.

Въ 1813 г. комиссія финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ опять работала надъ меморіаломъ о необходимости измѣнить организацію совѣта, причемъ предполагалось упразднить финляндскую комиссію и замѣнить ее статсъ-секретаремъ съ особой канцеляріей. Поводомъ къ этому было, по словамъ Армфельта, желаніе «уменьшить сложность механизма и двойственность власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ получить денежные рессурсы».

Въ дѣло пришлось вмѣшаться и второму другу Армфельта—Эренстрему. Онъ оказался на этотъ разъ довольно консервативнымъ. По его мнѣнію, необходимо было сохранить неприкосновенными тѣ положенія, которыя уже удостоились утвержденія Александра I. «Финляндія,—писалъ онъ,—въ настоящее время имѣетъ ту конституцію, которую, по предложенію Густава III, приняли государственные чины Швеціи на риксдагѣ въ 1789 г.». Эренстремъ сознавалъ, что эта конституція—плодъ поспѣшности, примѣненный лишь къ требованіямъ минуты, а потому не предназначенный для далекаго будущаго. Однако, какіе бы недостатки она въ себѣ ни заключала, но она принята въ Борго и потому теперь необходимо ей слѣдовать и стараться не давать поводовъ выступать отдѣльнымъ административнымъ властямъ края, которыя, распространивъ свое вліяніе, будутъ безконтрольно хозяйничать и разслаблять правительство. Послѣ этихъ общихъ соображеній, другъ Армфельта переходитъ къ собственному проекту [367]).

Усмотрѣвъ, что средства общественной кассы невелики, онъ высказываетъ желаніе и указываетъ на возможность обойтись одной большой коллегіей, подраздѣленной на нѣсколько отдѣловъ или департаментовъ, члены коего должны быть назначаемы пожизненно. Управляющіе департаментами вѣдаютъ соотвѣтственныя дѣла, но не рѣшаютъ ихъ окончательно, а представляютъ ихъ въ общее собраніе коллегіи. Постановленіе коллегіи слѣдовало подвергнуть, по его мнѣнію, еще разсмотрѣнію особаго учрежденія, которое онъ неопредѣленно называетъ «подготовленіемъ общихъ дѣлъ» (allmänna ärendenas beredning), составленнаго изъ 6 членовъ. Отсюда же дѣла поступали-бы въ совѣтъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ. Четыре члена сего послѣдняго совѣта должны быть облечены особымъ довѣріемъ монарха и они, по проекту Эренстрема, обязаны, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, являться рѣшающей властью. Отдѣльно отъ коллегіи надлежало стоять высшему суду, въ составѣ 6 членовъ, назначаемыхъ на три года. Такой проектъ, по словамъ его составителя, совершенно согласовался бы съ духомъ финляндской конституціи.

Аминовъ пришелъ въ восторгъ отъ плана, набросаннаго Эренстремомъ, и даже выразилъ претензію, что проектъ въ главныхъ частяхъ зиждется на его мысляхъ. Сенаторъ Маннергеймъ, котораго Армфельтъ признавалъ единственнымъ финскимъ сановникомъ, соотвѣтствовавшимъ своему назначенію, указалъ на то, что предложеніе Эренстрема «черезчуръ много опирается на главныя основы новой шведской конституціи».

Выѣздъ Императора Александра I.

[illegible]

№

1 Rub:

182

En Rubel

Helsingfors d.

O. Lode.

Одинъ рубль

Yri Rubla

En Rubel

[illegible]

[illegible]

Маннергеймъ былъ предупрежденъ Ребиндеромъ: «Генералъ Армфельтъ говорилъ мнѣ,—писалъ Ребиндеръ,—что онъ просилъ твоего заключенія относительно реформы совѣта. Будь остороженъ въ твоемъ отвѣтѣ. Ты знаешь его склонность къ нововведеніямъ и перемѣнамъ. Безъ сомнѣнія администрація могла бы получить лучшее направленіе, чѣмъ она имѣетъ, и больше соотвѣтствовать нашей конституціи, но во 1)—будетъ стоить дорого и быть можетъ привысить наши доходы, а во 2) полезно-ли производить постоянныя перемѣны? Не вызоветъ-ли это опасеніе:—то, что можно измѣнить, можно и уничтожить? Не лучше ли будетъ отложить это до сейма, когда земскимъ чинамъ возможно будетъ ближе обсудить трудности и выгоды реформы» [368]).

Противъ проекта учрежденія какъ особыхъ коллегій по шведскому образцу, такъ и одной большой общей коллегіи, выступилъ съ обширной мотивированной запиской епископъ Яковъ Тенгстремъ. Съ точки зрѣнія здравой политики, онъ находилъ нежелательнымъ учреждать для малой страны такое управленіе, которое является по средствамъ лишь цѣлому и богатому королевству. Онъ указывалъ на малую подготовленность чиновниковъ, на дороговизну и т. п., а также на необходимость сохранить «взаимную связь съ Монархомъ, съ новыми согражданами на обширномъ пространствѣ Русскаго государства и съ общими правительственными основами, которыя Александру благоразумно угодно было предпринять для споспѣшествованія счастью и самостоятельности своего народа» [369]). «Что касается состава Совѣта, то слѣдуетъ прежде всего замѣтить,—писалъ Тенгстремъ,—что комитетъ въ Борго, который по Высочайшему повелѣнію составилъ его проектъ, находилъ по многимъ причинамъ необходимымъ, дабы предсѣдательство въ совѣтѣ было предоставлено генералъ-губернатору, не только потому, что онъ ближайшій представитель Государя въ краѣ, но и для того, чтобъ устранить контрастъ и недоразумѣнія, которыя неизбѣжно возникаютъ между военнымъ и гражданскимъ управленіями. Благодаря той формѣ, которую хозяйственный департаментъ теперь имѣетъ и Высочайшей инструкціи, по которой генералъ-губернаторъ теперь обязанъ управлять, закону и праву страны, кажется, не угрожаетъ никакой опасности отъ вліянія этого должностного лица, если-бъ даже оно когда-нибудь и пожелало, паче чаянія, злоупотребить имъ».

Интересно, что въ дальнѣйшей перепискѣ съ Аминовымъ, Эренстремъ высказался за то, что нѣтъ никакой надобности въ участіи сословныхъ представителей при реорганизаціи правитель-

ственнаго совѣта. «Я не усматриваю,—писалъ Эренстремъ,—никакого достаточнаго основанія къ созыву земскихъ чиновъ и къ необходимости получить ихъ согласіе для реформы правленія, такъ какъ вопросъ не касается ни новыхъ податей, ни налоговъ. Я нахожу даже опаснымъ (vådligt) выслушивать ихъ по этой части. Конституція даетъ монарху полное право устраивать правленіе такъ, какъ онъ признаетъ наилучшимъ и въ виду того, что онъ до послѣдней іоты соблюлъ ту форму, которая введена въ 1789 году, никто не имѣетъ права жаловаться. Не система правленія составляетъ нашъ палладіумъ, а самая конституція. Если нынѣшняя организація была принята на ландтагѣ Государемъ и сословіями, то это вызывалось тогда требованіями времени, но оно не должно служить примѣромъ (prejudikat) для будущаго, ибо это значило бы излишне далеко простирать власть сословій и дать имъ возможность вводить измѣненія въ самой конституціи, что было бы не въ мѣру опасно» [370]).

Послѣ ряда замѣчаній, сдѣланныхъ особенно Як. Тенгстремомъ, проектъ Эренстрема остался безъ движенія. Государь былъ занятъ борьбой съ Наполеономъ, почему нельзя было отвлекать его вниманія планами обширныхъ преобразованій.

Но Г. М. Армфельтъ не успокоился. Въ протоколѣ финляндской комиссіи (12 іюня 1812 г., № 54, п. 1), при возобновленіи состава совѣта говорится, что «устройство совѣта требуетъ значительныхъ перемѣнъ, ибо оно не имѣетъ совершенства».

Помня, что въ Формѣ Правленія 1772 года установленъ порядокъ управленія государствомъ на время отсутствія короля за границей, Армфельтъ сдѣлалъ попытку введенія чего-либо подобнаго въ Финляндіи. Въ виду этого составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ по случаю отсутствія Его Величества изъ столицы и занятія важнѣйшими дѣлами, текущія дѣла Финляндіи, требующія Высочайшаго утвержденія, останавливаются, то комиссія испрашиваетъ постановить по благоусмотрѣнію такую мѣру, чтобъ нерѣшенныя дѣла могли быть приведены въ исполненіе и какая будетъ для сего удобнѣйшею и которая заключается въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи.

«По силѣ оной Государь имѣетъ право на случай отсутствія Своего или по другимъ разнымъ препятствіямъ, отклоняющимъ его отъ государственныхъ дѣлъ, учредить особое правленіе, которое въ Швеціи обыкновенно составлялось изъ лицъ, избираемыхъ изъ знатнѣйшихъ сословій государства, кои долженствовали именемъ

короны рѣшить всѣ таковыя дѣла, исключая уголовныхъ, въ случаѣ смертной казни или лишенія чести, до повышенія чиновъ и разныхъ милостей или требующихъ по существу своему непосредственно Высочайшаго разрѣшенія. Таковое для Финляндіи предполагаемое на случай отбытія Вашего Императорскаго Величества управленіе, конечно, доставитъ возможность возстановить пресѣкшееся теченіе дѣлъ ея» [371]).

Представленіе это успѣха не имѣло и никакого особаго новаго порядка управленія не учредили.

Въ первый-же періодъ своей дѣятельности совѣтъ сталъ получать и Высочайшія благоволенія (16 ноября 1813 г.), и замѣчанія (4 декабря 1811 г.) Послѣднее ему сдѣлано было за попытку отмѣнить шведское узаконеніе отъ 16 октября 1723 г. о деньгахъ, отчисляемыхъ на погребеніе, причемъ слѣдовало предупрежденіе, дабы совѣтъ «никогда не выходилъ изъ предѣловъ, ему предписанныхъ» [372]).

---

26 февраля 1808 г., т. е. вскорѣ послѣ перехода нашихъ войскъ черезъ границу, «Его Императорское Величество Высочайше указать изволилъ, чтобы, по случаю занятія Финляндіи нашими войсками, состоящія на прежней границѣ таможни и таможенныя заставы были сняты и чтобъ всѣ торговыя сношенія были свободны какъ между подданными одного государства». Вслѣдъ за этимъ 12 апрѣля 1808 г. черезъ министра коммерціи было повелѣно, чтобы товары изъ присоединенной шведской Финляндіи, идущіе въ Россію и изъ Россіи въ присоединенный край, отпускать безъ пошлинъ, на томъ-же основаніи, какъ отпускается товаръ изъ одного россійскаго порта въ другой. Этотъ взглядъ на финляндскую таможню являлся тогда господствующимъ. Когда въ іюлѣ 1809 г. Барклай де-Толли просилъ о присылкѣ ему постановленій по таможенной части и дѣйствующаго тарифа, то Сперанскій, обращаясь къ министру торговли, графу Румянцеву, 8 августа 1809 г. писалъ, между прочимъ: «Генералъ-губернаторъ Финляндіи, бывъ обязанъ дѣйствовать по таможенной части сообразно общимъ правиламъ, въ Россіи существующимъ, затрудняется по неимѣнію тарифа» и пр. Въ отвѣтѣ графа Румянцева (10 ноября 1809 г., № 1971) заслуживаютъ вниманія слѣдующія строки, апробованныя Государемъ: «Что касается до надзора, чтобъ россійскія сырыя кожи въ Финляндію не ввозились, я бы готовъ былъ въ видѣ

коммерческомъ положить тому преграду оставленіемъ таможенной цѣпи на прежней границѣ, но въ видѣ политическомъ я чуждаюсь мѣры сей потому, что въ настоящемъ положеніи присоединеннаго края не нахожу пользы прикосновеніемъ правительства отличать старыя границы отъ новыхъ, когда всѣ виды министерства клонились къ тому, чтобъ навсегда укоренить въ умахъ народныхъ благополучное сліяніе оныхъ. По симъ причинамъ сужу, что лучше вынести нѣкоторыя злоупотребленія, или прекращать ихъ частными порученіями, нежели постоянною мѣрою возобновлять въ памяти мысли, забвенію преданныя».

5 ноября 1811 г. на имя министра финансовъ послѣдовалъ указъ, изъ котораго видно, что иностранные товары стали проникать въ Россію черезъ Финляндію, а потому повелѣно было:

1. «Между Выборгомъ и Кексгольмомъ учредить таможенную цѣпь.

2. Цѣпь сія учреждается единственно для товаровъ иностранныхъ, а посему:

3. Всѣ товары и произведенія, собственно Финляндіи принадлежащіе и въ ней выдѣлываемые, пропускать безпрепятственно и безпошлинно на томъ-же основаніи, какъ и изъ другихъ внутреннихъ мѣстъ они пропускаются.

4. А дабы преградить въ семъ пропускѣ всякое замѣшательство, вы не оставите войти въ сношеніе съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и, опредѣливъ именно статьи, безпошлинному привозу подлежащія, дать о нихъ таможнямъ надлежащія предписанія, при чемъ:

5. Вы не оставите обратить особое вниманіе, чтобы сколько съ одной стороны впускъ иностранныхъ товаровъ учрежденіемъ симъ былъ прегражденъ, столько съ другой внутреннее сообщеніе было безпрепятственно и свободно».

Одновременно съ этимъ указомъ въ Финляндіи послѣдовало Высочайшее объявленіе объ учрежденіи таможенной цѣпи между Выборгомъ и Кексгольмомъ и о ввозѣ финляндскихъ продуктовъ въ прочія губерніи Россійскаго государства («Finska producters införande till de öfriga gouvernementerne af Ryska Riket») [373].

Тогда-же на имя финляндскаго генералъ-губернатора изданъ былъ рескриптъ: «Изъ указа, на имя министра финансовъ даннаго, усмотрите вы причины, по коимъ признано нужнымъ учредить между Выборгомъ и Кексгольмомъ таможни. Три существенныя примѣчанія при семъ учрежденіи къ свѣдѣнію и наблюденію вашему присоединить считаю я нужнымъ:

1. Намѣреніе, съ коимъ учреждаются сіи таможни, не въ томъ состоитъ, чтобы стѣснить свободное сообщеніе сего края въ собственныхъ его произведеніяхъ, напротивъ, Я далъ министру финансовъ точное повелѣніе благопріятствовать сей свободѣ и вамъ въ особенности поручаю охранять оную всемѣрно.

2. Таможни сіи учреждаются единственно къ пресѣченію вредныхъ предпріятій не изъ Финляндіи, а отсюда возникшихъ.

3. Онѣ учреждаются на время и будутъ сняты, какъ скоро введено будетъ въ Финляндіи представленное отъ совѣта торговое положеніе, которое приказалъ Я разсмотрѣть учрежденной вновь финляндской комиссіи и которое неуклонительно восприметъ свое дѣйствіе».

Итакъ, таможней, которая учреждалась временно, имѣлось въ виду огражденіе Имперіи отъ иностранныхъ товаровъ. Временной характеръ таможеннаго кордона мирилъ и объединялъ всѣхъ, т. е., и русскихъ и финляндцевъ, ибо всѣ были имъ довольны, не желая видѣть тогда между Россіей и Финляндіей какихъ-либо постоянныхъ перегородокъ.

Къ барону Армфельту начали стекаться заявленія и проекты, касавшіеся таможеннаго дѣла. Въ одной изъ подобныхъ записокъ, поданной еще 29 декабря 1812 г. Леманомъ, сказано было, для «пользы Финляндіи требуютъ, чтобы провинція эта пользовалась свободнымъ сообщеніемъ со всѣми мѣстами Имперіи, и чтобы никакая таможенная линія, въ родѣ той, какая учреждена, не дѣлала препятствій. Единственное средство къ тому есть избранное вашимъ превосходительствомъ, т. е. распространить на Финляндію тарифъ, введенный въ Россіи въ 1812 г......Невозможно, чтобы Финляндія имѣла торговую систему иную, чѣмъ въ Россіи. Она можетъ сохранить свои законы, администрацію и проч., но торговая система должна быть та-же, что и для Россіи».

3 февраля 1812 г. (за № 159) Г. М. Армфельтъ увѣдомилъ министра финансовъ, Дмитрія Александровича Гурьева, что Государь «для споспѣшествованія общей пользы какъ Всероссійской Имперіи, такъ и Великаго Княжества Финляндскаго, по всеподданнѣйшему моему докладу Высочайше повелѣть соизволилъ, находящуюся нынѣ въ Выборгской губерніи таможенную цѣпь отъ Выборга до Кексгольма, расположить внѣ границъ Выборгской губерніи».

Едва состоялся этотъ приказъ, какъ финляндская комиссія, руководимая Армфельтомъ, подняла вопросъ о немедленномъ удаленіи изъ Выборгской губерніи прежнихъ таможенныхъ чиновниковъ,

дабы ихъ «никакъ не оставлять на своихъ мѣстахъ». Послѣдовало Высочайшее утвержденіе сего мнѣнія и русскіе чиновники были устранены!

Шведское таможенное законодательство съ давнихъ временъ почиталось королевскою прерогативою, поэтому установленіе таможенныхъ сборовъ и пользованіе таможенными доходами въ началѣ XIX столѣтія всецѣло принадлежало королю и не подлежало контролю земскихъ чиновъ. Со времени перехода Финляндіи въ «собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи», эта часть управленія непререкаемо составляла предметъ вѣдѣнія административнаго законодательства.

Министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ сразу сталъ приводить управленіе таможенною частью Финляндіи «въ большее согласіе съ общимъ таможеннымъ управленіемъ всей Имперіи» и эта общая связь продержалась первыя десятилѣтія [374]).

27 марта 1812 г. издано, въ цѣляхъ поощренія финляндскаго земледѣлія, Высочайшее воспрещеніе ввозить въ Финляндію всякаго рода зерновой хлѣбъ «какъ изъ иностранныхъ мѣстъ, такъ и изъ Нашихъ внѣ Финляндіи расположенныхъ губерній».

Въ 1812 г. послѣдовало изданіе перваго финляндскаго таможеннаго тарифа для ввозныхъ товаровъ. Составленный въ видахъ сближенія русской и финляндской таможенныхъ системъ тарифъ отличался протекціонистическимъ характеромъ. Къ ввозу въ Финляндію были допущены только извѣстные, перечисленные въ особыхъ вѣдомостяхъ товары, причемъ нѣкоторые изъ нихъ могли быть ввозимы лишь морскимъ путемъ. Ввозъ прочихъ товаровъ воспрещался.

Съ этихъ поръ таможенная политика Финляндіи въ продолженіи долгаго времени отражала на себѣ всѣ колебанія имперской. Такъ въ 1816 г. въ имперіи послѣдовало изданіе новаго таможеннаго тарифа, составленнаго въ болѣе либеральномъ духѣ.

Въ 1820 г. имперская таможенная политика снова повернула на путь протекціонизма. Два года спустя, въ 1822 г., и въ Финляндіи былъ изданъ строго покровительственный тарифъ. Во введеніи къ названному закону прямо указывается на необходимость единства «въ этой области экономическаго законодательства въ двухъ подвластныхъ тому-же скипетру странахъ, соблюденіе коего несомнѣнно будетъ содѣйствовать общему благу и исполненію задачъ Нашего обширнаго управленія».

Однако высокія таможенныя ставки въ скоромъ времени вызвали въ Финляндіи весьма неблагопріятныя послѣдствія: привозъ

иностранныхъ товаровъ сильно сократился, контрабанда развилась до неслыханныхъ размѣровъ, а таможенный доходъ быстро уменьшился. Указывая на эти обстоятельства, таможенное управленіе неоднократно входило въ сенатъ съ представленіями о неудобствахъ новаго тарифа, но таковой оставался въ силѣ до 1839 г. [375]).

Правильное почтовое устройство въ Финляндіи было введено въ XVII столѣтіи и не отличалось отъ принятаго въ другихъ частяхъ шведскаго королевства.

Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи внутреннее ея управленіе было оставлено въ вѣдѣніи финляндскихъ властей; завѣдываніе почтою, подчинявшеюся канцелярской коллегіи государственнаго совѣта Швеціи, сосредоточилось отнынѣ въ правительствующемъ совѣтѣ. Почты для пересылки писемъ, учрежденія станціонныхъ дворовъ и доставленіе лошадей проѣзжающимъ, содержаніе публичныхъ дорогъ и мостовъ и спорныя дѣла, «по симъ предметамъ произойти могущія», составляютъ «предметъ занятій» экспедиціи учредительной полиціи хозяйственнаго департамента совѣта.

24 ноября 1809 г. послѣдовало «Высочайшее объявленіе о постановленіи... почтовыхъ учрежденій... подъ надзоръ ландсгевдинговъ». Въ ближайшіе за симъ два года почтовое дѣло было организовано болѣе опредѣленнымъ образомъ, «причемъ Его Величеству благоугодно было объявить Высочайшее желаніе, чтобы прежняя организація была сохранена во всемъ, что не противорѣчитъ необходимой связи финляндскаго почтоваго вѣдомства съ русскимъ» [376]).

Высочайше учрежденною въ 1812 г. инструкціею финляндскому генералъ-губернатору, какъ «главноуправляющему гражданскою исполнительною частью», присвоено генеральное начальство надъ почтовымъ вѣдомствомъ. Свою власть генералъ-губернаторъ осуществляетъ «совокупно съ хозяйственнымъ отдѣленіемъ правительствующаго совѣта или, если время того не дозволяетъ, непосредственно черезъ подлежащихъ ландсгевдинговъ».

Такъ какъ за протекшій сравнительно небольшой періодъ со времени включенія Финляндіи «въ державное обладаніе Россіи» накопилось большое число разновременно обнародованныхъ правилъ, касающихся организаціи почты, то явилась необходимость въ согласованіи ихъ между собою и въ изданіи общаго положенія, что и послѣдовало 5 октября 1816 г., когда было издано,

по представленію финляндскаго сената, «Высочайше утвержденное Его Императорскаго Величества постановленіе о почтовой части въ Финляндіи».

Какъ на отличительную особенность постановленія слѣдуетъ указать на проведеніе имъ въ жизненный обиходъ исчисленія вѣса русскою единицею, на основаніи слѣдующихъ соображеній: «по связи, въ которой состоитъ финляндская почтовая часть съ россійскою, установленіе для финляндскихъ почтовыхъ конторъ другого вѣса, кромѣ употребляемаго въ прочей части Россіи, причинило-бы запутанность и потерю времени для почтовыхъ чиновниковъ при провѣркѣ отправляемыхъ въ Россію и получаемыхъ оттуда писемъ, вѣсъ коихъ слѣдовало-бы въ такомъ случаѣ расчислять и означать двоякимъ образомъ».

Въ отношеніи управленія почта ставится съ этого времени подъ непосредственный надзоръ почтовой дирекціи съ почтъ-директоромъ во главѣ.

Въ управленіи почтовою частью установилась въ разсматриваемое время нѣкоторая двойственность: независимо распоряженій финляндскаго управленія, въ развитіи законовъ о почтѣ, въ Финляндіи издавались съ 1813 по 1817 г.г. циркуляры для управляющихъ почтовыми конторами, также и императорскимъ почтовымъ управленіемъ.

«Такое изданіе ихъ русскимъ органомъ управленія и распубликованіе въ Финляндіи какъ-бы даетъ указаніе на признаніе финляндскими властями права имперскихъ властей устанавливать правила почтоваго устройства» [377]).

—

Предложеніе о казенныхъ сборахъ, внесенное на разсмотрѣніе сейма въ Борго, имѣло въ виду отмѣну чрезвычайныхъ податей (bevillningen) и акциза, которые не взыскивались уже съ весны 1806 г. и вообще упорядоченіе податного дѣла правильнымъ распредѣленіемъ многочисленныхъ оброковъ.

Въ Высочайшемъ предложеніи говорилось, наконецъ, что Государь, далекій отъ желанія имѣть какія-либо особыя выгоды отъ доходовъ Финляндіи, смотритъ на нихъ лишь какъ на средства къ споспѣшествованію общему благу края; но для достиженія этой цѣли и чтобы имѣть возможность оплачивать и поддерживать управленіе, требуются надлежащіе доходы, и это тѣмъ болѣе, что внутреннее управленіе края никогда не можетъ быть свободнымъ

и самостоятельнымъ, пока оно не будетъ имѣть достаточныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ нуждъ. Сословія представили проектъ упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей. Въ сеймовомъ предложеніи о финансахъ въ кратцѣ упоминалось о томъ, что денежныя дѣла въ Финляндіи въ новомъ ея положеніи представляли много затрудненій, которыя требовалось устранить; сеймъ долженъ былъ указать для этого соотвѣтствующія мѣры.

Послѣ русскаго завоеванія были въ ходу шведскія и русскія деньги. Графъ Буксгевденъ временно установилъ обязательный курсъ (tvångskurs), по которому русскія ассигнаціи принимались какъ при сборѣ податей, такъ и при частныхъ сдѣлкахъ. Предстояло опредѣлить на будущее время соотношеніе между различными деньгами и установить, въ какомъ объемѣ дозволялось ихъ употребленіе. Финансовая комиссія высказала въ своемъ заключеніи, въ согласіи съ меморіаломъ Як. Тенгстрема, что серебряный рубль долженъ быть главной монетой въ Финляндіи, на томъ основаніи, что разсчетъ на рубли основанъ на десятичной системѣ и потому удобнѣе, чѣмъ разсчетъ на риксдалеры; кромѣ того Финляндіи вообще надлежало принять монету, установленную въ Имперіи.

Шведскія деньги однако не устранялись изъ края; онѣ должны были ходить по принятому въ Петербургѣ курсу. Въ сословіи горожанъ депутатъ П. I. Бладъ (Bladh) стоялъ на томъ, чтобъ шведская монета и впредь осталась главной денежной единицей въ Финляндіи, потому что обмѣнъ товаровъ съ Швеціей, по его мнѣнію, и впослѣдствіи будетъ оживленнѣе, чѣмъ съ Россіей. Горожане примкнули къ этому мнѣнію, но духовенство и крестьяне раздѣлили мнѣніе комиссіи. Къ послѣднимъ присоединились дворяне и постановленіемъ отъ 29 декабря 1809 г. было установлено, «что всѣ казенные доходы, начиная съ 1810 г., будутъ уплачиваться лишь императорской серебряной монетой или ассигнаціями». Это постановленіе допускало обращеніе шведской монеты въ частныхъ сдѣлкахъ, но уже 12 октября 1810 г. послѣдовалъ новый указъ, потребовавшій, чтобы всякіе разсчеты по шведской монетѣ были прекращены, всѣ цѣны на товары должны быть установлены на русскую стоимость, чтобъ уплата продавцамъ производилась, безъ исключенія, императорской русской монетой. Однако жизненныя условія показали преждевременность такого постановленія. Торговыя сношенія со Швеціей вновь настолько оживились и потребность въ шведской монетѣ такъ сильно

возрасла, что постановленіе десятаго года не могло остаться въ силѣ, и шведская монета продолжала циркулировать. Правительство принуждено было постановленіемъ отъ 30 декабря 1812 г. дозволить въ извѣстномъ размѣрѣ принимать ее даже при уплатѣ казенныхъ податей.

Чтобъ Финляндія была въ состояніи получить свою собственную монету, ей необходимо было имѣть собственный «національный размѣнный и ссудный банкъ». По мысли комиссіи, этотъ банкъ слѣдовало снадбить такимъ фондомъ, чтобъ онъ могъ дать краю требуемый движимый капиталъ. Комиссія сейма желала, чтобы банкъ состоялъ подъ гарантіей и подъ контролемъ уполномоченныхъ сейма. Поэтому проектировалось называть его «Банкомъ Финляндскаго Сейма».

Неимѣніе своего національнаго банка побудило сеймъ принять одну изъ иноземныхъ монетъ. Чтобы создать свой банкъ, земскіе чины просили Государя дать имъ на 20 лѣтъ безъ процентовъ 1 милліонъ рублей. Кромѣ того они «желали и просили», чтобъ подъ надзоромъ банка предоставлено было чеканить монету страны.

По обсужденіи вопроса объ устройствѣ денежной системы въ Финляндіи земскими чинами въ Борго, онъ былъ переданъ въ комиссію финляндскихъ дѣлъ. Судя по журналу его отъ 26 ноября 1809 г. члены комиссіи положили: «Признать россійскую серебряную монету главною и коренною монетою, коея существенная цѣна должна служить правиломъ и мѣрою сравненія и опредѣленія цѣнъ всѣхъ прочихъ, имѣющихъ по нынѣ въ новоприсоединенной Финляндіи обращеніе монетъ какъ наличныхъ, такъ и представительныхъ или банковыхъ ассигнацій. Главнѣйшія побудительныя причины сему суть: достоинство Имперіи, пріобрѣтшей во владѣніе страну, требуетъ подобнаго вѣса и вліянія на внутреннія ея обороты. Присвоеніе симъ образомъ россійскихъ денегъ Финляндіи, сближая сношенія жителей оной съ прочими россійскими, рѣшительнѣе и скорѣе привяжетъ ихъ къ новому правленію. Сего требуютъ и мѣстныя края сего пользы. Сего требуютъ также по большинству голосовъ и чины сейма и въ особенности чины дворянства и крестьянъ. Мѣдной россійской монетѣ, сходно заключенію сейма, надлежитъ быть въ одинаковой съ россійскими ассигнаціями цѣнѣ, т. е. рубль мѣди равнять съ рублями ассигнаціи. Согласно съ заключеніемъ сословія дворянства подати казенныя собирать съ будущаго 1810 г. токмо россійскою ходячею монетою. Наконецъ относительно учрежденія банка для

вымѣна и ссуды предоставить сіе благотворительно волѣ и Всемилостивѣйшему разрѣшенію Его Императорскаго Величества, съ присовокупленіемъ со стороны комиссіи, что какъ сословія сейма для основанія подобнаго банка испрашиваютъ выдачи имъ въ ссуду милліона рублей серебра на 20 лѣтъ безъ %.

Вслѣдствіе сего состоялся Высочайшій манифестъ 17—29 декабря 1809 г., въ которомъ говорилось, что серебряная монета объявлена главною и коренною монетою Великаго Княжества Финляндскаго, дѣйствительная цѣнность которой должна служить мѣриломъ для опредѣленія цѣнности всѣхъ прочихъ находящихся въ обращеніи монетъ и банковыхъ ассигнацій, съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ рубля на 100 копѣекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ установилъ, что шведскій серебряный риксдалеръ составляетъ 1 рубль 44 копѣйки. Рубль мѣди объявленъ былъ равнымъ рублю. Для облегченія-же торговли, промышленности и всѣхъ частныхъ взаимныхъ сношеній, шведская серебряная и мѣдная монета, съ банковыми ассигнаціями оставлялись въ обращеніи до 1 января 1811 г. Россійскую серебряную монету предписывалось принимать по установленной цѣнѣ и съ тѣмъ, чтобы ея отношенія къ мѣдной монетѣ и банковымъ ассигнаціямъ опредѣлялись во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ по курсу на с.-петербургской биржѣ, сообщаемому финляндскому генералъ-губернатору и публикуемому «въ первыхъ абоскихъ газетахъ».

Въ городѣ Або съ Высочайшаго соизволенія учреждалась въ 1811 г. «вексельно-заемно-депозитная контора для Великаго Княжества Финляндскаго» (Storfurstendömet Finlands Wäxel-Låne-och Depositions-Contoir). Основной фондъ конторы былъ опредѣленъ въ два милліона рублей банковыми ассигнаціями, причемъ конторѣ было предоставлено выпускать кредитные билеты мелкихъ купюръ цѣною въ 20, 50 и 75 копѣекъ.

Впослѣдствіи (въ 1812 г.) банкъ переименовали въ «финляндскій учетно-сохранно-заемный банкъ» и, наконецъ, просто «финляндскій банкъ». Его подчинили хозяйственному департаменту финляндскаго сената, который наблюдалъ за правильнымъ ходомъ его дѣлъ.

Въ какомъ тяжеломъ положеніи находилось финансовое дѣло въ краѣ въ первые годы по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, видно изъ заявленія Ребиндера, сдѣланнаго по поводу предложенія объ учрежденіи тайной полиціи въ Финляндіи: «Необходима организація полиціи, но на это, какъ и на многое другое, нужны деньги, а ихъ нѣтъ. Кромѣ того нашъ генералъ-губернаторъ не

въ духѣ, чтобъ думать о нашихъ дѣлахъ. Дефицитъ статнаго вѣдомства заставилъ его и всѣхъ насъ пасть духомъ. Мы ломали наши непонимающія финансовыхъ дѣлъ головы, чтобъ объяснить тѣ немногія различія текущаго года и прошедшихъ лѣтъ. Представить для подписи Государю бюджетъ съ дефицитомъ — невозможно и это противорѣчитъ практикѣ. Казна (stats-kassan) можетъ обанкрутиться, но объ этомъ банкрутствѣ царь не можетъ офиціально объявить.

«Такимъ образомъ рѣчь идетъ о томъ, чтобъ отмѣнить весь бюджетъ на этотъ годъ, или-же придется пополнить недостающее. Такъ какъ это нельзя сдѣлать дѣйствительнымъ взносомъ, то, по моему мнѣнію, приходится достичь фразами и для чего можно-бы напримѣръ заявить требованіе къ русской казнѣ за то, что было выписано для арміи».

Несмотря на это, наше правительство имѣло въ виду получать съ Финляндіи извѣстную сумму на дѣло ея обороны. «При учиненіи росписанія доходовъ и расходовъ» открытъ былъ остатокъ «по тамошнему курсу» въ 1.727.851 р. Остатокъ сей указомъ 20 іюня 1810 г. Высочайше повелѣно было финляндскому генералъ-губернатору, графу Ф. Штейнгелю, «причислить къ государственному казначейству и по сему поводу сумма сія введена была въ общую смѣту государственныхъ доходовъ на 1811 г.». Сумма эта въ дѣйствительности, не смотря на возникшую обширную переписку, не поступила въ государственное казначейство, потому что была отчасти уже израсходована, отчасти разассигнована на различныя другія надобности [378]).

25 ноября 1811 г. Сперанскій, вновь коснувшись этого вопроса, писалъ Ф. Штейнгелю: «Г. министръ финансовъ, составляя нынѣ общую смѣту государственнымъ доходамъ и расходамъ, на будущій 1812 г., отнесся ко мнѣ съ требованіемъ свѣдѣнія, какіе остатки изъ финляндскихъ доходовъ на будущій годъ могутъ быть обращены въ государственное казначейство».

Какъ видно изъ журналовъ финляндской комиссіи въ Петербургѣ и изъ отношеній къ генералъ-губернатору, Императоръ Александръ I очень былъ озабоченъ не только перечисленіемъ остатковъ финляндской казны въ государственное казначейство, но вообще правильнымъ контролемъ надъ финансовой частью Финляндіи. И замѣчательно, что финляндскіе дѣятели того времени не усматривали въ этомъ никакого нарушенія ихъ автономіи.

Государь Императоръ,—писалъ Аминовъ въ іюнѣ 1812 г.,—желая во всякое время и во всѣхъ частяхъ управленія обшир-

наго своего государства ввести тотъ порядокъ, безъ коего Его Императорскому Величеству невозможно сравнивать между собою разныхъ частей онаго и облегчить обозрѣнія цѣлаго, и выслушавъ уже по сей части всеподданнѣйшія донесенія о состояніи финансовъ въ разныхъ состоящихъ подъ Всероссійскою Имперіею областяхъ, нашелъ также нужнымъ имѣть подобное общее познаніе о состояніи казны въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи. По таковому поводу благоугодно было Его Императорскому Величеству повелѣть мнѣ предписать правительствующему совѣту посредствомъ вашего превосходительства, чтобъ онъ всеподданнѣйше представилъ Его Величеству подробное и точное донесеніе объ управленіи финансами въ Финляндіи, показавъ въ ономъ точнѣйше не только приходъ, но и расходъ, какъ ординарный, такъ и экстраординарный со времени покоренія сего края подъ всероссійскую державу; при чемъ правительственный совѣтъ долженъ представить на Высочайшее разсмотрѣніе приспособленный на нынѣшнее время проектъ для удобнѣйшаго и точнѣйшаго обозрѣнія сей части государственнаго правленія, дабы правительство вслѣдствіе онаго могло предпринять тѣ мѣры, каковыя нужны будутъ для благоденствія государства и чтобъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло свѣдѣніе о средствахъ, остающихся къ удовлетворенію расходовъ для разныхъ воинскихъ устройствъ, какія могутъ признаны быть необходимыми для защиты и безопасности того края» [379]).

X. Отторженіе Выборгской губерніи.

«Съ самаго присоединенія къ Россіи Финляндіи,—говорилось въ указѣ сенату 1802 года,—сколько не употреблено было средствъ къ усовершенствованію въ ней хозяйственныхъ предметовъ, обиліе народное составляющихъ, но къ прискорбію Нашему находимъ мы и нынѣ край сей въ бѣдственномъ положеніи, мало различествующемъ отъ того, въ каковомъ состоялъ онъ при его занятіи. Въ 1765 году учреждена была особая ревизіонная комиссія для исчисленія земель и опредѣленія оброкоположенія, сообразнаго съ естественными выгодами губерніи: но тридцать семь лѣтъ протекали безъ всякаго успѣха, и комиссія сія вмѣсто ожидаемой пользы доставила казнѣ однѣ безвозвратныя для нея издержки. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и по жалобамъ отъ финляндскихъ жителей къ Намъ доходящимъ, признали Мы за благо уничтожить сію ревизіонную комиссію и учредить особую комиссію для разсмотрѣнія финляндскихъ дѣлъ, подъ предсѣдателемъ тайнаго совѣтника и сенатора Тейльса» [380]).

Комиссія сенатора Тейльса, разслѣдовавъ причины упадка благосостоянія губерніи, должна была представить проектъ мѣръ улучшенія какъ финансоваго управленія старой Финляндіи, такъ и экономическаго положенія земледѣльческаго класса, донаціонныхъ крестьянъ, бобылей, батраковъ и казенныхъ торпарей. Комиссіи надлежало изслѣдовать права сословій, тяжесть налоговъ, положеніе приходовъ и проч. Не забыто было и положеніе о судопроизводствѣ, причемъ предлагалось, «въ случаѣ замѣченныхъ комиссіей недостатковъ и противорѣчій единообразію общаго въ Имперіи Нашей управленія заимствовать изъ Россійскихъ законовъ все, что пользамъ, правамъ и выгодамъ жителей соотвѣтствуетъ» [381]).

Наиболѣе радикальнымъ членомъ комиссіи оказался Копьевъ. Въ своемъ особомъ мнѣніи онъ настаивалъ, чтобы управленіе гу-

берніей, судебное и податное вѣдомства были поставлены совершенно такъ, какъ въ Россіи. Его реформаторское рвеніе заходило такъ далеко, что онъ предлагалъ воспретить крестьянамъ жить отдѣльно, а обязать ихъ поселяться въ селахъ, которыя слѣдовало устраивать по одному образцу. По мнѣнію остальныхъ членовъ комиссіи, управленію слѣдовало придать новую форму, и налоги должны были назначаться также, какъ въ Россіи. По донаціонному вопросу комиссія устраняла всякія юридическія заключенія, утверждая, что никакіе шведскіе законы и постановленія не могли мѣшать монархамъ Россіи раздавать земли въ Финляндіи на какихъ угодно условіяхъ.

Большинство комиссіи Тейльса, какъ и Копьевъ, представили въ 1804 году свои проекты правительству. Въ томъ-же году (29 мая) высшій правитель русской Финляндіи, военный губернаторъ баронъ Мейендорфъ, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, рапортъ для доклада Государю. Поводомъ для его вмѣшательства послужили жалобы нѣкоторыхъ мѣстныхъ земледѣльцевъ. Они находили, что прежніе монархи имперіи пожаловали имъ имѣнія на вѣчныя времена и въ потомственное владѣніе, съ крестьянами, землей и всѣми правами, но несмотря на это суды губерніи ограничили ихъ права какъ помѣщиковъ-донаторовъ по отношенію къ землѣ и къ крестьянамъ. Въ виду этого жалобщики домогались, чтобъ ихъ угодья, вмѣстѣ съ обывателями были объявлены закрѣпощенными, на подобіе того, какъ это было въ Великороссіи, и чтобъ донаторамъ была присвоена неограниченная власть надъ землей, которую обработывали крестьяне, и, чтобы они, помѣщики, могли распоряжаться по своему усмотрѣнію. Мейендорфъ разслѣдовалъ дѣло и нашелъ, во первыхъ, что въ большей части донаціонныхъ грамотъ ни слова не говорится о крестьянахъ. Въ грамотахъ лишь перечислялись дарованные приходы, села и дворы, которые иногда предоставлялись въ вѣчное потомственное владѣніе, но чаще всего въ пожизненное или временное пользованіе. Имѣлись, правда, и такія донаціонныя грамоты, которыми передавались въ даръ вмѣстѣ съ землей и его населеніе; но не смотря на это, по мнѣнію Мейендорфа, финскій крестьянинъ не лишенъ былъ личной свободы и права по своему усмотрѣнію распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ и геймaтомъ, въ которомъ жилъ. Указавъ на то, что введенный въ 1783 году личный оброкъ причинилъ ограниченіе права свободнаго переселенія, военный губернаторъ настаивалъ на томъ, что крестьяне сохранили право даже продавать свои угодья, однако та

кимъ образомъ, что на казенный геймать требовалось утвержденіе камеральной власти, а на донаціонное имѣніе — утвержденіе суда. Мейендорфъ находилъ доказаннымъ, что жителямъ Финляндіи и по мирнымъ договорамъ и по особымъ Высочайшимъ указамъ удостовѣрены свобода личности и другія права, которыми они пользовались во время шведскаго владычества. Къ этимъ правамъ принадлежало также и то, что казенные гейматы составляли обезпеченное имущество обывателей, пока они содержали гейматы въ законномъ порядкѣ и уплачивали за нихъ установленную ренту [382]). Заявленіе Мейендорфа никакихъ послѣдствій не имѣло.

Въ періодъ занятій комиссіи Тейльса, въ августѣ 1802 года, послѣдовалъ указъ, въ которомъ говорилось: «Хотя по докладу Правительствующаго Сената, удостоенному конфирмаціи, дано было право коронные гейматы, находящіеся въ крестьянскомъ владѣніи, продавать и другимъ законнымъ образомъ укрѣплять крестьянамъ же, съ дозволенія Выборгской казенной палаты; но какъ изъ сей продажи и уступки открылись впослѣдствіи многія злоупотребленія, то и нашелъ Я нужнымъ, до положенія на сіе точнаго правила учрежденною для разсмотрѣнія финляндскихъ дѣлъ комиссіею, таковую продажу и уступку земель коронными крестьянами до времени остановить, и дозволеній на оную ни отъ штатгалтера, ни отъ казенной палаты не давать, а безъ оныхъ нигдѣ укрѣпленій на таковыя земли не совершать» [383]).

Комиссія 1802 г. ничего существеннаго для населенія Выборгской губерніи не сдѣлала и въ 1810 году ее закрыли.

22 апрѣля 1804 г. Сенатъ Имперіи, по поводу спора между графомъ Орловымъ и крестьянами Сальмиса, постановилъ резолюцію, въ которой объявилъ, указывая на привилегіи русскаго дворянства, непоколебимое право донатаріевъ распоряжаться лѣсами, рыбными ловлями и проч. въ донаціонныхъ имѣніяхъ и по своему усмотрѣнію увеличить или уменьшить право пользованія ими крестьянами, каждое-же заявленіе крестьянъ о правѣ свободнаго выселенія со своихъ мѣстъ должно разсматриваться какъ ослушаніе волѣ Монарха и наказываться какъ преступленіе.

Мысль о возсоединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей зародилась въ средѣ аньяльскихъ заговорщиковъ. Въ царствованіе Густава III образовалась партія, стремившаяся къ отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи и къ образованію изъ нея но-

ваго самостоятельнаго государства; во главѣ партіи стоялъ извѣстный авантюристъ и рыцарь печальнаго образа Г. М. Спренгтпортенъ, наставникъ Армфельта въ дѣлѣ нравственной распущенности и прожиганія жизни. Новое государство «аньяльцы» задумали создать не изъ однѣхъ только земель «шведской» Финляндіи; въ предѣлы проектированнаго ими царства они задумали включить еще, по крайней мѣрѣ, часть «русской» Финляндіи съ крѣпостями Вильманстрандомъ, Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ, такъ какъ иначе ихъ государство не было-бы введено въ «естественныя границы» и не имѣло-бы тѣхъ средствъ защиты, какими должно неизбѣжно располагать «всякое самостоятельное государство». Маіоръ І. А. Іегергорнъ писалъ въ 1788 году Спренгтпортену въ томъ смыслѣ, что финляндцы тогда лишь сдѣлаются сторонниками самостоятельности новой финской республики, когда эта самостоятельность будетъ гарантирована Россіей; первою же подобной гарантіею должно быть возстановленіе Финляндіи «въ естественныхъ» ея границахъ. Особое совѣщаніе, разсмотрѣвшее въ царствованіе Екатерины II домогательства аньяльцевъ, нашло полезнымъ поддержать стремленія финляндцевъ къ самостоятельности, но безъ всякаго измѣненія границъ Финляндіи, ибо въ противномъ случаѣ чужая граница опять подвинулась-бы къ столицѣ. Императрица отвѣтила аньяльскому представителю, что финляндцы могутъ разсчитывать на ея помощь «во всемъ, что будетъ согласоваться съ пользою Россіи». Прошло нѣкоторое время, мудрое правило Императрицы было забыто и мечтанія аньяльцевъ, какъ они не казались несбыточными, въ одной части осуществились.

Не успѣла еще начаться финляндская война 1808—1809 г.г., какъ о возсоединеніи вновь заговорили, хотя и не въ ясной формѣ. Въ «Новогоднихъ размышленіяхъ (1808 г.)» Спренгтпортенъ предлагалъ соединеніе старой Финляндіи съ остальной, какъ скоро она будетъ покорена. Онъ внушалъ мысль, что ничѣмъ Императоръ не можетъ вѣрнѣе обезпечить за собой расположеніе финляндцевъ, какъ возвратомъ этого столѣтняго завоеванія.

Вторично Императору Александу I напомнили о Выборгской губ. при слѣдующей обстановкѣ: зимой и весной 1810 г. въ Петербургѣ находилась депутація, хлопотавшая о сохраненіи за финскими офицерами прежнихъ ихъ бостелей. На аудіенціи у Государя предсѣдатель депутаціи, ген.-м. Аминовъ, излагая просьбу офицеровъ, сказалъ, между прочимъ, что при отрицательномъ отвѣтѣ лучшая часть націи должна будетъ эмигрировать и Финляндія, «которая принадлежала къ самымъ просвѣщеннымъ стра-

намъ Европы очутится въ такомъ-же жалкомъ положеніи, какъ и Выборгская губернія». «Государь выслушалъ Аминова съ большимъ вниманіемъ».

Мысли объ объединеніи всѣхъ финскихъ земель, пріобрѣтенныхъ тремя завоеваніями, къ глубокому сожалѣнію, очень сочувствовалъ Императоръ Александръ I и, какъ говорятъ, онъ поручилъ финляндской комиссіи подготовить этотъ планъ, который, однако, не получилъ надлежащаго движенія, пока въ Петербургъ не пріѣхалъ Г. М. Армфельтъ [384]).

Въ іюнѣ 1810 г. Г. М. Армфельтъ составилъ «Très-humble apperçu sur la Finlande», которая черезъ Сперанскаго передана была Государю. Эта всеподданнѣйшая замѣтка начиналась слѣдующими словами: «Разъединенная въ продолженіи цѣлаго вѣка Финляндія, наконецъ, соединилась подъ однимъ скипетромъ и представляетъ просвѣщенному оку и отечески справедливому сердцу ея Государя зрѣлище вполнѣ достойное вниманія по своимъ недвусмысленнымъ результатамъ вѣчныхъ истинъ, о которыхъ не переставалъ размышлять Александръ I съ самаго своего вступленія на престолъ... Та-же самая нація, съ тѣмъ-же языкомъ, съ тѣми-же обычаями, съ тѣми-же основными добродѣтелями и недостатками можетъ, слѣдовательно, потерять всякое сходство или утратить самую точку сопротивленія со всѣмъ, что служитъ основаніемъ къ общественному строю—быть дѣятельными и благомыслящими. Не останавливаясь на разрѣшеніи этой задачи, что было-бы совершенно излишне при обращеніи къ Государю, который, самодержавно правя 30 милліонами, стремится только къ тому, чтобы быть имъ отцомъ, я хочу только вкратцѣ перечислить нѣкоторыя событія, обусловившія процвѣтаніе этой Финляндіи, которая только что покорена подъ власть Императора»... Далѣе идетъ указаніе на университетъ, Абоское земледѣльческое общество и пр. [385]).

Затѣмъ въ срединѣ мая 1811 г. Армфельтъ вторично пріѣзжалъ въ Петербургъ и начались его совѣщанія съ Государемъ по вопросамъ о соединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей и о преобразованіи управленія края. Осенью того-же года мы вновь находимъ Армфельта въ Петербургѣ и его письма опредѣленно отразили его хлопоты и занятія. «Сегодня (19 окт. 1811 г.),—писалъ онъ женѣ,—началъ я мою большую работу по соединенію вновь обѣихъ Финляндій и если мнѣ посчастливится исполнить ее, то я пожну великое удовлетвореніе и какъ человѣкъ съ сердцемъ, и какъ гражданинъ». Недѣли двѣ позже (5 ноября) онъ сообщалъ, что приготовилъ уже свои соображенія по этому дѣлу.

«Это, дѣйствительно, великое дѣло»,—добавлялъ онъ,—и для человѣчества не малый успѣхъ потому, что несчастныя существа въ старой Финляндіи могутъ надѣяться, что они опять увидятъ гражданское существованіе (existence civile) и выйдутъ изъ своего «скотскаго состоянія» (förfäing).

22 октября Армфельтъ сообщалъ Фрид. Шернвалю: «Скоро состоится соединеніе двухъ Финляндій и я думаю, что мой проектъ будетъ принятъ: онъ имѣетъ въ виду уничтожить всѣ трудности властнымъ словомъ, и предоставить будущности заполнить тѣ отверстія, которыя отъ этого произойдутъ» [386]). Проектъ Армфельта имѣлось въ виду внести въ Государственный Совѣтъ, гдѣ Армфельтъ имѣлъ «мѣсто и голосъ». «Увидимъ, выйду-ли я съ честью изъ этого дѣла», писалъ онъ въ тотъ-же день Фр. Шернвалю. «Все, что могу сказать, это то, что я доволенъ своимъ мемуаромъ, хотя въ Петербургѣ не найдется, конечно, ни одного человѣка, который пожелалъ-бы написать его и еще менѣе прочесть въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ. Это прямая аттака противъ тѣхъ беззаконій и того насилія, которымъ подвергалась старая Финляндія со времени ея покоренія».

Послѣ Армфельта сохранилось нѣсколько мемуаровъ, въ которыхъ обсуждается вопросъ о Выборгской губерніи. Одинъ изъ нихъ, озаглавленный «Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande», содержалъ слѣдующія указанія.

«Послѣ того, какъ новая Финляндія подпала подъ скипетръ великодушнаго Александра, ея жители съ восторгомъ видятъ, что имъ сохранены ихъ конституція и законы и, исполненные благодарности, они узнаютъ, что безостановочно возникаютъ новыя учрежденія—вѣчные памятники доброты и отеческой любви ихъ благороднаго Монарха къ финской націи. Но для полноты счастія остаются еще нѣкоторыя желанія; народъ смотритъ на своихъ братьевъ по другую сторону рѣки Кюмени и стремится братски обнять ихъ, онъ хочетъ, чтобъ и они наслаждались тѣмъ счастіемъ, которое несутъ съ собой свободная конституція, справедливость и гуманные законы; однимъ словомъ — увѣренный въ гуманности и справедливости своего великаго Монарха, онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ возсоединенія съ своими братьями, съ которыми онъ, вслѣдствіе жестокой участи, такъ долго былъ разлученъ. Каждый гуманный человѣкъ признаетъ это соединеніе, какъ примѣръ того, что можно осчастливить покоренный народъ; истинный патріотъ пожелаетъ его съ тѣми же чувствами, какъ семья, которая разъединена и вновь собирается возсоединиться передъ

алтаремъ старыхъ домашнихъ боговъ; и государственный мужъ находитъ, что это соединеніе и полезно, и необходимо, и полагаетъ, что настоящее время является самымъ благопріятнымъ, для приведенія его въ исполненіе, стало быть вопросъ заключается лишь въ томъ, какимъ болѣе подходящимъ и разумнѣйшимъ способомъ можно будетъ осуществить это соединеніе».

Затѣмъ составитель записки, приступая къ описанію первоначальныхъ мѣръ, необходимыхъ для осуществленія соединенія, благосклонно указываетъ, что это соединеніе финской націи не должно распространяться далѣе, какъ на жителей Выборгской губерніи, потому, что населеніе въ частяхъ бывшей Кексгольмской губерніи, подчиненныхъ въ настоящее время Петербургской и Олонецкой губерніямъ, имѣетъ уже,—хотя оно по большей части и состоитъ изъ финновъ,—другіе законы и другія учрежденія, кромѣ того, что существуютъ еще иныя важныя обстоятельства, достаточно побуждающія не предпринимать какого-либо возсоединенія этой части съ остальной Финляндіей. Сама природа какъ будто опредѣлила границы Великаго Княжества Финляндскаго рѣкою Сестрою и озеромъ Ладогою.

«Итакъ, согласно указаніямъ благопріятной природы и мудрой политики, опредѣливъ размѣръ того пространства, которое должно быть возсоединено съ новой Финляндіей, я приступаю къ взвѣшиванію того, какія же суть тѣ главнѣйшія измѣненія, которыя должны быть предприняты относительно: 1) конституціи, 2) религіи, 3) законовъ и 4) государственнаго хозяйства (statshushållningen).

I. Относительно конституціи. Его Императорское Величество по великодушію торжественно далъ финской націи искреннѣйшее и святѣйшее удостовѣреніе поддерживать ея конституцію, основами которой служатъ:

1. Законная свобода.

2. Соблюденіе святости лютеранской вѣры и обязанность Монарха не назначать въ этой странѣ на государственныя должности иныхъ лицъ, кромѣ оффиціально исповѣдующихъ эту религію.

3. Право націи на самообложеніе податями, и

4. Право посылать на сеймъ своихъ представителей, когда Монарху благоугодно будетъ созвать таковой.

Такъ какъ желаютъ соединить старую и новую Финляндію, то безъ сомнѣнія было-бы правильно и полезно, чтобъ Его Императорское Величество посредствомъ торжественнаго объявленія благоволилъ-бы дать жителямъ въ старой Финляндіи тѣ-же удостовѣренія о пользованіи ими тѣми-же правами, которыя допускаетъ

упомянутая конституція. Общія постановленія, которыя относятся къ правамъ и привилегіямъ каждаго изъ четырехъ сословій—т. е. дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ—подлежали большимъ измѣненіямъ, благодаря предписаніямъ законовъ, кои появились послѣ заключенія мира въ Ништадтѣ и Або, и прежде всего появленію Формы Правленія отъ 21 августа 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. Поэтому было-бы желательно, чтобъ Его Величество учредилъ комиссію въ городѣ Выборгѣ, задача которой заключалась-бы въ приведеніи правъ и привиллегій сословій въ старой Финляндіи въ соотвѣтствіе съ тѣми измѣненіями, которыя перечислены выше, а также въ сообщеніи о результатахъ по этому поводу жителямъ страны, которые такимъ образомъ будутъ пользоваться тѣми же привиллегіями, какими пользуются сословія въ новой Финляндіи.

II. Относительно религіи. Разсмотрѣвъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ новой и старой Финляндіи и принявъ въ соображеніе то близкое соотношеніе, которое всегда должно существовать между религіей и учрежденіями, мы считаемъ долгомъ предложить:

1. Учрежденіе епископства въ городѣ Выборгѣ, вслѣдствіе чего особый надзоръ за всѣми духовными дѣлами былъ-бы порученъ, какъ и въ новой Финляндіи, епископу. Общая администрація этихъ дѣлъ должна быть передана духовной консисторіи, предсѣдателемъ которой состоитъ епископъ, а членами—какъ это существуетъ въ Борго,—состоятъ домъ-пробстъ Выборга и лекторы гимназіи. Консисторія въ Выборгѣ, какъ и въ Або и Борго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна быть подчинена правительственному совѣту. Съ момента вступленія въ должность назначеннаго епископа, дѣятельность Свят. Синода по церковнымъ дѣламъ въ старой Финляндіи должна прекратиться и епископъ обязанъ привести въ порядокъ остальныя церковныя дѣла, которыя, хотя и имѣютъ меньшее значеніе, однако требуютъ распредѣленія, подобно тому, которое было предпринято въ новой Финляндіи.

2. Все, что касается общественнаго преподаванія, въ сельскихъ и городскихъ школахъ, а также въ учрежденной въ Выборгѣ гимназіи, то оно должно находиться подъ особымъ наблюденіемъ епископа и администраціи консисторіи. Такимъ образомъ прекратился-бы главный надзоръ надъ нимъ министра народнаго просвѣщенія и университета въ Дерптѣ, которому до сихъ поръ поручался этотъ надзоръ.

III. Относительно законовъ. Въ той части Выборгской губ., которая по Ништадтскому миру была присоединена къ Россіи, суды

судятъ по земскому закону (landlag) шведскаго Короля Кристоффера отъ 1442 года, каковой законъ въ правленіе Короля Карла IX въ 1609 г. былъ отпечатанъ и распубликованъ, а также по городскому праву Короля Густава Адольфа, распубликованному въ 1618 г. Въ остальной части этихъ губерній, которыя Россія пріобрѣла по Абоскому миру, судятъ по судебнику Короля Фридриха, опубликованному 23 января 1736 г.; однако тѣ законы и постановленія, которыя съ тѣхъ поръ были изданы (въ Швеціи), тамъ (въ губерніяхъ) уже не употребляются. Чтобъ достичь сообразности въ отправленіи правосудія въ новой и старой Финляндіи, правительство должно назначить, чтобъ, по истеченіи опредѣленнаго времени, законъ 1734 г. и всѣ постановленія, которыя измѣняютъ или поясняютъ его, всюду были примѣнимы при судахъ въ старой Финляндіи.

Разсмотрѣвъ существующее отношеніе между судебными мѣстами и юстицъ-коллегіей, я нахожу настоятельно необходимымъ учредить въ Выборгѣ гофгерихтъ съ тѣми же обязанностями, которыя присвоены гофгерихтамъ въ Або и въ Вазѣ, и съ тѣмъ, чтобы онъ замѣнилъ собою юстицъ-коллегію по ея завѣдыванію дѣлами, касающимися правосудія въ старой Финляндіи. Изъ этого гофгерихта, такъ же какъ и изъ другихъ вышеупомянутыхъ, дѣла должны быть передаваемы въ подлежащихъ случаяхъ либо въ департаментъ юстиціи, либо въ правительственный совѣтъ. Штатъ этого гофгерихта не долженъ превышать штатъ гофгерихта въ Вазѣ.

IV Относительно государственной экономіи. Правда, что въ этой отрасли правленія старой Финляндіи должны произойти большія измѣненія, чѣмъ въ другихъ; тѣмъ не менѣе эти дѣла не столь ужъ запущены, чтобъ нельзя было произвести ихъ преобразованія, если только желательно построить реформы на солидной базѣ. По этой причинѣ слѣдуетъ предложить назначеніе ландсгевдинга въ Выборгъ и на него возложить такія же обязанности, какъ и на другихъ ландсгевдинговъ въ новой Финляндіи; поэтому онъ долженъ руководствоваться инструкціей ландсгевдингамъ отъ 4 ноября 1734 г. и тѣмъ, что предписываютъ многія другія полицейскія, экономическія и финансовыя законоположенія. Онъ, какъ и другіе ландсгевдинги, долженъ быть подчиненъ хозяйственному департаменту, согласно тому, что постановлено въ регламентѣ правительственному совѣту. Для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей ландсгевдингъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи, кромѣ извѣстнаго числа подчиненныхъ чиновниковъ:

ландсекретаря для судебныхъ и полицейскихъ дѣлъ, и ландскамерира по финансовымъ и межевымъ дѣламъ. Назначеніемъ этихъ чиновниковъ прекращается завѣдываніе канцеляріей гражданскаго губернатора и казенною палатою названныхъ дѣлъ. Что касается коронныхъ фохтовъ и ленсмановъ, которые суть сборщики казенныхъ податей и исполнители рѣшеній губернатора, то тутъ не представится никакихъ затрудненій, потому что они остались почти въ такомъ же видѣ, какъ и въ новой Финляндіи.

Относительно лѣсовщиковъ, — которые въ настоящее время занимаютъ мѣста въ старой Финляндіи и по своимъ служебнымъ обязанностямъ подчинены главному казначею имперіи,—слѣдуетъ признать, что было-бы, конечно, послѣдовательно и очень полезно поставить эту часть государственной экономіи въ такое-же положеніе, въ какомъ она находится въ новой Финляндіи, т. е. все это лѣсное учрежденіе должно быть упразднено и попеченіе о казенныхъ лѣсахъ поручено ландсгевдингу, который при этомъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи лѣсныхъ и охотничьихъ слугъ. Послѣ высочайшаго назначенія ландсгевдинга и его вступленія въ должность, онъ обязанъ, въ силу новыхъ законовъ и постановленій Финляндіи, озаботиться вопросомъ о податяхъ и о ревизіи межевого вѣдомства, что въ настоящее время очень важно въ старой Финляндіи.

Таковы всѣ главнѣйшія распоряженія, которыя мы считаемъ необходимыми предложить въ виду соединенія новой и старой Финляндіи.

Правительственный совѣтъ въ то-же время долженъ имѣть особый надзоръ за всѣми этими распоряженіями.

Вѣроятно мнѣ удалось доказать, что это возсоединеніе финскаго народа ни въ какомъ отношеніи не можетъ встрѣтить препятствій въ его выполненіи. Безъ сомнѣнія эта реформа, какъ и всякія нововведенія, въ началѣ причинитъ много неудобствъ, которыя, однако, возможно предупредить избраніемъ просвѣщенныхъ и справедливыхъ лицъ, коимъ поручено будетъ главнѣйшее руководство упомянутыми дѣлами. Впрочемъ, не такими мелочными неудобствами долженъ задерживаться человѣкъ, одаренный справедливымъ сердцемъ и развитымъ умомъ; онъ долженъ видѣть прекрасное въ цѣломъ: счастіе цѣлаго народа — и онъ желаетъ этого возсоединенія, какъ высшее благодѣяніе нашего милостиваго Монарха относительно финской націи» [387]).

Записка явно односторонняя; авторъ пренебрегъ голосомъ русскаго патріотизма, онъ не принялъ во вниманіе психологіи по-

бѣдителя, для котораго не можетъ представляться безразличнымъ возвращеніе завоеваннаго и необходимаго для безопасности его столицы.

Въ архивѣ Государственнаго Совѣта [388]) сохраняется записка на французскомъ языкѣ, никѣмъ не подписанная. По развязному тону и по общимъ проводимымъ въ ней мыслямъ она напоминаетъ другія произведенія Армфельта. Въ нее включены подробности, которыя могли быть извѣстны прежде всего финляндцу. Наконецъ, въ текстъ ея введены шведскія названія, прописанныя шведскими буквами (härad, häradshöfdingar, lagman). Все это даетъ основаніе считать авторомъ ея—Армфельта.

Главное ея содержаніе сводится къ критикѣ многочисленныхъ дурныхъ сторонъ въ положеніи Выборгской губерніи. Управленіе, по словамъ составителя записки, было самое небрежное; правосудіе плохое, лѣса опустошены, школы пустуютъ, пасторы—невѣжды; губернія во всемъ отстала, тогда какъ могла процвѣтать; крестьяне нищіе, помѣщики — тираны и т. д. Когда принципы искажены, то — по совѣту Монтескье—нужно всѣми средствами, какъ можно скорѣе вырвать зло съ корнемъ. Для излеченія всего въ Выборгской губерніи въ запискѣ указывается одно средство, которое полезно для правосудія, короны и народа, это—соединеніе старой Финляндіи съ тѣми финляндскими провинціями, которыя подчинены Россіи, такъ какъ въ этихъ провинціяхъ хорошо поставлены право личности, право собственности, имѣются уложеніе и другіе законы. Чтобы совершить соединеніе, рекомендуется объявить въ указѣ общіе его принципы; надо, чтобы отношенія между земледѣльцами и помѣщиками были основаны на поземельной росписи и на контрактахъ, и чтобы все, начиная съ января 1812 г., было установлено на порядкахъ, существующихъ въ новой Финляндіи.

Но не эти двѣ записки Армфельта привели къ окончательному рѣшенію дѣла.

До разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о возсоединеніи Выборгской губерніи, онъ подготовлялся собраніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ матеріаловъ. Представлена была особая «Справка о Высочайшихъ постановленіяхъ, которыми предоставлены Финляндіи особыя права» и отдѣльная записка: «Соображенія, къ этому-же предмету относящіяся». Наибольшій интересъ представляетъ третья записка на русскомъ языкѣ анонимнаго автора «о соединеніи обѣихъ Финляндій». Въ виду того, что въ печати она до сихъ поръ не являлась, приводимъ ее дословно.

«Положеніе Финляндской губерніи давно уже обращало на себя особенное вниманіе правительства.

Главнѣйшія неудобства сего положенія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Смѣшеніе правъ гражданскихъ. Извѣстно, что Финляндская губернія составилась изъ двухъ постепенныхъ завоеваній. Послѣ Ништадтскаго мира, въ 1721 г. заключеннаго, въ 1726 г. дарованы Выборгскимъ и Кексгольмскимъ провинціямъ прежнія ихъ права. Послѣ Абовскаго мира, въ 1743 г. заключеннаго, самымъ трактатомъ дарованы Кюменегородской провинціи права и преимущества, коими она пользовалась. Впослѣдствіи права сіи многократно были подтверждаемы. Возникли два разныя гражданскія законодательства, коими управляются провинціи, одну губернію составляющія. Въ Выборгской и Кексгольмской дѣйствуетъ старое шведское уложеніе и учрежденія до 1721 г. въ Швеціи изданныя, а въ Кюменегородской новое шведское уложеніе, въ 1734 г. изданное, и шведскіе законы до Абовскаго мирнаго трактата, то есть, до 1743 г. состоявшіеся. Всѣ усовершенія, исправленія и дополненія, кои въ теченіе сихъ разныхъ эпохъ въ коренномъ шведскомъ законодательствѣ могли послѣдовать, были для сихъ провинцій недѣйствительны; такимъ образомъ въ каждой изъ нихъ отъ одного года къ другому умножались затрудненія. Въ 1787 г. хоть и представляемо было соединить сіи два разнообразныя законодательства воедино, но Правительствующій Сенатъ не призналъ сего за благо; затрудненія-же, отъ сего возникшія, разрѣшалъ частными постановленіями. Изъ всего сего произошло самое странное смѣшеніе шведскихъ законовъ разнаго времени, съ разными временными и случайными постановленіями Россійскими.

2) Недостатки управленія. Смѣшеніе сіе естественно должно было усилиться, когда введено было въ сію губернію Россійское полицейское и казенное управленіе. Въ шведскомъ законодательствѣ, да и во всѣхъ вообще законодательствахъ, гражданскій законъ и исполненіе его, то есть, гражданское уложеніе и полицейскій уставъ, образованіе мѣстъ судебныхъ и мѣстъ полицейскихъ должны быть основаны на одинхъ началахъ. Но въ Финляндской губерніи два разныя шведскія гражданскія уложенія должны быть исполняемы Россійской полиціею; отсюда частое и почти ежедневное недоразумѣніе между судебными мѣстами и полицейскими, отсюда все бездѣйствіе власти управляющей, или самовластное нарушеніе власти судной.

Отъ сихъ двухъ главныхъ источниковъ произошли слѣдующія послѣдствія:

1) Неизвѣстность въ правѣ собственности. Право сіе опредѣляется въ законахъ шведскихъ весьма различно отъ законовъ Россійскихъ. Отсюда противорѣчія и въ судѣ, и въ управленіи, непрестанныя состязанія между помѣщиками и ихъ крестьянами, безпокойство и смятеніе во всѣхъ частяхъ, до того простирающееся, что правительство часто вынуждаемо было прекращать его воинскою силою.

2) Отъ нетвердой собственности и отъ безпорядковъ земскаго управленія земледѣліе ослабѣло; промышленность состоитъ единственно въ истребленіи лѣсовъ; обыватели обѣднѣли; самое населеніе умаляется.

Такимъ образомъ двѣ провинціи смежныя и нѣкогда единоплеменныя, съ равными почти физическими выгодами, бывшія нѣкогда въ одинаковой степени нравственнаго образованія, старая и новая Финляндія отъ единой разности въ началахъ управленія столько раздѣлились, что одна на другую почти не походятъ. Новая Финляндія извѣстна силою своего цвѣтущаго земледѣлія, сельскимъ хозяйствомъ, довольствомъ ея обывателей и добрыми ихъ нравами; а старая бѣдностью, разореніемъ и упадкомъ ея нравовъ.

Мѣры исправленія. Разныя мѣры были принимаемы къ ея исправленію.

Еще въ 1765 году повелѣно было для приведенія въ порядокъ правъ собственности и оброкоположенія составитъ ревизію по шведскому обряду.

Но мѣра сія черезъ тридцать пять лѣтъ не произвела никакого успѣха.

Въ 1802 году составленъ былъ особый комитетъ.

Сверхъ затрудненій, предстоявшихъ въ сводѣ и изъясненіи разныхъ правъ и законовъ, главнѣйшая трудность состояла въ вопросѣ, на какихъ началахъ учредить образованіе сей губерніи?

Образовать ее на началахъ шведскаго гражданскаго законодательства было невозможно: 1) потому, что шведское гражданское право столь тѣсно соединено съ правомъ политическимъ, что одно безъ другого существовать почти не могутъ; 2) потому, что въ высшихъ разрядахъ суда и управленія въ Сенатѣ и въ Министерствѣ право сіе трудно было-бы сообразить съ общимъ движеніемъ дѣла и дать ему надлежащую силу.

Образовать сію губернію на началахъ общаго губернскаго учрежденія было невозможно: 1) потому, что права личныя и общественныя, при занятіи сей провинціи ей уступленныя, не

могли быть соглашены съ силою учрежденія и должны-бы быть или нарушены или вознаграждены. Первое повлекло-бы съ собою многія неудобства и самое повиновеніе, а послѣднее родило-бы множество тяжбъ, притязаній, безпорядки и смѣшеніе; 2) потому, что сіе потребовало-бы весьма дробнаго и продолжительнаго разбора древнихъ земскихъ правъ и образа владѣнія земель и приложенія ихъ къ новому.

Въ семъ затруднительномъ положеніи всѣхъ мѣръ, кои досели были пріемлемы къ образованію сей губерніи, присоединеніе новой Финляндіи къ Россіи представляетъ средство самое удобное и простое. Въ самомъ дѣлѣ, если опытомъ дознано, что управленіе новой Финляндіи основано на началахъ положенія сего края, выгодамъ его земледѣлія, пользамъ его обывателей и привязанности ихъ къ Россіи наиболѣе сообразнымъ; если опытомъ дознано, что старая Финляндія единымъ уклоненіемъ отъ сихъ началъ постепенно низведена была въ настоящее ея состояніе, если, наконецъ, обѣ сіи провинціи нынѣ равно принадлежатъ къ Имперіи, и той же и единой покорены верховной власти: то не можетъ быть никакого основанія различать ихъ ни въ имени, ни въ жребіи, ни въ образѣ управленія, и подобно тому, какъ изъ двухъ прежнихъ разновременныхъ завоеваній составилась одна губернія, нынѣ должно изъ трехъ составить одну провинцію.

Выгода соединенія состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Образованіе Финляндской губерніи, коимъ правительство съ 1765 года безъ успѣха занималось, само собою симъ соединеніемъ совершится. Губернія сія, ставъ наравнѣ съ прочими губерніями финляндскими, нечувствительно воспріиметъ тотъ-же самый образъ управленія, коимъ они ко благу ихъ обывателей пользуются.

II. Право земской собственности, нынѣ въ Финляндской губерніи только слабое и неизвѣстное, утвердится само собою на общихъ основаніяхъ гражданскаго закона, коимъ управляется Финляндія; жалобы, пререканія и поводы къ безпокойству исчезнутъ.

III. Въ теченіе краткаго времени подъ общимъ и свойственнымъ сему краю управленіемъ, положеніе сей губерніи безъ сомнѣнія исправится. Бѣдность хижины, упадокъ земледѣлія и нравовъ не будутъ уже представляться въ предверіи самой столицы въ укоризну закону и управленію.

IV. Различіе между старою и новою Финляндіею исчезнетъ. Страна сія составитъ одно нераздѣльное цѣлое, Имперіи принадлежащее. Симъ союзъ ея еще болѣе утвердится:

Два возраженія могутъ быть здѣсь сдѣланы.

Первое. Съ присоединеніемъ старой Финляндіи, число рекрутъ, съ нее поступающихъ сложится на другія губерніи. — На сіе примѣтить можно, что въ Финляндіи вообще положено возстановить со временемъ милицію.

Второе. Уменьшатся казенные доходы. — Доходы сіи за содержаніемъ правительственныхъ и судныхъ мѣстъ весьма неважны. Вообще о финляндскихъ доходахъ сдѣлано постановленіе, чтобъ остатки ихъ причисляемы были къ казначейству Имперіи.

На сихъ основаніяхъ составленъ проектъ манифеста, при семъ прилагаемый» [389]).

Если указанія М. Шюбергсона, сдѣланныя въ его исторіи (2 изд. т. II, 380) точны, то получается основаніе приписать приведенную записку о соединеніи обѣихъ Финляндій Сперанскому. «Сперанскій представилъ, — читаемъ у Шюбергсона, — затрудненіе, происходящее отъ борьбы шведскаго и русскаго законовъ между собою въ старой Финляндіи, отчего происходятъ множество безпорядковъ и особенно небезопасность имущественнаго права».

Послѣ частыхъ бесѣдъ Армфельта съ Государемъ и послѣ представленія письменныхъ соображеній, дѣло нѣсколько пріостановилось. Проходила недѣля за недѣлей, но Высочайшій Манифестъ не появлялся. 25 ноября Армфельтъ писалъ подполковнику Карлу Шернвалю: «Принципы соединенія старой Финляндіи вполнѣ одобрены, согласно моего представленія, но указъ составитъ Сперанскій, почему я не знаю, когда дѣло получитъ движеніе; это важное дѣло, конечно, встрѣтитъ затрудненія, но и они доставятъ больше чѣмъ 100.000 существамъ счастье и дадутъ нашей родинѣ новую силу и безопасность. Теперь все тихо, и объ этомъ нѣтъ больше рѣчи, но когда вопросъ опять всплыветъ наружу, я надѣюсь получить страшную быстроту въ 24 часа» [390]).

Имѣется основаніе предположить, что въ Государственный Совѣтъ была внесена записка Армфельта «Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande».

Въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ манифеста о соединеніи старой и новой Финляндіи разсматривался два раза. 28 ноября 1811 г. въ собраніи предсѣдателей, когда «признали проектъ сей настоящему положенію сихъ провинцій сообразкеннымъ», и 4 декабря, когда общее собраніе признало проектъ манифеста и заключеніе собранія предсѣдателей «правильнымъ».

О засѣданіи Государственнаго Совѣта узнаемъ изъ письма П. В. Чичагова къ графу С. Р. Воронцову слѣдующее: «Въ первый день моего вступленія въ Совѣтъ, предложено было соеди-

нить обѣ Финляндіи. Я всталъ въ оппозицію и спросилъ, къ какому добру и къ какой перемѣнѣ въ нашей старой Финляндіи оно поведетъ? Сперанскій былъ зачинщикомъ этого проекта. Онъ хотѣлъ отвѣтить, но Императоръ самъ заговорилъ, и увѣрилъ меня, что это не произведетъ никакой перемѣны, что обѣ части будутъ управляемы по тѣмъ же принципамъ, и если уже въ самомъ дѣлѣ соединены, то ихъ соединили лишь по имени. Я не былъ въ расположеніи входить въ подробности и еще менѣе ознаменовать свое первое присутствіе споромъ съ монархомъ, и (потому) больше ничего не сказалъ. Вѣроятно, если-бъ я даже высказалъ многое, что давало право противорѣчить многому вредному, на которое тогда указывали, оно все равно не произвело бы никакого дѣйствія. Я это видѣлъ потомъ на опытѣ. Все, чего желалъ Сперанскій, неминуемо исполнялось, и всякая оппозиція была бы только потеряннымъ трудомъ» [391]).

Конечно, такое неслыханное дѣло, какъ отторженіе отъ Россіи цѣлой губерніи, создало Армфельту противниковъ и, будь наше общество проникнуто тогда патріотизмомъ и національнымъ самосознаніемъ, оно вызвало бы обширный протестъ. Но этого не случилось. Въ своихъ письмахъ конца 1811 г. Армфельтъ часто намекаетъ, что онъ встрѣтилъ препятствія, но не указываетъ, въ какой формѣ они проявлялись. Такъ въ письмѣ къ Фридриху Шернвалю отъ 26 ноября онъ говоритъ объ «отвращеніи, которое тайно, но въ глубинѣ души господствуетъ противъ финновъ среди всѣхъ русскихъ чиновниковъ», и о тайной, но сильной кабалистикѣ, которую финляндцы имѣли противъ себя въ Петербургѣ. «Но я все-таки не отступлю передъ этими monstres à plusieurs têtes (передъ уродами о нѣсколькихъ головахъ), прибавляетъ онъ, пока не увижу, что больше ничего невозможно будетъ сдѣлать» [392]). Государь много разъ говорилъ мнѣ: «Quand vous voyez qu'on ne veut pas marcher dans votre sens, dites—le à moi, j'ai des bons éperons». (Когда вы видите, что не хотятъ слѣдовать вашему желанію, то скажите мнѣ объ этомъ, у меня хорошія шпоры)—такъ я и поступалъ и дѣло подвигалось.—Ну, соединеніе Финляндіи состоялось, хотя всѣ, кромѣ царя, были противъ этого. И даетъ же оно мнѣ теперь чертовскую работу, однако, признайся, что этотъ послѣдній опусъ (opus) въ моей карьерѣ, долженъ дать мнѣ удовлетвореніе».

11 декабря 1811 г. послѣдовало два Высочайшихъ манифеста о присоединеніи Выборгской губерніи къ Великому Княжеству Финляндіи [393]).

«Съ присоединеніемъ новой Финляндіи къ Россійской Имперіи, различіе между старою и новою Финляндіею, какъ въ наименованіи ихъ, такъ и въ самомъ образѣ управленія, находя излишнимъ и настоящему положенію сего края не свойственнымъ, внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, признали Мы за благо постановить слѣдующее:

1) Старую и новую Финляндію отнынѣ совокупно именовать Финляндіею.

2) Прежняя Финляндская губернія наравнѣ съ губерніями, въ Финляндіи существующими отнынѣ состоять будетъ въ Главномъ Управленіи, для сей страны Нами утвержденномъ».

Другой манифестъ отъ того же 11 декабря предназначался для Финляндскаго Совѣта и гласилъ: «По мѣстному положенію старой Финляндіи, находя полезнымъ присоединить оную къ Великому Княжеству Финляндіи, признали Мы за благо постановить слѣдующее:

1) Финляндская губернія присоединяется къ Великому Княжеству Финляндіи и въ общемъ его составѣ будетъ именоваться губерніею Выборгскою.

2) Мѣстное сей губерніи управленіе остается въ Выборгѣ.

3) Изъ обывателей сей губерніи Мы назначимъ двухъ членовъ въ составъ Финляндскаго Совѣта и одного въ составъ Абоскаго гофгерихта.

4) Съ 1812 г. доходы сей губерніи имѣютъ быть причисляемы къ общимъ доходамъ.

5) Финляндскому Совѣту поручается образовать управленіе сей губерніи во всѣхъ частяхъ на тѣхъ же самыхъ правилахъ, на коихъ состоятъ прочія губерніи, Финляндію составляющія.

6) Для сего Финляндскій Совѣтъ не оставитъ избрать и составить особенный Комитетъ и, снабдивъ его настоящими наставленіями, отправить въ Выборгъ для разсмотрѣнія на мѣстѣ настоящаго сей губерніи положенія и для представленія Совѣту подробнаго учрежденія о приведеніи оной въ единообразіе съ прочими.

7) Для общей связи дѣлъ, Выборгскій Гражданскій Губернаторъ назначается предсѣдателемъ сего Комитета.

8) Дѣла судныя сей губерніи имѣютъ поступить въ Абоскій Гофгерихъ, впредь до усмотрѣнія.

9) Управленіе духовныхъ дѣлъ въ сей губерніи присоединяется къ Боргоской епархіи.

10) Подробныя распоряженія по сей губерніи Мы не оставимъ учинить по разсмотрѣніи тѣхъ предположеній, кои въ Коми-

тетѣ будутъ сдѣланы отъ Финляндскаго Совѣта и Намъ представлены .

Тогда же, 11 декабря 1811 г., на имя финляндскаго генералъ-губернатора Штейнгеля послѣдовалъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Вамъ извѣстны уже намѣренія Мои о соединеніи обѣихъ Финляндій. Признавъ нужнымъ предположенія сіи нынѣ привести въ дѣйствіе, препровождаю къ вамъ Манифестъ для предложенія его Финляндскому Совѣту и для обнародованія установленнымъ порядкомъ. Съ состояніемъ сего Манифеста, власть генералъ-губернатора Финляндіи, вамъ ввѣренная, сама собою распространяется уже и на Выборгскую губернію. Выборгскому гражданскому губернатору предписалъ Я, вмѣстѣ съ симъ, во всемъ къ вамъ относиться. Вы не оставите снабдить его подробными наставленіями, чтобы ускорить устройство сей губерніи на правилахъ съ прочими единообразныхъ, и какимъ образомъ, между тѣмъ, онъ долженъ поступать въ ея управленіи. Вамъ предоставляю Я избрать и представить мнѣ четырехъ кандидатовъ, изъ обывателей Выборгской губерніи, для опредѣленія въ Совѣтъ. Вы не оставите настоять, чтобы кандидаты для составленія комитета въ Выборгѣ немедленно были избраны и Мнѣ представлены. Число ихъ предоставляю вашему усмотрѣнію». Объ учрежденіи сего комитета состоялся особый Манифестъ 19 января 1812 г.

Итакъ, нѣсколькими росчерками пера тысячи коренныхъ русскихъ жителей Выборгской губерніи были превращены въ полуиностранцевъ и поставлены подъ воздѣйствія совершенно чуждыхъ имъ шведскихъ законовъ. Явленіе, конечно, безпримѣрное въ исторіи другихъ странъ.

Въ началѣ января 1812 г. Комиссія по Финляндскимъ дѣламъ препроводила Ѳ. Ѳ. Штейнгелю «подписанное Его Императорскимъ Величествомъ собственноручное постановленіе объ образованіи Выборгской губерніи на подобіе прочихъ губерній Финляндіи, какъ равно сдѣланное на французскомъ языкѣ сочиненіе (вѣроятно записка Армфельта, который подписалъ и это письмо къ Штейнгелю), Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше разсмотрѣнное » [394]).

Реформа была проведена столь поспѣшно, что сейчасъ же обнаружился рядъ пробѣловъ: въ Манифестѣ оказались упущенными многія существенныя отрасли правленія. Создалась необходимость дополнительнаго указанія съ высоты трона и Армфельтъ пишетъ проектъ новаго постановленія, которое—какъ и все, что онъ представлялъ Государю,—было составлено на французскомъ языкѣ.

Въ Манифестѣ отъ 11—23 декабря 1811 г. ни слова не было упомянуто о правахъ обитателей старой Финляндіи, хотя Армфельтъ въ своихъ «размышленіяхъ» предлагалъ особое торжественное удостовѣреніе тѣхъ правъ, которыми пользовались ихъ братья на западѣ. Необходимость поэтому новаго закона была мотивирована Армфельтомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Послѣ того, какъ Его Императорское Величество въ Манифестѣ всемилостивѣйше объявилъ свое желаніе поставить дѣла въ старой Финляндіи въ такое же положеніе, какъ и въ новой, является необходимость установить надлежащія мѣры, посредствомъ которыхъ возможно будетъ въ скорѣйшемъ времени этого достигнуть.

Одна (провинція), которая только что оправилась отъ несчастій войны, представляетъ цвѣтущій видъ; другая, которая пользовалась столѣтнимъ спокойствіемъ, представляетъ одно только запущеніе. Единственная причина разоренія этого края заключается въ томъ, что мѣстное его управленіе допустило угнетеніе земледѣльческаго класса, составляющаго, однако, дѣйствительную силу государства. Это обстоятельство препятствуетъ правительству принять какія либо мѣры къ улучшенію положенія дѣлъ.

Было бы преступленіемъ скрывать истину отъ Монарха. Недоброжелательство и невѣжество тѣхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ управляли этой несчастной провинціей, привели въ упадокъ всѣ учрежденія, дѣла и лица. Извѣстно, что тѣ же причины повергли въ варварство и бѣдствія самыя образованныя націи, жившія подъ прекраснѣйшимъ небомъ земли. Тѣмъ большее вліяніе, вслѣдствіе этого преступнаго нерадѣнія, испыталъ финскій народъ, обрабатывавшій свою неплодородную землю подъ 60° (сѣверной) широты.

Съ тѣхъ поръ, какъ уваженіе къ личной безопасности и имуществу должно было отступить передъ своеволіемъ, Финляндія быстро стала приближаться къ своему физическому и моральному паденію. Несправедливость всегда будетъ истощать государство и подданныхъ. На земельныя книги болѣе не обращаютъ вниманія, и съ 1728 г. онѣ не подлежали пересмотру. Крестьянинъ, который на основаніи закона являлся свободнымъ и испоконъ вѣка самъ былъ землевладѣльцемъ, постепенно прикрѣплялся къ землѣ, и долженъ былъ подчиняться совершенно произвольному суду, каковой чинили помѣщики.

Характеръ народа началъ портиться. Бывшіе трудолюбивые, прилежные и послушные жители, стали лѣнивыми и упрямыми, а иногда приведены были даже до отчаянныхъ поступковъ.

Землевладѣльцы-дворяне, которые считали вымогательство лучшимъ средствомъ для увеличенія своихъ доходовъ, не нажили себѣ богатствъ—это можно сдѣлать только посредствомъ просвѣщенной экономіи,—а напротивъ въ большинствѣ случаевъ разорили себя. Правосудіе, которое прежде безпристрастно отправлялось при помощи немдемановъ и подъ надзоромъ гофгерихта, теперь стало продажнымъ средствомъ для притѣсненій, и пренебрегается даже самими судьями. Ренты, хотя и умѣренныя, уплачиваются неаккуратно. Школы крестьянъ пустуютъ.

Возможно ли такимъ образомъ удивляться тому, что земледѣліе находится въ упадкѣ, и что населеніе уменьшается, тогда какъ то и другое въ новой Финляндіи сдѣлали замѣтные успѣхи.

Когда дѣло идетъ о возстановленіи разрушеннаго порядка и объ оживленіи силы дѣятельности, общей нравственности и общаго благосостоянія, то слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на два обстоятельства: 1) на права различныхъ сословій и 2) на организацію административныхъ и судебныхъ учрежденій. Ихъ обоихъ правительство должно оберегать.

Необходимо, чтобъ правительство посредствомъ комплектнаго закона («par une loi réglementaire») постановило, какимъ способомъ манифестъ, согласно съ конституціей края, долженъ быть приведенъ въ исполненіе.

Слѣдовательно — продолжаетъ Армфельтъ свою мотивировку—проектъ сначала указываетъ въ общей статьѣ—которая собственно не есть что-либо иное какъ ссылка на конституцію—какими правами отдѣльные народные классы въ старой Финляндіи будутъ пользоваться послѣ возсоединенія. Этимъ опредѣленіемъ правительство пробудитъ конституцію къ жизни и дѣятельности».

Проектъ новаго манифеста о началахъ въ управленіи Выборгской губерніи, составленный, кажется, Армфельтомъ, подвергся разсмотрѣнію Сперанскаго, который сдѣлалъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Изъ нихъ особенно выдѣляется первое [395]).

Въ введеніи слово incorporé à Notre Empire лишнее. Оно можетъ подать поводъ къ толкованіямъ и, хотя въ существѣ своемъ оно и справедливо, но безъ нужды нѣтъ причины о семъ упоминать».

31 декабря 1811 г. появился манифестъ объ устройствѣ Выборгской губерніи (П. С. Зак. № 24934), въ которомъ, между прочимъ, значилось:

«Манифестомъ, въ 11 день декабря 1811 г. изданнымъ, присоединивъ Выборгскую губернію къ Великому Княжеству Фин-

ляндіи, въ слѣдствіе того нынѣ признали Мы за благо постановить главныя правила, на коихъ преобразованіе сей губерніи имѣетъ быть располагаемо, и кои должны служить руководствомъ какъ Финляндскому генералъ-губернатору, Совѣту и мѣстному начальству, такъ и частнымъ лицамъ въ точномъ исполненіи означеннаго Манифеста.

Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ.

Званія Губернатора и дѣйствіе Казенной Палаты, Приказа Общественнаго Призрѣнія, Губернскаго Прокурора, Дворянскаго Предводителя, Штатгалтеровъ, прекращается.

Устройство военное и все, относящееся до милиціи, имѣетъ быть учреждено въ сей губерніи на тѣхъ же правахъ, на коихъ оно установлено и по прочимъ губерніямъ Великаго Княжества.

Права и обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ вообще, равно какъ и въ особенности права помѣщиковъ по Финляндской конституціи въ гейматахъ или хозяйственныхъ дѣлахъ крестьянъ ихъ постепенно приводимы будутъ въ тѣ же самые предѣлы, по коимъ отправляются тѣ и другія въ новой Финляндіи.

Въ губерніяхъ, по Нейштадтскому трактату присоединенныхъ, при опредѣленіи обязанностей крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, руководствоваться ревизіею 1728 г.; въ провинціяхъ же, пріобрѣтенныхъ по трактату Абовскому, держаться правилъ, тогда существовавшихъ.

Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставляется однако же право относительно оброковъ заключать между собою добровольныя условія.

Права и обязанности крестьянъ и земледѣльцевъ, поселенныхъ въ Финляндіи, какого бы они ни были происхожденія и откуда бы переведены они ни были, опредѣляются на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какъ и вообще для всѣхъ коренныхъ обывателей Финляндіи.

Споры, каковые бы могли возникнуть по сему предмету между частными лицами, поступаютъ на разрѣшеніе Судовъ Великаго Княжества по принадлежности; въ сужденіи ихъ они руководствуются существующими законами и правилами сего Положенія.

Вслѣдствіе Манифеста 11 декабря и Рескрипта на имя Генералъ-Губернатора въ то же время даннаго, учреждается вре-

менная Комиссія, на которую возлагается привесть на мѣстѣ въ исполненіе правила настоящаго Положенія, подъ особеннымъ наблюденіемъ Генералъ-Губернатора и Совѣта, кои всѣ дальнѣйшія мѣры, какія усмотрѣны ими будутъ въ послѣдствіи нужными, имѣютъ представлять Намъ на утвержденіе.

Гражданское и Уголовное Уложеніе, дѣйствующее въ Финляндіи съ января 1812 г., имѣетъ воспринять силу его и дѣйствіе и въ Выборгской губерніи.

Всѣ дѣла, производимыя въ юстицъ-коллегіи и Сенатѣ, равно какъ и архивы, до Финляндіи относящіеся, имѣютъ быть обращены изъ сихъ мѣстъ въ Правительствующій Совѣтъ Великаго Княжества, который потомъ распредѣлитъ ихъ между чинами и мѣстами по принадлежности; нерѣшенныя дѣла имѣютъ быть окончены на основаніи законовъ; а рѣшенныя имѣютъ быть размѣщены по архивамъ для храненія».

Имѣется еще одна записка Армфельта. Она касается почтоваго вопроса. Представляя записку Государю, ея составитель докладывалъ: «Министръ внутреннихъ дѣлъ, доставившій мнѣ свѣдѣнія, которыя я у него просилъ по поводу почтоваго вѣдомства въ старой Финляндіи, желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы я исходатайствовалъ у Вашего Величества для него позволеніе сообщить мѣстнымъ властямъ, что существовавшія до сихъ поръ отношенія прекратились и что эти учрежденія будутъ находиться въ вѣдѣніи центральнаго управленія Великаго Княжества, согласно основамъ его конституціи» [396]).

Манифестъ 31 декабря 1811 г. также всѣхъ не удовлетворилъ. Печать поспѣшности лежала на законодательныхъ работахъ Армфельта, и все это являлось послѣдствіемъ излишняго рвенія. Даже Ребиндеръ, съ которымъ Армфельтъ всегда состоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ, задумывался надъ его торопливостью и реформаторскимъ жаромъ.

Я слышу, что послѣднія разъясненія Манифеста о соединеніи Финляндіи не понравились ни въ старой Финляндіи, ни губернатору. Я это предсказывалъ, и пусть начальнику (Армфельту) это послужитъ урокомъ слушаться комиссіи» [397]).

Армфельтъ дѣйствовалъ спѣшно и самовластно, понимая, что вмѣшательство многихъ лицъ могло совершенно разрушить его планы. Если бы онъ сталъ выслушивать мнѣнія разныхъ учрежденій и особенно владѣльцевъ донаціонныхъ имѣній, то, навѣрное почти можно сказать, что отчужденіе губерніи не состоялось. Армфельтъ встрѣтилъ много затрудненій и всѣ препятствія онъ

сносилъ и преодолѣвалъ властнымъ словомъ (maktord) благосклоннаго къ нему Повелителя Имперіи.

Упреки дѣлались самовластному Армфельту даже его старымъ другомъ Аминовымъ, который указывалъ на то, что «необдуманнымъ и насильнымъ соединеніемъ нашъ добрый Государь нажилъ себѣ враговъ въ старой Финляндіи». Аминовъ вѣрилъ въ благородныя намѣренія Армфельта, но осуждалъ способъ его дѣйствія, его опрометчивость и его отношенія къ властнымъ русскимъ министрамъ. «Возможно,—писалъ Аминовъ,—что рано или поздно, когда бразды правленія перейдутъ въ ихъ руки, вся сила ихъ неудовольствія обрушится на нашу бѣдную страну. Неужели нельзя прійти къ тѣмъ же, имѣющимся въ виду, результатамъ помощью кротости, дружбы, сохраненія гармоніи?.. Я не могу въ такой же мѣрѣ одобрить твой способъ попеченія о дѣлахъ отечества; при твоихъ исключительныхъ талантахъ, при твоемъ добромъ сердцѣ, при твоемъ усердіи, ты одинъ могъ бы не только положить основы счастью Финляндіи, но и указать вѣрный путь къ его сохраненію. Помни, что у насъ есть законы». Предупрежденія были напрасны. Армфельтъ торжествовалъ свою побѣду. Поддерживаемый Императоромъ Александромъ I и Сперанскимъ, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ.

Въ началѣ января 1812 г. въ общемъ собраніи Правительственнаго Совѣта въ Або доложены были полученные изъ Петербурга документы о Выборгской губерніи; но сухой офиціальный протоколъ не даетъ возможности судить о тѣхъ чувствахъ, съ которыми было принято это возсоединеніе въ административныхъ кругахъ края. Извѣстно только, что Калоніусъ называлъ возсоединеніе «здоровымъ и полезнымъ». Онъ же предложилъ распространить дѣйствіе уложенія 1734 г. на присоединенную губернію.

Многія положенія изъ записокъ Армфельта почти цѣликомъ были перенесены въ законы 11 и 31 декабря 1811 г. и потому онъ могъ быть вполнѣ доволенъ достигнутыми результатами. Эта удовлетворенность своей работой и сквозитъ въ его письмахъ къ женѣ изъ Петербурга. «Если бы мнѣ пришлось этимъ закончить мою политическую карьеру,—сообщалъ онъ въ письмѣ отъ 28 декабря 1811 г.,—то я считалъ бы честью эту побѣду на пользу угнетеннаго человѣчества. Возможно,—прибавлялъ онъ съ грустью,—что она и будетъ послѣднею, которую я могу совершить прежде нежели отойду въ мое прежнее ничтожество».

Возсоединеніе «Русской» и «Шведской» Финляндіи состоялось. Предстояло подыскать человѣка, способнаго осуществить

трудно-разрѣшимую реформу слiянiя новаго прiобрѣтенiя съ остальной землей финновъ. Выборъ Армфельта остановился на Карлѣ Шернвалѣ. Въ немъ онъ усмотрѣлъ нужныя организаторскiя способности, усердiе къ дѣлу и твердую волю. Его утвердили ландсгевдингомъ въ Выборгѣ, и только восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ назначенный русскiй губернаторъ принужденъ былъ уйти. Карлъ Шернваль не безъ колебанiй и сомнѣнiй принялъ новую должность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма Армфельта къ младшему брату К. Шернваля, губернатору Нюландской губернiи, Фридриху Шернвалю.—«Когда я достигъ соединенiя Финляндiи, когда это великое дѣло, какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ отношенiи, совершилось, когда я послѣ тягчайшей борьбы достигъ славной, а для человѣчества и Финляндiи въ высшей степени полезной побѣды,—вѣщалъ Армфельтъ (дек. 1811 г.),—меня удивило бы, если бы благородный человѣкъ и вполнѣ добрый финнъ измѣнилъ мнѣ, когда я призываю его усердiе и дѣятельность для завершенiя этого предпрiятiя. Если вашъ братъ получитъ такой крупный знакъ довѣрiя монарха, то въ этомъ—пробный камень, на которомъ онъ построитъ свое будущее благополучiе, не будучи тѣмъ самымъ связанъ съ этимъ мѣстомъ».

Армфельтъ не скупился на краснорѣчiе и совѣты, убѣждая Шернваля принять должность Выборгскаго губернатора. «Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что вы, дорогой другъ, вполнѣ соотвѣтствуете этому назначенiю, разъ только возьмете подъ уздцы вашъ патрiотизмъ и вашу энергiю. Выборгская губернiя для человѣка съ добрымъ намѣренiемъ, хорошимъ сердцемъ и справедливаго, явится самою легко управляемой частью Финляндiи, по крайней мѣрѣ въ первыя пять-шесть лѣтъ. Во первыхъ, ни въ одной губернiи народъ не былъ столь несчастливъ, какъ въ этой; слѣдовательно, когда онъ найдетъ, что съ нимъ обходятся по человѣчески и что онъ долженъ исполнять извѣстныя обязанности, его чувство признательности оживетъ; во-вторыхъ, въ мелочахъ здѣсь можно прибѣгать къ властному слову, чтобы достигнуть хорошаго, ибо уши, глаза и всѣ чувства къ этому привыкли; въ-третьихъ, перемѣною чиновниковъ въ разныхъ отросляхъ управленiя представляется возможность дать личной дѣятельности то направленiе, которое требуется обстоятельствами; въ четвертыхъ, государь вполнѣ расположенъ поддержать все, что желаетъ начальникъ Выборгской губернiи для водворенiя законнаго порядка и возстановленiя столь отсутствующей границы между правомъ и долгомъ. Что касается средствъ для успѣшнаго выполненiя вашего назна-

ченія, то вы будете имѣть, кромѣ вашей естественной власти по должности, комиссію, которая учреждается въ Выборгѣ, духовенство, которое, благодаря объѣзду честнаго и патріотическаго епископа, будетъ хорошо устроено, и юристовъ въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ удастся достать ихъ для замѣны непригодныхъ».

Въ то же время Армфельтъ не скрывалъ и невыгодныхъ сторонъ назначенія. Нѣсколько дней спустя, въ февралѣ 1812 г.,—въ письмѣ, которымъ желаетъ показать, что онъ ознакомился съ положеніемъ дѣлъ Выборгской губерніи, — Армфельтъ предупреждалъ, что «при вашемъ прибытіи въ Выборгъ, васъ осадятъ сплетнями, жалобами и ссорами. Выслушайте всѣхъ, запомните главное, но дайте себѣ время все обсудить, что дѣлается. Господа дворяне всегда вели себя дурно и варварски обходились со своими крестьянами; съ другой стороны судьи своекорыстны и непригодны; нисколько не лучше среднее сословіе; духовенство, достойное своего одѣянія—безнравственно, крестьяне оскотинѣли, угнетены, дерзки, безучастны къ своей жалкой участи, недовѣрчивы и особенно лѣнивы. Соединеніе такого большого количества худого и негоднаго образуетъ такое цѣлое, къ которому нельзя прикоснуться безъ особой осторожности. Мое самолюбіе, а также чувствительность сдѣлали Выборгскую губернію особенно близкой моему сердцу и вотъ почему я радуюсь, видя васъ ея начальникомъ».

Карла Шернваля безпокоила другая сторона предстоявшаго ему дѣла. Въ своемъ первомъ письмѣ изъ Выборга къ Пальмроту К. Шернваль пишетъ: «Какая разница между страной, народомъ и уютностью! Россія уже заразила націю своей простотой; рядомъ съ азіатской роскошью и излишествомъ—бѣднота, подавленность и нищета. Великолѣпные экипажи, лошади и мебель, но шелуха и плутовство въ дѣйствительности.—Ахъ, братъ, Выборгская губернія никогда не станетъ остальной Финляндіей, но Боже упаси, чтобы не случилось противоположное» [398]).

Извѣстно также, писалъ молодой историкъ Финляндіи—Кастренъ,—что государственные люди Финляндіи въ концѣ царствованія Александра считали своимъ долгомъ предостеречь отъ возможной страсти къ ассимиляціи и выставляли пугаломъ именно Выборгскую губернію, въ которой послѣ столѣтняго насилія народонаселеніе значительно уменьшилось, земледѣліе и промышленность пришли въ упадокъ, такъ же какъ и остальная культура. Если взглянуть на дѣло въ настоящемъ его положеніи, то приходится сознаться, что большая часть восточной Финляндіи, послѣ семи-

десятилѣтняго присоединенія къ остальной странѣ, только на половину финская.

Опасеніе перваго Выборгскаго губернатора изъ финляндцевъ и указаніе перваго мѣстнаго историка основывались на фактическихъ данныхъ. Почти столѣтіе нахожденія Выборгской губерніи подъ властью Россіи не могло, конечно, пройти безслѣдно. Ф. Ф. Вигель, посѣтивъ Выборгъ непосредственно послѣ окончанія войны 1808—1809 г.г., отмѣтилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Наружность (Выборга) мнѣ довольно понравилась; я могъ почитать себя въ одномъ изъ петербургскихъ предмѣстій, тѣмъ болѣе, что на улицахъ встрѣчалъ я почти одинъ русскій народъ и слышалъ одинъ русскій языкъ. Такъ же какъ и въ Нейшлотѣ, во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ старой Финляндіи, Кареліи и Саволаксѣ, всѣ главныя лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ русскихъ. Оно иначе и быть не могло; на столь близкомъ разстояніи отъ первенствующаго града царства русскаго, его побѣдоносные жители въ продолженіи почти столѣтія должны были въ семъ краю заступить мѣсто удаленныхъ шведовъ и взять верхъ надъ слабыми финнами и карелами, его населяющими. Удержусь на этотъ разъ отъ горькихъ и досадныхъ размышленій, возбуждаемыхъ во мнѣ воспоминаніемъ о добровольномъ отчужденіи сего края отъ Россіи»...

По словамъ Академика Вас. Севергина, посѣтившаго Выборгъ въ 1805 г., городъ «имѣлъ многія и весьма хорошія каменныя зданія; въ серединѣ его находилась прекрасная четырехугольная площадь, имѣющая съ одной стороны каменную Лютеранскую, а съ другой Соборную Россійскую церковь, и многіе казенные и обывательскіе каменные дома. Сверхъ того есть здѣсь и Католическая часовня, при коей два священнослужителя Доминиканскаго ордена. Жителей около 2000». Въ 1808 г. въ Выборгской губерніи существовало 12 учебныхъ заведеній съ 322 учениками [399]).

Р. Ребиндеръ,—впослѣдствіи статсъ-секретарь Финляндіи—проѣзжая въ 1808 г. черезъ Выборгскую губернію, убѣдился, что его населеніе сохранило мало чертъ финскаго національнаго характера. Ребиндеръ писалъ, что напрасно онъ напоминалъ себѣ, что ѣхалъ по финляндской землѣ и что окружавшія его существа—бывшіе братья. Все было измѣнено: одежда, преподаваніе, образъ мыслей, языкъ. Жители потеряли всякое сочувствіе къ остальной Финляндіи и даже гостепріимство. Всякіе слѣды финской національности исчезли, и вообще этотъ народъ былъ лишенъ всякихъ характеристическихъ особенностей... Пестрая смѣсь финскаго съ

русскимъ и нѣмецкимъ не позволяла Ребиндеру видѣть будущее въ свѣтлой окраскѣ [400]).

Къ заявленіямъ Ф. Ф. Вигеля и Ребиндера интересно прибавить нѣсколько строкъ изъ протокола петербургской комиссіи по финляндскимъ дѣламъ (отъ 6 апрѣля 1812 г. № 39). Ландсгевдингъ Выборга нуждался въ переводчикѣ. Правительственный Совѣтъ раздѣлилъ его мнѣніе. Ходатайство, поступившее въ комиссію финляндскихъ дѣлъ, заключало въ себѣ слѣдующую мотивировку: по поводу того, что документы поступали частію на нѣмецкомъ, частію на русскомъ языкѣ, и въ уваженіе недальняго оной (Выборгской) губерніи отъ столицы разстоянія, изъ которой непремѣнно поступятъ многія на оныхъ языкахъ сочиненныя бумаги, и поелику большая часть жителей оной губерніи никакого кромѣ русскаго языка не знаетъ»... Правительственный Совѣтъ просилъ о назначеніи переводчика съ указанныхъ языковъ.

Финляндскіе дѣятели понимали, что отрывали кусокъ отъ живаго тѣла Россіи и потому, пользуясь покровительствомъ Императора Александра I, спѣшили его сильнымъ словомъ устранить главнѣйшія препятствія этого неслыханнаго ранѣе отторженія. Они понимали, что подобный благопріятный для нихъ моментъ вскорѣ не повторится. Они знали исторію и видѣли, что нигдѣ никогда такого отношенія не наблюдалось къ господствующей народности и къ побѣдителю, заплатившему своею кровью за дорогое пріобрѣтеніе, бывшее предметомъ борьбы въ теченіи долгихъ столѣтій. Они видѣли, что у Императора Александра I надъ русскими воззрѣніями и чувствами преобладали иныя мысли и стремленія.

Выборгская губернія не была еще отдана финляндцамъ, но Армфельтъ уже распоряжался въ ней.—26 октября 1811 г. боргоскій епископъ М. Алопеусъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Остановившись на проектѣ соединить старую и новую Финляндію и изыскивая средства воскресить благосостояніе, котораго такъ долго была лишена эта губернія, Я пришелъ къ мысли, что было бы настоятельно необходимо прежде всего озаботиться ея нравственнымъ развитіемъ, какъ залогомъ всякаго гражданскаго благосостоянія. Такъ какъ религія составляетъ главнѣйшую основу всякой политической морали, то Я счелъ своимъ долгомъ обратить на нее мои первыя заботы. Церковное управленіе старой Финляндіи войдетъ со времени ея присоединенія въ вѣдѣніе вашего епископства. Я бы хотѣлъ, чтобы вы, г. епископъ, уже съ настоящей минуты приняли на себя заботы о вашихъ новыхъ духовныхъ чадахъ и чтобы, прежде чѣмъ совер-

шится присоединеніе гражданское, были уже подготовлены и скрѣплены узы нравственныя. Въ этихъ видахъ, Я желалъ бы, чтобы вы объѣхали главные приходы старой Финляндіи, дабы вообще ознакомиться съ религіознымъ настроеніемъ этой области»... Опережая это повелѣніе, Армфельтъ уже 5—17 октября писалъ Алопеусу: «Не могу достаточно рекомендовать вамъ тщательное и серьезное изслѣдованіе о поведеніи пасторовъ, и о способѣ исполненія ими своего призванія. Неслыханныя жалобы и разсказы, которые передаются по этому предмету, дѣлаютъ вашу ревизію еще болѣе необходимой, еще болѣе важной по своему результату. Невозможно, чтобъ варварство и убожество въ старой Финляндіи дошли бы до такихъ размѣровъ, если бъ духовное попеченіе и церковная дисциплина не была въ такихъ же плохихъ рукахъ, какъ и свѣтская; для меня теперь очень важно узнать правду, и знать, на какихъ основаніяхъ я могу строить планы для сформированія гражданской администраціи». Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 6-го января 1812 г. Армфельтъ смѣло обнадеживаетъ епископа, что всѣ его предложенія будутъ утверждены Государемъ. «Вы, г. докторъ и епископъ, a priori можете принять мѣры, какія вы найдете удобными» для поднятія значенія пасторовъ. Затѣмъ слѣдуетъ совѣтъ не имѣть никакого дѣла съ православными приходами, въ виду того, что Синодъ безконечно оберегаетъ свои права. «Да поможетъ намъ Господь съ пасторами и судьями въ Выборгской губерніи, иначе всѣ благодѣянія Государя этому народу погибнутъ. Здѣсь болѣе требуется нравственности, чѣмъ знаній, чтобъ эти заблуждавшіяся и несчастныя существа научились понимать свои обязанности и права. Съ судьями я поведу дѣло безъ всякихъ разговоровъ, съ пасторами-же требуется больше формъ. Какъ побороть ихъ страшно жадное вымогательство у крестьянъ на это все больше поступаетъ сюда (въ Петербургъ) жалобъ, и я опасаюсь, что Государю все это скоро надоѣстъ и онъ будетъ считать нашихъ лютеранскихъ священниковъ за піявокъ» [401]).

Съ живымъ интересомъ слѣдилъ Армфельтъ за ходомъ дѣлъ въ новой губерніи, и ея энергичный правитель К. Шернваль находилъ въ немъ прочную опору. Поддержка эта была нужна; безъ большаго личнаго вліянія Армфельта у Монарха, исходъ реформы,—которая предпринималась съ тѣмъ, какъ выразился Армфельтъ, чтобы искоренить въ русскихъ помѣщикахъ «esprit d'aristocratie et de barbarie»—былъ бы очень сомнителенъ. На эти мѣры обрушились прежде всего привилегированные классы старой Финляндіи, и ихъ сильное неудовольствіе обращалось къ первому ви-

новнику перемѣнъ—Армфельту, который не скрывалъ своихъ мыслей и не щадилъ никого въ своихъ отзывахъ. Предводитель дворянства въ Выборгской губерніи, генералъ Фокъ, принадлежалъ къ числу болѣе недовольныхъ. По случаю его скоропостижной смерти, Армфельтъ писалъ: «Толстякъ-генералъ умеръ въ 3 дня; онъ, конечно, уморилъ себя воплями, ибо онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи отъ того, что творилось въ Выборгской губерніи. Если бы Богу угодно было такъ же милостиво призвать и нѣкоторыхъ другихъ изъ этихъ трубачей, то было бы меньше досады» (письмо къ К. Шернвалю 26 апрѣля 1813 г.). Многіе русскіе помѣщики желали лучше сбыть свои имѣнія, чѣмъ оставаться при новыхъ условіяхъ въ старой Финляндіи. «Законы и конституціонные порядки—для нихъ чумные желваки», писалъ Армфельтъ. Самъ же онъ купилъ, въ 1812 г., для свей пріемной дочери, отъ русскаго землевладѣльца имѣніе Пукиніеми при Ладожскомъ озерѣ.

Въ одномъ изъ своихъ меморіаловъ для Императора,—по случаю промедленія русскихъ центральныхъ учрежденій въ Петербургѣ въ передачѣ дѣлъ, картъ и т. п., относящихся къ старой Финляндіи,—Армфельтъ прямо объявилъ, что «много лѣтъ уже вліятельныя лица соединились для того, чтобы лишить крестьянъ покровительства законовъ», и испрашивалъ повелѣнія Государя министру юстиціи, чтобы никакой дальнѣйшей отсрочки не было допускаемо. О русскомъ управленіи онъ выражался въ своихъ письмахъ такъ: «О, Царь небесный! Съ какою сволочью не приходится только имѣть дѣло. Невѣжество, непониманіе, недоброжелательство ко всему, что не является русскимъ, всякими способами ведутъ къ задержкѣ справедливости и блага». Армфельтъ противился также притязаніямъ русскихъ дворянъ, помѣщиковъ Выборгской губерніи, получить доступъ въ финскій рыцарскій домъ.—«Должно стараться отдѣлаться отъ варваровъ и на ихъ мѣсто посадить людей съ либеральными принципами, которымъ и дать правильную consistence»,—писалъ онъ Аминову. «Дворянъ Выборгской губерніи нельзя считать финляндскимъ дворянствомъ и необходимо, чтобы они, желая пользоваться подобными преимуществами, доказали, на основаніи чего они приняты, или въ силу чего считаютъ себя принадлежащими къ этому классу гражданъ. Это вопросъ весьма важный и необходимо о семъ дать знать кому слѣдуетъ; одно изъ двухъ: или равенство сословій должно быть всеобщимъ, или первое сословіе должно имѣть права, которыя бы,—хотя и являются химерой въ глазахъ философовъ,—представляли

изъ себя извѣстное значеніе, могущее возбудить общественное вниманіе». «Пока не удастся устранить изъ губерніи нѣкоторыхъ піявокъ подъ названіемъ дворянъ и помѣщиковъ—восклицаетъ Армфельтъ—до тѣхъ поръ не будетъ настоящаго порядка и спокойствія» [402]).

Наше правительство, послѣдовавъ Армфельту, приравняло русскихъ дворянъ, поселившихся въ Выборгской губерніи послѣ 1811 г., къ чужестраннымъ дворянамъ! [403]).

Много презрѣнія и безсердечія проявилъ Армфельтъ и по отношенію къ мелкому русскому чиновничеству. Въ отвѣтномъ письмѣ къ бывшему аньяльцу, почтъ-директору Ладо, Армфельтъ сообщилъ: «По вопросу о чиновникахъ въ Выборгской губерніи, которые внезапно были отставлены и подчеркомъ пера выброшены на улицу, я долженъ сказать, что ихъ участь причиняетъ мнѣ много горя. Но по причинамъ, которыя мнѣ неизвѣстны, Государь находитъ, что они не заслуживаютъ большаго снисхожденія. Ни съ однимъ человѣкомъ во всей старой Финляндіи послѣ 1 января 1812 г. не будутъ обращаться иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ основныхъ законовъ—по крайней мѣрѣ при жизни нашего возлюбленнаго Александра I, дни котораго да продлитъ Господь на многія лѣта».

Но не одни только русскіе помѣщики, лишившіеся своихъ крѣпостныхъ, или русскіе чиновники, видѣвшіе себя устраненными отъ дѣлъ и начавшіе терпѣть укоры отъ новыхъ покорителей страны,—не одни они были недовольны тѣми пріемами, которыми это соединеніе сопровождалось. Нѣкоторые изъ финляндскихъ земляковъ Армфельта сомнительно покачивали головой, глядя на тѣ мѣры, которыя иногда принимались имъ единолично или по совѣщаніи съ главнымъ членомъ комитета старой Финляндіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Г. А. Розенкампфомъ. Этотъ человѣкъ не былъ финляндскимъ уроженцемъ и на него смотрѣли съ недовѣріемъ, боясь, какъ бы его вліяніе на Армфельта не принесло дурныхъ плодовъ.

Но ожидаемыхъ несчастій не случилось. Положеніе Армфельта при Императорѣ было таково, что онъ даже въ подробностяхъ могъ привести свой первоначальный планъ—«trancher toutes difficultés par un coup d'autorité»; а взглядъ его на ходъ дѣлъ въ Петербургѣ сводился къ тому,—какъ онъ писалъ однажды,—что въ этой странѣ не годятся умѣренные пріемы (mezzi termini), и нельзя дѣлать уступокъ на пути справедливости и чести. Неустанно, не взирая на личныя непріятности, работалъ онъ надъ довершеніемъ

соединенія, порой опрометчиво, порой самовластно; и съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ видѣлъ онъ энергичную дѣятельность въ томъ-же направленіи Карла Шерриваля. «Этотъ человѣкъ творитъ чудеса, — писалъ онъ своему другу Эренстрему, — своею activité и своею ненавистью ко всякимъ пустякамъ и всѣмъ мелкимъ видамъ и интересамъ. Случись намъ лишиться его въ Выборгѣ, я убѣжденъ, что губернія была-бы потеряна, потому что онъ незамѣнимъ». Иногда, однако, разногласія и жалобы слышались даже и со стороны этого необыкновеннаго Выборгскаго губернатора, если судить по слѣдующему письму Армфельта къ К. Шерривалю, 29 іюня 1812 г.: «Римъ построенъ не въ одинъ день, и если цѣлая такая провинція, какъ Выборгская губернія, оказывается освобожденною отъ рекрутства и отъ тяжелыхъ повинностей, возложенныхъ манифестомъ 11 февраля этого года на всю русскую имперію, то вы простите мнѣ, мой другъ, если скажу, что названіе пасынка кажется мнѣ преувеличеніемъ, чтобы не сказать—явною неблагодарностью Монарху, который для ихъ блага сдѣлалъ сразу столь много».

Надо признать, что въ общемъ финляндцы работали дружно и энергично, снабжая другъ друга совѣтами и указаніями, для достиженія намѣченныхъ цѣлей. Армфельтъ всталъ прочной стѣной между Выборгской губ. и остальной Россіей, оберегая первую отъ прикосновенія къ ней русскихъ властей.

Дѣятельность Карла Шерриваля продолжалась недолго: 6 февраля 1815 г. онъ умеръ. На его мѣсто представили Гершау, но назначенъ былъ Валленъ.

Главный дѣятель отчужденія Выборгской губерніи остается недостаточно установленнымъ. Надъ отчужденіемъ работали Г. М. Спренгтпортенъ, Г. М. Армфельтъ, Сперанскій и др. Первую мысль объ организаціи комиссіи по дѣлу объединенія «Старой» и «Новой» Финляндіи готовы приписать Д. Алопеусу. Вліянія шли съ такихъ сторонъ, что трудно было догадаться о нихъ. Косвенно содѣйствовалъ дѣлу также ген.-м. Аминовъ, который впослѣдствіи разсказывалъ: «Министръ (дипломатъ) Алопеусъ, какъ уроженецъ Выборгской губ. нѣсколько разъ описывалъ мнѣ (Аминову) бѣдственное положеніе этого несчастнаго края. И дѣйствительно этотъ достойный почтенія человѣкъ, — продолжаетъ Аминовъ,—былъ тѣмъ, кто исходатайствовалъ соединеніе Выборгской губ. съ покоренной, такъ называемой «Новой Финляндіей» [404]).

Кромѣ того остается несомнѣннымъ, что вопросъ объ округленіи Финляндіи соотвѣтствовалъ сокровеннымъ мыслямъ Импе-

ратора Александра. Онъ имѣлъ,—пишетъ Ф. Ф. Вигель,—«нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя лучшими доводами трудно было поколебать; напримѣръ, мысль о маленькихъ царствахъ, ему подвластныхъ, а отъ Россіи вовсе независимыхъ». Въ виду этого, Вигель готовъ предположить, что планъ отдѣленія Выборгской губерніи родился «въ его головѣ». Объ отношеніи Императора Александра I къ землямъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ предковъ, Н. Тургеневъ разсказываетъ поучительный эпизодъ. «Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ и между прочимъ дамъ, съ которыми Государь любилъ бесѣдовать, Императоръ объявилъ о своемъ твердомъ рѣшеніи отдѣлить отъ Имперіи прежнія польскія провинціи и соединить ихъ съ только что возстановленнымъ Царствомъ Польскимъ. Одна изъ его собесѣдницъ слезами протестовала противъ такого раздробленія Имперіи. «Да, да—съ удареніемъ подтвердилъ Александръ, сопровождая свои слова значительнымъ жестомъ,—Я не оставлю ихъ Россіи; что за великое зло», прибавилъ Онъ, «отдѣлить отъ Россіи нѣсколько провинцій. Развѣ она не будетъ еще достаточно велика» [405])?

Присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи не произвело въ Россіи особаго впечатлѣнія; оно показалось, по мнѣнію Н. Шильдера, большинству современниковъ простою правительственною мѣрою, а не фактомъ политической важности. Поэтому распоряженіе, которое въ другомъ государствѣ взволновало-бы общественное самосознаніе, осталось незамѣченнымъ въ Имперіи, еще страдавшей полнымъ отсутствіемъ всякой политической жизни и сопряженнаго съ нею движенія общественной мысли. «При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, — пишетъ современникъ Ф. Ф. Вигель,—нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному-же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, а до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ».

Но среди лицъ, задумывавшихся о судьбѣ своей родины и умѣвшихъ оцѣнивать происходившія вокругъ нихъ событія, отчужденіе Выборгской губерніи произвело удручающее впечатлѣніе и вызвало нѣсколько справедливыхъ откликовъ.

«Манифестъ о семъ событіи,—читаемъ у Ф. Ф. Вигеля, — въ этомъ краю столь важномъ, положено было обнародовать въ

новый годъ. Такими подарками, étrennes, при наступленіи года, Государь, съ помощью Сперанскаго, любилъ насъ дарить. Въ эту-же эпоху, во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго. Но всякій приближенный къ Государю патріотъ и честный человѣкъ обязанъ былъ объяснить ему весь вредъ, который можетъ произойти отъ того для главнаго государства. Сперанскій, имѣя свои особенные виды, того не сдѣлалъ; напротивъ, онъ одобрилъ намѣреніе, поощрялъ приступить къ его исполненію и предложилъ себя главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ.

«Какое право имѣете вы, Государь, можно было-бы сказать ему, безъ боя, безъ всякой видимой причины, безъ многократныхъ пораженій и слѣдствія ихъ (вынужденнаго примиренія) отрывать отъ Россіи области, не вами, а вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя. Для чего дѣлаются завоеванія, если не для усиленія государственнаго тѣла? Они достояніе не столько еще царя, какъ народа, ихъ совершившаго; онъ старается распространить предѣлы земли своей для того, чтобы внутри ея пользоваться большею безопасностью; а вы опасности опять къ нему приближаете. Знаете-ли вы исторію этого народа, Государь? Читали-ли вы ее? Если вы свѣдѣнія ваши о ней почерпнули только изъ уроковъ вашего Лагарпа или изъ чтенія невѣжды и лжеца Рюдьера, то плохо-же вы ее знаете. Стало быть, вамъ неизвѣстно, что этотъ народъ, ослабленный, изнеможенный, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, давимый сильными, лютыми врагами, болѣе его въ ратномъ дѣлѣ свѣдущими, Татарами, Турками, Поляками, Литвою, Ливоніей и Швеціей, медленно приподнявшись и поддержанный единою вѣрою отцовъ своихъ и силою великаго своего имени, не убоялся подставить имъ грудь свою, пять столѣтій на смерть съ ними бился и, о чудо! устоялъ и всѣхъ одолѣлъ. И теперь, когда благодаря его вѣковымъ усиліямъ, вы, потомокъ избранныхъ имъ Романовыхъ, красуетесь и возвышаетесь предъ другими земными владыками, задумали вы въ руки злодѣямъ его, побѣжденнымъ, но не обезоруженнымъ, передать дѣтей вашихъ, ихъ побѣдителей, ихъ прежнія жертвы. О горе! О стыдъ! Въ исторіи народовъ найдите мнѣ другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію необузданной воли царской: ни великій Петръ, ни могущій Наполеонъ ни на что подобное не рѣшились. Откуда взяли вы, что вамъ дана власть, по прихоти вашей, единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ, уничтожать то, что сотворено сотнями тысячъ штыковъ и цѣлыми рѣками крови? Нѣтъ, нѣтъ, будьте

велики, но да будетъ велика и Россія ваша! Само провидѣніе доселѣ вело ее за руку, и не вамъ дано будетъ разрушать то, что въ вѣчной мудрости Своей Оно устраиваетъ. Такъ, конечно, въ презираемой нами старинѣ заговорилъ-бы не одинъ брадатый бояринъ, зная, что вмѣстѣ съ тѣмъ подъ топоръ подставляетъ онъ голову свою. Теперь по большей части своекорыстные льстецы и обманщики, тайные непріятели, а при случаѣ и мятежники, а не вѣрные и смѣлые слуги государей, окружаютъ ихъ въ Европѣ.

«Можетъ быть, Сперанскій полагалъ, что при всеобщемъ неудовольствіи столь смѣлая несправедливость Царя еще болѣе возстановитъ противъ него подданныхъ. Ни мало: онъ ошибся.

«Нынѣ плоды этого отчужденія видимы очень явственно, но никто не хочетъ взять труда замѣтить ихъ. Старанія правителей изженить соотечественниковъ имѣли совершенный успѣхъ; какъ говоритъ простой народъ, русскимъ духомъ тамъ уже нигдѣ не пахнетъ, онъ не терпимъ, и въ шестидесяти верстахъ отъ столицы можно себя почитать совсѣмъ въ чужой землѣ. Бываютъ лѣтомъ изъ Петербурга поѣздки любопытныхъ, чтобы полюбоваться водопадомъ Иматры, который охотно назвалъ-бы я Русской Ніагарой, если-бы тутъ что нибудь русскаго осталось. Эти путешествія бываютъ, такъ сказать, мгновенныя, и ни тѣ, ни другія никакихъ слѣдовъ за собою не оставляютъ. Вотъ всѣ сношенія, которыя остались у Россіи съ покореннымъ ею краемъ.

«Ни мы, ни шведы—не коренные ея жители. Кромѣ права завоеванія, ни мы, ни они другого права надъ нею не имѣемъ и, кажется оно обыкновенно принадлежитъ послѣднему. Для бѣдныхъ финновъ совершенно равно, кто-бы ни управлялъ ими — южные или западные ихъ завоеватели, лишь-бы управляемы они были правосудно. Кому-же пожертвованы права, честь и выгоды государства? Горсти иноземныхъ его враговъ. Будь всеобщая война, къ которой Швеція непремѣнно противъ насъ пристанетъ, и тогда мы увидимъ, какъ поступятъ сіи новые вѣрноподданные. Впрочемъ и теперь, чтобы видѣть это, стоитъ только побывать въ Гельсингфорсѣ: почти ото всѣхъ посѣтившихъ его единоземцевъ моихъ слышалъ я о ненавистныхъ, дерзкихъ взглядахъ, коими тамошніе авторитеты встрѣчали ихъ въ публичныхъ мѣстахъ, коль скоро узнавали, что они русскіе.

«Что бы ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра I, а не преступленіе его. Нельзя однако-же умолчать о томъ, что сдѣланное Имъ изъ нея послѣ можно назвать измѣной... такъ точно, первой измѣной Россіи...» [406]).

Оскорбленное русское чувство руководило и генераломъ Логиномъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, когда онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ. «Суббота, 3-го февраля 1812 г.... Но я не нахожу возможнымъ послѣ всего того, что мы сдѣлали и дѣлаемъ, придвинуть на разстояніи 45 верстъ отъ Петербурга границу страны, совершенно независимой отъ всякаго надзора имперскихъ властей, страны, которая стала княжествомъ господина Армфельта, того самаго Армфельта, который послѣ того, какъ былъ наперсникомъ Густава, его закадычнымъ другомъ, теперь сталъ заклятымъ врагомъ Швеціи въ угоду Россіи. Что это, спрашивается, за довѣріе Армфельту, который можетъ быть только русскимъ, чтобы не быть подлецомъ (scélérat). Какъ это не могутъ понять, что, соединяя новую и старую Финляндію, онъ осуществляетъ проектъ своего прежняго повелителя и друга. Да. Этого не видятъ. Армфельтъ исполняетъ свой долгъ. Но я вижу въ немъ змѣю, которую Россія пріютила у себя въ утробѣ, чтобы этой змѣей быть разорванной на части». «Среда, 7 февраля.—Газеты еще не занялись провокаціей. Но все имѣетъ видъ предвѣстника войны, и Армфельтъ, ожидая эту красавицу (Дарну), управляетъ финляндцами; а вчера на балу онъ велъ большую бесѣду по душѣ... и съ кѣмъ-же? съ Огинскимъ. Это разжигаетъ во мнѣ кровь. Такимъ образомъ Армфельтъ достигъ предѣла своихъ желаній, которыя оставались таковыми многіе годы, которыя стоили стольких трудовъ, стольких безсонныхъ ночей, для достиженія которыхъ онъ снесъ столько добрыхъ головъ. И что-же? имѣютъ-же глупость думать, что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ обратился въ русскаго человѣка. Голова моя такъ этимъ занята, что я во снѣ даже говорилъ на ту-же тему». «Пятница, 9 февраля.—Прогуливаясь сегодня передъ обѣдомъ, по Адмиралтейскому бульвару, я встрѣтилъ Сперанскаго и подумалъ, какъ это не находится человѣкъ, который-бы пустилъ пулю въ лобъ этому молодцу, этому мальчишкѣ, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживаетъ себя, и плохія намѣренія котораго уже внѣ всякаго сомнѣнія. По какому случаю было произведено объединеніе Финляндіи и для чего ее ставить подъ власть Густава III;—онъ (Густавъ III) или Армфельтъ, конечно, одно и тоже въ отношеніи чувствъ ихъ къ Россіи» [407]).

Косвенно по вопросу о Выборгской губерніи пришлось высказаться также и Великому Князю Константину Павловичу. Сообщая въ 1814 г. графу В. Ф. Васильеву слухъ, что къ герцогству Варшавскому будутъ присоединены Литва, Подолія и проч.,

цесаревичъ замѣтилъ: «Кажется по законамъ нашимъ кореннымъ, родоваго имѣнія отдавать нельзя», и затѣмъ продолжалъ: «Хотятъ законовъ, а начинаютъ посягательствомъ на уже существующіе. Герцогство Варшавское должно существовать, какъ оно есть, безъ приращеній, и должно управляться русскими, на русскій образецъ (à la russe), но составлять отдѣльную часть.... Сохрани Богъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, производить раздробленіе Россіи. Къ несчастью, въ Финляндіи мы уже совершили нечто подобное, являющееся дѣломъ смѣшнымъ въ немалой степени. Какая слава для насъ, что то, чего не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлаемъ сами: это исторія пеликана наизнанку (c'est l'histoire du pelican à rebours). Такимъ образомъ оказывается, что иногда пародіи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы».

Въ 1826 г. Великому Князю пришлось вести большую переписку со своимъ коронованнымъ братомъ — Николаемъ I. 5—17 февраля Великій Князь между прочимъ сообщилъ: «Кромѣ того всѣ эти господа (поляки) видятъ, что старая Финляндія была присоединена къ новой, а не новая къ старой: теперь спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову?» Николай Павловичъ не могъ одобрить дѣйствій Александра I, ибо находилъ, что Литва и прочія русскія провинціи не могутъ возвратиться къ Польшѣ, потому что это значило-бы посягать на цѣлость территоріи Имперіи,—примѣръ того, что было испробовано съ Выборгскою губерніею, влечетъ уже за собою до того важныя неудобства, что возможно возвращеніе ея къ Имперіи въ собственномъ смыслѣ слова» [408]).

Состояніе Выборгской губ. было печально. По словамъ плѣннаго капитана Германа Верньельма (1808), начиная съ Аббофорса (тогдашнеи границы) сразу потянулась каменистая и пустынная русская область, въ которой бѣдность и нечистоплотность были преобладающими чертами крестьянской жизни; священники ничѣмъ не отличались отъ мужиковъ; финскіе крестьяне, хотя еще и незакрѣпощенные, носили печать величайшаго притѣсненія; они жаловались на ярмо, которое принуждены были нести, и многіе изъ нихъ искренно желали возвращенія подъ власть шведской короны. «Дай Богъ, чтобы наша (шведская) Финляндія... не сдѣлалась столь несчастною, какъ эта страна», молилъ путешественникъ. По свидѣтельству другого очевидца, Маннергейма,

бѣдность была повсемѣстна среди народа Выборгской губерніи; видъ почтовыхъ станцій—жалкій; разница между старой и новой Финляндіей—замѣтная.

Неустройствъ и недочетовъ въ Выборгской губерніи было несомнѣнно много. Кромѣ того, послѣ 1811 г. необходимо было облегчить переходъ этой губерніи къ новому строю жизни. Въ виду этого, именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ январѣ 1812 г., вмѣсто комиссіи сенатора Тейльса (1802—1804 г.г.), учреждалась новая, въ которую переносились всѣ финляндскія дѣла Выборгской губерніи. Предсѣдателемъ комиссіи назначили губернатора Карла Шернваля [409]). Армфельтъ, сообщая о ней генералъ-губернатору, писалъ (26 января 1812 г., № 108), что она «во уваженіе множества дѣлъ» составляется изъ семи членовъ и необходимо «сколь возможно скорѣе поспѣшить приведеніемъ въ дѣйство означеннаго комитета».

Послѣ этой комиссіи сейчасъ же, въ февралѣ 1812 г., была учреждена въ Петербургѣ другая, «для приготовленія и объясненія присланныхъ изъ прежнихъ присутственныхъ мѣстъ Выборгской губерніи нерѣшенныхъ судебныхъ дѣлъ», и для перевода ихъ съ нѣмецкаго и русскаго языка на шведскій.

Въ декабрѣ 1813 г. комиссія К. Шернваля представила свой отчетъ.—О результатахъ произведенной въ Выборгской губерніи реформы можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Число чиновниковъ было сокращено съ 217 до 89 [410]). Дѣленіе сословія купцовъ на гильдіи было упразднено, вмѣстѣ съ отмѣною цеховыхъ взносовъ и всякихъ прерогативовъ, почему всѣ купцы впредь стали пользоваться одинаковыми правами. Оставлены были пониженные земельные оброки, установленные въ 1728 г. Постановленія, тормазившія лѣсопильное дѣло, были отмѣнены. Церковныя дѣла устроились такъ, что лютеранскіе приходы поставлены были въ зависимость отъ Боргоской консисторіи, а прежнія консисторіи въ Выборгѣ и Фридрихсгамѣ—упразднены. Православные приходы продолжали подчиняться духовнымъ властямъ въ Выборгѣ и Петербургѣ. Школьнаго дѣла реформа не коснулась, почему господствующимъ языкомъ оставался нѣмецкій, вплоть до 1841 г., когда введена была существующая въ остальной Финляндіи училищная организація.

Вопросъ о положеніи донаціонныхъ крестьянъ оставался нерѣшеннымъ. Указомъ 28 марта 1812 г. было постановлено, что оброки крестьянъ останутся въ томъ-же положеніи, въ какомъ находились ранѣе, пока не состоится новое обброченіе. Выгод-

нымъ для крестьянъ было постановленіе 22 января 1817 г.; оно устанавливало, что донаціонные помѣщики не имѣютъ иного права надъ крестьянами, кромѣ того, какое имѣла казна, во время дарованій имѣній. Это постановленіе возбудило неудовольствіе донаторовъ, продолжавшихъ бороться за свои права.

Въ одной запискѣ временъ комиссіи сенатора Тейльса, генералъ-маіоръ Копьевъ указывалъ на возможность выкупа донаціонныхъ земель, но не настаиваетъ на этой мѣрѣ. Весьма возможно, что Копьевъ своимъ предложеніемъ купить его имѣніе навелъ губернатора К. Шернваля на мысль о всеобщемъ выкупѣ донаціонныхъ имѣній, такъ какъ именно отъ Шернваля исходило предложеніе объ этой операціи. Планъ его понравился какъ Государю, такъ и Армфельту. Но въ то время финансы Финляндіи находились въ очень критическомъ положеніи, почему большіе и экстренные расходы представлялись неосуществимыми. Но удаленіе изъ Финляндіи владѣльца одного изъ донаціонныхъ имѣній—безпокойнаго генерала Копьева—Армфельтъ призналъ настоятельно необходимымъ, почему рѣшился самъ купить его имѣніе въ Ялитола. Покупка состоялась, хотя Армфельтъ затѣмъ сожалѣлъ, что переплатилъ Копьеву—«какъ дуракъ». Но самъ-же Армфельтъ отодвинулъ экономическую сторону покупки на второй планъ, преслѣдуя исключительно цѣль политическую [411]).

Съ присоединеніемъ Выборгской губерніи матеріальная сила Финляндіи значительно возросла. Численность народонаселенія, которое въ 1807 г. достигало 906.787 человѣкъ и во время войны понизилось, къ 1810 г. насчитывалось въ 863.300 душъ. Теперь-же (1815 г.) населеніе увеличилось до 1.095.957 человѣкъ. Старая Финляндія дала Великому Княжеству около 200.000 людей и 376 квад. мил. Кромѣ того, присоединяя Выборгскую губернію къ завоеванной Финляндіи, Императоръ Александръ лишилъ Россію вѣрнаго дохода въ $^1/_4$ мил. рублей.

О кипучей дѣятельности, проявленной въ первые-же годы въ Выборгской губерніи по ея отторженіи отъ остальной Россіи, съ цѣлью возможнаго сліянія этой губерніи съ остальной Финляндіей, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя.

Сестрорѣцкій оружейный заводъ былъ присоединенъ къ Выборгской губерніи въ апрѣлѣ 1812 г.

Установлены права и привилегіи дворянъ (21-го апрѣля 1815 г., № 100).

Постановлено объ организаціи межеванія и устройствѣ церковныхъ дѣлъ.

Введены финляндскіе мѣры и вѣсы, исключая указанія протяженія дорогъ, которое по прежнему обозначалось русскими верстами. «Въ торговлѣ всѣ привыкли къ вѣсу Имперіи и очень немногіе знали въ губерніи объ иномъ вѣсѣ», почему временно позволили употреблять старые вѣсы.

Въ началѣ 1817 г. состоялось предписаніе передать въ правительственный совѣтъ всѣ судебныя протокольныя книги, касавшіяся Выборгской губерніи.

Дѣло съ винокуреніемъ долго не налаживалось. Сперва право курить и продавать вино отдано было по контракту съ казной одному лицу. Затѣмъ контрактъ уничтожили, и въ 1819 г. состоялось повелѣніе отложить еще на три года распространеніе на Выборгскую губ. финляндскаго постановленія о винокуреніи [412]).

Въ 1822 г. вопросъ о Выборгской губерніи вновь былъ поставленъ на очередь съ особой остротой. Дѣло шло объ ея расчлененіи. Въ августѣ Р. Ребиндеръ увѣдомилъ генералъ-губернатора Штейнгеля, что Государь повелѣлъ Артиллерійскому Департаменту представить заключеніе о необходимости отдѣленія отъ Финляндіи Кивинебскаго прихода, послѣ того, какъ имѣніе Линтула, занимавшее весь этотъ приходъ, было выкуплено въ казну и отдано въ вѣдѣніе Сестрорѣцкаго оружейнаго завода. Артиллерійскій Департаментъ усмотрѣлъ, что, вмѣстѣ съ Кивинебомъ, необходимо отдѣлить также приходъ Новая Кирка, въ виду того, что его лѣсъ «уже со временъ Петра Великаго» принадлежалъ Сестрорѣцкому заводу. Дѣло разсмотрѣли въ общемъ собраніи сената, причемъ финляндскій прокуроръ 24 января 1823 г. представилъ особый меморіалъ, въ которомъ вполнѣ согласился на отчужденіе Кивинебскаго прихода, такъ какъ имѣніе Линтула перешло въ собственность Его Императорскаго Величества и не согласовалось-бы съ коренными законами края, чтобы Монархъ непосредственно владѣлъ землею въ Финляндіи. Прокуроръ прибавилъ, что приходъ Кивинебъ расположенъ около самой столицы государства и его обыватели по обычаямъ, правамъ, языку и религіи болѣе принадлежатъ Петербургской, чѣмъ Выборгской губерніи, и болѣе знакомы съ русскимъ управленіемъ и законами, чѣмъ съ дѣйствующими въ Финляндіи. Иное дѣло приходъ Новая Кирка, почему прокуроръ просилъ объ оставленіи его въ составѣ Выборгской губерніи [413]).

О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ вопросомъ на финляндцевъ можно судить по письму Ребиндера (декабрь 1822 г.) къ Валлену, который тогда былъ прокуроромъ Финляндіи: «Печаль-

ныя послѣдствія возсоединенія Выборгской губерніи все болѣе и болѣе сказываются. Уже больше не скрывают той ненависти и вражды, какія были вызваны этимъ актомъ среди русской аристократіи, всѣхъ министровъ и всѣхъ тѣхъ, которые въ Петербургѣ имѣютъ вліяніе. Самъ Царь иногда бываетъ нетерпѣливъ и въ дурномъ расположеніи духа, когда его осыпаютъ жалобами, какъ со стороны жителей, такъ и со стороны русскихъ властей. Неравная борьба не можетъ долго продолжаться безъ того, чтобы мы не сдѣлались жертвами этого гнуснаго дѣла. До сихъ поръ я старался выиграть время, но я долженъ, наконецъ, вернуться къ донаціонному вопросу, который пугаетъ меня. Единственное средство спасти насъ было-бы согласіе Государя разстаться съ этой несчастной областью, въ которой расположены большинство донаціонныхъ имѣній».

Въ январѣ 1824 г. Ребиндеръ доложилъ дѣло Государю, и затѣмъ сообщилъ Валлену 18-го числа: «Наконецъ насталъ день, когда я представилъ Государю этотъ замѣчательный документъ. Его Величество прочелъ его съ большимъ вниманіемъ, а по прочтеніи его, онъ сдѣлался очень серьезнымъ, говорилъ съ четверть часа и окончилъ рѣшительнымъ отказомъ относительно проекта. Доводы, на которыхъ Государь основывалъ свой отказъ— г. Гартманъ дастъ вамъ детальный отчетъ о нихъ,—были настоящимъ тріумфомъ для Финляндіи» [414]).

На первыхъ-же порахъ по отторженіи Выборгской губерніи дважды кряду пришлось измѣнять границу между Финляндіей и Россіей. Область Сестрорѣцкаго оружейнаго завода принадлежала частью старой Финляндіи, частью Петербургской губерніи. Подобное раздѣленіе найдено было неудобнымъ, и Государь постановилъ, чтобы Сестрорѣцкій участокъ цѣликомъ вошелъ въ составъ Петербургской губерніи; объ этомъ сообщено было какъ финляндскому правительственному совѣту, такъ и подлежащимъ властямъ Имперіи. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя Государь измѣнилъ свое рѣшеніе и повелѣлъ, согласно проекта директора Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, подполковника де-Ланкрисъ (de Lancrys), упомянутый участокъ присоединить къ Выборгской губерніи [415]).

— ——— —

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I, лучшій его другъ полякъ-патріотъ, князь Адамъ Чарторыйскій, замѣнилъ канцлера Воронцова и поставленъ былъ во главѣ нашего дипломати-

ческаго вѣдомства. Возможно-ли, чтобы такой полякъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Императора и былъ посвященъ во всѣ государственныя тайны? «Всѣ усилія его политики были направлены къ осуществленію польско-патріотической мечты, и ей подчинены всѣ прочія политическія соображенія». При Адамѣ Чарторыйскомъ въ наше дипломатическое вѣдомство начался приливъ иностранцевъ всѣхъ національностей. Чѣмъ менѣе политика петербургскаго двора становилась русскою, тѣмъ болѣе нуждалась она въ преданныхъ орудіяхъ, а такими орудіями могли служить ей только чужеземцы и всякаго рода эмигранты. «Съ каждымъ днемъ встрѣчаемъ мы все новыя и новыя иностранныя имена въ нашей дипломатіи: французъ Убри, эльзасецъ Анштетъ, венеціанецъ Мочениго, корсиканецъ Поццо-ди-Борго, корфіотъ Каподистрія, всѣ они были приняты въ это печальное время на русскую дипломатическую службу, несмотря на то, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Россіи, не зналъ даже русскаго языка». Русскій языкъ... да онъ былъ имъ и не нуженъ, такъ какъ, по выраженію Поццо-ди-Борго, ихъ пригласили не для спеціально русскихъ, а для такъ называемыхъ «общихъ дѣлъ» [416]).

Дѣйствительно, во время управленія Чарторыйскимъ иностранною коллегіей народный языкъ былъ окончательно изгнанъ изъ дипломатической переписки русскаго двора и замѣненъ французскимъ. Теперь въ нашемъ дипломатическомъ обиходѣ эти формы замѣнила условная и напыщенная французская фраза, потому только, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ не понималъ по-русски. Принятая Чарторыйскимъ мѣра была для внѣшней политики нашей болѣе чувствительнымъ ударомъ, чѣмъ одновременная потеря Аустерлицкаго сраженія. Она обезличила русскую дипломатію, оторвала ее отъ родной почвы.

Во всѣхъ дѣлахъ наблюдается полное умолчаніе о существенныхъ интересахъ Россіи и о какомъ либо вознагражденіи ея за жертвы, принесенныя «общему дѣлу». Начавшійся при Чарторыйскомъ приливъ иностранцевъ въ русскую дипломатію продолжался и при Будбергѣ, съ тою лишь разницей, что теперь нѣмцы снова стали получать въ ней перевѣсъ надъ другими чужеземцами, въ особенности уроженцы Прибалтійскихъ губерній [417]).

Въ числѣ людей, близкихъ къ Александру и пользовавшихся его довѣріемъ, находились и такіе, которые выговаривали ему за выказываемое иностранцамъ предпочтеніе надъ природными русскими. Новосильцевъ утверждаетъ, что онъ всячески старается

внушить Государю «необходимость имѣть министерство русское, вдохновляемое лишь истинными пользами отечества и независимое отъ иностранныхъ дворовъ». Тоже повторилъ П. В. Чичаговъ. Государь оправдывался, говоря: «Могу-ли я помочь тому, что образованіе у насъ такъ отстало, и до тѣхъ поръ, покуда не сознаютъ нужды, чтобы родители поболѣе о немъ позаботились, если-бы я не прибѣгалъ къ содѣйствію извѣстныхъ иностранцевъ, дарованія которыхъ испытаны, число способныхъ людей, и безъ того малое, еще уменьшилось-бы значительно. Что сдѣлалъ-бы Петръ Первый, если-бы не пользовался службою иностранцевъ? Чувствую, въ то же время, что въ этомъ есть зло; но это зло меньшее изъ двухъ, ибо можемъ-ли мы отсрочивать событія до тѣхъ временъ, въ которыя наши земляки будутъ находиться на высотѣ всѣхъ тѣхъ должностей, кои они должны занимать? Все это я сказалъ вамъ для того только, чтобы доказать вамъ, что въ данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцевъ». Вотъ, слѣдовательно, когда у насъ вводилось положеніе, формулированное Грибоѣдовымъ «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья». Но Государь, очевидно, забылъ, что въ царствованіе великой бабки его и дипломаты, и военные, «набираясь преимущественно изъ русскихъ людей, удивляли міръ своимъ искусствомъ и способностями, подняли честь и могущество Россіи на недосягаемую высоту».

Государь долженъ былъ видѣть, что его политика отстаиванія «общихъ интересовъ» Европы—безплодна и она вела только къ истощенію силъ Россіи, для неблагодарныхъ и завистливыхъ союзниковъ. Государю надлежало также помнить умное слово Наполеона, сказавшаго, «что у Россіи, какъ и у Франціи, должна быть своя національная политика»[118]).

Когда по прошествіи нѣкотораго времени, Государь призвалъ графа Н. П. Румянцева,—дипломата Екатерининскихъ временъ,—онъ вновь доказалъ возможность обходиться безъ наемника и эмигранта. «О заслугахъ его отечеству краснорѣчиво свидѣтельствуетъ пріобрѣтеніе Финляндіи и Бессарабіи, этихъ двухъ необходимыхъ оплотовъ нашего могущества на Сѣверѣ и Югѣ».

Въ то время, когда русскій дипломатическій корпусъ сталъ пополняться иностранцами и инородцами, въ него попали также братья Алопеусы.

Какъ въ исторіи войны 1808—1809 г.г., такъ и при заключительномъ ея актѣ не малое значеніе имѣлъ графъ Давидъ Алопеусъ. Въ общемъ составѣ дѣятелей александровскаго періода

онъ является весьма типичной фигурой. За время «русскаго періода» въ Выборгѣ (съ 1721 по 1809 г.г.) наблюдается смѣшеніе финской, нѣмецкой, шведской и русской народностей. Создается типъ «патріотовъ безъ отечества», такъ какъ образованная часть населенія этой губерніи сохранила тяготѣніе къ Финляндіи и нерасположеніе къ Россіи. Давидъ Алопеусъ—сынъ пастора Выборгской губерніи. Первое свое образованіе онъ получилъ въ Выборгѣ, гдѣ школы въ то время въ педагогическомъ отношеніи стояли на высокомъ уровнѣ. Семейство домпробства Алопеуса находилось въ дружественныхъ отношеніяхъ съ дворомъ Выборгскаго намѣстника—герцога Виртембергскаго, и особенно съ герцогиней Августой Каролиной, урожденной принцессой Брауншвейгской. Благодаря расположенію семейства герцога, молодой Д. Алопеусъ сдѣлался ученикомъ военной академіи въ Виртенбергѣ. Бывшій намѣстникъ Выборга сдѣлался потомъ королемъ Виртембергскимъ, сохраняя благосклонное отношеніе къ Алопеусу.

Въ началѣ екатерининскаго царствованія тогдашній первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ графъ Н. И. Панинъ ввѣрилъ управленіе своей канцеляріи финляндцу Максиму Алопеусу (братъ Давида Алопеуса), который и сталъ покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, какъ пришлымъ изъ Германіи, такъ и уроженцамъ Прибалтійскаго края. Въ малолѣтствѣ Густава IV Адольфа Д. Алопеусъ попалъ въ Стокгольмъ, въ качествѣ секретаря посольства при русскомъ министрѣ Будбергѣ, и, проявивъ большую способность, сдѣлался потомъ самъ министромъ. Его живой и подвижный темпераментъ доставилъ ему въ Швеціи прозвище «Галопеусъ» (мчавшійся галопомъ или сумасшедшій); судя по различнымъ мемуарамъ того времени, онъ не былъ persona grata при шведскомъ дворѣ. Много шума произвело арестованіе его, по приказанію неуравновѣшеннаго въ своихъ дѣйствіяхъ короля. Фактически Алопеусъ не былъ предупрежденъ о началѣ русскихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, и шведское правительство въ захваченномъ его архивѣ не нашло доказательствъ его хитрости или интриги. Потомъ онъ былъ вывезенъ изъ страны однимъ шведскимъ офицеромъ, не потерпѣвъ при этомъ дальнѣйшаго насилія.

Шельдебрандъ говоритъ, что по духу Алопеусъ былъ русскій: хитрый, предпріимчивый, по-своему вѣжливъ, искусный дипломатъ. Когда Алопеусу пришлось принять участіе въ Фридрихсгамскихъ переговорахъ, то онъ—при отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи—сталъ настаивать на томъ, чтобы границей служила

область расовая и языка р. Кеми, а не случайная географическая линія у Торнео или Каликса. Желаніе Алопеуса сводилось къ округленію территоріи съ финскимъ населеніемъ. По мнѣнію акредитованнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Стокгольмѣ русскаго министра Е. Ф. Бютцова, Алопеусъ преслѣдовалъ не цѣли Россіи или Швеціи, или точнѣе сказать не цѣли по-шведски говорящихъ финновъ, а дѣло Финляндіи. Онъ хотѣлъ округлить все населенное финскими племенами пространство въ одно цѣлое. Трудно въ настоящее время судить о причинахъ, побудившихъ Алопеуса дѣйствовать въ этомъ вопросѣ въ указанномъ направленіи, но, несомнѣнно, что онъ достигъ существенныхъ результатовъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Г. М. Армфельтомъ явился затѣмъ передовымъ носителемъ мысли о возсоединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей [419]).

Послѣ Д. Алопеуса остался обширный дневникъ. Онъ велъ его на четырехъ языкахъ, но преимущественно на нѣмецкомъ и французскомъ, русскій-же языкъ встрѣчается рѣже финскаго. Финляндецъ, имѣвшій случай нѣсколько ознакомиться съ дневникомъ Д. Алопеуса, предполагаетъ, что онъ руководился извѣстнымъ изреченіемъ доцента Арвидсона: «мы не шведы, русскими мы не хотимъ стать, поэтому мы должны быть финнами». Что Алопеусъ остался финномъ—заявляетъ мѣстный современный историкъ,—вытекаетъ также изъ Высочайшаго рескрипта 11 ноября 1819 года, гдѣ между прочимъ говорится: «Намъ особенно пріятно вспомнить ту вашу дѣятельность, который вы принесли пользу вашей родинѣ—Финляндіи» [420]).

Въ Петербургскихъ кругахъ того времени Д. Алопеусъ ни особымъ расположеніемъ, ни довѣріемъ не пользовался. О немъ говорилось, «что онъ самъ финнъ»; и особенно непріятны были его интимныя реляціи съ бывшимъ генераломъ русской арміи, герцогомъ Виртембергскимъ, намѣстникомъ въ Выборгѣ, который хотя и являлся дядей по матери Александру I, тѣмъ не менѣе былъ рьянымъ приверженцемъ Наполеона и впослѣдствіи принималъ участіе въ бояхъ противъ Россіи. Оскорбленный недовѣріемъ съ обоюдныхъ сторонъ, Алопеусъ вскорѣ отказался отъ русско-финскихъ дѣлъ и искалъ себѣ за границей новаго поля дѣятельности [421]).

Его дипломатическій соперникъ по переговорамъ въ Фридрихсгамѣ—Шёльдебрандъ—даетъ о немъ не совсѣмъ лестную характеристику въ своемъ дневникѣ. Шёльдебрандъ пишетъ: «Д. Алопеусъ, вооружившись безуспѣшною хитростію, съ одной стороны, казалось, сталъ дѣйствовать съ нами откровенно и въ тихомолку

становился даже нѣсколько на нашу сторону, а съ другой стороны, въ присутствіи Румянцева, говорилъ намъ непріятности» (15 окт. н. ст. 1809 г.). Не лучше велъ себя его братъ. Въ одномъ изъ наказовъ нашимъ дипломатическимъ представителямъ, по вступленіи въ должность канцлера, графъ А. Р. Воронцовъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣлилъ свою политическую точку зрѣнія: «Я никогда не былъ ни французомъ, ни англичаниномъ, ни пруссакомъ, ни австрійцемъ, но всегда и во всѣ времена—добрымъ русскимъ. Главная цѣль моя—благо Россіи, ея процвѣтаніе и счастье». Достойно замѣчанія, что депеша эта была обращена къ посланнику нашему въ Берлинѣ, Максиму Алопеусу, не безъ основанія слывшему ревностнымъ приверженцемъ и покорнымъ слугою прусскаго двора. Хорошо постигшій его графъ Ѳ. Р. Ростопчинъ писалъ около того же времени: «Ужъ лучше—было бы просто выплачивать его жалованье непосредственно графу Гаугвицу», первому министру короля Фридриха Вильгельма III [422]). Слѣдовательно, Максимъ Алопеусъ принадлежалъ къ тѣмъ дипломатамъ, которые «созидали свою карьеру, торгуя интересами Россіи».

Ни въ одномъ государствѣ не было столько иноземцевъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, какъ въ Россіи, почему А. М. Михайловскій-Данилевскій начинаетъ свой дневникъ за вторую половину 1815 года такъ: «Россія являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частью изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и не многіе изъ нихъ бывали въ Россіи далѣе Петербурга». Это все наслѣдіе Чарторыйскаго, М. Алопеуса, Будберга и др.

Конечно, въ переполненіи нашего дипломатическаго корпуса иностранцами огромное значеніе имѣло пристрастіе Александра I къ иноземцамъ вообще. «Нравъ Александра I былъ не русскій», писалъ Адамъ Чарторыйскій.

Извѣстны затѣмъ увлеченія Императора Александра I Маріей Антоновной Нарышкиной, урожденной Четвертинской [423]). Императоръ умѣлъ втягивать женщинъ въ свои интересы. Черезъ женщинъ онъ зналъ многое, чего не говорилъ ему даже родной братъ. Но, надо допустить, что и черезъ женщинъ устроено было не одно дѣло государственной важности. «О Маріи Антоновнѣ, правда, сложилось мнѣніе, которое высказывалъ Александръ Павловичъ, что она добровольно не вмѣшивалась ни во внѣшнія, ни во внутреннія дѣла страны, хотя въ одно время на нее возлагалось много надеждъ, какъ ея соотечественниками, мечтавшими о возрожденіи Польши, такъ и сильною придворною партіей, стреми-

шейся отклонить Государя отъ союза съ Наполеономъ». Разсказывали, что Императоръ взялъ съ нея обѣщаніе не вмѣшиваться въ дѣла, грозя иначе разрывомъ. «Случалось, что она нарушала это условіе». Въ доказательство приводились примѣры. Но и помимо примѣровъ, зная характеръ М. А. Нарышкиной и среду, окружавшую ее, трудно допустить, чтобы она не имѣла извѣстнаго вліянія на ходъ нѣкоторыхъ польскихъ дѣлъ. «Поляки интриганы», говорилъ самъ Государь. Нарышкина была полька.

Изъ женщинъ, которыя могли вліять на дѣла Финляндіи, извѣстна пока одна—жена Д. Алопеуса (урожденная Жанетта ф.-Вьюкстернъ). Она славилась своей красотой, о которой въ свое время много говорили. «Всѣ эти дни,—пишетъ современникъ,—я нѣсколько разъ видѣлъ госпожу Алопеусъ. Я не могу достаточно оцѣнить всей очаровательности ея наружности, а тѣмъ болѣе ея характера». Она вышла впослѣдствіи за ген.-лейт. князя Павла Лопухина. У нея была дочь Alexandrine († 1848 г.), которая перешла въ католицизмъ. Во время одной размолвки Императора съ Маріей Антоновной Нарышкиной, послѣдняя по обыкновенію собралась путешествовать. Въ обществѣ пошли толки о ея замѣстительницѣ. По этому поводу Коленкуръ донесъ: «Говорятъ, что все уже устроено для отъѣзда г-жи Нарышкиной, которая ѣдетъ на воды. Ея опалу приписываютъ французскому посланнику, устроившему Императора съ г-жею Алопеусъ, въ обществѣ которой онъ обыкновенно бываетъ».

XI. 1812 годъ. Союзъ съ Швеціей. Бернадотъ.

Императору Александру нашептывали, что Сперанскій хитро подкапывался подъ его самодержавіе. Въ это-же время Государь началъ говорить, что онъ обязанъ сохранить самодержавіе и передать его своимъ наслѣдникамъ, что учрежденіе министерствъ есть ошибка; онъ высказывалъ даже сожалѣніе, что согласился на учрежденіе Государственнаго Совѣта. Насколько въ данномъ случаѣ повліяла записка Карамзина и въ какой мѣрѣ подобныя заявленія вызывались окружавшими обстоятельствами, трудно опредѣлить. Одно несомнѣнно, что Сперанскій въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ являлся лишь исполнителемъ Верховной воли.

Къ 17 марта 1812 года Императоръ Александръ, неожиданно призвавъ къ себѣ рано утромъ де-Санглена, сказалъ ему: «Конечно, какъ мнѣ ни больно, но надобно разстаться съ Сперанскимъ. Его необходимо отлучить изъ Петербурга». И Сперанскаго удалили. Всѣ были озадачены его участью, и до сихъ поръ истинная причина немилости къ нему Монарха остается недостаточно выясненной. О ней строятъ разныя догадки и дѣлаются различныя предположенія.

Сперанскій, поясняетъ Н. Шильдеръ, былъ невоздержанъ въ своихъ отзывахъ объ Императорѣ Александрѣ не только въ разговорахъ, но даже и въ перепискѣ. Въ часы, свободные отъ работы, Сперанскій любилъ поговорить о дѣлахъ государственныхъ, любилъ выставлять на-показъ свои большія познанія, свои предположенія и нерѣдко не щадилъ Государя, какъ разъ въ то самое время, когда тотъ удостоивалъ его полной своей довѣренности и даже пріязни. Сперанскій имѣлъ неосторожность унижать характеръ, умъ и заслуги Александра, онъ выставлялъ его человѣкомъ ограниченнымъ, равнодушнымъ къ пользѣ отечества, беззаботнымъ, красовавшимся своею фигурою, свиставшимъ у окна, когда ему

докладывали дѣла. Подобный отзывъ былъ высказанъ ранѣе графомъ Панинымъ. Онъ писалъ гр. С. Р. Воронцову въ томъ смыслѣ, что не ожидаетъ отъ молодого Императора «ничего хорошаго», что онъ «легкомысленъ, любитъ танцы и болѣе заботится о томъ, чтобы нравиться женщинамъ, чѣмъ вникать въ государственныя дѣла». Этотъ отзывъ явился одной изъ причинъ удаленія навсегда умнѣйшаго Панина. Несдержанность Сперанскаго доходила до того, что онъ позволилъ себѣ рѣзкіе отзывы объ Александрѣ въ офиціальномъ разговорѣ съ самимъ министромъ полиціи, генералъ-адъютантомъ Балашовымъ. «Вы знаете подозрительный характеръ Государя. Tout ce qu'il fait, il le fait à demi. Il est trop faible pour régir et trop fort pour etre regi.» Всѣ эти слова и замѣчанія передавались Государю съ надлежащими коментаріями, возбуждая вражду и обиду въ сердцѣ послѣдняго». Нѣсколько мнительный и недовѣрчивый по природѣ и въ высшей степени самолюбивый и злопамятный Александръ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ этимъ тайнымъ неуваженіемъ къ нему Сперанскаго. Доходили до Государя, напримѣръ, и такіе разговоры Сперанскаго: «Пора намъ сдѣлаться русскими», сказалъ онъ однажды. Его собесѣдникъ отвѣчалъ ему: «Что-же, не тебя ли уже въ цари русскіе?» Сперанскій же какъ будто въ шутку возразилъ: «А хотя бы и меня, не меня одного—и васъ, мало-ли людей русскихъ кромѣ нѣмцевъ». Этимъ онъ намекалъ, какъ говорится въ доносѣ, на республиканское правленіе. Было также перехвачено письмо, въ которомъ Сперанскій, увѣдомляя своего пріятеля объ отъѣздѣ Государя съ цѣлью осмотра вновь возводимыхъ укрѣпленій на западной границѣ, употребилъ выраженіе: нашъ Вобанъ, нашъ Вобланъ (notre veau blanc [424]).

Но указанныя обстоятельства—личнаго характера, а потому другіе изслѣдователи присоединяютъ къ нимъ догадки о причинахъ политическихъ. Приближались грозныя событія 1812 года, и Государь рѣшился принести силѣ обстоятельствъ великую жертву. Политическія соображенія побудили его создать такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединило бы вокругъ него всѣ сословія. Для достиженія этой цѣли нельзя было придумать ничего лучшаго, какъ обвиненіе въ измѣнѣ противъ государя и отечества, приписавъ всѣ эти козни М. Сперанскому. Государь хорошо зналъ неосновательность этого обвиненія, но всетаки пожертвовалъ Сперанскимъ. Въ лицѣ его онъ хотѣлъ покарать иллюзіи своей молодости. Когда 17 марта 1812 года Сперанскаго арестовали и сослали на жительство въ Нижній-Новгородъ, то эта но-

вость была принята въ обществѣ какъ первая побѣда надъ французами. Сперанскаго открыто стали называть вольнодумцемъ, революціонеромъ, мартинистомъ, иллюминатомъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ попиралъ ногами прошедшее.

Такъ смотрѣло тогда общество на дѣло, не зная того, что говорилось во дворцѣ. Въ минуту довѣрчивой бесѣды, Государь сказалъ Новосильцеву: «Вы думаете, что онъ (Сперанскій) измѣнникъ? — Нисколько; онъ, въ сущности, виновенъ только относительно меня одного,—виновенъ тѣмъ, что отплатилъ за мое довѣріе и мою дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью». «Вина Сперанскаго относилась лично ко мнѣ», сказалъ Императоръ въ разговорѣ съ графомъ Закревскимъ.

Когда рѣшено было пожертвовать Сперанскимъ, то дѣйствующими лицами замышляемой интриги были избраны генералъ-адъютантъ Балашовъ, генералъ баронъ Армфельтъ и французскій эмигрантъ Вернегъ [425]). У Армфельта имѣлись свои спеціальныя причины нерасположенія къ Сперанскому. Изъ переписки Армфельта выясняется, что онъ съ самаго начала былъ недоволенъ образомъ дѣйствій Сперанскаго по отправленію финляндскихъ дѣлъ. Не разъ характеризовалъ онъ его, какъ «страннаго господина, который иногда хочетъ возвысить насъ (финновъ), иногда, наоборотъ, хочетъ дать намъ знать о нашей зависимости». Съ другой стороны, онъ всегда смотрѣлъ на интересы Финляндіи, какъ на мелкое, побочное второстепенное дѣло (å en annan sida, har han alltid ansett Finlands affärer som en liten bisak)». Сперанскій — «un homme d'esprit,» какъ выражался также Армфельтъ, «но онъ на столько заваленъ дѣлами, что не имѣетъ времени заняться нами». Армфельтъ, кажется, сомнѣвался, насколько доброжелательство Сперанскаго по отношенію къ Финляндіи въ дѣйствительности было искренно. «Основы соединенія со старой Финляндіей вполнѣ приняты, согласно моимъ желаніямъ,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1811 г. Шернвалю, — но такъ какъ указы будутъ составляться Сперанскимъ, то я не знаю, когда дѣлу будетъ данъ ходъ; это столь важное дѣло, вѣроятно, встрѣтитъ затрудненія». Но кромѣ этихъ причинъ неудовольства, у Армфельта были и другія побужденія, явившіяся болѣе сильными двигателями «весьма умнаго, весьма хитраго и весьма смѣлаго человѣка», какъ характеризуетъ его декабристъ кн. С. Г. Волконскій. Армфельтъ, «измѣнивъ отечеству, искалъ случая стать въ первые ряды въ томъ краѣ, куда онъ перешелъ». Онъ успѣлъ очень скоро войти въ довѣріе Государя, которымъ и «былъ употребляемъ по финскимъ дѣламъ». Но

они были для него ограниченнымъ поприщемъ. Въ тоже время Армфельтъ видѣлъ, что «пока не удалятъ Сперанскаго, ему по его желанію не будетъ хода». Армфельтъ сблизился поэтому съ врагами Сперанскаго и сдѣлался главнымъ дѣятелемъ его паденія. Ник. И. Тургеневъ также называетъ ген. Армфельта главнымъ двигателемъ интриги противъ Сперанскаго. По приказанію Армфельта была написана замѣтка противъ Сперанскаго, въ которой старались доказать, что всѣ его мѣропріятія имѣли конечной цѣлью вызвать въ Россіи общее недовольство правительствомъ, а затѣмъ революцію.—Армфельтъ работалъ противъ Сперанскаго въ союзѣ съ Розенкампфомъ, съ которымъ состоялъ въ постоянномъ соприкосновеніи, какъ съ членомъ финляндской комиссіи. У Розенкампфа была своя личная причина вражды къ Сперанскому. По преобразованіи комиссіи законовъ, Розенкампфъ лишился вліятельнаго положенія, которое онъ занималъ въ ней съ 1804 года, въ качествѣ ея предсѣдателя; съ этого времени онъ поклялся,—какъ разсказываютъ,—въ лютой ненависти къ Сперанскому. Имъ и былъ составленъ противъ государственнаго секретаря формальный обвинительный актъ, который, судя по черновой, имѣющейся въ бумагахъ Армфельта, былъ представленъ на его разсмотрѣніе и имъ исправленъ. Армфельтъ разсказываетъ въ письмѣ къ дочери 12 іюня 1812 года о своемъ участіи въ дѣлѣ Сперанскаго: «Здѣсь надѣлало много шума низложеніе Сперанскаго. Большое несчастіе могло произойти изъ этого дѣла, если бы не удалось обсѣчь его развѣтвленія.. Прямота, съ которою я дѣйствовалъ, мужество, съ которымъ я сорвалъ маску съ этого человѣка, пользовавшагося величайшимъ довѣріемъ и безпримѣрною милостію, и тѣ средства, наконецъ, которыя ему давали полную возможность оправдаться,—все это вызвало въ русскихъ изумленіе, и мнѣ приписали большую честь, чѣмъ я заслужилъ, ибо я только исполнилъ свой долгъ». Bernhardi, напротивъ, усмотрѣлъ, что дѣйствія Армфельта продиктованы были низкими мотивами. Финляндскій писатель Г. Фростерусъ находитъ, что участіе Армфельта въ интригѣ противъ Сперанскаго весьма темное пятно въ біографіи друга Густава III. И дѣйствительно, сынъ Финляндіи поднялъ руку на просвѣщеннаго благодѣтеля Финляндіи!... Здѣсь есть надъ чѣмъ поразмыслить: или Сперанскій дѣйствительно противъ воли и лукаво поддерживалъ финляндцевъ, или Армфельтъ лишенъ былъ совѣсти и чести [426]).

Король Густавъ IV Адольфъ.

Наслѣдный принцъ Бернадотъ.

Послѣ Тильзита между монархами Франціи и Россіи началась эпоха любезныхъ изліяній, упорно продолжавшихся при всѣхъ случаяхъ до самаго разрыва. Политическая программа Императора Александра I была намѣчена весьма скоро и онъ исполнялъ ее съ удивительною послѣдовательностью.

«Вернувшись изъ Тильзита въ Петербургъ, русскій Императоръ далъ новый курсъ политикѣ, не побоявшись идти противъ общественнаго мнѣнія Россіи и порвавъ связи съ сотрудниками первыхъ годовъ царствованія». Нужна была воля, хладнокровная выдержка, извѣстная смѣлость въ дѣйствіяхъ—всѣ эти качества въ данномъ случаѣ оказались на лицо у Александра [427]).

Глазами и ушами Наполеона при Петербургскомъ дворѣ былъ Коленкуръ. Кромѣ официіальной миссіи на него возложено было слѣдить за каждымъ шагомъ Александра. Въ свою очередь Монархъ Россіи сумѣлъ использовать такіе таланты, какъ Талейранъ и Меттернихъ; ему не чужды Фули и Поццо-ди-Борго для подпольной работы; онъ находитъ ловкихъ исполнителей своихъ плановъ въ лицѣ Чернышевыхъ, Нессельроде, Балашовыхъ. «Умѣлое обращеніе съ людьми—качество рѣдкое для правителя, и въ этой сферѣ Александръ стоялъ выше Наполеона».

Александру I удалось такъ ловко повести свои дипломатическіе переговоры, что онъ наконецъ пріурочилъ къ своимъ видамъ Коленкура, — посла чужой державы — явленіе, конечно, безпримѣрное.

Въ настоящее время установлено, что въ распоряженіи Императора Александра находились кромѣ свѣдѣній, собранныхъ обычнымъ путемъ черезъ официіальнаго представителя во Франціи, еще иныя. Этимъ другимъ источникомъ являлся совѣтникъ русскаго посольства Нессельроде, который велъ оживленную переписку съ государственнымъ секретаремъ Сперанскимъ. Эта корреспонденція обнимаетъ періодъ отъ 13—25 марта 1810 года до 10—22 сентября 1811 года, и велась съ приложеніемъ особаго ключа для собственныхъ именъ, а иногда и цѣлыхъ выраженій. Письма отъ Нессельроде передавались Сперанскимъ лично Государю «безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева и посла князя Куракина, которые такъ и умерли, не подозрѣвая, что помимо ихъ доставлялись особыя донесенія» [428]). Судя по извѣстному пермскому письму Сперанскаго, мысль этого сношенія принадлежала ему, Сперанскому.

«Главной темой этой переписки служили,—какъ повѣствуетъ графъ Нессельроде, — мои бесѣды съ Талейраномъ и нѣкоторыми

другими лицами, ставшими въ оппозицію къ увеличивающемуся властолюбію Наполеона. Къ этой оппозиціи присоединился и Коленкуръ. Въ секретныхъ разговорахъ съ Императоромъ Александромъ онъ обратилъ вниманіе Государя на опасность честолюбивыхъ замысловъ своего повелителя. Весной 1811 г. Наполеонъ, недовольный донесеніями Коленкура, отозвалъ его, замѣнивъ генераломъ Лористономъ. Императоръ Александръ, не желая потерять такой цѣнный источникъ свѣдѣній, предложилъ ему, по возвращеніи въ Парижъ, черезъ мое (Нессельроде) посредство передачу этихъ свѣдѣній». «Всѣ эти люди», добавляетъ Нессельроде, «не думали измѣнять своему государю, но хотѣли только предохранить пылъ его страстей отъ продолженія постоянныхъ войнъ, обезлюдившихъ и обѣднившихъ Францію, что могло довести до ужасныхъ катастрофъ». Что Талейранъ измѣнялъ Наполеону еще въ Эрфуртѣ, было извѣстно, но что другія личности, и даже Коленкуръ, имѣли такія же поползновенія—это новость [429]).

Союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, былъ нарушенъ Наполеономъ въ вопросѣ о дунайскихъ княжествахъ. Въ декабрѣ 1810 г. ганзейскіе города, поддерживавшіе оживленныя торговыя сношенія съ Россіей, были присоединены къ Франціи, такъ же какъ и герцогство Ольденбургское, всегда считавшееся удѣломъ Россійскаго Императорскаго Дома. Въ свою очередь Россія, нѣсколько оправясь отъ прежнихъ пораженій, не пожелала нести ярмо наложенныхъ на нея стѣсненій и потому въ 1811 г. было издано постановленіе, дозволяющее ввозъ въ Россію колоніальныхъ товаровъ подъ нейтральнымъ флагомъ, что подрывало доходы французскихъ фабрикъ. Ясно было, что союзъ долго не продержится.

19—31 марта 1811 г. князь Куракинъ изъ Парижа рѣшился вновь лично написать Государю, излагая свои убѣжденія о необходимости заключить союзы съ Швеціей и Англіей, для готовящейся ужасной борьбы.

Въ дѣйствительности сближеніе съ Швеціей началось уже ранѣе и дѣло быстро подвигалось къ прочному союзу, а съ Англіей установились такія отношенія, что вскорѣ «Отечественная» война противъ Франціи повелась на англійскія субсидіи, какъ заявилъ князь Волконскій въ одномъ разговорѣ.

Въ предвидѣніи разрыва, возникалъ вопросъ объ обезпеченіи границъ ближайшихъ къ столицѣ, иначе говоря—объ отношеніяхъ къ намъ Швеціи и о положеніи Финляндіи. Къ счастью, на сѣверѣ обстоятельства складывались благопріятно для Россіи.

Вполнѣ надежное сближеніе съ Швеціею предусмотрительно состоялось уже въ исходѣ 1810 г., вскорѣ послѣ избранія маршала Бернадота наслѣднымъ принцемъ королевства. Обезпечивъ Петербургъ отъ внезапнаго нападенія Швеціи присоединеніемъ Финляндіи, Императоръ Александръ I постоянно изъявлялъ желаніе сохранить съ сѣверной сосѣдкой мирныя отношенія. Но мало надѣясь на ея взаимность, привязывалъ Финляндію къ Россіи и къ своей особѣ дарованіемъ новой окраинѣ многочисленныхъ преимуществъ и льготъ. Неудачная внѣшняя политика и внутренніе безпорядки настолько ослабили Швецію, что графъ Н. Румянцевъ говорилъ о ней такъ же какъ о Турціи, называя ее больною, которой не надо мѣшать умереть [430]).

Избраніе риксдагомъ въ г. Эребро наслѣдникомъ престола наполеоновскаго маршала Бернадота, князя Понте-Корво, явилось для всѣхъ государствъ неожиданностью. Кромѣ того, къ разочарованію многихъ, французскій маршалъ скоро преобразился въ шведа-патріота. Наполеонъ не любилъ Бернадота и это рѣзко сказалось въ послѣдующихъ его отношеніяхъ къ Швеціи. Французскіе корсары ловили шведскія торговыя суда и безцеремонно забирали ихъ даже въ шведскихъ водахъ. Письма Бернадота къ Наполеону оставлялись безъ отвѣта, а посланникъ Франціи обходился съ нимъ надменно и дерзко. Требованія Наполеона къ Швеціи усиливались и ему представлялось, что Бернадотъ обязанъ исполнять ихъ, какъ приказанія.

Подобныя обстоятельства побудили Карла Іогана (Бернадота) работать надъ тѣмъ, чтобы освободить свое новое отечество отъ союза съ французскимъ императоромъ. Противъ же силы и безпощадности Наполеона онъ не находилъ другого выхода, какъ искать опоры въ Россіи. При этомъ всѣ помышленія о возвратѣ Финляндіи были оставлены, такъ какъ за эту уступчивость разсчитывалъ при помощи Россіи вознаградить себя пріобрѣтеніемъ Норвегіи. Надежда на вознагражденіе себя Норвегіей, вмѣсто утерянной Финляндіи, несомнѣнно руководила Швеціей въ этотъ періодъ. Но кромѣ того Бернадотъ тогда-же находилъ, что дружба императора Наполеона съ Россіею основана на выгодахъ, происходящихъ отъ союза обоихъ сихъ дворовъ, что Финляндія вслѣдствіе того никакъ не можетъ быть отдѣлена отъ Россіи, но должна всегда принадлежать ей, и что потому всѣ архивы, неотмѣнно и безъ всякаго затрудненія и остановки, имѣютъ быть выданы [431]). Существовало и другое обстоятельство, побуждавшее Бернадота искать сближенія съ Россіей. Швеція находилась въ томъ опас-

*

номъ и несчастномъ положеніи, что продолженіе войны «совершенно уничтожило бы ее, и что для спасенія ея необходимо заключить миръ съ Россіей даже на тяжкихъ условіяхъ, если нельзя будетъ добиться болѣе легкихъ». Эти выраженія, въ которыхъ высказался шведскій государственный совѣтъ, также свидѣтельствуютъ, что положеніе было безпомощное [432]).

Въ то же время Императоръ Александръ проявлялъ особую предупредительность по отношенію къ Швеціи. Въ началѣ декабря 1810 г. въ Стокгольмъ прибылъ флигель-адъютантъ А. И. Чернышевъ. Онъ неоднократно былъ принятъ наслѣдникомъ престола самымъ дружественнымъ образомъ и велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, во время которыхъ Бернадотъ весьма опредѣленно увѣрялъ, что будетъ «хорошимъ сосѣдомъ», такъ какъ по его мнѣнію, «благоденствіе народа не зависитъ отъ обширности его владѣній». Бернадотъ искренно желалъ снискать расположеніе русскаго Императора и признался, что все вниманіе шведской политики обращено на Россію, со стороны которой единственно могла грозить опасность Скандинавіи. Въ свою очередь наслѣднику-принцу было сказано, что Россія почитаетъ всѣ свои счеты со Швеціею оконченными и желаетъ находиться съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ; что же касается лично до него, наслѣднаго принца, то Императоръ цѣнитъ его дарованія, дорожитъ его расположеніемъ и въ этомъ отношеніи обѣщаетъ свою взаимность. Россія, какъ союзница Франціи, обязана была содѣйствовать ей въ томъ, чтобы ввести Швецію въ континентальную систему. Но собственно Швеціи Россія не угрожаетъ и желаетъ находиться съ нею въ добрыхъ, мирныхъ и дружескихъ отношеніяхъ. «Послѣ заключенія Фридрихсгамскаго мира, все измѣнилось: между двумя державами окончилась продолжительная вражда, которая часто поднимала одну изъ нихъ противъ другой. Въ настоящее время выгоды обѣихъ державъ вынуждаютъ ихъ поддерживать взаимную дружбу, и особенно Россія должна желать, чтобы никакія внутреннія несогласія не возмущали спокойствія Швеціи».

«Что касается меня, говорилъ Бернадотъ, то я даю рѣшительное обѣщаніе, что шведское правительство готово все сдѣлать, чтобы заслужить благорасположеніе Россіи, и будетъ избѣгать всего, что могло бы навлечь самое малѣйшее противъ нея неудовольствіе. Конечно, потеря Финляндіи составляетъ еще свѣжую рану, но, смотря на вещи безпристрастно, я самъ понимаю, что эта провинція была слишкомъ удалена отъ Швеціи, и она не могла

долго удерживать ее за собою. Россія, если захочетъ, то можетъ обратить свое оружіе противъ востока, юга и запада и быть вполнѣ увѣренною, что Швеція не измѣнитъ своей политики и желанію оставаться съ нею въ мирѣ, потому что она очень хорошо знаетъ, что можетъ обойтись безъ всякихъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи, отъ которой зависитъ ея спокойствіе и миръ». Затѣмъ Бернадотъ изъявилъ Чернышеву прискорбіе, что не имѣетъ чести быть лично знакомъ Императору и выразилъ мысль, что ему было бы весьма пріятно, если бы Императоръ дозволилъ ему пріѣхать въ Петербургъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

Послѣ такихъ откровенныхъ заявленій Чернышевъ позволилъ себѣ выразить главную мысль, составлявшую существенную сторону его посольства, что цѣль Императора Александра заключается именно въ томъ, чтобы достигнуть мира, въ которомъ одинаково нуждаются всѣ европейскія государства, и что поэтому онъ поручилъ ему заявить наслѣдному принцу, въ знакъ своего къ нему уваженія, намѣреніе свое сохранить мирныя отношенія къ Швеціи при всевозможныхъ обстоятельствахъ.

Выслушавъ это заявленіе, наслѣдный принцъ не могъ скрыть своей радости. «Никогда Его Величество,—продолжалъ Бернадотъ,—не увидитъ, чтобы Швеція рѣшилась пролить кровь хотя бы одного изъ своихъ подданныхъ или истратить одинъ талеръ въ такомъ дѣлѣ, которое могло бы быть непріятно Россіи. Пока Швеція находится въ союзѣ съ Россіей, цѣлый міръ не можетъ ей ничего сдѣлать. Смотря безпристрастно на положеніе Швеціи и обдумывая всевозможныя предположенія, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что ей нуженъ только союзъ съ Россіей и ея покровительство. Что касается до Финляндіи, которая дѣйствительно въ глазахъ шведскаго народа составляетъ еще неисцѣлившуюся рану, то я убѣжденъ, что если бы и возможно было возвратить ее, воспользовавшись обстоятельствами, когда Россія находилась бы въ войнѣ съ кѣмъ либо изъ своихъ сосѣдей, то обладаніе такою отдаленною провинціею для Швеціи, у которой и такъ мало рукъ для обработки своихъ земель, было бы гибельно. Если бы случайно и удалось мнѣ удержать ее за собою при жизни, то, во всякомъ случаѣ, я черезъ нее завѣщалъ бы моему сыну непремѣнную войну, которая могла бы лишить его престола, потому что достаточно простого здраваго смысла, чтобы понять, что рано или поздно сорокъ милліоновъ народа одержатъ верхъ надъ двумя съ половиною. Между тѣмъ, теперь, когда оба государства отдѣляются другъ отъ друга естественными границами, я могу спокойно предаться усо-

вершенствованію земледѣлія и заняться тѣмъ, чтобы дать Швеціи хорошую конституцію, что я считаю весьма важнымъ и неотложнымъ дѣломъ» [433]).

Отдавая отчетъ Императору о своемъ посольствѣ, Чернышевъ писалъ: «Онъ (наслѣдный принцъ) говорилъ со мною такъ откровенно и съ такимъ чувствомъ, что я не могу не вѣрить его словамъ. Ваше Величество можете быть совершенно покойны на счетъ Финляндіи и даже располагать свободно частью войскъ, которыя тамъ находятся, потому, во первыхъ, что Швеція не имѣетъ средствъ для наступательной войны, ни денегъ, ни строевыхъ войскъ, ни продовольствія, и во вторыхъ, наслѣдный принцъ слишкомъ убѣжденъ что всѣ выгоды Швеціи состоятъ именно въ томъ, чтобы искать покровительства и защиты Вашего Величества,—поэтому онъ будетъ дѣйствовать согласно съ Вашими желаніями».

Весь образъ дѣйствій маршала Бернадота съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на шведскую почву, въ отношеніи къ Россіи дѣйствительно могъ внушать довѣріе къ его политическимъ воззрѣніямъ [434]). Бернадотъ не только искренно такъ думалъ, но могъ и выражать свой взглядъ Чернышеву, потому что общественное мнѣніе Швеціи уже совершенно отвернулось отъ Франціи. Послѣ пріѣзда Бернадота шведы надѣялись, что Императоръ Наполеонъ и деньгами, и войсками поможетъ имъ вновь отторгнуть Финляндію отъ Россіи; но, вмѣсто того, послѣдовали безпрерывныя настойчивыя требованія его политики, выражаемыя повелительно и грубо.

Какъ только Государь узналъ о результатахъ поѣздки флигель-адъютанта А. И. Чернышева, то сейчасъ же написалъ Бернадоту, 19—31 декабря 1810 г.: «Спѣшу выразить Вашему Королевскому Высочеству, что я тронутъ вашимъ письмомъ, оказаннымъ добрымъ пріемомъ моему адъютанту полковнику Чернышеву. Я желаю больше и больше укрѣпить существующій между Швеціей и Россіей союзъ, и чувства, которыя Ваше Высочество оказываете мнѣ, даютъ мнѣ увѣренность надѣяться на это. Самый мой политическій интересъ требуетъ сохраненія и счастья Швеціи; я также воспользуюсь каждымъ случаемъ, чтобы дать въ томъ широкія доказательства Вашему Высочеству и Вы всегда найдете во мнѣ вѣрнаго союзника».

«Только для Вашего Королевскаго Высочества. Исполнивъ свой долгъ передъ наслѣднымъ принцемъ, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ человѣку извѣстному своими талантами, своимъ характеромъ, своими нравственными правилами. Я искренно

желаю Вашей дружбы, Вашего довѣрія. Я ихъ добиваюсь потому, что мои чувства посвящены Вамъ давно, еще тогда, когда Вы были лишь простымъ генераломъ. Я готовъ понять выраженія, которыми Вы обратились къ Чернышеву и отъ души желаю быть Вашимъ другомъ. Воспитанный самъ республиканцемъ (Elevé moi même par un républicain), я рано научился цѣнить больше человѣка, чѣмъ титулъ, поэтому я больше буду польщенъ связями, которыя установятся между нами какъ человѣка съ человѣкомъ, чѣмъ между монархами. Чернышевъ былъ посланъ единственно съ этой цѣлью и съ намѣреніемъ успокоить Васъ на счетъ заботъ qu'on s'était plu à vous donner. Все, что онъ мнѣ передалъ о Вашихъ чувствахъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе, потому что я въ нихъ узналъ тотъ характеръ, который я всегда уважалъ въ Васъ. Расчитывайте всегда на меня, и никогда не тревожьте себя боязнью, которую пытаются внушить Вамъ на счетъ Россіи. Въ ея интересахъ находится сохраненіе Швеціи. Удостойте меня отвѣтомъ тѣмъ же способомъ, чрезъ моихъ курьеровъ: частное письмо безъ формальностей, отъ васъ, будетъ для меня чрезвычайно пріятно»[435]).

1811 годъ прошелъ въ переговорахъ съ Франціей. Россія дѣятельно занималась вопросомъ о предстоящемъ со стороны Франціи нарушеніи мира.

Швеція прислала въ Петербургъ графа Карла Левенгельма (Löwenhjelm). Очевидно, что ему надлежало опредѣлить настроеніе въ Россіи. При содѣйствіи и вліяніи Г. М. Армфельта онъ выполнилъ свою задачу. Тотъ же Армфельтъ поддерживалъ въ Государѣ мысль о необходимости предоставить Норвегію въ вознагражденіе Швеціи за ея содѣйствіе противъ Наполеона. Какъ раньше Г. М. Спренгтпортенъ, такъ теперь Г. М. Армфельтъ служилъ для шведскаго дипломата барометромъ общественнаго настроенія Петербурга и источникомъ нужныхъ свѣдѣній.

Близость разрыва Россіи съ Наполеономъ Левенгельмъ опредѣлилъ по отношеніямъ Императора къ Г. М. Армфельту. Левенгельмъ узналъ, что Александръ I, чтобы склонить Армфельта поступить въ русскую военную службу и надѣть генеральскій мундиръ, далъ ему свое «parole d'onneur de chevalier», что онъ не войдетъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ и что война—дѣло рѣшеное. Въ той же телеграммѣ Левенгельмъ сообщалъ своему правительству, что Императоръ, представляя генерала Армфельта Императрицѣ, назвалъ его «братомъ по оружію» и прибавилъ: «мы обѣщали никогда не покидать другъ друга, и я надѣюсь быть достойнымъ его».

Императоромъ Александромъ графъ Левенгельмъ былъ принятъ съ полною благосклонностью и немедленно, по обоюдному согласію, были утверждены предварительныя условія союзнаго договора.

Съ своей стороны Императоръ Александръ I, въ концѣ февраля 1812 г., назначилъ въ Стокгольмъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, генерала Сухтелена; онъ былъ снабженъ довѣренностью подписать актъ тѣснѣйшаго между обоими государствами союза оборонительнаго и наступательнаго [436]). Такимъ образомъ 24 марта—5 апрѣля 1812 г. былъ подписанъ предварительный союзный трактатъ между обѣими державами.

Наполеонъ собиралъ свои полчища. Его «великая армія» или орда народовъ состояла изъ 678.000 чел.

Хотя дѣло быстрыми шагами шло къ открытому разрыву, но оно маскировалось съ той и другой стороны любезными завѣреніями. «Наполеонъ выѣхалъ въ Дрезденъ 28 апрѣля — 9 мая 1812 г., куда созвалъ всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ». «Moniteur» гласилъ: «Императоръ выѣхалъ сегодня для инспекціи Великой Арміи, сосредоточенной на берегахъ Вислы. Ея Величество Императрица будетъ сопутствовать Его Величеству до Дрездена, гдѣ надѣется провести пріятно время у своихъ родственниковъ» [437]). Н. К. Шильдеръ говоритъ въ своемъ трудѣ: «Въ день отъѣзда Его Величества, графъ Румянцевъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла графа Лористона и передалъ ему отъ Государя порученіе сообщить Наполеону, что Его Величество въ Вильнѣ, такъ же какъ и въ Петербургѣ, остается его другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ, что онъ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть ея, что отъѣздъ его въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ».

Когда французскія войска совсѣмъ пододвинулись къ русской границѣ, и ежедневно приходилось ожидать открытія военныхъ дѣйствій со стороны Наполеона, Государь уполномочилъ генерала Сухтелена заключить также мирный договоръ съ Англіею. Извѣщая наслѣднаго принца о неминуемой близости войны, Александръ сообщилъ ему о принятомъ имъ рѣшеніи. 3-го—15 іюня изъ Вильны Императоръ писалъ: «Этотъ же нарочный везетъ полномочія генералу Сухтелену, чтобы заключить миръ съ Англіею. Я поставилъ только одно условіе, чтобы со стороны Англіи былъ подписанъ въ то же время договоръ о субсидіяхъ Швеціи. Это

послужитъ для Англіи новымъ побужденіемъ къ ихъ назначенію [438])».

Бернадотъ оставался вѣренъ данному слову и въ бесѣдѣ съ барономъ П. Сухтеленомъ повторялъ свои увѣренія. Его откровенность простерлась такъ далеко, что онъ не скрылъ шаговъ, сдѣланныхъ Наполеономъ съ цѣлью привлеченія его на свою сторону. Объ этомъ А. Н. Поповъ въ своей монографіи разсказываетъ такъ: «Въ первые дни послѣ пріѣзда Сухтелена въ Стокгольмъ, Бернадотъ неожиданно получилъ странную депешу изъ Парижа безъ подписи, съ предложеніями отъ лица Наполеона вступить въ союзъ съ Франціей. Эта депеша была прислана съ нарочнымъ французскаго министерства, но отъ супруги наслѣднаго принца, находившейся въ это время въ Парижѣ, и была написана рукою герцога Бассана». «Наслѣдный принцъ 13—25 марта получилъ»,—увѣдомлялъ Сухтеленъ наше правительство,—«отъ императора Наполеона оффиціальную ноту, хотя безъ подписи, но написанную извѣстною рукою, слѣдовательно, имѣющую всѣ признаки подлинности. Въ этой нотѣ, вслѣдъ за льстивымъ предисловіемъ и похвалами лично наслѣдному принцу, ему предлагается объявить намъ войну въ то время, какъ сдѣлается извѣстнымъ, что императоръ французовъ началъ войну съ нами, и напасть на Финляндію. За это Наполеонъ обѣщаетъ Швеціи не заключать мира съ Россіей, пока она не обяжется возвратить Швеціи Финляндію. Сверхъ того онъ обѣщаетъ Швеціи часть Норвегіи, ежемѣсячно по полтора милліона франковъ субсидіи и вначалѣ выдачу ихъ за три мѣсяца впередъ, наконецъ, на 20 милліоновъ колоніальныхъ товаровъ въ какихъ либо нѣмецкихъ городахъ изъ портовыхъ, причемъ шведы могутъ перевести эти товары къ себѣ или продать на мѣстѣ. Наслѣдному принцу предоставляютъ всевозможныя для него выгоды, если онъ заключитъ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей.

«Наслѣдный принцъ былъ такъ благосклоненъ, что показалъ мнѣ эту бумагу, которую только что получилъ, но замѣтилъ при этомъ, что она не введетъ его въ обманъ, и что онъ неразрывно связалъ свою судьбу съ Вашимъ Величествомъ».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1812 г. нашъ посланникъ получилъ депешу графа Румянцева, въ которой канцлеръ поручалъ ему сообщить наслѣдному принцу желаніе Императора лично познакомиться съ нимъ и выбрать время и мѣсто для ихъ свиданія [439]). «По приказанію Императора, я готовъ отправиться туда и въ то время, какое угодно будетъ ему назначить. Я отдаю себя въ

полное его распоряженіе, чего, конечно, не сдѣлалъ бы ни для какого другого Государя».

9-го августа 1812 г. Государь выѣхалъ изъ С.-Петербурга, а 12-го, въ 6 часовъ вечера, прибылъ въ Або. Свита, сопровождавшая Государя въ этомъ путешествіи, была весьма немногочисленная. Императору сопутствовали: графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ Кутузовъ и флигель-адъютантъ Чернышевъ [440]).

Три дня ожидалъ Государь прибытія наслѣднаго принца, присутствовалъ за это время на разводѣ, посѣтилъ правительственный совѣтъ и походный лазаретъ, осматривалъ городъ и его окрестности, совершая поѣздки на дрожкахъ или прогуливаясь вечеромъ одинъ, безъ всякой свиты, пѣшкомъ по берегу моря. 15—27 августа шведскій наслѣдный принцъ прибылъ въ Або.

Какъ только наслѣдный принцъ вошелъ къ себѣ, Императоръ Александръ тотчасъ поспѣшилъ къ нему. Они сердечно трижды поцѣловались. Затѣмъ они заперлись въ кабинетѣ, куда,— говоритъ Винтеръ въ своемъ дневникѣ,—и Г. М. Армфельтъ, который теперь прибылъ въ городъ, и баронъ I. Ф. Аминовъ имѣли доступъ. Совѣщаніе продолжалось до 8 час. вечера [441]).

Уже послѣ первой конференціи Государя съ кронпринцемъ, Императоръ Александръ, какъ говорятъ, имѣлъ совершенно спокойный видъ, даже былъ веселъ. Онъ подошелъ къ Штейнгелю, похлопалъ его по плечу и въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ свое удовольствіе исходомъ переговоровъ.

Политическіе переговоры усердно продолжались въ теченіи послѣдующихъ дней. Кронпринцъ мало показывался въ городѣ. Онъ былъ очень польщенъ ласковымъ обращеніемъ Александра I, личность котораго очаровала его, и особенно привлекалъ его тотъ интересъ, который Александръ выказывалъ относительно утвержденія династіи Бернадота на шведскомъ престолѣ, что было самымъ главнымъ для Карла Іоганна. Къ вопросу о возвращеніи Финляндіи онъ отнесся спокойно. Переговоры велись настолько успѣшно, что Императору удалось даже отклонить переданныя чрезъ флигель-адъютанта Чернышева домогательства принца, взамѣнъ обѣщаннаго содѣйствія, добиться обратной уступки Швеціи Аландскихъ острововъ [442]). «Съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу вашу,—сказалъ Александръ,—если-бы не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что такая уступка повредитъ мнѣ во мнѣніи народа. Для меня лучше отдать вамъ Ригу съ островами Эзель и Даго, но только въ залогъ, до совершеннаго исполненія заклю-

ченныхъ между нами условій». Бернадотъ отъ залога отказался, считая слово Императора важнѣе всякаго залога, и удовлетворился уступкою Норвегіи. Швеція обѣщалась признать расширеніе Россіи до Вислы справедливымъ.

Пользуясь честолюбивыми стремленіями маршала Бернадота, Александръ вселилъ въ него увѣренность въ предстоящей возможности замѣнить имъ Наполеона на французскомъ тронѣ.

Разсказываютъ еще, что свиданіе въ Або сопровождалось двумя слѣдующими эпизодами. Извѣстный Адлеркрейцъ якобы-бы на колѣняхъ просилъ Бернадота,. чтобы онъ отъ Императора Александра потребовалъ возвращенія Финляндіи, какъ условіе участія Швеціи въ союзѣ противъ Наполеона, взамѣнъ Норвегіи, рокового подарка Немезиды [443]).

Съ другой стороны, пребываніемъ кронпринца на финляндской землѣ Армфельтъ желалъ воспользоваться, между прочимъ, для того, чтобы доказать свою преданность прежнему отечеству—Швеціи. «Узнавъ о тайномъ намѣреніи Императора во что бы то ни стало заручиться помощью Швеціи,—читаемъ въ книгѣ Тегнéра, Армфельтъ пожелалъ въ Або открыть глаза кронпринцу на возможность получить обратно Финляндію. По своемъ пріѣздѣ въ Або, Армфельтъ (какъ разсказывалъ шведъ Крузенстольпе), узнавъ о томъ, что Императоръ уже совѣщается съ глазу на глазъ съ кронпринцемъ, далъ волю своему удивленію и своей досадѣ, что посѣщеніе Александра послѣдовало раньше его (Армфельта) представленія Карлу Іоганну. «Итакъ, къ несчастію Швеціи, я явился поздно»,—воскликнулъ Армфельтъ, ломая себѣ руки. «Еслибъ я получилъ доступъ къ кронпринцу лишь на десять минутъ ранѣе Императора, все было бы исправлено». Объясненіе этого загадочнаго восклицанія кроется въ вышеизложенномъ: Армфельтъ желалъ добиться возсоединенія Финляндіи со Швеціей, побудивъ кронпринца опредѣленно настаивать на этомъ. Біографъ Армфельта, Тегнеръ, оправдываетъ его, указывая, что эпизодъ этотъ основанъ на слухѣ, а не на документѣ, и что Армфельтъ вообще не былъ сторонникомъ плана возсоединенія Финляндіи, что возвращеніе этого края Швеціи имѣло бы первымъ своимъ послѣдствіемъ полное уничтоженіе всѣхъ послѣднихъ трудовъ Армфельта на пользу Финляндіи, чего онъ естественно не могъ желать; и что, наконецъ, роль, приписанная Армфельту шведомъ Крузенстольпе, стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что было высказано прежде Армфельтомъ по тому же вопросу. Тегнéръ не допускаетъ, чтобы Армфельтъ могъ въ данномъ случаѣ измѣнить

благодѣтелю Финляндіи, и говоритъ, что единственнымъ желаніемъ Армфельта было добиться того, чтобы Швеція также обнажила свой мечъ противъ Наполеона. Мы допускаемъ возможность со стороны Г. М. Армфельта всякаго шага, идущаго на пользу Швеціи. Кто могъ полагать раньше, чтобы Спренгтпортенъ, послѣ всего имъ сдѣланнаго, будетъ проситься обратно въ Швецію? И тѣмъ не менѣе онъ просился. Армфельтъ и Спренгтпортенъ—однородные типы, люди одной и той-же нравственности. Надпись подъ мраморнымъ бюстомъ Густава III, поставленнымъ въ имѣніи Армфельта (Омнине), гласила: «Еще льется слеза, которая священнымъ почитала уваженіе, вмѣстѣ съ вѣчной любовью къ твоей памяти» [444]).

Генералъ Богдановичъ воспроизводитъ въ своей книгѣ [445]) бесѣду Государя съ Бернадотомъ по случаю Высочайшаго смотра находившихся тогда въ Або 6, 21 и 25 дивизій. «Ваши войска превосходны, они принадлежатъ къ отборнымъ войскамъ русской арміи», сказалъ Государю принцъ. «Они могутъ быть весьма полезны для Витгенштейна, который, обороняясь, какъ левъ, противъ Удино и Макдональда, ослабляется ежедневно. Пошлите ему въ помощь эти тридцать пять тысячъ человѣкъ». «Вашъ поступокъ прекрасенъ», отвѣчалъ Государь, «но могу ли принять такое предложеніе? Если я это сдѣлаю, то какимъ образомъ вы получите Норвегію?» «Если успѣхъ будетъ на Вашей сторонѣ», сказалъ принцъ, «я получу ее. Если же вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію; всѣ государи покорятся произволу Наполеона, и тогда лучше быть простымъ пахаремъ, нежели царить на такихъ условіяхъ».

Слѣдствіемъ этой бесѣды была отправка всѣхъ трехъ дивизій, подъ начальствомъ Штейнгеля, сперва на корабляхъ въ Ревель, а затѣмъ сухимъ путемъ въ Ригу, откуда войска направились вверхъ по Западной Двинѣ и соединились съ арміею Витгенштейна.

18—30 августа въ Або былъ заключенъ союзный договоръ, расширявшій условія союза, заключеннаго 24 марта—5 апрѣля и обезпечивавшій Россіи содѣйствіе Швеціи.

Союзный актъ—или «алліансовый трактатъ»—получилъ въ насмѣшку еще названіе Бернадотовскаго семейнаго договора. Условія его заключались въ томъ, что обѣ державы обезпечивали взаимно цѣлость своихъ владѣній. Такое условіе имѣло важное значеніе для Россіи, только что присоединившей къ Имперіи шведскую Финляндію и Аландскіе острова, потому что окон-

чательно отклоняло всякую мысль со стороны Швеціи о ихъ возвращеніи. Но взамѣнъ этого условія, важнаго для Россіи, она допустила другое, выгодное для Швеціи: русскій Императоръ обѣщался оказать содѣйствіе въ присоединеніи отъ Даніи Норвегіи къ Швеціи. Въ секретномъ семейномъ договорѣ обѣщалось покровительство роду Карла Іоганна.

Утромъ 19-го августа между 4—5 час., при пушечномъ салютѣ русской артиллеріи, кронпринцъ отплылъ обратно въ Стокгольмъ. 22 августа Государь возвратился въ Петербургъ.

Жребій Швеціи былъ брошенъ и она отдавалась въ руки Россіи. Отъ лица Швеціи увѣренія давалъ кронпринцъ Бернадотъ—джентльменъ въ высшемъ смыслѣ слова и рабъ своего обѣщанія. Примкнувъ къ Россіи, онъ сталъ давать ей разумные совѣты о способахъ веденія войны. Онъ говорилъ: «Наиболѣе необходимо дѣйствовать на умы, и наименѣе драться. Въ случаѣ неудачи, нужно постоянство. Если бы пришлось отступить за Двину и даже до Невы, нужно только постоянно преслѣдовать свою цѣль, и она будетъ достигнута: Наполеонъ также кончитъ борьбу съ Александромъ, какъ Карлъ XII съ Петромъ I. Предположимъ, продолжалъ Бернадотъ, предположимъ самое величайшее несчастіе, какое только можетъ быть: Петербургъ въ опасности. Что мнѣ помѣшало бы летѣть къ нему на помощь, посадить всѣ войска на суда и сдѣлать высадку въ тылу французовъ или идти въ Финляндію?» Бернадотъ постоянно увѣрялъ нашего посланника, что ему извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что Наполеонъ находится уже въ крайне затруднительномъ положеніи; всѣ средства его истощены; онъ не можетъ вести войну въ продолженіи двухъ лѣтъ; у него не будетъ ни денегъ, ни людей, ни лошадей.

«Прошу его Величество не давать большого генеральнаго сраженія, но маневрировать, отступать, затягивать войну надолго; таковъ долженъ быть способъ дѣйствій противъ французовъ. Если война продолжится два года, то я обѣщаю, что они будутъ побѣждены. Лучше постоянно отступайте, но не рѣшайтесь на сраженіе, и если французы подойдутъ даже къ воротамъ Петербурга, то и тогда я съ большою увѣренностью скажу, что они пропали, нежели даже въ томъ случаѣ, если бы ваши войска достигли береговъ Рейна».

Такимъ образомъ планъ дѣйствій, который совѣтовалъ принять Бернадотъ, совпадалъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, на которомъ останавливалось и наше правительство.

Бернадотъ особенно совѣтовалъ намъ дѣйствовать казаками. Это войско составляетъ большое преимущество вашей арміи передъ французскою, у которой нѣтъ ничего подобнаго. Французскій солдатъ дерется хорошо, но если онъ узнаетъ, что у него отнимаютъ солому или лекарство, онъ падаетъ духомъ; не берите плѣнныхъ, кромѣ офицеровъ. Но мы должны дѣйствовать политикою еще болѣе, нежели войсками, и когда войска сдѣлаютъ одинъ шагъ, политика должна сдѣлать три. Бернадотъ понималъ, что отъ сохраненія Россіи зависитъ будущая участь Европы.

Однородныя мысли были высказаны въ то время разными лицами и въ числѣ ихъ также Г. М. Армфельтомъ. Въ пространномъ «Mémoire politique et militaire sur les circonstances présentes», съ эпиграфомъ изъ «Гамлета»:—«To be or not to be, that is the question»—Армфельтъ сообщалъ Императору сущность своихъ взглядовъ на новую политику Россіи, и здѣсь въ общихъ чертахъ излагаются тѣ міровыя событія, которыя послѣдовали въ 1812 и 1813 г.г. Благополучіе Имперіи нельзя ставить на карту одного сраженія, подобно Австріи 1809 г.; нужно вести войну, разсчитанную на маневры, на перехватываніе транспортовъ и на то, чтобы постоянно безпокоить непріятеля. Нужно бы принудить врага безполезно потерять 4—5 лѣтнихъ мѣсяцевъ; зима своимъ холодомъ, темнотой и скудостью жизненныхъ средствъ довершитъ остальное. Походъ слѣдовало бы начать наступательнымъ движеніемъ на Вислу и Одеръ, а также занятіемъ герцогства Варшавскаго и Силезіи; нужно было бы постараться извлечь выгоду изъ настроенія поляковъ и пруссаковъ. Если бы оказалось необходимымъ отступать отъ западной границы Имперіи, то надлежало бы разорить страну, дабы непріятелю нечѣмъ было продовольствоваться; слѣдовало бы образовать резервъ арміи, раздробить силы непріятеля и избѣгать борьбы, пока побѣда не будетъ обезпечена колоссальнымъ превосходствомъ обороняющей стороны.

Политическія предположенія для успѣха войны вышеуказаннаго рода, по взгляду Армфельта, были слѣдующія. Съ Турціей и Англіей слѣдовало бы заключить миръ, и, такимъ образомъ, создать условія упраздненія континентальной системы и спасенія торговли Россіи. Испаніи надлежало бы оказать всевозможное пособіе. «Швецію слѣдовало бы всѣми мѣрами склонить, въ ея

собственныхъ интересахъ, вступить въ союзъ съ Россіей и Англіей, а чтобы достичь этого, необходимо дать обѣщаніе покорить и занять Норвегію». «Въ рукахъ русскаго Императора, въ настоящее время,—говоритъ Армфельтъ,—находится судьба цивилизованнаго міра. Недостаточно соорудить преграду противъ ужасной власти, необходимо уничтожить эту власть; мало того,—орудіе всеобщаго разоренія должно быть сокрушено. Цѣль войны освобожденіе Европы».

Безспорно, что этотъ документъ представляетъ большой интересъ. Неизвѣстно только, какую часть этой новой военно-политической системы Армфельтъ почерпнулъ изъ своихъ разговоровъ съ Карломъ Іоганномъ (Бернадотомъ); неизвѣстно также, что именно позаимствовалъ онъ изъ военныхъ плановъ, которые были ранѣе изготовлены въ Петербургѣ врагами Наполеона.

D'Allonville разсказываетъ, что онъ въ разговорѣ съ генераломъ Серра Капріола, высказывалъ такіе взгляды на войну съ Наполеономъ: «Зачѣмъ онъ (Имп. Александръ) не подумаетъ о своихъ снѣгахъ? Въ нихъ надо зарыть Наполеона, если не хотятъ, чтобы онъ побывалъ въ Петербургѣ, какъ онъ былъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ». По просьбѣ неаполитанскаго дипломата, д'Алонвиль изложилъ свои соображенія въ этомъ смыслѣ и, по одобреніи ихъ преемникомъ Аракчеева въ качествѣ военнаго министра, Барклаемъ де-Толли, сообщилъ ихъ Армфельту.

Слѣдуетъ также упомянуть о политическомъ письмѣ къ Армфельту стараго генерала революціи, Дюмурье,—знакомство съ которымъ началось въ Помераніи, въ 1807 г.,—письмѣ, написанномъ вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій 6-го іюля 1812 г. Въ немъ излагалась та же мысль, которую высказалъ Армфельтъ.—«Я надѣюсь,—писалъ Дюмурье,—что Государь поведетъ войну такъ же, какъ скиѳы противъ Дарія и парѳяне противъ Красса».

Армфельтъ впервые высказалъ свои мысли въ 1807 г., но къ этому же году относится его знакомство съ Дюмурье. Не установлено, когда впервые у Бернадота зародились тѣ мысли, которые онъ предложилъ Александру I.

Въ перепискѣ, которую Эренстремъ велъ со своими друзьями, прежде всего обращаетъ на себя особое вниманіе тотъ фактъ, что уже въ 1807 г. Армфельтъ съ Эренстремомъ обсуждали возможность войны Франціи съ Россіей и единогласно пришли къ тому заключенію, что Наполеона необходимо завлечь внутрь Россіи, гдѣ найдутся средства погубить его.—«Я совершенно раздѣляю твои идеи о защитѣ Россіи,—писалъ Эренстремъ своему

пріятелю въ октябрѣ 1807 г.,—вовлечь французовъ насколько возможно въ глубь Россіи, избѣгать рѣшительныхъ сраженій, тревожить съ тыла, уничтожать ихъ конвои и магазины безчисленнымъ множествомъ маленькихъ отрядовъ казаковъ, калмыковъ, башкировъ и др.—это пожалуй единственный способъ противодѣйствовать имъ».

Въ началѣ кампаніи 12-го года, мы находимъ Армфельта въ главной квартирѣ въ Вильнѣ, безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Онъ былъ недоволенъ всѣмъ и вся. Въ это время ему предпочтенъ былъ Фуль съ его планомъ кампаніи и этого было достаточно, чтобы Армфельтъ въ своихъ письмахъ окрасилъ все въ самые мрачные цвѣта. Особенно же недоволенъ былъ Армфельтъ нашими безпрерывными отступленіями, «ходомъ рака», которыя онъ самъ же рекомендовалъ. «Если мы будемъ отступать—все будетъ потеряно. Если дать время Наполеону, то подъ ружьемъ у него будетъ еще 150 тыс. поляковъ. Поляки, презираемые, покинутые и дурно управляемые русскими скотами, явятся не шуточными врагами». «Въ той странѣ,—писалъ онъ,—по которой мы прошли (отступая), ничего не осталось, кромѣ домашнихъ насѣкомыхъ; люди и животныя уведены или убѣжали; дома разорены, крыши и окна сорваны, поля скошены или затоптаны; все, что свидѣтельствовало о порядкѣ, исчезло! Самъ дьяволъ не могъ бы произвести большаго варварства, чѣмъ сдѣлано уже этими звѣрями (bestar)».

Въ Вильнѣ была заключена дополнительная конвенція къ фридрихсгамскому договору, продолжавшая до 1815 г. льготы, дарованныя на три года шведамъ и финляндцамъ, по избранію отечества и по распоряженію шведовъ имуществомъ, оставшимся въ Финляндіи, и финляндцевъ—имуществомъ ихъ, находившимся въ Швеціи [446]).

Извѣщая Бернадота о ходѣ военныхъ дѣйствій, Императоръ Александръ особенно упираетъ на то, что руководствуется его совѣтами. (Письмо Императора Александра наслѣдному принцу шведскому, отъ 22 іюня—4 іюля 1812 г., изъ Видзи). «Графъ Левенгельмъ сообщитъ вамъ,—говоритъ онъ,—свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ вы увидите, что вѣрно слѣдуя тѣмъ началамъ, которыя вы изложили въ письмахъ ко мнѣ, я веду медленную войну (une guerre de lenteur) и какъ на меня наступаютъ превосходныя силы непріятеля, я отступаю и сосредоточиваю силы.

«Въ настоящее время могу увѣрить васъ, что однажды вынужденный начать эту войну, я твердо рѣшился продолжать

ее годы, хотя бы мнѣ пришлось драться на берегахъ Волги». Рѣшимость Императора, съ которой онъ велъ борьбу съ Наполеономъ,—неувядаемый вѣнецъ славы Александра!

Осмотрительности, съ которой Кутузовъ велъ войну, Армфельтъ не совсѣмъ одобрялъ, но былъ увѣренъ въ счастливомъ исходѣ борьбы, спокойно взвѣшивая обстоятельства дѣла вдали отъ главной квартиры. «Русскій народъ превзошелъ испанцевъ и покрылъ себя неувядаемой славой,—писалъ быстро мѣнявшій свои взгляды Армфельтъ.—Никогда нельзя себѣ представить тѣхъ огромныхъ жертвъ, которыя были въ этой странѣ принесены чистѣйшею любовью къ Богу и отечеству и преданностью Монарху. Какой народъ! Какой національный духъ! Я не смѣю сдѣлать никакого сравненія ни съ тѣмъ, что я пережилъ, ни съ другими воспоминаніями, какого бы рода они ни были». «Мы—народъ съ добрымъ желаніемъ,—читаемъ въ его письмѣ,—съ большимъ мужествомъ и множествомъ талантовъ». «Мы имѣемъ прекрасные и удачные, храбрые и выносливые полки, имѣемъ генерала Палена, который рожденъ быть однимъ изъ величайшихъ воиновъ Европы, генерала Ермолова, генерала Корфа—все народъ съ необыкновенными талантами. Достаточно одного какого нибудь преимущества, чтобы дать въ высшей степени счастливый оборотъ дѣлу. Все зависитъ отъ оттяжки времени, отъ продленія тѣхъ жертвъ, которыя скоты обязаны сдѣлать».

Окружавшее возбуждало мысль Армфельта о родинѣ. И въ началѣ и въ концѣ отечественной войны онъ, въ письмахъ къ епископу Алопеусу, сильно осуждалъ сородичей. «Помоги намъ, Боже, наша армія красива, хороша и прекрасно вооружена. Изъ молодежи финской арміи, которая получила бостелы и поземельные оброки, ни одна душа не предложила своихъ услугъ Царю. Эта жалкая низость не дѣлаетъ чести національной милиціи. Было бы справедливо, если бъ Его Величество отнялъ отъ всѣхъ молодыхъ и несемейныхъ шалапайный хлѣбъ, который онъ милостиво далъ имъ. Полковникъ Бруснинъ, одинъ Армфельтъ, баронъ Стакельбергъ и 2 Шантца находятся при арміи, затѣмъ исключая меня нѣтъ ни одного финна, который считалъ бы, что борьба касается теперешняго счастья Финляндіи. Если Богъ поможетъ мнѣ вернуться въ Финляндію, такъ я не премину показать нашимъ ненавистнымъ героямъ бостелъ и женщинъ, что я о нихъ думаю».

«Разоренія войны, несчастіе, которое она за собой несетъ, опасеніе и опасность, которыя она распространяетъ по отношенію

къ сохраненію общаго спокойствія, должно бы возбудить больше патріотизма и размышленія, чѣмъ это проявилось тамъ, гдѣ еще не испытываютъ неудобства войны. Но мы, финны, убаюканные сномъ эгоизма, и занятые лишь собственными интересами,—мы находимъ, что созданы только для наслажденій и не можемъ понять своего истиннаго блага и нашихъ обязанностей, пока не увидимъ, что самое дорогое намъ купается въ крови и слезахъ, и что наши женщины и наши дома находятся во власти варваровъ. Я надѣюсь, что не доживу до этого угрожающаго бѣдствія, мой долгъ умереть съ мечемъ въ рукахъ, но ни потомство, ни современники не упрекнутъ меня въ томъ, что я замолчалъ правду; dixi et salvavi».

«Я уже въ Вильнѣ,—говорилъ Наполеонъ генералу Балашеву,—и еще не понимаю, зачѣмъ мы будемъ драться. Императоръ Александръ беретъ на себя всю отвѣтственность за эту войну передъ своимъ народомъ, и при какихъ обстоятельствахъ? Онъ заключилъ со мной миръ, когда народъ не желалъ этого мира, а теперь русская нація не желаетъ войны, а онъ хочетъ воевать» [447]). «Боже мой, какое великолѣпное открылось для него будущее въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ. Я согласился отдать ему Финляндію, потомъ Молдавію и Валахію и можетъ быть со временемъ отдалъ бы Варшавское герцогство». Въ 1811 г. онъ писалъ Александру I: «Я согласился на занятіе Финляндіи Вашимъ Величествомъ; она составляетъ третью часть Швеціи и для Вашего Величества представляетъ важную провинцію; можно сказать, что послѣ присоединенія ея, не существуетъ болѣе Швеціи, потому что Стокгольмъ есть форпостъ государства».

«Какъ могъ Императоръ Александръ, человѣкъ высокой честности, исполненный благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, продолжалъ говорить Наполеонъ генералу Балашеву, окружить себя людьми, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти. Какъ можемъ мы, я и другіе, которые искренно его любимъ, узнать безъ негодованія, что Армфельтъ и Штейнъ, люди, способные на всякое злодѣяніе, имѣютъ свободный доступъ въ его кабинетъ. Неужели онъ думаетъ, что Штейнъ можетъ быть привязанъ къ нему? Какъ можно ввесть въ свое общество Штейна, Армфельта, Винцегероде? Развѣ у васъ мало русскихъ дворянъ, которые, безъ сомнѣнія, болѣе преданы Императору, нежели эти наемники; неужели онъ можетъ думать, что они влюблены лично въ него? Пусть онъ сдѣлаетъ Армфельта начальникомъ Финляндіи, но при-

бликать его къ себѣ,—что-же такое? И на кого вы разсчитываете?» вопрошалъ Наполеонъ.

«Не говорю вамъ о теперешнихъ дѣлахъ нашихъ,—писалъ Армфельтъ 26 ноября—8 декабря 1812 г. изъ Петербурга генералу П. К. Сухтелену, постоянно впадая въ противорѣчія,—они идутъ отлично, но могли бы идти еще лучше, если бы Кутузовъ не принялъ за образецъ—черепаху, а Чичаговъ—флюгеръ, не останавливающійся въ одномъ направленіи; послѣдній грѣшитъ отъ избытка ума и недостатка опытности, а первый—отъ избытка осторожности и излишней боязни повредить своей репутаціи. Думаю, однако, что, при переходѣ черезъ Нѣманъ, спутниковъ у Бонапарта будетъ немного: холодъ, голодъ и казацкія пики потѣснятъ его. Между тѣмъ, покуда этотъ человѣкъ существуетъ, до тѣхъ поръ мы никогда не можемъ надѣятся на покой, и потому нужна война не на животъ, а на смерть—смѣю увѣрить, что и всемилостивѣйшій Государь нашъ того же мнѣнія, несмотря на презрѣнныхъ, желающихъ остановиться на Вислѣ. Но не таково желаніе народа, который, однако же, хотя и одинъ выноситъ всю тягость войны, но имѣетъ болѣе здраваго смысла и великодушія, нежели пудренныя головы въ разшитыхъ мундирахъ и увѣшенныя орденами» [448]).

Александру Павловичу ясно подсказывало чутье, что наступилъ историческій моментъ, когда народныя массы Россіи должны рѣшить не только судьбу его династіи, но и участь самого Наполеона. «Императоръ Всероссійскій становится во главѣ оскорбленнаго народа въ виду нашествія иноплеменниковъ и клянется, что не сдастъ оружія, пока послѣдній изъ враговъ не будетъ выброшенъ изъ предѣловъ Россіи. Ни Фули, ни Штейны сокрушили могущество корсиканца, такъ же, какъ не таланты Кутузова и Барклая, и не двусмысленныя рѣчи Александра въ періодъ союза. Владычество Наполеона было сломлено исключительно мощью русскаго народа и суровымъ климатомъ Россіи».

Изъ Москвы Наполеонъ сдѣлалъ еще разъ попытку разжалобить Государя, но не получилъ даже отвѣта. Походъ 12-го года кончился. Французы были изгнаны. Славная эпопея произвела громадный переворотъ въ умахъ, чувствахъ, государственномъ и военномъ строѣ. Великъ былъ и переворотъ, произведенный 12-мъ годомъ въ Императорѣ Александрѣ I. «Характеръ его сталъ болѣе загадочнымъ, идеалы молодости были забыты, либеральныя стремленія исчезли безповоротно, а мистицизмъ его души заглушилъ всѣ благія начинанія».

*

Пока Наполеонъ умиралъ на островѣ Св. Елены, Александръ изнывалъ отъ бремени жизни.

Не безъ интереса слѣдили за новостями съ театра войны и въ Финляндіи, гдѣ приказано было въ лютеранскихъ церквахъ служить благодарственныя молебствія (Te Deum) по случаю значительныхъ событій того времени, особенно при освобожденіи Москвы отъ французовъ.

Въ слѣдующемъ 1813 г. генералъ-губернаторъ Финляндіи, графъ Штейнгель, вернулся въ Або изъ похода. Въ его отсутствіе постъ начальника края занималъ графъ Армфельтъ.

XII. Финскія войска.—Армфельтъ.

По окончаніи войны 1808—1809 г., первою заботою правительства было возможное сокращеніе въ Финляндіи нашихъ боевыхъ силъ. Но выводились онѣ изъ края весьма осмотрительно, какъ это видно изъ рапорта генерала Барклая-де-Толли отъ 1-го октября 1809 г. военному министру, графу Аракчееву. «Ежели Его Императорское Величество благоволитъ утвердить предлагаемыя мною расписанія войскамъ»,—писалъ Барклай-де-Толли,—«то остающимся полкамъ въ новопріобрѣтенной Финляндіи не можно еще назначить непремѣнныя квартиры, пока англичане не выйдутъ изъ Финскаго залива». «Кавалеріи по положенію земли и по недостатку сѣна имѣть здѣсь много не нужно; я полагаю, что весьма достаточно будетъ содержать въ Финляндіи три полка казаковъ, расположа ихъ вдоль по берегамъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, и въ Кареліи 5 эскадроновъ драгунъ, ибо тамъ недостатка въ сѣнѣ нѣтъ и ассигнаціи наши тамъ лучше ходятъ, нежели въ другихъ новопріобрѣтенныхъ губерніяхъ Финляндіи. Артиллеріи также имѣть въ Финляндіи много не нужно, ибо закрытыя вездѣ здѣсь мѣста не позволяютъ употреблять ея большимъ числомъ на одномъ мѣстѣ. Что же касается до Аландскихъ островов, то до заключенія мира съ Англіею не можно ихъ оставить безъ войскъ, ибо они, овладѣя ими, будутъ имѣть въ сихъ шкерахъ вѣрное прибѣжище для своего флота и мелкихъ судовъ, откуда могутъ дѣлать безпрерывные набѣги на наши берега по Ботническому заливу. Почему со вскрытіемъ водъ Аландъ долженъ быть такъ же, какъ и въ нынѣшнемъ году, занятъ сухопутными нашими войсками, съ подкрѣпленіемъ флотиліи. На зиму войска можно изъ Аланда вывесть, ибо тогда нахожденіе ихъ тамъ будетъ безпокоить шведское правительство, однако жъ два баталіона все же должны остаться для прикрытія батарей и магазей-

новъ, а весь отрядъ командированъ туда быть можетъ по послѣднему льду, равномѣрно и флотилія по вскрытіи водъ, но все сіе зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ и отъ условій со Швеціею. Я полагаю, что ежели на большомъ Аландѣ построены будутъ хорошія укрѣпленія, содержанъ будетъ въ оныхъ достаточной гарнизонъ и запасено всегда будетъ нужное количество военныхъ припасовъ, то сіе мѣсто будетъ всегда угрожать шведскому королевству, если же Аландъ по мирнымъ договорамъ укрѣпить будетъ не можно, то при возобновленіи военныхъ дѣйствій всегда должно стараться занять его заблаговременно большими силами. По заключеніи мира со Швеціею я всю флотилію полезнымъ нахожу собрать въ двухъ мѣстахъ: въ Або и Свеаборгѣ».

Въ то же время въ краѣ изъ прежнихъ воинскихъ частей составлялись новыя. Въ 1809 году [449]) состоялся Высочайшій приказъ о сформированіи 1-го Финляндскаго, Свеаборгскаго и Аландскаго полковъ, а также Гангеудскаго гарнизоннаго баталіона. Первый полкъ повелѣно было комплектовать «не рекрутами, а вербовочными людьми изъ новопріобрѣтенной Финляндіи» [450]), и это привело къ тому, что въ полку оказалось 631 нижнихъ чиновъ разныхъ національностей, «капитуляціоннымъ срокомъ обязанныхъ». Срокъ службы для шведовъ полка опредѣленъ былъ въ 6 лѣтъ [451]). Въ 1811 году послѣдовало распоряженіе отправить всѣхъ шведовъ полка, т. е. 293 человѣка, въ г. Або въ распоряженіе Великаго Князя Константина Павловича. «Предметъ отправленія ихъ есть тотъ»,—какъ сообщалось Штейнгелю,—«чтобы всѣ они изъ Або отпущены были въ ихъ отечество; и потому исполненіе сего Высочайшаго о нихъ предназначенія, коль скоро они прибудутъ въ Або, я имѣю честь представить распоряженію вашего превосходительства». 7 февраля 1810 г. состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось: «По важности положенія Финляндской арміи, поручаю вамъ—генералъ-лейтенанту Штейнгелю—главное начальство надъ оной». Черезъ мѣсяцъ, по случаю отставки генерала отъ кавалеріи Обрѣзкова, приказано было и войскамъ старой Финляндіи состоять подъ начальствомъ того же Штейнгеля, почему его называли иногда «командующимъ войсками въ обѣихъ Финляндіяхъ» [452]).

Въ 1810 г. Финляндія опять приводилась въ порядокъ въ военномъ отношеніи. Непріятельскихъ нападеній не ожидали, но «важность положенія Финляндіи требовала осмотрительности». Въ Гельсингфорсъ поспѣшно переведены были всѣ провіантскіе запасы съ судовъ, замерзшихъ при финляндскихъ берегахъ, Аландъ укрѣпи-

лялся, флотилію передвигали; въ поискахъ для нея удобной стоянки, подполковнику Дибичу предписано было осмотрѣть весь берегъ старой Финляндіи до Свартгольмской крѣпости.

Нѣсколько позже, т. е. въ началѣ 1812 г., на Свартгольмъ прибыла изъ Петербурга рота, навербованная изъ финновъ. Впредь ее приказано было пополнять также вербовкою [453]).

Въ Финляндской (Выборгской) губерніи, въ послѣдніе годы передъ присоединеніемъ ея къ Великому Княжеству, рекрутскій наборъ ея шелъ на укомплектованіе флота [454]).

Не далѣе, какъ въ 1809 г. [455]), состоялось повелѣніе, «чтобы крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, были отдаваемы въ рекруты, не по желанію однихъ помѣщиковъ, по единственно по приговору мірскихъ обществъ тѣхъ помѣщичьихъ селеній, изъ коихъ сіи въ рекруты назначаемые люди на службу поступаютъ, и чтобы бобылей, доселѣ преимущественно предъ другими крестьянами въ рекруты отдаваемыхъ, отнынѣ отдавать на службу также не иначе, какъ по приговору мірскихъ обществъ тѣхъ селеній или волостей, въ коихъ они проживаютъ или считаются».

На укомплектованіе русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, рекруты высылались изъ Россіи. Въ январѣ 1812 г. было выслано 698 рекрутъ, а въ октябрѣ до 16 тысячъ [456]).

На Сайменскомъ озерѣ имѣлась незначительная флотилія; ее нѣсколько поддерживали вслѣдствіе того, «что дѣла наши со Швеціею не столь были благовидны». Однако, въ исправности оказались однѣ только «кирошныя лодки», на которыхъ перевозился провіантъ отъ Вильманстранда или Путико до крѣпостцы Палоисъ. Въ виду этого, уже въ 1811 г. графъ Штейнгель предложилъ совершенно уничтожить прежнія суда за полной ихъ негодностью [457]).

Наконецъ, «по занятіи подъ Россійскую державу шведской Финляндіи» и перенесеніи нашей границы къ Ботническому заливу, инженерная экспедиція государственной военной коллегіи сдѣлала представленіе военному министру объ уничтоженіи по прежней границѣ крѣпостей въ старой Финляндіи: Вильманстранда, Кексгольма и укрѣпленій Давыдова (Davidstad), Ликола, Уттисъ, Озернаго, Каринскаго и Абборфорсъ. По распространенію границъ имперіи эти укрѣпленія дѣлались внутренними и потому ненужными. Въ августѣ 1809 г. послѣдовало повелѣніе «оныя укрѣпленія уничтожить», «цивильныя строенія», палисады и пр. продать на сломъ, но верковъ не разрывать. Кромѣ того, слабый графъ Штейнгель, по первому желанію финляндцевъ, хлопоталъ

о передачѣ имъ прежнихъ военныхъ строеній и казенныхъ земельныхъ участковъ, нерѣдко забывая даже, что у военнаго вѣдомства оставались въ Финляндіи свои права и обязанности. Лишь по отношенію къ Свеаборгу имъ проявлена была должная забота. Отъ вольной продажи вина въ этой крѣпости за 1810 и 1811 гг. откупщиками внесено было 30.447 р. На эти деньги Штейнгель предложилъ военному министерству купить гейматъ около крѣпости, дабы нижніе чины въ свободное отъ службы время могли гулять на его землѣ и пользоваться ею для своихъ надобностей [158]).

Вскорѣ по присоединеніи Финляндіи, задуманъ былъ широкій планъ прикрытія ея новой оборонительной системой. Въ центрѣ этой операціонной базы долженъ былъ находиться Палоисъ (Palois—около Иденсальми). Тогда же рѣшено было укрѣпить Аландъ возведеніемъ Бомарзунда. Учрежденъ былъ даже особый комитетъ по финляндскимъ укрѣпленіямъ, которому надлежало составить проектъ долговременныхъ укрѣпленій по сѣверо-западной границѣ. Во главѣ комитета находился свиты Его Величества ген.-маіоръ Барклай-де-Толли. Вѣроятно, отсутствіе надлежащихъ средствъ явилось причиной неосуществленія задуманнаго плана.

Экономической комиссіи сейма въ Борго предложено было разсмотрѣть вопросъ о войскѣ. Въ пропозиціи объявлялось, что Государь имѣетъ намѣреніе сохранить Финляндіи прежнее ея національное войско, какъ наиболѣе вѣрный оплотъ безопасности края и вмѣстѣ съ тѣмъ самое необременительное для жителей оборонительное средство. Это войско формировалось, начиная съ 1682 г., по поселенной системѣ, почему сейму предлагалось теперь сдѣлать удобнѣйшее и справедливѣйшее распредѣленіе повинностей, необходимыхъ для его содержанія. «Впредь-же до времени» войска упразднялись, а слѣдовавшія на нихъ издержки подлежали поступленію въ военные доходы края. Кромѣ поселенной милиціи имѣлось въ виду содержать на средства правительства линейныя войска, пополняемыя вербовкой. Никакихъ иныхъ способовъ рекрутства или принужденнаго набора въ Финляндіи обѣщано было не допускать.

Экономическая комиссія сейма въ Борго, разсматривая это предложеніе, разсуждала такъ: Финляндіи нечего болѣе опасаться нападенія могущественныхъ непріятелей извнѣ и потому она не имѣетъ

надобности въ особенно большой вооруженной силѣ.—Если бы тѣмъ не менѣе впослѣдствіи шведская армія напала на Россію, то противъ этой силы нельзя было-бы выставить финскаго войска. «Таковымъ надолго останется чувство финскаго народа», писала комиссія, «и едва-ли онъ пойдетъ съ оружіемъ въ рукахъ на своихъ собратіевъ; это чувство... заслуживаетъ уваженіе, такъ какъ оно питается и укрѣпляется недавней памятью благодѣтельнаго покровительства, которымъ нація пользовалась въ теченіе столѣтій». Въ виду сего, комиссія предложила сейму ходатайствовать объ освобожденіи Финляндіи на вѣчныя времена отъ обязанности выставлять и содержать національную милицію или по крайней мѣрѣ опредѣлить этотъ срокъ въ 50 лѣтъ, въ теченіе котораго не будутъ возстановлены финскія поселенныя войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія, исполняя требованія Государя, представила смѣту расходовъ, которые падали на руты (rotarna) и рустголли (rusthållen) для содержанія войска. Въ возмѣщеніе за временное освобожденіе населенія отъ личной воинской повинности надлежало уплачивать вакантную подать. Во время преній, происходившихъ въ сословіяхъ, многіе ораторы указывали на истощенное состояніе края, почему просили объ уменьшеніи размѣра этой вакантной подати. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ ходатайствовалъ, чтобы страна по крайней мѣрѣ въ теченіе 50 лѣтъ освобождена была отъ обязанности возстановить упраздненныя войска, а когда впослѣдствіи финское національное войско вновь будетъ организовано, то чтобы и солдаты, и начальство брались исключительно изъ собственныхъ гражданъ Финляндіи и чтобъ войско не выводилось за предѣлы края.

Прямого отвѣта на представленія сейма не послѣдовало. Учрежденная-же въ Петербургѣ комиссія по финляндскимъ дѣламъ высказалась противъ облегченій по уплатѣ вакантной подати. Къ такому рѣшенію примкнулъ и Сперанскій.

15-го—27-го марта 1810 года послѣдовалъ манифестъ, которымъ Его Величеству угодно было объявить, что «имѣя намѣреніе не принимать никакихъ мѣръ, которыя бы не согласовались съ законами, прежде существовавшими въ Финляндіи, Его Величество рѣшилъ сохранить тамошнія войска на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они до того времени находились, съ тѣми уравненіями, которыя соотвѣтствуютъ средствамъ страны и благосостоянію населенія; а потому Его Величество призналъ за благо оставить поселенныя войска въ тогдашнемъ ихъ устройствѣ, не требуя ихъ на дѣйствительную службу, пока обстоятельства это позволяютъ

и пока благосостояніе края не изгладитъ слѣдовъ опустошенія войны». Упраздненныя военныя силы Финляндіи состояли изъ $9^1/_2$ тыс. поселенной милиціи и 6 тыс. вербованныхъ войскъ.

Взамѣнъ военной повинности, введена была вакантная подать. Кромѣ того было опредѣлено, что оброки съ поселенныхъ имѣній, арендныя деньги съ милиціонныхъ помѣстій или бостелей, вмѣстѣ съ вакантной податью, должны поступать въ милиціонный фондъ, составляющій съ тѣхъ поръ особую сумму финляндской казны.

Состояніе народонаселенія и промысловъ края привело наше правительство къ заключенію, что страна нуждалась въ покоѣ, дабы вновь собраться съ силами. Впослѣдствіи, дабы смѣнить русскія войска, расположенныя въ Финляндіи, Государь предполагалъ завести тамъ вербованные полки.

Въ началѣ 1810 г. русскому правительству пришлось разрѣшить еще одинъ вопросъ военно-служебнаго характера. Офицеры финскаго войска, расположеннаго въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ, получали жалованіе наличными деньгами. Всѣ же чины линейныхъ полковъ, составленные по поселенной системѣ, имѣли свои земельные участки или бостели (boställen), доходами съ которыхъ обязаны были содержать себя. Во время войны 1808—1809 г., когда часть Финляндіи была занята русской арміей, шведскіе офицеры, бостели коихъ попали въ руки нашихъ властей, оказались въ весьма стѣсненномъ положеніи. Этимъ обстоятельствомъ графъ Буксгевденъ спеціально воспользовался, съ цѣлью побужденія шведскихъ офицеровъ скорѣе сложить оружіе и выразить свою покорность русской власти.

Едва кончилась война, какъ офицеры прежней шведской арміи, матеріальные интересы которыхъ связаны были съ этими захваченными бостелями, снарядили особую военную депутацію, во главѣ которой просили стать генералъ-маіора шведской службы Аминова, отдыхавшаго въ своемъ финляндскомъ имѣніи Рилаксъ (Rilax). Аминовъ охотно согласился. Депутація желала упросить Монарха оставить бывшимъ чинамъ финскихъ войскъ прежніе ихъ оклады и преимущества.

Генералъ-губернаторъ Барклай-де-Толли испросилъ разрѣшеніе на отправку депутаціи въ Петербургъ, и съ заготовленнымъ меморіаломъ всѣ шестеро выборныхъ пустились въ путь. Черезъ

недѣлю они были въ русской столицѣ. Офицеры продолжали смотрѣть на себя, какъ на чиновъ шведской арміи, находя, что присяга, данная представителями финскаго народа въ Борго, не лишила ихъ званія шведскаго воина. Густавъ Армфельтъ сообщилъ тогда же Аминову, что въ Стокгольмѣ недовольны его поѣздкой въ Петербургъ, такъ какъ продолжаютъ считать всѣхъ членовъ депутаціи состоящими на шведской службѣ [459]). Въ ожиданіи аудіенціи прошелъ цѣлый мѣсяцъ; наконецъ, 21-го января 1810 г. депутація была принята. Меморіалъ же, составленный Аминовымъ, былъ поданъ раньше. Въ этой запискѣ говорилось, между прочимъ: «Государь! я смотрю на себя уже, какъ на подданнаго Вашего Императорскаго Величества, и въ такомъ положеніи я считаю своей священной обязанностью говорить своему повелителю, особенно стоя у подножія трона Александра I. Государь, я говорю не за себя..., а за своихъ несчастныхъ братьевъ по оружію... Государства вѣрнѣе защищены, пріобрѣтя сердца своихъ подданныхъ, чѣмъ силою своихъ армій, и финская нація, если сохранитъ свои законы, свои права и свои обычаи, будетъ надежнѣйшимъ оплотомъ русскаго государства на западѣ... Ваше Императорское Величество покорили Финляндію не для того, чтобы извлекать изъ нея доходъ, а съ политической цѣлью, дабы имѣть вѣрныхъ довольныхъ и счастливыхъ подданныхъ, и чтобы на страницахъ исторіи было отмѣчено, что въ одномъ уголкѣ несчастной Европы находится свободный и счастливый народъ подъ скипетромъ Александра I». Милостиво принявъ депутацію и выслушавъ рѣчь Аминова, Государь отвѣтилъ, что финская армія своими заслугами и храбростью пріобрѣла общее уваженіе, и что ему пріятно содѣйствовать счастію каждаго. Вручая ходатайство депутаціи, Аминовъ прибавилъ, что все изложенное въ ней, основывается «на нашихъ законахъ и учрежденіяхъ». Финскіе офицеры были того мнѣнія, что они, хотя и уволенные со службы, имѣютъ право всю свою жизнь пользоваться всѣми своими неуменьшенными окладами. Барклай-де-Толли, назначенный уже военнымъ министромъ, сообщилъ, что Государь имѣетъ въ виду учредить финскіе полки, въ которыхъ офицеры будутъ получать жалованіе, соотвѣтствующее русскимъ нормамъ, сохраняя при этомъ половинные оклады прежняго времени. Противъ такого предположенія высказался, однако, Сперанскій, усматривая, что до тѣхъ поръ, пока будутъ сохранены прежнія предубѣжденія и традиціи, нельзя имѣть полнаго довѣрія къ финскимъ войскамъ, но кромѣ того страна истощена и нуждается во всѣхъ своихъ рабочихъ силахъ

Впослѣдствіи Сперанскій измѣнилъ свое воззрѣніе и призналъ возможнымъ учрежденіе вербованныхъ частей и допуска на службу въ нихъ финскихъ офицеровъ; не желавшимъ же продолжать службы Сперанскій предлагалъ выдать половину ихъ содержанія. Всѣ эти предложенія не удовлетворяли настойчивую депутацію. «Офицеры, не зная, влечетъ ли поступленіе на русскую службу обязательство также служить вдали отъ родины, или выступать противъ своихъ прежнихъ братій по оружію въ Швеціи, желали, чтобы всѣ финскія войска были распущены и освобождены отъ исполненія служебныхъ обязанностей, однако, съ правомъ получать свое жалованье въ полномъ размѣрѣ».

Депутація подала второй меморіалъ. Онъ оканчивался слѣдующими словами: «Удостоивая исполненія нашей всеподданнѣйшей просьбы, Ваше Императорское Величество дастъ поводъ счастливой Финляндіи, нашимъ землякамъ, нашимъ семействамъ, въ лоно которыхъ мы опять вернемся, и намъ самимъ поднять руки къ небу, благословляя благороднаго Монарха, который по своей справедливости и добротѣ заслужилъ любовь свободнаго и вѣрнаго своимъ государямъ народа.... Можно надѣяться, что юношество, исполненное благородства, само будетъ стремиться привести въ исполненіе планъ Государя, выставить вербованные національные батальоны, какими были Саволакскій и Карельскій, а также Адлеркрейцевскій полки, назначенные исключительно для защиты Финляндіи и съ правомъ не быть выводимыми за предѣлы края».

Но, вѣроятно, трудно было сдвинуть дѣло съ мертвой точки, почему Аминовъ прибѣгъ къ слѣдующему маневру. Подавая записку Барклаю-де-Толли, онъ попросилъ рѣшительнаго отвѣта и прибавилъ: «Если намъ откажутъ въ томъ, что я просилъ, то мы найдемъ себѣ хлѣбъ въ другой странѣ, потому что среди офицеровъ бывшихъ финскихъ войскъ имѣются и таланты; насъ охотно примутъ и будутъ жаловать». Своему другу Алопеусу Аминовъ сказалъ: если дѣло плохо кончится, то онъ намѣренъ обратиться къ французскому посланнику Коленкуру, съ просьбой принять финскихъ офицеровъ на службу къ Наполеону. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что Государь внезапно 10 марта, чрезъ Сперанскаго, далъ Аминову аудіенцію. Государь хотѣлъ, чтобы тѣ офицеры, которымъ будутъ сохранены прежніе оклады, считались на его службѣ; но Аминовъ и на это не согласился, заявивъ, что не имѣетъ на то уполномочій отъ офицеровъ. Въ то-же время онъ сказалъ: «Всемилостивый Государь, сохраните права свобод-

наго народа, будьте къ нему справедливы, и Ваше Величество всегда найдете, что постоянно вѣрная финская нація свято отзовется на это. Я ничего не могу уступить отъ правъ». «Хорошо,— отвѣтилъ Монархъ,—вы получите все, что просили; подайте мнѣ записку по дѣлу». Черезъ день Сперанскій призвалъ къ себѣ председателя депутаціи и сообщилъ, что Государь повелѣлъ ему въ присутствіи его, Аминова, составить проектъ манифеста такъ, чтобы онъ совершенно согласовался съ его воззрѣніями.

15—27 марта 1810 г. послѣдовалъ манифестъ, сохранившій за финскими офицерами ихъ прежнія права и оклады.

Прощальная аудіенція 17—29 марта началась съ того, что предсѣдатель депутаціи обратился съ благодарственной рѣчью, сказавъ между прочимъ: «Всѣ наши желанія исполнились. Мы возвращаемся домой съ блестящими доказательствами доброты и благородства Вашего Величества. Наши братья по оружію узнаютъ отъ насъ, какой вѣрностью и благодарностью они обязаны властелину, который подчинилъ ихъ себѣ, и Европа съ удивленіемъ будетъ смотрѣть на народъ, который Ваше Величество покорили силою оружія, и тѣмъ не менѣе онъ не потерялъ ни своей свободы, ни своего счастья».

Отзвукъ общаго довольства слышенъ и въ слѣдующемъ письмѣ К. Шерваля къ Аминову: «Да благословятъ небеса новаго властителя Финляндіи, который вмѣсто притѣснителя пожелалъ быть ея ангеломъ хранителемъ, но и онъ не въ силахъ, какъ и Господь нашъ, сдѣлать счастливымъ народъ, который не признаетъ его, пересуждаетъ его и который только и работаетъ на свою гибель». К. Шерваль былъ въ восторгѣ отъ поведенія Государя и молилъ Господа о продленіи его дней. Генералъ Адлеркрейцъ говорилъ Шервалю: «Тамъ (въ Швеціи) видятъ, что Императоръ желаетъ сдѣлать Финляндію счастливой, здѣсь (въ Финляндіи) не хотятъ этому вѣрить». Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, генералъ ванъ-Сухтеленъ, писалъ 16 мая 1810 г. графу Румянцеву: «Увѣряю васъ, графъ, что содержаніе ихъ (манифестовъ 15—27 марта и 21 марта—2 апрѣля) возбудило живѣйшую радость, и осмѣливаюсь сказать величайшее восхищеніе всѣхъ, которые происходятъ изъ Великаго Княжества Финляндскаго и тамъ владѣютъ имуществомъ. Это милостивое рѣшеніе Его Величества вызвало большую зависть въ шведахъ и, можно сказать, причинило натянутыя отношенія между ними и финнами. Причина проста: шведы видятъ, что ихъ прежніе товарищи получаютъ преимущества, на которыя они не могутъ имѣть

притязанія, а со стороны финновъ—та, что съ ними теперь гораздо лучше обращаются, чѣмъ прежде, когда они были на шведской службѣ. Поэтому Его Императорское Величество можетъ быть увѣренъ, что онъ въ этихъ финнахъ имѣетъ новыхъ подданныхъ, которые не уступятъ въ вѣрности старымъ» [460]).

Размѣръ царской милости виденъ изъ слѣдующаго: доходы финской казны за 1811 г. исчислены были въ 2.734.685 р. серебромъ, и изъ нихъ 304.151 р. назначены были для пенсій офицерамъ и ихъ семействамъ.—Аминовъ былъ въ восторгѣ отъ результатовъ своей поѣздки и особымъ письмомъ благодарилъ Государя. Офицеры съ своей стороны выразили свою признательность Аминову, подаривъ ему золотую табакерку и «музыкальные инструменты Бьернеборгскаго полка», единственные трофеи, уцѣлѣвшіе отъ прошлаго времени. Но помимо этого, иждивеніемъ офицеровъ была выбита золотая медаль въ память благодѣяній, оказанныхъ Его Величествомъ, которая въ апрѣлѣ 1813 г., черезъ Армфельта, была передана Государю.

Тотъ же манифестъ 15—27 марта 1810 г., который упразднялъ финскія войска, содержалъ въ себѣ указанія на удовлетвореніе желаній бывшихъ офицеровъ и устанавливалъ главныя начала будущей военной организаціи Финляндіи. Изъ совпаденія времени появленія манифеста съ временемъ пребыванія депутаціи офицеровъ въ Петербургѣ, мы вправѣ заключить, что она оказала прямое вліяніе на рѣшеніе очередного военнаго дѣла. Это подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тогда же появилась записка, безъ подписи и обозначенія числа, «l'organisation de la milice en Finlande» [461]).

Несмотря на льготы, предоставленныя офицерамъ, часть ихъ пожелала удалиться въ Швецію. Это возмутило Армфельта, который находилъ, что «было бы неприлично, непатріотично и неразумно, если бы финскіе офицеры, при бывшихъ тогда обстоятельствахъ (1812 года), искали случая поступить въ шведскую службу». Чтобы воспрепятствовать эмиграціи офицеровъ, изданъ былъ 8-го октября 1812 г. приказъ, въ которомъ говорилось: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ прошеній, что разные офицеры бывшей шведской арміи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пользованія выгодами манифеста 15-го марта 1810 г. и не взирая на присягу на вѣрность подданства, просятъ дозволенія переселиться изъ Финляндіи и Россійскаго государства, повелѣлъ разрѣшать это не ранѣе, чѣмъ они возвратятъ все, что получили, на основаніи помянутаго манифеста». Негодованіе, вызванное этимъ при-

казомъ, было такъ велико, что докладчикъ по финляндскимъ дѣламъ Ребиндеръ призналъ нужнымъ провести смягчающее объясненіе, сводившееся къ указанію, чтобы приказъ не примѣнялся къ лицамъ, которыя имѣли законное право выселиться, въ виду полученнаго наслѣдства или по другой уважительной причинѣ [462]).

Весной 1810 г. въ Петербургѣ находился шведскій выходецъ Густавъ Маурицъ Армфельтъ. Онъ былъ принятъ Государемъ въ обычной короткой аудіенціи, почему не успѣлъ коснуться финляндскихъ дѣлъ. Но у него заготовлена была записка, которую оставилъ М. Сперанскому. Въ этой запискѣ Армфельтъ говорилъ: «Войско разсѣяно по деревнямъ, оно совершенно излишне, въ виду царствующаго здѣсь порядка и спокойствія... Можетъ быть, возможно было бы и теперь постепенно образовать милиціонные полки, по примѣру существующихъ полковъ Адлеркрейца и Сандельса, которые могли бы во время мира употребляться на общественныя работы..., отчасти на счетъ казны, отчасти же на счетъ достаточныхъ землевладѣльцевъ; во время войны тѣ же полки могли бы быть употребляемы для службы флотиліи... Но, дабы достигнуть этихъ разнообразныхъ цѣлей, нужно, чтобы жители Финляндіи платили подати, которыя дали бы возможность государству подумать объ ихъ безопасности, не разстраивая ихъ частной жизни. Тѣ изъ жителей, напримѣръ, которые нѣкогда поставляли солдатъ, должны выплачивать сумму, пропорціональную той выгодѣ, которою они пользуются, не давая больше рекрутъ и т. д. Истинная свобода состоитъ не въ отсутствіи обязанностей и зачастую тяжелыхъ повинностей, благодаря которымъ люди обезпечиваютъ себѣ постоянное общественное покровительство, необходимое для существованія въ качествѣ гражданина» [463]).

Этими строками одинъ изъ финляндцевъ впервые, послѣ присоединенія края, сталъ выдвигать вопросъ о возстановленіи мѣстнаго войска.

Мысль объ организаціи собственной національной обороны занимала въ это время и другихъ патріотовъ Финляндіи. Съ разныхъ сторонъ Армфельтъ сталъ получать записки. Иныя изъ нихъ были безъ подписи. Въ одной, очевидно составленной бывшимъ финскимъ воиномъ, авторъ предлагаетъ возстановленіе поселеннаго войска, въ составѣ 2,000 человѣкъ. Въ другой—рекомендовалось

образовать войско вербовкою по русскому образцу, съ русской командой и съ правомъ выводить его за предѣлы Финляндіи. Третье предложеніе, генералъ-маіора Грипенберга, извѣстнаго со времени войны 1808—1809 гг. въ Финляндіи, исходило изъ того взгляда, что неимѣніе своей защиты недостойно самостоятельной и просвѣщенной націи; поэтому Грипенбергъ требовалъ, чтобы въ Финляндіи была учреждена армія въ 10,000 человѣкъ, на основахъ прежней поселенной повинности. Соотвѣтственное число русскихъ войскъ должно было оставаться въ странѣ и нести гарнизонную службу въ крѣпостяхъ; эта записка сопровождалась обширными статистическими и экономическими объясненіями.

Наибольшее вниманіе обратила на себя записка, находящаяся въ бумагахъ Армфельта и озаглавленная: «Мысли патріота объ учрежденіи въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи національнаго войска». Составителемъ ея былъ Нюландскій губернаторъ Фредрикъ Шерпваль. Этотъ проектъ предлагалъ, взявъ за экономическій базисъ поселенную систему, ввести общую воинскую повинность, но съ особой гарантіей, что эти войска будутъ употребляться не иначе, какъ для защиты Финляндіи. Въ 1811 году Шернваль находилъ возможнымъ проектировать, чтобы Финляндія выставила изъ своего тогдашняго населенія 12 тыс. человѣкъ. Возрастъ для службы опредѣлялся въ 20—25 лѣтъ: одинъ годъ надлежало прослужить въ гарнизонѣ, а въ теченіе остальныхъ 4 лѣтъ достаточно было производить полковые сборы на 24 дня. Военныя должности могли занимать только уроженцы края или натурализованные финны. Русскій постой желали «немедленно» прекратить, оставивъ русскія войска только въ крѣпостяхъ, «со строгимъ предписаніемъ» не выходить за ихъ предѣлы. Съ годами сила обороны страны должна была возрастать. Вся эта организація обязательной повинности имѣла также цѣлью «незамѣтно разбудить національныя чувства. Черезъ 50 лѣтъ Финляндія должна имѣть у себя свою національную защиту, достаточно сильную, чтобы не быть въ зависимости отъ непредвидѣнныхъ политическихъ обстоятельствъ или отдѣльныхъ прихотей» (письмо Армфельта отъ 11-го сентября 1811 г.). Мотивировка предлагаемой мѣры, по мнѣнію біографа Армфельта—шведскаго писателя Тегнéра—служитъ прекраснымъ выраженіемъ патріотическаго духа и любви къ самостоятельности Финляндіи, которыхъ не могли подавить въ финскихъ сердцахъ несчастія войны и самое покореніе. Финны—говорится въ запискѣ—единственный народъ въ исторіи, который по собственной склонности захотѣлъ довѣрить чуждому оружію, дру-

Видъ города Тавастгуса.

Лагерь [illegible]

гой націи, съ иными законами и основными учрежденіями, всю свою безопасность, попеченіе о себѣ и свое будущее положеніе. Настало время выбрать: быть-ли Финляндіи простой завоеванной провинціей или самостоятельнымъ государствомъ.— «Занятія иноземными войсками, которое до сихъ поръ было необходимымъ послѣдствіемъ войны, можетъ явиться признакомъ того, что достоинство финновъ и самое ихъ существованіе навсегда исключены изъ среды народовъ». Учрежденіе своей національной арміи могло-бы сдѣлать пребываніе всякихъ русскихъ войскъ въ странѣ излишнимъ, могло-бы послужить гарантіей того, что въ будущемъ власть не потребуетъ выставленія большаго войска, могло бы, наконецъ, возвысить національный духъ, деморализація котораго уже началась.

Въ мемуарѣ-проектѣ пространно излагаются преимущества такой организаціи въ военномъ, экономическомъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, равно выставляется важное значеніе того, что обязанность защищать себя, свою страну, ея законы и права распространяется на всѣхъ гражданъ. «Здравая политика Россіи,—говорилось далѣе,—должна-бы признавать, что лучше имѣть въ Финляндіи вѣрную, мирную и твердую границу противъ Швеціи, нежели покоренную провинцію, постоянно готовую мстить за свою конституціонную свободу и за дѣйствительныя страданія и потери, которыя причинялись бы ей безъ достаточнаго повода и надобности». Армфельтъ вполнѣ сочувствовалъ этой запискѣ.

По переселеніи въ Петербургъ, Армфельтъ не замедлилъ дать полный ходъ военному вопросу, но неожиданно наткнулся на рѣшительное препятствіе, котораго онъ, несмотря на свое вліяніе у Императора, никакъ не могъ побороть. Оказалось, что въ Петербургѣ была въ обращенія записка другого финляндца Аминова. Быть можетъ, она въ извѣстной мѣрѣ повліяла на правящія сферы, особенно по вопросу объ отклоненіи созыва сейма, для разсмотрѣнія предложенія о финскомъ войскѣ.

Лѣтомъ 1811 г., когда военный вопросъ наиболѣе дебатировался, Аминовъ высказался въ томъ смыслѣ, что проекты по сему дѣлу далеко еще не настолько подготовлены, чтобы имъ можно было дать дальнѣйшее движеніе. Мало того, Аминовъ настаивалъ на томъ, что весь вопросъ поднятъ крайне несвоевременно по военнымъ, политическимъ и экономическимъ причинамъ. Государь можетъ, конечно, повелѣть учредить милицію, но въ такомъ случаѣ будетъ нарушено то спокойствіе, которое теперь господствуетъ въ краѣ. Аминовъ не ограничился этимъ и подалъ Мо-

нарху записку, въ которой всеподданнѣйше доносилъ: «На подобный (милиціонный) полкъ можно будетъ вполнѣ положиться при нападеніи французовъ; но я думаю и опасаюсь, ибо я знаю тотъ еще не искорененный нравъ у народа, что при нападеніи шведовъ на берега нашей страны, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать оборонѣ, эти воинскія части могутъ сдѣлаться самымъ опаснымъ врагомъ нашего правительства. Кромѣ того, въ народѣ еще очень сильно предубѣжденіе стать русскимъ воиномъ, что можетъ имѣть самыя опасныя послѣдствія. Учрежденіе милиціи въ настоящее время, по моему убѣжденію, было бы и неполитично, и не по военному». Далѣе Аминовъ пояснялъ, что Финляндіи достаточно, если въ ней, преимущественно въ крѣпостяхъ, будетъ расквартировано не болѣе 6.000 человѣкъ русскаго войска. Наконецъ, Аминовъ высказался противъ необходимости Государю совѣтоваться съ сеймомъ по данному вопросу. Замѣчательно, что даже такой тонкій политикъ, какъ шведъ Эренстремъ—другъ Армфельта и Аминова,—и тотъ первоначально раздѣлялъ мнѣніе Аминова о ненужности созыва земскихъ чиновъ для рѣшенія военнаго вопроса. Вообще взглядъ ген.-маіора Аминова на представительный образъ правленія въ Финляндіи сильно огорчилъ его біографа [464]), который прибавляетъ, что лучше было-бы для его славы, если-бы письмо къ Монарху осталось не отосланнымъ. Впослѣдствіи и Аминовъ, и Эренстремъ измѣнили свои воззрѣнія, причемъ первый находилъ, что сеймъ непремѣнно долженъ высказаться по дѣлу и установить экономическую сторону вопроса.

По поводу встрѣченныхъ въ Петербургѣ препятствій Армфельтъ писалъ Фр. Шернвалю 5-го ноября 1811 г.: «Я нашелъ Его Величество сильно предубѣжденнымъ противъ всякой возможности сформированія въ настоящее время милиціи, въ виду большого неудовольствія, которое оно можетъ причинить, а также въ виду опасенія отказа и пр... Если не очень ошибаюсь, то, мнѣ кажется, я узнаю здѣсь нашего патріота-епископа (Тенгстрема), но это подозрѣніе пусть остается между нами. Чтобы совершеннѣе характеризовать нашего Монарха, я передамъ сущность послѣднихъ минутъ нашего разговора. Послѣ того какъ мною были приведены многіе доводы въ доказательство, что во всемъ проектѣ нѣтъ ничего, что могло бы вызвать со стороны Государя отказъ или недовѣріе, отвѣтъ Его Величества былъ приблизительно такой: «Слушайте! Хорошо поразмысливъ объ этомъ, я (нахожу, что) имѣю довольно войскъ, лишь бы они были хорошо ведены. Зачѣмъ-же возбуждать неудовольствія или причинять затрудненія

народу, которому нужно оправиться послѣ войны? Зачѣмъ мнѣ подвергать себя отказу, если бы я посовѣтовался съ народомъ, или порицанію и недовѣрію, если бы я захотѣлъ воздѣйствовать на него мѣрами произвольными? Нѣтъ, лучше отложимъ все это, и будемъ думать о всѣхъ возможныхъ способахъ сдѣлать народъ счастливымъ... Я буду вполнѣ счастливъ дать гражданское существованіе вашимъ бѣднымъ соотечественникамъ старой Финляндіи, настоящая судьба которыхъ не можетъ не быть тревожной для жителей новой Финляндіи. Вотъ какъ я смотрю на вещи; одобряете-ли вы меня»? Истинно тронутый образомъ мыслей Государя и выраженіями, въ которыхъ онъ высказался, я выразилъ ему все, что въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть сказано, естественно сожалѣя о недовѣріи къ нашему патріотизму, такъ же какъ о судьбѣ той части нашей молодежи, которая, имѣя склонность къ военной службѣ, еще боялась поступать въ русскія войска. На это Его Величество предложилъ мнѣ сформировать одинъ наемный полкъ въ четырехъ-баталіонномъ составѣ, съ двойнымъ числомъ младшихъ офицеровъ. Я сказалъ, что это годилось-бы развѣ на послѣдній конецъ, и то встрѣтило бы затрудненія большія, чѣмъ можно было бы ожидать. На этомъ все тогда и остановилось». Государя видимо озабочивала мысль, что при недовольствѣ финновъ русскимъ правительствомъ ихъ національныя вооруженныя силы могли имѣть опасныя послѣдствія. Финляндія оставалась тогда безъ собственнаго войска.

Но когда волны наполеоновскихъ войскъ перекатили границу Россіи, и началась титаническая борьба народовъ, потребовавшая напряженія всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи, то наше правительство естественно обратило вниманіе и на Финляндію. Да и сами финляндцы, напр. Армфельтъ, находили недостойнымъ ихъ націи оставаться безучастнымъ зрителемъ войны съ французскимъ угнетателемъ.

Въ это время появилась идея созданія нѣсколькихъ вербованныхъ пѣхотныхъ полковъ на добровольныя пожертвованія.

Вѣроятно предполагали, что не встрѣтится особеннаго затрудненія собрать большую часть бывшихъ офицеровъ и солдатъ распущеннаго послѣ Фридрихсгамскаго мира финскаго войска.

Трудно съ точностью установить, кому первоначально принадлежала мысль объ учрежденіи финскаго войска путемъ добровольной подписки [465]). Извѣстно только, что Ребиндеръ весьма интересовался этимъ планомъ, который могъ поднять значеніе Финляндіи какъ въ глазахъ Государя, такъ и русскаго общества, и

*

такимъ образомъ закрѣпить ея новопріобрѣтенное положеніе, какъ самостоятельнаго народа». «Финны,—писалъ Ребиндеръ,—единственный народъ въ Европѣ, который спокойно смотритъ на всѣ подготовляющіяся великія событія. Въ то время, когда Россія и Швеція дѣлаютъ величайшія пожертвованія въ пользу независимости Европы, Финляндія не желаетъ даже проявить преданности и благодарности своему Монарху и величайшему благодѣтелю. Это будетъ безчестіемъ для потомства, и избави Богъ отъ той минуты, когда финнамъ кровавыми слезами, быть можетъ, придется раскаиваться въ своихъ заблужденіяхъ. Но кто слышитъ нашу проповѣдь и кто разумѣетъ ея языкъ? То, что ты и я говоримъ, не имѣетъ никакого значенія въ сравненіи съ увѣреніями каждаго трактирнаго апостола въ Або». «Употребите всѣ свои усилія, друзья мои, читаемъ въ другомъ письмѣ финляндскаго докладчика, чтобы уговорить нашихъ прежнихъ офицеровъ поступать на службу, отъ чего много будетъ зависѣть успѣхъ дѣла».

Сторонники національной подписки сообщили о ней генералъ-губернатору Финляндіи, Фабіану Штейнгелю, который съ своей стороны для поддержанія ея принялъ нѣкоторыя мѣры. Письмами и циркулярами отъ 17 и 19 іюля 1812 г. Штейнгель обратился къ ландсгевдингамъ (т. е. губернаторамъ) съ просьбой, дабы каждый изъ нихъ, въ своей области, способствовалъ увеличенію подписки. Одновременно такія же просьбы были обращены къ болѣе значительнымъ купцамъ, а 15 іюля 1812 г. Штейнгель вошелъ съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о Высочайшемъ соизволеніи на открытіе подписки. Двѣ недѣли спустя полученъ былъ отвѣтъ Монарха на ходатайство начальника края.

Августа 1—13 дня 1812 г. на имя генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Штейнгеля, послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ: «Испытавъ во всякое время съ благоволеніемъ преданность къ Намъ и отечеству обитателей Великаго Княжества Финляндскаго, оказанную ими съ самаго присоединенія онаго къ Державѣ Нашей и Всероссійскому Государству, намъ особенно пріятно было узрѣть и нынѣ новое доказательство сей ихъ преданности, изъявленное ими посредствомъ васъ готовностію своею участвовать въ томъ общемъ ополченіи, которымъ Мы надѣемся, съ помощію Всевышняго, изгнать непріятеля изъ предѣловъ Россіи. Мы питаемъ къ сему... народу толь же неограниченную довѣренность, коль и приверженность онаго къ Намъ безпредѣльна, въ особенности когда онъ, будучи возбуждаемъ симъ чувствомъ, идетъ жертвовать возможными ему силами, а посему и признали Мы за

благо Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы суммы, могущія быть собраны предполагаемыми вами добровольными пожертвованіями, въ возможной скорости обращены были на составленіе и устроеніе корпуса охотниковъ, имѣющихъ быть соединены съ всеобщимъ ополченіемъ».

18-го августа 1812 г. генералъ-губернаторъ получилъ новый рескриптъ: «Усмотрѣвъ изъ всеподданнѣйшаго представленія вашего отъ 15-го іюля сего года готовность финляндскихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ жертвовать нѣкоторымъ числомъ капиталовъ своихъ на составленіе и образованіе финскаго воинства, признали Мы необходимымъ финляндскому правительственному совѣту предложить, до собранія пожертвуемыхъ добровольно суммъ, выдать напередъ изъ финляндскихъ милиціонныхъ доходовъ потребное на сей предметъ количество денегъ, а въ случаѣ недостатка ихъ добровольныхъ пожертвованій на преднамѣреваемыя надобности обратить недостающее число на счетъ означенныхъ доходовъ».

Въ письмѣ, написанномъ нѣсколько дней послѣ этого рескрипта, Ребиндеръ даетъ ландсгевдингу Карлу Шернвалю подробный отчетъ о своемъ докладѣ. «Его Величество,—говоритъ Ребиндеръ,—въ милостивыхъ словахъ выразилъ свое удовольствіе по поводу предложенія генералъ-губернатора; я, насколько могъ, старался доказать, что мы не въ состояніи сдѣлать большихъ пожертвованій. Его Величество отвѣтилъ, что ничего не просилъ и не ожидалъ, и что онъ тронутъ этими знаками преданности; но онъ желаетъ для безопасности самой Финляндіи, чтобы жители ея вооружались, что эти ополченія можно распустить по окончаніи войны, и что дальше Невы имъ не нужно будетъ идти». «Здѣсь въ Петербургѣ всѣ лица просвѣтлѣли, послѣ того, какъ и финны надумали что нибудь сдѣлать» [466]).

За нѣсколько дней до опубликованія рескрипта о добровольныхъ денежныхъ сборахъ на войска, появилось приглашеніе, обращенное къ финляндскимъ офицерамъ, поступить на русскую службу. А еще раньше Аминовъ, ходатайствуя за одного юнкера у временно исполнявшаго обязанности военнаго министра князя Алексѣя Ивановича Горчакова, писалъ (11-го мая 1812 г., № 448): «Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ многіе изъ финляндскаго юношества побуждаемы будучи не только своею обязанностію, но и собственными чувствами, желаютъ вступить въ Россійскую военную службу, но воспрепятствуются отъ сего похвальнаго ихъ намѣренія тѣмъ, что большая часть оныхъ, по бѣдному своему состоянію, не могутъ проживать, въ разсужденіи таковаго

своего опредѣленія, на столь дорогомъ мѣстѣ, каково есть С.-Петербургъ. Для предупрежденія сихъ неудобствъ... паче всего желательно бы было, чтобы всѣ опредѣляемы были въ расположенную въ Финляндіи армію». Этимъ офицерамъ отпускались средства на экипировку и ихъ разрѣшено было опредѣлять «въ ту часть Россійской арміи, которая расположена въ Финляндіи». Итакъ, льготы были испрошены, когда еще не имѣлось желающихъ служить.

Но всѣ эти воззванія и льготы успѣха не имѣли, т. е. денегъ на добровольцевъ не собрали, и финскіе офицеры не выразили желанія поступить въ русскія войска. — Обращаясь къ мѣстнымъ офицерамъ, генералъ-губернаторъ Штейнгель старался возбудить ихъ «вѣрноподданническое усердіе» напоминаніемъ «о чести воинственныхъ финновъ». Но его пламенныя слова объ исполненіи долга и пріобрѣтеніи безсмертной славы героя прозвучали въ пустынѣ.

Въ другомъ своемъ воззваніи Штейнгель писалъ: «Его Величество не нуждается въ неизбѣжной помощи своихъ финскихъ подданныхъ, но вы должны передъ нимъ и передъ русской націей всенародно доказать вашу привязанность общему Отцу отечества и ваше гражданское усердіе». Въ третьемъ оповѣщеніи генералъ-губернатора, напечатанномъ въ «Abo Allmänna Tidning», говорилось: «Наше сосѣднее государство — Швеція, — хотя и имѣвшее право на доброжелательство французскаго монарха, вынуждено было защищаться противъ его насилій». Съ той же газетой разослана была маленькая брошюрка, содержащая въ себѣ воззваніе: «Къ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ финскаго гражданина» [467]).

Когда затѣмъ рескриптъ отъ 1—13 августа 1812 г. былъ объявленъ въ офиціальной «Abo Allmänna Tidning», его сопровождало подписанное Штейнгелемъ «поясненіе къ почетнымъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго», въ которомъ подробно излагалась цѣль подписки и указывалось на измѣнническую наступательную войну Наполеона, его дальнѣйшіе планы противъ Швеціи и Даніи и на ту опасность, которая угрожаетъ Финляндіи, если французы не будутъ побѣждены. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ сдѣлалъ все, что могъ для побужденія финляндцевъ къ доброму и патріотическому дѣлу.

Тѣ-же примѣрно мысли старались внушить финляндцамъ передовые ихъ дѣятели въ своей перепискѣ, которая особенно оживилась въ это время. Въ письмѣ отъ 10-го августа 1812 года К. Шерnamely Шернваль пишетъ: «Подумай, другъ, если все пойдетъ хорошо для Россіи, и Финляндія испытаетъ стыдъ своимъ безучастіемъ,

какъ мы тогда сможемъ взглянуть на честнаго человѣка; если же дѣла пойдутъ плохо — какова тогда будетъ судьба Финляндіи?» Изъ письма его брата мы узнаемъ, что въ числѣ другихъ мѣръ возбужденія рвенія къ подпискѣ прибѣгли также къ помощи пасторскаго слова. Фредрикъ Шернваль сообщалъ: проповѣди Эрнрота и Глансеншерна въ Кангасалѣ не были особенно плодотворны, какъ мнѣ говорили, по той причинѣ, что онѣ были отрѣшены отъ всякой національности и указывали лишь на исканіе счастья въ русской арміи, почти во вкусѣ плохо разсчитанныхъ воззваній генералъ-губернатора къ финскимъ войскамъ о поступленіи въ русскую службу [468]).

Итакъ, не смотря на всѣ подобныя старанія, незамѣтно было ни малѣйшаго энтузіазма по дѣлу добровольнаго вооруженія. Къ воззваніямъ отнеслись равнодушно.

Въ недавно присоединенной Финляндіи, — пишетъ современный намъ мѣстный изслѣдователь, — война всемірнаго значенія вызывала лишь интересъ любопытства, но не патріотическія чувства. Во многихъ отдѣльныхъ сердцахъ жива была еще горячая привязанность къ Швеціи, хотя въ то же время общія чувства націи не склонны были къ тому, чтобы Финляндію на прежнихъ условіяхъ присоединили къ Швеціи и подвергли новымъ нападеніямъ со стороны Россіи. Будущность казалась болѣе обезпеченной теперь, несмотря на незнакомство съ покорителемъ. Въ то же время слышались жалобы на ландсгевдинговъ, правительственный совѣтъ и даже на генералъ-губернатора; говорили, что они не оказывали въ дѣлѣ добровольной подписки той энергіи и того интереса, которыхъ можно было отъ нихъ ожидать [469]).

Напрасныя обвиненія! Ни воззванія, ни усердія губернаторовъ дѣла исправить не могли. Корни неудачи всей затѣи лежали глубже, и никто, при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, не рѣшится за нее бросить упрека финляндцамъ. Нельзя забыть, что лучшіе сыны Финляндіи полегли на многочисленныхъ поляхъ сраженій едва оконченной войны. Финляндцы безчисленными нитями привязаны были къ Швеціи, а Россія — ихъ недавній врагъ. Та политическая будущность, на защиту которой звали добровольцевъ-финновъ, вырисовывалась передъ ними пока довольно туманно. «Не ждите, Государь,—вполнѣ основательно говорилъ Эренстремъ въ 1812 г. Императору Александру I въ Гельсингфорсѣ, — чтобы финляндцы могли въ столь короткое время проникнуться чувствомъ дружбы и расположенія къ русскому народу, на который они смотрѣли, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ на народъ

имъ враждебный, или чтобы они могли вдругъ порвать узы дружбы и любви къ Швеціи, съ которой были связаны въ теченіе пятисотъ лѣтъ и отъ которой заимствовали свою вѣру, языкъ, образованность, свои законы и обычаи. Ваши взгляды, Государь, слишкомъ возвышенны и великодушны, чтобы вы могли не презирать въ душѣ народъ, способный измѣнить, такъ сказать, въ одинъ день свои наклонности, свои чувства привязанности и свою признательность, какъ мы мѣняемъ бѣлье». «Нѣтъ ничего естественнѣе отчужденія финляндцевъ отъ русскихъ—отвѣтилъ Александръ Павловичъ.—Оно началось съ того времени, когда русскіе воевали въ Финляндіи, какъ варвары и губители... Я надѣюсь, однако, что оно значительно уменьшилось вслѣдъ за прошлою войною... Во время моего настоящаго путешествія (Государь ѣхалъ въ Або на свиданіе съ Карломъ Іоганномъ Бернадотомъ), я замѣтилъ съ удовольствіемъ дружелюбныя отношенія, установившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между русскими солдатами и крестьянами. Я надѣюсь, что это доброе согласіе постоянно будетъ возростать» [470]).

Къ этой главной причинѣ надо прибавить, что денегъ въ странѣ было мало, а послѣдствія неурожая давали себя еще чувствовать, и, наконецъ, существовавшіе до войны вербованные полки,—численность которыхъ доходила, исключая флота, до 6,590 ч.,—не пользовались особыми симпатіями. Свартгольмъ и Свеаборгъ были свидѣтелями ихъ капитуляціи. Вербованныя войска, набранныя изъ бродягъ и безработныхъ людей, конечно, нельзя было сравнить съ нравственными поселенными частями. Дурной элементъ вербованныхъ полковъ не могъ поэтому возбудить энтузіазма въ населеніи.

Вотъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ идея добровольныхъ пожертвованій потерпѣла полную неудачу. Достовѣрно можно сказать, что вся сумма, собранная пожертвованіями, не превысила 160 тыс. руб. ассигн. [471]). Планы организаціи охотничьихъ командъ пришлось оставить.

Неудача постигла также стремленіе Армфельта созвать сеймъ. Онъ упорно связывалъ созывъ сейма съ военнымъ вопросомъ и добровольными взносами, желая организовать національное вооруженіе на широкую ногу. Затѣѣ Армфельта, какъ будто, мѣшали какія-то стороннія вліянія, но вѣрнѣе всего принять положеніе, что самъ Государь совершенно не проявлялъ склонности вести дѣла съ народными представителями. Въ сентябрѣ 1812 г. Армфельтъ сообщалъ своему другу Аминову: «Всѣ планы насчетъ нашего вооруженія сокрушились (äro échouerade) о то мнѣніе, которое

внушено было Государю о собраніи сейма». Эренстрему онъ писалъ, что «понятіе, которое внушили Императору насчетъ значенія ландтага, настолько отвратили его отъ созыва земскихъ чиновъ во время войны, что онъ не хотѣлъ и слышать о немъ». «Изъ того, что наши вооруженія не состоялись въ большомъ размѣрѣ и не было ландтага, являются исключительныя послѣдствія: наша нація теряетъ свое значеніе, а наши финансы постигнетъ неотвратимое банкротство».

6-го сентября 1812 г. состоялся рескриптъ на имя финляндскаго генералъ-губернатора графа Армфельта, содержащій правила «составленія и устроенія финляндскихъ войскъ». (Армфельтъ исполнялъ въ это время должность генералъ-губернатора въ Финляндіи). На первый случай приказано было формировать 3 егерскихъ полка двухъ-баталіоннаго состава по шестисотъ человѣкъ въ каждомъ баталіонѣ. «А такъ какъ цѣлью составленія сего войска главнѣйше есть защищеніе того края», то указывалось, что не будетъ войско сіе употреблено въ войнѣ иначе, какъ на случай нападенія непріятеля на Финляндію или на другія владѣнія Россійской Имперіи по берегамъ Балтійскаго моря.

Какъ видно изъ писемъ Армфельта этого періода, начальству новыхъ войскъ пришлось при исполненіи Царской воли встрѣтиться съ большими затрудненіями. Трудность получать сносныхъ офицеровъ, вмѣстѣ съ экономической стороной дѣла, были постоянною занозою, часто приводившею Армфельта къ необузданнымъ взрывамъ негодованія. Жалованье финскимъ офицерамъ, разсчитанное по русскому масштабу, было меньше того, что они прежде получали, и это вело естественно къ тому, что финскіе офицеры старались устраниться отъ службы. 14-го октября 1812 г. Армфельтъ писалъ: «Я жду одно хорошее отъ офицеровъ, если только корыстолюбіе и лукавство вербованныхъ офицеровъ не испортило ихъ нравственность, такъ какъ эти дурныя качества послужили базой, на которой воздвигнутъ былъ въ Свеаборгѣ храмъ позора у могилы безсмертнаго Эренсверда». «Если нельзя набрать офицеровъ для одного полка, съ тѣмъ, чтобы они несли службу, писалъ Армфельтъ Шернвалю 2 іюня 1813 г., то это позоръ для нашей молодежи. Къ тому-же, развѣ военный имѣетъ право выбирать службу и мѣсто ея отправленія? Какъ могло Пальмфельту (начальнику финскихъ войскъ) пріити въ голову не отдать приказа младшимъ, чтобы они явились сюда на службу? Или наши первые военные представляютъ собою подобіе риксдага, гдѣ всякій выражаетъ свои мнѣнія и свои мысли? О многихъ неприличныхъ вещахъ я слышалъ, и онѣ были бы пово-

домъ къ раскассировкѣ во всякой другой странѣ, кромѣ той, которая явилась колыбелью анъяльскаго заговора».

Организація дѣла плохо налаживалась, и Армфельтъ не безъ отчаянія восклицалъ: «Но на что это будетъ похоже, и какъ приметъ все это русская нація и русское государство, когда они узнаютъ, что все великое княжество, которое не даетъ ни одного эре (öre) дохода Государю, не можетъ содержать 3.600 чел.» [472]).

Открытаго противодѣйствія во время созыва людей не происходило, но мелкіе конфликты случались. Изъ Высочайшаго рескрипта графу Армфельту отъ 5-го октября 1812 г. видно, что жители Яскискаго прихода отказались отъ поставки солдатъ для Выборгскаго полка. Имъ повелѣно было поставить то число людей, какое выставляли въ годы шведскаго правленія.

Въ Выборгской губерніи послѣ возсоединенія ея съ остальной Финляндіей рекрутскій наборъ оставался на старыхъ основаніяхъ. Дѣятельный и энергичный начальникъ губерніи, Карлъ Шерnваль, не замедлилъ широко воспользоваться имъ, и потому ему посчастливилось сформировать Выборгскій егерскій полкъ менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца. К. Шернваль остался его командиромъ.

Когда законченъ былъ трудъ организаціи полка, его командиръ, Карлъ Шернваль, произнесъ 11-го ноября 1812 г. прекрасную рѣчь, кажется единственную въ своемъ родѣ изъ всѣхъ раздавшихся передъ рядами финляндскихъ частей за истекшее столѣтіе. «Господа! Полкъ начинаетъ сегодня свою первую службу. Любовь къ нашему дорогому Монарху, вѣрность отечеству и горячее усердіе для точнаго исполненія нашего долга всегда будетъ нашимъ лозунгомъ. Мы, финны, которые въ прежнихъ кровавыхъ войнахъ мужественно сражались противъ націи, съ которой мы теперь соединены въ одинъ народъ, и въ одно и то же отечество, будемъ для его защиты на «полѣ славы» состязаться о лаврахъ побѣды, мы должны съ удвоеннымъ напряженіемъ нашихъ душевныхъ качествъ и физическихъ силъ стараться отличиться и міру показать, что для защиты этого новаго отечества мы обладаемъ такимъ-же чувствомъ, какъ къ нашему прежнему. Къ этому побуждаютъ насъ безконечныя благодѣянія Монарха къ нашей родинѣ, наша собственная честь и тѣ узы, которыя связываютъ насъ съ новымъ общимъ отечествомъ» [473]).

Еще ранѣе распубликованія Высочайшаго рескрипта отъ 6-го—18-го сентября 1812 года, генералъ-маіоръ Августъ Фридрихъ Пальмфельтъ былъ назначенъ инспекторомъ новой милиціи, которая даже въ офиціальныхъ актахъ называлась то «егерскими» полками,

то «пѣхотнымъ» полкомъ, то просто «инфантеріей». Въ обществѣ эти войска, составлявшія первую національную защиту Великаго Княжества Финляндскаго, послѣ его отторженія отъ Швеціи, назывались просто «картофельными егерями» («Potatisjägare»). Въ письмѣ отъ 28-го ноября 1812 года Пальмфельтъ говоритъ о «первомъ пѣхотномъ полку» графа Штейнгеля и второмъ егерскомъ, или «графа Армфельта».

Такимъ образомъ, финскія войска создались безъ всякаго участія сейма, о которомъ настойчиво хлопоталъ графъ Армфельтъ и его друзья. Фридрихъ Шерншаль подозрѣвалъ въ этомъ происки лукавыхъ интригановъ и именно «въ ту минуту, когда Государь уже далъ свое согласіе на это, и когда обстоятельства особенно благопріятствовали и требовали этого важнаго шага. Такое, такъ сказать, неконституціонное войско, которое организуется теперь и стоитъ намъ большого труда, не будетъ имѣть передъ собой ясной великой цѣли. Армія эта—слишкомъ малая, чтобы избавить насъ отъ присутствія русскихъ войскъ въ странѣ, и чтобы быть тѣмъ контингентомъ вооруженной защиты, на которую финляндцы имѣютъ право, какъ нація, а не какъ илоты. Если я серьезнѣе смотрю на эти вещи, чѣмъ другіе, то это происходитъ оттого, что я больше другихъ имѣю случай дѣлать печальныя открытія относительно столкновеній между той безопасностью, которую наши законы должны бы дать, но не могутъ, и русскими военными уставами, которые суть уставы власти» [474]).

Много затрудненій вызвалъ вопросъ о командномъ языкѣ: «О языкѣ никогда не было рѣчи и не говорилось, чтобы командныя слова были шведскія», писалъ Армфельтъ 6-го ноября 1812 года Пальмфельту, «но я не отвергаю, что: 1) также несообразно командовать финнами по-шведски, какъ и по-русски, и 2) что если такая несообразность должна имѣть мѣсто, то политическія и другія разсужденія требуютъ дать предпочтеніе русскому языку... Я предоставляю уму, такту и таланту моего генерала устроить это, совершенно довольный тѣмъ, что вы сдѣлаете». Генералъ Пальмфельтъ, К. Шернваль и др. видимо готовы были принять русскія командныя слова; но остальныхъ офицеровъ невозможно было склонить къ этому. Офицеры всѣхъ трехъ егерскихъ полковъ на-отрѣзъ отказались употреблять русскія командныя слова, ссылаясь на трудность ихъ усвоенія, и потому, несмотря на протесты Армфельта, командныя слова остались шведскія. «Моего мнѣнія насчетъ русской команды,—писалъ онъ Шернвалю 12-го декабря 1812 г.,—я никакъ не измѣню, хотя по указанной причинѣ

вижу, что иначе и нельзя поступить, какъ сохранить шведскій языкъ. Вѣчный позоръ для финскихъ понятій и патріотизма, тѣмъ болѣе, что $^{3}/_{10}$ всего набора не знаетъ по-шведски. Если бы шла рѣчь о командѣ по-фински, то худо ли, хорошо ли, я былъ бы того мнѣнія, что ради національнаго духа надо сохранить или создать его. Но какъ, ради Бога, доказать такое мнѣніе, что одинъ языкъ, на которомъ солдатъ ничего не понимаетъ, лучше, нежели другой, ему одинаково непонятный»? Итакъ, въ финскихъ войскахъ оставлена была шведская команда. Такимъ образомъ, это едва ли не единственное предложеніе Армфельта, вполнѣ согласовавшееся съ естественными и справедливыми русскими требованіями въ Финляндіи, не было поддержано нашими властями, тогда какъ другіе его проекты, напримѣръ, о финляндскомъ комитетѣ, о Выборгской губерніи, клонившіеся къ явному ущербу русскихъ государственныхъ интересовъ, встрѣтили благосклонный пріемъ и осуществлены съ особой поспѣшностію.

Учрежденіе войска продолжало оставаться для Армфельта щекотливымъ вопросомъ. Къ экономическимъ и другимъ трудностямъ присоединился еще разладъ между финскими чиновниками Петербурга и органами управленія въ Финляндіи. Это привело къ тому, что К. Шернваль, въ виду недоразумѣній съ генералъ-губернаторомъ и правительственнымъ совѣтомъ въ Або, желалъ отдѣлаться отъ всякаго отношенія къ Выборгскому полку. Но Армфельтъ наставительно писалъ ему 26-го ноября 1813 г.: «Уступить этой сильной партіи и вовсе оставить учрежденіе полка теперь нельзя, во-первыхъ, потому, что Императоръ самъ поручилъ это вамъ, и, слѣдовательно, потребуется на то Высочайшее соизволеніе; а во-вторыхъ, чтобы не играть дурацкой роли въ руку тѣмъ, кто ничего больше не желаетъ, какъ только видѣть васъ въ немилости, и тѣмъ легче уронить дѣло этого полка».

Недостатокъ въ матеріалѣ для мундировъ заставилъ администрацію изготовить обмундированіе 1-го и 2-го егерскихъ полковъ изъ парусины. Это представилось возможнымъ сдѣлать потому, что никакой опредѣленной формы тогда не было установлено для новаго войска. Государь находился на войнѣ и былъ занятъ болѣе важными дѣлами, чѣмъ проектами обмундированія финскихъ полковъ. Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1812 г. ген.-м. Пальмфельтъ указывалъ на новыя затрудненія: «Въ виду полученныхъ мною сообщеній милиціонной экспедиціи правительствующаго совѣта, что обмундированія для финскихъ войскъ нельзя достать въ краѣ, а также, что Россія и Швеція не могутъ поставить требуемаго

количества сукна, я представилъ объ этомъ обстоятельствѣ его превосходительству графу Армфельту, который приказалъ приготовить пробное обмундированіе. Этотъ образецъ онъ отправилъ чрезъ англійскаго посла въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ сдѣлать заказъ, какъ мундировъ, такъ и капотовъ, сюртуковъ и пр.». Лишь 20 мая 1813 г., Пальмфельтъ могъ письмомъ увѣдомить милиціонную экспедицію, что отвѣтъ изъ Англіи полученъ и что «цѣны оказались доступными». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ знать, что Армфельтъ желаетъ, дабы заказъ былъ окончательно рѣшенъ возможно скорѣе. Но въ это время къ своему посту вернулся Штейнгель и, найдя заказъ обмундированія въ Англіи неудобнымъ, отклонилъ весь планъ этой заготовки [475]).

Особенно неудовлетворительнымъ приходится признать вооруженіе новыхъ полковъ. Изъ рапорта Эрирота 15-го мая 1813 г. видно, что «къ предстоящему съѣзду начальства» со 2-мъ егерскимъ полкомъ прибыло 120 штукъ старыхъ, испорченныхъ ружей. Рейтершельдъ заявилъ, что въ 1-мъ полку (8-го августа 1813 г.) недостаетъ 400 ружей, «почему трудно будетъ обучать нижнихъ чиновъ».

14-го февраля 1813 г. Армфельтъ прибылъ въ Выборгъ для смотра молодыхъ финскихъ войскъ.

Не прошло и недѣли послѣ его парада, какъ Шернваль неожиданно получилъ отъ Армфельта приказаніе немедленно приготовиться къ выступленію вмѣстѣ съ полкомъ въ Петербургъ, для содержанія тамъ караула. Оказывается что генералъ-отъ-инфантеріи графъ Армфельтъ въ свою очередь имѣлъ отъ Государя рескриптъ, помѣченный Плоцкъ на Вислѣ 28-го января 1813 года, слѣдующаго содержанія: «Резервныя войска, сформированныя въ Петербургѣ, выступили, чтобы присоединиться къ арміи, и число оставшихся недостаточно, чтобы занимать всѣ посты въ городѣ. Я желаю, чтобы формируемый въ Выборгѣ финскій полкъ былъ переведенъ поскорѣе въ Петербургъ, о чемъ вы и будете увѣдомлены княземъ Горчаковымъ» [476]).

Какія инструкціи Армфельтъ получилъ отъ управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова—неизвѣстно, но, судя по спѣшности выступленія изъ Выборга, надо полагать, что Армфельту указано было не медлить. Полученное распоряженіе гласило: «...Его Величество повелѣваетъ, чтобы Выборгскій полкъ 20-го февраля—4-го марта вступилъ въ Петербургъ для отбыванія гарнизонной службы. Полкъ будетъ содержаться на русскія

средства съ того момента, какъ вступитъ въ Петербургскую губернію и пока не вернется обратно въ Финляндію».

Экстренное приказаніе подѣйствовало весьма непріятно какъ на начальниковъ, такъ и подчиненныхъ, которые видимо приготовились къ спокойному домашнему обученію. «Теперь, братъ, черти сорвались съ цѣпи»—пишетъ командиръ Выборгскаго полка, своему другу и начальнику Пальмфельту 12-го февраля 1813 г.; «вчера получилъ приказъ выступить съ полкомъ въ Петербургъ и начать службу тамъ; это было громовымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что онъ (т. е. Армфельтъ) собственными глазами видѣлъ, какъ мы еще не доросли до того, чтобы присутствовать или таскаться по Петербургскимъ парадамъ». Немалое число нижнихъ чиновъ пыталось спастись бѣгствомъ «отъ своей службы, которую ихъ воображеніе рисовало въ страшныхъ краскахъ».

Въ началѣ марта 1813 года Выборгскій полкъ прибылъ въ Петербургъ. «Но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ несъ караульную службу, не научась еще заряжать ружья и стрѣлять по правиламъ искусства».

Непредвидѣнная жизнь въ столицѣ повела къ разнымъ осложненіямъ. Первое затрудненіе представило офицерское жалованье, которое въ Выборгѣ въ нѣсколько разъ превышало установленную для русской арміи норму. Вслѣдствіе уменьшенныхъ окладовъ солдаты начали дезертировить, а офицеры одинъ за другимъ подавать въ отставку. Послѣднее обстоятельство явилось тѣмъ болѣе серьезнымъ, что заполненіе вакансій, вслѣдствіе недостатка офицеровъ, сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Выборгскій полкъ сначала привлекалъ къ себѣ офицеровъ, вѣроятно, потому,—какъ выражается въ досадѣ Армфельтъ,—что въ Выборгской губерніи говорили по-русски [477]).

Смертность въ полку установилась огромная. Процентъ ея въ первомъ баталіонѣ доходилъ до $25,_7\%$. Цифра—для мирнаго времени, конечно, ужасающая. Число бѣглыхъ достигало $11,_5\%$. Сила перваго баталіона къ концу 1813 г. уменьшилась болѣе чѣмъ на 25%. Понятно, что укомплектованіе до табельной нормы при такихъ условіяхъ представляло почти непреодолимыя затрудненія.

Поведеніе егерскихъ полковъ въ Петербургѣ оставляло желать многаго. За время отъ 28-го мая 1813 г. по 28-е іюня того же года, 20 человѣкъ военнымъ судомъ были присуждены къ прогнанію сквозь строй за попытки къ побѣгамъ; пьянство, несмотря на всѣ наказанія, продолжало процвѣтать среди солдатъ. Военный

духъ въ молодыхъ полкахъ не былъ, слѣдовательно, удовлетворителенъ.

Нахожденіе въ Петербургѣ и большая судимость выдвинули вопросъ о высшей военно-судебной инстанціи. Въ полку не знали какъ поступить при обжалованіяхъ приговоровъ, и потому начальству дѣлались соотвѣтствующія запросы. «До сихъ поръ указывалось на Абоскій гофгерихтъ, какъ на форумъ въ этомъ отношеніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ просилъ, чтобъ ему присылали «всѣ тѣ постановленія, которыя считались дѣйствительными» [478]).

Наконецъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, финская военная организація стала нуждаться въ должностномъ лицѣ, которое могло бы докладывать военному министру имперіи всѣ дѣла, подлежавшія его рѣшенію. Высочайшимъ указомъ отъ 9-го—21-го мая 1817 г. на эту должность назначенъ былъ бывшій полковникъ Людвигъ Іегершельдъ, «чтобы подъ руководствомъ начальника генеральнаго штаба Его Величества заготовлять дѣла, касающіяся финскихъ дѣйствующихъ войсъ, и подлежавшія собственному Высочайшему рѣшенію Его Величества по докладамъ названнаго начальника». Нѣсколько позднѣе должность помощника у Іегершельда занялъ secund-капитанъ Себастіанъ Гриппенбергъ. Служебная кореспонденція Іегершельда велась на французскомъ языкѣ [479]).

Содержаніе войска обходилось объединенной Финляндіи, имѣвшей тогда около миліона жителей, въ 1812 году—въ 386 т. р., въ 1813 г.—426 т. р., въ 1814 г.—418 т. р.

Финляндцы имѣли обѣщаніе Императора Александра I о томъ, что ихъ войска не будутъ выводиться за линію Невы. Тѣмъ не менѣе у тѣхъ финскихъ военныхъ начальниковъ, которые широко и правильно смотрѣли на назначеніе всякой арміи, естественно возникли планы, особенно послѣ пожара Москвы, объ участіи егерскихъ полковъ въ общей войнѣ на континентѣ. Наиболѣе хлопоталъ объ этомъ Карлъ Шернваль, желая отправиться со своимъ полкомъ на театръ военныхъ дѣйствій; но къ удивленію, онъ не встрѣтилъ особаго сочувствія ни съ финской, ни съ русской стороны. К. Шернваль писалъ: «Хотя Высочайшій рескриптъ отъ 6-го—18-го сентября 1812 года и опредѣляетъ, что образованные финскіе полки будутъ собираемы только на одинъ мѣсяцъ въ году и не обязаны идти на войну, исключая того случая, когда непріятель станетъ тревожить Финляндію или берега Балтійскаго моря, однако, сформированіе этого полка состоялось въ такое время, когда Его Величество находилъ, что ему

нужны будутъ всѣ войска, какія только возможно собрать и организовать». Этотъ полкъ, какъ стоящій близко къ границѣ, желалъ тогда, вмѣстѣ съ остальными подданными Его Величества, состязаться въ преданности къ Монарху и доброму дѣлу; и во всякомъ случаѣ полкъ считалъ для себя непристойнымъ указывать на рескриптъ при полученіи приказа. «Такимъ образомъ, мы безпрепятственно явились сюда (въ Петербургъ) для отбыванія службы и готовы впредь быть къ услугамъ, если окажется необходимость въ нашей службѣ» [480]).

Имѣется нѣкоторое основаніе предположить, что у Императора Александра I существовало намѣреніе воспользоваться финскими войсками на внѣшнемъ театрѣ войны. Между Россіей и Швеціей велись переговоры о совмѣстномъ выступленіи противъ Наполеона. Переговоры начались въ 1810 г., но лишь послѣ занятія Наполеономъ шведской Помераніи они получили болѣе опредѣленный характеръ. Въ первоначальный планъ, въ февралѣ 1812 г., входило предположеніе что Александръ, съ собранными въ Финляндіи силами, въ количествѣ 25.000 человѣкъ, станетъ содѣйствовать шведамъ въ нападеніи на Зеландію, съ цѣлью заставить Данію уступить имъ Норвегію. Но мысль эта потомъ была оставлена по разнымъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что Александръ не нашелъ возможнымъ укомплектовать въ Финляндіи такой большой арміи.

Прошло десять лѣтъ, и другой благородный финскій воинъ, генералъ-маіоръ Густавъ Эрнротъ, 25 февраля 1822 г. обратился къ Государю съ ходатайствомъ о томъ, чтобы финскимъ полкамъ предоставлено было «право раздѣлить съ остальными войсками Его Величества честь защиты Имперіи». Генералъ Эрнротъ опасался, что существовавшая льгота, объ употребленіи финскихъ войскъ лишь на защиту Великаго Княжества и береговъ Балтійскаго моря, «можетъ опозорить ихъ чувства въ глазахъ новыхъ соотечественниковъ», а потому они просили, какъ милости, разрѣшить имъ «сражаться вездѣ, гдѣ прикажетъ имъ ихъ Монархъ». Императоръ оцѣнилъ такое усердіе и исполнилъ ихъ желаніе. Генералъ Эрнротъ удостоился особаго рескрипта отъ 5 марта 1822 г., въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Я принимаю ихъ просьбу съ настоящимъ удовольствіемъ. Исполненные благороднаго рвенія къ защитѣ общаго отечества (de la patrie commune) и достойные, такимъ образомъ, присоединиться къ русскимъ войскамъ, они получатъ возможность сражаться повсюду, гдѣ представится возможность заслужить

[illegible] П. [illegible] Шмурингъ.

Финляндскій кадетскій корпусъ:

Кадетъ
17[illegible] г.

1. Въ Хаапаніеми.
2. Въ Фридрихсгамѣ.

Кадетъ
18[illegible] г.

славу. Статья 2-я постановленія 6-го сентября 1812 г. будетъ измѣнена»... [481]).

Въ 1819 г. финскія войска были собраны въ лагерѣ Луолайсъ-Мальмъ, въ приходѣ Хаттула, около Тавастгуса. Государь рѣшилъ даровать Абоскому, Вазаскому, Гейнольскому и Тавастгустскому баталіонамъ знамена съ гербомъ Вел. Кн. Финляндскаго, заключеннымъ въ средину русскаго орла; цвѣта знаменъ зеленый, свѣтло-голубой и бѣлый—были согласованы съ цвѣтами, входившими въ обмундированіе баталіоновъ. Знамена доставили изъ Петербурга и съ церемоніей переданы войскамъ, при чтеніи рескрипта, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «Довѣряя сіи знамена вашей храбрости для употребленія, со свойственной финской націи особой вѣрностью и мужествомъ, на службѣ Намъ и Отечеству».

Воззрѣнія финляндцевъ на свои войска, съ теченіемъ времени и при разныхъ обстоятельствахъ, претерпѣли значительныя измѣненія. Ген.-м. Аминовъ, возражавшій въ 1811 г. противъ учрежденія финской милиціи, въ мартѣ 1820 г. склонился къ мнѣнію, что Финляндія должна имѣть свою собственную армію (vår egen armé), «въ противномъ случаѣ страна потеряетъ свое нравственное значеніе и то политическое положеніе (existens), которое Его Императорское Величество Самъ намѣтилъ и желаетъ основать». Аминовъ особенно настаивалъ на томъ, что безъ національнаго войска будущее благо Финляндіи немыслимо. «Безъ подобной (военной) школы, мы будемъ похожи на евреевъ, кои, несмотря на то, что разсѣяны среди народа, остаются чуждыми ему. Безъ подобной школы мы скоро сдѣлаемся предметомъ презрѣнія въ собственныхъ и чужихъ глазахъ; мы будемъ вынуждены принять участіе въ оборонѣ имперіи (обязанность во всякомъ случаѣ столь же справедливая, какъ и неизбѣжная) способомъ разорительнымъ для нашего будущаго процвѣтанія, т. е. путемъ ежегодной посылки (людей) въ русскія войска, которыя защищаютъ нашу національность и духъ гражданства, что поведетъ къ уменьшенію нашей народной силы, къ общему упадку духа и вызоветъ эмиграціи въ Швецію и Америку». Теперь уже, вопреки прежнему своему мнѣнію, Аминовъ доказывалъ, что Россіи нѣтъ основанія опасаться существованія маленькой финской арміи, такъ какъ Швеція безсильна, а главное, во время войны со шведами «нѣтъ ничего легче, какъ приказать финскимъ войскамъ отправится къ берегамъ Невы или еще далѣе и замѣнить ихъ одинаковымъ числомъ русскихъ солдатъ».

Особенно замѣтно отразились новыя теченія въ комиссіи финляндскихъ дѣлъ. Она высказала, что финская нація всей душой желаетъ въ минуту опасности защищать свое отечество и Монарха, который его охраняетъ. На основаніи этихъ воззрѣній, комиссія предполагала, что каждый добросовѣстный финнъ сознаетъ долгомъ своей націи принимать участіе въ войнахъ и военныхъ предпріятіяхъ Россіи, путемъ приготовленія для этого государства, когда обстоятельства того требуютъ, силы, пропорціональной населенію Финляндіи и ея доходамъ. По мнѣнію комиссіи, не только на основаніи чувства такого долга нація должна желать для себя собственнаго войска, но и столько же по сознанію своего собственнаго достоинства, не исключая еще другихъ воззрѣній, относящихся къ настоящимъ и будущимъ нуждамъ отечества. Въ виду подобныхъ доводовъ, комиссія указывала на то, что, хотя Финляндія, согласно условіямъ ея соединенія съ Имперіей, всегда должна составлять независимую страну подъ защитой Россіи, тѣмъ не менѣе, каждый благоразумный гражданинъ, желающій добра своему отечеству, понимаетъ, въ какой высокой степени шатка эта независимость въ будущемъ, если не окажется войска, которое, защищая отечество, охраняло бы ее. «Нѣтъ возможности,—говорится далѣе въ заключеніи комиссіи,—вѣрить въ существованіе свободы народа, или, по крайней мѣрѣ, не можетъ она быть продолжительна, если въ этомъ народѣ нѣтъ того общаго духа и тѣхъ гражданскихъ чувствъ, которыя только организація ея войска можетъ возбудить и поддержать. Насколько вредно было-бы для страны, если бы въ ней господствовалъ исключительно одинъ только воинскій духъ, настолько, напротивъ, полезенъ этотъ духъ для поддержанія ея конституціи. Горсть людей, конечно, не можетъ помѣшать завоеванію, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ настолько значеніе, что власть, которая распоряжается и предписываетъ законы, бережно обращается даже съ небольшой страной, коль скоро ея народъ оживленъ чувствомъ сохраненія своей конституціонной свободы и своей независимости»... [182]).

Дальше въ томъ-же протоколѣ говорится: «Комиссія предполагаетъ, что какъ только финское войско будетъ сформировано, Его Величество найдетъ излишнимъ содержать въ Финляндіи другія, кромѣ собственныхъ войскъ страны, за исключеніемъ, однако, крѣпостей, которыя, вмѣстѣ съ стоящимъ тамъ флотомъ, могутъ, какъ и до сихъ поръ, быть заняты русскими войсками». Наконецъ, комиссія ставила вопросъ о томъ, насколько поселенная

система соотвѣтствуетъ новымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ войскамъ. Поселенныя воинскія части не могли имѣть той подвижности и воинскихъ качествъ, которыя являлись неизбѣжно необходимыми, согласно современной тактикѣ. Отсюда комиссія дѣлаетъ выводъ о желательности и необходимости обсужденія сеймомъ средствъ для созданія туземной арміи, которая всегда была бы наготовѣ, и для постоянной своей службы располагалась гарнизономъ въ городахъ края.

Чтобы финская армія представляла законченное цѣлое, комиссія предлагала также, путемъ разсмотрѣнія дѣла на сеймѣ, опредѣлить силу кавалеріи и артиллеріи, сообразуясь съ численностью народонаселенія и средствами края [483]).

Приведенныя выписки изъ протокола финляндской комиссіи показываютъ, что руководители мѣстной политики, домогаясь широко организованнаго финскаго войска, съ артиллеріей и кавалеріей, вмѣстѣ съ тѣмъ стремились къ тому, чтобы очистить Финляндію отъ расквартированныхъ русскихъ воинскихъ частей. Это желаніе высказывалось въ то время неоднократно. Прежде другихъ въ походъ противъ русскихъ войскъ выступилъ Густавъ Армфельтъ, который подалъ Императору идею учрежденія самостоятельной финской военной силы. Во всеподданнѣйшей запискѣ (Très-humble apperçu sur la Finlande, juin 1810), Армфельтъ писалъ: «Политическія и военныя причины, вѣроятно, требуютъ, чтобы по деревнямъ стояли войска; но мой долгъ ознакомить съ неудобствами и послѣдствіями подобнаго постоя для будущаго, если это должно продолжаться: не говоря уже о томъ, что крестьянинъ, и безъ того всегда-то дурно и тѣсно живущій въ этихъ краяхъ, стѣсненъ и задыхается въ своей избѣ отъ присутствія большого числа солдатъ, которыхъ не въ состояніи сдерживать самая строгая дисциплина, его семейство развращается, эпидемическія болѣзни учащаются, а венерическія распространяются на столько, что современемъ будутъ заражены всѣ послѣдующія поколѣнія и народонаселеніе незамѣтно начнетъ вымирать; кромѣ того, при сильномъ огнѣ, который надо разводить для печенія хлѣба солдатамъ въ печахъ неудовлетворительной постройки, загораются деревни, и число пожаровъ возрастаетъ, увеличивая жалобы и нищету бѣдняка. Въ Финляндіи уже можно видѣть очень частые примѣры того, что я только что сказалъ относительно этого рода опустошенія». Въ желаніи добиться удаленія русскихъ войскъ изъ края Армфельтъ проявилъ не малую настойчивость и послѣдовательность. «Наконецъ-то Бонапарту и его разбой-

ничьимъ ордамъ данъ смертельный ударъ, по крайней мѣрѣ немногимъ изъ этихъ кровопійцъ придется перейти Нѣманъ». Благополучный исходъ кампаніи заставилъ Армфельта подумать о той пользѣ, которую можно извлечь изъ этого для Финляндіи. «Намъ не мѣшаетъ понемногу организовать въ Финляндіи сильную армію, чтобы тѣмъ уменьшить тягость постоя русскихъ войскъ».

«Расквартированіе должно существовать, писалъ Армфельтъ, къ свояченицѣ 3-го октября 1811 г., до тѣхъ поръ, пока мы не сформируемъ собственной милиціи. Но положить предѣлъ злоупотребленіямъ и дать законамъ ихъ дѣйствительную силу, а также провести границу между военными притязаніями и правами страны, это лежитъ на моей обязанности и оно въ полномъ ходу».

Вскорѣ послѣ заключенія мира, подполковникъ шведской службы Отто Карлъ фонъ-Фіантъ представилъ предсѣдателю комиссіи по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго, Г. М. Армфельту, проектъ учрежденія въ имѣніи Хаапаніеми Финляндскаго топографическаго корпуса. Фіанту, совмѣстно съ бывшимъ начальникомъ прежней военной школы инженеръ-подполковникомъ Мэллеромъ, повелѣно было составить предположеніе о дѣятельности этого новаго учебнаго заведенія. Высочайшимъ приказомъ отъ 12—24 марта 1812 года повелѣно было учредить въ Финляндіи корпусъ военныхъ топографовъ. При комплектованіи его, между прочимъ, требовалось, чтобы двое изъ офицеровъ и двое изъ штатныхъ кадетъ были русскаго происхожденія. На первое обзаведеніе и, затѣмъ, на содержаніе корпуса, съ 1-го января 1812 года, отпускались изъ суммъ Его Императорскаго Величества ежегодно по 12.000 руб. ассигн. Первоначально топографическій корпусъ въ Хаапаніеми находился въ непосредственномъ вѣдѣніи Его Императорскаго Величества, а уже въ февралѣ 1813 года начальникъ вербованныхъ финскихъ войскъ генералъ-маіоръ Пальмфельтъ сообщилъ, что ему Высочайше повелѣно принять корпусъ въ свое вѣдѣніе.

«Генералъ Пальмфельтъ,—писалъ Армфельтъ 10 мая подполковнику ф.-Фіанту,—будучи инспекторомъ всѣхъ военныхъ учрежденій Финляндіи, есть ближайшій мой помощникъ и потому обязанъ слѣдить также за дѣятельностью ввѣреннаго вамъ заве-

денія; и, такъ какъ всѣ прочія донесенія и предположенія поступаютъ къ нему, то и ваши къ нему должны быть представляемы. Это, однако, вамъ не мѣшаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщать мнѣ лично ваши заявленія, отчеты, проекты и пр. Это кратчайшій путь къ Монарху и даетъ мнѣ возможность устроить все наилучшимъ образомъ, на сколько это зависитъ отъ моей доброй воли и крайняго моего разумѣнія. Пальмфельтъ воодушевленъ мыслью вызвать къ жизни бывшій Хаапаніемскій кадетскій корпусъ. Онъ старается всѣми способами заручиться для того средствами, что конечно соотвѣтствуетъ нашимъ видамъ. Безъ содѣйствія совѣта мы встрѣтили бы много затрудненій». Графъ Армфельтъ до своей кончины принималъ близкое участіе въ дѣлахъ корпуса, неоднократно выручая его, какъ при недостаткѣ денежныхъ средствъ, такъ и при другихъ затрудненіяхъ.

31 января 1816 года начальнику корпуса было сообщено: «Его Императорское Величество Высочайше изъявить соизволилъ, что Онъ принимаетъ корпусъ этотъ подъ свое личное особое покровительство, но отнынѣ корпусъ, въ отношеніи военнаго управленія, долженъ состоять въ вѣдѣніи Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, подчиняясь по дѣламъ хозяйственнымъ, по прежнему, предсѣдателю коммисіи по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго».

На слѣдующій годъ состоялось установленіе неразрывной связи корпуса съ военной организаціей Финляндіи.

Въ маѣ 1818 г. корпусъ инспектировалъ начальникъ канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частью, генералъ-маіоръ Селявинъ, который высказался за необходимость перевода корпуса въ другое, болѣе удобное мѣсто. Въ ночь на 15—27 сентября 1818 года, зданія корпуса были уничтожены пожаромъ, причемъ огнемъ истреблены и архивъ, и библіотека корпуса. На пріобрѣтеніе новой библіотеки, корпусу пожаловано было Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицей 10.000 рублей ассигнаціями.

Въ 1819 году іюня 14—26, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ корпуса въ городъ Фридрихсгамъ, съ переименованіемъ его въ Финляндскій кадетскій корпусъ.

По выходѣ, 1819 года, въ отставку подполковника ф.-Фіанта начальство надъ корпусомъ ввѣрено было полковнику Петру Петровичу Теслеву, извѣстному своими астрономическими, геодезическими и топографическими работами [484]).

Послѣ завоеванія части Финляндіи по р. Кюмень, въ 1743 г., лоцманское вѣдомство, отъ Выборга до Ротчесальма включительно, было подчинено вѣдѣнію Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, получало содержаніе отъ русскаго правительства и управлялось русскими лоцъ-капитанами, имѣвшими главное свое пребываніе въ Ротченсальмѣ на о-вѣ Коткѣ.

Обязанности лоцманскаго вѣдомства Старой Финляндіи были изложены въ правилахъ, утвержденныхъ Адмиралтействъ-Коллегіи 30 мая 1796 года, и опубликованныхъ подъ названіемъ: «Инструкція о должности Лоцъ-Капитана въ шхерахъ по Финскому заливу».

11 декабря 1811 г. Выборгская губернія была присоединена къ Великому Княжеству Финляндскому; это распоряженіе не коснулось лоцмановъ, оставшихся по прежнему въ вѣдѣніи Адмиралтействъ-Коллегіи. Графу Штейнгелю, отъ 19 апрѣля 1816 г., сообщена была Высочайшая воля, чтобы часть лоцманская и маяковъ, впредь до времени, какъ и прежде состояла подъ надзоромъ и управленіемъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Наполеонъ изумлялся тому довѣрію, которое оказывалъ русскій Монархъ многочисленнымъ иностранцамъ въ разгарѣ отечественной войны. Ихъ безкорыстіе являлось для него сомнительнымъ. И онъ былъ правъ. Въ поведеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ было много загадочнаго.

Знаменитый нѣмецкій патріотъ и бывшій прусскій министръ, баронъ Штейнъ, сумѣлъ совершенно очаровать Императора Александра I и овладѣть его довѣріемъ. Штейнъ былъ вызванъ въ Россію самимъ Государемъ весной 1812 года, какъ только разрывъ съ Франціей представился неизбѣжнымъ. Александръ, относившійся къ нѣмцамъ съ особою благосклонностью, вѣрившій въ стратегію Фуля, прельстился и обѣщаніями Штейна. Изъ Петербурга Штейнъ внимательно слѣдилъ за ходомъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій и главною своей задачей поставилъ обращеніе торжества русскаго оружія на пользу нѣмецкаго дѣла.

Онъ опасался встрѣтить противодѣйствіе со стороны канцлера графа Румянцева, мало расположеннаго жертвовать пользами Россіи чужимъ интересамъ и весьма недружелюбно относившагося къ вмѣшательству въ наши дѣла иностранцевъ, окружавшихъ Государя. И вотъ Штейнъ, не задумываясь, обращается къ ан-

глійскому правительству съ просьбой настоять, чрезъ своего посланника въ Петербургѣ, на удаленіи русскаго государственнаго канцлера. «Дабы направить борьбу къ исключительной выгодѣ Германіи и Европы»,—писалъ Штейнъ,—«Англія должна присвоить себѣ преобладающее вліяніе на устройство нѣмецкихъ дѣлъ».

Штейнъ мыслилъ и работалъ на пользу Германіи, съ цѣлью удержанія Россіи отъ расширенія ея тогдашнихъ границъ. Онъ доказывалъ, что во главѣ русскаго войска, имѣющаго вступить въ Германію, долженъ непремѣнно быть поставленъ графъ Витгенштейнъ, храбрый, предпріимчивый, доброжелательный человѣкъ нѣмецкаго происхожденія. Всѣ эти факты и многіе другіе, указанные въ книгѣ С. С. Татищева, необыкновенно поучительны. Они наглядно доказываютъ, какъ опасно для великой державы ввѣрять наемникамъ веденіе своихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Интриги Штейна въ Англіи, разумѣется, оставались тайною для Императора Александра [485]).

Въ біографіи Армфельта также имѣется страница, показывающая, куда были направлены его стремленія, несмотря на то, что онъ былъ облагодѣтельствованъ въ Россіи.

Въ 1812 г. Штейнгелю временно пришлось покинуть Финляндію. Вслѣдствіе условія, заключеннаго при свиданіи Императора Александра съ Бернадотомъ въ Або, рѣшено было отдѣлить изъ Финляндіи 17-ти-тысячный отрядъ войска и отправить его въ Ригу, которой угрожалъ корпусъ маршала Макдональда. Во главѣ этихъ войскъ поставили Штейнгеля. При переправѣ на судахъ изъ Гельсингфорса въ Ревель 24—26 августа, отрядъ былъ застигнутъ сильной бурей и потерялъ въ морѣ утонувшими 500 чел. и 6 орудій.

На время отсутствія Штейнгеля, исправленіе должности командующаго войсками возложено было на генералъ-маіора Демидова, а обязанности финляндскаго генералъ-губернатора—на Армфельта. Свое положеніе, въ это время какъ перваго сановника «самостоятельной» Финляндіи, Армфельтъ понялъ чрезвычайно своеобразно, о чемъ свидѣтельствуетъ его оффиціальная переписка со Швеціей. Дѣловыя бумаги, касавшіяся Финляндіи, онъ сталъ пересылать непосредственно въ шведское посольство въ Петербургѣ, безъ предварительной засылки ихъ въ русское министерство иностранныхъ дѣлъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи, фонъ-Энгестремъ, указалъ, что такой порядокъ нарушаетъ установившійся дипломатическій обычай, и приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ шведскому посланнику въ Петербургѣ, Левеньельму дать объясненіе по этому

дѣлу. Левеньельмъ указалъ, что причиной такихъ прямыхъ сношеній было желаніе Армфельта сдѣлать управленіе Финляндіи насколько возможно независимымъ отъ русскихъ властей, а также стремленіе ускорить исполненіе дѣлъ и способствовать благу финляндцевъ; наконецъ, онъ обходилъ русскій кабинетъ изъ личныхъ отношеній къ канцлеру. Къ этому объясненію Левеньельмъ присовокупилъ напоминаніе о томъ, что отношенія Армфельта къ Швеціи вообще были осторожныя. Тѣмъ не менѣе въ Стокгольмѣ не нашли возможнымъ дѣлать отступленіе отъ установленнаго порядка международныхъ сношеній, и приказали Левеньельму прекратить переписку съ этимъ «недипломатическимъ чиновникомъ». Армфельтъ счелъ себя оскорбленнымъ сдѣланными указаніями, особенно въ виду тѣхъ немалыхъ услугъ, которыя имъ были оказаны шведскому посольству въ Петербургѣ [486]).

Въ званіи финляндскаго генералъ-губернатора Армфельтъ проявилъ свою обычную дѣятельность, стараясь охватить всѣ отрасли правленія: онъ останавливался на экономическихъ вопросахъ, желалъ разбудить экономическое общество въ Або, «не употребляя палицы Геркулеса»; онъ думалъ о Сайменскомъ каналѣ, съ цѣлью поднять благосостояніе Выборгской губерніи, которая прежде была первой, самой промышленной во всей Финляндіи, но за сто лѣтъ «варварства» сдѣлалась худшею, послѣднею. Пріостановлены были реформы только въ виду отсутствія Государя. Въ скоромъ будущемъ Армфельтъ возлагалъ большія надежды на новый сеймъ. Его мечтой было «привести Финляндію въ такое состояніе, чтобы она нуждалась только въ хорошемъ часовомъ мастерѣ, который изрѣдка заводилъ бы механизмъ и присматривалъ за нимъ. Съ помощью же ландтага и стремленій нашего добраго и прекраснаго монарха, можно надѣяться, что мечты мои осуществятся—даже черезъ нѣсколько лѣтъ». Будучи генералъ-губернаторомъ, или,—какъ его назвалъ одинъ изъ біографовъ,—«субъправителемъ Александра I по Финляндіи», Армфельтъ имѣлъ еще одну особую заботу, причинившую ему нѣкоторое безпокойство. Онъ узналъ, что русскіе, опасаясь захвата Петербурга войсками Наполеона, собирались массами выселиться въ Финляндію. «Какъ ихъ размѣстить,—думалъ Армфельтъ,—дабы не обременить финляндцевъ; еслибы не это неудобство, «много бы денегъ прибыло въ Финляндію». Сдавъ обязанности генералъ-губернатора, Армфельтъ сталъ опекать начальника края Штейнгеля.

Недоразумѣнія, продолжавшіяся между Штейнгелемъ и Армфельтомъ около полугода, были устранены при ихъ встрѣчѣ, но

возвращеніи перваго съ похода. Изъ письма Армфельта къ Эренстрему отъ 11 окт. 1813 г. мы узнаемъ, что Армфельтъ провелъ четыре дня въ Або, слѣдя за выздоровленіемъ генералъ-губернатора, о которомъ онъ былъ того мнѣнія, что онъ любитъ Финляндію болѣе, чѣмъ $^3/_4$ ея жителей. «Его путешествіе открыло ему глаза на настоящее положеніе и дало ему возможность развить съ большею увѣренностью тѣ разумные планы, которые онъ составляетъ для нашего счастья. Пока я нахожусь при дѣлахъ, я не перестану содѣйствовать ему во всемъ, и надѣюсь когда-нибудь сказать Императору, что Финляндія никогда не имѣла и не будетъ имѣть генералъ-губернатора, который лучше бы исполнялъ свое назначеніе,—т. е. соединялъ и согласовалъ интересы монарха съ интересами народа».

Годъ спустя, Армфельтъ, узнавъ, что Штейнгель ему завидуетъ, притворно писалъ Эренстрему: «Боже мой, если бы удалось убѣдить Штейнгеля въ моемъ отвращеніи къ честолюбію и въ моемъ нежеланіи стать болѣе на виду, чѣмъ теперь. Я хочу работать для счастья моей родины, но не въ роли перваго актера. Въ случаѣ надобности, готовъ сыграть роль лакея, лишь бы только честнымъ образомъ достигнуть цѣли».

Съ Армфельтомъ отношенія улучшились, но недоразумѣнія вообще продолжались, возникая чуть ли не ежегодно. Въ 1817 г. Штейнгель просилъ объ увольненіи отъ своихъ должностей, и Ребиндеръ письмомъ отъ 22 декабря уговаривалъ его, какъ «вполнѣ соотвѣтствовавшаго ожиданіямъ Государя и пріобрѣвшаго привязанность народа», остаться и «объясниться откровенно, если уже нѣтъ никакихъ средствъ удержать его на службѣ отечеству». Штейнгель уступилъ. «Жертва, приносимая вами, пріобрѣтаетъ вамъ новыя права на его Монаршее благоволеніе». 1819 годъ также не обошелся безъ обстоятельствъ, «встревожившихъ Штейнгеля». Доводами о непреложности Высочайшаго къ нему довѣрія его успокоили и «сохранили для пользы службы».

Ребиндеръ находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ доброжелательному и честному Фабіану Штейнгелю. Письма Штейнгеля полны трогательной заботы о томъ, чтобы не возникли какія либо недоразумѣнія между ними [487]). И какъ было Армфельту и Ребиндеру не содѣйствовать Штейнгелю! Дѣйствительно трудно было обрѣсти второго такого начальника. Слѣдующее сообщеніе Шернваля (въ письмѣ безъ числа) поясняетъ дѣло.

«Его превосходительство Армфельтъ такъ хорошо нашколилъ старика (гр. Штейнгеля), что я услышалъ до единаго слова,

все то, что было сказано Армфельтомъ наканунѣ вечеромъ, на совѣщаніи. Я удивляюсь на старика, какъ онъ можетъ такъ скоро переходить отъ своего мнѣнія къ мнѣнію другого, даже въ политикѣ, и я опасаюсь, не имѣетъ ли онъ на то свои соображенія— и потому дѣйствуетъ иначе, чѣмъ необходимо. Онъ молилъ, чтобъ Богъ избавилъ насъ имѣть дѣло съ русскимъ кригсъ-коммисаріатомъ, министрами и коллегіями; что намъ слѣдовало стать промежуточной властью и какъ оплотъ для Россіи;—чтобы такъ быстро схватывать и одобрять такія великія идеи—мнѣ кажется подозрительнымъ» [488]).

Раза два-три Штейнгель проявилъ нѣкоторые признаки самостоятельности, это было тогда, когда онъ высказалъ свое мнѣніе о кучкѣ финляндцевъ, лелѣявшихъ надежды на возвращеніе подъ шведское владычество, и заявилъ протестъ по поводу назначенія Гартмана сенаторомъ. Этими примѣрами, едва-ли не исчерпываются тѣ случаи, когда Штейнгель временно освобождался отъ вліянія окружающихъ. При всѣхъ же другихъ обстоятельствахъ онъ или «покровительствовался» Армфельтомъ или руководился сенаторами, или, наконецъ, подпадалъ подъ вліяніе своей жены.

О вліяніи на графа Штейнгейля его жены разсказывается въ запискахъ К. Жерве. Супруга Ѳ. Ѳ. Штейнгеля — Наталья Николаевна—бойкая и энергичная женщина, имѣвшая своихъ постоянныхъ фаворитовъ. Жерве передаетъ случай объ одномъ выборгскомъ почтальонѣ, Павлѣ Петровичѣ Эттерѣ, который, благодаря своей красивой наружности, понравился баронессѣ и по ея протекціи былъ произведенъ сперва въ чиновники, а затѣмъ переведенъ на военную службу, опредѣленъ адъютантомъ къ ея мужу, изучилъ подъ ея руководствомъ французскій языкъ и впослѣдствіи сдѣлался начальникомъ дивизіи [489]).

Армфельтъ былъ почтенъ рѣдкимъ довѣріемъ и расположеніемъ Русскаго Монарха. Армфельтъ, повторяемъ, былъ облагодѣтельствованъ въ Россіи. Въ виду значительной роли, которую игралъ въ русской администраціи Армфельтъ, его отношенія къ Россіи и русскимъ заслуживаютъ быть отмѣченными. Тотчасъ по заключеніи Фридрихсгамскаго мира, онъ пишетъ къ своему старому другу Аминову, оставшемуся въ Финляндіи и занявшему тамъ видное мѣсто среди финскихъ патріотовъ: «Русскіе терпятъ только русскихъ. Они считаютъ себя нашими господами, хотя и знаютъ, что финляндецъ не можетъ быть рабомъ. Обходиться съ нимъ человѣколюбиво, привлечь его любовью не въ ихъ обычаяхъ».

Онъ высказываетъ далѣе опасенія, чтобы русскіе не обратили Финляндію въ пустыню, гдѣ нѣсколько рабовъ, широко раскинувшись, склоняли бы выю передъ варваромъ, не будучи въ состояніи усвоить ихъ правъ.

Армфельтъ многократно убѣждался, что по отношенію къ Финляндіи поведеніе Россіи безупречно, и тѣмъ не менѣе онъ не могъ оставить своей дурной привычки безпричинно осуждать ее. «Въ Финляндіи еще не знаютъ, что будетъ: безконечно много обѣщано, но до сего дня ничего не исполнено». «Теперешнее поведеніе русскихъ относительно финскихъ офицеровъ и Финляндіи вообще весьма политично, но гдѣ будущая безопасность съ варварами и деспотами?» Русское подданство принято было Армфельтомъ подъ давленіемъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. На выдающееся положеніе въ Имперіи онъ не разсчитывалъ и въ началѣ 1811 г. писалъ: «Въ Россіи я не имѣю никакого значенія и никакихъ притязаній играть роль; кромѣ того я знаю, какъ здѣсь смотрятъ на иностранцевъ, а теперь также и на финновъ, которые попали въ одну категорію съ поляками, лифляндцами и др., потому мой единственный выходъ снискать себѣ пропитаніе, т. е. имѣть возможность насладиться тѣмъ, что имѣю». Но счастье широко улыбнулось Армфельту.

Водворившись въ Петербургѣ, онъ сталъ засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, принимать участіе въ русскихъ дѣлахъ, въ русскихъ финансахъ, полиціи, военномъ управленіи. Всѣ дѣла Имперіи «скопились надъ его головой». Съ русскими министрами онъ находился «въ открытой войнѣ»; русскій штабъ и русскіе солдаты, по его словамъ, «зачумляли» Финляндію. «Въ Россіи нѣтъ никакихъ законовъ, которыми руководились бы,—говорилъ онъ,—и пока ея жители или чиновники не окажутся подчиненными законному порядку, они будутъ нестерпимы во всѣхъ странахъ». Не зная Россіи онъ самоувѣренно предлагаетъ проектъ поземельныхъ облигацій. Гр. Н. Мордвиновъ раскритиковалъ этотъ «злосчастный» проектъ и Государственный Совѣтъ отвергъ его, какъ вредный для Россіи [490]).

Какъ примѣръ особой близости Г. Армфельта къ Государю, сенаторъ К. И. Фишеръ указываетъ на такую корреспонденцію между ними: Государь посылаетъ Армфельту какой то проектъ по имперіи и пишетъ: «Lisez le mémoire ci-joint, cher comte, et dites votre opinion». Ниже приписано рукою Армфельта: «Je restitue le mémoire, Sire, sans le lire jusqu'au bout; il et assez ennuyeux». Ниже новая приписка Государя: «N'importe, lisez toujours!» [491]).

Въ разныхъ официальныхъ запискахъ—«Reflexions», «Très humble aperçu» и т. п.—Г. М. Армфельтъ почтительнѣйше выпрашивалъ своимъ соотечественникамъ разныя милости у Монарха, прибѣгая къ лести и игрѣ на струнахъ гумманизма и либерализма. «Для полнаго счастья финнамъ желательно заключить въ свои братскія объятья народъ, живущій по другую сторону рѣки Кюмени; они хотятъ, чтобы и тѣ насладились плодами конституціи и справедливости...» взывалъ Армфельтъ. Но какъ только просьба бывала уважена, Армфельтъ выпрямлялся во весь ростъ и развертывалъ истинныя свои воззрѣнія въ частныхъ письмахъ къ друзьямъ. Такъ было, напримѣръ, при перенесеніи таможенной границы за предѣлы Выборгской губерніи. Послѣ Высочайшаго приказа, онъ сейчасъ-же озаботился о безжалостномъ изгнаніи русскихъ чиновниковъ таможеннаго вѣдомства. «Нужно, чтобы вся эта «сволочь» прекратила въ Выборгѣ свою дѣятельность. Если нельзя покончить съ этими разбойниками (т. е. русскими), Финляндія никогда, при всемъ добромъ желаніи, не достигнетъ какого нибудь политическаго существованія. Необходимо всю ядовитую негодную траву (т. е. все русское) вырвать съ корнемъ» [492]). «Должно стараться,—писалъ Армфельтъ Аминову,—отдѣлаться отъ этихъ варваровъ».

Говоря объ Армфельтѣ, передъ нами возникаетъ образъ другого патріота, еще болѣе близкаго къ Государю и еще болѣе вредившаго Россіи—это кн. Адамъ Чарторыйскій. Параллель между ними поражаетъ сходными чертами. Одни и тѣ же чувства, мысли, пріемы и стремленія руководятъ обоими. Чарторыйскій излилъ ихъ въ своемъ дневникѣ [493]), а Армфельтъ—въ безчисленныхъ письмахъ къ женѣ и къ друзьямъ. Тождество въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ простирается такъ далеко, что многія мѣста «дневника» Чарторыйскаго и «писемъ» Армфельта совершенно совпадаютъ, хотя первый ведетъ рѣчь о Польшѣ, осуществляя, такъ называемую Ягеллоновскую идею, а второй—о Финляндіи, являясь какъ бы послѣдователемъ плановъ аньяльцевъ.

Оба они, Чарторыйскій и Армфельтъ, овладѣли впечатлительной и увлекающеюся душою Императора Александра I и сдѣлались близкими его совѣтниками. Чарторыйскій былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа; Армфельтъ получилъ должность докладчика финляндскихъ дѣлъ, канцлера Абоскаго университета и временно состоялъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Чрезвычайное довѣ-

ріе Государя къ обоимъ открыло широкій просторъ для осуществленія ихъ польскихъ и финляндскихъ мечтаній.

«Я не могъ равнодушно видѣть русскихъ,—признается Чарторыйскій,—безъ того, чтобы кровь не бросилась въ голову и чтобы я не блѣднѣлъ или не краснѣлъ, такъ какъ каждый русскій казался мнѣ виновникомъ бѣдствій моей родины». Однако онъ принялъ отъ Александра въ собственность имѣніе съ 42.000 русскихъ крестьянъ. Армфельтъ чувствовалъ «къ Россіи и ея образу правленія непреобо213римое отвращеніе», видѣлъ въ русскомъ народѣ какихъ то оскотинѣвшихся существъ, а въ русскихъ чиновникахъ — «прилизанныхъ медвѣдей и налакированныхъ варваровъ». Но тѣмъ не менѣе оба рыцаря со спокойной совѣстью оставались на русской службѣ. «Что касается меня,—говоритъ Чарторыйскій,—то я не имѣлъ никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ... Только привязанность къ Императору и надежда принести пользу Польшѣ удерживали меня на русской службѣ... Принявъ должность министра, я твердо рѣшился не предпринимать ничего, что могло бы вредить моему отечеству... Невозможно, пишетъ онъ, чтобы я не желалъ возстановленія польской націи. Я былъ бы презрѣннымъ существомъ, если бы чувствовалъ иначе...» [494]). Если Армфельтъ носилъ русскій генеральскій мундиръ, то преимущественно съ цѣлью извлечь всѣ выгоды для своей родины. Бывшій шведскій «maître de plaisirs», состоя уже русскимъ подданнымъ, не стѣсняясь заявлялъ, что у него «съ Россіей нѣтъ никакихъ связей, но таковыя у него есть съ Императоромъ Александромъ»; украшенный андреевской лентой и почтенный всякими отличіями, онъ продолжалъ напоминать, что онъ шведъ и остается таковымъ. Оба русскихъ сановника сходились во взглядѣ, что Россію надо дѣлить, что она для другихъ, а не для русскихъ.

Армфельтъ говорилъ, что либеральныя начала, коими увлекался молодой Государь въ первые годы своего царствованія, являлись «гибелью колосса», и тѣмъ не менѣе всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами поддерживалъ ихъ въ Монархѣ, выпрашивая у него конституціи и для Польши, и для Финляндіи, работая раньше въ Швеціи за единодержавіе короля. Чарторыйскій высказывалъ сожалѣніе о томъ, что сіяніе, въ которомъ явились въ началѣ царствованія либеральныя идеи, поблекло, а попытки приложенія ихъ къ дѣлу повели къ разочарованіямъ... Было время, когда Армфельтъ, узнавъ о планахъ Спренгтпортена, называлъ «безуміемъ проектъ сдѣлать Финляндію самостоятель-

ной» [495]), но, похозяйничавъ въ Петербургѣ и видя, что въ Россіи иностранцы не подвергнуты даже государственному контролю, онъ сталъ работать надъ самостоятельностью и Финляндіи, и Польши. «Въ Петербургѣ я былъ перелетной птицей... чуждымъ растеніемъ безъ корней...» признавался польскій магнатъ. То же самое могъ сказать о себѣ Армфельтъ, и не смотря на то, эти «перелетныя птицы» и «чуждыя растенія» направляли государственныя русскія дѣла первостепенной важности.

Въ концѣ 1812 г. баронъ Армфельтъ былъ пожалованъ званіемъ графа.

Въ ряду заботъ, занимавшихъ Армфельта въ послѣднее время, имѣется одна довольно своеобразная: Армфельтъ давно уже думалъ о томъ, какъ бы устроить вполнѣ достойную встрѣчу Императору и наилучшимъ образомъ выразить ему признательность Финляндіи. Указомъ Александра I встрѣча была отклонена: «За счастливый исходъ борьбы (съ Наполеономъ) слѣдовало благодарить лишь одного Бога и Его всемогущество». Въ это же время, когда рѣчь шла объ особой финляндской депутаціи, распространился слухъ о томъ, что генералъ-губернаторъ Штейнгель намѣревался поставить во главѣ ея Спренгтпортена. Это возмутило Армфельта. Въ планѣ Штейнгеля онъ усмотрѣлъ безтактность и оскорбленіе націи. Обнаружилось также, что депутаціей желали воспользоваться (напр., епископъ Тенгстремъ), между прочимъ, и для того, чтобы противодѣйствовать проекту перенесенія главнаго города изъ Або въ Гельсингфорсъ. Всѣ эти планы и предположенія, сильно раздражавшіе Армфельта, распались сами собой, вслѣдствіе указа Императора. Зная, что медали, памятники и празднества не нравились Александру I, также принявъ во вниманіе тогдашнее религіозное настроеніе Императора, Армфельтъ, взамѣнъ указанныхъ проектовъ, предложилъ открыть подписку на сооруженіе православнаго храма въ Або и тѣмъ выразить примирительное и признательное настроеніе страны къ новому ея повелителю. Одно время Армфельтъ горячо относился къ этой мысли и даже успѣлъ подѣлиться ею съ Императрицей. Предполагалось освободить крестьянъ отъ взносовъ въ пользу чуждой имъ религіи. Однако, вскорѣ планъ этотъ былъ оставленъ. Императоръ вернулся въ Петербургъ.

По своемъ пріѣздѣ Императоръ сейчасъ же пожелалъ узнать о состояніи здоровья Армфельта и сказать женѣ его, что вскорѣ посѣтитъ его. Императоръ исполнилъ свое обѣщаніе и не разъ бывалъ у него. Затѣмъ онъ назначилъ дни докладовъ, рѣшивъ

при этомъ, что финляндскими дѣлами будетъ заниматься въ домѣ Армфельта. Въ этихъ занятіяхъ на дому у Армфельта, кромѣ пріѣзжавшаго Императора и больного хозяина дома, принималъ участіе еще Ребиндеръ. Работы начались рѣшеніями уголовныхъ дѣлъ. Во время посѣщеній Императора, Армфельтъ озаботился закрѣпить положеніе опекаемаго имъ Штейнгеля. Армфельтъ, первый изъ высокопоставленныхъ лицъ, имѣлъ счастіе докладывать Императору дѣла по его возвращеніи съ войны. Другимъ министрамъ этой милости не было оказано. По словамъ Армфельта, сдѣланное ему и Финляндіи предпочтеніе «произвело шумъ»...

Въ теченіи 1813 года, Армфельтъ оставался въ Петербургѣ, а лѣтомъ жилъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ умеръ отъ водянки 19 августа 1814 г., проживъ 57 лѣтъ. На пышныхъ его похоронахъ присутствовали: Императоръ, высшіе государственные сановники и представители иностранныхъ державъ [496]).

По поводу смерти Г. М. Армфельта Эренстремъ писалъ Ребиндеру: «потеря для меня велика, но потеря для нашего отечества болѣе значительна. Мы потеряли единственнаго изъ нашихъ соотечественниковъ, который по своему чину, своему генію и своимъ талантамъ, и особенно благодаря оказанной ему царской милости, дѣятельно могъ защищать насъ передъ Монархомъ, оберегать наши интересы, противодѣйствовать зависти, которую къ намъ питаютъ, защищать наше дѣло и поддерживать ласковое и благосклонное настроеніе царя относительно Финляндіи».

Ребиндеръ въ свою очередь призналъ смерть незамѣнимой потерей для финляндцевъ: «это я говорю откровенно, безъ малѣйшаго желанія умалить значеніе того или тѣхъ, которые замѣнятъ его. Стоя близко къ нему, я, быть можетъ, болѣе другихъ имѣлъ случай замѣчать его недостатки и заслуги, а также болѣе или менѣе слѣдить за его человѣческой природой. Его ужъ нѣтъ, но его заслуги, какъ и многихъ другихъ, не оцѣниваются, пока не придется сожалѣть о нихъ» [497]).

Замѣстителемъ Г. М. Армфельта въ должности предсѣдателя комиссіи избранъ былъ Тропль, при Высочайшемъ рескриптѣ, который начинался словами: «Желая ознаменовать финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ новымъ опытомъ непремѣнное къ нимъ благоволеніе Наше, предположили Мы Себѣ избрать одного изъ единоземцевъ ихъ, на мѣсто покойнаго гр. Армфельта» [498]).

Когда должность генералъ-губернатора была оставлена тишайшимъ Ѳ. Штейнгелемъ, то сейчасъ же почувствовались измѣненія

въ отношеніяхъ къ финляндскому докладчику. Въ первомъ-же письмѣ отъ 15 мая 1824 г. Закревскій сообщилъ Ребиндеру: «Согласно настоящему порядку, всѣ дѣла, касающіяся управленія Финляндіи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя непосредственно относятся до университета въ Або, должны производиться при участіи генералъ-губернатора, я увѣряю васъ, если вы послѣдуете по этому пути, то вы будете получать объясненія, необходимыя для васъ, болѣе точныя, чѣмъ когда-либо, потому что, когда я нахожусь на мѣстѣ, то я не замедлю привести въ исполненіе то, что я предложилъ и приказалъ» [499].

[illegible]оганъ Фредрикъ А[illegible] [illegible]оганъ Аль[illegible]ертъ [illegible] [illegible]уставъ Маурицъ Ар[illegible]

XIII. Конституція 1819 г.—Польша.—Оппозиція.

Г. М. Армфельтъ сошелъ со сцены. Главными финляндскими дѣятелями остались Ребиндеръ, Аминовъ, К. Маннергеймъ и Эренстремъ. Они руководились одними и тѣми-же идеями. Между ними существовали почти дружескія отношенія, почему работа спорилась.

Робертъ Генрихъ Ребиндеръ родился 15 іюля 1777 г. Благодаря содѣйствію своихъ вліятельныхъ шведскихъ покровителей, молодому Ребиндеру открылся доступъ въ такія сферы, въ которыя не каждый могъ попасть. Такъ, въ 1802 году онъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ и сталъ бывать при стокгольмскомъ дворѣ, что содѣйствовало развитію у него свѣтскихъ манеръ, оказавшихъ впослѣдствіи ему большую услугу. Но и помимо сего, онъ посѣщалъ образованнѣйшіе круги шведской столицы [500]). Во время пребыванія въ Швеціи, Ребиндеръ въ 1800 г. принималъ участіе въ риксдагѣ, происходившемъ тогда въ г. Норрчепингѣ. Надо полагать, что и это знакомство съ практикой парламентской жизни не осталось безъ вліянія на эго политическое міровоззрѣніе. Послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ Швеціи, Ребиндеръ вернулся въ Финляндію. Во время войны за обладаніе Финляндіей, ему пришлось, въ качествѣ депутата отъ Або, пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ и остался вплоть до своей кончины. Когда идея Сперанскаго объ учрежденіи комиссіи по финляндскимъ дѣламъ осуществилась, Ребиндеръ, за отказомъ Маннергейма, сдѣлался его помощникомъ, а затѣмъ докладчикомъ финляндскихъ дѣлъ по комиссіи, въ которой мѣсто предсѣдателя занялъ Г. М. Армфельтъ. Тридцать лѣтъ кряду Ребиндеръ занималъ мѣсто финляндскаго статсъ-секретаря.

Медленно, но безостановочно развивалась кровавая драма войны. Несмотря на отдѣльныя пораженія, русскіе сдѣлались хозяевами края, «къ счастью для насъ», прибавляетъ финляндецъ Ребиндеръ.

Ребиндеръ составилъ очень интересныя записки «Souvenirs de ma vie», изъ которыхъ извлечемъ два эпизода въ его изложеніи. «Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Н. П. Румянцевъ, въ 1808 году ревностно совѣтовалъ Александру начать войну со Швеціей, и когда присоединеніе Финляндіи сдѣлалось результатомъ ея, этотъ господинъ сталъ смотрѣть на новую провинцію, какъ на свое дѣтище, и желалъ осчастливить ее своимъ покровительствомъ, чѣмъ мы, признаться, были болѣе польщены, чѣмъ довольны, въ виду того, что отъ него исходили въ началѣ войны большая часть предписаній по завѣдыванію и управленію краемъ, мы сразу увидѣли, что они обличали полное незнакомство съ положеніемъ дѣлъ, полное отсутствіе системы и принциповъ. Вынужденный сопровождать Государя въ Эрфуртъ, а затѣмъ исполняя особое порученіе въ Парижѣ, графъ Румянцевъ потерялъ нить финляндскихъ дѣлъ. Когда онъ вернулся въ Петербургъ, уже окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о созывѣ сейма въ Борго и сохраненіи конституціи Великаго Княжества. Эти мѣропріятія не были одобрены нашимъ дорогимъ отцомъ и покровителемъ, который и не скрывалъ своего неудовольствія по ихъ поводу. При нашей первой встрѣчѣ, онъ прибѣгъ къ своей пріятной манерѣ вести разговоръ,—манерѣ, который обладалъ въ совершенствѣ,— желая убѣдить меня, что величайшее наше счастье, какъ онъ выразился, было-бы «совершенно обрусѣть и отказаться отъ нашихъ такъ называемыхъ конституціонныхъ правъ». Если, — замѣчаетъ авторъ мемуаровъ,—такой просвѣщенный человѣкъ, какъ графъ Румянцевъ, филантропъ, покровитель науки и искусства, и въ то-же время поклонникъ философовъ XVIII столѣтія — если, говорю я, такой совершенный царедворецъ, какъ этотъ дипломатъ, высказывалъ такія воззрѣнія, совершенно противоположныя воззрѣніямъ Государя — его хозяина, то что могли мы ожидать отъ другихъ министровъ, безъ сомнѣнія людей почтенныхъ, но, конечно, болѣе православныхъ и менѣе сговорчивыхъ, чѣмъ онъ».

По странному стеченію обстоятельствъ, Ребиндеру, нѣсколько лѣтъ спустя, у того-же графа Румянцева пришлось выдержать другую аттаку, сходную съ приведенной, отъ иностраннаго государственнаго человѣка. Объ этомъ авторъ мемуаровъ «Souvenirs de ma vie» разсказываетъ такъ: «Дѣло было въ 1812 году, передъ самымъ началомъ войны съ Франціей. Въ это время у Румянцева,—тогда государственнаго канцлера,—по воскресеньямъ устраивались пріемы. Я отправился на одинъ изъ подобныхъ пріемовъ, и, найдя всѣ гостиныя наполненными гостями, спрятался въ нишѣ

окна около одного маленькаго, коренастаго человѣка, украшеннаго прусскимъ орденомъ. Онъ, казалось, былъ предметомъ общаго любопытства и вниманія. Скоро я узналъ, что это былъ баронъ фонъ-Штейнъ, бывшій прусскій министръ, который, преслѣдуемый Наполеономъ, нашелъ убѣжище въ Россіи. Когда канцлеръ, обходя гостиную, проходилъ мимо насъ, то довольно долго пробесѣдовалъ съ барономъ, а затѣмъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами о Финляндіи, что дало поводъ нашему знакомому начать разговоръ со мной. Онъ разспрашивалъ меня болѣе инквизиторски, чѣмъ любезно, относительно положенія нашего края, и когда узналъ, что намъ сохранена наша конституція, наши законы и привилегіи, и что у насъ есть правительство и учрежденія, отдѣльныя отъ Россіи, имъ овладѣло какое-то необычайное удивленіе, которое я не могъ понять. Онъ поспѣшилъ объясниться и тяжеловѣсными доказательствами нѣмецкаго профессора старался показать, что Императоръ былъ неправъ, не разорвавъ въ клочки всѣ наши старыя бумаги и не обративъ Финляндію просто-напросто въ русскую провинцію. — Я, по возможности, отстаивалъ наше дѣло, но когда замѣтилъ, что ученый баронъ въ своихъ возраженіяхъ принялъ властный и министерскій тонъ и что онъ больше желалъ импонировать, чѣмъ убѣдить меня, я поклонился и ушелъ» [501]).

Финляндскіе писатели, восхваляя Р. Ребиндера за рѣдкую политическую проницательность, мужество и любовь къ родинѣ, дѣлаютъ ему, однако, упрекъ въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не избѣжалъ вліянія реакціи. Особенно это сказалось на его докладахъ по университетскимъ дѣламъ. Если онъ стремился задушить въ сферѣ университета свободу слова, то оправданіе ему находятъ, впрочемъ, въ томъ, что имъ руководило желаніе подобной жертвой спасти страну, которая не должна была давать повода къ неудовольствію Государя. Полагали, что удаленіе Арвидсона изъ университета въ 1822 г., безъ права возвратиться въ него, было дѣломъ тогдашняго вице-канцлера Аминова, но теперь выяснено, что Ребиндеръ сочувствовалъ этому, а Аминовъ слѣдовалъ его указаніямъ [502]). По мнѣнію Ребиндера слѣдовало молчать, дабы не вредить странѣ; этимъ онъ надѣялся предупредить вліяніе реакціоннаго движенія на политическія дѣла края.

Для болѣе полной характеристики Ребиндера напомнимъ еще слова Ф. Ф. Вигеля, который писалъ: «Лѣтъ черезъ двадцать послѣ соединенія двухъ Финляндій, былъ я очень коротко знакомъ

съ министромъ-статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, графомъ Ребиндеромъ, и могу сказать что пользовался пріязнью этого почтеннаго человѣка, искренно, но тайно любящаго Россію, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Нерѣдко посѣщалъ онъ меня, я его тоже, но всегда принятъ былъ у него только въ кабинетѣ. Разъ пришло мнѣ въ голову спросить его: зачѣмъ не представляетъ онъ меня своей графинѣ и почему считаетъ недостойнымъ быть въ его гостиной? Онъ вздохнулъ и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ что онъ почелъ-бы себя счастливымъ, если-бы могъ онъ сіе сдѣлать, но что знакомство наше принужденъ выдавать онъ за офиціальное: ибо, по извѣстному моему патріотизму, всякая связь между нами могла-бы навлечь на него подозрѣніе въ любви къ русскимъ, сдѣлать его ненавистнымъ для финляндцевъ, возбудить ихъ интриги противъ него и нанести ему великій вредъ. Все это просилъ онъ меня сохранить въ тайнѣ, и его смерть дала мнѣ право нарушить мой обѣтъ» [503]).

Когда Армфельтъ выступилъ въ роли администратора по финляндскимъ дѣламъ, онъ пожелалъ привлечь изъ Швеціи нѣкоторыхъ остававшихся тамъ финляндцевъ, на которыхъ онъ возлагалъ особыя надежды. Объ этомъ была подана особая записка Императору, въ которой названы были: генералъ Сандельсъ (родившійся въ Швеціи, но прослужившій 20 лѣтъ въ Финляндіи), братья Вирсéнъ, лансгевдингъ Вибеліусъ, Шультенъ; но особенно Армфельтъ хлопоталъ за своего друга Эренстрема. Въ спискѣ желавшихъ поселиться въ Финляндіи, доставленномъ русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, Сухтеленомъ, названы были еще Отто Мункъ и извѣстный генералъ Дебельнъ. Раньше-же другихъ въ Финляндію переѣхалъ генералъ Аминовъ, давнишній пріятель Армфельта [504]).

Аминовъ и Эренстремъ—вотъ два имени, неразрывно связанныя съ именемъ Армфельта, какъ въ исторіи Швеціи, такъ и въ исторіи Финляндіи, по ея присоединеніи къ Россіи. Послѣ преслѣдованія, которымъ они подверглись въ Стокгольмѣ, весь названный тріумвиратъ «густавіановъ» перешелъ въ русское подданство. Съ Аминовымъ и Эренстремомъ Армфельтъ велъ частую задушевную переписку, съ ними онъ совѣтовался и ихъ наиболѣе выдвигалъ предъ Государемъ. И Аминовъ, и Эренстремъ играли весьма замѣтную роль въ первый періодъ новой финляндской исторіи, начавшейся послѣ 1809 г.

Іоганъ-Фредрикъ Аминовъ родился въ Финляндіи, въ имѣніи Rilax, въ 1756 г. Послѣ непродолжительныхъ занятій науками въ Абоскомъ университетѣ, его зачислили пажемъ къ шведскому двору и затѣмъ онъ быстро прошелъ первые чины военной службы. Среди своихъ соотечественниковъ онъ выдѣлялся рѣдко красивой внѣшностію, свѣтскимъ лоскомъ и умѣніемъ вращаться въ обществѣ. Вскорѣ онъ дѣлается приближеннымъ и большимъ поклонникомъ Густава III, сопровождая его въ поѣздкѣ по Финляндіи (1787 г.). Послѣ смерти своего покровителя и благодѣтеля, Аминовъ, вмѣстѣ съ другими «густавіанами», подвергся преслѣдованію. Его вина заключалась въ томъ, что въ частной перепискѣ съ Армфельтомъ онъ помѣстилъ нѣсколько непочтительныхъ отзывовъ о новомъ правительствѣ. Аминова схватили, бросили въ казематъ и присудили къ смертной казни, которая была замѣнена заключеніемъ въ крѣпости. Четыре года Аминову пришлось провести въ стѣнахъ тюрьмы; послѣ чего ему, въ 1796 г., было возвращено все: и дворянство, и чины, и имѣніе. Во время войны 1808 г. мы находимъ его въ штабѣ главнокомандующаго Клеркера и Клингспора, въ качествѣ совѣтника и помощника. При объявленіи кампаніи, Аминовъ рѣшилъ, что Финляндія будетъ потеряна, а потому въ дѣйствіяхъ его наблюдается значительная вялость.

По окончаніи войны, Аминовъ удалился въ свое имѣніе и оттуда подалъ голосъ въ октябрѣ 1809 г., сообщивъ своему другу (гр. фонъ-Шверинъ), что «ничего не знаетъ о происходящемъ вокругъ него; ходятъ слухи, что миръ заключенъ и Финляндія стала русской провинціей»!!! Въ письмѣ Барклая-де-Толли къ Сперанскому отъ 27 ноября 1809 г., имѣется указаніе на то, что Аминовъ удалился въ деревню и сказался больнымъ, предвидя исходъ войны и «опасаясь послѣдовавшихъ обстоятельствъ» [505]).

Іоганъ-Альбертъ Эренстремъ родился въ Гельсингфорсѣ въ 1762 г. и первыя двадцать лѣтъ провелъ въ Финляндіи незамѣтнымъ кондукторомъ инженернаго вѣдомства. Съ юныхъ лѣтъ Эренстремъ примкнулъ къ либераламъ, восхищавшимися французскими философами, и къ оппозиціи, рѣзко критиковавшей правительство. Душою всѣхъ недовольныхъ въ Финляндіи явился Спренгтпортенъ, который въ то время носился съ планами отторженія Финляндіи отъ Швеціи. Изъ недовольныхъ королемъ, въ 1780 г., образовался орденъ Валгалла, распространявшій въ населеніи анти-мо-

нархическія идеи. Несмотря на то, что Эренстремъ состоялъ на службѣ, онъ такъ увлекся Спренгтпортеномъ, что самовольно уѣхалъ изъ Швеціи въ Петербургъ, гдѣ этотъ авантюристъ поступилъ на русскую службу. Вмѣстѣ со Спренгтпортеномъ, Эренстрему удалось проѣхать по Россіи въ свитѣ Екатерины II, во время ея извѣстнаго путешествія 1787 г. на югъ, поэтому въ дневникѣ Эренстрема встрѣчается не мало указаній на русскихъ дѣятелей славнаго царствованія. Изъ Херсона Эренстремъ неожиданно бѣжалъ, покинувъ своего покровителя. По возвращеніи изъ этого побѣга, «бросающаго двусмысленный свѣтъ на его образъ мыслей», Эренстремъ подалъ въ 1787 г. Густаву III записку, въ которой заявилъ, «что поѣхалъ съ Спренгтпортеномъ исключительно и единственно съ цѣлью раскрыть, для блага короля и государства, средства, которыя Спренгтпортенъ намѣривался употребить для достиженія своего замысла». Въ другой разъ тотъ-же Эренстремъ далъ иное объясненіе своего поступка, указавъ на чарующее обаяніе Спренгтпортена и на то, что во время поѣздки разъяснились непривлекательныя стороны его личности и преступность его замысловъ. Правительство, желая воспользоваться проявленными способностями Эренстрема, начало давать ему особыя командировки развѣдочнаго свойства. Купивъ имѣніе около Стокгольма, Эренстремъ намѣревался уже отдохнуть на свободѣ, послѣ кончины Густава III, но несчастная переписка съ Армфельтомъ повергла его въ бездну золъ и печали. Его предали суду и хотя онъ смѣло и искусно защищался тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ къ отсѣченію головы; его вывели на мѣсто казни, гдѣ помиловали, заключивъ въ тюрьму, вмѣстѣ съ Аминовымъ.

Когда Армфельтъ задумалъ переселиться въ Россію, то, цѣня умъ и дѣятельность Эренстрема, сталъ уговаривать его послѣдовать своему примѣру. Очевидно, что Армфельту желательно было пользоваться его совѣтами и перомъ, какъ въ свое время Спренгтпортенъ хотѣлъ эксплоатировать его рвеніе и знанія. Эренстремъ колебался. Онъ жилъ надеждой, что выборъ на престолъ Бернадота вновь въ состояніи будетъ возвысить Швецію и исправить ошибки правленія Карла XII, Густава IV Адольфа и борьбы партіи 1740 г. Онъ надѣялся, что создастся возможность возвращенія Финляндіи «при слѣдующей размолвкѣ Франціи съ Россіей». Въ то же время Эренстремъ сознавалъ, что въ Швеціи онъ вновь можетъ подвергнуться преслѣдованію за свой образъ мыслей; съ другой стороны, ему нежелательно было входить въ сношеніе съ тѣми, которые во время послѣдней войны, перейдя на службу

Россіи, заслужили презрѣніе согражданъ; наконецъ, ему въ извѣстной мѣрѣ претило сдѣлаться русскимъ подданнымъ. Принималъ онъ въ соображеніе еще и зависть финляндцевъ и ихъ личное нерасположеніе къ себѣ, а также злобу бывшихъ аньяльцевъ. Чтобы изслѣдовать условія предполагаемой жизни въ Финляндіи, Эренстремъ прибылъ на родину, представился Штейнгелю и повидался, между прочимъ, съ Кронстедтомъ. Въ ноябрѣ 1811 г. курьеръ изъ Петербурга, совершенно неожиданно для Эренстрема, доставилъ ему письмо Сперанскаго, увѣдомлявшаго, что Государь выразилъ свое согласіе на водвореніе его, Эренстрема, вновь на родинѣ и опредѣлилъ ему пенсію въ 1.000 руб. Во всемъ этомъ Эренстремъ узналъ, конечно, руку своего друга Армфельта, выхлопотавшаго, безъ его согласія, и пенсію, и разрѣшеніе. Шведское правительство съ своей стороны не препятствовало Эренстрему переселиться въ Финляндію, и въ февралѣ 1812 г. онъ присягнулъ Императору Александру I.

Замѣчательно, что Эренстремъ, подобно Армфельту и Аминову, будучи легитимистомъ при Густавѣ III, сдѣлался въ Финляндіи либераломъ. Эренстремъ, не занимая никакого офиціальнаго положенія, кромѣ должности предсѣдателя строительной комиссіи въ Гельсингфорсѣ, являлся, однако, часто совѣтникомъ главныхъ финляндскихъ дѣятелей края, которые прибѣгали къ помощи его ума и пера. Только въ 1820 году Эренстрема назначили членомъ хозяйственнаго департамента сената [506]).

Главной работой, объединившей Ребиндера, Аминова и Эренстрема, явилось созданіе проекта надлежащей конституціи для края. Всѣ они знали и видѣли, что въ этой области оставался огромный незаполненный пробѣлъ. Ихъ надежды окрылила Польша, которой занялся вскорѣ Императоръ, готовясь къ открытію сейма въ Варшавѣ. Чтобы приблизиться къ финляндской конституціи, друзьямъ пришлось пройти длинный путь предварительныхъ мѣропріятій. Они выработали проектъ конституціи въ Петербургѣ и внушили Императору мысль о необходимости поѣздки въ Финляндію, съ цѣлью опредѣлить настроеніе въ краѣ и подготовить общественное мнѣніе къ предстоящему сейму.

Всѣ дѣятели сейма въ Борго понимали и чувствовали, что «риксдага» Финляндія не получила, надлежащей государственной конституціи она не имѣла. На сеймѣ въ Борго,—писалъ А. I. Ар-

видсонъ,—сословіямъ не предоставлено было права возбуждать какіе либо законодательные вопросы. Рѣчь Императора была словомъ, обращеннымъ къ своимъ подданнымъ, а не условіемъ договаривающаго контрагента. Онъ хотѣлъ узнать только мнѣніе народа. Рѣшалъ же онъ одинъ. Въ Борго «сильный» созвалъ и «приказывалъ», а новые подданные «явились» и «всеподданнѣйше докладывали».

Это обстоятельство побудило финляндцевъ хлопотать о настоящемъ сеймѣ и настоящей конституціи.

Въ іюлѣ 1811 г. Армфельтъ писалъ изъ Петербурга: «быть можетъ у насъ будетъ сеймъ въ августѣ или сентябрѣ,—entre nous soit dit». Надежда Армфельта не исполнилась, но мысль о сеймѣ продолжала жить въ немъ и другихъ финскихъ патріотахъ; онъ считалъ вопросъ только отложеннымъ и часто возвращался къ этому предмету своихъ желаній.

Первый разъ послѣ съѣзда земскихъ чиновъ въ Борго, о сеймѣ вновь заговорили въ связи съ проектомъ объ организаціи финскихъ войскъ. Ландсгевдингъ Нюландской губерніи, Фредрикъ Шернваль, излагая свои мысли о необходимости для Финляндіи собственной военной силы, говорилъ: «Все это должно обратить на себя вниманіе просвѣщенной части націи и ея представителей, въ случаѣ бы другія дѣла вызвали ихъ созывъ, безъ счастливой случайности котораго нельзя ожидать какого либо развитія общаго голоса націи, и еще менѣе какихъ либо мѣръ со стороны правительства, особенно когда извѣстная деликатность и милость Его Величества не допускаетъ малѣйшимъ образомъ тревожить націю, а тѣмъ болѣе навязывать ей то, что, быть можетъ, кажется Монарху противорѣчащимъ ея предубѣжденіямъ и желаніямъ» [507]). Г. М. Армфельтъ, который горячо сочувствовалъ проекту Шернваля объ организаціи войска, также ставилъ этотъ проектъ въ зависимость отъ созыва сейма. Въ письмѣ къ Шернвалю отъ 13 сентября 1811 г. онъ объясняетъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть иначе возбужденъ, какъ на риксдагѣ, а въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 16-го сентября, при которомъ проектъ сообщался Пальмфельту, говорилось: «А затѣмъ требуется сеймъ, чтобъ привести планъ въ дѣйствіе». При докладѣ этого дѣла Императору, Армфельтъ, видимо, высказался и о созывѣ сейма для рѣшенія вопроса, такъ какъ въ письмѣ къ Фредрику Шернвалю 5 ноября 1811 г., сообщалъ, что нашелъ Его Величество предупрежденнымъ противъ всякой возможности сформированія войска въ настоящее время.—Армфельтъ старается на французскомъ языкѣ точно пере-

дать подлинныя слова Александра I, которыя гласили: «pourquoi me mettrais—je dans le cas d'obtenir un refus, si je consultais la nation?» Въ письмѣ къ Карлу Шеривалю нѣсколько недѣль спустя, Армфельтъ опять говоритъ: «Въ настоящую минуту Государь не желаетъ имѣть никакой милиціи или военной организаціи, потому что не желаетъ созывать сейма». Но Армфельтъ не оставлялъ ни милиціоннаго, ни сеймоваго плановъ. «Подходящій предлогъ для сейма представится въ сентябрѣ 1812 г. по многимъ причинамъ, писалъ реформаторъ Фр. Шеривалю:—Наши установленія, которыя никогда не могутъ измѣняться иначе, какъ по заключенію и рѣшенію сословій, во многомъ такъ дурно составлены, такъ нелиберальны, такъ мало соотвѣтствуютъ просвѣщенію новѣйшаго времени, что ихъ слѣдуетъ замѣнить другими. Если миръ останется ненарушеннымъ, послѣ того какъ его успѣли заключить съ турками, то я имѣю добрую надежду». Въ промеморіи на французскомъ языкѣ (помѣченной «Порѣчье, 17 іюля 1812 г.») Армфельтъ вновь возвращается къ мысли о сеймѣ и пишетъ: «Его Величество удостоилъ меня разговора о созывѣ финскаго войска въ значительномъ количествѣ. Но для достиженія этого требуется созывъ сейма»... «Абоскій гофгерихтъ долженъ въ своихъ архивахъ сохранять тѣ формы, которыя необходимо принять во вниманіе, если великій князь найдетъ нужнымъ собрать представителей націи, чтобъ у нихъ испросить субсидію».

Извѣстно, что ни одно изъ этихъ армфельтовскихъ предположеній не было осуществлено: войска едва сформировали въ размѣрѣ 3.600 человѣкъ, а сейма вовсе не созвали [508]).

Затѣмъ раздается заявленіе финляндцевъ о томъ, что кто-то умышленно тормозитъ сеймъ. Въ письмѣ отъ 14 сентября Фр. Шериваль жалуется на тѣхъ, которые благодаря лукавымъ скрытнымъ средствамъ и хитрымъ инсинуаціямъ противодѣйствовали созыву сейма въ ту минуту, когда «Государь на это уже соглашался и когда обстоятельства тому особенно благопріятствовали и требовали этого важнаго предпріятія». На кого здѣсь дѣлается намекъ, трудно опредѣлить. Кажется Аминовъ откровенно излилъ свои чувства и мысли передъ Монархомъ, чѣмъ совершенно парализовалъ планы Армфельта. Эренстремъ поддержалъ было Аминова, но, глубже взвѣсивъ обстоятельства, пришелъ къ тому выводу, что сеймъ являлся желательнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, при посредствѣ его можно было «конституціоннымъ способомъ» обойти всѣ трудности, а, во-вторыхъ, представлялась возможность воздѣйствовать на крестьянъ и преодолѣть ихъ косность. Въ

письмѣ къ Маннергейму отъ 29 сентября того же года Іоганъ Фредрихъ Аминовъ самъ жалуется, что его обвиняютъ въ томъ, будто бы онъ отсовѣтовалъ созывъ сейма, тогда какъ его «ни русскіе, ни финскіе государственные министры не спрашивали объ этомъ». Еще ранѣе въ письмѣ 3 августа Аминовъ,—не одобрявшій тѣ средства, къ которымъ прибѣгали по этому дѣлу,—объявилъ, что для этой цѣли «конечно правильнѣе было созвать сеймъ». Опредѣленно къ сейму склонялся Ребиндеръ. Въ письмѣ къ Пальмфельту 9 октября онъ заявляетъ: то, «что наше вооруженіе, принятое не въ большихъ размѣрахъ и не при содѣйствіи сейма, имѣетъ неисчислимыя послѣдствія: наша нація теряетъ свое мнѣніе (existimation) и банкротство предстоитъ для нашихъ финансовъ».

При такихъ обстоятельствахъ видимо еще разъ дѣлалась попытка побудить Александра созвать сеймъ, но все напрасно. Въ концѣ года Армфельтъ пишетъ: «Добиться риксдага или вербовки нечего и думать; объ этомъ царь и слышать не хочетъ»...

Вторично вспомнили о сеймѣ тогда, когда Армфельтъ задумалъ преобразовать правительственный совѣтъ. Между друзьями-реформаторами опять возникла переписка. Въ письмѣ къ Карлу Шернвалю 5 мая 1813 г. Г. М. Армфельтъ жалуется, что стараются парализовать исполнительную власть («le pouvoir executif»), и прибавляетъ: «стало быть однимъ изъ главныхъ пунктовъ собравшагося сейма будетъ добиться измѣненія въ этомъ». Годъ спустя, 18 мая 1814 г., онъ высказываетъ Фредрику Шернвалю свое неудовольствіе правительствующимъ совѣтомъ и продолжаетъ: «если бъ только добиться сейма, и онъ a priori былъ бы хорошо подготовленъ, я убѣжденъ, что мы сбросили бы съ себя тѣ цѣпи, которыми теперь пользуются глупость и недоброжелательство» [509]).

Въ январѣ 1817 г., когда опять заговорили о разныхъ реформахъ, Аминовъ счелъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ подать Государю записку по вопросу о сеймѣ. Въ виду того, что онъ прежде близко стоялъ къ Густаву III, Аминовъ признавалъ себя особенно компетентнымъ въ пониманіи духа и значенія Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. Поставивъ себѣ вопросъ: нужно ли созвать сеймъ?—Аминовъ отвѣтилъ на него отрицательно. Чтобы наложить новыя подати не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ страна не въ состояніи вынести новой податной тягости. Что же касается изданія или измѣненія закона, то тутъ кроется опасность, ибо сословія Финляндіи

еще не созрѣли для такого важнаго назначенія. Исторія, вмѣстѣ съ событіями прежняго времени, указываетъ на послѣдствія частыхъ созывовъ земскихъ чиновъ, причемъ Швеція является особенно наглядным примѣромъ въ этомъ отношеніи, если къ тому же принять во вниманіе, что партійные нравы и общественное мнѣніе въ Финляндіи остались тѣ же, которые были въ Швеціи. Основываясь на указанныхъ обстоятельствахъ, Аминовъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы земскіе чины края не были созваны на сеймъ и чтобы имъ не было дано на обсужденіе вопроса, рѣшеніе котораго всецѣло зависитъ отъ Монарха. Если Государь въ то же время пожелаетъ дать новое устройство правительству Финляндіи, то онъ (Аминовъ) всеподданнѣйше проситъ, дабы во главѣ гражданскаго управленія сего края поставленъ былъ собственный гражданинъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Польшѣ, чѣмъ Государь обезсмертилъ себя тамъ, а здѣсь оказалъ-бы своимъ вѣрнымъ подданнымъ высшее благодѣяніе. Реформу правительственнаго совѣта Аминовъ признавалъ необходимой, но находилъ, что это дѣло полностію зависитъ отъ усмотрѣнія Государя.

Воззрѣнія І. Ф. Аминова часто мѣнялись, почему опредѣлить его отношеніе къ вопросу затруднительно. Раньше въ особой промеморіи, поданной Аминовымъ нетерпѣливому Г. М. Армфельту, онъ разсуждалъ такъ: «Чтобъ предпринять существенную реформу нашего правительственнаго совѣта, для этого, по моему, времени слишкомъ мало. Кромѣ того, мнѣ кажется, что когда наступитъ миръ и спокойствіе, тогда будетъ время созвать сеймъ и предложить ему выработать конституцію. Такъ какъ теперешняя организація правительственнаго совѣта состоялась и принята Государемъ вмѣстѣ съ земскими чинами, то не безполезно, чтобы такая существенная организація основана была на такомъ же совмѣстномъ рѣшеніи и постановленіи. Если пріучишься въ промежуткахъ—я подразумѣваю время между риксдагами—измѣнять, иногда, формы правленія края, то это можетъ также легко превратиться въ деспотическія нововведенія...» [510]).

Въ подтвержденіе того, что надежда на созывъ сейма продолжала тлѣть подъ текущими событіями, Робертъ Кастренъ указываетъ на списокъ дѣлъ, разновременно (съ 1812 по 1823 г.г.) отклоненныхъ Государемъ, въ предположеніи передачи ихъ на разсмотрѣніе предстоявшаго второго финляндскаго сейма. Отсюда Кастренъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что мысль о новомъ созывѣ земскихъ чиновъ не покидала Императора Александра I даже въ послѣдніе годы его царствованія. Первое дѣло, отложенное до

сейма, касалось регламента о постоѣ. Резолюція объ этомъ была начертана Императоромъ 31 января 1812 г. Она оказалась настолько неожиданной и своеобразной и такъ поразила финляндцевъ, что Ребиндеръ призналъ необходимымъ указать на нее въ письмѣ къ Маннергейму 31 января—11 февраля 1812 г. «Постановленіе о постоѣ посылается съ этимъ курьеромъ. Курьезную фразу прибавилъ самъ Государь—тамъ, гдѣ говорится, что привилегированныя лица должны быть освобождены отъ постоя:—«пока ему не возможно будетъ распорядиться иначе по совѣщаніи съ сеймомъ». Это сообщеніе Ребиндера показываетъ, насколько мало въ то время финляндцы надѣялись на успѣхъ своего дѣла. Во всякомъ случаѣ Государь откладывалъ окончательное рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ не потому, чтобы онъ признавалъ свою власть ограниченной голосомъ сейма, а единственно изъ желанія подвергнуть ихъ болѣе всестороннему обсужденію. Это вытекаетъ, какъ изъ самаго смысла его резолюцій, такъ и изъ состава тѣхъ дѣлъ, по которымъ сейму предстояло высказаться. Временно отложены были вопросы: 1) о квартирной повинности, 2) объ отвѣтственности церковнослужителей, 3) о постройкѣ рыцарскаго дома, 4) о пересмотрѣ церковнаго устава, 5) о классификаціи городовъ Выборгской губерніи, 6) о бракахъ между послѣдователями лютеранской и магометанской вѣры, 7) о ссылкѣ финляндцевъ въ Сибирь, и 8) о сельской торговлѣ. По шведскимъ государственнымъ законамъ, далеко не всѣ эти дѣла подлежали передачѣ риксдагу. Достаточно сказать, что лучшій юристъ Финляндіи, Калоніусъ, настаивалъ на изданіи закона о ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, т. е. безъ всякаго запроса о томъ народныхъ представителей. Если, наконецъ, Ребиндеръ двинулъ свой проектъ о конституціи, то, главнымъ образомъ, исходя изъ положенія, что почва для этого казалась ему достаточно подготовленной событіями 1818 г. въ Варшавѣ.

Послѣ тронной рѣчи, произнесенной Государемъ въ Варшавѣ, финляндскіе дѣятели въ Петербургѣ удвоили свою энергію по работѣ укрѣпленія «конституціоннаго строя». Въ письмахъ къ Маннергейму весною 1818 г. фонъ-Виллебрандъ нѣсколько разъ обращался къ событіямъ въ Варшавѣ: «Польскій государственный сеймъ приближается къ концу... Ходятъ слухи, что поданныя пропозиціи отклонены польскимъ сеймомъ. Одинъ изъ магнатовъ,

братъ котораго, кажется, генералъ-адъютантъ, въ довольно красивой рѣчи обратилъ вниманіе на то, что не составленъ бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и что безъ него нѣтъ никакого начала для податного обложенія страны. Скоро, вѣроятно, узнаемъ детали кое-чего, что для насъ будетъ имѣть особый интересъ». Рѣчь, произнесенная Императоромъ при открытіи сейма въ Варшавѣ,—по мнѣнію Эренстрема,—являлась самой замѣчательной изъ произнесенныхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. «Она распространится съ одного конца свѣта до другого».

Уже лѣтомъ 1818 г. у Ребиндера созрѣла мысль о выработкѣ конституціи для Финляндіи. Въ виду важности вопроса, онъ пожелалъ предварительно узнать мнѣніе нѣкоторыхъ финляндскихъ дѣятелей о принципахъ новаго закона, такъ какъ проекта его еще не существовало. Избравъ своимъ довѣреннымъ молодого и толковаго Л. Гартмана, Ребиндеръ отправилъ его къ намѣченнымъ лицамъ. Прежде всего Гартманъ поѣхалъ въ Або къ Аминову, мнѣніе котораго желалъ также выслушать Государь. Отсюда можно заключить, что даже первые шаги Ребиндера дѣлались съ соизволенія Монарха.

Аминовъ отвѣтилъ Ребиндеру письмомъ отъ 11 декабря 1818 г.: «Наша теперешняя конституція конечно требуетъ измѣненія и улучшенія. Она (заключается), конечно, въ Формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ Безопасности; я нахожу, что ее въ главныхъ основаніяхъ слѣдуетъ сохранить, какъ самую правильную въ обновленномъ положеніи Финляндіи. Устраивать нашу конституцію по образцу Англіи, Франціи и др., въ примѣненіи къ философскимъ принципамъ, было бы неподходяще. Мои убѣжденія по этому важнѣйшему изъ предметовъ, касающемуся политическаго существованія государства, всегда были и остаются неизмѣнными: дѣйствительная свобода націи состоитъ въ удостовѣреніи ей: безопасности жизни, чести и имущества, и драгоцѣннаго права—самообоброчиванія. Въ остальномъ Монархъ можетъ управлять и распоряжаться, какъ онъ признаетъ полезнымъ, но по основнымъ законамъ края. Всякая другая, такъ-называемая, свобода ведетъ къ своеволію».

6-го марта 1819 г. Аминовъ вновь писалъ Ребиндеру: «Относительно новой Формы Правленія или конституціи, мнѣ кажется, что она должна быть неизмѣнно основана на Формѣ Правленія 1772 г. и Актѣ Безопасности, съ добавленіемъ, если возможно: 1) Отвѣтственности (responsabilité), потому что у насъ не всегда будетъ Робертъ Ребиндеръ и такъ хорошо составлен-

ная комиссія на мѣстѣ. 2) Контрасигнаціи. 3) При наступающихъ сеймахъ, такъ-называемый отчетъ о государственныхъ денежныхъ средствахъ и о совершенныхъ въ періодъ времени до сейма правительственныхъ дѣлахъ, т. е.: рапортъ объ этомъ. 4) Созывъ сейма въ извѣстный періодъ времени; въ остальномъ не отступать отъ духа Формы Правленія 1772 г. и Акта Безопасности; кромѣ тѣхъ правъ, которыя уже ранѣе дарованы народу и утверждены всемилостивѣйшимъ Государемъ, Монарху предоставляется во всемъ остальномъ править государствомъ по своему усмотрѣнію; прежде всего не предлагать и не просить болѣе, чѣмъ въ нашемъ политическомъ положеніи можетъ быть даровано. Такимъ образомъ составленная и упрощенная конституція, по моему убѣжденію, принесетъ какъ теперь, такъ и въ будущемъ, самые здоровые плоды. Мнѣ кажется, что Польша получила и запросила слишкомъ много; время покажетъ. Постоянная армія или никакая? Тутъ выборъ не труденъ». Въ противномъ случаѣ Аминовъ опасался паденія націи и потери ею чувства славы.

«Ваше мнѣніе, г. баронъ, — отвѣчалъ Аминову 29 марта 1819 г. Ребиндеръ,—относительно нашихъ общихъ дѣлъ (allmänna affärer) достойно истиннаго патріота и знаменитаго гражданина. Не могу достаточно оживленно выразить свою радость и удовольствіе, что и я въ этихъ важныхъ предметахъ раздѣляю тѣ-же самыя мысли».

Запрошенъ былъ также по дѣлу Эренстремъ. Онъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ отъ 13—25 февраля 1819 г., изъ котораго видно, что при бесѣдѣ съ Гартманомъ, мысли Эренстрема совпали съ мыслями въ Петербургѣ. «Надо лишь найти путь къ осуществленію великой идеи, которая избавитъ насъ, подобно Польшѣ, отъ обузы расквартированія. Надо дѣйствовать согласно, не опасаясь оппозиціи. Нельзя слишкомъ разсчитывать для успѣха этого большого дѣла на первое лицо въ краѣ (Штейнгеля). Онъ боленъ, думаетъ объ отставкѣ и потому его силы не соотвѣтствуютъ важности обстоятельствъ и потребности минуты. Редактированіе конституціи не представится затруднительнымъ, если ей не будутъ противодѣйствовать. Надо расширить исполнительную власть, дать ей болѣе жизни. Польская администрація въ этомъ и другихъ отношеніяхъ лучше. Что касается вооруженія, то финансовая его сторона причинитъ наиболѣе заботы». Въ маѣ 1819 г. Эренстремъ возвращается къ вопросу о конституціи и рекомендуетъ Ребиндеру «не упускать момента, предоставляемаго намъ добротой лучшаго и благодѣтельнѣйшаго изъ монарховъ,

чтобы установить и обезпечить наши права и нашу свободу для будущаго».

Имѣются еще указанія, что Ребиндеръ запрашивалъ Густава Ладо, чтобы не имѣть его въ оппозиціи, епископа Тенгстрема, который отвѣтилъ уклончиво, и кромѣ того Л. Гартманъ бесѣдовалъ съ Маннергеймомъ и, кажется, съ Авцеліусомъ [511]).

Р. Ребиндеръ, пользуясь моментомъ, предложилъ въ 1819 г. комиссіи финляндскихъ дѣлъ представить Монарху мотивированный докладъ о необходимости пересмотра представительнаго учрежденія Финляндіи съ тѣмъ, чтобы,—если послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе,—изготовить проектъ соотвѣтственнаго предложенія сейму. Высочайше разрѣшено было назначить особую комиссію, съ цѣлью улучшенія и дополненія существовавшаго порядка въ томъ направленіи, чтобы установлена была періодичность сеймовъ, расширена компетенція земскихъ чиновъ, установлена отвѣтственность высшихъ административныхъ лицъ, болѣе близкихъ къ Монарху, введена значительная свобода печати и пр. Объ этой новости съ патріотической радостью поспѣшилъ сообщить изъ Петербурга Карлъ фонъ-Моріанъ президенту Вазаскаго гофгерихта, барону К. Ф. Ротчирку 9—21 іюля 1819 г. Надлежало существовавшій въ краѣ порядокъ примѣнить къ духу времени, пресѣчь злоупотребленіе властью чиновниковъ, расширить права печати, не дѣлая, однако, ихъ неограниченными, дабы они не использованы были финнами, для критики существовавшаго сумбура въ русскомъ правительствѣ и не испортили добрыхъ отношеній къ могущественнымъ сосѣднимъ государствамъ. Когда послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ,—заканчиваетъ свое письмо Моріанъ,—будетъ редактированъ проектъ, обнимающій «конституцію» для Финляндіи, согласно волѣ Его Величества, онъ, вмѣстѣ съ многими другими вопросами, долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе будущаго сейма... «Въ виду моихъ патріотическихъ чувствъ, я искренно радуюсь этому обстоятельству» [512]).

На сколько можно судить по черновому наброску протокола комиссіи финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ,—который видѣлъ историкъ Кастренъ и сдѣлалъ по немъ свои выводы,—Государь, кажется, предполагалъ, при участіи сейма, дать конституціи такое развитіе, которое согласовалось бы съ положеніемъ края. Сеймъ-же онъ разсчитывалъ созвать, «какъ только позволятъ обстоятельства». Господствовало также предположеніе, что сеймъ обладалъ для предстоящей работы надлежащей опытностью. Имѣлось, наконецъ, въ виду, что земскіе чины одновременно разсмотрятъ вопросы

о военной организаціи, о положеніи финансовъ и выскажутся о мѣрахъ къ устраненію постояннаго паденія нравовъ). Члены комиссіи по финляндскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, предлагая періодичность сеймовъ, расширеніе правъ земскихъ чиновъ, свободу печати, отвѣтственность совѣтниковъ Монарха и пр., очевидно, желали широкой и коренной реформы, ведшей сразу къ увѣнчанію всего конституціоннаго учрежденія.

Далѣе, въ описываемомъ Кастреномъ интересномъ документѣ идутъ очень характерныя разсужденія. «Комиссія льститъ себя надеждой, что Его Величество дастъ ей справедливость въ томъ, что она не увлеклась тѣми чувствами, которыя должна питать къ своей странѣ, до забвенія интересовъ о неразрывной связи, соединяющей отечество финляндцевъ съ Имперіей. Руководствуясь глубокимъ убѣжденіемъ, что счастіе Финляндіи не можетъ быть возстановлено на иныхъ началахъ, кромѣ упомянутыхъ, комиссія не менѣе убѣждена въ томъ, что Финляндія ни въ какомъ иномъ случаѣ не можетъ быть и не будетъ дѣйствительно полезной для Россіи. Выгоды для Россіи этого завоеванія не могутъ зависѣть отъ прироста населенія, такъ какъ въ Финляндіи оно слишкомъ рѣдкое, а ея природа слишкомъ скудная, чтобъ край могъ увеличить финансовые рессурсы Россіи. Финская казна въ настоящее время взимаетъ съ края едва ли не болѣе, чѣмъ доходы народа допускаютъ; дальнѣйшая возможность собирать эти доходы стоитъ въ исключительной зависимости отъ того обстоятельства, дабы платящіе оброки знали, что они не будутъ употреблены на предметы, чуждые Финляндіи. Если-бы только хоть разъ сдѣлали попытку употребить эти незначительные доходы на пользу Россіи, если-бы для этой цѣли начали смѣшивать внутреннее управленіе края съ управленіемъ великой Имперіи, отъ котораго оно столько же отличается свойствомъ своихъ учрежденій, какъ и способомъ ихъ примѣненія, если бы, наконецъ, былъ измѣненъ порядокъ вещей, который столѣтіями связанъ съ политическимъ и матеріальнымъ существованіемъ свободнаго народа,—то послѣдствіемъ явилось бы разореніе платящихъ подати, и въ концѣ концовъ полное опустошеніе страны. Въ каждой конституціонной странѣ сила и готовность оброчныхъ содѣйствовать нуждамъ государства находятся въ прямой зависимости отъ убѣжденія, что нація, для своего счастія и поддержанія существующаго порядка вещей, обязана платить подати. Поэтому Россія не должна смотрѣть на завоеваніе Финляндіи иначе, какъ исключительно съ политической и стратегической точки зрѣнія». Какъ примѣръ опасности и неразум-

Поѣздки Императора Александра I въ Финляндію въ 1819 году.

1. Конюшня, превращенная въ столовую.
2. Обѣдъ Государя въ этой столовой.
3. Государь въ деревнѣ Хапаманкангасъ.
4. Государь на развалинахъ замка Каянаборга.

ности иной политики, относительно Финляндіи, приводится Выборгская губернія. Единственное значеніе, которое они (чужеземцы, русскіе) придавали губерніи, это то, что тамъ могли нажиться, и въ виду этого особенно угнетали крестьянъ, которыхъ изъ свободныхъ обратили въ рабовъ и повергли въ страшную нищету, изъ каковой вывело ихъ только благородное сердце Александра. Послѣ вѣковаго притѣсненія, въ этой (Выборгской) губерніи значительно уменьшилось народонаселеніе, замѣтенъ былъ упадокъ земледѣлія, промышленности и остальной культуры. «Развращенный народъ,— говорится дальше,—готовъ на всякія выкрутки, и мы не сомнѣваемся, что если бы всю Финляндію притѣсняли бы такимъ же образомъ, она предалась бы безпорядкамъ и возстаніямъ въ подспорье каждому врагу, который только пожелалъ бы завладѣть ею» [513]).

Комиссія финляндскихъ дѣлъ, руководствуясь заявленіемъ, сдѣланнымъ ей Ребиндеромъ, въ теченіе нѣкотораго времени выработывала проектъ измѣненія дѣйствовавшихъ основныхъ законовъ. Дабы возможно было осуществить планъ, задуманный Ребиндеромъ, потребовалось составленіе обширнаго проекта, занявшаго 30 листовъ [514]). Душою этихъ трудовъ былъ Ребиндеръ, а главными его сотрудниками—лагманъ Фредрихъ фонъ-Виллебрандъ и молодой многообѣщавшій Ларсъ Габріель фонъ-Гартманъ.

По утвержденію финляндскаго писателя Фростеруса, занимавшагося разслѣдованіемъ вопроса о конституціи 1819 г., мнѣніе комиссіи финляндскихъ дѣлъ было представлено Монарху. Остается неустановленнымъ, былъ-ли проектъ конституціи доложенъ Государю. Для составленія предложенія сейму объ основныхъ законахъ имѣлось въ виду учредить особую комиссію. Предсѣдателемъ ея Государь назначилъ І. Ф. Аминова. Онъ написалъ даже слѣдующую рѣчь, которой предполагалъ открыть засѣданія комиссіи. «Господа! Просвѣщеннѣйшіе и достойнѣйшіе мужи отечества! Высочайше созванные всемилостивѣйшимъ Государемъ для важнѣйшаго порученія, которое создастъ основу настоящей и будущей самостоятельности Великаго Княжества Финляндскаго, вы, господа, вступаете на отвѣтственное поприще. Взоры не только финскаго народа, но всей Европы, будутъ обращены на Высочайше довѣренные вамъ труды. Поэтому предлагайте такіе правительственные законы, которые могли бы также служить образцомъ нашей части свѣта, тѣмъ народамъ, которые еще не имѣютъ, но требуютъ конституцію; правительственные законы, различествующіе отъ мечтательнаго духа времени, уважая исконные

нравы финской націи, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно сильны, чтобы на вѣчныя времена сохранить необходимыя и одинаково священныя права Монарха и народа. Конституція, данная Александромъ I, станетъ печатью на всѣхъ его благодѣяніяхъ нашему народу и краю—и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ прочнымъ ручательствомъ политическаго существованія Финляндіи на столѣтія.—Этотъ великій и благородный Монархъ въ минуту печали вытеръ наши слезы, но теперь онъ посредствомъ этого дѣла навѣки уничтожаетъ старыя воспоминанія и вмѣстѣ съ тѣмъ воздвигаетъ себѣ вѣчный памятникъ въ сердцахъ финновъ, несокрушимый, болѣе прочный, чѣмъ памятникъ изъ бронзы или мрамора».

Комиссія эта никогда не созывалась, и рѣчь Аминова осталась непроизнесенной.

При Александрѣ I проектъ конституціи дальнѣйшаго движенія не получилъ, несмотря на то, что Ребиндеръ и Аминовъ не оставляли дѣла и пытались его оживить. Въ 1821 г. Аминовъ составилъ на французскомъ языкѣ всеподданнѣйшую записку, которая была переписана рукой Ребиндера. Тонъ и положенія этой новой «Très—humble exposé» иные, чѣмъ въ прежнихъ запискахъ. Финляндцы, видя, что ихъ домогательства не прошли, вѣроятно, рѣшили, что они, какъ и поляки, запросили не въ мѣру много, поэтому теперь дѣлается попытка подойти къ Монарху съ другимъ предложеніемъ. Не безъ основанія Ребиндеръ благодаритъ и хвалитъ въ письмѣ отъ 27 сентября Аминова за «истинно-политическую прозорливость» и за «умѣренно-монархическія воззрѣнія». Записка Аминова гласила: «Конституція находится въ Формѣ Правленія 1772 г. и Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г. Это тѣ основные законы, которые утвердилъ повелитель Великаго Княжества на сеймѣ въ Борго и которые представители поклялись соблюдать. Не будетъ здѣсь повторяться то, что уже часто было доказано и что даже въ природѣ вещей: что эта конституція во всѣхъ своихъ частяхъ непримѣнима къ новому положенію Финляндіи. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что основы и принципы этой конституціи укрѣплены на монархическомъ смыслѣ, который одинъ способенъ обезпечить безопасность и благосостояніе страны. Рѣчи нѣтъ о томъ, чтобы дать Финляндіи новую конституцію. Дѣло идетъ о томъ только, чтобъ внести въ ту, которую мы имѣемъ, измѣненія, кои могутъ ее сконцентрировать въ одинъ актъ, приложимый къ Великому Княжеству Финляндіи, какъ къ части Имперіи подъ отдѣльной и самостоятельной администраціей.

«Изъ этого—такъ какъ не въ томъ собственно вопросъ, чтобы только составить новую редакцію основныхъ законовъ, уже принятыхъ,—слѣдуетъ, что отъ одного Монарха зависитъ опредѣленіе измѣненій, которыя онъ считаетъ необходимыми въ конституціи, и если Ваше Величество сочли-бы умѣстнымъ сдѣлать какія-либо уступки, Вамъ принадлежитъ опредѣленіе ихъ по своему усмотрѣнію.

«Резюмируя эти взгляды, которые дерзнулъ изложить, я осмѣливаюсь быть такого мнѣнія:

1) чтобы Ваше Императорское Величество соблаговолили учредить спеціальную комиссію, которой было бы вмѣнено въ обязанность представить Вашему Императорскому Величеству проектъ новой редакціи конституціи.

2) чтобы Ваше Императорское Величество, ознакомившись съ этимъ проектомъ, повелѣли составить конституціонный актъ, который потомъ былъ бы представленъ сейму, дабы онъ высказался, хочетъ-ли его принять, или сохранить statu quo.

«Общее желаніе видѣть наши новые законы объединенными, соотвѣтственно нашимъ теперешнимъ отношеніямъ, есть уже гарантія того, что нація поспѣшитъ принять проектъ, который Ваше Императорское Величество соблаговолите имъ передать, и если Ваше Величество сочтете нужнымъ сдѣлать какія-либо предложенія, клонящіяся ко благу націи, то нѣтъ сомнѣнія, что представители не предадутъ интересовъ своихъ избирателей до степени отказа отъ новой гарантіи будущаго блага отечества.

«Чтобы поддержать добрый духъ, который царитъ теперь въ странѣ, и который, несомнѣнно, посодѣйствуетъ успѣху сейма, необходимо, по моему, поддержать среди жителей надежду увидѣть исполненіе наиболѣе дорогого изъ ихъ желаній, т. е. созваніе сейма, по этому именно вопросу я и осмѣливаюсь предложить, чтобы учреждаемая комиссія начала дѣятельность въ началѣ будущаго года, даже если время сейма не будетъ слишкомъ близко».

На поляхъ этого «Exposé» отмѣчено: «Вручено Его Величеству 17 сентября 1821 г.».

Подобная-же записка (Promemoria) находится въ бумагахъ Аминова на шведскомъ языкѣ. Для уясненія господствовавшаго тогда направленія въ конституціонномъ вопросѣ достаточно указать на два положенія этой «Promemoria». «Осмѣливаюсь предложить, по моему глубокому убѣжденію, чтобъ послѣ того, какъ редакція конституціи будетъ составлена и одобрена Монархомъ, просто передать этотъ актъ сейму, для того, чтобъ безъ даль-

нѣйшаго обсужденія принять или не принять его; послѣднее, однако, немыслимо. Заглавіе этого государственнаго акта должно бы, по моему, быть приблизительно такое: Редакція Формы Правленія 1772 г. и Акта Безопасности 1789 г., дабы мы не были причислены къ мечтателямъ въ духѣ времени, которые такъ необдуманно требуютъ конституцій».

Въ «Exposé» 1821 г. совершенно отсутствуютъ положенія, касающіяся періодичности сеймовъ, расширенія его правъ, отвѣтственности высшихъ чиновниковъ, увеличенія свободы печати и др. По мысли составителя проекта предполагается простое принятіе пропозиціи; обсужденія не допускаются, а отказъ считается невозможнымъ.—Ясно, что финляндцы очень радикально уменьшили свои запросы по конституціи. Но ничто не помогло: Императоръ ходатайства Ребиндера не уважилъ, и Финляндія, оставшаяся безъ сейма, осталась и безъ конституціи, проектированной въ 1819 г. [515]).

Въ то время, когда въ Петербургѣ работали надъ проектомъ конституціи, Государь посѣщалъ разные мѣста Финляндіи. Это путешествіе Монарха (Eriksgata) имѣло политическую цѣль и тщательно подготовлено было тѣмъ же Ребиндеромъ, который руководилъ конституціонными работами. Въ краѣ обнаружилось равнодушіе къ новому политическому положенію. Въ то же время въ Европѣ начиналось революціонное движеніе, а въ Россіи, вдали отъ глазъ начальства, шла организація союзовъ декабристовъ. Александръ, повидимому, сталъ подозрѣвать враждебныя теченія и въ Финляндіи. Предполагали, что начальникъ почты, «великій неповѣшенный» Г. В. Ладо, посылалъ донесенія въ Петербургъ, имѣя въ виду противодѣйствовать планамъ Ребиндера, который желалъ созыва земскихъ чиновъ. Проекты конституціи не получали дальнѣйшаго движенія. Ребиндеръ сдѣлалъ новую попытку и подалъ Государю записку. Она замѣчательна во многихъ отношеніяхъ.

«Если Ваше Императорское Величество соизволитъ созвать сеймъ Великаго Княжества, писалъ докладчикъ финляндскихъ дѣлъ, было бы можетъ быть необходимо знать настроеніе умовъ въ Финляндіи.

«Когда нація переходитъ изъ одного подданства въ другое, весьма возможно, что подобный шагъ разсматривается въ началѣ

съ различныхъ точекъ зрѣнія, но нельзя не согласиться, что ни одинъ народъ никогда не былъ болѣе расположенъ къ такой перемѣнѣ, чѣмъ Финляндія. Откинувъ все, что великодушіе Вашего Величества внушило въ этомъ случаѣ, я просто ограничусь изложеніемъ фактовъ.

«Уже давно часть дворянства и третьяго сословія считала, что не можетъ быть довольной шведскимъ правительствомъ и питала желаніе, чтобы Великое Княжество образовало переходное государство, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Россіи, и найти причину этого неудовольствія нетрудно.

«Финляндія искала безопасности, которой у нея не было послѣ Ништадтскаго мира. Тайные комитеты Швеціи обсуждали, не требуется ли въ интересахъ государства, бѣдности жителей Финляндіи и пр. и пр. въ первой же войнѣ съ Россіей оставить внутреннюю страну и защищать только ея берега и острова.

«Исходъ войны 1741 г. былъ послѣдствіемъ этой системы, столь-же ложной, какъ и трусливой, и Финляндія была ея жертвой. Воспоминаніе же объ этомъ поведеніи оставило глубокіе слѣды въ сердцахъ хорошихъ гражданъ.

«Затѣмъ Спренгтпортенъ возымѣлъ мысль организовать вооруженную независимость подъ защитой великой державы. Его замыслы раскрылись и онъ долженъ былъ покинуть страну, но онъ оставилъ тамъ много приверженцевъ.

«Событія 1788 г. извѣстны; начальники финской арміи обратились къ Ея Величеству Императрицѣ Екатеринѣ. Предпріятіе не удалось, и главные дѣятели его были принесены въ жертву.

«Жители опасались постоянно войны, предвидя съ одной стороны трудность противустоять силамъ большой имперіи, съ другой неумѣлость, съ которой употреблялись средства, остававшіяся въ распоряженіи правительства. Страна, такимъ образомъ, не могла быть въ безопасности, и огонь тлѣлъ все время подъ пепломъ. Когда открылась война 1808 г. войска были безъ провіанта, безъ одежды и безъ оружія. Командованіе арміей было довѣрено скорѣе царедворцамъ, чѣмъ генераламъ, людямъ безъ таланта, не внушавшимъ довѣрія ни жителямъ, ни солдатамъ. При этомъ положеніи Швеція предложила народу подняться массами. Правительство не выслало ни оружія, ни боевыхъ припасовъ, ни офицеровъ, но покрыло страну прокламаціями и не скупилось на обѣщанія и угрозы, а особенно на соглядатаевъ. Такое поведеніе возмутило хорошихъ гражданъ и объединило во второй разъ патріотовъ, которые, для спасенія страны, на сколько возможно трудились надъ

настроеніемъ умовъ. Дѣйствительно, безъ этой дѣятельности съ ихъ стороны всѣ провинціи были бы преданы сожженію, жители были бы возбуждены и не дали бы клятвы вѣрности. Большая часть народа, опечаленная тѣмъ, что его очагамъ угрожала четвертая война въ теченіе менѣе столѣтія, желала только спокойствія. Установилось убѣжденіе, что этой тишиной ему никогда не удастся воспользоваться, если Финляндія не будетъ присоединена къ Россіи.

«Однако существовала партія, преданная Швеціи, которая продолжала глухо поддерживать сношенія съ старымъ правительствомъ, придерживаясь мнѣнія, что силой политическихъ обстоятельствъ, на этотъ разъ, какъ и послѣ предыдущихъ войнъ, Финляндія въ концѣ-концовъ будетъ отдана Швеціи.

«Дѣйствительно, если бы умы не были въ общемъ благопріятно расположены къ дѣлу Россіи, члены сейма не съѣхались бы внезапно на засѣданіе въ Борго и не обсуждали бы тамъ дѣла съ такимъ спокойствіемъ и увѣренностью, съ какой они это исполнили. Чтобы ни говорили, но пренія этого засѣданія доказываютъ, что тогда уже нація была убѣждена въ дѣйствительныхъ преимуществахъ, которыя ей предоставляло ея положеніе. Я не буду отрицать, что еще есть въ Финляндіи лица, питающія предпочтеніе къ Швеціи, и я не рискну утверждать, что правительство этой страны не взяло на себя трудъ поддерживать эти стремленія. По крайней мѣрѣ надо будетъ всегда его остерегаться.

«Настроеніе крестьянъ въ Вазаской губерніи плохое. Во-первыхъ потому, что эта провинція (первоначально провинція Швеціи) была всегда особенно привязана къ Швеціи, отдѣляясь часто въ своихъ мнѣніяхъ отъ остальной Финляндіи; во-вторыхъ, въ этой провинціи почти не существуетъ дворянства; владѣльцы фермъ по большей части крестьяне или моряки и пользуются бо́льшимъ достаткомъ, чѣмъ живущіе внутри страны.

«Эта провинція была театромъ послѣдней войны. Шведскіе эмиссары найдутъ въ указанныхъ обстоятельствахъ условія, пригодныя для проповѣдыванія возмущенія, и для того, чтобы представить новый порядокъ вещей въ самыхъ темныхъ краскахъ. Присутствіе Вашего Императорскаго Величества принесло бы большое улучшеніе въ эти предубѣжденія; таково впечатлѣніе и дѣйствіе присутствія властелина въ отдаленной странѣ, гдѣ это счастіе такъ рѣдко. Да, Государь! я осмѣливаюсь это сказать съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, что несмотря на предубѣжденія, которыя существуютъ еще отчасти въ этой самой части Эстерботніи, нѣтъ уроженца Финляндіи, который бы ни имѣлъ въ своемъ сердцѣ чувства наиболѣе

чистаго къ Особѣ Вашего Величества и въ этомъ смыслѣ я поддерживаю предъ лицемъ всего свѣта, что не существуетъ въ Финляндіи шведской партіи, такъ какъ малое число дурно настроенныхъ лицъ, о которомъ я долженъ былъ упомянуть, чтобы ничего не скрыть отъ моего Повелителя, старательно прячетъ свой образъ мыслей и не составляетъ въ полномъ смыслѣ слова партіи.

«Независимо отъ долга чести и благодарности, достаточно лишь интереса, чтобы сдѣлать Финляндію довольной своей судьбой и отдалить навсегда желаніе возвратиться въ прежнее подданство. Этотъ интересъ слишкомъ ясно обозначенъ, слишкомъ ужъ связанъ съ здравымъ смысломъ, дабы можно было думать, что финляндцы желали бы смѣнить свое состояніе на положеніе неопредѣленности, темноты и стѣсненія, къ которымъ они были когда-то приговорены. Народъ сохранилъ свою вѣру и свои старыя права. Представители высшихъ классовъ получаютъ почетные знаки, доходныя и важныя мѣста, пенсіи, наконецъ, преимущества, которыя имъ были почти неизвѣстны, пока они не стали подданными Вашего Величества. Даже наши собственныя слабости содѣйствуютъ тому, чтобы мы оцѣнивали наше положеніе.

«Послѣ того, какъ національное самолюбіе было польщено мѣстомъ, которое Ваше Величество соизволили указать Великому Княжеству Финляндіи, признавая его непосредственное существованіе подъ тѣмъ же скипетромъ, который объединяетъ много королевствъ и націй, найдется-ли столь безразсудный финнъ, чтобы предпочесть возвращеніе въ среду подданныхъ государства, которое не имѣло средствъ и рѣдко желало защищать насъ и сдѣлать насъ счастливыми. Рѣчь не можетъ идти о шведской партіи, но я долженъ сказать Вашему Величеству о другой партіи, объ оппозиціи, которая болѣе или менѣе существуетъ во всѣхъ странахъ и которую можно видѣть также въ Финляндіи. Стремленіе этой оппозиціи, какъ всюду, порицать власть, сѣять недовѣріе къ будущему и, наконецъ, противодѣйствовать видамъ правительства. Вотъ языкъ этой партіи. «Мы, въ данную минуту», говорятъ они, «совершенно довольны, благодаря великодушію и личному характеру нашего Государя. Рано или поздно, мы, обреченные принимать участіе въ судьбахъ Россіи, воспользуемся милостью нашего Повелителя и принесемъ какъ можно меньше жертвъ. Постараемся ободрить земледѣліе, промышленность, торговлю, улучшить наше благополучіе, быть самостоятельными и, когда намъ удастся въ этомъ первомъ дѣлѣ, тогда только мы можемъ думать о развитіи конституціи и о національной арміи. Первое, что намъ нужно,—

это найти руки; и ничто не уменьшаетъ ихъ число болѣе, чѣмъ рекрутскіе наборы и вербовки. Наиболѣе желательнымъ было бы для Финляндіи освободиться отъ нихъ по крайней мѣрѣ на полстолѣтія. Вѣдь Ливонія и Эстонія болѣе 80 лѣтъ были свободны отъ этихъ обязанностей. Россіи, конечно, не нужно нашей арміи, и если она когда нибудь станетъ воевать со Швеціей (что отнюдь не правдоподобно), она не захочетъ употребить въ дѣло наши войска. Съ какой стати, спросимъ мы, принуждать насъ къ тратамъ, въ которыхъ нѣтъ нужды ни для насъ, ни для Россіи. Кромѣ того Имперія не хочетъ такого вооруженія, это только проектъ нѣсколькихъ лицъ, которые, подъ предлогомъ укрѣпленія конституціи, хотятъ доказать свой патріотизмъ, свое просвѣщеніе, тогда какъ они домогаются только расположенія за счетъ интересовъ страны».

«Я далекъ отъ мысли раздѣлять ихъ взгляды, которые благовидны, поощряя бездѣліе, эгоизмъ, и тѣмъ самымъ опасны и противны видамъ мудрого правительства. Тотъ, кто знаетъ сокрытое въ сердцахъ, видитъ мое желаніе работать только въ видахъ моего Повелителя и Отца, и что я очень далекъ отъ личнаго взгляда. Конечно, земледѣліе, промышленность, торговля—вещи необходимыя для національнаго благосостоянія, но люди, которые пользуются покровительствомъ закона и попеченіемъ правительства въ этомъ смыслѣ, должны тоже желать нести общественныя обязанности, а въ особенности же обязанности военнаго дѣла. Нужно стремиться къ тиши домашней жизни, только заплативъ свой долгъ государству. Было бы коренным порокомъ при обученіи юношества говорить ему: «Вы не должны служить, вы лучше будете жить у себя». Это значило-бы понизить націю дѣйствительно храбрую, если потерять ее изъ виду въ теченіе полустолѣтія, не питая чувства, безъ котораго не можетъ существовать настоящій патріотизмъ.

Безъ сомнѣнія, огромная Имперія, который мы составляемъ часть съ отдѣльной національностью, не нуждается въ насъ, чтобы защищаться или нападать, но намъ нельзя переставать быть хорошими гражданами, менѣе расположенными сражаться за Государя и за общую родину. Когда мы осыпаны милостями этого Государя, не должны ли мы краснѣть, не находясь подъ его знаменами, теряя случай уплатить нашу благодарность своей кровью тамъ, гдѣ онъ нуждался-бы въ насъ?»

Записка кончается тѣмъ, что Ребиндеръ предлагаетъ созывъ сейма для устраненія препятствій, тормозящихъ прогрессъ. Но ранѣе этого, припадая къ стопамъ Государя, онъ умоляетъ его

совершить путешествіе, хотя бы на нѣсколько дней. «Соблаговолите объявить сами, или въ сенатѣ, вѣрнымъ слугамъ великія слова, которыя Вы соизволили сказать мнѣ. Тогда я буду имѣть силу и власть развить эти слова, а послѣ этого путешествія, за которое я могу поручиться, что разсужденія будущаго засѣданія (сейма) явятся достойными быть представленными предъ лицо Европы» [516]).

Государь милостиво предпринялъ обширную поѣздку по Финляндіи.

«Змѣя воспоминаній» грызла душу Самодержца въ Петербургѣ, почему Государь съ декабря 1812 г. болѣе половины своей жизни провелъ въ коляскѣ, проѣхавъ по дурнымъ дорогамъ Россіи болѣе 200 тыс. верстъ. На этотъ разъ предположено было 23-го іюля выѣхать въ Архангельскъ и на обратномъ пути черезъ Сердоболь посѣтить Финляндію. Государя сопровождали князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе и другіе. По просьбѣ Ребиндера поѣздка Государя по Финляндіи должна была обнять главнымъ образомъ Эстерботнію, почему изъ 22 дней всего путешествія, 10 дней разсчитаны были на эту область.

Это путешествіе характеризуется слѣдующими эпизодами.

Министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, увѣдомилъ игумна Валаамскаго Иннокентія, что Государь непремѣнно будетъ въ монастырѣ, но повелѣваетъ не приготовлять ничего къ его принятію, а встрѣтить Самодержавнаго посѣтителя, какъ благочестиваго путешественника. Кромѣ того сообщалось, чтобъ службъ церковныхъ не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положенію. Государь отправился въ обитель, не взявъ съ собою никого, кромѣ камердинера. 10 августа 1819 года Государь прибылъ въ монастырь, а на другой день, въ 2 часа пополуночи, Императоръ прежде всѣхъ пришелъ къ утрени, когда пономарь едва успѣлъ отперетъ церковныя двери. Затѣмъ Монархъ отправился къ пустынникамъ, бесѣдовалъ съ ними, бралъ и кушалъ подносимыя ими простыя овощи, а при прощаніи у каждаго цѣловалъ руку и просилъ ихъ молитвъ. Въ одной бесѣдѣ Его Величество сказалъ, что Самъ претерпѣлъ великія искушенія, особенно въ прошедшіе военные годы и что, какъ въ малыхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ, всегда познавалъ особенный Промыслъ Божій. «Я зналъ за два года до войны,—продолжалъ Государь,—о зломъ для насъ умыслѣ Наполеона, и съ моей стороны все возможное человѣку употреблено было, чтобъ водворить спокойствіе; но все было тщетно. Непріятельскія арміи разныхъ націй были сильнѣе нашей; одинъ Богъ, послѣ многихъ совѣтовъ,

вразумилъ насъ вести войну отступательную. Непріятель разграбилъ нашу землю, много причинилъ намъ вреда и убытка; но и это Богъ же попустилъ для того, чтобы смирить насъ. Когда же Ему угодно было помиловать насъ, Онъ и помиловалъ удивительнымъ образомъ. Не мы побѣждали враговъ; а Онъ! Да, Промыслъ Божій всегда во всемъ съ нами!» При столь искренней бесѣдѣ съ Государемъ Благочинный сказалъ:—«Истино, Ваше Величество, какъ не тяжело быть времени для Васъ, когда даже монахи плакали горько. По прочтеніи манифеста и при соборныхъ молебнахъ, мы не могли ни пѣть, ни читать; какъ нѣмые стояли въ слезахъ, только воздыхая къ Богу!...» Случилось Его Величеству уронить перчатку, монахъ хотѣлъ поднять ее, но, замѣтивъ это, Государь самъ поспѣшно поднялъ ее и, оборотясь къ монаху, низко поклонился ему [517]).

Съ Валаама Государь, черезъ Сердоболь, направился къ Куопіо. Во время поѣздки изъ станціи Ниссиле, въ Иденсальмскомъ кирхшпилѣ Куопіоской губерніи, въ г. Каяну, въ мѣстечкѣ Хапаланкангасъ имѣлась только одна курная изба, которая потребовалась метрдотелю. Пришлось для царской столовой очистить конюшню и убрать ее внутри и по стойламъ свѣжими березками. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ; вмѣсто стульевъ наскоро сколотили скамейку. Обѣдъ въ указанной обстановкѣ прошелъ оживленно, благодаря хорошему настроенію Государя. Въ томъ же мѣстечкѣ Государь милостиво разговаривалъ съ крестьяниномъ, бывшимъ депутатомъ на сеймѣ въ Борго. Его Величество, потрепавъ его по плечу, приказалъ перевести: «Скажите ему, что мнѣ очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство». Послѣ чего Государь Императоръ простился съ нимъ, взявъ его за руку.

Доставлена была большая лодка, на который Императоръ съ небольшой свитой рѣшился переправиться черезъ озеро Улео. Дулъ сильный противный вѣтеръ. Лодка стала наполняться водой. Сорвало руль. Кромѣ неба и пѣны ничего нельзя было разглядѣть. Два матроса отливали воду. Шкиперъ съ большимъ затрудненіемъ поставилъ запасный руль. Государь промокъ вмѣстѣ съ другими, и не только проявилъ рѣдкое хладнокровіе, но сказалъ, обратясь къ окружающимъ, которые встрѣтили его на берегу въ г. Каянѣ: «Я не могу представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечественникамъ, такъ рѣшившись пренебречь опасностью, противополагаемой стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ!»

Осмотрѣвъ замокъ Каянеборгъ съ окрестностями и не пожелавъ ночевать въ Каянѣ, Государь рѣшился вернуться обратно сухимъ путемъ, такъ какъ буря не стихала на озерѣ. Проѣзжей дороги не оказалось, почему Монарху пришлось пробираться по узкимъ тропинкамъ, пролегавшимъ по дикому лѣсу и мѣстами по болотамъ. Тропинки были нерѣдко устланы стволами сосновыхъ деревьевъ. Ѣзда по такой дорогѣ невозможна; даже крайне затруднительно слѣдовать по ней верхомъ. Къ удивленію, во всемъ городѣ нашли одно только и то совершенно ветхое сѣдло. Заржавѣвшія его стремена висѣли на двухъ худыхъ веревочкахъ. Это сѣдло пришлось взять для Государя, а свита осталась безъ сѣделъ. Большую часть пути, около 50 верстъ, Государю пришлось пройти пѣшкомъ, ведя лошадь за узду. 21 версту онъ проѣхалъ верхомъ. «У всѣхъ встрѣчавшихся ему пожималъ руки и просилъ чего-нибудь напиться». Ночевать пришлось въ бѣдной лачужкѣ. Во время ужина, коего главное блюдо состояло изъ отвареннаго картофеля, дѣти приближались къ самымъ дверямъ комнаты Государя, и Его Величество раздавалъ имъ хлѣбъ съ масломъ. На другой день путешествіе продолжали тѣмъ же способомъ: то верхомъ, то пѣшкомъ; встрѣтившуюся на пути рѣчку переплыли въ крошечной рыбачьей лодкѣ. Пройдя уже три четверти пути, въ деревушкѣ нашли нѣсколько худыхъ двуколокъ. Поперекъ одной привязали доску и сверхъ ея положили соломы. «Его Величество, щедро наградивъ проводника, простился съ нимъ, пожавъ ему руку, потомъ сѣлъ одинъ на телѣжку, взявъ самъ возжи». «Я очень радъ, сказалъ Государь, окончивъ этотъ путь; я сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ пріятностей, и я, конечно, никогда не забуду забавнаго своего путешествія въ Каяну». Поѣздка по этому малолюдному краю едва ли могла дать Монарху что-либо полезное для его наблюденій. «Лодка, столъ, скамья, сѣдло, всѣ сіи, драгоцѣнныя по достопамятности своей, вещи, хранятся нынѣ въ конюшнѣ, толикой-же памяти достойной» [518]).

Общій маршрутъ царской поѣздки шелъ далѣе такъ: изъ Каяны въ Улеоборгъ и Торнео. Затѣмъ Государь поѣхалъ обратно черезъ Улеоборгъ, Брагестадъ, Гамле-Карлебю, Ню-Карлебю, городъ Ваза, Бьернеборгъ, Кристинестадъ, Раумо, Нюстадъ и Або. Изъ Або повернулъ на Тавастгусъ, Таммерфорсъ, посѣтилъ Гельсингфорсъ, а далѣе черезъ Борго, Ловизу, Фридрихсгамъ и Выборгъ вернулся въ Петербургъ.

Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ пасторскаго дома въ Иисальми, тамъ случайно находился 28-ми-лѣтній до-

центъ всеобщей исторіи при академіи въ Або, Адольфъ Иваръ Арвидсонъ.

Въ Кеми, какъ повсюду,—разсказываетъ современникъ,—Государь снисходительностью, добротой и милостью обворожилъ всѣхъ. «Его вниманіе ко всѣмъ классамъ, какъ къ бѣднымъ, такъ и дряхлымъ», вызывало слезы благодарности, и память объ этомъ долго сохранялась среди населенія тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣтилъ. Крики ура кое-гдѣ раздавались изъ устъ непривычной къ такимъ выраженіямъ радости народной толпы, собиравшейся на берегахъ эстерботнійскихъ рѣкъ; это ура не звучало, конечно, такъ восторженно, какъ тѣ, которые вообще привыкъ слышать Монархъ. Въ воспоминаніяхъ Сары Ваклинъ значится, что по дорогамъ вездѣ, гдѣ проѣзжалъ Государь, встрѣчали его чисто одѣтые крестьяне, которые спѣшили со своихъ полевыхъ работъ, чтобъ посмотрѣть на возлюбленнаго Монарха. Нерѣдко съ окрестностей сходились къ почтовымъ станціямъ, чтобы тамъ во время перемѣны лошадей имѣть случай взглянуть на Александра. Гдѣ останавливался Государь для подкрѣпленія себя пищей или сномъ, онъ обыкновенно одаривалъ хозяйку драгоцѣнными кольцами, часами, фермоаромъ и т. п. предметами, которые до сихъ поръ сохраняются въ разныхъ семействахъ, какъ дорогая память о минувшемъ.

Въ г. Вазѣ, войдя въ большой залъ, Его Величество сдѣлалъ три глубокихъ поклона, сперва впередъ, потомъ на обѣ стороны, здороваясь такимъ образомъ со своими подданными. «Въ этомъ привѣтствіи», говорила разсказчица, «было столько уваженія и снисходительности, что всѣ прослезились, когда сообразили, что Самодержецъ могущественной Россіи преклоняетъ свою голову передъ своими незначительными финскими подданными». Государь много и оживленно танцовалъ. На вопросъ въ г. Вазѣ, надо ли выставить стражу на ночь, Государь отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ: «Я сплю спокойно у моего финскаго народа. Его любовь—моя лучшая стража».

Въ газетѣ «Mnemosyne» писали по поводу поѣздки Императора Александра: «Можно было думать, что это любезный отецъ разстается съ своими дѣтьми, которыя сердечно провожаютъ его съ грустью и благословеніями.—Съ чувствомъ боли, какъ то бываетъ, когда теряешь друга, знакомство съ которымъ продолжительное время было для насъ дорого, каждый разставался съ нимъ медленно и тихо». Еще старательнѣе украсила свою статью цвѣтами фантазіи газета Abo Allmänna Tidning.

Къ пріему Государя Абоская академія, какъ она тогда еще называлась, со стороны площади разукрашена была транспарантомъ, изготовленнымъ по плану профессора Іогана Фредрика Валленіуса. Представленъ былъ герой въ античномъ римскомъ одѣяніи съ красной повязкой на челѣ и съ командорскимъ жезломъ въ рукѣ (такъ представляли себѣ Императора Александра I). Онъ изображенъ былъ стоящимъ у стола, покрытаго краснымъ сукномъ съ золотой бахрамой; на столѣ находились короны: императорская, великокняжеская и королевская. Эти короны, конечно, имѣли въ виду Россію, Финляндію и Польшу. Подъ финской короной находился лавровый вѣнокъ съ надписью: Haud ultima nostra Nec minus illa Tibi dilecta. (Хотя наша и послѣдняя, она не менѣе дорога)» [519]). Городская ратуша украшена была транспарантами, изображающими дѣтскую «благодарность», «любовь» и «вѣрность»; аллегорическія фигуры ихъ поднимали корону къ вензелю Александра и русскому орлу, которые были освѣщены лучами солнца. Фигуры стояли на скалѣ, которая должна была изображать постоянство, а на камнѣ были высѣчены, какъ бы объясняя картину, слова по-русски: «Любовь, Вѣрность и Постоянность». Вышеупомянутыя слова вѣроятно были единственными на русскомъ языкѣ, которыя представились взорамъ Александра I во время его финляндской поѣздки въ 1819 году, и едва ли больше словъ на этомъ языкѣ дошло до его слуха съ финскихъ устъ, прибавляетъ современный намъ писатель, занявшійся спеціально описаніемъ его путешествій [520]).

Наиболѣе плодотворнымъ по своимъ послѣдствіямъ оказалось посѣщеніе Государемъ Таммерфорса. Король Густавъ III первый «изобрѣлъ» Таммерфорсъ и предвидѣлъ его будущность, но Александръ Павловичъ первый «открылъ» тотъ Таммерфорсъ, который нынѣ процвѣтаетъ. Онъ понялъ, какое значеніе должна получить огромная сила воды, которая, пѣнясь, протекала около незначительнаго и неизвѣстнаго тогда городка. Стоя на небольшомъ скалистомъ островкѣ у верхняго теченія водопада и любуясь его величественнымъ видомъ, Александръ I подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него силою воды, сказалъ сопровождавшему его англичанину Peterson'у: «Какъ жаль, что эта сила не употребляется на что-либо доброе, и какія полезныя учрежденія англичанинъ сумѣлъ бы соорудить на этомъ мѣстѣ». Эти царскія слова пробудили вниманіе мѣстной администраціи и она сочла своимъ долгомъ примѣнить громадный природный двигатель къ дѣлу промышленности. Уже въ 1821 году Таммерфорсъ объявленъ былъ

вольнымъ городомъ, и съ того времени его будущность была обезпечена. На томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ I высказалъ свою мысль, впослѣдствіи поставленъ памятникъ, въ видѣ огромнаго орла изъ бронзы съ распростертыми крыльями. Латинская надпись на памятникѣ гласитъ: «Александръ I, Императоръ Россійскій, Великій Князь Финляндіи, стоя на этой скалѣ 10 сентября 1819 года послѣ Рождества Христова, былъ первымъ, который повелѣлъ, чтобы шумящія волны служили въ помощь людямъ. Тѣ учрежденія, которыя ты, странникъ, теперь видишь такъ тщательно сооруженными на пользу безчисленнаго множества людей, громогласно прославляй память отца отечества, находящагося нынѣ на небесахъ» [521]).

Наконецъ, Государь прибылъ въ Гельсингфорсъ. Здѣсь, въ связи съ главною цѣлью поѣздки, Государь имѣлъ продолжительную бесѣду съ Аминовымъ, котораго тутъ-же возвелъ въ графское достоинство, и выразилъ желаніе, чтобы его сыновья были взяты изъ Лундскаго университета, такъ какъ самъ Аминовъ являлъ собою «l'homme le plus marquant de ce pays»; Ребиндеру было повелѣно озаботиться также переводомъ изъ Швеціи ихъ учителя. Далѣе, въ той же бесѣдѣ, которую былъ удостоенъ Аминовъ, Государь сказалъ, что имѣетъ намѣреніе учредить особую комиссію, съ цѣлью разработки конституціи для Финляндіи. Предсѣдательствовать въ этой комиссіи долженъ былъ Аминовъ, который съ большой радостью принялъ новое назначеніе. Постановленіе объ учрежденіи этой комиссіи было заготовлено, но Государь его не подписалъ. Ребиндеръ и Эренстремъ горячо желали провести задуманное дѣло, сознавая, что временное (provisoriska) положеніе длится слишкомъ долго, и что изъ этого положенія нѣтъ возможности выйти иначе, какъ передактировавъ конституцію, которая должна быть согласована съ наличнымъ положеніемъ, придавъ всему управленію прочность и устойчивость, коихъ оно лишено, создавъ національную армію, при посредствѣ которой финскій народъ могъ бы выполнить свои обязательства по отношенію того государства, подъ защитой коего находится, и, наконецъ, ввести болѣе правильное налогообложеніе.

Такъ мечтали финляндцы. Государь вернулся въ столицу, но никакихъ повелѣній о конституціи и сеймѣ не послѣдовало. Финляндцы до сихъ поръ не разобрались въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыя разбились ихъ мечты. Они рѣшили, что подули вѣтры реакціи и на этомъ успокоились. «Реакція» сгубила всходы конституціи—повторяютъ они до днесь въ одинъ голосъ. «Реакція»

пресѣкла всякіе дальнѣйшіе сеймовые планы!.. Маннергеймъ жаловался, что надежда увидѣть при болѣе мирныхъ условіяхъ конституцію края, закрѣпленную сеймомъ, надежда, которую питали съ самаго Боргоскаго сейма и которая въ царствованіе Александра нѣсколько разъ была на пути къ осуществленію, по неизвѣстнымъ причинамъ рушилась и едва ли когда либо осуществится [522]).

Причины эти теперь хорошо извѣстны и онѣ вполнѣ объясняютъ, почему послѣ сейма въ Борго финляндцы въ царствованіе Александра Благословеннаго не дождались новаго созыва своихъ земскихъ чиновъ и не получили подписи подъ своимъ проектомъ конституціи.

Необходимо послѣдовательно разсмотрѣть тѣ причины, которыя похоронили первый проектъ финляндской конституціи, иначе многое въ исторіи Финляндіи періода Александра I останется непонятнымъ и неразъяснимымъ. На новую конституціонную работу финляндцевъ вдохновило открытіе сейма въ Варшавѣ. Надо поэтому прежде всего дочитать исторію конституціонной Польши царствованія Александра I до конца, чтобы видѣть, какая малая гарантія крылась въ Варшавскихъ событіяхъ, для развитія конституціонныхъ плановъ въ остальныхъ частяхъ Россіи.

Польша получила многое отъ Александра Павловича, на Польшу были обращены взоры образованныхъ русскихъ, ожидавшихъ конституціи. Примѣръ Польши для финляндцевъ подготовлялся очень предусмотрительно финляндскимъ-же дѣятелемъ Г. М. Армфельтомъ. Предвидя скорое наступленіе войны съ Наполеономъ, Армфельтъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы расположить Польшу въ пользу Россіи; въ этихъ видахъ онъ усердно поддерживалъ польскаго патріота Огинскаго и хлопоталъ за самостоятельность Польши.

Отступленіе русскихъ войскъ въ 12-мъ году сильно опечалило Армфельта потому, между прочимъ, что Польша была оставлена нами на произволъ судьбы. Мыслей о полякахъ и ихъ будущей судьбѣ Армфельтъ не оставлялъ, слѣдовательно, даже въ разгарѣ великой борьбы. Во время ея, 23 мая 1812 г., онъ писалъ: «Я взялъ сторону поляковъ houtement, и Государь склонился въ ихъ пользу. Поляки согласны на все, чего отъ нихъ потребуютъ, но желаютъ получить право самообложенія налогами и регулированія своихъ расходовъ, однако сего невозможно вбить

въ головы тѣхъ скотовъ, которые имѣютъ отношеніе къ этому вопросу». 29 ноября 1812 г. Армфельтъ писалъ Эренстрему: «Я желаю, чтобы Императоръ даровалъ полякамъ existence politique и объявилъ себя и своихъ преемниковъ ихъ королемъ». Нѣсколько позднѣе тотъ-же Армфельтъ сообщалъ: «Мы наканунѣ возрожденія Польши; когда наша армія вступитъ въ Варшаву, коронованіе можетъ имѣть тамъ мѣсто».

Эти стремленія Армфельта совпадали съ мыслями Бернадота. «Надо дѣйствовать повсюду на направленіе умовъ»,—говорилъ шведскій наслѣдный принцъ нашему посланнику,—«мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе Императоръ Александръ провозгласитъ себя польскимъ королемъ, предоставивъ большія выгоды странѣ, тѣмъ это будетъ лучше».

Возстановленіе Польши,—какъ особаго королевства, соединеннаго съ Россіей конституціоннымъ постановленіемъ,—было любимой мечтой Армфельта, надъ осуществленіемъ которой онъ постоянно работалъ и по возвращеніи изъ главной квартиры подъ Вильной. «Я лелѣю себя надеждой, что корона Польши въ іюлѣ мѣсяцѣ будетъ на головѣ того, который наиболѣе достоинъ носить ее. Какое счастье для поляковъ и для другихъ народовъ, которые, подъ эгидой конституціи, принадлежатъ этой имперіи»,—значится въ письмѣ Армфельта къ Эренстрему отъ 21 мая 1814 года.

Интересуясь польскими дѣлами, Армфельтъ съ удовольствіемъ разсказывалъ о встрѣчѣ Государя въ Парижѣ съ польскимъ патріотомъ Костюшко; на заявленіе послѣдняго, что онъ не желаетъ возвратиться на свою родину до тѣхъ поръ, пока она вновь не будетъ Польшей, Александръ I сказалъ: «Въ такомъ случаѣ вы теперь можете отправиться туда». Всѣ подобныя новости принимались поляками съ «пылающимъ» восторгомъ.

Предполагалось, что другъ Армфельта, графъ Огинскій, займетъ по отношенію къ польскимъ дѣламъ такое же положеніе, какое принадлежало Армфельту въ дѣлахъ финляндскихъ. Тотъ интересъ, съ которымъ Армфельтъ относился къ возстановленію Польши, былъ, по всей вѣроятности, связанъ съ мыслью о закрѣпленіи положенія Финляндіи, дабы она не оставалась одинокой по своимъ исключительнымъ правамъ въ «монархіи» Царя. Онъ, однако, сознавалъ, что финны и поляки не могли быть направляемы одинаковыми пріемами и средствами, и потому не хотѣлъ, чтобы ихъ управленіе было организовано по одному образцу. Мѣстное управленіе въ Варшавѣ, «съобезьяненное» съ финляндскаго, было бы, по его мнѣнію, грубѣйшею нелѣпостью,

какую можно было допустить. 10 августа 1814 года Армфельтъ написалъ Эренстрему: «Что меня болѣе всего огорчаетъ,—это организація Польши по столь плохому административному образцу. Такъ какъ мнѣ поручено сообщить Огинскому всѣ необходимыя свѣдѣнія (это, конечно, между нами), то я постараюсь дать ему понять всѣ недостатки организаціи, какъ мѣстнаго управленія Финляндіи, такъ и нашей комиссіи».

По возвращеніи императора въ Петербургъ, будущность Польши была предметомъ его совмѣстныхъ обсужденій съ Армфельтомъ, который тогда пришелъ къ тому заключенію, что вопросъ отложенъ. «Судьба Польши не будетъ окончательно рѣшена,—писалъ онъ,—пока Государь не прибудетъ въ Вѣну въ октябрѣ».

Нельзя упускать изъ вида, что по мѣрѣ того, какъ открывались планы императора по отношенію къ Польшѣ, росла русская и иностранная оппозиція. Многіе выдающіеся политическіе дѣятели предупреждали Александра I о рискованности его намѣреній.—Большинство ихъ въ присоединеніи Польши и дарованіи ей конституціи видѣло ошибку со стороны Императора Александра и источникъ многихъ бѣдствій въ будущемъ. «Возстановленіе царства Польскаго,—говоритъ современникъ,—было ничѣмъ инымъ, какъ сооруженіемъ новаго горнила мятежей и смутъ». Въ 1813 году Новосильцевъ подалъ записку объ организаціи Варшавскаго герцогства, находя конституцію совершенно нежелательной. Въ 1814 году В. С. Ланской высказался противъ конституціонной и автономной Польши. Великій Князь Константинъ Павловичъ не признавалъ пользы конституціоннаго устройства Польши.—И. т. д. «Государь! Простите русскому,—писалъ В. С. Ланской,—открывающему передъ тобой чувства свои. Если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно» [523]). Польскій писатель Мохнацкій также призналъ конституціонное Польское Королевство «настоящей политической змѣей за пазухою самодержавной Россіи».

Еще опредѣленнѣе говорили иностранные политики и дипломаты. «Всѣ начала,—писалъ Штейнъ въ запискѣ, поданной императору Александру,—входящія въ характеръ свободной націи: чистота нравовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ, просвѣщеніе; всѣ учрежденія, долженствующія лежать въ основѣ конституціи: среднее сословіе, городскія и общинныя учрежденія—имъ (полякамъ) неизвѣстны. Все заставляетъ опасаться, чтобы

свобода, къ которой эта нація вовсе не приготовлена, не сдѣлалась бѣдствіемъ для нея самой, для ея сосѣдей и для державы, съ коею она должна остаться неразрывною». Штейнъ предлагалъ дать полякамъ такія политическія учрежденія, которыя-бы обезпечивали имъ участіе въ самоуправленіи, охранили бы ихъ отъ угнетеній, поддержали бы общественное мнѣніе и дали бы пищу ихъ дѣятельности. Учрежденіе земскихъ областныхъ чиновъ въ каждой польской провинціи послужило бы обезпеченіемъ полякамъ личной свободы, собственности, участіе во внутреннемъ управленіи и дало бы средства къ развитію въ народѣ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

— «Почему-же вы,—спрашивалъ Императоръ Александръ Штейна,—изъявляя постоянно либеральныя идеи, предлагаете мнѣ совершенно противное»?

— «Опасаюсь, чтобы Польша не сдѣлалась для васъ источникомъ непріятностей».

«Эта знать,—говорилъ Каподистрія Императору Александру,—про польскую аристократію, по своему своекорыстію, буйству и вѣковой враждѣ къ Россіи, никогда не оцѣнитъ вашихъ пожертвованій».

Особаго вниманія заслуживаютъ мысли нашего дипломата Поццо-ди-Борго въ виду того, что онѣ,—хотя и высказанныя по поводу дѣлъ Польши,—удивительно примѣнимы къ Финляндіи. Присоединеніе Финляндіи и все, что дѣлалось въ ней въ первое время, прошло почти незамѣченнымъ при шумѣ громкихъ дѣлъ Наполеона, поэтому русскіе мало отозвались на ея событія. Но ко времени Варшавскихъ дней русскіе успѣли собраться съ мыслями и высказались уже весьма опредѣленно не въ пользу своего Монарха, носившагося съ изумительными планами о раздробленіи унаслѣдованной имъ Имперіи. «Создавать, — писалъ пророчески Поццо-ди-Борго Императору Александру,—всеобщіе и постоянные интересы противъ себя есть великая политическая ошибка. Возможно-ли предполагать, чтобы Ваше Величество могли желать чего-нибудь, что противорѣчило бы интересамъ Вашей націи, которую сами-же Вы такъ возвеличили, открыли ей тайну ея могущества и сдѣлали ее господствующею въ Европѣ?.. Разрушеніе Польши, какъ политической державы, составляетъ почти всю новѣйшую исторію Россіи. Титулъ короля польскаго никогда не можетъ симпатизировать титулу Императора и Самодержца всей Россіи. Эти двѣ квалификаціи никогда не могутъ слиться вмѣстѣ; онѣ означаютъ вещи и предполагаютъ обязанности до того различ-

ныя, что одинъ и тотъ-же Государь не могъ соединить ихъ въ себѣ, не возбуждая недовольства въ той или другой націи или, быть можетъ, въ обѣихъ. Каковы бы ни были вначалѣ мотивы и цѣли завоеваній, но если разъ завоеванія совершились и всѣми признаны, то сохраненіе оныхъ есть уже совершенная необходимость, особенно, если, по свойствамъ и важности этихъ завоеваній, они входили въ систему основной политики государства, завоевавшаго страну. Польскія владѣнія, присоединенныя къ Россіи, находятся, по моему мнѣнію, именно въ этомъ положеніи. Отдѣлить ихъ какою нибудь минутною мѣрою значило бы подвергнуть весь составъ и экономію государства гибельнымъ перемѣнамъ и возбудить нравственную оппозицію и раздѣленіе мнѣній, весьма вредныхъ и одинаково опасныхъ для обѣихъ націй...

Размышляя объ этомъ событіи, умъ съ трудомъ постигаетъ возможность отдѣленія, однимъ простымъ актомъ, столькихъ провинцій отъ общей адмистраціи имперіи для того, чтобъ образовать изъ нихъ фактически независимое государство, которое управлялось бы, по взаимному съ нимъ соглашенію, системой свободныхъ учрежденій, само вотировало бы налоги, разрѣшало бы ихъ употребленіе и могло бы создать свою армію, между тѣмъ какъ сами завоеватели были бы вынуждены удалиться и присутствовать простыми зрителями при этой революціи; трудно постигнуть, какимъ образомъ все это можетъ совершиться, безъ того, чтобъ отсюда не возникло злоупотребленій со стороны новыхъ отпущенниковъ и негодованія въ старыхъ подданныхъ. Такой контрастъ былъ бы опасенъ во всякомъ случаѣ; но опасность эта значительно возрастаетъ вслѣдствіе рѣзкаго различія, которое установится въ положеніи русскихъ и поляковъ съ точки зрѣнія конституціонной. Первые, сознавая свою силу и будучи дѣйствительно сильны, будутъ обречены на положеніе пассивное, тогда какъ вторые, будучи слабы и занимая положеніе сравнительно низшее, будутъ управляться свободно. Присоедините къ этому высокомѣріе торжествующаго тщеславія надъ величіемъ оскорбленнаго права, и картина будетъ окончена.

«Легко можетъ быть, что Ваше Величество, въ цвѣтѣ лѣтъ вѣнчанные величайшими успѣхами и во главѣ Европы, будете въ состояніи Вашимъ вліяніемъ и твердостью сдержать движенія, которыя могли бы возникнуть противъ этого новаго порядка вещей; но сдержать не значитъ погасить, и предполагая интересы и страсти двигателями сихъ предпріятій, зародыши смутъ будутъ возрастать непрерывно и будутъ воспроизводить тѣ-же самыя дѣй-

*

ствія при каждомъ изъ случаевъ, которые не могутъ не представиться въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ...

«Я слишкомъ далекъ отъ мѣры желать увеличенія бѣдствія поляковъ ничѣмъ неизвиняемою жестокостью. Но вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ-ли оказать полякамъ всевозможное добро: каждый честный человѣкъ раздѣляетъ это желаніе; истинная задача для государственнаго ума заключается въ комбинаціи мѣръ благодѣтельныхъ для Польши съ общимъ интересомъ и безопасностью имперіи Вашего Величества. Въ глубокомъ убѣжденіи, что предлагаемый поляками планъ вредитъ и тому и другому, я высказалъ здѣсь свои мнѣнія».

Императору Александру и его преемникамъ скоро пришлось сознать справедливость глубоко продуманнаго мнѣнія Поццо-ди-Борго [524]); но во время Вѣнскаго конгресса разубѣдить его было невозможно. Вопреки всѣмъ подобнымъ предостереженіямъ, Польша 15—27 ноября 1815 года получила конституцію, ее сдѣлали королевствомъ, ей дали свою національную армію. Корона Польши была наслѣдственна по законамъ Имперіи; на время отсутствія Царя назначался намѣстникъ. Трактаты могъ заключать только Императоръ Россіи. Всѣ дѣла велись на польскомъ языкѣ. Сеймъ состоялъ изъ двухъ камеръ. Государственный Совѣтъ образовался изъ пяти министровъ и государственныхъ совѣтниковъ [525]).

«Нельзя-ли,—говорилъ князь Адамъ Чарторыйскій Императору, — имѣть въ главной Вашей квартирѣ постоянно какого-нибудь поляка, который былъ-бы, такъ сказать, адвокатомъ, представителемъ своей націи, и которому поручено было бы завѣдываніе дѣлами, касающимися его страны?» И по конституціи Польши создался особый статсъ-секретаріатъ въ Петербургѣ, на подобіе коммиссіи Финляндскихъ дѣлъ.

15-го марта 1818 г. Государь лично открылъ сеймъ тронною рѣчью, преисполненною благосклонности къ польскому народу и сочувствіемъ конституціонному порядку. Государь сказалъ: «Образованіе (organisation), существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно, то, которое Я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законосвободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ Моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь Я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что Я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣ-

лости. Поляки!.. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею... Представители Царства Польскаго!.. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры. Докажите своимъ современникамъ, что законносвободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ теченіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественнаго устройства, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ для достиженія полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народа».

Въ Россіи рѣчь Государя впервые появилась въ «Спб. Вѣдомостяхъ», 1818 г. № 226, въ переводѣ съ французскаго, сдѣланномъ княземъ П. Вяземскимъ. Нужно замѣтить, что въ рѣчи этой слова constitution (конституція) и institutions liberales (либеральныя учрежденія) переведены самимъ Императоромъ Александромъ, какъ «государственное уложеніе» и «законно-свободныя учрежденія» [526]).

«Рѣчь Государя на сеймѣ,—писалъ Ар. А. Закревскій къ П. Д. Киселеву,—прекрасная, но послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія». Въ числѣ генераловъ, находившихся въ Варшавѣ при открытіи сейма, былъ также И. Ф. Паскевичъ; онъ усмотрѣлъ, что рѣчь Государя была оскорбительна для русскаго самолюбія. «Безъ сомнѣнія,—писалъ Михайловскій-Данилевскій,—весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ Самодержца, но надобно будетъ видѣть, приведутся-ли предположенія сіи въ дѣйствіе».

Замѣчательно, что ни поляки, ни русскіе не были удовлетворены дѣйствіями Александра I въ Польшѣ. Поляки надѣялись въ Варшавѣ, изъ устъ Государя, услышать о присоединеніи Могилева, Витебска, Волыни, Подоліи и Литвы къ Царству Польскому. Съ другой стороны, они не повѣрили чувствамъ Государя.

Странно, что не вѣрилъ искренности Александра I и князь Вяземскій,—хотя рѣчь Государя произвела на него очень сильное впечатлѣніе; «онъ говорилъ отъ души, или съ умысломъ дурачилъ свѣтъ», замѣчаетъ Вяземскій. Государева рѣчь обдала законоположительнымъ... паромъ православный народъ, и все заговорило языкомъ законносвободнымъ» [527]).

«Мнѣ бы грустно было, писалъ Карамзинъ князю Вяземскому 27 іюня 1818 г., если бы вы веселились съ поляками, хотя мы и должны любить ихъ по христіанству и человѣчеству».

«Въ Варшавѣ играютъ,—писалъ Карамзинъ кн. Вяземскому,—а дѣлу быть (или не быть) въ Россіи; но прежде дѣла надобно хорошенько подумать» [528]).

У русскихъ было много своихъ причинъ недовольства. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Каподистрія нашелъ неудобнымъ два пункта: 1) сравненіе между Польшею и Россіею и 2) обѣщаніе присоединить къ Польшѣ провинціи, уже вошедшія въ составъ русской Имперіи. Каподистрія опасался, что эти указанія произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе на русское общество [529]).

Дарованіе конституціи Финляндіи и особенно Польшѣ раздражало русскую интеллигенцію, потому что этимъ странамъ оказывалось предпочтеніе предъ Россіею. По словамъ декабриста М. А. Фонъ-Визина, Александръ I присоединенной Польшѣ даровалъ конституціонныя установленія, «которыхъ Россію почиталъ недостойной». По словамъ А. Поджіо, къ дарованію конституціи Польшѣ отнеслись «не безъ ревности», а въ рѣчи Государя на сеймѣ, по мнѣнію этого декабриста, есть выраженія, оскорбительныя для духа народнаго нашего». В. Ф. Раевскій оставался недовольнымъ тѣмъ, что Государь «медлитъ» исполнить свое обѣщаніе о дарованіи Россіи конституціи, по примѣру Царства Польскаго. Завалишинъ находилъ, что вѣдь нельзя же было отказывать Россіи въ томъ, что было даровано Польшѣ, и, подобно Поджіо, онъ отмѣтилъ и чувство обиды, происходившее отъ того, что «побѣжденной и завоеванной Польшѣ» дана конституція прежде, нежели ее получила ея побѣдительница Россія.

Отозвался и Н. И. Тургеневъ: «Нельзя,—писалъ онъ князю Вяземскому, русскому не пожалѣть, что между тѣмъ какъ поляки посылаютъ представителей, судятъ и отвергаютъ проекты законовъ, мы не имѣемъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣемъ показывать всю его мерзость и беззаконность».

«Счастливые поляки толкимъ о нихъ попеченіемъ,—писалъ А. П. Ермоловъ Закревскому. — Что же касается предположенія Государя относительно дарованія въ будущемъ конституціи Россіи, то, я думаю,—продолжалъ Ермоловъ—«все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны». Такъ и вышло! Польша получила конституцію. Красивыя либеральныя слова были произнесены, но въ Россіи ничего серьезно не дѣлалось для практиче-

скаго ихъ осуществленія. Вотъ почему генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ: «Государь! намъ предстоитъ новая война, которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ. Не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они почтутъ за счастье умереть за такое дѣло, важность котораго понятна и прочувствована всѣми; но.. новый титулъ, который Ваше Императорское Величество собираетесь принять и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе Ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями, — вотъ пункты, которые Вашему Величеству чрезвычайно необходимо выяснить Вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа. Если отъ Россіи желаютъ такой-же энергіи въ 1815 году, какую она проявила въ 1812 году, то по моему мнѣнію, необходимо, чтобы Ваше Величество, не теряя времени, обнародовали въ ней Ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа, и главное, Государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая Вашимъ Величествомъ Польшѣ, является какъ-бы знакомъ предпочтенія».

Финансы герцогства были разстроены. Россія давала въ годъ нѣсколько милліоновъ рублей серебромъ на содержаніе арміи, которая потомъ сражалась противъ нея. Ф. В. Ростопчинъ писалъ С. Р. Воронцову въ январѣ 1819 г.:—Россія «быкъ съ котораго сдираютъ кожу, котораго съѣдаютъ и изъ котораго дѣлаютъ плитки бульона [530])». А нравственное зло! Четыре милліона измѣнниковъ, закоренѣлыхъ враговъ нашихъ, сдѣлались русскими гражданами, дворянами, ядовитая жидкость влилась въ жилы Россіи. Награждены были люди, лѣзшіе на стѣны Смоленска и грабившіе Москву, а защитники Россіи, вѣрные сыны ея, оставлены были безъ вниманія; имъ заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова.

«Если бы Александръ I искренно хотѣлъ воскресить Польшу,— писала въ своихъ мемуарахъ графиня Потоцкая,—то онъ не поручилъ бы это дѣло своему брату Константину, зная, что его идеи и характеръ противорѣчили либеральнымъ намѣреніямъ Императора». Но этого мало. Рядомъ съ вице-королемъ,—постъ котораго занялъ генералъ Заіончекъ—былъ поставленъ государственный комиссаръ Новосильцевъ. Конституція была такимъ образомъ плотно окружена властями, съ которыми ей было трудно уживаться. Въ то же время Литва и западныя губерніи негласно были подчинены цесаревичу въ гражданскомъ отношеніи.—Гене-

ралъ Лубинскій напоминалъ полякамъ, что царь конституціонный въ Польшѣ есть императоръ самодержецъ въ Россіи. И такъ какъ Александръ I фактически никогда не былъ склоненъ уступать что-либо изъ своей власти, то онъ скоро разладилъ съ польскимъ сеймомъ и въ 1820 г. закрылъ его строгою рѣчью за то, что имъ отвергнуты были, почти безъ разсужденій, всѣ правительственныя предложенія.

Критика польской политики Александра I была столь велика и распространена, что нашла отголосокъ даже на тронѣ. Его замѣститель и братъ сказалъ однажды въ Варшавѣ: «Императоръ Александръ учинилъ для поляковъ болѣе, нежели должно было учинить Россійскому Императору. Онъ имѣлъ о васъ болѣе попеченія, нежели о собственныхъ подданныхъ».

Не одна только Польша давала поводъ къ недовольству. Поводовъ было много. Какъ ни слабо проявлялось тогда общественное мнѣніе въ Россіи, но оно всетаки сказывалось. Дѣла Грузіи, Бессарабіи и сотни другихъ фактовъ царствованія Александра I отзывались въ русскомъ сердцѣ и будили политическую мысль общества. Исторія того времени говорила весьма наглядными фактами.

Грузія просилась подъ высокую руку царя православнаго. Генералу фонъ-Кноррингу предписывалось составить положеніе объ управленіи Грузіи, имѣя при этомъ въ виду, что не для Россіи присоединяется народъ сей къ Имперіи, но собственно для него, что не нашихъ пользъ въ семъ мы ищемъ, но единственно его покоя и безопасности».

29-го апрѣля 1818 г. состоялось изданіе устава объ устройствѣ Бессарабской области, причемъ былъ учрежденъ особый бессарабскій Верховный Совѣтъ и особое областное правительство. Предсѣдателемъ въ этомъ совѣтѣ былъ полномочный намѣстникъ Бессарабской области, званіе котораго затѣмъ соединили съ званіемъ новороссійскаго генералъ-губернатора, проживавшаго въ Одессѣ. Эта область, присоединенная отъ Турціи, едва не сдѣлалась такимъ образомъ особымъ конституціоннымъ клочкомъ Россіи. Только графъ Воронцовъ, назначенный намѣстникомъ Новой Россіи, помѣшалъ исполненію такого плана, который поддерживался въ Петербургѣ Стурдзею.

Въ Остзейскомъ краѣ въ 1802 г. возникъ «германскій» университетъ въ Дерптѣ. И т. д.

Достаточно пока этихъ фактовъ. Они свидѣтельствуютъ о политикѣ, крайне нежелательной для единства и цѣльности Россіи.

Одно изъ первѣйшихъ правилъ мудрой внутренней политики есть возможное объединеніе государства, если не племенное, то политическое; юридическое неравенство и разноправность различныхъ частей государства будетъ вѣчнымъ подрывомъ внутренней крѣпости и внѣшней его силы, вѣчнымъ источникомъ съ одной стороны всяческихъ затрудненій для правительства, съ другой — взаимнаго антагонизма и отчужденія между подданными этихъ, не одинаково надѣленныхъ частей. Особенно вредно и опасно если преимущество въ этомъ отношеніи падаетъ на сторону чужаковъ, въ ущербъ и такъ сказать, въ униженіе передъ господствующей народностью, гражданское и политическое права которой должны служить нормою для всего государства» [531]).

Подобнаго положенія въ царствованіе Императора Александра I точно не существовало. Его политика не знала почти «національныхъ требованій». При немъ много говорили о «народной волѣ», причемъ не считались только съ волей «русскаго народа». Россія истощалась въ пользу чужихъ народностей и чужихъ интересовъ. Всѣ преимущества отдавались «чужакамъ».

Государь никогда и не скрывалъ своего предпочтенія къ иностранцамъ и инородцамъ даже въ мелочахъ. Государь награждалъ (въ 1816 г.) польскія войска вчетверо болѣе русскихъ; щедрость его распространялась даже на польскихъ инвалидовъ, изувѣченныхъ, конечно, не при защитѣ Россіи» [532]). «Если Государь не видѣлъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адьютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашивалъ о причинѣ, почему такой-то не являлся при дворѣ, боленъ-ли онъ и тому подобное; но когда случится, что какой-нибудь изъ знакомыхъ Его Величества австрійцевъ занеможетъ, то немедленно посылаетъ узнать объ его здоровьѣ [533])». Путешествуя за границей, Императоръ Александръ нерѣдко часть пути проходилъ пѣшкомъ, заходилъ въ дома поселянъ, бесѣдовалъ съ ними и раздѣлялъ ихъ трапезу. Въ поѣздкахъ-же по Россіи, онъ точно скользилъ по ней. По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, во время путешествій по Россіи, Государь рѣдко входилъ въ подробные разговоры о нуждахъ жителей, а большею частью дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, коихъ имена почему-либо были ему извѣстны. «Непостижимо для меня,—прибавляетъ онъ,—какъ 26 августа (1816 года) Государь не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда почти всѣ дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ

родныхъ, павшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, Государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской. Императоръ почти не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малаго-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Асперискія поля, а изъ Брюсселя—въ Ватерлоо. Достойно примѣчанія, что государь не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

«Война 1812 года кончилась благополучно, Монархъ, украшенный славою, возвратился. Европа склонила передъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ-ли какую льготу? Нѣтъ». Александръ, войдя побѣдителемъ въ Парижъ, подарилъ Франціи всю военную контрибуцію, слѣдовавшую Россіи въ возмѣщеніе за раззореніе ея областей и за сожженную Москву. Потери и жертвы Россіи шли на «общее благо» Европы и человѣчества. Въ вознагражденіе Россія получила Польшу—«элементъ самой злокачественной заразы».

Россія гордилась Александромъ и въ правѣ была ожидать отъ него къ себѣ вниманія. Всѣ надѣялись, что Императоръ займется внутреннимъ управленіемъ государства, дастъ ему законы и лучшее судопроизводство. Народъ былъ особенно подготовленъ пойти на встрѣчу правительству. «Вездѣ проповѣдовали о любви къ отечеству, о свободѣ, о гражданскихъ обязанностяхъ, о достоинствѣ человѣка». Всѣ декламировали о народѣ, но ничего для него не дѣлали. «Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвало былъ Императоръ Александръ Павловичъ», давшій конституцію полякамъ [534]).

Въ царствованіе Александра Павловича началась печальная эпоха «политики презрѣнія собственной страны во всемъ, кромѣ ея стихійныхъ силъ» [535]). Декабристъ баронъ В. И. Штейнгейль писалъ впослѣдствіи Императору Николаю I, что царствованіе Александра I «было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно» [536]). «Худо странѣ, если симпатіи государя не принадлежатъ прежде всего прирожденному ему народу!» [537]). Князь С. Г. Волконскій былъ въ войскѣ, когда велись извѣстные переговоры въ Тильзитѣ и, подобно другимъ своимъ современникамъ, испыталъ то чувство униженія, которое тогда уже высказывалось Императоромъ Александромъ по отношенію къ своимъ войскамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство раздраженія, которое было вызвано въ русскомъ обществѣ Тильзитскимъ миромъ [538]).

Въ другомъ мѣстѣ его записокъ читаемъ: «Положеніе насъ, русскихъ, было довольно щекотливое въ Вѣнѣ во время конгресса. Нашъ Императоръ при безпрестанныхъ отличительныхъ привѣтствіяхъ ко всѣмъ иностранцамъ не тотъ былъ къ намъ, и казалось намъ, что онъ полагалъ, что мы въ образованіи свѣтскомъ отстали отъ европейцевъ. Полный учтивости къ каждому прапорщику, не носившему русскій мундиръ, онъ крутенько съ нами обходился».

По свидѣтельству Ив. Ф. Паскевича: «Въ Варшавѣ русскихъ въ 1818 г. какъ будто вовсе не было, мы всѣ черезчуръ стушевались; насъ, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ; вездѣ первенствовали поляки... Такое положеніе не было естественно и не могло долго продолжаться» [539]).

А. Якушкинъ писалъ: «До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изреченія Императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, при смотрѣ при Вертю, во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, Императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ графъ Ожеровскій, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря о русскихъ вообще, сказалъ, что каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ».

Всѣ подобные мелкіе и крупные эпизоды разростались въ общій фонъ царствованія, когда къ нимъ присоединялась еще характеристика внѣшней политики. «Первенствовать въ Европѣ» стало главною цѣлью «реальной политики» Александра послѣ 12-го года. По выраженію одного современника, Александръ съ этого времени «пересталъ быть русскимъ царемъ. Россія сдѣлалась для него источникомъ денегъ и солдатъ, а не объектомъ управленія [540]). Отличаясь отъ русскихъ своими хорошими и дурными качествами, онъ, въ кругу своихъ, былъ похожъ на экзотическое растеніе и никогда не былъ счастливъ (Ад. Чарторыйскій). Столь же ужаснымъ является выводъ французскаго историка А. Сореля (VII, 140): «Въ его, Императора Александра I, характерѣ не было ничего народнаго...

При указанныхъ условіяхъ оппозиція естественно должна была рости. И дѣйствительно оппозиція не ограничилась однимъ осужденіемъ польскихъ дѣлъ; она подняла свой голосъ противъ вся-

кихъ конституціонныхъ плановъ вообще и особенно противъ раздачи исконныхъ русскихъ земель инородцамъ, враждебнымъ Россіи.

Прежде всего извѣстный Лагарпъ, который преподалъ государю весь кодексъ либерализма, послуживъ въ Швейцаріи и принявъ тамъ непосредственное участіе въ управленіи республикой, позналъ призрачность свободы народныхъ собраній и всеобщаго равенства людей, отказался отъ многихъ прежнихъ своихъ теоретическихъ умозрѣній. Въ 1801 г., вновь пріѣхавъ въ Россію, онъ совѣтовалъ Александру I сохранить неприкосновеннымъ принципъ самодержавія, какъ основу твердой власти. Онъ просилъ Александра не поддаваться политическимъ увлеченіямъ и соблюсти осторожность въ крестьянскомъ дѣлѣ. Лагарпъ боялся даже, что права сената уменьшатъ прерогативы верховной власти. Лагарпъ указывалъ, наконецъ, Государю на опасность, которая можетъ произойти для его власти отъ единодушія во взглядахъ въ средѣ членовъ министерскаго совѣта.

Интересный разговоръ имѣлъ Императоръ съ лордомъ Грей въ Лондонѣ въ 1815 г., которому онъ заявилъ, что желалъ бы создать въ Россіи оппозицію на англійскій ладъ. Лордъ Грей замѣтилъ, что для этого стоитъ только ввести представительныя учрежденія и оппозиція будетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ сомнѣніе въ возможности конституціоннаго устройства въ тогдашней Россіи [541]).

Князь Безбородко писалъ: «Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ: малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собой отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія; безпредѣльная власть дается самодержавному государю не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы содержать въ почтеніи и исполненіи законы и самому прежде всѣхъ имъ повиноваться. Безбородко предлагаетъ установить, чтобы государь, при его коронованіи, присягалъ царствовать во славу Имперіи и во благо общественное».

Кочубей поддерживалъ мысль Безбородко о необходимости неограниченной власти въ государствѣ необъятнаго пространства.

«Вы хотите,—писалъ послѣ долгаго разговора съ Императоромъ профессоръ дерптскаго университета Парротъ 28 марта 1805 года Императору Александру,—отказаться отъ принадлежащей Вамъ неограниченной власти и дать Вашему народу представительное правленіе... Я вижу, что идея Ваша принесетъ Вамъ

и Вашему народу несчастье... Вы полагаете, что если дадите Вашимъ русскимъ конституцію они примутъ ее съ благодарностью и большаго требовать не будутъ. Но какія-же у Васъ къ тому ручательства?» Въ Россіи, вмѣсто третьяго сословія, Парротъ видѣлъ лишь рабовъ, а потому считалъ охраненіе самодержавія необходимымъ.

Главой оппозиціи въ Россіи являлся, конечно, исторіографъ Н. М. Карамзинъ.

При посѣщеніи 15—27 марта 1811 года государемъ Твери, отъ Великой Княгини Екатерины Павловны, онъ получилъ записку Карамзина «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ», на которой находилась надпись: «à mon frère seul». Въ этой запискѣ Александръ прочелъ рѣзкое осужденіе либеральныхъ начинаній первыхъ годовъ своего царствованія и недавнихъ реформъ Сперанскаго. Сперанскій и Карамзинъ стояли на противоположныхъ политическихъ полюсахъ. По міросозерцанію Сперанскаго люди ничего не значатъ въ исторической жизни народовъ; дѣйствующая, движущая сила—учрежденія. При правильномъ законномъ порядкѣ и люди будутъ хороши. Порядокъ, а не люди—вотъ что дѣйствуетъ въ исторіи [542]). Карамзинъ, напротивъ, стоялъ на томъ, что все дѣло въ людяхъ, а не учрежденіяхъ. «Не нужно намъ конституціи»,—писалъ Карамзинъ,—«дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ и все пойдетъ хорошо».

Далѣе Карамзинъ крѣпко стоялъ на томъ, что «самодержавіе есть паладіумъ Россіи», оно основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея она должна погибнуть. Цѣлость самодержавія необходима для ея счастья».

О представительномъ образѣ правленія Карамзинъ разсуждалъ такъ: «Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность конституціоннаго закона? Сенату-ли? Совѣту-ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбранные государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ—захотятъ спорить съ нимъ о власти; вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда Монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ Его Величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутять-ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто». Самодержавіе, доказывалъ Карамзинъ, необ-

ходимо для единства громадной и состоящей изъ разнообразныхъ частей Имперіи. «Государь! ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями Россія передъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе Твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе Твоей власти; иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее».

То, что Карамзинъ мужественно говорилъ Царю, онъ повторялъ въ дружеской бесѣдѣ. Къ моднымъ теченіямъ онъ не пристраивался, подобно Сперанскому. «Дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ—писалъ Карамзинъ князю Вяземскому,—есть нарядить какого нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнью Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ [543]).

Когда затѣмъ Карамзинъ узналъ о намѣреніи Государя возстановить Польшу, онъ написалъ 17 октября 1819 г. «Мнѣніе русскаго гражданина», которое тогда-же подалъ Александру I-му въ Царскомъ Селѣ. «Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ симъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго» неустрашимо говорилъ исторіографъ. — «Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно-ли съ законами государственнаго блага Россіи? Можно-ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся-ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ». Если возстановить Польшу,—разсуждалъ мужественный гражданинъ,—то надлежитъ возстановить царство Казанское и Астраханское, Новгородскую республику, Великое Княжество Рязанское и т. д. «Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Нѣтъ, Государь, никогда. Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ни-

чтожны; слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ, но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть».

Къ вопросу объ отторженіи исконно русскихъ частей Имперіи многіе отнеслись съ большой тревогой и весьма сильно проявили свое негодованіе. Императоръ Александръ I имѣлъ разговоръ съ флигель-адъютантомъ княземъ Лапухинымъ, объ уступкѣ Западныхъ губерній Польшѣ. Какъ выводъ изъ этого разговора декабристъ князь С. П. Трубецкой сообщилъ въ Москву, что царь, считая Польшу несравненно болѣе образованною, чѣмъ Россію, которую онъ ненавидитъ, намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить къ Польшѣ. Петербургскіе слухи прибавляли къ этому, что государь намѣренъ перенести столицу въ Варшаву. Это извѣстіе, въ связи съ сообщеніемъ о томъ, что дѣлается въ военныхъ поселеніяхъ въ Новгородской губерніи, возбудило среди членовъ Союза Спасенія мысль о цареубійствѣ.

На цареубійство въ пылу негодованія вызвался, въ 1817 г., Якушкинъ, котораго удержали его товарищи. Такимъ образомъ на почвѣ протеста сошлись мыслями и самые крайніе консерваторы и передовые люди, примкнувшіе къ тайному обществу. Во всякомъ случаѣ польскій вопросъ явился камнемъ преткновенія, о который разбилась любовь русскихъ къ Императору Александру.

Завалишинъ также говоритъ, что извѣстіе о «намѣреніи правительства присоединить Литву къ Польшѣ особенно волновало и оскорбляло общественное мнѣніе». Раздражало и то,—по словамъ Лунина, — что полякамъ дарованы права, въ которыхъ было отказано русскимъ [544]).

Недовольство особенно широко разлилось среди декабристовъ, которые, казалось, должны были отнестись одобрительно къ свободолюбивымъ начинаніямъ Александра I.

Многочисленныя преимущества, предоставленныя Польшѣ и особенно Финляндіи, пробудили историческую логику и русское національное чувство. Передовые и либеральные декабристы признали способъ дѣйствія Александра I не соотвѣтственнымъ интересамъ Россіи. Пестель писалъ: «Народы, подвластные большому государству и происходящіе не отъ господствующаго въ ономъ, но отъ другихъ племенъ, желаютъ всегда для себя независи-

мости и отдѣльнаго политическаго существованія, утверждаясь на правѣ составлять особыя государства и называя оное правомъ народности. Съ другой-же стороны, стремится всякое большое государство къ установленію границъ, крѣпкихъ мѣстнымъ положеніемъ и сильныхъ естественными оплотами, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и къ тому, чтобы силы маленькихъ народовъ, его окружающихъ, умножали силы собственныя его, а не силы какого нибудь другого, сосѣдственнаго большого государства.

«Сіи два противоположныя желанія, основанныя: одно на правѣ народности племенъ подвластныхъ, а другое на правѣ благоудобства для народа господствующаго, въ сущности своей оба естественны, но имѣютъ однако-же оба свои ограниченія и во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ имѣютъ случаи, въ коихъ одно другому уступать должно.

«Такимъ образомъ, племена, подвластныя большому государству, не могущія по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія, слѣдовательно, непремѣнно состоять подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее.

«А посему лучше и полезнѣе будетъ для нихъ самихъ, когда они соединятся духомъ и обществомъ съ большимъ государствомъ и совершенно сольютъ свою народность съ народностью господствующаго народа, составляя съ нимъ только одинъ народъ и переставая безполезно мечтать о дѣлѣ невозможномъ и несбыточномъ».

За этими общими положеніями слѣдуетъ практическій выводъ Пестеля:

«Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли Киргизовъ, всѣ народы сибирскіе и разныя другія племена, внутри государства обитающія, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой Россіи или-же, по временамъ, если не Россіи, то Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи и вообще какому нибудь сильному государству».

Пестель признавалъ только за однимъ народомъ исключеніе— это за поляками. По праву народности должна Россія даровать Польшѣ независимое существованіе. Но и тутъ онъ дѣлалъ оговорки: что «союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ

Робертъ Генрихъ Ребиндеръ.

Графъ Өаддей Өедоровичъ Штейнгель.

ущербъ послѣдней»; что «издавна русское, то должно остаться русскимъ» и потому говорилъ онъ полякамъ: «не требуйте замысловатыхъ уступокъ. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ, но первое наше дѣло отстаивать свое отечество».

Затѣмъ Пестель твердо ставитъ положеніе: «Россія есть государство единое и нераздѣлимое», и объясняетъ, что «нераздѣлимое» таково, въ коемъ «всѣ части или области, государство составляющія одну общую Верховную Власть, одинъ образъ правленія, одни законы имѣютъ и признаютъ и въ коихъ ни одна область не имѣетъ права частно для себя издавать законы и постановленія».

«Дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было-бы для Россіи пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Ежели сію разнородность еще болѣе усилить черезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе между большими или главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также ничто иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства».

Онъ находилъ, что слѣдуетъ стремиться «къ совершенному обрусѣнію всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію. По мнѣнію П. И. Пестеля, Финляндія не только должна быть лишена привилегированнаго положенія status in statu, дарованнаго ей Императоромъ Александромъ I, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями. Въ политической исповѣди, которую онъ представилъ впослѣдствіи суду, имѣется замѣчательное признаніе о томъ, что «внутренній ропотъ» противъ правительства возбуждали въ немъ крѣпостное право, военныя поселенія, «подкупливость» судовъ, а также «преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, а слѣдовательно и Финляндіи, каковыя преимущества «возбуждали чувство обиды въ русскихъ людяхъ».

Такова, примѣрно, картина того, что дѣлалось въ Россіи, въ ея образованныхъ кругахъ. Тамъ создалась умная и сильная оппозиція противъ либерально-конституціонныхъ и явно вредныхъ для Россіи стремленій Императора Александра I. Въ хоръ оппозиціи вошли всѣ выдающіяся въ Россіи личности. Съ такой оппозиціей

приходилось считаться. Она не могла не оказать извѣстнаго вліянія на Государя, особенно при его вѣчно колеблющемся характерѣ. Онъ понялъ, что Поццо-ди-Борго, Карамзинъ, Пестель и др. во многихъ отношеніяхъ правы. Русское чувство Монарха должно было отозваться въ его груди на ихъ искренніе голоса. Безмѣрныя домогательства поляковъ и финляндцевъ не могли также пройти для него безъ слѣда и Александръ I остановилъ, наконецъ, дальнѣйшее дробленіе Россіи, онъ прекратилъ потокъ своихъ милостей инородцамъ и пересталъ отдавать предпочтеніе иностранцамъ.

По крайней мѣрѣ въ разговорѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ Государь сказалъ: «Главная изъ трудностей лежитъ въ общественномъ мнѣніи Россіи. Образъ дѣйствій польской арміи въ нашихъ предѣлахъ, разграбленіе Смоленска, Москвы и вообще цѣлой страны,—все это пробудило старинную ненависть. Не слѣдуетъ забывать, что Литва, Подолія, Волынь считали и считаютъ себя до сихъ поръ русскими областями, и никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію уступить ихъ подъ владычество иного государя, а не того, который управляетъ Россіей» [545]).

Не однѣ волны реакціи бушевали въ Россіи: вліяніе Аракчеева было велико уже въ первые дни царствованія Александра. Нѣтъ, въ Россіи заговорилъ ея государственный смыслъ, ея государственные интересы предъявили свои требованія. Говорилъ не одинъ Карамзинъ, «объявившій себя не либералистомъ», заговорили иностранцы Лагарпъ, Штейнъ, лордъ Грей, Поццо-ди-Борго и др., заговорили передовые умы изъ русскаго либеральнаго лагеря.

Вотъ этого всего не замѣчали финляндцы; за предѣлами своего края они не видѣли Россіи.

Продолжая устанавливать причины неудачъ финляндцевъ въ конституціонномъ вопросѣ, необходимо обратиться къ личнымъ воззрѣніямъ Императора Александра на представительный образъ правленія, чтобы не «произвести расчета безъ хозяина». Первая и главнѣйшая причина, о которую сокрушились планы конституціи—характеръ Александра I.

Сложный вопросъ о томъ, какъ понималась конституція русскимъ правительствомъ въ началѣ царствованія и насколько Александръ I фактически допустилъ ограниченіе своей власти, требуетъ нѣсколькихъ справокъ.

М. А. Фонъ-Визинъ сообщаетъ разсказъ, будто Панинъ, Паленъ и др. вожди мартовскаго заговора хотѣли заставить Александра I въ моментъ восшествія на престолъ принять актъ, ограничивающій самодержавіе, но что Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, которому было извѣстно это намѣреніе, убѣдилъ Александра не соглашаться на требованіе заговорщиковъ. Князь П. В. Долгоруковъ въ своей книгѣ «La verité sur la Russie» сообщаетъ подобный же разсказъ, но приписываетъ требованіе сохраненія самодержавія не одному только Талызину, а также ген.-ад. Уварову и адъютанту Александра, кн. П. М. Волконскому [516]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Императоръ Александръ Павловичъ въ первые годы своего царствованія былъ приверженцемъ свободныхъ конституціонныхъ учрежденій и что мысль о введеніи реформы правительственныхъ учрежденій на европейскій ладъ входила въ его программу.

Въ 1797 г. Императоръ Александръ I писалъ Лагарпу: «Это письмо (отъ 27 сентября—18 октября) будетъ вручено Вамъ г. Новосильцевымъ, который ѣдетъ спеціально для того, чтобы посѣтить Васъ и просить у Васъ совѣта и указаній относительно обстоятельства чрезвычайной важности: созданія счастья Россіи посредствомъ введенія свободной конституціи («en y établissant une constitution libre»). Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется постепенно, образовать народное представительство». Не разъ, затѣмъ, Александръ I высказывалъ, что одному человѣку невозможно управлять государствомъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое, что верховная власть должна даваться не случайностью рожденія, а голосованіемъ народа.

Очевидно, что тутъ сказалось наставленіе Лагарпа, который по словамъ профессора Сухомлинова, говорилъ Александру I: «было бы нелѣпо предполагать, что Творецъ безчисленнаго множества свѣтилъ небесныхъ далъ нѣкоторымъ людямъ право располагать по своему произволу судьбою всего остальнаго человѣчества.

Встрѣтившись въ Парижѣ съ Талейраномъ, Императоръ говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ всегда вѣрномъ «либеральнымъ идеямъ», коихъ не намѣревался покинуть. Въ Лайбахѣ онъ заявилъ: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить». «Повѣрите-ли»,—заявилъ съ удивленіемъ Наполеонъ I графинѣ Шуазель-

Гуфье: «что мнѣ пришлось во время свиданія въ Эрфуртѣ оспаривать мнѣніе Александра I, что избирательное правительство гораздо лучше преемственнаго».

Въ эпоху 1811 года Императоръ Александръ заявилъ генералу барону Армфельту: «Клянусь вамъ, что эти формы (правленія) мнѣ нравятся больше, чѣмъ то пользованіе свободной волей (exercice d'un libre arbitre), въ основѣ котораго лежатъ лишь мои желанія и которое предполагаетъ въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, не существуетъ въ человѣчествѣ. Здѣсь (въ Финляндіи) я могу ошибаться лишь тогда, когда я этого именно хочу: мнѣ открыты всѣ способы узнать истину; тамъ-же (въ Россіи) вокругъ меня одни сомнѣнія и почти всегда привычки, берущія верхъ надъ закономъ. . . . Подобныя-же мысли Государь высказалъ въ 1812 г. Г-жа Сталь въ сочиненіи «Les dix années d'exil» упоминаетъ о своей бесѣдѣ въ Петербургѣ съ Императоромъ, который выражалъ убѣжденіе, что судьба народовъ въ продолженіи вѣковъ отнюдь не должна зависѣть отъ неограниченнаго произвола одного человѣка, существа ограниченнаго и преходящаго, «но я еще, — продолжалъ Александръ, не успѣлъ даровать Россіи конституцію».

Еще въ 1815 году ко всѣмъ дипломатическимъ миссіямъ Россіи была отправлена циркулярная нота, въ которой Императоръ Александръ I указывалъ на то, что лишь либеральный образъ правленія, съ народнымъ представительствомъ, обезпечиваетъ благоденствіе государства [547]).

Такъ говорилъ и дѣйствовалъ Государь, охваченный идеями Лагарпа и мечтами своей молодости, не помышлявшій о невозможности осуществленія плановъ своего «политическаго идеализма». Но, какъ извѣстно, Императоръ Александръ I былъ очаровательной личностью, чрезвычайно величественной и въ то же время очень сложной. Либеральнозаконныя начинанія у него смѣнялись введеніемъ военныхъ поселеній; послѣ великаго героическаго подвига освобожденія народовъ отъ тираніи Наполеона, греки, какъ бунтовщики, были предоставлены турецкому произволу; отъ плацъ-парадовъ дѣлался переходъ къ религіозному мистицизму, Сперанскаго и Лагарпа въ его сердцѣ вытѣснилъ Аракчеевъ, которому,— какъ говоритъ Н. Шильдеръ,—Александръ имѣлъ полное право писать: «Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ, и что я не перемѣнчивъ».

Долго и внимательно наблюдая Императора Александра I, генералъ Михайловскій-Данилевскій не разъ замѣчалъ, что Госу-

дарь всегда помнилъ, что онъ рожденъ самодержцемъ и это глубокое монархическое самосознаніе никогда не покидало его. Михайловскій-Данилевскій находилъ во всѣхъ поступкахъ Александра недостатокъ искренности: «все казалось личиною; по обыкновенію своему, онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ; но . . . иногда блистало у него во взорахъ нѣчто такое, что ясно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что рожденъ самодержцемъ». Вотъ тому нѣсколько доказательствъ. Государь установилъ, что «власть сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества; иной же высшей власти надъ собою не имѣетъ». Случилось такъ, что докладъ военнаго министра объ обязательномъ 12-ти-лѣтнемъ срокѣ службы дворянъ унтеръ-офицерскаго званія прошелъ общее собраніе сената и былъ утвержденъ; но затѣмъ сенаторъ графъ Потоцкій подвергъ этотъ докладъ критикѣ, находя, что нарушены права дворянства, которыя Императоръ Александръ I торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ». Большинство сенаторовъ присоединилось къ мнѣнію графа Потоцкаго. Исторія эта кончилась, однако, тѣмъ, что сенату поставлено было на видъ его вмѣшательство не въ свое дѣло. Н. С. Мордвиновъ очень любилъ разсказывать, что тогда, когда шла рѣчь объ организаціи министерствъ, Александръ I настаивалъ на отвѣтственности министровъ. «Но, Государь, — возразили ему, — если министръ откажется контрасигновать указъ Вашего Величества, то будетъ ли такой указъ имѣть обязательную силу безъ этой формальности». «Конечно, отвѣчалъ Государь, указъ во всякомъ случаѣ долженъ быть исполненъ» [548]).

Въ 1803 г. Державинъ, докладывая Государю, высказывалъ при этомъ свои соображенія. «Ты меня всегда хочешь учить; Я самодержавный Государь и такъ хочу», замѣтилъ ему Александръ I. Кн. Васильчиковъ, испросивъ высочайшее соизволеніе представиться Государю, сталъ говорить объ одномъ дѣлѣ; Александръ, прервавъ его рѣчь, спросилъ у него: «Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?» И когда Васильчиковъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, Вашему Императорскому Величеству, какъ Самодержцу Имперіи», тогда Государь, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Такъ предоставьте же мнѣ издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ». Въ 1812 г. (17 марта) Императоръ Александръ I говорилъ де-Санглену: «Я спрашивалъ его (Сперанскаго), какъ

онъ думаетъ о предстоящей войнѣ и участвовать-ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ. Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать, чтобы, сложивъ все съ себя, я собралъ боярскую думу и предоставилъ ей вести отечественную войну. Но что же я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не въ правѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ». Баронъ М. А. Корфъ, изучавшій личность Александра I, тоже отмѣчаетъ, что онъ по временамъ возвращался къ самымъ крутымъ пріемамъ самодержавія. Родясь въ Россіи, онъ былъ напитанъ русскимъ воздухомъ самовластія и любилъ свободу болѣе, какъ забаву ума [549]).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что въ числѣ охлаждавшихъ привязанность Государя къ конституціоннымъ учрежденіямъ находился самъ Лагарпъ. Ему, какъ мы уже видѣли, случилось, по окончаніи воспитанія царственнаго ученика, вновь поселиться въ Швейцаріи и принять непосредственное участіе въ дѣлахъ управленія республикой. Повторяемъ, что тамъ на практикѣ онъ позналъ всю призрачность свободы народныхъ собраній и отказался отъ многихъ своихъ теоретическихъ умозаключеній. Лагарпъ усмотрѣлъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи и теперь совѣты его сводились къ одному основному началу— твердой и непоколебимой власти.

Во всякомъ случаѣ необходимо помнить, что царь конституціонный въ Польшѣ и въ Финляндіи оставался самодержавнымъ Императоромъ въ Россіи, и естественно, что при борьбѣ свободы съ властью онъ неизбѣжно становился на сторону самодержца. Такова психологія человѣка.

Мало того, Польша и Финляндія были подчинены Россіи. А изъ природы этого подчиненія вытекало, что глава Россіи по отношенію къ подчиненнымъ частямъ Имперіи сохранялъ права ея главы и полномочія главной части своего государства, и, конечно, пользовался этими правами и полномочіями.

Вотъ тому одинъ яркій примѣръ. Русская казна имѣла на финляндской территоріи стеклянный заводъ, во главѣ котораго стоялъ русскій титулярный совѣтникъ Головачевъ. Онъ ударилъ однажды финскаго рабочаго и былъ приговоренъ мѣстнымъ судомъ на годъ къ тюремному заключенію. Изъ рапорта графа Гурьева Государь узналъ объ этомъ и изъ Лайбаха, гдѣ онъ тогда находился, отправилъ Ребиндеру рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Не скрою отъ васъ, баронъ, что этотъ рапортъ меня очень удивилъ.

Не зная подробности дѣла, я воздерживаюсь высказать свое мнѣніе о строгости самаго наказанія, но я не могу не обратить вашего вниманія на то, что я крайне сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ финское законодательство допускало приведеніе въ исполненіе приговоровъ, которые финскіе суды произносятъ относительно служащихъ чужихъ земель.

— «Если, напр., шведскій, датскій или иной иностранный служащій, проѣзжая по Финляндіи, былъ осужденъ какимъ нибудь судомъ, то я еще разъ спрашиваю, можетъ ли судъ привести въ исполненіе свой приговоръ, безъ того, чтобъ ранѣе увѣдомить то правительство, которому подвластенъ служащій. Если-бъ русскому правительству было сообщено, что это должностное лицо провинилось противъ законовъ страны, то приведеніе въ исполненіе приговора не много-бы задержалось, но вниманіе, которое слѣдуетъ оказывать сосѣднимъ странамъ, особливо когда онѣ подвластны одному правительству, больше имѣло бы въ виду свою собственную пользу.

«Жду отъ васъ болѣе обстоятельнаго рапорта по этому непріятному дѣлу, и если не имѣется какого либо серьезнаго обстоятельства, котораго я даже и предвидѣть не могу, то я желаю, чтобъ упомянутое должностное лицо было отпущено на волю».

Послѣ доклада Ребиндера, Государь вновь писалъ къ нему: «Сегодня я получилъ вашъ рапортъ по дѣлу о титулярномъ совѣтникѣ Головачевѣ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, которое я вамъ сообщилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Вниманіе, какое сосѣднія страны должны оказывать другъ другу, требовало, чтобъ финскія власти до приведенія приговора въ исполненіе увѣдомили тѣ русскія власти, которымъ это должностное лицо подчинено. Безъ сомнѣнія не поступили бы такъ, если-бъ шведскій служащій провинился. Тѣмъ болѣе основаній было оказать такое же вниманіе русскому служащему.

«Поручаю вамъ передать мое мнѣніе кому слѣдуетъ, дабы названное лицо было освобождено» [550]).

Очевидно, что въ данномъ случаѣ Александръ I дѣйствовалъ не какъ Великій Князь Финляндскій, а какъ Императоръ Всероссійскій, признававшій, что его самодержавная власть распространялась на всѣ части державы, подчиненныя его скипетру.

О конституціи было много разговоровъ. О ней говорили въ «негласномъ комитетѣ», о ней Государь бесѣдовалъ съ Сперанскимъ; проекты конституціи составляли Розенкампфъ, Сперанскій

и, наконецъ, Новосильцовъ. Но къ чему онѣ сводились, когда дѣлались попытки реализировать мечты?

Въ 1818 году Государь поручилъ Новосильцову составить проектъ политическаго переустройства Россіи, и такимъ образомъ явилась «Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи». Оказывается, что Новосильцовъ, вводя извѣстныя свободныя учрежденія, также «оберегалъ всѣ прерогативы власти и весь механизмъ представительства оставилъ въ ея рукахъ». «Государь,—писалъ въ своемъ проектѣ Новосильцовъ,—есть единственный источникъ всѣхъ въ Имперіи властей гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ». «Законодательной власти Государя содѣйствуетъ Государственный сеймъ»... «Государь располагаетъ доходами государства». «Общіе законы постановляются Государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго сейма»... Коренной россійскій законъ: «безъ суда никто да не накажется»; «чтобы никто безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса въ теченіе трехъ дней по задержаніи, не лишался свободы и не содержался въ тюрьмѣ»... Въ проектѣ Новосильцова говорится далѣе: «Да будетъ Россійскій народъ отъ нынѣ навсегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (изъ двухъ палатъ); первую палату, подъ именемъ высшей, «образуетъ сенатскій департаментъ... по назначенію Государя... изъ извѣстнаго числа сенаторовъ». Вторая, или палата земскихъ пословъ, «составляется, по назначенію Государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой помѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ». Общій государственный сеймъ «разсуждаетъ по предположеніямъ, вносимымъ по Высочайшему же повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей»... Сеймъ излагалъ лишь «свое мнѣніе». «Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ Государственномъ Совѣтѣ, выслушивается въ совокупленныхъ палатахъ». Палаты «излагали мнѣніе» свое касательно поданнаго отчета. Право созывать, распускать, отсрочить и продлить сеймы... принадлежитъ одному Государю. Государственныя должности обязательно было возлагать «на россійскихъ подданныхъ». Грамота эта признавалась «кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства»; право дополнять ее оставлялось за Государемъ [551]).

Н. Тургеневъ разсказываетъ по поводу проекта Новосильцова. Въ главѣ о выборѣ членовъ собранія говорилось, что депутаты будутъ назначаться избирателями. Императоръ остановился на этой

статьѣ и замѣтилъ, что такимъ образомъ избиратели могутъ, пожалуй, назначить кого имъ вздумается, напримѣръ, Панина. Статья была тотчасъ измѣнена и избирателямъ было предоставлено только право представлять трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительство будетъ выбирать депутата. «По истинѣ курьезный способъ составленія конституціи», восклицаетъ Н. И. Тургеневъ.

Уже изъ сказаннаго можно вывести достаточно опредѣленное представленіе о томъ, какъ вообще понималась въ Россіи «конституція» въ началѣ столѣтія.

Въ словахъ и бесѣдахъ дѣятелей начала царствованія Александра I было много либеральнаго, свободы, конституціи, но когда отъ словъ переходили къ дѣлу, когда мечты закрѣплялись на бумагѣ—объ ограниченіи власти не оставалось и слѣда. «Въ жилахъ Александра Павловича, писалъ Ф. Вигель, текло властолюбіе, умѣренное только лѣнью и безпечностью» [552]).

На словахъ Императоръ Александръ I былъ горячимъ поклонникомъ политической свободы, хотя представленіе о ней онъ имѣлъ весьма туманное, почему неудивительно, что къ концу жизни онъ сдѣлался сторонникомъ «порядка» въ управленіи, не допускавшаго общественной самостоятельности. Онъ носился съ мыслью о томъ, чтобы дать своему народу конституцію; онъ заподозрилъ самодержавіе. Но между теоріей и практическимъ осуществленіемъ въ его царствованіе лежала цѣлая пропасть, для заполненія которой ничего существеннаго не дѣлалось. Хотѣлъ онъ дать законы народу и двадцать пять лѣтъ потерялъ въ тщетныхъ къ тому попыткахъ. «Хочу, но не могу, и не знаю ясно, чего хочу»—вотъ что могло бы быть общимъ девизомъ царствованія Александра I по внутреннему управленію, писалъ баронъ М. А. Корфъ.

Если бы Александръ I дѣйствительно горячо желалъ представительнаго образа правленія въ Россіи, то могъ бы и долженъ былъ идти къ нему послѣдовательно. Прекраснымъ первымъ шагомъ въ этомъ направленіи представлялся коронаціонный манифестъ, которымъ имѣлось въ виду предоставить населенію полную свободу жительства и безопасности, гарантію надлежащаго суда и пр. Но Трощинскому не удалось убѣдить Государя издать эту прекрасную грамоту.

Конституція тогда едва только перенесена была изъ Англіи на континентъ Европы и понималась далеко не такъ, какъ теперь. Ея обязательная и ограничивающая сила для главы государства едва проникала еще въ общее сознаніе. Только въ трид-

цатыхъ годахъ, т. е. послѣ смерти Александра I, «конституція» получила болѣе положительное значеніе собранія «основныхъ законовъ» государства, опредѣляющихъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ въ законодательствѣ и управленіи. Въ проектахъ Сперанскаго и Новосильцова дѣлалась попытка создать что-то вродѣ смѣси земскихъ соборовъ съ польскими сеймами, но безъ коренного нарушенія русскаго самодержавія.

Ѳ. В. Растопчинъ—одинъ изъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ—послѣ рѣчи Императора въ Варшавѣ, писалъ въ январѣ 1819 года С. Р. Воронцову, и, намекая на Государя и на предстоящія мѣры относительно Россіи, говорилъ: «Подъ конституціей разумѣютъ освобожденіе крестьянъ, которое противорѣчитъ желаніямъ дворянства; но не захотятъ» (государь) «ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудія и разума». Сперанскій—въ письмѣ къ Столыпину изъ Пензы отъ 2 мая 1818 г. также обратилъ вниманіе на это своеобразное пониманіе конституціи. «Если помѣщики, классъ людей безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видитъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть». Даже въ Петербургѣ многіе дворяне поняли рѣчь государя въ смыслѣ его желанія уничтожить крѣпостное право. Вотъ въ какой мѣрѣ извращалось представленіе о конституціи [553]).

Среди декабристовъ и въ болѣе образованной части русскаго общества попадались лица, которыя вполнѣ правильно усвоили себѣ существо конституціоннаго образа правленія. Но они составляли исключеніе въ общей массѣ и исключеніе крайне ограниченное по своей численности. Въ русской печати, кажется, не было статьи, трактовавшей конституцію, какъ начало ограничивавшее Верховную власть. «Сынъ Отечества», издававшійся Н. Гречемъ, напечаталъ статью «О конституціи» проф. Куницына; но и онъ утверждалъ, что «жители нынѣшнихъ государствъ, не желая быть сами законодателями, хотятъ только имѣть при лицѣ» государя «представителей», которые извѣщали бы его «о нуждахъ общественныхъ» и просили о принятіи мѣръ противъ существующихъ въ обществѣ золъ. Такимъ образомъ значеніе парламента понижалось до роли земскаго собора, или даже какого то коллективнаго челобитчика [554]).

Принимая во вниманіе всю совокупность извѣстныхъ свѣдѣній о личныхъ воззрѣніяхъ Императора Александра I на конституцію, а также проекты конституцій, составленные Сперанскимъ

и Новосильцовымъ, мы, кажется, въ правѣ сказать, что теоретически и практически Александръ I, видимо, желалъ «законно-монархической формы правленія»,—какъ опредѣлилъ современникъ Шторхъ,—желалъ въ основу всего положить законъ, но не представительное правленіе и вотъ почему въ заключеніе Наказа (5 апр. 1801 г.) Государственнаго Совѣта было сказано, что совѣтъ «не долженъ никогда упускать изъ вида высшаго своего предустановленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы поставить силу и блаженство Имперіи россійской на незыблемомъ основаніи закона».

Къ той неопредѣленности и неясности, которыя сказались въ пониманіи Императоромъ Александромъ I конституціи, надо прибавить еще тѣ колебанія, коими полны его дѣйствія и испещрено все его царствованіе, колебанія, составляющія отличительную черту его характера. Шильдеръ называетъ временемъ колебаній только періодъ царствованія Александра I съ 1801 по 1810 г.; но въ дѣйствительности колебанія яркой чертой проходятъ по всему царствованію, вплоть до 1825 г.

Внутренняя политика Александра представляется безпристрастному взору наполненной столь глубокихъ и непримиримыхъ противорѣчій, что они устраняютъ всякую мысль о тонко задуманномъ и искусно проводимомъ планѣ. Между Александромъ въ теоріи, въ его рѣчахъ и письмахъ, и Александромъ на практикѣ, у рычага государственной машины, огромная разница, которую долго еще придется относить на долю загадочности его натуры и дуализма, владѣвшихъ имъ началъ. «Я былъ удивленъ противорѣчію между вашими мудрыми словами и вашими поступками», писалъ Императору Александру проф. Парротъ. И дѣйствительно нельзя не удивляться! [555]).

Освобожденіе крестьянъ было мечтой Александра. Его поддерживали въ этой мысли многіе видные русскіе дѣятели. Въ Парижѣ онъ горячо стоялъ за прекращеніе торговли неграми; но въ Россіи закрѣпощенные люди оставались во власти помѣщиковъ, а кн. Меншиковъ, проводившій мысль освобожденія крестьянъ, удаленъ въ 1823 г. Идея военныхъ поселеній принадлежала самому Александру.

«Изъ всего,—говоритъ Д. П. Руничъ,—что было предпринято въ Россіи въ продолженіи 25 лѣтъ царствованія Александра, почти ничего не укрѣпилось. То, что дѣлалось въ 1802 г., разрушилось въ 1812 г. Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 г. То устраивали, то разстраивали. Одна система

администраціи смѣнялась другою. Сегодня были философами, завтра ханжами. Все зависило отъ двигателя, пускавшаго въ ходъ машину», а онъ сотканъ былъ изъ противорѣчій. Александру, по словамъ Меттерниха, нужно было два года для развитія мысли, которая на третій годъ получала характеръ нѣкоторой системы, на четвертый—система мѣнялась, а на пятый—къ ней охладѣвали, и она оставлялась, какъ негодная. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Меттернихъ приводитъ слѣдующее: «Первое мое соприкосновеніе съ Императоромъ Александромъ случилось во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1805 г. Тогда нашелъ я его либеральнымъ въ обширномъ смыслѣ слова и ожесточеннымъ врагомъ Бонапарта. Онъ выражалъ ненависть къ нему, какъ къ деспоту и завоевателю, а въ 1808 г. онъ почувствовалъ уже особенное расположеніе къ французскому императору. Въ 1812 г. чувства его снова перемѣнились. Если бы даже Наполеонъ и не воевалъ съ Россіею, то все-таки расположеніе къ нему Александра уничтожилось бы: прежнія идеи филантропіи и свободомыслія не только преобладали надъ его умомъ, но даже возгорѣлись снова. Въ 1814 г. они достигли высшей степени своего развитія. Въ 1815 г. они уступили мѣсто мистицизму. Въ 1817 г. это новое направленіе его духа претерпѣло большую перемѣну. Въ 1818 г. я встрѣтилъ Императора уже горячимъ приверженцемъ монархическаго и консервативнаго принциповъ и явнымъ врагомъ всякаго революціоннаго направленія и готовымъ вернуться на путь религіознаго мистицизма. Съ этимъ направленіемъ онъ оставался непоколебимымъ до 1823 г.» [556]).

Отсутствіе правдивости и прямодушія сознаютъ въ немъ самые его горячіе панегиристы, вродѣ, напримѣръ, англичанина Алисона. Разслѣдованіями Великаго Князя Николая Михайловича установлено, что помимо своего министра иностранныхъ дѣлъ, Александръ I велъ свою политику, скрывая рядъ дѣйствій отъ избраннаго и довѣреннаго лица; Государь часто подчинялъ себя подобной двойной игрѣ.

На настоящую борьбу Императора Александра I хватало лишь въ знаменательную эпоху отечественной войны, закончившуюся низверженіемъ Наполеона. Въ эту пору Александръ I, дѣйствительно, проявилъ необходимую силу воли, послѣдовательность, твердость характера. Здѣсь не было колебаній и какой успѣхъ, и какая слава увѣнчали его на вѣчныя времена!

«Съ Тропавскаго конгресса»,—свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій—«рѣшительно начинается новая эра въ умѣ Импера-

тора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется, примѣръ его обратилъ многихъ» [557]).

Н. Тургеневъ, читая въ 1816 г., за границей, «De l'Allemagne» г-жи Сталь и ея разборъ донъ-Карлоса Шиллера, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ маркизъ Поза проситъ Елизавету напомнить донъ-Карлосу, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, о планахъ, которые они вмѣстѣ составляли, о томъ, что нужно уважать мечты молодости. «Я дорого бы заплатилъ», замѣчаетъ по этому поводу Тургеневъ, «если бы кто нибудь съ добрымъ намѣреніемъ показалъ» это мѣсто Императору Александру [558]).

Итакъ, въ образѣ мыслей и дѣйствій Александра наблюдается постоянная неустойчивость, постоянные переходы отъ одного взгляда и одной системы къ другому взгляду и другой системѣ. Подъ вліяніемъ зоркой своей мнительности онъ никому вполнѣ не довѣрялся [559]).

Графъ Лафероне писалъ: «Всякій день болѣе и болѣе затрудняюсь понять и узнать характеръ Императора Александра». Шведскій государственный совѣтникъ, а потомъ посолъ въ Парижѣ, Лагербіельке, говорилъ, что «въ политикѣ своей русскій монархъ былъ тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва, и фальшивъ, какъ пѣна морская» [560]).

Несомнѣнно, что всему этому существуютъ объясненія. Если «характеръ Александра I отличался двойственностью, неувѣренностью, то—заявлялъ Пыпинъ—значительная доля этой двойственности должна быть приписана и тѣмъ труднымъ положеніямъ, какія ставила ему сама жизнь». «Характеръ Александра I—говоритъ нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ—понесъ на себѣ вѣрное вліяніе той обстановки, среди которой онъ выросъ, и времени, требовавшаго неблагодарной политики соглашенія и примиренія, а приходилось соглашать и примирять такія теченія, которыя взаимно исключали другъ друга». Александръ сдѣлался жертвою того перелома въ духовной жизни человѣчества, которымъ ознаменовался переходъ XVIII вѣка къ XIX-му. Онъ подпалъ вліянію двухъ различныхъ міровоззрѣній, которыя лишили его личность опредѣленности и внутренней цѣльности. «Гервинусъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и строгихъ историковъ, признаетъ, что трудности положенія Александра I были таковы, что пришлись бы не подъ силу и человѣку съ гораздо большимъ запасомъ нравственной энергіи». Все это, конечно, вѣрно. Нельзя забывать, что Александру Павловичу пришлось рости въ то время, когда, между

дворами Петербургскимъ и Гатчинскимъ происходила постоянная вражда. Онъ отторгнутъ былъ отъ своей матери властной рукой Екатерины II. Онъ долженъ былъ повиноваться двумъ всегда противоположнымъ требованіямъ отца и бабки. Онъ сдѣлался прихотью послѣдней, которая, при всемъ своемъ умѣ, никогда не подумала о послѣдствіяхъ своихъ распоряженій. Екатерина II испортила его воспитаніе, она разбила его молодость, она приготовила его будущность. «Мое и брата моего Константина воспитаніе, сказалъ Государь Софьѣ Владиміровнѣ Строгоновой, — было худо налажено (été mal emmanchée)».

Но при всемъ томъ у Александра I преобладали поза и фраза. Человѣкъ, близко стоявшій къ Государю, князь Адамъ Чарторыйскій, оставилъ слѣдующую замѣчательную характеристику Александра I: «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало Императора; все это продолжало занимать его и теперь; но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ, но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинялись исключительно его волѣ». Въ этихъ чертахъ, намъ кажется, кроется самая вѣрная оцѣнка личности великаго Государя начала прошлаго вѣка. Въ мемуарахъ графини Потоцкой сказано: «Конституціонное правленіе, вродѣ того, какое существовало въ Англіи, было въ одно время мечтой Александра I, и онъ игралъ въ конституцію, какъ дѣти играютъ въ жмурки». Ф. Вигель также находилъ, что «Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума, въ жилахъ-же его текло властолюбіе» [561]).

Съ характеристикой, сдѣланной княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, поразительно совпадаютъ мысли Александра I на конституцію, записанныя со словъ Сперанскаго, его другомъ Цейеромъ (стр. 227 сей книги). Никто другой, а именно Александръ Павловичъ додумался до кажущихся конституціонныхъ формъ. Очевидно, что ему особенно по душѣ приходились декораціи представительнаго образа правленія, и потому онъ такъ охотно красовался на

сеймахъ въ Борго и Варшавѣ, отнюдь не желая допустить серьезнаго ограниченія своей самодержавной власти.

Императоръ очень увлекался красивыми либеральными фразами, и чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ болѣе ему нравились, потому что онъ могъ удобнѣе принаравливать ихъ къ своимъ мечтамъ, которыя также отличались неопредѣленностью. Ему нравились рѣзкія либеральныя выраженія и даже лесть подъ личиною служенія благу человѣчества.

Волконскій сообщетъ, что даже изъ религіознаго обряда царь любилъ дѣлать, «какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе».

«Отъ Карамзинскихъ воспоминаній,—говоритъ князь В. Мещерскій,—у меня составилось такое представленіе объ Императорѣ Александрѣ I, что первою его заботою было нравиться и производить хорошее впечатлѣніе, и затѣмъ, что любезность онъ ставилъ выше искренности». «Это сущій прельститель»—отзывался объ Александрѣ I Сперанскій; это византійскій грекъ XIX столѣтія»—говорилъ о немъ Наполеонъ.

Александръ I имѣлъ способность мгновенно измѣнять физіономію и переходить отъ одного душевнаго состоянія къ противоположному. Это было въ царскосельскомъ саду; дама слышитъ ужасно гнѣвный голосъ и затѣмъ видитъ страшное лицо Александра, такъ оно было искажено гнѣвомъ: онъ бранилъ садовника за листья на дорожкѣ; но едва онъ увидѣлъ идущую по алеѣ даму, онъ вдругъ преобразился въ очаровательнаго и прелестнаго Александра I, улыбка сіяла на лицѣ и онъ подошелъ къ ней съ ласковымъ привѣтомъ. Только разъ она видѣла его страшнымъ и ужаснымъ и всегда, за исключеніемъ этого раза, обворожительнымъ.

Поза и фраза совершенно овладѣвали имъ. «Кажущаяся» конституція и либерализмъ на словахъ—основы его дѣйствій и поступковъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится и слѣдующая инструкція, данная графу П. А. Шувалову при отправленіи его во Францію въ 1820 г. «Всякій разъ, когда вы увидите себя въ необходимости высказать мнѣніе касательно вопросовъ, относящихся къ внутреннимъ отношеніямъ различныхъ государствъ, вашей единственной заботой будетъ показать мнѣ, не скрывая, какое впечатлѣніе производятъ дѣйствія моего правительства».

«Я долженъ одобрить у другихъ то, что я счелъ необходимымъ ввести у себя, и чтобы высказать мое мнѣніе, вамъ не

представится необходимости развивать ученіе, но вы предоставите фактамъ говорить за себя. Вы приведете въ примѣръ народную организацію, введенную въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, Бессарабіи и Царствѣ Польскомъ, и вы это приведете не какъ примѣръ, которому надо слѣдовать, но какъ неоспоримое доказательство возможности соединить родъ правительства, котораго требуетъ настоящее время, съ правилами порядка и дисциплины, которыя одни могутъ обезпечить прочность учрежденій. Исходя съ этой точки зрѣнія, вамъ будетъ легко доказать, что я не придерживаюсь крайнимъ мнѣніямъ, и во всемъ, что я дѣлалъ, я прилагалъ одинаковыя старанія оставаться чуждымъ, какъ теоріямъ этой притворной либеральности, которая пораждаетъ лишь анархію и мятежи, такъ и догматамъ неограниченной и непроизвольной власти, которая ведетъ другимъ путемъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ» [362]).

Теперь, когда очерчены воззрѣнія Императора Александра I, описанъ его характеръ и представленъ размѣръ русской оппозиціи его либеральнымъ стремленіямъ, мы въ правѣ сказать, что главную причину неудачи проекта конституціи 1819 г., составленнаго Ребиндеромъ для Финляндіи, надо искать въ воззрѣніяхъ и характерѣ Государя. Въ его воозрѣніяхъ принципъ самодержавія преобладалъ надъ конституціонными порывами и вспышками, а въ его характерѣ тормозящимъ началомъ являлись колебанія и недовѣріе.

Университетъ въ г. Або.

А[illegible]ъ

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

XIV. Университетъ.—Гельсингфорсъ.—Закревскій.

Въ видѣ наслѣдія отъ прежняго времени (XVII в.) учебныя заведенія Финляндіи раздѣлялись на «педагогіи», «тривіальныя» школы и гимназіи. Первыя изъ нихъ имѣли характеръ элементарныхъ дѣтскихъ школъ, дававшихъ начальное образованіе, необходимое для вступленія въ четырехклассныя тривіальныя школы съ шестилѣтнимъ курсомъ. Послѣднія являлись средними учебными заведеніями. Существенную часть учебной ихъ програмы составляло изученіе языковъ—классическихъ и еврейскаго. Тривіальныя школы первоначально имѣли цѣлью давать своимъ питомцамъ подготовку, требовавшуюся тогда отъ лицъ духовнаго званія и преподавателей. Въ школахъ этихъ имѣлось, впрочемъ, особое отдѣленіе, куда поступала молодежь, не разсчитывавшая на каѳедру. Окончившіе тамъ образованіе поступали прямо въ коммерческія учрежденія или въ мастерскія. Высшими и наиболѣе предпочитаемыми учебными заведеніями были гимназіи, которыя хотя и отличались одностороннимъ классическимъ направленіемъ, но все же обладали несравненно болѣе обширною программою, чѣмъ тривіальныя школы. Гимназіи непосредственно уже подготовляли къ слушанію университетскихъ лекцій.

Матеріальную обстановку всѣхъ вообще тогдашнихъ учебныхъ заведеній Финляндіи никоимъ образомъ нельзя было назвать блестящей. Зданія, въ которыхъ помѣщались школы, зачастую до того не соотвѣтствовали своему назначенію, что нѣсколькимъ классамъ приходилось заниматься въ одной и той же комнатѣ. Преподавателей было мало; они получали ничтожное жалованье и обладали сплошь и рядомъ весьма ограниченными свѣдѣніями по своей спеціальности, или даже вовсе не имѣли таковыхъ. Въ школахъ зачастую примѣнялись жестокія тѣлесныя наказанія. Впрочемъ и въ тѣ времена встрѣчались учителя, отличавшіеся

большою ученостью и педагогическими способностями. Само собой разумѣется, что такіе преподаватели доставляли лестную репутацію заведеніямъ, при которыхъ состояли. Необходимо замѣтить, что педагогическая дѣятельность давала тогда извѣстныя преимущества при замѣщеніи пасторскихъ мѣстъ. Надежда заручиться пасторской каѳедрой привлекала въ духовное вѣдомство лицъ съ высшимъ образованіемъ. Въ началѣ XIX столѣтія въ Финляндіи, кромѣ «педагогій», существовали слѣдующія среднія учебныя заведенія: каѳедральная школа въ Або, гимназія въ Борго и семь тривіальныхъ школъ.

Свѣтлыми точками на мрачномъ фонѣ финляндскаго педагогическаго горизонта являлись въ то время по преимуществу частныя учебныя заведенія, предвѣщавшія зарю обновленія въ сферѣ какъ воспитанія, такъ и образованія. Отставной поручикъ Одертъ Грипенбергъ (1788—1848), ученикъ и почитатель Песталоцци, открылъ въ 1812 году частное училище, въ которомъ преподаваніе велось въ духѣ великаго швейцарскаго педагога и согласно съ его принципами. Школа эта особенно отличалась отъ другихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній полнымъ исключеніемъ изъ учебной программы древнихъ языковъ и замѣной ихъ новыми языками. Дѣла этого перваго въ Финляндіи реальнаго училища шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. Оно дважды перекочевало изъ одного города въ другой и просуществовало до 1822 года.

Совершенно иную картину представлялъ общій строй народнаго образованія въ Старой Финляндіи, или Выборгской губерніи, гдѣ школы, въ силу указа сенату Имперіи отъ 13 декабря 1802 года, были подчинены училищной комиссіи при Дерптскомъ университетѣ. Въ основѣ народнаго образованія здѣсь лежалъ училищный уставъ 1804 года. Пройдя курсъ начальной школы, можно было поступить въ одно изъ семи уѣздныхъ училищъ съ двухлѣтнимъ и частью трехлѣтнимъ курсомъ. Организація эта завершалась трехклассной гимназіей въ Выборгѣ, въ учебныхъ планахъ которой наряду съ классическими языками отводилось подобающее мѣсто новымъ языкамъ, математикѣ, естественнымъ наукамъ и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Такою обстановкой дѣла образованія губернія обязана была установившимся, отчасти при посредствѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, связямъ съ отчизной педагогіи—Германіей. Связи эти были настолько сильны, что въ Выборгской гимназіи преподавали преимущественно нѣмцы и на нѣмецкомъ языкѣ, хотя

большинство учениковъ, поступая въ гимназію, не владѣли нѣмецкимъ языкомъ [563]).

Въ общей школѣ (Kreis-Schule) или окружномъ училищѣ, весь курсъ преподавался на нѣмецкомъ языкѣ. «Я даже не помню,—пишетъ Жерве,—былъ ли тамъ учитель русскаго языка, кажется, не былъ» [564]).

Въ школѣ уже и въ то время къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали весьма рѣдко, и то только по приговору школьной конференціи. Въ такихъ случаяхъ наказаніе производилось публично, въ присутствіи всѣхъ учениковъ школы, при чемъ обыкновенно говорились рѣчи, въ которыхъ рѣзкими чертами указывалось на то унизительное положеніе, въ которое ставилъ себя наказуемый,—читаемъ у Жерве,—помню, «что въ теченіе трехъ лѣтъ моего пребыванія въ школѣ такимъ образомъ было наказано человѣкъ пять, что эти наказанія имѣли громадное вліяніе на учениковъ, производили сильное впечатлѣніе и поэтому случались очень рѣдко. Въ гимназіи же тѣлесное наказаніе вовсе не существовало, и за слишкомъ дурное поведеніе исключали изъ заведенія.

«Вообще какъ школы, такъ и гимназіи въ то время въ Финляндіи стояли гораздо выше, чѣмъ въ Россіи, — продолжаетъ Жерве, — въ чемъ я могъ удостовѣриться впослѣдствіи. Здѣсь дѣйствительно давали средства хорошо учиться, и можно сдѣлать упрекъ развѣ только за одно: на мертвые языки—латинскій, греческій и еврейскій—обращали слишкомъ много вниманія, а на живые, кромѣ нѣмецкаго—никакого. По принятому во всѣхъ нѣмецкихъ гимназіяхъ обычаю, переходившіе изъ школъ ученики должны были посвящаться въ гимназисты. Этотъ обычай соблюдался и въ Выборгѣ. Съ новичковъ требовали деньги и въ складчину устраивали вечеринку такъ называемый фуксъ-коммерсъ (Fuchs-Commerce), въ которомъ принимали участіе учителя и профессора» [565]).

Въ Выборгскомъ учебномъ округѣ обнаружилась заботливость правительства также относительно женскаго образованія. Въ 1812 году правительство содержало тамъ шесть женскихъ училищъ. Организація дѣла народнаго образованія не подверглась существеннымъ измѣненіямъ, когда Выборгская губернія, въ 1811 году, была возсоединена съ остальной Финляндіей.

На сеймѣ въ Борго земскіе чины Финляндіи ходатайствовали объ улучшеніяхъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Въ 1813 году и Императоръ Александръ I призналъ желательнымъ улучшенія и преобразованія въ общемъ строѣ финляндскаго учебнаго вѣдомства,

но тѣмъ не менѣе труды по намѣченнымъ реформамъ шли настолько медленно, что это столь необходимое преобразованіе было осуществлено лишь послѣ 1841 года.

Въ 1814 году учреждена была комиссія для приведенія въ порядокъ общественныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, но ея дѣятельность касалась главнымъ образомъ учебныхъ заведеній въ старой Финляндіи. Профессоръ Е. Г. Мелартинъ былъ дѣятельнымъ членомъ этой комиссіи [566]).

Въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ писемъ къ гр. Румянцеву изъ Або нашъ главнокомандующій Буксгевденъ подалъ слѣдующую мысль:

«Долгомъ поставляю просить обратить вниманіе Государя Императора на университетъ здѣшняго города, который по учености профессоровъ и по вліянію ихъ на умы жителей всего финскаго края становится достойнымъ особаго воззрѣнія; если нынѣшнія обстоятельства не допускаютъ еще ему сдѣлать пособія, или дать ему какое другое преимущество, то остается въ виду болѣе привлечь его къ намъ приверженность, испрося у Его Величества Высочайшаго къ нему рескрипта, въ коемъ, одобривъ соревнованіе къ распространенію просвѣщенія, дать обѣщаніе содержать его въ цвѣтущемъ состояніи и стараться о приведеніи его въ лучшее устройство. Чѣмъ Государь Императоръ докажетъ Монаршее Свое къ университету благоволеніе, и тѣмъ еще болѣе заставитъ цѣнить благость его скипетра» [567]).

Вскорѣ на имя ректора университета, Абоской епархіи епископа Тенгстрема, послѣдовалъ рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи среди попеченій, обращаемыхъ Нами на важнѣйшія части сего новаго достоянія, Промысломъ Намъ врученнаго, Абоскій университетъ привлекаетъ особенное Наше вниманіе. Храня спокойствіе вообще всѣхъ обывателей Финляндіи, Мы особенно желали, среди самыхъ военныхъ дѣйствій оградить сіе ученое сословіе уваженіемъ и покровительствомъ... Нынѣ, когда предопредѣленіемъ Всевышняго судьба страны сей на всегда присоединена къ Имперіи Россійской, Мы пріемлемъ на Себя пріятную обязанность пещись о сохраненіи и распространеніи сего знаменитаго установленія. Въ таковомъ расположеніи намѣреній нашихъ Мы нынѣ же удостовѣряемъ и словомъ Нашимъ Императорскимъ утверждаемъ силу

всѣхъ правъ и преимуществъ Абоскому университету, доселѣ присвоенныхъ и нынѣ существующихъ. Сверхъ сего Мы поручаемъ вамъ, пригласивъ всѣхъ членовъ университета положить на мѣрѣ способы, какіе вы признаете нужными къ распространенію и вящшему усовершенствованію сего заведенія и представить Намъ на усмотрѣніе»... Въ С.-Петербургѣ Іюня 4 дня 1808 г. подп.: Александръ. Контрасигнированъ: министръ просвѣщенія Графъ Петръ Заводовскій.

На основаніи прежнихъ постановленій университетъ имѣлъ право избирать себѣ канцлера. Примѣнительно къ тѣмъ же законамъ, Государь разрѣшилъ ему на этотъ разъ избрать себѣ канцлера изъ русскихъ сановниковъ, и такъ какъ университетъ, за незнаніемъ Россіи, стѣснялся въ выборахъ и просилъ самаго Монарха назначить канцлера, то Александръ I поручилъ эту должность М. М. Сперанскому—тогда дѣйствительному статскому совѣтнику, статсъ-секретарю и товарищу министра юстиціи. То былъ 17-й канцлеръ Абоскаго университета [568]).

Чтобы дать понять о положеніи зданія университета,—писалъ Я. Гротъ,—довольно сказать, что профессоръ Франценъ садился на каѳедру въ тулупѣ и мѣховыхъ сапогахъ. Г-жа Сталь, въ книгѣ «Les dix années d'exil», описывая свою поѣздку въ Финляндію, нашла, вѣроятно, университетъ въ очень плохомъ состояніи, такъ какъ заявила что «въ немъ дѣлаютъ попытки къ образованію ума» (on s'y essaie un peu à la culture de l'esprit), а близкое сосѣдство медвѣдей и волковъ въ зимнее время поглощаетъ всю мысль необходимостью обезпечить себѣ сносное физическое существованіе»... Столь развязное и фантастическое отношеніе г-жи Сталь къ высшему учебному заведенію, вызвало возраженіе русскаго современника, который отнесъ такое описаніе къ легкомыслію ея пола.

Несомнѣнно, что во время шведскаго владычества матеріальныя средства «Абоской академіи» были очень скудны. Объясненіе этого обстоятельства кроется въ томъ, что на содержаніе академіи отдѣлено было значительное число казенныхъ имѣній, но доходъ съ нихъ она должна была взимать сама.

Нерѣдко, особенно въ военное время, этотъ источникъ изсякалъ, такъ какъ крестьяне не въ состояніи были вносить оброка. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ естественно отзывался неблагопріятно и на ученой дѣятельности профессоровъ университета. Сама академія долгое время помѣщалась въ тѣсномъ и невзрачномъ домѣ. Лишь въ 1802 году, въ присутствіи короля

Густава IV Адольфа, состоялась закладка для нея новаго и болѣе просторнаго зданія, постройка котораго, однако, подвигалась очень медленно [569]).

Не смотря на это, Г. М. Армфельту, въ началѣ его русской карьеры, когда ему нужно было представить въ возможно выгодномъ свѣтѣ свою родину, онъ во всеподданнѣйшей запискѣ 1810 г. заявилъ, что «Абоская академія обладаетъ всѣми необходимыми для народнаго образованія матеріалами. Съ придачей ей нѣсколькихъ учителей языковъ и физическихъ упражненій, эта академія могла бы стать въ ряду первыхъ въ Европѣ». [570]).

Съ переходомъ Финляндіи во власть Россіи, для университета настали болѣе красные дни. Вскорѣ за первой субсидіей послѣдовала вторая. О ней хлопоталъ вице-канцлеръ Яковъ Тенгстремъ черезъ новаго канцлера Сперанскаго.

Тенгстремъ былъ однимъ изъ тѣхъ финляндцевъ, которые ранѣе другихъ признали власть Россіи. Соотечественники заподозрили его. Г. Ф. Шернваль писалъ Армфельту 13 сентября 1811 года: «Не могу скрыть какъ отъ другихъ, такъ и отъ самого себя, что не довѣряю истиннымъ намѣреніямъ иныхъ людей. Абоскій епископъ, напримѣръ, одинаково желаетъ быть уважаемъ, какъ шведскимъ государственнымъ совѣтомъ, такъ и русскимъ правительствомъ:—но какъ все это можетъ вязаться съ истинными будущими благами Финляндіи»?

Поведеніе Тенгстрема за первый періодъ войны дѣйствительно остается таинственнымъ, и онъ самъ поспѣшилъ сжечь въ іюнѣ 1808 года свою политическую корреспонденцію.

По своему міровоззрѣнію Тенгстремъ былъ приверженцемъ свободныхъ идей XVIII столѣтія. Тенгстремъ, явясь въ Або къ Буксгевдену, въ рѣчи, произнесенной на французскомъ языкѣ, выразилъ живѣйшую радость по поводу того, что Александръ I далъ обѣщаніе охранять лютеранскую вѣру и церковный порядокъ въ Финляндіи и объявилъ, что онъ готовъ содѣйствовать сохраненію полнаго спокойствія въ странѣ. Вскорѣ послѣ этого Тенгстрема посѣтилъ русскій полковникъ Турскій, для передачи извѣстія отъ Александра I. Затѣмъ мы видимъ Тенгстрема руководящимъ выборами членовъ депутаціи, но самъ онъ отказался отъ предложенія участвовать въ ней. По окончаніи сейма въ Борго Государь наградилъ его брильянтовымъ крестомъ и дипломомъ на дворянство [571]).

Подвижный и предусмотрительный умъ Тенгстрема постоянно изыскивалъ средства содѣйствія благу родины. Изъ черняковъ

французскихъ его писемъ видно, что онъ, послѣ разрыва въ 1808 г. со Швеціей, вошелъ въ сношенія со многими выдающимися интеллигентными и высокопоставленными лицами въ Россіи, съ которыми потомъ продолжалъ переписку.

Первое знакомство Якова Тенгстрема со многими правящими лицами въ Петербургѣ относится уже къ февралю 1809 года, когда онъ по призыву Александра I явился въ русскую столицу для присяги, какъ будущій тальманъ духовенства сейма въ Борго. Его обходительныя манеры, свободная французская рѣчь и оказанная ему царская милость открывали ему двери въ Петербургскихъ сферахъ; но болѣе всего онъ приблизился къ Михаилу Сперанскому, который стоялъ въ зенитѣ власти и возвышенныя мысли котораго привлекали его симпатію.

Въ письмѣ къ Сперанскому Тенгстремъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ радуется случаю вновь свидѣться съ нимъ и вспоминать о своемъ послѣднемъ пребываніи въ Петербургѣ, причемъ онъ надѣялся войти въ сношенія съ выдающимися учеными, которые современемъ могутъ оказать пользу какъ наукѣ вообще, такъ и финскому университету въ особенности.

Ходатайство Тенгстрема о пособіи университету, поддержанное генералъ-губернаторомъ и Армфельтомъ, увѣнчалось успѣхомъ. Но этого успѣха нельзя приписать исключительно заботамъ Тенгстрема, въ виду приведеннаго нами письма гр. Буксгевдена. Штейнгель, возвратясь изъ С.-Петербурга, сообщилъ радостную вѣсть, что Императоръ, утверждая всѣ предположенія университета, жалуетъ ему 20.000 руб. сер. на окончаніе и распространеніе строящагося съ (1802 г.) дома, съ обѣщаніемъ ежегоднаго вспомоществованія пока зданіе не будетъ готово. Университетъ получилъ новый штатъ. Число профессуръ увеличено до 20; опредѣлено 14 адъюнктовъ и т. д. Профессорамъ назначено увеличенное содержаніе. Бѣднымъ студентамъ даны пособія; къ предметамъ ученія причислены главные европейскіе языки, между ними и русскій; даны средства къ приращенію учебныхъ хранилищъ. Особенно Сперанскій былъ доволенъ введеніемъ въ новый штатъ лектора русскаго языка.

«Съ быстротою, почти невѣроятною, распространяется по всему городу вѣсть о благодѣяніяхъ, излитыхъ на насъ Императоромъ Александромъ. Ихъ узнаютъ мужи и жены, дѣвы и почтенные старцы» какъ выразился профессоръ К. Н. Лагусъ (27 іюня 1811 г.).

Въ письмѣ графа Г. М. Армфельта 7 мая 1811 года значится: «Невѣроятно, сколько Императоръ сыплетъ милостей и де-

негъ, какъ на страну, такъ и на частныхъ лицъ. Абоская академія теперь, безъ сомнѣнія, во всей Европѣ наиболѣе обезпечена средствами».

Перечисленныя благодѣянія превзошли всѣ ожиданія университета, почему онъ съ Высочайшаго разрѣшенія отправилъ въ С.-Петербургъ четырехъ депутатовъ, для изъявленія Монарху благоговѣйной признательности [572]). 7-го мая 1811 года депутація представлялась Государю. Въ своей рѣчи Тенгстремъ упомянулъ о славныхъ завоеваніяхъ, которыя были-бы достаточны для того, чтобы сдѣлать имя Государя знаменитымъ въ самые отдаленные вѣка; послѣ этого онъ прибавилъ: «но болѣе драгоцѣнныя и блестящія завоеванія въ великомъ царствѣ просвѣщенія и наукъ, для образованія и счастія стольких націй, которыя ввѣрены отеческимъ заботамъ Вашего Императорскаго Величества, еще больше въ правѣ распространить въ храмѣ памяти новый безсмертный блескъ славы царствованія того монарха, высшій и самый любезный титулъ котораго—быть отцомъ и первымъ другомъ своихъ счастливыхъ подданныхъ». Послѣ сего депутація представилась Императрицѣ и удостоилась приглашенія къ царскому столу. Та же милость была повторена при прощальной аудіенціи, во время которой Тенгстремъ затронулъ не только университетскія дѣла, но испросилъ также преимущества школъ абоской епархіи, разрѣшеніе на преобразованіе медицинскаго управленія, новое постановленіе о смѣшанныхъ бракахъ между русскими и финляндцами, а также высказалъ пожеланія относительно хозяйства Финляндіи. Государь въ самыхъ милостивыхъ словахъ выразилъ Свое благоволеніе академіи и указалъ депутаціи случай черезъ Сперанскаго письменно представить о своихъ желаніяхъ.

Въ Петербургѣ депутаты получили разрѣшеніе выбить медаль съ изображеніемъ Августѣйшаго благодѣтеля университета [573]).

По возвращеніи Тенгстрема изъ Петербурга, переписка между нимъ и Сперанскимъ продолжалась еще оживленнѣе въ теченіе трехъ лѣтъ, пока совсѣмъ неожиданно государственный секретарь не впалъ въ немилость. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ переписка ихъ не возобновилась, такъ какъ у Тенгстрема не имѣлось болѣе причинъ поддерживать сношенія съ лицомъ, лишившимся своего вліянія [574]).

Сверхъ перечисленныхъ милостей уничтожено постановленіе, запрещавшее молодымъ людямъ изъ Выборгской губерніи посѣщать Абоскій университетъ [575]). Указъ объ этомъ гласилъ: «Мѣстное положеніе Финляндской губерніи, единство языка, законовъ, обы-

чаевъ и установленій представляютъ многія удобности для обывателей сей губерніи, совершать кругъ ихъ ученія въ Абоскомъ университетѣ. По симъ уваженіямъ и по вошедшимъ отъ Абоскаго университета представленіямъ, Я призналъ за благо дозволить обывателямъ Финляндской губерніи, кто пожелаетъ, отсылать воспитанниковъ ихъ для совершенія наукъ въ Або, гдѣ къ существующимъ доселѣ заведеніямъ, по повелѣнію Моему учрежденъ будетъ особенный классъ для Россійскаго языка».

Очевидно исполняя это указаніе, Абоскій университетъ избралъ изъ числа своихъ студентовъ двухъ знающихъ и по хорошему поведенію своему извѣстныхъ молодыхъ людей, Эрстрема и Оттелина, которые были отправлены на счетъ Его Величества въ Москву для окончанія своихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ они снабжались всѣмъ нужнымъ на счетъ университета. Въ дальнѣйшей перепискѣ объ этихъ студентахъ говорится: «Между способами къ ближайшему соединенію Финляндіи съ Россіей призналъ Государь Императоръ ученое сношеніе между обоими сими краями болѣе тому споспѣшествующимъ» [576]).

Послѣ Сперанскаго должность канцлера предложили Г. М. Армфельту. Онъ былъ вполнѣ извѣстенъ университету, такъ какъ уже ранѣе (въ 1791—1792 г.г.) занималъ мѣсто канцлера. Помимо сего университетъ никогда не упускалъ его изъ вида. Едва онъ, послѣ превратностей своей судьбы, поселился въ Петербургѣ, какъ университетъ привѣтствовалъ его особымъ адресомъ. Въ отвѣтъ Армфельтъ тогда между прочимъ, сказалъ: «Въ качествѣ финна я старался исполнить священнѣйшій нашъ долгъ, когда во всемъ, что отъ меня зависѣло, излагалъ передъ своими соотечественниками всю цѣнность теперешняго счастья нашей родины. Чувства Александра I къ Финляндіи почти во всемъ предварили наши надежды и желанія» [577]).

Теперь, когда его избрали канцлеромъ, онъ писалъ консисторіи: «Отъ васъ, господа, и больше всего отъ васъ зависитъ внушить нашей молодежи тѣ понятія и чувства, которыя въ будущемъ опредѣлятъ какъ ихъ собственную судьбу, такъ и судьбу родины. Ихъ способность, какъ чиновниковъ, ихъ достоинства, какъ гражданъ, ихъ поведеніе вообще заслужатъ уваженіе и устранятъ всякую завистъ (русскихъ?) политическому бытію, которое далъ намъ благороднѣйшій изъ Монарховъ, и навѣрное настанетъ время, когда обожаемый Князь увидитъ финновъ, приближающихся къ его трону, не съ тѣмъ, чтобы непрерывно выпрашивать особыя преимущества, но чтобы съ дѣйствительнымъ

чувствомъ драгоцѣнныхъ обязательствъ и необходимыхъ талантовъ выплатить хоть часть той дани, которую мы ему должны, какъ величайшему изъ нашихъ благодѣтелей» [578]).

Изъ частнаго письма Армфельта можно заключить, что канцлерство для него явилось обузой, такъ какъ въ немъ онъ говорилъ: «избави меня Боже отъ канцлерства въ абоскомъ университетѣ».

Въ головѣ новаго канцлера зароились мысли о томъ, что представлялось полезнымъ выполнить университету. Для заграницы по его мнѣнію слѣдовало издать латинское «Asta universitatis aboensis», а для соотечественниковъ,— періодическое сочиненіе подъ названіемъ «Чтеніе для финновъ». Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе, чтобы составлялись «краткія и понятныя для крестьянъ статьи по предметамъ нравственнымъ и экономическимъ»; эти статьи имѣлось въ виду прилагать къ издаваемымъ академіей календарямъ [579]).

По изготовленіи той медали, на которую университетъ получилъ разрѣшеніе, она была преподнесена Императору въ 1814 г. при письмѣ гр. Армфельта отъ 14 января 1814 г. [580]). Въ письмѣ между прочимъ говорилось, что Абоскій университетъ, осыпанный благодѣяніями Его Императорскаго Величества, осмѣливается представить слабое доказательство глубокой и почтительной признательности, поднесеніемъ Государю медали. Эта Академія и по своимъ принципамъ и своимъ заботамъ воспитать вѣрныхъ подданныхъ и добрыхъ гражданъ съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе достойной оказываемой ей щедрости со времени ея подчиненія скипетру Его Величества. Такъ писалъ Г. М. Армфельтъ въ офиціальномъ донесеніи Государю. Въ частной-же своей корреспонденціи онъ мало жаловалъ абоскихъ профессоровъ; ему казалось, что въ средѣ сихъ «ученыхъ отцовъ» господствовали «непотизмъ» и самовластіе, почему онъ хотѣлъ противодѣйствовать тому, чтобы «хорошо оплачиваемые лѣнтяи производили негодныхъ согражданъ».

Послѣ смерти Г. М. Армфельта (въ августѣ 1814 г.) консисторія, по мысли Тенгстрема, обратилась съ просьбой къ графу Румянцеву стать во главѣ финляндской академіи, въ званіи канцлера. «Неограниченная свобода» выбирать канцлера изъ господъ членовъ государственнаго совѣта,—какъ говорилось въ старомъ королевскомъ письмѣ,—составляло одну изъ привилегій консисторіи Абоскаго университета, которой дорожили и пользовались [581]). Консисторія сохранила это право. Тенгстремъ,

выставляя кандидатуру графа Румянцева, руководился той-же точкой зрѣнія, какъ и въ 1809 г., когда мѣсто канцлера занялъ М. М. Сперанскій, т. е., что высшій представитель университета долженъ быть независимое отъ генералъ-губернатора лицо, которое своимъ выдающимся положеніемъ и научнымъ интересомъ фактически могло бы содѣйствовать благу университета. Онъ лично старался уговорить Румянцева, письмомъ отъ 30 ноября н. ст. 1814 г., принять предложеніе, заявляя: «Мы хорошо знаемъ, что ваше превосходительство, по окончаніи блестящаго поприща государственнаго дѣятеля, просили и, наконецъ, получили достойный отдыхъ отъ офиціальныхъ дѣлъ, чтобъ спокойно наслаждаться какъ милостями монарха, такъ и благодарностью согражданъ; но мы тѣмъ не менѣе надѣемся, что литература и искусство, которыя вы всегда любили и которымъ оказывали покровительство, не перестанутъ окружать васъ, доставляя удовольствіе и пріятное препровожденіе времени, какъ отцу, посвящающему свои нѣжныя заботы любимымъ дѣтямъ».

Румянцевъ не принялъ, однако, предложенія, почему Тенгстремъ написалъ: «Это сообщеніе, хотя и сдѣлано въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, все-таки настолько разрушило всѣ мои надежды и наполнило мое сердце горчайшимъ страданіемъ, что мнѣ нужны были всѣ эти прошедшія недѣли, пока вновь не могъ броситься къ ногамъ вашего превосходительства» [582]).

Румянцевъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ къ университету, что и доказалъ присылкою въ подарокъ бюстовъ королевы Христины и Императора Александра I.

Упсальскій университетъ съ 1747 года и Лундскій съ 1810 не разъ состояли подъ управленіемъ членовъ королевскаго дома. Имѣя это въ виду, Абоскій университетъ, въ началѣ 1816 года, всеподданнѣйше ходатайствовалъ, не удостоитъ ли Монархъ и его милостью, даровать ему канцлера въ Особѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Павловича. Мысль добиться назначенія канцлеромъ университета въ данномъ случаѣ Великаго Князя Николая Павловича, всецѣло принадлежитъ Тенгстрему, который при этомъ имѣлъ въ виду не только частные интересы университета. Онъ не безъ основанія придавалъ значеніе тому обстоятельству, что Великій Князь, въ качествѣ канцлера, неизбѣжно будетъ посвящаться въ дѣла Финляндіи.

Для выполненія принятаго консисторіей плана, Тенгстремъ отправился въ С.-Петербургъ и лично докладывалъ Императору о

вѣрноподданническомъ желаніи университета. Его Величество «въ доказательство особенной своей милости къ Абоскому университету», — какъ сказано въ рескриптѣ 25 марта — 6 апрѣля 1816 года на имя проканцлера консисторіи,—благоволилъ снизойти на упомянутую просьбу. Канцлеромъ былъ назначенъ въ мартѣ 1816 г. Великій Князь Николай Павловичъ.

Нѣсколько дней спустя Великій Князь, рескриптомъ на французскомъ языкѣ, увѣдомилъ консисторію о своемъ назначеніи и обѣщалъ содѣйствовать благосостоянію университета. «Финляндія, счастливая подъ отеческою Державою Государя Императора, счастливая своими постановленіями и успѣхами образованности, всегда будетъ наслаждаться процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ доколѣ не оставитъ пути, по которому понынѣ слѣдовала». «Je suis, Messieurs, Votre trés-affectionné» Nicolas. Тенгстремъ, доложивъ письмо консисторіи, добавилъ, что докладчикомъ по академическимъ дѣламъ назначенъ статсъ-секретарь Р. Г. Ребиндеръ. Такимъ образомъ дальновидный Тенгстремъ имѣлъ полный успѣхъ. Консисторія рѣшила въ письмахъ благодарить Великаго Князя Николая и Ребиндера, а также выбить медаль въ память счастливаго для университета событія [583]).

«Радостно было слышать,—читаемъ въ письмѣ Тенгстрема къ Ребиндеру 11 мая н. ст. 1816 г., — что молодой канцлеръ начинаетъ заниматься нашими академиками. Легко представить себѣ, что онъ, который никогда раньше не занимался дѣлами и еще меньше можетъ знать наши законы, долженъ въ началѣ быть непривыченъ и неосвѣдомленъ въ собственномъ служебномъ дѣлѣ... Мы желаемъ и надѣемся, конечно, что онъ мало-по-малу ближе ознакомится съ дѣлами и вмѣстѣ съ тѣмъ пойметъ духъ вообще нашего конституціоннаго правленія и академическаго въ особенности. Что въ настоящее время онъ не можетъ дать какихъ-либо объясненій въ нашихъ дѣлахъ своему высокому господину Брату—очень понятно; но безошибочно мы желаемъ всетаки, чтобы онъ впослѣдствіи по крайней мѣрѣ присутствовалъ у Государя, когда будутъ докладываться наши дѣла. Такъ всегда наши канцлеры присутствовали у короля, когда статсъ-секретарь ему излагалъ академическія дѣла, а вы, господинъ баронъ, хорошо знаете, какъ нашъ народъ дорожитъ старыми формами».

Въ дѣйствительности-же Великій Князь Николай Павловичъ впослѣдствіи принималъ живое участіе какъ въ текущихъ дѣлахъ университета, такъ и по вопросамъ болѣе исключительнаго характера. Благодаря сему онъ пріобрѣлъ значительное воззрѣніе на

дѣла Финляндіи, когда онъ самъ, послѣ смерти своего брата, взошелъ на престолъ. Что лицо канцлера служило оплотомъ университета противъ вмѣшательства со стороны генералъ-губернатора или правительства,—пишетъ финляндскій историкъ,—это знаетъ каждый, кому извѣстна исторія университета за то трудное время, которое потомъ слѣдовало. Обезпеченіе университета и содѣйствіе общимъ интересамъ страны—вотъ тѣ цѣли, которыя преслѣдовались при выборѣ канцлера въ 1816 году [584]).

Ребиндеръ, обремененный текущими дѣлами, предоставилъ университетскія дѣла Тенгстрему. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ явилось для Ребиндера заявленіе Тенгстрема, сдѣланное при встрѣчѣ въ Або въ 1817 году, о его намѣреніи оставить мѣсто проканцлера. Ребиндеръ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы побудить Тенгстрема отказаться отъ своего намѣренія, но безуспѣшно.

Тенгстремомъ тѣмъ болѣе приходилось дорожить, что онъ велъ обширную переписку съ разными дѣятелями, извлекая изъ нихъ возможную пользу для Финляндіи. Въ числѣ корреспондентовъ Тенгстрема находились К. П. ванъ-Сухтеленъ въ Стокгольмѣ, котораго онъ благодарилъ отъ имени университета за щедрые дары библіотекѣ; русскій посолъ въ Берлинѣ Д. Алопеусъ, прокуроръ Синода князь Голицынъ, къ которому онъ обращался по вопросу о раздачѣ живущимъ въ Россіи лопарямъ библій, подаренныхъ евангелическимъ обществомъ въ Стокгольмѣ, профессоръ Бюле въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Р. ф.-Розенкампфъ въ Петербургѣ, секретарь при академіи наукъ въ Петербургѣ Фуссъ. Можно смѣло предположить, что не только внѣшнія обстоятельства вызвали развитіе этой корреспонденціи, которую Тенгстремъ тщательно поддерживалъ, но здѣсь скрывался также планъ укрѣпленія интеллектуальной жизни его родины, посредствомъ изысканія средствъ въ Россіи и приготовленія для финскихъ изслѣдователей новыхъ поприщъ для труда въ Имперіи [585]). Тенгстремъ не пожелалъ долѣе оставаться при университетѣ между прочимъ потому, что выходки студентовъ стали оканчиваться взысканіями въ обычномъ полицейскомъ судѣ.

18—30 октября 1817 года произошло освященіе новаго университетскаго дома. Самъ епископъ произнесъ при семъ торжественномъ случаѣ рѣчь на латинскомъ языкѣ [586]).

Въ 1818 г. консисторія получила отъ правительства порученіе приступить къ пересмотру старинныхъ конституцій 1655 года и предложить необходимыя измѣненія. Повидимому,—пишетъ проф. Эд. Берендтсъ,—эта ревизія статута шла не очень успѣшно, такъ

какъ Императоръ Александръ I, рескриптомъ отъ 28 августа 1821 года, учредилъ для пересмотра его спеціальный комитетъ. Въ рескриптѣ сказано было, что до Высочайшаго свѣдѣнія дошла также и общая жалоба на то, что юношество, поступающее изъ университета на службу края, далеко не всегда обладаетъ достаточной подготовкой, твердостью въ мысляхъ и полностью познаній, кои являются условіемъ къ пріобрѣтенію способности для занятій болѣе высокихъ административныхъ должностей. Съ прискорбіемъ Государь узналъ также, что академическая дисциплина не была соблюдаема съ необходимою серьезностью и справедливою строгостью, которыя столь сильно содѣйствуютъ тому, чтобы уже своевременно въ сердцахъ молодежи возбуждать любовь къ порядку и закону, и которая, въ такое время, какъ настоящее, прежде всего необходима, для противодѣйствія возрастанію непокорности, для разоблаченія невѣрности и зловредности господствующихъ идей, и для возбужденія въ умахъ образованнаго юношества добронравія и подчиненія законамъ, основамъ прочности и твердости гражданскаго порядка [587]).

Указанныя Государемъ мѣропріятія вызывались сложившимися при университетѣ обстоятельствами. Уже въ концѣ 1817 года состоялось распоряженіе объ испытаніяхъ студентовъ и о правахъ на вступленіе ихъ въ гражданскую службу [588]). Поведеніе студентовъ также требовало большаго присмотра со стороны начальства, такъ какъ случаи ихъ незаконныхъ выходокъ умножились. «Неспокойное состояніе студенческой молодежи тѣмъ болѣе меня тревожитъ, — писалъ Ребиндеръ 9—21 ноября 1818 г. Маннергейму,—и мнѣ хорошо извѣстно, что эти незначительныя выходки могутъ обратиться въ настоящія безчинства, съ весьма серьезными послѣдствіями какъ для университета, такъ и для края вообще. Я обращался какъ къ архіепископу, такъ и къ ректору съ просьбой употребить свою отеческую власть, для успокоенія молодежи. Мнѣ думается, что съ такой тенденціей въ подростающемъ поколѣніи слѣдуетъ обращаться сначала весьма осторожно и что ее скорѣе можно предупредить мягкимъ обращеніемъ, чѣмъ силою и строгостью. Ничего удивительнаго нѣтъ, что среди нѣсколькихъ сотенъ юношей происходятъ кое-какія мальчишества, и очень важно, чтобы мелочи не обратились въ общественныя дѣла всей студенческой корпораціи. Если подмастерье потревожилъ ночной сонъ г. полковника Кузьмина, то это важное событіе навѣрно не обратило бы на себя такого вниманія» [589]).

Открыто нерасположеніе къ университету Александръ I высказалъ во время пребыванія въ Або 1819 г. Карлъ XIV Іоганъ прислалъ туда чрезвычайнаго посла, графа Левеньельма, привѣтствовать Государя. На пріемѣ графа, съ которымъ онъ посылалъ свой отвѣтный привѣтъ королю, Александръ между прочимъ выразилъ: «Бунтовщики, которыми Германія и Франція кишитъ, дѣлаютъ все, что въ состояніи сдѣлать, чтобъ возбуждать народъ и перессорить монарховъ. Они создаютъ большіе планы, но они имъ не удадутся». Наконецъ Александръ добавилъ: «главнѣйшій долгъ насъ всѣхъ—это уничтожить планы крамольниковъ». Это указаніе, хотя и выраженное въ вѣжливомъ привѣтствіи королю Швеціи, тѣмъ не менѣе имѣло «серьезную интонацію» [590]).

Въ октябрѣ 1821 года уличная ссора студентовъ перешла въ нападеніе на русскій военный караулъ, желавшій возстановить тишину и порядокъ. Караульному унтеръ-офицеру нанесены были удары, а затѣмъ, когда улица наполнилась студентами, въ солдатъ полетѣли каменья и изъ ихъ рукъ пытались вырвать ружья, въ помѣщеніи караула разбиты были стекла. Генералъ-губернаторъ донесъ о происшествіи Начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, князю Волконскому. Послѣдній, желая предупредить новыя буйства и «обуздать юношество» исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе караулу впредь имѣть заряженныя ружья, а въ резервѣ сильные пикеты. Онъ находилъ, что честь мундира Россійской арміи должна быть ограждена отъ «неистовства» студентовъ. Виновные были наказаны, а когда по городу распространилось «секретное» распоряженіе о боевой готовности караула, безпорядки не возобновлялись [591]).

Высочайшимъ рескриптомъ 28 августа 1821 года тайный совѣтникъ графъ Аминовъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, вмѣсто престарѣлаго Тенгстрема. Ему было рекомендовано обратить серьезное вниманіе на усиленіе дисциплины въ средѣ академической молодежи. «Вы знаете», сказано въ рескриптѣ, — «Нашъ образъ мыслей на этотъ счетъ. Вы знаете, что Мы одинаково искренно и постоянно заботимся объ охранѣ истиннаго просвѣщенія и всего, что можетъ споспѣшествовать благу человѣческому, и что столь-же незыблемо Наше намѣреніе противодѣйствовать распространенію колобродныхъ ученій въ Нашемъ народѣ и предупредить порчу подростающаго поколѣнія путемъ превратнаго ученія и преувеличеннаго понятія о гражданскихъ правахъ» [592]).

Аминовъ желалъ возбудить къ жизни изсякавшую литературную дѣятельность университета, но въ этомъ отношеніи никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ не сумѣлъ предпринять.

Около Абоскаго университета группировалось все, что въ то время могло выражать собой научное, литературное и національное стремленія края; съ университетомъ тогда были связаны существовавшія періодическія изданія и иныя выходившія сочиненія. Біеніе патріотическаго и интеллектуальнаго пульса возможно было наблюдать только въ Або.

Положеніе политической печати Финляндіи того времени наглядно опредѣляется слѣдующимъ фактомъ: Редакція газеты «Åbo Tidningar», которая выходила два раза въ недѣлю, казалось бы, имѣла достаточно времени сообщать не только военныя новости, но могла бы также нѣсколькими сильными статьями повліять на патріотическое чувство. Но ничего подобнаго не было. Газета ничего не знала о томъ, что война началась. Ея редакція продолжала печатать «Необычайныя проповѣди» 1688 г., «Кое-что о дѣтскихъ пріютахъ», объ «Индійской забавѣ», безсмысленныя стихи, а также такія мировыя политическія статьи, какъ напримѣръ, «Послѣдняя судьба С.-Доминго» и «Веселый китаецъ Спингфо». Только 3-го апрѣля читатели газеты узнали, что страна находится на военномъ положеніи и то лишь по объявленію абоской ландсканцеляріи о перепискѣ между Россіей и занятыми русскими войсками мѣстностями [593]).

Съ 1803 г. въ Або выходила газета «Общая Литературная Вѣдомость»; она издавалась обществомъ ученыхъ. Г. М. Армфельтъ собирался расширить ее, издавая акты Абоскаго университета и новыя сочиненія, но недостатокъ средствъ воспрепятствовалъ исполненію плана. Въ теченіе 1817 и 1818 г.г. выходилъ журналъ «Аура». Въ 1819 г. это изданіе уступило мѣсто газетѣ «Мнемозинъ». Въ 1821 г. А. І. Арвидсонъ сталъ издавать «Абоскій Утренній Листокъ» (Åbo Morgonblad), но уже въ сентябрѣ замѣнилъ ее листочкомъ «Невинныя Бездѣлки». Въ 1823 г. «Мнемозинъ» замѣненъ «Абоскими Извѣстіями» (Åbo Underrättelser). Въ Гельсингфорсѣ съ 1820 г. издавались «Финляндскія Общія Вѣдомости». Въ 1821 г. въ Выборгѣ сталъ выходить журналъ «Выборгское Кое-Что», заключавшій въ себѣ вырѣзки изъ нѣмецкихъ газетъ. Въ 1823 г. явилась болѣе постоянная газета «Выборгскій Еженедѣльный Листокъ».

Графъ
Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Архіепископъ Яковъ Тенгстрёмъ.

Въ 1820 г. адъюнктъ-профессоръ Р. фонъ-Беккеръ рѣшился печатать на саволаксъ-карельскомъ языкѣ въ Або «Симидневныя Вѣдомости», на полулистѣ (въ 4 долю), имѣвшія цѣлью знакомить финляндскаго земледѣльца съ древнимъ и современнымъ положеніемъ его родины и такимъ образомъ оживить его уединенную жизнь. Эти «Вѣдомости» просуществовали до пожара Або 1827 г. Въ 1829 г. онѣ прекратились, вслѣдствіе соперничества Симидневныхъ Вѣдомостей изъ Улеаборга».

До присоединенія Финляндіи къ Россіи во всей странѣ была одна только типографія, при Абоскомъ университетѣ. Вскорѣ по присоединеніи, заведена типографія въ Выборгѣ въ 1813 г. и въ Або—для Библейскаго Общества. Слѣдующая типографія создалась при финляндскомъ сенатѣ, послѣ его перевода изъ Або въ Гельсингфорсъ [594]).

Начало города Гельсингфорса относится ко времени Густава Вазы. Въ 1550 году онъ обратилъ вниманіе на природныя удобства мѣстности за островами нынѣшняго Свеаборга и пожелалъ основать тамъ городъ. Но избранный имъ для этой цѣли песчаный островъ Сандгамъ не понравился жителямъ и они скоро перебрались на материкъ, къ устью рѣки Ванды, гдѣ и заложили Гельсингфорсъ.

Въ 1616 году Густавъ II Адольфъ посѣтилъ новый городъ и открылъ въ немъ экстренное засѣданіе шведскаго риксдага. Однако и тутъ мѣстныя условія оказались недостаточно благопріятными, почему при королевѣ Христинѣ въ 1639 году городъ былъ перенесенъ верстъ на 5 къ западу и послѣ этого Гельсингфорсъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ красуется и развивается по настоящее время. Первые «историческіе» дни молодого города не были его красными днями: пожары, чума, голодъ и непріятель не разъ превращали его въ пепелъ и пустыню, поливали кровью и оглашали стонами. Затѣмъ судьба стала болѣе благосклонной къ Гельсингфорсу.

Въ 1791 году Гельсингфорсъ посѣтили нѣкоторые французы. Не смотря на то, что въ немъ жилъ главнокомандующій финской арміей, говорятъ они, городъ былъ очень маленькій и прежде всего очень плохо вымощенъ. Число жителей доходило только до 1.000 человѣкъ. «Мы справедливо можемъ сказать, что на улицахъ можно было встрѣтить столько же коровъ, какъ и

людей». Изъ достопримѣчательностей города называется богатый оружіемъ цейхгаузъ, расположенный сейчасъ за городомъ.

Англичанинъ Кларке находилъ Гельсингфорсъ болѣе интереснымъ. Онъ говорилъ, что онъ маленькій, но хорошенькій городокъ съ нѣсколькими каменными зданіями. Дома казались богатыми и удобными, а про жителей говорится, что они живутъ въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ; автору они оказывали большую любезность. Какъ внутренняя, такъ и заграничная торговля велась оживленно, послѣдняя особенно съ Испаніей. Туда отправляли прекрасныя доски, а оттуда получалась соль, значеніе этого товара обратило особенно вниманіе Кларке [595]).

Что былъ Гельсингфорсъ во время войны 1808—1809 годовъ?—спрашиваетъ Ѳ. Булгаринъ и отвѣчаетъ: «Одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ городишковъ Финляндіи, почти деревня, нѣсколько улицъ съ деревянными красными домами на скалахъ, и по непроходимой грязи. Каменныхъ домовъ всего было пять или шесть и одна церковь, никакой архитектуры. Между домами и улицами возвышались гранитные утесы, а гнилое болото примыкало къ заставѣ, и заражало воздухъ своимъ испареніемъ. Бѣдность была характеристикою этого городишка» [596]).

Во время войны, въ старинномъ Гельсингфорсѣ было только до 3.500 жителей. Даніельсонъ подтверждаетъ эту цифру, говоря, что по церковной книгѣ приходъ города Гельсингфорса въ 1805 году состоялъ изъ 3.227 человѣкъ, и кромѣ того расположенная въ городѣ артиллерія насчитывала особый приходъ, состоящій изъ 1.110 человѣкъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ взятыхъ.

Главное мѣсто въ городѣ—сенатская площадь, гдѣ была прежняя церковь, нынѣ не существующая. Здѣсь возвышались утесы и придавали этой части города видъ дикости.

Грекороссійская церковь помѣщалась въ частномъ домѣ Бокка [597]).

Въ 1808 году Гельсингфорсъ вновь былъ уничтоженъ пожаромъ. Вскорѣ послѣ этого учредили «новостроительный комитетъ», который долженъ былъ слѣдить за возведеніемъ построекъ города. Одновременно поднятъ былъ вопросъ о перенесеніи въ Гельсингфорсъ главныхъ учрежденій изъ Або, который, по отдаленности отъ Петербурга при новыхъ обстоятельствахъ казался менѣе удобнымъ для центра финляндскаго управленія. Ландсгевдингъ Нюландской и Тавастгусской губерніи Фр. Шернваль особенно усердно старался провести это дѣло. Генералъ-губернаторъ Штейнгель поддерживалъ его.

«Городъ Або былъ нѣкогда сердцемъ Финляндіи,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ сенаторъ Фишеръ,—близость Стокгольма, изъ котораго Финляндія всасывала въ себя черезъ Або европейскую цивилизацію. Университетъ, гофгерихтъ и резиденція архіепископа дѣлали изъ Або средоточіе духовной, умственной, политической жизни края, поэтому именно онъ и не могъ нравиться нашему правительству. Государь Александръ I не былъ вовсе зараженъ славянофильствомъ; онъ, напротивъ, старался привлекать иностранцевъ, чтобы русскіе позаимствовали у нихъ свѣдѣнія, понятія и нравы, но Александръ видѣлъ независимость чиновъ на сеймѣ; онъ боялся нападенія со стороны Швеціи и поэтому перенесъ центръ тяжести въ Гельсингфорсъ, прикрываемый Свеаборгомъ, слѣдовательно русскимъ гарнизономъ и русскимъ флотомъ» [598]).

Судя по протоколамъ финляндской комиссіи, вопросъ о превращеніи Гельсингфорса въ главный городъ края обсуждался особенно усиленно въ мартѣ 1812 г. Въ виду согласованія мнѣнія комиссіи и генералъ-губернатора въ этомъ дѣлѣ, послѣдній повергъ этотъ вопросъ на Высочайшее рѣшеніе. Тогда-же послѣдовала инструкція строительному комитету Гельсингфорса и 27 марта 1812 года рескриптъ о назначеніи Гельсингфорса, въ виду его большой близости къ столицѣ, главнымъ городомъ Финляндіи.

Предсѣдателемъ строительнаго комитета назначили Іогана Альберта Эренстрема съ обширнымъ уполномочіемъ. Въ помощь жителямъ, пострадавшимъ отъ пожара, выдано было 550.000 руб., въ фондъ безпроцентнаго займа назначенъ одинъ милліонъ и въ строительный фондъ 200.000 рубл. ассигн.; послѣдняя сумма впослѣдствіи была увеличена до 600.000 руб. Этими средствами Эренстремъ, усовершенствовавшій свой художественный вкусъ въ школѣ Густава III, удачно выполнилъ перестройку Гельсингфорса. Ему помогалъ даровитый строитель зданія сената (1818—1820), университета и Николаевскаго собора—Іоганъ Карлъ Людвигъ Энгель (род. въ Берлинѣ 1778 году, ум. 1840 г.), который въ 1816 году по предложенію Эренстрема назначенъ былъ главнымъ архитекторомъ при комитетѣ. Задумано было соединить т. н. заливъ Глувикенъ (теперешняя улица Глугатанъ) каналомъ съ южной гаванью, но дороговизна сооруженія побудила оставить этотъ планъ. Тогда-же устроены были теперешнія эспланады.

На капитальныхъ постройкахъ Гельсингфорса лежитъ печать благороднаго и классическаго спокойствія таланта Карла Людвига Энгеля. Его рука придала красивыя очертанія тѣмъ постройкамъ, которыми гордился молодой Гельсингфорсъ» [599]).

*

30 мая 1817 года на имя Финляндскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля послѣдовалъ рескриптъ: «По объявленіи Нами, постановленіемъ отъ 27 марта 1812 года, города Гельсингфорса столицею Великаго Княжества Финляндскаго, и нынѣ изъ представленныхъ Намъ донесеній о успѣхѣ построенія вновь сего города усматривая, что можно уже черезъ нѣсколько времени учредить тамъ правленіе сего края, переводя оное изъ г. Або, признали Мы за благо срокомъ таковаго переведенія назначить 1 число октября 1819 года, съ котораго дня сенатъ, равно какъ и всѣ состоящія подъ вѣдѣніемъ его мѣста и начальства имѣютъ присутствовать въ городѣ Гельсингфорсѣ».

Нѣкоторыя дирекціи оставались въ Або до 1820 года.

Гельсингфорсу нѣсколько содѣйствовалъ удачный выборъ губернатора въ лицѣ Фридриха Шернваля. Вообще губернаторскія должности въ краѣ оказались въ дурныхъ рукахъ. Прокуроръ сената Калоніусъ принужденъ былъ вести постоянную борьбу съ ними. Обычнымъ являлось непредставленіе ими, напримѣръ, отчетовъ по присылаемымъ имъ денежнымъ суммамъ, для размѣна на шведскую монету. Одного изъ ландсгевдинговъ за такое упущеніе вынуждены были даже отставить отъ должности. Строго порицалъ губернаторовъ Армфельтъ въ то время, когда исполнялъ должность начальника края (1812—1813). Одного изъ нихъ онъ надѣется привести въ движеніе по военному вопросу обѣщаніемъ «красной ленты»; про другого онъ говорилъ, что «это дурное существо ничто не можетъ ни трогать, ни ободрять». Абоской губерніей правилъ со шведскихъ временъ Кнутъ фонъ-Троиль, но онъ какъ членъ правительствующаго совѣта (съ 1809), а затѣмъ (послѣ 1814 г.) какъ предсѣдатель финляндской комиссіи въ Петербургѣ, мало удѣлялъ времени своимъ обязанностямъ ландсгевдинга. Въ Нюландскую и въ Тавастгускую, а также, послѣ 1811 г. въ присоединенную Выборгскую губерніи, по счастливой случайности ландсгевдингами назначены были два выдающихся брата—Фридрихъ и Карлъ Шернваль. Ни тотъ, ни другой не были государственными людьми даже въ самомъ скромномъ значеніи этого слова, но каждый изъ нихъ, повидимому, былъ приспособленъ для тѣхъ постовъ, которые имъ довѣрили [600]).

Фридрихъ Густавъ Шернваль, съ благословенія благородной матери, покинулъ отчій домъ, чтобъ въ чужомъ краю пріобрѣсти

опытъ и знанія. По возвращеніи изъ Франціи, онъ поступилъ на военную службу, состоялъ сперва во флотѣ, а потомъ въ финскихъ полкахъ, пока ему не пришлось быть участникомъ капитуляціи Свеаборга. Изъ Фридриха Шерваля вышелъ правильно мыслившій и благородный человѣкъ, но онъ не былъ одаренъ ни энергіей, ни выдающимися умственными способностями. Такимъ онъ началъ свою дѣятельность ландсгевдинга въ Нюландской—Тавастгуской губерніи.

Прежняя любовь къ Швеціи въ немъ не иссякла, хотя уже всѣ усматривали, что соединеніе съ этой страной больше невозможно. Нелюбовь къ Россіи въ немъ осталась, хотя въ противовѣсъ ей выступало восхищеніе Александромъ, котораго вся Европа въ то время ставила на пьедесталъ. Находясь въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, для Фридриха Шерваля, казалось, должно было представиться заманчивымъ дать своимъ сыновьямъ даровое образованіе въ русскомъ военномъ училищѣ; но условіе было таково, что по окончаніи курса они обязаны были служить офицерами на русской службѣ. «Осуществится-ли высочайшее обѣщаніе опредѣлить безплатно моихъ сыновей—я не знаю, но я твердо рѣшилъ не продавать ихъ свободы. Я высказалъ Сперанскому, что вмѣстѣ съ желаніемъ сохранить за своими сыновьями свободу относительно будущаго и назначенія каждаго по его природнымъ наклонностямъ и способностямъ, я осмѣливаюсь также считать этотъ принципъ самымъ удобнымъ и вѣрнымъ для собственной высокой службы Его Величеству». Одинъ изъ сыновей стремился къ военной службѣ, но ни въ какомъ случаѣ онъ не желая служить въ Россіи, проситъ отца послать его въ Швецію. Просьба его была исполнена.

Если не выдающаяся, то все таки полезная дѣятельность Фридриха Шерваля была непродолжительной; уже 30 января 1815 г. онъ скончался, а восемь дней спустя умеръ и старшій его братъ, ландсгевдингъ въ Выборгѣ, Карлъ Іоганъ Шернваль [601]).

Въ 1823 г., когда Штейнгель оставлялъ управленіе Финляндіею, сенатъ (въ маѣ) представилъ Государю особый докладъ, въ которомъ, между прочимъ, было высказано, что всѣ жители края «съ живѣйшею и глубочайшею признательностію» вспоминали четырнадцатилѣтнее управленіе графа Финляндіей. Въ эту достопамятную эпоху, ознаменованную дѣлами величайшей важно-

сти, финляндцы чувствовали счастье «жить подъ скипетромъ правосуднымъ, могущественнымъ, любимымъ нами и благоговѣйно чтимымъ всѣми племенами, подвластными кроткому его владычеству». Штейнгель, исполняя великодушныя намѣренія и повелѣнія Государя, «заставилъ насъ полюбить еще болѣе Великаго Монарха. Его (Штейнгеля) справедливость, кротость, уваженіе къ законамъ страны, огражденнымъ Вашимъ Величествомъ и привѣтливое обхожденіе съ жителями всѣхъ сословій, сдѣлали его память драгоцѣнною финляндцамъ». Сенатъ призналъ своимъ долгомъ повергнуть это свидѣтельство къ подножію престола.

Послѣ отставки Штейнгель остался жить въ Финляндіи, въ своихъ имѣніяхъ около Выборга—Сарела и Майлаксъ, отдаваясь любимымъ занятіямъ по минералогіи, геогнозіи, рисованію и садоводству.

Признательность финляндцевъ къ Штейнгелю наиболѣе опредѣленно сказалась при его похоронахъ. Онъ умеръ въ Гельсингфорсѣ 7 марта нов. ст. 1831 г. «Гельсингфорскія Вѣдомости» (H-fors Tidningar) помянули его весьма сочувственной статьей. Общее уваженіе побудило гельсингфорцевъ большой массой проводить его гробъ до могилы. Подобное вниманіе,—утверждаетъ Авг. Шауманъ,—не было никому оказано въ теченіи этого столѣтія и вѣроятно не будетъ оказано ни одному другому финляндскому генералъ-губернатору».

Тотъ же авторъ «Воспоминаній» отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что «личность Штейнгеля довольно значительно (уже) забыта въ Финляндіи».

Перечисляя его заслуги, Авг. Шауманъ указалъ на то, что Штейнгель покровительствовалъ тремъ лицамъ: Норденшельду, содѣйствовавшему развитію горнаго дѣла въ краѣ, архитектору Энгелю (Engel), по проектамъ котораго былъ обстроенъ Гельсингфорсъ, и Розенкампфу, перешедшему съ русской службы на финляндскую. Въ числѣ финляндцевъ нашелся также и версификаторъ Карлъ Лютстремъ (Luthström), который посвятилъ памяти бывшаго генералъ-губернатора цѣлое стихотвореніе, родъ поэмы, весьма безцвѣтнаго содержанія [602]).

Послѣ Штейнгейля финляндскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (съ 1823 по 1831 г.). «Возвратившись изъ за-границы,—писалъ онъ другу

своему, извѣстному гр. П. Д. Киселеву,—я совершенно неожиданно получилъ новое назначеніе въ Финляндію, какъ кажется, по желанію нѣмца Дибича, которому желаю царствовать и выводить нѣмцевъ... Говорилъ Государю, что буду безполезенъ на новомъ мѣстѣ; но Онъ требовалъ, чтобы я туда ѣхалъ. Прибывши туда и увидѣвши ходъ дѣлъ, тогда рѣшу, что мнѣ надо съ собою дѣлать». (Письмо отъ 20-го сент. 1823 г.). Киселевъ отвѣчалъ: «Въ Орлѣ, бывъ у Государя и узнавъ о почетномъ твоемъ назначеніи, взялъ смѣлость спросить (о тебѣ) у Государя. Его Величество, весьма милостиво отозвавшись на твой счетъ, прибавилъ, что тебѣ данное назначеніе есть награда, которой многіе позавидуютъ; что ты имѣть будешь права главнокомандующаго, и что незнаніе иностранныхъ языковъ для умнаго человѣка не есть препятствіе; словомъ, увѣрилъ, что ты будешь доволенъ и что сіе было сдѣлано въ воздаяніе твоей службы».

Назначеніе въ Финляндію рѣшительно не нравилось Закревскому (письмо отъ 28-го ноября 1823 года).—«О новомъ моемъ назначеніи нечего говорить. Поступили со мною, какъ нельзя гаже, не смотря, что теперешнее мое назначеніе лестно; но ты знаешь хорошо, что я не люблю брать на себя обязанностей, которыхъ исполнить не могу. Исполняю волю Государя, хотя съ огорченіемъ»...

«Дай Богъ тебѣ успѣха въ предпріятіи и достаточной проницательности къ отраженію всѣхъ происковъ, которые ненависть финновъ къ русскимъ устремитъ противу тебя, писалъ 21-го декабря 1823 г. гр. Киселевъ. Не могу скрыть, любезный другъ, что весьма желалъ-бы видѣть тебя администраторомъ русскихъ провинцій, гдѣ ты полезенъ будешь для русскихъ и оставишь по себѣ имя, тогда какъ въ Швеціи, кромѣ скуки, неудовольствія и можетъ чего хуже, ничего не получишь» [603]).

«Напрасно ты думаешь,—отвѣчалъ Закревскій,—что я располагаю оставаться въ Финляндіи. Напротивъ, я прежнее имѣю намѣреніе ѣхать туда, пробыть назначенное мною время и показать, что я не упрямъ и готовъ исполнить волю Государя... Послѣ двухъ докладовъ по Финляндіи я еще болѣе убѣдился, что полезенъ быть не могу, и Государь никакъ не полагаетъ, чтобы финны ненавидѣли русскихъ, тогда какъ это замѣтно почти на каждомъ шагу. Впрочемъ, въ званіи моемъ теперешнемъ я не могу оказать никакой пользы моему отечеству, а что финны меня хвалить или ругать будутъ, для меня все равно. Послужа въ своемъ отечествѣ, я иначе думаю и служу для того, чтобы соотe-

чественники трудамъ моимъ отдавали полную справедливость. Вотъ для чего мы живемъ на свѣтѣ. Въ Финляндіи мнѣ будетъ и трудно и скучно; но назначенное время вытерплю, если позволитъ здоровье».

Въ числѣ пожеланій, высказанныхъ Закревскому по поводу его новаго назначенія, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: «И такъ Всевышнему... угодно было внушить Помазаннику Своему, да поставитъ Онъ васъ намѣстникомъ своимъ въ области иноплеменной, различествующей вѣрою, законами и правами, да творите въ ней судъ правый, да бдите о спокойствіи и цѣлости ея, да внушаете въ жителей покорность къ обладателю ихъ, да руководствуете сердцами и мыслію ихъ не къ частному благу, но къ общей всей Россіи, новаго ихъ отечества» [604]).

Закревскій имѣлъ случай раньше своего назначенія генералъ-губернаторомъ значительно ознакомиться съ Финляндіей, такъ какъ во время войны 1808—1809 гг. онъ состоялъ адъютантомъ у графа Каменскаго и участвовалъ въ сраженіяхъ при Оравайсѣ, Сарвикѣ, Куортанѣ и Сальмѣ.

Капитанъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, который завѣдывалъ всѣмъ у графа, походною канцеляріею, казенными и собственными его деньгами и цѣлымъ домомъ, а въ сраженіяхъ всегда бывалъ при немъ, ловилъ на лету его приказанія и переводилъ ихъ съ быстротою вихря подъ непріятельскими ядрами и пулями. Слово А. А. Закревскаго было слово графа Николая Михайловича Каменскаго, и гдѣ, бывало, покажется А. А. Закревскій, солдаты говорятъ: «вотъ графская душа; куда-то велитъ идти». Закревскій былъ богатъ, уменъ и дѣятеленъ [605]).

Назначеніе Закревскаго состоялось въ августѣ 1823 года. Но выѣхалъ онъ изъ Петербурга въ Финляндію 9-го марта 1824 г. Обозрѣніе ея онъ началъ съ Выборга. Естественно, что мѣстное общество ожидало его съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, зная, какъ много дѣла края зависятъ отъ личности генералъ-губернатора. Его прибытіе въ Гельсингфорсъ, конечно, отразилось въ письмахъ современниковъ, такъ какъ эти письма являлись въ нѣкоторомъ родѣ политической литературой того времени. Одинъ сенаторъ (I. W. Hisinger) описалъ Закревскаго, какъ человѣка, стремившагося вездѣ ввести военный духъ и военные порядки, какъ человѣка чрезвычайно подвижного, справедливаго, проявлявшаго рѣдкую дѣятельность. Его канцелярія всегда была занята до 10 час. веч. Сенаторъ высказывалъ свою надежду на то, что когда Закревскій современемъ вникнетъ во всѣ отрасли

мѣстнаго управленія, Финляндія будетъ имѣть въ немъ умнаго, сильнаго и благороднаго начальника. «Но,—съ грустью прибавляетъ финляндскій историкъ нашихъ дней,—этой надеждѣ не суждено было осуществиться. Онъ оказался человѣкомъ, совершенно не подходящимъ для «конституціонныхъ» порядковъ края», онъ проявилъ,—по заявленію другого историка Финляндіи,—«полное нежеланіе приспособить свою дѣятельность къ законосообразнымъ формамъ». Въ другой разъ тотъ-же историкъ, Эдв. Бергъ, еще рѣзче отозвался о Закревскомъ, усмотрѣвъ въ немъ «самовольнаго солдата» [606]).

Умному и энергичному Закревскому немного потребовалось времени для того, чтобы осмотрѣться въ Финляндіи, замѣтить дѣйствительное положеніе тамъ дѣла и по достоинству оцѣнить дѣятельность своего предмѣстника Штейнгеля. «Я лѣтніе мѣсяцы мучился, объѣзжая Финляндію. Хотѣлось все вдругъ осмотрѣть, не теряя времени. Теперь веду жизнь однообразную. Общества для меня здѣсь совсѣмъ нѣтъ, ибо нѣтъ русскихъ. Что же касается до здѣшнихъ уроженцевъ, то, если бы и нашлись между ними люди съ достоинствомъ, то частныя сношенія наши не могутъ быть пріятны, находясь въ необходимости вести таковыя посредствомъ третьяго. Ты спрашиваешь, доволенъ ли своею чухною, и что у меня творится? Къ прискорбію, долженъ сказать, что не столько чувства прежней ихъ самобытности, какъ безсмысленные поступки предмѣстника моего закоренѣли въ финляндцахъ вражду ко всему русскому. Г-нъ Штейнгель не только съ равнодушіемъ нѣмца смотрѣлъ на непріязненныя ихъ соотношенія съ русскими, находящимися въ здѣшнемъ краю на службѣ, но поддерживалъ ихъ даже въ сношеніяхъ своихъ съ людьми обѣихъ націй. Онъ, казалось, напрягалъ усилія свои, дабы противопоставить однихъ другимъ. Устанавливая зимою дни въ недѣлѣ, на которые русскіе и финны съѣзжались каждый порознь, потворствовалъ народной и разогорченной гордости послѣднихъ, которымъ даже часто предоставлялъ преимущества надъ русскими».

Не содѣйствовали сближенію также и распоряженія Штейнгеля, по замѣщенію нѣкоторыхъ должностей. Вмѣсто того, чтобы съ большимъ разборомъ замѣщать разныя русскія должности въ краѣ, онъ, видимо, не придавалъ этому серьезному дѣлу особаго значенія. «Какихъ дураковъ гр. Штейнгель напихалъ въ города въ плацъ-маіоры. Это ужасно»!—писалъ кн. П. М. Волконскій въ 1819 г. изъ Финляндіи во время своей поѣздки въ свитѣ государя [607]).

«Послѣдствія такого образа поведенія естественны: финны отчудились совершенно отъ русскихъ; офицеровъ нашихъ, и такъ уже достаточно наказанныхъ ссылочною ихъ здѣсь жизнію, къ себѣ не принимаютъ, дѣлая однимъ словомъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы не сблизиться съ нашими. Ты можешь себѣ представить, какъ, съ пріѣзда моего сюда, я стараюсь дать всему этому иное направленіе. На вечерахъ моихъ являются офицеры наши въ большомъ множествѣ, несмотря часто на неумѣнье и неловкость ихъ отъ казарменной жизни въ свѣтскомъ обращеніи. Я не пропускаю ни одного случая напоминать этимъ шведамъ великодушіе, которымъ они одолжены Государю, и что благодарность ихъ можетъ отчасти излиться въ общественныхъ и дружескихъ ихъ сношеніяхъ съ русскими. Что же касается собственно до меня, то мнѣ жаловаться никакъ нельзя. Всѣ стараются исполненіемъ моихъ желаній доказывать готовность свою содѣйствовать моимъ видамъ, къ достиженію скораго отправленія правосудія и соблюденію необходимой точности въ другихъ отрасляхъ управленія Финляндіею. Судопроизводство здѣшнее все основано на ложныхъ началахъ и часто противно здравому смыслу. Я не распространяюсь съ тобою о семъ предметѣ; надѣюсь разсказать объ ономъ при первомъ нашемъ свиданіи».

Положеніе Закревскаго въ краѣ оказалось далеко не изъ легкихъ. «Ничего утѣшительнаго,—писалъ онъ къ своему другу,—сказать не могу, и шагу нельзя сдѣлать безъ переводчика, не будучи увѣреннымъ, то-ли онъ пересказываетъ, что слѣдуетъ». Всѣ друзья Закревскаго высказались по поводу его крайне затруднительнаго положенія; одни указывали на тѣ непріятности, съ которыми ему неизбѣжно придется бороться, другіе—старались утѣшить его. Кн. Волконскій писалъ, напр.:—«Видя что... вы приняли новое назначеніе ваше, желаю отъ искренняго сердца вамъ успѣховъ и счастья, ибо вы знаете, сколько я васъ люблю, но не могу притомъ скрыть предъ вами моего удивленія, какимъ образомъ могутъ идти дѣла хорошо, когда языкъ земли вамъ неизвѣстенъ. Правда, что переписка идетъ на русскомъ языкѣ... но кто можетъ отвѣчать, что переводъ вѣрно сдѣланъ и что отвѣтъ, вами данный, точно изъясненъ въ томъ смыслѣ, какъ вами сказанъ... Вы сами знаете, каково шло при Штейнгелѣ, который имѣлъ ту выгоду, что зналъ языкъ»... Извѣстный Алексѣй Петровичъ Ермоловъ писалъ: «Я все не перестаю мѣсто твое разумѣть прекраснѣйшимъ и важнымъ и смотрю на него, какъ на ступень, приводящую къ обширнѣйшимъ порученіямъ.

И ты... заставляешь меня сказать тебѣ, чтобы ты не скучалъ твоимъ назначеніемъ, ибо съ твоимъ трудолюбіемъ, съ твоею постоянною дѣятельностью, безкорыстіемъ, ты будешь любимъ въ землѣ, а военные, тамъ заброшенные, обрадуются тебѣ безъ памяти. Я имѣю предчувствіе, что тебѣ не долго тамъ заживаться... Знаю непріятность, которая происходитъ отъ незнанія языка земли и законовъ. Точно то-же и мое здѣсь (на Кавказѣ) положеніе... Но развѣ одни мы изъ начальниковъ испытываемъ сіи затрудненія. Сіе весьма обыкновенно въ другихъ государствахъ, а въ Англіи обширныя колоніи ея всѣ такимъ образомъ управляемы» [608])...

Закревскій, принявшись за управленіе краемъ, изумилъ финляндцевъ своей необыкновенною способностью и неутомимостью въ работѣ. Ему было всего 37 лѣтъ отъ роду. Онъ сейчасъ же заявилъ, что никогда не подпишетъ ни одной бумаги на шведскомъ языкѣ и чтобы для него все переводилось на русскій языкъ. Работа закипѣла. Финляндцы почувствовали, что прошли штейнгельскія времена, когда они дѣлали, что желали, и когда начальникъ края считалъ своей первою заповѣдью вторить во всемъ сенату и финляндской Комиссіи, чтобы жить со всѣми въ добромъ согласіи. Значеніе сената теперь существенно сократилось, а докладчикъ Ребиндеръ былъ отодвинутъ на второй планъ, такъ какъ случалось, что Закревскій самъ нерѣдко лично представлялъ дѣла Государю; а главное—Закревскій пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ и огромнымъ вѣсомъ въ петербургскихъ административныхъ сферахъ. Финляндцы рѣшились парализовать единовластіе Закревскаго. Для этого они прибѣгли къ цѣлому ряду мѣропріятій. Чтобы поднять значеніе сената, они надумались пожертвовать 300 тыс. руб. на пострадавшихъ отъ извѣстнаго наводненія въ Петербургѣ въ 1824 г. Чтобы навербовать себѣ сторонниковъ въ столичныхъ салонахъ, сенаторы постановили возможно чаще ѣздить въ Петербургъ. Разгонъ между «столицами» Россіи и Финляндіи въ одно время былъ настолько великъ, что далъ поводъ одному сенатору сообщить въ письмѣ къ своему пріятелю: «весь экономическій департаментъ сената находится въ настоящее время на большой дорогѣ». Закревскій, чувствуя свое положеніе достаточно сильнымъ, не измѣнялъ своихъ привычекъ и, такъ какъ нѣкоторыя стороны финляндскаго характера и финляндскихъ порядковъ ему нравились, то въ Петербургѣ онъ безпристрастно давалъ о нихъ свои сочувственные отзывы. Сенаторы не вѣрили искренности его словъ и видѣли

въ нихъ лишь новый искусный маневръ съ его стороны. Между тѣмъ, является возможнымъ провѣрить его искренность новыми документами. Впослѣдствіи, когда Закревскій былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и когда у него были сведены всѣ счеты съ Финляндіей, онъ также отзывался о финляндцахъ, какъ и прежде, въ дни своего управленія краемъ. Такъ, напр., на юбилеѣ московскаго университета, прощаясь съ депутатомъ гельсингфорскаго университета, докторомъ богословія Гейтманомъ, графъ Арсеній Андреевичъ сказалъ, что «съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о времени, проведенномъ въ Финляндіи, и любитъ финляндцевъ за ихъ благородныя свойства». [609]).

Біографъ Закревскаго—князь Д. В. Друцкой-Соколинскій—также удостовѣряетъ, что Арсеній Андреевичъ «любилъ Финляндію и всегда отзывался съ похвалой о трудолюбіи ея народа. Когда только могъ, онъ всегда носилъ мундиръ финскаго стрѣлковаго батальона, котораго былъ творцомъ и мундиръ, который ему былъ пожалованъ». Когда впослѣдствіи Финляндія страдала отъ неурожаевъ, онъ собиралъ для нея большія суммы. [610]).

Закревскій ревниво оберегалъ свои права. Ребиндеръ давно уже сносился непосредственно съ губернаторами, вице-канцлеромъ университета и сенаторами и дѣла нерѣдко вершались помимо начальника края. Закревскій потребовалъ измѣненія этого незаконнаго и ненормальнаго порядка. Ребиндеръ по этому поводу говоритъ, что новый генералъ-губернаторъ безъ сомнѣнія «честный человѣкъ», и что его «законопослушаніе должно бы согласоваться съ нашей націей», и добавляетъ: «если онъ сумѣетъ найти себѣ надежныхъ и честныхъ людей посредниками между нимъ и населеніемъ, тогда все пойдетъ, какъ нельзя лучше». «Новый генералъ-губернаторъ требуетъ отъ меня, чтобъ я больше непосредственно не обращался къ ландсгевдингамъ. Мнѣ неизвѣстно, запретилъ ли онъ и имъ офиціально сноситься со мною, но во всякомъ случаѣ я васъ прошу этого впредь не дѣлать, независимо отъ того, какихъ дѣлъ будетъ касаться переписка. Вы сами должны сознаться, что ландсгевдинги часто сами подавали поводъ мнѣ миновать генералъ-губернатора, чтобъ избѣжать проволочку и ненужныя формальности; вамъ также извѣстно, что эта непосредственная переписка никогда не касалась важныхъ дѣлъ. Я не понималъ и не понимаю еще и теперь, какой интересъ можетъ быть для генералъ-губернатора слѣдить за тѣмъ, посылаю ли я небольшую сумму денегъ ландсгевдингу въ Выборгъ, или если я прошу у него справки по совершенно маловажнымъ дѣламъ. Ни-

когда, впрочемъ, не запрещалось статсъ-секретарю имѣть сношенія съ губернаторами. Между тѣмъ генералъ-губернатору внушили, что эта непосредственная корреспонденція имѣетъ такое вліяніе, которое затемняетъ власть начальника края; но я обращаюсь ко всей Финляндіи относительно несправедливости этого утвержденія» [611]).

Въ маѣ 1825 года произошелъ серьезный конфликтъ между сенатомъ и Закревскимъ.

Закревскій, во время одного изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, лично доложилъ Государю Императору пять очередныхъ дѣлъ разной важности и затѣмъ препроводилъ ихъ въ сенатъ съ Царскими резолюціями для исполненія. Дѣла касались увеличенія власти мѣстныхъ губернаторовъ по отношенію къ ихъ подчиненнымъ, предоставленія лицамъ православнаго исповѣданія права поступать на финляндскую службу, открытія въ Финляндіи новой епархіи, введенія въ краѣ верстовыхъ столбовъ русскаго образца и т. п. Извѣстіе объ этихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ сильно взволновало сенаторовъ. Тревога ихъ увеличилась еще отъ того, что они подозрѣвали своего вице-предсѣдателя, графа Маннергейма, въ соучастіи въ дѣлѣ, такъ какъ онъ добивался милости Закревскаго. Отовсюду полетѣли письма къ Ребиндеру съ указаніемъ, что надъ головами финляндцевъ скопились темныя тучи, что отечество въ опасности, что новый «визирь» третируетъ законы и обычаи народа, не уважаетъ общественнаго мнѣнія, стремится обрусить всѣхъ, а сенатъ желаетъ превратить въ отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора.

Сенатъ устроилъ особое засѣданіе съ цѣлью обсудить, возможно ли какими-либо мѣрами прекратить дальнѣйшія хожденія Закревскаго съ личными докладами къ Государю и устроить такъ, чтобы статсъ-секретарь по прежнему оставался единственнымъ докладчикомъ финляндскихъ дѣлъ и единственнымъ вѣстникомъ по нимъ державной воли. Сенаторы находили также, что у нихъ не имѣется никакой гарантіи относительно того, что Закревскій точно передаетъ Высочайшія повелѣнія. Сенаторы постановили составить всеподданнѣйшее прошеніе и въ немъ представить всю ту опасность, которая грозитъ управленію отъ нововведеній Закревскаго, нарушающихъ основные законы края. Всеподданнѣйшее представленіе сената поручено было облечь въ надлежащую форму Эренстрему, выдающемуся стилисту, которому помогалъ прокуроръ Валленъ.

16 мая 1825 г. Сенатъ доносилъ: «Финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревскій, доставилъ въ Сенатъ

слѣдующія бумаги на русскомъ языкѣ, которыя сенатъ и велѣлъ перевести по шведски, именно:

1) Бумагу о дарованіи права особамъ, исповѣдующимъ греческую вѣру, получать мѣста въ Финляндіи.

2) Касательно новаго раздѣленія губерній и проекта увеличить число епископствъ.

3) О правѣ ландсгевдинговъ отрѣшать отъ должностей коронныхъ фохтовъ, ленс ановъ и другихъ чиновниковъ сего рода, безъ всякихъ предварительныхъ формъ, предписанныхъ закономъ.

4) Бумагу съ приложеніемъ формы кондуитнаго и формулярнаго списковъ, кои имѣютъ быть введены въ Финляндіи для гражданскихъ чиновниковъ, и

5) Касательно установленія столбовъ, означающихъ русскія версты, по всѣмъ большимъ дорогамъ Финляндіи.

«Изъ сихъ отношеній видно, что господинъ генералъ-губернаторъ имѣлъ честь лично и собственно отъ себя, во время послѣдняго своего пребыванія въ Петербургѣ, докладывать о сихъ предметахъ Вашему Императорскому Величеству и сообщаетъ прямо въ Сенатъ Высочайшія разрѣшенія вышеупомянутыхъ дѣлъ, кои не были предварительно разсмотрѣны въ комиссіи финляндскихъ дѣлъ».

«Хотя Сенатъ получаетъ всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ всѣ повелѣнія Вашего Императорскаго Величества и исполняетъ оныя съ покорностію, тѣмъ болѣе поспѣшною и доброжелательною, что повелѣнія сіи постоянно носили отпечатокъ отеческаго благоволенія для Финляндіи и попеченія Вашего Величества о настоящемъ и будущемъ ея благоденствіи, уже утвержденныхъ сохраненіемъ ея законовъ и формъ управленія, Сенатъ, въ семъ необыкновенномъ случаѣ, представляющемся въ первый разъ со времени присоединенія сего края къ Имперіи Вашего Величества, былъ однакожъ пораженъ тягостнымъ чувствомъ безпокойства и нашелся въ затруднительномъ положеніи, касательно способа, коимъ воля Вашего Величества была теперь сообщена Сенату».

Затѣмъ Сенатъ приводитъ выписки изъ закона 25 октября—6 ноября 1811 г. (§§ 1, 2, 17, 24, 25) и изъ § 6 инструкціи генералъ-губернатору 1812 г.

«Судя по всѣмъ симъ повелѣніямъ, Сенатъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Ваше Императорское Величество образованіемъ финляндской комиссіи желали ясно показать путь, коему Сенатъ долженствовалъ слѣдовать для препровожденія дѣлъ къ трону, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія Вашего Импера-

торскаго Величества, а равно также и на счетъ того, что путь сей есть единственный, по коему Ваше Величество благоволить желаете сообщить Сенату свою Высочайшую волю и повелѣніе, касательно всего, относящагося до гражданскаго управленія Финляндіи.

«Обстоятельство, о коемъ идетъ теперь дѣло, слишкомъ важно для настоящаго времени и имѣетъ неопредѣленное вліяніе на будущность. Сенатъ не можетъ умолчать, что въ самой сущности дѣла, оныя пять бумагъ генералъ-губернатора, особенно въ томъ, что относится къ допущенію полученія мѣстъ въ Финляндіи особъ, неисповѣдующихъ вѣры сей страны, къ отрѣшенію, безъ предварительныхъ суда и разсмотрѣнія, коронныхъ фохтовъ отъ ихъ должностей, по инымъ причинамъ нежели недостатокъ казенныхъ денегъ въ ихъ кассахъ;—къ произведенію новаго измѣренія всѣхъ большихъ дорогъ сего края, которое равно падаетъ въ тягость государству и хлѣбопашцамъ и проч., и проч., оныя бумаги содержатъ условія, которыя измѣнили бы отчасти основные законы и другія гражданскія постановленія Финляндіи,—кои Ваше Императорское Величество благоволили утвердить, которыя до сего времени съ такою точностію были наблюдаемы и сохраненіе коихъ въ полнотѣ составляетъ настоящее благополучіе финляндскихъ вѣрноподданныхъ Вашего Величества, ихъ надежду въ будущемъ, единственный предметъ ихъ желаній и основаніе благоденствія, коимъ они наслаждались въ послѣднія пятнадцать лѣтъ подъ управленіемъ великодушнаго и могущественнаго Государя, коему судьба ихъ покорила».

Такова сущность жалобы сената и главнѣйшіе доводы, приведенные имъ въ оправданіе своего поступка. Въ концѣ всеподданнѣйшаго донесенія находилась просьба къ Его Императорскому Величеству, какъ Отцу отечества, указать сенату «въ семъ затруднительномъ положеніи», «черту поведенія, по коей онъ обязанъ слѣдовать, дабы не дѣйствовать противу своей присяги». Донесеніе было написано на французскомъ языкѣ.

Закревскій не оставилъ заявленія сената безъ возраженія; оно сводилось къ слѣдующимъ положеніямъ.

Передавая сенату дѣла для исполненія, Закревскій въ то-же время сообщилъ объ этомъ для свѣдѣнія Ребиндеру. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что сенаторы приняли на себя обязанность, которая присвоена исключительно одному прокурору сената и жалуются, собственно, на что-же? На то, что «генералъ-губернаторъ не въ правѣ объявлять самъ собою Высочайшей

воли и даже имѣть доступъ къ Государю съ докладами по дѣламъ Финляндіи»...

Первое дѣло, переданное Закревскимъ сенату, касалось просьбы одной волости о допущеніи въ число засѣдателей герадскаго суда также и лицъ православнаго исповѣданія. Этотъ вопросъ, какъ оказывается, былъ уже однажды поднятъ Штейнгелемъ, но Р. Ребиндеръ въ 1821 г. «положилъ его подъ сукно»; 16 марта 1825 г., Государь повелѣлъ: «препроводить (дѣло) въ Сенатъ на разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобы немедленно представить съ своимъ мнѣніемъ на Высочайшее утвержденіе, истребовавъ и дѣло отъ барона Ребиндера по сему производившееся». Вопросъ, поднятый Закревскимъ, говоритъ самъ за себя. Отвѣтъ такъ очевиденъ, что почти излишне приводить доводы Закревскаго въ опроверженіе шведскихъ законовъ отъ 16 октября 1723 г., 21 августа 1772 г. и 3 апрѣля 1789 г. Конечно, эти шведскіе законы допускали къ занятію должностей исключительно только «шведовъ» и устраняли даже финновъ и кареловъ. Кромѣ того, эти законы требовали отъ всѣхъ чиновниковъ обязательнаго знанія шведскаго государственнаго языка. Все это могло быть справедливымъ, пока Финляндія принадлежала Швеціи, но теперь она перешла въ «державное обладаніе Имперіи Россійской», положеніе-же послѣдователей господствующей въ Россійской Имперіи религіи, коихъ число въ Финляндіи доходило тогда уже до 26 тысячъ, было таково, что они обязаны были тамъ, подъ опасеніемъ штрафа, отправлять большіе церковные праздники въ одно время съ лютеранами. Ясно, что требованіе Закревскаго было вполнѣ справедливое и сенатъ только упорствовалъ, не желая предоставить русскимъ никакихъ правъ въ предѣлахъ русской-же окраины.

Что касается вопроса объ отрѣшеніи отъ должностей фохтовъ и ленсмановъ властію губернатора, то оно вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что эти коронные служители иногда брали съ крестьянъ болѣе податей, чѣмъ слѣдовало по закону. Предоставить же бѣдному крестьянину искать съ обидчиковъ судомъ являлось, конечно, нежелательнымъ и крайне убыточнымъ для крестьянина при тѣхъ судебныхъ порядкахъ, которые до сихъ поръ существуютъ въ Финляндіи. Государь естественно склонился къ тому, чтобы «ландсгевдинги таковыхъ чиновниковъ тотчасъ отрѣшали отъ мѣстъ и предавали законному суду». Суда они не минуютъ и, слѣдовательно, порядокъ края не нарушается. Но кромѣ того, сенатъ «потерялъ изъ вида инструкцію» генералъ-губерна-

тора, которому (по силѣ § 33) представлялось удалять отъ должностей тѣхъ чиновниковъ, которые, вопреки закона, обременяютъ народъ податями. Отъ увеличенія власти ландсгевдингамъ дѣло могло только выиграть.

О необходимости введенія въ Финляндіи кондуитныхъ списковъ для чиновниковъ, состоящихъ на службѣ, Государь вполнѣ раздѣлилъ воззрѣніе генералъ-губернатора. Польза послужныхъ списковъ очевидна. Но для Финляндіи они пріобрѣтали еще особое значеніе, въ виду тѣхъ злоупотребленій, кои не разъ обнаруживались. Въ 1812 г., напр., одинъ титулярный совѣтникъ попалъ прямо въ «канцеляріи совѣтники», что соотвѣтствуетъ чину полковника; а полковой бухгалтеръ, состоящій по шведской табели о рангахъ ниже прапорщика, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

Разобравъ по пунктамъ жалобу Сената, Закревскій прибавляетъ: «Въ семъ состоитъ сущность упорствъ, оказанныхъ членами финляндскаго Сената», кои «устремляются единственно къ тому, чтобы президентъ онаго и главноуправляющій въ Финляндіи гражданскою исполнительною частію, одинъ теперь во всѣхъ мѣстахъ тамошняго управленія чуждый шведамъ, не имѣлъ доступа къ трону съ дѣлами ввѣреннаго ему края; чтобы о всемъ, до онаго относящемся, Монархъ получалъ свѣдѣнія токмо чрезъ статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ и въ видахъ, заранѣе ими предначертанныхъ, и чтобы генералъ-губернаторъ состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ составленной изъ нихъ же столичной комиссіи финляндскихъ дѣлъ...; словомъ, члены Сената желаютъ по прежней долговременной привычкѣ, дабы генералъ-губернаторъ отнюдь не выступалъ изъ черты ихъ направленія и при титлахъ своихъ, при довѣренности къ нему Государя, былъ-бы безгласенъ, ничтоженъ».

«Въ заключеніе осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, что управленіе народомъ финляндскимъ предоставлено Сенату сего княжества токмо подъ *надзоромъ* генералъ-губернатора, какъ сказано въ секретномъ Высочайшемъ рескриптѣ къ послѣднему отъ 14 сентября 1810 г. и что по § 819 регламента, даннаго Сенату 6 августа 1809 г., сіе присутственное мѣсто безусловно обязано входить въ разсмотрѣніе дѣлъ по предметамъ, внесеннымъ генералъ-губернаторомъ или отъ себя, либо вслѣдствіе Высочайшихъ *повелѣній;* а потому въ поступкѣ членовъ Сената 4 мая 1825 г. обнаруживается противодѣйствіе ясному постановленію и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе инструкціи прокурору» [612]).

Такова сущность отповѣди, данной сенату.

Споръ между сенатомъ и генералъ-губернаторомъ не былъ рѣшенъ верховною властью: Государь находился въ Крыму, гдѣ скоро скончался. Управляя краемъ и во все вникая, Закревскій обратилъ вниманіе на то, что въ обходъ закона 1812 г. въ финскихъ войскахъ не требовали доказательствъ въ знаніи русскаго языка отъ опредѣлявшихся на службу молодыхъ людей. Мало того, оказалось, что и въ русскія войска, расположенныя въ краѣ, допускались финляндцы, почти не знавшіе государственнаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы впредь исполнялось требованіе закона, предписано было вице-канцлеру университета въ Або ежегодно представлять начальнику края списки финляндскихъ студентовъ, выдержавшихъ испытаніе по русскому языку.

Объѣзжая край въ 1824 г., Закревскій замѣтилъ, что судебныя и иныя рѣшенія пишутся на одномъ шведскомъ языкѣ. Крестьяне, не понимая этого языка и скрывая свои тяжебныя дѣла отъ постороннихъ по природной недовѣрчивости, конечно, страдали отъ подобнаго порядка, пропуская, напримѣръ, апелляціонные сроки и, вслѣдствіе того, нерѣдко разоряя свое состояніе.—О замѣченной ненормальности Закревскій довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

———

XV. Русско-финскія отношенія.

Во время войны народности бросаются другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ; огнемъ и мечемъ ведутся взаимныя истребленія. Но война-же ведетъ къ сближенію, давая случай народнымъ массамъ ближе познать другъ друга.—Что русскіе знали о Финляндіи до борьбы 1808—1809 г.? Одинъ изъ участниковъ ея, пройдя край до Улеоборга и Торнео, писалъ вслѣдъ за окончаніемъ кампаніи: «Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, такъ же какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей». Кому неизвѣстны теперь эти строки К. Н. Батюшкова, облетѣвшія всю Россію? «Сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, писалъ онъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера.—И въ снѣгахъ и подъ суровымъ небомъ, пламенное воображеніе создавало себѣ новый міръ, и украшало его прелестными вымыслами. Сѣверные народы съ избыткомъ одарены воображеніемъ: сама природа, дикая и безплодная, непостоянство стихій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной, даютъ ему пищу».

«Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, которыхъ воспоминаніе и сладостно, и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ легли, и вотъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбитъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные кресты, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, этотъ рядъ могилъ русскихъ въ странахъ чуждыхъ,

отдаленныхъ отъ родины, кажется говорятъ мимоидущему воину: и тебя ожидаетъ побѣда—и смерть! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или оставленную батарею, или передовой непріятельскій лагерь, или мостъ, недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно протекшихъ,—пагубные слѣды войны и разрушенія!—Иногда лагерь располагается на отлогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, батареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина».

Тогда, т. е. весною 1808 г. русская кровь лилась на двухъ концахъ нашего отечества, на берегахъ Дуная и подъ Петербургомъ, въ Финляндіи. Въ октябрѣ баталіонный адъютантъ Батюшковъ участвовалъ въ сраженіи подъ Иденсальми. Героемъ дня явился его другъ Петинъ; съ горстью егерей онъ очистилъ лѣсъ отъ шведовъ. Въ «посланіи къ Петину» — Батюшковъ вспоминаетъ—«Иденсальми страшну ночь» и въ ироническихъ стихахъ изобразилъ свою роль въ этомъ дѣлѣ.

«Въ какомъ смертельномъ безпокойствѣ нахожусь я, милые друзья мои, писалъ Батюшковъ своимъ сестрамъ; а время летитъ въ этой дьявольской странѣ (ce pays infernal)... Поблуждайте немного по картѣ и вы увидите, что вашъ бѣдный братъ сдѣлалъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. Я былъ въ Улеоборгѣ; теперь мы идемъ оттуда къ Вазѣ». «Ваза есть городъ, вымазанный красной краской.... и больше ничего».

«Я обитаю славный градъ Нодендаль, принадлежавшій доселѣ тре-коронному гербу скандинавскому. Здѣсь такъ холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразіе. Скука стелется по снѣгамъ. Развлеченіемъ для молодежи, скучавшей въ «градѣ Нодендалѣ», явилась поѣздка въ Або, гдѣ бывали иногда танцовальные вечера и находился театръ.

Вообразите себѣ сарай à jour, актеровъ таковыхъ точно, какъ Лесажъ (изъ Жильблаза) описываетъ, обмакивающихъ по утрамъ на мѣсто завтрака корки хлѣба въ колодецъ, и въ семъ то Палладіумѣ играли благородную драму.....

«Мы возвратились изъ довольно труднаго похода, т. е. съ Аландскихъ острововъ. Представьте себѣ войско въ 20 тысячъ человѣкъ на льду, бивакамп. Но все проходитъ, и опасности забываются, только въ нихъ и толку. Между тѣмъ я прекрасно путешествую; мы были въ 60-ти верстахъ отъ Стокгольма [613]).

Другой участникъ войны—Ѳаддей Булгаринъ—даетъ сперва картину восточной части Финляндіи, гдѣ Батюшкову не пришлось

побывать. «Лѣса Финляндіи навсегда остались въ моей памяти; они производили во мнѣ тогда сильное впечатлѣніе. Это самый живой образъ дикости». «Куопіо, столица Саволакса и Кареліи (въ 460 верстахъ отъ Петербурга) единственное мѣсто во всей Сѣверной и Восточной Финляндіи, которое можно назвать городомъ. Онъ состоялъ въ то время изъ огромной площади, на которой была каменная кирка, съ кладбищемъ, и нѣсколькихъ примыкающихъ къ площади широкихъ улицъ, застроенныхъ порядочными деревянными домами, выкрашенными, по тамошнему обычаю, красною водяною краскою. Всѣхъ жителей въ Куопіо было до двухъ тысячъ душъ».

Булгаринъ внимательно наблюдалъ жизнь и обычаи новаго для него народа. «Ни въ одной странѣ не живутъ такъ скромно и умѣренно, какъ жили даже достаточные люди въ Финляндіи, во время покоренія русскими сей страны. Почти всѣ дома въ городахъ и помѣстьяхъ были деревянные, самой простой постройки. Домъ обыкновенно красился темно-красной водяной краской, а ставни, ушаки, двери, углы дома и крыша черною краской. Это единообразіе и мрачное сочетаніе красокъ возбуждало въ насъ какое-то непріятное чувство».

«Нравственность финляндцевъ вообще была безукоризненная. Примѣрные христіане, вѣрные блюстители законовъ, твердые въ словѣ, честные во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, финны могли служить примѣромъ для гражданскихъ обществъ, и за эти похвальныя качества обязаны они своему духовенству, самому просвѣщенному въ Европѣ».

«Голоса финскихъ пѣсенъ почти то же, что печальный крикъ ночныхъ птицъ или грозный вой вихря, между деревьями. Народная поэзія финская выражаетъ грусть и уныніе».

Народъ Финляндіи, пишетъ полковникъ русской службы Турскій, «храбрый, трудолюбивый, промышленный, твердый въ въ своихъ чувствіяхъ, гордящійся своею вольностью, особливо остроботнійскій, чувствителенъ на пунктѣ чести, свѣдущъ и кротокъ, когда отдаютъ ему справедливость, но, однажды раздраженный, становится непреклоненъ и упрямъ» [614]).

Таковы первыя впечатлѣнія, вынесенныя русскими изъ обзора ими новаго края.

По словамъ Асна, будничная жизнь жителей Эстерботніи къ сѣверу отъ Гамлекарлебю была несравненно хуже, чѣмъ къ югу отъ этого города. «И характеръ народа оправдываетъ это замѣчаніе. Ихъ грубая жизнь, грязь, невѣжество и суровое поведеніе

рѣзко отличается отъ нравовъ южно-эстерботнійца, какими мы ихъ нашли во время войны 1808—1809 г. Здѣсь ѣдятъ хлѣбъ, смѣшанный съ мякиною, и жалуются на скудость близлежащаго открытаго моря, также какъ и на скудость земли. Говорятъ, что въ лѣсахъ также нѣтъ птицъ».—О мѣстности вокругъ Сикаіоки говорится: «она ровная, обработана и богата. Жители нѣсколько грубоваты, женщины, какъ старыя, такъ и молодыя, курятъ табакъ безъ зазрѣнія совѣсти».—Крестьяне неласковы, но болѣе воспитаны, чѣмъ крестьяне многихъ другихъ мѣстностей сѣверной Эстерботніи. Особенно женщины были красивы и хорошо одѣты.

Лѣтъ пятнадцать послѣ войны, генералъ-губернаторъ Закревскій, объѣзжая край, пріѣхалъ въ Торнео. Въ записи онъ сдѣлалъ помѣтку: «въ гор. Торнео жители много пьютъ, не ходятъ въ церковь и пасторы весьма плохи».

Въ Каянской области, въ Саволаксѣ и Кареліи, по свидѣтельству русскаго очевидца, жители были грубы, суровы, невѣжественны почти до дикости, суевѣрны и мстительны до крайности. Но рядомъ съ темнымъ суевѣріемъ, народъ соединялъ въ себѣ, какъ это часто бываетъ, глубокую, почти фанатическую религіозность и вѣрилъ безусловно своимъ пасторамъ, которые въ его средѣ пользовались безграничнымъ уваженіемъ. Слово пастора было закономъ, и эти пасторы, люди хорошо образованные, вѣрные своему гражданскому и патріотическому долгу, явились первыми руководителями народнаго возстанія. Нашъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ характеризовалъ населеніе—въ смыслѣ народа «исполненнаго воинственнымъ духомъ, ревнующаго о своей свободѣ и готоваго по первому порыву взяться за оружіе для защиты своихъ правъ»!

Безотрадной рисуется положеніе Выборгской губерніи по даннымъ шведскихъ плѣнныхъ офицеровъ. По дорогѣ изъ Фридрихсгама испытывали много непріятностей, благодаря плохимъ, грязнымъ почтовымъ станціямъ.—Выборгъ путешественникамъ показался красивымъ, большимъ городомъ — онъ недавно передъ тѣмъ былъ вновь обстроенъ послѣ пожара. О благоустройствѣ г. Выборга говоритъ также и Жерве. Выборгъ былъ хорошо укрѣпленъ, съ двойными рвами и высокими валами, и двумя форштадтами. Старый замокъ, расположенный на холмѣ, обнесенъ высокой стѣной, имѣетъ большое сходство съ замкомъ Тавастгуса. Городъ содержитъ нѣмецкій театръ. Имѣются нѣмецко-финская и шведская церкви. «Здѣсь мы видѣли первые балконы на домахъ, которые такъ обычны въ русскихъ городахъ» [615]).

«У Абборфорса начинается уже безплодная, каменистая почва, которая кажется все болѣе пустынной, чѣмъ ближе подвигаешься къ русской границѣ. Земледѣліе и луговодство въ упадкѣ. Лишь голыя скалы и камни виднѣются по дорогѣ до самаго Сестрорѣцка. Крестьяне живутъ въ избахъ, напоминающихъ саволакскія, но которыя отличаются еще большей грязью и бѣднотой. Говорятъ по-фински, хотя и русскій языкъ вездѣ употребляется. Еще сохранилось лютеранское вѣроисповѣданіе, исключая нѣсколькихъ русскихъ деревень, въ которыхъ въ такомъ случаѣ имѣется своя собственная церковь и особые православные священники, облачающіеся во время службы въ особое одѣяніе. Финскіе крестьяне, хотя еще и не крѣпостные, всетаки имѣютъ видъ сильно угнетенныхъ, и хотя имъ, при покореніи края, обѣщано было сохраненіе тѣхъ правъ, которыми они пользовались подъ шведскимъ владычествомъ, русская правительственная система, однако, понемногу закралась къ нимъ, почему 12 лѣтъ тому назадъ началась выписка солдатъ и продолжалась впослѣдствіи». Шведы-военноплѣнные разговаривали съ ямщиками, которые горько жаловались на иго, подъ которымъ они принуждены влачить жалкую жизнь. И многіе изъ нихъ высказывали горячее желаніе когда нибудь опять попасть подъ власть Швеціи, потому что они теперь подъ русскимъ гнетомъ сами не знаютъ, сколько и чего они имѣютъ, почему у нихъ нѣтъ охоты обрабатывать свою землю или обстраивать свои гейматы и это тѣмъ болѣе, что наборы, постой и пр. увеличиваются по мѣрѣ того, какъ начиналась обработка земли.

«Здѣсь въ Выборгской губ. всюду финскіе крестьяне имѣютъ очень бѣдный видъ,—писалъ шведъ ф. Брейтхольцъ. Вездѣ, гдѣ мы останавливались для ночлега, насъ встрѣчали недовѣрчиво и непривѣтливо должно быть потому, что русскія войска часто обращаются съ ними грубо во время своихъ передвиженій туда и обратно; но иногда случалось, что ихъ трогало до слезъ, когда мы ихъ упрекали въ нерасположеніи помогать бывшимъ своимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ, которые теперь отправляются въ плѣнъ; высказывались пожеланія побѣды шведамъ и пораженія ихъ притѣснителямъ. Между Выборгомъ и Петербургомъ встрѣчались многія села, въ которыхъ жили одни русскіе. Эти села отличаются болѣе правильными и разнообразными постройками. Жилища построены по обѣ стороны улицы, повернутыя къ ней задней своей стѣной; стѣны неотесаны, крыши съ красивыми вырѣзными карнизами; избы имѣютъ только одно окно на задней стѣнѣ, по бокамъ котораго вырублены волоковыя окна. Остальные

дома, какъ и скотный дворъ, построенные четырехугольникомъ, находятся подъ одной крышей, и такимъ образомъ внутренній четырехугольникъ образуетъ навѣсъ, подъ которымъ ѣздятъ на лошадяхъ и въ экипажахъ. Внутри жилищъ грязно. Въ это время года (авг. мѣс.) невозможно было достать сѣна или соломы у этого бѣднаго народа, и мы собирали себѣ листву для подстилки на ночь. Лошадей мало» [616]).

Вслѣдствіе ли общаго тягостнаго положенія, или отдѣльныхъ несправедливостей единичныхъ лицъ, но въ Выборгской губерніи вспыхивали крестьянскія возмущенія. Извѣстно, что 29 апрѣля 1817 г. генералъ-лейтенантъ Демидовъ получилъ предписаніе начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, князя Волконскаго, немедленно отправить одинъ батальонъ изъ Выборга въ Кексгольмскій уѣздъ, въ кирхшпиль Раутусъ, «для прекращенія безпокойствъ, производимыхъ тамошними крестьянами». Въ то же время командующему Гвардейскимъ Корпусомъ, графу Милорадовичу, приказано было выслать 50 лейбъ-уральцевъ для содѣйствія гражданскому начальству по усмиренію крестьянъ въ кирхшпилѣ Кивинеббъ. Если бы увѣщанія и «скромныя мѣры» оказались недѣйствительными, то Высочайше разрѣшалось прибѣгнуть къ оружію [617]).

По другому возстанію крестьянъ Государь собственноручно написалъ Штейнгелю 15 апр. 1820 г. «Донесеніе ваше о неповиновеніи, оказанномъ крестьянами Сальминскаго погоста, ни мало меня не удивило. Сихъ послѣдствій ожидать надлежало отъ положенія, въ коемъ сіи люди находились, и о коемъ я васъ лично извѣщалъ въ послѣднее мое пребываніе въ Финляндіи. Я полагалъ, что, вслѣдствіе моихъ съ вами объясненій, вы отправитесь сами на мѣсто еще прошлою осенью, дабы лично удостовѣриться въ чинимыхъ притѣсненіяхъ симъ поселянамъ и принять надлежащія мѣры къ огражденію оныхъ отъ злоупотребленій, коихъ неоднократно были они жертвою. Но, къ сожалѣнію моему, вами сего учинено не было. Нынѣ полагаю я необходимымъ присутствіе ваше на мѣстѣ происшествія. Обстоятельства довольно важны. Съ одной стороны, мѣстное начальство жалуется на усиленное неповиновеніе крестьянъ, коего терпимость можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Съ другой, извѣстно мнѣ, по личному моему проѣзду чрезъ сей край, что поселяне сіи озлоблены разными частыми притѣсненіями земскихъ чиновниковъ, коихъ даже и разумѣть не могутъ по различію нарѣчія, ими употребляемаго. Сіи же чиновники, вѣроятно, расположены къ мщенію за прине-

сенныя на нихъ жалобы отъ поселянъ и легко статься можетъ, что и все происшествіе увеличено ими въ семъ намѣреніи. Между тѣмъ уже военная сила требуется, и вами отряжены на мѣсто батальонъ и казачья команда. Послѣдствія могутъ быть самыя плачевныя и даже совершенно противныя строгой справедливости. Личная моя довѣренность къ достоинствамъ и правиламъ вашимъ заставляетъ меня желать, чтобы вы ускорили поѣздку вашу въ Сальминскій погостъ. Вамъ оба языка извѣстны, равномѣрно какъ и законныя постановленія. Нетрудно вамъ будетъ лично вникнуть въ настоящее существо дѣла, выслушавъ жалобы крестьянъ и вразумя въ надлежащихъ ихъ обязанностяхъ; слѣдуетъ вамъ въ точности изыскать, отчего возникло неповиновеніе, отъ недоразумѣнія или отъ притѣсненія чиновниковъ. До вашего пріѣзда запретите всякое военное дѣйствіе; водворя же спокойствіе и устройство въ семъ краѣ и изыскавъ по сущей справедливости виновныхъ, донесите мнѣ о всѣхъ обстоятельствахъ въ подробности» [618]).

Находились также злоумышленники, которые распространяли среди населенія разные невыгодные для крестьянъ слухи, причиняя тѣмъ правительству не мало хлопотъ. Говорили о походѣ за границу, о намѣреніи Швеціи вновь завладѣть Финляндіею и т. п. Въ 1821 году Штейнгель вынужденъ былъ предписаніемъ изъ Петербурга, потребовать отъ Улеоборгскаго ландсгевдинга, дабы онъ приложилъ всѣ старанія къ отысканію распространителя неосновательныхъ слуховъ въ г. Торнео «о вербованіи людей годныхъ для службы». Штейнгель тѣмъ болѣе опасался ложныхъ слуховъ, что,—какъ сообщалъ онъ князю П. М. Волконскому, — финляндскій народъ, по образу правленія, изъ давнихъ временъ привыкшій къ вольнымъ сужденіямъ на счетъ правительства и политики, столь же склоненъ къ распространенію неосновательныхъ слуховъ, какъ и къ принятію ихъ за истину».— Со слухами боролись энергично: объявляли въ киркахъ, обѣщали 500 р. награды, а подозрительныхъ бродягъ отправляли на крѣпостныя работы въ Свеаборгъ [619]).

Въ царствованіе Александра I извѣстная г-жа Сталь проѣхала часть Финляндіи и въ книгѣ «Les dix années d'exil» находимъ слѣдующія строки: «Низшій классъ народа постоянно честенъ, и отличается чистотою нравовъ. По воскресеньямъ видимъ молодыхъ дѣвушекъ, возвращающихся съ проповѣди верхами, сопровождаемыхъ молодежью. Часто пользуемся гостепріимствомъ финляндскихъ пасторовъ, вмѣняющихъ себѣ въ обязанность при-

нимать путешественника, и ничто не можетъ быть безкорыстнѣе и радушнѣе пріема въ ихъ семействахъ. Въ Финляндіи вовсе почти нѣтъ ни замковъ, ни знатныхъ владѣльцевъ, и пасторы суть первые жители края».

Вотъ нѣсколько отрывковъ, но въ нихъ уже край и его населеніе обрисовываются довольно опредѣленно.

Труднѣе уловить тѣ черты, которыми характеризуется отношеніе къ русскимъ мѣстнаго населенія и его руководящихъ классовъ. Люди вообще познаются не скоро. Въ періоды же войны, когда судьба не произнесла еще своего приговора, они естественно держатся болѣе замкнуто, чѣмъ обыкновенно; финляндцы, кромѣ того, давно прониклись преданностью шведской коронѣ и сближеніе съ русскими явилось для нихъ особенно затруднительнымъ: столѣтія войнъ вкоренили въ нихъ недобрыя чувства къ «восточному сосѣду». Они боялись промѣнять «шведскую свободу на русское иго», какъ имъ представлялось. Наконецъ, когда вѣсы войны стали склоняться въ русскую сторону, надежда не покидала многихъ, что счастье вернется и Швеція вновь завладѣетъ страной. Смѣлые люди высказывали эти чувства громко, робкіе—тихомолкомъ. — Шельдебрандъ писалъ, что, проѣхавъ красивую часть Финляндіи, видѣлъ ея обывателей, которые любили шведовъ и «вздыхаютъ подъ чужимъ ярмомъ. Они сперва радуются, при видѣ шведовъ, а потомъ плачутъ».—Открыто высказался ректоръ университета въ Або Матіасъ Калоніусъ. Оставляя ректорство въ іюнѣ 1808 г., онъ, несмотря на то, что городъ былъ занятъ русскими войсками, офиціально выразилъ свою надежду, что король «возстановитъ положеніе своей Финляндіи». Указавъ на гуманность, которую проявили въ эту войну русскія войска и, въ особенности главнокомандующій, Калоніусъ продолжаетъ: «Но, хотя съ нами, такимъ образомъ, обращались хорошо и милосердно, тѣмъ не менѣе при неопредѣленности нынѣшняго положенія, конечно, многія обстоятельства поддерживаютъ въ насъ безпокойство и угнетаютъ насъ тяжкою тревогою. Дѣло въ томъ, что во всякомъ благоустроенномъ обществѣ между правителемъ и каждымъ подданнымъ существуютъ сладостныя и сильныя узы, сплетенныя изъ тонкихъ нитей и самымъ тѣснымъ образомъ связующія обоихъ взаимною любовью и взаимными обязанностями. Эта

искусная и сильная цѣпь не можетъ порваться при первой неудачѣ; въ душѣ подданныхъ не можетъ не остаться чувство печали по поводу столь быстрой перемѣны и желаніе вернуться въ прежнее состояніе;—пока мы остаемся людьми, это никогда или лишь весьма рѣдко можетъ случиться. Пусть же военное счастье тѣлесно отдало насъ силѣ врага и принудило идти туда, куда гонитъ насъ сила оружія, души наши, менѣе зависимыя отъ счастія и случайностей, останутся тѣмъ же, чѣмъ были, они будутъ съ неподкупною вѣрностью принадлежать своему законному королю. Ибо, пока исходъ войны еще неизвѣстенъ и пока не состоялся договоръ, въ которомъ правитель самъ отказывается отъ своихъ правъ, подданный не можетъ по благоусмотрѣнію отказаться отъ долга вѣрноподданства и разорвать узы, связывающія и его, и отечество, если онъ не захочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны».

«Эти мужественныя слова извѣстнаго учителя права прозвучали по всей странѣ и почитались выраженіемъ мнѣнія націи», заявляетъ историкъ Финляндіи.

По отношенію къ Финляндіи главнокомандующій Буксгевденъ и Императоръ Александръ I дѣлали все, чтобы залечить раны войны. Милости сыпались на вновь покоренный край какъ изъ рога изобилія. Финляндія не знала отказовъ по своимъ просьбамъ. А просьбъ этихъ было такъ много, что Г. М. Армфельтъ назвалъ свою родину «гнѣздомъ попрошаекъ». Щедрость Монарха и его личныя качества мирили съ нимъ новыхъ его подданныхъ. Бѣдствія войны сглаживались и населенію оставалось, по совѣту того же Армфельта, на колѣняхъ благословлять небо. Но нѣтъ правилъ безъ исключенія. Вотъ одно изъ яркихъ этихъ исключеній. Въ Эсбогордъ, недалеко отъ Гельсингфорса, проживала вдова полковника Рамзая съ своимъ 16-ти лѣтнимъ сыномъ. Считая Швецію и Финляндію своимъ общимъ отечествомъ, она постоянно избѣгала встрѣчи съ Александромъ, дабы ей не предложено было, подобно другимъ, послать своихъ сыновей воспитываться въ Петербургѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ полковницѣ подали письмо, въ которомъ сказано было, что Государь на возвратномъ пути изъ Або, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ Бернадотомъ въ 1812 г., въ сопровожденіи 14-ти генераловъ, желаетъ переночевать въ ея имѣніи. Это предупрежденіе принято было за повелѣніе быть дома. На слѣдующій вечеръ семья собралась въ Эсбогордъ, откуда, согласно рѣшенію полковницы, 16-ти лѣтній сынъ на слѣдующее утро долженъ былъ отправиться черезъ Або

въ Швецію, чтобы мать имѣла возможность избѣжать повода представить сына царю. Сама она проводила его до Або [620]).

О посѣщеніи Александромъ Павловичемъ полковницы Рамзай разсказываютъ слѣдующія подробности. Пріѣхалъ Императоръ и, бесѣдуя съ Рамзай, сказалъ: «Я знаю, что въ годы войны, мои генералы и адъютанты пользовались пріютомъ и гостепріимствомъ въ этомъ имѣніи. Ваши поля и луга были растоптаны, ваши подчиненные разорены... Это—несчастныя послѣдствія войны. Самая строгая военная дисциплина не въ состояніи предупредить зла. Но что могу,—затѣмъ я теперь прибылъ сюда,—исполню: предлагаю вамъ полное вознагражденіе за понесенный имѣніемъ убытокъ и за лишенія, которыя понесли ваши подчиненные во время прошедшихъ войнъ». На эти слова старая полковница отвѣтила: «Потерю, которую я понесла, единственная, которая оставила неизлечимую рану въ моемъ сердцѣ, Ваше Величество не можете замѣнить своимъ милостивымъ участіемъ—это моихъ двухъ способныхъ сыновей, которые пали въ бою за славу своего отечества. Я сдѣлала все, что могла, чтобъ воздѣйствовать противъ Россіи и помочь моей возлюбленной Швеціи, куда я собираюсь переселиться съ своими дѣтьми. Но одну милость желаю испросить у Вашего Величества, это—избавить меня отъ поѣздки въ Гельсингфорсъ къ ландсгевдингу для присяги на вѣрноподданство Вашему Величеству». «На это я могу дать свое согласіе», отвѣтилъ Государь, недовольный тѣмъ, что пренебрегли его доброжелательствомъ, и, вставъ, приказалъ своимъ адъютантамъ готовиться къ отъѣзду, не пожелавъ, какъ было предположено, переночевать въ этомъ имѣніи.

Иначе отнесся къ Государю въ Куопіо губернаторъ Аминовъ. Онъ недавно водилъ своихъ соотечественниковъ въ бой противъ войскъ Императора Александра I, а теперь Монархъ проѣздомъ черезъ городъ провелъ съ нимъ подъ одной кровлей двѣ ночи. Аминовъ признавалъ себя вѣрноподданнымъ Монарха и однимъ изъ первыхъ поступилъ на службу въ Финляндіи при новыхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Благородное сердце другого Аминова (отставного маіора) раскрывается въ слѣдующемъ разсужденіи, находящемся въ его запискахъ. «Которое-же теперь мое отечество, Швеція или Финляндія? По моему мнѣнію, мое отечество то, гдѣ я родился, гдѣ я съ молокомъ матери всосалъ чувство родины, гдѣ я выросъ и воспитанъ. Оно непремѣнно должно быть моимъ отечествомъ, не взирая на то, какой монархъ будетъ управлять имъ. Послѣ того,

какъ Финляндія по заключеніи мира перешла къ Россіи, и Швеція официально отказалась отъ нашихъ обязательствъ относительно нея, какія-же обязательства предстоитъ теперь исполнять намъ финнамъ? Теперь каждый честный финнъ обязанъ всевозможными способами содѣйствовать приведенію въ исполненіе благихъ намѣреній Государя, чтобъ сдѣлать нашу родину счастливой. Я самъ два раза изъ его собственныхъ устъ передъ Богомъ слышалъ утвержденія его благороднаго намѣренія. Все, что нашъ Государь уже сдѣлалъ и ежедневно дѣлаетъ, благопріятствуетъ нашимъ надеждамъ. И почему бы ему не сдержать своихъ обѣщаній? Можемъ ли мы финны на что либо жаловаться? Мы и теперь такой же свободный народъ, какъ и прежде, подъ управленіемъ нашихъ старыхъ установленныхъ законовъ; коренные жители края имѣютъ надзоръ за правосудіемъ, тѣ, которыхъ мы сами могли избрать среди насъ, оказывая имъ свое довѣріе; наши налоги уменьшены и мы находимся подъ охраной великаго и могущественнаго Монарха. Я говорю: если намъ предоставлено будетъ пользоваться всѣми преимуществами, которыя теперь имѣемъ, то Финляндія по своему положенію счастливѣйшая страна въ Европѣ. Я сравнивалъ насъ каждымъ клочкомъ (въ Европѣ), и не находилъ ни одного, который можно было бы сравнить съ нами. Что выиграла Финляндія подъ владычествомъ шведскаго скипетра? Въ теченіе вѣковъ Финляндія была театромъ военныхъ дѣйствій. Мы можемъ считать, что каждые двадцать лѣтъ наши поля и наша родина удобрялись кровью финскихъ подданныхъ и тысячи душъ были каждый разъ утрачиваемы страной. Невознаградимая потеря.

«Въ то время, когда Швеція отказываетъ финскимъ офицерамъ въ насущномъ хлѣбѣ, имъ, напротивъ, (Россіей) даруются всякія преимущества, если они вернутся въ Финляндію. Нашъ благородный Государь предлагаетъ этимъ воинамъ, которые такъ мужественно сражались противъ него, сохранить за ними прежнюю службу, съ жалованіемъ и бостеллами до окончанія ихъ дней или доколѣ они пожелаютъ жить въ Финляндіи.—Развѣ все это не убѣждаетъ, что нашъ Государь обладаетъ самымъ благороднымъ и нѣжнымъ человѣческимъ сердцемъ».

Во взаимныхъ отношеніяхъ большое значеніе имѣлъ, конечно, личный темпераментъ. Одни спокойно покорялись неизбѣжной участи, другіе, затаивъ злобу и неудовольствіе, жили надеждой отдѣлаться отъ новаго покорителя края. Взятый въ плѣнъ Шернваль, напримѣръ, былъ очень грубъ противъ Буксгевдена и не пошелъ по его приглашенію къ обѣду главнокомандующаго.

«Не думайте, что вы заняли Финляндію, хотя вы и здѣсь,— сказалъ онъ Буксгевдену; вы также легко можете уйти отсюда, какъ и пришли». Я и не говорилъ, отвѣтилъ Буксгевденъ, «что Финляндія останется за нами, я только исполняю приказаніе моего начальства».

Молодые и пылкіе шведы наиболѣе, конечно, тяготились нравственнымъ бременемъ новаго русскаго владычества и при случаѣ не скрывали своего нерасположенія къ установившимся порядкамъ. Въ Выборгской гимназіи состоялъ учителемъ шведскаго языка шведъ Рёнбекъ. На одномъ изъ уроковъ, онъ «позволилъ себѣ расхваливать шведскія узаконенія и весьма неосторожно отнесся къ русскимъ учрежденіямъ. Какъ сынъ русскаго генерала, — пишетъ К. Жерве въ своихъ воспоминаніяхъ,—я сталъ спорить со шведомъ, надѣясь на поддержку товарищей, остановилъ его выходку и назвалъ его при всѣхъ возмутителемъ и вреднымъ для государства человѣкомъ. Меня поддержали нѣкоторые изъ русскихъ и преданныхъ Россіи учениковъ.—Шведа согнали съ поля».—Ренбека удалили изъ гимназіи куда-то внутрь Финляндіи. Въ Выборгской губерніи, отмѣчаетъ тотъ же авторъ, съ другой стороны нѣкоторые старые финляндцы уже «успѣли нѣсколько обрусѣть, и потому имъ не очень нравились реформы по шведскимъ законамъ, существовавшимъ въ Новой Финляндіи» [621]).

Первые ростки финскаго патріотизма или финноманскаго стремленія проявились очень рано.

Вниманіе къ финской исторіи и финскому языку впервые было возбуждено абоскимъ профессоромъ краснорѣчія Портаномъ (1739—1804 г.г.), ученая дѣятельность котораго отличалась рѣдкою многосторонностью. «Пламенно любя отечество, онъ съ особеннымъ усердіемъ занимался исторіею Финляндіи, и успѣлъ неутомимыми изысканіями пролить много свѣта на финскія древности и вообще на старину всего сѣвера». Портанъ углубился въ изслѣдованіе финскаго языка и оказалъ большую услугу его литературѣ, такъ какъ первый указалъ на богатство финской народной поэзіи. Вниманіе Портана къ отечественному національному творчеству совпало съ пробужденіемъ національнаго движенія въ Англіи и Германіи. Слѣдующій толчекъ финноманскимъ стремленіямъ дали событія 1808—1809 г.г. Въ 1817—1818 г.г. въ

Або выходилъ «Календарь поэзіи—Aura». Здѣсь помѣщена была статья въ прозѣ: «Нѣсколько препятствій къ развитію литературы и культуры Финляндіи»; въ этой статьѣ выражалось желаніе, чтобъ финская національность поддерживалась посредствомъ туземной литературы; средствами къ тому должны были служить изученіе финскаго языка и народной пѣсни, а также исторіи и географіи Финляндіи. Тогда уже понимали, что въ странѣ нельзя было обойтись однимъ языкомъ, почему находили, что образованное общество обязано было, въ виду заботы о развитіи народа, обращать тщательное и критическое вниманіе на финскій языкъ. Въ «Mnemosyne» въ 1819 г. помѣщена была статья «О финской національности», авторъ которой жаловался на устраненіе финскаго языка изъ образованныхъ общественныхъ круговъ и неупотребленіе его для сочиненій или вообще въ письменности. Не правилось автору и то, что финскій языкъ замѣненъ шведскимъ въ учрежденіяхъ края. Въ газетѣ «Mnemosyne» (1822) доцентъ русской исторіи и литературы Эрикъ Густавъ Эрстремъ (1791—1835) настаивалъ на введеніи въ школахъ и учрежденіяхъ края финскаго языка, въ сознаніи, что національное единство обусловливается единствомъ языка. Въ 1820 г. Рейнгольдъ фонъ-Беккеръ сдѣлалъ шагъ къ практическому осуществленію новой идеи общаго распространенія финскаго языка тѣмъ, что онъ основалъ на этомъ языкѣ изданіе «Turun Viikkosanamat».

Въ 1817 г. Штральманъ издалъ учебную книгу финскаго языка (Finnische Sprachlehre für Finnen und nicht Finnen); на слѣдующій годъ Якобъ Юде́нъ выпустилъ «Новую финскую грамматику». За нимъ появился трудъ Ренваля. Много ранѣе интересовались финскимъ языкомъ Каянусъ (1697) и Веманъ (1712), которые доказывали сходство финскаго языка съ еврейскимъ. Пробстъ Идманъ (1778) разсуждалъ о сходствѣ финскаго языка съ греческимъ [622]).

Самымъ дѣятельнымъ и способнымъ ходатаемъ по вопросу о возрождающемся патріотизмѣ являлся молодой доцентъ Адольфъ Иваръ Арвидсонъ (род. 1791 г., умеръ въ Выборгѣ 1858 г.). Съ Арвидсономъ во время войны познакомился Ѳаддей Булгаринъ (у пастора въ Рауталампи). Арвидсонъ превозносилъ шведовъ и далъ Булгарину совѣтъ хвалить ихъ и выдавать себя за нѣмца, чтобы быть хорошо принятымъ повсюду въ Финляндіи. Во время поѣздки Государя по вновь присоединенному краю, Арвидсонъ имѣлъ случай встрѣтить Монарха и побесѣдовать съ нимъ.—Государь отозвался о немъ, какъ объ «очень пріятномъ молодомъ человѣкѣ».

«Ну вотъ, Арвидсонъ, твое счастіе обезпечено», сказали ему, узнавъ объ отзывѣ Государя.—«Я не искалъ счастья, отвѣтилъ онъ и продолжалъ: Я, конечно, былъ бы въ Або, при проѣздѣ Государя, но теперь поѣду туда, когда онъ уѣдетъ».—Въ письмѣ къ другу онъ сообщалъ о существовавшей общей «царской горячкѣ въ Або»: «Здѣсь все еще всѣ мозги бредили воспоминаніями о царѣ. Гулкіе отзвуки отъ него рычали повсюду».—(«Tomma återljud af honom bölade öfverallt fram») [623].

Этими эпизодами и фразами обрисованъ Арвидсонъ. Вскорѣ онъ развернулъ свои качества настолько, что его признали нетерпимымъ въ Финляндіи. Въ газетѣ «Åbo Morgonblad» онъ характеризуетъ національный духъ, какъ чувство, тайной и непреодолимой силой связывающее всѣхъ съ націей, съ которой сжились. Еще сильнѣе онъ высказался въ статьѣ, озаглавленной «Размышленія», появившейся въ февральскомъ номерѣ «Mnemosyne» за 1822 г. Огорченный господствующимъ равнодушіемъ къ патріотизму, онъ писалъ: «Мы желаемъ быть всѣмъ, только не финнами, мы желаемъ знать все, знать всѣ языки міра, только не собственный. Мы желаемъ изслѣдовать небо и землю со всѣми ихъ тайнами, но не хотимъ видѣть цвѣтка, который, распространяя ароматъ, выростаетъ у нашихъ ногъ». «Мы вѣримъ и сознаемъ, что плохи дѣла родины, если народъ самъ себя не пересоздастъ и если не будетъ вдунутъ новый духъ во всѣ его члены. Любовь къ отечеству, его языку и его чести должна возродиться».

Конечно, не эти воззрѣнія вызвали гоненіе на Арвидсона. Въ 1819 г. профессоръ Даніель Мюренъ напечаталъ въ офиціальной газетѣ «Abo Allmänna Tidning» «Краткій обзоръ тѣхъ выгодъ, которыя выпали на долю Финляндіи, благодаря ея счастливому соединенію съ Россіей подъ скипетромъ Императора Александра I». Арвидсонъ,—какъ пишетъ профессоръ Эд. Берендтсъ,—не пожелалъ спокойно выслушать «эти похвалы русской политики и увѣщаніе автора, обращенное къ академической молодежи, спокойно и усердно заниматься наукой и вѣрить въ благія намѣренія правительства. И вотъ онъ, подъ псевдонимомъ шведскаго путешественника, въ стокгольмской газетѣ «Nya Extra Posten» пустилъ въ ходъ всю ѣдкость своего пера, чтобы опозорить довольныхъ судьбою въ Финляндіи. Онъ упрекнулъ дѣятелей 1809 г. въ томъ, что они недостаточно воспользовались удобнымъ моментомъ, чтобы тверже обезпечить «конституцію» края, что они допустили обезоруженіе Финляндіи и т. д. Арвидсонъ, будучи

самъ еще гимназистомъ въ Борго, участвовалъ въ манифестаціяхъ противъ Россіи, выразившихся въ томъ, что разъ ночью былъ сорванъ гербъ Россіи, выставленный въ видѣ украшенія». Переводъ статей «Письма изъ Финляндіи шведскаго путешественника» представили Императору, и финляндская комиссія принуждена была составить на нихъ возраженія. Статьи «Nya Extra Posten» побудили шведское правительство привлечь редактора къ отвѣтственности. Газета была пріостановлена, и редакторъ посаженъ въ тюрьму. Арвидсонъ не успокоился, и въ финляндской газетѣ «Mnemosyne» (1822) выступилъ съ новой статьей «Мысли и разсужденія» (Betraktelser); содержаніе ихъ приблизительно слѣдующее: Что ждетъ Финляндію въ будущемъ? Многія духовныя лица едва ли имѣютъ понятіе о литературѣ; не успѣютъ они надѣть пасторское облаченіе, какъ книги ихъ осуждаются на вѣчное забвеніе. Что касается военныхъ (изъ финляндцевъ), то большая часть ихъ поступаетъ въ русскіе полки и имѣетъ малое вліяніе на судьбу родины; военное сословіе вездѣ равно, во всѣхъ странахъ его отличительною чертою является: внѣшній лоскъ, красивый мундиръ, поверхностная образованность и большой запасъ крѣпкихъ словъ [624]).

Эта критика переполнила чашу терпѣнія. По настоянію вице-канцлера абоскаго университета Аминова, которымъ въ данномъ случаѣ руководилъ Р. Ребиндеръ, доцентъ Арвидсонъ былъ удаленъ изъ университета, безъ права вновь когда-либо вернуться въ него. Въ 1823 году онъ переѣхалъ въ Швецію, гдѣ его назначили библіотекаремъ королевской библіотеки въ Стокгольмѣ.

Опредѣляя воззрѣнія русскихъ на финляндцевъ и обратно,— тѣ воззрѣнія, которыя сказались на первыхъ-же порахъ нахожденія Финляндіи подъ русскимъ скипетромъ,—нельзя не внять голосу плѣнныхъ. Они приходятъ въ своеобразныя и рѣдкія соприкосновенія съ чуждыми народностями. Ихъ мнѣніями не слѣдуетъ пренебрегать по той причинѣ, что, по возвращеніи на родину, они служатъ неопровержимымъ авторитетомъ въ глазахъ соотечественниковъ, и ихъ заявленія значатъ поэтому иногда болѣе свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ печатныхъ листковъ.

Шведскіе плѣнные, побывавшіе внутри Россіи, кажется, должны были вообще вынести благопріятное впечатлѣніе о русскихъ, такъ какъ съ ними обходились заботливо.

Въ одной «Запискѣ о содержаніи шведскихъ военно-плѣнныхъ нижнихъ чиновъ» (въ апрѣлѣ 1809 г.) значится, напримѣръ:... «для печенія хлѣба выбираются изъ шведовъ пекари»..... «сами шведы оный взвѣшиваютъ и означаютъ вѣсъ на каждомъ хлѣбѣ. Порціонныя деньги выдаются по истеченіи каждой недѣли каждому мужчинѣ и каждой женщинѣ по 5 коп. въ сутки, изъ оныхъ за недѣлю по 10 коп. по рукамъ на табакъ, и на уплату за мытье въ банѣ, а по 25 коп. кладутъ въ артель всѣ неимѣющіе при себѣ женъ; деньги сіи, собранныя для артели, имѣетъ въ вѣдѣніи тотъ шведскій унтеръ-офицеръ, коему поручатъ съ общаго согласія сами шведы; при каждомъ таковомъ унтеръ-офицерѣ состоятъ выборные шведами ихъ артельщики»... Тѣмъ шведскимъ унтеръ-офицерамъ, которые имѣли собственныя деньги и могли себя содержать лучше, чѣмъ артели, разрѣшено было не входить въ составъ артели, а довольствоваться особо. Винную порцію шведы получали каждое воскресенье передъ обѣдомъ. Слабымъ, при выздоровленіи, сверхъ того, давали эту порцію дважды въ недѣлю.

Врачу предписано было ежедневно по утру осматривать слабыхъ плѣнныхъ. Больныхъ отправляли въ госпиталь «въ полуфуркахъ». Особенно смотрѣли за тѣмъ, чтобы плѣнные, въ видахъ гигіеническихъ, чаще и аккуратнѣе ходили въ баню.

Тѣ шведы, которые переходили въ русскую службу, опредѣлялись въ 1-ый Финляндскій полкъ, квартировавшій тогда въ С.-Петербургѣ, и получали гренадерское жалованье. «Религія ихъ здѣсь въ должномъ уваженіи и ни въ какихъ случаяхъ имъ не запрещается отправлять оную, для чего въ названномъ полку имѣлся собственный ихъ шведскій пасторъ». Шведскіе дворяне, при переходѣ на нашу службу, приравнивались къ русскимъ дворянамъ. Вообще перешедшимъ «доставлялись всякія выгоды» и «ласковое обращеніе». Капитанъ Тишинъ навербовалъ въ 1-й Финляндскій полкъ 52 человѣка шведскихъ солдатъ.

Однако, безъ конвоя шведовъ изъ казармъ не выпускали. За побѣги полагалось наказаніе «весьма умѣренно палками», а за другія преступленія и особенно пьянство, къ чему проявляли склонность плѣнные, сажали подъ арестъ.

На Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ находилось нѣсколько шведовъ. Государь Императоръ позволилъ имъ возвратиться на свою родину, по ихъ желанію, «несмотря на данную ими присягу».

Плѣнные офицеры разселены были по разнымъ городамъ Россіи. Одна партія находилась, напримѣръ, въ Ярославлѣ. Ихъ

пребываніе тамъ подробно описано въ дневникѣ шведскаго прапорщика Б. И. фонъ-Брейтхольца. «Разставаясь съ нами, губернаторъ нѣсколько разъ цѣловалъ насъ, желая счастливаго пути домой. Тяжело было разставаться съ этой благородной и почтенной семьей, которая оказала намъ столько добра. Свою благодарность мы могли выразить только словами, и отъ души желали, чтобы ихъ соотечественники, которые въ Швеціи испытывали одинаковую съ нами участь, были также обласканы, какъ мы. Послѣ четырнадцати-мѣсячнаго пребыванія здѣсь, мы съ большой радостью отправились къ давно желанному дому» [625]).

Отношенія къ намъ финляндцевъ находились въ извѣстной зависимости отъ отношеній Швеціи къ Россіи. Если бы шведы будировали финляндцевъ, вѣроятно, они не успокоились такъ скоро, какъ это случилось. Но Швеція вела себя прекрасно. Бернадотъ заявилъ себя прямотой и честностью. Предательство было не въ его характерѣ; для какихъ-либо дурныхъ побужденій онъ былъ слишкомъ благороденъ. Не напрасно о немъ было сказано: «Это французская голова, но сердцѣ римлянина». Въ виду этого финляндцамъ пришлось отложить свои надежды на Швецію, если таковыя существовали.

Генералъ Сухтеленъ дѣлалъ «сильныя увѣренія» въ дружескомъ къ намъ расположеніи шведскаго двора. Бывшій шведской службы генералъ Армфельтъ, учинившій въ Стокгольмѣ присягу на вѣрное подданство Россіи, также увѣрялъ въ хорошемъ къ намъ расположеніи правительства королевства [626]). Но Штейнгель не входилъ въ разсмотрѣніе справедливости подобныхъ политическихъ разсужденій и принималъ мѣры предосторожности. Онъ зналъ, что въ Швеціи риксдагъ не былъ распущенъ и имѣлъ свѣдѣніе о томъ, что въ народѣ по наружности хотя (тамъ) все тихо, но вообще ропотъ весьма великъ и боятся посѣщенія англичанъ. Въ маѣ 1810 г. риксдагъ, но послѣ большихъ несогласій между его членами, былъ распущенъ. Дворянство поддерживало французскую партію, а народъ добивался для собственной пользы торговли съ англичанами. Кромѣ того, король желалъ сформировать до 50000 ландмилиціи, но населеніе противилось такому набору [627]).

Когда сдѣлалось извѣстнымъ «внезапное назначеніе (въ іюнѣ 1810 г.) наслѣдникомъ короны Швеціи одного изъ французскихъ

генераловъ», сейчасъ же озаботились оградить общее спокойствіе «обѣихъ Финляндій». Генералу Штейнгелю было сообщено, что Государь Императоръ, по случаю послѣдовавшей перемѣны въ Швеціи, повелѣлъ «взять возможныя осторожности къ предохраненію ввѣреннаго вамъ края отъ смятеній. Для сего наиболѣе нужно стараться отвращать всѣ зловредныя вліянія, кои могутъ распространять эмиссары изъ Швеціи или другихъ державъ внутри новопріобрѣтенной Финляндіи; на сей конецъ нужно вашему превосходительству пріобрѣсти приверженныхъ къ себѣ конфидентовъ, кои бы о всѣхъ подобныхъ сношеніяхъ, подозрительныхъ людяхъ, мысляхъ и расположеніи обывателей неукоснительно вамъ доносили, дабы симъ средствомъ удобно вамъ было рѣшительнымъ распоряженіемъ погасить искры возмущеній при началѣ ихъ появленія». Чтобы имѣть для надзора «военную полицію», расположили одинъ кавалерійскій полкъ по полу-эскадрону въ удобныхъ мѣстахъ новой Финляндіи [628]).

«Духъ и расположеніе къ намъ финновъ, сообщилъ Штейнгель военному министру Барклай де-Толли (18 апр. 1810 г. за № 34 изъ Або)—совершенно извѣстны; крестьяне сильно ропщутъ, что транспортами совершенно ихъ раззоряютъ, особливо военными при распутицѣ». 1-го Сентября 1810 г. Штейнгель секретно и весьма подробно описалъ военному министру общее настроеніе въ краѣ.

«Въ самое то время, когда на сеймѣ въ Эребро французскій ген. Бернадотъ избранъ былъ наслѣдникомъ шведскаго престола, тогда здѣсь тотчасъ появилось нѣсколько радующихся сему происшествію и уповающихъ на сильную и, по мнѣнію ихъ, всемогущую подпору новаго государя. Надежда сихъ пустыхъ, не имѣющихъ никакой собственности и отъ всемѣстнаго и общаго безпорядка все ожидающихъ людей, основана на примѣрахъ, коимъ они полагаютъ слѣдовать. Съ самаго сего въ Эребро происшествія они считаютъ, что чрезъ годъ, а много чрезъ два, Финляндія паки возвратится Швеціи и ласкаются надеждою тогда пользоваться тѣми же выгодами, какими будущій владѣтель осчастливитъ шведовъ.

«Запретить таковыхъ разговоровъ, кажется мнѣ, было бы весьма неполитично и показало-бы нѣкоторый страхъ, но напротивъ того, не удостоивая ихъ ни малѣйшаго уваженія, они сами собою исчезнутъ, что уже и исполнилось, ибо почти никто болѣе ими не занимается, кромѣ тѣхъ, которые надѣются на какую-бы то ни было перемѣну для улучшенія своего положенія.

«Представивъ такимъ образомъ краткую картину о расположеніи мыслей нѣкоторой части здѣшнихъ жителей, я въ долгѣ донести вашему высокопревосходительству и о тѣхъ финнахъ, которые благоразумнѣе о дѣлахъ разсуждаютъ. Они, конечно, чувствуютъ въ полной мѣрѣ всѣ имъ дарованныя права, но со всѣмъ тѣмъ и они отчасти не довольны. Предъ симъ въ мирное время финскія войска жили въ своихъ домахъ, и потому, ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ, никто не имѣлъ постояльцевъ и никто не давалъ подводъ для отвоза военныхъ снарядовъ и припасовъ. Нынѣ, напротивъ того, все бремя возложено на купцовъ, ремесленниковъ и крестьянъ, кои безпрерывными транспортами весьма себя считаютъ отягощенными и коихъ лучшая часть домовъ занята воинскими чиновниками, ибо должностные, дворяне и духовенство всѣ освобождены отъ постоевъ.

«Многіе ропщатъ, что по разнымъ претензіямъ хотя и удовлетворены, но не по курсу. Другіе жалуются, что за претерпѣнныя во время прошедшей войны убытки ничѣмъ не награждены.

«Для пресѣченія нѣкоторыхъ изъ сихъ жалобъ, я расположилъ войска гораздо пространнѣе для облегченія обывателей, какъ въ квартированіи, такъ и въ транспортахъ нужныхъ припасовъ и для лучшаго надъ ними надзора.

«Я почитаю нужнымъ, описавъ теперь подробно здѣшнее положеніе, присовокупить къ сей картинѣ, что вообще финны никогда не были искренно привержены шведскому правленію, которое ихъ всегда утѣсняло, а привязаны они къ нему по одной только древней привычкѣ.

«Легко статься можетъ, что при нынѣшнемъ въ Швеціи положеніи дѣлъ, стокгольмскій кабинетъ для воспаленія безпокойныхъ головъ употребитъ эмисаровъ, назначая къ тому изъ тѣхъ вояжировъ, кои въ силу мирнаго трактата безпрерывно и свободно изъ Швеціи сюда и обратно ѣздятъ и которые ежедневно въ большомъ количествѣ прибываютъ».

Резолюція ген. Барклая де-Толли гласила: «отправить въ копіи къ государственному секретарю, для доклада Государю Императору» [629]).

Общему успокоенію немало содѣйствовали удачно выбранные представители при петербургскомъ и стокгольмскомъ дворахъ.

Графъ Петръ Корнильевичъ Сухтеленъ серьезно образованный, огромной начитанности и большого опыта, оказалъ Россіи весьма значительныя услуги, сперва устройствомъ инженерной части,

затѣмъ своими совѣтами во время войны 1808—1809 г.г. и, наконецъ, исполненіемъ особой миссіи въ Стокгольмѣ. Послѣ кампаніи 1808—1809 г.г. онъ-же явился Несторомъ этой войны, пріобрѣтя всеобщее уваженіе своими глубокими познаніями, благороднымъ характеромъ и любезнымъ обхожденіемъ [630]).

Назначенный нашимъ дипломатическимъ представителемъ въ Швецію, онъ, при пріѣздѣ въ Стокгольмъ, былъ принятъ недружелюбно. Самъ Сухтеленъ пишетъ по этому поводу русскому канцлеру графу Румянцеву 7-го іюля 1810 г.: «небылицы, распространяемыя обо мнѣ, есть послѣдствіе того страннаго впечатлѣнія, которое произвелъ мой пріѣздъ сюда; меня обвиняютъ въ томъ, что я главная причина сдачи Свеаборга, слѣдовательно и потери Финляндіи» [631]). Сухтеленъ по отзыву Г. М. Армфельта — хитрѣйшее созданіе, какое когда-либо производилъ свѣтъ. Армфельтъ опасался, что риксдагъ представитъ для Сухтелена обширное поле дѣятельности. Съ теченіемъ времени Сухтелена не только полюбили въ высшемъ обществѣ, въ мірѣ литературномъ и аристократическомъ, но онъ сдѣлался центромъ дипломатическаго корпуса въ Стокгольмѣ, давая блестящіе балы и роскошные обѣды. Всѣ искали его знакомства; бесѣда съ нимъ была особенно поучительна. Онъ жилъ открыто. Для всѣхъ безъ исключенія былъ доступенъ его прекрасный паркъ и садъ. «Маленькая худощавая фигура старика Сухтелена никогда не показывалась на улицахъ Стокгольма иначе, какъ въ роскошномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой лошадей, и ни одинъ бѣдный, снимавшій передъ нимъ свою шапку, не оставался безъ отвѣта на свой поклонъ. О Сухтеленѣ можно сказать, что у него было три родины, и въ то же время ни одной. Онъ родился въ Голландіи, 30-ти лѣтъ поступилъ на русскую службу и 30 лѣтъ прожилъ въ Швеціи, въ качествѣ русскаго посланника, однако, онъ до такой степени привыкъ къ Швеціи, что скорѣй отказался бы отъ своего поста, чѣмъ отъ той страны, гдѣ онъ заранѣе приготовилъ себѣ могилу».

21-го января 1822 г. П. К. Сухтелену пожалованъ былъ графскій титулъ, причемъ въ рескриптѣ говорилось: «Между отличными заслугами, коими ознаменовано прохожденіе вами многолѣтней государственной службы, мы съ удовольствіемъ видѣли усердіе, съ коимъ вы имѣли попеченіе и о дѣлахъ подвластнаго скипетру нашему Великаго Княжества Финляндскаго и жителей онаго, въ продолженіе пребыванія вашего по особымъ нашимъ порученіямъ при королевско-шведскомъ дворѣ. Желая посему оказать вамъ знакъ благоволенія нашего, мы всемилостивѣйше воз-

водимъ васъ со всѣмъ вашимъ потомствомъ въ графское Великаго Княжества Финляндскаго достоинство» [632]).

Полюбивъ Швецію, онъ употреблялъ всѣ усилія своего рѣдкаго ума и большого такта на то, чтобы поддержать между Россіей и Швеціей наилучшія отношенія, стараясь устранять мелкія столкновенія и недоразумѣнія. И если послѣ войны 1808—1809 г. между сѣверными державами вновь скоро установились добрососѣдскія отношенія, то этимъ обѣ стороны немало обязаны Сухтелену.

Кончилось тѣмъ, что Сухтеленъ пріобрѣлъ въ Швеціи широкую популярность и общее расположеніе. Его похоронили съ такой же помпой, какъ за двадцать лѣтъ ранѣе Адлеркрейца. Оба они были кавалерами высшаго шведскаго ордена Серафима. Одинъ защищалъ Финляндію, другой отнялъ ее у Швеціи и, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, имѣлъ на гербѣ, украшавшемъ дверцы его экипажа, изображеніе Свеаборгской крѣпости. Швеція почтила обоихъ исключительными почестями [633]).

Послѣ заключенія мира, К. Ф. Стедингкъ вернулся на свой дипломатическій постъ представителя Швеціи при Петербургскомъ дворѣ и также не мало содѣйствовалъ къ тому, чтобы обоюдно изречено было забвенье прошлому. Непосредственно изъ Фридрихсгама Стедингкъ и Шельдебрандъ были приглашены въ Петербургъ, гдѣ имъ оказали большое вниманіе. Полковникъ Шельдебрандъ на парадахъ, вмѣстѣ съ представителемъ Франціи, являлся ближайшимъ лицомъ къ особѣ Императора. На парадномъ спектаклѣ въ Таврическомъ дворцѣ Шельдебранду указано было одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что Государь искренно желалъ установленія близкихъ и дружественныхъ отношеній къ Швеціи. Въ 1814 г. Александръ I сказалъ шведскому министру Веттерстедту: «Только теперь я могу смотрѣть въ глаза шведу. Мы должны искоренить изъ нашей памяти эти злосчастные 1808 и 1809 годы».

Съ первыхъ же дней прихода русскихъ въ Финляндію проявлено было много заботливости о ея населеніи. Дѣлалось все, чтобы вызвать довѣріе и расположеніе новыхъ подданныхъ Имперіи.

Графъ Буксгевденъ старался сдѣлать все, что требовали взаимные интересы и справедливость. На временныя должности назначалъ людей съ возможнымъ выборомъ. По прибытіи въ пер-

вый значительный городъ Борго, онъ опредѣлилъ его комендантомъ капитана фонъ Штюрмера, о которомъ житель Борго свидѣтельствуетъ, что онъ все время своего служенія (т. е. до 1 дек. 1808 г.) оказывался «добрымъ и относительно города хорошимъ господиномъ». Когда впослѣдствіи въ Петербургѣ узнали о жестокомъ обращеніи коменданта фонъ-Штюрмера съ шведскими военно-плѣнными, онъ былъ немедленно отозванъ и, какъ говорили, даже разжалованъ, хотя при его отъѣздѣ магистратъ засвидѣтельствовалъ, что жители Борго съ благодарностью вспоминаютъ порядокъ и дисциплину, которые фонъ-Штюрмеръ поддерживалъ въ гарнизонѣ, и о добротѣ и доброжелательствѣ, съ которыми онъ относился къ обывателямъ города. Комендантомъ Борго назначенъ былъ (1 дек. 1808 г.) капитанъ Вильгельмъ Рейнгольдъ фонъ-Гейдеманъ. И его полюбили, такъ какъ онъ примѣрнымъ образомъ наказывалъ всякое нарушеніе порядка и закона, производимое солдатами гарнизона.

Имѣется очень своеобразная оцѣнка тѣхъ милостей, которыми въ такомъ обиліи были осчастливлены финляндцы. Жена очень виднаго сенатора Фалька—Элеонора Фалькъ—записала въ своемъ дневникѣ: «При вторженіи русскихъ тотчасъ созванъ былъ сеймъ въ Борго, и Государь далъ намъ что-то, что онъ называлъ конституціей. Между прочимъ обѣщано было уменьшеніе налоговъ; дѣтямъ края, поступающимъ на военную службу, обѣщано было, что они обязаны будутъ лишь охранять побережье Балтійскаго моря, и, прежде всего то, что уроженецъ Финляндіи (infödd finne) всегда будетъ генералъ-губернаторомъ. Въ Або учрежденъ былъ правительственный совѣтъ, а въ Петербургѣ нѣчто, что называлось комиссіей—для какой цѣли, мнѣ не понятно. Всѣ друзья Его Величества поспѣшили теперь предложить ему свою службу, ибо на сеймѣ кроткій Александръ расточалъ при этихъ случаяхъ огромныя жалованья. Изъ глубины Тавастланда и Эстерботніи вытаскивались теперь старые добренькіе чиновники, которыми легко было управлять токующимъ тетеревамъ; они были отрѣшенные отъ службы шведскіе маіоры и полковники, которые во время шведскаго владычества были сосланы сюда. Они теперь управляли законами и казной, хотя они въ законахъ не больше смыслили, чѣмъ четвероногіе въ воскресеніи, но очень хорошо разумѣли значеніе казны для собственнаго своего кармана. Они добывали себѣ пенсіи, состоя еще на службѣ при полномъ жалованіѣ, столовыхъ деньгахъ; въ качествѣ важнѣйшихъ представителей государства, добывали себѣ прогонныя деньги на загра-

ничныя поѣздки для леченія своего слабаго пьянаго здоровья; они добывали жалованье исполняющимъ ихъ обязанности, въ то время, какъ сами проживали не только свои огромные оклады, но и наслѣдство своихъ дѣтей. Ко всему этому они выпрашивали для своихъ женъ—еще при жизни мужей—пенсіи на булавки, не считая ихъ старыхъ управляющихъ и работниковъ, коихъ также обязана была оплачивать казна. Можно себѣ представить, что должно было произойти съ бѣдными грошами, которые вымогали изъ края. Ихъ не хватало для покрытія и половины расходовъ. Къ труду относились небрежно. Тѣ, которые въ доброе шведское время привыкли ѣсть соленый лещъ и кислое молоко при своихъ ограниченныхъ средствахъ, и тѣ, которые, при тщательной обработкѣ своихъ полей, къ рождеству могли имѣть бочку свѣжаго пива,—развѣ они въ состояніи были бы управлять государствомъ! Такимъ образомъ они объѣдались во вредъ себѣ и еще больше пили, пока не умирали, какъ мухи. Теперь стали подумывать о болѣе порядочныхъ людяхъ. Уже кричали, что страна погибла, что слѣдуетъ увеличить налоги, иначе казна обанкрутится. Всѣ кричали, но никто не могъ дѣлу помочь. Но не долго продолжалось это удовольствіе, какъ Его Величество повелѣлъ своему сенату, получившему это высокое наименованіе, хотя мнѣ всегда казалось, какъ Don Ranudo de Colibrado, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ сердитѣе—перенести его въ Гельсингфорсъ и сдѣлать его главнымъ городомъ и низвести старый Або до простаго стапельнаго города... [634]).

«Письма шведскаго путешественника по Финляндіи», составленныя доцентомъ Абоскаго университета Арвидсономъ, начинались критикой сейма въ Борго. Арвидсонъ также держался того мнѣнія, что члены сейма мало заботились о благѣ края, соблюдая болѣе свои собственные интересы.

Госпожа Фалькъ представительница, конечно, крайняго мнѣнія, но ея заявленія несомнѣнно являлись выводомъ изъ примѣровъ, которые она имѣла передъ глазами.

Чтобы укрѣпить взаимныя отношенія и скорѣе изучить новый край, «Государю Императору угодно было, чтобы въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаемы были статьи изъ городовъ Новой Финляндіи; почему О. Козадавлевъ получилъ (въ апрѣлѣ 1810 г.) приказаніе «отнестись» къ Сперанскому, дабы онъ сообщалъ нужныя для сего свѣдѣнія, какъ то: относительно выгодъ, каковыя получила

Финляндія присоединеніемъ своимъ къ Россіи; относительно вышедшихъ по сему случаю постановленій, и о всѣхъ происшествіяхъ, достойныхъ вниманія публики, въ области сей случающихся». Къ сожалѣнію, изъ этого добраго намѣренія ничего не вышло, и статьи о Финляндіи въ русской повременной печати начала XIX ст. составляли большую рѣдкость.

Съ тѣмъ-же сожалѣніемъ приходится отнестись къ финляндской печати, гдѣ Россія упоминалась рѣже, чѣмъ необитаемыя части земного шара. Официальная газета «Åbo Allmänna Tidning» сообщала подробно рапорты русскихъ полководцевъ о блестящихъ побѣдахъ въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ,—но газета была мало распространена и то лишь среди интеллигентныхъ классовъ,—а потому эти извѣстія не возбуждали ни малѣйшаго энтузіазма. Послѣ войны Россія почти исчезла съ газетныхъ столбцовъ, вплоть до Восточной кампаніи 1854—1855 г.г.

Въ тѣхъ же видахъ укрѣпленія государственной связи между вновь пріобрѣтенной Финляндіей и остальными частями Имперіи обращено было вниманіе на водвореніе русскаго языка въ учрежденіяхъ края. Для этого прежде всего потребовалось насажденіе русскаго государственнаго языка въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Первымъ же Положеніемъ, отъ 19-го ноября 1808 г., объ учрежденіи правленія въ новой Финляндіи, установлено было требованіе, чтобы всѣ дѣла производились «на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, доколѣ войдетъ въ употребленіе россійскій» (языкъ). Этому положенію предшествовалъ мемуаръ, поданый Государю Спренгтпортеномъ, въ которомъ говорилосъ: «дѣла будутъ производиться, за невозможностью поступать иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіями правительства будутъ учреждены школы русскаго языка, этотъ языкъ, въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство вмѣстѣ съ финскимъ, какъ языкомъ народнымъ». Въ Высочайшей инструкціи Финляндской комиссіи (1811 г.) повторено было подобное же условное требованіе: разрѣшено было дѣла «впредь до усмотрѣнія» производить на шведскомъ языкѣ.

Въ январѣ 1812 г. предсѣдатель комиссіи финляндскихъ дѣлъ, графъ Густавъ Мауритцъ Армфельтъ, обратился, черезъ генералъ-губернатора Штейнгеля, въ Правительствующій Совѣтъ съ запросомъ «сколько полагаетъ оный дать времени молодымъ людямъ для показанія своихъ успѣховъ въ изученіи русскаго языка». Изъ отчета Закревскаго видно, что дѣло о русскомъ

языкѣ поднялъ въ 1812 г. генералъ-губернаторъ, а такъ какъ имъ былъ тогда Армфельтъ, то надо полагать, эта инициатива принадлежала ему. «Правительствующій Совѣтъ,» въ уваженіе пользы и необходимости для чиновниковъ и служащихъ въ Финляндіи знать россійскій языкъ», предложилъ для изученія сего языка десятилѣтній срокъ, считая со времени опредѣленія во всѣ училища края россійскихъ учителей, «совершенно свѣдущихъ не только въ россійскомъ, но и въ шведскомъ языкѣ». По докладѣ сего мнѣнія Императору Александру I, 6-го іюня 1812 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, подписанный въ Вильнѣ, съ повелѣніемъ назначить особыхъ учителей въ Боргоскую гимназію, въ Абоское каѳедральное училище въ травіальныя школы въ Ловизѣ, Гельсингфорсѣ, Тавастгусѣ, Бьернеборгѣ, Вазѣ, Улеоборгѣ и Куопіо «преподавать публично россійскую словесность». По истеченіи пяти лѣтъ положено было требовать, чтобы «всѣ молодые люди, желающіе вступить въ духовную, военную или гражданскую службу, были обязаны публично доказать познанія свои въ русскомъ языкѣ».

Изъ этихъ общихъ правилъ впослѣдствіи (въ 1824 и 1831 г.г.) были сдѣланы «впредь до усмотрѣнія» изъятія для духовенства и лицъ, опредѣляющихся въ учебное вѣдомство: они освобождались «отъ возложенной на нихъ обязанности до выхода изъ университета сдавать публичный экзаменъ по русскому языку». Рядъ другихъ мелкихъ изъятій и практика обратили потомъ законы 1812 и 1813 г.г. о русскомъ языкѣ въ мертвую букву. — Въ этомъ приходится винить русскую власть, представители которой никогда не задумывались надъ самыми обычными государственными требованіями, истекавшими изъ необходимости установленія возможнаго единства въ управленіи и духовной связи между частями Имперіи: Русское правительство не сумѣло использовать къ своей выгодѣ даже тѣ воззрѣнія, которыя господствовали среди финляндскихъ дѣятелей періода покоренія края.

Инородецъ Ребиндеръ лучше нашихъ генералъ-губернаторовъ въ краѣ понималъ значеніе государственнаго языка на окраинѣ Имперіи. Когда нужно было получить учителей русскаго языка, Ребиндеръ въ письмѣ къ князю Ал. Н. Голицыну отъ 5 августа 1812 г. (за № 718) въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ формулировалъ важность вопроса: «Государь Императоръ, признавая ту нравственную связь, которая въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ должна тѣснѣе соединять разныя части онаго и составить одинъ народъ, главнѣйше основывающею твердость и силу

свою на одинаковомъ языкѣ и проистекащихъ отъ онаго одинакихъ обычаяхъ и образа мыслей, не оставилъ также обратить вниманія Своего на введеніе въ Финляндіи россійскаго языка для достиженія совершеннаго соединенія жителей оной съ прочими разными народами, принадлежащими къ счастливой и могучей Державѣ Его Величества».

Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что распоряженіе о русскомъ языкѣ было оповѣщено въ газетѣ Имперіи. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1813 г. за № 35 находимъ слѣдующее объявленіе «Абовской Академической консисторіи», поясняющее вопросъ лучше офиціальнаго документа. «Какъ учебныя заведенія въ Финляндіи, по силѣ Высочайшаго Его Императорскаго Величества рескрипта, послѣдовавшаго на имя Финляндскаго генералъ-губернатора 6 Іюня прошлаго года, нынѣ всѣ снабжены учителями россійскаго языка; то я во исполненіе онаго рескрипта, которымъ постановлено, дабы молодые люди, желающіе вступить въ духовное, военное или гражданское состояніе въ Финляндіи, по минованіи пяти лѣтъ со времени опредѣленія для сего предмета учителей, подвергались публичному испытанію въ достаточномъ ихъ знаніи россійскаго языка, нахожу себя обязаннымъ предложить Академической Консисторіи, чтобъ означенное пятилѣтнее время имѣло восиріять свое начало съ 1-го числа Мая мѣсяца, такимъ образомъ, что по минованіи сего времени съ показаннаго срока никто изъ студентовъ, кто бы онъ ни былъ, отъ Академической Консисторіи не можетъ получить свидѣтельства къ отправленію публичной должности, если не окажетъ требуемаго вышеупомянутымъ рескриптомъ знанія Россійскаго языка». С.-Петербургъ. 12-24 марта 1813 г. Правящій должность Финляндскаго генералъ-губернатора Г. М. Армфельтъ».

Армфельдъ весьма искренно радѣлъ о насажденіи русскаго языка въ финляндскихъ школахъ. Это видно изъ его писемъ къ епископу Алопеусу. «Въ настоящее время финская казна находится въ высшей степени постыдной бѣдности, которой не должно-бы быть, если бы пожелали дѣйствовать по принципамъ или хоть придерживаясь какого-нибудь порядка. Можемъ ли мы надѣяться вскорѣ имѣть средства для содержанія хорошаго русскаго учителя въ Борго? Молодежь непремѣнно должна изучать этотъ языкъ, чтобъ возможно было охранять и способствовать благу Финляндіи» [635]). «Необходимо достать хорошаго учителя русскаго языка, потому что безъ этого языка мы никогда не въ состояніи будемъ охранять наши права». Такъ разновременно писалъ Арм-

фельтъ. Столь-же искренно относился къ интересамъ русскаго языка Ребиндеръ. «Вамъ извѣстно,—писалъ онъ,—намѣреніе Государя Императора, и польза введенія русскаго языка въ Финляндіи. Такимъ образомъ я увѣренъ, что будутъ приняты мѣры, которыя вскорѣ приведутъ въ исполненіе волю Его Величества.

Вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ, Армфельтомъ и Ребиндеромъ необходимость русскаго языка для финляндцевъ признавалъ также епископъ и вице-канцлеръ Тенгстремъ. Въ письмѣ къ Сперанскому онъ говорилъ о средствахъ содѣйствія къ изученію русскаго языка при университетѣ [636]).

По присоединеніи Финляндіи къ Россіи, многіе молодые финляндцы начали учиться нашему языку. Но долгое время недоставало нужныхъ пособій; хотя Гроннигъ издалъ россійскую грамматику для шведовъ еще въ 1750 г., но ее невозможно было болѣе отыскать въ книжныхъ лавкахъ. Поэтому Андрей Давидовичъ Гиппингъ напечаталъ «Опытъ шведскихъ и россійскихъ разговоровъ, въ Петербургѣ 1810 г.», который раскупили въ два года. Когда во всѣ финляндскія училища опредѣлены были русскіе учителя, одинъ изъ нихъ—Маницевъ оказалъ не малую услугу финнамъ: изучивъ шведскій языкъ, онъ издалъ въ 1813 году на русскомъ книгу для чтенія (Russiches Lesebuch). Книгу признали учебною. Въ 1814 г. І. С. Френкель перевелъ на шведскій языкъ книгу Крейя. Въ 1814 г. появился новый учебникъ Эрстрема и Оттелина (Rysk språklära för begynnare. S. Petersburg. 1814, 296 стр.).

Эрикъ Эрстремъ и Карлъ Оттелинъ были первыми финляндскими стипендіатами по изученію русскаго языка. Эрстремъ, назначенный лекторомъ русскаго языка при Абоскомъ университетѣ, проявилъ значительную энергію и оказался полезнымъ дѣятелемъ. Въ торжественномъ засѣданіи университета, по случаю заключенія мира въ Парижѣ (май 1814 года), онъ произнесъ публичную рѣчъ на русскомъ языкѣ, при чемъ заявилъ, что «на семъ славномъ языкѣ, онъ первый разъ въ здѣшнемъ святилищѣ имѣлъ счастье говорить». Вмѣстѣ съ Оттелинымъ онъ издалъ «Россійскую грамматику», а въ 1821 году—Хрестоматію. По этимъ учебникамъ финляндцы обучались русскому языку вплоть до сороковыхъ годовъ. Въ теченіе первыхъ одиннадцати лѣтъ (1813—1824) русскому языку въ разныхъ училищахъ края обучалось 2.856 воспитанниковъ; а въ университетѣ съ 1818 по 1824 г. выдержали экзаменъ 756 человѣкъ.

Что касается положенія русскаго языка въ Выборгской губерніи, то преподаваніе его было введено въ ея училищахъ со времени присоединенія при Петрѣ Великомъ; такимъ образомъ этотъ языкъ здѣсь давно уже получилъ права гражданства. Когда Выборгская губернія вошла въ 1811 г. въ составъ Великаго Княжества, въ виду того, что значительная часть населенія была «племени русскаго и греко-россійской вѣры», довольно долго нѣкоторые предметы, какъ-то: исторія, географія, статистика и россійская словесность въ низшихъ элементарныхъ училищахъ Сердоболя, Кексгольма, Фридрихсгама, и всѣ предметы въ гимназіи Выборга, преподавались на русскомъ языкѣ [637]).

Отношенія финляндскихъ властей къ православной церкви не могли особенно содѣйствовать русско-финскому сближенію.

Положеніе православной церкви опредѣлилось указомъ 11 декабря 1811 г., даннымъ по поводу присоединенія Выборгской губерніи къ Финляндіи; онъ гласитъ: «Манифестомъ, въ сей день изданнымъ, соединивъ старую и новую Финляндію въ одно гражданское управленіе, духовное вѣдомство церквей и монастырей православнаго греко-россійскаго исповѣданія въ сей губерніи состоящихъ, оставляемъ во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи, подъ главнымъ управленіемъ Св. Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства, присоединяя къ оному вѣдомству и всѣхъ православныхъ греко-россійскихъ церквей, въ Финляндіи состоящихъ». Но провести этотъ принципіальный взглядъ во всѣхъ случаяхъ церковной жизни оказалось не такъ просто и легко. Протоіерей Кексгольмскаго собора и благочинный Петръ Амосовъ, еще въ январѣ 1810 г., донесъ епархіальному начальству, что онъ поставленъ въ затрудненіе вопросомъ нѣкоторыхъ прихожанъ, слѣдуетъ ли отправлять большіе праздники, какъ-то: Рождество Христово, Пасху и проч. въ положенные по уставу православной церкви дни, или же вмѣстѣ съ праздниками лютеранскими, которые въ Финляндіи отправляются по новому стилю, слѣдовательно 12 днями ранѣе? Въ виду возникшаго новаго вопроса о томъ, кто будетъ платить штрафъ за прихожанъ, если они отступятъ отъ мѣстнаго закона, С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій донесъ объ этомъ Св. Синоду, находя съ своей стороны справедливымъ отправлять праздники по уставу православной церкви. Синодальный оберъ-прокуроръ, князь Голицынъ, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докла-

домъ, причемъ Государю Императору Александру I угодно было Высочайше утвердить докладъ князя Голицына въ томъ смыслѣ, чтобы православные жители Финляндіи отправляли свои праздники по уставу своей церкви, а потому и не подлежали бы отвѣтственности, опредѣленной шведскими законами за уклоненіе отъ чествованія лютеранскихъ праздниковъ.

Когда шла рѣчь о правѣ проживающихъ въ Финляндіи греко-россійскихъ исповѣдниковъ отправлять церковные праздники по старому стилю, то въ отношеніи по сему поводу отъ 20 іюля 1810 г. употреблено было выраженіе, что греко-россійская церковь изъ подчиненной въ Финляндіи сдѣлалась господствующей.

28 Апрѣля 1813 г. С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій обратился къ оберъ-прокурору Св. Синода князю Голицыну съ новой просьбой о томъ, чтобы установлено было положеніе, по которому бы православные крестьяне въ Финляндіи освобождались отъ платы мѣстному лютеранскому духовенству пасторскихъ повинностей и не участвовали въ постройкѣ лютеранскихъ церквей и пасторскихъ дворовъ. Оберъ-Прокуроръ сообщилъ объ этомъ Финляндскому генералъ-губернатору графу Армфельту, который 31 мая увѣдомилъ, что передастъ это дѣло на усмотрѣніе финляндскихъ Сената и Духовной Консисторіи.

Послѣ переписки съ подлежащими вѣдомствами, православные освобождены были отъ возложенной на нихъ въ 1803 г. обязанности платить сборы съ земли въ пользу лютеранскаго духовенства и на постройку пасторскихъ домовъ [638]).

Кромѣ того было Высочайше повелѣно потребныя на греко-россійскія церкви въ «Великомъ Княжествѣ Финляндіи» деньги производить изъ доходовъ сего края. Эта ежегодная выдача на содержаніе церквей въ 1815 г. составляла 7.148 руб. [639]).

Когда первоначально возникъ воросъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, то прежняя комиссія финляндскихъ дѣлъ времени Сперанскаго предполагала всѣхъ дѣтей крестить въ греко-россійскую вѣру, какъ въ другихъ завоеванныхъ частяхъ Имперіи. Впослѣдствіи по сему вопросу возобладало иное мнѣніе.

Когда коснулись покупки земли въ лютеранскихъ приходахъ лицами греко-россійскаго исповѣданія и обратно, то, по мѣстнымъ законамъ, имѣли въ виду обезпечить интересы духовенства.

Подобнымъ образомъ возникъ цѣлый рядъ церковно-православныхъ вопросовъ и всѣ они проходили черезъ финляндскія власти и учрежденія, которыя пользовались случаемъ закрѣпить зависимость православнаго духовенства отъ своихъ требованій; такъ,

напримѣръ, 2 августа 1823 г. явились наконецъ давно ожидаемый указъ и штаты Финляндскаго духовенства, и этимъ мѣстнымъ узаконеніемъ давался лютеранскому правительству открытый доступъ къ дѣламъ православной общины. Православному духовенству предписывалось «дабы оно при мірскихъ сходкахъ, установляемыхъ въ присутствіи начальника губерніи или уполномоченнаго имъ, равно и депутата со стороны греко-россійскаго духовенства, заключало, по взаимному согласію съ прихожанами, условія, кои потомъ имѣютъ быть представляемы на утвержденіе Финляндскаго нашего Сената, а если и за симъ откроются впредь подобныя тяжбы, то разбирать и рѣшать оныя ландсгевдингу (начальнику) губерніи» [640]).

Въ 1820 г. въ православныхъ приходахъ насчитывалось 17,618 мужчинъ и 12,046 женщинъ.

Въ первое время пребыванія русскихъ въ Финляндіи какъ будто можно наблюсти нѣкоторую послѣдовательность въ дѣлѣ водворенія въ предѣлахъ завоеваннаго края эмблемъ русской государственности. Такъ 9 сентября 1808 г. съ таможенныхъ воротъ г. Борго былъ снятъ шведскій гербъ съ тремя коронами и замѣненъ русскимъ двуглавымъ орломъ. Одинъ изъ депутатовъ проѣздомъ въ Петербургъ замѣтилъ, что почтовый домъ въ г. Борго занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ и также былъ украшенъ русскимъ государственнымъ гербомъ «очень хорошо схваченный, съ видомъ хищной птицы, подъ крыльями которой испуганный голубокъ долженъ былъ пользоваться довольно ненадежной охраной» [641]).

Подполковникъ шведской службы фонъ-Борнъ, принявшій русское подданство, просилъ позволеніе носить мундиръ бывшаго финскаго войска. Генералъ-губернатору было сообщено 20 декабря 1810 г., что Государь Императоръ повелѣлъ просьбу эту отклонить. Вскорѣ по присоединеніи Финляндіи, какъ выяснилось изъ жалобъ нашего генеральнаго консула въ Лондонѣ въ 1819 г., финляндскіе шкипера въ англійскихъ портахъ уклонялись отъ предъявленія своихъ бумагъ и не допускали чиновниковъ къ осмотру. Сейчасъ же послѣдовало соотвѣственное распоряженіе (отъ 31 декабря за № 1037). Въ томъ же году, по поводу отношеній министра финансовъ и генералъ-губернатора состоялось подтвержденіе финляндскимъ мореходцамъ, чтобы они являлись къ россій-

скимъ консуламъ за границею и предъявляли свои бумаги (22 мая 1819 г. № 473 и отъ 31 декабря за № 1037). Тогда же финляндскимъ купцамъ было объявлено, чтобы они, для полученія права на поднятіе россійскаго флага, обращались не въ Адмиралтействъ-Коллегію и Иностранную-Коллегію, а въ Комиссію Финляндскихъ дѣлъ, которая, по полученіи заявленія, будетъ доставлять разрѣшенія чрезъ генералъ-губернатора (1819 г. 28 августа, № 394).

Уже въ концѣ 1809 г. почти одновременно подняли переписку генералъ-губернаторъ Барклай-де-Толли и министръ юстиціи о финляндскомъ гербѣ, приравненномъ, конечно, къ гербамъ русскихъ губерній и областей. Министръ юстиціи Лопухинъ писалъ Сперанскому, что «при выдачѣ дипломовъ помѣщаются всѣ гербы Россійской Имперіи, но герба для Княжества Финляндскаго не было еще утверждено и Правительствующій Сенатъ не имѣетъ указа объ употребленіи онаго. Вслѣдствіе сего я долгомъ поставилъ препроводить къ вашему превосходительству рисунокъ герба, выписаннаго изъ книги подъ заглавіемъ: древняя и новая Швеція, который употреблялся при шведскомъ правительствѣ въ Княжествѣ Финляндскомъ съ тѣмъ, не благоугодно ли будетъ вамъ приказать свѣрить оный и представить на утвержденіе Его Императорскаго Величества, доставя потомъ въ Сенатъ сей самый или какой Высочайше повелѣно будетъ для надлежащаго употребленія». На это князю Петру Васильевичу Лопухину 29 октября 1809 г. послѣдовалъ отвѣтъ: «Доставленный ко мнѣ отъ вашего сіятельства гербъ Княжества Финляндскаго по предварительному представленію удостоенъ уже Высочайшаго утвержденія, почему возвращаю при семъ рисунокъ герба сего, съ означеніемъ на немъ Высочайшаго утвержденія» [642]).

И дѣйствительно 26 октября 1809 г. для Великаго Княжества Финляндіи былъ утвержденъ слѣдующій гербъ: «Щитъ имѣетъ красное поле, покрытое серебряными розетами, въ коемъ изображенъ золотой левъ съ золотою на головѣ короною, стоящій на серебряной саблѣ, которую поддерживаетъ лѣвою лапою, а въ правой держитъ серебряный мечъ, вверхъ подъятый» [643]).

Гофгерихты спрашивали еще главнокомандующаго Буксгевдена, какой титулъ употреблять въ ихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ? Приказано было писать какъ и въ Имперіи, т. е. рѣшеніе или приговоръ такого то Гофгерихта Финляндскаго по Указу Его Императорскаго Величества Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго. Но потомъ, когда тотъ же вопросъ въ 1816 г. попалъ въ комиссію финляндскихъ дѣлъ, баронъ Ребин-

деръ и члены комиссіи нашли эту форму неудобною, потому что она яко бы могла дать поводъ къ ложной идеѣ о независимости судебной власти и кромѣ того эта формула, какъ переводъ съ русскаго, не соотвѣтствовала духу языка шведскаго, употребляющагося въ судахъ Финляндіи, и потому предложили другую форму: рѣшеніе или приговоръ такого-то Гофгерихта Великаго Княжества Финляндскаго [644]).

Что касается календарнаго времени, то въ Финляндіи оставлено было исчисленіе по новому стилю. Въ Выборгской губерніи также разрѣшено было сохранить новый стиль, но съ тѣмъ, чтобъ это счисленіе не причиняло никакой перемѣны въ отправленіи греко-россійскихъ церковныхъ праздниковъ [645]).

Къ картинѣ взаимныхъ русско-финскихъ отношеній, со словъ современниковъ, прибавимъ еще двѣ черты.

Возвращавшійся въ 1809 г. изъ русскаго плѣна поручикъ Брейтхольцъ пишетъ въ своемъ дневникѣ. Изъ г. Борго мы отправились въ Гельсингфорсъ. «Вечеромъ здѣсь давали балъ въ ратушѣ. Несмотря на то, что съ дороги устали, мы рѣшились отпроситься туда, чтобы опять увидѣть финскихъ барышень, которыя, однако, теперь были гораздо менѣе привлекательны, чѣмъ мы воображали. Все здѣсь получило русскій оттѣнокъ; прежняя простота уступила кокетству и большимъ требованіямъ русскихъ модъ; главными кавалерами были русскіе, которые, повидимому, были въ большой милости у красотокъ; разговоръ вели на всевозможныхъ языкахъ, словомъ, балъ ничѣмъ не отличался отъ баловъ, которые мы видѣли въ Россіи, и наша радость здѣсь была непродолжительна».

Прошло около пятнадцати лѣтъ и офицеръ русской службы К. Жерве далъ слѣдующее описаніе гельсингфорскихъ вечеровъ. Главнымъ развлеченіемъ двадцатыхъ годовъ по прежнему являлись балы и вечера. «Въ Гельсингфорсѣ ихъ устраивали часто и въ Société, и въ частныхъ домахъ. Въ Société являлись всѣ сословія: тутъ былъ beau monde, и купцы, и commis. Дамы и дѣвицы очень любили танцовать, и г.г. сенаторы, дивизіонные начальники, комендантъ и генералъ-губернаторъ чередовались балами, такъ что танцовали мы до упаду и вообще время проводили очень пріятно».

«Такіе вечера мы особенно пріятно проводили въ домахъ графа Маннергейма и сенаторовъ Рихтера и барона Котена; хозяйки и

дочери ихъ особою любезностью умѣли сдѣлать эти кафе очень оживленными и пріятными. Вообще же шведы, за исключеніемъ аристократіи, жили довольно тихо. Это былъ народъ очень серьезный, опирающійся всегда и вездѣ на свои законы, крайне трудолюбивый, но упрямый и мстительный, нравственности въ городахъ довольно легкой. Дѣвушки и женщины въ новой Финляндіи вообще очень красивы, услужливы, но любятъ деньгу. Зато въ деревняхъ нравственность гораздо строже. Народъ вообще не долюбливаетъ русскихъ, что вкоренено въ нихъ еще прежнимъ поколѣніемъ. Ново-финляндцы крайне удивились, найдя между русскими образованныхъ людей и, надо сказать, гораздо лучше образованныхъ, чѣмъ они сами». Но въ мѣстные круги, описанные Жерве, попадали лишь немногіе, избранные русскіе [646]).

За это же время генералъ-губернаторъ Закревскій, въ письмѣ къ пріятелю, даетъ нѣкоторое представленіе о жизни главныхъ нашихъ представителей въ Финляндіи—военныхъ. «Положеніе русскихъ офицеровъ, здѣсь находящихся, ужасно и гораздо даже хуже солдатскаго. Послѣдніе получаютъ порціонныя деньги, на каждый полкъ по 20.000 руб.; многіе изъ офицеровъ отказываютъ себѣ въ деньщикѣ, чтобы отпускаемымъ на него провіантомъ замѣстить хотя сколько нибудь свои недостатки. Ты легко можешь себѣ представить, какъ такое неимущее состояніе ихъ, отдаленіе отъ родины и совершенное лишеніе гостепріимства должны сильно дѣйствовать на ихъ нравственность. Добавь къ тому, что они безпрестанно имѣютъ передъ глазами финскія войска, которыя собираются только на шесть недѣль въ году, по поселенной системѣ, занимаясь остальную часть года: рядовые—работая на себя или обращаясь къ различнымъ промысламъ, офицеры же—занимаясь хозяйствомъ. Однимъ словомъ, живутъ для себя и какъ хотятъ на окладѣ четверномъ противъ жалованья, получаемаго русскими» [647]).

Жили тогда въ Финляндіи, повидимому, дружно, безъ особыхъ интригъ, волненій, злобы и клеветъ. Царскіе дни праздновались торжественно, Царское спасибо объявлялось съ особою помпой. «Вечеромъ былъ у насъ, — записалъ Закревскій въ дневникѣ,—званый балъ, на который были приглашены члены сената, главные гражданскіе чиновники, всѣ военные, нѣкоторые изъ купечества, всѣхъ было человѣкъ до 150. Свеаборгскіе военные чиновники не могли быть по причинѣ затруднительной переправы; разъѣхались въ пятомъ часу пополудни» (12 декабря 1824 г.).

Послѣдніе годы жизни Императора Александра I протекли тревожно, вслѣдствіе скопившихся несчастій: съ юга получались извѣстія о ростѣ недовольства среди офицеровъ арміи, на сѣверѣ столица пережила ужасные дни наводненія. Существованіе революціоннаго элемента въ рядахъ войска не подлежало послѣ 1821 г. болѣе сомнѣнію, но преслѣдовать виновныхъ Государь, развѣявшій сѣмена либерализма и конституціонныхъ ученій, нравственно не считалъ себя въ правѣ, сознавая, что самъ въ извѣстной мѣрѣ вызвалъ то движеніе, которое развилось вокругъ главной квартиры южной арміи. Въ откровенной бесѣдѣ съ княземъ Ил. В. Васильчиковымъ Государь сказалъ: «Никто лучше васъ, любезный Васильчиковъ, не знаетъ, какое было начало моего царствованія, гдѣ я моими дѣйствіями и моими узаконеніями далъ поводъ этому волненію недовольныхъ. Это моя вина, и не мнѣ ихъ за это наказывать». Преслѣдовать членовъ тайныхъ обществъ, заявляетъ Н. Шильдеръ (IV, 204), значило бы преслѣдовать самого Александра I 1801 и послѣдующихъ годовъ. Катастрофа подготовлялась и противъ нея никакихъ мѣръ не приняли [648]).

Въ ноябрѣ 1824 года уровень Невы поднялся на 10 футовъ выше Петербургскихъ улицъ, причинивъ на 50 мил. рублей убытковъ. Царь мужественно и много помогалъ несчастнымъ, но событіе оставило въ его душѣ неизгладимый слѣдъ.

Осенью 1825 года Государь рѣшилъ выѣхать на югъ. Разставаясь съ Петербургомъ, онъ помолился въ Александро-Невской лаврѣ, а затѣмъ съ дорожнаго холма полюбовался видомъ города, его куполовъ и колоколенъ.

Поселившись въ Таганрогѣ, Александръ, казалось, возвратился къ прежнимъ мечтамъ о частной жизни. «Я служилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку», сказалъ онъ. Въ Крыму Государь заразился маларіей и, когда вернулся въ Таганрогъ, вынужденъ былъ слечь въ постель. Въ бреду больной говорилъ объ Аустерлицѣ, Фридландѣ, Бородинѣ. Утромъ 19 ноября 1825 г. его не стало: онъ отошелъ въ присутствіи преданной ему супруги Елизаветы Алексѣевны. Скорбная вѣсть достигла Петербурга 27 числа и «Петербургскія Вѣдомости» напечатали: «...получено извѣстіе о величайшемъ несчастіи: Государь Императоръ скончался»...

Тяжелое бремя управленія обширной Имперіей несъ онъ на своихъ плечахъ въ теченіе четверти вѣка. Его царствованіе необыкновенно богато выдающимися событіями. При трагическихъ

условіяхъ онъ вступилъ на престолъ. Его соперникомъ на политическомъ поприщѣ былъ геніальный Наполеонъ. Долго и упорно боролись они, пока Наполеонъ не былъ низложенъ и заключенъ на дальнемъ островѣ. Послѣ «битвы народовъ» нужно было успокоить взволнованную и перетасованную Европу, въ которой обстоятельства поставили Александра суперъ-арбитромъ, обративъ на него взоры всѣхъ племенъ. Борьба требовала большого подъема силъ. За приливомъ неизбѣженъ отливъ и реакція вступила въ свои права. Неудивительно, если нервы его женственно-слабой натуры не выдержали, и силы надломились. Неудивительны переутомленіе, апатія и господство мистицизма въ впечатлительномъ и отзывчивомъ Александрѣ.

Именемъ Александра и Наполеона былъ наполненъ цѣлый вѣкъ. Буря расшумѣвшихся вокругъ Александра народовъ вынесла его на недосягаемую высоту. Онъ былъ упоенъ славой и она утомила его.

«Краеугольнымъ камнемъ недостроеннаго общественнаго зданія Россіи,—пишетъ англичанинъ Скринъ,—являлся Царь и Самодержецъ Всероссійскій, въ особѣ котораго концентрировалась всякаго рода власть». Въ духовныхъ дѣлахъ онъ управлялъ при посредствѣ Святѣйшаго Синода. Восемь министровъ докладывали о всякомъ дѣлѣ Царю и получали отъ него повелѣнія. Царь былъ главою восьмисотъ-тысячной арміи. Онъ командовалъ флотомъ... «Ни на одномъ человѣкѣ, со времени римскихъ царей, не лежало такой отвѣтственности, какъ на Императорѣ всея Россіи».

Всю жизнь Александръ увлекался разными идеями и разочаровывался, колебался, искалъ выхода изъ неудовлетворявшей его среды. Во всемъ,—кромѣ борьбы съ Наполеономъ,—сквозитъ его нерѣшительность и двоедушіе, вплоть до распоряженія о престолонаслѣдіи. Его старшій братъ Константинъ Павловичъ письменно отрекся въ 1819 г. отъ своихъ правъ на престолъ и, кромѣ того, его женитьба на польской дворянкѣ, графинѣ Грудзинской, княгинѣ Ловичъ, лишило его права на Всероссійскую корону. Императоръ Александръ повелѣлъ отреченіе Константина Павловича «хранить въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ, до тѣхъ поръ, пока я не потребую, а въ случаѣ моей смерти передать митрополиту и генералъ-губернатору московскому, чтобы они вскрыли». Несвоевременное оглашеніе столь важнаго государственнаго акта имѣло печальныя послѣдствія для Россіи.

Уловить нравственныя и политическія черты характера Александра I чрезвычайно трудно, почему никому еще не удалось

создать полнаго историческаго облика этого загадочнаго «Властелина». Въ свою личную жизнь Александръ ввелъ необычайную простоту и порядокъ. Въ любимомъ царскосельскомъ дворцѣ онъ занялъ лишь двѣ комнаты, которыя были меблированы очень незатѣйливо.

Послѣ смерти Александра I распространилось народное сказаніе о томъ, что онъ не умеръ въ Таганрогѣ и что вмѣсто него похоронено другое лицо, самъ же царь таинственно скрылся въ невѣдомый монастырь. Предполагали, что онъ жилъ затѣмъ въ Сибири подъ именемъ старца-отшельника Ѳеодора Кузьмича († 1864 г. въ Томскѣ). Легенда эта была недавно предметомъ особаго изслѣдованія и, какъ слѣдовало ожидать, основа ея совершенно опровергнута [649]).

Несомнѣнно, что при вступленіи на престолъ Александра I «русская корона осѣнила голову, исполненную самыхъ благихъ намѣреній». Много было предположеній, много заготовлено проектовъ и лишь малая часть ихъ осуществлена. Но тѣмъ не менѣе царствованіе Александра I заняло большое мѣсто въ русской исторіи. Его монархія обладала территоріею въ 2.000.000 квадратныхъ миль, на которыхъ разселилось 37 мил. жителей. Въ 1812 г. онъ выставилъ 800.000 регулярную армію и вывелъ въ поле 500.000 ополченцевъ. Въ 1815 г. въ его флотѣ было 90 большихъ судовъ. Доходы государства возросли съ 65 до 111 мил. рубл. Морская внѣшняя торговля имѣла оборотъ въ $1^1/_2$ мил. рубл. Число учащихся въ университетахъ увеличилось съ 1,079 до 2,687 чел., въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ—съ 47.000 до 70.000 Изъ періодическихъ изданій возникли «Вѣстникъ Европы» (въ 1802 г.), «Сынъ Отечества» (1813 г.), «Отечественныя Записки» (1818 г.), «Сибирскій Вѣстникъ», «Сѣверный Архивъ» и др. Въ плеядѣ писателей блистали имена Пушкина, Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Батюшкова, Дмитріева, Баратынскаго и мн. др. «Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми, говорилъ Государь въ 1807 г. генералу Савари. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы даже это стоило мнѣ жизни». Но этой благой мечтѣ не суждено было осуществиться. Болѣе посчастливилось ему въ дѣлѣ водворенія человѣческихъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Благодаря ему войны стали вестись гуманнѣе, начиная съ его времени выяснилось, что Россія не разъ ополчалась на идейную борьбу и искренно стремилась къ поддержанію мира въ Европѣ. Какъ въ

1812 г., такъ и позднѣе, мы съ полнымъ правомъ провозглашали, что «стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество противъ звѣрства». «Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина», говорилось въ Высочайшемъ приказѣ войскамъ въ январѣ 1814 г., по случаю вступленія союзниковъ въ предѣлы Франціи. «Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства своего властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ ко всеобщему благоденствію вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія».

«25 лѣтъ мы, невинные и неподлые,—писалъ Карамзинъ князю Вяземскому послѣ кончины Императора,—жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему (Александру) спасибо» [650]).

30 августа 1834 года въ Петербургѣ былъ открытъ великолѣпный памятникъ Александру Благословенному. Торжество описано В. А. Жуковскимъ, и въ этомъ очеркѣ — извѣстная оцѣнка царствованія. «Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ ангеломъ ярко отражалась въ лазури небесной»... «Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, охваченный океаномъ... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было... Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровской колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище... и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и русскій и полякъ, и ливонецъ и финнъ, и татаринъ и калмыкъ, и черкесъ и боецъ закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою?.. И ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ, и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго» [651]).

Какъ отнеслась Финляндія къ кончинѣ Александра I трудно судить по публичнымъ проявленіямъ ея чувствъ. Въ письмахъ же современниковъ это важное для края событіе отразилось ярче. «Надо сказать правду,—читаемъ въ воспоминаніяхъ К. К. Жерве,— потеря для всѣхъ была весьма чувствительная, печаль о смерти

государя была общая, какъ для русскихъ, такъ и для финляндцевъ. Къ нему были всѣ привязаны и очень его любили. Всѣ безъ исключенія дамы въ Гельсингфорсѣ наложили на себя глубокій трауръ». Пятнадцать лѣтъ послѣ кончины Александра кто-то изъ финляндцевъ написалъ о немъ: «Одно ужъ это имя (Александръ) звучитъ для насъ, какъ громкая героическая пѣснь и вмѣстѣ какъ тихая идиллія, которой сладостнымъ тонамъ мы невольно внимаемъ съ безмятежнымъ восторгомъ» [652]).

По принятому обычаю чествовать память выдающихся дѣятелей торжественнымъ засѣданіемъ, университетъ, въ апрѣлѣ 1826 года, въ Або, поручилъ профессору I. Ф. Валленіусу произвести оцѣнку личности Императора Александра I. Характеризуя государя, Валленіусъ сказалъ, между прочимъ:.. «Я не дѣлаю намекъ на безчисленныя націи общаго отечества: онѣ всѣ плачутъ, какъ и мы, о потерѣ отца и покровителя, и наши чувства имѣютъ въ виду также и ихъ».

Вспоминая войну 1808—1809 г.г., ораторъ заявилъ: «Если случалось, что въ какой нибудь мѣстности, несмотря на порядокъ и дисциплину въ войскахъ во время завоеванія края, терпѣли отъ неизбѣжныхъ несчастій войны, то Александръ заботился о томъ, чтобы выданы были щедрыя вознагражденія и всѣми средствами онъ старался уничтожить какъ слѣды, такъ и воспоминаніе о прошедшемъ».

Своеобразнымъ явилась слѣдующая мысль Валленіуса: «Я нахожу, что всѣ эти конституціи, введенныя въ какой бы то ни было странѣ, односторонне и временно оглашенныя, предоставляли народу все, въ то же время не оставляли королю даже права частнаго гражданина, права свободной женитьбы по собственному выбору, ни возможности распоряжаться воспитаніемъ своихъ дѣтей, ни назначить передъ своей смертью опекуновъ».

Перечисляя заслуги опочившаго Монарха, Валленіусъ сказалъ: «Александръ покровительствовалъ наукамъ и всякимъ другимъ предметамъ, которые имѣли значеніе въ благоустроенномъ общественномъ учрежденіи. Поэтому онъ умножилъ число членовъ въ гофгерихтахъ края, увеличилъ всѣмъ жалованье, учредилъ коммиссію законовъ, которой надлежало собрать въ одно цѣлое и привести въ порядокъ разбросанныя и часто противорѣчивыя постановленія; старался улучшить судопроизводство, сдѣлать аресты болѣе полезными и гуманными; въ губернскихъ канцеляріяхъ были увеличены штаты, медицинскому управленію дарованы большія преимущества. Императоръ поощрялъ и расширялъ межевое вѣдом-

ство; учредилъ новое болѣе обширное горное вѣдомство, создалъ общій ревизіонный судъ (Allmän Revisions Rätt), а также финляндскій мѣновой-ссудный и депозиціонный банкъ, строительное и интендантское вѣдомства, особыя почтовыя и таможенныя управленія, собственное лоцманское вѣдомство, контрольное вѣдомство и пожарную контору, основалъ въ четырехъ городахъ Финляндіи навигаціонныя школы; во вновь завоеванной странѣ, въ вѣрности и преданности которой онъ съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждался, создалъ національную армію, возобновилъ военно-учебное заведеніе, въ которомъ подъ мудрымъ руководствомъ будутъ обучаться выходящіе изъ нашего края защитники общаго отечества, и пріучатся быть достойными не менѣе почетнаго, какъ и опаснаго долга и славы финскаго имени на вѣчныя времена. Университетъ Александръ обогатилъ подаркомъ, состоящимъ изъ 2000 томовъ».

Въ томъ же духѣ и смыслѣ произнесена была рѣчь М. Алопеуса въ Борго.

Ближайшіе сотрудники Александра по финляндскимъ дѣламъ—Г. М. Армфельтъ и Р. Г. Ребиндеръ—были конечно очарованы Государемъ. «Невозможно,—писалъ Армфельтъ,— послѣ своей первой работы вмѣстѣ съ Государемъ,—невозможно встрѣтить соединеніе болѣе свѣтлой головы и лучшихъ принциповъ съ такимъ божественнымъ сердцемъ». «Если такія прекрасныя качества не привели къ большимъ результатамъ, то это произошло единственно отъ дурной среды окружающихъ и извѣстной слабости характера. Онъ добръ и даже очень добръ; онъ желаетъ, чтобы всѣ люди были довольны». «Императоръ—это ангелъ, при томъ мудрый ангелъ»,—говорится въ другомъ письмѣ. «Работать съ нимъ—это быть въ царствѣ небесномъ».—По утвержденію Армфельта, Императоръ желаетъ, чтобы всѣ высказывались безъ околичностей. «Если жители Финляндіи и теперь жалуются, читаемъ въ одномъ письмѣ Армфельта, то они достойны кары небесной, ибо во всѣхъ мысляхъ (Александра) только и есть забота объ исцѣленіи язвъ войны». «Въ Финляндіи слѣдовало бы на колѣняхъ благодарить Бога за счастье, которымъ мы пользуемся. Оно легко можетъ кончиться, такъ какъ одна человѣческая жизнь составляетъ все наше блаженство», — писалъ онъ брату въ началѣ 1812 года.

Объ отношеніяхъ къ Императору Александру Павловичу докладчика финляндскихъ дѣлъ Ребиндера его біографъ Кастренъ сообщаетъ: «Въ теченіе пятнадцати лѣтъ графъ Ребиндеръ имѣлъ

счастье на французскомъ языкѣ разговаривать съ Александромъ I—«этимъ великодушнымъ Монархомъ»,—котораго онъ, еще долго послѣ его смерти, когда другой Монархъ вступилъ на престолы Финляндіи и Россіи, называетъ «благодѣтелемъ своего отечества».

Въ разговорѣ съ Ребиндеромъ, Александръ однажды, между прочимъ, сказалъ: «Ваши земляки, которые находятся здѣсь, несомнѣнно сообщили вамъ о тѣхъ чувствахъ, которыя я высказалъ относительно вашей родины. Политическія обстоятельства заставили меня воевать въ вашей странѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи нашего оружія рѣшили вашу судьбу, у меня только одна мысль, одна цѣль, это—сдѣлать васъ счастливыми и поставить васъ въ такое положеніе, чтобы вы никогда не жалѣли о потерянномъ. Я обѣщалъ сохранить ваши законы, ваши привилегіи и ваши учрежденія. Я сдержу свое слово, но и съ вашей стороны имѣются обязанности, которыя вы должны исполнять. Пусть ваши земляки запомнятъ ту истину, что только искренней вѣрностью безъ заднихъ мыслей, они могутъ сдѣлать свое положеніе счастливымъ для самихъ себя и полезнымъ для того государства, часть котораго вашъ край современемъ будетъ составлять. Эти слова,—прибавилъ Ребиндеръ,—сказанныя серьезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласково, вѣчно сохранятся въ моей памяти, и несомнѣннымъ остается то, что онъ добросовѣстно сдержалъ свое обѣщаніе—это я торжественно удостовѣряю передъ небомъ и исторіей, этимъ безпристрастнымъ судьей надъ князьями и націями». «Государь освѣдомленъ,—продолжаемъ цитировать Ребиндера,—что онъ, благодаря интригамъ, иногда былъ введенъ въ заблужденіе, а потому онъ особенно строго относится ко всему, что касается финляндскихъ дѣлъ. Всѣ они должны быть переведены и онъ самъ внимательно прочитываетъ ихъ. Дай Богъ, чтобы мы сумѣли исполнить благодѣтельныя желанія нашего добраго Государя. Нельзя больше любить свой народъ, чѣмъ онъ это ежедневно дѣлаетъ» [653]).

Доцентъ Абоскаго университета Арвидсонъ, пріобрѣвшій извѣстность рѣзкаго критика и человѣка вовсе неблагосклоннаго къ русскимъ, написалъ послѣ своей бесѣды съ Александромъ I въ 1819 г.: «Въ пасторскомъ домѣ въ Иденсальми, 75 миль къ сѣверу отъ Або, я имѣлъ случай говорить съ добрымъ Александромъ. Онъ часто возобновлялъ разговоръ со мной по поводу цѣли и предмета моей поѣздки. Его въ высшей степени милостивое и чрезвычайно снисходительное отношеніе, и его привлекательная личность очаровали всѣхъ финляндцевъ. Теперь я опа-

саюсь, что даже всѣ крестьяне душой и сердцемъ оторваны отъ Швеціи. Нельзя видѣть его, чтобъ не полюбить его, и того, который, поговоривъ съ нимъ, не былъ очарованъ, нельзя назвать человѣкомъ. Ласковый, снисходительный, немудреный и простой, онъ привлекаетъ къ себѣ даже дѣтей и робкихъ женщинъ пустынныхъ мѣстностей, какъ охраняющее божество; и что же онъ, какъ не охранитель Финляндіи?» [654]).

Александровская колонна въ Петербургѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Заря новаго царствованія.

1. Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни, СПБ. 1886 г., стр. 243.

2. Полное собраніе сочиненій кн. П. Вяземскаго, VIII, 204.

3. Баронъ М. Корфъ. Рус. Стар. 1903, янв.

4. Н. И. Гречъ, 245.

5. Ф. Вигель. Воспоминанія. 2 изд. было помѣщено въ Рус. Арх.

6. Н. И. Гречъ, 155.

7. Существуетъ разсказъ, (кн. С. М. Голицына—Рус. Стар. 1869 г.), что послѣ смерти Екатерины въ ея кабинетѣ найдено было завѣщаніе, въ которомъ говорилось о совершенномъ отстраненіи отъ престола Вел. Кн. Павла Петровича.

8. Рус. Стар. 1899 г. іюнь.

9. Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. 2-ое. СПБ. 1908 г.

10. Записки де-Санглена

11. Баронъ М. А. Корфъ. Рус. Стар. 1903, янв.

12. Баронъ М. А. Корфъ. Рус. Стар. 1903 г., февр. Вотъ примѣръ нерасположенія Александра I къ Екатеринѣ. Пріѣхала въ Петербургъ извѣстная французская актриса Жоржъ. Сыграла она роль Семирамиды. Государь зашелъ къ Жоржъ въ ложу и, поздравляя съ успѣхомъ, сказалъ: «Сударыня, вы носите корону лучше, чѣмъ носила ее наша великая Екатерина», и черезъ нѣсколько дней подарилъ ей корону, сдѣланную по образцу той, которую носила Екатерина II. (Историч. Вѣстн. 1908, сент., стр. 1106).

13. Гр. Пав. Александ. Строгановъ. 1774—1817. Историч. изслѣдованіе эпохи Императ. Александра I. СПБ. 1903 (Вел. Кн. Николай Михаиловичъ).

14. Баронъ М. А. Корфъ. Рус. Стар. 1903 г., февр.

15. Бар. М. А. Корфъ. Рус. Стар. 1903 г., февр.

16. Бар. М. А. Корфъ. Рус. Стар. 1903 г., февр.

17. К. А. Скальковскій. Новая книга. СПБ. 1904. См. также изданіе Вел. Кн. Николая Михаиловича «Графъ П. А. Строгановъ, 1774—1817. Историческія изслѣдованія эпохи Императора Александра I».

18. К. А. Скальковскій. «Новая книга».

19. К. К. Злобинъ. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. II, 1868 г., стр. 17. Письмо короля отъ 29 мая н. ст. 1801 г.

20. О мостѣ при Абборфорсѣ см. у Державина, т. VI 1876 стр. 146 и Mèmoires postumes du c—te Stedingk, т. II, стр. 13.

21. К. К. Злобинъ, стр. 21. Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. II.

22. Эренстремъ. Рус. Стар. 1893 авг. стр. 233

23. Рус. Стар. 1907. Окт., стр. 103

24. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, СПБ. 1848 г., т. IV, стр. 16.

25. Гречъ, стр. 268.

26. Въ рукописяхъ академика Буткова нами отысканы документы, вполнѣ точно устанавливающіе путешествіе Государя Императора Александра Павловича по русской Финляндіи въ 1803 году и поѣздку Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны—Его Августѣйшей супруги—въ Абборфорсъ въ 1802 г., для свиданія съ своей сестрой, королевой шведской—Фредерикой Доротеей Вильгельминой. Обѣ по-

ѣздки были совершены чрезвычайно скромно. Свѣдѣнія о нихъ были собраны въ 1829 и 1833 г.г., по желанію генералъ-губернатора края, выборгскимъ ландсгевдингомъ А. Рамзаемъ. Даты пребыванія Высочайшихъ Особъ въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи въ финляндскихъ источникахъ не оказались, судя по справочному изданію Ad. Neovius'a Furstebesök i Finland. Борго, 1900 г. Рамзай извлекъ свои свѣдѣнія частью изъ офиціальныхъ бумагъ, сохранившихся въ выборгскомъ архивѣ, частію изъ показаній достовѣрныхъ лицъ, находившихся въ тѣхъ мѣстахъ, кои были осчастливлены Высочайшимъ посѣщеніемъ.

27. С. С. Татищевъ. Изъ прошлаго рус дипломатіи. СПБ. 1890, стр. 315—316.

28. Титулъ шведскаго короля былъ слѣдующій: «Мы, имя рекъ, Божіей милостью, король Шведовъ, Готовъ и Вендовъ и т. д., наслѣдникъ Даніи и Норвегіи, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій и прочая». Въ этомъ обыкновенномъ титулѣ Финляндія не упоминалась.

Въ отличіе отъ другихъ заморскихъ владѣній Швеціи только Финляндія не была самостоятельной частью Шведскаго государства. Науманъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Государственное право Швеціи» (1,364) говоритъ: «то, что осталось отъ Финляндіи послѣ уступокъ 1721 и 1743 г., разсматривалось какъ инкорпорированная провинція (införlifvad provins), подчиненная основнымъ и общимъ законамъ Швеціи (undergifven Sveriges grundlagar och allmän lag), и посему имѣвшая право представительства на шведскихъ сеймахъ». Проф Эд. Берендтсъ. Админ. право Финляндіи т. II, стр. 5 и 7.

29. К. К. Злобинъ, стр. 23. См. также у Богдановича—Импер. Александръ I, т. II стр. 332.

30. К. К. Злобинъ, стр. 49—51.

31. А. Сорель, Европа и французская революція; т. VII, стр. 4.

32. А. Сорель, т. VII, 142.

33. А. Сорель, VII, 145.

34. А. Сорель, т. VII, стр. 146; Н. К. Шильдеръ. Жизнь и царствованіе Импер Александра, II, 186.

35. А. Сорель VII, 147.

36. Историч. Вѣст. 1891 г., іюнь, А. С. Трачевскій. Vandal: Napoléon et Alexandre I, Paris 1891. Tatistcheff: Alexandre I et Napoléon. D'après leurs correspondance inédite. Paris. 1891, и Сборн. Истор. Рус. Имп. Общ. СПБ. 1890 г.

37. Н. Шильдеръ; II, 209.

38. Шильдеръ; II, 210.

39. Гречъ, стр. 224.

40. Гречъ, стр. 272; Богдановичъ, II, 312.

41. А. Сорель, VII, 258.

42. Гречъ, 264.

43. Вел. Кн. Николай Михайловичъ, Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи; т. I. XXXIV.

II. «Географическій врагъ».

44. . . . «prenez la Finlande comme dedommagement de la guerre, que vous aurez été umané à faire contre la Suède. Le roi de Suède, il est vrai, est votre beau-frère et votre allié; mais puis qu'il est votre beau-frère et votre allié, qu'il suive les changemens de votre politique ou qu'il subisse les conséquances du sa mauvaise volonté. La Suède, répéta souvent Napoléon, peut être un parent, un allié du moment: mais c'est l'ennemi géographique, Petersbourg se trouve trop près de la frontière de Finlande. Il ne faut plus que les belles Russes de Petersbourg entendent de leurs palais les canons des Suèdois». (Thiers. VII. 721).

45. Записка Греча, стр. 267; Воспоминанія Ѳ. Булгарина, т. IV 1848 г., см. еще Рус. Стар. 1898, т. XII.

46. Шведская война 1808—1809 г.г. Составлена шведскимъ Генеральнымъ Штабомъ. Русскій переводъ, СПБ. 1906 года, часть I.

47. Шведская война 1808—1809 г. Составилъ шведскій Генеральный Штабъ.

48. Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ. 1893, т. 88.

49. Письмо Савари Талейрану, авг. 1807 г. Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 88.

50. Письмо Шампаньи къ Савари, сент 1807 г. Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ., т. 88.

51. Лессепсъ къ Шампаньи 10—22 окт. 1807 г. Тамъ же.

52. Письмо Савари къ Шампаньи 23 октября—4 ноября 1807 года. Тамъ же.

53. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, IV, 24.

54. Письмо Савари къ Шампаньи, 24 ноября—6 дек. 1807 г. Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 88.

55. Депеша гр. Румянцева отъ 24-го сентября ст. ст. 1807 г. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1868, т. II, стр. 70—71.

56. Донесеніе Алопеуса отъ 19-го октября 1807 г. См. Михайловскаго-Данилевскаго. Описаніе Финляндской войны. СПБ. изд. 1841, стр. 4—5.

57. Письмо Лессепса къ Шампаньи— 22 окт.—3 нояб. 1807 г. Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ., т. 88.

58. Письмо Коленкура къ Шампаньи 11— 23 дек. 1807. Тамъ же.

59. Сбор. Имп. Рус. Историч. Общ. 1868, т. II, 76—77.

60. Письмо Коленкура къ Шампаньи 11— 23 дек. 1807 г. Тамъ же.

61. Эренстремъ. Рус. Стар. 1893 г. окт., 39.

62. Эренстремъ Рус. Стар. 1893 г. окт., 50

63. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 88.

64. А. Сорель VII, 201—202.

65. A. Berthier, 23—24 mars; à Murat, 23 mars, à Talleyrand, 25 avril 1808 А. Сорель VII, 202.

66. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. II. 1868, стр. 78.

67. C. O. Nordensvan, 1808. Synpunkter och betraktelser. Stockholm. 1908, 57.

68. I. R. Danielson, Finska kriget och Finlands krigaro 1808—1809 H-fors, 1897, стр. 21.

69. Danielson, Fin. krig, 1808—9, стр. 21—22.

70. Шведская война 1808—1809 г.г. Составлена Шведскимъ Генеральнымъ Штабомъ. Русскій переводъ Спб. 1893, часть I, стр. 43.

71. А. Сорель, VII, 202.

72. Danielson, Fin. krig. 1808—1809

73. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. 88, стр. 413—414; письма Коленкура къ Шампаньи въ январѣ 1808 г.

74. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. II 80—82.

75. Эренстремъ. «Рус. Стар,». 1893, окт. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. II, стр. 84.

76. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 88, стр. 412 и 633.

77. «Рус. Стар.» 1872 г. т. V стр. 236.

78. В. В. Квадри. Императ. Главная Квартира. Спб. 1904.

79. В. В. Квадри. Императ. Главная Квартира Спб. 1904.

80. Военный Сборникъ. 1906 г., № 2 и 3. Изъ дневника шведскаго прапорщика Б. Н. ф. Брейтгольца 1808—1809 г., переводъ М. Бородкина.

81. Воспоминанія Ф. Вигеля.

82. Воспомин. Ѳ. Булгарина, IV стр. 35.

83. Записки Д. Б. Мертваго. Приложеніе къ Рус. Арх. 1868 г., стр. 235—236.

84. Тамъ же

85. Sveriges Krig aren 1808 och 1809 utgifvet af generalstabens krigshistoriska afdelning; II, 86—88.

86. Danielson, Fin. krig, стр. 62.

87. Danielson, Fin. krig 1808—9 стр. 26—27.

88. Kongl. Krigsvet. Akadem. Tidskr. № 24, 1896, стр. 654.

89. Эренстремъ. «Рус. Стар.» 1893, окт. стр. 45.

90. «Рус. Стар.» 1893, окт., стр. 47.

91. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 63—64.

92. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 23

93. Изъ сихъ войскъ въ кавалеріи находилось 750 ч., въ артиллеріи—933 ч. Всѣхъ поселенныхъ пѣхотныхъ полковъ считалось—$6^1/_2$, а вербованныхъ—$4^1/_2$. Nordensvan, «1808», стр. 26—27.

94. Nordensvan, «1808», 35.

95. P. Nordmann, Hufvudstadsbladét. № 18. 1908 г.

96. Nordensvan. «1808», стр. 36.

97. Nordensvan. «1808», 36.

98. Nordensvan. «1808», стр. 36—37.

99. Nordensvan. «1808», стр. 30.

100. Часть стоимости ихъ (болѣе 9 т. рикед.) была уплочена, а болѣе крупная сумма (38 т. рикед.), какъ говорятъ шведскіе историки, осталась не внесенной.

101. Воспоминанія Ѳ. Булгарина. IV, 87.

102. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 122—123.

103. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 138.

104. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 519.

105. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 52.

106. Nordensvan, «1808», стр. 28.

107. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 85.

108. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 24,

109. Schybergson, Fin. Tids. h. VI. juni 1896 г. стр. 456.

110. Труды Я. К. Грота, т. I, стр. 588.

111. Danielson, Fin, krig., 94.

112. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 123 и 132.

113. K. E. Wichman Hufvudstadsbladet 1908, № 71.

114. Danielson. Fin. krig, 1808 — 9, стр. 118.

115. Sveriges Krig 1808—1809. Sv Gen. St. стр. 56.

116. Воспоминанія Θ Булгарина, ч. IV, 1848 г.

117. Nordensvan, «1808», 32.

118. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 52—55.

119. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 90, 112, 141, 323—324.

120. Danielson, Fin. krig, стр, 86, 87, 91.

121. Rob. Costrèn, Skildringar ur Finlands nyare historia, стр. 252.

122. К. Ординъ. Покореніе Финляндіи, II. 11

123. Воспоминанія Θ. Булгарина. «Библіотека для Чтенія», 1848 г., IV.

124. Письма отъ 1, 3, 6, 27 марта и др.

125. К. Ординъ, Покореніе Финляндіи, II. 28—29.

126. Госуд. Арх. картонъ 81, № 4.

127. «Valvoja», 1883, стр. 380 f. f.

128. К. К. Тигерстедтъ. Его изслѣдованіе о Г. М. Спренгтпортенѣ, помѣщавшееся въ «Finsk Tidskrift», мы пользовались послѣдними его главами, стр. 166, примѣч.

Въ первой прокламаціи говорилось о временномъ занятіи края и тѣмъ не менѣе жителямъ предлагалось прислать депутатовъ въ Або.

129. Danielson. Fin. krig. 1808 — 9, стр. 75.

130. Castrèn. Grefve R. H. Rehbinder. Finsk Tidskrift 1879, tom. VI, sid 319—320.

131. Воспоминанія Θ. Булгарина, часть IV стр. 33.

132. Ensk. bref från Troil i mars 1808 Sven. Gen. St. 1808—9 års krig, стр. 69—70.

133. K. E. Wichman. Hufvudstadsbladet 1908, № 173

134. Изъ бумагъ фонъ Шульца, находящихся въ статсъ-архивѣ Гельсингфорса.

135. Депеша Алопеуса отъ 1 февраля 1807 года. № 14.

136. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. II. 80.

137. Han ger Finland tusan djevlar och frågar icke efter om han mister det. För öfrigt säger han sig vara för god att styra ett sadant pack son denna nationen. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 23.

138. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 62—63.

139. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 34

140. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 69, 73, 74, 107.

141. Воспоминанія Θ. Булгарина, ч. IV, 1848 г.

142. Bladh, стр. 9; Изъ письма отца къ сыну, на швед. яз. Стокгольмъ 1849 г.

143. Castrén, стр. 258; и Государ. арх. № 5,—1808 г.—30 января 1806 г.

144. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 284—285.

145. Publikationer ur de Alopeiska pappren af. Ad. Neovius, sid 302. Sv. Gen. St. krig. 1808—9, стр. 43.

146. Handlingar rörande förvaltningen i Finland år 1808, del I, skr. $^{8}/_{20}$ maj.

147. Danielson, Fin. krig. стр. 89.

148. Госуд. арх. 1808 г., № 87 и 14.

149. Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. 1893 г т. 88, стр. 535-536.

150. Alopoeus, стр. 54, 55 и 68.

151. Госуд. арх. 12 Марта 1808, № 110 и 111. Або 12 Марта.

152. Сбор. Импер. Рус Историч. Общ. т. 88, стр. 600.

153. Парижъ $^{5}/_{17}$ февраля 1808 года. Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. т. 88, стр. 488—489 и 670.

Высочайшій Манифестъ о присоединеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи, 5 Іюня 1808 года (Прибавленіе къ Уложенію Финляндіи, Спб., 1827, стр. 230).

Божіею Милостію

Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч

Намъ вѣрноподданымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія

По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ съ симъ воспріяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣняемомъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ.

Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію состав-

ляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленіи Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сея страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи.

Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнію Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленіи, странѣ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается. Подъ сильнымъ щитомъ Россіи, земледѣліе ваше, торговля, промыслы, всѣ источники народнаго богатства и благосостоянія, воспріимутъ новую жизнь и расширеніе. Мы познаемъ вскорѣ всѣ ваши нужды и не умедлимъ простреть вамъ руку помощи и облегченія. Оружіе Наше оградитъ предѣлы ваши отъ всякаго къ вамъ прикосновенія и отразитъ всѣ покушенія враговъ, если бы когда либо возмутить спокойствіе ваше они дерзнули. Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно.

Обыватели Финляндіи! Да не колеблется вниманіе ваше слухами и обольщеніями, если бы враги Наши паче чаянія разсѣвать ихъ между вами покусились.

Судьба страны вашея рѣшена невозвратно. Всякое разглашеніе о возстановленіи Шведскаго надъ вами владычества было бы тщетное заблужденіе, единственно во вредъ вамъ устремленное. Всякая преклонность и пріобщеніе обывателей къ таковымъ внушеніямъ повлекло бы съ собою неминуемую имъ гибель и разореніе.

Намъ извѣстно, что нѣкоторые соотечественники ваши теперь еще служатъ въ войскахъ Шведскихъ и противъ васъ самихъ вооружаются.

Доселѣ ожидали Мы съ терпѣніемъ раскаянія ихъ и покорности. Долговременное коснѣніе ихъ полагало уже конецъ ожиданію Нашему; но преклоняясь къ судьбѣ семействъ, оставленныхъ ими безъ призрѣнія, Мы еще готовы принять ихъ какъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ, и заблужденія ихъ навсегда изгладить изъ памяти Нашей, если въ теченіе шестинедѣльнаго срока, считая со дня обнародованія сего Манифеста Нашего, поспѣшатъ они возвратиться. Да престанутъ они отнынѣ работать чуждой власти. Да возвратятся въ нѣдра своего отечества; но да возвратятся немедленно въ назначаемый нынѣ срокъ. По прошествіи онаго и раскаянію не будетъ уже мѣста.

Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны.

III. Свеаборгъ.

154. Kongl Krigsvet. Akadem. Tidskr. № 24, 1896, стр. 650.

155. На счетъ слабости характера Кронстедта относятъ еще и другое обстоятельство. Казну обкрадывали невѣроятнымъ образомъ, и если прямо не обвиняли адмирала въ участіи въ кражѣ, однако злоупотребленія приписываются прежде всего ему, потому что онъ большею частію находился въ деревнѣ и позволялъ своимъ офицерамъ и другимъ частнымъ лицамъ воспользоваться средствами казны.

Особенно темными представляются дѣла во флотѣ. Продавали съ аукціона казенные корабли за грошъ и покупатели къ тому же даромъ могли ремонтировать ихъ на верфи крѣпости. Контрадмиралъ Данквардтъ (Danckwardt+1806 г.) употреблялъ рабочихъ съ верфи для устройства великолѣпнаго сада. Изъ матеріала, принадлежавшаго крѣпости, воздвигались прекрасные дома въ близъ лежащихъ имѣніяхъ. Danielson, Fin. Krig 1808—1809, стр. 44—45, примѣч

156. Kongl. Krigsvet Akadem. Tidskr. № 24, 1896, стр. 650.

157. Nordensvan, «1808», стр. 104.— Kongl. Kr.—vet. Akadem. Tidskr.. № 24 1896 г., стр. 657.

Планъ Свеаборга 1792 находится при дѣлѣ Архива Канцел Воен. Министерства № 111/37 (1808 г).

158. Nordensvan. «1808», стр. 104

159. Письма главныхъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I, 1807—1829 г., Н. Дубровина. СПБ., стр. 4.

160. Danielson. Fin. krig. 1808—1809, стр. 45.

Выдающiйся англiйскiй историкъ William Coxe, болѣе извѣстный какъ бiографъ герцога Марлборугскаго, въ 1779 г. проѣздомъ изъ Петербурга посѣтилъ Финляндiю. Пять лѣтъ спустя, въ октябрѣ 1784 г., Coxe посѣтилъ Свеаборгъ проѣздомъ изъ Стокгольма въ Петербургъ. Онъ даетъ подробное описанiе крѣпости, «которую, когда она будетъ готова, справедливо можно будетъ назвать сѣвернымъ Гибралтаромъ». Но на основанiи той медлительности, съ которой производились работы, Coxe находилъ, что она не будетъ закончена ранѣе столѣтiя (Hirn, 169).

161. Danielson, Finskakriget 1808—1809, стр. 16—17.

162. Сбор. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 88, стр. 576.

163. Въ гельсингфорсской университетской библiотекѣ. P. Nordmann, 1908, Hufvudstadsbladet № 120.

164. «Финлянд. Газета» 1901 г., № 150.

165. Kongl. Krigsvet. Akadem. Tidskr. 1896, № 24, стр. 651.

166. Донесенiе гр. Буксгевдена Воен. Сбор. 1908 г., iюль, 210—216

167. (Petrelli) Kongl. Krigsvet. Akadem. Tidskr., 1897, № 4, стр. 81

168. Kongl. Krigsvet. Akadem. Tidskr. 1896, № 24, стр. 664.

169. К. Ординъ. II. 8.

170. Коленкуръ разсказываетъ, что Царь 4 апрѣля говорилъ ему: «Намъ достанется Свеаборгъ. Комендантъ уже началъ переговоры и далъ понять, что ему слѣдуетъ дать возможность капитулировать съ честью. Его желанiямъ идутъ навстрѣчу, такъ какъ его обстрѣливаютъ день и ночь». Посланникъ отвѣтилъ: «Человѣкъ, который такъ много говоритъ, быть можетъ добивается чего либо другого, Государь. Можно было бы позондировать его чрезъ какого нибудь смѣтливаго человѣка». Тогда Государь сообщилъ, что онъ повелѣлъ Аракчееву исполнить именно то, что Коленкуръ совѣтуетъ, и сдѣлать Кронстедту всякiя предложенiя, какiя могли бы заставить его сдать крѣпость съ честью». (P. Nordmann; Hbl 1908 г., № 124).

Въ дневникѣ ген.-л. Голенищева-Кутузова подъ четвергомъ 5 марта 1808 г. читаемъ: «Свеаборгъ еще не взятъ и не можетъ быть взятъ, пока не прибудетъ осадная артиллерiя, даже если комендантъ и имѣлъ бы желанiе сдаться, не попробовавъ выпустить хоть одинъ снарядъ»...

171. Сбор. Им. Рус. Истор. Общ. т. 88, стр. 555, 576, 603 и 616.

172. Гр. П. К. Сухтеленъ. Картина военныхъ дѣйствiй въ Финляндiи. Спб., 1832 г., стр. 52 и 53.

173. Шведскiй писатель г. Петрелли обратилъ вниманiе на слѣдующее обстоятельство. Казалось бы, что общiй ходъ дѣла по сдачѣ Свеаборга долженъ былъ бы открыть глаза Кронстедта на поведенiе Ф. А. Iегергорна и прежнiй комендантъ долженъ былъ бы возненавидѣть его, какъ своего злѣйшаго врага. Но въ дѣйствительности мы находимъ совершенно противное. Въ Historiallinnen Arkisto т. IX, стр. 308 и др. находятся нѣсколько писемъ за мартъ и апрѣль 1810 г. Кронстедта къ Iегергорну; эти письма полны довѣрiя и дружественнаго расположенiя къ Iегергорну и подписанныя «съ постоянной дружбой, всегда готовый», или «съ вѣчной дружбой, всегда готовый къ твоимъ услугамъ». Правда, что подписи часто лгутъ, но когда содержанiе, тонъ и подпись гармонируютъ между собою, то лжи нельзя предположить (Kongl. Krigsvet. Akadem. Tidskr. 1897, № 4, стр. 95, Petrelli).

174. «Истор. Вѣстн.», 1889, ноябрь, стр. 453.

175. Publikationer ur de Alopoeiska pappren. Dagboksanteckningar; стр. 66 и 87.

176. Норденсванъ «1808», стр. 117.

177. Норденсванъ «1808», стр. 117.

178. Hufvudstadsbladet 1908, № 120 Nordmann.

179. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. 88, стр. 690—693.

180. Записки Греча, стр. 268.

181. Военный Сборникъ 1908 г., № 7, 8 и 9. Тамъ же подробное указанiе всѣхъ источниковъ.

IV. Успѣхи и бѣдствiя финновъ.

182. Danielson; Fin. krig. 1808—9, стр. 122.

183. Danielson, Fin. krig. 1808—1809, стр. 97, 140, 150, 329.

184. K. E. Wichmann. Hufvundstadsbladet 1908, № 139.

185. K. E. Wichmann. Тамъ же. 1908, № 173

186. Hufvudstadsbladet. 1908. Статьи К. Е. Викманъ.

187. Гос. Арх. № 10.

188. Гос. Арх. № 135, апрѣля 10 дня, № 96.

189. Мысль о приведеніи къ присягѣ финновъ не на сеймѣ, а по формамъ, которыя приняты были въ Швеціи и Финляндіи при обычной перемѣнѣ правителя, принадлежала Клику. Sven. gen. Stab., стр. 66—67. Danielson Finlands förening med ryska riket sid 63.

190. 9 апрѣля 1808 г. Госуд. Арх.

191. Даніельсонъ. Соединеніе Финляндіи съ Рос. державою. Гельсингфорсъ 1890 г. стр. 58.

192. Magistratens brefkoncept 1808 20/8, 25/8, 13/6. Borgå stads historia af. T. Hartman, III, стр. 485.

193. Sveriges Krig. 1808—1809. Sven. gen. Stab. III, стр. 67.

194. Handl. rörande förvaltningen i Finland 1808, del I, kung 9/12 juni. (Sven. gener. St., стр. 68—69) Bladh., 29.

195. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 338.

196. Castrén. 267.

197. Арх. Канц. Воен. Министер. дѣло 1809, № 102—8.

198. Danielson, Finska Krig. 1808—1809. стр. 153.

199. Д. В. Давыдовъ. «Сынъ Отеч.» 1838 ч. III.

200. Danielson, Fin. krig. 1808—1809, стр. 340.

201. K. E. Wichmann, Hufvudstadsbladet 1908. №№ 218—219.

202. K. E. Wichmann. тамъ же, 1908, № 221.

203. Svenska folkskol. Kalender, 1893, стр. 51; Ossian Grotenfelt.

204. Кивиненъ, стр. 39.

205. Воен. Сборн. 1908, № 6, статья Вл. Апушкина.

206. K. E. Wichmann, Hufvudstadsbladet 1908. № 218.

207. Тамъ же.

208. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. IV 1848 г.

209. Даніельсонъ, Fin. krig стр. 387.

210. Minnen fårn finska kriget 1808—1809—Helena Westermark.

En officerares vid f. d. finska armen lefnadshändelser. Stocknolm, 1819. Эта книга очевидно написана офицеромъ Экомъ.

211. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. IV, 1848, стр. 125.

212. Або. 23 мая. № 458.

213. Danielson, Fin. krig. 1808—1809, стр. 302.

214. Аспъ. Finland 1808 och 1809. Bidrag till femtioåriga minnet af Döbeln och björneborgarne i finska kriget 1808 och 1809 Stockholm 1860, стр. 116.

215. Danielson, Fin. krig. 1808—1809. стр. 328

216. Военный Сборн. 1901, сент.

217. Письмо отъ 25 августа въ шведскомъ военномъ архивѣ. Danielson. Fin. krig. 1808—9, стр. 413, 421—422.

218. Danielson Fin. krig. 1808—9, стр. 423 и 437. Кн. С. Волконскій, какъ личность честная и мужественная, благоговѣетъ передъ памятью о храбромъ, симпатичномъ и достойномъ воинѣ Кульневѣ и высоко ставитъ Раевскаго. Честь нѣкоторыхъ нашихъ удачъ въ Финляндскую войну (напримѣръ въ дѣлахъ при Куортанѣ и Оравайсѣ) «неправильно приписаны графу Ник. Мих. Каменскому, тогда какъ истинными героями ихъ явились Кульневъ и Раевскій».

219. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 439—441.

220. Danielson Fin. krig. 1808—9, стр. 446 и 447.

221. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9, стр. 447—451.

222. Меморіалъ Клеркера отъ 15 декабря. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 461—462, стр. 518.

223. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9 стр. 315, 508.

224. К. Ординъ, I, 408—409.

225. Чт. въ Импер. Общ. Истор. Древн Росс. 1858, кн. I, 133—137.

226. Госуд. арх. 14 дек. 1808 г.

227. Bladh, 68 и 236.

V. Депутація.—Спренгтпортенъ.

228. Въ Государственномъ архивѣ (картонъ № 81, № 1 и 2,—1808) сохраняется проектъ другой депеши графа Румянцева, въ которой значится: «Если память моя меня не обманываетъ, то кажется, что Великое Княжество Финляндское не имѣло никогда собственнаго сейма; что таковой былъ однакоже собранъ при Королѣ Густавѣ Адольфѣ, но что съ того времени Княжество сіе, почитаясь наравнѣ съ другими шведскими провинціями, посылало только, какъ и они, депутатовъ своихъ на

общіи Сеймъ Королевства. Не можетъ быть для насъ пользы, по присоединеніи провинціи сей, вводить въ ней обрядъ, каковой не существовалъ тамъ и который не существуетъ въ другихъ нашихъ провинціяхъ. Въ самой вышеупомянутой декларацін, отъ имени вашего изданной, сказано созвать депутатовъ, но не Чины. Слово сіе заслуживаютъ особое вниманіе въ семъ случаѣ: Чины созываются для составленія Сейма, для представленія на ономъ о нуждахъ земли своей, и входятъ въ разсужденіе относительно общихъ учрежденій; но таковыя преимущества не присвоиваются депутатамъ, которые собпраются по разнымъ предметамъ и собраніе ихъ не имѣетъ ничего опредѣлительнаго. Ежели для выполненія того, что помянутою декларацією было объявлено, таковое собраніе признается нужнымъ, то приличнѣе и полезнѣе кажется произвесть то въ слѣдующемъ видѣ: издать объявленіе, чтобы депутаты отъ всѣхъ уѣздовъ въ назначенный отъ Вашего Сіятельства срокъ собрались въ Абовѣ, дабы отъ лица избравшихъ ихъ принесть присягу на вѣрность подданства новому Монарху и узнать о милостяхъ, даруемыхъ отъ Его Величества симъ своимъ новымъ подданнымъ».

229. К. Ф. Ординъ. Рус. Вѣст. 1881 г., № 1.

230. Le tout conformément aux lois fondamentales du pays, que l'intention de S. M. I. a été, et sera, de conserver dans toute leur pureté, pour autant qu'elles ne se trouvent en opposition avec l'intért de l'Empire.

231. К. Ф. Ординъ. Покор. Финлян., II, 164. У Тигерстедта стр. 180.—Записки Спренгтпортена отъ 13 мая (12 іюня) 1808 графу Румянцеву.

232. Тигерстедтъ, стр. 242.

233. М. Шюбергсонъ. Исторія Финляндіи. Изд. 2, стр. 341—342.

«Завтра 28 ноября начнется риксдагъ въ Петербургѣ. Сегодня 27 ноября дана будетъ аудіенція у Государя». (Алопеусъ, 104). Изъ этой помѣтки видно, что ложное возрѣніе на депутацію было нѣсколько распространено по краю.

234. Castrén, Skildringar ur Finlands nyare historia, вып. I, стр. 29. Переводъ у К. Ордина, т. II.

235. Отношеніе графа Буксгевдена отъ 28 сентября 1808 года.

236. Finsk Tidskrift 1877, мартъ, а также К. Ординъ. Покор. Финлян., II,—213, 214, 215.

237. К. Ординъ. Покор. Финлян. II,—218—219.

238. К. Ординъ. Покор. Финлян. т. II, стр. 275—280.

239. Г. М. Армфельтъ не безъ основанія назвалъ Финляндцевъ—«гнѣздомъ попрошаекъ».

240. R. Castrén, Finl. n. hist., стр. 249—250.

241. Danielson, Finska Kriget 1808—1809, стр. 13—14.

242. Yrjo Maunu Sprenhtporten'ista ja Suomen itsenäisyydestä. H-fors, 1870. H-fors Dagbl. 1871 г., № 147.

243. Тигерстедтъ, о Спренгтпортенѣ стр. 240—250.

VI. Переходъ въ Швецію. Поведеніе русскихъ войскъ.

244. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 88, стр. 601—602.

245. Собр. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 88, стр. 647—668.

246. А. Я. Булгаковъ. Рус. Арх. 1899 г. 17 февраля 1809 годъ, стр. 584.

247. Воен. Сборн. 1900 г., іюль и августъ.

248. Н. К. Шильдеръ, II, стр. 238.

249. Труды Я. К. Грота, т. I. Скандинавскій и финскій міръ. Очерки изъ финл. походовъ 1808—1809 гг.

250. Ѳ. Булгаринъ. Прогулка по Финляндіи въ 1808 году, часть I, стр. 198—199.

251. Труды Я. К. Грота, т. I, очерки изъ Финляндскихъ походовъ 1808—1809 г.г.

252. В. В. Квадри. Императ. Главная Квартира.

253. «Библіотека для Чтенія» 1848 г. ч. V.

254. Михайловскій - Данилевскій, война 1808—1809 г.г., стр. 56—58. Nya Pressen 1895, № 232.

255. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 108—189.

256. К. E. Wichmann, 1808—9, års krig. Hufvudstadsbladet № 111, 1908.

257. Danielson, Fin. krig. 1808—9, стр. 131.

258. У Греча въ его запискахъ находится подтвержденіе сего разсказа.

259. Svenska folkskol. Kalender 1893. стр. 52—53. Ossian Grotenfelt.

260. Воен. Сбор. 1909, май, стр. 24. 34. 35 и 49.

261. Svensk. folkskol vän. Kalender 1893, стр. 55. Ossian Grotenfelt.

262. K. E. Wichmann, Hufvudstadsbladet 1908, № 172.

263. Danielson, Fin. krig. 1808 — 9. стр. 321—322.

264. G. Knorring. Framställning. om det eröfrade. Finlands nuvarande tillständ, Sven. Gener. Stab. 1808, стр. 76—77.

265. Я. Гротъ. Труды, I, стр. 565.

266. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. IV, 1848 г. стр. 197.

267. Handl. rörande förvaltning. i Fin. år 1808. del I. skr. $\frac{31 \text{ mars}}{12 \text{ april}}$. Handl. rör. förvaltn. i Finl. år 1808, del I, skr. $^{17}/_{29}$ mars. Handl. rör. forvalt. i Finl. 1808. del I. skr. $^{4}/_{16}$ april och $^{12}/_{24}$ maj.

268. Госуд. арх. №№ 49 и 157,—1808 года донесеніе Буксгевдена отъ 22 іюня 1808 г. за № 219. Handl. rör förvaltn. i Fin. 1808. del I, skr. $^{9}/_{21}$ april. och $^{4}/_{16}$ maj.

269. Handl. rör. forvallt. i Finl. 1808. del I, skr. $^{4}/_{16}$ april Handl.. rörande förvaltn, i Finl. 1808, del. I. skr. $^{12}/_{24}$ april och 24 juli (5 augusti) Sven. Gener. Stab. 1808. års krig., стр. 72—73.

270. Bladh, 138.

271. Госуд. арх. №№ 48 и 148,—бумаги отъ 23 мая и 9 іюня 1808 г.

272. Послѣднія слова приписаны рукою Императора Александра I. Государ. арх., № 23.

273. Госуд. арх. 1808 г., № 66

274. Госуд. арх. № 188; ноябрь 1808 годъ

275. Госуд. арх. № 168—29 іюля 1808 г., № 366.

276. Сообщеніе Буксгевдена изъ Тавастгуса 27 февраля и 17 марта и 1 ноября 1808 г. Госуд. арх., №№ 114, 188 и 103.

277. Госуд. арх. № 114, — 17 марта 1808 года, № 31.

278. Къ концу 1808 года губернаторскія должности занимали: въ Або—Бьернеборгѣ—Троиль Нюландъ. Тавастгуской—Баронъ Мункъ Гейнол.—Лоде; Изъ Куопіо — Вибеліусъ добровольно послѣдовалъ за шведами; въ Вазѣ—Винберга уволили шведы и отдали подъ судъ за приверженность къ Россіи; въ Улеаборгѣ — Лангъ умеръ.

VII. Сперанскій. Сеймъ въ Борго.

279. В. И. Семевскій. «Былое». 1906. янв., стр. 30.

280. Когда Сперанскаго возвели въ графское достоинство, онъ написалъ на каретѣ своей 7 разъ свой новый гербъ. «Историч. Вѣстн.» Спб. 1908, февр., стр. 449.

281. Н. К. Шильдеръ, II, 215.

282. «Рус. Стар» 1904 г., янв. стр. 89—90.

283. К. Ординъ, II. стр. 293.

284. Рих. Даніельсонъ. Соедин. Финлян. съ Россійскою державою. Борго, 1890 г. стр. 94.

285. Переводъ присяги маршала дворянства барона Де-Геера 1809 г.

Я, нижеподписавшійся, обѣщаю и клянусь предъ Богомъ и на Св. Его Евангеліи, что, бывъ по милости Е. В-ва Россійскаго Императора и Великаго Князя Финляндіи, моего Государя, назначенъ маршаломъ дворянства на финляндскомъ сеймѣ, созванномъ въ городѣ Борго, буду поддерживать и утверждать безпристрастно и безбоязненно всѣ права короны, такъ же какъ привилегіи дворянства и права сословій сообразно ихъ дѣйствующимъ установленіямъ и коренным законамъ, подтвержденнымъ Е. В. Императоромъ; исполню обязанности моего званія по правиламъ и уставамъ и не потерплю ничего, что могло бы нанести ущербъ или причинить невыгоду интересамъ Императора и моего отечества. Обязываюсь честью рыцаря выполнить эти обѣщанія и молю Бога о спасеніи моей души, доколѣ буду соблюдать эту присягу;—и да будетъ мнѣ Богъ въ помощь душевно и тѣлесно.

Переводъ присяги епископа Тенгстрёма (1809 г.).

Я, нижеподписавшійся, абоскій епископъ обѣщаю и клянусь предъ Богомъ и на Св. Его Евангеліи, что, бывъ по милости Е. В. Императора Россійскаго, Великаго Князя Финляндіи, моего Государя, призванъ къ обязанностямъ оратора духовнаго сословія на финляндскомъ сеймѣ, созванномъ въ городѣ Борго, я приложу всѣ усилія къ сохраненію и защитѣ истиннаго и чистаго евангелическо-лютеранскаго ученія, правъ короны и свободы сословій сообразно дѣйствительнымъ установленіямъ и основнымъ законамъ. Я не позволю ничего противнаго и такъ буду направлять сужденія, чтобы

они обращались въ славу Божію и къ пользѣ короны, моего отечества и моего сословія. Я буду также поддерживать привилегіи моего сословія и не потерплю никакого предложенія, противнаго державѣ Императора моего Государя и свободѣ сословій. Въ удостовѣреніе чего полагаю руку на святое Евангеліе, моля Бога, да поможетъ мнѣ душевно и тѣлесно на сколько соблюду эту присягу.

286. А. Я. Булгаковъ 1808 г. Рус. арх. 1899, № 3, стр. 601.

287. Hartman, Borgå st. hist., III, стр. 495

288. К. Ординъ, II, стр. 346.

289. К. Ординъ, II, 348—351.

290. См. Церемоніалъ. Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства 1809 г. № 9.

291. Шюбергсонъ, Исторія Финляндіи, изд. 2, II т., стр. 352—353 и К. Ординъ, т. II, приложеніе № 82

Проф. Н. Д. Сергѣевскій (въ брошюрѣ «Къ вопросу о финляндской автономіи». СПБ. 1802 г., стр. 41 и ф.) доказалъ, что грамота удостовѣреніе представляетъ собою актъ равнозначительный тѣмъ жалованнымъ грамотамъ, универсаламъ, рескриптамъ и указамъ, которые изстари давались русскими государями населенію вновь завоеванныхъ областей; такихъ грамотъ много помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ.

292. Описанный нами порядокъ торжества 17 марта основанъ на изслѣдованіи Х. Бореніуса: Om tillgången vid kejsar Alex. I: s hyllning af Finlands ständer den 29 mars 1809, Tidskrift utg. af Juridiska föreningen i Finland 1894, sid. 1—17; och G. Schauman; Finsk Tidskrif 1899, april. Но существуютъ и указанія противоположнаго порядка. См. напримѣръ указанія князя П. Г. Гагарина «Тринадцать дней или Финляндія», Москва 1809 г. стр 21—22; и «Berättelse om Landtdagen i Borgå af J. Tengström. Stockholm. 1810, стр. 5: тоже см Finlands historia, Yrjö Koskionen H—fors. 1874, стр. 586. Наконецъ, см еще рѣдкій экземпляръ: Handlingar förande Landtdagen i Borgå samt H. M. K. vistande i Abo åı 1809 г. Stockholm, 1809 г. стр. 12.

293. M. Schybergson Fin. Tid. mars, 1891, стр. 180.

294. Schybergson. Fin. Tid., mars 1891 стр. 177—178.

295. Письмо Сперанскаго къ Барклаю де-Толли отъ 27 іюня 1809 года. Оффиціальная переписка, касающаяся сейма, опубликована въ протоколѣ духовенства, изд. Е. Лагербладомъ, стр. 423—524.

296. Проф. Э. Н. Берендтсъ. Лекціи по административному праву В. К. Финляндскаго. Спб. 1903 г., т. II.

297. Schybergson, Fins. Tid. februari 1889, стр. 118—120—121.

298. Арх. ст.-секретаріата 1809 г. №№ 6, 13 и 14.

299. К. Ф. Ординъ т. II, стр. 379 и послѣд.

300. Yrjo Koskinen, Finl. historia, 2 uppl. стр. 598.

301. Schybergson F. Tid. jan, 1894, стр. 20—21.

По словамъ М. А. Фонвизина Александръ не только даровалъ В. К. Финляндскому «отдѣльную администрацію изъ однихъ туземцевъ, но подтвердилъ жителямъ неприкосновенность правъ, которыми они пользовались подъ шведскимъ правительствомъ: сохранилъ имъ сенатъ (?), который судилъ ихъ по шведскимъ законамъ, и родъ народнаго представительства, состоящаго изъ четырехъ подраздѣленій государственныхъ чиновъ, подобно тому, какое существуетъ въ Швеціи Самъ императоръ одинъ разъ предсѣдательствовалъ въ финляндскомъ сеймѣ» (Библіотека Декабристовъ, вып. IV, стр. 54—55).

Упсальскій профессоръ Сведеліусъ видѣлъ въ боргоскомъ сеймѣ то, что раньше, во время шведскаго владычества, называлось провинціальными съѣздами или мѣстными сеймами. Сведеліусъ не признаетъ также сейма въ Борго «конституціоннымъ собраніемъ», хотя этотъ сеймъ, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени имѣлъ въ виду положить основаніе новому «государственному» устройству или новой правительственной организаціи. (Om Finlands landtdagar. Upsala 1872). Того-же мнѣнія держался извѣстный шведскій историкъ Гейеръ.

302. Castrén. Skildringar. 229—230.

303. C. G. Estlander. Arvidson som publicist i Abo.

304. Sv. Dagbladet, 1902, № 213.

305. Finsk. Tidskrift, 1877, мартъ

306. E. Nervander, Kejs. Alex. I resa i Finl., стр. 68.

307. Hufvudstadsbladet, 1900, № 275 и 278.

308. К. Ф. Ординъ, «Покореніе Финл.», т. II, гр., стр. 129 и Михайловскій-Данил.— Война 1808—9 г.г

309. Sschybergs. Fin. Tidskr., februari, 1889, стр. 122—123, и 1891 г., mars; стр. 182.

310. Schybergson. F. Tidskr., mars, 1891, стр. 184.

311. Schybergson, F. Tidskr., febr. 1889, стр. 123, а также—1891, мартъ, стр. 184 Исторія Финл. М. Шюбергсона. т. II, стр. 377, Изд. 2-ое.

312. Sveriges Krig 1808—1809. Sv. Gen. Stal. III. 39.

313. Воен. Сборн. 1901, іюль

VIII. Фридрихсгамскій миръ.

314. Михайловскій Данилевскій. Война 1808—1809 г. 366—367.

315. Депеша Алопеуса отъ 25 апрѣля 1809 г. См. Исторія царств. Импер. Александра I, соч. М. Богдановича, т. II, прилож. Въ письмахъ А. Я. Булгакова отъ 13 февраля 1809 г.; «Рус. Арх.» 1899, февр., стр. 572.

«C'st un pays terrible à rrègner», сказалъ Фридрихъ Вел. о Швеціи.

Густавъ IV Адольфъ явился четырнадцатымъ низверженнымъ шведскимъ королемъ. (Полит., ст. и географич. журналъ 1809, іюнь, 179).

316. Изъ замѣтокъ при эвакуаціи Аланда въ 1809 г. Г. Ол. Лагербрингъ. Университетская библіотека въ Упсалѣ, собраніе манускриптовъ. См. изслѣдованіе Hamnström о мирѣ въ Фридрихсгамѣ. Упсала, стр. 4—5.

317. Erik Hamnström. Freden i Fredrikshamn. Akademisk afhandling. Upsala 1902, стр. 9.

318. К. Ординъ. II, стр. 446—447

319. Hamnström, стр. 47.

320. Exellensen grefve A. F. Skjöldebrands memoarer utgifna af Henrik Schück. Tredje delen. Stockholm. 1904. стр. 167.

321. Шёльдебрандъ, стр. 170

322. Hamnström, стр. 69.

323. Шёльдебрандъ, стр. 177

324. Интересно отмѣтить, что главнокомандующій Барклай де-Толли высказывался противъ настояній о присоединеніи Аландскаго архипелага: «Намъ острова эти ни къ чему не послужать, если не будутъ хорошо заняты». К. Ординъ, т. II.

325. Депеша Стедингка отъ 16 авг. 1809 г. Riksark. Hamnström, стр. 72.

326. G. W. af Tibell, 1809.—Hamnström. стр. 124—127.

327. Шёльдебрандъ, стр. 181

328. «Какое убогое богатство и стоитъ ли гоняться за нимъ съ упорствомъ, могущимъ замедлить заключеніе мира», — восклицалъ Румянцевъ въ своемъ донесеніи Государю отъ 5-го августа, и сильно ошибался. Къ этимъ пренебрегаемымъ тогда залежамъ желѣзныхъ рудъ принадлежали рудники Кирунавара и Луоссавара, которые въ то время не пріобрѣли еще своей заманчивой славы. Въ настоящее время эти рудники и вообще покоренный русскимъ оружіемъ край, отъ котораго такъ великодушно отказалась Россія, составляетъ одно изъ величайшихъ сокровищъ Швеціи. Спеціально для ихъ защиты Швеція строитъ крѣпость Буденъ и проводитъ длинныя стратегическія линіи желѣзныхъ дорогъ.

329. К. Ординъ, II, 460

330. Hamnström, стр. 70, 89, 90, 103 и 112. Депеша Лагербьельке отъ 4-го декабря Шведскій Riksark.—(Hamnström, стр. 84, примѣч.).

331. Сборн. Археологич. Института Спб 1879. кн. II, стр. 45.

332. Записки Д. Б Мертваго. М. 1867.

333. «Русская Старина», 1896, мартъ стр. 579.

334. M. G. Schybergson. Ur Finl. Konst. hist. 1808—9, стр. 8.

335. M. Schybergson, Исторія Финл. 2 изд., II т., стр. 369—370.

336. Изъ бумагъ Алопеуса.

337. Статья проф. Г. Іерне «Шведская война 1808 и 1809 г.г. напечатана въ Стокгольмской газетѣ Svenska Dagbladet» отъ 13 августа 1902 г., № 213.

338. Сборн. Импер. Рус. Истор Общ., г. 88, стр. 564.

339. Лѣтняя прогулка по Финляндіи и Швеціи въ 1838 г. Ѳ Булгаринъ, ч. I, 1839 г., стр. 93

«Но сколько россіянамъ стоило, чтобы оную новую жемчужину получить для русской діадемы, сіе извѣстно изъ придворныхъ вѣдомостей Санктпетербургскихъ». (Политич. статистич. и геогр. журн. 1809, февр., 117).

340. Рус. Стар 1903, авг.

341. Норденсванъ, «1808» стр 184 и 18[illegible]

IX. Правительственный Совѣтъ. Комиссія финляндскихъ дѣлъ.

342. Въ виду того, что въ русской, да и финляндской литературѣ наиболѣе подробно, а главное по архивнымъ первоисточникамъ вопросъ о совѣтѣ (сенатѣ) разработанъ профессоромъ Э. Берендтсомъ (Лекціи по Административному праву Великаго Княжества Финляндскаго. СПБ. 1903, томъ II)—мы пользовались его указаніями при составленіи первой половины настоящей главы.

343. (Проф. Э. Берендстъ).—Лекціи.

344. Кастрéнъ, стр. 356—357.

345. Проф. Э. Берендтсъ, Лекціи, т. II. стр. 70.

346. «Сборникъ историческихъ матеріаловъ», извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. III, стр. 306—309 и стр. 305—306. 1896 г.

347. Lagus, Progr. till sorgf. 27 apr. 1876. стр. 13.

348. Государственный Архивъ.

349. Г. Абовъ (М. Бородкинъ). Г. М. Армфельтъ и его финско-русскія отношенія. СПБ. 1901 г. См. также монографію E. Tegner'а объ Армфельтѣ.

350. Gömdt är icke glömdt. Historiska bidrag samlade af G. F. Ridderstad. IV häftet. Linköping. 1847. Bref från Gustaf Mauritz Armfelt under åren 1807—1811.

351. Въ 1894 г. русскому историку «Инженернаго управленія», генералъ-лейтенанту А. И. Савельеву, пришлось обратить вниманіе на дѣятельность Штейнгеля, въ виду того, что въ инженерномъ архивѣ оказалась значительная переписка, возбужденная имъ по разнымъ финляндскимъ дѣламъ. Переписка показалась настолько своеобразной, что изслѣдователь инженернаго дѣла призналъ полезнымъ привести нѣкоторые ея образчики. «Отечественная война была въ полномъ разгарѣ, — повѣствуетъ А. И. Савельевъ,—всѣ военныя управленія, озабоченныя снабженіемъ нашей арміи боевыми и хозяйственными запасами, были настолько обременены ежедневными потребностями, что на все остальное, особенно мало касающееся военнаго дѣла, смотрѣли очень спокойно, чтобы не сказать равнодушно. Повидимому, этимъ временемъ воспользовался финляндскій правительствующій совѣтъ, чтобы показать нашему правительству свою власть и значеніе. Иначе нельзя понять всякое рѣшительное требованіе, заявляемое могущественному государству покоренной землей, война съ которой окончена была три года тому назадъ».

«Такъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1812 г., представлено было заявленіе выборгскаго ландсгевдинга (т. е. губернатора) Шернваля, что финляндскій правительствующій совѣтъ предписалъ ему, Кексгольмскаго уѣзда, въ Парикальскомъ кирхшпилѣ, въ деревнѣ Тюрья, расположить казенный финляндскій сборный магазинъ. Поэтому онъ (Шернваль) проситъ финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками, ген.-л. Штейнгеля сдѣлать зависящія распоряженія, чтобы для этого отданы были существующія тамъ казармы, не только подъ магазинъ, но и для помѣщенія тамъ смотрителя. Казалось-бы, подобныя казармы настолько были удовлетворительны и удобны, что могли служить и для склада провіанта и для жилья: но въ своемъ донесеніи управляющему военнымъ министерствомъ кн. Горчакову ген. Штейнгель, со словъ Шернваля, прибавляетъ, что эти казармы не только не нужны для этой цѣли, для которой онѣ построены, но остаются пустыми и приходятъ въ ветхость до такой степени, что, въ отстраненіе могущей быть потери, ген. Штейнгель предлагаетъ ихъ «продать съ публичнаго торга, или, отдавъ ихъ подъ магазины, доставить казнѣ бóльшую цѣну, чѣмъ можетъ быть дана за нихъ другими».

«Финляндскій генералъ - губернаторъ Штейнгель (31-го іюля), съ своей стороны, однако-жъ, разрѣшилъ Шернвалю занять тюрьяяскія казармы подъ казенный сборный магазинъ и необходимое число покоевъ для смотрителя, сколько онъ почтетъ для себя нужнымъ. Выборгскій ландсгевдингъ вошелъ съ новымъ представленіемъ уже о другихъ казармахъ ввѣренной ему губерніи, именно: ситольскихъ и мятельскихъ, которыя тоже, по его мнѣнію, приходятъ въ ветхость, какъ онъ выражался, «къ большому убытку казны» (слѣдуетъ замѣтить, что казармы были построены въ 1803 г.). Согласно такому ходатайству, предсѣдатель финляндской комиссіи гр. Армфельтъ заявляетъ управляющему военнымъ министерствомъ кн. Горчакову, что и относительно этихъ казармъ онъ полагаетъ «выгоднѣйшимъ продать ихъ съ публичнаго торга».

Торги скоро состоялись, и тѣ казармы, которыхъ постройка (въ 1803 г.) обошлась казнѣ для каждаго батальона 45.000 руб., оцѣнены были: за мятельскія казармы 995 р. 5 к., а за ситольскія—687 р. 95 к.

«Не подозрѣвая въ сношеніяхъ финляндцевъ съ начальствомъ края, гр. Штейнгелемъ, никакой другой цѣли, какъ только сбереженіе казеннаго интереса, инженерный департаментъ, въ то же время предвидя что, какъ-бы онъ ни затруднялся продать за безцѣнокъ казармы, онѣ при содѣйствіи генералъ-губернатора, рано или поздно, будутъ отданы финляндцамъ, рѣшилъ отдать ихъ даромъ. 21-мая 1813 г. инженерный департаментъ сообщилъ графу Штейнгелю, что ему предоставляется, относительно упомянутыхъ казармъ, сдѣлать какія ему угодно распоряженія.

«Въ настоящее время, при недостаткѣ данныхъ, трудно опредѣлить причины, побуждавшія генералъ-губернатора Финляндіи, гр. Штейнгеля, во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать въ интересахъ финляндцевъ, даже иногда не изслѣдуя самаго дѣла, какъ это было, напр., въ Тавастгусѣ, гдѣ для плацъ-майора (Старка) онъ желалъ отнять право у коменданта кроноборгской крѣпости пользоваться прилегающими «огородомъ, грунтомъ и валами».

По ходатайству Штейнгеля были разоружены укрѣпленія въ «Юнгферзундѣ и Паркалаутѣ» (Юнгфрюзундѣ и Паркалаудѣ), находящіяся между Гельсингфорсомъ и Або. Не довольствуясь этимъ, Штейнгель вошелъ новымъ рапортомъ къ кн. Горчакову, находя, что караулъ, охранявшій валы названныхъ укрѣпленій, стѣсняетъ своимъ присутствіемъ мѣстнаго помѣщика г. Петерсена. Присмотръ за батареями былъ уничтоженъ, люди уведены, но помѣщика обязали не разрывать земляныхъ насыпей, дабы, при случаѣ возобновленія укрѣпленій, можно было бы скорѣе привести ихъ въ исправность.

Разсмотрѣвъ подобныя дѣла, генералъ А. И. Савельевъ справедливо приходитъ къ тому заключенію, что гр. Штейнгеля «занимали не государственные, а частные интересы».

Другимъ ходатаемъ за финляндцевъ явился гр. Армфельтъ. Онъ съ своей стороны также обращался письмами къ управляющему военнымъ министерствомъ и просилъ, напр., за лоцмановъ деревни Твермиппе (въ нюландскихъ шхерахъ), чтобы они избавлены были отъ стѣснявшаго ихъ постоя. «Все это происходитъ отъ того,—писалъ Армфельтъ,—что въ этихъ мѣстахъ находятся укрѣпленія, при которыхъ находятся войска». И вотъ, чтобы не безпокоить лоцмановъ, артиллерія свозилась съ укрѣпленій, строенія и платформы продавались, а люди «съ отталкивающими обычаями и съ требованіями», какъ выразился Армфельтъ въ одномъ частномъ письмѣ, отсылались въ крѣпости.

352. К. Тигерстедтъ, о Спренгтпортенѣ 180—181.

353. К. Ординъ, II, 396—397; Danielson, Vib. l. återför., 52—53. Письма Маннергейма отъ 24 и Тенгстрема отъ 25 апрѣля 1809 г., въ фин. ст. архивѣ.

354. Сборникъ историческихъ матеріаловъ. извл. изъ арх. Собст. Е. И. В. канц. вып. III, 1890 г., стр. 267—269.

355. Danielson, Finska Kriget, 729—730.

356. I. R. Danielson, Viborgs läns återförening med det öfriga Finland. H-fors. 1894. стр. 79—80.

357. М. Шюбергсонъ, Finsk. Tidskrift 1888. іюнь.

358. Отношеніе къ министру финансовъ за № 988.

359. Высочайшее объявленіе объ улучшеніи медицинской части издано 26 ноября, 1811 г.; уставъ о вексельной заемной и денежной конторѣ для Финляндіи—12 дек. 1811 г.; о постойной повинности—31 янв. 1812 г.

360. Эдв. Бергъ. Finlands statsrättsliga utveckling, 50—51.

361. Finsk. Tidskrift, febr., 1897, стр. 8. Баронъ Аминовъ въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, какимъ образомъ онъ проводилъ время, находясь въ Петербургѣ въ депутаціи офицеровъ. Онъ очень часто находился въ обществѣ высокопоставленныхъ чиновниковъ и знатныхъ особъ имперіи. Вездѣ пріемъ былъ самый вѣжливый, иногда даже сердечный. Особенно оберъ-камергеръ Нарышкинъ, который уже съиздавна зналъ Аминова, оказывалъ свое расположеніе къ депутаціи и часто приглашалъ къ себѣ ея болѣе выдающіеся члены. Но не смотря на все это гостепріимство, у чужеземцевъ не находили столько удовольствія, сколько у живущихъ въ Петербургѣ земляковъ. Не много было такихъ семействъ, но изъ нихъ было одно, которое соотвѣтствовало многимъ.

Извѣстно, что Ребиндеръ оказывалъ грандіознѣйшее гостепріимство своимъ землякамъ и что его двери всегда были открыты для финляндцевъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ. (Daniels, 732).

Для характеристики воззрѣній, господствовавшихъ въ финляндской комиссіи,—впослѣдствіи статсъ-секретаріатъ — прибавимъ: К. И. Фишеръ опасался быть назначеннымъ на мѣсто А. Армфельта министромъ статсъ-секретаремъ: «это мѣсто политическое, требующее, или тогда (въ пятидесятыхъ годахъ) требовавшее близкихъ связей съ Швеціей». (Историч. Вѣст. 1908, сент., 814).

362. Кастренъ, стр. 292.

363. Кастренъ, 293.

364. Кастренъ, стр. 293—294.

365. T. Hartman; De tre gustavianerna. Armfelt, Aminoff, Ehrenström. H-fors, 1899.

366. Абовъ. Армфельтъ и его финско-русскія отношенія.

367. М. Шюбергсонъ. F. Tidskrift 1900, mars.

368. Кастренъ, 290—291.

369. Aug. Hjelt. Ett förslag till finska regeringskonseljens omgestaltning, bedömdt af biskop Tengström.

370. Письмо отъ 8 апрѣля 1812 года.

371. № 135. Мая 4-го. Всеподданнѣйшій докладъ комиссіи финляндскихъ дѣлъ. Подписали: Графъ Армфельтъ, И. Аминовъ, Р. Ребиндеръ, Г. Розенкампфъ, К. Валленъ, Л. Гартманъ.

372. Протоколъ Финляндской комиссіи 180, дек. 4, п. 1.

373. «Samling af Placater, Förordningar etc». Första delen, andra upplagan; изд. 1831, стр. 163—168.

374. Архивъ въ Гельсингфорсѣ. Подлинныя дѣла ген.-губерн. 1809 г., книга № 3, Дѣло № 14. Въ Архивѣ Статсъ-Секретаріата имѣются свѣдѣнія, доказывающія, что не только вопросы такъ-сказать внѣшніе (таможенная система) рѣшались при участіи русскихъ министровъ, но и дѣла чисто внутреннія, напр. постройка большихъ шоссе, выработка университетскаго устава и пр. вызывали обсужденіе ихъ русскими властями.

375. Матеріалъ по вопросу о таможенномъ законодательствѣ въ Финляндіи. СПБ. 1905, стр. 3—4.

376. Письмо Государственнаго Секретаря Сперанскаго къ Финляндскому Почтъ-Директору Ладау отъ 16 мая 1810 г., приведенное въ выдержкѣ въ отношеніи Финляндскаго сената отъ 20 января 1890 г. на имя Ф. Г. Г-ра (Дѣло Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ № 52, 1889 года.

377. Матеріалы по вопросу о почтѣ и телеграфѣ въ В. К. Фин. СПБ. 1905, стр. 1—3.

378. Актъ Статсъ Секретаріата Финляндскаго 1811 г., № 20, см. также у проф. Берендтса. Лекціи

379. СПБ. 12 іюня 1812 г. № 583 его п-ву Ф. Ф. Штейнгелю. Въ 1809 г., когда въ Борго поднятъ былъ вопросъ о проектированной финской серебряной монетѣ, и когда вокругъ портрета Государя хотѣли написать: «Александръ первый покровитель Финляндіи», то Бладъ въ сильной рѣчи изложилъ, что эта надпись содержитъ въ себѣ какъ историческую ложь, такъ и низкую лесть. Слово «первый» было вычеркнуто. (Bladh, стр. 348).

X. Отторженіе Выборгской губ.

380. Членами комиссіи были назначены генералъ-маіоръ Копьевъ, значительно содѣйствовавшій своей запиской учрежденію этой комиссіи. Оберъ-Прокуроръ перваго Департамента Правительствующаго Сената Резановъ и статскіе совѣтники Елгинъ и Болгарскій. См. П. С. Зак. 1802 г. т. XXVII № 20274.—Мая 19. Именный, данный Сенату.—Объ учрежденіи комиссіи для разсмотрѣнія финляндскихъ дѣлъ. А также № 20272.

381. П. С. З. № 20. 275.

382. Danielson Vib. l. återför., 36—38.

383. Т. XXVII, 1802 года, № 20. 361.—Августа 5. Именный, данный Выборгскому Гражданскому Губернатору Ореусу. — Объ составленіи продажи и уступки Коронныхъ Геймматовъ.

384. М. Шюбергсонъ. Исторія Финл. т. II, 380, 2-е Изд., на швед. яз.

385. Сборн. историч. матер., извлечен. изъ арх. Собств. Е. И. Велич. Канцеляріи. Изд. Н. Дубровина, вып. III, 1890 г., стр. 280—281.

386. Danielson. Vib. l. återför., 87.

387. Danielson. Vib. l. återför., стр. 90—102.

388. Журн. № 15 по архиву № 35, 1811 года. См. также Дѣло Госуд. Совѣта,

Комитета председателей бывшаго въ 1810 и 1811 годахъ. СПБ. 1908 г., стр. 10—11.

389. Дѣло Госуд. Совѣта, Комитета председателей бывшаго въ 1810 и 1811 годахъ. Спб. 1908 г.

390. Danielson. Vib. l. återför., 107—108.

391. Архивъ князя Воронцова, кн. 20-ая; стр. 178. См. Н. Шильдеръ, Импер. Алекс. I, т. III, стр. 361—262.

392. Danielson, Vib. återför., стр. 108.

393. П. С. З. 1811. № 24907.

394. Исходящая книга Комис. финл. дѣлъ за 1812 г., № 21.

395. Остальныя замѣчанія Сперанскаго о манифестѣ таковы:

2) § 1 и 2. Также короче и сходнѣе съ Финляндскою конституціею было бы обѣ сіи статьи, соединивъ въ одну, изложить слѣдующимъ образомъ: L' ordre de la représentation nationale à la Diète des états du Grand Duché de Finlande est établi dans le Gouvernement de Vibourg conformément aux principes généraux de la constitution de ce pays.

3) § 4. 1. Не всѣ чины управленія опредѣлены конституціею; нѣкоторые изъ нихъ и большая часть введены послѣдующими законами и учрежденіями. 2) Прежніе чины по полученіи сего манифеста должны уже считать себя внѣ службы (cesseront leurs fonctions), а между тѣмъ новые еще не будутъ выбраны. Во избѣжаніе сего смѣшенія или неправаго толкованія удобнѣе бы было 3-ю и 4-ю статью соединить въ одну и изложить слѣдующимъ образомъ:

Le gouverneur, vice - gouverneur et etc. cesseront leurs fonctions aussitôt que les autorités determinées par les lois et les réglements du grand Duché de Finlande seront nommes; непосредственно за сею статьею должно поставить статью 9;

Les autorités competentes nommeront ou présenteront aux nouvelles places et etc.

4) § 6. По силѣ сей статьи должно будетъ содержать два штата чиновниковъ: прежній и новый. Многіе изъ прежнихъ въ новомъ или не захотятъ, или же не могутъ помѣститься; за что-же имъ давать пенсіоны? Не лучше ли назначить срокъ, какъ то при другихъ образованіяхъ у насъ бываетъ. Статьи сіи могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ:

Les fonctionnaires déplacés continueront de jouir de leurs appointements jusqu' au mois de Juillet de 1812. si dans cet intervalle ils ne sont pas autrement placés.

5) § 15. Статья съ тѣми поправленіями, которыя В. В. изволили уже дѣлать, можетъ остаться. Весьма трудно будетъ отыскать и возстановить порядокъ мѣстныхъ оброковъ и повинностей, которые были при первомъ Абовскомъ мирѣ. Тутъ необходимо произойдетъ запутанность, но она будетъ временна, доколѣ Совѣтъ не представитъ о семъ положеніи по § 14, и въ прочемъ избѣгнуть сей временной запутанности нѣтъ никакого способа.

396. Въ оригиналѣ сказано: «et leur réunion sans le centre du Grand Duché, selon les principes de sa Constitution». (Danielson) Vib. l. återför., стр. 129).

397. Письмо Ребиндера къ Маннергейму отъ 22 янв. 1812 г., у Кастрена стр. 288, 290. 304.

398. Fin. Tid. 1879 г., т. VI, 21.

399. Періодич. сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія 1809 года (журналъ) № XXIII, 302—303.

400. Кастренъ, стр. 314; Р. Даніельсонъ, Выборг. губ., стр. 51.

401. См. письма Г. М. Армфельта къ епископу М. Алопеусу въ собраніи бумагъ послѣдняго.

402. Danielson, Vib. l. återför., 146.

403. Необнародованный манифестъ отъ 30 Іюня 1816 г. См. Алфавитный указатель Н. Н. Корево, т. I, стр. 298.

404. Danielson. Vib. l. återförening, стр. 78.

405. В. Семевскій. «Русск. Богат.», 1907 г., № 10, стр. 49.

406. Русскій архивъ. 1892, V; Воспоминанія Ф. Вигеля (2 изд.) III, 66.

407. Historiallinen Arkisto. Toimittanut Historiallinen Osakunta, 1871 г., ч. III, стр. 93—94.

408. Руск. Стар. Письма Вел. Кн. Конст. Павл. къ Опочинину.

409. П. С. З. № 24. 302.

410. R. Lagus, Juridiskt album, III, sid 129 ff. IV sid. 95 ff.

411. Danielson. Vib. l. återför.. 147—148. Жившіе въ Выборгской губерніи магнаты и земледѣльцы желали сохранить рабство, на томъ основаніи, что они частію унаслѣдовали, частію купили свои имѣнія съ принадлежащими имъ рабами. Вопросъ о положеніи крестьянъ обсуждался въ сенатѣ, заключеніе котораго дано было въ пользу магнатовъ, съ чѣмъ и комиссія финлянд-

-кихъ дѣлъ при докладѣ вопроса Государю, согласилась, но, судя по воспоминаніямъ Блада, монархъ собственноручно отмѣтилъ на поляхъ упомянутаго отношенія: «Le Sénat est en erreur, le Comité a tort; point d'esclave en Finlande» (Сенатъ заблуждается, комитетъ неправъ; въ Финляндіи нѣтъ рабовъ); тѣмъ дѣло и кончилось. (Bladh, 285)

412. Протоколъ комиссіи финл. дѣлъ 10 ноября 1815 г., № 181. Протоколъ 1815 г., № 218. Протоколъ 15 марта 1816 года, № 303. (П. С. З. 26. 614. Протоколы 1812 г., № 45; 1814 № 253 1819. № 760.

413. Robert Lagus. Juridiskt Album. h. I. H-fors. 1862.

414. Danielson. Vib. l. återför., 156—157.

415. Протоколъ № 16, Финл. комиссіи 22 февраля 1812 г., п. 11

Письмо Армфельта генералъ-губернатору отъ 29 февраля ст. ст. № 214. (Danielson Vib. l. återför., 127). П. С. З. № 25. 097 1812-го года апрѣля 25. Сенатскій въ слѣдствіе Именнаго. — Объ отчисленіи Сестрорѣцкаго оружейнаго завода къ Выборгской губерніи

Правительствующій Сенатъ слушалъ предложеніе г. Министра Юстиціи, что и г. Министръ Полиціи сообщилъ ему Министру Юстиціи отношеніе къ нему Предсѣдателя Финляндской Комиссіи, г. Генерала Барона Армфельта, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: Сестрорѣцкій оружейный заводъ со всѣмъ къ оному принадлежащимъ причислить къ Выборгской губерніи, назначивъ между оною и Санктпетербургскою губерніею границей ручеекъ выходящій изъ Сестрорѣцкаго разлива, протекающій мимо деревни Лисьяго Носа и впадающій въ Финскій заливъ.

416. Автобіографическая записка Поццо ди-Борго въ Сборникѣ «Имп. Рус. Ист. Общ.». т. III. стр. 163.

417. С. Татищевъ. Изъ прошлаго русской дипломатіи Спб. 1890, стр. 17.

418. С. С. Татищевъ, тамъ же, стр. 18, 20.

Кн. А. Чарторыйскій говорилъ, что въ Россіи всего лучше быть не русскимъ.

Всей Россіи извѣстенъ затѣмъ анекдотъ о Ермоловѣ, желавшемъ, чтобы его произвели въ нѣмца. Въ двадцатыхъ годахъ въ Свеаборгѣ служилъ плацъ-маіоромъ Абрютинъ. Сдѣлано было представленіе о награжденіи старика. Наступилъ праздникъ. Въ наградѣ было отказано. Абрютинъ въ присутствіи большого общества палъ на колѣни передъ образомъ и громко, крестясь, произнесъ: «Господи милосердный и всесильный! Перекрести меня хоть въ какого нибудь Шварценштрёма—авось тогда помилуютъ!» (Воспом. Жерве. Историч. Вѣстн. 1898, іюнь, 736).

419. Fin. Tidskr., maj 1908 г., стр. 353—356. Арепбергъ, Gustaf David Alopeus.

420. Danielson, Vib. l. återför., стр. 80.

421. Fin. Tidskr., maj, 1908, стр. 356.

422. Графъ А. В. Воронцовъ Алопеусу 4-го (12) октября 1802 г. Гр. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову 3—15 іюля 1802 г.

423. «Историч. Вѣстн.» 1908, іюнь, стр. 1057.

XI. 1812 годъ. Союзъ съ Швеціей. Бернадотъ.

424. Н. Шильдеръ, III, стр. 35.

425. Н. Шильдеръ, т. III. стр. 37.

426. Баронъ М. А. Корфъ, узнавъ о кончинѣ Сперанскаго, записалъ въ дневникѣ: «Свѣтило русской администраціи угасло. Сперанскій былъ, конечно, геній въ полномъ смыслѣ слова, геній съ недостатками и пороками... Имя его глубоко врѣзалось въ исторіи. Безсмертный зиждитель Свода Законовъ... Многое въ его жизни осталось неразгаданнымъ, непонятнымъ» (Русск. Стар. 1904 г., февраль стр. 285).

427. Вел. Кн. Николай Михаиловичъ. Дипломатическія снош. Рос. и Франц., т. I, стр. CL.

428. Вел. Кн. Николай Михаиловичъ. Дипломатическія снош. Рос. и Франц., т. I, стр. CXV.

429. Вел. Кн. Николай Михаиловичъ. Дипломатическія снош. Рос. и Франц. стр. CXVI—CXVII

430. А. Н. Поповъ. Отечественная война 1812. Москва 1905. стр. 211.

431. Военно-Ученый Архивъ; отд. I, № 274, стр. 168—169.

432. Schybergson, F. Tidskr, h. VI. decemb. 1899, стр. 468 —См. Oscar Alin, «Внѣшняя политика Швеціи за время съ 1810—1815 г. при Карлѣ Іоганѣ».

433. При составленіи этой главы мы пользовались главнымъ образомъ: 1) Отечественной войной 1812 года А. Н. Попова. М. 1905 г. 2) Сбор. Импер. Рус. Истор.

Общ., т. XXI. Донесеніе Чернышева Императору изъ Стокгольма отъ 7 декабря 1810 года. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. XXI, стр. 31 и др.

434. Письмо Чернышева къ Императору Александру изъ Стокгольма отъ 7 декабря 1810 г.; его же донесенія изъ Парижа отъ 3—15 февраля 1812 г. Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ., т. XXI А. Н. Поповъ.

435. Шильдеръ, Истор. Александра I, т. III, стр. 483. Первое письмо Императора Александра къ наслѣдному принцу шведскому (Бернадоту). Петербургъ 19—31 дек 1810 г.

436. Н. К. Шильдеръ. Ист. Имп. Алекс. I, т. III, стр. 29.

437. Вел. Кн. Николай Михаиловичъ. Дипломатическія снош. Рос. и Франц., т. I, стр. CXLV.

438. Н. Шильдеръ. Ист. Имп. Алекс. I. т. III, 30.

439. Депеша гр. Румянцева отъ 31 дек 1811 г.

440. «Рус. Стар.» 1896, № 9, стр. 608 В. Квадри, II, 219.

441. Statsrådet I. V. Winter. Dagboksanteckningar. E. Nervander, Kejs. Alex. I res. i Finl, стр. 126—127.

442. Квадри, т. II.

443. Hufvudst. 1908. № 32—К. Е Wichmann.

444. Армфельтъ рѣшилъ ѣхать изъ Смоленска въ Петербургъ, но, узнавъ о предполагавшемся свиданіи Императора съ кронпринцемъ, помчался въ Або, куда онъ прибылъ, слѣдовательно, неприглашеннымъ. (Гартманъ, стр. 292). Это свѣдѣніе совпадаетъ въ извѣстной мѣрѣ съ содержаніемъ письма Государя (отъ 28 іюля 1812 г.) генералъ-адъютанту Армфельту. Государь сообщалъ, что ему надо совершить маленькое путешествіе «внутри моего государства» и потому онъ вынужденъ былъ сократить свиту, и такимъ образомъ при арміи вмѣстѣ съ другими остался также и Г. М. Армфельтъ. «Рус. Стар.» 1896, № 9, стр. 608.— См. Квадри, т. II, стр. 219.

445. «Исторія царствованія Александра I», т. III. гл. XXXIV. стр. 275 Фрасеръ. «Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи», стр. 27.—См. французское изданіе братьевъ Фирменъ Дидо: «L'Univers». («Suède et Norvège» par M. Ph. Le Bas, Paris, 1841). Сравн. 275 стр. Богдановича съ 345 страницею монографіи Леба, который въ свою очередь много заимствовалъ изъ «Extrait de l'histoire de France» Моигальяра.

446. «Славянская Заря» въ 1812 г. Изъ бумагъ Алек. Никол. Попова, ум. 1877 г.

447. Вел. Кн Николай Михаиловичъ. Дипломатическія снош. Рос. и Фран. т. I стр. CXLVI.

448. «Рус. Стар.» 1877, дек. стр. 699

XII. Финскія войска. Армфельтъ

449. П. С. Зак. № 23924.

450. П. С Зак. № 23905

451. П. С Зак. № 24374

452. Отеч война 1812. Матеріалы Воен.-учен. арх. Главн. Шт., кн. I, ч. I; стр. 3, 16 и 70.

453. Архивъ канцеляріи военнаго министерства. Дѣло № 45/32.

454. П. С. Зак. № 23849.

455. П. С. Зак. № 23927.

456. Арх. Канц. Воен. Мин. Дѣло 1812 г № 106/13.

457. Архивъ канцеляріи военнаго министерства. Дѣло № 111/224. 1813 г

458. Архивъ канцеляріи военнаго министерства. Дѣло № 248—33

459. Hartman, стр. 194.

460. Danielson

461. H-fors Dagbl., 1879 г., № 70.

462. H-fors Dagbl. 1879, № 106.

463. Сборн. историч. матер., извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Имп Вел. Канцеляріи. Выпускъ III, редакція Н. Дубровина. Спб. 1890, стр. 285—286.

464. Hartman, стр. 265—279.

465. Финляндскій историкъ Кастренъ предполагаетъ, что зачинщикомъ въ подпискѣ былъ Ребиндеръ (см. Castrén «Skildringar ur Finlands nyare historia; стр. 296). Въ другомъ-же мѣстѣ—(на стр. 295) онъ указываетъ на Выборгскую губернію. Финляндскій писатель Е Нервандеръ предполагаетъ, что вопросъ подняли Выборгскій ландсгевдингъ К. Шерналь и, быть можетъ, его коллега въ Кюменгородской губ. губернаторъ Ф. А. Іегергорнъ. Въ докладѣ 17 мая 1812 г., поданномъ въ Порѣчьѣ, Армфельтъ высказалъ убѣжденіе, что если бы Петербургу угрожало непріятельское нападеніе, то слѣдовало-бы поднять вооруженный народъ и въ Финляндіи, при чемъ онъ упоминалъ о своей опытности въ подобномъ дѣлѣ въ Швеціи за 1788 г.

466. Письмо Ребиндера отъ 24 іюля 1812 г., а также книгу Кастрена, стр. 296.

467. E. Nervander Kejs. Alex. I, res. i Finland, стр. 112—113.

468. H-fors Dagbl., 1879, № 89.

469. H-fors Dagbl. 1879, № 103.

470. Русск. Старина, 1893, т. 79, стр. 250—251.

471. Г. А. Грипенбергъ. Anteckningar rörande den är 1812 uppsatta finska militärens historia. H-fors, 1894 стр. 153.

472. H-fors Dagbl. 1879, № 89.

473. Грипенбергъ, стр. 37.

474. Castrén: Finsk. Tidskr., т. VI, 1879, стр. 10. H-fors Dagbl., 1879, № 74.

475. Грипенбергъ, 167.

476. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеч. изъ архива собств. Е. И. В. канцеляріи, вып. III, стр. 27. Изд. подъ редакціей Н. Дубровина.

477. H-fors Dagbl. 1879, №№ 103 и 106.

478. Грипенбергъ, 85—86, 123.

479. Грипенбергъ, 252.

480. Грипенбергъ, 121.

481. М. Бородкинъ. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Спб. 1905 г., стр. 13 5 марта

Копія съ рескрипта Императора Александра I на имя командующаго финскими войсками Генералъ-Маіора Эрнрота, отъ 5 марта 1822 г.

J'ai reçu, Général, le rapport par lequel Vous m'exprimez le voeu des troupes finlandaises. J'ai accueilli leur demande avec une véritable satisfaction. Pleines d'une noble ardeur pour la défense *de la patrie commune* et dignes par conséquent de s'associer aux armes Russes, elles recevront la faculté de combattre partout, où se présentera l'occasion d'acquérir de la gloire. L'article 2 du Règlement du 6 Septembre 1812 va être changé; annoncez le aux troupes—qui sont sous Vos ordres, témoignez leur, combien je suis sensible à la preuve du dévouement qu'elles me donnent, et croyez, Général, que je sais reconnaître tout ce que je vous dois pour l'esprit qui règne dans le corps, à la tête duquel je Vous ai placé. Signé Alexandre. Съ подлиннымъ вѣрно. Генералъ-Адъютантъ Князь Меншиковъ.

482. Эти мысли повторилъ въ своей рѣчи Л. Мехелинъ на сеймѣ 1877—1878 г.

483. Helsingfors Dagblad 1879, № 117

Въ 1819 г. Александръ I посѣтилъ Парола (около Тавастгуса). Чтобъ дать возможность монарху сдѣлать смотръ всѣхъ финскихъ войскъ на одномъ мѣстѣ, они собраны были въ первый разъ при Парола-Луолайсъ, это для финскаго воина столь памятное мѣсто, на которомъ когда то дѣлали смотръ финскимъ войскамъ Густавъ III и Густавъ IV Адольфъ. (Gripenberg, Fin. Gard., I, стр. 12—13.

484. См. Фридрихсгамскій Кадетскій корпусъ. Фридрихсгамъ 1892 г.

Въ бостелѣ, принадлежавшемъ Спренгтпортену, Брахелинна въ кирхшпилѣ Кристина, учреждена была военная школа. Это учебное заведеніе, перенесенное въ 1779 г. въ Куопіо и въ 1780 г. въ Хаапаніеми—королевскую усадьбу въ Кирхшпилѣ Рантасальми (одно время единственное въ этомъ родѣ въ странѣ), стало разсадникомъ офицеровъ. E. S. Tigerstedt, Savol. brigmän, стр. 1—2.

485. С. С. Татищевъ, 29—31.

486. См. Монографію E. Tegner'а объ Г. М. Армфельтѣ.

487. Schybergson, Fin. Tidskr., 1897, февр., стр. 90.

488. Hels. Dagblad, 1879, № 89.

489. Воспоминанія Жерве въ «Истор. Вѣстн.» 1898 г., май, стр. 423—424.

490. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, т. IV, стр. 146 прим. В. А. Бильбасова.

491. Воспоминанія сенатора К. Фишера. Истор. Вѣстн. 1909.

492. Г. А. Абовъ. Армфельтъ и его русско-финскія отношенія.—Письмо отъ 14 января 1812 г.

493. Mémoires du prince Adam Czartoryski et sa correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Первое изданіе въ 1871 г., а второе—въ 1887 г. Рус. Арх. 1871 г. и Рус. Обозр. 1896 г. Н. П. Корниловъ

494. A. Stroganof, 23 maj 1807 i Grand duc Nicolas.—Сорель, стр. 33.

495. Lagus, Progr. till sorgef. 27 apr. 1876, стр. 14

496. Г. А. Абовъ.

497. Schybergs., Finsk-Tid., h. II, febr. 1897, стр. 85

498. 4-го февраля 1816 г. (за № 12): Къ Министру Юстиціи Дмитр. Прокоф. Трощинскому съ указомъ Правит. Сенату отъ 31 Генваря 1816 года о пожалованіи Предсѣдателя Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ Барона Троиля въ Тайные Совѣтники.

«Онъ (Троиль) не могъ», говоритъ Маннергеймъ въ своихъ запискахъ, «ни коимъ

образомъ замѣнить своего предшественника, и различіе между ними было до того явное, что не могли не быть тотчасъ же замѣченными какъ монархомъ, такъ и земляками. Человѣкъ благороднаго характера и умѣніемъ держать себя въ обществѣ, Трошль не имѣлъ ни малѣйшаго понятія или «teinture» о производствѣ общественныхъ дѣлъ, а также о законахъ и постановленіяхъ родины». Дѣйствительнымъ руководителемъ дѣлъ былъ Ребиндеръ и это главнымъ образомъ съ начала 1818 года, когда Трошль получилъ отпускъ до окончательнаго оставленія имъ должности въ 1821 г. (+1825 г.).

499. Schybergson, Fin. Tidskrift. 1897, февр., стр. 90

XIII. Конституція 1819 г. Польша. Оппозиція.

500. Castrén. Skildr. ur Finl. n. hist., стр. 240—241.

501. Кастренъ, 279, 280—281.

502. Schybergson, Finl konstit. hist. 1809—1863, стр. 16.

503. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля «Рус. Арх.», 1892 г., № 5.

504. I. Danielson. Finska Kriget (1808—1809), H-fors, 1897, стр. 760.

505. Дубровинъ, III, 271.

506. Г. А. Абовъ.

507. Кастренъ, 357—358.

508. Кастренъ, 358—361.

509. Кастренъ, 363.

510. Кастренъ, 362—363. Письмо Маннергейма отъ 19 марта 1812 г.

511. Статья Фростеруса.

512. Письмо К. Ф.—Morian'a 9—21 іюля 1819 г. Кастренъ, 372—373

513. Кастренъ, 378—380.

514. Письмо Моріана.

515. Статья Фростеруса въ Förhandlingar och uppsatser—utgifna af Svenska Liter. i Finl. XXXVI, за 1897, № 11

516. Частный архивъ.

517. Государь Императоръ Александръ I на Валаамѣ, въ августѣ 1819 года. Напечатано въ Царскомъ Селѣ

518. Путешествіе Государя Императора Александра I изъ станціи Писсиле въ г. Каяну лѣтомъ 1819 г. Севастьянъ Грипенбергъ.

519. E. Nervander, Kejs. Alex. I. Finl.

520. E. Nervander стр. 252—253.

521. E. Nervander. Kejs. Alex. I res. i Finl., стр. 265—266.

522. G. Frosterus: En vändpunkt uti kejsar Alexander I s regering. Sv. Lit. s. i Finlaud Förh. o. upps. 11, sid. 90 ff. Шюбергсонъ, т. II, стр. 398—399.

523. Рус. арх. 1865 г., стр 839—841.

524. Тамъ же. 20 Сентября 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: «Вѣкъ конституцій напоминаетъ Тамерлановъ; вездѣ солдаты въ ружьѣ». (Стар. и Новизна, кн. 1, 1897 г., стр. 190 и 194.

525. Очеркъ законодательства Царства Польскаго. Ник. Рейнке. СПБ. 1902 г. стр. 22—23.

526. Полное собр. сочин. князя Вяземскаго СПБ. 1878 г. т. I, XXXV, Автобіогр. введеніе.

527. В. Семевскій. «Рус. Богат.» 1907 г., № 11, стр. 66 и 71.

528. Князь П. А. Вяземскій, въ своей Исповѣди, писалъ: «Государь пріѣхалъ въ Варшаву; открылъ второй сеймъ. Онъ уже не былъ праздниствомъ для Польши, ни торжествомъ для государя». (Стар. и Нов., кн. 1, 1897 г., стр. 55, 103 и 191.

529. В. Семевскій. «Рус. Богат., 1907 г., № 11, стр. 67.

530. В. Семевскій. «Рус. Богат. 1907 г., № 11, стр. 71—72.

531. «Голосъ» 1866 г. Письма о недавнемъ быломъ. М. П. Розенгейма.

532. В. В. Квадри. Генер. Импер. Главная Квартира, т. II.

533. Рус. Стар. 1904 года, января стр. 6 Дубровинъ.

534. Н. И. Гречъ. Рус. Стар. 1904, январь. Н. Дубровинъ.

535. Любимовъ.—книга о Катковѣ. СПБ. 1889. стр. 176.

536. Рус. Стар. 1904 янв., стр. 14. Н. Дубровинъ

537. «Голосъ» 1866 года Письма о недавнемъ быломъ. М. П. Розенгеймъ.

538. Новыя записки декабриста.—Довнаръ-Запольскій. Прибавимъ мимоходомъ, что въ Вильнѣ Императора окружили поляки—Чарторыйскій, Костюшко, Огинскій и другіе, напомнили ему прежнія его обѣщанія и исторгли у него честное слово, что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы возстановить Польшу и дать ей конституцію. (Гречъ, стр. 282).

539. На одномъ изъ смотровъ (на которомъ по обыкновенію захваливалось польское войско),—говорилъ Паскевичъ,—подхожу я къ графу Милорадовичу и къ гр. Остерману и спрашиваю ихъ: «Что изъ этого будетъ?» Гр. Остерманъ отвѣтилъ: «А вотъ что будетъ: что ты черезъ 10 лѣтъ съ своею дивизіею будешь ихъ штурмомъ брать». Онъ ошибся только на три года Н. Шильдеръ, IV, стр. 95).

540. Проф. Покровскій, стр. 65

541. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895)., стр. 122.

542. Н. Шильдеръ, т. III, стр. 32—34.

543. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе. Потомство увидитъ, что лучше или что было бы лучше для Россіи. Для меня, старика, пріятнѣе итти въ комедію, нежели въ залу національнаго собранія или въ камеру депутатовъ, хотя я въ душѣ республиканецъ и такимъ умру. (Письмо Карамзина кн. Вяземскому.—Старина и Новизна, кн. 1., 1897 г., 60)

544. В. Семевскій. Рус. Богат. 1907 г., № 10, стр. 50.

544. Рус. Стар. 1904 г.. февр. стр. 248.

546. В. Семевскій. «Рус. Богат.». 1907 г., № 11, стр. 64.

547. Проф. Берендтсъ, Лекціи, II, 22

548. Н. Шильдеръ, Императоръ Александръ I; т. II, стр. 104. А также Довнаръ Запольскій.

549. Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ, стр. 258. Изд. 2. Русск. біогр словарь, I, стр. 174. Шильдеръ, Импер. Алекс. I, т. IV, стр. 42. «Рус. Стар.», 1899, іюль, стр. 107.

550. Finsk Tidskrift, 1884, januari, т. XVI.

551. Н. Шильдеръ, IV, 499—526. А. Пыпинъ. Обществен. движ. при Александрѣ I Стр. 360.

552. Ф. Вигель, Воспоминанія, II, стр. 14.

553. В. Семевскій. «Рус. Богат.». 1907 г. № 11, стр. 72—73.

554. В. Семевскій. «Рус. Богат.» 1907 г. № 11, стр. 76

555. Бар. М. А. Корфъ. «Рус. Стар.», 1903 г., янв.

556. «Aus Metternich's nachgelassenen Papieren», Vien 1880, т. I См. также «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., № 1, стр. 171. («Рус. Стар.» 1904 г., янв.).

557. Стар. и Нов., кн. 1, 1897 г., стр. 194.

558. В. Семевскій. «Рус. Богат.», 1907 г., № 10, стр. 61.

559. Баронъ М. А. Корфъ. «Рус. Стар.» 1903. янв.

560. Баронъ Корфъ. «Рус.Стар.» 1903, янв.

561. Воспоминанія кн. Ад. Чарторыйскаго (на франц. яз.). Т. I, стр. 344. «Историч. Вѣсти.» 1897. іюль.

562. «Рус. стар.» 1871, іюль, стр. 81—90.

XIV. Университетъ. Гельсингфорсъ. Закревскій.

563. Августъ Рамзай, Сборникъ Финляндія въ XIX ст.. стр. 192—193.

564. «Истор. Вѣст.», май, 1898 г., стр. 421.

565. Истор. Вѣст., май, 1898, стр. 422.

566. Авг. Рамзай. Финл. въ XIX ст. стр. 192. Шюбергсонъ, т. II, стр. 387, изд. 2-ое.

567. Госуд. архивъ.

568. Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета. Я. Гротъ, стр. 40.

569. Т. Рейнъ, Сборникъ Финляндія въ XIX ст., стр. 183.

570. Сбор. Истор. матер., извлечено изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изданіе Н. Дубровина, вып. III, 1890 г., стр. 277.

571. Carpelan, Fin. biogr. handb., 2 b. стр. 2183—2184.

572. Гротъ. Альманахъ, 42.

573. На одной сторонѣ медали изображеніе Александра, а съ другой Музы, играющей на арфѣ надъ опрокинутой урной, изъ которой льется вода. Поодаль видна скала и новое зданіе Университета, а въ серединѣ восходящее солнце. Наверху надпись: Vetat mori (запрещаетъ умереть), а внизу: Academia Fennorum ad Auram novis incrementis aucta a MDCCC. XI т. е. (Академія Финновъ на Аурѣ, обогащенная новыми приращеніями въ 1811 году. Гротъ. Альманахъ, 42.

574. Шюбергсонъ Finsk Tid. jan. 1896.

575. № 24. 521—Февраля 11 1811 годъ. Именный, данный Министру Народнаго Просвѣщенія.—О дозволеніи обывателямъ Финляндской губерніи отсылать воспитанниковъ для обученія наукамъ въ Або.

576. Письмо къ Дм. Ал. Гурьеву отъ 21 марта 1812 года, за № 276 къ графу А. Кир. Разумовскому за № 283. Графу Александру Кирилловичу Разумовскому, мартъ 1812 г. Госуд. арх.

577. Lagus, Progr. till soref. 27 apr. 1876, стр. 14.

578. Главная квартира Вильно, $\frac{27 \text{ Мая}}{8 \text{ іюня}}$ 1812 г.

Lagus., Progr. till sorgef. den 27 apr. 1876, стр. 16.

579. Lagus. Progr. till sorgef. den 27 apr. 1876, стр. 17.

580. Государ. Архивъ. Корреспонденція Армфельта.

581. Schybergson. Finsk Tid., h. V, November, 1899, стр. 347

582. Шюбергсонъ. Finsk Tid. янв. 1896 г. стр. 12.

583. Schybergson. Finsk Tid., Novemb. 1899 стр. 352.

584. Schybergson. Finsk Tid., Novemb. 1899, стр. 352—353. М. Бородкинъ, Исторія Финляндіи. Время Императора Александра I, (См. о Норденстамѣ).

585. Schybergson, Finsk Tidskr., янв. 1896.

586. Гротъ, Альманахъ, 46.

587. Берендтсъ, Импер. Александровскій университетъ. СПБ. 1902, стр. 24—26.

588. Отнош. Фин. комис. 1817 года. № 583.

589. Кастренъ, 305—306.

590. E. Nervander. Kejs. Al. I resa i Finl.—256.

591. Арх. Канц. Воен. Министерства Секрет. Дѣло № 97,—1821.

592. Берендтсъ, Университетъ, стр. 26—27. Шюбергсонъ, Finsk. Tid., февраль 1897 г. стр. 88.

593. Hufvudstadsbladet 1808. №95. P. Nordmann.

594. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1836, сент. Статья помощника библіотекаря Александровскаго универ. I. Е. Эмана, Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1820 г., № XI. Статья А. Д. Гиппинга. перев. В. Брайкевича.

595. Danielson Fin. Krig. 1808—9, стр. 48—49.

596. Прогулка по Финляндіи. Θ. Булгаринъ, ч. I, стр. 95

597. Протоколъ № 38, апрѣль 1812, п. 7 и 2.

598. Истор. Вѣст. апрѣль 1908 г., Записки сенатора Фишера, стр. 75.

599. О происхожденіи названій улицъ Гельсингфорса г. Рейнъ разсказываетъ слѣдующее: Когда Александръ I во время своей поѣздки по Финляндіи 1819 года посѣтилъ Гельсингфорсъ, Эренстремъ просилъ, чтобъ ведущую къ длинному мосту улицу, которая въ то время открывалась для движенія, можно было наименовать Александровской. Но Александръ отвѣтилъ, что эта главная улица будетъ именоваться Уніонской въ память соединенія Финляндіи и Россіи. Остальныя наименованія предоставлено было устанавливать Эренстрему вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ графомъ Штейнгелемъ. Вторая артерія города получила названіе Александровской, но въ дальнѣйшемъ Эренстремъ воспользовался случаемъ, чтобы обезсмертить имена своихъ друзей. Маурицкая улица получила свое имя отъ Густава Маурица Армфельта, Лудвигская—отъ Карла Лудвига Энгеля, Робертская и Генрихская улицы—послѣ Роберта Генриха Ребиндера, Фридрихская—послѣ ландсгевдинга Фридриха Шерпваля, а можетъ быть послѣ Іогана Фридриха Аминова. Фабіанская улица напоминаетъ о Фабіанѣ Штейнгелѣ, а Эрикская улица, быть можетъ, получила свое имя отъ Карла Эрика Маннергейма. Свое собственное имя Эренстремъ скромно отдалъ незамѣтной Альбертской улицѣ, которая въ то время находилась на самомъ краю города. (Finsk Tid., mars, 1900, стр. 186).

600. Finsk Tid., томъ VI, 1879 г., стр. 5 и 6.

601. Finsk Tid., томъ VI. 1879

602. Г. А. Абовъ.—Объ Армфельтѣ

603. Соч. Заблоцкаго - Десятовскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». СПБ. 1881, т. I, стр. 191—192; см. также Сборн. ИМП. Рус. Историч. Общ. 1891 г., т. 78, стр. 283 и др.

604. Сборн. ИМП. Рус. Историч. Общ. 1891, т. 78, стр. 510.

605. Θ. Булгаринъ. «Библ. для чтенія» 1848, часть пятая, а также Записки Ланжерона. «Русск. Старина» 1908 г.

606. «Den valdsamme soldaten Zakrewsky»—См. Vår styrelse och våra landtdagar; т. II, стр. 404.

«Я нѣсколько разъ видѣлъ новаго начальника,—писалъ въ своихъ письмахъ къ другу Ларсъ Габріэль Гартманъ. Я очень доволенъ его поведеніемъ и его воззрѣніями. Изъ его словъ видно, что въ Государѣ мы имѣемъ хорошаго ходатая. Его расположеніе къ краю прежнее (H. Arkisto. XVII, 1901, стр. 161 и др.).

607. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1891, т. 9. стр. 73, 78, 288.

608. Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ., г. 73, стр. 81, 428—429.

609. Барсуковъ о Погодинѣ, т. XIII, стр. 350 (и «Моск. Вѣд.» 1855, № 8, прилож.).

610. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1890, т., 73, стр. VIII.

611. Кастре́нъ, стр. 307.

612. Всепод. докладъ Ар. А. Закревскаго.

XV. Русско-финскія отношенія.

613. Приложеніе къ «Рус. Арх.» за 1867 г. См. также полное собр. соч. Батюшкова.

614. Воспоминанія Ѳ. Булгарина, IV, стр. 95, 196, 207.

615. Danielson, Fin. Krig. 1808—1809. стр. 672—673; а также Жерве. «Истор. Вѣстн.» 1898, май, стр. 426.

616. Дневникъ прапорщ. Брейтгольца въ Воен. Сборн.» 1906, №№ 2 и 3.

617. Арх. Канцеляріи Военнаго Министерства. Секретное Дѣло № 15, 1817 года.

618. Рус. Стар. 1904, янв., стр. 196.

619. Арх. Канцеляріи Военнаго Министерства. Секретное Дѣло 1821, № 89.

620. E. Nervander, Kajs. Alex. I res. i Finl., стр. 118—119, 129—130.

621. «Историч. Вѣстн.», май, 1898, стр. 423.

622. Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. 1820, № XI. Статья А. Д. Гиппинга, перев. В. Брайкевича.

623. E. Nervander, Kejs. Alex. I resa i Finl., стр. 167, 256—257.

624. Шюбергсонъ. Истор. Финл., 2-е изд., т. II, 391—393, а также у проф. Э. Берендтса, стр. 28 (Университетъ).

625. Дѣла канц. воен. мин. №№ 53—70, 62—127. «Воен. Сборн.» 1906 г., №№ 2 и 3.

626. Отеч. война 1812 г. Матеріалы. Т. II, стр. 101 и 133

627. Отеч. война. Т. I, ч. 2, стр. 86 и 96.

628. Ген.-л. Штейнгелю, 24 августа 1810 г., № 294; Отеч. в. 1812 г., т. I, ч. I стр. 84—85. Изд. Гл. Шт.

629. Отеч. война, т. I, ч. II, стр. 178—179; у Дубровина т. III, стр. 292.

630. «Библіотека для Чтенія» 1848 г., ч. V. Ѳ. Булгаринъ.

631. «Рус. Стар.» 1903, авг.

632. «Рус. Стар.» 1904, май.

633. «Рус. Арх.» 1903, авг. С. Виридель.

634. Agatha Eleonora Falcks lefnadsminnen. Стр. 36—38.

635. Изъ бумагъ епископа М. Алопеуса, изд. Неовіуса.

636. Finsk Tidskrift 1896, jan. стр. 7.—М. Шюбергсонъ.

637. Русскій языкъ въ Финляндіи. Историч. очеркъ М. Бородкина, СПБ. 1899, стр. 1—6.

638. Отношеніе къ гр. Штейнгелю 31 мая 1813 г., № 182 и 184.

639. Отн. къ гр. Штейнгелю 28 авг. 1815 г., за № 193.

640. Православная церковь въ Финляндіи СПБ. 1893 г.

641. T. Hartman, Borgå st. hist., III, стр. 490.

642. Арх. Статсъ-Секретаріата Финляндскаго 1809 г. № 42.

643. П. С. Зак. 1809 г. № 23936.—Октября 26. Высочайше утвержденный гербъ Великаго Княжества Финляндскаго.

644. Протоколъ Комиссіи финл. дѣлъ № 263, 26 февр. и 19 апр. 1816 г.

645. Отн. финл. комис. къ ген.-губерн. 2 февр. 1812 г., № 150.

646. Воспоминанія Жерве. «Историч. Вѣстн.» 1898 г., іюнь.

647. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1891. т. 1891. т. 78, стр. 288—289.

648. Памятныя замѣтки В. Д. Давыдова. «Русская Старина». 1871 г. т. I.

649. «Истор. Вѣстн.» 1907, іюль; изслѣдованіе Вел. Кн. Николая Михайловича

650. Старина и Новизна, кн. I, 1897, стр. 168.

651. Соч. В. А. Жуковскаго, т. V, 505.

652. «Истор. Вѣстн.», 1898, іюня. стр. 750. Finl. Allmän. Tidn. 1840, № 197.

653. Castrén, Finl. n. hist. стр. 244—245. 274, 285.

654. C. G. Estlander. Arvidson som publicisti Åbo.

Походъ 1808 г.

Февраля 9-го. Переходъ русскихъ войскъ графа Буксгевдена черезъ границу Финляндіи.

12-го. Обложеніе Свартгольма отрядомъ генерала Муханова.

18-го. Вступленіе графа Буксгевдена въ Гельсингфорсъ. - Занятіе отрядомъ Булатова Христины.

24-го. Занятіе русскимъ авангардомъ Тавастгуса.

3-го. Дѣло при Куопіо.

4-го. Занятіе русскими войсками города Куопіо.

5-го. Авангардное дѣло при селеніи Ульфсбю.—Сдача на капитуляцію Свартгольма.

Марта 9-го. Занятіе Гангуда.

10-го. Занятіе Або.

Апрѣля 4-го. Дѣло близъ Пюхаіоки.

6-го Неудачное дѣло Кульнева при Сикаіоки.

15-го. Сраженіе при Револаксѣ.

16-го. Пораженіе полковника Обухова при Пулкило.

26-го. Капитуляція Свеаборга.

28-го. Взятіе шведами Аланда.

30-го. Нападеніе шведскихъ войскъ Сандельса на Куопіо.

Мая 3-го. Взятіе шведами Готланда.

Іюня 7-го. Занятіе Куопіо Барклаемъ де-Толли.—Высадка шведовъ подъ начальствомъ генерала Вегезака, при селеніи Лемо.

10-го. Отбитое нападеніе шведскаго генерала Сандельса на Куопіо.

11-го. Бой русскаго катера «Опытъ» подъ начальствомъ кап.-лейтенанта Невельскаго, съ англійскимъ фрегатомъ, у острова Наргена.

13-го. Дѣло при Вазѣ между русскимъ отрядомъ Демидова и шведскимъ десантомъ Бергенштроля и взятіе русскими этого города.

15-го. Вторичное нападеніе Сандельса на Куопіо.

18-го. Нападеніе въ третій разъ Сандельса на Куопіо.—Морское сраженіе при Ганге.

21-го. Дѣло при Линтулаксѣ; нападеніе русскаго отряда Властова на шведскій партизанскій отрядъ полковника Фіандта; шведы опрокинуты въ Перхо.

26-го. Дѣло Раевскаго при Лаппо.

28-го. Дѣло при Перхо.

Іюля 2-го. Дѣло при Лаппо между войсками генерала Раевскаго и главными силами Клингспора: русскіе отошли въ порядкѣ къ Сальми.

3-го. Дѣло графа Орлова-Денисова съ шведскою партіею при Христиннестадѣ и взятіе русскими этого города.

20-го Морское сраженіе при Сандо.

Августа 5-го. Дѣло при Алаво. Русскіе отступили.

Въ ночь на 7-е. Морское дѣло у Юнгферъ-Зунда.

9-го. Дѣло при Карстулѣ между отрядомъ ген.-маіора Властова и шведскимъ отрядомъ Фіандта.

20-го. Сраженіе при Киркѣ Куортане (Вазаской губерніи). Шведы, отразивъ упорныя атаки русскихъ, устояли на позиціи, но ночью отступили на укрѣпленную позицію при Сальми.

21-го. Дѣло Кульнева при Сальми: шведы были вытѣснены съ ихъ укрѣпленной позиціи.

Сентября 2-го. Кровопролитное сраженіе при Оравайсѣ, Шведы понесли пораженіе.

17-го. Заключеніе графомъ Буксгевденомъ перемирія со шведами на неопредѣленное время.

Октября 15-го. Возобновленіе военныхъ дѣйствій: дѣло при Иденсальми, Русскіе опрокинуты.

30-го. Отраженіе ночнаго нападенія Сандельса (партизаны Мальмъ и Дункеръ) на авангардъ Тучкова близъ Иденсальми.

Ноября 7-го. Заключеніе перемирія въ Олькіоки. (Олькіокская конвенція).

Походъ 1809 г.

Мартъ (въ началѣ). Экспедиція князя Багратіона на Аландскіе острова и покореніе ихъ.

8-го—9-го. Переходъ по льду русскаго отряда Барклая-де-Толли (3500 чел. и восемь орудій) изъ Вазы въ Умео чрезъ Кваркенъ.

13-го. Сдача на капитуляцію, графу Шувалову шведскаго корпуса Грипенберга (7075 шведовъ и финновъ, съ нестроевыми, и до 1600 больныхъ, при 22 орудіяхъ и 12 знаменахъ).

Мая 3-го. Неожиданное нападеніе на селеніе Шелефте и взятіе его войсками графа Шувалова.

20-го. Занятіе графомъ Шуваловымъ Умео.

Мая 22-го. Дѣло при Гернефорсѣ.

Августа 8-го. Дѣло при Ратанѣ.

9-го. Дѣло при Умео, между русскими войсками Эриксона и шведскими графа Вреде

Сентября 5-го. Заключеніе Фридрихсгамскаго мира.

*

Указатель личныхъ именъ.

